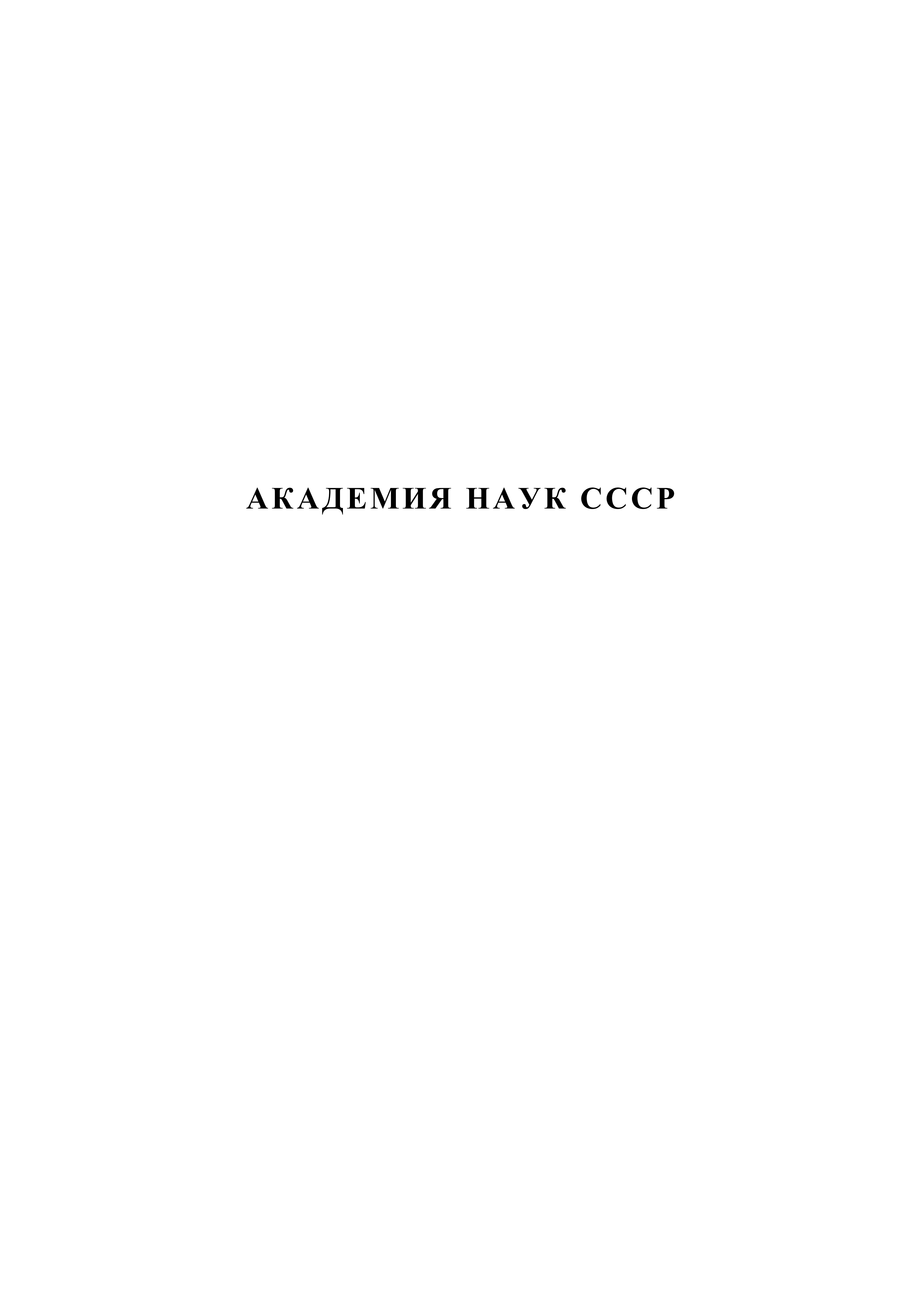

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Главная редакция:

Е. М. ЖУКОВ *(главный редактор),*

Е. С. ВАРГА, В. П. ВОЛГИН, М. Я. ГЕФТЕР, А. А. ГУБЕР, Б. М. КЕДРОВ, М. П. КИМ, С. В. КИСЕЛЁВ, Н. И. КОНРАД, Е. А. КОСМИНСКИЙ, В. В. КУРАСОВ, А. Ф. МИЛЛЕР, И. И. МИНЦ, А. М. ПАНКРАТОВА, Б. Ф. ПОРШНЕВ, Ф. В. ПОТЁМКИН, А. Л. СИДОРОВ, С. Д. СКАЗКИН, В. В.СТРУВЕ, М. Н. ТИХОМИРОВ, А. И. ТЮМЕНЕВ, П. Н. ФЕДОСЕЕВ, Ю. П. ФРАНЦЕВ, В. М. ХВОСТОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА
1955

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ТОМ I

Под редакцией
Ю. П. ФРАНЦЕВА (ответственный редактор),
И. М. ДЬЯКОНОВА, Г. Ф. ИЛЬИНА, С. В. КИСЕЛЁВА, В. В. СТРУВЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА
1955

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ОТ ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ

Издаваемая Академией наук СССР десятитомная «Всемирная история» задумана как первый в марксистской исторической литературе сводный труд, освещающий путь, пройденный человечеством с древнейших времён до современной нам эпохи.

Время для создания такого труда назрело. В распоряжении историков — громадный фактический материал, накопленный в течение веков. Усилиями многих поколений ученых историческая действительность постепенно освобождалась от легенд и вымыслов, от религиозной фантастики, добросовестных заблуждений и «нарочитых искажений. Передовая историческая наука достигла значительных успехов в изучении истории отдельных стран и народов, отдельных эпох всемирной истории. И хотя в различных областях исторической науки остаётся ещё немало неразрешённых и неразработанных проблем, сейчас уже можно свести воедино, обобщить самые существенные её итоги с позиций единственно научного мировоззрения современности — марксизма-ленинизма.

Это важно не только для специалистов-историков. Интерес к прошлому всегда был связан с потребностью людей лучше разобраться в настоящем, понять причины современных им общественных явлений, предвидеть, в каком направлении они будут развиваться в будущем. Но никогда ещё стремление осмыслить ход исторического развития не было столь острым и настойчивым, как в наше время, когда на глазах одного поколения произошли огромные перемены в жизни миллионов людей, в судьбах народов и государств. Изучение истории помогает рабочему классу и всем передовым людям мира познать действие законов общественного развития, вооружает умением правильно использовать эти объективные законы как в освободительной революционной борьбе, так и в строительстве новой, социалистической жизни. В эпоху

когда совершается величайший перелом в мировой истории — преобразование антагонистического классового общества в общество, свободное от всякой эксплуатации, в коммунистическое общество—особенно поучительно обозреть весь путь, закономерно приведший человечество к современной ступени его развития.

Вполне понятен, поэтому возросший интерес к трудам, которые дали бы изображение всемирно-исторического процесса в целом, во всём многообразии форм материального производства, социальных отношений и политической борьбы, развития идеологии и культуры.

Различные попытки создать обобщающие труды по всемирной истории или отдельным её разделам предпринимались задолго до наших дней. Не останавливаясь на первых опытах в этом направлении, начиная с древности, назовём лишь «Всемирные истории» XIX в., принадлежавшие известным немецким историкам Шлоссеру и Веберу, как и менее широкие по своему охвату работы Бокля в Англии и Дрепера в США. Политические и научные позиции этих историков были различны. Но в целом труды их отражали условия своего времени, когда буржуазия и её идеологи ещё верили в прогресс и рассматривали историю человечества как поступательное движение, хотя и сводили его по преимуществу к политическому и умственному развитию главным образом народов Европы.

В конце прошлого и начале нынешнего века характер «Всемирных историй» заметно меняется. Отчасти это вызывалось самим ростом исторического знания. Ряд крупных открытий, особенно в области археологии, раздвинул кругозор исторической науки, позволил ей проникнуть вглубь веков, восстановить облик многих давно исчезнувших цивилизаций. Расширилась и проблематика науки; более сложной стала техника исторического исследования. Место прежних «Всемирных историй», принадлежавших перу одного автора, заняли многотомные коллективные издания [1]. Написанные, как правило, крупными историками-исследователями, эти труды с точки зрения богатства и достоверности фактического материала сохраняют во многих отношениях своё значение и по сей день. Однако на их идейном содержании уже лежит печать новой исторической эпохи — эпохи империализма, характеризующейся усилением реакции в политике и идеологии буржуазии.

---

[1] Таковы, например, «Всеобщая история в монографиях», изданная В. Онкеном («Allge-meine Gcschichte in Einzeldarstellungen», Bd. 1—46, Berlin 1879—1893); «Всеобщая история», под ред. Э. Лависса и А. Рамбо («Histoire generale du IV-me siecle a nos jours», v. 1—12, Paris 1893—1901, русский перевод в 16 томах: 1) «Всеобщая история с IV столетия до нашего времени» в 8 томах, 1897—1903 и 2) «История XIX века» в 8 томах, 1938—1939); «Всемирная история», изданная И. Пфлугк-Гартунгом («Weltgeschichte. Die Enlwicklung der Menschheit und Ceistesleben», Bd. 1—7, Berlin 1907—1925, русский перевод в 3 томах, 1910—1911); «Народы в цивилизации», под ред. Л. Альфана и Ф. Саньяка («Peuples et civilisations. Histoire generale», v. 1—20, Paris 1927—1952); «Всеобщая история», под ред. Г. Глотца («Histoire generale». 1. Histoire ancienne. P. 1—3, Paris 1925—1938; II. Histoire du Moyen age. P. 1—4, 7—9, Paris 1928—1939); «Всемирная история», под ред. В. Гётца («Propylaen-Weltgeschichte», Bd. 1—10, Berlin 1929—1933) и др. Известная «Кембриджская история» состоит из самостоятельных серий, посвящённых древней, средневековой и новой истории в отдельности («The Cambridge ancient history», v. 1—12, 1924—1939; «The Cambridge medieval history», v. 1—8, 1924—1936; «The Cambridge modern history», v. 1—14, 1902—1912).

Начавшийся в это время и постепенно нарастающий кризис буржуазной историографии находит своё выражение в отходе от широких и по-своему цельных историко-философских концепций предшествующей эпохи, а затем и в прямом отказе от идеи исторической закономерности и общественного прогресса. Идеалистический взгляд на ход общественного развития, свойственный буржуазной историографии и на предшествующих этапах, всё более принимает форму откровенного субъективизма в отборе и оценке исторических фактов. «Модными» становятся различные теории, сторонники которых рассматривают историю человечества как неизменное повторение пройденного, периодическое возвращение вспять. Оживают и церковно-теологические концепции, сокрушённые идеологами самой буржуазии в эпоху её восходящего развития.

Эти тенденции современной буржуазной историографии с особенной отчётливостью выступают в изданиях, имеющих целью дать общую картину исторического развития. Показательны в этом отношении некоторые «Всемирные истории», начатые изданием в послевоенные годы. При всём различии концепций и частных выводов их объединяет прежде всего отрицание идеи поступательного развития общества и единства всемирно-исторического процесса [1], лишающее авторов этих трудов возможности дать действительное обобщение истории человечества. Самое построение новейших «Всемирных историй» является в значительной мере произвольным: выделяется какая-либо одна, причём не главная, сторона всемирно-исторического процесса, последний сводится то к истории «мировых империй», то к истории «мировых цивилизаций», «мировых религий» и т. д. Другая характерная черта таких изданий—умаление роли народных масс в истории, антидемократическая тенденция противопоставления «избранного» меньшинства как «творческого» начала— инертной, «безмолвствующей» массе, либо вовсе не способной на самостоятельные действия, либо способной будто бы на одни разрушения.

Если старые буржуазные «Всемирные истории» всё же давали, хотя и далеко не полно, с очевидными и тенденциозными пропусками, историю отдельных стран и народов, то в ряде современных изданий заметно стремление подменить историю народов и стран космополитической историей отдельных, якобы наднациональных «цивилизаций», замкнутых «культурных кругов», имеющих свои особые и неизменные законы, свой «дух» и свою «судьбу». Игнорирование внутреннего развития отдельных стран, их национальной специфики и вклада в общую культуру человечества приводит также к искажённому изображению реального взаимодействия народов и культур в их историческом прошлом. Оно подменяется искусственным и произвольным противопоставлением «морских цивилизаций» — «континентальным», Востока — Западу [2]. Европоцентристские концепции буржуазной историографии, проникнутые духом колониализма, ныне выступают обычно в завуалированном виде, но суть их остаётся прежней.

---

[1] См., например, вводную статью Ф. Керна к десятитомной «Всемирной истории» («Historia Mundi. Ein Handbuch der Weltgeschichte in zehn Banden», Bd 1, Bern 1952), а также предисловие к «Всеобщей истории цивилизаций», написанное редактором этого издания М. Крузе («Histoire generale des civilisations sous la directions do M. Crouzet» v I Paris 1953).

[2] Такая концепция характерна, в частности, для труда Ж. Пиренна «Великие течения всеобщей истории» («Les grands courants de 1'histoire universelle», v. 1—6, Paris 1944—1955).

Среди многих «Всемирных историй», появившихся за последние годы на книжных рынках США и Западной Европы, есть и такие, которые стоят за гранью науки, представляя собой едва прикрытую, а подчас откровенно грубую фальсификацию фактов в угоду наиболее реакционным кругам и во вред жизненным интересам народов.

Однако реакции становится всё более трудным сохранять свои позиции в идеологии и науке капиталистических стран. Современная эпоха — это эпоха великих народных движений, глубокой революционной ломки устоев старого мира, основанного на угнетении и насилии. Новое пробивает себе дорогу во всех областях общественной жизни. Одним из важнейших фактов нашего времени является растущее влияние марксистко-ленинских идей. Во всех странах мира развивается марксистская историческая наука. Но и среди тех учёных, которые ещё далеки от марксизма, есть немало людей, честно стремящихся найти выход из кризиса буржуазной историографии, сохранить традиции добросовестного научного изучения фактов. Сама жизнь, логика борьбы прогрессивных и реакционных сил неминуемо приведёт многих из этих учёных в лагерь передовой исторической науки.

* *
*

Марксистская историческая наука возникла на почве, подготовленной предшествующим развитием передовой общественной мысли и исторического знания. Она опирается на научные достижения прошлого, принимает и учитывает ценные результаты, содержащиеся в конкретных исследованиях представителей современной буржуазной историографии.

В то же время марксистская историческая наука коренным образом отличается от всех направлений немарксистской историографии. Последняя даже в период своего наивысшего подъёма не шла дальше установления и систематизации фактов, освещения отдельных сторон исторического процесса и, несмотря на ряд глубоких наблюдений и верных мыслей, не могла раскрыть объективные закономерности общественного развития, которые определяют весь необычайно сложный и противоречивый ход истории, смену политических учреждений, государств, идеологий, культур.

Маркс и Энгельс впервые распространили материализм на область общественной жизни, создав цельную и законченную, творчески развивающуюся революционную теорию, способную не только объяснить мир, но и послужить орудием его преобразования. Сделанное ими величайшее открытие — материалистическое понимание истории — положило начало исторической науке в подлинном смысле этого слова, науке, исследующей историю человечества как закономерный, движимый внутренними противоречиями процесс развития общества.

Историческая наука изучает всё многообразие событий и явлений прошлого. Но она не смогла бы выделить ведущие процессы и важнейшие исторические явления, показать их взаимосвязь и взаимодействие с фактами и явлениями «вторичного», производного характера, если бы не обладала для этого объективным критерием. Такой критерий дал марксизм, выдвинув и обосновав ту великую научную истину, что основой всей истории человечества является производство материальных благ, развитие производительных сил и производственных отношений людей.

Марксистская историческая наука решительно отвергает при этом вульгарный «экономический материализм», пытающийся непосредственно вывести всё развитие общества из изменения форм хозяйства, объяснить весь ход истории автоматическим действием экономических законов. Творцы марксистско-ленинской теории неизменно указывали, что объективные законы общественного развития действуют не сами по себе, в виде какого-то «фатума», «рока», тяготеющего над людьми. В отличие от законов природы общественные законы осуществляются всецело и исключительно посредством деятельности живых людей, классов, народных масс. От самой численности масс, активно участвующих в историческом движении, от их энергии и инициативы, сознательности и организованности зависит в громадной мере ход общественного прогресса. С изменением экономического строя общества, его базиса, более или менее быстро изменяется и вся возвышающаяся над ним надстройка — государство и право, религия и мораль, общественные идеи, искусство, литература и т. д. Но идеи и политические учреждения не просто отражают развитие экономики. Надстройка — активная сила, оказывающая обратное воздействие на породившие её материальные условия жизни общества.

«Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий,— на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости» процесса» [1].

В основе единого и закономерного исторического процесса лежит последовательная смена общественно-экономических формаций: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, составляющих главные этапы поступательного движения человечества, исторические ступени его пути к высшей, коммунистической формации, первой фазой которой является социализм.

Из признания единства и закономерности всемирно-исторического процесса вытекают и принципы его научной периодизации, принятые, в частности, в настоящем издании. Сохраняя установившееся условное деление всемирной истории на древний мир, средние века, новое и новейшее время, историки-марксисты принимают в качестве рубежей этих наиболее крупных исторических эпох такие выдающиеся события, которые особенно рельефно выражают переход от одной общественно-экономической формации к другой. Хотя такой переход ограничен на первых порах немногими странами, он знаменует собой общий перелом в ходе мировой истории: победа нового строя в передовых странах накладывает глубокий отпечаток на развитие всех остальных.

Самая длительная в истории человечества эпоха господства первобытно-общинного строя сменяется новой эпохой, когда рабовладельческий способ производства утверждается в таких его первоначальных очагах, как Египет, Двуречье,

[1] *В. И. Ленин,* Карл Маркс, Соч., т. 21, стр. 40—41.

долина Инда. Смена рабовладения феодализмом происходила в течение нескольких веков— сначала в Китае, в ряде других стран Азии и в Средиземноморье. Победа буржуазных революций в Западной Европе и Северной Америке расчистила почву для утверждения капиталистического способа производства. Исходным рубежом новейшей эпохи всемирной истории, пришедшей на смену эпохе господства капитализма, явилась победа Великой Октябрьской социалистической революции в СССР.

Такова ведущая линия всемирно-исторического процесса, отнюдь не исключающая громадного разнообразия конкретных форм и путей общественного развития в пределах каждой формации, каждой эпохи всемирной истории. Маркс отмечал, что один и тот же экономический базис, в зависимости от естественно-географических, исторических и иных условий, допускает различные вариации и типы развития. В каждую эпоху более или менее длительное время существуют пережиточные формы предшествующих формаций, а также зачатки новых общественно-экономических отношений, весьма неравномерно вызревающих в отдельных странах. Воссоздавая картину всемирной истории, нельзя не учитывать, наконец, и то, что народы, населяющие земной шар, далеко не одновременно проходили основные стадии развития общества, причём не все народы прошли через все стадии.

Эпоха господства первобытно-общинного строя охватывает самые разнообразные типы древнейших общин и племенных образований, отражающие как различные стадии этой формации, так и местные особенности её развития. Государства древности, даже во время наибольшего распространения рабовладельческих отношений, занимали сравнительно небольшую часть населённой территории. Их окружал огромный мир племен, находившихся на разных ступенях первобытно-общинного строя. Да и сами рабовладельческие отношения выступали в многообразных формах, сохраняя во многих случаях значительные пережитки родоплеменной организации. Феодальный способ производства существовал одновременно уже у значительно большего числа народов, причём целый ряд народов перешёл к феодализму, минуя рабовладельческую формацию (хотя рабство, в том или ином виде, имелось и у этих народов). Однако население целых континентов — Африки, Америки, Австралии — сохраняло и в средние века частью рабовладельческие, частью первобытно-общинные отношения. Капиталистический способ производства также не был единственным и всеобъемлющим. Почти во всех буржуазных государствах Европы существовали (а кое-где поныне существуют) более или менее значительные пережитки феодализма. В подавляющем же большинстве колониальных и полуколониальных стран в той или иной степени сохраняются феодальные и даже дофеодальные отношения. Длительное сосуществование двух общественно-экономических систем—капиталистической и социалистической—составляет характерную особенность новейшей истории.

Всемирная история—прогрессивный процесс. Её движение вперёд определяется прежде всего ростом производительных сил общества, развитием и совершенствованием орудий и средств производства. Мы говорим о «каменном веке» или «железном веке», «веке пара» и «веке электричества», о начинающемся «атомном веке», связывая с этими понятиями последовательные ступени овладения силами природы, обуздания и использования их человеческим обществом. Огромный путь

пройден человечеством с тех незапамятных времён, когда наши предки стали изготовлять первые, грубые и примитивные орудия труда, до сегодняшнего дня, когда не только в промышленности, но и в земледелии ручной труд человека всё больше заменяется мощными и совершенными машинами, когда производство уже в значительной мере основывается на электричестве, а могущество науки и техники позволяет ставить как ближайшую практическую цель — использование неисчерпаемых ресурсов атомной энергии в мирных целях.

Весь этот колоссальный прогресс техники, облегчающий человеческий труд, делающий его с каждой новой ступенью в развитии общества более производительным, сам является результатом труда людей. Во все исторические эпохи люди были и остаются величайшей производительной силой общества. Руками трудящихся созданы все чудеса цивилизации, начиная от оросительных систем древнего Востока и кончая современными заводами-гигантами, мощными электростанциями, скоростными самолётами и многим другим, что ещё недавно считалось лишь плодом фантазии. Деятельность людей труда преобразила лик земли, необычайно расширила освоенную, культурную территорию земного шара, создала по существу новую географическую среду. «Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сами люди бесконечно изменились, и все это благодаря человеческой деятельности...» [1] Накопление производственных навыков и трудового опыта людей являлось на всём протяжении истории одним из главных рычагов развития общественного производства, той почвой, на которой выросла и развилась наука.

Производительные силы не существуют отдельно от общественных отношений, в которые люди вступают в процессе производства. Объективный закон развития общества требует соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

В течение десятков тысячелетий начального этапа человеческой истории отношения между людьми, ещё беззащитными перед лицом природы, неспособными обеспечить себе в одиночку самые примитивные условия существования, определялись совместным трудом, общинной собственностью и отсутствием эксплуатации. Реакционная легенда об «изначальности» частной собственности и других институтов буржуазного общества неоспоримо опровергается всеми данными археологии и этнографии. И только на сравнительно высокой ступени первобытно-общинного строя, в результате появления более совершенных орудий производства, роста производительности и общественного разделения труда, развития обмена,— общая собственность родовой общины заменяется частной собственностью отдельных семей. Имущественное неравенство внутри древних общин, сосредоточение средств производства в руках родоплеменной знати сделали возможным существование одних людей за счёт других.

Общество раскололось на классы, на эксплуататоров и эксплуатируемых. С тех пор в течение многих веков развитие общества совершалось в форме социального антагонизма, угнетения трудящегося большинства имущим меньшинством, обладающим монополией на средства производства. Эта монополия изменяла свою форму с переходом от одной антагонистической формации к другой. Соответственно

---

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, Госполитиздат, 1953, стр. 183.

менялись и формы эксплуатации, формы классового господства. Изменение в положении непосредственных производителей, трудящихся масс, в свою очередь влияло на способность общества к дальнейшему развитию производительных сил. Рабство — первая, самая грубая и жестокая форма эксплуатации, основанная на присвоении личности производителя, на принудительном труде полностью бесправных людей. Основа феодального строя — монопольная собственность феодалов или феодального государства на землю и личная зависимость крестьян от феодалов, формы и степень которой были самыми различными — от близкого к рабству крепостничества до простых оброчных обязательств и сословной неполноправности. В отличие от раба средневековый крестьянин имел своё хозяйство, свои орудия труда и потому был более заинтересован в развитии производства—земледелия и ремесла. Капитализм нуждается в лично свободном работнике. Внеэкономическое принуждение заменяется экономическим: лишённый средств производства пролетарий вынужден «добровольно» продавать свою рабочую силу капиталисту. С превращением рабочей силы в товар, с ростом капиталистического машинного производства неизмеримо увеличиваются и размеры прибавочного продукта, а производство принимает во всё большей мере общественный характер.

Лишь на этом высоком уровне развития производительных сил создаются объективные материальные предпосылки для замены частной собственности коллективной, общенародной собственностью, для уничтожения эксплуатации и эксплуататорских классов, для утверждения новых, социалистических отношений между людьми, открывающих простор неограниченному росту производительных сил, — без антагонистических конфликтов и социальных потрясений.

Исторический прогресс совершался на протяжении веков отнюдь не прямолинейно и не безболезненно. Каждый шаг вперёд рабовладельческого, феодального и капиталистического общества оплачен неисчислимыми жертвами трудящихся масс. В антагонистических формациях рост общественного богатства ведёт к углублению неравенства, накоплению материальных благ в руках имущего меньшинства, росту паразитического потребления господствующих классов; прогрессивный процесс общественного разделения труда порождает вместе с тем противоположность между городом и деревней, глубокий разрыв между умственным и физическим трудом; стихийное развитие производительных сил сопровождается хищнической растратой природных ресурсов. История этих обществ знала полосы застоя, задержки поступательного развития и даже временного возврата вспять, вызванного либо торжеством сил внутренней реакции, либо разрушительными последствиями захватнических войн и иноземных нашествий, либо соединением того и другого.

Социальные противоречия достигают особенной остроты в условиях капитализма — последнего из антагонистических обществ. Погоня за прибавочной стоимостью, за капиталистической прибылью — закон его развития. Погоня за прибылью является двигателем неизмеримо более быстрого по сравнению с предшествующими эпохами роста производительных сил, создания крупной машинной промышленности, развитых путей сообщения, всемирного рынка. И она же порождает экономические кризисы перепроизводства, «стихийные возмущения» производительных сил против частнособственнической оболочки, в которой происходит их развитие.

Победа и утверждение капитализма сопровождаются небывалым по своим масштабам разорением мелких производителей, пополняющих резервную армию труда, громадным увеличением численности обездоленных, лишённых средств существования людей. Непрерывно возрастающее накопление капиталов в руках немногих имеет своей оборотной стороной рост безработицы, абсолютного и относительного обнищания пролетариата. Неизбежными спутниками капитализма являются войны, колониальные захваты, превращение порабощённых стран в рынки сбыта, источники сырья и дешёвой рабочей силы для горстки промышленно развитых государств.

Капиталистический способ производства, утвердившийся в наиболее развитых странах Европы и Америки в конце XVIII и начале XIX в., уже к концу прошлого столетия и началу нынешнего переходит в свою последнюю, империалистическую стадию, характеризующуюся загниванием и упадком всей капиталистической системы. Громадных размеров достигла концентрация производства и капиталов. Свободная конкуренция отдельных капиталистов сменяется господством монополий, подчиняющих развитие общественного производства интересам извлечения наивысших прибылей. Усиливается обнищание пролетариата, разорение крупным капиталом средних слоев общества — крестьян, мелкой буржуазии. Увеличивается разрушительная сила экономических кризисов, растёт тяжкое бремя массовой безработицы. «Избыточные» капиталы — избыточные лишь в условиях нищеты масс и растущего отставания земледелия от промышленности — устремляются из метрополий в колонии, в зависимые, экономически ослабленные страны, эксплуатация которых становится одним из важнейших источников обогащения финансовой олигархии. Резко возрастает неравномерность развития капитализма. Переход к империализму неизбежно ведёт поэтому к нарастанию внешней экспансии, борьбы капиталистических держав за передел мира. Столкновения сильнейших империалистических группировок, жаждущих мирового господства, втягивают человечество в кровопролитные мировые войны.

«Гигантский прогресс техники вообще, путей сообщения особенно, колоссальный рост капитала и банков сделали то, что капитализм дозрел и перезрел. Он пережил себя. Он стал реакционнейшей задержкой человеческого развития» [1].

В этом проявляется общая закономерность развития не только капиталистической, но и предшествовавших ей антагонистических формаций. Все они последовательно прошли стадию зарождения в недрах старого строя, стадию своего утверждения, подъёма и расцвета, стадию упадка, кризиса и умирания. Господствующие производственные отношения, которые в период победы и укрепления данного строя были главным двигателем производительных сил, превращаются со временем в их оковы. В этих условиях с особенной силой проявляется роль передовых классов, олицетворяющих новые, более прогрессивные производственные отношения и выступающих против реакционных классов, которые упорно отстаивают сохранение своей монополии на средства производства, своего экономического и политического господства.

Со времени появления частной собственности и эксплуатации человека человеком вся история была историей борьбы классов. Каждому из основных этапов раз-

[1] *В. И. Ленин,* Ответ на вопросы американского журналиста. Соч., т. 29, стр. 478.

вития общества соответствуют определённые типы классовых противоречий и характерные формы борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров. В древнем обществе — это борьба рабов против рабовладельцев, борьба мелких свободных производителей против крупных землевладельцев. В феодальном обществе — это борьба крестьян против светских и духовных феодалов, борьба ремесленников и городского плебса против феодальных сеньоров и против цеховой и купеческой верхушки средневековых городов.

С возникновением капитализма на арену всемирной истории выходит новый, последовательно революционный класс, антипод буржуазии — пролетариат. Его развитие связано с самой прогрессивной формой хозяйства — крупным производством, сплачивающим и объединяющим трудящихся в таких масштабах, какие немыслимы были в прошлые исторические эпохи. По своему объективному положению пролетариат призван не только ликвидировать ту или иную конкретную форму гнёта, но и упразднить всякий гнёт; он может освободить себя, лишь освободив всё общество. Пролетариат — первый угнетённый, эксплуатируемый класс, способный стать руководителем, вождём народных масс, гегемоном революции. Эта возможность реализуется им в длительном процессе классовой борьбы, развития международного рабочего движения, в результате политического и идейного обособления от буржуазии и сплочения авангарда рабочего класса в самостоятельную политическую партию, опирающуюся на революционные идеи научного социализма. От стихийных бунтов до сознательной, организованной в общенациональных масштабах классовой борьбы, от первых стачек до победоносной социалистической революции, от малочисленного «Союза коммунистов», созданного Марксом и Энгельсом накануне революции 1848 г., до массовых коммунистических и рабочих партий, ведущих за собой сотни миллионов людей во всём мире,— таков исторический путь борьбы пролетариата.

Классовая борьба пронизывает всю жизнь антагонистических обществ, выступая то в виде прямых столкновений классов, то в завуалированной форме, прикрытой сословными и иными делениями, облачённой в идеологические, религиозные и прочие одеяния. При всём своеобразии борьбы классов в отдельные исторические эпохи эта борьба всегда являлась в конечном счёте борьбой политической, которая неизбежно приводит в своём развитии к переходу власти из рук одного класса в руки другого класса, к коренному изменению политического, государственного строя.

Государство возникло ещё в глубокой древности, вместе с разделением общества на классы. Чтобы закрепить господствующее положение имущей верхушки, принудить большую часть общества к систематической работе на меньшую его часть, чтобы держать в подчинении рабов и непрерывно пополнять их число, прежде всего путём захватнических походов и войн, для этого нужен был постоянный аппарат власти, обладающий материальными средствами принуждения и насилия. Так развилось государство, «частью преобразуя органы родового строя, частью вытесняя их путем внедрения новых органов на их место и, наконец, полностью заменяя их настоящими органами государственной власти» [1].

[1] *Ф. Энгельс,* Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 111.

Конкретные исторические типы и формы государства даже в пределах одной формации весьма многообразны. В зависимости от стадии развития того или иного общества, особенностей его экономического базиса, уровня классовой борьбы, исторически менявшихся внешних условий его существования претерпевал большие или меньшие изменения и политический строй данного общества.

Уже в рабовладельческую эпоху возникают такие формы государственного строя, как монархия и республика, власть аристократии и рабовладельческая демократия. При этом объективное историческое значение различных государственных форм было неодинаковым как в древности, так и в последующие эпохи. Так, в позднефеодальном обществе централизованная монархия играла прогрессивную роль в борьбе с феодальной раздроблённостью, способствуя экономической и национальной консолидации общества. Большим завоеванием капиталистической эпохи по сравнению с феодальной было появление буржуазно-демократической, парламентарной республики.

Но при всех изменениях политических форм государства его классовая суть в антагонистических обществах состояла всегда в обеспечении господства эксплуататоров. Его главная функция — держать в узде эксплуатируемых, подавлять любую их попытку добиться своего освобождения. И чем сильнее размах освободительной, революционной борьбы масс, чем явственнее признаки упадка того или иного классового общества, тем чаще прибегают господствующие классы к наиболее острым средствам государственного насилия, призванным возместить ослабление обычных приёмов и форм эксплуатации. Так было уже в древности, в периоды кризиса рабовладельческих обществ. Так было и на исходе феодальной эпохи, когда политическое господство дворянско-помещичьего класса приняло в ряде стран форму абсолютизма. Вступление капиталистического мира в его последнюю, империалистическую стадию приводит к глубоким политическим сдвигам, суть которых (при всём многообразии их проявлении) — в повороте от буржуазной демократии к реакции, в росте военно-бюрократической государственной машины во всех без исключения капиталистических странах, в наступлении на демократические права трудящихся масс. Эти реакционные тенденции в одних случаях прикрываются сохранением традиционных буржуазно-парламентских институтов, в других же — в условиях крайнего обострения классовой борьбы и непосредственной угрозы для политического господства буржуазии — проявляются в прямом отказе её от «законных» форм и методов управления, в открытом установлении террористической диктатуры фашистского типа.

Весь опыт истории подтверждает коренное марксистско-ленинское положение: покончить с господством эксплуататоров можно только путём социальной революции, слома государственной машины господствующих классов и перехода политической власти в руки трудящихся.

Революция есть закономерный итог и высшая форма той непрерывной — то явной, то скрытой — борьбы угнетённых против угнетателей, которая происходит в недрах антагонистических обществ. Вызванные к жизни неодолимыми материальными, экономическими процессами, революции призваны разрешить коренной общественный конфликт — между новыми производительными силами и устаревшими производственными отношениями. Старые формы общественных отношений не отмирают сами.

Сломить сопротивление отживающих классов может только могучий натиск широчайших масс. «Если весь народ вздохнёт — будет буря, если весь народ топнет — будет землетрясение»,— гласит китайская пословица.

В революционные периоды, как показывает весь ход всемирной истории, человечество делает особенно быстрые шаги вперёд. В эти периоды с наибольшей силой проявляются инициатива и творческая энергия масс, в наибольшей мере сказывается историческая роль тех общественных и политических деятелей, которые выражают интересы народных масс и отчётливо понимают потребности своего времени. Даже в тех случаях, когда в силу незрелости исторических условий и слабости руководства, распылённости и несознательности масс их движение не могло одержать полной и решительной победы, оно расшатывало самые основы господствующего общественного строя и ускоряло его гибель.

Падение крупнейшего государства рабовладельческой эпохи — Римской империи — было подготовлено восстаниями рабов и колонов, которые длились с неутихающей силой два-три столетия и соединились с натиском извне, с ударами, наносимыми германскими, славянскими и другими племенами.

Крестьянские восстания и движения масс городской бедноты ослабляли феодально-абсолютистские режимы средневековья. Они подготовили и облегчили победу буржуазных революций — нидерландской XVI в., английской XVII в., французской революции конца XVIII в., в ходе которых (особенно французской революции) борьба крестьянских масс играла громадную роль. Эпоха крушения феодализма была вместе с тем эпохой крупнейших национальных движений и справедливых национальных войн, направленных против чужеземного ига. В эту эпоху завершилось складывание многих буржуазных наций и национальных государств в Европе и Америке.

Народные массы были решающей силой великих революционных и национальных движений конца XVIII и всего XIX в. Они завоевали независимость Североамериканских штатов, отстояли революционную Францию от интервенции европейских монархий. На равнинах России, в горах Испании, на полях Германии народы сокрушили империю Наполеона. Без длительной и упорной борьбы демократических сил были бы невозможны освобождение Италии от иноземного гнёта и феодальных династий, объединение немецких земель в едином государстве. Народными массами вписаны незабываемые страницы в историю борьбы за освобождение Юго-Восточной Европы от ига османской и габсбургской империй.

Во главе движения против феодализма и национального гнёта в большинстве стран стояла тогда буржуазия — молодой, восходящий класс, ещё не боявшийся опираться на «низы». «Нельзя быть марксистом,— писал В. И. Ленин,— не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом» [1].

Во всех революционных переворотах, происходивших до пролетарской революции, трудящиеся выполняли главным образом задачу разрушения старого способа

[1] *В. И. Ленин,* Крах II Интернационала, Соч., т. 21, стр. 197.

эксплуатации; плоды их борьбы, их усилий и жертв доставались в конечном счёте не им, а новым угнетателям. Это не значит, что смена открытого рабства крепостничеством, а последнего—капиталистической эксплуатацией была безразлична для трудящихся. При всей условности и ограниченности прав, приобретаемых ими в феодальном и капиталистическом обществах, эти права расширяли и облегчали возможности классовой борьбы против эксплуататоров. И если победившая, утвердившая своё политическое господство буржуазия вступает в союз с вчерашними врагами, со всеми реакционными силами против пролетариата, то последний отстаивает прогрессивные завоевания буржуазных революций, во многих случаях принуждая буржуазию претворять в жизнь провозглашённые ею антифеодальные лозунги и последовательнее осуществлять буржуазную демократию.

В антагонистических формациях угнетённые классы, отстранённые в большей или меньшей мере от политической жизни, не принимают, за исключением кратковременных периодов революционных потрясений, непосредственного и прямого участия в изменениях политической и правовой «надстройки» общества. Но эти изменения всегда имели своим самым глубоким источником сопротивление трудящихся гнёту и эксплуатации. Даже ограниченные и постепенные реформы, осуществляемые верхами, являются, как правило, побочными продуктами классовой, революционной борьбы и могут быть правильно, научно объяснены лишь с учётом этого главного фактора. Им же определяется в громадной мере и всё развитие идеологии и культуры.

Господство определённого класса — рабовладельцев, феодалов, буржуазии — в области материального производства вело и к господству в духовной жизни общества идей этого класса, которые он прямо или косвенно навязывает народу через школу и церковь, науку и искусство, а в новое время при помощи таких мощных средств воздействия, как печать, радио и т. д. Но, чтобы подчинить угнетённые классы влиянию своих идей и тем самым укрепить своё господство, имущие классы вынуждены так или иначе искать пути к сознанию масс, изыскивать более гибкие «тонкие» формы духовного порабощения народа. С этим связана, в частности, большая роль, которую играет во всех антагонистических формациях религия, закрепляющая и освящающая социальную придавленность трудящихся масс.

В обществе, основанном на эксплуатации, трудящиеся лишены элементарных условий, необходимых для развития личности, для систематического участия в научной и художественной деятельности. Важнейшие из этих условий — наличие досуга и образование — были привилегией имущих классов. Развитие науки и культуры совершалось за счёт народа, за счёт его подневольного труда.

Это не значит, однако, что духовная жизнь общества развивалась только по одному руслу, что общественное сознание и культура каждой эпохи исчерпывались господствующей идеологией. Рядом с ней и, в значительной мере, в противовес ей существовала и развивалась народная струя в культуре — в виде ли фольклора и других форм художественного творчества, в виде ли исторических преданий, религиозных «ересей», социальных утопий, в которых при всей их условности отражались собственные представления трудящихся масс о прошлом и не осознанные ещё стремления к справедливому общественному строю. Но не только эти специфические

формы культуры народных масс, — всё многовековое развитие духовной культуры» вплоть до самых высоких и совершенных её форм, происходило в конечном счёте на почве народных традиций, на основе созданного народом языка. То, что в народе живёт как возможность, в гении является как действительность, — говорил великий русский мыслитель В. Г. Белинский. Лучшие творения культуры всегда отражали мысли и чувства, страдания и чаяния народных масс.

Развитие научного мышления и художественного реализма, весь прогресс культуры в целом совершался в борьбе против идеологии рабства, крепостничества, капитализма, в сложной и многообразной связи с освободительным движением и классовой борьбой, угнетённых против угнетателей, причём особенности исторического развития каждого народа порождали национальную самобытность его культуры.

Нарастание демократических и социалистических элементов в общественном сознании, сопутствовавшее в новое время развитию пролетариата, подготовило величайший революционный переворот в истории культуры и освободительной борьбы человечества — возникновение научного социализма. В условиях развитой классовой борьбы в недрах капиталистического общества определилось размежевание двух культур внутри каждой национальной культуры — социалистической культуры пролетариата, трудящихся масс, наследующих все духовные богатства, созданные человечеством, и реакционной культуры господствующих классов, которые, разрывая с народом, неизбежно разрывают связь и с прогрессивными традициями прошлого.

Если даже под гнётом рабства, крепостничества, капитализма освободительная борьба и творческая деятельность масс явились основой поступательного движения человечества, то во всей силе и полноте решающая роль народа как творца истории выступает в эпоху крушения капитализма и утверждения социалистического общественного строя.

Эту новую эру в истории человечества, подготовленную всем его предшествующим развитием, открыла Великая Октябрьская революция 1917 г. Впервые революция совершилась не только силами народа, но и для народа. Впервые после кратковременной героической эпопеи Парижской Коммуны 1871 г. прочно утвердилась диктатура пролетариата, выражающего интересы широчайших трудящихся масс. Вместе с Октябрьской революцией родился новый тип государства, основанный на самом активном, открытом и непосредственном участии простых людей — рабочих и крестьян — в управлении страной, в решении государственных дел. Лишь благодаря Советам, отмечал В.И. Ленин, удалось в России то, что не удавалось ни в одной из европейских революций: народ выдвинул и дал опору подлинно народному правительству.

В отличие от буржуазных революций, которые завершались взятием власти, для пролетарской революции переход власти в руки рабочего класса является лишь началом целой полосы коренных общественных преобразований. Обобществление основных средств производства и превращение их в собственность народа, конфискация помещичьих земель и передача их в безвозмездное пользование крестьянства заложили прочную основу строительства новой, социалистической экономики СССР. Только на этой основе оказалось возможным осуществление в невиданно корот-

кие сроки гигантской программы индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Только на путях социализма удалось ликвидировать вековую отсталость дореволюционной России, отстоять независимость страны в условиях капиталистического окружения, экономической блокады и вооружённых нашествий империалистических государств.

Социализм принёс народам Советского Союза избавление от кризисов и безработицы. В социалистическом обществе в корне меняется объективная цель производства, направляемого отныне на максимальное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей людей. Изменение экономического базиса общества ведёт за собой и изменение его классовой структуры: ликвидацию эксплуататорских классов и причин, порождающих их, превращение пролетариата и крестьянства в новые по своему положению в производстве, по своему политическому и духовному облику классы социалистического общества.

Ещё в конце XIX—начале XX в. В. И. Ленин, развивая идеи основоположников научного коммунизма, раскрыл историческую роль союза рабочего класса и крестьянства — великой общественной силы, которая способна сломить сильнейшее сопротивление отживающих классов и обеспечить простор для развития производительных сил общества. Россия была первой страной, где возник и укрепился союз двух самых больших классов современного общества. Закалённый в революционных боях, в процессе социалистического строительства, в суровых испытаниях Великой Отечественной войны союз рабочего класса и крестьянства является основой прочности и незыблемости советского строя.

Одним из важнейших исторических результатов пролетарской революции является решение национального вопроса. На месте царской империи — «тюрьмы народов» — возник добровольный союз наций и народностей, объединившихся на равных началах в едином социалистическом государстве. Советское государство, решительно и безоговорочно отменив все национальные привилегии и ограничения, последовательно осуществляло политику ликвидации фактического неравенства наций, преодоления экономической и культурной отсталости многих угнетавшихся царизмом народов России, превращения их в передовые, социалистические нации. Победа советской национальной политики есть вместе с тем торжество идеологии дружбы народов, воплощение в жизнь принципов пролетарского интернационализма.

Социалистическая революция кладёт конец монополии имущего меньшинства на знания и пользование благами культуры, открывает возможность для развития на самой широкой основе подлинно народной культуры, продолжающей лучшие национальные традиции и обогащающей их новым идейным содержанием. Морально-политическое единство советского общества воплощается в единстве цели—построении коммунизма, в единстве марксистско-ленинского научного мировоззрения, которым руководствуется Коммунистическая партия — ведущая, направляющая сила общества, его коллективный разум и концентрированная воля. Возглавляемые Коммунистической партией, неразрывно связанной с массами и опирающейся на них, трудящиеся образуют при социализме монолитную силу, способную преодолевать любые трудности, совершать величайшие исторические деяния.

Весь исторический путь, пройденный Советской страной, воочию доказал, что новый экономический и политический строй — социализм — является лучшей формой внутренней организации современного общества.

Самое существование Советского Союза, его опыт и пример оказывают глубочайшее воздействие на весь ход новейшей истории, облегчая и ускоряя освобождение трудящихся масс в странах капитала, ликвидацию бесчеловечного колониального гнета, утверждение национальной и государственной независимости порабощённых империализмом стран.

Объективный ход истории таков, что раздираемая внутренними противоречиями и межимпериалистскими конфликтами капиталистическая система уже не в состоянии сохранить своё былое господство: капитализм, вступивший в полосу своего общего кризиса, перестал быть с 1917 г. единой и всеобъемлющей общественной системой. Рядом с ним развивается и укрепляется молодая социалистическая система. Народно-демократические революции, победившие после второй мировой войны в ряде стран Европы и Азии, изменили картину мира. Теперь уже вместо одного изолированного социалистического государства, прокладывавшего ещё не изведанные пути в истории, существует могучий лагерь социализма, объединяющий более трети человечества. Одним из величайших факторов современной истории является превращение 600-миллионного Китая из полуколониальной и полуфеодальной, экономически зависимой, раздроблённой страны в единое народное государство, успешно идущее вперёд по пути социалистического прогресса. Жизнь подтверждает на каждом шагу одно из коренных положений ленинизма: все нации неизбежно придут к социализму, причём каждая из них внесёт своеобразие в конкретные формы диктатуры пролетариата, формы социалистической демократии, в темпы социалистических преобразований разных сторон общественной жизни.

С исторической вышки середины XX в. яснее видны пути и тенденции развития всемирной истории предшествующих эпох, их закономерная и преемственная связь с современностью. Достижения передовой науки позволяют в новом свете рассмотреть историю многих народов, которые буржуазная историография обычно игнорирует или рассматривает лишь как объект политики великих держав.

В наши дни, когда многие народы Азии, создатели таких древнейших культур, как китайская и индийская, вновь обрели возможность самостоятельного государственного существования, возможность развивать свои прогрессивные национальные традиции, особенно нелепыми выглядят басни о «вековом сне» стран Востока, которые якобы вообще не имели истории в собственном смысле слова. Место экзотического Востока, рассматриваемого буржуазной историографией как антипод Запада, должен занять в исторических трудах реальный Восток со всем своеобразием развития отдельных стран и народов, с их огромной ролью в различные эпохи всемирной истории, в том числе и в новое и в новейшее время. Не менее очевидна необходимость широкого и углублённого изучения истории народов Латинской Америки и народов Африки.

Объективное изображение правильной картины всемирной истории невозможно без раскрытия места в ней славянских народов, истории их многовековой освободительной борьбы и богатой самобытной культуры.

Односторонность подавляющего большинства буржуазных «Всемирных историй» проявляется, в частности, в недооценке или ложном освещении роли России. Эта роль была достаточно велика и в прошлые эпохи всемирной истории. Но особенно выросла она в конце XIX— начале XX в., когда в Россию передвинулся центр мирового революционного движения, центр творческого марксизма, поднятого гением Ленина на новую, высшую ступень. Под знаком русской революции 1905— 1007гг.—первой народной революции эпохи империализма,—революции, оказавшей громадное влияние на рабочее движение Европы и освободительную борьбу народов Азии,—начался новый, XX век. Тот объективный факт, что именно Россия явилась первой в истории страной, где совершилась победоносная социалистическая революция, страной, спасшей в годы смертельной схватки с фашизмом европейскую и мировую цивилизацию, обязывает вскрыть исторические корни и предпосылки этих величайших событий, наложивших печать на судьбы всех народов мира.

Общей тенденцией исторического развития человечества является нарастание взаимосвязи народов и стран. Даже первобытные общины при всей их обособленности не были абсолютно изолированы. На первых порах связи между ними носили случайный, спорадический характер, но постепенно приобретали форму более или менее регулярных сношений. В рабовладельческую и феодальную эпохи хозяйственные и культурные связи значительно расширяются. Караванная и морская торговля соединяла между собой подчас самые отдалённые страны и народы. Но разобщённость их была всё ещё очень велика. Лишь развитие капитализма придало производству и обмену международный характер, породив мировой рынок и международное разделение труда. В этом смысле всемирная история — не только общий, закономерный процесс развития человечества, но и результат этого процесса.

Судьбы отдельных народов тесно переплетены и зависят друг от друга. Изучение истории, особенно нового и новейшего времени, невозможно без учёта всё возрастающего значения международных отношений, рассматриваемых не в узко-дипломатическом плане, а в неразрывной связи с коренными экономическими и социально-политическими проблемами.

В антагонистических формациях рост взаимосвязей народов и стран носил глубоко противоречивый и в громадной мере насильственный характер. Древние цивилизации были созданы трудом не только народных масс самих рабовладельческих государств, но и соседних племён и народов, служивших неисчерпаемым резервуаром живой силы—рабов. На протяжении многих тысячелетий неэквивалентная торговля между странами, находящимися на разных ступенях экономического развития, представляла собой форму перекачки накопленного труда, нередко переходившую в открытый грабёж. Насилием держались рабовладельческие и феодальные империи, представлявшие собой, как правило, неустойчивые объединения, конгломераты множества народов и племён, стремившихся сбросить иго угнетателей и отстоять своё самостоятельное существование. При капитализме экономическое сближение различных стран и континентов, рост мирового разделения труда принимают форму жестокого колониального гнёта, эксплуатации слабых и зависимых стран, обрекающей на отсталость и замедленное развитие значительную часть человечества.

Социалистический строй открывает возможности политического и хозяйственного, идейного и культурного сближения всех народов — больших и малых, на принципиально иной, равноправной основе. Всестороннее сотрудничество и взаимная помощь народов Советской страны, характер экономических, политических и культурных отношений между СССР и другими странами лагеря социализма свидетельствуют о возникновении совершенно новых, высших форм взаимосвязи между народами.

Социалистическим государствам по самой природе их присуща и новая внешняя политика, основанная на уважении национальной независимости и суверенитета всех народов и стран, на ленинском принципе мирного сосуществования и экономического соревнования различных общественных систем. Этой политике неизменно следует Советская власть, начиная с её первого исторического декрета о мире. Активная и последовательная политика мира, которую ведут в сложных послевоенных условиях Советский Союз, Китайская Народная Республика, весь социалистический лагерь, выражает волю народов, поднявшихся на борьбу за мир во всём мире.

Историческим лозунгом нашего времени стали знаменитые слова И. В. Сталина: «Мир будет сохранён и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца» [1].

Главный итог всего исторического пути, пройденного человеческим обществом, состоит в том, что в переживаемую нами эпоху оно располагает всеми объективными условиями для того, чтобы покончить навсегда с эксплуатацией, нищетой, социальным и национальным неравенством, с войнами и вооружёнными конфликтами между государствами и народами, чтобы обеспечить каждому человеку и каждому народу, пне зависимости от цвета кожи, географических и иных условий, возможность пользоваться всеми благами современной цивилизации. Созрели и могучие общественные силы, способные осуществить эти великие задачи. Народы Земли уже иступили в новую эру, по отношению к которой все предшествующие эпохи могут быть названы предысторией человечества.

* *
*

Предлагаемая вниманию читателей «Всемирная история» состоит из десяти томов: первые два посвящены истории первобытного общества и древнего мира (до IV—V вв. н. э.), III и IV тома — истории средних веков (V в.— середина XVII в.), V, VI и VII тома — новой истории - (от английской революции XVII в. до Великой Октябрьской социалистической революции), и, наконец, последние три тома охватывают события новейшей истории — вплоть до окончания второй мировой войны.

Данное издание является результатом работы большого коллектива советских учёных — сотрудников исторических институтов Академии наук СССР и других научных учреждений страны, профессоров и преподавателей высших учебных заведений.

Авторский коллектив стремился отразить достижения советской и передовой зарубежной исторической науки. Настоящий труд не претендует на исчерпывающую

---

[1] *И. В. Сталин,* Беседа с корреспондентом «Правды», Госполитиздат, 1951, стр. 14.

полноту и окончательность выводов по всем проблемам всемирной истории. Наличие в науке различных точек зрения по отдельным ещё спорным вопросам в наиболее важных случаях специально оговаривается в тексте.

Из огромного числа многообразных исторических фактов в томах «Всемирной истории» освещены наиболее важные, позволяющие дать цельную картину всемирно-исторического процесса в рамках данной эпохи с учётом своеобразия этого процесса в отдельных странах. Авторы и редакторы настоящего издания хорошо сознают всю сложность и трудность этой задачи, решения которой нельзя достигнуть сразу и в полной мере.

Коллектив составителей «Всемирной истории» выражает глубокую признательность многочисленным представителям советской научной общественности, нашим коллегам — учёным Китая и других стран народной демократии, ценные критические замечания и советы которых учтены при подготовке настоящего издания.

Главная редакция «Всемирной истории» надеется, что выход данного труда будет способствовать распространению исторических знаний и расширению международных научных и культурных связей, послужит благородному делу борьбы за мир, демократию и социализм.

ТОМ I

ВВЕДЕНИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ

В первом томе «Всемирной истории» освещается древнейшая история человечества: возникновение первобытно-общинного строя, господствовавшего на протяжении многих тысячелетий, смена этой первой общественно-экономической формации рабовладельческим строем, возникающим сначала в немногих странах, тогда как большинство человечества ещё продолжало жить в условиях первобытно-общинного строя, история рабовладельческих обществ и первобытных племён до середины I тысячелетия до н. э.

К эпохам, рассматриваемым в этом томе, восходят первые успехи человека в борьбе с природой, истоки культуры и цивилизации. Без изучения этих ранних эпох человеческой истории невозможно выяснить закономерности развития общества, нельзя составить правильное представление о пути прогрессивного развития человечества, понять историю современных народов.

События истории человечества, происходившие в глубине веков, восстанавливаются усилиями поколений учёных-историков. Значительное место здесь принадлежит археологии, изучающей материальные памятники древности. Огромное значение имеют успехи филологии, этнографии и многих других общественных наук.

Начало изучению древней истории человечества было положено ещё в эпоху Возрождения, на заре капиталистического развития Европы. Передовые мыслители того времени, борясь с мёртвой схоластикой и религиозной идеологией средневековья, противопоставляли им культурное наследие античности, забытое и искажённое в средние века. Появился живой интерес к памятникам древности: разыскивались рукописи древних авторов, заступ археолога стал добывать из-под земли древние статуи, откапывать остатки зданий, памятники различных видов искусства.

В XVIII в. трудами мыслителей и учёных-просветителей представления о древнейших ступенях развития общества были значительно расширены. Ряд замечательных идей и догадок, высказанных в ту пору, получил затем подтверждение в открытиях последующего, XIX в., когда вместе со значительным прогрессом в области естествознания и других наук, в тесной связи с успехами научного, материалистического мировоззрения развивается и изучение древности.

Далеко шагнула вперёд археология. Учёные обнаружили каменные орудия древнейшего человека, жившего сотни тысяч лет назад. Труды Мортилье и других передовых учёных доказали беспочвенность церковной легенды о «сотворении» человека 6 тыс. лет назад и воссоздали картину каменного века в истории человечества. Идеи Дарвина, доказавшего единство и прогрессивное развитие органического мира, получили блестящее подтверждение в находке голландским учёным Э. Дюбуа останков предка современного человека — питекантропа (обезьяночеловека), стоявшего ещё на грани животного и человеческого мира.

В течение XIX и первой половины XX в. археологические исследования охватывают почти все страны мира. Открытие китайским учёным Пэй Вэнь-чжуном останков синантропа — древнейшего человека, занимавшего следующую после питекантропа ступень в развитии человека как биологического вида,— открытия выдающегося русского археолога В. А. Городцова, раскопки советских учёных в Средней Азии и Закавказье, на Украине и в глубине Сибири, обнаружившие замечательные культуры древних предков народов Советского Союза,—всё это вместе с многочисленными данными археологических исследований во всех странах мира составляет ту основу, на которой может быть воссоздана ныне история первобытного общества.

Неоценимую роль в изучении общественного строя людей в эпоху, от которой не сохранилось письменных памятников, сыграла также этнография, открытия и труды таких выдающихся учёных, как Морган, Миклухо-Маклай и многие другие.

С каждым новым шагом науки выяснялся тот вклад в человеческую культуру, который внесли народы глубокой древности. В этом отношении XIX в. положил начало целой полосе блестящих открытий. В начале века впервые были составлены научные описания древних храмов и гробниц, развалины которых до сих пор возвышаются в Египте. В 40-х годах начались раскопки городов древней Ассирии, в 90-х годах была открыта культура шумеров — древнейшего известного нам населения долины Тигра и Евфрата. Несколько ранее энтузиасту древней истории Шлиману удалось в Малой Азии и Греции обнаружить остатки прославленных в греческих сказаниях городов Трои и Микен; начало XX в. ознаменовалось открытием древней культуры на острове Крит. Советскими исследователями открыты очаги древнейшей цивилизации в Средней Азии и Закавказье. С тех пор археологические открытия в области древнейших обществ Востока и Средиземноморья следуют одно за другим.

Но история древнейших государств не могла бы быть исследована без расшифровки древних, забытых последующими поколениями письмен, а также без изучения древних языков человечества. Гениальное открытие французского учёного Шампольона дало возможность разгадать тайну древнеегипетской письменности и положило начало изучению языка древних египтян; к середине XIX в. усилиями ряда ученых была прочитана древняя письменность народов Передней Азии — клинопись — и заложены основы для изучения их языков; в XX в. чешский учёный Грозный истолковал язык древних хеттов; уже в наши дни усилиями многих учёных, и в том числе болгарского учёного Георгиева и особенно английских учёных Вентриса и Чэдвика, наука подошла к разгадке письмен эгейской цивилизации; ряд советских и зарубежных учёных сделал доступным понимание языка древнейшего государства, являвшегося частью территории нашей Родины,—Урарту. Усилиями главным образом китайских учёных изучаются древнейшие письмена,

из которых развилось современное письмо китайского народа. В Китае, а также в Индии успешно ведутся исследования по древнейшей истории этих стран.

Лучшие традиции передовой русской и мировой науки в области изучения древности усвоены и продолжены на новой основе советскими учёными. В Академии наук СССР, академиях союзных республик, в университетах, институтах и музеях Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза изучаются языки, письменность, история и культура древнего мира, в особенности древняя история народов нашей страны. Ведутся археологические исследования, охватившие огромную территорию и давшие ряд ценных результатов в самых различных областях.

Сейчас, пожалуй, как никогда в прошлом, перед историками открыта возможность использования многообразных письменных и археологических источников для воссоздания картины древнейших этапов истории.

Первые значительные попытки дать обобщённую историю древнейших цивилизаций на основе новых данных археологии и филологии относятся к концу XIX и началу XX в. (труды французского учёного Г. Масперо, немецкого учёного Э. Мейера, русского учёного Б. А. Тураева и др.). Однако эти труды, основанные на изучении большого материала источников, освещали факты в духе ненаучного, идеалистического мировоззрения. Авторы их не сумели дать правильный ответ на коренные вопросы истории древнего мира, не смогли раскрыть природу его социально-экономического строя, характер господствовавших общественных отношений, которые определяли весь ход развития отдельных обществ, несмотря на многообразие форм этого развития, различия в политическом устройстве, формах идеологии и т. д.

Если в прошлом, в период своего подъёма, буржуазная историография сделала существенный шаг вперёд в понимании древнейших ступеней развития общества, то современная буржуазная историография, несмотря на наличие целого ряда частных достижений и открытий, испытывает глубочайший кризис. Он проявляется прежде всего в отказе многих буржуазных учёных от идеи общественного прогресса, причинной обусловленности исторических явлений, от идеи закономерности исторического развития.

История древнего мира изображается реакционными авторами как хаотическая смена отдельных обществ, вызванная отчасти случайными обстоятельствами, отчасти проявлениями некоего «духа», носителем которого объявляются определённые народы и расы. Некоторые «теоретики» приписывают при этом ведущую роль в древней истории передвижениям этнических масс, приводящим к поочерёдному господству то одной, то другой расы: одним из них будто бы искони присуща идея развития, другим — в особенности восточным народам — якобы присуща идея неподвижности, покорности судьбе и предержащим властям; одни расы будто бы способны к развитию, другие — не способны. Одно из реакционнейших, фашистских учений — так называемая «геополитика» — утверждает, что характер общественного строя зависит от взаимодействия «духа», якобы свойственного определённым расам, с присущим каждой данной расе «жизненным пространством».

Такое извращённое понимание истории в корне противоречит историческим фактам. Исторические данные свидетельствуют, что внешние особенности человека — цвет кожи, форма лица и головы, состав крови и т. п.— не играют и не могут играть никакой роли в общественном развитии. Одни и те же расы и народы, в зависимости от различных условий, могут находиться и на более низком и на более высоком уровне развития, причём низшие формы общественного развития сменяются высшими. При равных условиях люди различных рас и языков могут достигнуть и достигают равного уровня общественного развития. История неопровержимо свидетельствует о том, что нет народов от природы передовых и отсталых.

Другие проводники реакционных взглядов, отрицая всякие исторические закономерности, пытаются установить лишь беспорядочную смену неких «общественных типов» или «моделей» общества. Многие проповедуют при этом концепцию круго-

образного, вечно повторяющегося хода исторического процесса («теорию цикличности»).

Все эти теории, далёкие от науки и чуждые ей, стремятся изгнать всякое представление о поступательном и прогрессивном историческом процессе. Они ведут вместе с тем к разрушению истории как науки.

Употребляя такие термины, как «рабство», «феодализм», реакционные социологи и историки вкладывают в них внеисторическое содержание. Так, феодализмом объявляется всякая государственная раздроблённость, в особенности если она сочетается с иерархией власти; всякая предпринимательская деятельность, независимо от её экономического содержания, объявляется капитализмом. Согласно таким представлениям, восточное общество неподвижно и в нём господствует извечный феодализм; товарное и даже натуральное рабовладельческое хозяйство Греции и Рима,—хотя и то и другое не было и не могло быть в тех условиях основано на системе эксплуатации наёмного труда,—рассматриваются как капиталистические; древневосточные царские и храмовые хозяйства (с их сложной системой учёта труда и довольствия работников и жесточайшей эксплуатацией рабов) объявляются «государственно-капиталистическими». Антинаучный характер и классовая направленность подобного рода аналогий очевидна. Модернизируя явления и отношения древнего общества, подгоняя их под условия современного буржуазного общества, реакционно настроенные историки стремятся доказать извечность капиталистических отношений, а подбором тенденциозно истолкованных фактов древней истории пытаются оправдать современную империалистическую политику, изображая её «вечной» и «неустранимой».

Подлинно научное исследование древней истории возможно лишь при условии преодоления различных реакционных учений. Только исторический материализм — мировоззрение, которым вооружена передовая наука современности, даёт нам возможность составить общую картину поступательного хода истории, раскрыть объективные закономерности развития общества, начиная с древнейших времён.

Основоположники исторического материализма проявляли глубокий интерес к древнейшим эпохам всемирной истории — времени, когда складывалось человеческое общество, формировались общественные связи и отношения между людьми в процессе производства. Проблемы происхождения частной собственности, классов, государства впервые получили научное освещение в трудах классиков марксизма-ленинизма. Данная ими характеристика основных черт и экономических законов развития первобытно-общинного и рабовладельческого строя является той теоретической основой, на которой усилиями передовых учёных ведётся творческая разработка конкретной истории древнейших обществ. Подвести некоторые итоги этой работе — задача настоящего труда коллектива советских историков.

* *
*

История всего человечества начинается периодом господства первобытно-общинного строя. Это была общественно-экономическая формация, через которую прошли все народы мира. Освещению (при помощи археологического материала) важнейших этапов развития первобытного общества в разных местах земного шара посвящены первая часть этого тома, а также главы по истории племён Европы и Азии в остальных частях тома.

Передовая наука доказала, что специфической особенностью человеческого общества является производство орудий труда. В процессе трудовой деятельности человек всё больше удалялся от животного мира. Рука постепенно становилась основным рабочим органом, изменялась форма черепа, увеличивался объём мозга. В труде складывались общественные отношения, развивались мыслительные способности человека, возникло важнейшее средство общения между людьми — речь.

С самого начала человек жил в коллективе, спаянном направленной к общей пользе трудовой деятельностью. Чтобы добыть пропитание, нужен был совместный труд многих людей. Одиночный человек был бы бессилен перед природой. Именно коллективность позволила человеку пройти через труднейшие испытания и не только сохраниться как биологическому виду, но и создать основу для дальнейшего развития культуры, всё в большей мере обеспечивавшего человеку возможность господствовать над природой.

Основой первобытно-общинного строя была коллективная собственность на средства производства. В общей собственности той или иной первобытной группы людей находилась определённая производственная территория, орудия производства, хозяйственная утварь, жилища и т. п. Продукты производства, и, прежде всего пищевые продукты, распределялись между всеми членами данного коллектива. Кроме того, существовали в известном объёме личное владение и собственность на оружие, украшения, одежду и некоторые другие предметы. Для первобытно-общинного строя характерно отсутствие классов, отсутствие угнетения человека человеком, отсутствие государства.

Это была эпоха необычайных трудностей в борьбе с природой. Легенда об этом периоде как «золотом веке» сложилась у многих народов в условиях классового, эксплуататорского общества, когда забылись жестокие условия жизни первобытного человека и сохранились лишь смутные воспоминания о той эпохе истории, когда не было угнетения человека человеком, люди трудились для общества, управление осуществлялось представителями самого общества, а суровая дисциплина поддерживалась в интересах всего коллектива в целом.

В тяжелейшей борьбе с природой закладывались в пору первобытно-общинного строя первые камни в фундамент человеческой цивилизации. Усложнялись и совершенствовались орудия труда — от дубин и грубо оббитых кусков камня к луку и стрелам, к шлифованным каменным топорам, к изделиям из кости и, наконец, к использованию металлов. С развитием производства орудий возникли и совершенствовались жилища, а также одежда. В труде человек открывал всё новые и новые свойства материалов, познавал и ставил себе на службу силы природы; особенно важную роль сыграло освоение способов получения огня. Постепенно от собирательства—пассивного использования того, что даёт природа,—люди переходили к выращиванию полезных для человека растений—к земледелию; таким же образом на базе охоты человек переходил к приручению, а затем к одомашниванию и разведению животных — к скотоводству.

По мере роста производительных сил и усложнения производственной жизни усложняются и формы человеческих коллективов. В них упорядочиваются брачные отношения; в среде первобытной общины возникает известное разделение труда между мужчинами-охотниками и женщинами-собирательницами. Коллектив принимает характер родовой общины, основанной на общей собственности на средства производства. Члены этой общины были связаны между собой кровным родством по материнской линии (материнский род); женщина играла не менее важную роль в производственной жизни, чем мужчина, и её общественное положение было не ниже общественного положения мужчины.

В ходе исторического развития возникает и новая форма общности людей — племя, внутри которого родовые общины были основными общественными и производственными ячейками. Эти племена управлялись совместно старейшинами родов, из числа которых избирались и племенные вожди.

Первоначально разделение труда среди членов родовой общины имело место только по возрасту и полу. Но постепенно, в особенности по мере развития более сложных форм земледелия, а также более широкого распространения скотоводства, намечается специализация уже целых общин и племён, в первую очередь именно в области либо земледелия, либо скотоводства, бывших в те времена наиболее

прогрессивными формами хозяйственной жизни. Развивается обмен между племенами. В новых условиях мужской труд начинает преобладать над женским. Матриархальная община, материнский род сменяется общиной патриархальной, отцовским родом.

Одной из важнейших проблем, изучению которой на исторических материалах древности посвящён этот том, является проблема возникновения эксплуатации, возникновения классового антагонистического общества, в котором массе угнетённых противостоит кучка угнетателей.

Памятники, в большом числе найденные археологами, позволяют показать, как с применением металла и с усовершенствованием орудий растёт производительность труда. Человек становится способным производить прибавочный продукт, т. е. нечто сверх того, что минимально необходимо для его существования и воспроизводства. Это явилось материальной предпосылкой для возникновения в тех общественных условиях эксплуатации человека человеком. Если до этого люди, захваченные в плен во время межплеменных столкновений, чаще всего убивались и лишь иногда принимались в племя и входили в родовые общины, то теперь стало возможным обращать их в рабов.

Огромной важности изменения происходят в этот период внутри первобытной общины. Хотя коллективность в борьбе с природой остаётся необходимым условием существования человеческого общества, труд отдельной семьи приобретает все большее значение. Старые внутриобщинные связи слабеют. Родовая община сменяется теперь сельской (соседской) общиной, основанной не на родстве, а на территориальной общности и только отчасти основанной на коллективной собственности: хотя земля, лес и вода ещё оставались общими, но орудия труда и скот перешли в частную собственность патриархальной семьи. В сельской общине коллективный труд не играет уже прежней роли. Возникает и развивается имущественное неравенство — не только между членами одной и той же общины, но и между отдельными общинами, чему особенно способствует развитие обмена. Выделяющаяся верхушка племени постепенно овладевает органами общинного управления, ставит себе их на службу и начинает распоряжаться в своих интересах находящимися в коллективной собственности средствами производства (в той мере, в какой коллективная собственность ещё сохраняется) и военнопленными. Стремление к накоплению богатств способствует возникновению грабительских набегов и войн.

Однако коллективный характер управления общиной ещё не исчезает: народное собрание воинов, т. е. всех взрослых мужчин в общине, наряду с советом старейшин играет важную роль. Это так называемая «военная демократия». Народное собрание обычно ещё может назначать и смещать племенных вождей, хотя они избираются теперь почти исключительно в пределах одного определённого знатного рода. С течением времени, однако, всё большая часть добычи, захватываемой во время походов, достаётся военному вождю и верхушке знати, руководившим военными действиями, а сами военные вожди всё в большей мере опираются на дружину — группу воинов, получающих большую долю в добыче. В распоряжении нарождающихся господствующих слоев общества оказывается теперь и военная сила.

Члены общины больше уже не являются равными. Среди массы свободных тружеников выделяются владельцы рабов. Во всё большем масштабе применяется рабский труд, а верхушка общества стремится эксплуатировать и труд своих соплеменников.

Эпоха господства первобытного, доклассового общества кончается. С той поры ход истории определяется борьбой классов—борьбой эксплуатируемых против эксплуататоров. Различие классов во всяком антагонистическом обществе определяется господствующей формой собственности на средства производства. «Классы,— писал В. И. Ленин,— это такие группы людей, из которых одна может себе присваи-

вать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [1].

Весь путь развития человеческого общества до возникновения классов был пройден более чем за 600 тысячелетий. Каждое новое достижение в производстве давалось с огромным трудом, было результатом накапливавшегося многими тысячелетиями опыта, но оно открывало в свою очередь новые возможности для прогресса общественного труда. Следствием этого было нараставшее убыстрение темпов развития человечества. Темп развития классовых обществ был несравненно более быстрым, чем темп развития первобытного общества.

* *

*

Классовое общество зародилось сначала в Египте, в долине Евфрата и Тигра (конец IV — начало III тысячелетия до н. э.), затем в Индии, в Китае, в странах Средиземноморья (середина III—середина II тысячелетия до н. э.). Вторая, третья и четвёртая части настоящего тома в основном посвящены древней истории этих обществ и истории возникновения других рабовладельческих обществ и государств.

В основе первой формы классового общества — рабовладельческого строя — лежало деление общества на рабов и рабовладельцев. Раб был человеком, лишённым средств производства, насильственно принуждаемым к работе на других; он сам был собственностью другого. Только на очень низком уровне развития производительных сил могла возникнуть такая форма эксплуатации, особенностью которой была полная власть эксплуататора над личностью непосредственного производителя материальных благ, не заинтересованного в результатах своего труда.

Рабовладельческая эксплуатация характеризуется самыми жестокими методами принуждения раба, доводимого работой до полного истощения. Раб был «говорящим орудием», обречённым на непосильный труд, животное существование, раннюю смерть.

Если рабство было первой известной истории формой эксплуатации, формой классового гнёта, то рабовладельческое государство явилось первым историческим типом государства. Оно возникло на основе рабовладения, для его закрепления и увековечения.

«Лишь когда появилась первая форма деления общества на классы, когда появилось рабство, когда можно было известному классу людей, сосредоточившись на самых грубых формах земледельческого труда, производить некоторый излишек, когда этот излишек не абсолютно был необходим для самого нищенского существования раба и попадал в руки рабовладельца, когда, таким образом, упрочилось существование этого класса рабовладельцев, и чтобы оно упрочилось, необходимо было, чтобы явилось государство» [2].

При всём многообразии форм политического устройства в древности суть их была одна. Удержание в узде рабов и всего эксплуатируемого большинства общества,—такова была основная функция государств древности, осуществлявшаяся прежде всего методами насилия и при помощи материальных средств насилия—вооруженной силы, суда, карательных органов. Второй функцией, неразрывно связанной с первой, была борьба за завоевание территорий у соседних рабовладельческих государств или оборона своей территории от их нападений, постоянные захваты новых и новых пленников, обращаемых в рабство, особенно из среды племён, сохранявших еще первобытно-общинный строй, наконец, грабёж материальных ценностей — в виде военных трофеев, дани и т. д.

Без постоянных войн не было бы притока рабов. Именно со времени возникновения рабовладельческого строя спутником истории человечества стали захватнические

[1] *В. И. Ленин,* Великий почин, Соч., т. 29, стр. 388.

[2] *В. И. Ленин,* О государстве, Соч., т. 29. стр. 441.

войны, которые развязывают эксплуататорские классы в своих корыстных интересах. Захватническая война являлась неизменным орудием внешней политики рабовладельческих государств.

Свойственные развитому рабовладельческому строю формы эксплуатации и политического господства выработались не сразу. На раннем этапе развития рабовладельческого общества общее число рабов было значительно меньшим, чем число свободных. Однако рабовладельческие отношения уже определяли лицо общества, ибо в первую очередь собственность на рабов позволяла племенной знати возвыситься над остальной массой свободных и она же определяла весь характер производственных отношений, всю общественную структуру. Даже власть главы патриархальной семьи над её членами в это время по своему характеру мало чем отличалась от власти рабовладельца над рабами.

Рабовладельческий строй вырастал в недрах старого, первобытно-общинного, используя некоторые его обычаи, порядки, учреждения, наполняя их новым, классовым содержанием и приспосабливая к интересам эксплуататоров-рабовладельцев. Отношения рабства облекались подчас в «традиционные» скрытые формы, такие, как использование труда сородичей, «помощь» обедневшим сообщинникам, которые получали пропитание за тяжёлый, изнурительный труд на владельца средств производства и т. п. Развитие рабства протекало при этом в весьма разнообразных формах, нередко отличных от классических форм рабства, сложившихся позднее в Греции и Риме (античный мир).

Рабовладельческая знать, используя экономическое превосходство и опираясь на силу оружия, стремилась захватить в свою пользу весь прибавочный труд, создаваемый обществом. Значительная часть этого прибавочного продукта в виде поборов и налогов, шедших на нужды класса рабовладельцев и его государственного аппарата, взималась с рядовых свободных; повинности, выросшие из общественных работ, также выполнялись уже главным образом на пользу класса рабовладельцев и его государственного аппарата. В условиях растущего имущественного и общественного неравенства некоторые свободные общинники теряли свои средства производства и попадали в зависимость от крупных рабовладельцев. Такие люди стояли близко к рабам и их хозяева всячески стремились уничтожить всякую грань, отделявшую их от рабов.

В тех странах, где пережитки первобытно-общинных отношений (в первую очередь община) по различным причинам оказывались более прочными, они сдерживали развитие рабовладельческих отношений и замедляли исторический процесс. И, наоборот, там, где разложение первобытно-общинного строя происходило быстро и радикально, там и развитие рабовладельческих отношений происходило более быстрыми темпами.

На основе изучения конкретного исторического материала можно выделить две наиболее типичные формы сельской общины, существовавшие в рабовладельческом обществе. Первая из них стоит ещё близко к общине первобытной. В ней собственность на землю и воду, как основные средства производства, принадлежит только всей общине. Такая община представляет собой целиком или частично самоуправляющийся коллектив, имеющий должностных лиц и налагающий на своих членов определённые обязанности по выполнению работ на нужды общины в целом (например, оросительных, осушительных, строительных, работ по вырубке лесов, охране полей и т. п.). Такая община обычно называется «восточной» или «индийской», но это название условно, так как существовала она не только в странах Востока и тем более не только в Индии.

Необходимость в поддержании коллективным трудом различных (в особенности оросительных) сооружений делала здесь общину более устойчивой, консервативной, открывала широкие возможности для превращения общинных повинностей в форму эксплуатации трудящихся масс рабовладельческой верхушкой и рабовладельческим

государством. В этих условиях община становилась, по известному выражению Маркса, основой восточного деспотизма.

Там, где коллективный труд рано перестал играть столь значительную роль в производстве—в связи с особенностями хозяйственной жизни, более интенсивным развитием частной собственности на средства производства и с несравненно большим развитием рабства,— там мы встречаем другую, «античную» форму общины. Члены её уже становятся частными собственниками, но обычно лишь принадлежность к общине даёт им право иметь собственность на землю. Общинная собственность на резервный земельный фонд, выгоны и т. п. отделена здесь от частной пахотной земли. Член общины здесь несёт более ограниченные обязанности перед общиной, а общинные должностные лица очень рано теряют свои прежние функции. С развитием ремесла и торговли отдельные общины в ряде случаев сселяются вместе, образуя городскую или «гражданскую» общину.

Как это было отмечено в отношении «восточной» общины, существование «античной» общины также не ограничено какой-либо строго определённой территорией древнего мира. Раб, естественно, ни в каком случае не являлся членом общины.

Поскольку на ранних этапах рабовладельческого общества рабский труд не служил цели производства товаров, а был рассчитан на удовлетворение потребностей хозяйства самого рабовладельца, рабство на первых порах было главным образом домашним и при этом «патриархальным», т. е. сплетённым с некоторыми остатками первобытно-общинного строя. Рабы являлись составной частью семейного хозяйства. Однако наряду с домашним хозяйством рабовладельцев уже очень рано возникают и крупные хозяйства царей, храмов и т. п. И здесь рабство не направлено на производство товаров.

С ростом производительных сил и усложнением экономической жизни рабовладельческие хозяйства всё более производят продукт, который может идти на обмен, и сами начинают испытывать нужду в продуктах, которые они не в состоянии производить. Это приводит к росту обмена и развитию товарно-денежных отношений. Важнейшее значение имел тот факт, что сами непосредственные производители — рабы стали продаваться и покупаться, как товар. В рабовладельческих странах появляются деньги, представляющие собой всеобщий товар, при помощи которого оценивают все другие товары и который служит средством при обмене.

Развитие ремесла и обмена является основой возникновения городов, становящихся постепенно ремесленными и торговыми центрами. Рабовладельческое общество тем самым положило начало отделению города от деревни и возникновению противоположности между ними.

Развитие товарно-денежных отношений ведёт к усилению имущественного неравенства, к скоплению денег у отдельных лиц и созданию ростовщического капитала; широко распространяется эксплуатация своих же соотечественников путём обращения их в рабство за неоплатные долги. Это обостряет борьбу не только между рабами и рабовладельцами, но и между свободными, ослабляя силы рабовладельческого государства. Впервые этот процесс наблюдается в ряде стран древнего Востока ещё во II тысячелетии до н. э. В первой же половине I тысячелетия до н. э. в Ассирии, Вавилонии, Китае возникают уже крупные рабовладельческие хозяйства, производящие товары; существование этих хозяйств сочетается с наличием долгового рабства и со всё большим закабалением свободных тружеников.

Иначе протекал этот процесс в Греции, затем в Италии и некоторых других странах. Упорное сопротивление массы свободных, их полная драматизма борьба против родовой знати рано привели здесь к ликвидации долгового рабства, что сделало более устойчивыми и жизнеспособными мелкие хозяйства и создало, в свою очередь, условия для дальнейшего распространения вширь рабовладельческих отношений. При этом с ослаблением роли ростовщического капитала свободные средства во всё большей мере переключались в сферу производства товаров, и поэтому всё

более могли развиваться рабовладельческие хозяйства, рассчитанные именно на товарное производство.

Рабство приобретает теперь массовый и обнажённый характер, оно теряет окончательно свою патриархальную оболочку; эксплуатация становится всё более безудержной; вместе с тем обостряются и все противоречия рабовладельческого строя.

Основное социальное противоречие рабовладельческого общества — антагонизм между рабами и рабовладельцами. Неустанная борьба рабов против своих угнетателей протекает то в скрытой форме пассивного сопротивления, то всё чаще и чаще в виде открытых восстаний. При всей тенденциозности письменных памятников древности, отражавших идеологию и политические взгляды господствующего класса, некоторые из наиболее крупных восстаний того времени всё же нашли отражение в дошедших до нас памятниках. Историк располагает, таким образом, важными источниками, позволяющими восстановить картину древнейших форм борьбы угнетённых против угнетателей. Эта борьба и была движущей силой всей истории рабовладельческих обществ.

Между крайними полюсами общества на самых различных ступенях общественной лестницы располагалась масса свободных тружеников. Последняя, представлявшая собой остаток массы первобытных общинников, постоянно распадалась, причём большая часть её превращалась в рабов, а меньшая — в рабовладельцев. Борьба свободных тружеников против рабовладельцев, стремившихся к их порабощению, имела важнейшее значение для хода исторического развития рабовладельческого общества на всём протяжении его истории. Важным фактором, без учёта которого не могут быть поняты ни история самих рабовладельческих обществ, ни их отношения с внешним миром, была борьба против порабощения, которую вели племена, служившие постоянным объектом войн и захватнических экспедиций, организуемых господствующим классом рабовладельческих государств.

Внутри самого господствующего класса рабовладельцев имелись разнообразные группы, нередко боровшиеся за власть: родовая знать, военно-служилая знать, купцы и ростовщики; между ними происходила непрерывная борьба за долю прибавочного продукта, получаемого в результате безжалостной эксплуатации рабов. Рабовладельцы боролись между собой и за то, чтобы захватить большую долю при ограблении свободных тружеников.

По мере общественного развития рабский труд всё больше становился препятствием для технического прогресса, который в течение тысячелетий не пошёл дальше применения примитивных ручных орудий. Основной двигательной силой оставалась физическая сила людей и скота. На раба, ненавидевшего свой труд, совершенно не заинтересованного в развитии хозяйства своего господина, можно было возлагать выполнение только простейших работ. Для развития производства становится со временем необходимым работник, обеспечивающий большую производительность труда. А между тем рабство там, где оно становилось господствующим, превращало всякий труд в «рабскую деятельность» — занятие, считавшееся позорным для свободных членов рабовладельческого общества. Производственные отношения рабовладельческого общества уже более не соответствовали уровню развития производительных сил. Выходом из этого глубочайшего противоречия могло быть лишь крушение изжившего себя рабовладельческого строя, революционный переход к более прогрессивному — феодальному способу производства.

Таков закономерный итог длительного, многовекового развития древних рабовладельческих обществ. В тот период, которому посвящён настоящий том, рабовладельческий строй ещё не исчерпал тех возможностей, которые он предоставлял для развития общества, его материальной и духовной культуры, его политической и иных надстроек.

Господствующий класс уже в период рабовладельческой формации старался удержать угнетённых в подчинении не только грубой силой, но прибегал и к различ-

ным формам идеологического воздействия. Особо важную роль в этом играла религия. Религиозные верования, возникшие ещё в период первобытно-общинного строя и бывшие с самого начала фантастическим отражением бессилия человека в борьбе с могущественной природой, после создания классового общества всё более становятся фантастическим отражением приниженного положения угнетённых перед лицом угнетателей; изменяясь с переменой в общественных условиях, религиозные представления и верования становятся орудием духовного порабощения трудящихся.

Несмотря на чрезвычайное разнообразие религий, всем им было присуще общее: освящение рабовладельческого государственного строя и царской власти, проповедь покорности перед силами природы и могуществом угнетателей, угроза не только земными, но и небесными карами всем непокорным. Поэтому господствующий класс не жалел средств на возведение и содержание храмов, а служители культа уже в древнейших государствах играли огромную роль. Храмы являлись также средоточием всех знаний, которыми жречество пользовалось для защиты существовавшей системы угнетения. Массы находились в состоянии темноты и невежества. Рабовладельческий строй породил противоположность между физическим и умственным трудом и создал идеалистические учения, освящавшие этот разрыв.

Однако всё передовое и свободомыслящее, пробивавшееся в науке, литературе и искусстве, уже в те далёкие времена выступало против суеверий, сковывавших творческую силу человека. Борьба материализма против религии, идеализма, мистики зарождается в рабовладельческом обществе, породившем культуру, которая легла в основу дальнейшего развития человечества. Рабовладельческая эпоха создала письменность и алфавит, которым пользуется значительная часть человечества. К эпохам, освещаемым в этом томе, восходит начало художественной литературы, величественные памятники которой до сих пор сохранили своё значение. К этому времени относятся первые памятники политической и философской мысли, ряд достижений в области точных наук, например геометрии, замечательные произведения искусства, в том числе архитектуры.

Несмотря на невероятную тяжесть угнетения, которому подвергались трудящиеся, на жестокость отношений между людьми, рабовладельческий строй был закономерной и в то время прогрессивной по сравнению с первобытно-общинным строем стадией в развитии человеческого общества.

Изучая историю этих давно минувших времён, мы должны быть благодарны людям труда, в величайших страданиях создавшим основы современной культуры человечества.

* *

*

Передовой исторической наукой, успешно развивающейся в Советском Союзе, Китайской Народной Республике, во всех странах народной демократии и нашедшей горячих сторонников и видных представителей в капиталистических странах, восстановлены основные черты древнейших этапов истории человечества. Однако не все важные проблемы ещё изучены с одинаковой глубиной. Источники по древнейшей истории сравнительно скудны и исключительно трудны для изучения. По ряду мало разработанных вопросов существуют различные точки зрения, и не все из выдвигаемых в этом томе «Всемирной истории» положений по отдельным вопросам являются окончательными или же вполне бесспорными. При подготовке этого тома авторский коллектив и редакционная коллегия стремились правильно отразить результаты разработки проблем древнейшей истории, достигнутые в настоящее время передовой исторической наукой.

Авторы и редакторы надеются, что их труд вызовет к жизни новые исследования, побудит к разработке новых проблем, которые ставит перед исторической наукой изучение древнейших эпох развития человеческого общества.

Текст тома написан: гл. I, II и III (разделы 1, 2 и 4) — А. П. Окладниковым, гл. III (раздел 3) —С. В. Киселевым; вводный раздел ко II части—И. М. Дьяконовым и Г. Ф. Ильиным; гл. IV (кроме раздела 1) и V — Ю. Я. Перепёлкиным, гл. VI и VII —В. В. Струве, гл. VIII — С. В. Киселёвым (раздел 1 и частично 2) и А. П. Окладниковым (частично раздел 2 и весь раздел 3); вводный раздел к III части—И. М. Дьяконовым и Г. Ф. Ильиным, гл. IX—Ю. Я. Перепёлкиным, гл. X —В. В. Струве (разделы 1, 2, 3 и 5) и И. М. Дьяконовым (раздел 4), гл. XI — И. М. Дьяконовым, гл. XII—Ю. Я. Перепёлкиным, гл. XIII и XIV—В. В. Струве, гл. XV—Я. А. Ленцманом, гл. XVI—Г. Ф. Ильиным, гл. XVII—Л. И. Думаном, гл. XVIII—С. В. Киселевым; вводный раздел к IV части—И. М. Дьяконовым, гл. XIX—В. В. Струве (разделы 2, 4, 5, 6) и О. В. Кудрявцевым (раздел 1), гл. XX — И. М. Дьяконовым (разделы 1 и 3) и О. В. Кудрявцевым (раздел 2), гл. XXI и XXII—И. М. Дьяконовым, гл. XXIII—Ю. Я. Перепёлкиным (разделы 1, 3, 4) и И. С. Кацнельсоном (раздел 2), гл. XXIV — В. В. Струве, гл. XXV — Г. Ф. Ильиным, гл. XXVI — Л. И. Думаном, гл. XXVII — Н. Н. Залесским (раздел 2), гл. XXVIII —Я. А. Ленцманом и гл. XXIX —Д. П. Каллистовым.

Помимо этого, в ряде глав привлечены материалы, представленные И. М. Дьяконовым (в гл. XIII, раздел 4, гл. XIV, раздел 2, гл. XIX, раздел 3 и др.), В. П. Зубовым и М. А. Лифшицем (в гл. XXIX, раздел 5), И. С. Кацнельсоном (в гл. XV), Ю. К. Колосовской (в гл. XXVII, раздел 1), Я. Я. Рогинским (в гл. II, раздел 1). Текст разделов, не указанных выше, написан редколлегией тома. В главах по истории Египта, написанных Ю. Я. Перепёлкиным, редколлегия сочла нужным внести дополнение в части общих выводов и некоторых частных характеристик.

Подбор иллюстраций и карт осуществлён под руководством Т. В. Степугиной. Карты составлены по эскизам И. М. Дьяконова (страны Передней Азии), И. С. Кацнельсона (Египет и область Эгейского моря) и А. П. Левандовского (Греция), а в остальных случаях — по эскизам авторов глав. Краткий перечень важнейшей литературы составлен Т. Н. Савельевой и авторами глав.

Редакционная коллегия выражает благодарность всем специалистам, многочисленные замечания и предложения которых были учтены при подготовке текста к печати.

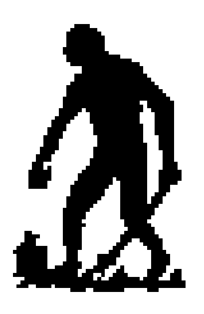

ЧАСТЬ I ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. ЭПОХА ГОСПОДСТВА ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ

ГЛАВА I
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. РАННИЙ ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК (НИЖНИЙ ПАЛЕОЛИТ [1])

Эпоха формирования и развития первобытно-общинных отношений имеет огромное значение в истории человечества. Она начинается с выделения человека из мира животных. На протяжении этой эпохи были заложены основы всего дальнейшего развития материальной и духовной культуры человеческого общества.

«Эта «седая древность» при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких трудностей, которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям» [2],— писал об эпохе первобытно-общинного строя Фридрих Энгельс.

1. Происхождение человека

Процесс формирования человека и развития первобытно-общинного строя состоит из ряда последовательных этапов.

В. И. Ленин в своём произведении «Государство и революция», говоря о первоначальных стадиях человеческого развития, упоминает о «стаде обезьян, берущих

---

[1] Слово «палеолит» происходит от двух древнегреческих слов: «палайос» — древний и «литос» — камень

[2] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 109.

палки», о «первобытных людях» и о «людях, объединенных в клановые общества» (родовые общины) [1]. Эти определения приняты советской наукой для обозначения трёх различных последовательно сменявшихся этапов эволюции человека и становления общества.

Первые два этапа являются временем выделения наших древнейших предков из мира животных. Они стали вследствие этого и поворотным пунктом в истории нашей планеты, открыв длительный, тяжёлый и сложный, но великий путь развития труда и общества, который шёл от бессилия перед природой ко всё возрастающей власти человека над ней.

Чтобы полнее представить ход событий на этих первых этапах истории человека, а также и на всём протяжении первобытной истории, необходимо прежде всего иметь в виду ту естественно-географическую обстановку, те события в истории земного шара, на фоне которых происходили изменения в жизни наших отдалённых предков, во многом тесно связанные с изменениями в окружавшей их природе.

Как известно, история Земли делится на четыре эры: архейскую, палеозойскую, мезозойскую и кайнозойскую. Последняя эра продолжается и в настоящее время. Каждая из этих эр делится в свою очередь на ряд периодов. Только во второй половине архейской («первоначальной») эры, продолжавшейся около 1 $^1/_2$ млрд. лет, на земле возникает жизнь, сначала в виде простейших организмов, затем водорослей, губок, кишечнополостных, моллюсков, кольчатых червей. Иногда время появления жизни на земле выделяют в особую эру — протерозойскую (эру «ранней жизни»). В палеозойской эре (эре «древней жизни»), продолжавшейся около 325 млн. лет, появляются рыбы, насекомые, земноводные, пресмыкающиеся, а также наземные споровые растения. Мезозойская эра (эра «средней жизни»), продолжавшаяся около 115 млн. лет, явилась временем развития исполинских пресмыкающихся. Кайнозойская эра (эра «новой жизни», время господства млекопитающих) делится на два больших периода: третичный и четвертичный.

Ближайшие предки человека

Третичный период по сравнению со всей историей человека длился чрезвычайно долго. Начался он около 70 млн. и закончился примерно 1 млн. лет тому назад. Значение третичного периода в истории Земли, особенно ее животного и растительного мира, очень велико. За это время произошли большие перемены в облике земного шара. Образовывались обширные горные области, моря и заливы, менялись очертания целых материков. Возникли горы Кавказа, Карпаты и Альпы, поднялась центральная часть Азии, увенчанная горными цепями Памира и Гималаев.

Одновременно происходили не менее важные изменения в растительном и животном мире. Древнейшие растения, в том числе гиганты-саговники, древовидные папоротники и гигантские хвощи, давно уже уступили место более совершенным по строению покрытосеменным растениям. Началось время господства млекопитающих животных. Совершилось, наконец, и важнейшее в истории развития жизни на земле событие, подготовленное всей прогрессивной в целом эволюцией животного и растительного мира: в конце третичного периода в результате процесса длительного развития появляются ближайшие предки человека.

Материалистически мыслящие естествоиспытатели, особенно Чарлз Дарвин, собрали к середине XIX в. громадный материал, позволяющий в общих чертах представить облик тех древних антропоидных (человекообразных) обезьян, которые должны были явиться непосредственными предками человека. Учёные выяснили основные черты образа жизни антропоидов и те биологические предпосылки, которые в ходе борьбы за существование подготовили переход от обезьяны к человеку путём естественного отбора.

---

[1] См. *В. И. Ленин,* Государство и революция, Соч., т. 25, стр. 361.

В XIX в. в отложениях, относящихся к концу третичного периода, были найдены останки высокоразвитых древних обезьян, названных *дриопитеками* [1]. Дриопитеки были общим предком человека и африканских человекообразных обезьян нашего времени — гориллы и шимпанзе. Обнаруженные в 1902 г. в Австралии три коренных зуба «дарвиновского дриопитека» имеют настолько большое сходство с человеческими, что ближайшее родство этой древней обезьяны с человеком не подлежит сомнению.

Открытие костей дриопитека явилось блестящим подтверждением материалистической теории Дарвина о происхождении человека от древней человекообразной обезьяны, так как впервые дало конкретное представление о том, как на самом доле должны были выглядеть эти обезьяны — предки человека.

В дальнейшем число подобных находок продолжало непрерывно возрастать. Они всё более и более заполняли ту пропасть, которую стремились вырыть между человеком и всем остальным органическим миром учёные-идеалисты, всячески пытавшиеся поддержать ветхую библейскую легенду о сотворении человека «по образу и подобию божию». На севере Индии в третичных слоях Сиваликских холмов были обнаружены, например, обломки челюсти *рамапитека,* древней антропоидной обезьяны, более близкой к человеку, чем дриопитек. Она отличалась от всех остальных человекообразных обезьян тем, что её клыки не выдавались вперёд по сравнению с остальными зубами. Облик рамапитека был, таким образом, менее зверообразным, ещё более сходным с человеческим. На территории Южной Африки в 1924 г. были найдены ещё более интересные для освещения вопроса о предках человека останки нового антропоида—*австралопитека* [2]. Впоследствии, в 1935—1951 гг., были найдены останки по крайней мере 30 особей этой обезьяны. Как оказалось, австралопитек по своему строению стоял ближе к человеку, чем все остальные известные науке, и том число и ныне живущие антропоидные обезьяны. Таз и бедренные кости австралопитека близки к человеческим; австралопитеки в основном передвигались на двух ногах в вертикальном или почти в вертикальном положении.

Причина перехода австралопитеков к прямохождению объясняется общими условиями их жизни и борьбы за существование. В течение предшествующих сотен тысячелетий обезьяны в отличие от животных, ведущих наземный образ жизни, были четверорукими существами, широко применявшими свои конечности, в первую очередь передние, именно для хватательных движений. Нов отличие от других обезьян, которые жили на деревьях в тропическом лесу, передвигаясь по деревьям при помощи всех четырёх конечностей и хвоста, австралопитек жил в местностях уже в те далёкие времена почти безлесных и полупустынных — на западе и в центре Южной Африки. Эти условия предопределили переход от лазания по деревьям к наземной жизни, к передвижению с помощью одних нижних конечностей.

На это указывает строение костей верхних конечностей австралопитека. Его большой палец противопоставлялся остальным пальцам и в отличие от большого пальца у современных антропоидов был относительно велик. Поэтому австралопитеки вполне могли выполнять своими руками такие хватательные операции, которые затруднительны или недоступны для современных нам высших обезьян.

Следующей важной особенностью австралопитека, тоже неразрывно связанной с прямохождением, являются черты строения черепа, указывающие на более вертикальную, чем у других антропоидов, посадку головы. Это видно из того, что на значительной части затылка австралопитека не было уже сильных шейных мышц, которые должны были удерживать голову на весу при горизонтальном её положении. Такая посадка головы австралопитека должна была способствовать в дальнейшем более ускоренному развитию мозга и черепа предков человека.

---

[1] От греческих слов «дрио»—дерево и«питекос»—обезьяна, т. е. буквально: «древесная обезьяна».

[2] Название этого существа происходит от слов «аустралис» — южный и «питекос» — обезьяна и может быть переведена как «южная обезьяна».

Все эти взаимно связанные особенности, сложившиеся на протяжении сотен тысяч лот и условиях наземной жизни, поставили обезьян типа австралопитека в особое по сравнению с другими человекообразными обезьянами положение, открыли перед ними совершенно новые возможности в борьбе за существование. Освобождение передних конечностей от опорных функций и расширение их хватательной деятельности сделали возможным развитие деятельности австралопитека по совершенно новому пути — по пути всё более и более расширяющегося и систематического употребления различных предметов, в первую очередь палок и камней, как естественных орудий.

Об огромном, принципиально важном значении этого обстоятельства для дальнейшей эволюции предков человека свидетельствуют исследования останков Других животных, найденных вместе с костями самих австралопитеков. Исследование черепов ископаемых павианов, найденных там же, где были обнаружены кости австралопитеков показало, что 50 из 58 этих черепов имели повреждения в виде трещин в результате ударов большой силы, нанесённых какими-то тяжёлыми предметами. Найдены также кости крупных копытных животных, концы этих костей были сломаны и разбиты. В «кухонных кучах» австралопитеков найдены обломки панцирей черепах, кости ящериц, панцири пресноводных крабов. Можно предполагать, следовательно, что помимо собирания растительной пищи, птичьих яиц австралопитеки добывали мелких животных, ловили ящериц, крабов, а иногда нападали и на сравнительно крупных животных, пользуясь при этом камнями и палками.

Постоянное употребление мяса животных этими древними обезьянами в отличие от тех обезьян, которые жили на деревьях и питались преимущественно растительной пищей, содействовало их ускоренному прогрессивному развитию. Мясная пища позволила предкам человека быстрей и полней совершенствоваться из поколения в поколение, так как оказала большое влияние на развитие их мозга, доставляя мозгу необходимые для его развития вещества в большем количестве, доставляя мозгу необходимые для его развития вещества в большем количестве, чем раньше, и в более концентрированном, легче усвояемом виде. Усиленное снабжение мозга веществами, нужными для его роста, являлось совершенно необходимым. Борьба за существование была сопряжена с применением первичных необработанных орудий, она требовала непрерывного развития и усложнения условно-рефлекторной деятельности, роста сообразительности и находчивости.

Таким образом, изучение обезьян типа австралопитека дает представление об определенном и весьма важном звене в эволюции наших предков и, кроме того, достаточно ясно показывает, как должны были выглядеть еще не обнаруженные из-за неполноты геологической летописи прямые предшественники и предки человека. Во всяком случае это были очень близкие по своему типу к австралопитеку, такие же высокоразвитые человекообразные обезьяны. Они должны были иметь примерно одинаковое с австралопитеком физическое строение и вести сходный с ним образ жизни. Обезьяны эти заселяли, очевидно, обширную территорию в Африке и на юге Азии. В область их расселения, вероятно, входили и южные части СССР, о чем свидетельствует недавняя находка останков человекообразной обезьяны в восточной Грузии. Этот вид человекообразной обезьяны был близок, как полагают, к дриопитеку и получил наименование *«удабнопитека»,* по местности Удабно, где найдены останки этой обезьяны.

Что же касается других представителей рода обезьян, то эти «младшие братья» наших далёких предков безнадежно отстали и остались в стороне от той главной дороги эволюционного развития, которая вела от обезьяны к человеку, некоторые виды высокоразвитых обезьян конца третичного периода всё более приспосабливались к жизни на деревьях. Они остались навсегда привязанными к тропическому лесу. Биологическое развитие других обезьян в борьбе за существование пошло по пути увеличения размеров их тела. Так появились обезьяны огромных размеров мегантропы, гигантопитеки, останки которых обнаружены на юге Китая, а также обезьяны

типа современной гориллы. Но их грубая сила, позволявшая успешно бороться за жизнь в первобытном лесу, нарастала в ущерб высшей сфере жизненной деятельности, во вред эволюции мозга.

Роль труда в выделении человека из животного мира

Обезьяны типа австралопитека под давлением борьбы за существование в корне изменили свой образ жизни, перейдя в поисках пищи от лазания по деревьям тропического леса к наземной жизни. Одновременно открылись и совершенно новые возможности для развития мозга этих обезьян, определявшиеся переходом к прямой походке, а также тем, что голова стала постепенно приобретать вертикальное положение.

Но самое существенное, решающее, заключалось при этом вовсе не в одних только чисто биологических предпосылках становления человека, блестяще вскрытых Дарвином.

Основоположники марксизма установили тот важнейший факт, что все эти биологические предпосылки могли быть реализованы, могли послужить основой перехода от животного состояния к человеческому не сами по себе, а только благодаря труду. В своём замечательном произведении «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Ф. Энгельс писал: «Труд — источник всякого богатства, утверждают политико-экономы. Он действительно является таковым наряду с Природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но он еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он — первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» [1].

Позднетретичные обезьяны типа австралопитека ещё не умели выделывать искусственные орудия и пользовались лишь готовыми, имеющимися в природе,—палками и камнями. Но они, по-видимому, уже не могли существовать без употребления таких, хотя бы вначале данных самой природой, орудий, потому что не имели естественного вооружения, которое могло бы противостоять естественному вооружению их кровожадных противников из мира хищных зверей — у них не было ни острых когтей, ни таких зубов, как у хищников.

Но зато в постоянном употреблении, а затем в изготовлении орудий (сначала в виде простых палок и острых камней) зарождалась трудовая деятельность, на первых порах ещё в значительной мере инстинктивная, затем всё более систематическая и осознанная. Трудовая деятельность была не индивидуальной, а коллективной, объединявшей и сплачивавшей стадные группы наших отдалённейших предков такими крепкими и гибкими узами, каких не знает и не может знать никакое другое животное, также ведущее стадный образ жизни.

В процессе закрепления, развития и усложнения этой первичной трудовой деятельности столь же медленно, но неудержимо и последовательно изменялся весь организм наших предков. В первую очередь всё более и более развивались их руки, а вместе с ними и мозг. Углублялась и расширялась высшая нервная деятельность.

На начальном этапе формирования человека, к которому относится появление обезьян типа австралопитека, назревали, разумеется, только предпосылки для возникновения трудовой деятельности. Но именно отсюда, из отдалённейшей глубины тысячелетий, начинается дорога к труду в настоящем смысле этого слова, к намеренному изготовлению искусственных орудий первобытными людьми.

Значение второго этапа, связанного с изготовлением орудий труда, исключительно велико. С ним начинается развитие человека в собственном смысле этого слова, а вместе с тем— история общества, история человеческого мышления и речи. Правда, первые выделившиеся из животного царства люди были ещё, по

---

[1] *Ф. Энгельс,* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, М. 1953, стр. 3.

словам Энгельса, так же не свободны, как и сами животные. Но каждый шаг в развитии труда был шагом к освобождению человека от полного подчинения стихийным силам природы.

В труде, в добывании средств существования при помощи искусственно произведённых людьми орудий труда возникали и укреплялись социальные связи: стадо обезьян, взявших палки, постепенно и очень медленно превращалось в человеческий коллектив — в общину первобытных людей.

Большим достижением передовой науки в конце XIX в. явились находки останков ещё более высокоорганизованных существ, чем австралопитек. Останки эти датируются уже целиком четвертичным периодом, который делится на два этапа: плейстоцен, продолжавшийся примерно до VIII—VII тысячелетий до н. э. и охватывающий доледниковое и ледниковое время, и современный этап (голоцен). Открытия эти целиком подтвердили взгляды передовых естествоиспытателей XIX в. и теорию Ф. Энгельса о происхождении человека.

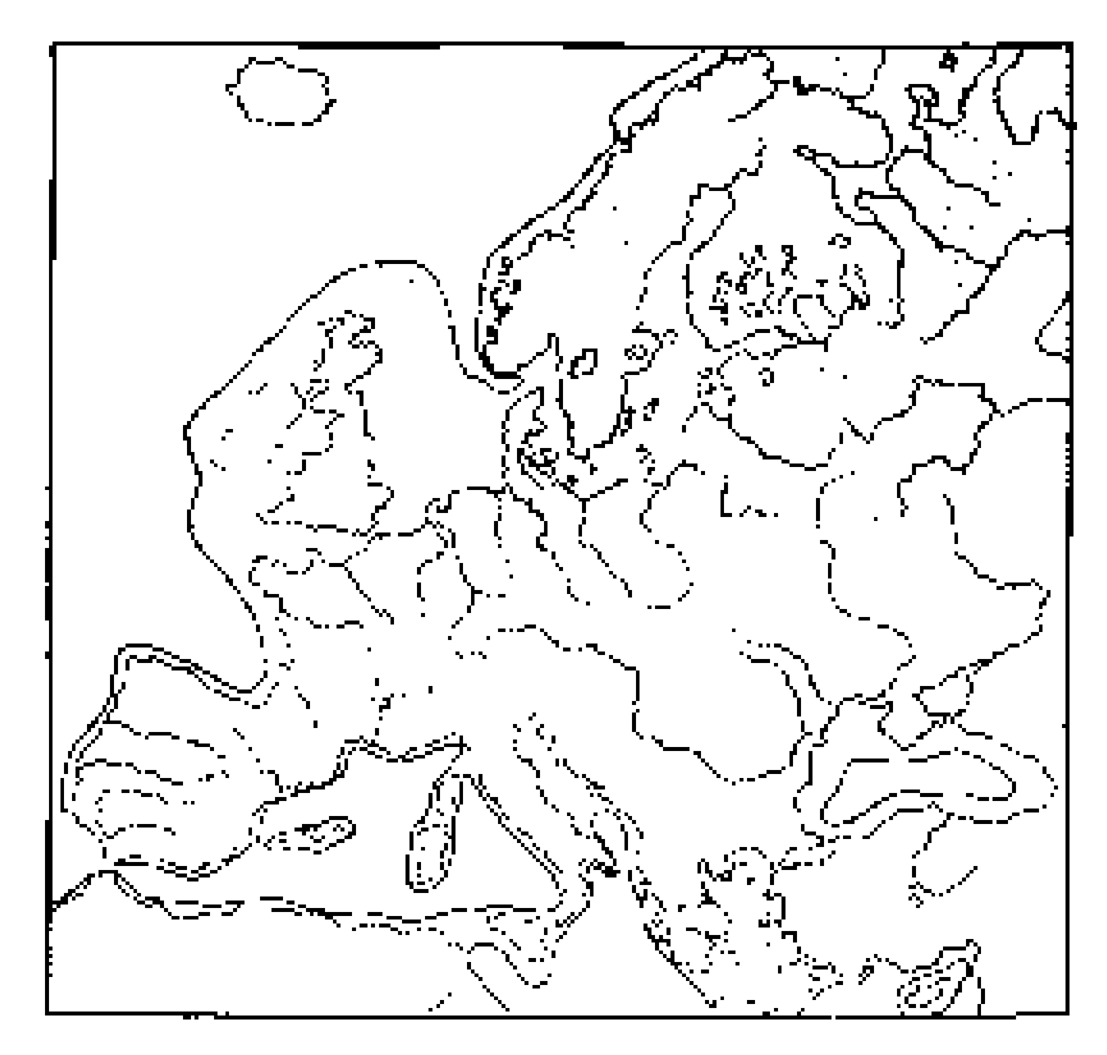
Питекантроп

Первым был найден наиболее древний из всех известных сейчас первобытный человек —*питекантроп* (буквально «обезьяночеловек»). Кости питекантропа впервые были обнаружены в результате настойчивых поисков, продолжавшихся с 1891 по 1894г., голландским врачом Э. Дюбуа вблизи Триниля, на острове Ява. Отправляясь в Южную Азию, Дюбуа поставил своей целью найти останки переходной от обезьяны к человеку формы, так как существование такой формы вытекало из эволюционной теории Дарвина. Открытия Дюбуа с избытком оправдали его ожидания и надежды. Найденные им черепная крышка и бедро сразу показали огромное значение тринильских находок, так как было обнаружено одно из важнейших звеньев в цепи развитая человека.

В 1936 г. в Моджокерто, также на Яве, был найден череп ребёнка питекантропа. Там же оказались кости животных, в том числе, как полагают, несколько более древних, нижнеплейстоценового времени. В 1937 г. местные жители доставили в Бандунгскую геологическую лабораторию из Сангирана наиболее полную крышку черепа питекантропа, с височными костями, а затем в Сангиране же были обнаружены и другие останки питекантропа, в том числе ещё два черепа. Всего в настоящее время известны останки по крайней мере семи особей питекантропа.

Как показывает само его название, питекантроп (обезьяночеловек) связывает древних высокоразвитых обезьян типа австралопитека с первобытным человеком более развитого типа. О таком значении питекантропа наиболее полно свидетельствуют черепа из находок в Триниле и Сангиране. В этих черепах сочетаются специфические обезьяньи и чисто человеческие черты. К первым относятся такие особенности, как своеобразная форма черепа, с резко выраженным перехватом в передней части лба, около глазниц, и массивным, широким надглазничным валиком, следы продольного гребня на темени, низкий свод черепа, т. е. наклонный лоб, и большая толщина черепных костей. Но в то же время питекантроп был уже вполне двуногим существом. Объём его мозга (850—950 *куб. см)* был в 1,5—2 раза больше, чем у современных нам человекообразных обезьян. Однако по общим пропорциям и степени развития отдельных долей мозга питекантроп больше приближался к антропоидам, чем к человеку.

Судя по остаткам растений, в том числе превосходно сохранившимся листьям и даже цветам, найденным в отложениях, непосредственно перекрывающих костеносный тринильский слой, питекантроп жил в лесу, состоявшем из деревьев, которые и сейчас растут на Яве, но в условиях несколько более прохладного климата, существующего ныне на высоте 600—1200 *м* над уровнем моря. В этом лесу произрастали цитрусовые и лавровые деревья, фиговое дерево и другие растения субтропиков. Вместе с питекантропом в тринильском лесу обитало множество разнообразных животных южного пояса, кости которых уцелели в том же костеносном слое. При раскопках больше всего найдено рогов антилоп двух видов и оленя, а также зубов и

Очертания материка Европы в раннем плейстоцене.

обломков черепов диких свиней. Там же оказались кости быков, носорогов, обезьян, гиппопотамов, тапиров. Нашлись также останки древних слонов, близких к европейскому древнему слону, хищников — барса и тигра.

Как полагают, все эти животные, кости которых найдены в тринильских отложениях, погибли в результате вулканической катастрофы. Во время извержения вулкана лесистые склоны возвышенностей были засыпаны и обожжены массой раскалённого вулканического пепла. Затем дождевые потоки проложили в рыхлой толще пепла глубокие каналы и вынесли в тринильскую долину кости тысяч погибших животных; так образовался костеносный слой Триниля. Нечто подобное имело место во время извержения вулкана Клут в восточной части Явы в 1852 г. По словам очевидцев, огибавшая вулкан большая судоходная река Бронтас вздулась и высоко поднялась. В её воде было не менее 25% вулканического пепла, смешанного с пемзой. Цвет воды был совершенно черным и она несла такую массу сваленного леса, а также трупов животных, в том числе буйволов, обезьян, черепах, крокодилов, даже тигров, что был сломан и полностью уничтожен стоявший на реке мост, самый большой из всех мостов на острове Ява.

Вместе с другими обитателями тропического леса жертвой подобной катастрофы в глубокой древности стали, очевидно, и питекантропы, кости которых обнаружены в Триниле. Эти особые условия, с которыми связаны тринильские находки, как, вероятно, и находки костей питекантропов в других местах на Яве, объясняют, почему там не оказалось никаких признаков употребления питекантропами орудий.

Если бы костные останки питекантропов были найдены в местах временных стоянок, то наличие орудий труда было бы весьма вероятным. Во всяком случае, судя по общему уровню физического строения питекантропа, следует предполагать, что он уже изготовлял орудия и постоянно пользовался ими, в том числе не только деревянными, но и каменными. Косвенным доказательством того, что питекантроп изготовлял каменные орудия труда, служат грубые изделия из кварцита, обнаруженные на юге острова Ява, вблизи Патжитана, вместе с останками тех же самых животных, кости которых найдены у Триниля в одной толще отложений с костями питекантропа.

Можно, таким образом, сделать вывод, что с питекантропом и близкими к нему существами закапчивается начальный период в формировании человека. Это было, как мы видели, то отдалённейшее время, когда наши предки вели стадный образ жизни и лишь начинали переходить от употребления готовых предметов природы к изготовлению орудий труда.

2. Начальные ступени человеческой истории

Древнейшие орудия из камня

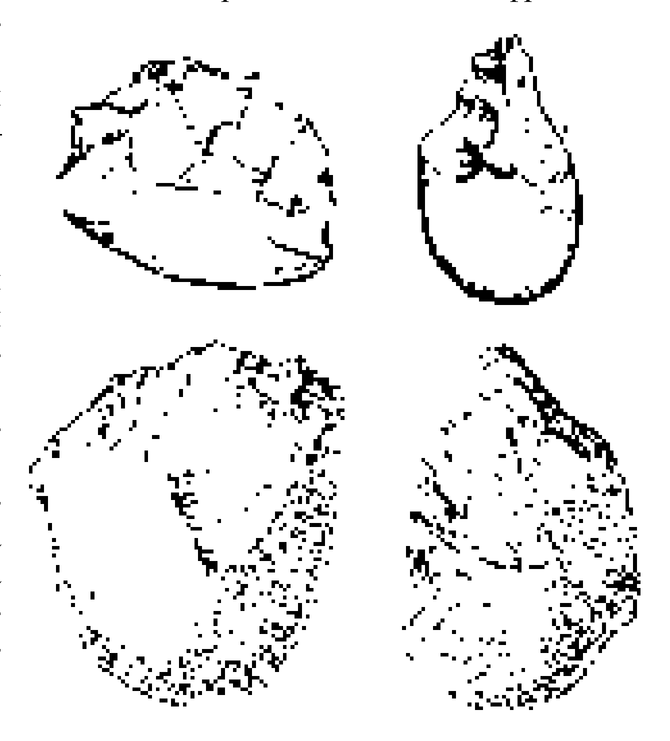
Примерно с 700—600 до 40 тысячелетия до н. э., по определению археологов и геологов, длился тот древнейший период человеческой истории, который называют нижним (или ранним) палеолитом. Если первые орудия представляли собой необработанные случайные куски камня с острыми краями и простые палки, то с течением времени люди начинают намеренно изготовлять орудия труда из камня, применяя для этого простейшие технические приёмы дробления и раскалывания камней. Одновременно, надо полагать, они научились заострять свои примитивные орудия из дерева, обжигая острия палок на огне или обрезая их острыми камнями.

Древнейшие деревянные изделия исчезли бесследно, и поэтому наука ничего не может сказать о них. Очень трудно также отличить расколотые природными силами кремни (так называемые *эолиты*) от тех грубых первоначальных изделий, которые на первых порах выделывал первобытный человек, намеренно раскалывая кремнёвые желваки и булыжники с целью получения необходимого ему режущего лезвия или острия. Тем не менее не может быть сомнения в том, что имеющим правильную и устойчивую форму каменным орудиям предшествовали именно такие бесформенные грубые изделия. Этот начальный этап первичного использования режущих свойств камня, этап, следующий непосредственно за использованием палок и острых камней в готовом природном виде, должен был охватывать огромный промежуток времени, во всяком случае несколько сотен тысячелетий.

Вслед за тем складываются уже определённые приёмы использования камня. Появляются первые целесообразно оформленные орудия, а не случайно полученные куски камня с режущим лезвием или остриём. Такими первичными орудиями и должны были, очевидно, пользоваться питекантропы.

На территории Западного Пенджаба (современный Пакистан), в древних галечных отложениях реки Соан, были найдены, например, грубые массивные отщепы, бесспорно сделанные рукой человека, получившие название «раннесоанских». Вместе с ними обнаружены грубые орудия, сделанные из целых галек, грубо отёсанных только на одном конце, в то время как вся остальная поверхность камня оставлена в естественном виде. Примерно к тому же времени относят одно из местонахождений в Китае, недалеко от Пекина (Чжоукоудянь), где найдены останки животных, относящихся к ранней фазе нижнего плейстоцена. Там же оказались обожжённые кости и одна двусторонне оббитая галька — «древнейшее изделие человека, известное сейчас на территории Китая»,— как пишет о ней известный китайский археолог Пэй Вэнь-чжун.

К числу таких древнейших орудий принадлежат и грубо обработанные галька, найденные в разных областях африканского материка: в Кении, Уганде, Марокко, Танганьике и в долине реки Вааля. Они имеют миндалевидную форму. Один конец их оббит по краям несколькими сколами и превращён в грубое массивное остриё. В Восточной Африке такие орудия оказались в самом основании древних галечных отложений реки Замбези (Олдовэйское ущелье). Вместе с ними были найдены кости примитивного слона — предка древнего слона, слона-динотерия, зебры, рогатой жирафы. На юге Африки такие орудия найдены в гравии древних террас реки Вааля. В классической области древнего палеолита Европы, в долине реки Соммы, у города Амьена, в галечных отложениях второй террасы, вместе с подобными изделиями найдены также многочисленные отщепы, изготовленные людьми. Слегка подправленные вдоль лезвий грубой ретушью [1], они образуют различного вида примитивные орудия, похожие на острия, а также скрёбла с выпуклым и вогнутым лезвием; форма целиком зависит ещё от очертаний исходного материала, т. е. отщепов. В тех же галечных слоях встречены кости животных среднеплейстоценового времени — южного слона, древнего слона, носорога Мерка [2], этрусского носорога, лошади Стенона [2], саблезубого тигра (махайрода).

Древнейшие ручные рубила.
Вверху—из Юго-Восточной Азии, внизу — из Африки (Олдовэйское ущелье).

Шелльский период

Следующий этап развития материальной культуры древнейших людей назван археологами «шелльским» (по селению Шелль во Франции, при впадении реки Марны в Сену, где были впервые обнаружены каменные орудия, характерные для этого этапа). Полнее всего изучены шелльские местонахождения во Франции, в долине Соммы, у Амьена. Они рисуют уже вполне сложившуюся технику использования кремня, в основе которой лежит приём двустороннего стёсывания гальки, получавшей таким образом определенную, строго целесообразную форму массивного орудия, один конец которого имел вид острия. Это и были шелльские ручные рубила. Оставленная без обработки гладкая часть гальки на конце, противоположном острию, служила естественной рукоятью, удобной для держания орудия в ладони. Края шелльских рубил оформлялись сильными, наносившимися попеременно то с одной, то с другой стороны сколами и поэтому, если смотреть на них сбоку, имеют характерный зигзагообразный вид.

Шелльское рубило, — единственная чётко выраженная форма крупных орудий того времени, — несомненно, было универсальным по своему назначению. Шелльский

[1] Ретушь здесь — обработка камня мелкими сколами.
[2] Названы по фамилиям учёных, изучивших и определивших ископаемые остатки этих животных.

человек мог выполнять им все работы, при которых необходимо прочное острие и массивные режущие лезвия, а в то же время требовалось наносить сильные удары — рубить, резать, копать землю, например, при добыче съедобных растений или при извлечении мелких животных из нор. Само собой разумеется, что рубило могло служить и в качестве оружия при защите или нападении, особенно во время охоты на животных. Интересно, что шелльские рубила удобнее захватываются правой рукой и при этом так, что рабочей частью орудия оказывается не только острый конец его, но и боковое продольное лезвие. Уже в шелльское время человек работал преимущественно правой рукой.

Однако рубило вовсе не было единственным орудием шелльского человека. Во всех памятниках шелльского времени вместе с рубилами встречаются и мелкие орудия, хотя и грубые, но с совершенно определившейся формой: острия, грубые проколки, скребловидные орудия. Древний мастер неизбежно получал в результате отёсывания исходного желвака или гальки большое количество отщепов. Каждый крупный отщеп мог быть при этом использован как примитивный режущий инструмент в готовом виде даже без дальнейшей обработки. Такие острые отщепы могли служить для расчленения охотничьей добычи, заменяя отсутствовавшие у человека острые когти и клыки. Ещё важнее, по-видимому, была их роль в качестве инструментов для изготовления орудий и вооружения из дерева, хотя бы в виде простых заострённых дубин и палок.

Ручное рубило ранеешелльского типа.
Африка, Олдовэйское ущелье.

К области распространения палеолитических орудий относятся и далекие от Средиземного моря южные области Азии. Давно известны ручные рубила шелльского облика, найденные в Индии, особенно в районе Мадраса; есть они и на острове Цейлон. Шелльские рубила обнаружены в настоящее время и на севере Пакистана — в Пенджабе, а также в Кашмире, в Верхней Бирме, в Малайе, на Яве.

В СССР орудия шелльского типа обнаружены советскими исследователями в Армении. Территория Армении представляет собой высокое плато, почти сплошь покрытое мощными толщами лав четвертичного времени, которые перекрыли более древний, раннечетвертичный рельеф страны. Только немногие участки армянского плато остались свободными от влияния вулканической деятельности четвертичного периода. На одном из таких участков и расположена возвышенность Большой Богутлу или Артин, у подножья которой находится холм Сатани-Дар, получивший теперь всемирную известность в археологии.

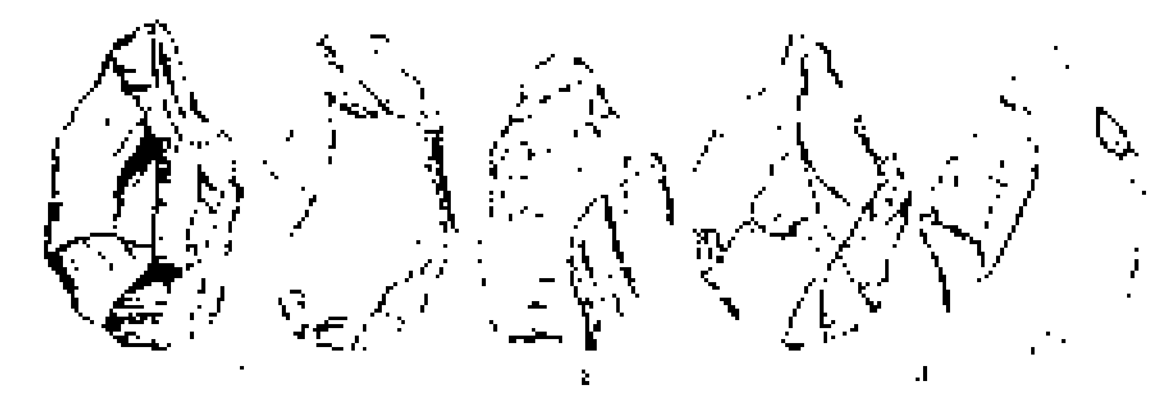
На склонах Сатани-Дара, усыпанных осколками вулканического стекла — обсидиана найдены куски этого камня, обработанные человеком. Таковы прежде всего грубые рубила. Форма их миндалевидная и сердцевидная, лезвие зигзагообразное, рукоять, или, как иногда пишут, «пятка», нередко занимает около двух третей орудия. Вместе с ручными рубилами встречаются грубые дисковидные рубящие орудия, массивные остроконечники и примитивные «свёрла», т. е. отщепы или куски обсидиана с остриём.

Близкие по типу архаические орудия обнаружены на черноморском побережье Кавказа, особенно в Яштухе, около Сухуми. Грубые отщепы и изделия типа ручных рубил найдены также на Днестре, около Луки-Врублевецкой. Таким образом, зона,

в которой началось развитие человечества, охватывала ряд южных районов Советского Союза.

Судя по распространению шелльских орудий, человек в то время существовал уже во многих местах. В Европе наиболее многочисленные следы его деятельности известны, как сказано выше, во Франции. Шелльские орудия в большом числе найдены и в Испании. Обилие шелльских находок в Африке подтверждает, что этот континент, в особенности долина Верхнего Нила и прилегающие к ней ныне пустынные области, являлся одним из тех мест, где уже в то время жил человек.

Исключительно ценны также новейшие находки на территории Северной Африки, в Тернифине (Алжир). Здесь при разработке песчаника ещё с 70-х годов прошлого века нередко

Ручные рубила (1, 3) и остроконечник (2) позднешелльского типа.
Армения, Сатани-Дар.

находили кости животных нижнечетвертичного времени: крупного слона- атлантикуса, в том число целый череп этого слона, кости гиппопотама, носорога, зебры, жирафы, верблюда, крупного павиана, антилопы, а также саблезубого тигра — махайрода. Вместе с этими костями встречались сходные с шелльскими грубые каменные изделия из плотного песчаника, известняка и реже из кремня, в том числе трёхгранные в поперечном сечении, двусторонне обработанные рубила. В 1934 г. в Тернифине в тех же условиях, в тех же слоях были обнаружены и останки древнейших людей.

Таким образом, впервые с полной ясностью устанавливается, что древнейшие люди, близкие по уровню своего развития к питекантропу и вместе с тем уже имевшие черты сходства с более развитым человеком—синантропом, как и следовало ожидать, выделывали орудия именно шелльского типа, пользовались в своей трудовой жизни рубилами шелльских форм.

Условия жизни человека в шелльский период

Чтобы представить себе условия, в которых существовал человек шелльского периода, следует обратить внимание прежде всего на останки животных, обнаруженные при раскопках вместо с шелльскими орудиями или в отложениях, в которых такие орудия встречаются.

Во Франции это были южные животные отдалённого доледникового прошлого — гиппопотам, древний слон с прямыми бивнями, носорог Мерка, лошадь Стенона, гигантский бобр. Шелльского человека во Франции, в районе современного Парижа, окружала, таким образом, природа, похожая на ту, в которой жил на Яве питекантроп. В сходных условиях жил шелльский человек и на территории СССР.

Условия, в которых обнаруживаются шелльские орудия, залегающее в галечных отложениях древних речных террас, показывают, что человек того времени жил

небольшими группами и вёл бродячую жизнь по берегам рек, озёр и в глубине субтропического леса. Во время дождя или в жару убежищем человеку могли служить густые группы деревьев или кустов, скальные навесы и в лучшем случае самые примитивные шалаши-навесы из наскоро набросанных ветвей. Одежда отсутствовала или ограничивалась накидками из невыделанных шкур животных.

Добывание огня не было известно. Самое большее, что было в возможностях человека, — это некоторое время поддерживать огонь, возникший помимо его воли.

Находки костей крупных животных вместе с шелльскими орудиями, по-видимому, свидетельствуют о том, что люди этого времени иногда убивали гигантских толстокожих животных. Но достаточно взглянуть на примитивные шелльские изделия, чтобы убедиться в том, что такая охота ещё не могла быть систематической. Основным источником существования людей шелльского времени, вероятно, была охота на мелких животных. Лишь в редких случаях им удавалось воспользоваться неопытностью детёнышей крупных зверей или убить большое животное. Большое значение должно было иметь также и собирание дикорастущих съедобных растений, которыми изобилуют субтропики, а также насекомых и ящериц.

Но главное, с исторической точки зрения, заключалось в том, что охотник и собиратель шелльского времени уже прочно и бесповоротно стоял на человеческом пути развития. С этого времени древнейшее человечество шло по пути прогресса, обусловленного развитием и усложнением коллективной трудовой деятельности — той силы, которая выделила человека из животного мира и затем высоко подняла его над природой.

Дальнейшее развитие труда находит своё отражение в усовершенствовании каменных орудий и техники их изготовления.

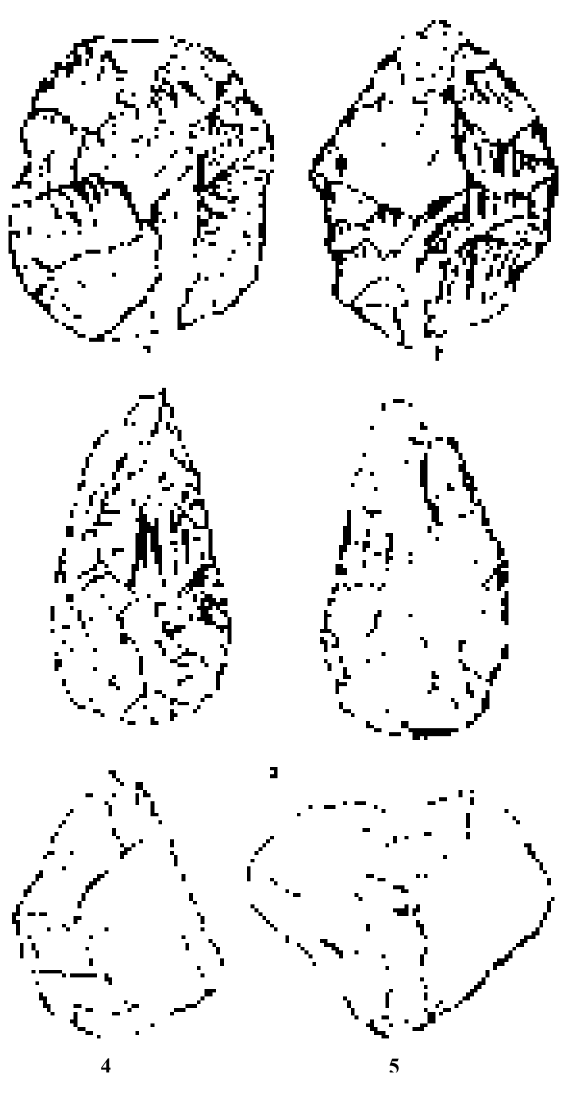
Ашельский период

Везде, где встречаются грубые шелльские орудия, на смену им появляются новые, более тщательно и умело изготовленные — ашельские [1]. Ашельское рубило отличается от шелльских рубил прежде всего своими правильными миндалевидными, треугольными или овальными очертаниями. Поверхность ашельских рубил обычно сплошь обработана сколами, свидетельствующими уже о хорошем знании свойств кремня, о несравненно более искусной руке мастера, которая наносила теперь меткие и хорошо рассчитанные удары. Если человек шелльского времени мог наносить только сильные и резкие удары, в результате которых на краях орудия оставались глубокие выемки, то ашельский человек научился отделять от камня тонкие и плоские отщепы. Лезвие ашельских рубил было поэтому уже не зигзагообразным, а прямым и острым. Улучшаются формы орудий, изготовленных из отщепов, устойчиво повторяются серии определённых изделий: остроконечников, скрёбел и так называемых свёрл.

Важными были и перемены в образе жизни людей. В ашельское время впервые возникают охотничьи лагери, появляются более или менее постоянные поселения. Замечательным примером таких поселений могут служить раннеашельские находки Торральбе (Испания). Древнее поселение располагалось здесь на высоте 112 *м* над уровнем моря, на берегу древнего озера. К озеру на водопой, на его покрытые сочной растительностью берега приходили слоны, носороги, быки, олени и лошади, становившиеся добычей первобытных людей. На стоянке уцелело множество костей этих животных, в том числе целые черепа южного слона с бивнями, достигающими 3 *м* в длину кости этрусского носорога и носорога Мерка, лошади Стенона. Вместе с костями животных в культурном слое были обнаружены многочисленные рубила из кварцита, халцедона и песчаника, а также обычные мелкие изделия из отщепов.

[1] Названы так по месту их первого обнаружения в Сент-Ашеле (предместье города Амьена во Франции).

Человек ашельского времени уже широко осваивает готовые природные жилища, которыми служили для него пещерные навесы и гроты. Известны пещерные поселения ашельского времени в гроте Обсерватории, вблизи Монако, у берега Средиземного моря, в пещере Умм-Катафа, к юго-востоку от Иерусалима, и особенно в пещере Эт-Табун, на горе Кармел, в северной части Палестины.

Позднеашельские орудия из обсидиана (Арзни, Армения):
1,2—овальные ручные рубила; 3 — ручное рубило миндалевидной формы; 4 — остроконечник;
5 — дисковидный нуклеус.

Пещера Эт-Табун имела вид глубокой и высокой ниши, открытой к северу и заполненной рыхлыми пещерными отложениями более чем на 15 *м*. В её позднеашельском слое были обнаружены остатки очагов в виде темно-бурых или жёлтых пятен обожжённой земли. Обработанные кремни располагались неодинаково, преимущественно около скалистой стены грота. В одном мосте у входа в грот оказалось скопление орудий, состоявшее из 29 специально запрятанных ручных рубил. Всего в раскопанных участках грота найдено было около 50 тыс. изделий, причём подавляющую массу их составляли готовые, вполне законченные орудия: рубила, скребки, острия, ретушированные отщепы и пластины. Самым поразительным является здесь множество ручных рубил, что указывает на важное значение этого древнейшего орудия в жизни палеолитического человека. Их найдено здесь более 8 тыс.

Многочисленные следы очагов, множество превосходно обработанных орудий из кремня, в том числе тысячи рубил, наглядно показывают, что пещера Эт-Табун на протяжении тысячелетий служила жилищем человеку того времени, уже далеко оставившему позади своих предшественников и предков шелльского периода, бродивших без постоянных пристанищ в субтропических лесах и джунглях доледниковой эпохи. Огонь стал теперь, вместо с орудиями труда, основой существования человека и опорой первобытной общины в ее борьбе с природой.

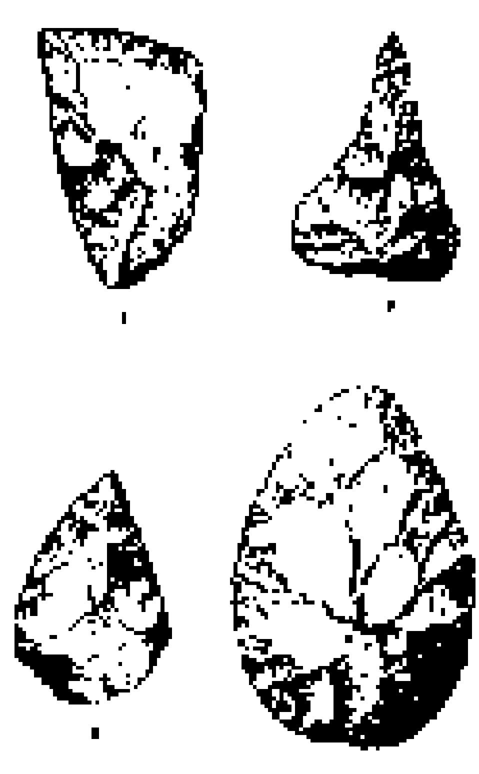
Человек ашельского времени, очевидно, использовал огонь не только в качестве источника живительного тепла для согревания своего тела в холодное время года, но и как средство борьбы с постоянно угрожавшими ому хищниками. Даже слабые старики, женщины и дети, вооружённые пылающей головней, были сильное тех зверей, которые являлись грозой тропического леса.

Очень рано, надо полагать, люди научились поджаривать на огне мясо животных, а также съедобные коренья и плоды. Это не только улучшило пищу и расширило

пищевые ресурсы, но и положило ещё более резкую грань между человеком и животными, способными употреблять пищу только в её естественном, данном самой природой виде.

Синантроп

Долгое время не был известен, однако, блик самого человека ашельской поры. Единственной европейской находки (мы имеем в виду так называемую гейдельбергскую челюсть, найденную в 1907 г. близ Гейдельберга, в Германии,— откуда и происходит её название), относящейся примерно к этому периоду, было недостаточно для выяснения облика человека ашельской поры. Совершенно исключительное значение имеют поэтому замечательные находки китайских учёных в Чжоукоудяне, заполняющие разрыв, имеющийся между находками останков древнейшего обезьяночеловека (питекантропа), с одной стороны, и человека следующего этапа *(неандертальца) — с* другой.

Орудия конца ашельского времени
из пещеры Эт-Табун (Палестина):
1 — скребло; 2 — рубильце; 3 — остроконечник;
4 — ручное рубило.

Чжоукоудянь находится в 54 *км* юго-западнее Пекина, в том месте, где пекинская равнина переходит в горный район, изрезанный долинами. Во время систематических исследований, предпринятых китайскими научными учреждениями с 1934 по 1937 г., до японского вторжения в Китай, была выполнена огромная работа по изучению чжоу-коудяньских отложений с остатками древней фауны, представляющих собой заполнение древних трещин и пещер. В Китайской Народной Республике исследования всемирно знаменитых чжоукоудяньских находок были возобновлены и снова дали богатые результаты.

В итоге долголетних работ установлено, что в Чжоукоудяне в пяти пунктах (местонахождения № 1, 4, 13, 15 и «Верхняя пещера») вместе с костями животных имеются следы деятельности человека.

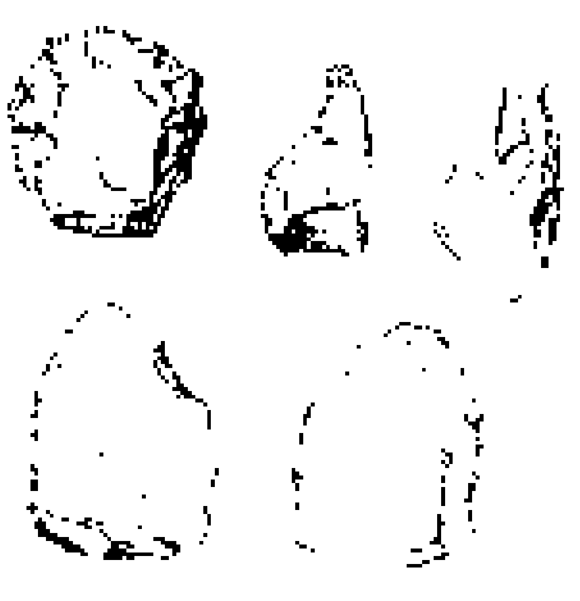
Наиболее обширным и богатым находками явилось местонахождение № 1. Первоначально это была грандиозная пещера, состоявшая, возможно, из нескольких пещер, расположенных ярусами, но своды их разрушились ещё в начало верхнеплейстоценового времени. Первобытный человек обитал в ней в течение многих десятков или даже сотен тысячелетий, за которые накопилась толща отложений более 50 *м.* Это было, по мнению одних исследователей, раннеплейстоценовое время. По мнению же других, более вероятному, заселение основной пещеры Чжоукоудянь древнейшими людьми относится к среднеплейстоценовому времени, т. е. к концу второго оледенения или к межледниковому этапу, отделяющему второе оледенение от следующего, третьего ледникового периода в Гималаях.

Современниками человека того времени, названного учёными *синантропом,* были носороги двух видов, саблезубый тигр и другие представители гигантских кошек среднеплейстоценового времени, два вида медведей, китайская гиена, дикие лошади, кабан, газели, олени, буйволы. Синантроп охотился

главным образом на оленя. Из найденных в пещере костей животных оленю Принадлежит 70 %. Кроме того, синантроп употреблял в пищу съедобные растения, особенно ягоды и плоды, в том числе дикую вишню. Самой замечательной чертой отложений в местонахождении № 1 является наличие в ном мощных слоев золы, указывающих, что синантроп широко и повседневно пользовался огнём, сжигая в кострах кустарник, хотя, может быть, ещё и не умел искусственно добывать огонь.

Найденные здесь каменные изделия изготовлены, главным образом, из песчаника, кварца, а также отчасти кварцита, вулканических пород, роговика и кремня. Синантроп использовал обычно в качестве сырья для изготовления своих орудий скатанные водой речные гальки, грубо оббивая их вдоль одного края. Таким способом изготовлялись крупные рубящие орудия с широким овальным лезвием, как у сечки или топора-колуна. Обычными были и грубые дисковидные каменные ядрища-нуклеусы, от которых отбиты отщепы и пластины. Отщепы и пластины употреблялись как режущие инструменты. Простая подправка по краю ретушью превращала их в скребловидные орудия или острия.

Таким образом, хотя в пещере синантропа и не найдено бесспорных ручных рубил, подобных ашельским, синантроп по общему уровню своего культурного развития поднялся уже достаточно высоко. Он пользовался достаточно высоко. Он пользовался огнём, имел постоянные места обитания в пещерах, добывал таких крупных животных, как олени, газели и дикие лошади, охотился даже на носорогов. По общему уровню развития техники большинство авторов относят синантропа к раннешелльскому периоду, другие видят в ном даже черты, близкие к более позднему, мустьерскому, периоду. Правильнее было бы относить находки в Чжоукоудяне к ашельскому времени.

Орудия синантропа

Об относительно более высоком уровне развития синантропа свидетельствуют и его костные останки. В Чжоукоудяне на различных уровнях местонахождения № 1 рассеяны останки более чем 40 особей синантропа, в том числе фрагменты черепов. Судя по строению нижних конечностей, синантроп был уже вполне двуногим существом. Общее прогрессивное развитие синантропа нашло отчётливое выражение в устройстве его верхних конечностей, всё быстрее развивавшихся в процессе постоянной и систематической трудовой деятельности. Его верхние конечности были в основном уже настоящими человеческими руками, образовавшимися в результате труда и предназначенными главным образом для трудов их действий.

В процессе развития труда у синантропа со всё большей отчётливостью складывалась и такая чисто человеческая черта, как преимущественное значение правой руки. В отличие от животных, у которых передние конечности развиты строго симметрично, и даже от питекантропа у синантропа правая рука несла несравненно большую трудовую нагрузку, чем левая. Это видно из того, что мозг синантропа имеет асимметричное строение — одна половина его мозга развита лучше другой.

Расселение людей типа синантропа

Большое значение имеют находки останков близких к синантропу существ в других странах. Таковы зубы, найденные в 1948 г. на севере Вьетнама, сходные с зубами синантропов; две челюсти, близкие к челюсти гейдельбергского человека, обнаруженные в 1949 и 1950 гг. в пещере Сварткранс, на юге Африки; коренной зуб, найденный в Трансваале в 1938 г., принадлежащий какому-то представителю древнейших людей, близкому к синантропу.

Человекообразное существо, которому принадлежали кости, обнаруженные в пещере Сварткранс, имеет черты, близкие как к синантропу из Китая, так и к гейдель-бергским людям из Европы. В 1935 г. у озера Эяси, в Восточной Африке, обнаружены остатки черепов таких же близких к синантропу существ, которые получили название *африкантропов*. Не менее интересной,— как новое указание на тот факт, что останками синантропа и близких к нему по облику существ представлен определённый этап эволюции человека,— является находка одной нижней челюсти в 1953 г. в Макапансгате (Центральный Трансвааль, Африка). Челюсть эта, обнаруженная в известняковом карьере, принадлежала взрослой, по-видимому, женской особи существа, названного «прометеев австралопитек», и очень похожа на челюсть синантропа из Чжоукоудяня.

На территории Советского Союза ашельские орудия, свидетельствующие о наличии здесь в то время древнейших людей, обнаружены сейчас целыми сериями на Северном Кавказе, в Абхазии, Армении, Южной и Северной Осетии. Следы пребывания человека этого или очень близкого времени найдены сейчас и в Туркменистане — у берегов Каспийского моря, а также на высотах Тянь-Шаня — в Киргизии.

Таким образом, на огромном пространстве южных областей Азии, на юге Европы, а также в Африке вплоть до её крайних южных областей в среднеплейстоценовое время, перед великим, или максимальным, оледенением Северной Европы и Северной Азии, уже жили древнейшие люди, стоявшие по степени развития их орудий на уровне ашельской культуры, а по физическому облику близкие к синантропу.

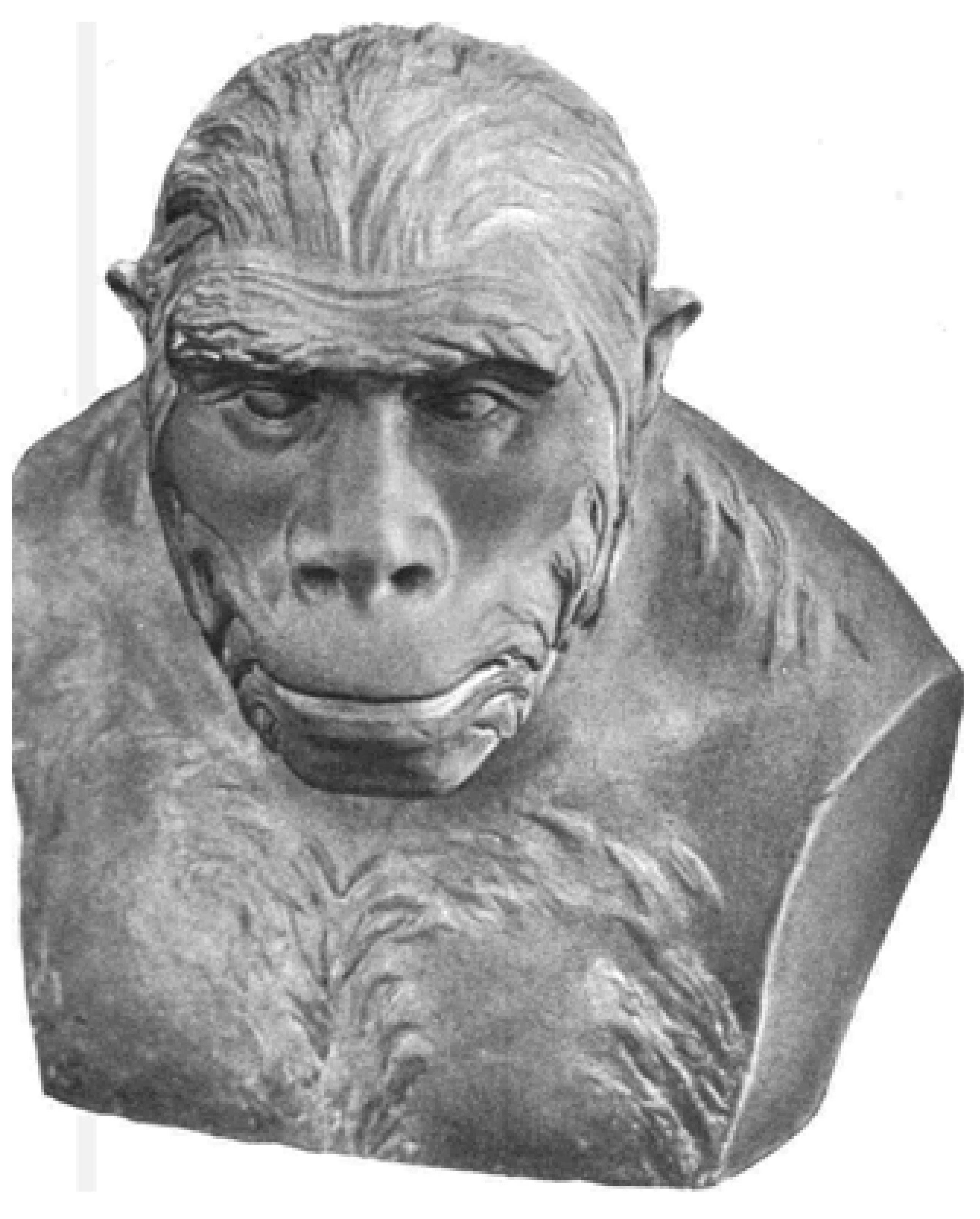
На всей этой территории неуклонно шел прогрессивный процесс развития первобытного человечества, имевший в своей основе развитие труда, укрепление общественных связей.

Укрепление общественных связей

Коллективы синантропов и, очевидно, их ближайших предшественников качественно отличались от тех объединений, которые свойственны животным. Это было уже не стадо обезьян, а человеческое объединение, хотя ещё весьма примитивное.

Мы не можем ясно представить себе внутренний строй этих древнейших объединений, так как этнографам неизвестно ничего похожего на состояние людей столь отдаленного времени, да и совершенно невозможно, чтобы каким-то чудом спустя 500 — 300 тыс. лет уцелел до нашего времени тип отношений, хотя бы отдалённо похожий на строй коллективов шелльского или ашельского времени. Даже наиболее отсталые группы человечества, оказавшиеся в XVIII—-XIX вв. на самых отдалённых от центров передовой культуры местах земного шара, вроде тасманийцев, по своему физическому и умственному развитию не отличались от других современных людей. Очень мало может дать для решения этой сложной проблемы также и изучение различных пережитков древних общественных отношений даже у ряда племён нашего времени.

Бесспорно одно: общий уровень развития первобытных людей в тот период был крайне низким. На всей огромной территории расселения древнейшего человечества находились отдельные небольшие группы людей, отделённые друг от друга обширными пространствами. Их технический опыт и производственные навыки нарастали чрезвычайно медленно. Орудия труда были крайне грубыми и несовершенными. Труд в целом оставался ещё неразвитым.

Питекантроп
Реконструкция по А.П. Быстрову и К.М. Казанцеву

Синантроп
Реконструкция М. М. Герасимова 1945 г. по обломкам черепа, найденным в пещере Чжоукоудянь, близ города Пекина

Прямым наследием животного прошлого были формы брачных отношений внутри этих древнейших общин. Судя по тому, что мы знаем об этих отношениях в более поздних человеческих общинах, где они только частично были урегулированы, в это Древнейшее время брачные отношения должны были иметь беспорядочный характер (стадия *промискуитета),* определяясь лишь биологическим инстинктом.

Но самое основное заключалось в том, что внутри такой первобытной группы, орды или человеческого первобытного стада, существование которого было обусловлено жизненной необходимостью, имелась такая могучая сила, какой не было и не могло быть даже в наиболее крепко спаянном стаде животных, — коллективная трудовая деятельность в борьбе с природой. В процессе развития трудовой деятельности внутри первобытной общины росли и крепли общественные связи, обуздывавшие прежние зоологические инстинкты, унаследованные человеком от его животных предков. В ходе тысячелетий новое, человеческое, всё больше и больше брало верх над старым, звериным. Это выразилось, в частности, в ограничении полового общения между родителями и их детьми.

Судя по строению мозга, древнейшие люди, до неандертальца включительно, не могли ещё в такой степени, как это стало возможным у позднейших людей, контролировать своё поведение, в частности сдерживать порывы ярости. Само собой разумеется, что чем дальше вглубь прошлого, тем эта черта древнейших людей должна была быть более резкой и сильно выраженной — у синантропа сильнее, чем у неандертальца, а у питекантропа сильнее, чем у синантропа. И, с другой стороны, чем дальше шла история, тем быстрее происходила эволюция человека как общественного существа, тем сильнее сказывалось воспитывающее влияние первобытной общины, тем полнее поведение индивида определялось общественными связями. Во всяком случае ясно, что даже самые первобытные люди никогда не вели жизнь одиноких «робинзонов». История древнейшего человечества не знает фантастического периода индивидуальной охоты и поисков нищи. Сила первобытных людей, их преимущество перед самыми сильными и опасными хищниками заключались в том, что они выступали не в одиночку, а коллективом, скреплённым трудовой деятельностью, совместной борьбой с природой.

Развитие высшей нервной деятельности человека

О непрерывном восходящем развитии человеческого ума наглядно свидетельствует последовательное возрастание объема головного мозга наших предков и усложнение его структуры, в особенности коры и тех частей мозга, с которыми связаны высшие функции мышления, о чем можно судить по рельефу внутренней полости черепа, соответствующей объёму и форме мозга.

Характерно, что на гипсовых отливках внутренней полости черепа питекантропа ясно видно, например, что у него гораздо слабее, чем у более поздних людей, была выражена лобная доля мозга; теменная часть мозга тоже имела примитивные черты строения. Изучая эти черты мозга питекантропа, исследователи пришли к выводу, что у него не были еще развиты в достаточной мере центры внимания и памяти, а способность к мышлению оставалась зачаточной.

Прогрессивная эволюция мозга синантропа нашла свое выражение, как мы уже видели, в непосредственно обусловленной ростом труда асимметричности его строения. Она выразилась вместе с тем и в других, не менее существенных изменениях этого органа. Если мозг питекантропа, имея в среднем объём около 870 *куб. см,* значительно превышал по своей величине мозг австралопитека и тем более человекообразных обезьян нашего времени, то мозг синантропа увеличился в ещё большей степени, достигнув в среднем объёма в 1040 *куб. см.* а один из черепов имел даже ёмкость в 1 225 *куб. см.*

Выше, чем у питекантропа, стал в результате общего увеличения мозга синантропа также и его черепной свод, что в свою очередь, надо полагать, должно было находиться в неразрывной связи с прогрессивным развитием строения черепа в целом,

с оформлением в нём новых, человеческих особенностей и в устройстве лицевой его части. Голова синантропа должна была поэтому иметь значительно более человеческий облик, чем у его предшественника — питекантропа.

Развитие человеческой психики шло в неразрывной связи с эволюцией его трудовой деятельности. «То состояние,—говорит Маркс,—когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы, относится к глубинам первобытных времен». То было время «первых животнообразных инстинктивных форм труда» [1]. Чем дальше шло развитие коллективной деятельности людей, тем, разумеется, всё богаче и полнее становилось мышление человека. Особое значение с этой стороны имеет непрерывное усовершенствование каменных орудий на протяжении нижнего палеолита. Сюда относятся в первую очередь ручные рубила, прошедшие в своей эволюции ряд этапов, начиная от простои гальки, лишь слегка затёсанной на конце, до изящных, геометрически правильных по очертаниям, миндалевидных или треугольных изделий конца ашельского времени. Такая последовательная эволюция форм древнейших орудий наглядно свидетельствует о прогрессивном развитии ума первобытного человека.

Прежде чем получить готовое орудие, нужно было найти подходящий для этого материал и верно оценить его технические качества. Затем следовала серия операций по предварительному освобождению камня от корки, по первичному оформлению орудия при помощи специального отбойника и, наконец, по окончательной отделке его, может быть даже не отбойником, а более подходящим инструментом типа деревянного молотка или отжимника.

И. П. Павлов показал, что в развитии высшей нервной деятельности у животных и человека следует различать два особых её вида. Один вид представлен первой сигнальной системой, выше которой но поднялись даже наиболее высокоорганизованные животные. Животные в состоянии воспринимать только конкретные сигналы — раздражения, поступающие в их мозг из внешнего мира. Энергия внешнего раздражения выступает и нервной сигнальной системе только как рефлекс, как конкретно-чувственное переживание в виде ощущения, отражающего лишь частные и конкретные качества тех или иных предметов внешнего мира. Животное ощущает, например тепло или холод, вкус того или иного предмета и соответственно реагирует своим поведением на эти ощущения в борьбе за существование.

Важнейшее значение имеет затем то обстоятельство, что необходимость успешного приспособления животных в борьбе за существование к меняющимся условиям среды требует гибкости поведения животных, т. е. быстрой смены реакции. Такая быстрая смена реакций обеспечивается условными рефлексами, не прирожденными, а приобретёнными Условные рефлексы позволяют животным обнаруживать пищу по случайным и временным признакам, которые и служат им условными сигнальными раздражителями побуждающими двигаться к источнику пищи. Если бы этого не было, животные не смогли бы искать пищу в изменчивой сложной обстановке и вымерли бы. Условные рефлексы спасают животных и от грозящей им опасности. И. П. Павлов писал, что если бы животное стало искать спасения только в тот момент, когда его коснулись клыки хищника, оно неминуемо погибло бы; но благодаря развитию условных рефлексов животное, как только услышит звуки, являющиеся сигналами приближения хищника, скрывается от врага.

Уже на этой ступени, следовательно, вырабатываются достаточно сложные формы отражения действительности, складывается достаточно гибкая высшая нервная деятельность животных. Однако зачатки познания ограничиваются на этой ступени немногим. Они не поднимаются выше способности различать качества отдельных предметов.

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, Госполитиздат, 1953, стр. 185.

Оставаясь в целом на уровне первой сигнальной системы, современные человекообразные обезьяны во многом ушли в её развитии дальше других животных. Их высшая нервная деятельность основана на значительно более усложненных и чётких условных рефлексах. Она соответственно отличается наибольшей подвижностью и гибкостью. Такое развитие высшей нервной деятельности антропоидных обезьян связано с их строением и обусловлено характером борьбы за существование.

Обладая четырьмя руками, которых нет у других животных, обезьяны могут легко выполнять такие действия, на какие неспособны четвероногие звери, например, пользоваться палками, камнями. В силу этого они вступают в более сложные связи с окружающей средой, могут совершать гораздо более сложные действия. В соответствии с усложнённым характером деятельности обезьян усложняются и рефлекторные процессы в их мозгу. Отдельные ассоциации, отдельные ощущения и впечатления сливаются у антропоидов в более сложные цепи ассоциаций, чем у других животных.

Благодаря своей повышенной наблюдательности антропоидные обезьяны в состоянии подмечать различные более тонкие явления и качества действительности. И. П. Павлов определял эти черты поведения обезьян как зачаточное «мышление в действии», в основе которого находятся цепи ассоциаций. Но с окончанием действия оканчивается и «мыслительный» процесс, ибо он у обезьян ограничен конкретной данной ситуацией, рамками данного действия. В отличие от человека обезьяна не в состоянии оторваться от данной конкретной ситуации, она не может сама проявить далеко идущую инициативу, сделать хотя бы простейшее изобретение, требующее обобщения.

Мышление в своём возникновении неразрывно связано со следующей, второй ступенью в развитии высшей нервной деятельности, свойственной только человеку и принципиально, качественно отличной от высшей нервной деятельности не только и принципиально, качественно отличной от высшей нервной деятельности не только Низших животных, но и наиболее высокоорганизованных обезьян.

Возникновение второй сигнальной системы явилось поэтому поворотным моментом, переходом от одного качества к другому, более высокому. Такой переход, разумеется, был подготовлен длительным развитием первой сигнальной системы у наиболее высокоорганизованных животных. Чтобы перейти от высшей нервной деятельности животных к человеческому мышлению, необходима была выросшая в процессе трудовой деятельности, на основе практического опыта сотен поколений, способность реагировать не только на прямое раздражение, но и на звуковой раздражитель особого рода — слово. Нужно, чтобы вызывающее реакцию ощущение замещалось словом,— это и есть вторая сигнальная система. Организм теперь реагирует уже не только на сигналы непосредственных внешних раздражений, но и на сочетания звуков, которые вначале сами были реакцией на такие раздражители. Сочетания звуков — слова становятся «сигналами сигналов». В них выражаются общие черты и качества, представленные во всём многообразии конкретных явлений и ощущений, и поэтому значение речи для становления человеческого мышления огромно. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Всякое слово (речь) уже *обобщает*. Чувства показывают реальность; мысль и слово—общее» [1].

В словах, в языке выражается уже отвлечённое мышление, в языке же оно и формируется, не может без него существовать. Само собой разумеется, что вторая сигнальная система у человека вовсе не отменяет и не исключает первую сигнальную систему. Напротив, богатство и сложность деятельности человеческого мозга определяется именно том, что человек обладает и первой и второй сигнальными системами, тесно связанными друг с другом. При этом следует подчеркнуть, что, будучи

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 250.

более совершенной формой высшей нервной деятельности, вторая сигнальная система существенно изменила у человека и работу его нерпой сигнальной системы. Благодаря слову человек воспринимает и ощущает мир иначе, чем животное,— он познает его в процессе своего общественного опыта. Процесс познания действительности находится у человека на качественно иной ступени, чем у всех других живых существ.

Отражая действительность в логических формах мышления, т. о. восходя от ощущений, впечатлений и конкретно-чувственных представлений — образов к абстрактным общим понятиям, человек выделяет существенное в предметах и явлениях. Он полнее и глубже раскрывает их действительную сущность, познаёт объективные законы реального мира. Зарождение отвлечённого мышления — долгий и сложный процесс. Он стал возможным благодаря трудовой деятельности, благодаря общественной жизни. Человек познаёт действительность в ходе её практического освоения, ежечасно, ежеминутно проверяя практикой свои представления. Сохраняя правильное и отбрасывая неправильное, он идёт от незнания к знанию.

Древнейшие люди, конечно, находились ещё чрезвычайно далеко от сколько-нибудь глубокого познания действительности, от власти над природой. Вооружённые лишь палками и грубыми каменными орудиями, только отчасти выделившиеся из животного царства, они стояли в самом начале великого пути человеческого прогресса.

Происхождение речи

Развитие мышления, таким образом, не может рассматриваться независимо от развития речи. Язык и мышление с самого начала вырастали на одной и той же трудовой почве, находились в неразрывной связи и во взаимодействии друг с другом. Язык закрепляет и регистрирует результаты работы мышления и делает возможным обмен мыслями, без чего невозможно общественное производство, а следовательно, и самое существование общества.

Отсюда ясно, какое огромное значение в истории древнейшего человечества, в развитии его мышления и культуры должно было принадлежать языку.

В науке, начиная ещё с древнего мира, было выдвинуто немало гипотез, потрачено много усилий, чтобы раскрыть тайну возникновения речи, установить время, когда она появилась, и причины, которые вызвали её к жизни. Но все попытки разъяснить происхождение речи были бесплодны, потому что создатели этих теорий но имели правильного диалектико-материалистического представления об обществе и историческом процессе и, следовательно, не могли понять общественную роль и значение языка.

Классики марксизма первые в истории развития науки показали, что язык, как средство общения между людьми, был рождён развитием труда и общества; он в то же время был условием и мощным стимулом дальнейшего развития трудовой деятельности человека и общественных связей.

Следует подчеркнуть при этом, что уже древнейшая речь была в основном звуковой- телодвижения и мимика только дополняли звуковую речь, хотя роль этих вспомогательных средств выражения мыслей и чувств могла быть у древних людей более значительной, чем в настоящее время.

Как известно, обезьяны являются самыми шумными обитателями тропического леса. В их жизни звукам принадлежит огромная роль. Громкие крики помогают обезьянам найти друг друга в густой листве, криками они предупреждают друг друга об опасности, привлекают внимание к запасам пищи. Разнообразные крики и шумы сопровождают передвижения обезьян, их игры и т. д. Звуками обезьяны выражают недовольство, гнев, страх, нетерпенье, отчаяние, удовлетворённость.

Но звуки, издававшиеся древнейшими людьми, уже принципиально должны были отличаться от звуков, которые может издавать голосовой аппарат обезьяны. Различие заключалось здесь, конечно, не просто и не только в богатстве тех или иных

модуляции, не в разнообразии звуков, а в их общественной роли, в их социальной функции у человека. Звуки речи древнейших людей качественно отличались от обезьяньих звуков, они находились примерно в таком же отношении к ним, в каком находятся употреблявшиеся первобытными людьми орудия труда, хотя бы самые простые, наиболее примитивные, к палкам и камням, которыми иногда пользовались обезьяны.

Какими бы ни были примитивными звуки древнейшей речи, по, сопровождая труд, вытекая из трудовой деятельности и обслуживая её, такие звуки выражали определённое общественное содержание. «Формировавшиеся люди», писал по этому поводу Ф. Энгельс, со временем неизбежно «пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать* друг другу» [1].

Звуки речи древнейших людей отличались, следовательно, от голосовых звуков, издаваемых не только обезьянами, но и всеми без исключения животными, в том число наиболее одарёнными в звуковом отношении. В звуках речи людей выражены были абстрагирующие способности ума, сознательный характер человеческой деятельности, а не слепой инстинкт. Поэтому звуки речи не оставались у древнейших людей и их ближайших предков в одном и том же неизменном состоянии, как у животных. Напротив, по мере развития труда и в связи с ним эти звуки, а вместе с ними и соответствующие органы, совершенствовались, развивались и обогащались.

Сравнительное анатомическое изучение гортани высших человекообразных обезьян и человека наглядно показывает, как в тесной связи с другими изменениями человеческого тела постепенно изменялся голосовой аппарат наших далёких предков. Решающее значение имеет прежде всего тот факт, что уже питекантроп был двуногим существом, что тело его имело прямое, вертикальное положение. Выпрямление положения головы усилило связь гортани и полости рта и привело к изменению формы голосовой щели. Исчезли нечёткие крики, на смену им появились звуки с более тонкими оттенками, существенно отличные от звуков, издаваемых обезьянами.

Судя по характеру нижней челюсти, у питекантропа пли синантропа отсутствовала ещё возможность частой смены артикуляции речи. Их голосовой аппарат был для этого ещё слишком примитивен и неразвит. Гортань первобытного человека ещё но была в состоянии произносить сколько-нибудь сложные и четко оформленные сочетания звуков. II о наличие уже достаточно дифференцированного рельефа в области нижней части левой лобной извилины мозга, т. е. той, где расположен двигательный центр речевой деятельности, позволяет предполагать, что, например, синантроп уже объяснялся звуковой речью, хотя и не вполне членораздельной. Речь людей всего нижнего палеолита, конечно, еще состояла из очень слабо дифференцированных звуков, дополняемых но необходимости мимикой и телодвижениями. Мы но можем установить, какими именно были первичные комплексы звуков, как были оформлены эти древнейшие слова, с которых начиналась речь. Но ясно самое главное — это было рождённое трудом могучее средство дальнейшего продвижения человека вперёд по пути укрепления общественных связей.

Непрерывное прогрессивное развитие зачатков языка было естественным и неизбежным потому, что развитие труда, всё более и более усиливало потребность в общении, закрепляло общественные связи, требовало обогащения и улучшения языка, как основного средства общения между людьми.

[1] *Ф. Энгельс,* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, стр. 6.

3. Мустьерское время. Неандертальский человек

Изменения в природных условиях

Культура ашельского типа сменяется новой культурой, мустьерской [1] (100—40 тыс. лет тому назад), которую иногда выделяют из нижнего палеолита в особый «средний палеолит».

Мустьерская культура распространена не только там, где жил ашельский человек, но и в местах, куда не заходили люди шелльской и ашельской поры. Такое широкое расселение человека мустьерского времени, хотя он теперь жил в значительно менее благоприятных условиях, чем его предшественники, оказалось возможным потому, что он сумел преодолеть возникавшие трудности благодаря развитию культуры.

Высокоразвитые обезьяны — ближайшие предки человека, жившие в конце третичного и в начале четвертичного периода, а также первобытные люди тина синантропа и его ближайшие потомки повсеместно существовали в условиях относительно мягкого климата, в достаточно благоприятных условиях для жизни. *С* течением времени в природной обстановке, окружавшей первобытных людей, происходят существенные перемены. В силу недостаточно ещё выясненных причин, действие которых так или иначе охватывает весь земной шар и все материки, начинаются периоды наступления ледников, разделяемые друг от друга перерывами (межледниковыми периодами). Яснее и лучше разработана схема чередования ледниковых периодов в Альпах, где оно по своей чёткости и полноте имеет классический характер. История оледенения Альп и прилегающей к ним части Европы разделяется на этапы гюнцский, миндельский, рисский и вюрмский. Они разделены межледниковыми периодами, соответственно названными гюнц-миндельским, миндель-рисским, рисс-вюрмским. Вюрмский этап делится западными исследователями ещё на четыре стадии. Ряд учёных намечает и для территории СССР три этапа оледенения: лихвинское, днепровское (максимальное), валдайское. Первое из них соответствует в общем миндельскому периоду альпийской схемы, второе — рисскому, третье — вюрмскому.

Существование мустьерского человека в Европе и в соседних с ней странах относится ко времени максимального оледенения этих стран, к рисскому, или днепровскому, этапу ледникового периода. Чтобы наглядно представить масштабы этих событии и их значение для истории палеолитического человека, следует иметь в виду, что сплошные ледяные массивы простирались тогда от Британских островов на западе и почти до Оби на востоке. Ледяной покров достигал на территории европейской части нашей страны районов, где расположены ныне города Молотов и Киров, затем круто опускался до 50°с. ш., которую пересекал в двух местах, вдаваясь на юг широкими выступами-языками, достигая районов нынешних городов Сталинграда и Днепропетровска, а затем несколько отступал на северо-запад. Площадь ледникового щита превышала 9,5 млн. *кв. км*. Толщина его достигала, по вычислениям геологов, 2 *км*.

Медленно движущиеся толщи льда сравняли возвышенности, пропахали долины и истребили всё живое на своём пути. Теплолюбивая растительность прошлого в зоне, непосредственно прилегавшей к ледникам, исчезла. Вымерли или ушли на юг, в более благоприятные для них места, и соответствующие животные. Им на смену появляется новый животный мир. Вместо «фауны южного слона» широко распространяется новая, «мамонтовая фауна», представленная кроме мамонта шерстистым носорогом, северным оленем, песцом и другими животными.

Процесс этот был длительным и неравномерным по своим темпам в различных областях. Теплолюбивая фауна продолжала долго существовать на юге Европы, в Италии и в тех странах (например, в Африке), где в течение четвертичного пери-

[1] Мустье — пещера на берегу реки Везер, во Франции, где была найдена стоянка древних людей, так называемых неандертальцев, более высокоразвитых и имевших более развитую технику, чем древнейшие люди начала нижнего палеолита (в том числе синантропы)

ода не происходило катастрофических перемен в климате. На юге тогда наступило время дождей и ливней (плювиальный период), когда нынешняя Сахара была покрыта озёрами, реками и травянистыми равнинами, чередовавшимися с густыми рощами тропических деревьев.

Неандертальский человек

Человек мустьерского времени по многим своим признакам стоял уже значительно выше древнейших людей типа питекантропа, синантропа и гейдельбергского человека останки людей мустьерского времени впервые были обнаружены в Европе в 1856 г долине Неандерталь (Германия). Затем последовали новые находки—на территории Испании, Бельгии, Югославии, Франции, Италии. На территории СССР кости людей мустьерского времени открыты в пещере Киик-Коба в Крыму, в гроте Тешик-Таш (Узбекистан). В других странах вне Европы такие останки обнаружены в Палестине, в Ираке, в Южной Африке, на Яве.

Неандертальский мальчик
Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из грота Тешик-Таш (Узбекистан).

В своём физическом строении люди мустьерского времени обнаруживают часто весьма существенные отличия Друг от друга, почему они и разделяются на отдельные группы. Отличны, например, палестинские находки, с одной стороны, и европейские (*«шапелльцы»* [1])— с другой. Отличаются друг от друга и европейские находки**.** Но в целом у них так много общего, что всех этих древних людей мустьерского времени принято обозначать одним общим наименованием — *неандертальцы* (по находке в Неандертале).

Судя по европейским находкам, неандерталец был коренастого сложения с массивным скелетом и мощной мускулатурой. Рост его был небольшим, не превышая 155 — 165 *см* для мужчин. Так как туловище неандертальца было относительно коротким, а изгибы позвоночника были слабо выражены, то, возможно, ходил он сутулясь, а бегал слегка пригнувшись к земле. О такой походке свидетельствуют массивные кости стопы неандертальца из пещеры Киик-Коба в Крыму. Кисти рук неандертальца, найденные в пещере Киик-Коба, оказались лапообразньми. Особенности черепа неандертальца: низкий, покатый, как бы «убегающий» назад лоб, сильно выступающие вперёд надбровные дуги, сливающиеся в сплошной надглазничный валик. Верхняя челюсть сильно выдается вперед, резцы крупные, лопатообразные. Подбородочного выступа нет.

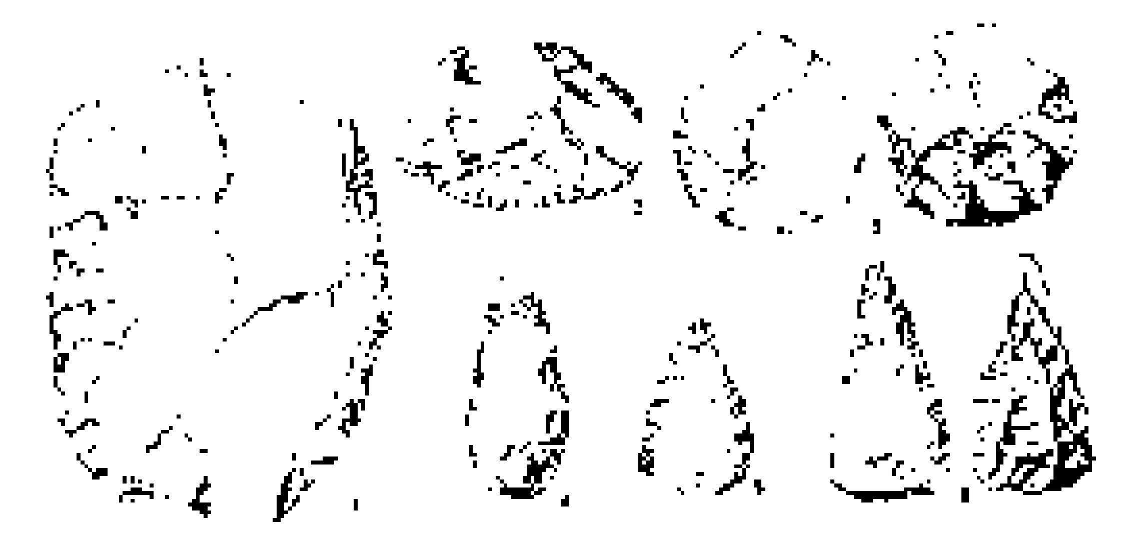
Мозг неандертальцев — а это много важнее внешних особенностей рельефа черепа — был уже значительно развит. Помимо значительного объёма (1300—1600 *куб. см*) он и по строению обнаруживает признаки дальнейшей эволюции. На слеп-

[1] Названы так по скелету, найденному в пещере около селения Ля-Шапелль о-Сен (Франция).

ках сделанных с внутренней полости неандертальских черепов, ясно видно развитие отдельных долей мозга, снизанных с размещением центров высшей психической деятельности: увеличиваются лобные доли, разрастается теменная доля. Соответственно развитию мозга повышается свод черепа, уменьшается наклон лба, округляется затылок, т.е. обнаруживаются черты, ещё больше связывающие неандертальца с современным человеком. Наиболее отчётливо такие черты, как мы увидим дальше, выражены были у неандертальцев, останки которых найдены в Палестине.

Мустьерские каменные орудия

Неандерталец не вымер и не отступил к югу перед холодным дыханием ледников. Напротив, он продолжал непрерывно расселяться в новые области и развивать дальше свою культуру, в первую очередь совершенствовать орудия труда и технику их изготовления. Древние ручные рубила, изготовленные путём отёсывания валуна, ещё изредка

Мустьерские орудия из пещеры Эт-Табун (Палестина):
1—пластина; **2** — скребло; **3** — дисковидный нуклеус; **4**, **5** и **6** — остроконечники.

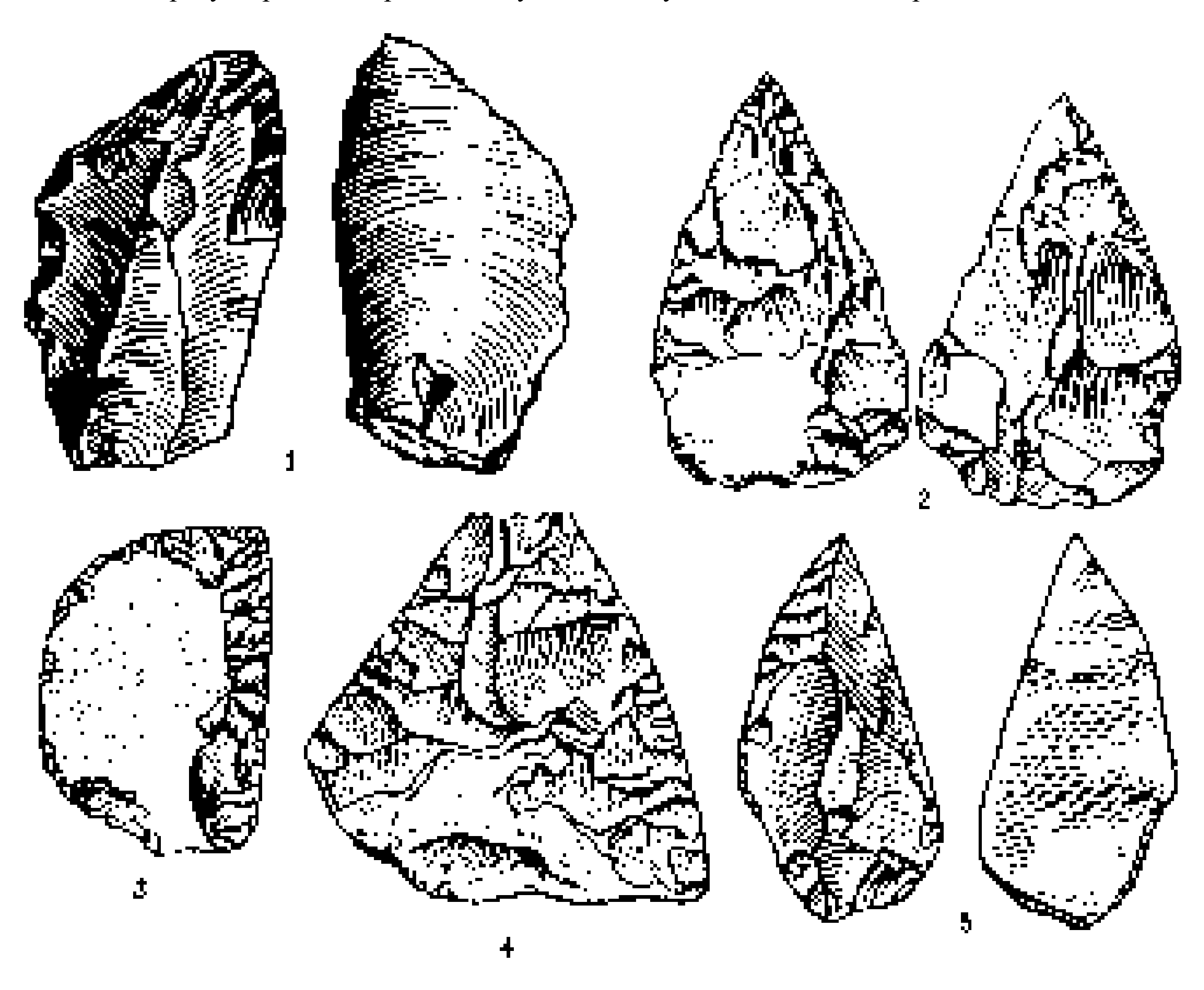
встречаются в мустьерских слоях, но решающее значение принадлежит уже орудиям, изготовленным «техникой скалывания» из пластин и отщепов, сколотых с дисковидного ядрища *(нуклеуса).* Техника скалывания совершенствуется. Если раньше нуклеусы имели неправильные очертания, теперь они приобретают определённые и устойчивые формы в виде дисков, чем обеспечивались правильные очертания пластин и отщепов. Кроме того, особое внимание уделяется в мустьерское время специальной подготовке нуклеусов, по которым наносился удар.

Выдающийся русский археолог В. А. Городцов наглядно показал на ряде систематически проведённых им опытов по изготовлению орудий из кремня важное значение такой операции. «Заметив, что длинные осколки, отбитые мною от нуклеуса, имеют книзу большую толщину, а нередко и ломаются, не достигая нижнего основания нуклеуса, я стал подтёсывать нижние концы нуклеусов, и дело пошло успешно. Точно направленный удар в определённую точку ударной плоскости нуклеуса имеет решающее значение, но достижение такого удара на практике часто затрудняется несовершенством форм отбойников, рабочие концы которых обычно неровны и толсты, часто совершенно закрывают намеченные точки ударов, благодаря чему осколки отбиваются или слишком толстыми, или слишком тонкими, малыми. В общем результате мне всё же удалось преодолеть встречавшиеся затруднения, и я мог сработать все

формы орудий, встречаемые в стоянках мустьерского типа»,— писал В. А. Городцов о своих опытах.

Таким образом, характерная для мустьерского времени подтёска нуклеусов имела большое значение в дело усовершенствования техники расщепления кремня и обеспечивала необходимую для изготовления мустьерских орудии форму заготовок — пластин и отщепов.

Более умело и уверенно, чем его предшественники, пользуется неандертальский человек и техникой ретуширования кремня. Он уже не следует за готовыми очер-

Мустьерские орудия из стоянок Крыма и Донбасса:
1 – кварцитовая пластина из стоянки на реке Деркул (Донбасс), 5/8 натуральной величины; **2** – остроконечник, напоминающий рубило, из Чокурчи (Крым), 1/2 натуральной величины; **3** - скребловидное кремнёвое орудие из Чокурчи (Крым), 1/2 натуральной величины; **4** — кремнёвое рубильце из Волчьего грота (Крым), 3/8 натуральной величины; **6**—кремнёвый остроконечник из Волчьего грота (Крым), 1/2 натуральной величины.

таниями отщепов, а придаёт им определённую целесообразную форму. Прямым указанием на развитие техники ретуширования служат и впервые появляющиеся в мустьерское время «наковаленки», — обычно куски костей животных, покрытые выбоинами в результате давления на них острого края кремнёвых изделий во время обработки. Такие «наковаленки» применялись, по-видимому, при нанесении на лезвия орудий тонкой и тщательной ретуши, всё более и более распространяющейся в мустьерское время.

Характер самих орудий существенно изменяется в мустьерское время. Формы орудий становятся не только более устойчивыми и определенными, но и значительно более дифференцированными. Крупные, двусторонне обработанные остроконечники треугольных или миндалевидных очертаний могли служить универсальными режущими орудиями, а также кинжалами. Двусторонние заострённые наконечники могли прикрепляться к концу длинного деревянного копья. Небольшие пластинчатые наконечники, несомненно, были только режущими и прокалывающими инструментами. Среди них особо выделяются острия, выпуклый край которых обработан таким образом, что в него могли упираться пальцы при резании. Скрёбла мустьерского времени тоже различаются по своей форме и характеру; одни из них служили скобелями, другие — ножами и собственно скрёблами для обработки шкур.

Дисковидный нуклеус из мустьерской стоянки на реке Деркул (Донбасс). 1/5 натуральной величины. Кварцит.

Под конец мустьерского времени распространяются и новые формы орудий в виде грубых резцов, предназначенных, видимо, для обработки дерева, а позже — кости.

Усовершенствование техники обработки камня и усложнение набора каменных орудий наглядно отражают, таким образом, непрерывное обогащение трудовых навыков и производственного опыта людей мустьерского времени, лежавшее в основе прогрессивного развития всей их культуры.

Искусственное добывание огня. Хозяйственная жизнь

Тот факт, что люди мустьерского времени в новых, значительно более суровых условиях распространились ещё шире, чем прежде, очевидно, объясняется их новым важнейшим достижением — изобретением способов искусственного добывания огня. Систематически использовать огонь, как упоминалось ранее, умел уже синантроп, и это было большим достижением древнейшего человека; но использовался огонь, полученный человеком случайно. В процессе трудовой деятельности человек заметил, что от удара камня о камень появляются искры, а во время сверления дерева выделяется теплота; это и было им использовано. Нельзя сказать, когда и где именно впервые человек выработал способы искусственного добывания огня, но неандертальцами они в самых различных областях земного шара, как видно, уже были прочно освоены. Огромное значение этого открытия было определено Ф. Энгельсом, писавшим: «На пороге истории человечества стоит открытие превращения механического движения в теплоту: добывание огня трением; в конце протекшего до сих пор периода развития стоит открытие превращения теплоты в механическое движение: паровая машина.—Но несмотря на гигантский освободительный переворот, который совершает в социальном мире паровая машина,—этот переворот еще не закончен и наполовину,— все же не подлежит сомнению, что добывание огня трением превосходит еще паровую машину по своему всемирно-историческому, освобождающему человечество действию. Ведь добывание огня трением впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства» [1].

Прогрессивное развитие человека мустьерского времени обнаруживается в первую очередь в хозяйственной области. Охота и прежде была одним из важнейших источников существования древнейших людей. Теперь она поднимается до уровня ведущего занятия, оставляя позади собирательство, которое должно

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, стр. 107—108.

было иметь гораздо большее значение у древнейших людей, предшественников неандертальцев в силу несовершенства их орудий охоты.

Особый интерес для понимания хозяйственной жизни мустьерского человека представляет тот факт, что в ряде случаев наблюдается как бы определённая специализация древних охотников: они охотятся преимущественно на тех или иных животных, что обусловлено, разумеется, не чем иным, как природными условиями и связанным с ними обилием определённых видов животных.

На Ильской стоянке (Северный Кавказ) кости зубра составляли не менее 60% массы костей животных. Как полагают, здесь можно обнаружить кости, принадлежавшие по крайней мере 2 тыс. зубров. В высокогорных районах Альп главным образом охотились на такого отличающегося своей силой, огромными размерами и яростью хищника, как пещерный медведь. Столь же показательны находки в гроте Тешик-Таш в Юго-Западном Узбекистане. Судя по разбитым и расколотым для извлечения мозга, нередко даже мелко раздроблённым, трубчатым костям животных, обнаруженным при раскопках в огромном количестве, люди из Тешик-Таша были умелыми и ловкими охотниками. Важнейшим источником существования для жителей грота была охота на горных козлов—кийков, дело трудное, сложное и опасное даже для современного человека, неизмеримо лучше вооружённого.

Основным оружием неандертальского человека было, видимо, копьё. Так, в пещере Ля-Кина, во Франции, обнаружены кости животных с вонзившимися в них острыми осколками кремня. Такие раны были, очевидно, нанесены копьём с кремнёвым остриём-наконечником. На одном из неандертальских костяков, найденном и пещере Эс-Схул (Палестина), обнаружены следы ранения, нанесённого деревянным копьём без каменного наконечника. Как видно, оружие вонзилось в бедро жертвы с такой страшной силой, что пробило насквозь головку бедренной кости и вышло своим концом в тазовую полость.

Оружие мустьерских охотников было всё же ещё очень примитивно. Решающее Оружие мустьерских охотников было всё же ещё очень примитивно. Решающее значение должны были иметь не индивидуальные, а коллективные приёмы охоты, объединявшие всех членов каждой мустьерской группы. Такие облавные охоты были особенно широко распространены в сильно пересечённых местностях, где зверей гнали к обрывам, падая с которых они разбивались насмерть или калечились. Такова, например, местность в окрестностях грота Тешик-Таш, жители которого охотились на горных козлов.

Усовершенствование техники и развитие охоты, естественно, должны были способствовать дальнейшему улучшению общих жизненных условий, и в том числе более или менее длительному оседанию коллективов людей в удобных для охоты и богатых дичью мостах.

Закрепляя достижения своих предшественников, мустьерский человек не только широко осваивает пещеры, как естественные жилища с готовыми стенами и сводами, но постоянно создаёт на более или менее длительные сроки поселения под открытым небом. Там, где пещер не было, в суровых условиях той поры, несомненно, строились простейшие убежища от дождя, ветра и холода в виде заслонов или навесов.

Зачатки родового строя

Совместная трудовая деятельность, общее жилище, общий огонь, согревавший его обитателей,— всё это с естественной необходимостью сплачивало и объединяло людей. Об укреплении социальных связей, вызванном необходимостью объединения людей для борьбы с природой, наглядно свидетельствуют вся обстановка мустьерских поселений, вся их культура, вес следы их деятельности, в том числе даже такие, казалось бы, обычные и невыразительные с этой стороны находки, как «кухонные отбросы» в виде тысяч или даже десятков тысяч костей животных, находимых в пещерных жилищах неандертальцев и на их стоянках под открытым небом. По ним видно, как человек постепенно преодолевал животный эгоизм, унаследованный от дочеловеческого состояния. В отличие от животных человек заботился уже не только о самом

себе и не только о своих собственных детях, но и о всей общине. Вместо того, чтобы съедать добычу на месте охоты, мустьерские охотники несли её в пещеру, где у пылавшего костра оставались занятью ведением домашнего хозяйства женщины, а также дети и старики. О характерном для первобытно-общинного строя на всех его этапах обычае коллективного распределения пищи и совместного потребления наглядно свидетельствует и весь известный науке этнографический материал.

Очень вероятно, что именно в это время начинается переход к новой форме общественной жизни. Возникают первые зачатки древнейшей формы родового общества, материнской родовой общины, т. е. коллектива, связанного узами родства. Вследствие существовавшей тогда формы брачных отношений бесспорно известна была только мать ребенка, что наряду с активной ролью женщины в экономической жизни (собирательство, участие в охоте) или ролью её как хранительницы огня определяло её высокое общественное положение.

Формы брачных отношений к этому времени прошли уже значительный путь развития, хотя трудно сказать с определённостью, какого уровня они достигли. Первоначально, как уже отмечалось раньше, отношения между полами, видимо, носили неупорядоченный общественными правилами характер. Дальнейшее развитие семьи пошло по линии сужения круга лиц, участвующих в брачном общении, раньше всего путём ограничения брачного общения между поколением родителей и детьми, затем между единоутробными братьями и сестрами и т. д.

Развитие мышления неандертальца

Не может быть сомнения в том, что прогрессивное развитие труда и общества вызывало соответствующие прогрессивные изменения в сознании, в мышлении первобытного человека. Существуют идеалистические теории, пытающиеся доказать, что мышление первобытного человека было будто бы насквозь иррациональным и мистическим, что наши далёкие предки имели якобы целиком ложные, в неправильные, полностью превратные и фантастические представления о действительности.

Однако достаточно ознакомиться с действительным процессом развития первобытного человека и его культуры, чтобы убедиться в обратном. Совершенно ясно, что если бы содержанием сознания наших первобытных предков были не реальные представления, соответствующие объективной действительности и являющиеся верным в своей основе отражением законов и явлений реального мира, а лишь какие-то мистические представления и беспочвенная фантастика, то человечество не смогло бы успешно развиваться дальше. Если бы сознание первобытного человека в какой-то степени не отражало объективной действительности в её настоящем и подлинном виде, он не смог бы противостоять силам природы и стал бы в конечном счёте их жертвой. Имея так называемое мистическое мышление, человек не смог бы изготовлять свои орудия и совершенствовать их.

Путь от незнания к знанию, от смутных, неясных, а также ложных представлении о действительности к более точным и верным представлениям был, конечно, крайне медленным и трудным. Но именно потому, что эти положительные знания, лежавшие в основе сознательной деятельности человека и в основе его мышления, последовательно нарастали и обогащались, человек шёл всё вперёд и вперёд.

Развитие сознания первобытного человека имело в своей основе последовательный рост его трудовой деятельности, его повседневную трудовую практику, как единственный источник познания и критерий достоверности представлений об окружающем мире.

Развитие ума неандертальского человека с особой наглядностью отражено в дальнейшем совершенствовании его орудий труда. О более сложной умственной деятельности мустьерского человека по сравнению с его примитивными предками свидетельствует наличие в конце мустьерского времени искусно выполненных кра-

сочных пятен и полос. Таковы довольно широкие полосы красной краски, нанесённые рукой неандертальского человека поперёк небольшой плитки камня, обнаруженной при раскопках мустьерского поселения в пещере Ля-Ферраси (Франция).

Неандертальский человек еще не мог нарисовать или вылепить фигуру зверя. Однако уже в конце мустьерского периода заметны первые попытки намеренно изменить форму камня не только для того, чтобы сделать из него орудия труда. В мустьерских отложениях обнаружены плиты камня с искусно выдолбленными углублениями, так называемые «чашечные камни». На плите из Ля-Ферраси чашечные углубления располагались не поодиночке, а компактной группой и притом так, что в их размещении обнаруживается какая-то связь.

Конечно, было бы неправильно чрезмерно переоценивать и преувеличивать степень развития отвлечённого мышления у неандертальцев. Ещё более резко следует подчеркнуть и то обстоятельство, что первобытный человек вовсе не был свободен от ложных, неправильных представлений о себе самом и об окружающем его мире, так как делал только лишь первые шаги от незнания к знанию, так как ежечасно, ежеминутно ощущал свою слабость в борьбе с природой и зависимость от её стихий.

Ранние погребения

Многие идеалистически мыслящие философы и историки стремятся представить религию наиболее высоким проявлением человеческого духа, идейным достижением человечества, «венцом его развития». С этой точки зрения религия не могла возникнуть в отдалённые первобытные времена; она должна была появиться лишь у вполне сформировавшегося и высокоразвитого человека, «завершая» его достижения в области духовной культуры.

Другие реакционные философы и историки-идеалисты пытаются, напротив, доказать «извечность» религии. Они утверждают, что уже на самых начальных ступенях своего древнейшего развития человек не только имел религию, но и получил будто бы в порядке «божественного откровения» веру в единого бога — творца вселенной и источник всех благ на земле. На самом же деле такие религиозные представления возникают лишь в ходе длительного развития человеческого общества, в классовом обществе, а первоначальные религиозные верования, возникающие у первобытного человека, чрезвычайно примитивны.

Обе эти реакционные, идеалистические точки зрения полностью опровергаются всем ходом первобытной истории человечества. Они разоблачаются фактами, археологическими данными, раскрывающими действительное время и конкретные условия, в которых возникают зачатки первобытных религиозных веровании.

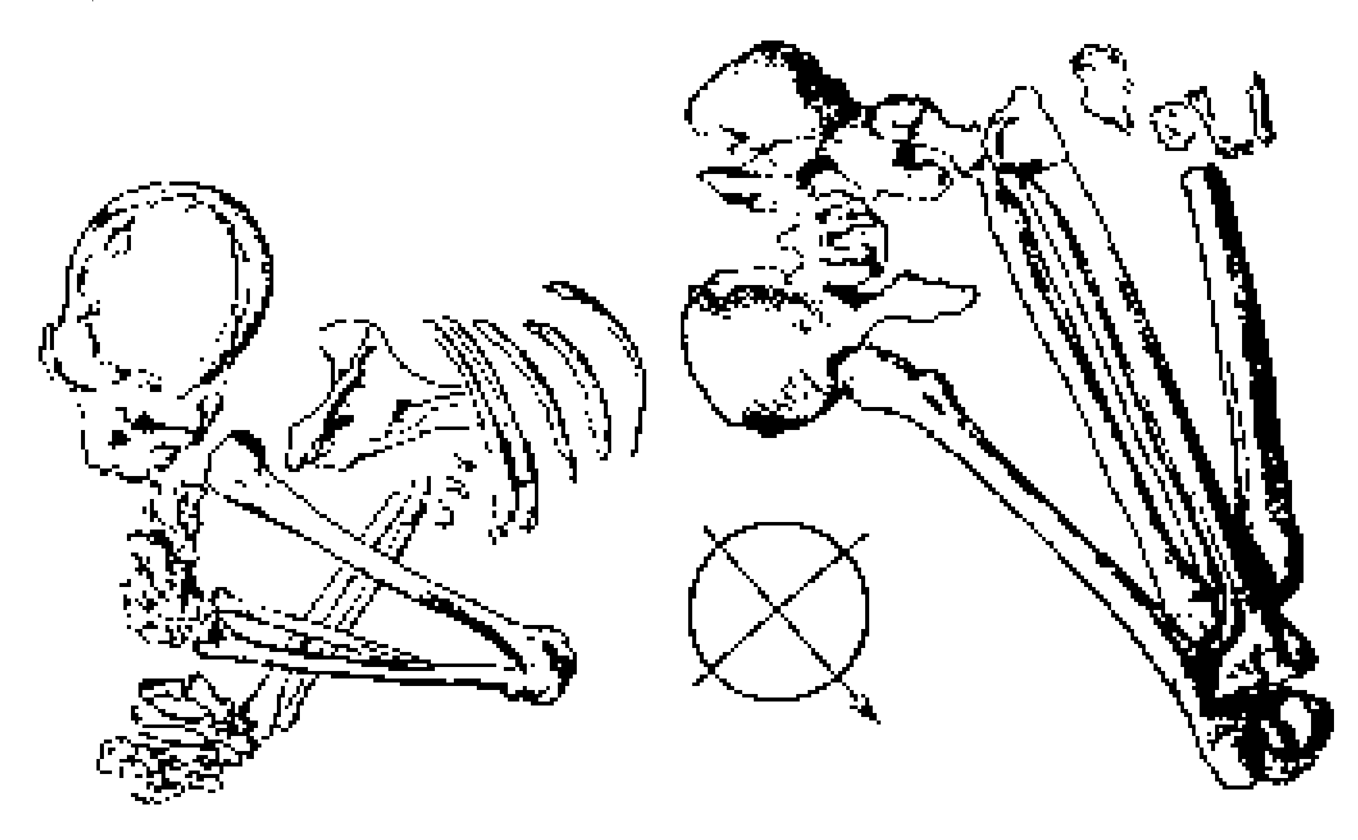
На деле религия зародилась в результате придавленности первобытного человека силами природы, как фантастическое отражение этой слабости и приниженности.

Данные о древнейших захоронениях, появляющихся в мустьерское время, дают фактический материал о возникновении зачатков этих первобытных религиозно-фантастических верований.

Исследователи обнаружили более 20 случаев захоронения тел неандертальцев. Самые замечательные из них отмечены в Спи (Бельгия, у Намюра); в пещере Буфиа у селения Ля-Шапелль о-Сен, и в Ля-Ферраси (Франция), где найдены останки 6 скелетов; на горе Кармел, в пещерах Эт-Табун и Эс-Схул (Палестина), где обнаружены останки 12 скелетов. В СССР мустьерские погребения найдены в Крыме, в пещере Киик-Коба, и в Средней Азии, в гроте Тешик-Таш.

Во всех этих случаях имело место намеренное захоронение трупов в земле. Местом захоронения служили пещеры, являвшиеся жилищем людей, но не исключены захоронения и вне пещер. В некоторых пещерах захоронения производились неоднократно. Иногда трупы умерших помещали, возможно, в готовые углубления,

в «спальные» ямы. В других же случаях для этого рылись, и даже с немалыми усилиями, специальные ямы.

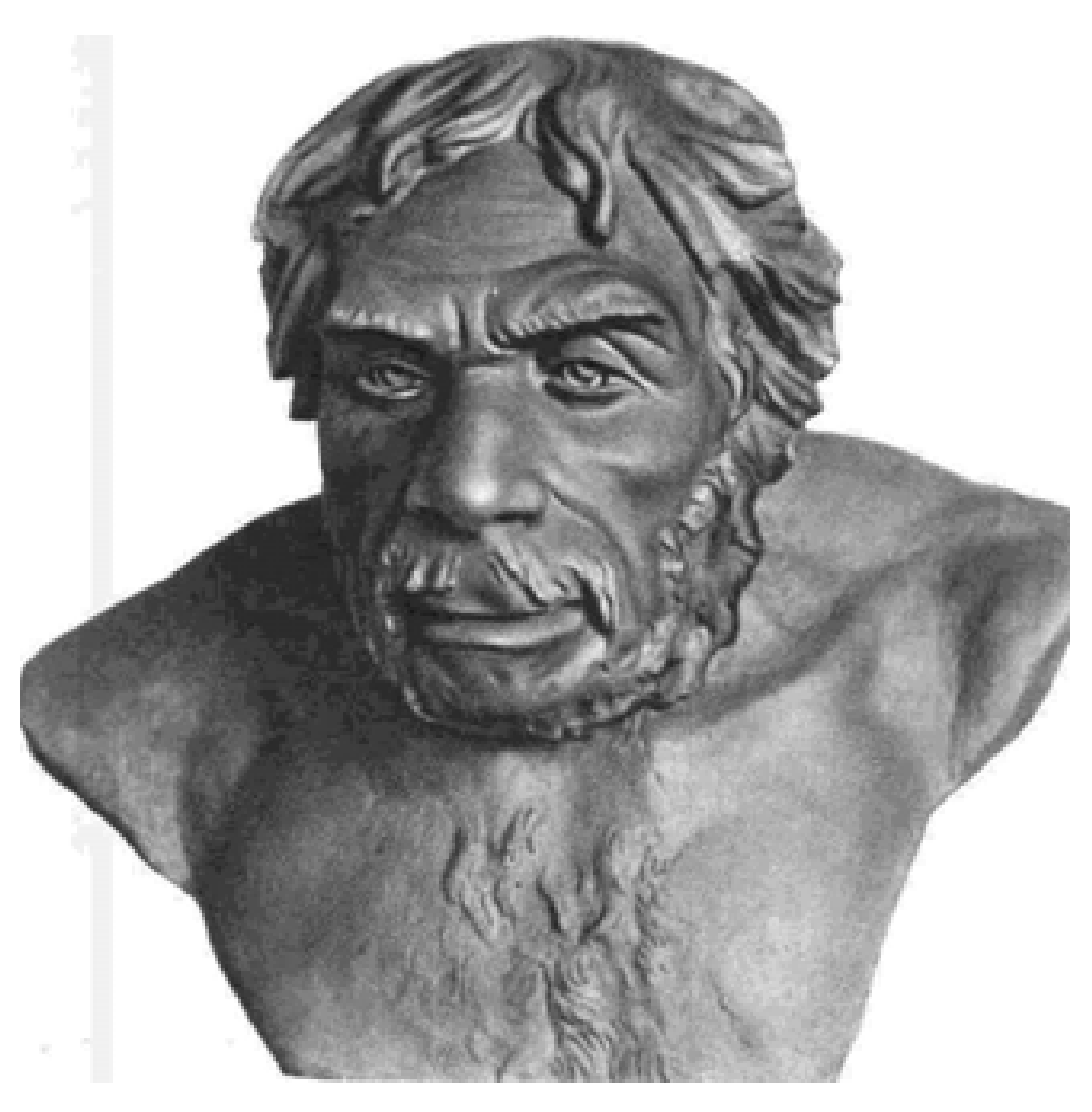

Захоронение неандертальца в пещере Эс-Схул (Палестина).

Захоронению подвергались как трупы взрослых мужчин и женщин, так и трупы детей. В некоторых случаях наблюдаются захоронения двух костяков взрослых людей, расположенных рядом, а также костяков ребенка и женщины (пещера Киик-Коба, в Крыму). Устанавливается и определённое положение костяков в могилах: они лежат обычно с подогнутыми ногами, т. е. в слегка скорченном положении. В ряде случаев обе руки или одна из них согнута в локте, а кисти рук находятся около липа. Поза эта напоминает положение спящего человека.

Таким образом, в середине и в конце мустьерского времени, к которым относятся перечисленные погребения, впервые появляется определённое и совершенно новое отношение к умершим, выраженное в намеренных и уже достаточно сложных по характеру действиях — в захоронениях трупов. 13 основе этого отношения лежала, несомненно, забота о сочлене своего коллектива, вытекающая из всего жизненного строя первобытной общины, из всех неписаных законов и норм поведения того времени. Это было бесспорное выражение того чувства неразрывной кровной связи между сородичами, которое проходит красной нитью через всю первобытную эпоху истории человечества.

Но эта забота об умершем члене первобытной общины имела здесь основу в ложных представлениях о самом человеке, о жизни и смерти. Это, надо полагать, были первые зачатки фантастических, в корне неправильных представлений, на основе которых впоследствии развиваются представления о «душе» и «загробной жизни», продолжающейся после смерти, которые являются одним из важнейших истоков, а затем и непременной составной частью каждой религии.

НЕАНДЕРТАЛЕЦ
Реконструкция М. М. Герасимова 1945 г. по черепу из Ля-Шапелля (Франция).

)

КРОМАНЬОНЦЫ
Реконструкция М. М. Герасимова 1945 г. Слева — по черепу из Кро-Маньона (Франция), справа — по черепу из Ком-Копеля (Франция)

Следует при этом подчеркнуть, что раньше мустьерского времени нет никаких следов намеренного погребения человека. В более раннее время, к которому относятся костные останки питекантропа, синантропа и близких к последнему древнейших людей, не было никакой заботы о мертвецах. Отсюда видно, что ни о какой «изначальной религии» не может быть и речи; первые следы наморенного захоронения трупов людей появляются лишь спустя 500—600 тыс. лет после начала становления человека.

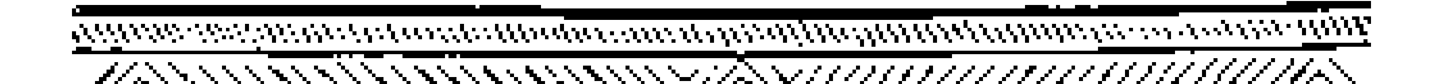
Религиозные верования не «присущи человеческой природе», не «присущи человеческому мышлению», как утверждают идеалисты разных толков. Религиозные верования возникают при определённых общественных условиях, изменяются, а затем и исчезают в зависимости от изменения этих условий.

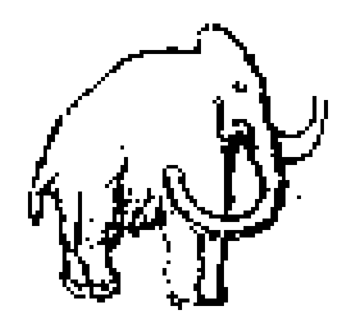
*   *

*

Мустьерское время явилось закономерным переходным этапом от древнейшего периода истории человечества к новому периоду, ко времени первобытных матриархальных общин. Это был период, когда происходил процесс постепенного накопления элементов нового в жизни людей, давший затем свои результаты в значительном и даже неожиданном на первый взгляд, но вполне закономерном с точки зрения материалистического понимания истории подъёме культуры последующего верхнепалеолитического времени.

ГЛАВА II

РАЗВИТИЕ ПЕРВОБЫТНО ОБЩИННОГО СТРОЯ. ПОЗДНИЙ ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК (ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ[1])

1. Человек верхнего палеолита

Неандертальского человека повсюду, где найдены его останки, в верхнем палеолите сменяет человек современного типа. По строению тела и внешнему облику люди верхнего палеолита принципиально уже ничем не отличались от людей нашего времени. Особенно важно, что их руки уже были способны выполнять самые различные, в том числе весьма сложные, трудовые действия.

Их мозг, судя по строению черепа и слепкам его внутренней полости, тоже не отличался от мозга современного человека. На этом основании людей верхнего палеолита, в отличие от более древних людей, обозначают общим наименованием «разумного», т. е. мыслящего, человека (Homo sapiens). Различия между неандертальцами и людьми верхнего палеолита заключались но только в том, что теперь исчезли многие унаследованные от животного прошлого черты внешнего строения древнейших, еще только формировавшихся людей, но и в том, что произошли существенные перемены в высшей нервной деятельности человека. Люди верхнего палеолита, несомненно, мыслили неизмеримо лучше, чем неандертальцы. С появлением человека современного тина не только стали всё быстрее и быстрее нарастать темпы развития культуры, но и открылись неизвестные ранее области творческой деятельности, недоступные более древним, людям нижнего палеолита. Это был новый, огромный шаг вперёд, неразрывно связанный со значительными изменениями во всех сторонах жизни и деятельности первобытного человека, прежде всего в росте и усложнении общественных связей.

[1] Длительность периода верхнего палеолита определяется археологами между XL и XIV тысячелетиями до н. э. Следует иметь в виду, что периодизация каменного века условна; местные отклонения иногда весьма значительны.

Происхождение человека современного типа

Вполне понятен поэтому тот большой и острый интерес, который в науке издавна вызывал вопрос о возникновении человека современного типа, в частности о ближайших предках Homo sapiens. Противники материалистических взглядов на происхождение современного человека от древних человекообразных обезьян и их позднейших потомков типа питекантропа, синантропа и неандертальского человека пытались противопоставить этим взглядам свою реакционную концепцию о возникновении Homo sapiens из каких-то иных существ, с самого начала обладавших будто бы чисто человеческими чертами. В качестве доказательства приводилась, например, находка коллекционера Даусона, который обнаружил в 1912 г. в Пильтдауне, неподалеку от Лондона, в графстве Суссекс, часть черепа человека и нижнюю челюсть, представляющие собой совершенно необычное и непонятное сочетание признаков человека и обезьяны. Череп имел вполне развитую мозговую коробку, а челюсть находилась в резком контрасте с ним, так как не отличалась по форме и величине от обезьяньей. Отсюда следовал вывод, что Даусон открыл остатки существа, которое имело мозг современного человека и жевательный аппарат обезьяны. Оно должно было, следовательно, питаться подобно обезьяне, а мыслить, как человек.

Сторонники взгляда о независимом происхождении современного человека от древних людей типа синантропа и неандертальца с восторгом приняли находку Даусона и назвали это новое существо *«эоантропом Даусона»* т. е. подлинным, по их мнению, представителем начальной поры становления человека, буквально — «зари человечества». История сенсационного открытия Даусона, однако, в 1953 г. предстала в своем подлинном виде. Оказалось, что это была подделка. К черепу человека современного типа, имевшему верхнепалеолитический облик, была присоединена нижняя челюсть современной обезьяны, намеренно окрашенная двухромокислым калием, чтобы показать её глубокую древность. Не ограничиваясь этим, фальсификатор подточил один из зубов *«эоантропа»*.

Теория, согласно которой Homo sapiens, по крайней мере в пределах четвертичного периода, не имел каких-либо других предков, кроме полностью подобных ему людей, и тем самым оказывался вне процесса эволюции, весьма удобна для приверженцев идеи о сотворении человека богом. Она поддерживалась также в кругу некоторых зарубежных учёных, неверно истолковывавших ряд находок ашельского времени. Однако специальные исследования показали, что фрагменты черепов, давшие повод к таким толкованиям, в действительности резко отличаются от современных и в целом сближаются с неандертальскими.

Передовой наукой с полной ясностью установлено, что непосредственными предшественниками и предками людей современного типа были неандертальцы (в широком смысле слова). Доказательствами этого положения служат следующие факты.

Во-первых, не существует ни одного местонахождения, где бы останки *кроманьонцев*[1] залегали в более древних, чем неандертальские, геологических слоях или в слоях, одновременных с теми, где были найдены неандертальцы. Во-вторых, не известно ни одного случая, чтобы кости неандертальца были обнаружены вместе с каменными орудиями, характерными для верхнего палеолита. В-третьих, по своему физическому облику неандертальцы были более развиты, чем синантропы, но значительно более архаичны, чем кроманьонцы. В-четвёртых, люди, сходные по многим основным признакам с неандертальцами Западной Европы, были обнаружены на огромном пространстве Восточного полушария, везде, где в силу географических условий было возможным существование и распространение палеолитического человека — в Европе, в Северной, Восточной и Южной Африке, в Передней и Средней Азии, в Юго-Восточной

[1] Термином кроманьонцы иногда условно обозначают верхнепалеолитических людей, по названию грота Кро-Маньон во Франции, где в 1868 г. были обнаружены под мощной толщей отложений 5 человеческих скелетов вместе с каменными орудиями и просверленными раковинами.

Азии; таким образом, неандертальцы не были какой-то местной формой, но повсеместно предшествовали кроманьонцам. В-пятых, известны и детально изучены настоящие переходные формы от неандертальца к современному человеку.

Таким образом, можно считать установленным, что человечество в целом прошло в своем развитии неандертальскую фазу.

Замечательным по яркости доказательством перехода от неандертальца к человеку современного типа явились костяки мустьерского времени, обнаруженные в палестинской пещере Эс-Схул, на горе Кармел. В них наглядно сочетаются как древние неандертальские черты, так и признаки, характерные уже для современного человека. Новые черты физического облика палестинских неандертальцев обнаруживаются прежде всего в строении черепа. Высота их черепной коробки близка к высоте черепа обычной, в среднем, для современного человека; лоб у них менее наклонный, чем обычно у неандертальцев. Затылочное отверстие, судя по одному из черепов из пещеры Эс-Схул, расположено в той же плоскости, как и у современного человека, что неразрывно связано с прямохождением. Самое же важное отличие их черепов от черепов других неандертальцев заключается в том, что здесь имеется отчётливо выраженный подбородочный выступ — характерная особенность человека современного типа, чуждая неандертальскому человеку.

Но меньшее значение, чем отмеченные особенности черепа палестинских неандертальцев, имеют с точки зрения эволюции человека и такие признаки строения его тела, как устройство позвоночника и стопы. Признаки эти сближают древних палестинцев с современным человеком и свидетельствуют, что они были значительно лучше приспособлены к прямохождению, чем другие неандертальцы. Кисти их рук тоже были ближе по своему строению к кисти современного человека, чем, например, кисть неандертальца из крымской пещеры Киик-Коба.

В целом область, где в основном протекало становление современного человека охватывала, по-видимому, достаточно обширную территорию в Средиземноморье Передней и Средней Азии, а также и Крыму и на Кавказе.

В то же самое время, по-видимому, группы древнейших людей неандертальского типа, обитавшие в менее благоприятных для взаимного контакта условиях, на далёких окраинах этой области, приняли меньшее участие в процессе становления человека современного типа, или вообще остались вне его и вымерли бесследно. Это случилось, по-видимому, с неандертальцами Южной Африки и острова Ява.

Поздние, так называемые шапелльские неандертальцы Европы не остались, по-видимому, в стороне от процесса становления современного человека. Наличие пережиточных неандерталоидных признаков в крышке черепа у верхнепалеолитического и даже более позднего населения Центральной и Восточной Европы (находки в Брно, Пржедмосте, а также находка у станции Сходня, под Москвой) показывает, что в процесс образования современного человека внесли свой вклад и европейские неандертальцы, «растворившиеся» в процессе смешения с другой группой палеолитического человечества.

О закономерности неандертальской фазы в эволюции человека свидетельствует не только повсеместное сочетание мустьерских находок с останками неандертальцев, но и наличие таких переходных памятников, как верхний слой Тешик-Таша в Узбекистане, стоянки Абри-Оди во Франции, пещеры на горе Кармел и на Кавказе, в мустьерских слоях которых есть уже орудия, имеющие черты близости с верхнепалеолитическими. Памятники эти показывают, как из мустьерской культуры вырастает более совершенная — верхнепалеолитическая.

Причину возникновения человека современного типа следует искать в ходе развития трудовой деятельности коллективов мустьерского времени. Это превращение было закономерным развитием существа с меньшей способностью к членораздельной речи, с менее совершенным мозгом в новое существо, организм которого был лучше приспособлен для более развитого коллективного производства и

для более сложной общественной жизни. Слепки внутренней полости черепа кроманьонцев свидетельствуют о более мощном разрастании у них по сравнению с неандертальцами передних отделов лобной доли, нижнетеменной области, височной доли.

В итоге всего этого процесса возник новый вид человека, создавшего такое общество, в условиях которого оказался полностью снятым закон биологического отбора как видообразующей силы. Тип Homo sapiens остаётся в основных чертах неизменным со времени рисского оледенения до наших дней. При этом постоянстве физического тина нового человека производительные силы человеческих коллективов росли с возрастающей скоростью, изменялись и производственные отношения. Вместе с Homo sapiens мы вступаем в тот период человеческой истории, когда прогрессивное развитие человека полностью освобождается от пережитков тех законов, которые господствуют в стаде животных; это развитие начинает уже целиком осуществляться по социальным закономерностям, неизвестным в животном мире, присущим только человеческому обществу.

В период становления человека современного типа начинают формироваться и современные расы. На возникновение рас оказали влияние естественные условия жизни людей в первобытные времена, а также характерная для того периода разобщённость человеческих групп. Единству человечества как биологического вида, конечно, ни в коей мере не противоречит факт, что уже на этой ранней ступени разлития человечества сложились локальные (местные) типы. Они отличались друг от друга по ряду второстепенных и несущественных признаков — выступание носа, высота переносья, размеры и форма нёба, цвет кожи, характер волосяного покрова и др. Эти же различия лежат и в основе деления ныне живущего человечества на расы. Но мере того как биологическое приспособление к окружающим условиям в порядке естественного отбора начинало играть всё меньшую роль в жизни человека, заменяясь приспособлением природы к нуждам человечества в ходе его социальной деятельности, различия в физическом облике человека становятся все менее значительными.

Различают три большие расы человечества, начало сложения которых относят к верхнему палеолиту: 1) негроидно-австралоидную, или экваториальную, расу, к которой относятся, например, африканские негры, коренные жители Австралии, 2) европеоидную, или европейско-азиатскую, расу, к которой относится население Европы, Северной Африки, Передней Азии, Северной Индии, и 3) монголоидную, или азиатско-американскую, расу, к которой принадлежит население Китая, Центральной и Северной Азии, Юго-Восточной Азии, коронное население Америки— индейцы.

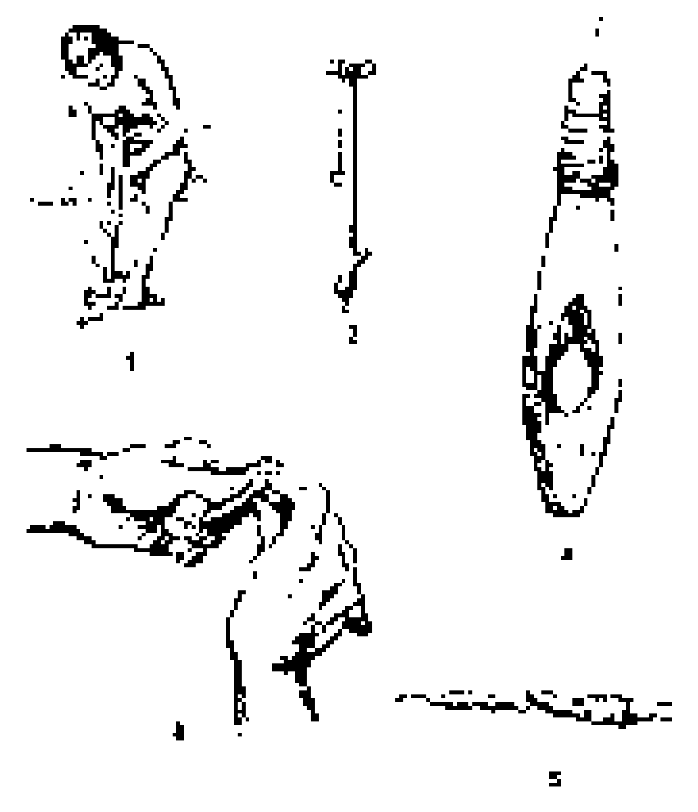
Все эти расы связаны между собой переходными, промежуточными типами. Кроме того, каждая из них подразделяется на более дробные группы, отличающиеся между собой менее заметно. Следует подчеркнуть, что в ходе исторического развития расы постоянно смешивались и что в чистом виде расы не существуют.

Расовые различия — явление второстепенное, не могущее служить аргументом против факта биологического единства всего человечества. Расовые различия не имеют никакого значения для развития общественной жизни людей и развития их культуры. Как будет видно из дальнейшею изложения, пароды, в том числе и принадлежавшие к одной и той же расе, развивались неодинаковыми темпами, по причинам, которые не имеют никакого отношения к расовым различиям.

Реакционные теории буржуазных расистов о расах, возникших будто бы вследствие того, что люди произошли от различных предков и что поэтому-де различные расы неравноценны, что «предопределяет» господствующее положение одних рас и подчиненное других, являются совершенно антинаучными выдумками, которые опровергаются всей историей человечества.

Общая характеристика верхнепалеолитических орудий труда

Дальнейшее прогрессивное разлитие культуры в верхнем палеолите выразилось прежде всего в усовершенствовании орудий труда и способов их изготовления. Отделка орудий стала более совершенной, так как теперь улучшается и техника ретуши. Нажимая с силой концом упругой костяной палочки или кремнёвым отжимником на край камня, человек быстро и ловко скалывал (как бы состругивал) одну за другой длинные и узкие чешуйки кремня. Появляется новая техника изготовления пластин. Ранее пластины скалывались с дисковидного нуклеуса. Такой нуклеус был по сути простой округлой галькой, с которой снимали отщепы, оббивая её кругом от краёв к центру. Теперь пластины скалывались с призматического по своей форме нуклеуса.

Отжимная техника обработки камня:
1- отжимание пластин длинным отжимником; **2** и **4** — отжимники; **3**- обработка кремнёвого наконечника на руке отжимником; 5- схема действия отжимника.

Соответственно изменилось и направление ударов, которыми отделялись пластины. Эти удары наносились теперь уже не наискось, не наклонно, а вертикально— от одного конца нуклеуса к другому. Получаемые с призматических нуклеусов узкие и длинные пластины нового призматических нуклеусов узкие и длинные пластины нового типа позволили резко изменить и расширить ассортимент мелких каменных орудий, которые требовались в условиях несравненно более развитого, чем прежде, жизненного уклада: скребков различного вида, острий, проколок, разнообразных режущих инструментов. Впервые появляются кремнёвые инструменты, рабочие края которых в принципе оформлены так же, как у современных стальных резцов.

Это обычно массивное режущее остриё, образованное сходящимися под острым углом плоскостями сколов. Таким кремнёвым резцом можно было легче резать дерево, кость и рог, пропиливать в них глубокие пазы и делать надрезы, последовательно снимая одну стружку за другой.

В верхнем палеолите впервые появляются разнообразные костяные наконечники копий и метательного вооружения, в том числе составные гарпуны с зубцами. При раскопках стоянки Мейендорф, у Гамбурга (Германия), найдены гарпуны и лопатки оленей, пробитые такими гарпунами.

Важнейшим событием в развитии охотничьего вооружения явилось изобретение первого механического приспособления для метания дротиков — копьеметалки (метательной доски), представляющей собою стержень с крючком на конце. Удлиняя размах руки, копьеметалка намного увеличивала тем самым силу удара и дальность полёта дротика

Появились разнообразные каменные орудия для разделывания туш и обработки шкур добытых животных, для изготовления деревянных и костяных изделии.

Оформление матриархальной родовой общины

В верхнем палеолите значительно усложняется образ жизни людей, развивается строй первобытной общины. Отдельные группы неандертальцев были, по всей вероятности, чужды и даже враждебны друг другу. Огромное значение для сближения разных групп должно было иметь возникновение экзогамии, т. е. запрета брачных отношений внутри рода и установление постоянной брачной связи между представителями различных родов. Установление экзогамии как общественного института, свидетельствующего о возрастающем развитии и усложнении общественных связей, можно отнести к верхнепалеолитическому времени.

Повышение производительности охоты в верхнем палеолите способствовало еще более чёткому разделению труда между мужчинами и женщинами., Одни постоянно были заняты охотой, другие, при развивавшейся относительной оседлости (в силу всё той же большей производительности охоты), больше времени проводили на стоянках, ведя всё усложнявшееся хозяйство группы. Женщины в условиях более или менее оседлой жизни изготовляли одежду различную утварь, собирали съедобные и технические растения, например употреблявшиеся для плетения приготовляли пищу. Исключительно важно также, что именно женщины были хозяйками в общественных жилищах, тогда как их мужья были здесь пришельцами.

Изделия раннеориньякского типа (Западная Европа):
1, **2** и **4** —острия различных видов; **3**, **5** и **8** — скребки; **6**— угловой резец; **7** — костяной наконечник с расщеплённым основанием; **9** — пластина с боковыми выемками.

При господстве характерного для такого этапа родового строя группового брака, когда отец точно неизвестен, дети, разумеется, принадлежали женщинам, что усиливало социальную роль и влияние на общественные дела женщины-матери.

Всё это послужило основой новой формы первобытно-общинных отношений материнской родовой общины.

Прямыми указаниями на оформление материнского рода в это время являются с одной стороны, общинные жилища, а с другой — широко распространённые изобра-

жения женщин, в которых можно видеть образы женщин - родоначальниц, известных по данным фольклора, например, у эскимосов и алеутов.

На основе дальнейшего усложнения общественной жизни людей верхнего палеолита происходят и существенные перемены во всех областях их культуры: возникает уже достаточно развитое искусство, в трудовой практике человек накапливает опыт и положительные знания.

Основные области расселения человечества

Дальнейшее прогрессивное развитие человечества выражается и в том, что теперь обнаруживаются некоторые своеобразные черты культуры, характерные для населения отдельных больших областей.

Первая такая большая область охватывала Западную и Восточную Европу, в том числе Русскую равнину, замечательную своими палеолитическими поселениями под открытым небом. В период усиления деятельности ледников на севере Европы в последнюю, вюрмскую, или валдайскую, стадию оледенения эта область была приледниковой.

Вторая область охватывала внеледниковую зону на юге Европы, в Африке, к Передней и Средней Азии, на Кавказе и отчасти в Индии.

Третья область занимала Экваториальную и Южную Африку. Четвёртая область находилась в Восточной и Северо-Восточной Азии, в Сибири и Северном Китае.

Пятая область была расположена в Юго-Восточной Азии.

Внутри каждой из этих больших областей, охватывавших в совокупности почти всю территорию расселения тогдашнего человечества, имелись, кроме того, отдельные районы, отличавшиеся теми или иными особенностями культуры, которые, однако, в настоящее время ещё не могут быть точно установлены.

2. Верхний палеолит приледниковой области в Европе

Приледниковая область в Европе

Обзор этих областей лучше начать с первой, приледниковой области в Европе, памятники которой, как наиболее изученные, могут дать более полное представление о достижениях культуры верхнепалеолитического человечества.

Уже первые сведения о верхнем палеолите позволили учёным нарисовать яркую и выразительную картину жизни древних охотников Европы четвертичного времени. Выдающийся прогрессивный археолог XIX в. Мортилье разделил памятники верхнего палеолита Западной Европы на этапы: солютрейский, мадленский и азильский[1], который позднее стал рассматриваться как переходный к следующему после палеолита этапу — мезолиту или даже как начало мезолита. Затем другими археологами был выделен ориньякский этап, следующий за мустьерским и предшествующий солютрейскому. Эта картина была существенно дополнена дальнейшими исследованиями в особенности исследованиями советских учёных, а также археологов Чехословакии, Польши, Румынии и Венгрии, выполнивших огромную работу на территории Восточной и Центральной Европы.

Новейшие открытия показали, что верхнепалеолитическое время начинается на востоке приледниковой Европы по геологическим масштабам очень рано, значительно раньше, чем думали прежние исследователи. Теперь установлено, что люди ранне-мустьерского времени жили на юге СССР до наступления ледников максимального, или рисского, оледенения. После того, как великий ледниковый покров рисского времени начал таять, происходят новые большие изменения в климате и географиче-

[1] Все названия даны по местам, где были найдены важнейшие памятники данного типа.

ских условиях. Уровень мирового океана повышается, море наступает на сушу. Морские отложения перекрывают мощной толщей мустьерское поселение у нынешнего Сталинграда, на Волге. На севере морские воды проникают далеко вглубь материка по долинам Онеги, Печоры и Северной Двины. Белое и Балтийское моря, по-видимому, соединяются друг с другом и отделяют Скандинавию от Европы. В Якутии море вдаётся на юг вверх по Лене и Вилюю.

Одновременно, в условиях более благоприятного тёплого климата, из своих «убежищ» на Балканах и на Северном Кавказе распространяется теплолюбивая растительность. Если сначала на освобождённых от льда пространствах росли одни елово-сосновые леса, то затем здесь широко распространяется дуб, достигший полярного круга, граб, липа и бук.

В средней части Русской равнины находилась зона широколиственных лесов. К северу от неё росли смешанные хвойно-широколиственные леса и, наконец, ещё дальше на севере, вплоть до Ледовитого океана,— хвойные леса. К югу от зоны широколиственных лесов располагалась лесостепь с дубовыми и липовыми перелесками. В таких условиях, естественно, должна была измениться и фауна. Исчезли песцы, лемминги и другие типично арктические животные, уменьшилась роль степных видов и соответственно выросла роль лесных. Однако мамонт продолжал жить на прежних местах, а вместе с ним жили и другие представители «мамонтовой фауны».

В следующий, валдайский этап оживления ледниковой деятельности сплошной массив льда был несравненно меньше по размеру. К нему вплотную примыкала зона своеобразной приледниковой растительности, состоявшей из горно-тундровых, лесных и степных видов. Южнее находилась зона лесостепи, а за ней — обширные степные пространства.

Это было время наиболее широкого распространения «мамонтовой фауны» — мамонта, шерстистого носорога, северного оленя, песца, обского лемминга, сайги, байбака.

Таким был природный фон, на котором развёртывалась история верхнепалеоли-тического человека в приледниковой области Европы.

Первое, что привлекает внимание исследователя, это обилие костей диких животных на поселениях древнего человека. Так, в Солютре (Франция) обнаружены костяки около 10 тыс. лошадей. В Пржедмосте (Чехословакия) вместе с костями других животных найдены останки примерно 800—1 000 мамонтов. В Амвросиевке, на Украине, открыто скопление костей, залегавших метровой толщей на площади около 200 *кв. м* и принадлежавших 950—1 000 бизонам. Охота, издавна бывшая основным источником существования палеолитического населения Европы и главным его занятием, должна была, конечно, совершенствоваться и улучшаться. На способы охоты указывает нередко само расположение древних стоянок. Они находятся вблизи скалистых обрывов и оврагов, в пересечённой местности, представлявшей наибольшие удобства для устройства загонов и облавной охоты.

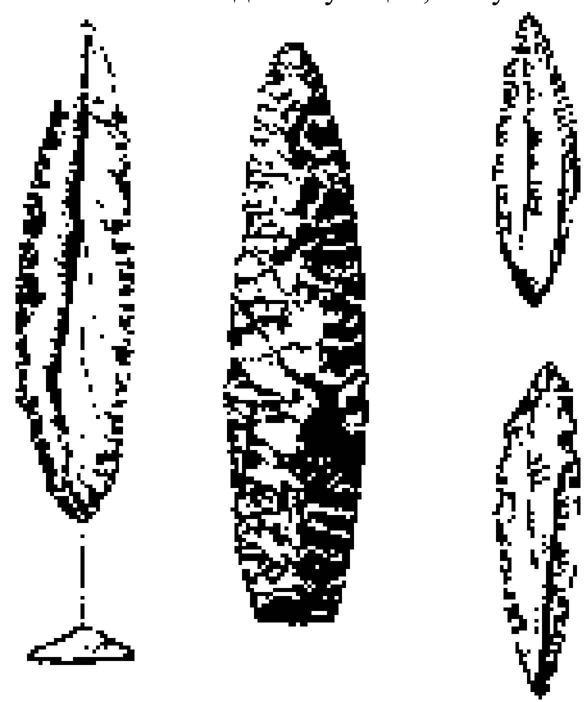
Орудия труда

Вместе с тем в отличие от предшествующего мустьерского времени теперь всё чаще и чаще встречаются наконечники копий и дротиков, изготовленные из кости.

Из кремня выделывались наконечники с боковой выемкой в основании, а также изящные крупные наконечники лавролистной формы, характерные для позднесолют-рейских поселений. Встречаются, кроме того, миниатюрные наконечники метательных стрел или дротиков, очень близкие по форме к позднейшим, относящимся уже к периоду неолита (новокаменного века). Таковы, например, найденные в верхнепалеолитических поселениях Испании наконечники с вогнутым основанием и с черешком. Миниатюрные наконечники треугольной формы с вогнутым основанием, тоже очень сходные с неолитическими, обнаружены и в нижних, наиболее древних, слоях костёнковских поселений на Дону, у Воронежа.

Для метания стрел и дротиков, как уже говорилось, применяли теперь специальное приспособление в виде стержня с крючком на конце—метательную доску. Метательная доска резко усиливает энергию движения копья и дальность полёта. Она явилась поэтому важным нововведением, открывавшим путь к изобретению лука. Костяные образцы копьеметалок сохранились в поселениях верхнего палеолита на территории Франции.

В верхнем палеолите обнаруживаются и первые свидетельства развития различных, в том числе механически действующих, ловушек и западней для добычи животных. В пещерах найдены условные рисунки, изображающие, по-видимому, ямы-ловушки, в том числе для мамонтов, ловчие изгороди и даже сети, аналогичные, должно быть, сетям из ремней у арктических племён недавнего прошлого; при помощи таких сетей ловили северных оленей, гусей, куропаток. Такие ловушки экономили силы охотников, заменяли тяжёлую работу целого коллектива и обеспечивали несравненно более обильную, чем прежде, добычу. Одновременно развиваются, по-видимому, способы заготовления мяса впрок, в основном такие же, как у современных арктических племён. Мясо хранилось в ямах-кладовках, подобных найденным в Костёнках (около Воронежа), в вяленом, сушеном и мороженом виде, жир и сало в пузырях и мешках из шкур животных.

Изделия солютрейского типа из Костёнок IV на Дону. По бокам — острия из кремнёвых пластин, в центре — двусторонне обработанный листовидный наконечник.

Немалое значение должна была иметь, по крайней мере в определённых местах, добыча рыбы. Прямым указанием на это служит наличие в кухонных отбросах костей лососей, этих характерных обитателей быстрых и холодных рок Севера с их чистой и прозрачной водой. На палеолитических рисунках лососи изображаются живо и точно.

При ловле рыбы, надо полагать, помимо сетей применялись и грубые прототипы позднейших рыболовных крючков, в виде заостренных на обоих концах коротких стерженьков. Но главное место принадлежало, очевидно, гарпуну, которым палеолитические рыболовы и поражали крупную рыбу с таким же искусством и меткостью, с какими это делали и делают сейчас различные племена Юга и Севера. Недаром находки гарпунов в палеолите так многочисленны, а рисунки их на стенах пещер так распространены.

Дальнейшее развитие охоты, ставшей постоянным и организованным промыслом, улучшение охотничьего вооружения, прогресс в развитии техники, а также усовершенствование хозяйства в целом привели к оформлению достаточно высокой, передовой по тому времени культуры населения приледниковой области, к возникновению своеобразного и характерного уклада жизни древних охотников на мамонта и северного оленя.

Поселения и образ жизни

Самую яркую и вместе с тем неожиданную, с точки зрения старых представлений о палеолитическом человеке, характеристику его жизни дают поселения. Исключительно важное значение в доле изучения жизни верхнепалеолитического человека имеет при этом методика раскопок его поселений, разработанная советскими археологами, поставившими целью выяснение тех сторон жизни людей ледникового времени, которые оставались меньше всего выявленными и наиболее тёмными, — их образа жизни, домостроительства и общественного уклада.

Новая методика раскопок, имевшая целью раскрыть облик поселений и жилищ древних охотников, строилась на ином, чем прежде, отношении исследователей к раскопкам культурного слоя. Если раньше в таком слое видели беспорядочное нагромождение «кухонных отбросов» и соответственно раскапывали его, то теперь было установлено, что под видимой беспорядочностью и случайным характером отвалов скрывается определённая, нередко весьма стройная, картина исчезнувших древних жилищ и целых посёлков, с характерной для них сложной жизнью, со своеобразным внутренним распорядком.

Таким образом, пришлось существенно изменить и общий взгляд на жизнь верхнепалеолитических обитателей не только Русской равнины, но и всей Европы. В людях верхнего палеолита раньше видели бродячих жалких дикарей, непрерывно передвигавшихся с места на место, не зная покоя и более или менее прочной оседлости. Теперь по-новому раскрылся и общий уклад их жизни и их общественный строй.

Особенно богатый материал для характеристики поселений палеолитического человека был обнаружен при раскопках в селе Костёнках, на Дону, вблизи Воронежа. Костёнки издавна славились обилием ископаемых костей животных, отчего село получило и своё название. Костями гигантских животных из этих мест заинтересовался в своё время Пётр I. Но полностью значение костёнковских памятников палеолита для истории древнейшего населения Европы раскрылось только после 1917 г.

В первые же годы Советской власти здесь были обнаружены новые замечательные памятники палеолитического периода, показавшие, что этот район является единственным по богатству средоточием выдающихся памятников верхнепалеолитического времени в Восточной Европе. Исследования Академии наук СССР показали, что здесь находился ряд лагерей охотников, на месте которых и были найдены следы палеолитических кострищ, а также многочисленные изделия того же времени из кремня.

Совершенно исключительная по выразительности и масштабам картина жилища древних охотников на мамонта раскрылась, например, в одном из многочисленных костёнковских поселений — в Костёнках I. Изучая это место, археологи выяснили, что кострища, кости животных и обработанные рукой человека кремни заполняли здесь основание древнего жилища, за пределами которого находки встречались лишь изредка.

Древнее жилище, вскрытое в Костёнках I раскопками 1931—1936 гг., имело в плане овальные очертания. Длина его была 35 *м,* ширина — 15—16 *м.* Жилая площадь достигала, таким образом, размера почти 600 *кв. м.* При таких больших размерах жилище, естественно, не могло обогреваться одним очагом. В центре жилой площади, по длинной ее оси, тянулись симметрично расположенные, с интервалами *в 2 м,* очажные ямы. Очагов было 9, диаметром около 1 *м* каждый. Эти очаги были покрыты сверху толстым слоем костной золы и обуглившихся костей, употреблявшихся в качестве топлива. Очевидно, обитатели жилища перед тем, как оставить его, запустили свои очаги и долго не чистили их. Они оставили также и неиспользованные запасы топлива в виде костей мамонта, находившихся вблизи очагов.

Один из очагов служил при этом не для отопления, а для совершенно иной цели. В нём обжигали куски бурого железняка и сферосидерита, добывая таким образом минеральную краску — кровавик. Эта краска употреблялась жителями поселения в таком большом количестве, что слой земли, заполнявший углубление жилища, местами был сплошь окрашен в красный цвет различных оттенков.

Обнаружилась и другая характерная черта внутреннего устройства большого жилья в Костёнках I. Рядом с очагами или несколько в стороне от них были найдены крупные трубчатые кости мамонта, вертикально врытые в землю. Судя по тому, что кости были покрыты зарубками и насечками, они служили своего рода «верстаками» для древних мастеров.

Основная жилая площадка была окаймлена дополнительными помещениями— землянками, расположенными по её контуру в виде кольца. Две из них выделялись среди других своими более крупными размерами и были расположены почти симметрично по правую и левую сторону основного жилища. На полу обоих землянок замечены остатки костров, отеплявших эти помещения. Крыша землянок имела каркас из крупных костей и бивней мамонта. Третья большая землянка находилась в противоположном, дальнем, конце жилой площадки и, очевидно, служила складочным помещением для частой туши мамонта.

Любопытным бытовым штрихом являются здесь также специальные ямки — хранилища для особо цепных вещей. В таких ямках найдены были скульптурные изображения женщин, животных, в том числе мамонта, медведя, пещерного льва, украшения из коренных зубов и клыков хищников, главным образом песца. Кроме того, в ряде случаев обнаружены были отборные кремнёвые пластины, лежавшие по несколько штук вместе, крупные наконечники отличного качества, по-видимому, намеренно скрытые в специально вырытых углублениях. Учитывая всё это и отмечая, что статуэтки женщин были разбиты, а на полу жилища вообще оказались преимущественно малозначительные вещи, один из исследователей костёнковских стоянок— П. П. Ефименко полагает, что большое жилище Костёнок I было брошено «при чрезвычайных обстоятельствах». По его мнению, жители покинули свой дом, захватив все наиболее ценные вещи. Они оставили на мосте только то, что было заранее спрятано, в том числе статуэтки. Враги, обнаружив статуэтки женщин, разбили их, чтобы тем самым уничтожить родовых «покровителей» костёнковской общины и нанести ей ещё больший ущерб.

Раскопки в Костёнках вскрыли, таким образом, картину домашней жизни целой общины, в которую входили десятки, а может быть и сотни людей, обитавших в обширном, уже достаточно хорошо по тому времени устроенном, сложном по конструкции общем жилище. Эта сложная и вместе с тем стройная картина древнего поселения наглядно показывает, что в жизни его обитателей существовал определенный внутренний распорядок, который строился на унаследованных от предшествующих поколений традициях, на строго определённых необходимостью и обычаем правилах поведения её членов. В основе этих традиций лежал непрерывно нараставший в ходе тысячелетий опыт коллективной трудовой деятельности. Вся жизнь палеолитической общины основана была на совместном труде её членов, на их общей борьбе с природой.

Огромное костёнковское жилище не было чем-то исключительным, единственным в своем роде. Совершенно такое же большое жилище, почти полностью повторяющее костёнковское по своему устройству, было вскрыто на Авдеевской стоянке, под Курском. Очертания жилища в плане были и здесь овальными, по краям его располагались землянки; внутри находились очаги, вытянутые в одну линию вдоль длинной оси, ямки-хранилища и вкопанные вертикально в землю трубчатые кости мамонта. Находки в Авдеевском жилище по своему составу также почти полностью повторяют вещи из Костёнок.

Аналогичные большие жилища существовали и в других верхнепалеолитических поселениях, в том числе даже очень удалённых от Дона, но во многом поразительно родственных поселениям Авдеева и Костёнок.

Довольно обширное жилище такого рода было исследовано, например, за последние годы в Долни Вестонице, в Чехословакии. Жилище в Долни Вестонице имело слегка углублённое в землю основание и овальные в плане очертания площадью 19х9 *м*. Внутри опала находились 5 очагов, расположенных на расстоянии 1,5—2 *м* друг от друга. Около очагов обнаружена основная масса находок: кремнёвых отщепов, пластин и законченных орудий. Там же оказались лучшие изделия из кости и бивня мамонта, в том числе крупные острия и украшения. Найдены были также и кусочки красящего минерального вещества, очевидно, охры. Строители •того жилища выбрали место для него на берегу небольшого ручья с чистой, прозрачной водой. Но другую сторону ручья нагромождена была масса костей животных.

На Десне под Брянском на верхнепалеолитической Тимоновской стоянке старейший советский археолог В. Л. Городцов обнаружил ещё более сложные жилища в виде четырёхугольных землянок глубиной до 3 *м,* в которых, как в искусственных пещерах, зимовали палеолитические общины.

Наряду с многоочажными большими жилищами существовали жилища и другого типа, меньшего размера. Если в Костёнках и Авдееве удаётся исследовать только углубленный пол жилища и его детали, то здесь, в жилищах меньшего размера, можно в какой-то степени определить детали устройства стоп, опорных конструкции в виде столбов и даже крыши. Так, например, найденные при раскопках палеолитического жилища в Гонцах, на Украине, кости мамонта не были разбросаны в беспорядке, а располагались скоплением определённой формы в виде овала длиной 4,5 *м* и шириной около 4 *м,* окаймлённого 27 черепами мамонтов. Кроме того, по краю этой овальной площадки были вертикально вкопаны 30 лопаток мамонта. В середине лежало более 30 бивней мамонта. Черепа и лопатки мамонта были основанием стен древнего жилища, бивни, всего вероятнее, служили конструктивной основой его низкой куполообразной крыши. К числу жилищ такого рода, по-видимому, относится и землянка в Шуссенриде (Швейцария). Найденные в ней вместе с костяными мадленскими гарпунами и другими палеолитическими изделиями сотни рогов северного оленя могли служить покрытием каркаса крыши.

Широкое распространение жилищ с каркасом из костей животных относится к солютрейскому и мадленскому времени, когда на смену относительно мягкому климату рисс-вюрмского межледникового периода наступает новое, вюрмское похолодание. Тот же отпечаток сурового климата лежит на одежде людей позднесолютрейского и мадленского времени. Наличие многочисленных кремнёвых и костяных острий-проколок, в особенности же превосходно сделанных костяных иголок с миниатюрными отверстиями для нитей, не оставляет сомнения в том, что у людей того времени уже существовала скроенная и сшитая одежда из специально выделанных шкур. Какой была по своему виду и покрою одежда, показывает найденная к Бурети (в Сибири, на роке Ангаре) верхнепалеолитическая статуэтка, вырезанная из бивня мамонта. Вся её поверхность, кроме лица, сплошь покрыта углублениями, условно передающими меховой костюм в виде комбинезона, плотно

облегающего тело. На голове статуэтки изображен капюшон, покрытый такими же ямками.

Среди палеолитических статуэток преобладают, однако, изображения не одетых, а обнажённых женских фигур. Самое большее, что у них имеется из одежды, это более или менее широкий поясок на бёдрах или что-то вроде широкого треугольного хвоста, опускающегося сзади, как это видно на известной статуэтке из Леспюг (Франция). Иногда видна как будто татуировка. Большое внимание уделялось женщинами причёске, порой весьма сложной и пышной. Волосы то падают вниз сплошной массой, то собраны концентрическими кругами. Иной раз они расположены зигзагообразными вертикальными рядами.

Внутри своего низкого и тесного полуподземного зимнего жилища люди палеолитического времени, очевидно, пребывали обнажёнными или полуобнажёнными. Только вне жилья они появлялись в одежде из шкур и меховом капюшоне. В таком виде они и представлены в произведениях палеолитических скульпторов — в меховой одежде или нагими с одним только пояском на тело.

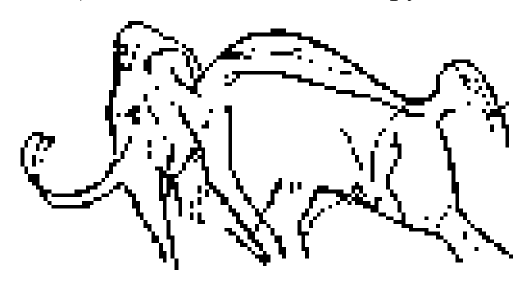
Палеолитические статуэтки интересны не только тем, что они правдиво передают облик людей верхнего палеолита, но и тем, что ими представлено искусство ледникового времени.

3. Искусство и верования

Палеолитическое искусство

Первые образцы палеолитического искусства были найдены в пещерах Франции в 40-х годах XIX в., когда многие, под влиянием библейских взглядов на прошлое человека, не верили в самое существование людей каменного века — современников мамонта.

В 1864 г. в пещере Ля-Мадлен (Франция) было обнаружено изображение мамонта на костяной пластинке, показавшее, что люди этого отдаленного времени не только жили вместе с мамонтом, но и воспроизводили это животное в своих рисунках. Спустя 11 лет, в 1875 г., были неожиданно открыты поразившие исследователей пещерные росписи Альтамиры (Испания), а за ними и многие другие.

Изображение мамонта.
Пещера Ля-Мадлен (Франция).

Но существование пещерного искусства древнекаменного века всё ещё долго оспаривалось, пока накопление фактов не положило конец всяким сомнениям.

Терпеливо собранный исследователями новый фактический материал полностью подорвал попытки ряда теоретиков изолировать искусство от общества, искать его зачатки в мире животных или утверждать изначальность художественного чувства у человека. Накопление фактического материала окончательно доказало также, что искусство не возникло, как утверждали идеалистически мыслящие искусствоведы, внезапно и неожиданно, в ослепительном блеске, что его источником были вовсе не случай и не гений «избранной расы».

Появление первобытного искусства было подготовлено сотнями тысячелетий развития общества и труда, в процессе которого происходило прогрессивное изменение природы самого человека, его органов чувств и способностей. Огромное значение имело при этом развитие и совершенство человеческой руки. В процессе труда и только благодаря труду человеческая рука достигла впоследствии такой высокой ступени совершенства, на которой она смогла, по известному выраже-

нию Энгельса, «как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини»[1].

В труде человек развивал речь и мышление, учился воспроизводить нужные ому формы вещей по заранее выработанному плану, что и явилось основным предварительным условием творческой деятельности в области искусства. В ходе развития общественно-трудовой деятельности возникали, наконец, конкретные потребности, вызвавшие зарождение искусства, как особой сферы общественного сознания и деятельности человека.

Первое зерно искусства было посеяно, как мы видели, ещё в конце мустьерского времени. Эти предпосылки и зачатки искусства не пропали даром. Они принесли богатые всходы, когда человек миновал неандертальскую фазу и поднялся на новую, качественно иную, более высокую ступень своего развития.

В верхнем палеолите, как мы видим, усложняется техника охотничьего хозяйства. Зарождается домостроительство, складывается новый уклад быта. В ходе вызревания родового строя крепнет и усложняется по своей структуре первобытная община. Развиваются мышление и речь. Неизмеримо расширяется умственный кругозор человека и обогащается его духовный мир. Наряду с этими общими достижениями в развитии культуры большое значение для возникновения и дальнейшего роста искусства имело и то специфически важное обстоятельство, что человек верхнего палеолита теперь стал широко использовать яркие цвета природных минеральных красок. Он овладел также новыми способами обработки мягкого камня и кости, открывшими перед ним ранее не известные возможности передачи явлений окружающей действительности в пластической форме — в скульптуре и резьбе.

Без этих предварительных условий, без этих технических достижений, рождённых непосредственной трудовой практикой но изготовлению орудий труда, не могли бы возникнуть ни живопись, ни художественная обработка кости, которыми в основном представлено известное нам искусство палеолита.

Самое замечательное и самое важное в истории первобытного искусства заключается в том, что оно с первых своих шагов пошло в основном по пути правдивой передачи действительности. Искусство верхнего палеолита, взятое в лучших его образцах, отличается удивительной верностью природе и точностью в передаче жизненно важных, наиболее существенных признаков. Уже в начальное время верхнего палеолита, в ориньякских памятниках Европы, обнаруживаются образцы правдивого рисунка и скульптуры, а также одинаковые с ними по духу пещерные росписи. Появлению их, разумеется, предшествовал определённый подготовительный период.

Глубокая архаичность наиболее ранних пещерных изображений сказывается в том, что возникновение самых древних из них, раннеориньякских, вызвано было на первый взгляд как будто случайно вспыхнувшими ассоциациями в сознании первобытного человека, заметившего сходство в очертаниях камней или скал с обликом тех или иных животных. Но уже в ориньякское время рядом с образцами архаического искусства, в которых причудливо сочетаются естественное сходство и творчество человека, были широко распространены и такие изображения, которые целиком обязаны своим появлением творческому воображению первобытных людей.

Для всех этих архаических образцов древнейшего искусства характерна резко выраженная простота формы и такая же сухость расцветки. Палеолитический человек сначала ограничивался тем, что только раскрашивал свои контурные рисунки сильными и яркими тонами минеральных красок. Это было вполне естественно в тёмных пещерах, тускло освещённых еле горящими фитилями или огнём дымного костра, где полутона были бы попросту незаметны. Пещерные рисунки ориньякского времени представляют собой обычно фигуры зверей, выполненные только одним линейным

[1] *Ф. Энгельс*. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, стр. 5.

контуром, обведённые красными или жёлтыми полосами, иногда сплошь заполненные внутри круглыми пятнами или залитые краской.

На мадленском этапе происходят новые прогрессивные изменения в искусство верхнего палеолита, главным образом в пещерных росписях. Они выражаются в переходе от простейших контурных и гладко залитых краской рисунков к многоцветным росписям, от линии и гладкого однотонного красочного поля к пятну, передающему объём и форму предмета различной густотой краски, изменением силы тона. Простые, хотя и красочные рисунки ориньякского времени вырастают теперь, следовательно, в настоящую пещерную живопись с характерной для её лучших образцов, например в Альтамире, передачей форм живого тела изображаемых зверей.

Изображения козлов и лошадей.
Пещера Комбарелль (Франция).

Жизненный, реалистический характер искусства палеолита не ограничивается мастерством в статической обрисовке формы тела животных. Наиболее полное свое выражение он нашёл в передаче их динамики, в умении схватывать движения, передавать мгновенно меняющиеся специфические позы и положения.

Такое мастерство было достигнуто не сразу. На первых порах, в ориньякское время, при всём совершенстве контуров рисунка, животные ещё долго остаются скованными и движениях, неподвижными. Но уже к середине мадленского периода в искусстве явно обнаруживается стремление передать движение животного. На одних рисунках олени медленно идут с присущей этим животным грацией. На других они мчатся, за кинув рога, в паническом страхе. Лошади всюду показаны в летучем галопе. Кабан из Альтамиры страшен в слепой ярости: он скачет с оскаленными клыками и вздыбленной щетиной. Даже грузный мамонт и тот изображён на пластине из Ля-Мадлен с большой экспрессией. Спина его круто выгнута и напряжена, бивни подняты вверх, задняя нога вытянута, хвост высоко поднят и изогнут дугой. Вся могучая фигура мамонта устремлена вперёд.

Несмотря на всю свою правдивость и жизненность, искусство палеолита остаётся в полной мере первобытным, поистине младенческим. Оно в корне отличается от современного, где художественный рассказ строго ограничен в пространстве. Искусство палеолита не знает воздуха и перспективы в настоящем смысле этого слова; в этих рисунках под ногами фигур но видно земли. В нём нет и композиции в нашем смысле слова, как намеренного распределения отдельных фигур на плоскости. Самые лучшие рисунки палеолита не более чем мгновенно схваченные и застывшие единичные впечатления с характерной для них поразительной живостью в передаче движений.

Даже в тех случаях, где наблюдаются большие скопления рисунков, в них не обнаруживается никакой логической последовательности, никакой определённой смысловой связи. Такова, например, масса быков в росписи Альтамиры. Скопление этих

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛАНИ
Пещера Альтамира. Испания. Верхний палеолит

быков — результат многократной пририсовки фигур, простого их накопления в течение длительного времени. Случайный характер таких сочетаний фигур подчёркивается нагромождением рисунков друг на друга. Быки, мамонты, олени и лошади беспорядочно налегают друг на друга. Более ранние рисунки перекрываются последующими, еле просвечивая под ними. Это не результат единого творческого усилия мысли одного художника, а плоды несогласованной стихийной работы ряда поколений, связанных только традицией.

Плафон с изображением животных.
Пещера Альтамира (Испания).

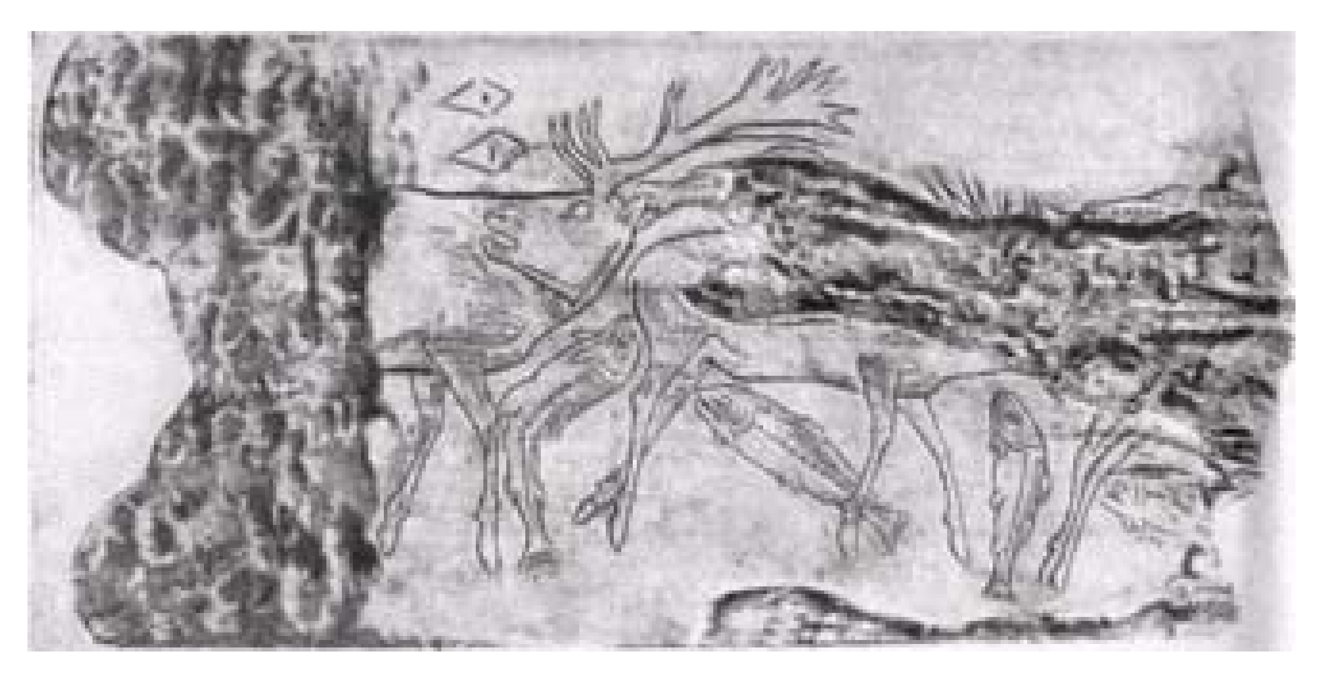
Тем не менее в отдельных исключительных случаях, особенно в миниатюрных работах, в гравюрах по кости, а иногда также и в росписях пещер обнаруживаются зачатки повествовательного искусства и вместе с тем своеобразной смысловой композиции фигур. Это прежде всего групповые изображения животных, означающие стадо или табун. Возникновение подобных групповых рисунков понятно. Древний охотник постоянно имел дело со стадами быков, табунами диких лошадей, с группами мамонтов, являвшихся для него объектом коллективной охоты — загона. Именно так, в виде стада, они в ряде случаев и изображались. Такой характер имеют, например, замечательный фриз из скачущих друг за другом мохнатых горбоносых лошадок в пещере Ляско (Франция) или схематический рисунок на кости, изображающий группу диких ослов или лошадей в виде шеренги, обращённой головами к зрителю. Сюда же относится изображение группы оленей, у которых видны одни только ветвистые рога; оно живо передаёт непосредственное впечатление «леса рогов», возникающее и в наше время при первом взгляде на табун оленей в голой чукотской тундре.

Ещё интереснее красочный рисунок из пещеры Фон-де-Гом (Франция). Слева на нём видна группа лошадей, обращённых головами в одну сторону, туда, где на одном с ними уровне стоит лев с изогнутой спиной и выгнутым хвостом, готовый к прыжку на лошадей.

Вторая такая сцена, выхваченная из глубины веков и сохранённая для нас рукой палеолитического человека, изображает мирную жизнь животных ледникового времени: спокойно и мирно идут друг за другом два оленя; впереди самка, позади виден "лень-самец с огромными широко раскинутыми рогами.

Замечательна сцена, изображённая на обломке кости, найденной в гроте Лортэ (Верхние Пиренеи). Здесь показана группа оленей, переходящих через реку. На краю обломка видны задние ноги убегающего оленя, за ним идёт другой, а позади изображён крупный олень, повернувший голову назад. Он ревёт, призывая кого-то, может быть, отставшего оленёнка. У ног оленей нарисованы рыбы.

Почему первобытный резчик поставил своей задачей рассказать именно о переходе оленей через реку, почему он подчеркнул именно тот факт, что целая группа оленей оказалась в воде, станет ясным, если вспомнить охоту арктических племен на северного оленя в недавнем прошлом. Все существование этих охотников, вся их жизнь зависели от возможности запасти достаточное количество оленьего мяса на зиму. А это было возможно только тогда, когда олени начинали свою ежегодную массовую переправу через роки. Вот здесь-то, около переправы, и поджидали оленей охотники на своих лёгких лодках. Как только олени забредали в воду, а затем, всплывая, теряли дно под

Изображение оленей, плывущих через реку.
Грот Лортэ (Франция).

ногами, охотники бросались в гущу стада и кололи копьями беспомощных животных; охота длилась всё время, пока шла переправа. Так, вероятно, добывали себе пищу на зимнее время и палеолитические охотники, один из которых передал в своём рисунке столь хорошо знакомую ему сцену перехода табуна оленей через реку.

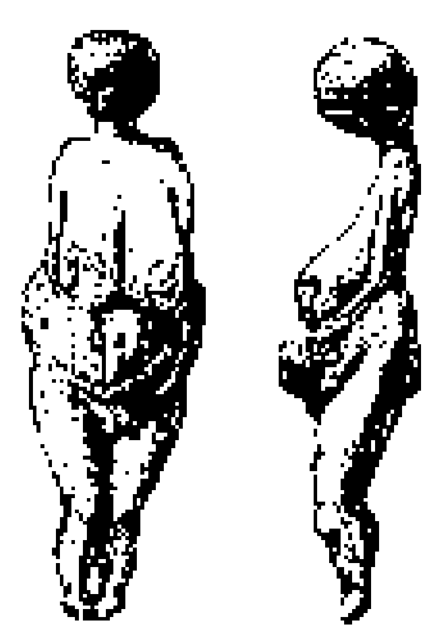
Есть в искусстве палеолита и зачатки перспективного изображения, однако, весьма своеобразного и примитивного. Как правило, животные показаны сбоку, в профиль, человек—в фас. Но имелись определённые приёмы, позволявшие оживить рисунок и ещё больше приблизить его к действительности. Так, например, тела животных иногда даются в профиль, а голова в фас, глазами к зрителю. На изображениях человека, наоборот, туловище давалось в фас, а лицо в профиль. Наблюдаются случаи, когда животное изображается спереди, схематично, но так, что видны только ноги и грудь, ветвистые оленьи рога, а задняя часть отсутствует, закрытая передней половиной тела. Совершенно необычайный приём использован на рисунке из Шанселада (Франция), изображающем бизона, или, вернее, его скелет с головой, и окружающие его с боков человекоподобные существа. Все фигуры показаны здесь сверху, с птичьего полёта, как бы распластанными на земле.

Очень рано, ещё в ориньякское время, рядом с рисунками и барельефами появляется круглая скульптура, обычно это — изображения женщин. Статуэтки обнаружены в различных поселениях верхнего палеолита приледниковой зоны на огромных её пространствах от Средиземного моря до Байкала. В числе лучших образцов таких

изображений находятся всемирно известные статуэтки, найденные в Советском Союзе. Особенно замечательны по жизненной передаче форм обнажённого женского тела и выразительности две статуэтки, найденные в Костёнках.

Вместе с пластическими изображениями женщин для искусства верхнего палеолита столь же характерны одинаково верные природе скульптурные изображения животных из бивня мамонта, кости и даже глины, смешанной с костной золой. Таковы фигуры мамонта, бизонов, лошадей и других животных, в том числе хищников. Большое количество превосходных скульптурных изображений животных найдено на территории СССР.

Костёнки дали целую серию миниатюрных головок и фигур животных, вырезанных из мягкого местного камня—мергеля. Здесь ость хищники, вроде льва и медведя, есть и превосходно оформленная голова верблюда. В Мезине (Украина) найдены совершенно необычные по своеобразной стилизации фигурки хищных птиц, покрытые богатым геометрическим узором. В Мальте и Бурети (на реке Ангаре) обнаружены скульптурные фигурки водоплавающих птиц, изображённых в полёте, с длинной вытянутой вперёд шеей и массивной головой. Это, очевидно, гагары или лебеди. В Авдеевской стоянке найдены фигурки мамонтов, вырезанные из костей ступни самого мамонта. Совершенно такие же статуэтки найдены в Пржедмосте, в Чехословакии.

Скульптурная фигура женщины, вырезанная из бивня мамонта (фас и профиль). Костёнки I. Из раскопок 1952 г.

Если существование правдивого искусства людей ледниковой норы сейчас уже действительно не требует доказательств, то остаётся всё-таки необходимым объяснить этот первобытный реализм, обнаружить причины, породившие удивительное искусство древнекаменного века.

Само собой разумеется, что дошедшие до нас памятники палеолитического искусства не были результатом «свободного» от связи с обществом художественного творчества. Такого творчества не знает история человечества.

Искусство палеолита выросло на определённой социальной почве. Оно служило потребностям общества, было неразрывно связано с определённым уровнем развития производительных сил и производственных отношений. С изменением этой экономической основы изменялось общество, менялась надстройка, в том числе изменялось и искусство. Поэтому искусство палеолита ни в коем случае не может быть тождественно реалистическому искусству позднейших эпох. Оно столь же неповторимо в своём своеобразии, в своём примитивном реализме, как и вся породившая его эпоха палеолита — этого подлинного «детства человечества».

Жизненность и правдивость лучших образцов палеолитического искусства обусловлены были прежде всего особенностями трудовой жизни и выраставшего из неё мировосприятия палеолитических людей. Меткость и острота наблюдений, отражённых в образах животных, определялись повседневным трудовым опытом древних охотников, вся жизнь и благосостояние которых зависели от знания образа жизни и характера животных, от умения выследить их и овладеть ими. Такое знание мира животных было делом жизни и смерти для первобытных охотников, а проникновение в жизнь зверей являлось настолько характерной и важной частью психологии людей, что окрашивало всю их духовную культуру, начиная, судя по данным

этнографии, с животного эпоса и сказок, где животные выступают единственными или основными персонажами, кончая обрядами и мифами, в которых люди и звери представляют одно нераздельное целое.

Изображение быка.
Пещера Ляско (Франция).

Палеолитическое искусство доставляло людям того времени удовлетворение соответствием изображений природе, чёткостью и симметричным расположением линий, силой цветовой гаммы этих изображений.

Обильные и тщательно выполненные украшения радовали глаз человека. Возник обычай покрывать орнаментом самые простые бытовые вещи и придавать им нередко скульптурные формы. Таковы, например, кинжалы, рукоять которых превращена в фигурку оленя или козла, копьеметалка с изображением куропатки. Эстетический характер этих украшений нельзя отрицать даже и в тех случаях, когда такие украшения приобретали определённый религиозный смысл и магический характер.

Искусство палеолита имело огромное положительное значение в истории древнейшего человечества. Закрепляя в живых образах искусства свой трудовой жизненный опыт, первобытный свой жизненный опыт, первобытный человек углублял и расширял представления о действительности и глубже, всестороннее познавал её, а вместе с тем обогащал свой духовный мир Возникновение искусства, означавшее огромный шаг вперёд в познавательной активности человека, вместе с тем во многом способствовало укреплению социальных связей.

Первобытные религиозные представления

Памятники первобытного искусства свидетельствуют о развитии сознания человека, о его жизни в то отдалённое время. Они рассказывают и о верованиях первобытного человека. К фантастическим представлениям, из которых возникли древнейшие религиозные верования охотников каменного века, следует отнести зачатки почитания сил природы и прежде всего культ зверя.

Зарождение грубого культа зверя и охотничьего колдовства обусловлено было значением охоты, как главного источника существования древних людей этого периода, той реальной ролью, которая принадлежала зверю в их повседневной жизни. Звери с самого начала заняли важное место в сознании первобытного человека и в первобытной религии.

Перенося на мир животных отношения, характерные для первобытных родовых общин, неразрывно связанных друг с другом брачными союзами и экзогамными нормами, первобытный человек мыслил и этот звериный мир как бы в виде второй и вполне равноправной половины своей собственной общины. Отсюда развился тотемизм, т.е. представление о том, что все члены данного рода происходят от определённого животного, растения пли другого «тотема» и связаны с данным видом животным нерасторжимой связью. Самое слово *тотем,* вошедшее в науку, заимствовано из языка одного из североамериканских индейских племён — алгонкинов, у кото-

рых оно значит «его род». Звери и люди, согласно тотемическим представлениям имели общих предков. Звери, если они этого хотели, могли снять свою шкуру и стать людьми. Предоставляя людям по собственной воле своё мясо, они умирали. Но если люди сберегали их кости и выполняли необходимые обряды, звери снова возвращались к жизни, «обеспечивая» таким образом обилие пищи, благополучие первобытной общины.

Первые слабые зачатки такого первобытного культа зверя могут быть обнаружены, судя по находкам в Тешик-Таше и в альпийских пещерах, возможно, уже в конце мустьерского времени. О его развитии наглядно свидетельствуют памятники пещерного искусства верхнего палеолита, содержанием которого почти исключительно являются образы зверей: мамонтов, носорогов, быков, лошадей, оленей, хищников, вроде пещерного льва и медведя. На первом месте при этом, естественно, стоят те животные, охота на которых была главным источником пищи: копытные.

Для понимания смысла этих пещерных рисунков важны и условия, в которых они находятся. Сама по себе сохранность пещерных рисунков определяется устойчивым гигроскопическим режимом внутри пещер, изолированных также и от влияния температурных колебаний, имевших место на поверхности земли. Рисунки обычно расположены на значительном расстоянии от входа, например в Нио (Франция)— на расстоянии 800 *м*. Постоянная жизнь человека на таком расстоянии от входа в пещеры, в глубине, где царили вечная темнота и сырость, разумеется, была невозможна. Чтобы попасть в самые замечательные хранилища пещерного искусства, иногда и теперь приходится пробираться в тёмную глубину пещер через узкие колодцы и щели, часто ползком, даже переплывать через преграждающие дальнейший путь подземные реки и озера.

Особенно выразительны находки в глубине пещеры Монтеспан (Франция) ленных фигур животных, в том числе медведя, вокруг которых на глинистом полу уцелели покрытые сталагмитовой коркой отпечатки босых человеческих ног. Голова у изображения медведя отсутствовала, на её месте находилось лишь довольно глубокое отверстие, а между лапами лежал череп медвежонка, должно быть прикреплённый прежде к глиняной фигуре посредством деревянного стержня, вставленного в отверстие. Поразительно сходная картина открылась и пород исследователями, впервые проникшими в глубину пещеры Тюк д'Одюбер (Франция) в 1912 г. В ней оказались две выполненные из глины фигуры бизонов, а вокруг них точно так же уцелели отпечатки босых ног — мостами всей ступни, а мостами одних только пяток. Это были, должно быть, следы первобытных охотников, исполнявших какой-то обрядовый танец вокруг бизоньих фигур с целью заворожить и околдовать живых, настоящих бизонов, сделать их лёгкой добычей на охоте.

Какие мысли и чувства руководили первобытными скульпторами и живописцами древнекаменного века, не менее ясно показывают их рисунки. Здесь изображены бизоны с вонзёнными в них дротиками или гарпунами, звери, покрытые ранами, умирающие хищники, у которых из широко раскрытой пасти льётся потоком кровь. На фигурках мамонтов видны схематические рисунки, которые могут изображать ловчие ямы, служившие, как полагают некоторые исследователи, для ловли этих гигантов ледникового времени. В пещере Ляско изображены фигурки зверей, в которых торчат по 7 и по 12 дротиков. Рядом с животными нарисованы условные изображения копьеметалок, охотничьих изгородей и сетей.

О специфическом назначении пещерных рисунков свидетельствует и характерное налегание одних рисунков на другие, их многочисленность, показывающая, что изображения животных делались, по-видимому, не навсегда, а только для одного раза, для того или иного отдельного обряда. Ещё ярче это видно на небольших гладких плитках, где налегающие друг на друга рисунки часто образуют сплошную сетку пересекающихся и совершенно запутанных линий. Такие гальки, должно быть, каждый раз

заново покрывались красной краской, по которой и процарапывался рисунок. Таким образом, эти рисунки делались только для одного определённого момента, «жили» только раз.

С охотничьими колдовскими обрядами в значительной мере связаны были, как полагают, и женские статуэтки верхнего палеолита. Их значение определяется, согласно этим взглядам, представлениями древних охотников, веривших в своего рода «разделение труда» между мужчинами, убивающими зверей, и женщинами, которые своим колдовством должны были якобы «привлекать» животных под удары копий охотников. Такое предположение хорошо обосновывается этнографическими аналогиями.

Женские статуэтки

Женские статуэтки являются вместе с тем, по-видимому, и свидетельством существования культа женских духов, характерного для древних общин с материнским родом.

Культ этот хорошо известен по верованиям различных племён, в том числе не только земледельческих, но и чисто охотничьих, таких, как алеуты и эскимосы XVII—XVIII вв. н. э., образ жизни которых, обусловленный суровой арктической природой и охотничьим хозяйством, обнаруживал наибольшее сходство с бытовым укладом верхнепалеолитических охотников приледниковых областей Европы и Азии.

Барельефная фигура женщины, Лоссель (Франция).

Культура этих алеутских и эскимосских племён в общем своём развитии ушла, конечно, далеко вперёд по сравнению с культурой верхнего палеолита, но тем интереснее, что в их религиозных верованиях сохранилось много такого, что помогает понять те представления, которые вызвали к жизни женские палеолитические статуэтки.

Замечательно поэтому, что в остатках древних эскимосских поселений повсюду находят женские фигурки, вырезанные из дерева и кости, в том числе такие, которые поражают своим сходством с лучшими палеолитическими изображениями женщин. На острове Пунук обнаружена была, например, статуэтка из бивня моржа. Как и палеолитические фигурки, она реалистически передаёт облик обнажённой пожилой женщины. Подобные фигурки женщин имелись у эскимосов и в последующее время — вплоть до XIX—XX вв.

Этнографы установили, что человеческие фигурки у эскимосов изображают не что иное, как конкретных людей, находившихся в длительном отсутствии. Этим фигуркам приписывали все свойства и способности человека. Подобные изображения изготовлялись и в случае смерти человека. Чтобы вселить в них душу умершего, в фигурке иногда делалось углубление, куда и вкладывали его полосы, являвшиеся, по представлениям эскимосов, вместилищем души. Такими изображениями умерших являлись иногда и те настоящие куклы, которыми играли эскимосские девочки. Куклы эти назывались именами умерших, души которых хотели почтить или удержать в семье; по воззрениям эскимосов, душа человека, представлявшаяся отдели-

мым от тела существом, и его имя находились в неразрывной связи, составляя одно целое. Кукла оказывалась, таким образом, вместилищем души и представителем покойного среди живых сородичей. Неудивительно поэтому, что куклы были не только игрушками, но имели в то же самое время и значение амулетов, переходивших от матери к дочери, как залог плодовитости. Душа покойного сородича, согласно этим понятиям заключённая в кукле, переходила в тело женщины и возрождалась затем к новой жизни. Она считалась, таким образом, одновременно душой умершего родственника и душой будущего ребёнка.

Можно предположить, что палеолитические изображения женщин могли иметь в глазах людей того времени примерно такой же смысл и значение, что они тоже были изображениями умерших женщин, служили своеобразными амулетами для продолжения рода.

Погребальные обычаи

О развитии и характере первобытных религиозных представлений и обрядов, складывавшихся у людей верхнего палеолита, можно судить также и по верхнепалеолитическим погребениям. Наиболее ранние погребения верхнего палеолита обнаружены в окрестностях Ментоны (Италия); они относятся к ориньякскому времени. Люди, хоронившие своих умерших сородичей в ментонских гротах, клали их в одеждах, щедро украшенных морскими раковинами, ожерельями и браслетами из раковин, зубов животных и позвонков рыб. Из орудий при костяках в Ментоле найдены кремнёвые пластины и костяные кинжаловидные острия. Мёртвых засыпали минеральной красной краской. Так, в пещерах Гримальди в окрестностях Ментоны найдены два костяка — юноши 15—17 лет и старухи, положенные на остывшее кострище в скорченном положении. На черепе юноши уцелели украшения от головного убора, состоявшие из четырёх рядов просверленных морских раковин. На левой руке старухи помещались браслеты из таких же раковин. Около туловища юноши находились, кроме того, кремнёвые пластины. Выше, но также ещё в ориньякском слое, лежали два детских скелета, в области таза которых найдено около тысячи просверленных ракушек, очевидно, украшавших переднюю часть одежды.

Близкие по своему характеру захоронения известны и в других местах. Среди них выделяются погребения солютрейского периода в Чехословакии — в Брно, в Пржедмосте и в Долни Вестонице.

Верхнепалеолитические погребения найдены советскими археологами как в европейской части Союза, так и в Азии. Одно такое погребение было открыто в Мальте (в Сибири). Здесь обнаружен скелет младенца, для которого устроили настоящую гробницу из плит известняка, спущенную в лёссовидный суглинок под полом древнего жилища. Две плиты ограждали костяк с боков, третья покрывала его сверху. Дно могилы покрывала красная охра. Младенец лежал на спине. На голове его помещался в виде диадемы тонкий тщательно отшлифованный обруч из мамонтовой кости, на груди — богатое ожерелье из 120 костяных бус и семи узорчатых подвесок, заканчивавшееся стилизованной фигуркой летящей птицы. На груди была и вторая фигурка птички. В области таза помещалась круглая костяная бляха с узором в виде зигзагов, изображающих змей. У ног лежал большой костяной наконечник копья, а также кремневые пластины и острие. На правой плечевой кости ребенка уцелели остатки костяного браслета. Как и все другие вещи, он был сделан из бивня мамонта. Были открыты также палеолитические погребения и в Костёнках. Вместе с одним из трупов в Костёнках было положено 70 кремнёвых пластин, в том числе скребки и проколки, а также костяная игла с ушком, лощило. В могилу положили кроме всех этих нощей крупное костяное орудие в виде лопаточки с рукояткой. Кости находились в прослойке красной охры. Сиденьем костяку служили также прослойки красной и жёлтой охры. Сверху могила была перекрыта лопаткой мамонта и костями лошади.

Верхнепалеолитические погребения показывают, что к тому времени сложился обычай хоронить умерших с украшениями и орудиями труда, которыми они

пользовались при жизни, с запасами пищи, а иногда даже с материалами для изготовления орудий и вооружения. Отсюда можно сделать вывод, что в это время уже зарождаются представления о душе, а также о «стране мёртвых», где умерший будет охотиться и вести такую же жизнь, какую он вёл на этом свете.

Такие представления о «потустороннем мире» мёртвых, о «стране утра», или «земле предков», довольно единообразные в своей основе, существовали и у племён, изученных этнографами. Согласно этим представлениям смерть означала обычно простои уход души из тола человека в «мир предков». «Страна мёртвых» часто представлялась находившейся в верховьях или в низовьях той реки, где проживала данная родовая община, иногда же под землёй, в «подземном мире», или на небе, или на острове, окружённом водой. Оказавшись там, души людей добывали себе пищу охотой и рыбной ловлей, строили жилища и вели жизнь, подобную земной.

Нечто подобное этим верованиям должно было, судя по отмеченным выше археологическим памятникам, существовать и у палеолитических людей. От той эпохи такие взгляды дошли до нашего времени. Они находятся и в основе современных религий, развившихся в условиях классового общества.

Заслуживает внимания такая характерная черта верхнепалеолитических погребений, как обсыпание мёртвых в могилах кровавиком. Согласно описанным этнографами взглядам на роль красной краски в различных обрядах у многих племен недавнего времени красная краска — кровавик — должна была заменять кровь - источник жизненной силы и вместилище души. Судя по их широкому распространению и очевидной связи с охотничьим образом жизни, такие взгляды уходят в отдалённое первобытное прошлое. Это и подтверждается описанными выше археологическими данными.

Условия возникновения первобытных верований

Таким образом, можно сделать общий вывод, что в верхнем палеолите, т. е. не ранее 50—40 тыс. лет назад, складываются первобытные религиозные верования.

Археологические данные, рисующие эти верования людей древнекаменного веки, наглядно подтверждают высказанное классиками марксизма положение о том, чти религия родилась на почве слабости древнейших людей, их бессилия в борьбе с природой.

Факты, изученные современной наукой, показывают, что религия «возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, томных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе»[1].

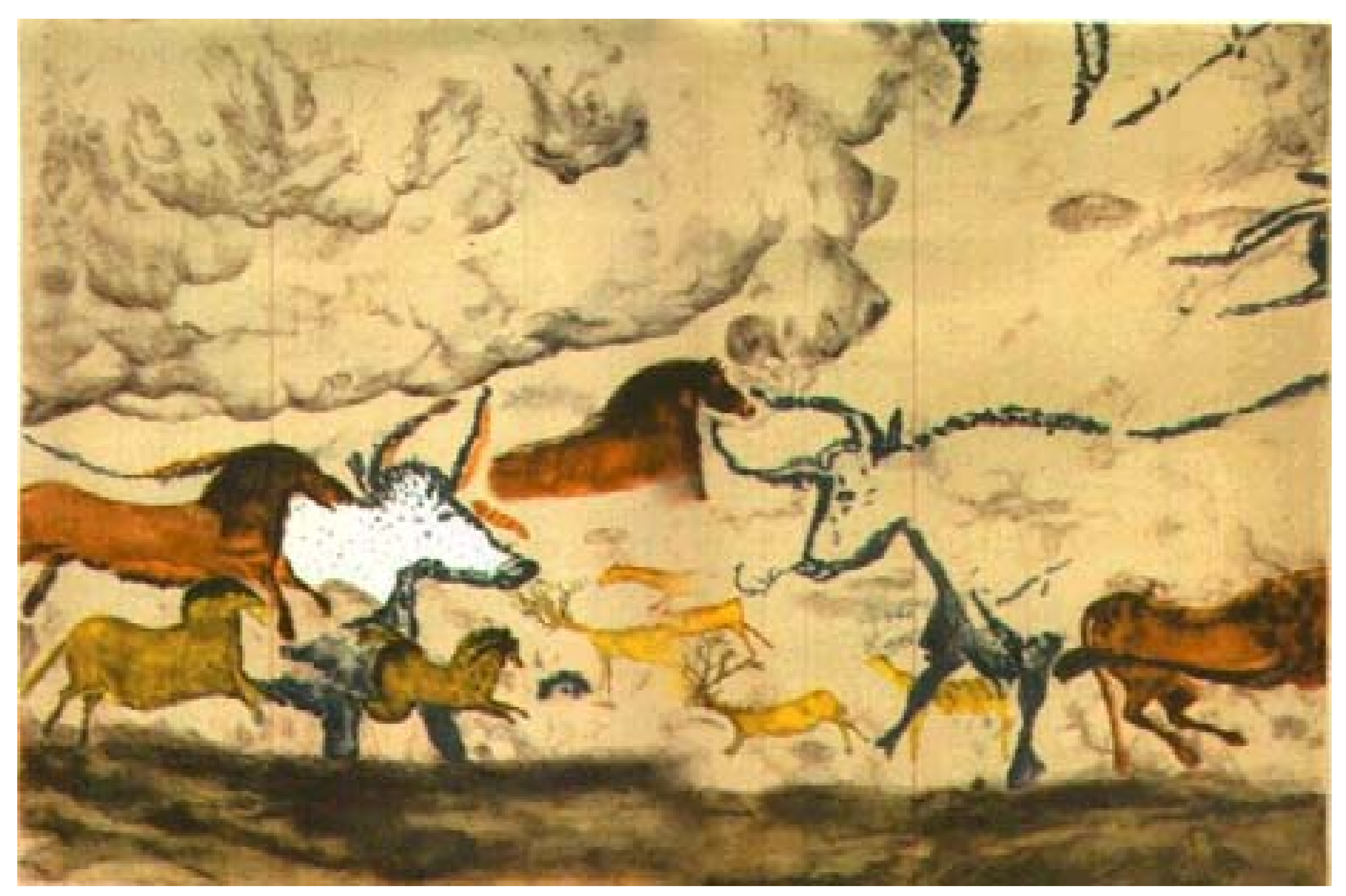
Религиозные верования были порождены бессилием человека перед природой, обусловленным низким уровнем развития общества и его производительных сил. Из-за ограниченности трудового опыта, в силу своей зависимости от грозных сил природы, первобытный человек не мог возвыситься до правильных представлений об окружающем мире и о самом себе. «Уже верное отражение *природы* — дело трудное, продукт длительной истории опыта. Силы природы представляются первобытному человеку чем-то чуждым, таинственным, подавляющим. На известной ступени, через которую проходят *все* культурные народы, он осваивается с ними путем олицетворения. Именно это стремление к олицетворению создало повсюду богов...»[2]

Ещё в конце мустьерского времени мы видели какие-то неопределённые и слабые зачатки тех ложных фантастических представлений о человеке и об окружающей его действительности, которые лежат в основе каждой религии. Ио только в верхнем палеолите наряду с творческой фантазией развивается и пустоцвет религиозной фантастики.

---

[1] *Ф. Энгельс,* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, Госполитиздат, 1952, стр. 48.

[2] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, стр. 326.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛОШАДЕЙ, БЫКОВ И ОЛЕНЕЙ
Пещера Ляско. Франция. Верхний палеолит

В труде и в общественной жизни сознание человека развивалось и крепло, росла обобщающая сила человеческого ума, проявлялась его способность к воображению, к фантазии, без которой невозможно и творчество. Но бессилие, неизбежно сочетавшееся с невежеством, постоянно подталкивало мысль человека к отрыву от жизни, к отлёту его фантазии от действительности, к созданию таких представлений, согласно которым образы, порождённые человеческой фантазией, но только существуют в действительности, но и управляют ею, «душа» подчиняет себе тело, «духи», сверхъестественные существа — животные или люди — господствуют в природе. Эти извращённые представления мешали человеку в его деятельности, подменяли и заслоняли жизнь иллюзиями, закрепляли его бессилие.

4. Переселения палеолитических охотников

Особенности местных культур верхнепалеолитического населения

Картина жизни и культуры верхнепалеолитического человека, которую дают памятники Европы, ещё более обогащается данными, рисующими особенности отдельных групп её населения и взаимоотношения между ними. При бесспорном единстве культуры палеолитического населения в приледниковой зоне Европы было бы неправильно полагать, что внутри этой области не было уже некоторого своеобразия культур отдельных групп её населения.

Одна большая группа палеолитического населения Европы издавна обитала и восточной Европе и отчасти в нынешней Германии. Она употребляла превосходные наконечники солютрейского типа, прототипы которых известны здесь же в виде близких по форме и технике изготовления позднемустьерских орудий. В отличие от неё -жители западной части Европы в то время ещё не пользовались солютрейской техникой; у них были свои традиционные формы каменных орудий, своя техника их изготовления.

Раскопками нижних слоев многослойных поселений в Костёнках засвидетельствована сложная картина взаимоотношений этих двух основных групп палеолитического населения Европы. Сначала в Костёнках жили палеолитические охотники, которые оставили после себя в самом нижнем, 5-м сверху, культурном слое стоянки Костёнки I очень яркие и характерные изделия из камня. На первом месте по своеобразию должны быть поставлены миниатюрные, а также довольно крупные треугольные наконечники двусторонней обработки с выемкой в основании.

Ближайшей аналогией этим наконечникам могут служить наконечники Ильской стоянки на Северном Кавказе. Можно предполагать поэтому, что раннесолютрейская (или иначе протосолютрейская) культура возникла на востоке Европы в результате развития местных более древних культур мустьерского периода.

Затем на смену протосолютрейцам сюда пришли люди с ориньякскими орудиями. Во 2-м сверху слое Костёнок I были обнаружены изделия, характерные для археологических памятников времени среднего (но не раннего) ориньяка в Западной Европе. Очень близкие находки ориньякского типа оказались и в других поселениях того же Костёнковского и более отдалённых районов. Наконец, в Костёнках опять появилась солютрейская культура, но уже на новом этапе сё развития, представленная, в частности, грандиозным общинным жилищем в Костёнках I.

Во многом сходная картина исторических событий раскрывается раскопками и Центральной Европе —в Чехословакии, а также в Германии. Так, в Чехословакии, в долине реки Ваг (в местности Мораваны Длга), была обнаружена мастерская предориньякского времени. В ней найдены такие же, как в нижних слоях Костёнок, протосолютрейские остроконечники, обработанные с обеих сторон, в том числе миниатюрные, очень близкие по форме к более поздним, неолитическим наконечникам

стрел. Сходство этих предметов с найденными в Костёнках усиливается и тем, что в обоих случаях древними мастерами верхнего палеолита использовался один и тот же материал. Как и люди, оставившие следы своей культуры в нижнем, 5-м слое Костёнок I, эти древние обитатели долины реки Ваг выделывали орудия преимущественно из галок цветного камня, а не из кремня. Позже в эти районы Центральной Европы, как и в Костёнки, проникают те же ориньякцы с характерными для их культуры орудиями средне- и позднеориньякских типов.

Отсюда следует, что исторические судьбы и культурная история населения великой Русской равнины в верхнем палеолите были особенно близки к истории древнейших обитателей Чехословакии и соседних с ней областей Центральной Европы. Ясно, что эти палеолитические племена тысячелетиями находились во взаимной связи.

О связях между палеолитическими группами и о передвижениях их нередко на весьма значительные расстояния говорят и многие другие факты, в том числе находки морских раковин средиземноморского происхождения в глубине континента, как это наблюдалось во Франции, Германии, Австрии, а также на Дону, в Костёнках.

Появление негроидов-гримальдийцев в Европе

Ещё более выразительным свидетельством и вместе с тем, может быть, прямым указанием на пути передвижения ориньякских племён верхнего палеолита являются костяки людей этого времени. Ещё в 1906 г. в одной из пещер Гримальди, вблизи Ментоны, были обнаружены два человеческих скелета — женщины и юноши. Культурный слой, в котором они были захоронены, содержал остатки ориньякской культуры. Выше залегал более поздний палеолитический слой, в котором тоже были найдены кости палеолитического человека. Несмотря на то, что эти кости были разделены всего лишь полуметровой толщей земли, они отличались друг от друга настолько резко, что нет никакого сомнения в их принадлежности двум расам палеолитического человечества. Верхние скелеты принадлежали людям кроманьонского типа с больном узким черепом, широким и коротким лицом и выдающимся вперёд «орлиным» носом. Нижние скелеты оказались совершенно иные: они обнаруживают в своём строении такие черты, которые сближают их с современными неграми и меланезийцами.

Важное значение имеет новое открытие, сделанное в 1954 г. на Верхнем Дону, в Костёнках, где на стоянке Маркина гора было найдено погребение, причём костяк, обнаруженный здесь, обладает резко выраженными негроидными признаками.

Отсюда следует, что ориньякские обитатели Костёнковского района принадлежали к древней негроидной расе, тогда как более поздние жители этих мост, судя по костяку из погребения на стоянке Костёнки II, характеризуются столь же ясно выраженными чертами людей кроманьонского типа, что и в Западной Европе.

Однако южные пришельцы не исчезли бесследно. Так же, как это было в Западной Европе, где следы древнего негроидного населения обнаруживаются в Северной Италии, Швейцарии и даже Англии в неолите, бронзовом и раннем железном веке, негроидные черты древнего населения отмечаются и на территории СССР в позднепалеолитическое время (это выяснено, например, по черепам волжского мезолита Гавриловской стоянки на Нижней Оке и на Украине). Отсюда следует, что потомки ориньякских гримальдийцев с Маркиной горы могли дожить на Волге и на Дону не только до мезолита, но жили здесь и значительно позже, почти до первого появления металла у восточноевропейских племён.

Причины древнейших миграций

Что же было причиной сложных передвижений населения древнекаменного века, охватывавших иногда целые материки? Какая сила заставляла людей палеолитического времени в ряде случаев оставлять насиженные места? Причины эти следует искать в материальных условиях жизни палеолитических охотников, в их хозяйстве, в их общественной жизни.

Как показывает этнография, непрерывный и неудержимый процесс расселения является нормальным и естественным явлением в жизни охотничье-рыболовческих племён. При низком уровне развития производительных сил и потребности в больших пространствах земли, необходимых для того, чтобы прокормить охотников, собирателей и рыболовов каменного века, естественное увеличение населения в определённых, наиболее благоприятных для этого районах неизбежно приводило к поискам новых земель и к расселению людей в новью области.

Расселение это имело не случайный, а строго закономерный характер, так как протекало в виде непрерывного расчленения древних общин. О его причинах даёт нам представление расселение индейских родов и племён Северной Америки в новое время, описанное американским этнографом Л. Морганом.

По описанию Моргана, новые племена и новые роды постоянно образовывались вследствие естественного роста; этот процесс сильно ускорялся благодаря большой протяжённости американского континента. Из какого-нибудь перенаселённого географического центра, имевшего особые преимущества в отношении добывания средств к существованию, происходил постепенный отлив населения. Так как это продолжалось из года в год, то на некотором расстоянии от первоначального местопребывания племён вырастало значительное население; с течением времени у переселенцев возникали особые интересы, они становились чуждыми своему племени, появлялись различия в языке. Это повторялось из века в век, как во вновь занятых, так и в старых областях. Когда рост населения вызывал недостаток средств к существованию, избыточная часть населения уходила на новое место.

Это не были, следовательно, волны народов, двигавшихся через целые материки, но были быстрые и катастрофические перемещения больших этнических масс. Подобные движения относятся уже к значительно более поздним временам, когда обычным явлением стали большие племенные союзы, подготовленные длительным предшествующим историческим развитием. В палеолите имел место совершенно иной по темпам и характеру, медленный и стихийный процесс просачивания отдельных мелких коллективов. Тогда шло движение мелких групп палеолитических людей из одних областей в другие, часто усложнявшееся обратным движением; нередко, надо полагать, такого рода движение было как бы зигзагообразным и прерывистым, как мы видим это в Мораваны Длга и в Костёнках.

Расселение древних охотничьих племён приобрело особенно широкие территориальные масштабы в верхнем палеолите. Дальнейшее усовершенствование охотничьей техники по сравнению с мустьерским временем содействовало росту населения, что приводило, вместе с тем, к уменьшению количества дичи на территориях, прилегающих к старым поселениям.

Неизбежным следствием, по-видимому, был отлив населения из наиболее заселенных и ранее всего освоенных мест в пустынные до того области севера Европы и особенно Азии. Такое расселение было тем более естественным, что все эти события происходили в конце ледниковой эпохи, в период освобождения от льда колоссального пространства суши.

В то же самое время освоение новых территорий на Севере стало возможным потому, что теперь существовало уже значительно более развитое, чем прежде, специальное охотничье вооружение, появились различные средства для ловли животных (копьеметалка, костяные наконечники копий и метательных дротиков, ловчие ямы, сети и изгороди). Были известны уже различные способы искусственного добывания огня. Люди научились строить как прочные постоянные жилища на зиму, так и переносные легкие шатры из шкур. Появилась сшитая сухожильными нитями меховая одежда.

Всё это, вместе взятое, дало возможность человеку преодолеть трудности, которое ставили перед ним суровые природные условия, не позволявшие раньше выйти далеко за пределы областей с умеренным и тёплым климатом.

5. Верхнепалеолитические культуры в других частях Европы, в Африке и Азии

Палеолитические обитатели Северной Африки

Но не одни только области приледниковой Европы были районами передовой для того времени культуры. Культура человечества развивалась как на севере, так и на юге, как на востоке, так и на западе, причём этот одинаково прогрессивный по своему направлению процесс протекал в различных условиях, различными темпами и в своеобразных формах.

Если для палеолитической культуры приледниковой области классическими являются памятники Западной и Восточной Европы, то такое же место во внеледниковой зоне принадлежит памятникам верхнего палеолита Северной Африки, так называемой капсийской (по находкам около Гафсы в Тунисе) культуре.

Позднепалеолитические обитатели Туниса и Алжира, как и их европейские современники, успешно занимались охотой; они смело нападали даже на таких страшных хищников, как лов и леопард. Кости этих животных найдены, например, в раковинных кучах Мекта эль-Арби вместе с костями лисицы, ихневмона, дикой лошади, кабана, оленя, газели дикой овцы. В одном из гротов вблизи Константины (Алжир) вместе с каменными орудиями обнаружены также останки гиены, носорога, африканского слона, гиппопотама, верблюда и буйвола.

Но не меньшое, если не большее, место, чем охоте, принадлежало собирательству. Преимущественно сбору съедобных моллюсков, а также добыче мелких животных, например черепах. Характерно, что в Северной Африке у позднепалеолитических поселений имеются скопления раковин съедобных морских и пресноводных моллюсков. Такие скопления нередко занимают сотни метров, достигая 2—3 и даже 5 *м* высоты.

Отличался от образа жизни населения приледниковых областей и бытовой уклад южан. Население южных стран в отличие от северных было сравнительно подвижным. У него не было, как на Севере, постоянных или долговременных жилищ. В случае необходимости охотники-собиратели строили легкие шалаши или заслоны от ветра, дождя и солнечного зноя. Укрытием от плохой погоды и зноя служили также пещеры, навесы и гроты. При таком укладе жизни не получила развития художественная обработка кости, связанная в приледниковых областях как с охотой на мамонта и северного оленя, так и с особыми условиями жизни зимой, когда у полуоседлых арктических охотников оставалось много свободного времени. Зато специфическими находками в позднепалеолитических поселениях Северной Африки являются просверленные фрагменты скорлупы яиц страуса, украшенные рисунками из тончайших резных линий. В большинстве случаев эти рисунки ограничивались простыми орнаментальными узорами, но известны и довольно живые изображения страусов, газелей и быков.

Не ограничиваясь тонкой декоративной резьбой и украшениями из скорлупы яиц страуса, жители Северной Африки с такой же тщательностью рисовали на гладкой поверхности скал или отдельных каменных глыбах в своей ныне пустынной стране.

Древнейшие наскальные рисунки Северной Африки, распространённые главным образом на юге Орана, в центральной и восточной частях Сахары, как показывают сюжеты этих рисунков, относятся к тому отдалённому времени, когда здесь ещё было достаточно воды для жизни буйволов и слонов. Центральное место на этих изображениях занимают большие, иногда почти двухметровые, фигуры вымерших ныне буйволов с характерными для них огромными кривыми рогами.

В ряде случаев буйволы изображены попарно, медленно идущими друг за другом или скрестившими рога в напряжённой борьбе. На одной из скал Южном Оране сохранилась полная движения сцена: слева виден хищник в угро-

жающей позе. Справа находится фигура слонихи; она обняла хоботом слоненка, её от волнения вытянут, вся фигура напряжена, но дышит грозной си-роме слонов и буйволов на североафриканских скалах встречаются изображения страусов, диких ослов, газелей, изредка носорогов и жирафов, а также обнажённых-людей или человекоподобных существ с головой оленя или быка,— может быть, ков, наряженных зверями.

Костяные орудия южных областей скудны и примитивны. Они исчерпываются ми и шильями простейшего типа. Населению южных областей в верхнем палеолите почти неизвестен способ тончайшей отжимной обработки поверхности кремнёвых орудий. Они не имели ни изумительных для того времени по совершенству двусторонне обработанных лавролистных клинков солютрейской техники — кинжалов или копий, ни миниатюрных наконечников, нередко почти неотличимых по очертаниям от наконечников стрел неолита и бронзового века.

Древние наскальные рисунки Северной Африки.

Зато здесь рано появились специфические способы рассечения кремнёвых пластин на мелкие куски — *микролиты*. Рано возникла оригинальная техника оснащения деревянных копий, ножей, гарпунов и кинжалов острыми вкладными лезвиями из кремня. Такое деревянное оружие вполне компенсировало отсутствие набора костяных орудий. Для изготовления деревянного оружия и орудий необходим был, очевидно, набор многочисленных резцов, массивных каменных орудий и пластин с выемками, а также скребков, обычный для поселений этого типа. Вполне вероятно также, что различные острия с затупленным краем, удлинённые асимметричные треугольники, сегменты и трапеции служили наконечниками стрел, бросаемых не только при помощи метательной доски, но, может быть, уже и настоящего лука.

Вполне естественно, что общие черты культуры южных племен, о которых свидетельствуют каспийские памятники Африки, в той или иной мере характерны и для других областей, где существовали сходные естественно-географические условия. Раскопки позднепалеолитических поселений Палестины, Ирана, Малой Азии, Кавказа, Крыма и отчасти Средней Азии показали, что во всех этих странах, которые оставались вне прямого влияния ледникового климата, существовал примерно такой же в своей основе подвижный охотничье-собирательский уклад жизни древнейшего населения, как и в Северной Африке. Много общего было и в материальной культуре — в приёмах изготовления каменных орудий, а также в наборе и характере этих орудий. Такое значительное сходство может свидетельствовать как о влиянии одинаковых условий жизни, так, возможно, и о взаимных связях между населением южных областей палеолитического мира, облегчавшихся, несомненно, общим подвижным укладом их быта.

Палеолитические обитатели Внутренней Африки

В палеолитическое время продолжалось прогрессивное развитие культуры и у обитателей внутренних экваториальных и южных областей Африки. История палеолитической культуры древних племён этих частей африканского континента особенно интересна том, что, несмотря на близкое соседство с жителями Северной Африки, они шли во многом своеобразным, своим собственным путём.

При раскопках пещеры Бамбата, в Южной Родезии, над ашельским и мустьерским слоями была обнаружена толща пещерных отложений, насыщенная предметами, рисующими облик богатой и оригинальной культуры. Культура эта, названная соответственно наименованию самой пещеры культурой Бамбата, обнаруживает тесную связь с предшествующей, мустьерской. Для неё особенно характерны крупные острия двух видов — широкие и узкие. Прототипы их имеются в мустьерских находках, но в культуре Бамбата эти остроконечники превращаются уже в совершенно иные по характеру изделия. Они постепенно приобретают в результате тщательной отделки отжимной ретушью сначала с одной стороны, а затем с обеих правильную лавролистную форму, приближаясь к солютрейским остриям, обнаруженным в Европе. Вместе с остроконечниками появляются многочисленные резцы различных форм, скребки верхнепалеолитического облика, а также небольшие пластинки с затупленным краем и отщепы с подтёской, изготовленные из кристаллов кварца.

Прогрессивный характер изменений, происшедших в жизни населения Южной Родезии в это время, особенно наглядно выражен в том, что здесь, как и в европейском палеолите, обнаруживаются памятники уже весьма развитого по тем временам искусства. В культурном слое пещеры Бамбата найдены были шары и куски жёлтой охры, бурого и красного гематита, а также своего рода «карандаши» из того же материала в виде стержней со следами использования для раскраски скальной поверхности. На стенах пещеры уцелели и самые рисунки, выполненные этой «пастелью» каменного века. Наиболее древние по степени сохранности рисунки оказались сделанными жёлтой краской. Здесь, как и в пещерных росписях Европы, были изображены животные, преимущественно антилопы, формы тела и позы которых были переданы с удивительной точностью и верностью природе.

Эта или близкая к ней культура простиралась и дальше, вплоть до крайнего юга африканского континента. Здесь тоже происходил переход от мустьерского периода к своеобразному верхнему палеолиту, для орудий которого характерны каменные острия, близкие к европейским остриям солютрейского типа. Там развивалось и искусство, сходное в своей основе с верхнепалеолитическим искусством Европы, которое продолжало жить у коренного населения Южной Африки, предков бушменок, и тысячелетиями позже — вплоть до прихода европейцев.

Верхний палеолит в Сибири и Китае

Не меньший интерес для истории верхнепалеолитического человека представляют памятники Восточной и Северной Азии, верхний палеолит Сибири и Китая. Археологические исследования на Ангаре и Енисее показали, что в эти отдалённые восточные области в конце солютрейского и в начале мадленского времени проникает человек, обладавший культурой, очень близкой к верхнепалеолитический культуре Русской равнины. Наиболее ранним из памятников этого рода является поселение, найденное в городе Иркутске, где вместе с костями носорога, северного оленя и других животных четвертичного периода были обнаружены орнаментированные изделия из бивня мамонта, а также костяные и каменные орудия, в том числе остроконечники, напоминавшие, судя по описанию, солютрейские остроконечники Европы. К несколько более позднему, солютрейско-мадленскому, времени относятся находки в Бурети, на реке Ангаре, и в селении Мальта на реке Белой — притоке Ангары, где открыты остатки типичных верхнепалеолитических поселений, в которых жили охотники на мамонта, носорога, северного оленя, диких лошадей и быков.

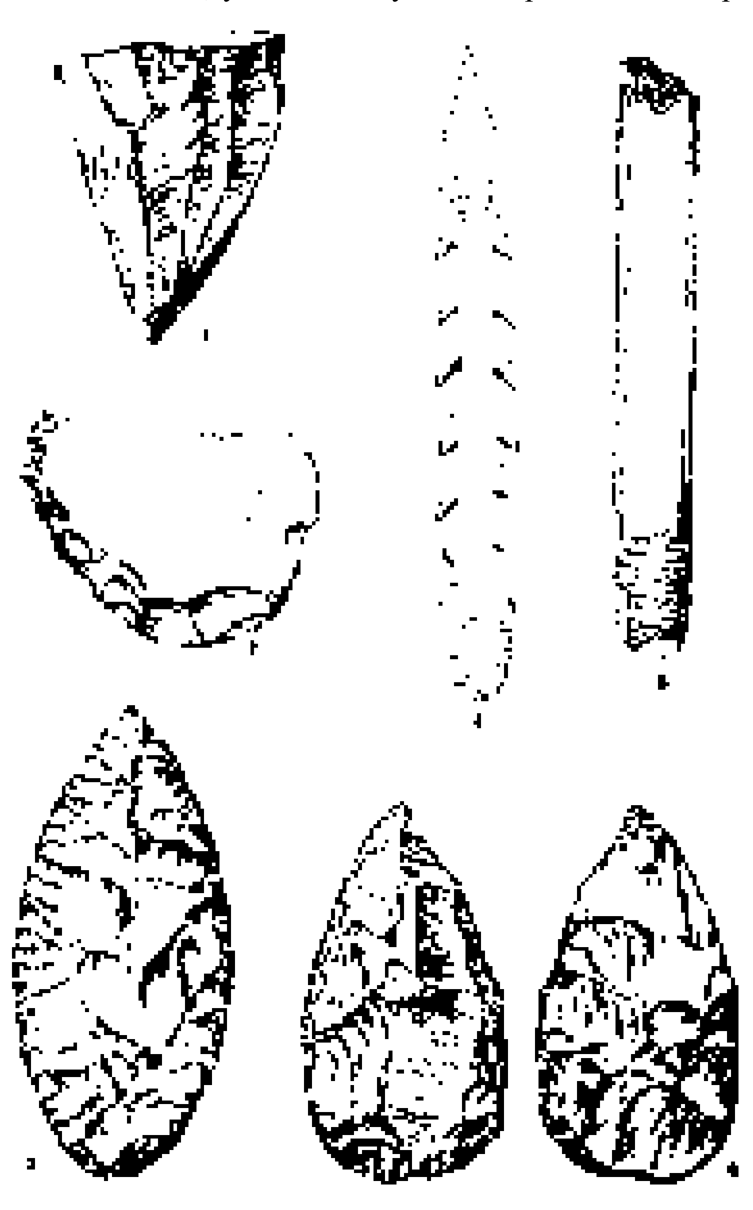
Одно из найденных в Бурети палеолитических жилищ имело в плане вид прямоугольника со слегка округлёнными углами. По краям жилища, непосредственно над углублением пола, были вертикально врыты бедренные кости мамонта. Для большей устойчивости они были заклинены в ямках другими костями и плитками известняка. Кости эти служили столбами или упорами для крыши жилища. Из жилища наружу вёл узкий ход, тоже обставленный по краям симметрично расположенными бедренными костями мамонта. Внутри помещался очаг, сохранившийся в виде сплошного

скопления зольной массы. Крыша жилища была устроена из рогов северного оленя. Близкие по конструкции жилища существовали в соседней Мальтийской стоянке на реке Белой.

Судя по уцелевшим остаткам, жилища Бурети и Мальты поразительно близки к зимним полуподземным жилищам арктических племён XVII—XVIII вв. Таковы были, например, *валькары,* или буквально «дома из челюстей кита», у оседлых чукчей. Каркасом валькаров, как видно из самого их названия, служили челюсти кита, а стены были устроены из позвонков и других крупных костей этого животного. Описанные русскими путешественниками в конце XVIII в. валькары чукчей совпадают с палеолитическими жилищами Бурети не только по строительным приёмам, но также по размерам, очертаниям и по таким характерным деталям, как наличие столбов, заклиненных в ямах для устойчивости камнями.

Внутри жилищ Бурети и Мальты остались брошенные или затерянные их обитателями многочисленные каменные орудия, близкие к раннемадленским Восточной и Западной Европы, а также богатые наборы украшений и художественных изделий, в том числе скульптурные изображения женщин и летящих птиц.

На скалах в долине реки Лены» у деревни Шишкине, под защитой каменных карнизов уцелели выполненные красной краской изображения вымерших животных четвертичного периода — диких лошадей и первобытного быка, кости которых встречаются в слоях палеолитических стоянок.

Верхнепалеолитические изделия из Сибири:
1 — нуклеус призматического типа; **2** — скребло из плоской гальки; **3** — наконечник лавролистной формы; **4** — костяной гарпун; **5** — вкладышевый наконечник; **6** — остроконечник. **1, 2** и **6**—из Забайкалья; **3**, **4** и **5**—с Верхоленской горы, около Иркутска.

Однако уже в этих поселениях, чрезвычайно близких по своим особенностям к европейским, обнаруживаются и такие черты культуры, которые не свойственны верхнему палеолиту Европы.

Тщательные и широкие раскопки ряда поселений (Афонтова гора в Красноярске, Кайская гора в Иркутске, Шишкино и Макарово на Лене, Ошурково и Няньги на Селенге, Сростки на Алтае) показали, что всюду на этом обширном пространство Восточной Сибири в верхнем палеолите резко изменяются как формы, так и техника изготовления каменных изделий. Основная масса каменных орудий представлена здесь пещами совершенно необычного по сравнению с европейскими вида. Это преимуще-

ственно крупные полулунные скрёбла с выпуклым дугообразным лезвием, а также массивные рубящие орудия из целых продолговатых галок, один конец которых прекращен поперечным сколом в крутое, почти вертикальное лезвие, обычно лишь слегка подправленное обивкой. Очень характерны для поселений этого рода своеобразные изделия типа скобелей, изготовленные из целых галек, у которых на одном конце широкими сколами, направленными с двух сторон, образовано широкое клиновидное лезвие.

Ещё более неожиданным является то обстоятельство, что в верхнем палеолите Сибири обнаруживаются такие технические приёмы и такие орудия, которые в Европе и в Средней Азии известны только в мустьерское время. Таковы, например, нуклеусы архаического дисковидного типа; из снятых с них широких и массивных пластин треугольных очертаний выделывались остроконечники столь же архаического облика, аналогичные по виду мустьерским остроконечникам. Часто такие остроконечники столь похожи на мустьерские, что их можно отличить только по материалу. Столь же характерны для сибирского верхнего палеолита по своему архаическому облику и скрёбла, формы и характер отделки которых снова повторяют формы, специфические для мустьерских памятников Запада.

Однако в сибирских поселениях была хорошо известна верхнепалеолитическая техника отделения длинных ножевидных пластин с правильными параллельными гранями на спинке. Здесь встречаются каменные изделия весьма совершенных и поздних по сравнению с европейскими форм: конические и призматические нуклеусы правильной огранки, узкие и длинные ноживидные пластинки, тонкие острия. Есть, кроме того, простые и грубые по сравнению с европейскими резцы. Имеются миниатюрные скребки, нередко дисковидные, сходные с более поздними (азильскими) скребками Западной Европы. В слоях верхнепалеолитических поселений Сибири вместе с орудиями мустьерских типов обнаруживаются также и типичные для верхнего палеолита костяные изделия, в том числе так называемые «жезлы начальников», а также зубчатые гарпуны плоских азильских форм и костяные остроконечники, служившие наконечниками копии или дротиков.

Изменяется материал, из которого выделывались каменные орудия. Раньше в дело шёл преимущественно местный серый и чёрный кремень, залегающий в известняках. Теперь же основным сырьём для мастеров каменного века служат валуны кварцита, гальки чёрного и зелёного яшмовидного сланца, собиравшиеся на берегах Ангары, Селенги, Лены, Енисея и других сибирских рок.

Перемены в культуре охватывают не только область техники изготовления каменных и костяных орудий; почти целиком исчезает богатое прежде искусство; меняется характер поселений; вместо обширных постоянных жилищ распространяются, по-видимому, лёгкие переносные шатры-чумы.

Новейшие открытия выяснили, что сходная с верхним палеолитом Сибири культура в то же самое время существовала в предгорьях Урала (на реке Чусовой), на Алтае и в Северном Казахстане, а также по верхнему течению реки Иртыша. К югу и востоку от Байкала памятники верхнепалеолитической культуры, одинаковые с ангаро-енисейскими, прослежены в бассейне рек Толы и Орхона (на территории МНР). Здесь они вплотную смыкаются с верхним палеолитом Северного Китая.

В Ордосе (Китай, большая излучина Хуанхэ) одним из наиболее замечательных местонахождений верхнего палеолита является стоянка Чжоутунку, где в толще жёлтого лёсса на значительной глубине встречены такие же, как в Сибири, палеолитические кострища, сопровождаемые огромным количеством обработанного камня и массой костей ископаемых животных.

Условия залегания ордосского палеолита и фауна указывают на его глубокую древность; здесь найдены кости слона, близкого к мамонту, носорога, газели, дикого быка и фрагменты скорлупы яиц страуса. Как и в Сибири, материалом для изготовления каменных орудий здесь преимущественно служили грубые кварцитовые гальки или валуны кремнистого известняка. Нуклеусы точно так же имели

дисковидную мустьерскую форму, а из снятых с них пластин выделывались остроконечники и скрёбла такого же мустьерского типа. Как и в Сибири, грубые вещи мустьерских форм сопровождались в Ордосе изделиями верхнепалеолитического типа, в том числе миниатюрными.

Такое необычное сочетание каменных изделий различного вида принято было объяснять отсталостью и застойностью культуры восточных племён по сравнению с жителями Европы. С таким упрощённым и тенденциозным объяснением согласиться, однако, нельзя. На самом деле, культура восточных племён, взятая в целом, была вовсе не ниже и не примитивнее культуры их западных современников, а в некоторых отношениях, возможно, даже опережала её. Так, на Востоке уже в конце верхнего палеолита, раньше, чем на Западе, или во всяком случае не позже, появилась домашняя собака, предком которой здесь был прирученный волк. Собака стала первым в истории человечества домашним животным, верным другом человека в последующие тысячелетия. На Востоке столь же рано появились принципиально новые способы изготовления охотничьего вооружения и его новые виды. На стоянке Афонтова гора и на Ошурковской стоянке обнаружены древнейшие кинжалы или наконечники из кости с глубокими продольными желобками, в которые были вставлены острые кремнёвые пластины.

Всё это свидетельствует о раннем сложении весьма развитой по тем отдалённым временам охотничьей культуры, о значительном прогрессе в развитии охоты, как основного производства древних обитателей Северной и Центральной Азии. Особенности культуры восточных племён говорят, таким образом, не об отсталости её носителей, а о том, что в этой культуре отразились особые условия их жизни и их собственные самобытные традиции.

Очень вероятно, что древняя своеобразная культура верхнего палеолита, следы которой обнаружены на всём пространстве Северной Азии, возникла где-то в центре Азии, всего вероятнее, в Северной Монголии, где больше всего найдено её остатков, а затем распространилась оттуда на юго-восток—к реке Хуанхэ, на север — в Якутию и на запад — к Уралу, а также по направлению к верховьям Иртыша. Допустимо предположить, что навстречу древним племенам Азии постепенно продвигавшимся отдельными группами с востока на запад, двигались другие группы, может быть, даже опередившие их у берегов Байкала в конце солютрейского и в начале мадленского времени.

И здесь, на далёком востоке нашего материка, история палеолитического населения развивалась, следовательно, в сложных и разнообразных формах.

Палеолит в Юго-Восточной Азии

Зародившись в центре Азии, специфическая сибирско-монгольская техника изготовления рубящих орудий со временем распространилась ещё шире. Она обнаруживается, как мы видели, далеко на севере, у верхнепалеолитического населения Якутии, а также и Северном Китае. Люди, пользовавшиеся такой техникой, жили и на юге Азии. Находки, сделанные во многих пещерных поселениях Баксона на севере Вьетнама и Хоабина на юге этой страны, показывают, что население южных областей Азии вело жизнь бродячих охотников и собирателей. Щедрая природа этих стран давала им при том уровне производства всё необходимое для жизни, но ограничивала их распространение опушками тропических лесов, берегами озёр, рок и морей. Здесь они собирали морские и пресноводные раковины с заключёнными в них съедобными моллюсками, плоды деревьев, ягоды и птичьи яйца, ловили рыбу, охотились на мелких, а иногда и крупных животных, даже на слонов и носорогов. В ночное время и во время тропических ливней убежищем для них служили шалаши из ветвей деревьев, а также пещеры и скальные навесы. Такова пещера Кео-Фай в горах Баксон, в отложениях которой уцелели многочисленные каменные орудия из расколотых галек, своеобразных прототипов топоров и тёсел позднейшего времени. Вместе с каменными орудиями в пещерах Вьетнама встречаются и отдельные костяные изделия.

Много общего с жизнью этих южных палеолитических собирателей и охотников обнаруживается также и в материалах верхнего грота Чжоукоудяня, около Пекина. Ведущим занятием населения здесь на первых норах было собирательство. Так, например, имеете с костями мелких животных в верхнем гроте Чжоукоудяня оказались и довольно многочисленные раковины. Соответственно этому здесь не существовало и того своеобразного вооружения, той специфической материальной культуры, которая была характерна для палеолитических охотников Севера. Для сбора съедобных растений, выкапывания корней, поимки мелких животных было вполне достаточно и простой деревянной палки, в крайнем случае заострённой на огне или при помощи грубого каменного осколка. Не было у палеолитических племен этой части Азии и постоянных поселений с прочными полуподземными жилищами, построенными из костей животных и земли. В них не было нужды, так как здесь не было арктических холодов. Бродячие охотники и собиратели, как мы видели, довольствовались временными жилищами, скалистыми навесами и пещерами.

6. Заселение Америки и Австралии человеком

Заселение американского континента

К концу верхнего палеолита и к тому времени, когда на обширных территориях Европы и Азии развивались мезолитические культуры, относится также первоначальное засоление человеком американского континента.

В ледниковое время, в течение последнего для Северной Америки (висконсинского) оледенения, ледники имели распространение по всей её северной части, от Тихого океана до Атлантического, хотя и не образовывали сплошного ледяного щита. К югу от зоны распространения ледников, южнее района Великих озёр, как и в Азии, лежали пространства, где выпадали обильные осадки и где климат в общем соответствовал климату Африки и неледниковых южных областей Азии. Во времена последнего оледенения здесь было много болот и озёр, впоследствии высохших.

На Аляске ледники были распространены только в южной си части и в горных цепях. Большое центральное плато и обширные равнинные пространства вдоль арктических берегов не подвергались оледенению. Как и в соседней части Сибири, здесь простирались в то время холодные степи и тундры. Этим условиям соответствовал и животный мир: бродили стада мамонтов и бизонов, водились дикие лошади, мускусный бык, «пещерный лев» и другие животные.

Имел место, несомненно, и обмен животными между Америкой, с одной стороны, и северо-востоком Азии — с другой, так как суша ледниковой поры простиралась далеко к северу за пределы современной береговой линии. Это объясняется том, чти вследствие скопления на материке огромных масс влаги в виде снега и льдов уровень мирового океана был значительно, ниже современного и огромные арктически пространства не были покрыты водой. Берингова пролива ещё не существовало, Азия была поэтому непосредственно связана с Америкой. Такой вывод подтверждается распространением в Америке и Азии сходных животных, например грызунов, которые не могли бы одолеть столь значительной преграды, какой является для них Берингов пролив.

Никаких следов человека этого раннего времени ледниковой поры, около 20—15 тыс. лет назад, на северо-востоке Азии и в Америке еще не обнаружено.

Первые признаки заселения Америки человеком относятся к концу ледникового периода и к послеледниковому времени, когда стаяли льды висконсинского оледенения в Америке и тем самым одновременно открылась прямая дорога из глубины Азии сначала на Аляску, а затем дальше — на юг. Дорога эта в основном должна была пролегать через Берингов пролив, не представлявший серьёзного препят-

ствия для переселений ввиду его незначительной ширины и в особенности потому, что переход из Азии на территорию Аляски мог происходить в зимнее время по льду.

О переселении первых жителей Америки из Азии через Берингов пролив определеннее всего свидетельствуют данные антропологических исследований. Установлено, что американские индейцы но своему физическому облику ближе всего стоят к монголоидам. Их сближают прямые и жёсткие волосы, слабый волосяной покров, относительно выдающиеся скулы. Вместе с тем ость некоторые основания предполагать, что участие в заселении Америки приняли и группы, родственные современным меланезийцам и австралийцам. Таковы, например, обнаруженные в Бразилии черепа типа Лагоа-Санта, имеющие большое сходство с меланезийскими черепами. Такие черепа находили также в старинных могильниках Эквадора и в Калифорнии. Об австрало-меланезийской примеси свидетельствуют и некоторые антропологические особенности индейцев Южной Америки и отчасти Калифорнии: волнистые волосы, наличие бороды, широкий нос с вогнутой спинкой, длинный и высокий череп.

Наличие этих черт не противоречит предположению о заселении Америки с севера, так как проникновение носителей встрало-меланезийских признаков прямым морским путём маловероятно. Скорее всего, как предполагают советские антропологи, племена, родственные современным австралийцам и меланезийцам, могли проникнуть из Азии в Америку через тот же Берингов пролив, распространяясь из общей их родины, находившейся где-то в Юго-Восточной Азии. Они могли прийти в Америку вместе с древними монголоидами или даже несколько раньше их. Преимущественная концентрация носителей австрало-меланезийских признаков и Южной Америке в таком случае может вполне удовлетворительно объясняться тем, что они были первой волной переселенцев, оттеснённых затем из Северной Америки на юг, новыми пришельцами — монголоидами.

Проникая в Америку, вероятно, по льду или по существовавшему тогда, около 15—12 тыс. лет назад, узкому перешейку, первые обитатели американского континента нашли там но только мамонта, но и более древнего слона—мастодонта, а в Южной Америке также гигантского ленивца.

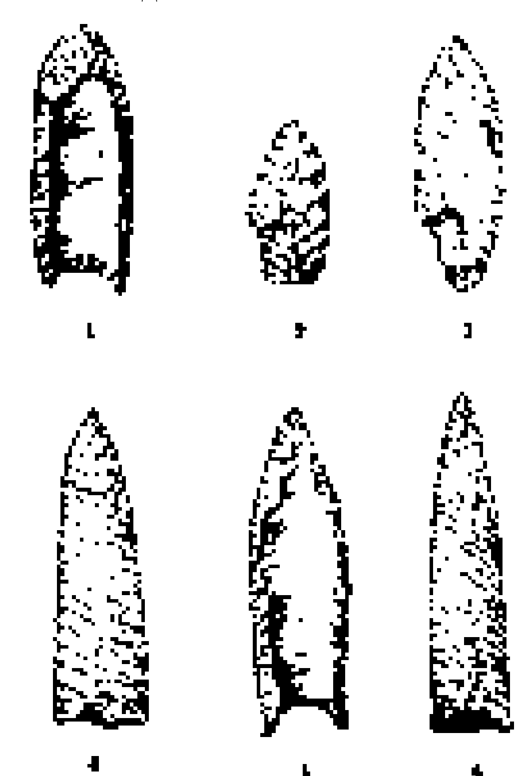
Древнейшие стоянки палеолитического человека в Америке

Наиболее древние в Америке следы человека известны в настоящее время на территории штата Нью-Мексико, в пещере Сандия, близ Альбукерке. В пещере Сандия сверху залегали остатки древней индейской культуры пуэбло, а глубже находился слой известкового туфа-травертина, который полностью изолировал от верхних слоев залегавшие под ним более древние отложения.

Нижняя толща отложении содержала два особых культурных слоя. На самом дне пещеры оказался очаг, обложенный камнями, около которого лежали обожжённые кости, осколки кремня, грубо заточенные куски костей животных и каменные наконечники особого рода, получившие наименование наконечников типа сандия. Подобно солютрейским наконечникам Европы, они имеют довольно правильную листовидную форму и тщательно обработаны отжимной ретушью с обеих сторон. С одной стороны у наконечников типа сандия имеется отчётливо выраженная боковая выемка. Один такой наконечник лежал на краю очага. Обитатели пещеры Сандия, оставившие свои орудия и очаг, жили здесь в раннее время, когда в горах ещё лежали ледники, а на юго-западе Северной Америки господствовал влажный климат. Они существовали главным образом охотой на мамонта, лошадей и верблюдов и воли бродячий образ жизни, продвигаясь от озера к озеру, от реки к реке вслед за стадами диких животных.

Наконечник или охотничий нож типа юма.

Нижний слой пещеры Сандия, как полагают американские археологи, имеет почти 11-тысячелетнюю давность. Выше в той же пещере найдены наконечники иного вида, так называемого *фолсомского* типа, датируемые двумя тысячелетиями позже. Фолсомский наконечник имеет вид сравнительно узкого и длинного кремнёвого клинка, обработанного с обеих сторон еще более совершенной и тщательной отжимной ретушью, чем наконечники типа сандия. Основание у них слегка вогнутое, иногда с двумя маленькими жальцами по бокам. Самая характерная их черта — продольные узкие желобки вдоль обеих поверхностей, образованные длинными отжимными сколами, направленными от основания к острию. Такие наконечники с двумя продольными желобками резко своеобразны. Они в настоящее время известны пока только в Северной Америке. Да и в Америке распространение наконечников фолсомского типа ограничено только сравнительно небольшой территорией вдоль склонов Скалистых гор, в то время как близкие к ним наконечники без желобков встречаются на территории значительно большей — от Скалистых гор до Атлантического океана и от Канады до Мексиканского залива.

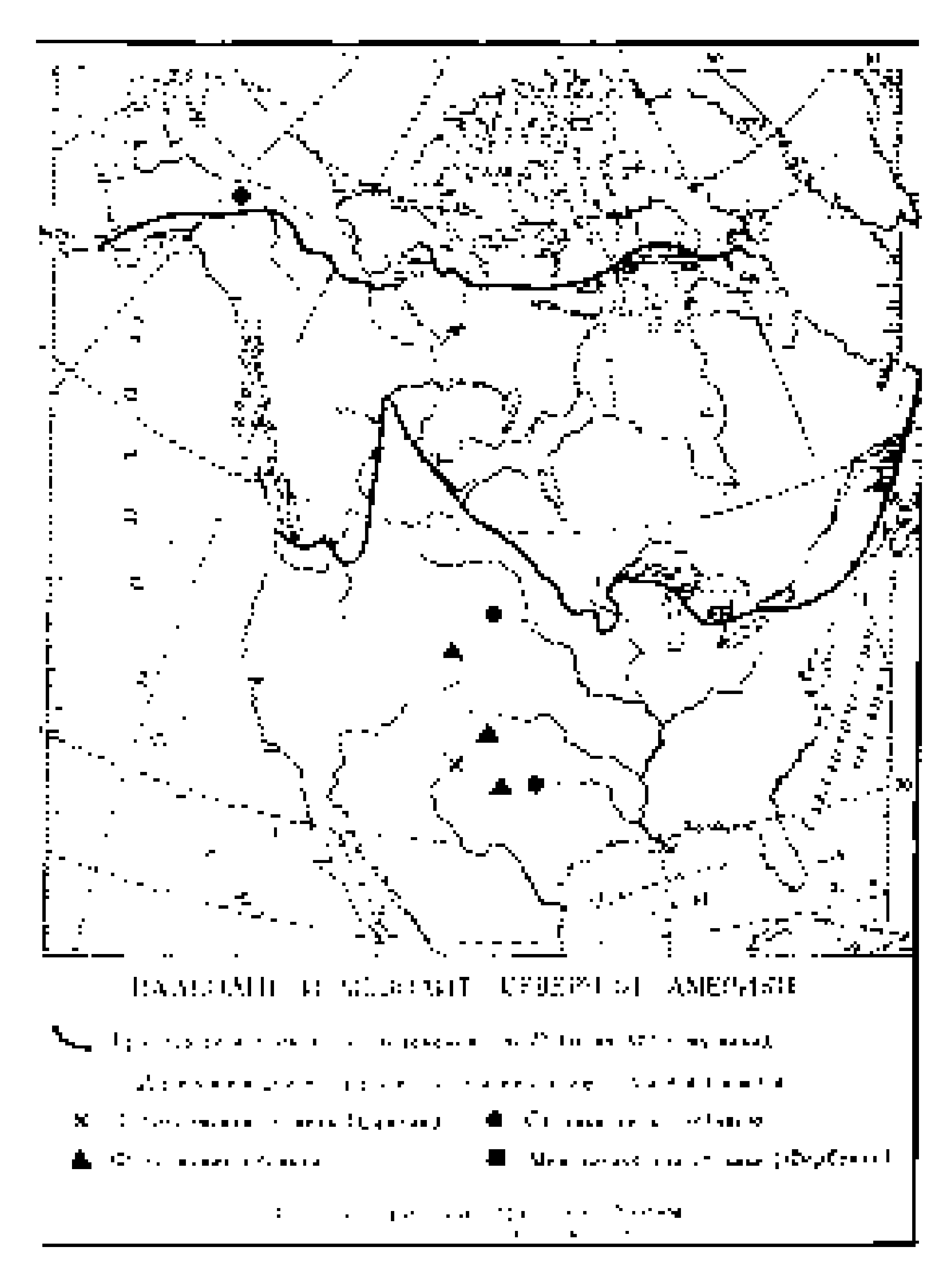

Палеолитические изделия из Америки:
2, 3—наконечники типа сандия, **1**, **6**—типа фолсом, **4, 6** — типа юма.

Вообще же, судя по распространению фолсомских острий различных вариантов, человек на этом этапе уже широко расселился по североамериканскому континенту. Острия эти находят преимущественно в юго-западных штатах США: в Нью-Мексико, Колорадо, Вайоминге, Небраске, Техасе, Оклахоме. Они встречаются и севернее, и том числе на территории Канады. Вместе с такими наконечниками встречаются кремнёвые клинки иного рода, типа *юма,* столь же правильные по форме и тщательности отделки, но уже без продольных желобков. Они имеют вид сравнительно узких пластин удлинённо-треугольной формы.
О древности таких острий свидетельствует то, что они встречались вместо как с фолсомскими наконечниками и другими каменными изделиями, так и с костями ископаемого бизона на значительной глубине от современной поверхности почвы. Такие находки зарегистрированы, например, в местности Скотс-Блэф (Небраска) и в Вайоминге, около города Иден.

Раскопки поселений, в которых были найдены изделия фолсомского типа, дали достаточно яркую и характерную картину жизни их обитателей, во многом напоминающую жизнь охотничьих племён Европы и Азии в конце палеолита и в мезолитическое время.

Первое из поселений фолсомского типа обнаружено было в горной долине штата Нью-Мексико, вблизи города Фолсом, где на обрыве овражка, прорезывающего дно древней долины, оказались кости 23 ископаемых бизонов. Вместе с костями бизонов лежали каменные наконечники фолсомского типа. Один наконечник находился непосредственно между двух рёбер бизона. Фолсомские поселения имеют характер временного лагеря охотников на бизонов.

Наиболее богато находками, свидетельствующими об относительно длительном пребывании на этом месте человека, поселение у фермы Линденмайер, в 45 *км* от форта Коллинз, в Северном Колорадо. Остатки этой стоянки располагаются на дне древней речной долины небольшого протока реки Саус Платтс. Следы деятельности человека обнаружены в хорошо выраженном культурном слое толщиной от 15 до 30 *см,* состоящем из золы, угля, каменных орудий и отщепов, а также разбитых человеком костей животных. Среди костей оказались остатки мамонта, бизона, верблюда, антилопы и песца. Остатков жилищ не найдено, но уцелело несколько очагов, около которых и концентрировалась основная масса находок. Всего найдено около 6 тыс. предметов: типичные фолсомские наконечники, острия типа юма, каменные скребки различных форм, свёрла, отбойники. Имеются и костяные изделия: иглы, бусы из птичьих костей. Так же, как жители пещеры Сандия и стоянки у города Фолсом, обитатели стоянки Линденмайер жили здесь в то время, когда в

горах еще сохранялись последние ледники, а климат в целом был значительно влажнее и холоднее, чем теперь.

Холодные ветры, дувшие с гор, покрытых льдами, препятствовали развитию лесов в низинах, покрытых травянистой растительностью прерий. Лишь по глубоко врезанным долинам больших рек были изредка рассеяны рощи. По этим долинам, вдоль берегов рек и многочисленных озёр скитались небольшие группы бродячих охотников на мамонта, американского верблюда, похожего на ламу (гуанако), мускусного быка, пряморогого бизона, лошадь, антилопу, гигантского ленивца, крупного оленя и других животных.

На фолсомских стоянках обнаружено большое количество костей таких стадных животных, как бизон. Основным способом добычи зверей была охота загоном, в том числе при помощи огня. Характерно, что в Бизоновом карьере у Линскомба (Техас) найдена была масса обожжённых костей бизонов, затем расколотых рукой чело века. Вместе с костями бизона в Линскомбе сохранились каменные наконечники фолсомских форм.

Расположение стоянок в местах, которые прежде были болотистыми, а также на берегах озёр и рек показывает, что дичь загоняли в болота и озёра или подстерегали её на переправах, закалывая копьями беспомощных в воде животных. В Фолсоме и поселении у формы Линденмайер найдены главным образом обломки наконечников. Хрупкие клинки, застрявшие в теле поражённых животных, легко ломались, и острия их оставались в туше. Древко же копья вместе с оставшимся на нём черешком наконечника охотник приносил с собой в лагерь. Некоторые наконечники, особенно типа юма, могли служить также и клинками охотничьих ножей. Об этом свидетельствуют находки таких клинков, закреплённых в коротких костяных рукоятках.

Если в районе распространения памятников фолсомского типа ведущая роль в жизни обитателей этих мест принадлежала охоте, то в других районах со временем все большее значение приобретает собирательство. К весьма раннему для Америки времени (около VI тысячелетия до н. э.) относятся древние поселения, распространённые к западу от Скалистых гор. На этих поселениях, в Аризоне и районах Нью-Мексико, встречаются каменные зернотёрки и песты, которыми древние собиратели, подобно позднейшим калифорнийским индейцам, растирали зёрна и корни съедобных растений, а также орехи.

Значение этих первых памятников культуры древнейших собирателей Северной Америки для всей её последующей истории определяется тем, что от такого специализированного собирательского хозяйства пролегает прямая дорога к первобытному земледелию позднейших индейцев пуэбло, ирокезов и других земледельческих племён Северной Америки. Племена эти, как известно, находясь ещё всецело на ступени каменного века, сумели освоить и создать из диких видов туземной американской флоры такие культурные растения, впоследствии сделавшиеся достоянием земледельческой культуры всего человечества, как маис (кукуруза), картофель и табак.

Чем дальше, тем всё более сложными и своеобразными становились пути культурного развития, пока, наконец, но сложилось всё разнообразие позднейших культур американских индейцев, обнаруженных первыми европейцами после открытия Америки.

Заселение Австралии

В конце палеолита и в мезолитическое время человек впервые, по-видимому, проникает и на другой материк, ещё более изолированный от прямого контакта с Азией, — в Австралию.

Проникая в Австралию через островные цепи Малайского и Зондского архипелагов, первые люди увидели здесь ещё более первобытную и девственную, чем в Северной и Южной Америке, природу. Они оказались в условиях таких ландшафтов, в окружении таких растений и животных, которые в других частях света исчезли много

миллионов лет тому назад. Австралия была тогда, как и тысячи лет позже, страной, где произрастали эвкалиптовые леса, где жили сумчатые животные и австралийские страусы — эму, на которых и охотились первые австралийцы.

Австралийцы, и в особенности тасманийцы (последние были полностью истреблены европейскими колонизаторами ещё к середине XIX в.), отличаются своеобразием физического типа. Особое место среди всех других народов земного шара вместе с американскими индейцами занимают австралийцы и по группам крови. Столь же обособлено коронное население Австралии и по языку. Резко различаясь друг от Друга, языки австралийцев в целом не обнаруживают сколько-нибудь близкого родства с языками других народов. Все это говорит не только об исключительной давности заселения человеком Австралии, но и о том, что древнейшие австралийцы рано утратили свои связи с другими народами.

Глубоко самобытный характер, но мнению этнографов, обнаруживает и вся культура австралийцев; в ней могут быть прослежены лишь отдельные элементы, заимствованные жителями северного и северо-восточного побережья от соседних папуасско-меланезийских племён.

О длительном самобытном развитии австралийцев и их культуры свидетельствует и археология. Археологи, производившие раскопки пещерной стоянки Девон-Даунз, на Нижнем Мэррее, выяснили, например, что там имеется 12 культурных слоев, содержащих древнюю фауну. Находки в этих слоях свидетельствуют о постепенном изменении способов обработки камня и появлении орудий новых форм. О таком же постепенном развитии культуры населения Австралии свидетельствуют и другие древние многослойные поселения, обнаруженные в геологических условиях, подтверждающих их значительный возраст — на высоких древних террасах рек.

Самые древние орудия—двусторонние орудия, отчасти напоминающие опальные рубила, а также односторонние рубящие орудия и орудия в виде «лошадиного копыта» (по принятой для археологических памятников Европы терминологии); это были массивные, нуклевидные орудия.

Такие вещи сходны с, широко распространенными по всей Австралии в позднейшее время орудиями типа *тула*, т.е. дисковидными топорами. Топоры тула закреплялись смолой на конце прямой гладкой деревянной палки или копьеметалки. Они служили обычным рубящим орудием австралийцев, типичным для их культуры. Вместе с ними обнаружены такие же рубящие орудия иного вида, сделанные из овальных кварцитовых галок, обработанных грубой ретушью по одному поперечному краю. Сотни таких оббитых галек с полулунным лезвием, очень похожих на галечные орудия сибирско-монгольского палеолита, а также палеолита Юго-Восточной Азии, найдены, например, на небольшом островке Кангару. Галечными орудиями подобного рода, держа их в обеих руках, можно было срезать ветви, снимать кору с деревьев, копать ямы в земле, дробить раковины.

Судя по наслоениям пещер, эти орудия продолжали употребляться и позже, но рядом с ними появляются новые, изготовленные из пластин, в первую очередь длинные узкие острия треугольной формы — *пирри,* тоже широко распространённые в позднейшей австралийской культуре.

Большие поселения этого времени обнаружены на юго-востоке Южной Австралии, где впоследствии жило племя буандик, вымершее к концу XIX в. На холмах, вблизи низин, где раньше были озёра и болота, оживлявшие эту пустынную местность, под толщей песков раскопаны древние очаги, а около них множество образцов обработанного камня. Среди отщепов из кремня и кварца у этих очагов вместе с двусторонними орудиями крупного размера, в том числе топорами типа тула, встречено иного мелких, искусно изготовленных отжимной техникой изделий в виде скребков различных форм, острий, проколок. В их числе имеется много типичных мелких каменных изделий, неотличимых от микролитов Средиземноморья. В своём большинстве орудия геометрических форм не превышают по размеру 3 *см* в длину. Распространены

такие изделия главным образом на юге Австралии, но встречаются они также на восточном её побережье, на западе и даже и центральных пустынных районах.

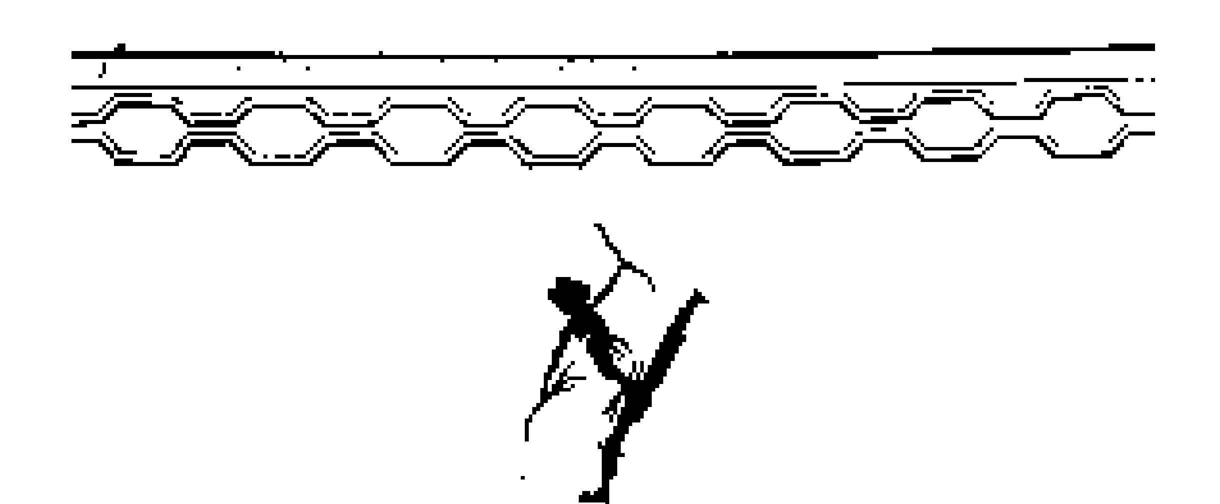
Суммируя все, что известно сейчас о первоначальном заселении Австралии, можно сделать общий вывод, что сначала сюда из Юго-Восточной Азии проникли люди, пользовавшиеся грубыми галечными орудиями, сходными с палеолитическими и мезолитическими орудиями Китая, Индо-Китая, Бирмы, Индонезии. Это, скорее всего, были предки тасманийцев и родственных им племён, ассимилированных и частично оттеснённых затем в Тасманию новыми пришельцами.

Эти новые пришельцы принесли с собой наряду с галечными и двусторонне оббитыми топорами типа тула наконечники пирри и новую, микролитическую технику, развивавшуюся на материке, главным образом в Индии. Племена эти, однако, не знали ещё лука и стрел, этого важнейшего изобретения мезолитических племён. Они ограничивались применением одной лишь копьеметалки и тем самым оставались на уровне верхнего палеолита. В антропологическом отношении они были родственны веддам и веддоидным племенам Юго-Восточной Азии. Расселяясь по материку Австралии, смешиваясь с её аборигенами и ассимилируя их, эти племена отчасти испытали позже влияние со стороны более развитых по культуре папуасско-меланезийских племён Южных морей. Эти племена стояли уже на уровне зрелой неолитической культуры. От них получены были австралийцами лук и стрелы, шлифованные топоры, лодки с балансиром. Однако влияние неолитического населения Меланезии не было глубоким и ограничивалось только северными районами Австралии. В остальном дальнейшее развитие австралийцев шло своим собственным путём.

В ходе длительного расселения предков австралийцев по их стране складывался их физический тип, постепенно оформлялась и созревала вся их культура, поразительно приспособленная, как установлено этнографией, к условиям этой своеобразной географической среды. Постепенно сложилось их охотничье-собирательское хозяйство, установился бродячий образ жизни, сформировалась вся материальная культура, сложились выработанные веками жизни в лесах и степях трудовые навыки.

В таком виде эта культура, вернее ряд племенных культур коренного австралийского населения, вследствие изолированности Австралии от прямого влияния передовых стран Азии, продолжала существовать ещё около *6—8* тысячелетий, до появления здесь европейцев. Уцелели чрезвычайно архаические черты образа жизни и культуры коренного населения Австралии, изучение которых помогает полное понять материальную культуру, общественный строй и верования палеолитических и мезолитических обитателей Европы, Азии и Африки.

ГЛАВА III

ПЕРИОД РАСЦВЕТА ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ. СРЕДНИЙ И НОВЫЙ КАМЕННЫЙ ВЕК (МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ [1])

Древнекаменный век длился сотни тысяч лет. Несравненно меньшее количество времени занимает в истории человечества период, предшествующий появлению металлических орудий, который делится обычно на два этапа: *мезолит,* т. е. переход от палеолита к *неолиту,* и собственно неолит, т. е. время, когда широко распространяются шлифованные орудия из камня, а также возникает изготовление глиняной посуды. Период господства мезолита и неолита условно определяется археологами между XIII и IV тысячелетиями до н. э.; в некоторых областях земного шара этот период начался позже и продолжался значительно дольше.

Мезолитическое время повсеместно характеризуется прежде всего одним общим для большинства племён и стран изменением в развитии производительных сил: это был период изобретения и распространения лука и стрел. «Лук, тетива и стрела — писал Ф. Энгельс,— составляют уже очень сложное оружие, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и изощренные умственные силы, следовательно, и одновременное знакомство со множеством других изобретений» [2].

Наиболее ранними метательными приспособлениями, усиливавшими деятельность человеческих рук, были праща и метательная доска. Изобретение лука означало резкий сдвиг в примитивной технике каменного века. По сравнению со всеми другими ранее возникшими метательными приспособлениями лук оказался самым действенным и наиболее мощным дальнобойным оружием древних воинов и охотников. Лук не только расширил радиус действия метания стрел по сравнению, например, с метательной доской, но и далеко превзошёл эту свою палеолитическую предшественницу

[1] Слово «мезолит» происходит от древнегреческих слов: «месос» — средний и «литос» — камень; «неолит» — от слов: «неос» — новый и «литос».

[2] *Ф. Энгельс,* Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат 1953, стр.-21-22

по лёгкости, удобству обращения, меткости и быстроте стрельбы. Широкое распространение лука способствовали поэтому дальнейшему развитию охоты, значительно улучшило жизнь охотничьих племён и во многом облегчило их повседневный тяжёлый труд.

В то же самое время в ряде стран земного шара возникают и другие новые орудия труда, также имевшие большое значение. Таковы в первую очередь первые тёсла и топоры из кости и камня. Сюда же относятся так называемые вкладышевые орудия в виде ножей, кинжалов, наконечников копий и стрел, имевшие деревянную или костяную основу, в которую вставлялись острые кремнёвые лезвия. Эта оригинальная техника, первоначально появившаяся, как мы видели, на юге ещё в позднем палеолите, достигает своего расцвета в мезолитическое время, когда она широко распространяется не только в южных, но и в северных странах Европы и Азии.

Именно в это время, сначала в немногих странах, где были наиболее благоприятные для этого условия, а затем и в других областях земного шара происходит коренная перемена в хозяйственной жизни древнейшего человечества. Перемена эта выразилась в постепенном переходе от первобытного хозяйства собирателей и охотников, присваивавших продукты природы в готовом виде, к хозяйству земледельцев и скотоводов, которые своим трудом преображали природу, возделывали культурные растения, разводили и создавали новые породы домашних животных.

На основе роста производительных сил складываются и новые взаимоотношения между родовыми общинами. Уже в верхнем палеолите отдельные родовые общины не являлись совершенно обособленными мирками, а были объединены с другими родственными им общинами неписаным обязательным законом экзогамного брака. Теперь же из этой взаимной связи двух или более экзогамных родов, обязательной для родового строя, в подходящих условиях возникает сложная племенная структура. Совокупность родственных друг другу родовых общин составляет *племя,* а племена в спою очередь иногда образуют пока ещё непрочные и временные союзы. Связи между племенами по только способствуют распространению отдельных изобретений или культурных навыков, но и приводят в ряде случаев, как мы увидим на археологическом материале, к возникновению больших племенных общностей и появлению микролитической техники на значительных пространствах.

Одновременно в результате объединения общий различного происхождения и разрастания племён складываются общеплеменные языки, понятные уже многим сотням и тысячам людей.

Большое значение в ходе этих процессов имела характерная для родового строя знакомая нам черта — сегментация (расчленение) родов и племён. Рост населения в наиболее благоприятных для жизни человека местах, возрастание численности родов и племён с ещё большей силой, чем раньше, приводили к делению родовых общин и к переселению отделившихся групп в новые, менее заселённые области.

Вместе с тем на фоне общих прогрессивных изменений в культуре, постепенно охватывающих всё более и более обширные пространства земного шара, резче, чем прежде, обнаруживается различие темпов исторического развития отдельных областей и стран. Всё ярче проявляется своеобразие множества местных культур.

1. Охотничьи племена в период мезолита

Мезолит в Северной Европе

На современной физической карте Европы и Азии севернее тропика отчётливо выделяются три гигантские естественноисторические зоны, протянувшиеся с запада на восток. На юге в основном простираются выжженные солнцем степи и пустыни. Севернее лежат сплошные зелёные океаны леса умеренного пояса, а ещё дальше, вдоль берегов Ледовитого океана,— безлесная тундра.

Эта картина, характерная для нашего времени, оформилась в процессе последовательных изменений климата, животного и растительного мира. Такие изменения лучше всего прослеживаются в Северной Европе, в ледниковое время остававшейся покрытой огромной толщей льда.

Таяние ледникового покрова началось около 12—14 тыс. лет тому назад и шло неравномерно. Оно происходило, по-видимому, в течение трёх основных последовательных периодов, с которыми отчасти совпадает смена трех культурных этапов в жизни древних обитателей Северной Европы.

Постепенно освобождавшиеся ото льда пространства европейского Севера, естественно, но оставались пустынными. Их заселяли многочисленные животные, сначала обитатели тундр и степей, а за ними — представители лесного ландшафта, которые шли на север по мере распространения там лесов.

Новые места одновременно осваивали и люди. Прошло всего лишь каких-нибудь 200 лет после того, как край ледника отступил из района современного Гамбурга и последние, всё уменьшавшиеся по своему размеру неподвижные льды еще лежали в виде колоссальных глыб совсем рядом, а люди уже появились в этих местах. Древние охотники устроили свой лагерь там, где находится сейчас поселок Мейендорф, на самом краю небольшого водоёма, образовавшегося, вероятно, из растаявшей глыбы почвенного льда. Окружающие низины были покрыты озерками и болотами. Кругом расстилалась тундра, покрытая мхами и низкими кустарниками, главным образом карликовой берёзой и полярной ивой.

Поселившиеся здесь охотники добывали в озёрах и на болотах водоплавающих птиц, в том числе гусей. Они ловили зайцев, охотились на лисиц, барсуков, а также на диких лошадей. Но главным источником их существования была охота на северного оленя, о чём свидетельствует большое количество костей, сохранившихся до нашего времени в соответствующих слоях. Среди этих костей имеются лопатки, пробитые ударом костяных гарпунов,—это показывает, что гарпун по-прежнему употреблялся как охотничье оружие.

Северный олень давал всё необходимое для жизни обитателей этого лагеря — пищу, одежду, сырьё для изготовления орудий и оружия. Найденные при раскопках поселения рога северного оленя, в том числе великолепные ветвистые рога старых самцов, сохранили следы обработки их каменными орудиями. Надрезы, имевшие целью отделить от ствола рога узкие прямые стержни — заготовки для наконечников и гарпунов, были сделаны характерными кремнёвыми инструментами, найденными на стоянке в большом количество, в виде проколок с вытянутым, иногда искривлённым остриём. Для обработки шкур служили скребки разнообразных форм и оригинальные острия, вставленные под углом в кривую рукоять.

Обитатели древнего поселения в Мейендорфе стояли на том же культурном уровне, что и позднемадленские охотники на северного оленя во Франции. У них существовало такое же искусство, единственными сюжетами которого были изображения животных. В Мейендорфе, например, были найдены просверленная пластинка янтаря с выгравированной на ней головой животного и две гальки с такими же резными рисунками, изображающими животных.

Но, в отличие от мадленских поселений Франции, в Мейендорфе были найдены также изделия совершенно нового типа, в виде наконечников стрел с черенком, сделанных из кремнёвых пластин, только отчасти обработанных характерной мелкой ретушью вдоль краёв. Именно такие наконечники стрел вместе с найденными там же скошенными пластинчатыми остриями, служившими для этой же цели, составляют характерную особенность мезолитических памятников всей Северной Европы.

Следующий этап в истории освоения Северной Европы человеком в послеледниковое время отмечен другим поселением, расположенным всего лишь на расстоянии 600 *м* к северу от Мейендорфа, — мезолитической стоянкой Штельмоор.

Климат в это время (между X и VIII тысячелетиями до н. э.) стал значительно суше, вместо тундры широко распространились сосновые леса. Многие озёра превратились в торфяные болота. Затем снопа произошло увлажнение климата - на смену преимущественно сосновым приходят смешанные, берёзово-сосновые леса.

Мезолитические обитатели стоянки Штельмоор по-прежнему были охотниками, но уже не только на северного оленя, но и на лося, бобра, рысь и на других лесных зверей. Северный олень, однако, по-прежнему занимал в их жизни первое место; в слое оказалось 1300 рогов северного оленя. У охотников этого времени по-прежнему были в широком употреблении острия со скошенным краем, широкие скребки и превосходные резцы из кремня. Но уже полностью исчезла старая техника расщепления оленьих рогов. Несколько изменились формы гарпунов. Появились своеобразные топоры, так называемого типа *люнгбю,* рукоятью которых служил основной ствол рога, а клинком — часть бокового отростка. Впервые обнаружены были в Штельмооре фрагменты настоящих деревянных луков и древков стрел — самые древние луки и стрелы в музеях Европы.

Если благодаря особым условиям залегания в районе Гамбурга сохранились как костяные, так и деревянные предметы столь отдалённого времени, то в других местах уцелели одни только каменные изделия. Тем не менее и они дают представление о широком распространении на севере Европы в это так называемое «предбореальное» и отчасти в последующее «бореальное» время дровней охотничьей культуры, уходящей своими корнями в поздний палеолит [1].

Такие же по своей общей форме, как в Мейендорфе и Штельмооре, наконечники стрел, резцы и скребки употребляли и те племена, которые заселяли в это время и несколько позже области, расположенные к востоку от Эльбы и Одера. Эти племена оставили после себя так называемую свидерскую культуру, следы которой залегают в древних дюнах.

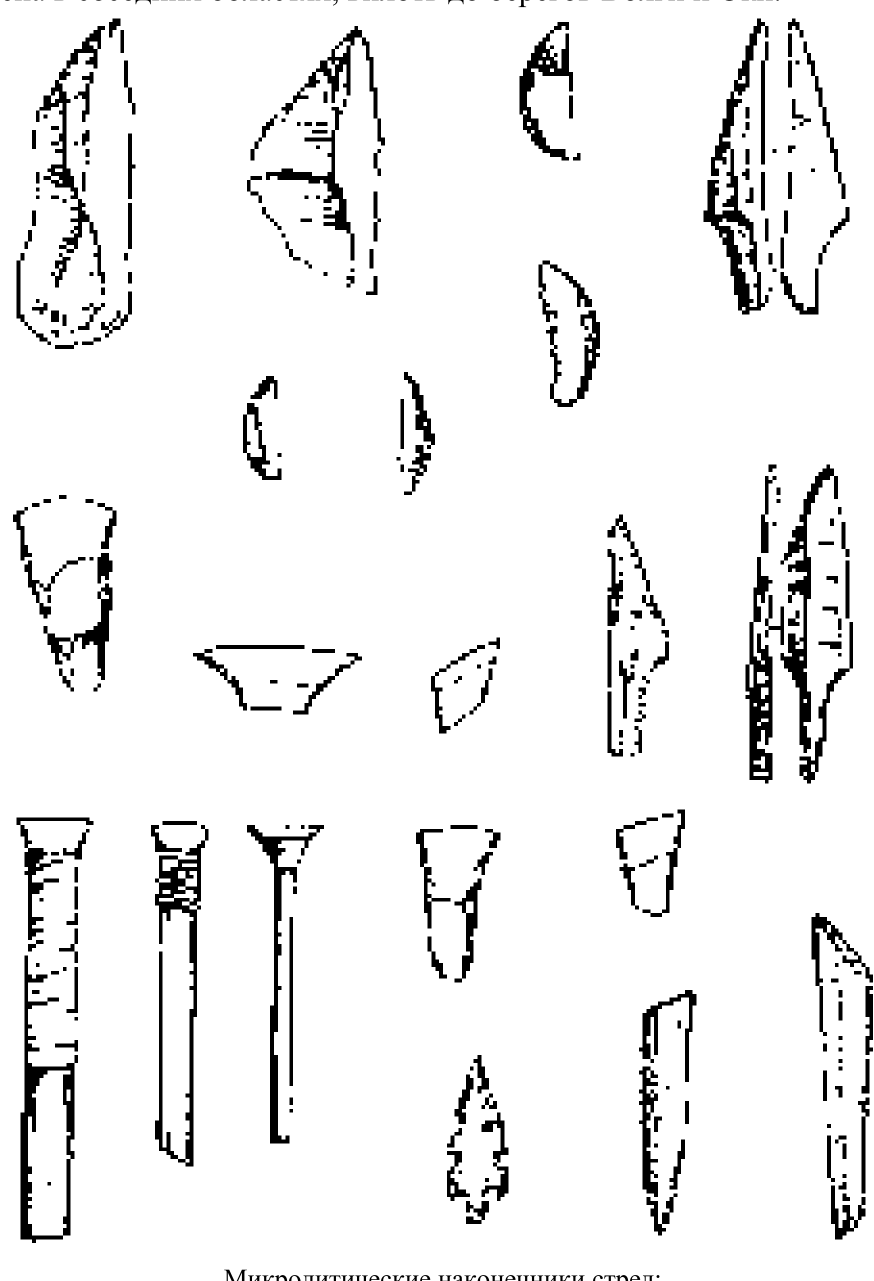
Наиболее ранней является здесь стоянка Новый Млын. Обитатели её выделывали свои орудия ещё прежними, верхнепалеолитическими приёмами. Но у них уже появились такие же, как в Мейендорфе, примитивные наконечники из кремнёвых пластин.

На реке Свидер, в 20 *км* к юго-востоку от Варшавы, найдены остатки другого, более позднего — мезолитического стойбища. Здесь оказались тысячи обработанных человеком кремний, оставшихся от производства каменных изделий, и много готовых предметов. Обитавшие в этом поселении люди вели такую же охотничью жизнь, как и их предшественники. Они по-прежнему выделывали каменные скребки, резцы, проколки, похожие на палеолитические. Но в технике обработки камня уже произошла существенная перемена. Мастера свидерского времени вполне овладели искусством скалывания с призматических нуклеусов длинных и узких, правильно огранённых кремнёвых пластин. У них появились поэтому и более совершенные наконечники стрел: узкие и длинные, строго симметричные острия в виде ивового листа.

[1] Палеоботаническими, геологическими и палеонтологическими исследованиями установлена схема последовательных изменений в природе Прибалтики послеледникового времени. 1. Около 14000—8500 гг. до н. э.— арктический и субарктический периоды. Холодный климат, арктическая растительность. Балтийский бассейн имеет сначала характер изолированного ледникового озера, потом холодного моря с холодолюбивым моллюском Ioldia arctica (Иольдиевое море). 2. Около 8500—5000 гг. до н. э.— бореальный период. Более тёплый и сухой климат, преобладает сосна, появляется дуб. Балтийский бассейн представляет собой озеро, в котором живёт теплолюбивый моллюск Ancyllus (Анцилловое море). Названные периоды приближённо соответствуют мезолиту. 3. Около5000—2500гг. до н.э.—атлантический период (приближённо соответствует неолиту). Средняя годовая температура на 2,5° выше, чем теперь. Влажный и тёплый климат. Леса из широколиственных пород: дуба, липы, клёна, ясеня. В Балтике распространяется моллюск Litorina, происходит подъём уровня моря (трансгрессия Литоринового моря). 4. Около 2500—500 гг. до н. э.— суббореальный период (энеолит и бронзовый век). Сухой и тёплый климат. Особо характерен этот климат для 1500—-500 гг. до н. э. В лесах растут дуб, бук, берёза. Происходит понижение уровня моря (регрессия), а затем новый подъём его. 5. После 500г. до н. э. — субатлантический период. Влажный и более холодный, чем прежде, климат. В лесах преобладает ель, растут сосна, берёза.

Область распространения свидерской культуры ограничена территорией Польши, но, как мы увидим дальше, во многом сходные орудия труда выделывали в это время также и различные многочисленные племена в соседних областях, вплоть до берегов Волги и Оки.

К тому же времени, когда уровень моря резко понизился, относятся остатки культуры Маглемосе (Маглемозе) на севере Европы (в Скандинавии и Англии). Балтийское море в это время теряет связь с океаном, превращаясь в огромное замкнутое озеро. Обширная полоса низменной, изобиловавшей болотами суши окаймляла материк Европы на севере; Британские острова и Южная Скандинавия были соединены с Европой. В занятых прежде тундрами и степными участками пространствах Северной Европы распространяются густые леса, сначала с преобладанием берёзы, а затем сосны. Самые яркие и характерные следы культуры Маглемосе обнаружены на датском острове Зеландия, а также в соседних областях Дании и Южной Швеции. Наибольшей известностью пользуются поселения на торфянике Маглемосе у города Муллерупа, а также в Холмгоре и Свердборге на острове Зеландия. Значительная часть древних поселений этого времени находится теперь под водой Северного моря. Об этом свидетельствуют, например, костяной гарпун, оказавшийся в куске торфа, выловленном драгой у берегов Норфолька (Англия), и другие аналогичные находки.

Микролитические наконечники стрел:
косоретушные, пластинчатые, черешковые, сегменты, трапеции, асимметричные треугольники.

Такие же по форме гарпуны, а также крупные каменные орудия, сходные с найденными на материке, были обнаружены и на востоке Англии. На континенте такие находки известны от Ганновера (Германия) до района к востоку от Нижней Вислы. С памятниками этой культуры во многих отношениях сближаются находки в Кунде и в некоторых других пунктах на территории Эстонской ССР.

Время, к которому относятся эти памятники, явилось важным этапом в истории культуры населения северной части Западной Европы, так как именно тогда происходило значительное усложнение техники, обогащался набор орудий труда и начинались существенные перемены в хозяйстве.

В способах изготовления орудий труда обнаруживаются две новые важные тенденции. Мезолитические племена северных областей Европы не только по-прежнему изготовляли мелкие кремнёвые орудия старыми, унаследованными ещё от верхнего палеолита способами, т. е. из пластин, сколотых с призматического нуклеуса, но и широко использовали те специфические приёмы, которые употреблялись для производства мелких кремнёвых изделий геометрических форм — микролитов.

Но самая характерная черта техники этого времени выражена в широком распространении крупных каменных орудий. Это были рубящие орудия типа топоров или тёсел, ранее отсутствовавшие. Такие орудия, нередко закреплённые в специальных муфтах из рога, широко распространены в поселениях типа Маглемосе. Появляются также крупные каменные орудия, изготовленные принципиально новыми техническими приёмами, каких вообще не знали до этого люди каменного века,— «точечной ретушью», т. е. последовательным выкрашиванием частиц камня, а затем и сверлением. Так изготовлялись характерные для культуры Маглемосе палицы с выступами-цапфами по бокам и сквозным отверстием.

Широкого развития достигает обработка рога. Появляются роговые муфты для топоров, разнообразные по формам гарпуны, наконечники из рога и кости, в том числе с глубокими пазами по краям, в которые вставлялись острые лезвия из кремнёвых пластин.

Хозяйство мезолитических племен Северной Европы

Для образа жизни и хозяйства людей культуры аглемосе характерно расположение их поселений среди болот и топей на мысах и отдельных островках суши, по берегам реки озёр. Судя по уцелевшим на стоянках культурным остаткам, их обитатели были ловкими и смелыми охотниками, добывавшими зубров, косуль, лосей, кабанов, благородного оленя, выдр, бобров, бурого медведя, волков и других зверей и животных, характерных для лесов умеренного пояса. Неудивительно поэтому, что среди каменных изделий одно из первых мест, если не первое, принадлежит наконечникам стрел. Так, в торфянике на острове Фюн были найдены остатки скелета зубра, между рёбрами которого находились три таких наконечника стрел.

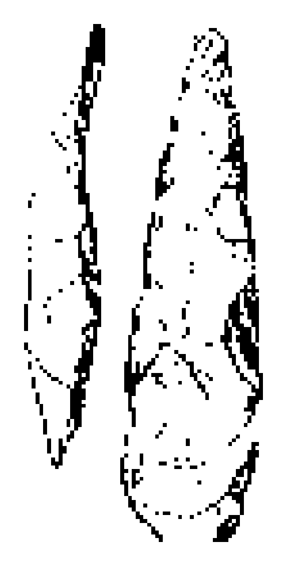
Мезолит Скандинавии. Верша для ловли рыбы.

Особо важное значение в жизни древних охотников озёр и болот Севера должно было иметь приручение собаки. Кости собаки найдены во всех важнейших поселениях культуры Маглемосе — в Свердборге, Муллерупе, Холмгоре и Дюфензее.

Наряду с охотой на таких крупных животных, как зубр и лось, древние обитатели болотистых низменностей Северной Европы в ещё большей мере занимались добычей водоплавающих птиц — гусей, уток, бакланов. Для этого употреблялись дротики, бросавшиеся в цель при помощи метательной доски.

Но меньшое, если не большее, место в хозяйстве северных племен занимала рыбная ловля. Основным орудием рыболовства были гарпуны и стрелы. Существовали уже и примитивные остроги с тремя зубцами, похожие на современные эскимосские остроги для добычи лососей. Большое значение в рыбной ловле, несомненно, имели верши и сети. Остатки такой сети, древнейшей в мире, уцелели в торфянике Антреа, близ Выборга. Она была изготовлена из волокон ивовой коры и снабжена сделанными из коры поплавками, а также каменными грузилами.

Добыча рыбы и охота на болотную дичь вызывали потребность в лодках. Появились первые долблёные лодки. В торфяниках Холмгора и Дюфензее уцелели деревянные вёсла. В Перте (Шотландия) в озёрных слоях мезолита найдена лодка, изготовленная из ствола шотландской ели. Она сохраняет следы огня, которым выжигали дерево изнутри. Следы огня есть и на вёслах, а также на других деревянных изделиях. Огонь, очевидно, широко употреблялся при обработке дерева, в том числе для заострения деревянных копий и придания твёрдости их острым концам.

Топор
Мезолит Скандинавии.

Большое значение в хозяйстве северных племён охотников и рыболовов имело собирание дикорастущих съедобных растений, корней и трав. Для выкапывания корней употреблялись массивные острия из рога или трубчатых костей — мотыжки.

Широко применяя в своём хозяйстве кость и рог, люди культуры Маглемосе оставили и образцы своего искусства в виде характерным образом орнаментированных изделий. В их резьбе иногда ещё сказываются отзвуки искусства мадленского периода.

Подобно людям верхнего палеолита, они щедро украшали самые простые и обыденные вещи, особенно костяное оружие в виде наконечников копий, а также муфты для топоров, нередко сплошь покрывая их тонким и тщательно выполненным узором из линий, точек или крупных ямок. В Истаде (Южная Швеция) обнаружена типичная для культуры Маглемосе роговая муфта, на которой выгравированы две фигуры оленей. На второй такой муфте из Скальструпа, на острове Зеландия, изображены рыбы и змеи. Изредка изготовлялись скульптурные изображения животных. Есть рисунки, напоминающие стилизованных человечков и лягушку. В целом это искусство характеризуется господством простого геометрического орнамента. В основе орнаментики лежат ритмические сочетания прямых и косых линий. Зигзагов, заштрихованных треугольников, шахматная сечка из перекрещивающихся косых линии, ячеистая сетка из восьмигранников.

Изредка удастся найти случайно потерянные украшения в виде орнаментированных круглых и овальных подвесок из кости и камней. Впервые появляются на севере Европы и украшения из балтийского янтаря в виде овальных пластин и бус с коническими отверстиями.

Возникновение новых приёмов обработки камня, дальнейшее развитие орудий труда и оружия из кости и в особенности усовершенствование наконечников стрел, т. е. дальнейшее развитие лука и стрел как основного охотничьего оружия, появление охотничьей собаки, развитие рыболовства как существенно важного хозяйственного занятия, ранее отсутствовавшего или имевшего случайный характер, — таковы основные прогрессивные черты развития мезолитических племён Северной Европы на ступени культуры Маглемосе.

Мезолит на севере Восточной Европы

История освоения человеком освободившихся от ледникового покрова пространств европейской части СССР и соседних с ними северных областей остаётся ещё недостаточно ясной, но ряд находок всё же позволяет предполагать, что люди впервые проникают сюда почти сразу же вслед за отступающим льдом — ещё в холодное позднеледниковое время. Это были, очевидно, единичные маленькие группы охотников на северного оленя, которые вели такую же относительно подвижную жизнь, как и обитатели дверной Германии и Скандинавии.

В северной части СССР, на Верхней Волге, остатки мезолитической культуры были обнаружены у деревни Скнятиной. Люди мезолитического времени поселились здесь на песчаной дюне в то отдалённое время, когда здесь господствовал более суровый климат. Если позже в этой местности росли липа и орешник, то в период

мезолита в окружающих лесах господствовала ель, преобладавшая над сосной и берёзой. От пребывания людей на Скнятинской дюне, как и на других дюнах, осталось немного — преимущественно тонкие ножевидные пластины из кремня. Из таких пластин выделывались концевые скребки, резцы, проколки и, самое главное, наконечники стрел, очень похожие на свидерские, найденные, как мы уже говорили, в Польше. Один из самых ярких и наиболее хорошо сохранившихся памятников этого времени находится на реке Око, на довольно высоком песчаном бугре Бор, вблизи деревни Единой, со всех сторон окружённой низменными пространствами и болотами. Под слоем почвы здесь уцелели остатки жилища-полуземлянки, основание которой было вырыто в песчаной толще бугра.

Камень, из которого здесь изготовлялись орудия труда и предметы вооружения, добывался где-то поблизости и обрабатывался на самой стоянке. Длинные и узкие ножевидные пластины, отделявшиеся от камня, часто служили режущими инструментами в готовом виде, без какой-либо дополнительной обработки. Иногда на них имеются характерные боковые выемки, показывающие, что они употреблялись для изготовления наконечников копий и стрел. Из этих же пластин выделывались типично мезолитические по форме и технике обработки пластинчатые наконечники стрел с черенком. Обитатели поселения на песчаном бугре Елин Бор оставили после себя также обычно встречающиеся на стоянках мезолитического времени скребки из отщепов и проколки, которые употреблялись для различных домашних хозяйственных работ.

Всё это свидетельствует о жизни охотников, собирателей и рыболовов, в принципе ничем не отличающейся от жизни других охотничье-собирательских племён мезолитического времени. Такие же поселения древних охотников и собирателей обнаружены и в других местах вдоль берегов Оки, в том числе в окрестностях Рязани, вблизи селения Борки.

Примерно к тому же этапу начального освоения Севера человеком относятся случайно найденные на реке Ягорбе (Вологодская обл.) кости дикой лошади, мускусного овцебыка, лося, бобра, гигантского (большерогого) оленя вместе с наконечником стрелы в виде ножевидной пластины с черенком. Там же найдены гарпун и другие изделия из камня и кости. К несколько более позднему времени относятся следы поселения, обнаруженные в той же области под толщей торфа у деревни Погостище. Поселение в Погостище имеет много общего с мезолитом и ранним неолитом Прибалтики — на стоянках в Кунде, Пярну, у озера Лубаны, а также с древнейшими уральскими поселениями, следы которых найдены под толщами торфа в Шигирском торфянике (вблизи Свердловска) и в других местах.

Как и мезолитические племена на севере Западной Европы, обитатели Приуралья и соседних с ним областей в это время существовали охотой на диких животных и птиц, а также рыбной ловлей в озёрах и реках. На местах их поселений осталось множество орудий из кости и рога, обслуживавших несложные хозяйственные потребности охотников и рыболовов. Формы этих изделий настолько сходны с найденными на северо-западе РСФСР, в Карелии, отчасти в Финляндии, Эстонии и Латвии, что не оставляют сомнения в наличии связей между племенами, заселявшими всё это огромное пространство от Урала до берегов Балтийского моря. Существует весьма вероятное предположение о происходившем в тот период расселении племён с Урала на запад.

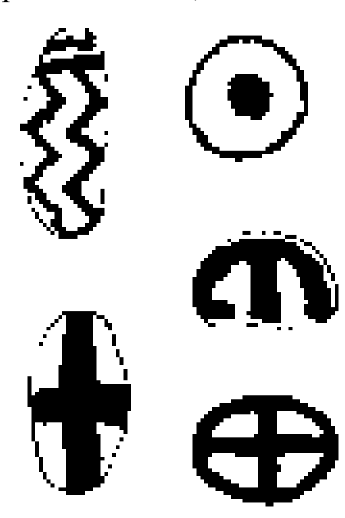
Мезолит на юге Европы

В то время как на севере Европы медленно исчезали ледники последнего оледенения и шла последовательная смена климатических стадий, в южных районах Западной Европы не было столь резких колебаний в природных условиях. Самым существенным событием здесь явилась смена сурового климата конца ледникового времени сначала относительно более тёплым и сухим, а затем влажным лесным климатом. К этому послед-

нему периоду относятся находки в пещере Мас-д'Азиль в Арьеже (Франция, предгорья Пиренеев), представляющей собой гигантский туннель длиною около 400 *м,* по которому и в настоящее время протекает прорывшая его в глубокой древности река Ариз. Люди издавна, ещё в мадленское время, оценили удобства этого обширного подземного коридора, по сторонам которого имеется много боковых камер. Между мадленскими слоями, залегающими в основании, и поверхностными отложениями времени неолита и века металла был найден слой с многочисленными и характерными остатками материальной культуры. По этим находкам было дано наименование целому культурному периоду не только в указанном районе Франции, но и далеко за её пределами.

Азильская культура

Азильцы, обитатели пещеры в мезолитическое время, как и их мадленские предшественники, занимались охотой на диких животных, состав которых, однако, уже резко изменился. Полностью исчезли представители древней арктической фауны. Место северного оленя занял благородный олень, вместе с ним распространились и другие животные, обитавшие в широколиственных лесах умеренного пояса,— бобр, бурый медведь, кабан, барсук. Другой особенностью азильских отложений является обилие раковин съедобных моллюсков, преимущественно лесных улиток.

Раскрашенные гальки из пещеры Мас-д'Азиль.

Характерно, что в азильское время по сравнению с более ранним, мадленским, костяные изделия, в особенности гарпуны, становятся более грубыми. Такие гарпуны появились на смену более совершенным и разнообразным по форме Мадленским гарпунам потому, что рыхлый внутри рог благородного оленя уже не обладал прочностью рога северного оленя, поэтому при изготовлении гарпунов поневоле приходилось ограничиваться одной только наружной коркой рога.

Вместо разнообразных по типам и формам, а также относительно крупных по размерам кремнёвых изделий, свойственных верхнему палеолиту, теперь широко распространяются менее крупные изделия определённых стандартизованных форм, геометрические по очертаниям, в том числе сегменты и острия с одним дугообразно ретушированным лезвием, а также небольшие округлые скребки.

Одновременно произошли и другие изменения в культуре людей азильского времени.

Наиболее яркой особенностью инвентаря азильских пещерных стоянок являются раскрашенные гальки, некоторых открывший их французский учёный Э. Пьетт хотел видеть знаки древнейшей письменности, свидетельствующие, по его наивному убеждению, о существовании в Мас-д'Азиле грандиозной подземной школы писцов каменного века. Рисунки на гальках из Мас-д'Азиля уцелели потому, что гальки лежали и совершенно сухом слое пыли. Эти гальки имели серый или беловатый фон и были разрисованы смешанной с жиром красной краской различных оттенков. Иногда же гальки предварительно окрашивали в светлорозовый цвет и затем уже наносили на них более темный рисунок. Рисунки на гальках имеют вид опальных пятен, поперечных полос и различных схематических фигур, в том числе крестов, зигзагов, решеток, звезд и, по-видимому, солнца; лишь в немногих случаях эти рисунки напоминают стилизованные фигуры людей или животных.

Такие же раскрашенные гальки были обнаружены вместе с типично азильскими предметами из камня и кости также в пещере Крузад около Нарбонна, в пещере Риета в Кантабрийских горах в Испании, в Бирзеке (Швейцария) и в других местах. В пещере Бирзек было обнаружено 225 галек, из которых 120 полностью или

частично сохранили раскраску, остальные, по-видимому, первоначально также были раскрашены. Гальки лежали отдельными скоплениями, своего рода гнёздами, и| были намеренно разбиты.

Для понимания смысла и назначения раскрашенных азильских галек и, в частности, того, что произошло в пещере Бирзек, интересны этнографические сведения о верованиях австралийцев племени арунта, обитавших в Центральной Австралии. В культе племени арунта существенное место занимали так называемые *чуринги*. Чуринги выделывались из дерева и камня. Они нередко раскрашивались красками; такие раскрашенные каменные чуринги очень похожи по виду на азильские гальки. По представлениям арунта, чуринги служили вместилищами для душ сородичей. Каждый мужчина и каждая женщина арунта имели свою чурингу, где якобы пребывали их собственные души, унаследованные от умерших сородичей. Ввиду такого важного значения чуринг они тщательно охранялись и их прятали от врагов в пещерах. Гальки, найденные в пещере Бирзек, имели, по-видимому, сходное назначение и были разбиты врагами.

Столь же любопытным фактом, рисующим верования азильцев, являются остатки погребений того времени. В пещере Офнет (около г. Нордлингена в Германии) оказались две ямы, в которых целыми гнёздами лежали одни лишь черепа, густо засыпанные красной охрой. Такой же обычай устраивать коллективные захоронения черепов в пещерах существовал в недавнее время у племени ведда на Цейлоне, где он был связан с родовым культом, с почитанием духов умерших сородичей.

Следы культуры азильского облика прослеживаются также на Британских островах. Определённые черты сходства с азильскими памятниками Западной Европы имеют памятники южных областей СССР — Крыма, Кавказа, а отчасти также Средней Азии.

В слоях крымских пещер Шан-Коба, Замиль-Коба, Сюрень II и Фатьма-Коба оказались крупные и довольно грубые сегментовидные орудия из массивных широких пластин, резцы, кремневые острия, скребки, отбойники, гальки для растирания краски и другие изделия, близкие по общему их облику к азильским орудиям Западной Европы, а также сравнительно многочисленные, но столь же грубые костяные орудия.

В пещере Замиль-Коба обнаружены остатки захоронения черепа, при котором оказались украшения из рыбьих зубов, а на Крымской Яйле найдены гальки, покрытые тонким резным узором в виде прямых и зигзагообразных линий, а также чёрточек, напоминающие расписные азильские гальки с таким же схематическим узором.

Искусство и жизнь мезолитического населения Восточной Испании

Совершенно особенное место среди памятников культуры мезолитического населения Европы занимают наскальные изображения испанского Леванта.

Росписи Леванта не раз привлекали внимание археологов, в недоумении останавливавшихся перед загадкой их происхождения и возраста. Однако эти проблемы всё ещё остаются по существу до конца неразрешёнными, а значение росписей Леванта в истории первобытного искусства до сих пор не выяснено полностью и не оценено по достоинству. Между тем эти памятники по-своему не менее значительны, не менее важны для изучения истории первобытного человечества, чем прославленные верхнепалеолитические пещерные росписи, о которых шла речь выше.

Росписи Леванта распространены в определённом, чётко ограниченном районе — вдоль восточного и южного побережья Пиренейского полуострова, от Лериды на севере и до Кадиса на юге. В настоящее время известно около сорока таких местонахождений, включающих не менее семидесяти отдельных ниш и навесов с изображениями.

Наскальные росписи испанского Леванта поразили внимание исследователей своим необычным стилем и богатым содержанием. Некоторые исследователи хотели видеть в них образцы искусства неолита или даже более позднего времени. Но против такого вывода свидетельствует наличие в тех же гротах более поздних схематических абстрактных рисунков, нанесённых на более древние.

Резко отличаясь от схематических изображений неолита и бронзового века, древние рисунки столь же определённо выделяются своими специфическими чертами на общем фоне палеолитического искусства. Более поздний, чем верхнепалеолитический, возраст этих изображений доказывается тем, что в той же области находятся пещеры с характерными росписями верхнепалеолитического типа, представленные такими выдающимися памятниками искусства ледниковой поры, как Ля-Пилета и Парпальо. О более позднем возрасте памятников испанского Леванта, несмотря на бесспорную связь с палеолитом, особенно в изображениях животных, свидетельствует и весь облик росписей. Ими представлено совершенно новое по духу и стилю искусство, совсем иной культурный мир. В них отражается иная жизнь, хотя и очень близкая к жизни людей ледниковой поры, но окрашенная совсем другим колоритом.

Рисунки в скальных навесах испанского Леванта.
Сцена охоты на горного козла и группа бегущих воинов.

В отличие от палеолитических росписей, найденных в Испании и Франции, наскальные изображения испанского Леванта помещаются не в тёмной глубине коридоров и камер, а в небольших навесах и гротах. Резко отличаются они от палеолитических изображений и своими размерами. Вместо больших пещерных рисунков, часто равных по величине изображаемому животному— быку или дикой лошади, здесь господствуют миниатюрные фигуры, иногда совершенно незначительные по размеру. Человеческие фигурки, например, имеют в среднем высоту около 5—10 *см*. Фигуры животных тоже невелики: фигуры носорогов из Минатеды длиною, например, не более 14 *см*.

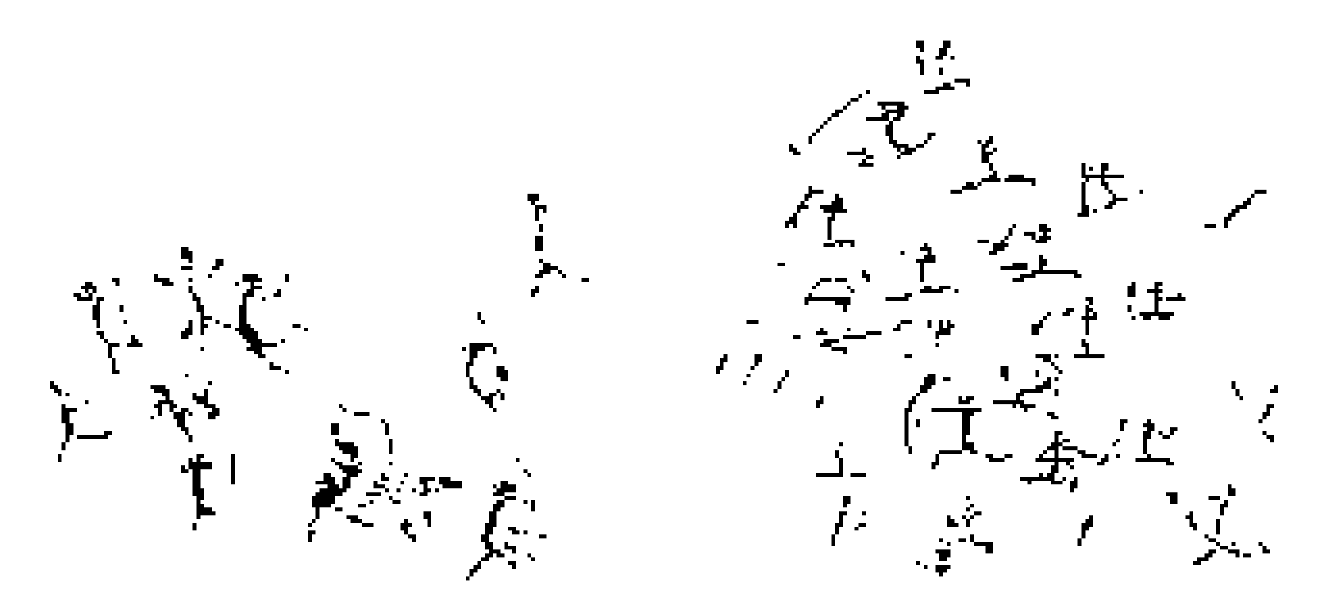
Различна и техника росписи. В отличие от авторов многоцветных палеолитических пещерных росписей, в особенности мадленских, древние художники Леванта употребляли, как правило, только чёрную или только красную краску. Их рисунки одноцветные. В редких, исключительных случаях они применяли два цвета, но и тогда не вместе, а по отдельности, закрашивая, например, всю фигуру человека красной, а только ноги чёрной краской.

Как и прежнее искусство, росписи Леванта полны жизненной силы. Но искусство это особое, качественно иного рода. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на охотничьи сцены. Животные мчатся здесь с бешеной скоростью. Они не просто бегут и прыгают, а как бы летят, распластавшись в воздухе всем своим телом, не прикасаясь копытами к земле,— настолько стремительно и неудержимо

это движение. Такова, например, фигура разъярённого быка, преследующего охотника, из грота Куэва Ремигия в ущелье Гасулья (провинция Кастельон) или фигура горного козла, прыгающего на стрелка с высоты.

Те же черты характерны для изображения людей. Формы человеческого тола передаются в росписях Леванта столь же детально и столь же живо. Перед нашим взором на светлосером скалистом фоне мелькают десятки и сотни гибких, полных стремительной энергии человеческих тел, обычно обнажённых и всегда очерченных с той же изящной чёткостью, что и фигуры зверей. Некоторые из них, как и лучшие изображения животных, поражают своей экспрессией, острой выразительностью в передаче специфически характерных деталей и положений человеческого тела.

Подлинным шедевром первобытного искусства является, например, фигура стрелка в большой сцене сражения, изображённой на стопе одного из гротов

Рисунки в скальных навесах испанского Леванта.
Сцена сражения.

ущелья Гасулья в провинции Кастельон. Маленькая красная фигурка стрелка полна одним стремлением, одним усилием, он весь в порыве и движении.

С такой же экспрессией переданы фигуры двух других стрелков (ущелье Гасулья), на этот раз направляющих свои стрелы в горного козла, прыгающего сверху. Оба человека показаны в одинаковой позе. Стрелки стоят, опираясь на одно колено, вытянув назад другую ногу и наклонив туловище вперёд, навстречу животному. Оба стрелка застыли на месте, затаив дыхание, крепко сжав руками лук и стрелу в ожидании решающей секунды, от которой, быть может, зависит не только судьба зверя, но и собственная жизнь охотников и участь ожидающих их в охотничьем лагере голодных жён и детей.

Но при всём том для подавляющего большинства человеческих изображений характерны уже черты далеко зашедшей стилизации и прежде всего своеобразного искажения, своего рода гиперболизации в передаче отдельных частей человеческого тела. Первое, что бросается в глаза при взгляде на эти изображения, — это непомерно узкое и длинное туловище, иногда имеющее вид прямого или слегка изогнутого стержня, как бы перехваченного в талии. В резком контрасте с этой узкой талией или стержневидным туловищем находятся непропорционально массивные и детально обрисованные ноги с толстыми выпуклыми икрами и большая округлая голова, часто с подробно вырисованными элементами головного убора. В ряде случаев сти-

лпзация доходит до того, что все члены фигуры, кроме головы, превращаются в узкие, полоски, которые, однако, как это ни удивительно, выразительно передают динамику человеческого тела и напряжение яростной борьбы. Такова, например, сцена схватки семи обнажённых воинов, изображённая тёмнокрасной краской на куске скальной поверхности шириною около 90 *см* в навесе Морелья-ля-Велья (провинция Кастельон).

Наиболее высокого расцвета искусство Леванта достигает не в единичных, а в групповых изображениях. В этих изображениях оно оставляет далеко позади искусство палеолита. Достаточно одного беглого взгляда на росписи гротов Леванта, чтобы увидеть в них совершенно новую для первобытного искусства черту: здесь мы видим по преимуществу обширные многофигурные композиции повествовательного характера, строго продуманные, стройные сцены, в которых участвуют люди и различные животные, объединённые единством сюжета и действия. Каждый рисунок, каждая такая композиция представляет собой целый рассказ в красках, с конкретной фабулой, всегда пролизанной определённым чувством, всегда эмоционально окрашенной.

На одной из больших композиций в ущелье Гасулья с удивительной правдивостью изображено, как одна группа воинов, вооружённых луками и стрелами, теснит другую. Справа — нападающие, слева — обороняющиеся. Фигуры нападающих показаны I? стремительном движении. Они неудержимо мчатся вперёд, широко раскидывая на бегу ноги и осыпая своих врагов тучей стрел из туго натянутых луков. Среди их противников видны раненые, поражённые стрелами, извивающиеся от боли, но не сдающиеся врагу. На переднем плане виден авангард из четырёх стрелков, с отчаянным упорством сдерживающих напор противника.

На групповых рисунках обнаруживается устойчивый и характерный композиционный приём, свидетельствующий о том, что теперь возникает более ясное представление о глубине пространства. На росписи из Куэвы Ремигии группа людей стоит вверху, а внизу виднеется распростёртое тело человека, пронзённого стрелами. Этот человек находится, таким образом, впереди, на переднем плане, а поражающие его стрелами люди находятся позади, на заднем плане.

Искусству палеолита чуждо было то отношение к человеку, которое является наиболее характерной чертой левантийских росписей. Отношение это видно уже в общем характере обрисовки человеческого тела, настолько внимательной и детальной, что отсюда следует вывод о центральном месте человека в росписях Леванта. Такой вывод подтверждается и содержанием росписей, где в отличие от искусства палеолита люди, т. е. первобытно-общинный коллектив, повсюду занимают первое и главенствующее место. Люди как активная сила, определяющая ход событий, коллектив древних охотников как главное действующее лицо и подлинный герой художественного рассказа — таково основное содержание искусства Леванта.

Благодаря своему повествовательному характеру, детальности и точности, благодаря вниманию к образу людей наскальные изображения Леванта представляют замечательный по богатству материал для характеристики жизни населения Восточной Испании в то время.

Мы видим прежде всего на этих рисунках изображения самих людей, оставивших нам эти своеобразные сокровища первобытного искусства, их одежду или, чаще, заменяющие её украшения, их головные уборы и оружие. Мужчины представлены, как правило, в обнажённом виде. Лишь изредка, в отдельных случаях, на них короткие штаны, не достигающие даже колон. Зато всегда с особенной тщательностью, где это возможно, изображены такие детали, как бахрома или шнуры на поясе и у колен, составлявшие, должно быть, предмет особой заботы и гордости их обладателей. Нечто вроде такой бахромы или накидки из шнуров бывает заметно иногда и на плечах. Бахрома эта причудливо развивается во время бега. Подчёркивая быстроту движения, она придаёт мужским фигурам живописный и нарядный вид. Так же

заботливо переданы во многих случаях головные уборы мужчин то из простых перьев, воткнутых в волосы, то в виде настоящей причёски в разных вариантах, начиная от симметрично обрамляющих голову локонов и кончая сложными сооружениями из туго завязанных лент или бантов. Женщины в отличие от мужчин одеты в длинные юбки, обычно колоколовидные, груди их обнажены.

Из росписей видно, что основным занятием людей, которыми эти рисунки создавались, была охота на диких животных, преимущественно на благородного оленя и крупных быков. На рисунках нередко изображены и фигуры горных козлов, кабанов, изредка на них видны дикие ослы, а в одном случае — даже два носорога.

С необыкновенной наглядностью изображены способы добычи диких животных, применявшиеся мезолитическими охотниками Леванта. На первом плане всегда находится фигура охотника, вооружённого луком. Лук, главное приобретение культуры мезолитического времени, является здесь основным оружием. Он представлен в двух видах. На одних рисунках лук имеет вид широкой и длинной дуги величиною с человека, если не более. Это простой лук, большой размер которого увеличивал силу его действия. Но известны и такие изображения луков, на которых отчётливо видна вогнутость по середине. Очень может быть, что эти луки относились уже к числу наиболее ранних луков сложной конструкции, рефлексирующих, т. е. изгибающихся в обратном направлении, когда их освобождали от тетивы. Стрелы тоже отличались друг от друга по форме наконечника и оперения. Их хранили в специальных, по-видимому, кожаных, колчанах. Вместе со стрелами употреблялись и метательные дротики. Целые пучки таких дротиков или стрел часто изображены в руках охотников и воинов. В охоте участвовали и собаки — единственное домашнее животное мезолитических племён Испании.

На одном рисунке в Куэве Ремигии изображена сцена выслеживания тремя охотниками горного козла. Внизу показано, как два охотника внимательно изучают следы зверя, изображённые с редкой тщательностью и наглядностью. Показано, что один из охотников оставил по дороге свой пучок стрел и походную охотничью сумку. Высоко вверху следы зверя заканчиваются, козёл встретил здесь третьего охотника, который и направил в него свою стрелу. В том же ущелье с особенной подробностью и силой изображена облава на кабанов.

Есть и такие охотничьи сцены, где как будто нарочно подчёркнуто, что охота была делом опасным и нелёгким. На одном из рисунков изображено, как разъярённый бык, вероятно только легко раненный торчащими в нём стрелами, скачет за убегающим охотником.

На всех многочисленных групповых рисунках ясно и определённо выступает коллектив первобытных, охотников, скреплённый тесными кровными и экономическими узами, узами совместного труда и борьбы с природой.

Несмотря на то, что в целом преобладают сцены с участием одних только мужчин, сцены охоты и войны, женщина появляется в рисунках Леванта вовсе не как случайный и второстепенный персонаж. Она занимает в них определённое и значительное место. В тех редких случаях, когда среди образов наскальных росписей появляются дети, они всегда связаны с женскими фигурами: мать и дитя неразлучны; дети принадлежат женщинам, как это и положено в условиях материнского рода и группового брака, где отцовство не играет той роли в общественных отношениях, какую оно играло позже. Одно изображение на фоне быков женщин, по-видимому, танцующих вокруг маленькой фигуры мужчины, указывает на обычную для времени господства материнского рода важную роль женщин в общинном культе, в магических обрядах привлечения животных под стрелы и копья охотников. Как свидетельствует этнография, всё это черты, свойственные тем обществам, где продолжают жить представления, сложившиеся в условиях материнского рода.

Об отношениях между отдельными общинами, не всегда дружественных, рассказывают рисунки, изображающие ожесточённые схватки и воинов, убегающих от

преследователей. Особенно выразительна фигура бегущего воина в навесе Сан-Сальвадор в ущелье Вальторта (провинция Кастельон). Он бежит, низко пригнувшись к земле и вытянув вперёд голову, преследуемый стрелами, две из которых уже впились ему в ногу.

Даже в мирное время, или, точнее, в те времена, когда воины заняты другими делами, они не забывают о подстерегающих их общину опасностях. Они неразлучны с луком и стрелами не только потому, что ведут охотничий образ жизни, но и потому, что должны быть всегда готовы к борьбе с врагом. Военные упражнения, воинственные танцы и игры составляют необходимую часть их общественной жизни и существенную сторону воспитания юношей. В навесе Мола Ремигия (ущелье Гасулья) уцелел превосходный рисунок, передающий сцену военного танца. Пять обнажённых воинов бегут друг за другом непрерывной цепочкой. Они бегут ритмически, подчиняясь в своих движениях одному такту, вероятно такту военной песни. Их тела одинаково наклонены вперёд. В одной руке у них пучок стрел, в другой— лук, воинственно поднятый кверху. Они бегут в одном направлении, угрожая неведомым нам врагам. Впереди видна самая крепкая, коренастая фигура воина в пышном головном уборе. За ним следуют другие, более тонкие и хрупкие фигуры, должно быть юноши.

В таких выразительных и живых образах встаёт перед нами история жизни мезолитических племён Восточной Испании, рассказанная ими самими в наскальных росписях. Совершенно очевидно, что переход от искусства палеолита в Европе к искусству неолита и бронзового века вовсе не был таким резким, как можно было подумать, доверившись первым впечатлениям, навеянным примитивными рисунками на азильских гальках. Возможно даже, что помимо специфических по их назначению культовых рисунков на гальках, предназначенных храниться в пыли пещер, сами азильцы могли изготовлять и другие, более жизненные по своему стилю изображения, не уцелевшие до нашего времени. Как мы увидим дальше, почти у всех мезолитических племён, как южных, так и северных, рядом с отвлечёнными орнаментальными рисунками и условной скульптурой существовали и превосходные, нередко жизненно выразительные изображения.

Отсюда следует, что на самом деле не было никакой пропасти, отделявшей, по мнению некоторых искусствоведов, искусство охотников ледниковой поры от искусства, появляющегося у земледельцев и первых скотоводов Европы.

Тарденуазская культура

Повсюду, где встречаются памятники азильского облика или близкие к ним, они сменяются новыми, ещё более единообразными, так называемыми тарденуазскими (по стоянке Феран-Тарденуа, Франция).

Непосредственная связь тарденуазских памятников с азильскими настолько ясна и бесспорна, что их нередко в целом относят к одной азильско-тарденуазской культуре. Однако в ряде областей, где распространены эти памятники, тарденуазские находки в хронологическом отношении легко отделяются от азильских. В целом можно отметить, что кремнёвые изделия теперь ещё сильнее уменьшаются в размерах, а очертания их становятся ещё более геометризированными.

Характерной чертой в распространении тарденуазских поселений является их связь с районами вдоль больших рок и морских берегов, где обнаружены следы длительного пребывания тарденуазцев в виде огромных скоплений раковин съедобных моллюсков. Самые замечательные памятники такого рода изучены в Португалии на берегах реки Тахо, в 25 *км* от впадения её в Атлантический океан. Здесь, в местности Мугем, расположен ряд холмов, сложенных из раковин. Один такой холм, Кабесо д'Арруда, достигает в длину 100 *м* при ширине в 60 *м* и высоте до 7 *м*. Раковины в большинстве морские. Вместе с ними в наслоениях холма обнаружены очажные слои, зола, угли, каменные и реже костяные изделия, а также кости животных, преимущественно оленей, быков, кабанов, хищников, птиц и рыб.

В ряде случаев устанавливается наличие небольших посёлков, состоявших из более или менее постоянных жилищ, видимо землянок, от которых остались неглубокие округлые ямы, иногда с очагами на дне. В районе Ансбаха (Германия) найдена была, например, полуземлянка тарденуазского времени глубиной 0,75 *м,* имевшая в плане вид овала и обложенная по краям плитами песчаника.

Постоянные жилища в низменных местах, по-видимому, использовались людьми тарденуазского времени в течение какого-то определённого сезона, всего вероятнее — зимой. Летом люди, по-видимому, уходили в другие, более высоко расположенные места. Так можно объяснить тот любопытный факт, что помимо низменных областей тардепуазские поселения располагались и на высотах. В Англии они находятся обыкновенно на высоте 300—450 *м* над уровнем моря. В Крыму большая часть тарденуазских поселений находится на Яйле, высоко над уровнем моря. Люди жили тогда на Яйле около источников, под прикрытием лесов, впоследствии уничтоженных человеком. На их стоянках уцелело множество кремнёвых отщепов и пластин, в том числе мельчайших. Есть кремнёвые отжимники, резцы, проколки и, разумеется, специфические изделия геометрических очертаний в виде сегментов, трапеций. Здесь же найдены орнаментированные гальки, о которых уже говорилось выше, и один замечательный каменный светильник с ручкой, совершенно аналогичный тем, которыми пользовались создатели палеолитических пещерных росписей во Франции. О том, что стоянки на Яйле существовали только в летнее время, свидетельствует суровость местной зимы. Яйлу зимой и теперь покидает большинство населяющих её животных. Вслед за животными на южные склоны Яйлы, а затем дальше к морю, несомненно, уходили и древние охотники.

О верованиях тарденуазцев рассказывают их захоронений, во многом близкие по ритуалу к захоронениям людей верхнего палеолита. Подобно палеолитическим охотникам, они по-прежнему хоронили своих умерших там же, где жили,— в пещерах и гротах, точно так же засыпая их красной краской — кровавиком. Таковы, например, тарденуазские погребения Крыма в пещерах Фатьма-Коба и Мурзак-Коба. Новая черта тарденуазских захоронений заключается в том, что в ряде случаев в Европе встречаются целые кладбища, своего рода общинные посёлки мертвых состоящие из десятков и даже сотен могил. В одном случае обнаружено, например до двухсот могил, в которых лежали вытянутые и скорченные костяки преимущественно женские и детские. Такой же характер имеет и могильник тарденуазского времени на острове Тевьеке, вблизи побережья Бретани (Франция) где найдено более 30 костяков, преимущественно скорченных, захороненных в ямах и по древнему верхнепалеолитическому обычаю густо засыпанных красной охрой

Над головой одного из погребённых в Тевьеке оказался рог оленя- это напоминает палеолитическое изображение колдуна, участника охотничьего обряда из пещеры Трёх братьев (Испания), на голове которого видны рога.

Распространение микролитической техники

Распространение микролитической техники и миниатюрных орудий геометрических форм не ограничивалось западными областями Европы. Эти орудия находят также на территории Африки, начиная от берегов Средиземного моря и до Капской земли включительно.

Уже в раннекапсийских отложениях и в одновременных поселениях культуры Бамбата в Родезии встречаются изделия микролитического облика в виде пластинок с затупленной спинкой и геометризованных орудий, главным образом в виде сегментов. Весь этот многочисленный материал показывает, что обитатели Африки продолжали совершенствовать микролитическую технику, устойчиво сохраняя свой прежний образ жизни. Они по-прежнему оставались, как и их предшественники бродячими охотниками-собирателями, о чём ярче всего свидетельствуют оставленные ими нагромождения пищевых отбросов, состоящие из костей диких животных, преимущественно же из раковин моллюсков, как наземных, так и водных.

Раковинные кучи с находящимися в них микролитами геометрических форм широко распространены как с Северо-Западной Африке (в Марокко и Тунисе), так и в её центральных областях, по берегам рек и озёр. Люди здесь, как и прежде, расписывали красками не только своды пещер, но и собственное тело. По-прежнему они украшали себя просверленными раковинами и бусами из скорлупы страусовых яиц. У них по-прежнему существовало и живое, правдивое искусство охотников. Как долго существовала на юге Африки эта древняя культура, показывают раскопки неглубоких впадин в земле, оказавшихся остатками временных полуземляных жилищ бродячих охотников сравнительно недавнего прошлого — бушменов. В ямах этих оказались почти такие же, как и мезолитические, мелкие орудия из камня II куски краски. Как известно, бушмены сохранили вплоть до появления в глубине Африки европейцев свой образ жизни и обычаи, а вместе с ними и своё примитивное, но полное жизни и острой наблюдательности замечательное искусство, свои мифы и легенды — живую историю каменного века.

Микролитические кремнёвые изделия распространены были также в нашей Средней Азии. Они известны и в Индии. Настоящие микролиты геометрических очертаний имеете с различными сопровождающими их мелкими изделиями из кремня в большом количестве обнаруживаются, как мы видели, даже в далёкой, изолированной от Азии Австралии, среди наиболее древних памятников каменного века этого материка. Таковы, например, поселения в области древних песчаных холмов на юге Австралии и пещерах на Нижнем Мэррее, где найдены в большом числе настоящие сегменты, асимметричные треугольники, острия со скошенным краем, трапеции.

Причина повсеместного распространения микролитов на четырёх континентах — Европы, Африки, Азии и Австралии, несомненно, коренится в каких-то глубоких, жизненно важных потребностях древнейшего населения этих стран. Чтобы обнаружить эти потребности, нужно вспомнить, что микролитические изделия связаны были, как уже отмечалось выше, с одним из способов оснащения стрел наконечниками, превратившим лук в грозное боевое оружие древних охотников. Они служили также вкладными наконечниками дротиков и лезвиями ножей.

Дальнейшее развитие охоты и возрастание её хозяйственного значения, а вместе с этим потребность в улучшении лука и стрел, определившая развитие охотничьего вооружения в целом,— вот, должно быть, та главная причина, которая определила столь широкое распространение этих ничтожных по размерам изделий. По этой причине одни племена должны были заимствовать у других эту новую технику и новые виды охотничьего вооружения, распространяя их всё дальше, всё шире. Не исключено, что наряду с простым заимствованием микролитических изделий здесь имело место и проникновение отдельных племён, распространявших новые технические приёмы, с юга на север и даже с материка на острова, например Британские.

Следует, однако, иметь в виду, что микролитическая техника в специфическом её виде не проникла в лесную зону СССР, простирающуюся от Балтики до Тихого океана. Нет никаких отчётливых следов её и в Монголии, а также далее на Востоке — в Китае. Отсюда вовсе не следует, конечно, что здесь не было прогресса в развитии охотничьего вооружения и, в частности, не употреблялись вкладышевые орудия. Напротив, известно, что орудия вкладышевого типа появились, например, в Забайкалье ещё в верхнем палеолите (стоянка Ошурково около Улан-Удэ). Но они снабжались здесь лезвиями из простых ножевидных пластин, а не из микролитов геометрической формы.

Микролитическая техника при всём её широком распространении являлась, таким образом, лишь своеобразным частным вариантом в истории оформления охотничьего оружия. За пределами же её распространения находились другие обширные территории, где в этой области первобытной техники существовали иные приемы, соответствовавшие иным культурным традициям.

2. Общие черты культуры новокаменного века (неолита)

За мезолитическим временем в большинство стран Передней и Средней Азии, в Индии, в Европе, в Северной Азии следует неолитическое время, когда происходят новые прогрессивные изменения в материальной культуре и хозяйстве древнего населения этих стран. Неолитическое время характеризуется прежде всего значительным улучшением техники изготовления каменных орудий труда. Сохраняя и совершенствуя прежние способы обработки камня и кости, человек неолитического времени повсеместно переходит от оббитых рубящих орудий мезолитических форм к более совершенным — шлифованным. Окончательная отделка каменных орудий способом шлифования — самая характерная черта новой, неолитической техники. Употребляя этот новый приём обработки камня при изготовлении каменных орудий труда, человек неолитического времени начинает широко использовать наряду с кремнём редкие и с трудом обрабатываемые породы камня, в том числе полудрагоценный особо прочный камень — нефрит, а также жадеит. Широко распространяются теперь и такие новые приёмы обработки камня, как пиление и сверление.

Пользуясь этой техникой, человек неолитического времени мог с большим успехом, чем прежде, придавать камню желаемую форму. В результате широко распространились новые, ранее неизвестные или известные только в самых примитивных формах каменные изделия, в первую очередь связанные с собирательством и затем с земледелием: утяжелители для палок-копалок в виде массивных дисков или колец с отверстием посредине, песты, ступки, зернотёрки, а также такие важные орудия, как мотыги. Достигает предельного расцвета и техника отжимной ретуши, поднимаясь до уровня настоящего искусства.

Значительно совершенствуются лук и стрелы. Повсюду распространяются новые наконечники для стрел, разнообразные по форме, тщательно обработанные отжимной ретушью с обеих сторон. Неолитические наконечники стрел и копий были совершеннее и практичнее мезолитических.

Огромное значение в развитии культуры имело изобретение формовки и обжига глиняной посуды. Это открытие позволило человеку улучшить способы приготовления пищи и расширить ассортимент пищевых продуктов. Изготовление глиняной посуды является столь же характерным отличием неолита, как и шлифование каменных орудий.

Всё это значительно облегчило и улучшило жизнь неолитического человека по сравнению с жизнью его предков. Но ещё важнее были перемены в хозяйстве, в производственной жизни неолитических племён, в способах добывания пищи.

Огромным шагом вперёд в жизни первобытного человечества, в его борьбе за покорение сил природы явился переход от охоты, собирания растительной пищи и рыбной ловли, как единственных источников пищи, к разведению растений и домашних животных. Именно теперь, в неолите, широко распространяются во многих странах земледелие и скотоводство. Однако значительная часть неолитических племён, обитавших в менее благоприятных или вообще неблагоприятных условиях, препятствовавших переходу к этим принципиально новым, иным, чем прежде, видам хозяйственной жизни, вынуждена была вести прежнюю жизнь охотников и рыболовов.

Охотничьи племена

Древний охотник в период неолита достиг больших успехов в трудовой деятельности по сравнению со своими более отдалёнными предками. О достижениях в области охотничьего вооружения можно судить по успехам в развитии лука — главного оружия охотничьих племён неолита. Путешественники XVIII—XIX вв., заставшие племена Северной Америки на уровне развитого неолита, были поражены их искусством стрельбы, силой и дальнобойностью лука. Копьё, брошенное просто рукой, пролетало не далее 30—40 *м*. Копьё, брошенное при помощи метательной доски, попадало в цель на расстоянии 70—80 *м*.

Стрелы же североамериканских индейцев, пущенные из лука, наносили серьезное поражение на расстоянии 80—100 *м*. Известны даже случаи выстрелов из тяжелого индейского лука на 275, 365 и даже 450 *м*. Сила действия лука была такова, что стрела индейца племени апачей пробивала человека насквозь на расстоянии 300 шагов. Стрелы с каменными и костяными наконечниками проходили навылет сквозь туловище бизона.

Человек неолитического времени не только усовершенствовал своё главное оружие — лук и стрелы, не только научился добывать диких животных различными способами, в том числе с помощью механически действующих ловушек, но и создал множество хорошо разработанных приёмов использования в своих целях продуктов охоты — мяса, шкур, костей и рогов.

Древние собиратели по-своему превосходно изучили окружавший их растительный мир. Они сделали множество полезных наблюдений и изобретений, позволивших широко использовать в пищу различные съедобные растения. Ими были открыты и практически использованы важные качества одних растений и целебные свойства других. Они научились расщеплять волокна дикого льна, кендыря и крапивы, сучить и прясть их, выделывать нити, верёвки, ткать не только грубые, но и достаточно тонкие ткани для своей одежды, а также изготовлять сумки, мешки и многие другие предметы, необходимые в домашнем обиходе.

Но вся энергия производительной деятельности человека, вся сила его труда были обращены только на добычу и на освоение готовых источников пищи и материалов для изготовления одежды, жилищ, орудий, на использование природных ресурсов в их натуральном виде. Творческие силы и возможности человека оставались ограниченными, скованными прямой зависимостью от природы. Более того, эта зависимость, унаследованная от начальных этапов истории человечества, от тех времён, когда люди ещё едва выделялись из животного мира, накладывала определённый отпечаток и на общий характер жизни, на все условия существования человека. Суровая и опасная жизнь охотников, рыболовов и собирателей каменного века требовала постоянного предельного напряжения сил организма в борьбе с природой. Она была полна лишений и тяжёлого, изнурительного труда. Тяжесть такой жизни сказывалась тем сильнее, что племена эти, как и их палеолитические предки, по-прежнему обречены были переносить все капризы и случайности явлений природы. Короткие периоды изобилия животной и растительной пищи сменялись долгими месяцами голодовок, когда старые запасы пищи, если они вообще были, уже иссякли, а до создания новых запасов было ещё далеко. За годами, относительно обильными пищей, нередко шли такие годы, когда самое существование племён охотников и рыболовов оказывалось под угрозой.

Возникновение земледелия и скотоводства

Совершенно иначе пошла жизнь тех племён, которые ещё в каменном веке, используя окружавшие их благоприятные природные условия, перешли от собирательства к земледелию и от охоты на диких зверей к скотоводству. Новые формы хозяйства вскоре в корне изменили условия существования этих племён и далеко продвинули их вперёд по сравнению с охотниками, собирателями и рыболовами.

Эти племена, всё ещё не знавшие металла, по-прежнему ограниченные в своей технике мезолитическими и неолитическими приёмами обработки камня и кости, иногда даже не умевшие выделывать глиняные горшки, конечно, испытывали жестокие последствия капризов природы. Но принципиально важное значение для их жизни имело то обстоятельство, что они уже могли смотреть вперёд, думать о будущем и заранее обеспечивать себе источники существования, сами производить для себя пищу.

Это был новый важнейший шаг человека по пути от бессилия в борьбе с природой к власти над её силами. Он повлёк за собой затем множество других

прогрессивных изменений, вызвал глубокие перемены в образе жизни человека, в его мировоззрении и психике, в развитии общественных отношений.

Борьба первых земледельцев с природой была нелегкой. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на те грубые орудия, которые найдены в древнейших земледельческих поселениях. Эти орудия дают представление о том, сколько физических усилий, сколько изнурительного труда требовалось для того, чтобы вскопать землю простыми деревянными палками или тяжёлыми мотыгами, чтобы срезать жёсткие стебли злаков,—колос за колосом, пучок за пучком—серпами с кремнёвыми лезвиями, чтобы, наконец, растереть зёрна на каменной плите — зернотерке. Но весь этот тяжелый труд возмещался его результатами, дававшими некоторую уверенность в завтрашнем дне. Область трудовой деятельности человека несравненно расширилась, а самый характер её качественно изменился.

Громадным достижением человечества в период первобытно-общинного строя было освоение почти всех известных в настоящее время земледельческих культур и одомашнение важнейших видов животных.

Первым из диких животных, одомашненных человеком, как уже упоминалось ранее, была собака; одомашнение её произошло, видимо, ещё в период верхнего палеолита и связано с развитием охотничьего хозяйства. С возникновением земледельческого хозяйства первые земледельцы одомашнили овцу, свинью, козу, корову, а позже, уже в век металла,— лошадь и верблюда.

Древнейшие следы разведения домашнего скота могут быть установлены лишь с большим трудом и очень условно. Важнейшим источником для исследования вопроса являются костные останки, но должно было пройти очень много времени для того, чтобы в результате изменения условий существования сколько-нибудь заметно изменилось строение костяка одомашненных животных в отличие от диких. Всё же можно считать доказанным, что коровы, овцы, козы и свиньи разводились в неолитическом Египте (VI—V тысячелетия до н. э.), Передней и Средней Азии, а также в Индии (V—IV тысячелетия до н. э.), в Китае, а также в Европе (III тысячелетие до н. э.). Значительно позднее был одомашнен северный олень на Саяно-Алтайском нагорье (около начала нашей эры), а также лама (гуанако) в Центральной Америке, где кроме этого животного и собаки, появившейся здесь вместе с первыми переселенцами из Азии, не было других животных, пригодных для одомашнения. Наряду с одомашненными животными некоторую роль в хозяйстве и жизни продолжали и в дальнейшем играть приручённые животные (например, слоны).

Первые земледельцы Азии, Европы и Африки сначала использовали мясо, шкуры и шерсть домашних животных, а затем и их молоко. Позже домашние животные стали использоваться для вьючного и гужевого транспорта, а также как тягловая сила в плужном земледелии. Развитие скотоводства, таким образом, в свою очередь содействовало прогрессу в земледелии.

Введение земледелия и скотоводства способствовало росту населения; человек мог теперь расширять источники существования, всё более эффективно используя освоенные земли и осваивая всё новые и новые её пространства.

Развитие родо-племенного строя

Общий подъём производительных сил в мезолите и особенно в неолитическое время явился той основой, на которой складываются новые черты общественной структуры древнейшего человечества. Эти новые черты общественных отношений ещё не означали какого-то решительного и коренного изменения существовавших до этого порядков, но их значение всё же было очень велико. Суть этих изменений заключалась в том, что они вели к дальнейшему сплочению родовых общин и к росту связей между ними. Теперь окончательно вызревают племенные объединения, представляющие собой наиболее высокую ступень в развитии древней родовой организации, скреплённой кровнородственными связями.

Одни памятники материальной культуры не могут дать полного представления об общественном строе племён столь отдаленного от нас периода. Но на помощь можно привлечь данные этнографии — описания общественного строя тех племён, которые к тому времени, когда они стали известны науке, стояли на уровне неолита. Особенно хорошо изучен племенной строй североамериканских индейцев ирокезов, описанный выдающимся американским этнографом Л. Морганом.

Ирокезы жили родами, являвшимися наиболее ярко выраженными, известными науке, образцами материнского рода. Отдельные роды были организованы в более широкие объединения. Индейцы называли такие объединения родов внутри племён «братствами». Морган перевёл соответствующий индейский термин аналогичным по смыслу древнегреческим словом *фратрия*. Фратрии образовались из двух начальных родов, составлявших вместе первичное племя. В условиях экзогамного брака, исключавшего брачные связи между сородичами, нельзя было жениться в пределах своей фратрии; фратрии были связаны между собой посредством брачных союзов.

В дальнейшем, в связи с непрерывным ростом населения и сегментацией племен, т. е. разделением племён на новые роды и племена и их расселением, количество таких родов увеличивалось, но и тогда они до известного предела сохраняли взаимную связь. Связь эта выражалась в том, что каждое племя по-прежнему делилось на две половины или на два крыла. Но каждая половина состояла уже из нескольких родов — обыкновенно из трёх, четырёх и более. На этой ступени члены различных родов, входивших в состав той или иной фратрии, уже могли вступать и брак внутри фратрий, но не в пределах рода. Потеряв своё регулирующее значение в области брачных отношений, фратрия, однако, сохранила важную организующую роль как во внешней, так и во внутренней жизни родовых общин. Две фратрии организовывали общеплеменные торжества — праздники. Одна фратрия выступала против другой во время игр и состязаний. В случае смерти выдающихся членов племени фратрия, к которой принадлежал покойный, участвовала в похоронах, оплакивая его, тогда как другая фратрия несла на себе все заботы по устройству похоронных церемоний. По фратриям организовывались религиозные союзы — братства, производившие *инициации* — особые обряды, совершавшиеся над юношами при достижении ими возмужалости и знаменовавшие собой переход их в число взрослых мужчин—полноправных членов племени. Инициации, известные у многих других племён, играли большую роль в общественной жизни, так как только после совершения этих обрядов юноша получал право вступать в брак, участвовать в племенном собрании и т. д.

Ещё важнее была роль фратрий в случае конфликтов, грозивших единству племени, например, когда случалось убийство внутри племени, а также во всех других случаях, когда тот или иной вопрос выходил за рамки данного рода, например при выборе вождей.

Во время межплеменных войн у индейских племён фратрии были естественной фирмой военной организации. Каждый род выступал в бою в составе своей фратрии. Каждая из двух фратрий племени шла отдельным строем, с собственным значком, под начальством собственного вождя. На этом фратриальном членении строилась вся военная организация.

Две фратрии составляли племя. Каждое племя имело собственную территорию, включавшую как область его непосредственного расселения, так и территорию для охоты и рыбной ловли. Каждое племя имело, разумеется, и собственное имя. Роды, входившие в племя, говорили на одном общем для них диалекте. Племя осуществляло контроль над жизнью отдельных родов. Оно утверждало или даже смещало выбранных родами старейшин, а также военных вождей, избиравшихся специально для руководства военными действиями.

Для этого и для ведения общих дел существовал общеплеменной совет родовых вождей, действовавший на основе единогласия. Совет племени регулировал отношения с другими племенами. Он принимал и отправлял посольства, объявлял войну и заключал мир. Иногда во главе племени стоял верховный вождь, с весьма ограниченными, однако, правами. Он должен был в особых случаях, требовавших немедленных мер, принимать их до того, как соберётся совет племени.

Дальше таких племенных объединений американские индейцы в развитии своей общественной организации в большинстве случаев не пошли. Но кое-где все же имели место и более широкие объединения, включавшие уже несколько родственных племён. Такова была знаменитая в истории североамериканского континента федерация ирокезских племён. Племена эти, насчитывавшие в целом до 20 тыс. человек, были связаны кровным родством и общим языком, распадавшимся на родственные диалекты. Они заключили между собой «вечный союз» и имели союзный совет, состоявший из 50 старейшин, представлявших определённые роды и племена. Каждое из племён могло собрать совет, но по собственному почину совет собираться не мог. Заседания совета происходили в присутствии всех племён, причём каждый ирокез мог взять слово, решение же выносил совет. Как и в племенных советах, все решения принимались единогласно. Союз имел двух высших военных вождей с равными полномочиями и одинаковой властью.

Эта стройная и законченная во всех её деталях организация, явившаяся вершиной развития первобытно-общинного строя, закономерно вытекала из рода как основной его ячейки. Род, фратрия и племя представляли собой, указывает Ф. Энгельс, три естественно связанные друг с другом степени кровного родства. «Поэтому,— говорит он, ссылаясь на описанный выше племенной строй ирокезов,—встречая у какого-нибудь народа род как основную общественную ячейку, мы должны будем искать у него и организацию племени, подобную той, которая здесь описана» [1].

3. Неолитические племена Европы, Средней и Северной Азии в V—IV тысячелетиях до н. э.

Процесс перехода от охотничье-собирательского и рыболовческого хозяйства к земледелию и скотоводству, от мезолитических орудий труда к неолитическим был своеобразным в различных областях и совершался в несравненно более сложных и разнообразных формах, чем прежний переход от палеолита к мезолиту. В одних областях процесс вызревания новых культур шёл быстрее, в других медленнее. В областях северных субтропиков переход к неолиту не только происходил в общем раньше, но и сам период неолита был менее продолжительным; здесь раньше наряду с продолжавшимся использованием камня начали входить в употребление и металлы. В более же северной лесной полосе расцвет неолита падает на время, когда на юге уже начался переход к веку металлов.

На огромных пространствах земного шара, где природные условия не благоприятствовали возникновению и развитию земледелия и скотоводства, население продолжало и в условиях неолита без существенных изменений вести древнейший образ жизни своих предков — палеолитических и мезолитических охотников и рыболовов. В суровых условиях лесной жизни, особенно на Севере, производительные силы у племён каменного века развивались более медленно. Поэтому медленно изменялись и общественные порядки и ещё долго продолжал господствовать древний родо-племенной строй. Примерно такой же ход событий прослеживается и на крайнем Юге, в странах тропических лесов, где тоже дольше сохранялись пережитки древних форм жизни и хозяйства, например на юге Африки, в некоторых районах Индии,

[1] *Ф. Энгельс,* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 98—99.

Индо-Китая, на островах Южных морей. Неолит просуществовал здесь ещё в течение многих тысячелетий.

Жизнь племён, у которых в новокаменном веке ещё не произошло коренных изменений в общественном строе, достаточно будет охарактеризовать на примере неолитических обитателей Европы и Азии, культура которых изучена лучше, чем культура других племён.

Неолит на юге и западе Европы

Появление в Европе техники шлифования каменных орудий и изготовления глиняной посуды относится, вероятно, ещё к VI тысячелетию до н. э. Так, хотя остатки первого неолитического поселения на острове Крит относят к V тысячелетию до н. э., однако высокое качество посуды из этого поселения не позволяет отнести его к самой ранней ступени неолита. Эта посуда не только хорошо отформована, но и отполирована снаружи и изнутри; форма сосудов весьма разнообразна. Это и даёт основание многим археологам относить начало неолита в Европе к более раннему времени, т. е. к VI тысячелетию до н. э.

Ни в этом древнейшем неолитическом поселении на Крите, ни среди остатков более поздних неолитических посёлков не обнаружено признаков занятия земледелием. Каменные орудия — шлифованные топоры, наконечники стрел и копий — позволяют говорить лишь об охоте как основном занятии поселения. В прибрежных местах, вероятно, занимались ловлей рыбы, ракообразных и других «даров моря». Однако жизнь постепенно развивалась, о чём свидетельствует глиняная посуда так называемого среднего неолита на Крите. Сосуды в это время изготавливались уже более искусно. Их стенки делаются тоньше. Гораздо совершенной стала и полировка. Поверхность сосудов покрывалась теперь узорами в виде линий, зигзагов, заштрихованных треугольников и даже изображений деревьев. В конце этого периода начинают встречаться статуэтки, изображающие женщин, а также птиц и животных. Статуэтки на Крите особенно распространяются в следующий, поздненеолитический период, по существу являвшийся уже временем знакомства жителей острова с медью, из которой изготавливались даже топоры. Тогда быт населения становится ещё более оседлым — строятся прочные каменные дома. По-видимому, именно в это время распространяются здесь земледелие и скотоводство. Об этом, в частности, свидетельствуют изображения быков и наличие большого количества пряслиц — маховичков для веретён, едва ли рассчитанных для прядения из волокон только диких растений.

К северу от Крита — на Балканском полуострове — переход к неолитическому быту произошёл также в весьма отдалённые времена. В Фессалии и Македонии под слоями остатков поселений, обитатели которых были уже знакомы с изготовлением медных орудий, археологи нашли следы стоянок с грубой посудой, кремнёвыми орудиями и полированными каменными топорами, весьма сходными с найденными в ранненеолитических слоях на Крите. В странах Дунайского бассейна, в ранних слоях таких поселений, как Винча I под Белградом и Чока под Сегедом на Тиссе, встречаются остатки неолитических стоянок IV тысячелетия до н. э. с грубой керамикой, тёмной, но уже украшенной узорами, сходными по технике выполнения с характерными для неолитической керамики Крита. Образ жизни населения этих стоянок весьма примитивен. Охота и рыболовство осуществлялись при помощи грубо сделанных из оленьего рога гарпунов и каменных орудий, 113 которых отполированы только клиновидные топоры.

Сходные памятники неолита найдены и в Северной Италии, а также во Франции, где в северной её части жили неолитические «лесные» племена охотников. Особенно ярко представляет этот период так называемая кампинийская культура, названная так по раскопанной стоянке Кампиньи на Нижней Сене. Судя по древнейшим слоям Кампиньи, население, оставившее эти стоянки, только ещё овладевало шлифовкой камня и умело изготавливать лишь самые примитивные глиняные сосуды. Кампинийцы занимались охотой на оленей, диких лошадей и быков, а также

рыболовством. Для них характерно было также собирательство и, в частности, употребление в пищу дикорастущих злаков и в том числе ячменя, зерна которого кампинийцы уже размельчали на зернотёрках. Может быть, здесь перед нами та ступень собирательства злаков, которая уже предшествовала началу земледелия. Из домашних животных по-прежнему имелась только собака. Судя по небольшому размеру неглубоких полуземлянок, служивших кампинийцам жилищами (диаметр которых не превышал 6 *м),* их обитатели не были ещё вполне оседлыми, переходя по сезонам на охотничьи угодья или на рыболовные тони.

Культура кьёккенмёддингов

Для прибрежной полосы Европы от Португалии до Прибалтики характерны находки так называемых *кьёккенмёддингов,* или куч кухонных отбросов, — остатков разновременных стоянок рыболовов и охотников на морского зверя. Наиболее хорошо изучены кьёккенмёддинги Балтийского побережья, в особенности так называемой культуры Эртебёлле в Дании.

Примерно на рубеже VI и V тысячелетий до н. э. уровень морских вод резко повышается и восстанавливается связь Балтийского водоёма с мировым океаном. Вместо замкнутого озёрного бассейна снова появляется Балтийское море, более обширное по размеру и со значительно более солёной водой. На севере Западной Европы и, повидимому, далеко к востоку от Балтики начинается время замечательного «климатического оптимума» послеледниковой поры. Климат становится теплее и влажное: средняя температура июля достигает 17°Ц. В условиях влажного и тёплого атлантического климата в Северной Европе берёзово-сосновые леса предшествующего периода сменяются смешанными дубово-ольховыми лесами, широко распространяются также ильм и липа. В этих лесах совершенно исчезает северный олень, реже появляется лось.

Культура Эртебёлле.
Глиняный сосуд из Скандинавии

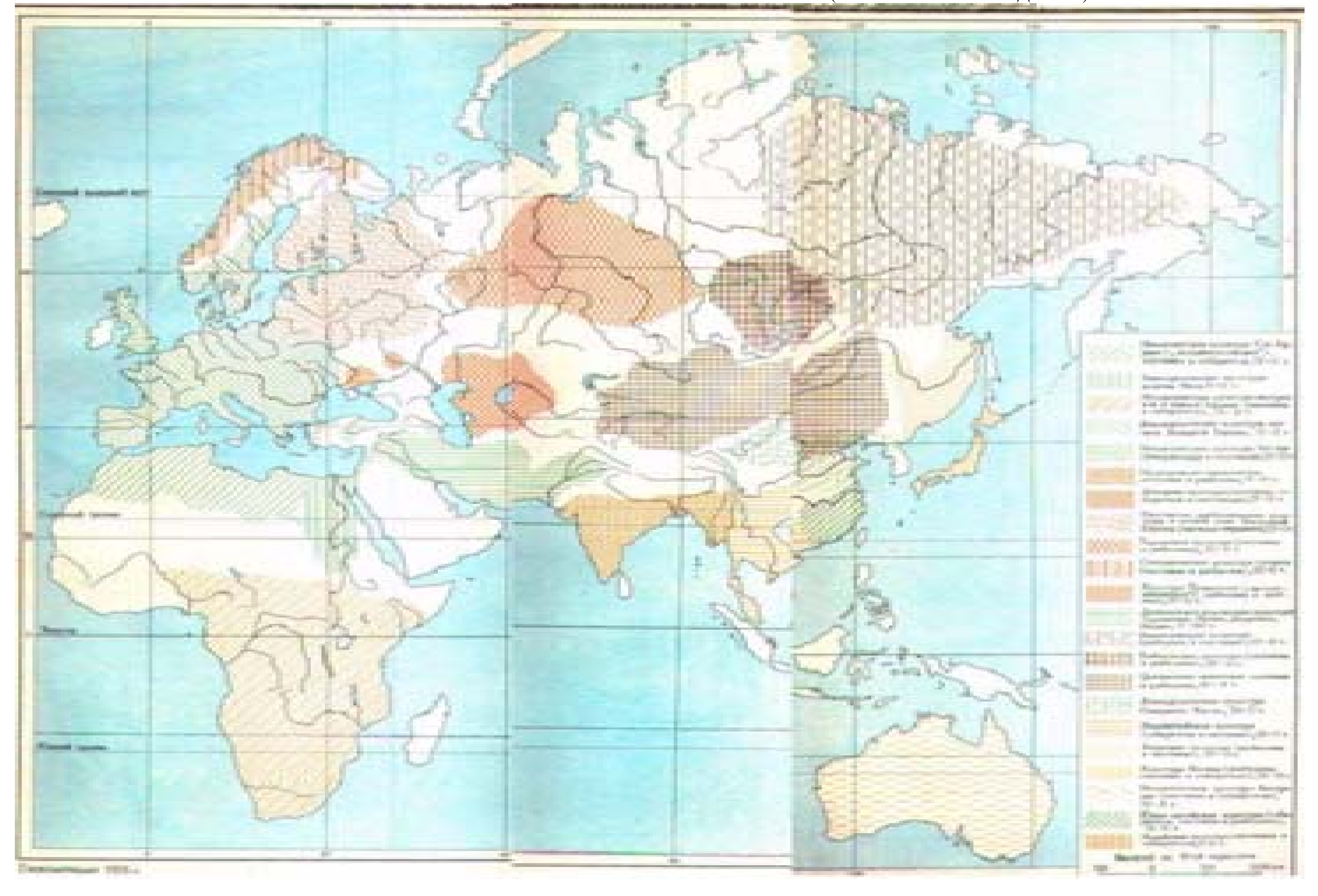
Вдоль древней береговой линии найдены остатки поселений людей этого времени. Жители этих поселений добывали тюленей, дельфинов, касаток, ловили морскую рыбу, охотились на морских птиц. Богатейшие устричные отмели в изобилии снабжали жителей морского побережья съедобными моллюсками. Всюду вдоль морских берегов, где в то время находились

обширные и многочисленные устричные отмели, ныне исчезнувшие, сохранились собранные людьми в течение многих поколений огромные скопления раковин, костей и других кухонных отбросов. Некоторые такие кучи достигают 140 *м* в длину, 20 *м* в ширину при высоте почти до 2 *м*.

Среди различных изменений в культуре этого времени следует отметить прежде всего появление топоров нового типа, более тонких и плоских, чем прежде, в виде трапециевидного клина — так называемых «колунов». Впервые обнаруживаются топоры из кристаллических пород камня с грубо шлифованным лезвием.

Вместо длиннолезвийных мезолитических наконечников стрел теперь появляются трапециевидные наконечники. Известно несколько случаев, когда такие наконечники обнаруженные в болотных отложениях Южной Швеции и Северной Ютландии, уцелели вместе с сохранившимися древками. В раковинных кучах встречается, наконец, и древнейшая в этих местах глиняная посуда. Она известна в двух видах. К первому относятся грубые кухонные сосуды для варки пищи, ко второму — глубокие оваль

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА ОСНОВНЫХ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР (V-II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.)

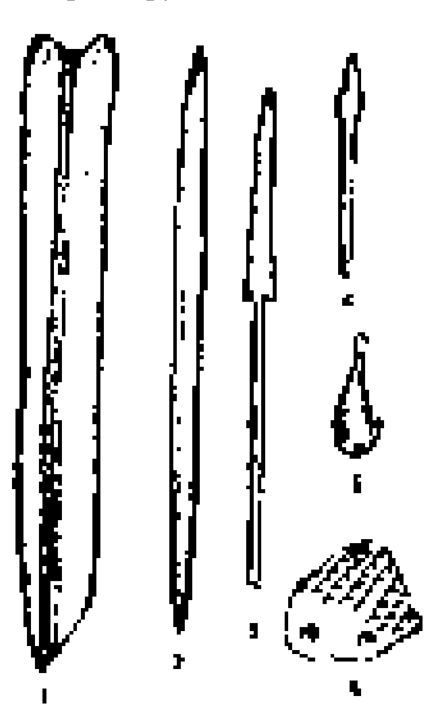
ные чаши, может быть служившие в качестве жировых ламп. Сосуды эти формовались из глины, смешанной с песком или толчёными раковинами, что предохраняло их от растрескивания при обжиге на костре. Они имели скромную орнаментацию—штрихи по стенкам и ямки вдоль венчика.

Наряду с прежними видами охоты на рыбу с помощью гарпуна, появляются новые способы: в кьёккенмёддингах находят много костяных рыболовных крючков.

Племена культуры Эртебёлле пищу употребляли уже в варёном виде, для чего и пользовались глиняными сосудами. Кьёккенмёддинги сохранили нам данные и о самих людях этого времени. Среди раковинных куч обнаружены погребения. Изучение людей Эртебёлле позволяет опровергнуть взгляды националистических немецких археологов и антропологов, утверждавших, что Север был искони заселён некоей чистой «северной» расой. Люди Эртебёлле по своим антропологическим данным оказались весьма смешанного типа.

Неолит в Восточной Европе

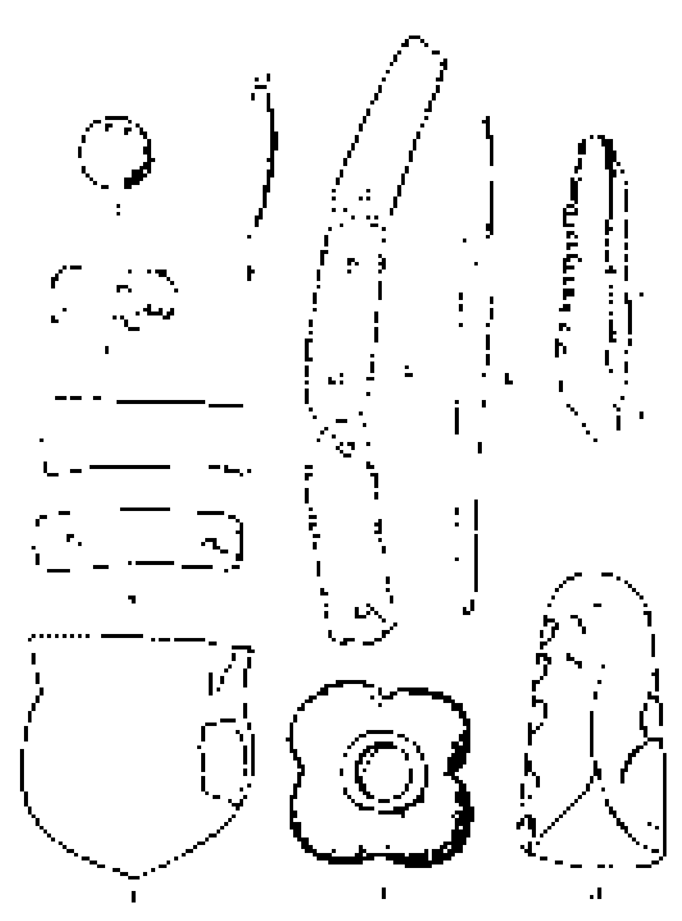
Восточное побережье Балтийского моря в неолитическую пору было населено рыболовческо-охотничьими племенами, оставившими следы своего обитания в ряде мест, например в верхних наслоениях островной стоянки в торфянике Кунды и в стоянке Пярну в Эстонии, в средних слоях озёрной стоянки Лубаны в Латвии и некоторых других. Здесь найдены были весьма примитивные глиняные сосуды. Они отличаются от сосудов Эртебёлле орнаментацией, состоящей из ямок и оттисков зубчатого или гребенчатого штампа. Керамика с таким узором представляет характерную особенность восточноевропейского неолита и в северной области сохраняется до весьма позднего времени—начала I тысячелетия до н. э. Местами в этой области встречаются и кучи кухонных отбросов, напоминающих кьёккенмёддинги. Таковы, например, стоянки, обнаруженные на озере Ильмень. Однако по характеру керамики эти стоянки целиком относятся к лесной восточноевропейской неолитической культуре.

Предметы из неолитических стоянок Кунды и Пярну (Эстония):
1— костяная пешня; **2, 3** и **4** — костяные наконечники стрел; **5** — костяной рыболовный крючок; **6** — обломок глиняного сосуда.

К сожалению, хорошо изучены лишь поздние ступени этой культуры, относящиеся уже к III и даже II тысячелетиям до н. э. Только несколько стоянок, и среди них ряд стоянок под Москвой, по верхнему течению реки Клязьмы, позволяют представить себе быт населения Волго-Окского междуречья в IV тысячелетии до н. э. Среди клязьминских стоянок выделяется так называемая Льяловская, которую, согласно палеоботаническим данным, можно отнести к началу III тысячелетия до н. э. Совершенство глиняной посуды, украшенной ямочно-гребенчатыми узорами, свидетельствует о том, что гончарное дело достигло тогда уже больших успехов и, следовательно, сложение неолитической культуры относится к более раннему времени, чем культура Льяловской стоянки. Очевидно, охотники и рыболовы, жившие на Верхней Клязьме, уже в IV тысячелетии до н. э. создали те особенности неолитического хозяйства, техники и культуры, которые позволяют определить неолит как особую ступень в развитии древних племён Европы. То же можно предположить и в отношении других районов Волго-окского междуречья.

В последние годы исследования древних поселений на Днепре позволили в самых общих чертах определить неолитическую культуру и этого района. Более древние слои стоянок на полуострове Игреньском (особенно стоянка Игрень 8) и на полуострове Сурском относятся к IV тысячелетию до н. э. Главными занятиями населения в то время были охота и рыболовство. Только в конце IV тысячелетия можно отметить первые признаки приручения животных; об этом говорят находки костей домашнего быка и козы. Видимо, уже в начале IV тысячелетия до н. э. обитатели днепровских стоянок изготавливали и глиняную посуду. Даже в первом слое, сохранившем остатки жизни человека, на стоянке Игрень 8, найдены обломки глиняных сосудов. Они ещё очень примитивны: к глине примешана рубленая трава для придания стенкам большей связи, лепка грубая, обжиг явно недостаточный, оставивший стенки сосуда пористыми; орнамент также очень беден. Эти сосуды, по-видимому, недалеки от времени начала гончарства, как и архаическая посуда из кьёккенмёддингов. Ряд стоянок на Дону также относится ещё к IV тысячелетию. Они принадлежат неолитическим племенам, которые вели охотничье-собирательское хозяйство и только к III тысячелетию местами делали первые шаги в разведении скота.

Ранненеолитические предметы IV тысячелетия до н. э. (из стоянки Игрень 8 на левом берегу Днепра и Мариупольского могильника близ города Жданова):
1 — привесок из кости; **2** — костяная подвеска; **3** — костяная фигурка быка; **4,5** — части ожерелий из костяных пластинок-**6**—костяной наконечник стрелы; **7**, **10** — кремнёвые орудия; **8** — глиняный сосуд; **9** — каменная булава.

Уже этот краткий обзор некоторых областей Европы неолитического времени (V—IV тысячелетия) позволяет сделать один весьма важный вывод. Несмотря на большое сходство в производстве и добывании средств к существованию, выделяются и своеобразные черты при сравнительном изучении форм орудии и глиняных сосудов найденных в различных областях. Эти особенности в облике культуры иногда позволяют сгруппировать памятники в пределах довольно ограниченных районов, как это сделано для Волго-Окского междуречья, где выделен ряд неолитических культур.

Неолит в Средней Азии

Племена Средней Азии в период неолита в разных частях страны находились на различных ступенях культуры. Если в южных районах нынешней Туркмении и Таджикистана еще в V тысячелетии до н. э. возникли центры древнейшего земледелия, описанные ниже, то в Приаралье начала складываться неолитическая

так называемая кельтеминарская культура в IV тысячелетии. Племена, создавшие' эту культуру, занимались главным образом охотой и рыболовством и уже освоили:

изготовление глиняных сосудов. В технике формовки посуды и её орнаментации имеются признаки влияния южной керамики. Стоянки были разнообразны. Исследователь одной из них (Джанбас-Кала IV) С. П. Толстов считает, что жилищем там служил огромный шалаш, в котором обитало у своих очагов несколько родственных друг другу семейных групп, составлявших родовую общину.

Неолит в Северной Азии

На Урале и к востоку от него также открыты в настоящее; время ранние неолитические памятники IV тысячелетия до н. э. Они также принадлежали племенам охотников и рыболовов, только что начинавшим вырабатывать глиняную посуду. Особенно хорошо изучен неолит в Сибири, где на Алтае, по среднему течению Енисея, по Ангаре и в Прибайкалье открыты многочисленные стоянки и кладбища древних обитателей таёжных областей этой части Северной Азии.

Удалось выяснить, что в V тысячелетии до н. э. здесь жили племена, применявшие на охоте лук и стрелы. Однако эти древнейшие обитатели Сибири ещё не знали ни изготовления шлифованных каменных орудий, ни глиняной посуды. Наивысшим достижением в изготовлении орудий оставалась вкладышевая техника, возникшая здесь ещё в период палеолита. По-прежнему изготовлялись копья и кинжалы из костяных пластин, в которые вставлялись острые кремнёвые пластинки — вкладыши.

Только в IV тысячелетии до н. э. в Прибайкалье произошли важные изменения в жизни местных племён. Прежде всего следует отметить в это время широкое применение шлифования камня. Это позволило создать крупные острые каменные топоры—незаменимое орудие неолитического таёжного охотника. На этом же этапе? возникло гончарное дело. Первые сосуды изготавливались в мягких формах, сделанных из обрывков сетей, связывавшихся в конические мешочки. Изнутри эти мешочки обмазывали глиной. Так получались конические или яйцевидные сосуды. Когда их обжигали, сетка сгорала, но её отпечаток на наружной поверхности сосуда оставался, придавая этой древнейшей посуде Сибири характерный «сетчатый» облик. Эти отпечатки сетки позволяют сделать ещё одно заключение. Умея плести сетки для изготовления горшков, древние прибайкальцы, несомненно, знали и настоящие рыболовные сети. О том, что обитатели Сибири перешли в IV тысячелетии до. н. э. к рыболовству при помощи сетей, свидетельствуют также и каменные грузила, находимые обычно на стоянках. Это способствовало некоторому изменению условий жизни населения, появилась возможность создавать обильные запасы рыбы. Люди стали жить более оседло, на определённых участках реки, где находились их тони, к которым примыкали их охотничьи угодья. По сути дела уже тогда складывалась та охотничье-рыболовческая культура, которая затем на долгие тысячелетия осталась характерной для ряда народов Сибири и Дальнего Востока. Медленные изменения в производстве не смогли привести к коренным переменам в социальных отношениях. Это позволило русским исследователям Сибири, посетившим ее в XVIII и первой половине XIX в.', наблюдать, особенно на севере ее и на Дальнем Востоке — на Чукотке, на Камчатке, в Приморье и на Охотском побережье, - пережитки весьма древних форм жизни; перед исследователями представали неолитические формы хозяйства и быта, древние нормы первобытно-общинного строя, родовое устройство и племенная организация.

4. Древнейшие земледельческие племена

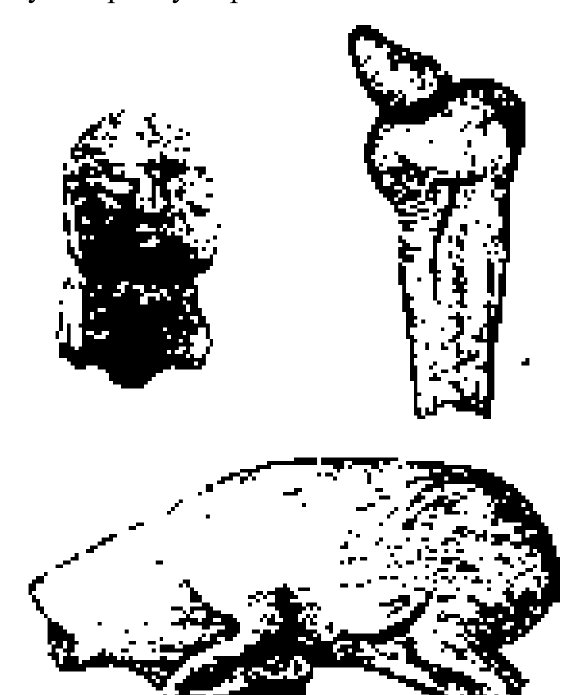
Первыми от охоты и рыболовства к скотоводству и от собирательства к земледелию еще в конце мезолита перешли племена, заселявшие плодородные области Месопотамии, долину Нила, Палестину, Иран и юг Средней Азии.

Именно в этих странах, располагающихся одна вслед за другой, как звенья одной цепи, раньше всего, уже в VI—V тысячелетиях до н. э., возникли новые формы хозяйства и культуры. Здесь поднялись затем древнейшие цивилизации мира и уже в IV—III тысячелетиях до н. э. кончился каменный век. В период неолита возникают очаги земледельческой культуры и новых форм жизни также в Китае и Индии.

Натуфийская культура

Очень древние следы земледельческой культуры, относящиеся, вероятно, к VII—VI тысячелетию до н. э., обнаружены в настоящее время там же, где найдены остатки кармельских неандертальцев — в Палестине.

В одной из хорошо известных нам пещер на горе Кармел, в гроте Эль-Вад, над слоями, содержавшими остатки культуры верхнего палеолита, оказался слой, заполненный кремнёвыми изделиями костями животных. Здесь же сохранились и погребения, дополняющие общую картину образа жизни обитателей. Каменные орудия имели еще чисто мезолитический характер; среди них преобладают настоящие микролиты, особенно сегментовидной формы; они найдены в количестве 7 тысяч и составляют более половины всех оказавшихся здесь изделий. Эта культура получила название натуфийской. Племена, создавшие эту культуру, условно названы натуфийцами.

Скульптурные изображения человека (**1**), козленка (**2**), лежащей лани (**3**).
1, **2** — из пещеры Эль-Вал, на горе Кармел, **3** — из пещеры эз-Зуттина.

Архаическим был и внешний облик натуфийцев, поразительно напоминавший ориньякских людей Южной Европы, какими они выглядели, судя но находкам в ментонских пещерах. По данным погребений в гроте Эль-Вад, натуфийцы носили головные уборы, щедро унизанные украшениями из трубчатых раковин-денталий, в виде веера или диадемы. На шее у них были замысловатые ожерелья из взаимно чередующихся раковин и попарно расположенных клыков оленя. Полоски из раковин украшали и одежду натуфийцев.

У них существовало своеобразное искусство, во многом напоминающее искусство периодов ориньяка и мадлена. Не ограничиваясь простым геометрическим узором из врезанных линий, натуфийцы оформили, например, рукоять одного костяного орудия точно так же, как это делали палеолитические люди в Европе. Из этой рукояти как бы вырастает фигура козлёнка, поднявшего вверх голову. Есть и образцы круглой скульптуры. Из куска кальцита натуфийский «скульптор» уверенной рукой вырезал, например, голову человека с низким лбом, резко очерченным ртом и большими миндалевидными глазами.

Всему архаическому характеру этой культуры в полной мере соответствует тот факт, что в натуфийских слоях оказались кости только диких животных, в первую очередь газели, а затем благородного оленя, косули, дикой лошади, осла быков. Единственным домашним животным здесь всё ещё была собака.

Однако на этом древнем фоне с особой силой выступают совершенно новые черты культуры натуфийцев, признаки, принципиально иного хозяйства и образа

жизни. Среди характерных для мезолита каменных пластин в пещере оказалось более тысячи пластин необычного для мезолита типа. Они имели ретушированные, иногда зубчатые края, зашлифованные вдоль лезвия. Такие пластины составляют всюду обычную принадлежность каменного инвентаря древнейших земледельческих культур. Они, несомненно, служили вкладными лезвиями первобытных серпов. В натуфийских слоях пещеры Эль-Вад такие лезвия оказались в ряде случаев даже в костяных рукоятках. Кроме того, здесь найдены костяные мотыжки, а также специальные орудия для дробления зерна в виде базальтовых постов и таких же каменных ступок. Не ограничиваясь этим, обитатели пещеры выдолбили у самого входа в неё глубокие круглые ямки в скало, которые служили в качестве приспособлений для размола зёрен.

Высказывалось мнение, что, несмотря на столь важное место, которое в жизни натуфийцев принадлежало хлебным злакам и пище из зёрен этих растений, они еще не дошли до намеренного посева и не умели обрабатывать землю, ограничиваясь, таким образом, лишь собиранием естественного урожая, подготовленного для них самой природой. Независимо от того, были ли натуфийцы хотя и примитивными, но уже настоящими земледельцами, что наиболее вероятно, или они ещё не переступили порога земледельческого хозяйства в собственном смысле этого слова, такое переходное состояние от собирательства к земледелию вполне возможно. По крайней мере, высокоразвитое собирательское доземледельческое хозяйство хорошо известно нам по этнографическим данным.

Было бы неправильно думать, что натуфийцы были единственными на земном шаре земледельцами позднего мезолита и раннего неолита. Примерно в то же время земледелие возникает и в других районах.

Первые земледельцы в долине Нила

В Египте в период раннего неолита климат был значительно более влажным и прохладным, чем теперь. Окружавшие Нильскую долину обширные пространства не являлись ещё такой безотрадной пустыней, как в настоящее время. Пустынные источники имели больше воды, озёра были шире и глубже, чем теперь. Там, где сейчас видны только опалённые солнцем пространства и пески, овеваемые знойными ветрами пустыни, произрастала трава, а мостами даже кустарники. Здесь водились дикие ослы, антилопы, газели и жирафы. За травоядными обитателями стопой и пустынь следовали хищники — лев и леопард.

В безводных ныне ущельях — *вади,* прорезающих возвышенности берега Нила, струилась вода, по крайней мере весной, и росли высокие стройные деревья. Сам Нил был шире и полноводнее. Он изобиловал рыбой. На его берегах, в густых зарослях прибрежных лесов и кустарников, среди стеблей папируса гнездились птицы, водились многочисленные животные, в том числе антилопы, дикие свиньи, слоны. Неудивительно, что в долину Нила из окружавших её областей постоянно спускались группы бродячих охотников, оставлявшие на его берегах свои каменные изделия. Но они приходили сюда и снова уходили обратно, так как в долине Нила было слишком сыро. Кругом же расстилались безграничные пространства, где всюду била ключом своеобразная жизнь степей и пустынь, где охотник мог найти добычу.

По-настоящему человек начал заселять долину Нила только в то время, когда он уже в полной мере овладел неолитической техникой и начал переходить к разведению домашних животных и культурных растений. Начало этого процесса теряется, должно быть, в VI тысячелетии до н. э. Во всяком случае, в конце VI и в V тысячелетии на берегах Нила уже жили древние земледельцы, заложившие ту основу, на которой со временем выросла цивилизация древнего Египта.

В Верхнем (Южном) Египте первыми земледельцами были люди бадарийской культуры, получившей название по современному городу, в районе которого были раскопаны многочисленные погребения этого времени. В том же районе на террасовидном уступе Хаммамат было исследовано поселение, нижний слой которого

(так называемая тасийская культура) был перекрыт сверху более поздними, но тоже неолитическими отложениями культуры, обозначаемой как собственно бадарийская.

Древние бадарийцы выбрали место для своего поселения вдали от Нила, на выдавшемся в его низменную долину высоком уступе, должно быть потому, что внизу было ещё очень влажно; кроме того, они, вероятно, стремились жить подальше от ежегодных разливов Нила и диких животных, заселявших густые заросли по берегам реки.

Бадарийцы были ещё в полной мере людьми каменного века; их культура соответствует неолиту в его наиболее развитом виде. Они имели превосходные шлифованные топоры из различных пород камня, пользовались луком и стрелами, искусно выделывали глиняные сосуды. Охота занимала по-прежнему важное место в их хозяйственной жизни. Они с успехом занимались и рыбной ловлей. В их могилах найдены не только превосходно сделанные кремнёвые наконечники стрел типичной неолитической формы, но также и деревянный бумеранг, заботливо украшенный орнаментом из ямок, — древнейший в мире образец этого простого и хитроумного метательного оружия.

Но уже не эти древние занятия определяли жизнь неолитических обитателей долины Нила. Вместе с запасом кремнёвых «пилок» при раскопках в Бадари была найдена мякина, в другом случае в кухонном горшке оказалась шелуха от зёрен. Землю обрабатывали каменными мотыгами. Не исключено, что сеяли бадарийцы и без предварительной обработки почвы — прямо во влажный ил, остававшийся на берегу после очередного разлива Нила. Бросив зёрна в сырую илистую почву, люди возвращались затем осенью к посевам только для того, чтобы собрать урожай. Хлеб как полагают исследователи, не жали, а просто выдёргивали из земли пучками. Впрочем, многочисленные кремнёвые «пилы» с зубчатыми лезвиями, обычные в бадарийских могилах, скорее всего служили именно вкладными лезвиями для серпов.

Из зёрен пекли хлеб, остатки которого встречаются в могилах, а также варили кашу. Кашу черпали из сосудов ложками. Такие ложки, вырезанные из слоновой кости, ручки которых обычно украшались скульптурными головками, висели на поясе бадарийцев. Земледелие дополнялось скотоводством. Разводились стада крупного рогатого скота; имелись домашние овцы и козы.

Бадарийцы ещё не умели выделывать сырцовый кирпич и строить прочные дома. Жилищами для них служили жалкие шалаши или, в лучшем случае, хижины из прутьев, обмазанных глиной. Но бадарийцы уже достигли сравнительно высокого уровня в различных производствах: в обработке кремня, дерева и кости, в изготовлении одежды, украшений и домашней утвари, в ткачестве, в изготовлении корзин и цыновок. Со временем положено было начало и обработке металла, о чём свидетельствует единственное медное шило, оказавшееся в одной из могил вместе с другими вещами культуры Бадари.

Особенно развито было керамическое производство. Выделывались глиняные сосуды различного вида. Некоторые сосуды были ещё довольно примитивны, в их глиняную массу примешивались трава и толчёные раковины. Но рядом с такой примитивной кухонной посудой встречаются сосуды совершенно иного вида, отличающиеся необыкновенно тонкими стенками. Таковы, например, широкие низкие чаши с выпуклым или плоским дном, горшки полусферической и полуяйцевидной формы, резко суживающиеся вверху, сосуды цилиндрического вида, большие горшки в виде корчаг, фляги в виде бутылок с узким горлом, баклаги с боковыми ушками. Среди всех этих сосудов особенно выделяются изящные кубки, напоминающие по своей форме широко раскрытую чашечку тюльпана и украшенные тончайшим геометрическим орнаментом в виде резных треугольников и параллельных линий, инкрустированных белой пастой, выделяющейся на чёрном фоне сосуда. Кроме глиняных

выделывались сосуды из слоновой кости, а также каменные сосуды, в том числе даже из твёрдого базальта.

У древних земледельцев Верхнего Египта в бадарийское время существовали уже достаточно широкие связи с населением других стран, откуда они получали материал для наиболее высоко ценившихся украшений и различные виды сырья для своих изделий. Твёрдый базальт для изготовления каменных сосудов доставлялся из областей, расположенных около Каира, в пустыне по обе стороны от долины Нила, и из Сипая. Слоновая кость, всего вероятнее, шла с юга; раковины — с побережья Красного моря, бирюза, малахит, а позднее и медь — с Синайского полуострова.

Обмен с перечисленными областями, в результате которого население Верхнего Египта получало эти ценные материалы, был одним из условий, содействовавших ускоренному росту культуры и техники. Ещё более важное значение имели эти связи для развития скотоводства. Как полагают зоологи, ни овцы, ни козы не могли быть одомашнены в Северной Африки, так как здесь не было диких предков этих животных. Они происходят из Азии, и знакомство с ними было результатом культурных связей с азиатскими странами.

При всём том обмен и культурные связи не могли ещё сколько-нибудь заметно сказаться на внутренней жизни бадарийцев, на их общественном строе. Среди многочисленных бадарийских могил нет ни одной, которая настолько резко выделялась бы по своему устройству и ассортименту погребальных вещей, чтобы в ней можно было видеть захоронение вождя или представителя знати. Обращает на себя внимание такой любопытный факт: в одной части бадарийского кладбища лежали только мужчины, тогда как в других его частях были захоронены и мужчины и женщины. Весьма вероятно, что в таком распределении могил нашло своё выражение характерное для родового строя противопоставление женатых мужчин неженатым, обычно жившим своей обособленной жизнью.

Яркий и богатый материал бадарийского кладбища позволяет с большой наглядностью представить образ жизни, искусство и верования бадарийцев. Одевались бадарийцы в одежду из шкур и тканей. Одежда дополнялась украшениями из бус. Часто отдельные крупные бусы висели у мужчин на шее, руках и ногах, но столь же излюбленными были целью связки бус, обвивавшие талию. Женщины и дети носили ожерелья, пояса и повязки из бус и раковин. Как мужчины, так и женщины носили на руках и ногах кольца и браслеты из слоновой кости. Как у многих современных племён Африки, у бадарийцев применялись особью затычки-втулки в ушах и в носу. У бадарийцев принято было обводить глаза полосами яркозелёной краски. Материалом для этого служил малахит, растиравшийся в порошок на специальных каменных палетках и смешивавшийся затем с касторовым маслом. Большое внимание уделялось причёске. Мужчины имели длинные волосы. Женщины заплетали косы и носили вьющиеся локоны. Украшением причёски служили втыкавшиеся в неё сверху красивые гребни из слоновой кости.

Бадарийцы положили начало хорошо разработанной орнаментике, пышно развивавшейся в Египте последующего времени. Их мастера искусно украшали свои бытовые изделия из слоновой кости головками животных. Наряду с условно трактованными женскими изображениями в могилах обнаружены и такие статуэтки, в которых достаточно живо и точно переданы формы женского тела. Эти женские скульптурные изображения наглядно раскрывают характерный для древнейших земледельцев круг представлений, связанных с культом плодородия и женского начала. Одна такая статуэтка сделана из глины и окрашена в красный цвет, другая вырезана из слоновой кости. Обе они изображают обнажённые фигуры женщин, матерей и кормилиц. По-прежнему был широко развит культ животных, но уже в новой форме, с иным, чем прежде, содержанием. Рядом с культом диких животных, имевшим тотемический характер, появляется почитание домашних животных, в

первую очередь коровы, а также собаки, овцы и козы. Своих умерших бадарийцы клали в могилу в позе спящего человека в скорченном положении, лежащим на боку, головой на восток. Рядом с умершим клали необходимые для «будущей жизни» личные вещи, домашнюю утварь и пищу.

Бадарийцы не были единственными в Египте и в соседних с ним областях древнейшими земледельцами. Родственные им по культуре и общему уровню развития неолитические племена жили в V—IV тысячелетиях до н. э. и выше по течению Нила.

Такие же земледельцы каменного века обитали также в Фаюмской котловине, на берегу позже высохшего озера. Основой их техники были орудия из камня и кости. Они также обрабатывали камень и кость типично неолитическими приёмами, выделывая шлифованные каменные топоры, двусторонне ретушированные наконечники стрел из кремня, в том числе с черешком для насадки на древко. У них были в ходу дисковидные палицы, бумеранги, костяные гарпуны и другие изделия, служившие для охоты и рыбной ловли.

Глиняные сосуды были сходны с сосудами бадарийцев, но значительно грубее, проще их по форме и орнаменту. Как и бадарийцы, люди неолитического Фаюма носили украшения в виде дисковидных бус, вырезанных из скорлупы яиц страуса; особенно большую цену в их глазах имели, должно быть, блестящие раковины, добытые в Индийском океане, Средиземном и Красном морях, а также бусы из амазонита, добывавшегося в Центральной Сахаре и в Восточной пустыне.

Наряду с охотой и рыболовством жители Фаюмского оазиса, подобно бадарийцам, занимались разведением скота и земледелием. Они сеяли просо и пшеницу. Как и для бадарийцев, земледелие было для них основой существования. Хлеб они жали деревянными серпами с вкладными кремнёвыми лезвиями из ножевидных пластин; собранное зерно хранили в больших ямах, выложенных травой и цыновками. Зерно на каменных зернотёрках растирали затем в муку и крупу. Домашний скот их состоял из коров, овец, коз и спиной.

В западной части Нильской дельты, в двух километрах западнее Розеттского рукава Нила, в Меримде Бени-Саламе, было также обнаружено неолитическое земледельческое поселение. Поселение это существовало длительное время и занимало площадь около 30 *га*. В нём находились жилища двух типов. Часть жилищ имела в плане овальные очертания. Вокруг основания жилищ стояли столбы, прикрытые тростниковыми цыновками, возможно обмазанными глиной или илом и заменявшими стены. Такие же цыновки покрывали жилища сверху и служили им крышей. В глинобитном полу иногда имелся глиняный сосуд, должно быть предназначенный для хранения воды. Поблизости от хижины находился очаг, на котором варилась пища. Жилища эти отличались небольшими размерами, площадь их не превышала 3—4 *кв. м;* очевидно, они служили убежищем только на время сна и плохой погоды. Существовали и более обширные жилища, стены которых точно так же были устроены из плетёнок, вероятно обмазанных глиной, а иногда выложенные из комков глины или ила.

Эти постройки располагались в определённом порядке, на некотором расстоянии друг от друга, рядами, образуя как бы улицы. Это было, следовательно, уже не простое стойбище, не сезонный посёлок бродячих племён, а своего рода деревня, постоянный посёлок оседлых земледельцев.

Жители поселения в Бени-Саламе выделывали многочисленные кремнёвые орудия в виде ножевидных пластин, наконечников стрел, дротиков, пилообразных лезвий для серпов. У них были шлифованные топоры, палицы, кинжалы. Они изготовляли также различные костяные орудия в виде игл, шильев, лопаточек, гарпунов. Глиняные сосуды были довольно разнообразными по форме, но значительно грубее, чем у бадарийцев.

Неолитические обитатели поселения в Бени-Саламе, как и другие их современники в Египте, имели тех же домашних животных и занимались земледелием,

сеяли пшеницу-двузернянку. Около их жилища уцелели каменные зернотёрки обычного типа. Раскопками обнаружены также утрамбованные площадки, где производилось обмолачивание хлеба, зернохранилища, сначала в виде корзин, обмазанных глиной, простых ям, выкопанных в песке, а затем в виде больших глиняных сосудов.

О мировоззрении обитателей земледельческого посёлка в Бени-Саламе дают представление их погребения. Они хоронили своих женщин в самом посёлке, причём внутри жилищ. Женщина и после смерти, таким образом, оставалась связанной с жилищем и его домочадцами.

Как полагают некоторые исследователи, отсутствие в погребениях сосудов для пищи объясняется тем, что душа умершего сородича должна была, но верованиям людей того времени, питаться вместе с живыми у своего домашнего очага.

Все это — черты, характерные для мировоззрения людей периода господства материнского рода, который, очевидно, по-прежнему существовал тогда в долине Нила.

Историческое значение возникновения земледелия в Нильской долине

Таким образом, ещё в неолитическое время, когда металл был совершенно неизвестен или не играл ещё существенной роли в технике и в жизни человека, на обширных пространствах долины Нила и соседних с ним оазисах возникают первые очаги земледелия и скотоводства. Складывается новая культура, достигающая наибольшего расцвета у земледельцев Бадари. Сквозь резко выраженные в ней черты первобытности уже проступают многие характерные черты жизни и культуры позднейших египтян — создателей одной из величайших и своеобразнейших культур древности.

В последующий период продолжает развиваться техника обработки кремня. Большие клинки, оформленные отжимной ретушью, становятся настолько совершенными по технике оформления, что в полной мере соответствуют своим художественно выполненным рукоятям из золота и слоновой кости. Рядом с каменными изделиями, всё ещё составлявшими основной производственный инвентарь египетских земледельцев, все чаще и чаще появляются металлические орудия труда и такое же оружие.

Неизмеримо разрастается и обогащается материальная культура в целом. Крепнет и расширяется обмен. Усложняются общественные отношения. Намечается путь от изолированных родовых общин к первым территориально-племенным объединениям.

Возникновение земледелия в Южном Прикаспии

Зачатки новой культуры, выраставшей из мезолита, обнаруживаются также и в других местах — в Иране и в Средней Азии.

На протяжении многих веков в пещере Гар-и Камарбанд (в районе Бехшехра, недалеко от южного берега Каспийского моря) жили мезолитические охотники, которые согласно результатам анализа органических остатков новым углеродным методом[1] впервые пришли сюда около 11 тыс. лет тому назад. Вблизи пещеры в те далёкие времена росли леса, а рядом простиралась степь. Вдоль берега моря были болота. Мезолитические охотники убивали диких быков крупной породы, кости которых найдены в особенно большом количестве, оленей, газелей, а также диких баранов и козлов. На берегу моря они охотились на тюленей и птиц. Основным охотничьим оружием их был лук. Стрелы снабжались каменными наконечниками в виде микролитов геометрической формы.

[1] Углеродный метод определения возраста археологических остатков основан на радиоактивном превращении изотопа углерода с атомным весом 14 (RC-14), который содержится в тканях живого существа. После гибели растения этот углерод постепенно превращается в азот; установив долю превратившегося углерода, можно определить возраст данного археологического остатка. За 5560 лет остаётся половина RC-14.

В мезолитических слоях пещеры найдено много рогов газели. Концы их оббиты затуплены и имеют шрамы, показывающие, что эти рога служили наконечниками примитивных мотыг или кирок, употреблявшихся, скорее всего, для выкапывания съедобных корней дикорастущих растений.

Керамика и шлифованные орудия ещё не были известны. Единственным домашним животным была в то время собака.

На том же уровне культуры находились племена туркменистанской части Прикаспия, оставившие следы своего пребывания в нижних слоях пещер у Красноводска (Кайлю, Джебел) и Небит-Дага (гроты Дам-Дам-Чешме I и II).

В VI—V тысячелетиях до н. э. в жизни прикаспийских племен происходят существенные перемены. Начинается неолитическое время. Появляются первые глиняные сосуды с острым дном, сначала ещё очень плохо сделанные и слабо обожжённые, рыхлые, легко рассыпающиеся от длительного лежания в земле.

Постепенно исчезают миниатюрные кремнёвые изделия геометрических форм. Обнаруживаются первые шлифованные топоры, в том числе из привозного камня _ жадеита. Неолитические жители пещеры Гар-и Камарбанд по-прежнему занимались охотой, но у них уже имелись домашние животные — овцы и козы, а также, по-видимому, коровы и свиньи. О зачатках земледелия говорят кремнёвые пластины, служившие вкладными лезвиями для серпов; появляются также и зернотёрки.

Древнейшее земледелие в Южном Иране

В полном расцвете земледельческая культура неолитических обитателей Ирана представлена находками из поселения раскопанного в районе древнего Персеполя. Земледельцы неолита поселились здесь на плодородной равнине вблизи склонов гор, около речки с чистой пресной водой, которую легко и удобно было использовать для орошения полей. В течение многих поколений они жили на однажды избранном месте, в постоянных жилищах, выстроенных из плотно сбитой глины, смешанной с мякиной. Жилища состояли из нескольких небольших по размеру прямоугольных в плане комнат. Двери их были узкими и низкими, не выше 1 *м*. Стоны уцелели не менее чем на одну треть своей первоначальной высоты и местами сохранили ещё следы окраски пятнами и полосами красного и жёлтого цвета.

Жизнь в этом посёлке прекратилась внезапно, скорее всего вследствие нападения врагов. Целые, совершенно неповреждённые сосуды местами остались вкопанными в земляной пол и поддерживались камнями или крупными черепками. В одном из сосудов с запасами уцелели остатки пищи—рыбьи кости; в других находились кости животных; некоторые сосуды содержали раковины, кремнёвые орудия и другие вещи — вплоть до предметов религиозного культа.

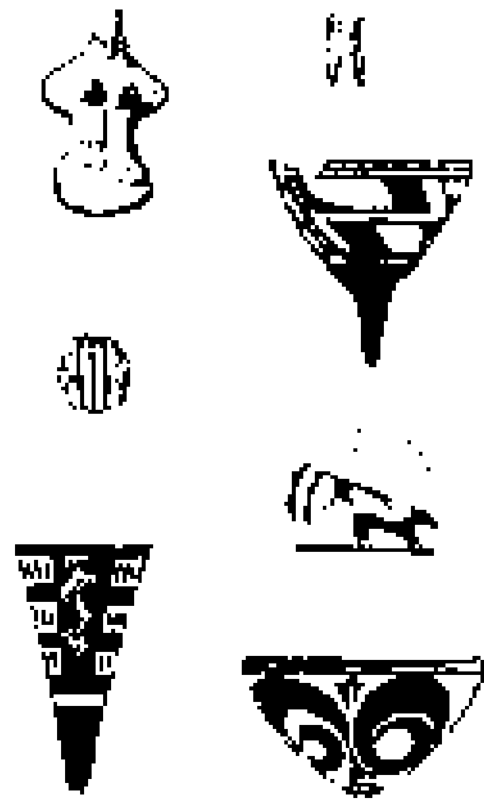
При жилищах имелись особые небольшие помещения—кладовые, в которых уцелели сосуды с запасами. Обычно сосуды эти были такого большого размера, что их уже нельзя было вынуть через имеющиеся проёмы; они были навсегда помешены сюда в момент сооружения хранилищ. Внутри жилищ сохранились также обогревавшие их очаги и специальные ямы, в которых разводился огонь для приготовления пищи. Вне жилищ находились, кроме того, печи, предназначенные для общего пользования жителей поселения. Они служили для обжига глиняной посуды и для выпечки хлеба.

Судя по находкам в жилищах неолитического Персеполя, их обитатели ещё не знали применения металла. Основным материалом для изготовления орудий труда служил кремень, из которого выделывались пластинки-ножи, проколки, свёрла, скребки; изредка употреблялся обсидиан. На некоторых пластинках уцелели остатки битума, которым они прикреплялись к деревянным рукоятям. Встречаются также шлифованные изделия из камня в виде палиц грушевидной формы. Существовало достаточно развитое ткачество, о чём свидетельствуют отпечатки тканей на затычках для сосудов и грузила для веретён. Широко распространено было изготовление цыновок.

Особенно высокого уровня достигло гончарное дело. Кухонная посуда была, правда, довольно грубой. Горшки для приготовления пищи имели простую форму и были кирпично-красного цвета. Но совершенно иначе выглядела нарядная и разнообразная по формам, тщательно обожжённая расписная посуда из специально приготовленной глины, после обжига имевшая светложёлтый цвет. Стенки расписных сосудов иногда были настолько тонкими, что их можно сравнить со скорлупой яиц страуса. Сосуды эти служили для хранения зерна, масла, быть может, воды.

Большое разнообразие форм глиняных сосудов указывает на усложнение хозяйственно-бытовых нужд неолитических земледельцев Ирана того времени, на рост культурных потребностей по сравнению с их более древними предшественниками.

Ещё ярче об этом свидетельствуют росписи на сосудах — основная известная нам форма творческой деятельности древнеземледельческих племён в области искусства. Расписные сосуды из Персеполя характеризуются необыкновенным по разнообразию богатством узора, орнаментальных элементов и композиционной изобретательностью. В своей основе орнаментика Персеполя имеет чисто геометрический характер.

Материалы раскопок неолитического поселения у Персеполя:
женская статуэтка, кремнёвые наконечники стрел, печать, рисунки на глиняных сосудах.

Вместе с тем мастера древнего Персеполя вовсе не ограничивались в орнаментально-декоративном творчестве невиданным прежде изобилием и богатством геометрических форм. С, такой же композиционной смелостью они использовали для украшения сосудов сюжеты, заимствованные из животного и растительного мира, из окружающей человека природы. Таковы, например, широкие крутые завитки — *волюты,* изображавшие рога горного козла или дикого барана — муфлона, или волнистые линии — змеи, ветви и листья растений. Встречаются, наконец, обычно схематические, но иногда и довольно реалистически выполненные целые фигуры животных, преимущественно горного козла, а также человека и птиц, в том числе орла, представленного в характерной геральдической позе — с распростертыми крыльями и обращенной в сторону головой.

В жилищах Персеполя встречаются и скульптурные изображения животных (в большинстве быков и овец) и птиц. Возможно, они служили детскими игрушками. Человеческие фигурки, появляющиеся в верхних слоях поселения, изображают преимущественно женщин.

Скульптурные изображения и росписи на сосудах раскрывают и некоторые характерные черты мифологии древнейших обитателей Персеполя. Судя по обилию кругов, крестов, розеток и тому подобных символов, в центре религиозных верований находился образ солнечного божества. Рядом с солнечным символом стоят и другие, соответствующие важной роли в жизни земледельцев — символ воды и вообще водной стихии. Культ животных и магия скотоводов, направленная на размножение стад

домашнего скота и защиту его от враждебных сил, нашли своё воплощение в изображениях животных.

Характерный для первобытно-общинного строя при господстве материнского рода культ плодородия и женского начала нашёл выражение в женских статуэтках, которые, вероятнее всего, изображают божество домашнего очага и покровительницу семьи, заботящуюся о продолжении рода. Те же представления о богине-матери отражены, вероятно, и в странных росписях на керамике, изображающих стилизованную человеческую фигуру, которая сидит на корточках, подняв руки вверх — в обычной для Востока позе рожающей женщины.

Раскопки в Персеполе дают представление и о том уровне общественного развития, которого достигли обитатели этого поселения к концу его существования. Достаточно одного взгляда на жилища неолитического Персеполя, чтобы увидеть в них нечто целое и нераздельное. Они являются составными частями большого общинного дома, заселённого одной родовой общиной, объединённой нерасторжимыми кровными узами и общностью экономических интересов.

Однако вряд ли было бы правильным в этом случае переоценивать силу первобытной экономической общности. Действительное положение вещей раскрывается находками печатей, вырезанных из мягкого камня. Все печати покрыты резным геометрическим узором, иногда довольно сложным и тонким по выполнению. Оттиски аналогичных печатей обнаружены и на кусках глины, которыми были когда-то закрыты отверстия глиняных сосудов в хранилищах. При этом каждая такая печать обладает определёнными индивидуальными чертами, показывающими, что она принадлежала конкретному владельцу или, вернее, конкретной семье, из совокупности которых состояла вся персепольская община. Это, по-видимому, были большие строившиеся, быть может, уже на патриархальных началах семьи, всё ещё находившиеся в рамках родовой общины, но вставшие на путь экономического обособления и развития частной собственности.

Древнейшие земледельцы в Средней Азии

Сходный путь развития проходили в то же самое время, начиная с конца мезолита, древние племена Средней Азии. Одним из самых замечательных памятников, показывающих, как из мезолитической культуры охотников и собирателей на того Средней Азии зарождается неолитическая культура первых земледельцев, является поселение у Джойтуна на южной окраине кара-кумских песков, в 40 *км* от Ашхабада, на бугре Чакмадаш-Бейик. Толща культурных отложений, образовавшихся вследствие длительного обитания человека, достигает здесь 2 *м*. В ней оказалось не менее пяти залегающих друг над другом глинобитных полов. Найдено было также значительное количество мелких кремнёвых изделий, в том числе пластинок с ретушью, скребков, проколок и миниатюрных трапеций. Имеются также подвески из морских раковин, доставленные из районов, прилегавших к Каспийскому морю, где обитали охотничье-рыболовческие племена, оставившие следы своего пребывания в ранненеолитических слоях пещер Кайлю, Джебел и Дам-Дам-Чешме.

Вместе с каменными изделиями ранненеолитического типа обнаружены столь же многочисленные обломки плоскодонных сосудов, вылепленных без гончарного круга и покрытых простейшим расписным узором в виде параллельных линий. Это — древнейшая в Средней Азии расписная керамика, резко отличная по форме и орнаментации от остродонных и круглодонных сосудов племён охотников и рыболовов.

Вместе с черепками расписных сосудов в Джойтуне найдены обломки зернотёрок, свидетельствующие о том, что земледелие, несомненно, сочетавшееся со скотоводством, было уже важным занятием обитателей этого поселения. Прямым доказательством наличия земледельческой культуры, и при этом достаточно высокого уровня развития, являются обнаруженные в черепках сосудов отпечатки ячменя и мягкой среднеазиатской пшеницы. Следы этой культуры обнаружены были также

и при раскопках в Новой Нисе и в Чопан-Депе (Туркмения), где найдена аналогичная джойтунской керамика, залегавшая вместе с такими же архаическими по технике изготовления кремнёвыми изделиями.

Первые земледельцы Северного Ирака

Древнейшие следы новой земледельческой жизни обнаружены и к северо-востоку от верховьев Тигра, в ближайшем соседстве с теми районами, где позже выросла вторая наряду с Египтом древнейшая цивилизация, строились первые на земле города и возникали первые государства.

Здесь, на территории нынешнего Северного Ирака, в предгорьях Южного Курдистана, в близком соседстве друг от друга обнаружены три древних поселения, представляющие последовательно сменявшиеся культурные этапы в развитии хозяйства и образа жизни древнего населения этой области.

Первое поселение, пещера Палегаура, было заселено типичными собирателями и охотниками юга, не имевшими представления о разведении домашних животных и возделывании растений. Эти люди находились на уровне мезолита. Они в совершенство овладели техникой отщепления кремнёвых пластин от призматического нуклеуса, но не знали ещё даже зачатков неолитических приёмов обработки камня и кости, не пользовались костяными орудиями. Всё, что они оставили после себя в своём пещерном жилище, кроме костей диких животных, — это нуклеусы призматического типа, пластины, служившие орудиями в необработанном виде, а также изготовленные из таких пластин орудия мезолитического облика.

Тем наглядное становятся перемены в хозяйство II культуре у жителей следующего по времени поселения Карим-Шахир (вероятно, VI тысячелетие до н. э.), обитатели которого уже покончили с пещерной жизнью своих предшественников. Правда, при раскопках в Карим-Шахире не обнаружено определённых следов строений, но всё же о наличии жилищ, и при этом достаточно многочисленных, свидетельствуют вымостки из камней, оставшиеся от разрушенных стен и полов.

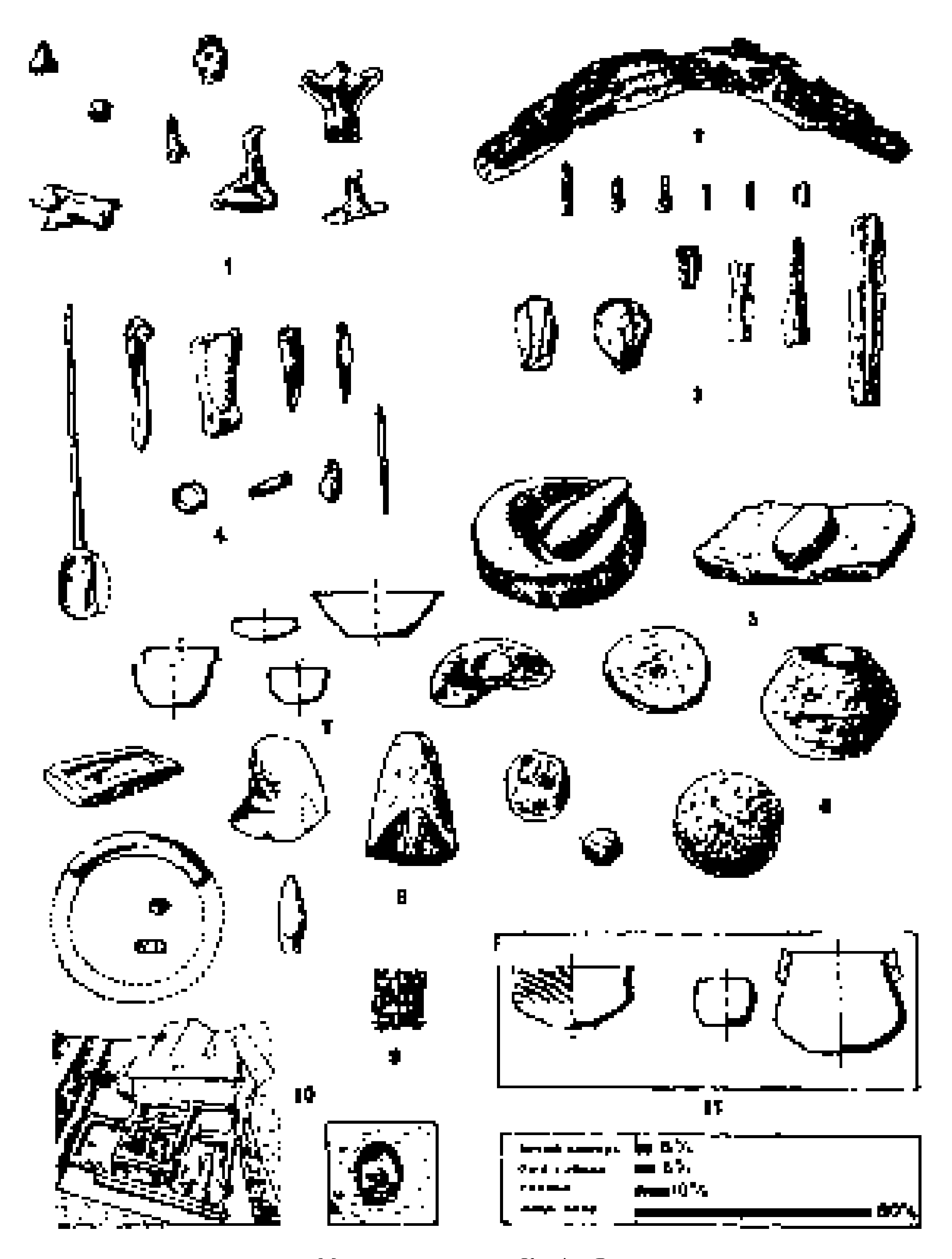
Эта черта принципиально нового уклада дополняется и усиливается другими признаками неолитической культуры. Первый такой признак — наличие ещё грубых, но бесспорно неолитических по типу крупных орудий с шлифованными лезвиями, а также ряда других каменных изделий, изготовленных характерной для неолита пунктирной или точечной техникой. Второй признак неолита — наличие таких изделий, как шлифованные браслеты, украшения из раковин и камня со сверлёными отверстиями для подвешивания, грубые скульптуры из необожжённой ещё глины, костяные иглы и шилья; всё это говорит о значительном обогащении культуры и росте потребностей жителей этого поселения по сравнению с их предшественниками из Палегауры.

Обитатели Карим-Шахира ещё не умели, однако, выделывать глиняную посуду и не имели типично неолитических наконечников стрел. В отличие от людей мезолита они тем не менее имели в своём распоряжении домашних или полудомашних животных — овец и коз, дававших им мясную пищу, шкуры и шерсть для изготовления одежды.

Среди множества каменных пластин и изделий микролитического облика обнаружены несколько обломков зернотёрок, пестиков и ступок, а также кремнёвые лезвия для серпов. Если правильно предположение, что ими срезали колосья дикорастущих злаков, а на зернотёрках растирали добытые из них зёрна, то находки в Карим-Шахире свидетельствуют о развитом собирательстве, непосредственно предшествующем земледелие.

Земледелие в совершенно отчётливом виде представлено находками в поселении в Кала'ат-Ярмо, датируемом V тысячелетием до н. э. (около 4750 г. до н. э.).

Жители поселения Кала'ат-Ярмо, так же как их предшественники из Карим-Шахира, сохранили в технике обработки камня традиции отдалённой старицы.

Материалы раскопок в Кала'ат-Ярмо:
1 — глиняные статуэтки; **2**—серп с вкладным лезвием из кремнёвых пластин; **3** — кремнёвые пластины, нуклеус, скребки; **4** — костяные изделия; **5**—зернотёрки; **6**—булавы; **7**, **11** — посуда; **8** — шлифованный топор; **9** — отпечаток цыновки; **10** — остатки дома и очага. Справа внизу — диаграмма процентных соотношений найденных костей домашних животных.

Они по-прежнему выделывали по древним мезолитическим образцам миниатюрные треугольники, проколки, резцы и скребки.

Широко и систематически использовались различные крупные и тяжёлые изделия из камня, изготовление которых требовало новых, неолитических приёмов в виде шлифования и точечной ретуши. Это были топоры, молоты, а также каменные чаши, ступки, песты. Широко развилась обработка кости, из которой выделывались иглы, шилья, фигурно оформленные булавки, бусы, кольца и даже ложки.

Жителям Кала'ат-Ярмо ещё не было известно искусство изготовления настоящих сосудов из глины. Самое большее, чему они научились в деле использования глины как материала для сосудов, было изготовление своеобразных «бассейнов» или чанов, сделанных следующим образом: сначала в земле выкапывалась яма, затем её тщательно обмазывали глиной, потом в яме разводили огонь и таким образом придавали её стенкам водонепроницаемость и твёрдость.

Общее усложнение ассортимента каменных и костяных вещей, а также хозяйственного инвентаря находилось в связи с глубокими изменениями в жизни обитателей "Кала'ат-Ярмо, с характерным для них новым хозяйственным укладом. Это были уже типичные древние земледельцы, весь уклад жизни, вся культура которых определялась земледельческим трудом и скотоводством.

Характерно, что кости диких животных в Кала'ат-Ярмо составляют всего 5%, остальные 95% принадлежат домашним животным: козе, свинье, овце. Остатки культурных растений представлены в находках из Кала'ат-Ярмо отпечатками зёрен в глине, из которой делались стены жилища и основания очагов. Найдены также обугленные зёрна. Судя по ним, жители Кала'ат-Ярмо сеяли двурядный ячмень и пшеницу двух видов — однозернянку и двузернянку. Хлеб жали серпами с лезвиями из острых кремнёвых пластин.

Земледельческое хозяйство определило новый, иной, чем прежде, характер поселения. Теперь это был уже не охотничий лагерь и не сезонное стойбище, а настоящая, правильно построенная по единому плану деревня, в которой проживала одна родовая община. Обитатели Кала'ат-Ярмо строили дома правильной прямоугольной формы, со стонами из плотно сбитой глины или, может быть, кирпича-сырца, иногда с фундаментом из камней. Внутри домов, в самой их середине, помещались небольшие овальные печи. Все эти дома располагались близко друг от друга, подобно клеткам одного большого организма — родовой общины, основанной на общем труде и материнском строе.

Перемены в реальной жизни нашли своё закономерное отражение и в религиозных верованиях жителей поселения Кала'ат-Ярмо. В центре их верований находился культ плодородия земли и женского производящего начала. Об этом говорят статуэтки сидящих женщин, изображающие богиню-мать. С культом богини-матери был, вероятно, неразрывно связан и всюду сопровождающий его в позднейшие времена культ мужского божества растительности. В этих верованиях и культах имелось, конечно, много элементов, унаследованных от предшествующих этапов развития религии. Образ женского божества имел свои истоки в палеолитическом культе матерей-прародительпиц, земледельческие обряды культа плодородия растений выросли из охотничьих обрядов размножения зверей. Но в целом это были уже новые религиозные представления, характерные для древних земледельцев.

Культуры Телль-Хассуна и Телль-Халафа

Следующий этап в развитии земледельческих культур неолита Передней Азии (середина V тысячелетия до н. э.) обычно называется по местонахождению Телль-Хассуна (вблизи Мосула) «фазой Хассуна». Остатки культуры этого времени обнаружены также южнее Киркука (Северный Ирак).

В это время последовательно развиваются все стороны жизни древнейших земледельцев Передней Азии. Строятся дома со стенами из сбитой глины. Развивается гончарное дело. Расширяются связи с соседними областями. Из района

Арарата поступает обсидиан, а из района Персидского залива — морские раковины. Особенности керамики свидетельствуют о наличии связей с областью нынешней Сирии и с Малой Азией.

Около 4100 г. до н. э. в поселении Телль-Хассун и в других аналогичных поселениях начинается следующий этап, названный телль-халафским по поселению Телль-Халаф в верхней, сирийской, части Месопотамии, у самой турецкой границы. Следы этой культуры и близкой к ней культуры Самарры обнаружены на широком пространстве Передней Азии. Культура древних земледельцев в целом становится значительно богаче и ярче, чем прежде, производительные силы растут. Развивается и крепнет земледелие. Среди домашних животных по-прежнему встречаются овцы, козы, свиньи, но в это время имелся, очевидно, уже и крупный рогатый скот. Появляются первые колёсные повозки, начинает применяться тягловая сила животных.

Появляются круглые в плане строения, внутрь которых вёл широкий коридор. Были и прямоугольные в плане дома. В строительстве начинает широко применяться кирпич-сырец. Вместе с каменными изделиями прежних типов появляются первые предметы из меди в виде небольших бус.

Особенно высокого расцвета достигает гончарное дело. Об этом свидетельствуют изящные и разнообразные по форме сосуды, украшенные строгим и вместе с тем богатым по содержанию расписным узором. Чаще всего встречается характерный узор в виде мальтийского креста, а также стилизованные изображения бычьих голов. Имеются также стилизованные фигуры лошадей и оленей.

Появление обжигательных печей, в которых температура доходила до 1 200° а также совершенство форм и орнамента сосудов свидетельствуют, по-видимому, о выделении профессиональных мастеров-горшечников. Другим характерным штрихом, свидетельствующим о переменах в общественной жизни, являются, как и в поселении Персеполя, древнейшие печати, оттиски которых встречаются на глиняных кусках, служивших, вероятно, затычками для сосудов с продуктами.

Возникновение искусственного орошения

Первоначальное земледелие, таким образом, всего вероятнее возникло сначала в зоне предгорий, где выпадает необходимое для примитивного земледелия количество дождей. Эта дождевая влага могла быть использована человеком сначала при посевах богарного типа, когда хлебные злаки развиваются почти в таких же условиях, как дикорастущие растения, используемые собирателями. Большим шагом вперёд должно было явиться орошение лиманного типа, когда запруженные воды горных ручьёв и рек в весеннее время пропитывали почву и затем снова спускались, а влажная земля использовалась для посева. На следующем этапе орошение принимало постоянный и систематический характер. Из постоянных каналов через примитивные головные сооружения вода отводилась на поля и по мере надобности использовалась для орошения.

Это была уже строго целесообразная и высокопроизводительная по сравнению с более древней система орошения, обеспечившая невиданные прежде перемены в жизни древнейших земледельческих обществ, позволившая им шагнуть далеко вперёд во всех областях жизни и культуры, подняться ещё выше в своём общественном строе.

С таким ирригационным опытом они могли перейти к решению совершенно новых по масштабам задач — к овладению водными ресурсами Нила и великих рек Азии, к созданию на этой основе древнейших цивилизаций Востока.

Время господства древней культуры охотников, собирателей и рыболовов, таким образом, во всемирно-историческом масштабе заканчивается. Человечество вступает на новый культурно-исторический путь.

Существовавшая сотни тысяч лет древняя первобытная община явилась первой, формой организации человеческого общества. За время её существования человек положил начало прогрессу в области материальной и духовной культуры, расселился почти по всему земному шару и освоил большую часть нашей планеты, пригодную для жизни. Это стало возможным потому, что первобытные люди были объединены общественными связями, основой которых были коллективный труд и общественная собственность на средства производства.

На этапе материнского рода в раз витии первобытной, общины рост общественных связей нашёл наиболее полное выражение в тесной сплоченности интересов её членов и их единстве, рождённом коллективным трудом. В этом обществе отсутствовали угнетатели и угнетённые, в нём не было приниженности человека по отношению к другому человеку — господину и повелителю.

Несмотря на большие достижения человечества в период первобытно-общинного строя, развитие общества в это время совершалось чрезвычайно медленными темпами; нередко на протяжении жизни многих поколений не происходило сколько-нибудь значительных сдвигов. В течение многих тысячелетий для родовых обществ и племенных объединений характерны были неразвитое производство, чрезвычайно низкий уровень развития производительных сил. В сознании первобытного человека большое место занимали фантастические представления, отражавшие его бессилие в борьбе с природой.

Всё же, преодолевая огромные трудности, человечество двигалось по пути прогресса, причём развитие производительных сил и общественных отношений происходило относительно быстрее, на каждой более высокой ступени первобытнообщинного способа производства. Период неолита характеризуется таким значительным ростом производительных сил, в результате которого старое родовое общество с материнским родом неизбежно должно было уступить место новому, патриархально-родовому строю, а затем и классовому обществу, что вскоре и произошло в ряде стран земного тара.

Однако уходящий мир первобытно-общинного строя еще долго продолжал сосуществовать рядом с новым, классовым, рабовладельческим общественным строем.

ЧАСТЬ
II
РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ И ДРЕВНЕЙШИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ДОЛИНЕ НИЛА И В ДВУРЕЧЬЕ (IV-III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.)

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ПЕРИОДА

В IV тысячелетии до н. э. произошли огромной важности изменения в уровне развития производительных сил. Важнейшим изменением в области материальной культуры человечества было освоение металлов, как материала для изготовления орудий труда. Коренные изменения последовали и в общественном строе. В этот период возникает классовое общество в долине Нила и в Двуречье.

Переход к веку металла

Примерно в одно и то же время в различных местах Азии, Северо-Восточной Африки и Европы человеку стали известны такие металлы, как золото, медь, серебро, свинец, олово.

Наибольшее значение в хозяйственной жизни человечества сразу же приобрела медь, которая сначала без примесей, а затем в сплавах с другими металлами (чаще всего с оловом) оставалась важнейшим металлом до того, как была освоена металлургия железа.

Первые изделия из металла, имевшие хозяйственное значение, были изготовлены человеком из самородной меди. Медь по своей твердости уступает кремню, обсидиану и другим породам камня, которыми пользовался человек для изготовления орудий труда в период каменного века. Но она обладает и огромными преимуществами. Даже в холодном виде можно ковкой изменять форму медного предмета; если же медь расплавить, то можно придать ей такую форму, которую камню придать нельзя. Для того, чтобы сделать шлифованный каменный топор, необходимо было затратить недели, а то и месяцы напряжённого труда; из меди же его можно было сделать значительно быстрее и с большей лёгкостью. Сломанное каменное орудие почти не поддавалось исправлению; медное же можно было переплавить. Такие важнейшие для человека того времени предметы, сделанные из меди, как кинжалы, топоры, наконечники копий, рыболовные крючки, иглы, деревообрабатывающие инструменты и

многие другие, оказывались несравненно более совершенными, чем сделанные из камня. Кроме того, из меди можно изготовить такие предметы, которые из камня изготовить вообще нельзя (трубы, проволоку, гвозди и т. д.).

Первоначальные способы добычи металлов из руды были весьма несовершенны— простой обжиг руды на костре, затем нагревание её в смеси с древесным углем в примитивных плавильных печах. Но первые шаги были сделаны, человек вступил в век металла, и это имело огромные последствия в производстве, а затем и в общественной жизни человечества. Использование самородных металлов известно человеку с VI—V тысячелетий до н. э. Но начало века металла следует считать с IV тысячелетия до н. э., когда в Передней Азии, Египте, Индии и других странах была освоена выплавка меди из руд. Несовершенство тогдашней металлургии, а также сравнительная редкость месторождений богатых руд, доступных лёгкой разработке, были причиной того, что медь ещё долго не могла вытеснить камень из сферы производства и он как материал для изготовления орудий труда продолжал играть весьма важную роль. Период IV—III тысячелетий до н. э.— это период энеолита, т. е. медно-каменного века [1].

Первое великое общественное разделение труда

В предшествующих главах было рассказано о том, как в конце периода мезолита и во времена неолита в некоторых странах Азии и Африки начинает развиваться земледелие. В числе первых очагов земледельческой культуры были районы Палестины, Египта, Иранского нагорья, предгорные районы Ирака и южной части Средней Азии. Земледелие было здесь вначале весьма примитивным. В этих знойных и сухих местах оно было возможно только в предгорьях, где влажные ветры увеличивали количество осадков; кое-где влагу давали тающие высокогорные снега. Здесь первые земледельцы использовали воду горных ручьёв; запруживая их, они таким образом орошали свои поля. В V тысячелетии до н. э. земледельческие очаги распространились широко по предгорным районам Западной Азии (культуры Телль-Халафа и Самарры). Подобные же условия сложились затем и в некоторых наиболее благоприятных для земледелия районах Индии и Китая. Появляется и распространяется земледелие у неолитических племён Малой Азии, Балканского полуострова и других средиземноморских стран. Несколько позже, но всё ещё в пределах неолита, возникает земледелие в степной и лесостепной зонах Европы, а также у племён Кавказа. К концу III тысячелетия земледелие было уже широко распространено во всех перечисленных районах.

Другие неолитические племена продолжали ещё в основном жить охотой и рыболовством, отчасти и собирательством.

Наряду с земледелием всё большее значение начинает приобретать разведение одомашненных животных. В этот период разведение скота нередко давало больший эффект, чем мотыжное земледелие и тем более охота. Там, где для этого имелись благоприятные условия, у отдельных племён скотоводство становится основным видом производства, надёжнее обеспечивавшим жизнь племени, чем охота. В некоторых случаях — особенно в степных областях — племена даже оставляют земледелие и постепенно переходят исключительно к скотоводству. Это имело место, например, у некоторых племён, обитавших в южнорусских степях в конце III и во II тысячелетии до н. э. Так из общей массы первобытных племён выделились скотоводческие пастушеские племена — произошло первое великое общественное разделение труда.

Наиболее существенные изменения в IV—III тысячелетиях до н. э. происходят в жизни племён субтропической зоны.

---

[1] «Энеолит»—термин, образованный от латинского слова «энеус»—медный и греческого слова «литос»—камень.

Южные скотоводческие племена

К V—IV тысячелетиям до н. э. многие племена названной выше зоны имели кроме прирученных собак также скот: овец, коз, свиней, ослов, коров, различные виды антилоп. Скот разводили и земледельческие племена, но для них это было подсобной отраслью производства. В то же время ряд племён, ранее занимавшихся исключительно охотой, особенно в степных полосах, со временем также перешёл к скотоводству, как к главному виду производства.

Поскольку скотоводство было делом преимущественно мужчин, отношения, характерные для материнского рода, у скотоводческих племён всё более уступают место патриархальным отношениям. У земледельческих племён пережитки материнского рода были значительно более стойкими; общественное положение женщины у земледельческих племён также, как правило, было более высоким.

Скотоводческие племена IV—III тысячелетий до н. э. существенно отличались от кочевых племён более позднего времени. Они имели скот, дававший им мясо, молоко, шерсть и кожу, но они не имели таких животных, как лошадь и верблюд, которые ещё не были одомашнены. Поэтому невозможна была быстрая перекочёвка с места на место; племя обитало в одном и том же месте вплоть до полного истощения пастбищ; избыточная часть численно возросшего племени выселялась в какой-нибудь другой район, где продолжала вести такое же хозяйство. Это был период усиления сухости климата, вызванного таянием и окончательным исчезновением ледников на севере; первоначальные пастбища по всем этим причинам должны были становиться всё более скудными и недостаточными, и скотоводческое население волнами расселялось всё дальше и дальше от мест своего первоначального обитания.

К сожалению, археология даёт очень мало данных об этих древнейших бродячих скотоводах. Кое-где в степях Северной Африки и Аравии они оставили наскальные рисунки; но главным образом мы узнаём о них уже из более поздних письменных источников (начиная с III тысячелетия), которые свидетельствуют о последовательном движении волн скотоводческих племён из степей Северной Африки, Аравии, а позже — Средней и Центральной Азии. Обыкновенно скотоводческие племена в ту пору постепенно обосновывались в степных районах долин и сливались с местным населением, переходя наряду со скотоводством к земледелию там, где оно было возможно. Иной раз, однако, их вторжения приводили к разрушениям и задержке в развитии земледельческих обществ. Существование в непосредственном соседстве земледельческих и пастушеских племён — характерное явление для всех районов древнейших цивилизаций.

Изменения в общественной жизни земледельческих племён

Освоение техники выплавки меди, которое произошло в течение IV тысячелетия до н. э., дало древним земледельцам более совершенные орудия. При помощи этих орудий значительно улучшилось изготовление деревянных изделий. Медная мотыга с деревянной рукоятью, лопата и другие орудия позволяли создавать оросительные каналы. Уже в начале и середине III тысячелетия кое-где, как, например, в Двуречье, в Египте, а несколько позже—и на Иранском нагорье (городище Тепе-Гиссар), изготовлялись деревянные плуги; одомашнение осла и коровы, происшедшее ещё раньше, позволило запрягать в плуг животных, что значительно повысило производительность труда. Развилось теперь и ремесленное производство — ткацкое, литейное, гончарное. Был изобретён, хотя не всюду получил ещё широкое применение, гончарный круг. На лодках начинают ставить паруса, кое-где появляются повозки на сплошных колёсах. Усложнившееся производство потребовало большей специализации; в общинах начинают выделяться специалисты-ремесленники; начинается второе великое общественное разделение труда — отделение ремесла от сельского хозяйства.

Это обстоятельство вызвало развитие обмена — сначала между отдельными общинами и племенами, специализировавшимися на том или ином производстве. Предметы производства отдельных племён, оказавшихся в более благоприятных природных условиях для изготовления тех или иных изделий, переходя из рук в руки, распространяются теперь на большие расстояния. Например, в долину Евфрата и Тигра попадает кавказский обсидиан, иранская медь, в Египте используется медь, привозимая с соседнего Синая. Связи с отдалёнными районами обнаруживаются при изучении археологических памятников земледельческих племён Ирана, юга Средней Азии, долины великой китайской реки Хуанхэ. Но обмен начинает, вероятно, возникать и внутри общин — между специалистами-мастерами и земледельцами. Во всех случаях это был ещё обмен продуктами, без посредства денег.

Накопление продуктов, умножение богатства, происходившее, разумеется, в различных общинах неравномерно, приводят к возникновению междуобщинных и межплеменных войн с целью грабежа. Медное оружие увеличило военную силу его обладателей; столкновения между племенами, перешедшими уже к энеолиту, превращаются в настоящие войны. Война становится, в свою очередь, средством обогащения; военные вожди приобретают всё большую власть, а, захватывая себе наибольшую добычу, они получают всё большие экономические преимущества перед своими соплеменниками.

Но данным этнографии, на самых ранних ступенях развития земледелия применялось коллективное вскапывание полей деревянными палками. Однако мотыжное и особенно плужное земледелие постепенно становилось, даже в пределах общины, делом отдельных семей. Земледельческий труд, со времени развития плужного земледелия, перешёл из рук женщин в руки мужчин, и мужчина — земледелец и воин — стал главой семьи. Накопление в различных семьях создавалось неодинаковое, причём каждая из них, накапливая имущество, старалась сохранить его в семье. Продукт постепенно перестаёт делиться среди членов общины, а имущество начинает переходить от отца к его детям; закладываются основы частной собственности на средства производства. От счёта родства по материнской линии переходят к счёту родства по отцу — складывается патриархат. Соответственно меняется форма семейных отношений; возникает патриархальная семья, основанная на частной собственности. Подчинённое положение женщины сказывается, в частности, в том, что обязательность единобрачия устанавливается только для женщины, для мужчин же допускалась полигамия (многоженство). Древнейшие документы Египта и Двуречья рисуют такое положение сложившимся к концу IV — началу III тысячелетия до н. э. У племён предгорий Передней Азии, Китая и т. д. та же картина обнаруживается древнейшими памятниками письменности, появляющимися у некоторых из них во II тысячелетии до н. э.

Рост производительности труда, усиление обмена, постоянные войны — все это вело к возникновению имущественного расслоения среди земледельческих племён. Имущественное неравенство порождало и общественное неравенство. Складывалась верхушка родовой аристократии, в руках которой фактически находилось ведение всех дел. Знатные общинники заседали в племенном совете, ведали культом богов, выделяли из своей среды военных вождей и жрецов.

Наряду с имущественной и общественной дифференциацией внутри родовой общины происходит и дифференциация внутри племени между отдельными родами. Выделяются, с одной стороны, сильные и богатые роды, а с другой — ослабевшие и обедневшие. Соответственно первые из них постепенно превращаются в господствующие, а вторые — в подчинённые. В результате войн могли оказаться в подчинённом положении целые племена или даже группы племён.

Однако долгое время наряду с советом — органом родовой знати — большую роль продолжает играть и собрание всех взрослых общинников-воинов. Несмотря на

имущественное и общественное расслоение общины, верхушка родовой знати ещё должна считаться с мнением всей общины. Обычно заседание совета происходило в присутствии всех воинов, которые, как это рисуют эпические песни древнейших обитателей Двуречья, активно выражали своё одобрение или неодобрение решениям вождя и совета. Военные успехи ещё в известной мере обогащали всю данную общину, но главным образом её верхушку. Такие порядки на последнем этапе развития первобытно-общинного строя обыкновенно называют военной демократией.

Внутренние связи в общине в этот период ещё не были разрушены. Памятники последнего этапа первобытно-общинного строя повсеместно свидетельствуют о силе коллективного труда. Когда участившиеся войны потребовали укрепления обороны поселений, создавались мощные крепости, стены которых были сложены из громадных необработанных глыб камня (так называемая циклопическая кладка), вырубить которые и доставить на место можно было только коллективным трудом многих людей. Там, где не было камня, воздвигались толстые стены из кирпича-сырца. Устройство оросительных каналов также требовало слаженного труда всего коллектива членов общины. Общинники ещё участвуют в общественных делах своего коллектива, будучи членами народного собрания. Но всё чаще трудом коллектива злоупотребляет в своих интересах родовая верхушка, с могуществом которой рядовые общинники уже не могут спорить.

Общественная активность племенной массы сказывается в описываемое время и в художественном творчестве. К этому периоду восходят в конечном счёте многие замечательные эпические памятники народной поэзии древнего Востока. Одной из главных областей художественного творчества было также ремесло, что хорошо нам известно на примере гончарного производства. На всём протяжении зоны земледельческих очагов в IV и III тысячелетиях до н. э. получает распространение великолепная расписная посуда, украшенная одноцветными или многоцветными орнаментами *и* стилизованными изображениями животных и символов земледельческих божеств — солнца, воды, колоса. По этим изделиям, распространенным на огромном протяжении от берегов Чёрного и Средиземного морей до Китая, через Иран и Среднюю Азию, энеолитические культуры этих территорий получили название культур крашеной керамики. Те же стилистические черты проявлялись в искусстве резьбы по камню и, надо полагать, в изделиях ткацкого ремесла, которым явно подражают многие росписи на посуде.

Образование языковых семей

Рассматриваемое время являлось важным этапом в развитии языков. В неолитический период и, особенно во время энеолита, по всей вероятности, происходит оформление многих из нынешних языковых семей.

В западной части полосы, занятой южными племенами скотоводов и первыми земледельческими очагами, сложилась семито-хамитская семья языков. Центром её, как можно предполагать, явилась Сахара, или, точнее, северная часть Африки, ещё в то время, когда эта область была более пригодна для обитания. Со временем племена, говорившие на языках семито-хамитской семьи, расселились в разные стороны: не позже V—IV тысячелетий до н. э. Аравийский полуостров заселили семиты, составившие скотоводческое население Передней Азии; в долине Нила осели и перешли к земледелию, вероятно ещё в начале неолита, близкие по языку к семитам египтяне; североафриканские степи заняли племена берберо-ливийской группы языков; саванны и нагорья северо-восточной части Африки и верховья Голубого Нила заняли пастухи и охотники, говорившие на языках кушитской группы; наконец, к югу от Сахары распространились племена, говорившие на других языках той же группы. Области, где расселялись последние две группы, примыкали уже вплотную к областям обитания носителей языков, принадлежавших к языковым семьям Центральной и Южной Африки. Народы, говорящие ныне на языках семито-хамитской

семьи языков, принадлежат к самым разнообразным антропологическим типам — от европеоидов-средиземноморцев до негров. Это говорит о том, что число расселившихся носителей этих языков было сравнительно незначительным и они были бесследно поглощены массой местного, особенно оседлого населения; но языки их оказались при скрещивании победителями. Это полностью опровергает антинаучные измышления расистов, пытавшихся отыскивать «чистый» расовый тип, соответствующий народу определённого языка.

Вторым очагом пастушеских племен, начавшим играть большую роль в истории значительно позднее, была Центральная Азия; она была центром распространения близко родственных между собой тюркских и монгольских языков.

Но не только пастушеские племена образовывали определённые, широко распространённые языковые семьи. Их возникновение было неизбежно всюду, где было возможно расселение племён.

Так, восток Азии был центром распространения сино-тибетских языков, к которым принадлежат и современные языки Китая, Тибета, Бирмы и Вьетнама. По-видимому, рано создаётся индоевропейская семья языков, по всей вероятности, на территории южной части Восточной Европы и отчасти Средней Азии. Ныне в состав этой семьи входят языки индоиранские, славянские, балтийские, германские, романские, кельтские и другие.

Свободно расселялись ещё со времён мезолита однородные по своему культурному и этническому типу племена лесной зоны от Зауралья до Прибалтики; здесь, по всей вероятности, сложилась финно-угорская семья языков, в число которых входят ныне такие языки, как венгерский, марийский, мордовский, эстонский, финский, карельский и другие.

Каждая из этих семой языков имела своеобразные черты грамматического строя и словарного запаса. Так, семито-хамитские языки отличаются ярко выраженной особенностью: согласные играют главную роль, составляя костяк корня, в то время как гласные внутри корня имеют подчинённое значение и передают грамматические отношения. Языки семито-хамитской семьи отличаются также богатым развитием внешней флексии (окончаний и приставок). Ещё более богатая флексия характерна для индоевропейских языков, для которых типична также сложная система склонений и спряжений. Финно-угорские, тюркские и монгольские языки выражают грамматические отношения путём агглютинации, т. е. «приклеивания» отдельных показателей к основе. Каждый из этих показателей выражает какое-нибудь одно грамматическое отношение. Сино-тибетские языки выражают грамматические отношения главным образом путём определённого расположения слов (каждое из которых является, в сущности, корнем) внутри предложения. Развитие языков в пределах языковых семей шло в каждом случае особыми путями, так что в дальнейшем в грамматическом строе языков мира наблюдается большое разнообразие. Однако все эти языки в равной степени приспособлены для передачи мыслей любой сложности и представляют полноценное средство передачи человеческого мышления.

Не меньше, чем грамматический строй, различен и словарный состав языков различных семей.

За время своего многотысячелетнего существования в условиях разрозненных - общин каменного века человечество создало бесконечное разнообразие родовых и племенных языков. Преодоление этого разнообразия и создание меньшего числа языков, понятных большому числу людей, было важным шагом, способствовавшим культурному прогрессу человечества. Огромную роль в этом процессе сыграли появление и рост рабовладельческих обществ и государств и начало образования народностей вместо отдельных мелких племён.

Возникновение рабовладельческих обществ

В истории человечества IV тысячелетие отмечено возникновением рабовладельческого общества. К этому вело развитие производительных сил.

Первые рабовладельческие общества сложились в Египте и Двуречье. Все те явления, которые мы описали как характерные для земледельческих племён, наблюдаются и здесь, но, кроме того, здесь имелись и свои, притом важнейшие, особенности.

Наносные земли в долинах великих рек субтропиков — Евфрата, Нила, Инда, Хуанхэ — исключительно плодородны и удобны для земледелия. Но эта их особенность не могла быть в сколько-нибудь значительной мере использована человеком, пока он имел только каменные орудия. Низовья рек заболачивались, а чуть подальше от воды земля высыхала от зноя, превращаясь в бесплодную степь или полупустыню. Человек не мог бороться с частыми могучими разливами рек, уничтожавшими плоды его трудов, с постоянными изменениями речного русла. Поэтому в то время как племена предгорного земледелия богатели и развивались, племена, оттеснённые в низовья рек, отставали в своём развитии.

Появление медных орудий позволило значительно повысить производительность труда в предгорных районах; в частности, своими медными орудиями люди могли провести небольшую оросительную канаву в мягком грунте поля. 11о они не могли создавать крупных каналов, чтобы оросить обширные бесплодные пространства, не могли управлять течением рек: горный грунт был слишком тяжёл для их орудий. Хотя производительность труда и увеличилась по сравнению с временами неолита, но она возросла всё же ещё в недостаточной мере для того, чтобы могло происходить постоянное создание прибавочного продукта. Как правило, лишь с переходом к железным орудиям здесь оказалось возможным резко повысить производительность труда, создалась возможность получения прибавочного продукта. Иное дело — наносные земли. Здесь уже медные и хорошо обработанные при помощи медных инструментов деревянные орудия позволяли предпринимать грандиозные работы — прорытие каналов в мягком грунте и создание плотин. Правда, не во всех речных долинах это было возможно уже в период энеолита; иногда течение рек было слишком быстрым и размывало плотины, разрушало каналы, арыки; здесь их приходилось отводить издалека, от верховьев, т. е. рыть каналы опять-таки по тяжёлому грунту. В других случаях рока текла в высоких берегах или не создала наносов. Поэтому создание ирригационного земледелия в речных долинах происходило далеко не одновременно. Наиболее рано — в IV тысячелетии до н. э., ещё на уровне раннего энеолита,— это оказалось возможным в двух пунктах земного шара — в нижней части долины Нила и в низовьях Евфрата. [1]. Немногим позднее, вероятно, в середине III тысячелетия, тот же процесс начался и в долине Инда.

Создание ирригационного земледелия в этих первых его очагах привело к значительному росту количества производимого продукта. Производительность труда на наносной земле с употреблением медных орудий [1] была такова, что трудом одного человека можно было создать значительно больше продукта, чем это минимально необходимо было для его прокормления. А это означало в тех общественных условиях, что одним людям можно было кормиться за счёт труда других. Появилась предпосылка для перехода к классовому, эксплуататорскому строю.

Рабство

Захваченных в межплеменных войнах чужаков ранее либо принимали в род, либо убивали. В период энеолита племена, занимавшиеся примитивным земледелием, иногда уже использовали их труд, но прокормить и держать в повиновении большое число пленных рабов им было ещё не под силу; поэтому и здесь пленных чаще всего убивали, а оставленные в живых нередко должны были впоследствии сопровождать своего хозяина в могилу. В погребениях,

[1] Воды Тигра, соседней с Евфратом реки, стали использоваться несколько позднее.

принадлежащих племенам предгорий и относящихся ко времени энеолита и особенно бронзового века, нередко встречаются костяки людей, похороненных, очевидно, вместе с их хозяином. На основе речного ирригационного земледелия, возникавшего в IV и начале III тысячелетия в Египте и Двуречье, можно было, правда, прокормить большое количество рабов-пленных, но при существовавшем тогда низком уровне развития производительных сил свободный воин, чьё оружие состояло из медного клевца или топорика, или хотя бы из лука и стрел, не имел большого преимущества в вооружении перед рабом— вчерашним вражеским воином,— если тот брал в руки медную мотыгу и камень. Поэтому использовался главным образом труд пленных женщин, что не давало достаточного производственного эффекта. Держать же в повиновении большие массы рабов-мужчин было ещё очень трудно, так как они представляли серьёзную опасность для поработителей. Отсюда возникла необходимость создать сильную государственную власть, которая обеспечила бы безопасность и интересы рабовладельцев.

В это время со стороны общинной верхушки проявляется стремление к использованию в качестве рабочей силы и своих соплеменников. Для этого открывались всё более широкие возможности: так, по данным этнографии, часто более бедные общинники в условиях разложения первобытно-общинного строя прибегают к «покровительству» более зажиточных и знатных, становясь в зависимость от них. По-видимому, община выделяла также часть своих членов для обслуживания полей, предназначенных на содержание вождей и культа богов. Так, древнейшие письменные документы Двуречья—IV тысячелетия до н. э.—это документы хозяйств, обслуживающих культ. Работать на эти хозяйства, вероятно, должны были рядовые члены общин.

Если военнопленные становились собственностью победителей, как вещь, поступить с которой хозяин мог по своему произволу, то гораздо труднее было превратить в собственность своего свободного соплеменника. Однако если он попадал в зависимость от кого-либо, его хозяин стремился эксплуатировать и его, как раба. Опираясь на свои более обширные хозяйственные возможности и на те средства насилия, которые ому предоставляло возникающее государство, такой хозяин постепенно переходил к насильственному принуждению своего соплеменника к труду. Хотя первоначальные формы эксплуатации соплеменников были разнообразны, исторической тенденцией было превращение зависимых соплеменников в рабов уже в полном смысле этого слова. Количественное преобладание над рабами людей, не обращённых еще в рабство, но зависимых от рабовладельческой знати является одной из характерных черт ранних форм в развитии рабовладельческого общества, в частности в Египте и Двуречье III тысячелетия до н. э., а отчасти и позже.

С самых ранних этапов рабовладельческого общества мы видим, разумеется, и настоящих рабов, главным образом из военнопленных. Хотя их количество сначала было еще не так велико, но самое появление рабства изменило весь характер общественных отношений. Постепенно в дальнейшем ходе исторического развития во всё большем числе отраслей и областей производства увеличивается количество рабов, находящихся в собственности хозяина как вещь. Возникающее рабство ещё тесно сплетено с порядками и традициями первобытно-общинного строя и носит патриархальный характер.

Сельская община

Другой особенностью складывавшихся рабовладельческих обществ в Египте и Двуречье было то, что потребности поддержания ирригационной сети вызывали необходимость в постоянном коллективном труде, требовавшем сохранения производственных коллективов для его осуществления.

Отсюда вытекает прежде всего то, что хотя развитие земледельческого производства и вело здесь, как и всюду, к созданию частной собственности на средства

производства, однако развитие частной собственности задерживалось длительным сохранением общин. Эти общины - на этапе разложения первобытно-общинного строя приобретают иной характер, чем ранее, так как процесс создания классового общества вызывал смешение родовых групп и ослабление кровнородственных связей. Прежний тип общинной организации сменяется другим типом — сельской общиной, состоявшей из соседей, связанных между собой необходимостью коллективных усилий в известных областях производства и вытекавшими из общего труда общими интересами. Хотя факт существования общины с её коллективной собственностью на землю и воду является пережитком первобытно-общинной эпохи, однако община сохранялась на протяжении веков и внутри классового рабовладельческого общества, являясь существенным фактором его общественной и хозяйственной жизни.

В первых классовых обществах Востока община сохраняется, как правило, ещё в очень архаических формах. Частная собственность на землю только начинает складываться в виде земельных владений знати, остальные же общинники большей частью владеют землёй лишь как члены общины, остающейся действительным собственником земли.

Возникновение рабовладельческого государства

С распадением общества на классы, на угнетённых и угнетателей, в конце IV—начале III тысячелетия до н. э. в Египте и Двуречье создаётся система органов насилия, призванных обеспечивать господство класса эксплуататоров, создаётся рабовладельческое государство. Первоначально это насилие меньшинства над большинством населения осуществлялось органами управления, сложившимися ещё внутри первобытно-общинного строя и находившимися в ведении родо-племенной верхушки, представители которой главным образом и являлись собственниками рабов, господами попавших к ним в зависимость людей и владельцами присвоенной в процессе классообразования основной массы средств производства. Позже создаются новые органы власти, характерные уже для рабовладельческого государства.

Государство рабовладельцев осуществляет свою власть на определенной территории, разделенной в целях управления по территориальному, а не по родо-племенному признаку; оно облагает население налогами, захватывая то, что ранее выделялось на содержание вождя и в общинный запасный фонд, добавляя к этому все новые и новые поборы; оно использует в интересах класса рабовладельцев обязанность членов общины выполнять работы на общественные нужды.

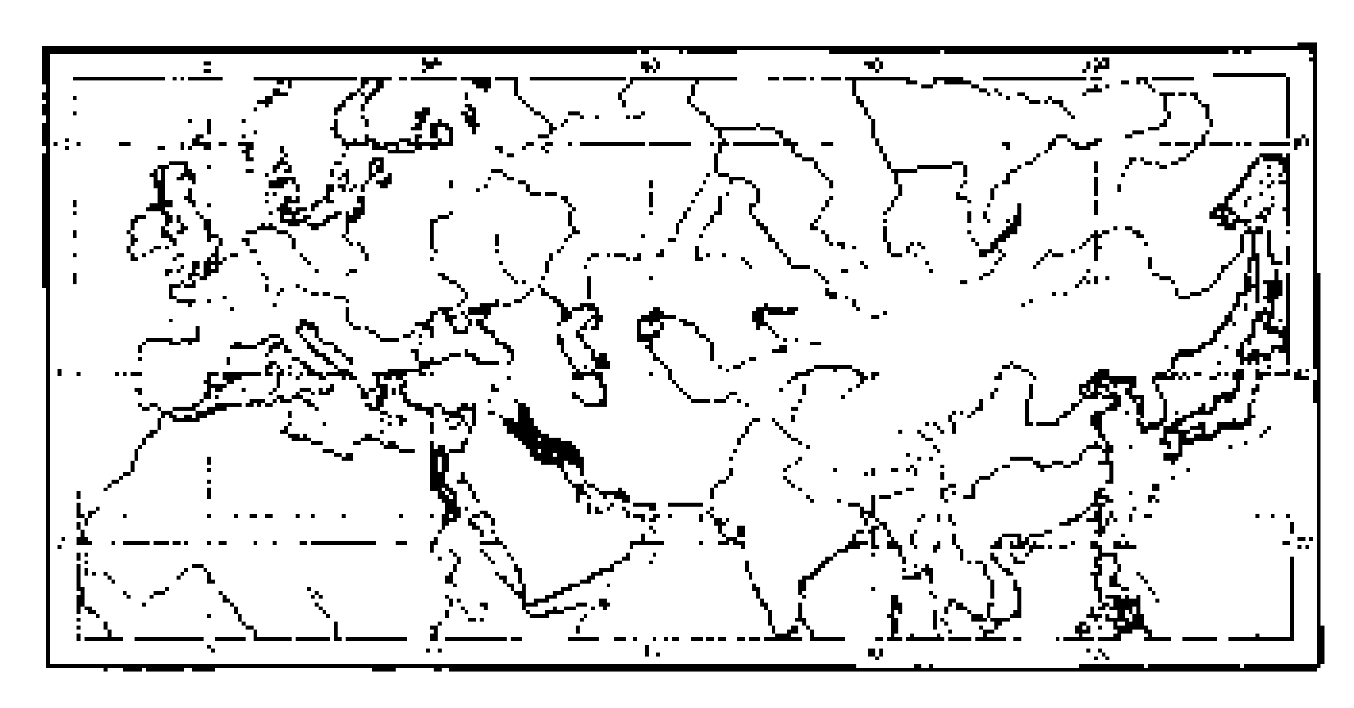
В условиях слагающегося рабовладельческого общества ополчение свободных противостоит эксплуатируемым в качестве классового орудия насилия, но затем рабовладельцы создают специальное постоянное войско из профессиональных воинов. Помимо этого государство обладает и другими средствами насилия для осуществления решении классового суда и для прямого принуждения угнетаемых: выделяются особые надсмотрщики, палачи, стража и т. п.

Войско нужно было рабовладельцам и для ведения войн с целью захвата рабов и материальных ценностей соседних пародов.

Поскольку появление ирригационного земледелия потребовало организации управления оросительными работами, эта функция, как и все прочие, попадает сначала в руки племенной верхушки, а затем в руки рабовладельческого государства.

В рабовладельческом обществе происходит отделение умственного труда от физического. Накопленные веками в процессе труда знания и наблюдения становятся достоянием немногочисленной группы эксплуататоров, в первую очередь жрецов. В Египте и Двуречье в условиях ирригационного земледелия они становятся хранителями всех знаний, необходимых для развития этой основы хозяйства.

Религиозные верования, с начала своего возникновения бывшие отражением беспомощности человека перед силами природы, становятся теперь идеологическим оружием в руках господствующего класса для освящения Незыблемости существующего

Рабовладельческие государства в середине III тысячелетия до н. э. (закрашены чёрным).

строя и для закрепления покорности масс. В религиозных представлениях всё более отражается социальная забитость трудящихся. Боги представляются в виде могущественных царей, власть угнетателей обожествляется.

Всё более усиливаются в этих странах могущество и богатство той части знати, которая обладала жреческими функциями. Под защиту выделенных уже на поздних этапах первобытно-общинного строя (например, в Двуречье) храмовых хозяйств, вероятно, прибегали маломощные общинники, и в связи с этим именно в храмовых хозяйствах особенно интенсивно происходил процесс постепенного порабощения соплеменников.

Интересы класса рабовладельцев в Египте и в Двуречье толкали к созданию сильного централизованного государства — рабовладельческой деспотии.

Земледелие, основанное на ирригации, могло дать наибольшую выгоду только тогда, когда использование вод во всей речной долине было координировано и представляло единую систему, в противном случае конкурирующие общины мешали водоснабжению друг друга, а это вело к непрерывным, разрушительным войнам. Число рабов и беднеющих свободных увеличивалось, держать их в повиновении могла лишь сильная государственная власть. Это и вело к созданию единых деспотических рабовладельческих государств. Здесь не смогли долго существовать первичные мельчайшие государственные образования, как это обычно бывало в других странах при складывании классового общества. Объединение создаётся путём завоевания — в Египте очень рано, вероятно, не позже 3000 г. до н. э., в долине Евфрата и Тигра позже — более или менее прочно лишь к концу III тысячелетия до н. э.; завоеватель — вождь или царёк — становится над отдельными общинами с их советами и другими прежними органами управления. Такое объединение было в интересах всего господствующего класса, но верхушка местной родовой знати теряла при этом монопольное господствующее положение на своей общинной территории; поэтому объединение проходило, по-видимому, в борьбе с родовой знатью.

Первые рабовладельческие государства, возникшие на древнем Востоке, становятся ареной ожесточённой классовой борьбы. В движение приходят по временам и низы свободных и рабы, обездоленные и угнетённые. Отныне развитие человечества происходит в классово-антагонистической форме.

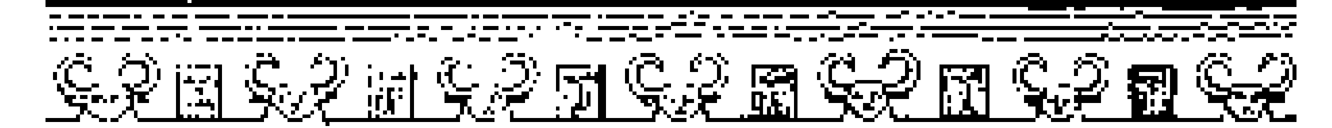
Установление нового общественно-экономического строя привело к значительному росту культуры. Созданная первыми рабовладельческими государствами цивилизация оказала в дальнейшем важнейшее влияние на все культурное развитие человечества. В государствах древнего Востока впервые в истории из примитивных способов передачи мысли при помощи рисунков (пиктографии — «рисуночного письма») возникает настоящая письменность.

Переход от первобытно-общинного строя к рабовладельческому был для своего времени прогрессивным явлением. Хотя рабовладельческие отношения были основаны на жесточайшем угнетении человека человеком, однако они открывали единственную при тех условиях возможность дальнейшего развития производительных сил и создания более высокой культуры.

Возникновение классового общества, впервые в долинах Нила и Евфрата, являлось одним из важнейших поворотных пунктов в общественном развитии человечества.

Таким образом, к III тысячелетию до н. э. население земного шара являлось уже неоднородным по своему общественному развитию и технической вооруженности. С одной стороны, целый ряд племён переходит к веку металла, причём у части из них начинает возникать классовое общество. С другой стороны, в ряде областей земного шара, в особенности в лесных полосах Севера и в тропиках, а также на всём континенте обеих Америк и в Австралии, и в это время и позже сохраняется ещё каменный век и господствуют общественные условия, охарактеризованные в предыдущей части настоящего тома.

ГЛАВА IV
ДРЕВНЕЙШИЙ ЕГИПЕТ

1. Образование классового общества в Египте

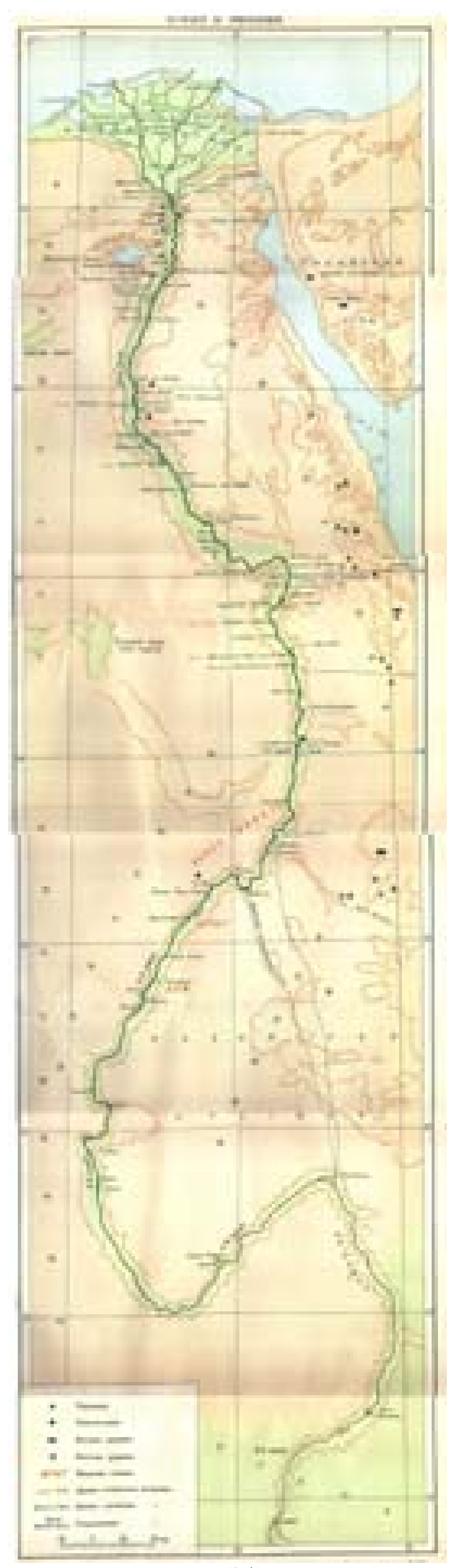
Классовое рабовладельческое общество сложилось в Египте раньше, чем в других странах. Здесь впервые в мире возникло и государство — орудие насилия в руках эксплуататорского меньшинства для угнетения трудящихся масс. Древнейшие в истории человечества классовые битвы развёртывались в Нильской долине.

Наше название страны «Египет» (современные египтяне, которые говорят по-арабски, называют свою страну «Миср») происходит от древнегреческого наименования «Айгуптос»; это слово, в свою очередь, восходит, видимо, к одному из имён значительнейшего из древнеегипетских городов — Мемфиса [1] (по-древнеегипетски, согласно принятому в науке условному произношению,— Хет-ка-Птах; судя по вавилонским данным, это название произносилось в действительности как Хэ-ку-Птах). Сами древние египтяне называли свою страну «Кеме» — «Чёрная», по цвету тёмной её почвы, в противоположность «красной» земле окрестной пустыни.

Страна и население

Египет находится в северо-восточной части Африки. В древности Египтом считали только самую долину реки Нила. В настоящее время к нему относят не только пересекающую всю страну с юга на север долину реки, но и пустынное, сильно пересечённое Восточное, или так называемое Аравийское, нагорье (между Нилом и Красным морем), а на западе — Ливийское плоскогорье, представляющее собой безжизненную песчаную пустыню с редкими оазисами. С севера страна омывается Средиземным морем. Восточное нагорье выходит к Красному морю, которое отделяется от Средиземного лишь узким перешейком. Границы страны на западе проходят по малонаселённым пустынным местностям. Южной границей Египта в древности считались первые —

[1] Древнеегипетские города обычно называются не по их древнеегипетским названиям, а по греческим, употребляемым в произведениях древних авторов.

Египет и Эфиопия

по течению реки последние — пороги на Ниле, южнее которых была расположена Нильская Эфиопия, или Нубия.

10—12 тыс. лет назад климат Египта был прохладнее, мягче, атмосферных осадков выпадало здесь несравненно больше.

В послеледниковый период климат Египта становится всё более сухим и жарким, степи превращаются в пустыни, растительный и животный мир беднеет. Уже в течение тысячелетий в Египте, даже на побережье Средиземного моря, количество осадков невелико, а дальше от побережья дожди иногда не выпадают несколько лет подряд.

Нил — одна из величайших рек в мире — вытекает из озер тропической Африки (Белый Нил). В среднем течении в него впадает Голубой Нил, вытекающий из озера Таны, в горах современной Эфиопии (Абиссинии). На территории Египта Нил течёт по узкой, стиснутой горами долине, которая примерно в 300 *км* от Средиземного моря расширяется. Здесь, в Нижнем Египте, Нил разветвляется веерообразно на ряд рукавов, впадающих в Средиземное море. Эта часть долины Нила носит название «Дельта», данное ей древними греками, так как речная система Нила в этом районе по форме напоминает букву греческого алфавита Д («дельта»).

Вся долина Нила является по существу гигантским оазисом. Египет —«дар Нила», справедливо утверждали греческие писатели. Если бы не Нил, то весь Египет представлял бы собой пустыню, подобную Ливийской. Особенностью водного режима Нила, определяющей его огромное народнохозяйственное значение, являются периодические и регулярные разливы. Вследствие ливней, выпадающих в тропической Африке, и таяния снегов на горных вершинах вода в Ниле к середине июля начинает прибывать. Наивысший уровень воды в Ниле бывает осенью, когда река заливает огромные прибрежные пространства. На залитой земле осаждается ил, приносимый рекой с её верховьев. Вся плодородная почва долины Нила состоит из мощных отложений речного ила; она легко поддаётся обработке и отличается исключительным плодородием. Таким образом, природные условия в долине Нила благоприятствовали развитию земледелия, и древние поселенцы этой долины, обладавшие уже со времени неолита орудиями труда, достаточными для обработки мягкой нильской почвы, рано перешли к сельскохозяйственному производству.

Египетская народность сложилась, вероятно, в процессе смешения различных племён Северо-Восточной Африки, а возможно, и некоторых племён, живших впоследствии в Передней Азии. Судя по дошедшим до нас изображениям и костным останкам, древние египтяне были людьми крепкого телосложения; цвет их кожи был смуглый, волосы — чёрные, гладкие.

Древнеегипетский язык составляет особую группу в пределах семито-хамитской семьи языков. Более всего исследованы взаимоотношения древнеегипетского языка с семитическими языками. Менее изучены связи древнеегипетского языка с другими родственными ему группами языков, а именно с берберскими и кушитскими.

Племена, окружавшие Египет

Нам мало известно о населении остальной Африки IV— III тысячелетий. Большинство африканских племён тогда и ещё долгое время позже жило в условиях неолита. Несколько больше, чем о других, мы знаем лишь о тех племенах, с которыми непосредственно соприкасались египтяне.

В долине Нила, южнее египтян, обитало темнокожее население, говорившее, по-видимому, на языках кушитской ветви семито-хамитских языков. Страна их у народов древнего Востока чаще всего обозначалась именем Куш; греки и римляне называли её Эфиопией, затем она была известна как Нубия. Сами же племена, населявшие в древности эту страну, имели различные названия. В науке их чаще всего называют нубийцами или эфиопами [1].

[1] Следует заметить, что в наше время эфиопами обычно называется не население Нильской долины, а население современного государства Эфиопии (Абиссинии), представляющее этнически иной народ.

Нубийские эфиопы занимались скотоводством и земледелием; вначале уровень развития их общества был сходен с египетским, и лишь позднее Египет начал быстро опережать Эфиопию. Классы и государство возникли здесь значительно позже — до некоторой степени в связи с завоеванием значительной части страны Египтом.

Далее на юг, в пределах Судана, а также на побережьях Сомали и Эритреи, где, вероятно, надо поместить упоминаемую египетскими источниками страну Пунт, обитали негритянские и — в глубине страны — также пигмейские племена. В древнейшие периоды истории Египта связь египтян с ними имела лишь случайный характер.

К западу от Нильской долины обитали племена ливийцев, говорившие на языках ливийско-берберской ветви семито-хамитских языков. Цвет кожи их был светлее, чем у египтян. Судя по некоторым данным, область их расселения простиралась вплоть до Атлантического океана; нынешние народности Северной Африки, говорящие как на берберском, туарегском и других языках этой группы, так и на диалектах арабского языка, являются их потомками.

Ливийцы представляли собой племена охотников, бродячих скотоводов и первобытных земледельцев; условия их жизни в сухих степях были неблагоприятны. Лишь в прибрежных долинах Северо-Западной Африки условия были более пригодны для земледелия, но и здесь оно ещё не могло развиться во времена энеолита. Классовое общество возникло у этих племён много позже, чем у их соседей в долине Нила.

На северо-востоке соседями египтян были семитические скотоводческие племена, о которых речь будет идти далее.

Период возникновения древнейшего классового общества и государства в Египте

Для превращения долины Нила в одну из плодороднейших стран мира необходим был преобразующий человеческий труд. Производство кремнёвых орудий достигло в первобытном Египте исключительного совершенства. Этому способствовало обилие здесь отличного кремня. Медные орудия появились в Египте тоже очень рано. Хотя в самом Египте месторождения медной руды ничтожны, но недалеко от долины Нила - на Синайском полуострове — находились богатейшие месторождения меди. Их начали разрабатывать в самой глубокой древности.

Распространение относительно совершенных орудий труда позволило обществу рано достигнуть того уровня развития, при котором становилось возможным широкое хозяйственное использование могучей природной силы — реки. Только человеческий труд мог распределить равномерно и своевременно избыточную влагу по поверхности земли и устранить как безводье, так и заболоченность почвы.

В результате труда многих поколений страна была покрыта сетью перекрещивавшихся насыпей, которые отгораживали земледельческие участки. Сквозь высокие наносные берега от реки к этим участкам были прорыты протоки. Во время половодья участки затоплялись. После того как вода пропитывала почву, отстаивалась и отлагала ил, ее спускали обратно в реку.

По мере того как создавалась оросительная система, в первобытных родо-племенных общинах, переходивших к земледелию, становились возможными более производительный земледельческий труд и накопление продуктов сверх необходимых для прокормления самих работников. В то же время становилось возможным и присвоение большей части произведений труда более богатыми и сильными людьми. Это были, вероятно, по большей части вожди племён и близкие к ним люди. Они и завладевали средствами производства. О ходе этих событий в Нильской долине мы можем судить лишь предположительно, на основании данных, известных нам о жизни других народов. Несомненно, что в условиях Египта этот процесс происходил очень рано, так как для водоустройства и обработки илистой почвы, для получения с неё довольно высоких урожаев здесь достаточно было самых простых орудий.

Порабощение человека человеком началось в Египте в глубочайшей древности. Вместе с тем, как и в других странах, здесь разрушалась родо-племенная общность,

и на месте первобытных общин возникали общины земледельцев, объединённых соседством и совместным трудом по поддержанию орошения. Хотя письменные источники, дошедшие от различных периодов истории древнего Египта, несмотря на своё разнообразие (литературные памятники, надписи в гробницах, храмах, царские надписи, документы крупных, в том числе царских, хозяйств), не дают пока возможности проследить историю этой сельской общины, однако сохранившиеся данные позволяют предполагать её существование на протяжении тысячелетий. Именно трудом общинников создавались грандиозные оросительные и другие сооружения древнейшего Египта.

Разложение общинных порядков происходило в Египте медленно, и тем самым тормозилось развитие частнособственнических отношений и рабовладельческого строя.

Развивавшаяся система угнетения большинства меньшинством привела к образованию в Египте государства. Однако при современном состоянии наших знаний ещё нельзя точно определить дату возникновения государства в Нильской долине. Мы ещё не можем свести воедино свидетельства вещественных памятников, с трудом поддающиеся истолкованию, с глухими и косвенными намёками позднейших письменных источников. Большое количество находок дошло до нас — правда, не без досадных пробелов — от различных периодов, начиная от палеолита до того периода медного века, когда древнейшее государство в Египте уже сложилось. Между каменным веком и развитым медным лежала длительная переходная пора, когда медные орудия соперничали с каменными или начинали преобладать. Когда возобладали медные орудия, в Египте уже происходил процесс сложения классового общества и государства рабовладельцев.

Во времена, предшествовавшие образованию объединённого государства, Египет распадался на несколько десятков отдельных областей. В позднейшие времена эти области, называвшиеся по-гречески *номами,* имели каждая по главному городу и своих местных богов. В последующей истории Египта номы не раз проявляли склонность к обособлению,

В более поздние времена постоянно разграничивались две половины государства — верхнеегипетская и нижнеегипетская, а в особе царя соединялись два властителя — верхнеегипетский и нижнеегипетский. Это подтверждает существование некогда двух раздельных царств в Египте — Нижнего и Верхнего.

До нашего времени сохранились обломки древнеегипетской летописи, высеченной на камне примерно в середине III тысячелетия до н. э. По этим обломкам можно заключить, что в летописи перечислялись египетские цари [1] и от времени их царствования имелись погодные записи. Этим царям предшествовал, по всей вероятности, ещё в IV тысячелетии до н. э. длинный ряд царей, владевших как областями Северного (Нижнего), так и Южного (Верхнего) Египта, для которых летопись не давала погодных записей. В летописи имеется также перечень царей одной северной половины Египта, о которых уже в III тысячелетии ничего не знали, кроме их имён.

Пока остаётся ещё неясным, в какой мере древнейшие, долетописные правители объединённого Египта и правители разобщённых его половин были уже действительно царями, а не племенными вождями, а их «царства» являлись государствами.

От начального периода Египетского государства мы имеем не одни вещественные, но и некоторые письменные источники, однако последние вследствие их немногословности, а также из-за древности языка и системы письменности часто малопонятны. Поэтому историю египетского общества времени Раннего царства мы знаем лишь в общих чертах.

[1] Египетские цари обыкновенно называются *фараонами.* Имя и титул египетского царя считались священными, поэтому царя избегали называть по имени без особой к тому надобности. С середины II тысячелетия египтяне называли царя иносказательно: пер-о — «большой дом», откуда и происходит видоизменённое слово «фараон».

2. Раннее царство

Сколько времени длился ранний период в истории Египта (Раннее царство)— неизвестно; во всяком случае около 3000 г. до н. э. государство в долине Нила уже существовало.

За недостаточностью данных точное летоисчисление для древнейшей египетской истории невозможно. Время приходится обозначать не столько по столетиям, сколько условно — по династиям. Древние списки фараонов делились на династии, и жрец Манефон, написавший около 300 г. до н. э. по-гречески своё сочинение об истории Египта, насчитывал до 30 династий фараонов. История древнеегипетского государства делится на несколько периодов— Раннее, Древнее, Среднее, Новое и Позднее царства. К Раннему царству относятся I и II династии по списку Манефона. Сюда же надо отнести и полузабытых древнеегипетской традицией прямых предшественников I династии, так как во времена их правления классовое общество и государство в Египте, по-видимому, уже сложились. Царей этого времени называют обычно по отношению к манефононским спискам династий додинастическими царями.

Каменные и медные орудия труда. Ремёсла

Для оценки уровня развития раннеегипетского общества необходимо в первую очередь ответить на вопрос о тогдашнем состоянии металлургии. Добыча руды и изготовление орудий из металла были важнейшим условием для достижения производством того уровня, при котором становилось возможным сосредоточение важнейших средств производства в руках меньшинства и порабощение большинства меньшинством.

Уже сравнительно давно при раскопках погребений времён I династии было обнаружено немало медных орудии (из естественной меди, без искусственного приплава), особенно резцов и иголок, а также топоров, тёсел, шильев, щипцов, значительное количество медных гвоздей и проволоки, затем медные обшивки, украшения и посуда.

Однако по-настоящему оценить развитие обработки меди при I династии стало возможным сравнительно недавно, когда в одной из богатых гробниц был обнаружен целый клад медных изделий. При этом примечательно не только число найденных орудий (более 600), но и количество их видов (пилы, ножи, резцы, тёсла, мотыги, шилья, иглы и т. д.). Эти предметы клались в гробницы в связи с верованием древних египтян в загробную жизнь, подобную земной. В гробницу были положены и медные пластины, вероятно, на тот случай, если бы мертвецу на том свете пришлось изготовлять какое-либо орудие.

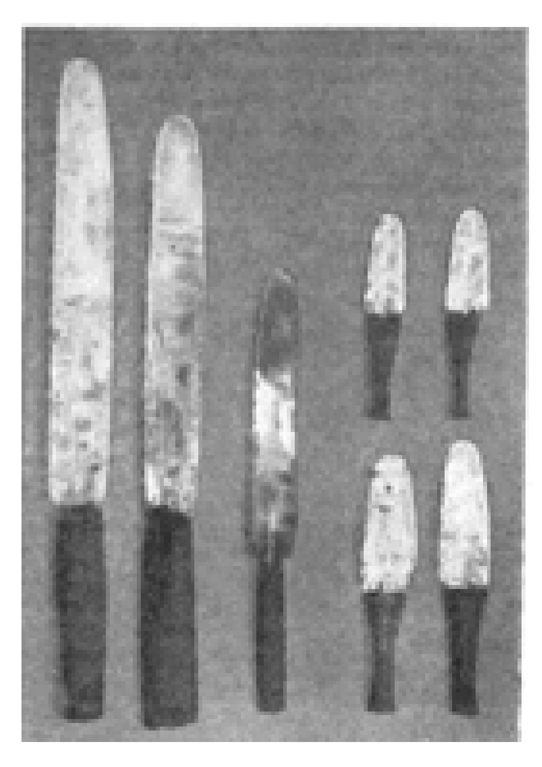
Всё говорит о большом и давнем навыке в изготовлении и употреблении орудий из меди уже в период Раннего царства. Почти все эти орудия в том же виде встречаются и в последующий период египетской истории, обычно называемый периодом Древнего царства.

Однако камень как материал для производства орудий продолжал ещё применяться весьма широко. Это доказывают многочисленные кремнёвые орудия (ножи и ножички, разнообразные скребки, наконечники стрел и т. п.), найденные в погребениях не только подданных, но и царей как I, так и II династий. Городище, соседнее с царским кладбищем, в пластах, современных Раннему царству, оказалось усеянным кремнёвыми орудиями: ножами, скребками, частями мотыг и т. п. Описанному выше кладу медных орудий начала I династии можно противопоставить клад кремнёвых орудий, тоже сравнительно недавно найденный в гробнице сановника середины той же династии. Здесь было найдено более 300 разнообразных орудий в том числе (целиком и в остатках) много деревянных серпов с кремнёвыми лезвиями.

Но как бы ещё ни были употребительны каменные орудия, основным материалом для орудий в представлении современников II династии была уже медь. Египет при первых династиях жил в медном веке, хотя и полном ещё пережитками каменного.

Во времена Раннего царства значительного совершенства достигло строительство из кирпича-сырца; кирпичный свод египтяне умели возводить уже при I династии. Наряду с кирпичом в Раннем царстве широко пользовались и деревом. Страна тогда была, по-видимому, гораздо богаче деревом, чем позже. На изображении, относящемся ко времени около I династии, показаны целые ряды густых деревьев в Западном нагорье. Подземные склепы царей I династии, обшитые внутри деревом и перекрытые очень толстыми брёвнами, говорят о большом мастерстве в обработке дерева. То же показывают и остатки домашней обстановки.

Камень в раннеегипетском зодчестве применялся в ограниченном объёме. Тем не менее он не был особой редкостью даже в гробницах частных лиц I династии. От конца II династии сохранился большой царский склеп с каменным полом и такими же стенами, а также каменный косяк дверей храма. Уже при I династии на отдельных плитах ясно видны следы обработки их медными орудиями.

Медные ножи и пилы.
Из Саккары. I династия.

Во времена Раннего царства в большом количестве производилась посуда из глины с последующим обжигом. В ходу была также посуда из особого состава — так называемого египетского фаянса. Употреблялась и медная посуда. Тем не менее при I и II династиях, более чем когда-либо прежде, распространена была посуда из камня, особенно из более мягкого (преимущественно алебастра), легко поддающегося обработке орудиями из меди.

Уже в те времена умели изготовлять писчий материал — папирус. От середины I династии до нас дошёл целый свиток волокнистой «бумаги», приготовленной из сердцевины высокого болотного растения вроде осоки — папируса. В папирусную «бумагу» были завёрнуты кремнёвые орудия.

Земледелие и скотоводство

Своеобразие истории древнейшего Египта состояло в том, что здесь в силу природных условий страны даже при тогдашнем уровне развития техники оказался возможным огромный рост производительности земледелия.

Могучую реку Нил, не только орошавшую землю, но и отлагавшую при ежегодных своих разливах плодоносный ил, человеку необходимо было освоить для того, чтобы она могла играть важную роль в развитии хозяйства. Без искусственных осушения и орошения долина Нила оставалась бы топкой низиной посреди зыбучих песков. Осваивать реку, т. е. копать оросительную сеть, насыпать водопреградные насыпи, содержать в исправности все эти сооружения, открывать и закрывать протоки, можно было при помощи несложных орудий — мотыги и корзины для переноски земли. На изображении, дошедшем до нас от времени одного из додинастических царей, показаны его подданные, голыми руками и мотыгой работающие на многоводном протоке. В представлении современников I династии любая область их страны была прежде всего орошаемой землёй; само слово «область» (*ном*) в то время писалось

знаком, изображавшим землю, поделённую оросительной сетью на четырёхугольники. Пересеченный оросительными сооружениями Египет уже при I династии стал страной исключительного плодородия.

Как и в последующие времена, Верхний Египет — узкая долина реки в южной части страны — и Нижний Египет, главную часть которого составляла расширяющаяся к северу часть этой долины, так называемая Дельта, многорукавная, близкая к морю и потому переполненная влагой и заболоченная, были освоены неодинаково. Уже при I династии Верхний Египет в письменности обозначался иероглифом, изображавшим растение, произрастающее на полоске земли. Нижний Египет — страна болотных зарослей — обозначался кустом папируса. Конечно, это не значит, что Нижний Египет был сплошь заболочен, в период Раннего царства здесь были уже многолюдные поселения, процветало виноградарство и существовало хлебопашество; при I династии верхнеегипетский ячмень отличали от нижнеегипетского.

Деревянный серп с кремнёвым лезвием.
Из гробницы I династии в Саккаре.

В гробницах современников той же династии кроме ячменя была найдена также разновидность пшеницы — эммер (двузернянка). Земледельческие орудия в период Раннего царства были в общем такими же, что и позже, в Древнем царстве, хотя частично в то время они были, возможно, менее совершенными. Плуг первобытного вида изображают нам письмена-рисунки времени II династии. Мотыга показана на памятнике одного из додинастических царей. Деревянные серпы со вставными лезвиями из кусочков кремня были найдены десятками в одной из гробниц середины I династии. Помол зерна, как и позднее, производился вручную: грубые зернотёрки (два камня, между которыми растирали зерно) дошли до нас от времени той же династии.

Разведение льна в период Раннего царства доказано тем, что в могилах были найдены полотна и льняные верёвки. При этом некоторые полотна — очень высокого качества, что говорит об искусном пользовании ткацким станком, о большом опыте в ткацком деле, а следовательно, и о развитом льноводстве.

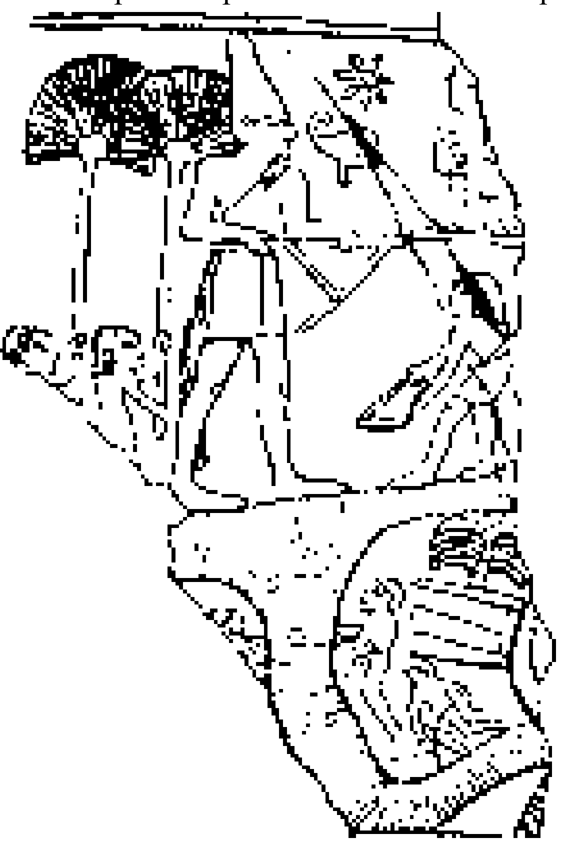
На цветущее состояние виноградарства при I и II династиях указывают бесчисленные винные сосуды, найденные в цельном виде или в обломках. Судя по печатям на глиняных пробках сосудов, местом процветания виноградарства, как и в позднейшие времена, был Нижний Египет.

Едва ли не все виды домашнего скота, распространённые в Древнем царстве, были известны уже в период Раннего царства. Существование быка, осла, барана с развесистыми рогами, козы засвидетельствовано изобразительным искусством, письменностью, а также находками костей этих животных при раскопках. Скота было много: ещё около начала I династии один из царей хвалился захватом 400 тыс. голов крупного рогатого и 1422 тыс. голов мелкого скота. Этот царь воевал против Нижнего Египта; возможно, что его добыча происходила оттуда.

Источники сырья

Одна из особенностей природных условий Египта состояла в том, что почти всё сырьё, необходимое для производства, можно было найти или в самой стране, или в близлежащей пустыне. Правда, местные месторождения меди были ничтожны, но её можно было добывать поблизости, на Синайском полуострове, и присутствие там египтян засвидетельствовано памят-

никами уже I династии. Золото имелось в пустыне между рекой и Красным морем, а также к югу от Египта, в Эфиопии, но отсюда золото стало, по-видимому, поступать значительно позже. Долина реки и пустыня восточнее её были богаты разнообразным камнем. По породам камня, употреблявшимся при I династии, можно заключить, что уже тогда были известны многие месторождения. Большинство пород полудрагоценных камней, употреблявшихся для украшений, было известно уже при I династии. Некоторые из них встречались в пустыне к востоку от реки, другие — на Синайском полуострове (бирюза, малахит), и только редкий камень, лазурит, доставлялся посредством обмена с азиатскими племенами.

Земледельческий обряд, совершаемый на берегу канала.
Рельефное изображение на каменной булаве царя «Скорпиона».
Иераконполь. Конец IV тысячелетия до н.э.

Деревом, как уже говорилось, страна тогда, по-видимому, располагала, хотя вообще недостаток дерева был слабым местом древнеегипетского хозяйства. Чёрное дерево, уже при I династии употреблявшееся для всевозможных поделок, от частей домашней обстановки до наконечников стрел, было, несомненно, привозным.

Размеры потребления слоновой кости почти исключают мысль о ввозе её из-за рубежа. Скорее всего слон ещё водился по окраинам пустыни. Возможно, что именно увлечение изделиями из слоновой кости и было причиной последующего полного истребления слонов в Египте.

Таким образом, природные богатства страны и окрестных пустынь позволяли во времена Раннего царства обходиться собственным и близлежащим сырьём, что, конечно, не исключало сношений Египта со странами, даже довольно отдалёнными: так, посуда, привозившаяся, как полагают, с островов Эгейского моря, была известна в Египте уже в начале I династии.

Общественные отношения

Наши сведения об общественном строе Египта периода Раннего царства скудны и неполны. Источники говорят о большом царском хозяйстве, тщательно управляемом и выпускавшем разные изделия. Печати на глиняных пробках винных сосудов при обеих первых династиях упоминают названия царских виноградников и звания ответственных за эти хозяйства сановников. До нас дошло много печатей, которыми были опечатаны продукты, изготовленные в царских хозяйствах, причём значительная часть таких печатей была найдена вне царских гробниц, в погребениях знатных, а подчас и незнатных людей, которые получали припасы из царского хозяйства.

Надписи II династии упоминают «мастерские пищи». О существовании тогда в больших хозяйствах различных мастерских может свидетельствовать «печать судостроительного (или, быть может, шире — деревообделочного) заведения», принадлежащего хозяйству «матери детей царя». Одновременно эта печать показывает, что уже в конце II династии внутри самой царской семьи хозяйство царицы было отдельным от хозяйства царя, совсем как в последующие времена. Выделение «дома царя» предполагает существование при I и II династиях и «домов» (хозяйств) нецарских.

Но кто же работал в царском хозяйстве или в других больших владениях? Источники, к сожалению, отвечают на этот вопрос недостаточно полно.

Среди надгробных надписей царских приближённых и слуг I династии имеется по меньшей мере одна, в которой погребённый прямо называется «рабом». Возможно, этот «раб» был царским невольником, скорее всего домашним слугою царя. К этому времени слово «раб» уже должно было стать настолько обычным в языке египтян, что во времена I династии жрецов называли «рабами» того или иного божества.

Захват пленных египетскими номами, символически изображенными и виде зверей и птиц.
Додинастическое время (IV тысячелетие до н. э.).

Откуда брались рабы? В период Раннего царства велось немало войн внутренних и внешних. Связанный пленник был излюбленным сюжетом в тогдашнем изобразительном искусстве. Иногда пленные изображались целыми вереницами, связанные каждый по рукам и все вместе за шеи. Иногда захваченными в плен оказывались иноземцы, но в большинстве случаев изображённые пленные могут быть приняты и за египтян.

На некоторых изображениях представлено убиение пленных, на других показывался только их угон. Один из царей I династии хвалился тем, что взял 120 тыс. пленников. Так как он воевал с непокорным Нижним Египтом, вполне вероятно, что пленники могли происходить оттуда. Сомневаться в достоверности приведенной цифры нет оснований. Число повстанцев Нижнего Египта, павших в бою с одним из царей II династии, как оно передано надписями того времени, тоже громадно (48205 или 47209). 120 тыс. пленных названы в качестве добычи после перечисления количества захваченного скота. Уже это указывает на хозяйственное использование пленных. Было бы, однако, неосторожно сводить раннеегипетское рабство только к использованию труда военнопленных, хотя об эксплуатации рабов-соплеменников и нет определенных данных.

Раскопки мест погребений, производившиеся за последние десятилетия подле «Белых стен» — так первоначально, а иногда и позже именовался нижнеегипетский город Мемфис, — наглядно раскрыли перед нами всю глубину общественного расслоения Египта уже в середине I династии.

Как крепость высилась кирпичная громада усыпальницы важного сановника, снаружи вся украшенная выступами и нишами, внутри полная потайных помещений, заваленных богатой утварью и припасами. С юга подле усыпальницы находилось 19 небольших ям, и в каждой было по деревянному гробу со скорченным человеческим трупом, завёрнутым в тонкую ткань. В каждой такой могиле лежало немного простой посуды, некогда с припасами. Но одна (двадцатая) могила была побольше, гроб в ней покрупнее, и мертвец лежал в полусогнутом положении. Восточнее усыпальницы

было несколько крошечных могил с птичьими трупиками, обитыми тонкими тканями и лежавшими в деревянных ларцах, из которых один был отделан слоновой костью и чёрным деревом; в каждой могилке было по маленькому сосуду. По соседству было 7 погребений, во всём подобных птичьим, с той только разницей, что погребены здесь были собаки. При пернатых и четвероногих «покойниках» был зарыт и человек, очевидно, их сторож. Он похоронен без всякого гроба, только в саване, около него находилось несколько горшков.

Всё это очень показательно. Вельможа погребён по-царски. Как царь, он окружён и по смерти своими людьми. С ним похоронены и его пернатые и четвероногие любимцы. Его люди — возможно, его рабы — были похоронены не лучше, а то и хуже птиц и собак. Таким образом, здесь с полной наглядностью представлены две крайние противоположности в египетском обществе.

Раскопки вскрыли существование и средней прослойки населения столицы того времени — середины I династии. В той же местности, где находилась описанная усыпальница, было откопано скромное кладбище. Из откопанных могил, общим числом в 231, несколько высечено в каменной почве, но подавляющее большинство могил — просто ямы, вырытые в слежавшемся песке. Только единичные могилы из числа высеченных в скале отделаны изнутри сырцовым кирпичом, и лишь две могилы разгорожены внутри кирпичными стенками на склеп и кладовые. В некоторых могилах не было никакой утвари, в других была лишь глиняная посуда. В ряде могил была обнаружена и дорогая каменная посуда отличной работы. Притом такая же посуда была обнаружена даже в некоторых простых ямах. В одной такой могиле были найдены два набора игральных пешек из слоновой кости, в другой — изящная булавка, большая медная чаша.

Таким образом, перед нами кладбище и бедняков, и людей с достатком. Какая разница между этими погребениями и усыпальницами знати!

Столичная знать, располагавшая людьми и богатствами, — вот кто вершил уже тогда судьбами страны. Глядя на гробницы вельмож, почти не уступавшие царским, можно заключить, что при I династии сам царь не выделялся в окружении могущественных вельмож, хотя он и был их главой. Гробница иного сановника затмевала царскую.

Государственная власть

Всё, что мы знаем о Раннем царстве, позволяет видеть в нём сложившееся государство уже при I династии, если не раньше. Раннее царство было уже царством двуединым, но единство его было ещё непрочным. «Соединение обеих земель» — Верхнего и Нижнего Египта — справлялось царями как праздник при вступлении их на престол. Но это «соединение» было результатом насилия верхнеегипетских покорителей. Север был ещё не до конца покорён. Борьба между верхнеегипетскими завоевателями и Нижним Египтом красной нитью проходит через историю Раннего царства.

Во главе государства стоял царь, преемник верхнеегипетских завоевателей. У царя было два особых головных убора: белый — верхнеегипетский и красный — нижнеегипетский. Они имели значение корон, символизирующих царскую власть над обеими землями. Эти «короны» надевались также вместе — одна на другую. С начала I династии надписи величают царя «обеими владычицами» — в знак соединения в его лице богинь обеих половин царства, а с середины той же династии — «принадлежащим к Тростинке и Пчеле»: первая знаменовала Верхний, а вторая Нижний Египет. Это название и стало обычным обозначением фараона как царя обеих половин Египта. Двуединый характер государства отражался и в названиях его учреждений: по цвету корон верхнеегипетская сокровищница именовалась «белым домом», а нижнеегипетская — «красным домом».

Царя окружал многолюдный двор, состоявший из множества придворных чинов и различных прислужников. Значение царской власти подчёркивалось полным

обожествлением её носителей. Царя объявляли разновидностью царского бога-покровителя Гора, и каждый царь в добавление к своему личному имени принимал ещё особое царское имя: Гор-Боец, Гор-Высокий Рукою и т. п.

Сосредоточивая полновластие в царских руках рабовладельческая знать (вельможи) на деле не выпускала его из своих рук. Вельможи, как можно судить по их званиям, были обладателями важных должностей в самом царском хозяйстве. И если «государственное» и царское сливались, по-видимому, воедино, то и вельможи I династии не делали большого различия между управлением и владением. Управляющий царскими виноградниками, например, заполнял свою гробницу заготовками из подведомственных ему царских угодий.

Наряду с основной задачей государственной власти-подавления угнетаемых - одной из существенных задач этой власти была организация оросительного дела в Нильской долине. Этим обеспечивалась возможность получения прибавочного продукта. Нет прямых данных о том, как практически были в то время организованы работы по орошению, но несомненно, что верховное руководство находилось в руках государства. Наблюдение за рекой как при I, так и при II династиях было поставлено образцово: ежегодно точно измерялся и тщательно записывался уровень воды.

Источники упоминают об областях, на которые распадался в то время Египет и которые греки много позже называли номами. Звание, обозначавшее впоследствии правителя области - *номарха*, встречается в надписях уже при I династии. Также и слово «судья» можно прочитать на печатях ещё середины I династии.

Постоянное войско, по-видимому, существовало в зачаточном состоянии. Полководец одного из последних царей I династии, изобразивший себя на синайских скалах с луком в руке, имел в числе званий и одно военное, надо думать - постоянное: «начальник войска». Второстепенный придворный, погребённый в числе других около склепа царя I династии, был увековечен на своём надгробии с луком в руке. Это изображение похоже на иероглиф, которым писалось слово «воин». Вероятно, он и был воином.

В то время велось много войн и с непокорным Нижним Египтом и с соседними племенами, как с южными — эфиопами (или нубийцами), так и с западными (ливийцами) и северовосточными (азиатами). На Синайском полуострове Египетское государство постоянно вело войны с местными племенами, так как там находились медные рудники.

Большое значение в государственной жизни уже того времени имели писцы. Даже при I династии важный сановник, имея высшие звания, не пренебрегал и скромным званием писца. Каждые два года при II династии в стране производился переучёт, по-видимому для налоговых целей.

Начало летописной истории Египта

Древнее предание первым царём Египта считало Мена (Мину). С него считает I династию и позднеегипетский жрец Манефон в своём историческом сочинении. Европейские учёные приписали Мену объединение страны в единое государство. Однако оснований для такого предположения мало.

Один очень старый памятник, сохранившийся от времени никак не позже начала I династии, прославляет победу над Нижним Египтом, одержанную царём, чьё имя условно читается «Нармер». Высказывалось предположение, что имя «Мен» могло быть вторым или личным именем этого победителя (египетские цари носили по несколько имён). Но такое предположение едва ли правильно. Поражение Севера, которое изображено на этом памятнике, вовсе не обязательно считать первоначальным завоеванием этой части страны. Оно могло быть и подавлением какого-либо восстания: усмиряли повстанцев-северян ещё и при II династии.

Имеются и прямые основания думать, что Египет был объединён задолго до I династии. Не только Нармер владел уже обеими частями Египта (он носит обе «короны»), но и два других, ещё более древних властителя были, по-видимому, уже

общеегипетскими царями. Так, в надписях одного из них на посуде упоминаются поочерёдно Верхний и Нижний Египет. По уцелевшим обломкам летописи, начертанной во времена Древнего царства, также можно заключить, что в ней перечислялся целый ряд царей, имевших право на двойную «корону» объединённого Египта и царствовавших раньше I династии.

Но если Египет был объединён задолго до I династии, почему же предание считало именно её первой династией, а её основателя Мена первым царём? Этого нельзя объяснить тем, что объединение Египта до Мена не было ещё окончательным и только при нём было закреплено. Окончательным это объединение не было даже при II династии, о чём свидетельствует кровавый погром в Нижнем Египте, учинённый царём этой династии Хасехемом. С другой стороны, неподчинение северной окраины страны общеегипетским царям вряд ли могло побудить предание не признавать существования этих царей. Поэтому лучше всего отбросить предположение об объединении Меном всей страны. Ни одним источником это объединение Мену не приписывается. Необходимо найти более надёжное объяснение «первенству» Мена и его династии.

Символическое изображение победы Верхнего Египта над Нижним. I династия.
В центре — царь Нармер, убивающий пленника.
Позади него — придворный сандаленосец.
Вверху справа — царь в виде сокола (бога Гора) берёт в плен Нижний Египет, изображённый полоской земли с пучком папируса и человеческой головой. Внизу — беглецы или убитые.

При первых династиях летоисчисление велось следующим способом. Каждый год правления того или иного царя получал особое название по примечательным событиям, происшедшим за этот год. Названия годов заносились в особые списки — летописи. Остатки такого списка дошли до нас от Древнего царства, и по ним видно, что непрерывная цепь подобных записей начиналась с I династии.

От этого времени сохранилось значительное количество костяных и деревянных ярлыков, которые помечены названием того или иного года. И эти ярлыки тоже появляются лишь с воцарения I династии. От додинастических царей ни одного такого ярлыка, как кажется, не дошло. По-видимому, летоисчисление для египтян начиналось с I династии, и летопись, т. о. в древнейшие времена перечень лет по событиям, начиналась с I династии. До этой династии список приводил только одни имена властителей и летописью такой список не был. Тем самым и основатель этой династии должен был для египтян стать первым летописным, мы бы сказали — «историческим», фараоном.

Первый царь, от времени которого мы имеем ярлыки с названиями лет, именуется на своих памятниках обыкновенно Гором-Бойцом. По всей видимости, он и был Меном. С выводом, что имя «Мен» было личным именем царя, называвшегося Гором-Бойцом, как нельзя лучше согласуются и прочие данные.

По Манефону, обе первые династии были родом из верхнеегипетского города Тина. Гробницы царей I и отчасти II династии, откопанные в Тинской области подле города Абидоса, служат наглядным подтверждением правильности этого сообщения.

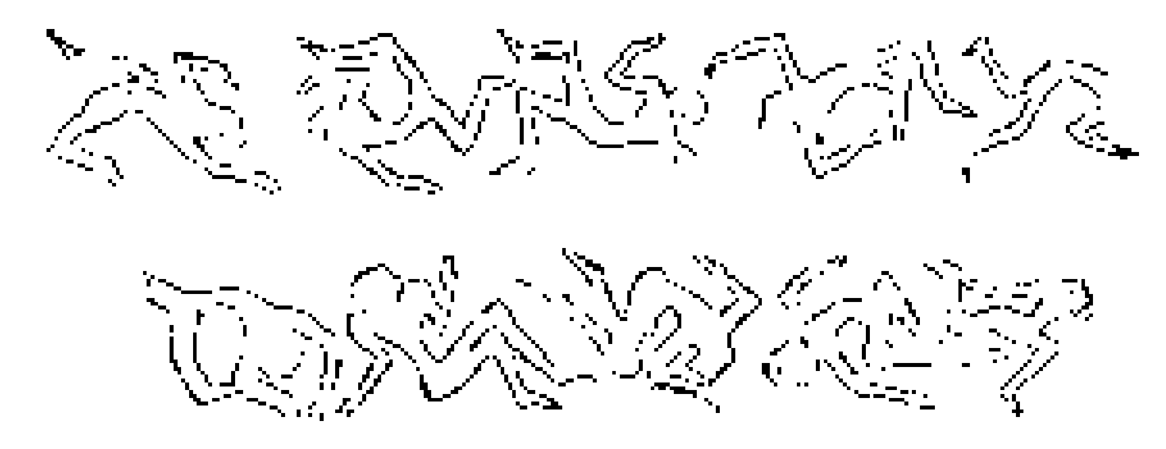
Предание приписывало Мену основание главного города Нижнего Египта — Мемфиса, ставшего столицей всего Египта. На кладбище этого города откопаны были сотни могил людей среднего достатка, современников I династии, и большие усыпальницы тогдашней знати. Из этих усыпальниц древнейшая относится ко времени Гора-Бойца.

Об исторических событиях времён I династии мы знаем очень мало. Если судить по имеющимся данным, положение внутри страны при I династии было относительно устойчивым. Источники намекают только на распри внутри царствующего дома да и то в более поздние годы. Иначе обстоит дело со II династией.

Восстание в Нижнем Египте

В начале II династии цари нарушили вековую традицию, перестав использовать абидосское кладбище. Затем, ещё при той же династии, в Абидосе вновь появляются царские погребения, но теперь уже цари носят новую, необычную титулатуру.

Как мы уже говорили, властители Египта неизменно именовали себя богом Гором, теперь же, в период II династии, мы находим царя, объявившего себя не Гором,

Убитые нижнеегипетские противники царя Хасехема.
Изображение на подножии его статуи. Иераконполь. II династия.

а его противником — богом Сетом. Вслед за тем другой царь, уже под самый конец династии, провозгласил себя одновременно Гором и Сетом и даже именовался, по-видимому, в примирительном духе: «Тот, в ком умиротворились оба бога».

Трудно решить, были ли такие изменения титулатуры связаны с теми кровавыми событиями в Нижнем Египте, где почитался бог Сет, о которых повествует царь той же династии Гор-Хасехом. На подножиях двух своих изваяний этот царь символически изобразил Нижний Египет пораженным; там же изображены трупы повстанцев и указано число павших врагов (на одном изваянии — 48205, на другом — 47209). На двух каменных сосудах он представил богиню Верхнего Египта, вручающую ему, украшенному верхнеегипетской короной, знак соединения обеих земель в «год поражения Нижнего Египта».

3. Культура и религия Раннего царства

Письменность и начатки знаний

В период Раннего царства египетская письменность уже сложилась. В последние десятилетия накануне периода I династии египтяне уже пользовались всеми основными видами знаков и всеми основными приёмами их сочетания, какими пользовались впоследствии.

Греческие писатели, современники Римской империи, назвали знаки египетских надписей, вырезавшихся тогда почти только на стенах храмов, *иероглифами* от гре-

ческих слов «hieros» (священный) и «glypho» (режу, высекаю). По внешнему облику иероглифы представляли собой рисунки живых существ и различных предметов. Иероглифы или прямо «изображали» слово, например изображение быка означало слово «бык», или косвенно намекали на содержание слова, например изображение палицы — оружия соседних племён — означало название их страны «Ливия». Для передачи многих слов прибегали к способу, напоминающему наши ребусы, т. е. звуки обозначались иероглифами, изображавшими созвучные названия предметов. При этом в расчет принимались одни согласные. Так, изображением божества *Хх* египтяне писали и слово *хх,* значившее «миллион»; изображением округлого горшка по-египетски *нв,* обозначали согласные *нв* в различных словах; изображением хлеба по-египетски *т,—* согласный *т.* Поскольку для каждого из 24 ранеегипетских согласных имелось по особому знаку, можно было писать одними «буквами», но на буквенную, алфавитную систему письменности египтяне так и не перешли. Уже к началу I династии было разработано обычное впоследствии смешанное правописание, когда для передачи одного слова писали вместе и знаки, имевшие изобразительное значение, и звуковые знаки. Так, слово «Ливия» по-египетски состояло из согласных звуков *Чхнв,* его можно было написать, как мы уже говорили, знаком палицы и придать ему изображение песчаной полоски земли, для обозначения того, что речь идёт о пустынной стране. Но можно было после первого изобразительного знака проставить еще «горшочек». Этот знак имел звуковое значение *нв.* Так пояснялось, что слово, обозначенное палицею, содержит согласные звуки *нв.*

Еще до I династии писцы помечали посуду с припасами чернильными надписями. Почерк этих надписей отличается иногда известной беглостью и уверенностью. При I и II династиях эта беглость почерка в иероглифических надписях, сделанных чернилами на посуде, все возрастает. Изображения (иероглифы) письменного прибора в надписях двух первых династий доказывают, что уже тогда чернилами писали при помощи длинных тростинок-кисточек. Ранним своим развитием египетская письменность обязана прежде всего широкому применению её в больших хозяйствах и в государственном делопроизводстве. Этой же причиной объясняется и относительно высокий уровень счётного дела в Раннем царстве. К началу I династии египетские счётчики орудовали громадными числами; язык и письменность уже тогда имели особые слова и знаки для обозначения 10 000, 100 000, 1 000 000. Система счисления в своей основе была десятеричной. Иероглифы, обозначающие единицы, десятки, сотни, тысячи и т. д., писались столько раз каждый, сколько единиц, десятков, сотен, тысяч и т. д. имелось в числе, например: число 23 писалось двумя дужками, обозначавшими десятки, и тремя палочками.

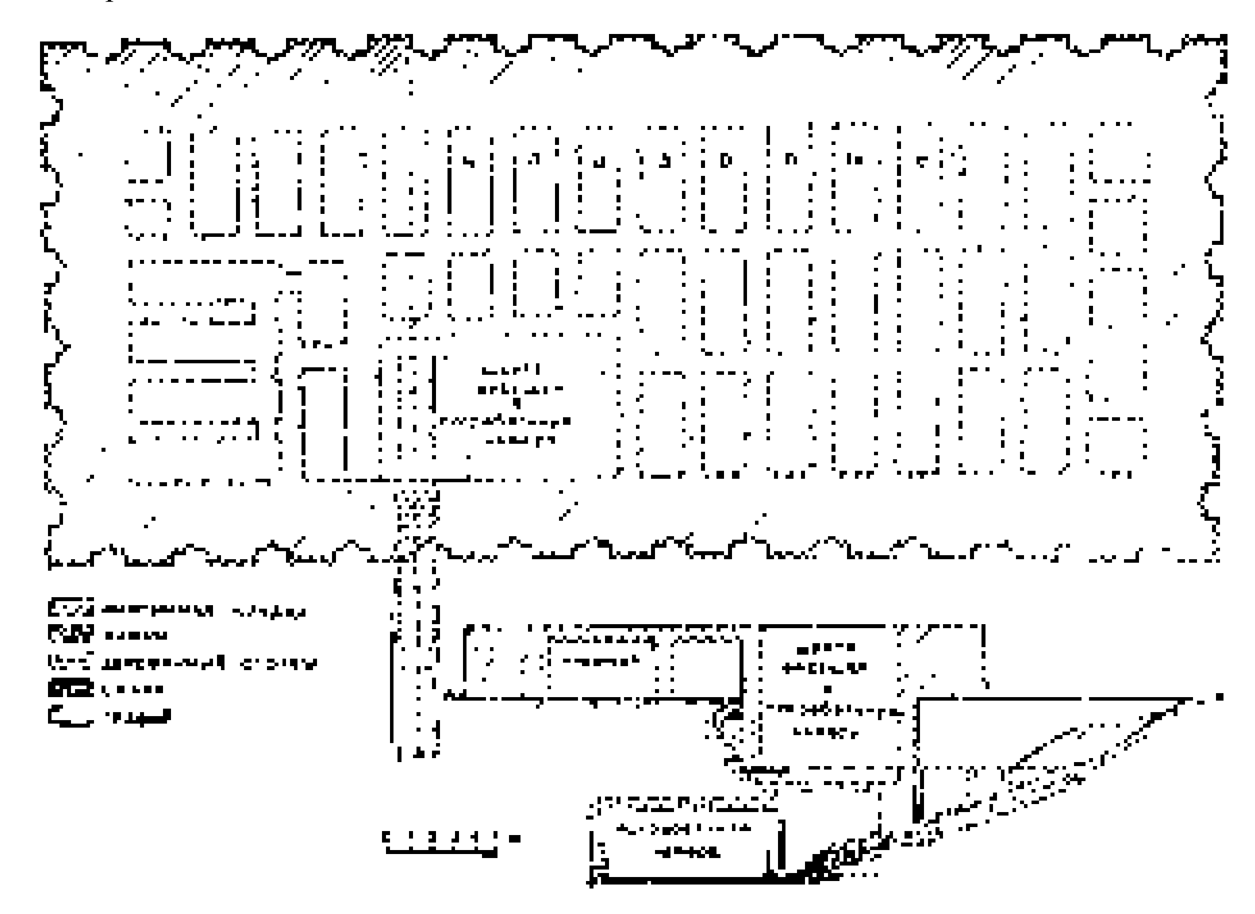
Как и следовало ожидать, у земледельческого народа летоисчисление велось по годам, подразделённым на месяцы и дни. По меньшей мере с начала I династии ежегодно с величайшей точностью измерялся уровень нильского разлива, от которого зависело хозяйственное благополучие государства. Уровень воды в Ниле записывался под соответствующим годом. Каждый год получал своё наименование по имевшим место событиям. Имена царей, названия лет, уровень Нила заносились в летописи.

Верования

В период Раннего царства учение о божественности главы государства служило упрочению существовавшего классового строя. Как мы уже говорили, особа царя обожествлялась, боги считались роднёй и покровителями царей. Власть угнетателей была тем самым окружена ореолом божественности.

Источники того времени упоминают большое число божеств, из которых многие сохранили своё значение и впоследствии. Ряд богов почитался в виде животных. Некоторые из божеств почитались не только в своих определённых местностях. Воинственная богиня нижнеегипетского города Саиса Нейт пользовалась при I династии большим почётом и в других частях страны. Земледельческое божество —

солнце Ра, широко почитавшееся впоследствии, упоминается впервые в составе царского имени при II династии.

Гробница египетского вельможи Хемаки в Саккаре. I династия.
План и вертикальный разрез.

Вера в существование у человека души-двойника, в особое значение имени человека сквозит в надписях также при I династии. Забота о снабжении умершего жилищем (гробницей), едой и утварью для загробного существования была унаследована от прошлого и развита дальше.

Вера в волшебство, сохранявшая большое значение и впоследствии, обнаруживается то тут, то там в раннеегипетских источниках.

Искусство

От гражданских сооружений Раннего царства ничего или почти ничего значительного не сохранилось. Если о раннеегипетских храмах судить по знакам-изображениям в письменности, это были, по-видимому, небольшие постройки внутри оград. Единственная отрасль раннеегипетского зодчества, о которой мы осведомлены сколько-нибудь подробно,— это гробницы царей и особенно знати. Гробницы вельмож Раннего царства во многом предвосхищали надгробные сооружения последующего Древнего царства. Прямоугольные надземные постройки в виде завалинок [1] сохранялись в гробничном строительстве знати долгие века после I династии. Первоначально они воздвигались

[1] По их внешнему виду их обычно называют арабским словом «мастаба» — завалинка, скамейка.

не из камня, а из кирпича-сырца. Некоторые из раннеегипетских гробниц были в отличие от обычных впоследствии расчленены по боковым поверхностям отвесными выступами и нишами, в подражание, вероятно, современным им дворцам. Так называемая ступенчатая пирамида, которую мы видим в качестве царской гробницы в начале Древнего царства, в зародыше была известна уже при I династии. Одна из гробниц вельмож начала строиться как ряд поставленных друг на друга всё уменьшающихся прямоугольных надстроек, хотя позднее была перестроена.

От Раннего царства дошло значительное количество мелких и очень немного крупных круглых скульптур. Ещё в период до I династии или в начале её правления отдельным мастерам замечательно удавались изображения людей и животных. Таково, например, поразительно жизненное изображение дряхлого царя в верхнеегипетской короне. Но ещё при II династии даже крупные каменные изваяния людей иногда отличались несоразмерностью отдельных частей тела.

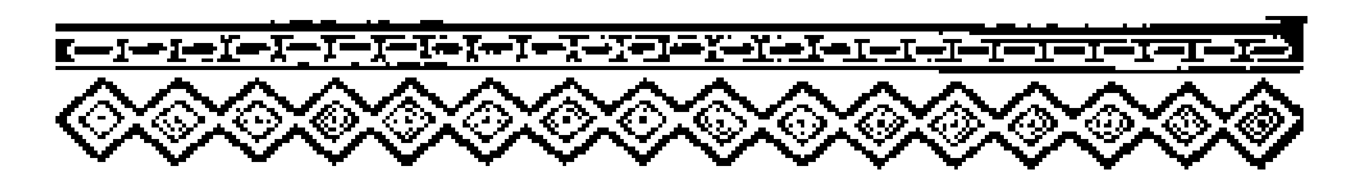
Поскольку статуи имели культовое назначение, их облик — положение, раскраска и т. п. — был обусловлен определёнными правилами, которые были обязательны для ваятеля и которые хотя и были частично выработаны в додинастическом искусстве, но закрепились только в искусстве Раннего царства.

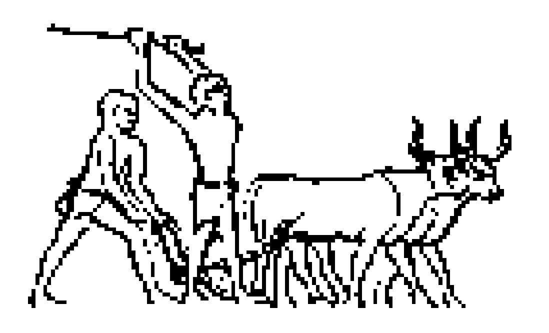
Изображения на плоскости не столько смотрелись, сколько читались. Плоские изображения и письмена составляли при первых династиях неразрывное единство. Создание этих изображений также было постепенно закреплено определёнными правилами. Художник изображал предмет на плоскости не таким, каким он мог его видеть в том или ином случайном положении, под тем или иным случайным углом зрения, а старался изобразить предмет так, чтобы все его характерные признаки были видны одновременно. Предметы изображались, как если бы на них одновременно смотрели прямо и сбоку. Этим объясняется странное на наш взгляд построение человеческого изображения: голова, локти и низ тела повёрнуты вбок, плечи же и глаз нарисованы прямо. В изображениях животных, для которых обыкновенно более существенным является вид сбоку, египетская передача менее отлична от нашей.

Египетский способ изображения на плоскости намечался в живописи и резьбе задолго до I династии, но последовательно не проводился. Только накануне I династии он отлился в чёткое правило, сохранявшее силу на протяжении всего дальнейшего развития древнеегипетского искусства. Возможно, тут сказалось консервативное влияние религии: приём был закреплён в качестве традиционного для религиозных изображений.

Во времена I династии быстро росло мастерство исполнения. Некоторая неуверенность, наблюдавшаяся в изображениях на плоскости в период начала I династии, сменилась затем уверенностью, стройностью композиции и, где надо, подвижностью в изображении фигур.

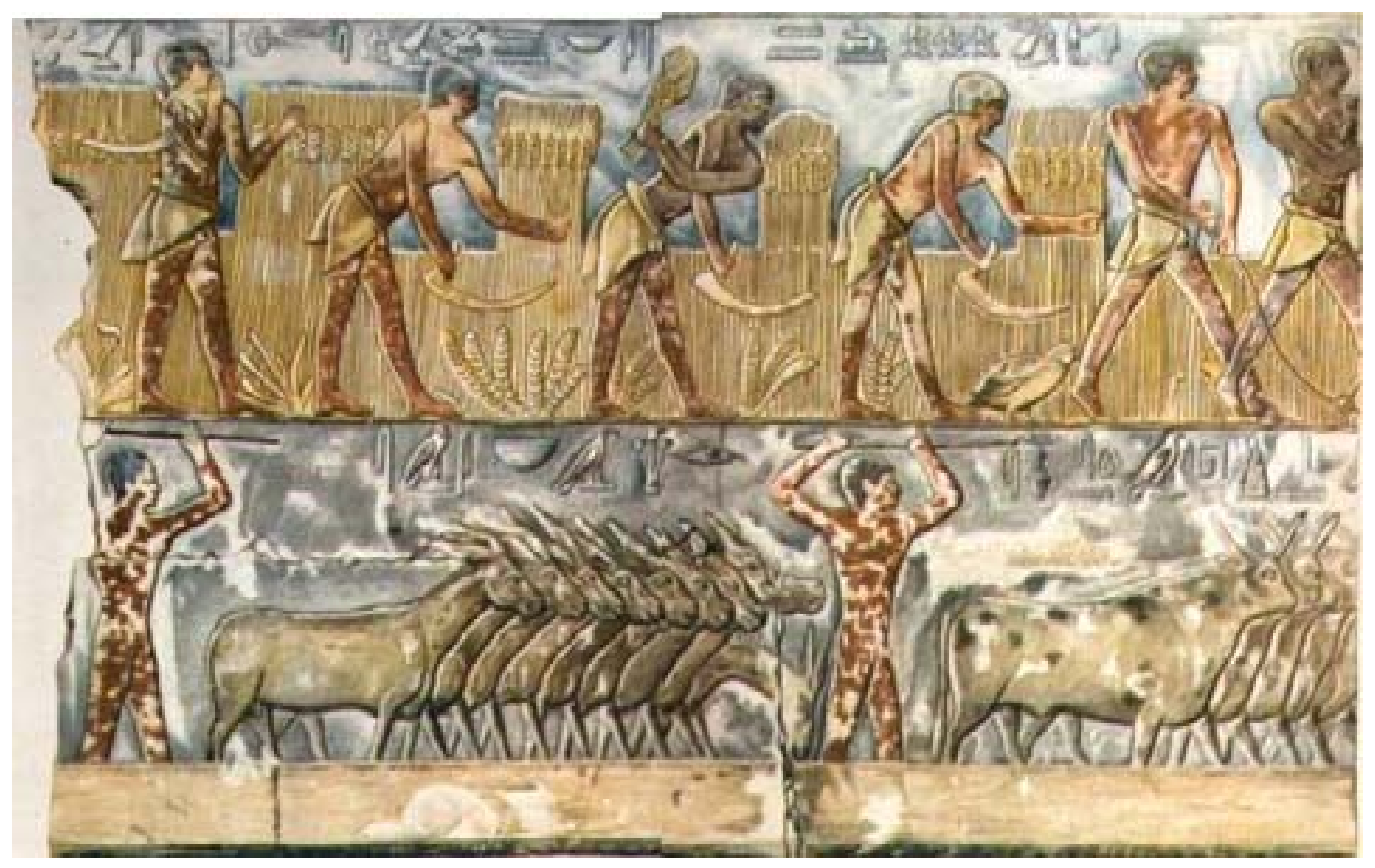
ГЛАВА V
ЕГИПЕТ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

Период Древнего царства охватывает несколько веков III тысячелетия до н. э. Точные границы этого периода пока установить затруднительно. По Манефону, на Древнее царство приходятся династии от III до VIII.

Период Древнего царства показывает, какое большое значение имело окончательное объединение страны, сплочение в единое экономическое и политическое целое Верхнего и Нижнего Египта.

1. Общественный и государственный строй Древнего царства

В это время в Нижнем Египте было довольно много пахотной земли; известна была особая, нижнеегипетская разновидность ячменя; однако всё же не полеводство было отличительной чертой тамошнего хозяйства. Памятники III династии указывают, что в Нижнем Египте преимущественно было сосредоточено царское садоводство; большинство сортов вин этого времени называлось по Нижнему Египту и его городам. В болотах поморья развивалось птицеводство и рыболовство. Высокие густые заросли папируса покрывали Дельту. Из папируса плелись циновки, вязались челноки, изготовлялся писчий материал. Сочные, тучные пастбища служили отличным выгоном для скота (в Верхнем Египте он пасся по берегам). Скотоводство включалось в число «работ», производившихся в Нижнем Египте; на стенах гробниц часто изображались пасущиеся там стада. С пастбищ Дельты, как говорится в надписях, «выходили» к вельможному хозяину стада быков и коров; оттуда же ему доставляли «всё доброе», чем была богата тамошняя топь, — папирус и «всякую птицу».

СЦЕНА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОТ
Рельеф из гробницы в Саккаре. Египет. V династия

В гробницах изображаются суда, прибывающие к хозяину из Верхнего Египта, нагруженные крупным и мелким скотом, животными пустыни, журавлями, голубями и такими изделиями, как сосуды, ножи и т. д. Но главным их грузом было зерно. Многие суда были специально приспособлены для перевозки зерна.

Нижнему Египту с землями, отчасти засеянными злаками, отчасти занятыми садами, лугами и болотами, Верхний Египет противостоял как преимущественно хлебный край. Обе половины страны в хозяйственном отношении дополняли друг друга. С окончательным объединением Египта, завершившимся к концу II династии, становился возможным новый подъём хозяйства.

Орудия труда из меди и камня

В Египте при раскопках найдено немало кремнёвых ножей, скребков, свёрл, относящихся ко времени III династии. В погребальном сооружении одного из первых царей этой династии кремнёвые свёрла, оставленные каменотёсами, были найдены сотнями. В городских домах того же времени были обнаружены кремнёвые лезвия. Немало кремнёвых орудий дошло до нас и от последующих времён Древнего царства. Каменные свёрла имелись у каменотёсов, несмотря на соперничество медных. В ряде случаев каменное и деревянное орудие даже не имело себе соперников. Резец загоняли при ряде работ деревянной колотушкой, медь и золото ковали камнем, зажатым прямо в руке. Камнями оббивали твёрдый камень, не поддававшийся обработке при помощи меди. Каменными были также лощила.

Однако медные орудия, относящиеся к периоду Древнего царства, найдены также в значительном количестве: разные ножи и резцы, тёсла, топоры, пилы. Чаще всего это не настоящие орудия, а небольшие медные подобия их, сделанные, видимо, ради экономии. Эти орудия должны были, по представлениям древних египтян, служить погребённому с ними мертвецу в «потустороннем мире», и они точно воспроизводили настоящие медные орудия. Такие наборы, уложенные в ящики, изображены также на стенах гробниц. Там же показаны медные орудия в действии — в руках мастеров. Медь обычно ковали.

Медные орудия находили, несомненно, большое применение в деревообделочном ремесле. В изделиях из дерева нуждалось всё население повсеместно и повседневно. Прежде всего дерево было нужно в земледелии, а также для изготовления перекрытий, столбов, дверей в зданиях, в строительстве судов и производстве предметов домашнего обихода.

Ни в чём, однако, торжество орудий из меди и их широкое употребление не сказались с такой ясностью, как в невиданном до этого размахе строительства из мягкого камня (известняка). Только благодаря широкому употреблению медных орудий стал возможным такой подъём каменного строительства.

Медь в Древнем царстве употреблялась в естественном её виде, без искусственного приплава олова. Орудия из меди были мягкими; можно полагать, что их делали несколько твёрже путём крепкой ковки; действие пил и свёрл усиливали при помощи твёрдого песка. По самим каменным изделиям видно, как быстро снашивались медные орудия. Можно себе представить, какие груды медных орудий должны были египтяне источить за время Древнего царства, ворочая буквально горами камня! Железо же хотя и было известно, причём не только метеоритного происхождения, но производственного значения ещё не имело.

Сельское хозяйство

Как уже отмечалось выше, водораспределительная сеть, прорезывавшая вдоль и поперёк страну, существовала ещё в Раннем царстве. В какой мере её расширили и усовершенствовали в Древнем царстве, при современном уровне наших знаний пока ещё определить невозможно. Огороды и виноградники, даже у вельмож, поливали вручную, из сосудов.

Особых усовершенствований в сельскохозяйственных орудиях, по сравнению с периодом Раннего царства, не обнаруживается. Вероятно, эти орудия изготовлялись при помощи медных инструментов; нет никаких оснований считать, что сошник плуга

и мотыга не были деревянными; серп, судя по его изображениям, остался деревянным, со вставным лезвием из кремня.

Большинство хлебных растений времени Древнего царства, если только не все, были уже известны египтянам и в период Раннего царства. То же можно сказать о виноградной лозе, финиковой пальме, смоковнице и др. Вряд ли много новых видов было и среди овощей (корнеплоды, лук, чеснок, огурцы, салат и т. д.). Льноводство было широко развито и до Древнего царства.

Основные виды скота также были теми же, что и прежде. Возможно, что еще в период Раннего царства пытались приручать диких животных для откормки — в частности белых антилоп. Во времена Древнего царства, бесспорно, приручали также другие виды антилоп, газелей, козерогов. Из птиц во времена Древнего царства наряду с гусями, утками и голубями (на одном изображении есть и лебеди) держали стаи журавлей и тоже откармливали их.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные не обнаруживают существенных качественных изменений в сельском хозяйстве Египта Древнего царства по сравнению с Ранним царством. Изменения были, видимо, в основном количественного порядка.

Имущественные отношения

Источники, дошедшие от Древнего царства, впервые позволяют нам заглянуть в существо древнеегипетских отношений собственности, хотя и не столь глубоко, как было бы нужно. Различались царское имущество и хозяйство, и имущество и хозяйство частных лиц. Хозяйству царскому, «дому царя», хозяйство вельможи противопоставлялось как «дом личный». Царскому «местожительству», или дословно «внутреннему», противопоставлялся «личный дом» вельможи как нечто стороннее, дословно — «внешнее» [1]. Номарх тщательно различал между тем, что было лично его — «имуществом самого его по истине», и тем, что считалось его имуществом лишь «по должности». Неприкосновенность благоприобретённого, «правильного имущества» подчёркивалась со всей определённостью. Хозяева гробниц, значительных и помельче, в надписях наперебой заверяли посетителей в своём законном и потому нерушимом праве на эти сооружения: чтобы воздвигнуть их, они-де никого не ограбили, создали их на собственные средства, «из имущества правильного», сполна оплатили мастеров. Иной спешил заверить, что вообще «жил с имущества» своего «правильного», «с сотворённого своей рукой», хотя на самом деле богатые всеми средствами стремились захватить имущество своих более бедных соседей. Фараоны располагали огромными земельными богатствами и раздавали их не только храмам, но и знати. Своей землёй землевладелец распоряжался свободно. Уже на рубеже III и IV династий даже простые люди могли продать свою землю. Землевладелец мог также подарить или завещать землю родственникам. Наследника можно было назначать, но обыкновенно, по-видимому, им был старший сын, становившийся по смерти вельможи «владыкой» его «всякого имущества». Иногда младший брат служил у старшего прислужником или управляющим.

Скот, так же как и земля, мог быть пожалован, унаследован, передан по завещанию или приобретён. Если верить числам, написанным над изображением скота в гробницах, то в руках вельмож его было сосредоточено очень много.

Таким образом, помимо царской земельной собственности существовали земельные владения, которыми их владельцы могли распоряжаться. В Египте того времени имелись крупные владения вельмож, занимавших важные должности при дворе и в государственном управлении, владения храмов, самого царя, а с другой стороны, имелись рядовые хозяйства общинников.

[1] Толкование хозяйства, изображаемого на стенах гробниц, как «личного дома» вельможи принято не всеми советскими учеными, некоторые исследователи полагают, что речь идет о храмовом хозяйстве, предназначенном для обслуживания заупокойного культа.— *Ред.*

Притеснение бедного более сильным с помощью неправедного суда, лишение тем же способом сына отцовского имущества стали в то время уже нередкими явлениями. Нам известен случай, относящийся ещё к рубежу III и IV династий, когда мелкие землевладельцы вынуждены были продать свои пашни одному из сановников. О голодных и нагих надписи упоминают часто. Всё говорит о процессе расслоения населения. Многие рядовые общинники нищали. Разорение рядового населения ко времени VI династии зашло, по-видимому, довольно далеко. Один номарх хвалился, будто уделял из собственного достатка ячмень и молоко голодному, какого находил у себя в области, погребал бедного в своём полотне, вносил зерновую ссуду из своих средств заимодавцу за неоплатного должника. Такая похвальба свидетельствует о росте нищеты ко времени VI династии.

Рабовладение

На исходе Древнего царства один номарх напоминал жителям области и соседям, что никогда не порабощал он дочери кого-либо из них. При VI династии младший брат одного сановника, рассказывая, как он в течение 20 лет управлял его хозяйством, добавлял, что никогда не бил там какого-либо человека так, чтобы тот «пал под пальцами» его, и никогда не порабощал там никаких людей (мужчин и женщин).

Об этом писали как о добродетели; следовательно, порабощение было сравнительно обычным делом в Древнем царстве.

Судя по имеющимся данным, жрецы, которым поручалось обслуживание заупокойного культа знати, могли иметь лично им принадлежащих рабов; помимо этого, в зависимом положении состояли при них иногда и их младшие родственники. Таким жрецам выделялись в пользование в виде оплаты за службу вместе с пашней и «всякой вещью» также и люди, причём при IV династии или в начале V династии вельможа в завещании запрещал заупокойным жрецам продавать этих людей кому бы то ни было или завещать на сторону. Это значит, что таких людей можно было продавать и покупать и что вообще существовал рабский рынок. О покупке людей для того, чтобы они выполняли различные службы по умершему, сообщает другая надпись, обозначающая их словом, которое можно передать как «купленники». Два карлика «купленника» с египетскими именами изображены в гробнице вельможи V династии в качестве личных слуг хозяина: один — с его переносным ложем и изголовьем, другой — с его тростью и обувью.

В той же гробнице прямо над карликами представлены двое слуг — «эфиопы», резко отличавшиеся по виду от своих египетских собратьев, несмотря на египетские имена: один — «провожатый» с дорожным мешком и умывальным прибором, другой — «ключник» с хозяйской одеждой. Такого «эфиопа» с господским мешком (возможно, с одеждой) и сандалиями мы видим в гробнице одного из царевичей V династии. Впоследствии слово «эфиоп» применительно к слугам означало «эфиопский раб».

Невольники-эфиопы могли быть из пленных. Древнее царство постоянно воевало с соседними племенами, и пленных брали тогда немало. При первом царе IV династии, Снефру, было уведено в плен мужчин и женщин — один раз 7 тыс. эфиопов, другой раз 1100 ливийцев. Ливийских пленных изобразил в поминальном храме второй царь V династии, Сахура. При VI династии номарх Элефантины доставил в столицу из Эфиопии «большое число» пленных, а общеегипетское ополчение взяло на северо-востоке (где-то в Азии) пленных «очень много». Под одним из годов основателя V династии Усеркафа летопись упоминает о 70 иноземцах (иноземках?), доставленных в виде дани, очевидно, храму при царской пирамиде.

Приведённые свидетельства указывают на значительное распространение рабовладения в Египте Древнего царства, и не только в верхах общества, но и в средних слоях населения.

Но если покорённые чужеземцы легко могли быть обращены в рабство, то не так просто обстояло дело с порабощением своих же соплеменников. Правда, из сказанного выше видно, что соплеменников можно было полностью поработить, может

быть, посредством долговой кабалы или другими способами. Но были и такие соплеменники, которые, хотя и эксплуатировались знатью рабовладельческими методами, отличались от собственно рабов. Такой непосредственный производитель мате-

Рабы-военнопленные.
Рельеф из заупокойного храма Сахуры в Абусире. V династия.

риальных благ, даже лишённый уже фактически средств производства, сохранял ещё известные признаки прежнего состояния и мог обладать некоторым имуществом.

Хозяйства вельмож, храмов и царя

Памятники Древнего царства, созданные в интересах господствующего класса, не дают нам картины жизни общинников — земледельцев Нильской долины, не показывают ни их труда на своих наделах, ни их быта. О жизни трудового люда Египта мы знаем по изображениям на гробницах вельмож, а эти изображения показывали тех рядовых египтян, которые работали на вельможу.

На стенах гробниц Древнего царства изображены бесчисленные работающие на вельможу землепашцы и садоводы, пастухи и охотники, птицеловы и рыбаки, медники и золотых дел мастера, гончары и каменотёсы, плотники и столяры, ткачи и сапожники, пекари и пивовары. По виду, одежде, а также по их именам — в тех случаях, когда они надписаны, — это египтяне. Их непосредственные начальники сами работают вместе с подчинёнными — будь то надзиратель за хлебопашцами или начальник ремесленников: медников, плотников, кожевников и др. Мало того: надо ли сложить в скирды хлеб или обмолотить его, полить виноградник или давить виноград, доставить улов рыбы или тащить клетку с пойманным зверем, варить пиво пли ковать металл, — к работникам, судя по гробничным изображениям, присоединяются и выполняют эту же работу жрецы заупокойного культа.

Один раз мы видим, что в помощь выжимающим виноград был придан и некий «хранитель ведомостей».

Хозяйства вельмож играли огромную роль в экономике страны того времени. Владения вельмож были разбросаны по всей стране — в Нижнем и Верхнем Египте.

Выколачивание недоимок.
Рельеф из гробницы в Саккаре. V династия.

У одного вельможи могло быть более одного «домоправителя». Домоправитель был главным, ответственным управляющим «дома», иначе — хозяйства вельможи. Ему были подчинены писцы, хранитель ведомостей, мерщик и счётчик зерна. Этими людьми осуществлялся верховный надзор за хозяйством; им были подотчётны все низшие начальники; они чинили палочную расправу над всеми провинившимися. Как и в государстве в целом, в управлении хозяйством вельможи мы видим повсюду писцов «личного дома» вельможи: при полевых работах, при перегоне стад, в производственных мастерских. Отчётность в связи с этим стояла на высоком уровне; домоправитель неизменно представлял хозяину пространные ведомости, хранитель хозяйственных книг предъявлял отчет за весь прошлый год.

Владения вельможи распадались на отдельные населённые пункты — «дворы», «селения». Во главе отдельных дворов и селений стояло по «властелину» (*хека*). Мы

находим «властелина» при севе и жатве, на гумне и скотном дворе. Соответственно и отчитывается «властелин» как в собранном хлебе, так и в поголовье скота. Нередко такие отчёты кончались избиением «властелинов», которые, однако отнюдь не были, как иногда трактуют термин «хека», деревенскими старостами. Когда надписи сообщают их звания, они оказываются в то же время и государственными чиновниками. У одного царского сановника над селением «властвовал» его младший брат.

Поля и гумна вельмож были распределены по отдельным селениям. На поле при севе и при жатве работали рабочие «отряды». Судя по изображениям, в них состояли одни мужчины. Женской работой было веяние. На гробничных изображениях женщина с мотыгой или за укладкой снопов — исключительная редкость. Если в страдную пору не хватало жнецов, а вельможа был номархом, то он мог в помощь отрядам своего «личного дома» привлечь «царских» людей, т. о., как мы увидим, земледельцев-общинников.

Посевное зерно выдавалось из хозяйской житницы, и собранный хлеб был зерном, принадлежащим «личному дому» вельможи. Когда в селениях имелись крупные скотные дворы, то коровьи упряжки, на которых пахали на вельможу, принадлежали также ему, а не землепашцам. На гробничных изображениях в плуг запряжено неизменно по две коровы, и в подавляющем большинстве случаев при каждой упряжке состоят двое, изредка даже трое взрослых мужчин: собственно пахарь, погонщик, иногда поводырь, идущий впереди и ведущий за собой упряжку.

Один номарх прямо говорит о зерне (?), плугах, быках, людях, как о лично своих. Вельможе принадлежали коровы и плуги, а также ослы, отвозившие хлеб с поля на гумно. Для такого табуна ослов имелось особое обозначение, и он исчислялся, если верить надписям, иногда сотнями и тысячами голов.

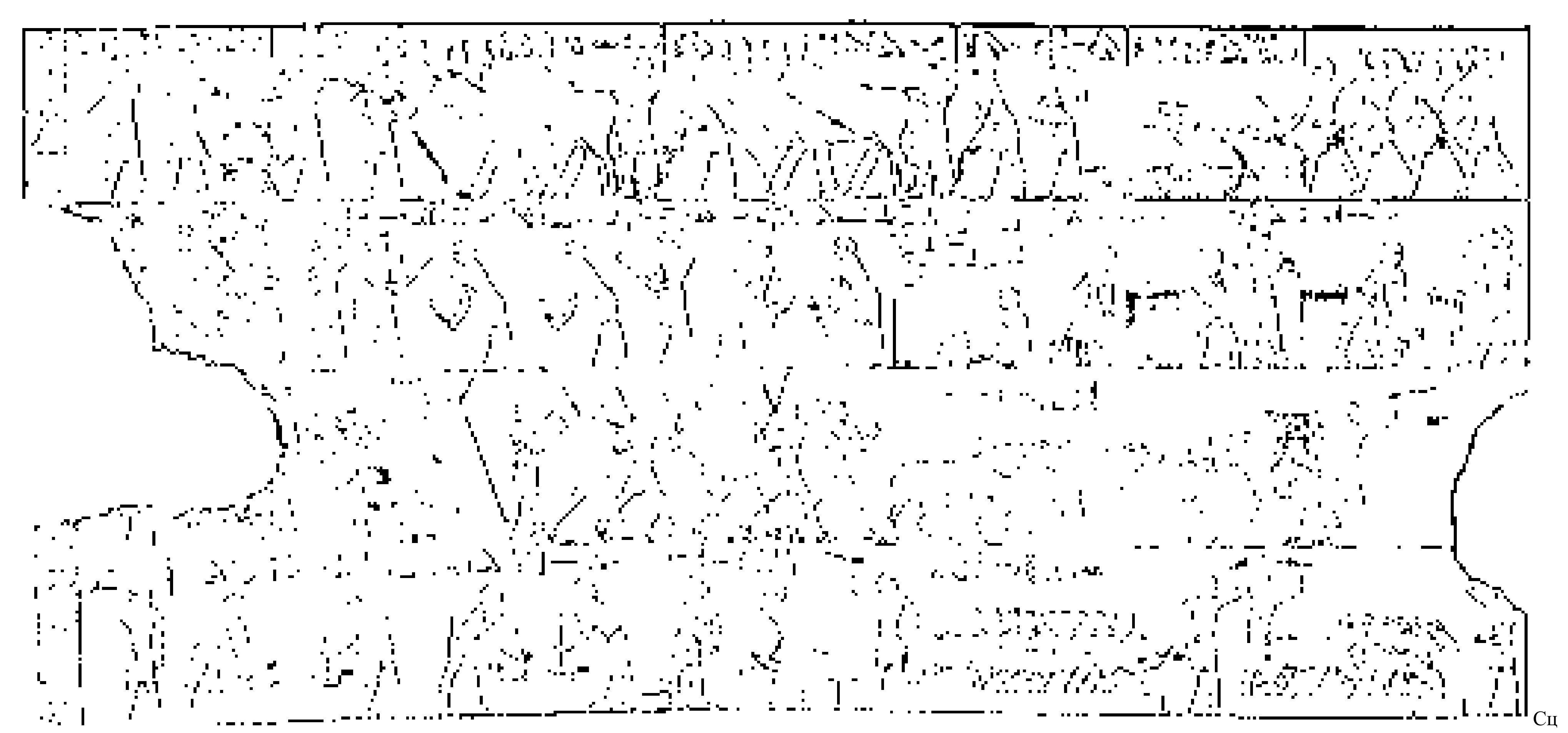
Рабочие отряды с особыми начальниками во главе мы находим и на судах и при сухопутной перевозке тяжестей (изваянии вельмож, поставленных на сани). Когда надо было повалить быка-великана, призывались опять-таки рабочие отряды. Их же возможно, использовали и на охоте. Таким образом, очень похоже на то, что одни и те же отряды направлялись по мере надобности то на одну, то на другую работу.

Пастухи были тоже подчинены разным начальникам. Скот, который пастухи пасли, откармливали и доили, либо стоял в хлевах «личного дома», расположенных во дворах и селениях, либо пасся на отдалённых выгонах. Хлева являлись одновременно крупными молочными хозяйствами. В одной гробнице изображено доение множества коров и затем длиннейшее шествие мужчин, несущих молоко хозяину. Наряду с «властелинами» к отчету о вверенном поголовье привлекались и начальники скота, а тот из них, кто не мог отчитаться, подвергался истязаниям.

Особым начальникам были подчинены рыбаки и птицеловы, которые обыкновенно работали целыми группами. Птицеловы пополняли богатые птичники вельмож.

Хозяйство вельмож включало в себя также и ремесленные мастерские. Ремесленники бывали объединены в общую мастерскую - «палату мастеров», где могли работать одновременно медники, золотых дел мастера, каменотёсы, мастера по ценным камням, изготовители каменной посуды, ваятели, столяры, плотники-судостроители и т. д. Это не мешало по отдельным ремёслам иметь особые мастерские или особых начальников. Так, существовали мастерские деревообделочные, соединявшие в себе, по-видимому, все «работы по дереву, от судостроительных до столярных, и состоявшие под начальством своих «старшин»; кожевенные мастерские с особым заведующим во главе, мастерские каменной посуды с соответствующими начальниками; имелись начальники медников, ваятелей.

Отдельные изделия проходили часто через руки нескольких различных мастеров. Так, предметы обстановки, изготовлявшиеся столярами, лощились иногда ими самими, иногда особыми «лощильщиками»; бусы изготовлялись одними работниками, а нанизывались в ожерелья и подвески другими - обыкновенно карликами, маленькие и тонкие пальцы которых особенно подходили для такой работы.

Сцены земледельческих работ.
Рельеф из гробницы в Шейх-Саиде. Древнее царство.

От общих мастерских отделены были ткацкие. Если в первых совершенно не видно женщин, то во вторых они, как и можно было ожидать, преобладали. Название этих мастерских было «дома ткачих» (а не ткачей!). Зато руководство в «домах ткачих» — а руководители являлись знатоками данного дела — было сплошь в руках мужчин: «начальника», «руководителя», «писца» (последний, конечно, не был ткачом).

Был ещё третий вид мастерских — изготовлявших пищевые продукты; эти мастерские были одновременно и хранилищами припасов. Здесь могли производиться разные пищевые продукты, но основным, а иногда, по-видимому, и единственным производством были тесно связанные между собой хлебопечение и пивоварение (пиво приготовлялось из предварительно испечённых ячменных хлебцев). Такой мастерской могло быть придано и гончарное производство, изготовлявшее посуду для пива. На изображении подобной мастерской середины V династии мы впервые видим гончарный круг. Во главе мастерской стоял её «начальник», и в ней могла быть своя житница с месячным запасом зерна. Начальники мастерских отчитывались перед администрацией «личного дома», производившей приемку изделий. При неполноценности изготовленного изделия приемщик отклонял его, требуя представить другое.

В мастерских, изготовлявших пищевые продукты, работали и мужчины и женщины, но одни работы выполнялись преимущественно мужчинами, другие — женщинами. Изделия проходили последовательно через много рук в порядке разделения труда: один лепил хлеб, другой брал и передавал третьему, клавшему его на огонь, который поддерживался четвёртым; подле растиравших зерно на зернотёрках располагались те, кто просеивал муку ситами, и т. д.

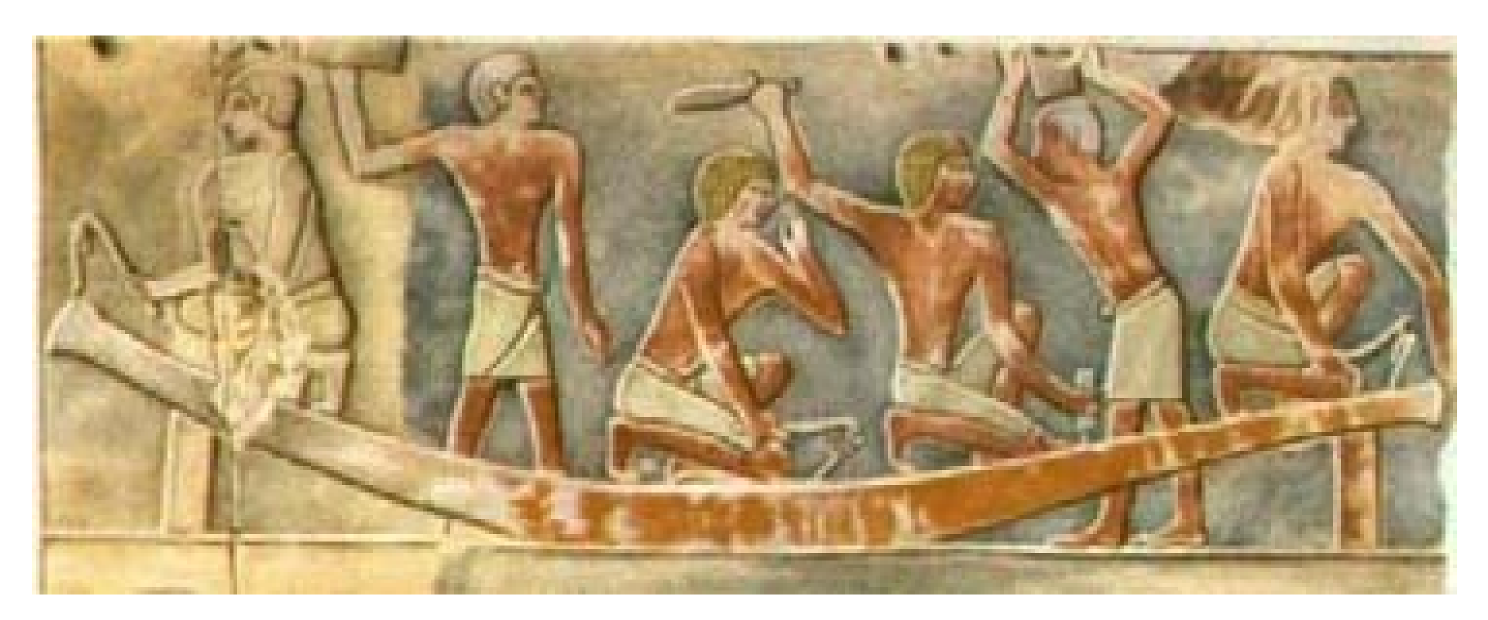
Во всех этих мастерских средства производства, все или почти все, принадлежали, несомненно, хозяину. Как мы уже говорили, зерно на пашне и упряжки на ней были его же.

Имеются известия о содержании работников самим хозяйством вельможи. В одной из гробниц времени VI династии находится изображение, названное «распределением (дословно: «отведением») рыбы отрядам личного дома» (судя по сопровождающим изобразительным знакам, — мужчинам и женщинам) Здесь изображено шествие рыбаков со всевозможной рыбой на шестах, на плечах в руках, в корзинах, в связках. «Писец отрядов» ведёт «запись рыбы». В одной лишь корзине её оказывается «сотня». Другой «писец отрядов личного дома» учитывает выдаваемую рыбу. Два «начальника рыбаков» передают рыбу четырём «начальникам» и шести «руководителям» отрядов с предложением ускорить «кормёжку». Двое мужчин уносят рыбу с возгласом: «Мы накормлены!». Сходное изображение имелось и в одной гробнице времени V династии.

Примерно такое же изображение имеется и из быта ткацких мастерских — быть может, несколько приукрашенного.

В ряде изображений пахоты, сева, жатвы, увоза урожая с поля мы видим большие корзины с хлебом, пивом и овощами, а на одном изображении даже навес со всевозможными припасами. На изображении огорода вельможи показана доставка занятым там работникам корзины с хлебом. На изображениях, посвящённых скотоводству можно нередко видеть приготовление пищи в значительном количестве. На другом изображении видна доставка в мастерскую, где работают медники, корзины с пивом и какой-то сумы. Таким образом, все эти работники временно или постоянно получали довольствие из господского хозяйства.

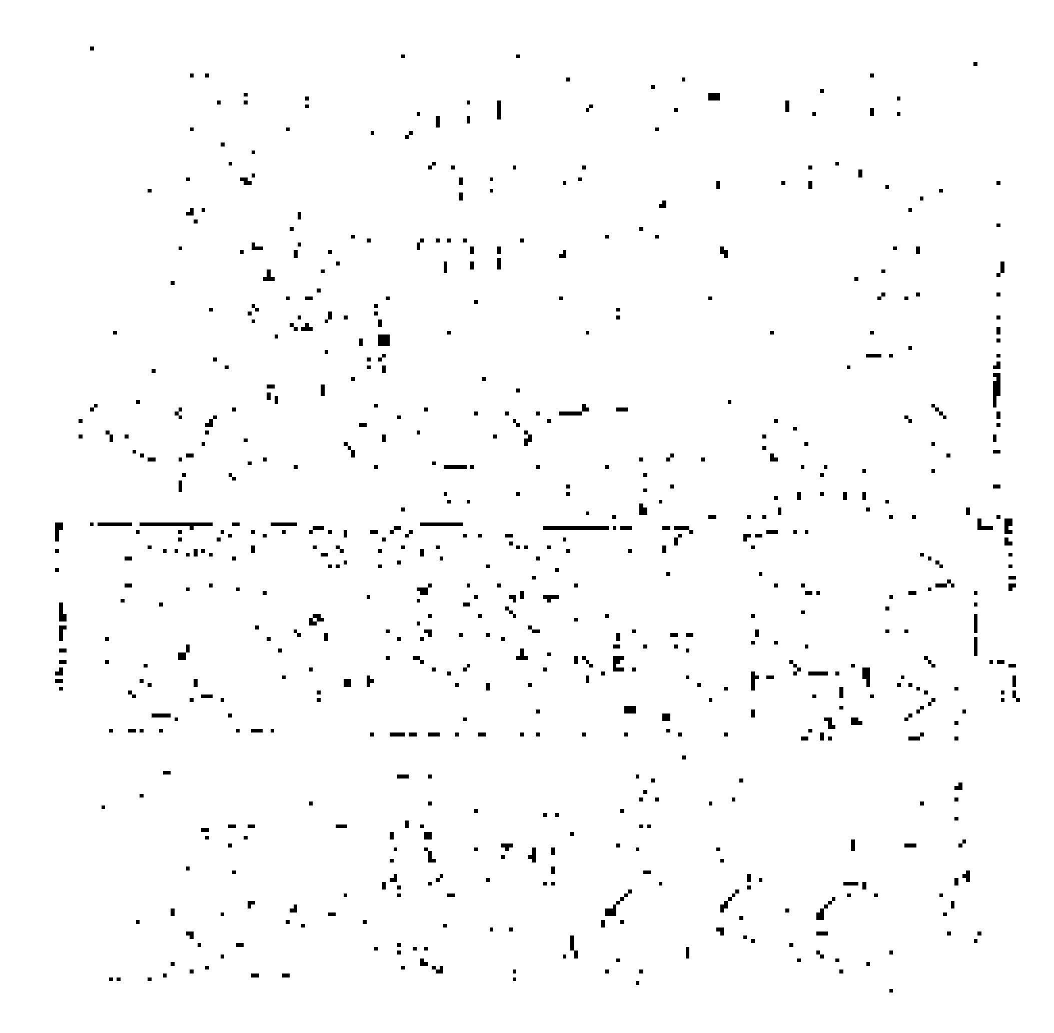
Некоторые работники, трудившиеся в хозяйствах вельмож, по-видимому, владели какимто имуществом и могли им распоряжаться. В гробницах вельмож Древнего царства неоднократно встречаются изображения происходящего обмена между людьми — картины своеобразных рынков. Большинство людей на этих изображениях по виду своему ничем не отличается от работников хозяйств вельмож. Некоторые из них названы «мастерами». Можно думать, что большинство продавцов и покупателей работало в хозяйстве вельможи, поскольку гробницы обычно украшались

СТРОИТЕЛЬСТВО ЛОДОК.
Рельеф из гробницы в Саккаре. Египет. V династия

изображениями различных сцен, связанных с хозяйством вельможи. Обмениваются съестные припасы — зерно, овощи, хлеб, рыба и ремесленные изделия — на предметы обстановки, обувь, бусы, зеркала, веера, палки, рыболовные крючки и, кроме того, умащения. Хотя предметы меняют один на другой, однако оценивают их обычно в зерне, служившем, по-видимому, наряду с металлическими деньгами (не имевшими, однако, ещё монетной формы) мерилом стоимости; поэтому на рынок частенько брали с собой четверик зерна вместо кошелька.

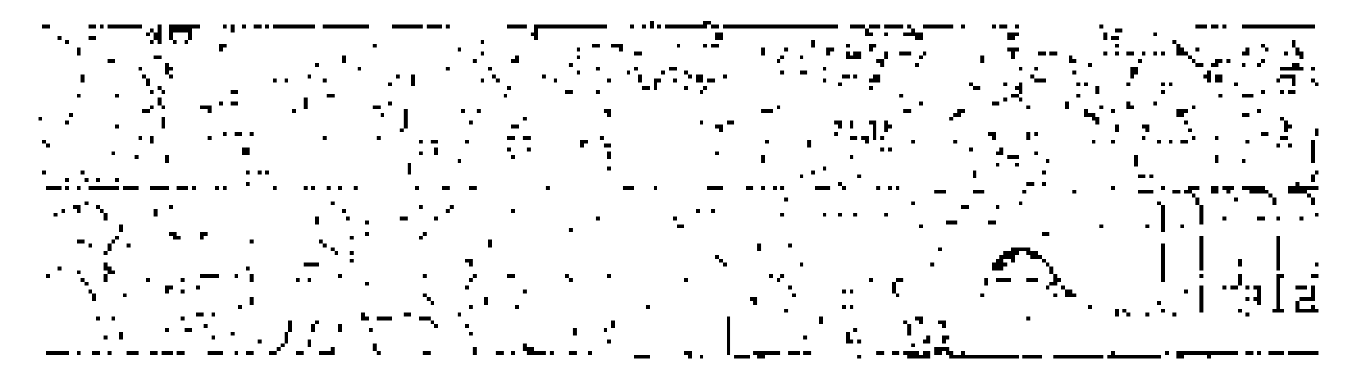
Пивоварня и пекарня.
Рельеф из гробницы в Саккаре. V династия.

Как показывают приписки к гробничньм изображениям производственного содержания, жнец должен был выполнять дневные уроки, скотовод и рыболов должны были сдавать часть своей продукции. Ремесленник или рыбак дополнительно могли работать на себя. Рыболов на одном изображении говорит об улове, как о своём добре, и посягавшего на это добро в сделанной приписке обзывает вором.

Достаточно присмотреться к гробничньм изображениям, чтобы заметить, что условия работы в хозяйствах вельмож были крайне тяжёлыми. В руках начальников

очень часто мы видим тяжёлый жгут, подчас — палку. Под постоянной угрозой избиения работали в хозяйстве вельмож земледельцы и скотоводы, птицеловы и рыбаки, лодочники и корабельщики, даже ремесленники.

К сожалению, о положении самостоятельных производителей, не вовлечённых в хозяйство вельмож и царя, как мы уже говорили, у нас нет почти никаких сведений. Поэтому картина жизни трудового населения Египта времени Древнего царства остаётся лишь приблизительной. Какая часть населения привлекалась к работам в хозяйствах вельмож? Мы не можем ответить точно на этот вопрос, но число привлечённых было значительным.

Раздача продовольствия, тканей и умащения ткачихам и их начальникам.
Рельеф из гробницы в Саккаре. Древнее царство.

О царском и храмовом хозяйствах мы осведомлены не в пример хуже, чем о хозяйствах вельмож, по то, что известно,— а известно не так уж мало — позволяет считать их по существу своему похожими на хозяйства вельмож. Мы встречаем здесь те же порядки. То же многочисленное управление работниками, те же мастерские, изготовлявшие пищу, только с иным назначением (например, для царского завтрака или для храмовых жертв), те же «дома ткачих» и другие мастерские, лишь с добавлением некоторых учреждений, вроде «мастерских царского убора», и те же дворы и селения в качестве хозяйственных единиц. В царских хозяйствах, по-видимому, была ещё большая дробность в разделении труда и в управлении: в начале IV династии один сановник величал себя, например, «начальником двора мольльщиц (муки для) остроконечного хлеба» и «начальником двора мольльщиц (муки для) лепёшек (?)». Эксплуатация была ещё патриархальной по форме. Между людьми, работавшими на полях сановников и вельмож — а, по-видимому, также на полях царя и храмов, — и мелкими начальниками, надзирателями и т. п. не было ещё непроходимой пропасти. Однако такая эксплуатация могла возникнуть лишь с появлением в обществе рабов и рабовладельцев, лишь в результате того, что в руках рабовладельческой знати была сосредоточена вся экономическая и политическая власть.

Таким образом, мы видим, как в результате развития классового общества в Египте господствующий класс подвергает эксплуатации большое количество собственных соплеменников, а не только военнопленных рабов.

Положение средних слоев населения

Для осуществления своей власти над тружениками и для управления хозяйством вельможи нуждались во множестве слуг — от высших управляющих до палачей. В своей совокупности эти слуги составляли ближайшую опору владычества знати, и многие из них прямо примыкали по своему общественному положению к угнетательским верхам. Имеются даже прямые указания на то, что они владели людьми. Они бывали одновременно и государственными должностными лицами. В большом числе разных управляющих и надзирателей нуждались также царские и храмовые владения.

Жрецы заупокойного культа, которыми часто состояли служащие сановника и которые занимались главным образом «кормлением» умершего и пользовались за свою службу выделенными им вельможей пашнями, людьми и «всякой вещью», входили в хозяйство своего владыки, разумеется, также отнюдь не как угнетённые. Многие рядовые жрецы храмов, будучи людьми не высокопоставленными, пользовались тем не менее за свою службу наделами из «пашни бога» и, по-видимому, храмовыми людьми для их обработки. Верховные жреческие должности сосредоточивались в руках высших гражданских и военных сановников, часто членов царского дома; но и обыкновенные жреческие должности, бывавшие наследственными, являлись статьёй настолько доходной, что их охотно исполняли сановники и их жёны.

Часть людей среднего достатка обладала своими рабами. Мелкие заупокойные жрецы могли иметь собственных слуг или рабов, не считая тех, которых они получали в составе имущества, предоставленного им в пользование за службу. Известен текст времени VI династии, в котором вдова и сын молят дух покойного защитить их от обидчиков: те захватили не только всё, что было в доме, но и всех трёх прислужниц. Эти прислужницы носили египетские имена.

В определённых отношениях к дворцу и пирамидам состоял значительный круг лиц, владевших землёй на льготных условиях (*хентиуше*). Многие из них, мужчины и женщины, бывали людьми знатными, другие же занимали сравнительно скромное положение в обществе.

В начале периода IV династии упоминаются мелкие землевладельцы; у них один сановник скупал землю.

Примерно на одном уровне с мелкими чиновниками, писцами, жрецами находились многие из врачевателей, строителей, ваятелей, живописцев, певчих, даже ремесленных мастеров и т. п. Во вторую половину Древнего царства на столичных кладбищах заметно множатся склепы с надземными надстройками, воздвигнутые представителями средних слоев общества. Среди этих гробниц, в большинстве своём принадлежавших рядовым служащим и жрецам, известны и такие, хозяева которых именуют себя просто ремесленниками — «мастерами». Существовали ремесленники, которые за плату, насколько известно — натурой, сооружали гробницы, а также изваяния умерших. Оплата труда этих ремесленников, по крайней мере иногда, оговаривалась договором.

Из изложенного ясно, что египетское общество времени Древнего царства состояло: из крупной рабовладельческой знати — вельмож, обладавших большими богатствами и эксплуатировавших большое количество людей; из средних слоев свободных, включавших, в числе прочих, мелких царских чиновников и должностных лиц хозяйства вельмож, низших жрецов, свободных ремесленников и общинников; из людей, вовлечённых в хозяйство царей, храмов и вельмож, а также из рабов в собственном смысле слова. Именно резко противоположные друг другу общественные верхи — рабовладельческая знать — и низы определяли лицо общества. Чтобы держать угнетённых в повиновении, знать должна была создать государство большой силы.

Организация государственной власти

Знать сосредоточила в руках царя неограниченную власть. Верхний и Нижний Египет слились в это время в одно целое государство. Верхнеегипетское происхождение царей перестало ощущаться, нижнеегипетские боги стали самыми почитаемыми при дворе. Столица была постоянно в Нижнем Египте. Верхний Египет имел особого управителя, и даже стало принятым называть Нижний Египет раньше Верхнего. После III династии исчез, как особое учреждение, ранее упоминавшийся памятниками «красный дом» — сокровищница Нижнего Египта.

В пору наивысшего могущества царского самовластия фараон распоряжался в любом из десятков номов, на которые делилось его царство. По своему усмотрению он перебрасывал номархов из области в область — из Нижнего Египта в Верхний и обратно. При IV династии знать в значительной части состояла в родстве с царями.

Важнейшие должности в государстве - верховных сановников, военачальников, хранителей сокровищ, начальников работ, верховных жрецов знаменитейших храмов - занимали часто члены царского дома. Только во вторую половину Древнего царства на местах стали выдвигаться номовые владетельные роды.

Все в государстве, начиная с мероприятий по орошению, суд и кара, назначения и пожалования, наложение повинностей и освобождение от них, военные походы, поездки за рубеж и мероприятия по судоходству, государственное строительство и разработка горных недр - все в конечном итоге возводилось к приказам царской власти: царь назначал, он приказывал, он посылал.

Материальной основой фараоновского самовластия были громадные земельные, людские, продовольственные и вещевые ресурсы, находившиеся в личном распоряжении царя. Но если формально и существовало какое-либо различие между «домом царя» и государством, то на деле оно стиралось. Государственные хранилища всевозможных благ были не более, как частями «дома царя», государственные работы были работами «дома царя», пожалования государственным сановникам - его пожалованиями. Налоги и повинности в пользу царя налагались весьма произвольно: при VI династии один управитель Верхнего Египта хвалился тем, что налагал их по два раза.

Перед лицом угнетённого народа знать окружала своего ставленника божескими почестями. Царю было мало слыть просто «богом», его называли «большим богом». Особой милостью для приближённого, даже царского свойственника, было разрешение лобызать ноги, а не землю перед ногами царя. Однако в узком кругу высшей знати фараон не был столь недоступен. Одному он разрешал следовать за собой в носилках, другому - умащаться в его присутствии, третьему выказывал заботу в дни болезни, четвертому писал письма, полные предупредительной любезности и даже собственноручно. Дело дошло однажды до извинения царя перед сановником за невольный ушиб, и не только устно, но и письменно, с увековечением этого факта в надписи!

Первым лицом в государственном управлении после царя был верховный сановник (во многих исследованиях его называют арабским титулом «везир»). Он был одновременно главным судьёй, но круг его полномочий как верховного сановника очертить довольно трудно. Он не столько направлял деятельность ряда ведомств, сколько сам сосредоточивал их функции в своих руках. Можно дивиться, как он поспевал одновременно направлять деятельность «6 великих дворов», как назывались верховные судебные органы, ведать местным управлением, блюсти различные государственные хранилища, управлять разными государственными мастерскими, руководить всеми работами царя. Не всегда, правда, верховные сановники совмещали одни и те же должности; одни передавали часть их другим сановникам, иные присваивали себе новые звания; так, например, к концу Древнего царства ими было присвоено звание градоначальника столицы.

Военное дело в Древнем царстве достигло значительного развития. Основным оружием оставались простой лук и стрелы. Имелся особый «дом оружия» с особым начальником над ним. Пехота оставалась единственным родом сухопутных войск, но различалось несколько её видов. Границы с Синайским полуостровом и Эфиопией были укреплены, и вообще крепости были разбросаны едва ли не по всей стране. Засвидетельствован целый ряд званий военачальников. Известно, что в начале VI династии, при царе Пиопи (Пепи) I, созывалось общеегипетское ополчение, которое в соединении с эфиопскими вспомогательными отрядами («эфиопы мирные», или «прирученные», служили, по-видимому, в Египте стражниками) в количестве «многих десятков тысяч» отправлялось в поход в Палестину и Сирию под начальством тех самых гражданских должностных лиц, которые управляли местностями, поставившими этих ополченцев. Известно множество лиц, имевших звания военачальников, часто очень высокопоставленных, но интересно, что именно верховный сановник

оставался в стороне от военного ведомства. Можно думать, что это вызывалось нежеланием царя сосредоточивать слишком большую власть в руках своего первого слуги.

То, что верховный сановник был неизменно и верховным судьёй, подчёркивает важность для знати судопроизводства как орудия её господства. Хотя судьи часто были жрецами богини Маат — «правды» и хвастались своей справедливостью, незаконное лишение по суду наследства или отдача бедного в руки сильному были распространённым явлением. Судопроизводство было довольно развитым; требовалось множество судей и писцов, так как подробно записывались многочисленные свидетельские показания. В судебном порядке, хотя и тайно, рассматривались даже провинности царицы. Наказания налагались разные, например лишение имущества, но особенно в ходу была палочная расправа; даже такое заметное лицо, как начальник одного из разрядов дворцовых ремесленников, считал нужным хвалиться, что он от роду ни разу не был бит перед каким-либо сановником.

Знатные люди бывали не только верховными сановниками, судьями и военачальниками; ими были заняты все сколько-нибудь значительные должности, и часто в наследственном порядке. Знатные владели государственной властью, сами занимали все основные посты в государственном аппарате, так что он был целиком в их руках.

Обострение классовой борьбы

Мы мало знаем о ходе событий в период Древнего царства, но то немногое, что мы знаем, не позволяет считать эту пору, несмотря на всю силу верховной власти, безмятежной для неё. Перед знатью Древнего царства стояла трудная задача: сделать аппарат угнетения как можно более мощным, удержать эксплуатируемые массы в своем подчинении. Поработители создали рабовладельческое государство чудовищной силы, однако обеспечить полную покорность угнетённых и такое государство оказалось не в состоянии. В перечне грехов оскорбление царя называлось первым. Своими заслугами в деле охраны царской особы, особенно в пути, хвалился не один сановник. От наличных источников трудно ждать сообщений о борьбе порабощённых масс. Но даже между строк заклинаний, начертанных в глубине пирамид, сквозит страх властителей перед мятежным народом. Извещают ли в заклинаниях мёртвого царя, что небесные двери для него отверсты, приглашают ли его стать у двери, чтобы быть взятым на небо, — во всех случаях царя неизменно заверяют, что эти двери «не допускают народ». За мёртвого царя заявляют в заклинаниях, что «устраивает он себе Верхний Египет, устраивает себе землю нижнеегипетскую, разоряет (в угоду) себе укрепления Азии (и) стряхивает себе (египетский) народ под пальцы свои». А в заупокойном храме в уста богов вкладывалось утверждение о том, что они заставили сжаться от страха перед царём сердце народа. Страх знати перед народными массами был вызван действительной обстановкой, сложившейся в стране. В конце концов государство Древнего царства пало под ударами внутренних противоречий, развивавшихся в обществе.

2. Основные события истории Египта времени Древнего царства.

Начало строительства пирамид

Начало Древнего царства принято считать со времени III династии, в период царствования которой имел место стремительный подъём каменного строительства. Начинается этот подъём с возведения ступенчатой пирамиды царя Джесера, высота которой достигала 60 *м,* и строительства окружавших её поминальных сооружений (у нынешнего селения Саккары, к югу от Каира). В этих каменных громадах, с которыми даже отдалённо не могли сравниться сооружения предшествующей династии, запечатлелся рост могущества фараонов, явившийся в значительной мере результатом полного объединения

страны. И долгие тысячелетия спустя предание отчётливо хранило память о времени Джесера.

После Джесера история III династии неожиданно погружается для нас в густой мрак. Если и можно приписать ту или иную законченную или незаконченную пирамиду отдельным властителям, то самое число и последовательность их царствований остаются неясными.

Внезапно мрак рассеивается с началом IV династии От первого же её царя Снефру остались две громадные пирамиды, в 100 *м* и 99 *м* вышиной (подле нынешней деревни Дахшур, к югу от Саккары)

Ступенчатая пирамида царя Джесера в Саккаре.
III династия.

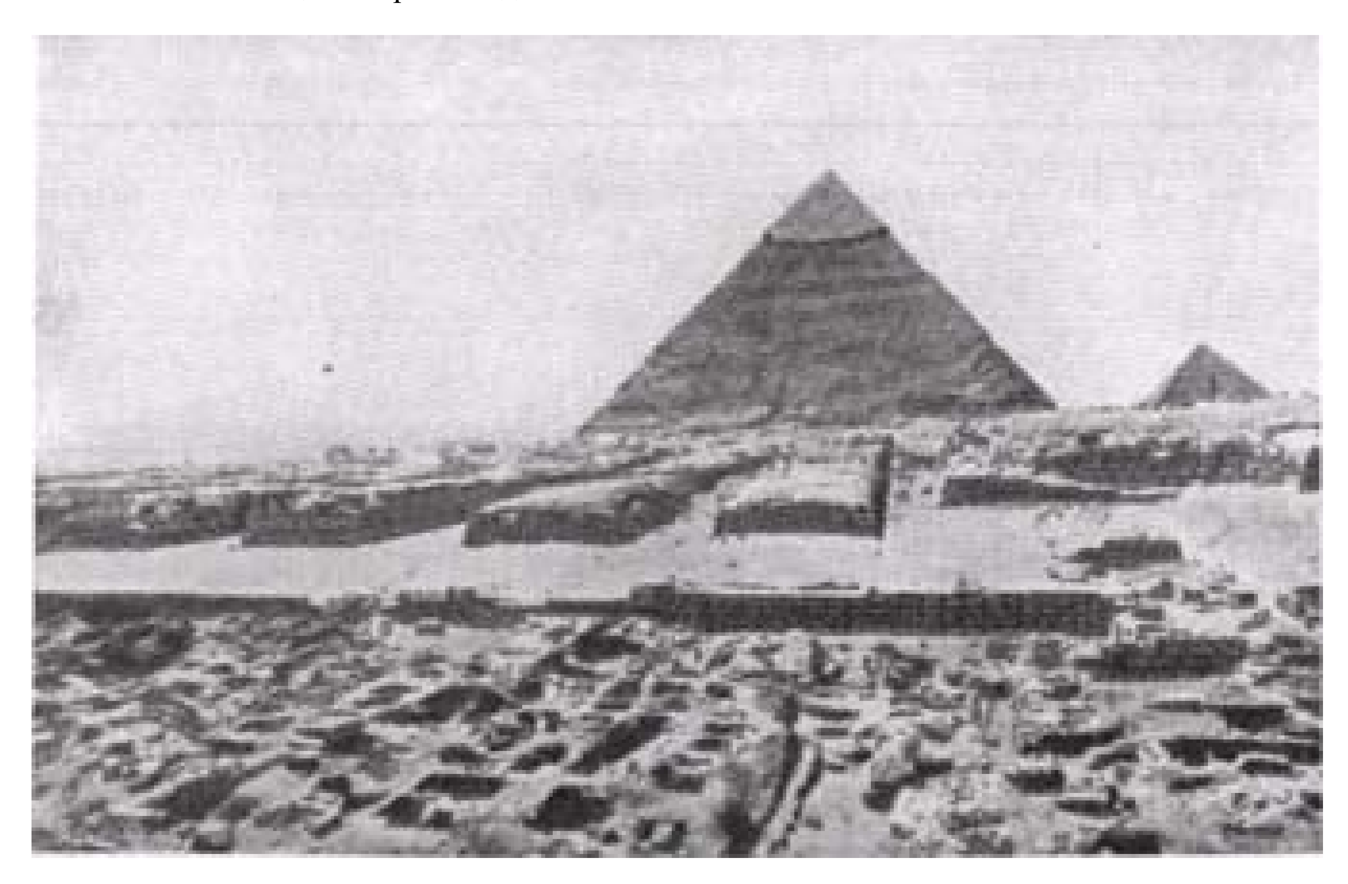
Внутреннему упрочению фараоновского государства сопутствовало расширение его захватнической деятельности. Мы знаем о большом походе Снефру в Эфиопию сопровождавшемся уводом 7 тыс. пленных и 200 тыс. голов скота о пленении 1100 ливийцев и захвате их скота, о привозе по морю финикийского леса. Ко времени правления Снефру восходят и древнейшие из известных нам обстоятельных летописных записей по годам.

При сыне Снефру — Хеопсе (егип. Хуфу) фараоновская власть, видимо, достигла наибольшего для периода Древнего царства могущества. Пирамида Хеопса находящаяся подле нынешнего селения Гизэ, около Каира, была величайшей. Её вышина была $146^1/_2$ *м*, каждой стороны — свыше 230 *м*, площадь основания — более 52900 *кв. м*. На сооружение пирамиды пошло примерно 2300 тыс. гранёных глыб весом около $2^1/_2$ *т* каждая. При всём том работа строителей была самого высокого качества. Громадные глыбы были обтёсаны, отшлифованы и пригнаны друг к другу с чрезвычайной точностью. И если мы дивимся тому, как сочетанием пустот ступенчатых сводов, седлообразных перекрытий распределялось чудовищное давление на внутрен-

ние помещения, как в прорезях проходов двигались огромные спускавшиеся плиты-заслоны, то ещё удивительнее, как зодчие Хеопса могли изменять местоположение и склепа и проходов в уже готовой кладке пирамиды.

Несколько десятилетий царская власть находилась на высоте своего могущества. То, что осталось от незаконченной пирамиды преемника Хеопса — Джедефра (к северу от Гизэ, около селения Абу-Роаш), свидетельствует, что и она была затеяна в духе пирамиды Хеопса.

При втором преемнике Хеопса, его сыне Хефрене (егип. Хафра), была воздвигнута пирамида рядом с пирамидой его отца. Эта пирамида была только на 3 *м* ниже хеопсовой, а по великолепию облицовки превосходила её.

Пирамиды IV династии с прилегающими гробницами знати.
Гизэ.

К пирамидам от того места, куда доходили воды Нила во время разлива, вели крытые каменные ходы, заканчивавшиеся у подножий пирамид храмами, сделанными тоже из камня. К пирамидам примыкало необозримое кладбище царских приближённых, подлинный город мёртвых, где каменные громады гробниц теснились вдоль улиц, равномерно пересекавшихся под прямым углом.

Из кирпичных сооружений, самое большее, с каменной каморкой внутри, какими гробницы вельмож были ещё при воцарении IV династии, они при Хеопсе, строителе величайшей пирамиды, превратились в могучие каменные сооружения; пусть они терялись перед пирамидой, в тени которой были расположены, — в совокупности своей они представляли внушительное целое.

Вынести чудовищное напряжение, связанное со строительством столь громадных пирамид, страна была не в силах. Третья из гизэских пирамид, воздвигнутая при преемнике Хефрена — Микерине (егип. Менкаура), знаменовала уже спад пирамидного строительства: по вышине — 66 *м* — она уступала даже дахшурским пирамидам. Смерть Микерина помешала закончить ему погребальные сооружения; после его

смерти его поминальный храм был наскоро достроен из кирпича-сырца. Царь Шепсескаф вовсе отказался от пирамиды, ограничившись надгробием в виде огромного ящика, правда всё ещё из громадных камней (так называемое Мастабат-Фираун у Саккары).

Список царей в рукописи XIII в. до н. э., хранящийся в настоящее время в Турине, а также список Манефона содержат несколько царских имён конца IV династии, не найденных ни на одном памятнике того времени. Очевидно, это связано с тем, что в стране началась внутренняя борьба, о которой мы, к сожалению, не знаем ничего определённого. Чрезмерное напряжение сил народа могло быть главной её причиной.

Организация строительства пирамид

Две тысячи лет спустя после постройки великих пирамид греческому историку Геродоту рассказывали про то, как фараоны Хеопс и Хефрен заставляли весь народ поочерёдно трудиться над сооружением пирамид: одни-де тащили камень из заречных каменоломен к реке, другие — от реки на нагорье, где воздвигались пирамиды. Насколько эти рассказы неточны, видно хотя бы по тому, что на самом деле пирамиды построены совсем не из заречного, а из местного известняка, добывавшегося тут же. Из-за реки доставлялся лишь белый высококачественный известняк для наружной и внутренней отделки. Кто же в действительности строил пирамиды?

На камнях царских и частных сооружений IV династии можно и поныне видеть нанесённые краской рабочие пометки, из которых следует, что во время постройки великих пирамид в каменоломнях работало ограниченное число рабочих отрядов (для времени Микерина их известно три, для времени Хеопса — четыре), делившихся каждый на несколько подразделений. На ряде камней в сооружениях Микерина упомянуты «мастера нагорья». В связи с постройкой пирамиды Микерина надпись одного вельможи называет царского зодчего и верховных руководителей мастеров и далее говорит о том, как 50 человек было выделено, чтобы работать над гробницей вельможи ежедневно без переключения на другую работу.

Основное количество камня для пирамид добывалось, как сказано, на месте, и подъём глыб на пирамиду был, по всей видимости, несколько облегчён особыми приспособлениями. Спустя два тысячелетия Геродоту ещё рассказывали о деревянных подъёмных приборах, расставлявшихся и перемещавшихся по уступам кладки. При постройке храма и пирамид IV и V династий камни поднимались и опускались на место на верёвках и медных когтях, подвешенных, надо полагать, на установках из дерева.

Главной рабочей силой при постройке пирамид были постоянные, строго упорядоченные и обученные рабочие отряды. Отсюда становится понятным совершенство пирамидной кладки. Таких работников должно было быть много, хотя число отрядов и было невелико. С пирамидного строительства можно было, видимо, без особого ущерба для хода основных работ перебросить полсотню людей и на сооружение частной гробницы.

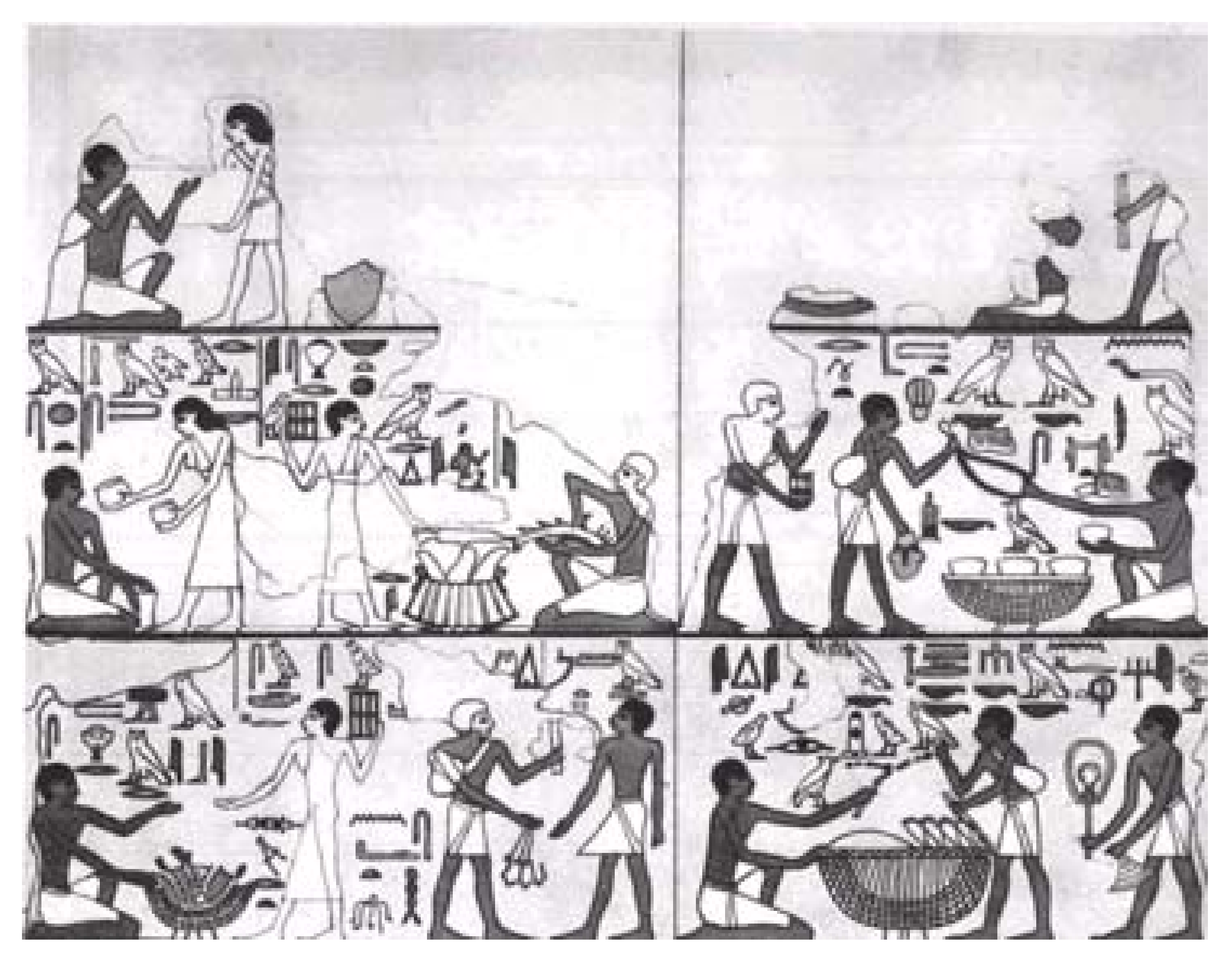
Имеются кое-какие сведения о содержании рабочих отрядов в каменоломнях. Из одного письма времени VI династии следует, что «ополчение отрядов» заречных каменоломен вызывалось на другой берег в столицу для получения одежды. При той же династии в каменоломнях в Среднем Египте находился царевич-военачальник с «многочисленным» ополчением, состоявшим из 1000 людей дворца, 100 каменотесов, 1200 горнорабочих и ещё 50 каких-то людей; все они находились на царском содержании.

С полным основанием считают, что для постройки пирамид наряду с постоянными отрядами не могли не привлекаться в помощь им чернорабочие, и притом в большом количестве. Что так было в последующие времена — известно вполне достоверно.

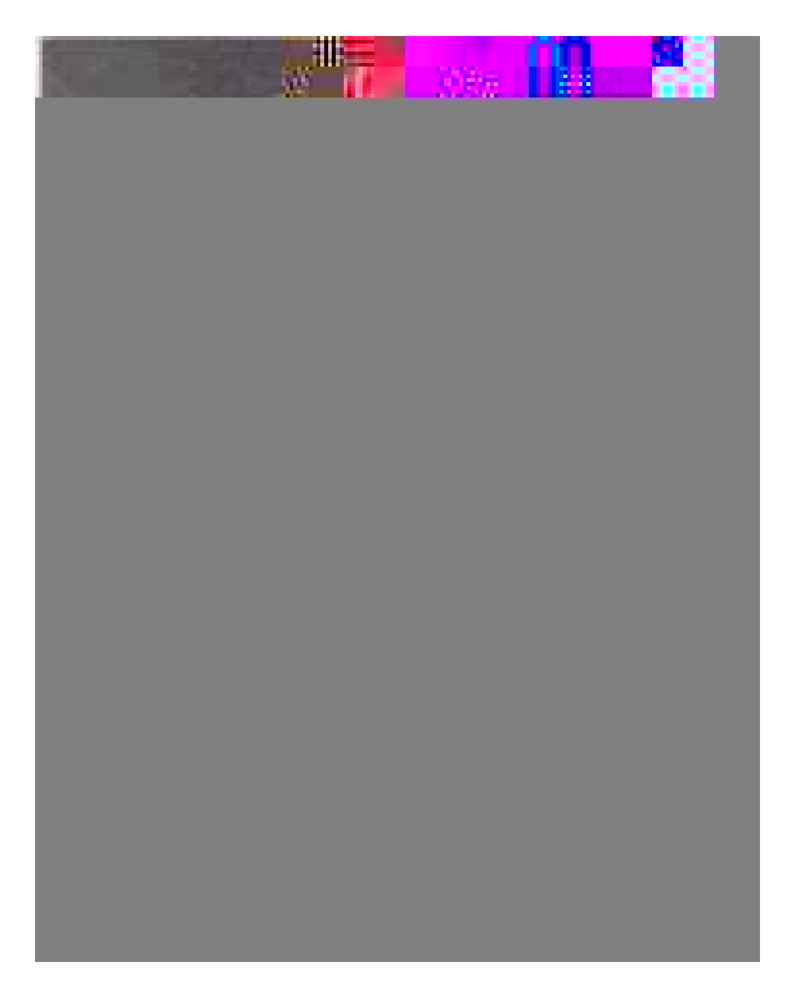
Маркс писал, что «грандиозные сооружения древнего Египта обязаны своим возникновением не столько многочисленности египетского населения, сколько тому обстоятельству, что значительная часть последнего могла быть употреблена на это дело» [1].

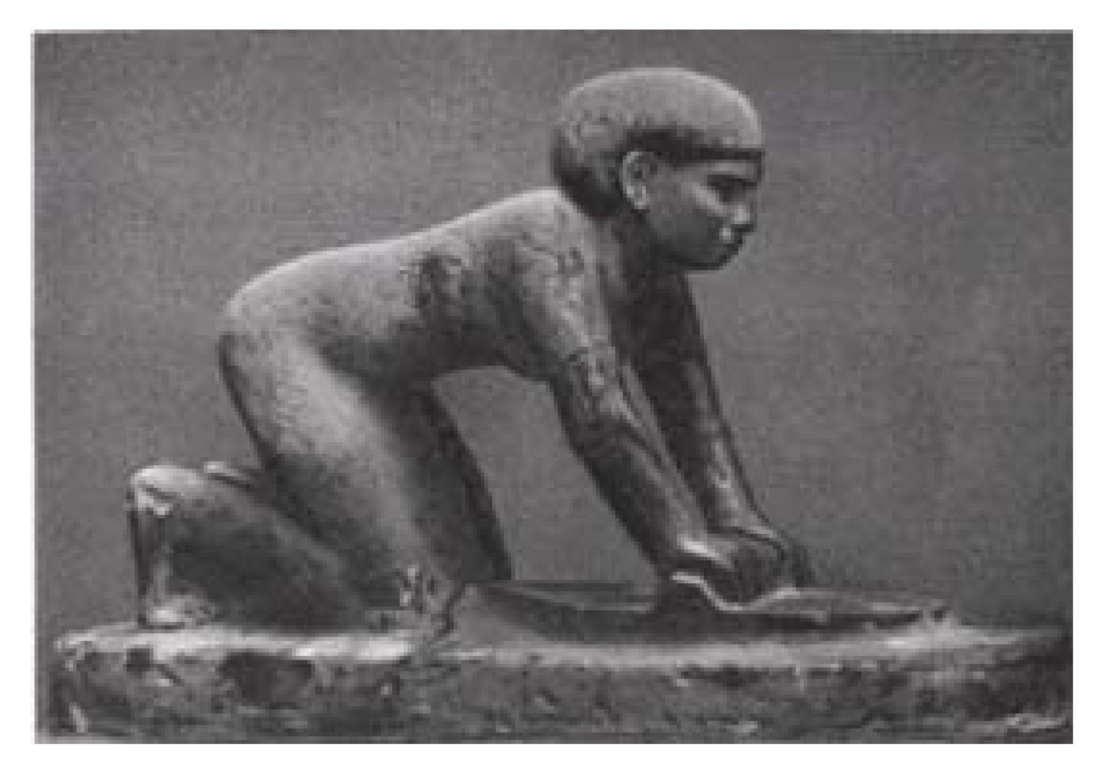
[1] К. *Маркс,* Капитал, т. I, стр. 516.

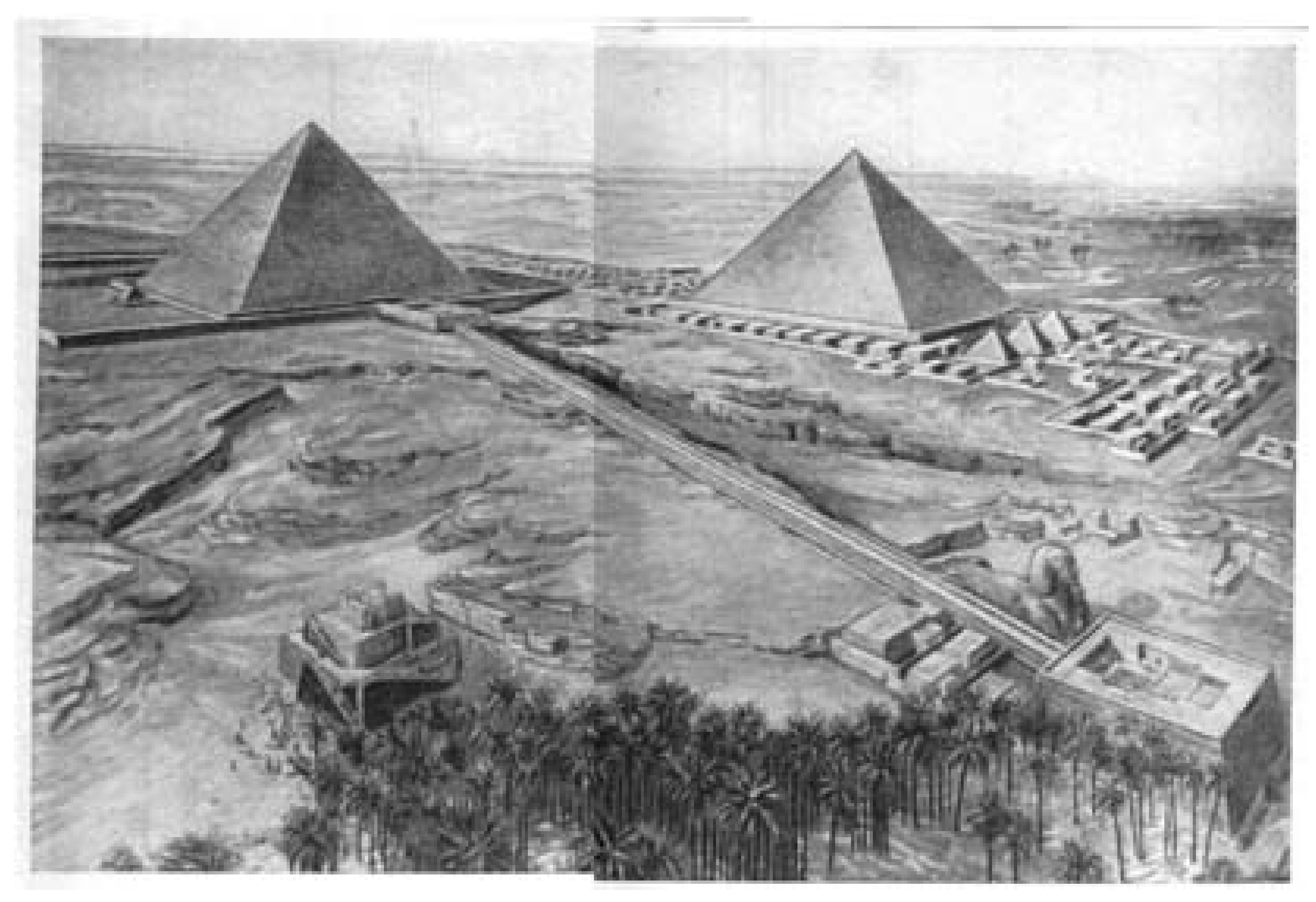
МЕНОВАЯ ТОРГОВЛЯ В ЕГИПТЕ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА.
Крашеный рельеф из гробницы в Саккаре

ПИВОВАР.
Статуэтка из египетской гробницы, V династия

ЖЕНЩИНА, РАСТИРАЮЩАЯ ЗЕРНО.
Статуэтка из египетской гробницы, V династия

Пирамиды IV династии с прилегающими гробницами знати
Гизэ. Реконструкция.

Грандиозное строительство пирамид осуществлялось за счёт безудержной эксплуатации населения страны, жизненный уровень которого был чрезвычайно низок.

Значительная часть населения Нильской долины была отвлечена на строительство гигантских гробниц Хеопса и Хефрена. Как оказалось, страна не смогла долгое время выдерживать это огромное отвлечение сил от хозяйства. Строительство пирамид было сокращено.

V династия

Новая, V династия, с материнской стороны прямое продолжение IV, в лице своего основателя Усеркафа только до некоторой степени могла восстановить прежние порядки. Пирамиды V династии (около соседних селении Абусир и Саккара) — всего лишь бледное подобие пирамид Гизэ. Самая большая из пирамид не достигала и половины вышины пирамиды Хеопса. И если большинство царей V династии строило богу Солнца каждый по особому храму, в котором имелся громадный идол — каменный обелиск в глубине двора, то это не требовало столь большого напряжения сил народа, как сооружение пирамид.

Но если строительство пирамид пошло на убыль, то строительство гробниц знати продолжало развиваться. Из сплошных каменных сооружений, так называемых «мастаба», не расчленённых внутри, развились целые каменные дворцы, сохранявшие лишь наружно прежний облик «завалинок»; эти гробницы-дворцы имели множество помещений внутри, стены которых были испещрены резными изображениями и надписями.

Владычество знати всё более утверждалось. Постепенно V династия была принуждена отказаться от того, чтобы в руках царствующего дома сосредоточивались важнейшие государственные должности. При ней должность главного судьи и верховного сановника перестала быть достоянием царевичей, и ею стали владеть другие представители знати, возможно даже представители одного и того же знатного, но не царского рода.

Время V династии было золотым веком для столичных вельмож - сила царской власти, необходимая для знати, сочеталась с возросшим значением и благоденствием знатных семей.

Государство V династии с большой воинственностью поддерживало свои притязания на Синайском полуострове. От последнего царя династии — Униса — сохранилось изображение ожесточённой схватки египтян с азиатами. Второй представитель династии, Сахура, изобразил в своём поминальном храме не только прибытие судов с многочисленными пленными азиатами, но и пленённых ливийцев, а также захваченные у них стада. При том же царе мы впервые слышим о доставке из Южного Красноморья (так называемой страны Пунт) больших количеств благовонной смолы, золота и других ценностей. Путешествие на далёкий юг предпринималось и при предпоследнем царе этой династии — Джедкара.

Начало упадка Древнего царства

Неизвестно, почему и как власть перешла от V династии к VI, — внешне мало что изменилось. Цари строили по-прежнему представительные, но не слишком большие пирамиды (около Саккары), а гробницы высшей столичной знати никогда ещё не были так великолепны: в одном таком надмогильном дворце из камня иной раз могло быть свыше трёх десятков помещений.

Но вскоре стала отчётливо обозначаться новая сила в лице приобретающей всё большее влияние местной, не столичной знати. Рост её значения при VI династии заметен прежде всего по многочисленности гробниц, высеченных в скалах на протяжении всего Верхнего Египта различными его областными правителями. При IV и отчасти при V династии, как мы уже говорили, царь свободно распоряжался их должностями, теперь же в областях прочно сидят свои наследственные роды правителей; через отдельных своих представителей они роднятся с царствующей династией и занимают

высшие должности, вплоть до верховного сановника. Если при IV династии, в дни наивысшей силы царской власти, преобладание среди знати принадлежало царской родне, а при V династии стало заметно господство вообще столичной знати, то при VI династии преобладание начинает переходить к местной знати. У нас нет данных, которые говорили бы об усилении местной знати в Дельте, и дело, вероятно, не только в малочисленности дошедших оттуда памятников. Рядом с Дельтой, в том же Нижнем Египте, лежал город Мемфис, где находилось правительство и сосредоточивалась столичная знать. Напротив, Верхний Египет в значительной степени был для столицы страной на отлёте. Благополучие его знати зиждилось не на забросанных повсюду угодьях, как у столичных вельмож, а на владениях в тех областях, которыми местные правители — номархи — сами управляли. В развитии своих местных хозяйств они были кровно заинтересованы.

Наружно государство фараонов VI династии в течение долгих десятилетий выглядело ещё достаточно внушительно. Воинственность и предприимчивость его вовне также не ослабевали, скорее даже возросли. Пиопи I неоднократно направлял свои ополчения на азиатских соседей. Мы читаем в надписях того времени об одновременном движении египетских вооружённых сил морем и сушей, об опустошении цветущих областей, об уводе многочисленных пленных. Преемник Пиопи I Меренра ездил на крайний юг своего государства и принимал изъявление покорности от соседних эфиопских племён. Внушать чужеземным народам страх перед фараоном считалось одной из доблестей тогдашних государственных деятелей Египта. «Мирные» походы для добычи сырья из рудников и каменоломен и открытые грабительские вторжения к соседям были обычным явлением. Обычны были и плавания в Финикию и в Южное Красноморье.

Так продолжалось ещё при фараоне VI династии, преемнике Меренра — Пиопи II, дожившем до глубокой старости и процарствовавшем около 100 лет. Наступившее вслед за тем, при последних царях VI династии, время полного упадка фараоновского самовластия и распада страны на полунезависимые области и соперничающие царства будет рассмотрено в главе о Среднем царстве. Отдельные намёки на неспокойное положение в стране появляются уже в начале и середине VI династии. По Манефону, её основатель Тети был убит собственными телохранителями. Известно также, что при Пиопи I тайным судом судили царицу.

С ослаблением фараоновской власти всё более обнаруживаются противоречия, характерные для общества Древнего царства. На пути дальнейшего развития египетского общества стояло засилье столичной знати во главе с фараоном. Свержение этих сил, приобретение номами определённой самостоятельности означало устранение этого препятствия. К концу VI династии общественные противоречия резко обострились. Древнее царство было накануне своего падения. Недаром те, кому сооружались пирамиды, даже в своих каменных усыпальницах боялись мятежного народа. Обеспечить его покорность они не смогли.

Экспедиции за пределы страны

В период Древнего царства из Египта организуются многочисленные экспедиции за пределы страны. Медные рудники на Синайском полуострове вместе с тамошними бирюзовыми копями усиленно разрабатывались. На скалах множились изображения и надписи, прославлявшие победы царей над кочевниками, и имена должностных лиц, прибывавших для разработки горных недр.

Любопытно, что мастера обходились с серебром куда бережливее, чем с золотом. Золото (из него изготовлялись не одни украшения, но также разного рода обшивка, утварь, статуи) добывалось в пустыне между рекой и Красным морем. Но потребность в золоте была уже настолько значительна, что его везли и издалека — с берегов Южного Красноморья, вместе с благовонной смолой. Страна на юге от Египта — Эфиопия, позднейшая поставщица золота, в период Древнего царства таковою, по-видимому, ещё не была. Однако правители южной окраины Египта — области и

крепости Элефантины — при VI династии ездили уже далеко на юг. Один из них, Хуфхор, проник далеко на юг и вывез оттуда карлика к особой радости юного фараона. Эти правители привозили различные ценности: слоновую кость, шкуры львов и барсов, ладан, масло, только не золото.

Камень для строительства во времена Древнего царства египтяне находили в избытке на родине, но за редкостным камнем, например для изваяний царей, посылали далеко за южную границу, ко вторым порогам реки. Из ценных камней некоторые имелись в прилегающей пустыне, но другие поступали из-за границы. Так, бирюза добывалась заодно с медью в синайских рудниках, и в таком количестве, что самый полуостров назывался «Уступами Бирюзы». Другой распространённый полудрагоценный камень — лазурит — доставлялся из более далёких мест (из нынешнего Афганистана), и для его получения, несомненно, необходим был длинный ряд посредников.

Страна в это время уже не изобиловала деревом, и добротный лес поступал из Финикии. Ещё при первом царе IV династии египетская летопись говорит о поступлении 40 судов с кедром. Из него царь сооружал суда свыше 50 *м* длиною, дворцовые двери; громадные кедровые брёвна найдены внутри его пирамиды. В финикийском городе Библе был откопан храм и в нём обнаружена заложенная при основании храма посуда с именами царей Древнего царства. При VI династии корабли, даже предназначенные для плавания по Красному морю, назывались «библскими» (по имени финикийского города Библа). Известен случай при VI династии, когда для постройки грузовых судов дерево (акацию) поставляли вожди североэфиопских племён. Большим спросом пользовалось привозившееся с юга чёрное дерево.

Как получали зарубежное сырьё в том случае, когда не добывали его сами в рудниках, в копях, каменоломнях и не взимали в виде дани с подчинённых племён? Один из правителей области Элефантины, Сабни, рассказывает в своей надписи, что, отправляясь за прахом своего отца, скончавшегося в Эфиопии, он нагрузил сотню ослов маслом, мёдом, одеждой, фаянсовыми вещицами. Обратно путешественник вёз ко двору полученные им, по-видимому в обмен, южные ценности. Примером безвозмездного получения различных благ может служить случай, рассказанный другим правителем Элефантины. уже упоминавшимся Хуфхором. Один из северо-эфиопских вождей, увидев, какая воинская сила шла с египетским вельможей, не только провёл его горными путями, но и дал ему быков и коз.

Насколько известно, подобные путешествия были государственными мероприятиями. Руководителями «мирных» походов оказывались неизменно царские сановники, при VI династии это были очень часто номархи Элефантины. Благодаря пограничному положению своей области они стали признанными предводителями в такого рода экспедициях, и не только в Эфиопию, но и в другие страны. Некий Хнумхетеп ездил с двумя правителями Элефантины и «казначеями бога» (доверенными фараона по доставке ценностей) в финикийский Библ и на юг Красного моря 11 раз!

Такими путями рабовладельческий Египет стягивал к себе из окрестных стран живую рабочую силу — пленников, а также ценности — накопленный труд других народов.

Подобные предприятия бывали, конечно, небезопасны. Одного из правителей Элефантины, Пепинехта, царь посылал за телом придворного, погибшего вместе с воинами от рук кочевников на чужбине, вероятно на Синайском полуострове, во время постройки судна, предназначенного для плавания в Южное Красноморье.

3. Религия и культура Египта Древнего царства

Религия

Религия в период Древнего царства была сложным напластованием верований и представлений, возникших в разное время и в разных местах Египта. Многие из них восходят к самой глубокой древности. Наличие пережитков первобытно-общинных отношений в общественной жизни способствовало длительному сохранению этих верований. Центральное место в религиозном культе Древнего царства занимало освящение существующего классового строя в виде обожествления носителя верховной власти; так, фараон объявлялся живым подобием бога Солнца.

Богов в Древнем царстве было очень много: у каждого города их могло быть по нескольку. Эти городские и областные боги были олицетворением различных природных явлений: неба, земли, светил, воздуха, воды и т. п. Некоторые из них олицетворяли одновременно и явления общественного порядка, например бог Луны — Тот, покровитель города Гермополя, почитался как бог письменности. Олицетворением только отвлечённых идей были лишь немногие из египетских богов, например Маат— «правда».

Как воплощение божества почитались также животные, растения и некоторые предметы; эти верования являлись пережитком тотемизма у племён, населявших долину Нила задолго до Древнего царства. Олицетворением только что названного Тота были собакоголовая обезьяна — павиан и птица ибис, а Солнце в храме в городе Гелиополе представлял каменный столб. Большим почитанием в Мемфисе пользовался бык Апис. Широко распространено было колдовство.

Боги олицетворяли силы природы, объяснение жрецами природных явлений превращалось в сложные богословские построения. Особое распространение получило учение гелиопольских жрецов. Согласно этому учению, мироздание являлось цепью порождений одними природными силами — богами — других природных сил, также считавшихся богами. Главной силой объявлялся бог Атум, отождествлённый с гелиопольским богом Солнца Ра в виде Ра-Атума.

Более отвлечённым было учение, развитое жрецами города Мемфиса. Оно известно нам по поздней копии культового текста. Однако по языку и орфографии текст относится к Древнему царству. Это учение изображало бога Птаха соединением разных божеств, одновременно изначальным веществом — первобытной водой и почвой, мировым разумом («сердцем») и волеизъявителем («языком»). Главными жрецами Птаха были обыкновенно верховные руководители государственных мастерских, считавшиеся как бы «сердцем» и «языком» разных производств. Для обоснования своего учения жрецы ссылались на пример деятельности человека: «глаза смотрят, уши слышат, нос обоняет воздух; доводят они до (сведения) сердца; оно даёт выйти всякому умозаключению (?); язык повторяет задуманное сердцем: так творится всякая работа, всякое мастерство, творчество рук, хождение ног, движение всякого члена, согласно этому приказанию, измышленному сердцем, вышедшему с языка».

Как ни старались жрецы в столице, затмить Ра-Атума мемфисскому богу Птаху было не под силу. Когда при IV династии царская власть достигла вершины могущества, фараоны объявили себя «сынами Солнца», и Солнце обыкновенно упоминалось в составе их имён. Большинство царей V династии воздвигало Солнцу особые храмы. Солнце было государственным божеством, главным покровителем царей. С конца V династии внутри пирамид на стенах стали писать взятые из заупокойной службы заклинания, имевшие целью обезопасить и осчастливить властителя по смерти, — так называемые «тексты пирамид». Заклинания говорили о посмертном плавании фараона в солнечной ладье, в которой, по верованиям египтян, бог Ра совершал свой ежедневный путь по небу.

Тесно связанным с культом царской власти оказался и культ бога Осириса. Если Солнце стало богом живого царя, то Осирис — умершего.

Осирис — бог нижнеегипетского города Бусириса — был отождествлён с местным божеством верхнеегипетского города Абидоса. В основе почитания бога Осириса лежало обожествление ежегодно умирающих и оживающих сил природы. По памятникам Древнего царства можно заключить, что Осирис олицетворял воду половодья, несущую свежие силы растительности. Почитание Осириса было связано с земледелием. В надписях пирамид Осирис выступал и как прообраз мёртвого царя. Согласно распространённому мифу, сын убитого Осириса — бог Гор не только отомстил братоубийце Сету, но вместе с прочей роднёй, в частности со своей матерью богиней Исидой, воссоединил и волшебными обрядами оживил растерзанный труп отца. Повторение тех же чар над царским трупом сулило мёртвому царю, по мнению жрецов, ту же волшебную жизнь, какая была, по мифу, дана Осирису.

Притязания на посмертное небожительство были свойственны не одним царям, но и вельможам, хотя и в меньшей степени. По некоторым надписям видно, что сановники мечтали не только о «добром погребении» и сытных жертвах, но и о плавании, подобно фараону, по небу и восхождении к «большому богу». При VI династии встречается уже отождествление и частного лица с Осирисом в виде формулы «Осирис — такой-то» (следовало имя умершего).

Чтобы продолжать вести жизнь в гробнице и вне её, тело мертвеца должно было быть сохранено. Забота о сохранности останков привела к приготовлению знаменитых египетских мумий. В период Древнего царства искусство приготовления мумий находилось ещё только в начальной стадии.

По учениям, господствовавшим в древнем Египте, человек наделялся несколькими душами. Одной из душ был «двойник». «Двойник» считался духовным началом человека, соединение с ним означало жизнь. В гробницах помещение, где находились изваяния, именовалось «двором двойника».

Одной из душ египтяне считали также имя. Сохранение имени человека означало сохранение его личности. Отсюда желание увековечить своё имя, хотя бы нацарапав его на чужом памятнике. Надписи пирамид говорят о том, что имя мертвого царя «живёт по главе живущих».

Самыми поразительными памятниками Древнего царства являются пирамиды. Своей мощью они должны были подавлять сознание подданных. Пирамиды VI династии содержат заклинания, в которых непрестанно в связи с нерушимостью царской пирамиды упоминается нерушимость царского имени. По одному из указов VI династии на недоступной вершине пирамиды Микерина было помещено его имя. Чем изумительнее по высоте и прочности была пирамида, тем на более длительное время можно было увековечить через неё имя царя. Пирамиды становились, таким образом, исполинскими знаками нерушимости и вечности царской власти.

Чтобы умершему и его душе-«двойнику» можно было безбедно жить и кормиться в гробнице, чтобы мертвецу «делаться блаженным» посредством заупокойных обрядов, гробница соответственно отделывалась, обставлялась и «навеки» обеспечивалась жертвами и жрецами. Простым людям всё это было недоступно.

Представители знати считались главными заклинателями при жизни и представлялись чародеями и по смерти, знающими «волшебство тайное (царского) местожительства», знающими всё, что полезно «блаженному» на том свете. «Блаженные», т. е. знать, отличались от «простых» умерших. Из пирамидных надписей следует, что беспомощному простому мертвецу на том свете угрожали голод, жажда и даже полное уничтожение.

Фараон, которого объявляли земным богом, провозглашался по смерти хозяином не одной земли, но и неба; его вельможи, владевшие при жизни всеми житейскими благами, объявлялись по смерти полубогами. От ответственности перед загробным судом богов царь и его приближённые отделывались всё теми же заклинаниями. Царь и знать возвеличивались и при жизни и после смерти. Простой же народ, сходивший по-

сле смерти в убогие и безымённые могилы, по господствовавшим верованиям, на такую участь никак рассчитывать не мог.

Письменность и наука

Особенности государственного устройства Египта Древнего царства требовали обширной переписки и сложной отчётности; не меньше нуждались в ней большие хозяйства вельмож. У писцов выработался особый беглый почерк: к иероглифическому письму, состоящему по своему внешнему облику из изображений различных существ и предметов, прибавилось новое письмо, так называемое староиератическое [1] своим упрощённым начертанием знаки этого письма сплошь и рядом лишь отдалённо походили на иероглифы. Несмотря на сложность письменности, грамотными были не одни писцы. Вельможи и даже знатные женщины изображались принимающими ведомости от управляющих; сыновья вельмож состояли писцами в отцовских хозяйствах; знатнейшие сановники числились писцами и считались знатоками и переписчиками священной письменности. Об относительном распространении грамотности вне правящих кругов говорят письменные указания строителям, наспех нанесённые на камни тогдашних построек.

Сравнительная таблица иероглифических, полукурсивных и иератических знаков.

Писцы.
Рельеф из гробницы в Гизэ. Начало V династии.

Во времена Раннего и Древнего царств египтяне накопили известную сумму научных знаний. Развитию вычислительного дела в значительной степени способствовало строительство. Точность строительных промеров и весьма совершенная разметка краской углов наклонов, глубины и уровней уступов на пирамидной кладке говорят сами за себя.

[1] Это название письма, которым писали на папирусе, было дано ему греками (от греческого «hieratikos» — жреческий, так как в поздние времена им пользовались, как правило, только жрецы).

Необходимость вычислять периоды разлития Нила создала египетскую астрономию. Год исчислялся по звезде Сириус, утреннее появление которой после временной невидимости совпадало с ежегодным наступлением половодья.

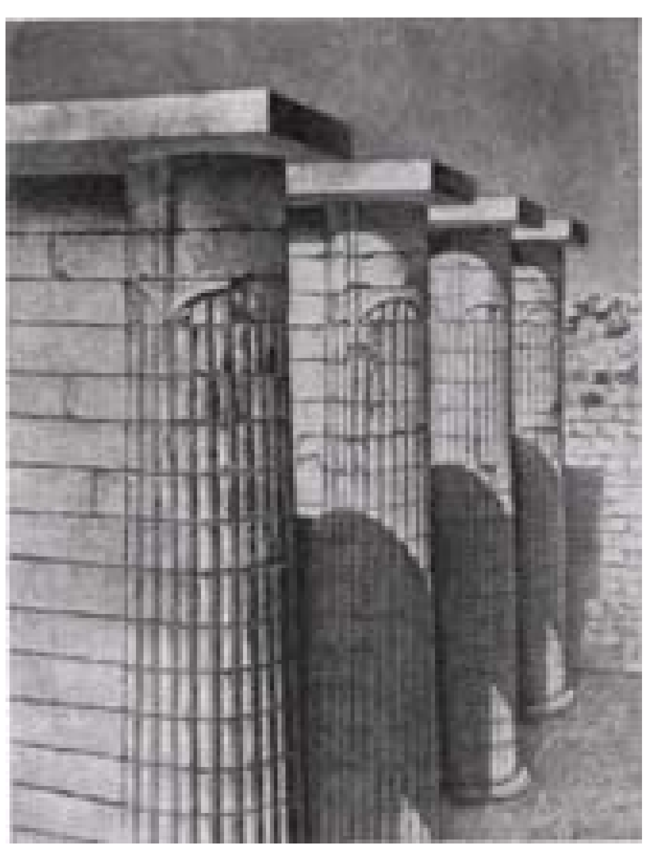
Год состоял из 3 времён, каждое время — из 4 месяцев, каждый месяц — из 30 дней; сверх 360 дней в году имелось 5 добавочных: високосных лет не было, так что календарный год опережал природный, состоящий из $365^1/_4$ суток, каждые 4 года на 1 день.

Значительны были успехи врачебной науки: различались врачи «утробные», глазные, зубные и т. д. Один и тот же врач мог, однако, представлять несколько отраслей врачебной науки. О зубоврачебном искусстве Древнего царства у нас есть вещественные свидетельства: зуб, прикреплённый к другому золотой проволокой, челюсть, просверлённая при операции.

В Египте, начиная с Древнего царства, существовало своеобразное высшее учёное учреждение — «дом жизни». Оно пользовалось таким значением, что доставлять всё потребное ему должны были номы даже Верхнего Египта.

Зодчество

Каменное строительство Древнего царства ведёт начало от погребального сооружения царя Джесера подле нынешнего селения Саккары. Память о зодчем Джесера — Имхетепе жила в стране тысячелетия. В начало III династии каменное строительство было ещё новым делом, и в сооружении Имхетепа заметна некоторая неуверенность, непривычка строить из камня. В расположении зданий вокруг пирамиды не чувствовалось строгого порядка. Камни обыкновенно были не в меру малы по размерам сооружения. Строитель боялся положиться на непрочные известняковые столбы. Он придвигал их к стенам, смыкал столбы со стенами или друг с другом переборками. Сама пирамида с шестью продолговатыми уступами была наружно не чем иным, как шестикратным повторением в камне прямоугольных надстроек кирпичных гробниц.

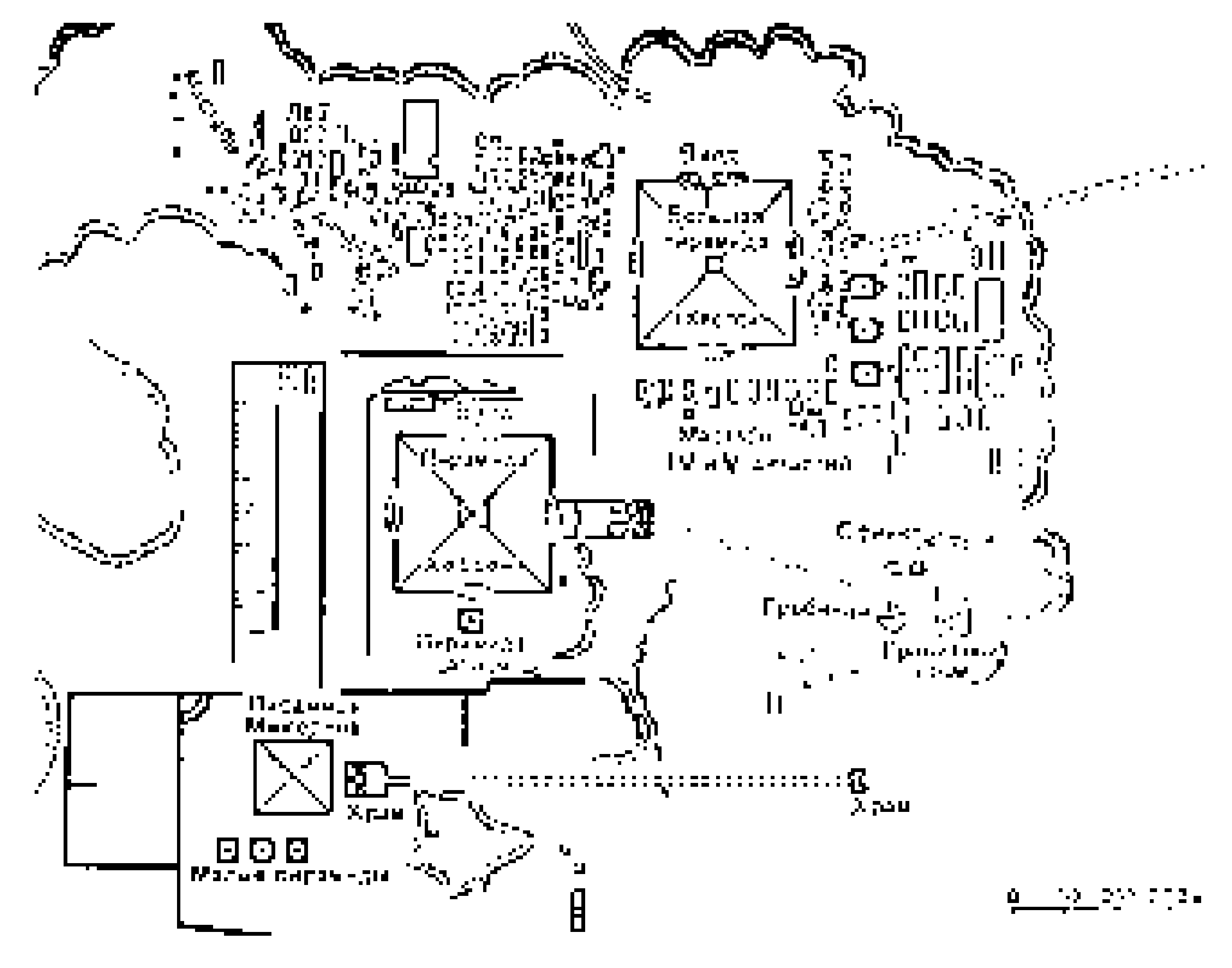
Колонны-пилястры из храма Джесера в Саккаре
III династия

Пирамида с восемью уступами около арабского селения Медум (южнее Саккары) была покрыта гладкой облицовкой, придававшей ей вид правильной пирамиды. Она принадлежала, возможно, одному из царей конца III династии.

Зодчие Снефру в начале IV династии после предпринятого ими опыта сооружения «изломанной» пирамиды, с углом подъема внизу в 54°49, вверху в 42°59, затем стали возводить пирамиды, геометрически правильные (обе пирамиды Снефру подле арабской деревни Дахшур, южнее Саккары). Её великие «сестры», воздвигнутые последующими царями IV династии (около нынешнего местечка Гизэ), были не более, как усовершенствованным и увеличенным воспроизведением дахшурского образца, а пирамиды V и VI династии — бледным подобием пирамид в Гизэ.

При строителях «великих» пирамид каменное зодчество окончательно освободилось от всех пережитков времени деревянного и кирпичного строительства, окончательно исчезла и былая неуверенность. Громадные гранёные глыбы применялись повсеместно, и могучие гранитные столбы в преддверьи пирамиды несли перекрытия чудовищной тяжести.

Пирамида царя стояла не одинокой: к ней нескончаемыми вереницами примыкали гробницы его родни и приближённых. Примечательно, что эти гробницы составляли

План части Гизэского некрополя.

одно художественное целое с пирамидой и, особенно с её пристройками. На основании этих строительных комплексов можно уверенно говорить о смене художественных форм. Сооружение Джесера носило все следы незаконченных исканий, было смешением старого и нового. Членение стен и стержней столбов, отделка кое-где помещений резьбой и глазурью, ступени самой пирамиды — всё это придавало целому довольно нарядный вид. Гробницы вельмож вплоть до начала IV династии оставались кирпичными, однако, помещения внутри отделывались камнем или деревом, сравнительно редкими были росписи и резьба. Со строительством «великих» пирамид, однако, всё изменилось. Величаво просты были не только сами пирамиды, но и их преддверья и поминальные храмы. Гладкие гранёные поверхности поражают своей каменной мощью. В нарядной отделке здесь не было нужды. При фараоне

Хеопсе и надгробия вельмож превратились в сплошные каменные гряды из великолепных глыб, почти без членения и украшений внутри или снаружи. Когда же поминальные храмы царей V династии стали украшаться изнутри богатой отделкой и простые столбы сменились роскошными колоннами, тогда и внутри гробниц вельмож вновь стали строиться помещения, притом пестревшие изображениями и надписями. Ими покрылись и гробницы областных правителей, высеченные в скалах Верхнего Египта.

Помимо поминальных сооружений при пирамидах, мы мало что знаем о храмах Древнего царства. Единственный хорошо известный и принадлежащий достоверно к этому периоду храм, не связанный с пирамидой, — это храм царя V династии Ниусерра подле нынешнего селения Абу-Гураб. Но это был не обыкновенный городской храм, а особый, царский, в честь бога Солнца Ра и, возможно, в честь «тридцатилетия» царствования. Каменные преддверье и ход вели на обширный двор, залитый солнцем, частично обведённый крытым ходом, с высеченными на стенах изображениями, в том числе и рисующими жизнь природы. В глубине двора на подножии в виде усечённой пирамиды стоял огромный сложенный из камня символ Солнца — приземистый обелиск.

О гражданском зодчестве Древнего царства мы можем судить лишь по скудным остаткам да случайным изображениям и упоминаниям. Обычно дома были из кирпича-сырца, камень применялся лишь в местах, требовавших особой прочности. Судя по изображениям, подпорами для перекрытий служили лёгкие точёные колонны.

Изобразительное искусство

Изобразительное искусство Древнего царства служило в основном религиозным целям. Это не могло не сказаться на характере искусства.

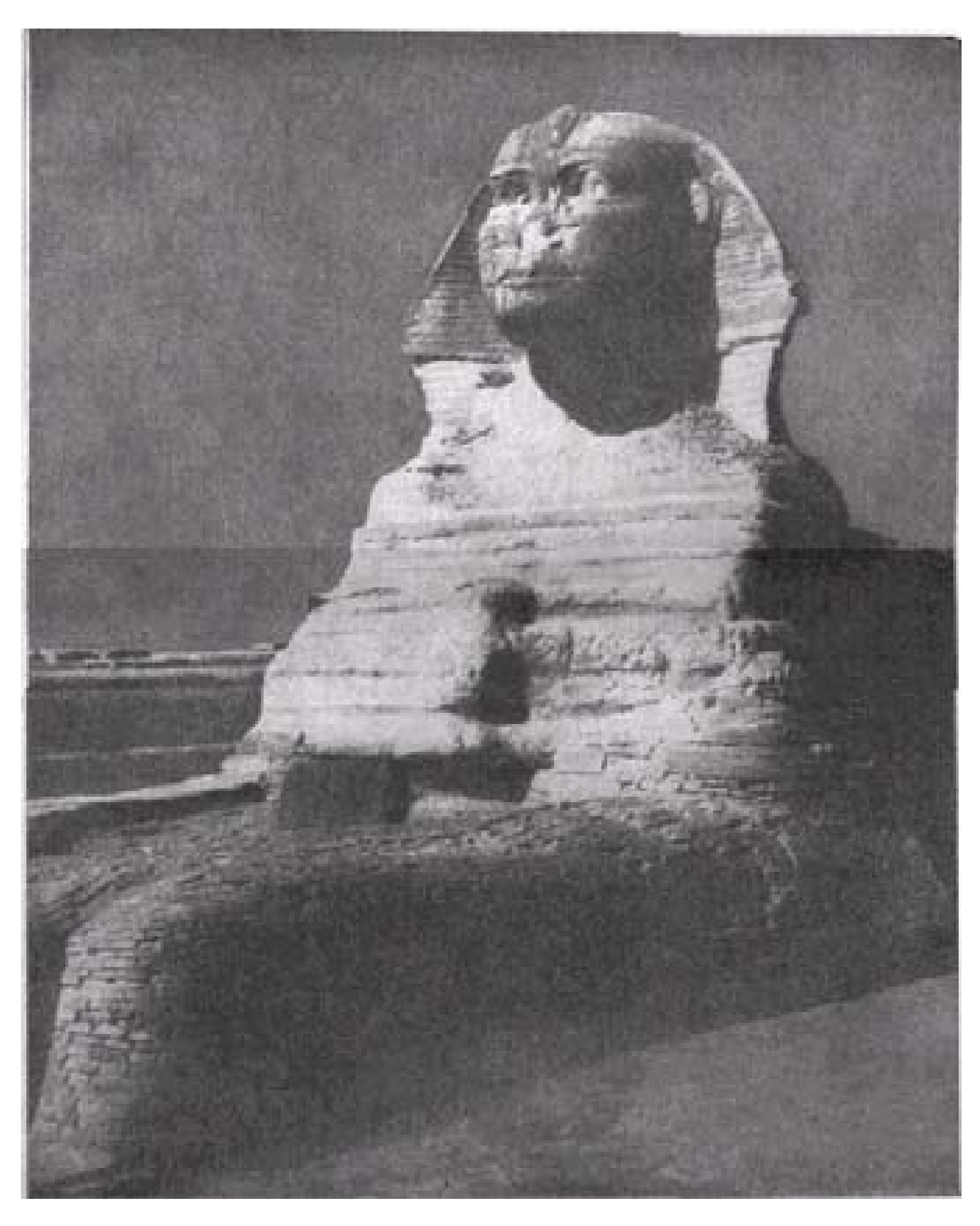
При III и IV династиях в изваяниях стремились к точному воспроизведению подлинника костлявые лица первых властителей Древнего царства, горбоносый,

Скульптурный портрет сановника Анххафа,
IV династия

Скульптурный портрет (часть статуи) вельможи Ранефера.
V династия.

Сфинкс, высеченный из скалы.
Гизэ. IV династия.

тучный царевич IV династии, лица других современников этой династии запечатлены были с поразительной правдивостью. Но уже тогда, и особенно позже при V и VI династиях, изготовляли и более условные подобия, хотя и тут лучшие образцы умело сочетали условное благообразие с жизненной правдоподобностью. Раскраска в принятые цвета — красноватый для обожженных солнцем мужчин и желтоватый для женщин — обычно не забывалась. Глаза, вырезанные из цветных камней или фаянса, иногда вставлялись в изваяния, и так искусно, что выглядели совсем живыми. Изображения царей должны были выражать их божественность. Перед пирамидой Хефрена лежал большой сфинкс — естественная скала высотой в 20 *м*, обработанная в виде льва с головой этого царя, в преддверьи к пирамиде блестели в полумраке изображения восседающего в торжественном величии Хефрена.

Плита с изображением царского казначея Иси и его сына.
V династия. Известняк.

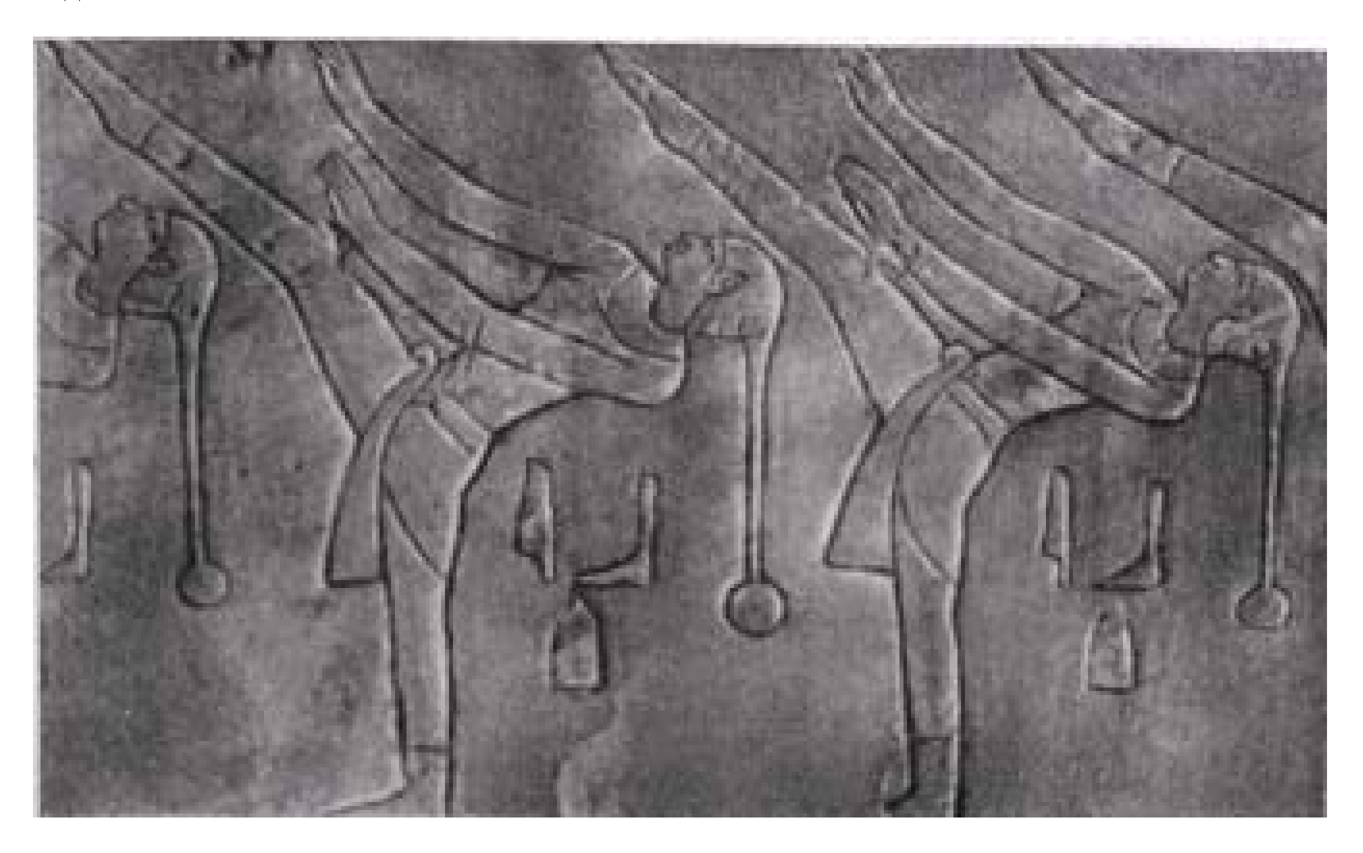
Плоских изображений дошло до нас от Древнего царства очень много — преимущественно гробничных, меньше — храмовых. К началу IV династии изображения были различны по технике исполнения. В пору «великих» пирамид и увлечения величавой простотой отпадала надобность в украшении гробничных стен. При V династии художники окончательно остановились на изображениях, выполненных низким рельефом и затем расписанных. Лишь кое-где такие изображения чередовались с рельефом внутри врезанного контура.

Настенные изображения в гробницах не были простыми украшениями — они служили религиозным целям. Глядя на изображенные заупокойные обряды, богатые трапезы, производство и доставку приношений и развлечения, умерший, как считали древние египтяне, действительно должен был переживать изображённое. С воцарением V династии пёстрыми резными изображениями покрылись и стены царских поминальных храмов. Некоторые изображения в них были такими же, как в гробницах вельмож, но другие, сообразно сану заказчика, прославляли его как государя и как родича и любимца богов.

Плоские изображения Древнего царства обыкновенно выполнены мастерски: чётко, складно и просто. Поразительно, с какой силой тогдашнее искусство способно было передавать людское горе. В проходе к пирамиде царя Униса (конец V династии) были изображены голодающие кочевники: измождённые женщины из последних сил поддерживают обессилевших мужчин. В столичной гробнице времени VI династии показана печаль осиротевших домочадцев — от самого бурного приступа горя до мрачно унылого настроения. Даже в Верхнем Египте, где мастерство иногда опускалось ниже посредственного, в гробнице областного правителя начала VI династии на изображении взятия палестинской крепости переданы и тревога, и отчаяние осаждённых, и материнская нежность полонянки. Если на большинстве изображений Древнего царства телодвижения несколько угловаты, то на некоторых рельефах они замечательно гибки. В некоторых случаях, как кажется, можно установить авторов изображений.

Литература

Последующие поколения сохранили память о литературе Древнего царства. Они приписывали верховным сановникам III и V династий (отцу верховного сановника Кагемни и Птаххетепу) прославленные сочинения о житейской мудрости. Однако списков этих сочинений от самого Древнего царства не дошло, принадлежность же этим лицам наставлений, ходивших впоследствии под их именами, нуждается в доказательстве. Ввиду гибели литературных рукописей Древнего царства судить о его художественных произведениях приходится больше по надписям. Сохранились «жизнеописания» сановников начала IV династии, высеченные на их гробницах, но это по существу перечни занимавшихся ими должностей, и только лучшее из них, жизнеописание Метена, дополнено сообщениями об имущественных делах сановника. К концу IV — началу V династии

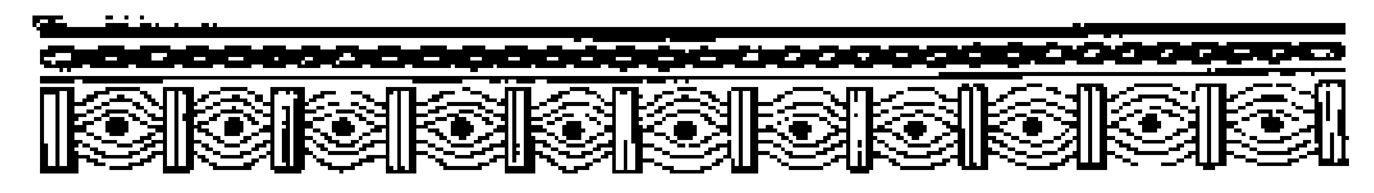
Танцовщицы.
Рельеф из гробницы в Саккаре. VI династия. Известняк.

описываются достоинства умершего и царские к нему милости. Появляются обстоятельные рассказы об отдельных событиях жизни вельмож. При VI династии встречаются уже подробные большие жизнеописания, вроде жизнеописания элефантинского правителя-путешественника Хуфхора или разностороннего государственного деятеля Уни. В надпись последнего включена даже победная песня возвращающегося из похода войска. Гробничные изображения людей из народа часто сопровождаются надписями, содержащими слова, которые они якобы произносят. Среди этих слов попадаются песенки; некоторые из них могут быть действительно народными.

Из ряда заклинаний «надписей пирамид» удалось восстановить древнее поэтическое славословие в честь египетской богини неба Нут. Среди тех же надписей имеются заклинания, содержащие род драматических разговоров. В очень позднем списке до нас дошёл распорядок мемфисского храмового представления, по языку и способу написания восходящий к Древнему царству. В этом распорядке даны предписания для отдельных участников представления. Таковы известные нам зародыши драматического искусства в Египте периода Древнего царства.

Таким образом, уже в III тысячелетии до н. э. древние египтяне добились больших достижений в области не только материальной, но и духовной культуры. В то время они были пионерами цивилизации.

ГЛАВА VI
ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА В ДВУРЕЧЬЕ

Древнейшее рабовладельческое общество и государства складываются в южной части долины рек Тигра и Евфрата примерно в то же время, что и в Египте. Здесь возникает второй важнейший очаг цивилизации, который оказал большое влияние на политическую, экономическую и культурную историю всего древнего мира.

1. Разложение первобытно-общинного строя в Двуречье

Природные условия и население Двуречья

Равнинную часть страны, расположенной между Тигром и Евфратом в их нижнем и среднем течении, называют обычно греческим словом Месопотамия (Междуречье). Природные условия и исторические судьбы северной и южной части Месопотамии различны. Поэтому южную её часть, где течение обеих рек сближалось (в основном к югу от района столицы современного Ирака — Багдада), мы выделяем под названием «Двуречье».

Эта часть Месопотамской равнины заполнена отложениями рек, периодически разливающихся в весенне-летний период вследствие таяния снегов в горных районах верховьев. Древнейшие поселения, явившиеся центрами образования первых государств, были расположены по обоим берегам вдоль нижнего течения обеих рек, преимущественно Евфрата, воды которого легче использовать для земледелия без специальных водоподъёмных устройств. Для использования при осенней обработке земли воды разлива должны были собираться в особые водохранилища. Евфрат и Тигр, помимо их огромной роли как источников орошения, являются основными транспортными артериями страны.

Климат в Двуречье жаркий и сухой. Количество атмосферных осадков невелико, да и выпадают они главным образом зимой. Вследствие этого земледелие возможно преимущественно на почвах, естественно орошаемых разливами рек или орошаемых искусственно. На таких почвах можно выращивать самые разнообразные культуры и получать высокие и устойчивые урожаи.

Месопотамская равнина окаймлена с севера и востока окраинными горами Армянского и Иранского нагорий, на западе она граничит с Сирийской степью и пустынями Аравии. С юга равнина ограничена Персидским заливом, куда впадают Тигр и Евфрат. В настоящее время обе эти реки за 110 *км* до впадения в море сливаются в единый речной поток — Шатт эль-Араб, но в древности море вклинивалось значительно глубже на северо-запад и обе реки впадали в него раздельно. Центр возникновения древнейшей цивилизации был расположен именно здесь, в южной части Двуречья.

Естественные богатства, из тех, которые могли быть использованы древнейшим населением равнины, невелики — тростник, глина, а в реках и болотистых озёрах — рыба. Из древесных пород можно отметить финиковую пальму, дающую питательные и вкусные плоды, но низкую по качеству древесину. Отсутствовали необходимые для развития хозяйства камень и металлические руды.

Древнейшим населением страны, заложившим основы цивилизации в Двуречье, были шумеры; можно утверждать, что уже в IV тысячелетии до н. э. шумеры были основным населением Двуречья. Шумеры говорили на языке, родство которого с другими языками до сих пор не установлено. Для физического типа шумеров, если доверять сохранившимся, обычно довольно грубо передающим облик человека статуям и рельефам, было характерно круглое лицо с крупным прямым носом.

С III тысячелетия до н. э. в Двуречье из Сирийской степи начинают проникать скотоводческие семитические племена. Язык этой группы семитических племён носит название аккадского или вавилоно-ассирийского, по тем позднейшим наименованиям, которые эта группа семитов приобрела уже в Двуречье. Сначала они селились в северной части страны, переходя к земледелию. Затем их язык распространился и в южной части Двуречья; к концу III тысячелетия произошло окончательное смешение семитического и шумерского населения.

Различные семитические племена в это время составляли основную массу скотоводческого населения Передней Азии; территория их расселения охватывала Сирийскую степь, Палестину и Аравию.

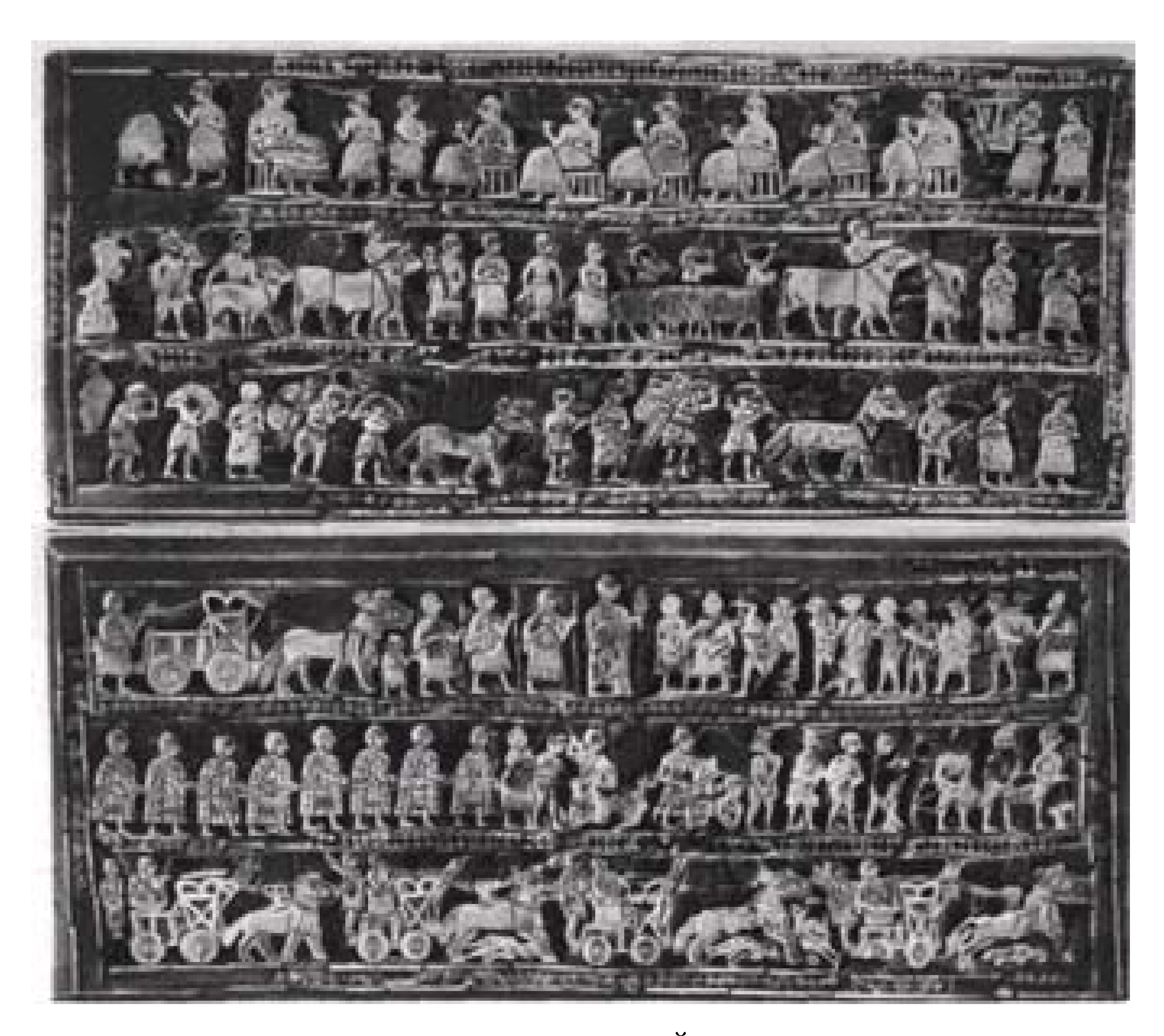
Северную Месопотамию и окраинные нагорья Ирана, окаймляющие с востока долину Тигра и Евфрата, населяли многочисленные племена, говорившие на языках, родственные связи которых пока не установлены; некоторые из них, возможно, были близки отдельным современным кавказским языкам. В северной части Месопотамии и на притоках Тигра памятниками рано засвидетельствованы поселения племён хурритов; далее к востоку, в горах, жили луллубеи и гутеи (кутии). Соседние с Двуречьем долины рек Юго-Западного Ирана занимали эламиты.

В своём большинстве эти и близкие к ним племена в IV—III тысячелетиях до н. э. были оседлыми горными земледельцами и полуоседлыми скотоводами, жившими ещё в условиях первобытно-общинного строя. Именно они создавали в Передней Азии энеолитическую «культуру крашеной керамики»; их поселения — Телль-Халаф, Телль-Брак, Арпачия, Тепе-Гаура, Самарра, а глубже в нагорье Ирана Тепе-Гиян, Тепе-Сиалк, Тепе-Гиссар, Туренг-Тепе — позволяют судить о характере развития племён, занимавшихся горно-ручьевым земледелием в период неолита и энеолита. Большинство из них вначале ещё опережало в своём развитии племена, населявшие Двуречье, и только со второй половины IV тысячелетия население Двуречья быстро обгоняет своих соседей.

Лишь у эламитов в низовьях рек Каруна и Керхе классовое общество возникает только немногим позже, чем в Шумере.

ДОЕНИЕ КОРОВ В ХРАМОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ.
Изображение на стене храма. Городище Эль-Обейд. Древний Шумер. Около 2600 г. до н. э.
Перламутровая инкрустация

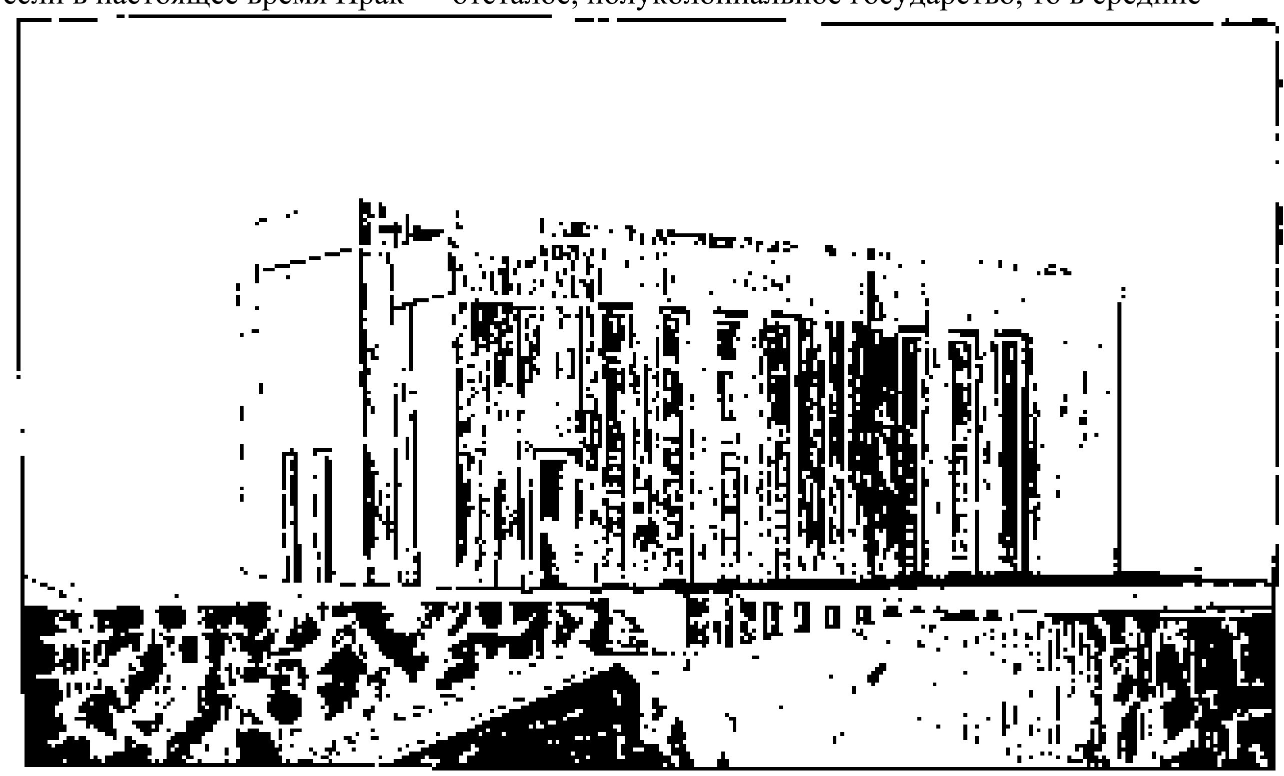
ПЛЕННИКИ И ДОБЫЧА ВОЙСКА УРА.
Шумерская перламутровая инкрустация
на небольшом переносном балдахине (так называемом «штандарте»).
Около XXVI в. до н. э. Лицевая и оборотная стороны

Памятники III тысячелетия свидетельствуют о том, что морским путём, шедшим по Персидскому заливу, Шумер был связан с другими странами. Клинописные тексты упоминают остров Дильмун и славившиеся золотом и чёрным деревом страны Маган и Мелухха. Только Дильмун со всей бесспорностью отождествлён с нынешними Бахрейнскими островами у берегов Восточной Аравии, поэтому мы не можем определённо сказать, как далеко простирались морские связи Двуречья. Однако эпические песни о путешествиях шумерских героев на восток, «за семь гор», и о дружеских отношениях с тамошним населением, а также печати с изображениями индийских слонов и знаками индийской письменности, которые найдены в поселениях Двуречья III тысячелетия до н. э., заставляют думать, что существовали связи с долиной Инда.

Менее определённы данные о древнейших связях с Египтом; однако некоторые особенности наиболее ранней энеолитической культуры Египта заставляют ряд исследователей предполагать наличие подобных связей, а отдельные историки предполагают, что в последней трети III тысячелетия до н. э. имели место военные столкновения Двуречья с Египтом.

Древнейшие поселения в Двуречье

На примере истории народов Двуречья отчётливо видно, насколько влияние условий географической среды на ход исторического развития имеет относительный характер. Географические условия Двуречья почти не изменились за последние 6—7 тысячелетий. Однако если в настоящее время Ирак — отсталое, полуколониальное государство, то в средние

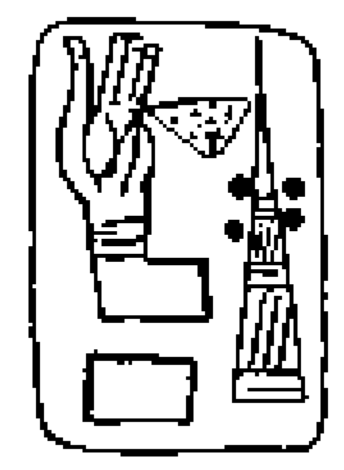
Храм на искусственной платформе.
Урук. Конец IV тысячелетия до н. э. Реконструкция

века, до опустошительного монгольского нашествия в XIII в., а также в древности, Двуречье было одной из самых богатых и населенных стран мира. Расцвет культуры Двуречья, следовательно, невозможно объяснить только благоприятными природными условиями страны для земледелия. Если же заглянуть ещё дальше вглубь веков, то окажется, что та же самая страна в V и даже отчасти в IV тысячелетии до н. э. была страной болот и озёр, заросших тростниками, где по берегам и на островах

ютилось редкое население, оттеснённое в эти гиблые места из предгорий и степей более сильными племенами.

Только с дальнейшим развитием неолитической техники и с переходом к веку металла древнейшее население Двуречья оказалось способным использовать те особенности географической среды, которые ранее были неблагоприятны. С усилением технической вооружённости человека эти географические условия оказались фактором, ускорившим историческое развитие селившихся здесь племён.

Древнейшие поселения, обнаруженные в Двуречье, относятся ещё к началу IV тысячелетия до н. э., к периоду перехода от неолита к энеолиту. Одно из этих поселений было раскопано под холмом Эль-Обейд. Такие холмы (телли) образовались на равнине Двуречья на месте древних поселений путём постепенного накопления строительных остатков, глины от сырцового кирпича и т. п. Население, жившее здесь, было уже оседлым, знало простейшее земледелие и скотоводство, однако охота и рыболовство всё ещё играли большую роль. Культура была сходной с культурой предгорий, но беднее. Было известно ткачество, гончарное дело. Преобладали каменные орудия труда, но уже начали появляться и изделия из меди.

Древнейший шумерский пиктографический документ. Около XXXIII в. до н. э. Камень.

Примерно к середине IV тысячелетия до н. э. относятся нижние слои раскопок Урука. В это время жители Двуречья знали культуры ячменя и эммера, среди домашних животных были быки, овцы, козы, свиньи и ослы. Если жилища Эль-Обейда были преимущественно тростниковыми хижинами, то при раскопках Урука были найдены сравнительно крупные здания, сложенные из кирпича-сырца. К этому периоду, второй половине IV тысячелетия, относятся первые пиктографические (рисуночные) надписи на глиняных плитках («табличках») — древнейшие памятники письменности Двуречья. Наиболее древний письменный памятник Двуречья — маленькая каменная табличка — хранится в Советском Союзе в Государственном Эрмитаже (Ленинград).

К концу IV и самому началу III тысячелетия до н. э. относятся слои раскопок холма Джемдет-Наср, недалеко от другого древнего города Двуречья — Киша, а также более поздние слои Урука. Раскопки показывают, что здесь значительного развития достигло гончарное производство. Орудия из меди встречаются во всё большем количестве, хотя всё ещё широко применяются орудия из камня и кости. Уже было известно колесо и перевозка грузов осуществлялась не только вьюками, а по болотистой почве на санях но и колёсным транспортом. Существовали уже построенные из кирпича-сырца значительные по размерам и художественному оформлению общественные сооружения и храмы (первые храмовые постройки появляются ещё в начале предшествующего периода).

Материалы всех этих раскопок позволяют считать, что в конце IV тысячелетия до н. э. происходил быстрый процесс имущественного и общественного расслоения в общинах Двуречья.

Развитие земледелия

Те шумерские племена, которые поселились в Двуречье, смогли уже в глубокой древности приступить в различных местах долины к осушению болотистой почвы и к использованию вод Евфрата, а затем и Нижнего Тигра, создавая основу ирригационного земледелия. Аллювиальная (наносная) почва долины была мягкой и рыхлой, а берега были низкими; поэтому можно было даже несовершенными орудиями труда сооружать каналы и запруды-водохранилища, дамбы и плотины. Проведение всех этих работ требовало большого количества рабочих рук, поэтому оно было не под силу ни отдельной семье, ни первобытной общине, ни даже небольшому объединению подобных общин. Оно становилось воз-

можным на иной, более высокой ступени общественного развития, когда происходило объединение многих общин.

Работы над созданием ирригационного хозяйства были возможны только при определённом уровне развития техники, но они в свою очередь неизбежно должны были содействовать дальнейшему развитию сельскохозяйственной техники, а также усовершенствованию тех орудий, которыми пользовались при землекопном труде. На осушительных и оросительных работах начинают применяться орудия с металлическими частями. В связи с ростом ирригационного хозяйства более интенсивное использование металла должно было привести к весьма важным общественным результатам.

Каменный сосуд с изображением жертвоприношения (верхний ряд), приношения даров в храм (средний ряд) и храмового скота (нижний ряд).
Урук. Период культуры Джемдет-Наср (около 3000 г. до н. э.).

Рост производительности труда приводил к возможности производства прибавочного продукта, что создавало не только необходимые предпосылки для возникновения эксплуатации, но и влекло к выделению в общинах, ведущих первоначально коллективное хозяйство, сильных семей, заинтересованных в организации отдельных независимых хозяйств и стремящихся к захвату лучших земель. Эти семьи со временем составляют племенную аристократию, захватившую в свои руки управление племенными делами. Так как племенная аристократия обладала лучшим вооружением, чем рядовые общинники, то она стала захватывать большую часть военной добычи, что в свою очередь способствовало усилению имущественного неравенства.

Возникновение рабства

Уже в период разложения первобытно-общинного строя шумерские племена использовали рабский труд (упоминания о рабынях, а затем и рабах имеются в документах с периода культуры Джемдет-Наср), но использовали его в весьма ограниченных размерах. Первые ирригационные каналы прорывали свободные члены общин, но развитие ирригационного хозяйства большого масштаба потребовало значительного количества рабочей силы. Над созданием ирригационной сети и в дальнейшем трудились в порядке повинности и свободные представители общества, но на землекопных работах всё больше использовался труд рабов.

К работе по искусственному орошению города-победители привлекали и население покорённых общин. Об этом свидетельствует отражающая условия начала III тысячелетия эпическая поэма о царе Киша Акке и царе Урука Гильгамеше, согласно которой царь города Киша требует от города Урука рытья больших и малых водных бассейнов во всей стране. В таком случае население зависимого города фактически превращалось в подневольных людей.

Положение рабов в древнейшем шумерском обществе было чрезвычайно приниженным. Раб часто назывался *иги-ну-ду* — «не поднимающий глаз», т. е. держащий

глаза опущенными перед свободными людьми. Рабов приносили в жертву богам и умершим царям.

Возникновение государств

В начале III тысячелетия до н. э. на территории Двуречья возникают первые государства как необходимое средство удержания рабов в подчинении и обеспечения для рабовладельческой знати, выросшей из племенной аристократии, её господствующего положения в обществе. Государство должно было охранять новые формы собственности и способствовать дальнейшему развитию рабовладельческих отношений.

Рабы частью принадлежали знати, частью — государству, т. е. в конечном счёте тем же рабовладельцам. Часть освоенной территории, орошаемой разливами рек, была уже не коллективной собственностью отдельных общин, а собственностью государства. Собственность на орудия труда и домашний скот была частная, причём о равенстве в этом отношении уже не могло быть и речи. С появлением государства храмовое хозяйство из общеплеменной собственности стало по существу государственной собственностью. Продукция храмового хозяйства шла в основном на содержание государственного аппарата и жречества.

Представители рабовладельческой знати занимали все государственные посты, а также основные жреческие должности. Таким образом, помимо того, что они имели свои крупные хозяйства, они могли в своих интересах использовать то, что находилось в государственной собственности, и в первую очередь землю.

Конечно, эти государства еще были весьма примитивными, в общественной жизни ещё очень сильны были пережитки первобытно-общинных отношений. Если даже в самых развитых рабовладельческих государствах значительно более позднего времени общество не состояло только из рабов и рабовладельцев, то это тем более относится к рабовладельческому обществу на ранних ступенях его формирования.

Большинство населения Двуречья не только в начале III тысячелетия до н. э., но и много позже, несомненно, составляли общинники. Но общинники уже не были, как прежде, независимыми: те взносы, которые ими раньше делались в общеплеменную казну с их собственного согласия, отныне превращались в обязательный государственный налог, а их работа на общественные нужды превращалась в тяжёлую повинность, в работу на эксплуататорскую верхушку общества и на нужды находившегося в её руках государственного аппарата.

Свободные общинники ещё сохраняли, однако, фактическое владение большей частью обрабатываемой земли. Процесс их обезземеливания был очень длительным вследствие того, что владение землёй было коллективным, а отнять землю у общины, пока она оставалась прочной и сплочённой, было делом сложным и трудным. Свободные общинники составляли основную производительную часть населения на территории, ставшей пригодной для земледелия; на первых порах они были также основной военной силой в ополчении. Государственный строй в течение некоторого времени ещё сохранял формальные элементы племенной демократии: продолжали существовать народное собрание, или собрание воинов, совет старейшин. По мере дальнейшего развития рабовладельческих отношений, разложения общины и падения роли свободных общинников практически отбрасываются и многие из этих отживших форм, власть оказывается безраздельно в руках класса рабовладельцев, а бывший племенной вождь постепенно превращается в царя.

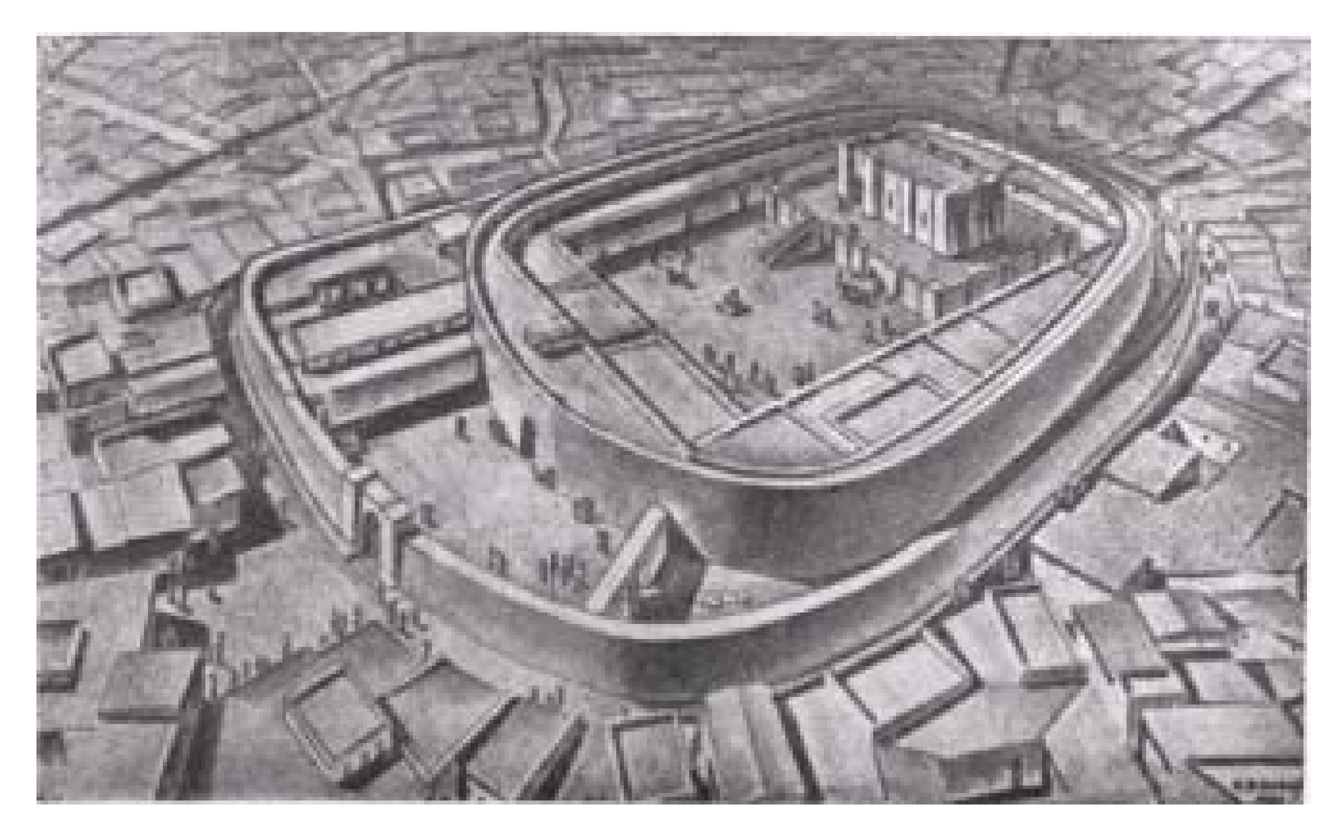
2. Древнейшая история Шумера

Политическая карта Шумера в начале III тысячелетия до н. э.

В начало III тысячелетия до н. э. Двуречье ещё не было политически объединено и на его территории находилось несколько десятков небольших городов-государств. Города Шумера, построенные на холмах и окружённые стенами, стали основными носителями шумерской цивилизации. Они состояли из кварталов или, вернее, из отдельных посёлков, восходящих к тем древним общинам, из соединения которых и возникали шумерские города. Центром каждого квартала был храм местного бога, являвшегося влады-

кой всего квартала. Бог же главного квартала города почитался господином всего города. На территории шумерских городов-государств наряду с главными городами имелись и другие поселения, часть которых была силой оружия покорена главными городами. Они находились в политической зависимости от главного юрода, население которого, возможно, обладало большими правами, нежели население этих «пригородов».

Население таких городов-государств было немногочисленно и в большинстве случаев не превышало 40—50 тыс. человек. Между отдельными городами-государствами

«Круглый храм» и жилые кварталы шумерского города.
Городище Хафадже. Первая половина III тысячелетия до н. э. Реконструкция.

лежало много неосвоенных земель, поскольку крупных и сложных ирригационных сооружений ещё не было и население группировалось вблизи рек, вокруг ирригационных сооружений местного характера. Во внутренних частях этой долины, слишком далеко расположенные от какого-либо источника воды, и в более позднее время оставались значительные пространства необрабатываемой земли.

На крайнем юго-западе Двуречья, где теперь находятся городище Абу-Шахрейн, был расположен город Эриду. С Эриду, находившемся на берегу «волнующегося моря» (а теперь отстоящем от моря на расстоянии около 110 *км),* была связана легенда о возникновении шумерской культуры. По более поздним преданиям, Эриду являлся и древнейшим политическим центром страны. Пока мы знаем лучше всего древнейшую культуру Шумера на основании уже упоминавшихся раскопок холма Эль-Обейд, расположенного примерно в 18 *км* к северо-востоку от Эриду.

В 4 *км* к востоку от холма Эль-Обейд был расположен город Ур, сыгравший в истории Шумера видную роль. К северу от Ура, также на берегу Евфрата, лежал

город Ларса, возникший, вероятно, несколько позже. К северо-востоку от Ларсы на берегу Тигра, был расположен Лагаш, оставивший ценнейшие исторические источники и игравший важную роль в истории Шумера в III тысячелетии до н. э. хотя более позднее предание, нашедшее отражение в списке царских династий его совсем не упоминает. Постоянный противник Лагаша — город Умма находился к северу от него. От этого города до нас дошли ценные документы хозяйственной отчётности, являющиеся надёжной основой для определения общественного строя Шумера. Исключительную роль в истории объединения страны сыграл наряду с городом Уммой город Урук, на Евфрате. Здесь при раскопках была открыта древняя культура, сменившая культуру Эль-Обейда, и были найдены древнейшие письменные памятники, показавшие пиктографические истоки шумерского клинописного письма, т. е. письма, состоявшего уже из знаков условного начертания, в виде клинообразных углублений на глине. К северу от Урука; на берегу Евфрата, находился город Шуруппак, откуда происходил Зиусудра (Утнапиштим) — герой шумерского мифа о потопе. Почти в центре Двуречья, несколько к югу от того места, где обе реки теперь ближе всего сходятся друг с другом, был расположен на Евфрате Ниппур, центральное святилище всего Шумера. Но Ниппур, кажется, никогда не был центром какого-либо государства, имевшего серьёзное политическое значение. В северной части Двуречья, на берегу Евфрата, находился город Киш, где было найдено во время раскопок 20-х годов нашего века много памятников, восходящих ещё к шумерскому периоду истории северной части Двуречья. На севере Двуречья, на берегу Евфрата, находился и город Сиппар. Согласно более поздней шумерской традиции город Сиппар являлся одним из ведущих городов Двуречья уже в самой глубокой древности.

Статуя знатного шумера.
Лагаш. Около 2500 г. до н. э.

За пределами долины находилось также несколько древних городов, исторические судьбы которых были тесно переплетены с историей Двуречья. Одним из таких центров являлся город Мари на среднем течении Евфрата. В списках царских династий, составленных в конце III тысячелетия, упоминается и династия из Мари, которая якобы управляла всем Двуречьем. Немалую роль в истории Двуречья сыграл город Эшнунна, находившийся на заливной равнине к югу от левого притока Тигра Диялы, в 35 *км* к северо-востоку от современного Багдада. Город Эшнунна служил для шумерских городов связующим звеном в торговле, с горными племенами Северо-Востока. Посредником же в торговле шумерских городов с северными областями являлся город Ашшур на среднем течении Тигра, впоследствии центр Ассирийского государства. Здесь ве-

роятно, уже в очень древнее время обосновались многочисленные шумерские купцы, принёсшие сюда элементы шумерской культуры.

Переселение в Двуречье семитов

Наличие в древних шумерских текстах нескольких семитических слов свидетельствует об очень ранних сношениях шумеров с пастушескими семитическими племенами. Затем семитические племена появляются в пределах территории, заселённой шумерами. Уже в середине III тысячелетия на севере Двуречья семиты стали выступать наследниками и продолжателями шумерской культуры.

Самым древним из городов, основанных семитами (значительно позже того, как были заложены важнейшие шумерские города), был Аккад, расположенный на Евфрате, вероятно, недалеко от Киша. Аккад стал столицей государства, которое явилось первым объединителем всего Двуречья. Громадное политическое значение Аккада видно из того факта, что даже после падения Аккадского царства северная часть Двуречья продолжала называться Аккадом, а за южной частью сохранилось название Шумер. К городам, основанным уже семитами, следует, вероятно, причислить также Исин, который, как предполагают, был расположен недалеко от Ниппура.

Наиболее значительная роль в истории страны выпала на долю самого молодого из этих городов — Вавилона, который находился на берегу Евфрата, к юго-западу от города Киша. Политическое и культурное значение Вавилона росло непрерывно в течение веков, начиная со II тысячелетия до н. э. В I тысячелетии до н. э. его блеск настолько затмил все прочие города страны, что греки по имени этого города стали называть всё Двуречье Вавилонией.

Древнейшие документы в истории Шумера

Раскопки последних десятилетий дают возможность проследить развитие производительных сил и изменения в производственных отношениях в государствах Двуречья задолго до их объединения во второй половине III тысячелетия до н. э. Раскопки же подарили науке списки царских династий, правивших в государствах Двуречья. Эти памятники-были написаны на шумерском языке в начале II тысячелетия до н. э. в государствах Исина и Ларсы на основании списка, составленного лет за двести до этого в городе Уре. На этих царских списках в сильной степени отразились местные предания тех городов, в которых списки были составлены или переработаны. Тем не менее, критически учитывая это, можно всё же дошедшие до нас списки положить в основу установления более или менее точной хронологии древнейшей истории Шумера.

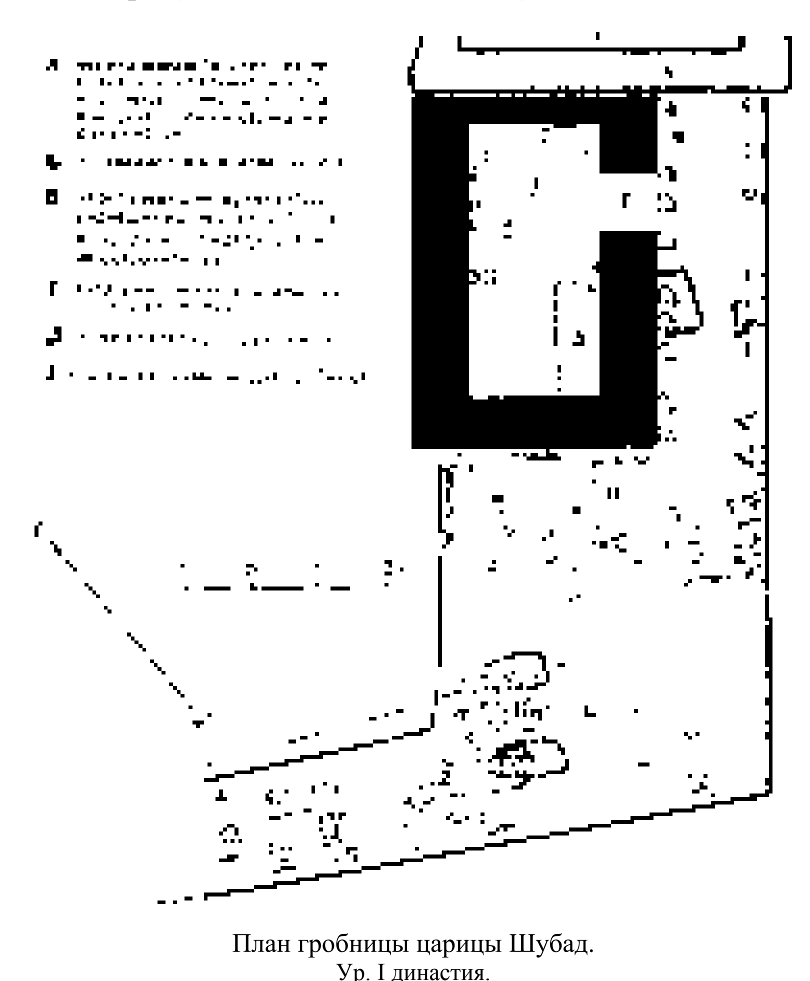
Для наиболее отдалённых времён шумерская традиция является настолько легендарной, что она не имеет почти никакого исторического значения. Уже из данных Бероса (вавилонского жреца III в. до н. э., составившего сводный труд по истории Двуречья на греческом языке) было известно, что вавилонские жрецы делили историю своей страны на два периода — «до потопа» и «после потопа». Берос в своём списке династий «до потопа» насчитывает 10 царей, которые правили 432 тыс. лет. Столь же фантастическим является число лет правления царей «до потопа», отмеченных в списках, составленных в начале II тысячелетия в Исине и Ларсе. Фантастическими являются и числа лет правления царей первых династий «после потопа».

При раскопках развалин древнего Урука и холма Джемдет-Наср, как уже указывалось ранее, были найдены документы хозяйственной отчётности храмов, сохранившие, полностью или частично, рисуночный (пиктографический) облик письма. С первых веков III тысячелетия история шумерского общества может быть восстановлена не только по вещественным памятникам, но и по письменным источникам: письмо шумерских текстов стало в это время перерастать в характерное для Двуречья «клинообразное» письмо. Так, на основании табличек, раскопанных в Уре и восходящих к началу III тысячелетия до н. э., можно предположить, что царём в то время здесь признавался правитель Лагаша; наряду с ним таблички упоминают *сангу,* т. е. верховного жреца Ура. Может быть, царю Лагаша подчинялись и другие города,

упоминаемые табличками Ура. Но около 2850 г. до н. э. Лагаш потерял самостоятельность и стал, по-видимому, зависимым от Шуруппака, который к этому времени начал играть крупную политическую роль. Документы свидетельствуют, что воины Шуруппака стояли гарнизонами в ряде городов Шумера: в Уруке, в Ниппуре, в Адабе, расположенном на Евфрате к юго-востоку от Ниппура, в Умме и Лагаше.

Хозяйственная жизнь

Продукты сельского хозяйства были, несомненно, основным богатством Шумера, но наряду с земледелием начинает играть сравнительно большую роль и ремесло. В древнейших документах из Ура, Шуруппака и Лагаша упоминаются представители различных ремёсел. Раскопки гробниц I царской династии Ура (около XXVII—XXVI вв.) показали высокое мастерство строителей этих гробниц. В самих гробницах вместе с большим числом убитых членов свиты погребённого, возможно — рабов и рабынь, найдены шлемы, топоры, кинжалы и копья из золота, серебра и меди, свидетельствующие о высоком уровне шумерской металлургии. Развиваются новые методы обработки металла — чеканка, гравировка, зернь. Хозяйственное значение металла всё более и более возрастало. Об искусстве золотых дел мастеров свидетельствуют прекрасные украшения, которые были найдены в царских гробницах Ура.

План гробницы царицы Шубад.
Ур. I династия.

Поскольку в Двуречье залежи металлических руд полностью отсутствовали, то наличие там золота, серебра, меди и свинца уже в первой половине III тысячелетия до н. э. указывает на значительную роль обмена в шумерском обществе того времени. В обмен на шерсть, ткани, зерно, финики и рыбу шумеры получали также камень и дерево. Чаще всего, конечно, либо происходил обмен дарами, либо совершались полуторговые, полуграбительские экспедиции. Но надо думать, что уже тогда временами происходила и подлинная торговля, которую вели *тамкары* — торговые агенты храмов, царя и окружавшей его рабовладельческой знати.

Обмен и торговля обусловили в Шумере зарождение денежного обращения, хотя в своей основе хозяйство продолжало оставаться натуральным. Уже по документам из Шуруппака видно, что медь выступала в качестве меры стоимости, а впоследствии эту роль играло серебро. К первой половине III тысячелетия до н. э. относятся упоминания о случаях куплипродажи домов и земель. Наряду с продавцом земли или дома, получавшим основную плату, в текстах упоминаются ещё и так называемые «едоки» покупной цены. Это были, очевидно, соседи и родичи продавца, которым дава-

ЗОЛОТАЯ ГОЛОВА БЫКА С ИНКРУСТАЦИЕЙ.
Украшение к арфе. Город Ур. Древний Шумер. Около XXVI в. до н. э.

лась некоторая добавочная плата. В названных документах ещё сказывалось господство норм обычного права, когда все представители сельских общин имели право на землю. Плату получал и писец, который оформлял продажу.

Жизненный уровень древних шумеров был еще низок. Среди хижин простого народа выделялись дома знати, однако не только беднейшее население и рабы, но и люди среднего по тому времени достатка ютились в крошечных домах из сырцового кирпича, где циновки, связки тростника, заменявшие сиденья, и глиняная посуда составляли почти всю мебель и утварь. Жилища были невероятно скучены, они располагались в узком пространстве внутри городских стен; не менее четверти этого пространства занимали храм и дворец правителя с хозяйственными постройками при них. В городе находились большие, тщательно построенные государственные закрома. Один из таких амбаров был раскопан в городе Лагаше в слое, восходящем примерно к 2600 г. до н. э. Одежда шумеров состояла из набедренных повязок и грубых шерстяных плащей или прямоугольного куска материи, обмотанного вокруг тела. Примитивные орудия труда — мотыги с медными наконечниками, каменные зернотёрки, — которыми пользовалась масса населения, делали труд необыкновенно тяжёлым. Пища была скудной: раб получал около литра ячменного зерна в день. Условия жизни и быта господствующего класса были, разумеется, иными, но даже знать не имела более изысканной пищи, чем рыба, ячменные и изредка пшеничные лепёшки или каша, кунжутное масло, финики, бобы, чеснок и не всякий день — баранина.

Женский головной убор. Найден в царской гробнице в Уре. Около 2600 г. до н. э. Золото, цветной камень. Убор надет на современный манекен.

Общественно-экономические отношения

Хотя от древнего Шумера дошёл целый ряд храмовых архивов, в том числе восходящих ещё к периоду культуры Джемдет-Наср, однако достаточно исследованы общественные отношения, отражённые в документах лишь одного из храмов Лагаша XXIV в. до н. э. Согласно одной из наиболее распространённых в советской науке точек зрения, окружавшие шумерский город земли делились в это время на естественно орошаемые и на высокие поля, требовавшие искусственного орошения. Кроме того, имелись ещё поля на болоте, т. е. на территории, не высыхавшей после разлива и требовавшей поэтому дополнительных осушительных работ, чтобы создать здесь почву, пригодную для земледелия. Часть естественно орошаемых полей была «собственностью» богов и по мере перехода храмового хозяйства в ведение их «заместителя» — царя становилась фактически царской. Очевидно, высокие поля и поля-«болота» до момента своей обработки являлись, наряду со степью, той «землёй, не имеющей хозяина», которая упоминается в одной из надписей правителя Лагаша Энтемены. Обработка высоких полей и полей-«болот» требовала больших затрат труда и средств, поэтому здесь постепенно складывались отношения наследственного владения. По-видимому, именно об этих незнатных владельцах высоких полей в Лагаше

и говорят тексты, относящиеся к XXIV в. до н. э. Появление наследственного владения способствовало разрушению изнутри коллективного земледелия сельских общин. Правда, в начале III тысячелетия этот процесс протекал ещё очень медленно.

Земли сельских общин были издревле размещены на естественно орошаемой территории. Конечно, не вся естественно орошаемая земля была распределена между сельскими общинами. Они имели свои наделы на той земле, на полях которых ни царь, ни храмы не вели своего собственного хозяйства. Лишь земли, которые не находились в непосредственном владении правителя или богов, были расчленены на наделы, индивидуальные или коллективные. Индивидуальные наделы распределялись между знатью и представителями государственного и храмового аппарата, а коллективные наделы сохранялись за сельскими общинами. Взрослые мужчины общин были организованы в отдельные группы, которые и на войне и на сельскохозяйственных работах выступали совместно, под началом своих старост. В Шуруппаке они назывались *гуруш,* т. е. «сильные», «молодцы»; в Лагаше в середине III тысячелетия они назывались *шублугаль* — «подчинённые царя». По мнению некоторых исследователей, «подчинённые царя» были не общинниками, а уже оторванными от общины работниками храмового хозяйства, но это предположение остаётся спорным. Судя по некоторым надписям, «подчинённых царя» совершенно необязательно рассматривать как персонал какого-либо храма. Они могли работать и на земле царя или правителя. Мы имеем основание считать, что в случае войны «подчинённые царя» включались в армию Лагаша.

Наделы, передаваемые отдельным лицам или, может быть, в некоторых случаях и сельским общинам, были небольшими. Даже наделы знати в то время равнялись лишь нескольким десяткам гектаров. Некоторые наделы отдавались безвозмездно, а другие за налог, равнявшийся $^1/_6$ - $^1/_8$ урожая.

Владельцы наделов работали на полях храмовых (позже также царских) хозяйств обычно месяца четыре. Тягловый скот, а также плуг и прочие орудия труда выдавали им из храмового хозяйства. Они обрабатывали и свои поля с помощью храмового скота, так как на своих маленьких участках держать скот не могли. За четыре месяца работы в храмовом или царском хозяйстве они получали ячмень, в небольшом количестве — эммер, шерсть, а в остальное время (т. е. в течение восьми месяцев) кормились урожаем со своего надела [1].

Рабы работали круглый год. В рабов обращали пленных, захваченных на войне, рабы покупались и тамкарами (торговыми агентами храмов или царя) за пределами государства Лагаш. Их труд использовался на строительных и оросительных работах. Они несли охрану полей от птиц и использовались также в садоводстве и отчасти в скотоводческом хозяйстве. Труд их применялся также в рыболовстве, продолжавшем играть значительную роль.

Условия, в которых жили рабы, были чрезвычайно тяжёлыми, и поэтому смерт-

---

[1] Существует также и другая точка зрения на общественные отношения в раннем Шумере. Согласно этой точке зрения, общинными землями являлись в равной степени и естественно заливаемые и высокие земли, так как орошение последних требовало пользования общинными резервами воды и не могло быть осуществлено без больших затрат труда, возможных лишь при коллективной работе общин. Согласно этой же точке зрения, лица, работавшие на земле, выделенной храмам или царю (в том числе — на что есть указание источников — и на земле, отвоёванной у степи), уже потеряли связь с общиной и подвергались эксплуатации. Они, как и рабы, работали в храмовом хозяйстве круглый год и получали за работу натуральное довольствие, а в начале также и земельные наделы. Урожай на храмовой земле не считался урожаем общин. Работавшие на этой земле люди не имели ни самоуправления, ни каких-либо прав в общине или выгод от ведения общинного хозяйства, поэтому, согласно этой точке зрения, их следует отличать от собственно общинников, не вовлечённых в храмовое хозяйство и имевших право, с ведома большой семьи и общины, в которую они входили, покупать и продавать землю. Согласно этой точке зрения, и земельные владения знати не ограничивались наделами, которые они получали от храма. — *Ред.*

ность среди них была огромная. Жизнь раба мало ценилась. Имеются данные о принесении в жертву рабов.

Войны за гегемонию в Шумере

По мере дальнейшего освоения равнинных земель границы мелких шумерских государств начинают соприкасаться, развертывается ожесточенная борьба между отдельными государствами за землю, за головные участки оросительных сооружений. Борьба эта заполняет историю шумерских государств уже в первой половине III тысячелетия до н. э. Стремление каждого из них захватить контроль над всей ирригационной сетью Двуречья привело к борьбе за гегемонию в Шумере.

Захват пленного.
Часть перламутровой инкрустации из Киша.
Около 2700 г. до н. э.

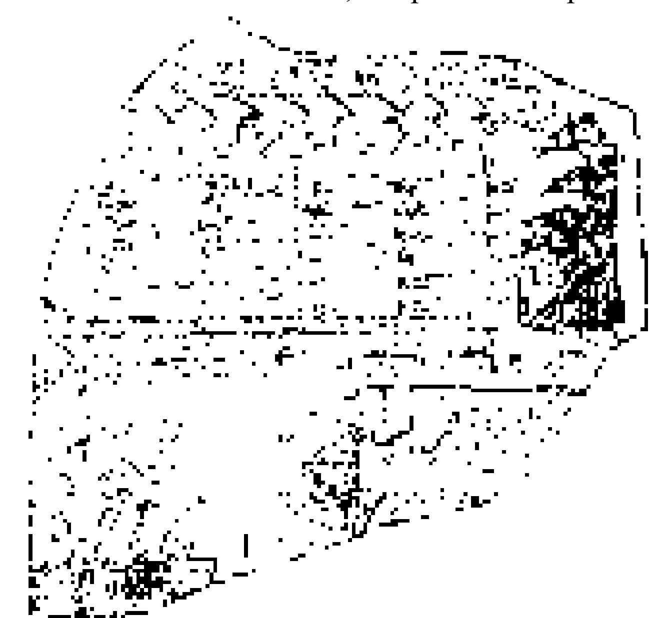
В надписях этого времени встречаются два различных титула для правителей государств Двуречья — *лугаль* и *патеси* (некоторые исследователи читают этот титул *энси*). Первый из титулов как можно предположить (есть и другие толкования этих терминов), обозначал ни от кого не зависимого главу шумерского города-государства. Термином же патеси, который первоначально, возможно был жреческим титулом, обозначался правитель государства, признававшего над собой господство какого-нибудь другого политического центра. Подобный правитель играл в основном лишь роль верховного жреца в своем городе, политическая же власть принадлежала лугалю государства, которому он, патеси, подчинялся. Лугаль — царь какого-нибудь шумерского города-государства — отнюдь еще не являлся царём над прочими городами Двуречья. Поэтому в Шумере в первой половине III тысячелетия имелось несколько политических центров, главы которых носили титул царя — лугаля.

Одна из таких царских династий Двуречья укрепилась в XXVII—XXVI вв. до н. э. или несколько ранее в Уре, после потери Шуруппаком своего прежнего преобладающего положения. До этого времени город Ур находился в зависимости от близлежащего Урука, который в царских списках занимает одно из первых мест. В течение ряда веков, судя по тем же царским спискам, имел большое значение и город Киш. Выше упоминалась легенда о борьбе между Гильгамешем, царём Урука, и Аккой, царём Киша, входящая в состав цикла эпических поэм Шумера о витязе Гильгамеше.

О мощи и богатстве государства, созданного первой династией города Ура, говорят оставленные ею памятники. Вышеупомянутые царские гробницы с их богатым инвентарём — замечательным оружием и украшениями — свидетельствуют о развитии металлургии и усовершенствованиях в обработке металлов (меди и золота). Из тех же гробниц дошли до нас интересные памятники искусства, как, например, «штандарт» (точнее — переносный балдахин) с изображениями военных сцен, выполненными в мозаичной технике. Раскопаны и предметы прикладного искусства высокого совершенства. Гробницы привлекают к себе внимание и как памятники строительного мастерства, ибо мы находим в них применение уже таких архитектурных форм, как свод и арка.

В середине III тысячелетия до н. э. на преобладание в Шумере претендовал и Киш. Но затем выдвинулся Лагаш. При патеси Лагаша Эаннатуме (около 2470 г.) в кровавой битве было разгромлено войско Уммы, когда патеси этого города, поддержанный царями Киша и Акшака, осмелился нарушить древнюю границу между Ла-

гашем и Уммой. Свою победу Эаннатум увековечил в надписи, которую он вырезал на большой каменной плите, покрытой изображениями; на ней представлен Нингирсу, главный бог города Лагаша, накинувший сеть на войско врагов, победоносное наступление войска Лагаша, его торжественное возвращение из похода и т. д. Плита Эаннатума известна в науке под названием «Стелы коршунов» — по одному из своих изображений, в котором представлено поле битвы, где коршуны терзают трупы убитых врагов. В результате победы Эаннатум восстановил границу и вернул захваченные ранее врагами плодородные участки земли. Эаннатуму удалось также одержать победу и над восточными соседями Шумера — над горцами Элама.

Войско Лагаша во главе с правителем Эаннатумом. Рельеф на части каменной плиты («Стелы коршунов»). Лагаш. XXV в. до н. э.

Военные успехи Эаннатума, однако, не обеспечили длительного мира Лагашу. После его смерти возобновилась война с Уммой. Её победоносно закончил Энтемена, племянник Эаннатума, успешно отражавший также и набеги эламитов. При его преемниках началось ослабление Лагаша, снова, по-видимому, подчинившегося Кишу. Но господство последнего тоже было недолговечным, быть может, в связи с усилившимся напором семитических племён. В борьбе с южными городами Киш также стал терпеть тяжкие поражения.

Военная техника

Рост производительных сил и постоянные войны, которые велись между государствами Шумера, создали условия для усовершенствования военной техники. О развитии её мы можем судить на основании сопоставления двух замечательных памятников. Первым, более древним из них, является отмеченный выше «штандарт», найденный в одной из гробниц Ура. Он был украшен с четырёх сторон мозаичными изображениями. На лицевой стороне изображены сцены войны, на оборотной — сцены триумфа после победы. На лицевой стороне, в нижнем ярусе, изображены колесницы, запряжённые четвёрками ослов попирающих копытами распростёртых врагов. В кузове четырехколёсной колесницы стояли возница и вооружённый топором боец, их прикрывал щиток передка кузова. К передку кузова был прикреплён колчан с дротиками. Во втором ярусе, слева изображена пехота, вооружённая тяжёлыми короткими копьями, наступающая редким строем на врага. Головы воинов, как и головы возницы и бойца на колеснице, защищены шлемами. Туловище пеших воинов защищалось длинным плащом, изготовленным может быть, из кожи. Справа изображены легковооружённые воины, добивающие раненых врагов и угоняющие пленных. На колесницах сражались, надо полагать царь и окружающая его высшая знать.

Дальнейшее развитие шумерской военной техники шло по линии укрепления тяжеловооружённой пехоты, которая могла заменить с успехом и колесницы. Об этом новом этапе в развитии вооружённых сил Шумера свидетельствует уже упомянутая «Стела коршунов» Эаннатума. На одном из изображений стелы представлена плотно сомкнутая фаланга из шести рядов тяжеловооружённой пехоты в момент её сокрушительного наступления на врага. Бойцы вооружены тяжёлыми копьями. Головы бойцов защищены шлемами, а туловище от шеи до ступней ног укрыто большими четырёх-

угольными щитами, настолько тяжёлыми, что их держали особые щитоносцы. Почти исчезли колесницы, на которых ранее сражалась знать. Теперь знать сражалась в пешем строю, в рядах тяжеловооружённой фаланги. Вооружение шумерских фалангитов было настолько дорогим, что его могли иметь только люди со сравнительно большим земельным наделом. Люди, имевшие маленькие земельные наделы, служили в войске легковооружёнными. Очевидно, боевая ценность их считалась небольшой: они лишь добивали уже побеждённого противника, а исход сражения решала тяжеловооружённая фаланга.

3. Классовая борьба в Лагаше

Обострение классовых противоречий в Шумере

Борьба между свободными общинниками и рабовладельческой знатью, а также между различными группировками господствующего класса наполняет период становления рабовладельческого строя, период складывания и развития рабовладельческого государства в Шумере. Непрерывные войны между шумерскими государствами, ложившиеся тяжёлым бременем на широкие народные массы, содействовали в свою очередь обострению этой борьбы. Источники для изучения этой борьбы сохранились в виде документов хозяйственной отчётности одного из храмов города Лагаша в начале XXIV в. до н. э., а также в исторических надписях одного из лагашских правителей того же времени — Урукагины, объявлявшего в них о ряде своих реформ.

Документы хозяйственной отчётности предшественников Урукагины свидетельствуют о продолжавшемся росте экономической мощи патеси и окружавшей его знати. Опираясь на свою экономическую мощь, а часто пользуясь и неприкрытым насилием, патеси и знать пытались окончательно захватить господство над слабеющими общинами. Это своеобразно отразилось в терминологии документов хозяйственной отчётности. Если раньше некоторая часть государственного имущества Лагаша (храмовое хозяйство) — земли, скот, рабы и т. д. — называлась собственностью главных богов государства — Нингирсу, его жены Бау и их сына — и лишь управлялась патеси, то при ближайших предшественниках Урукагины эти угодья объявляются собственностью самого патеси, его жены и детей. Таким образом, патеси и поддерживавшая его знать использовали земли и прочее имущество храмов бога Нингирсу и связанных с ними божеств исключительно для себя, уже ничего не предоставляя народу. Что же касается владений храмов в пригородах области Лагаша, то хотя патеси не объявили себя собственниками их хозяйства, они, тем не менее, наложили на него свою тяжёлую руку. Они использовали скот этих храмов для обработки своих угодий, отбирали тягловый скот у верховных жрецов, а их зерном распоряжались должностные лица патеси. Храмовые земли согласно обычному, веками установившемуся праву сдавались свободным земледельцам при условии уплаты умеренного налога. Теперь требовались еще налоги в пользу патеси и поддерживавшей его знати. Вследствие того, что в предшествующие века патеси и знать отбирали некоторую часть общинных земель, а также вследствие дальнейшего роста населения земельный надел свободного, работающего на храм, сократился до полгектара. На таком наделе могла кормиться только небольшая семья земледельца.

Вместе с тем значительно уменьшилось использование труда общинников, которые раньше работали на государственной храмовой земле в течение 4 месяцев, за что они получали паёк — некоторую прибавку к скудному урожаю их крошечного надела. Патеси и знать рассматривали корабельный люд, рыбаков и пастухов, которые сами вносили причитавшиеся с них налоги, не как лиц, ведущих самостоятельное хозяйство, а как работников на угодьях, находившихся в непосредственном владении и управлении знати. Патеси приставлял к ладьям, сетям рыбаков, к стадам пастухов своих чиновников, которые на месте взимали подати. Такие же чиновники требовали подать зерном у жрецов с их наделов, расположенных на заболоченной земле. Второстепенные служители культа, владевшие наделами на заболоченной земле,

были выходцами из народа и занимались техническим обслуживанием культа, в противоположность жрецам, представителям знати, выполнявшим основные обряды культа и имевшие функции общего хозяйственного надзора в храмах. Знать входившая в состав храмовой коллегии центральных храмов Лагаша, налагала тяжёлые поборы на верховных жрецов храмов пригородов Лагашской области, что, конечно, вызывало недовольство со стороны населения пригородов, которое на деле оплачивало все эти поборы.

Патеси и знатью было уничтожено и древнее обычное судопроизводство общин, о чём свидетельствует следующий текст надписи Урукагины: «Начиная с северной границы области Нингирсу до моря были поставлены чиновники суда». Младшие братья общинников («подчинённых царя»), которые в случае необходимости заменяли своих старших братьев на государственно-храмовых работах, должны были теперь по требованию патеси и знати, как отмечается в одной из надписей, работать над каким-либо ирригационным сооружением, не получая за это никакого вознаграждения. Ремесленники должны были платить особую, наверное тяжёлую, подать, так называемую «подать руки».

Знать опиралась на ядро войска, рекрутировавшееся теперь уже в основном из знати и богатейших представителей свободного населения. Эта привилегированная часть войска называлась «воинами патеси» в противоположность ополчению из народа (рядовых держателей наделов на земле царя или храма), представители которого назывались «низшими». Представители господствующего класса грабили «низшего» воина и его вдову, забирали скот и дома у «подчинённых царя», контролировали выдачу воды из колодца, вырытого трудом «подчинённых царя» на территории высоких полей. Знать осуществляла ничем не ограниченный произвол в отношении народа и путем обмана при взимании налогов, и путём ростовщичества, и, наконец, путём простого насилия над вдовами и сиротами и всеми экономически слабыми. Знать не останавливалась даже перед открытым грабежом и убийством. Число полноправных граждан Лагаша в XXV в. до н. э., по-видимому, равнялось приблизительно 3600 человек. Им противостояло, не считая рабов, несколько десятков тысяч свободного, но неполноправного населения.

Переворот в Лагаше

Наконец, широкие слои народа, «дети Лагаша», — члены сельских общин, мелкие владельцы высоких полей, «низшие» воины, ремесленники, жрецы, не принадлежавшие к знати, жречество храмов пригородов, население последних и т. д. восстали против мероприятий патеси и знати Лагаша, направленных на порабощение народа. Народ был силен своим числом и был знаком с военным делом, поскольку он участвовал в ополчении. Народные массы нашли себе вождя в лице Урукагины, одного из «великих людей» Лагаша. Отцом его был некий Энгильса, упомянутый в одной из надписей предшественника Урукагины как крупный сановник Лагаша. Если это было действительно так, то Урукагина мог стать на сторону народа для того, чтобы с его помощью добиться той власти, которой когда-то обладал его отец, или даже ещё большей.

Переворот имел успех, и Урукагина, сместив правителя Лугальанду, но не умертвив ни его, ни его жену, сделался патеси Лагаша. Это событие нашло своё отражение в табличках хозяйственной отчётности 1-го года его правления, когда он называл себя ещё патеси, а не царём (лугаль) Лагаша. Мы узнаём из них, что основная масса общинников получила тогда в 2 раза большую выдачу месячного довольствия, чем в последний год правления Лугальанды. Это была, очевидно, награда общинникам за поддержку при перевороте. В наказание же за поддержку Лугальанды число тяжеловооружённых воинов, получавших довольствие, было уменьшено в 3 раза. Урукагина оставил лишь ту небольшую часть их, которая, надо думать, перешла на его сторону, изменив Лугальанде. В благодарность за это она была награждена довольствием в 4 раза большим, чем то, которое тяжеловооружённые воины получали при Лугальанде.

В то время, когда Урукагина захватил власть патеси в Лагаше (около 2370 г. до н. э.), город Киш на севере Двуречья ослабел и стал терять свою гегемонию. Урукагина мог теперь рассчитывать полностью освободить Лагаш от всякой зависимости от Киша и тем самым объявить себя лугалем Лагаша. Для этой цели наряду со строительством храмов и прорытием каналов он укрепил мощной стеной основную часть Лагаша — квартал Гирсу, где возвышался большой храм Нингирсу, главного бога города-государства. Во 2-м году своего правления Урукагина объявил себя царём и назвал этот год первым годом своего царствования. В этом году своего правления Урукагина, кажется, и составил свою основную надпись, в которой он рассказывает о своих строительных работах, о тяжёлом положении народа при его предшественниках и перечисляет свои реформы, имевшие целью облегчить положение широких слоев населения.

Реформы Урукагины

Раздел этой надписи, посвящённый реформам Урукагины, начинается с указания на то, что, несмотря на все злоупотребления его предшественников, «божественный закон существовал». Его осуществил в Лагаше Урукагина. «Когда Нингирсу, витязь Энлиля, Урукагине царство Лагаша передал и перед средой 36000 мужей его мощь выделил, то прежние божественные решения он (то есть Урукагина) осуществил, слово, которое царь его Нингирсу высказал, он установил». Новый патеси Лагаша удалил взимавших подати чиновников из хозяйств, не находившихся в непосредственном государственном управлении, но оставил их в сельских общинах. Что же касается угодий трёх главных богов Лагаша, угодий, на которых вёл хозяйство сам государственно-храмовый аппарат патеси, то при Урукагине владыками их опять были провозглашены бог Нингирсу, его жена богиня Бау и их сын. Тем самым было восстановлено старое обычное право с его меньшими повинностями, был положен конец расхищению патеси и знатью «имущества богов». Более чем наполовину было увеличено число тех общинников, которые работали за довольствие на полях, которыми боги непосредственно «владели». Урукагина восстановил старые натуральные подати, а также старую судебную организацию в сельских общинах: «Начиная с северной границы области Нингирсу вплоть до моря чиновники суда не вызывали больше людей». Уменьшены были платежи ремесленников, младшие братья общинников не привлекались больше для работ над особым ирригационным сооружением, а сами общинники за эту работу получали дополнительное довольствие. Свободные общинники, в частности «подданные царя», были защищены постановлением царя от захвата своего имущества (скота и дома), приглянувшегося тому или другому знатному лицу. Запрещено было посягательство на движимое и недвижимое имущество «низших» воинов и их вдов. Перечисление своих реформ Урукагина заканчивает указанием на существеннейшее своё мероприятие, а именно на издание законов, которые должны были охранять граждан Лагаша от ростовщической кабалы, от обмана при взимании податей, от воровства, убийства, грабежа и защищать права вдов и сирот. Число полноправных мужей в государстве Урукагины — вероятно, в результате реформ первого года его царствования — достигло примерно 36 тыс., превысив тем самым число полноправных, имевшихся при его предшественниках, раз в десять.

В последующие годы Урукагина стремился углубить свои реформы. Он ещё больше укрепил право «низших» воинов на их владения, а также провёл некоторые изменения в семейном праве. Заслуживают внимания его мероприятия, направленные на уничтожение пережитков матриархата. Если раньше женщина имела право на расторжение брака, а также могла иметь двух мужей, то теперь Урукагина установил строгую кару для подобных женщин. Следует полагать, что некоторые следы матриархата, в частности многомужество (полиандрия), ещё сохранялись в семейном быту знати [1].

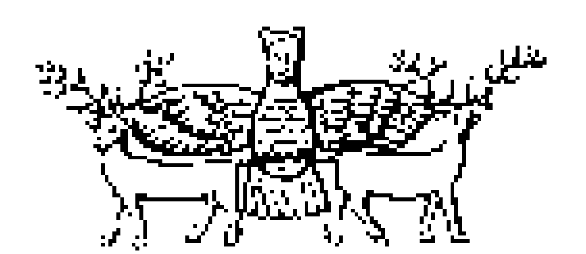
[1] Те исследователи, которые не считают храмовый персонал собственно общинниками, события этого периода в Лагаше рассматривают как эпизод в борьбе внутри господствующего класса — между жреческой аристократией и государями, всё более превращавшимися в деспотов. — *Ред.*

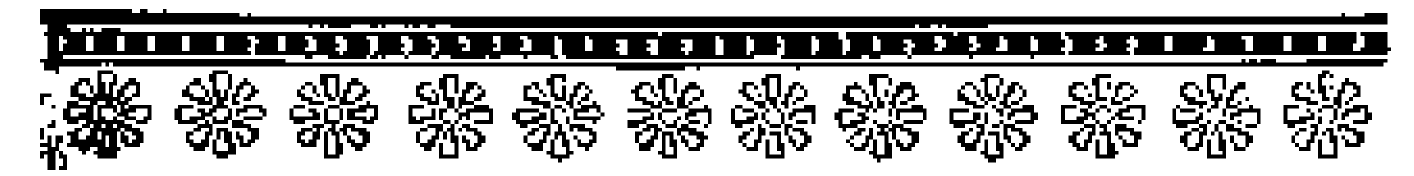
Война с Уммой и поражение Лагаша

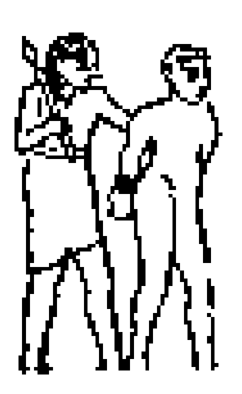
Реформы царя Урукагины, направленные на ослабление знати Лагаша и на укрепление положения широких масс всего населения Лагаша, должны были в сильной степени обеспокоить знать соседних городов-государств. Поэтому в соседних государствах должны были возникнуть замыслы о войне с Лагашем и его царём-реформатором. Вскоре и началась война между Лагашем и его вечным противником Уммой, правителем которой был тогда Лугальзаггиси. Вначале Урукагина достиг некоторых успехов — захватил несколько городов и пленных, но эти успехи вызвали к жизни союз Уммы с Уруком против Лагаша. Во главе союза становится Лугальзаггиси. Война отражена в документах хозяйственной отчётности того времени. Потери на войне привели к уменьшению числа общинников, получавших довольствие из государственно-храмового хозяйства. Начинает уменьшаться и само это довольствие. Для общинников довольствие снизилось лишь на 10%, но довольствие рабов катастрофически уменьшается, в отдельных случаях втрое. Вследствие голода рабы по-видимому, начинают разбегаться. В результате войны обработка полей прекратилась, так как с 4-го года царствования Урукагины враг вторгся в область Лагаша. Именно поэтому общинники, работавшие на храм, в 6-м году царствования Урукагины не получали довольствия в течение всего года. В конце концов война окончилась поражением Лагаша.

Основной причиной неудачного для Урукагины исхода войны было то обстоятельство, что знать и после его реформ продолжала сохранять большую экономическую силу, которую Урукагина не решился уничтожить. Он лишь запретил знати применять грубое насилие, господствовавшее во времена его предшественников. Знать же сохранившая свою экономическую мощь, озлобленная реформами Урукагины урезавшими её права, явилась во время войны той силой, на которую мог опереться город Умма. Кажется, была и измена некоторых областей Лагаша. На 7-м году царствования Урукагины Лагаш не мог выдержать войны с внешним врагом при наличии сильного противодействия изнутри и был побеждён.

До нас дошла «элегия» одного из писцов Лагаша, сторонника Урукагины. Он оплакивал несчастье своей родины, перечисляя ряд храмов, разграбленных и разгромлённых войсками Лугальзаггиси. Но среди этих пострадавших святилищ не упомянут главный храм бога Нингирсу в центральном городском квартале Лагаша — в Гирсу. Очевидно, Урукагина скрылся за выстроенными по его приказу мощными стенами Гирсу, и Лугальзаггиси должен был довольствоваться опустошением и разрушением менее укреплённых поселений Лагаша. Дождаться капитуляции Урукагины он не мог, так как должен был собрать все свои силы для отражения того грозного врага, который надвигался на него с севера. Эта борьба с мощным врагом, которая предстояла в ближайшее время Лугальзаггиси, дала возможность писцу, оплакивавшему поражение Лагаша, закончить свою «элегию» пророчеством: «Люди Уммы, разрушив Лагаш, свершили преступление против бога Нингирсу. Мощь, которая пришла к ним, будет у них отнята. Вины у Урукагины, царя Гирсу, нет. Что же касается Лугальзаггиси, то пусть богиня Нисаба отметит (буквально — даёт нести) на челе его это преступление».

ГЛАВА VII
ДВУРЕЧЬЕ В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА АККАДА И УРА

1. Объединение Двуречья под властью царей Аккада

Потребность в более эффективном использовании уже существовавших местных ирригационных систем, а также в дальнейшем развитии искусственного орошения неизбежно приводила к необходимости политического объединения Двуречья, с тем, чтобы регулирование течения рек Тигра и Евфрата можно было осуществлять в масштабе всей страны. Другой причиной, требовавшей политического объединения, была необходимость создания условий, облегчающих развитие обмена и торговли, как внутренней, так и внешней. Наконец, господствующий класс рабовладельцев был заинтересован в координации своих усилий, направленных на удержание в подчинении государственно-храмовых и частных рабов, а также беднеющих свободных общинников. В объединении страны был заинтересован и простой парод, страдавший от бесконечных войн.

Возвышение Аккада

Лугальзаггиси мог победить Лагаш, лишь объединив силы ряда соседних городов-государств. Однако, так и не завершив уничтожения Лагашского государства, Лугальзаггиси должен был вступить в борьбу с другим врагом, появившимся на севере, а именно с внушительными силами государства Аккада и его царя Саргона.

В борьбе за власть над Двуречьем Лугальзаггиси имел первоначально несомненный успех. Он распространил свое господство почти на весь Шумер и сделал своей столицей город Урук. На короткое время он, кажется, подчинил своей власти и некоторую часть севера Двуречья и даже соседние страны. По крайней мере в надписи на нескольких сосудах, которые Лугальзаггиси отдал в Ниппурский храм, он похваляется, что завоевал страны «начиная с Нижнего моря (Персидского залива) через Тигр и Евфрат до Верхнего (Средиземного) моря». В эту пору (около 2360 г. до н. э.) север Двуречья был окончательно семитизирован. Характерно, что Лугаль-

заггиси свою статую, пожертвованную им в храм Ниппура, снабдил надписью уже на семитическом языке.

Торжество Лугальзаггиси продолжалось, однако, недолго, и успех перешёл на сторону города Аккада. Местоположение этого города ещё точно не установлено. Письменные источники указывают на то, что он находился на левом берегу Евфрата, по-видимому, недалеко от того места, где Евфрат и Тигр наиболее близко подходят друг к другу. Расположенный на скрещении торговых путей с востока на запад и с севера на юг, город Аккад должен был играть значительную роль в развитии обмена и торговли в Двуречье. Имя царя Аккада Саргон (по-аккадски — Шаррукин) означает в переводе «истинный царь», и надо полагать, что он принял это имя уже после того, как вступил на престол. Последующая традиция окружила личность Саргона, завоевателя и основателя новой династии рядом легенд. Стихотворная легенда о его рождении и детстве аналогична легендам, сложившимся позже и о других мифических и исторических деятелях древности, например о Моисее, Кире, Ромуле и др. В этой легенде Саргон говорит о себе: «Мать моя была бедна, отца я не ведал, брат моей матери обитал в горах. Зачала меня мать, родила меня втайне, положила в тростниковую корзину, вход замазала смолой и пустила по реке».

Скульптурный портрет аккадского царя.
Из Ниневии. Последняя четверть III тысячелетия до н. э. Медь.

Дошедшие до нас исторические предания рассказывают о первых шагах Саргона на пути к достижению престола. По преданиям, Саргон был садовником и виночерпием Урзабабы, одного из царей Киша, а затем стал царём основанного им города Аккада (около 2369 г.). Очевидно, при слабых преемниках Урзабабы Саргон, подобно Урукагине и Лугальзаггиси, добился самостоятельности города Аккада. Вскоре Саргон выступил защитником Киша, разгромлённого и разрушенного Лугальзаггиси.

Об исторических событиях того времени рассказывают нам надписи, дошедшие до наших дней благодаря счастливой случайности. Они были вырезаны на статуях и других памятниках, пожертвованных Саргоном и его ближайшими преемниками в храм Ниппура. Все эти памятники погибли, но надписи, имевшиеся на них, были скопированы каким-то трудолюбивым писцом, который свои записи пожертвовал в библиотеку храма. О Саргоне и его внуке Нарамсине повествуют и позднейшие источники, а также исторические легенды. Так, например, текст из библиотеки ассирийского царя Ашшурбанапала (VII в. до н. э.) содержит указания на крупнейшие события того времени. Согласно ниппурским надписям, Саргон одержал верх над Лугальзаггиси, победив в битве войско города Урука и 50 других царьков и патеси. Разрушив город,

он привел пленного Лугальзаггиси в цепях «к воротам Энлиля», т. е., вероятно, принёс его в жертву богу Энлилю. Затем он направился походом на Ур, взял его и разрушил городскую стену. Далее он опустошил территорию города Э-нинмара, который после поражения Урукагины, при Лугальзаггиси, был объявлен главным городом государства Лагаш. Одержав победу над этим городом, Саргон «омыл оружие в море», а на обратном пути разгромил Умму. Свои победы на юге Саргон завершил восстановлением разрушенного города Киша.

Победа Саргона над городами Шумера была облегчена враждой и соперничеством шумерских государств, а также поддержкой шумерской знати, боявшейся восстаний народа. Некоторую роль в этой победе сыграло и более совершенное вооружение аккадских войск, в которых имелось большое количество лучников.

Двуречье при Саргоне

Объединив Аккад и Шумер, Саргон стремился закрепить победу, осуществив то, чего ждал от царя господствующий класс Двуречья — упрочения государственной власти и организации успешных грабительских походов против соседних народов.

Саргон создал впервые в мировой истории постоянное войско в 5400 человек. Это были воины-профессионалы, всецело зависевшие от царя и, несомненно, являвшиеся внушительной силой в руках царской власти.

В целях расширения и укрепления ирригационного хозяйства при Саргоне создавались новые каналы и регулировалась речная система страны в общегосударственном масштабе. В интересах дальнейшего развития обмена и торговли была введена единая система мер и весов, система Аккада, которая должна была заменить прежнее многообразие мер и весов различных городов-государств. О значении торговли и обмена свидетельствует тот примечательный факт, что уже в это время происходил торговый обмен между городами Двуречья и далёкими городами долины Инда.

Ниппурские надписи, а также и позднейшая историческая традиция сообщают о ряде походов войск Саргона в область Среднего Евфрата, Сирию и в горы Тавра. Дошедшая до нас историческая легенда даёт основание предположить, что и центральные районы восточной части Малой Азии были вовлечены в орбиту влияния новой державы. Ниппурские надписи сообщают о победах войск Саргона и над объединением эламских областей, когда были захвачены в плен их правители и сановники. Те же надписи сообщают о сношениях с островами Персидского залива и Маганом. С обширнейшей периферии рабовладельческое Двуречье стягивает к себе военнопленных, товары, добычу — продукты труда и живую рабочую силу многих народов. Свои победы Саргон увековечил на любопытном памятнике, напоминающем по замыслу и изображениям «Стелу коршунов» Эаннатума.

Царь был окружён большим придворным штатом, в состав которого входили и некоторые представители знати покорённых шумерских и северных городов-государств. Старый дворец был расширен в пять раз, а для помещения многочисленных придворных, говорит легенда, был построен рядом с Аккадом новый город.

Восстания и междоусобицы

Обширное государство поддерживалось значительной частью рабовладельческой знати городов-государств Двуречья, ибо создание такого объединения было в её интересах. Что же касается народных масс Шумера, то они, несомненно, тяготились гнётом Аккадского государства и стремились освободиться от него. Сведения более позднего времени сообщают о двух восстаниях всей страны в годы старости Саргона. Последнее восстание вспыхнувшее в результате голода, поразившего, конечно, беднейшее население, подавил, уже после смерти Саргона, его младший сын Римуш, захвативший в это время престол отца. Ниппурские надписи сохранили сведения о громадных потерях, которые несли мятежники в битвах с Римушем. Тот факт, что были убиты и захвачены в плен тысячи мятежников, говорит о том, что в восстании принимали участие народные массы.

В результате побед Римуша единство державы было на несколько десятков лет обеспечено. Сам же Римуш пал жертвой дворцового заговора, во главе которого стоял, вероятно, его старший брат Маништусу, который, очевидно, решил теперь, после подавления Римушем восстаний, воспользоваться в качестве старшего сына Саргона своим правом на престол. Пятнадцатилетнее царствование Маништусу не знало многочисленных войн, и поэтому одна и та же его надпись о победе в Эламе повторялась на нескольких памятниках. От времени Маништусу остался большой диоритовый обелиск, покрытый надписями на четырёх сторонах. Надписи сообщают о покупке царём земли и в заключение перечисляют свидетелей со стороны покупателя (царя Маништусу) — 49 граждан Аккада, являвшихся наиболее крупными представителями придворной знати. Среди них назван и какой-то Урукагина — возможно, потомок царя Лагаша.

Период расцвета Аккада

Своего расцвета государство Аккада достигло во время долгого царствования Нарамсина (2290—2254), сына Маништусу. Он затмил двух своих предшественников и в поздневавилонской традиции считался не внуком, а прямым наследником — сыном Саргона. Хотя Нарамсин и продолжал политику, благоприятствовавшую знати, но выдвижение Аккада — этим именем стал называться теперь и весь север Двуречья — вызвало недовольство старых городов и в первую очередь древнего Киша, который и возглавил мятеж против Нарамсина.

Царь Аккада, подавивший восстание и укрепивший единство рабовладельческой державы, требовал себе божеских почестей. В надписях перед его именем ставился знак бога, а на изображениях он украшался короной богов. Титул «царь четырёх стран света», встречавшийся иной раз и в надписях Саргона, теперь становится неизменным прибавлением к имени царя, подчёркивая претензии Нарамсина на господство над всеми известными тогда странами.

Действительно, своими походами он захватил большую территорию. Захватнические войны следовали одна за другой. Одна из надписей сообщает о победе Нарамсина в течение года над девятью вражескими армиями и о пленении трех царей. В результате ряда походов государство Аккада подчинило мелкие государства и племена Элама. Стела Нарамсина, раскопанная в Сузах, говорит о его победе над луллубеями и другими племенами гор Загра. Область Мари, на среднем течении Евфрата, также подчинилась Аккаду; войска Нарамсина доходили до гор Армении и Курдистана. Надпись царя в храме Лагаша сообщает о его военных успехах в Сирии. И надписи самого Нарамсина и позднейшая традиция сообщают о походе аккадского войска в страну Маган. На сосудах из египетского алебастра была вырезана надпись, указывавшая на то, что эти сосуды являются «военной добычей из страны Маган». Поэтому можно предположить, что название «Маган» обозначает в данном случае Египет и что завоевательные походы привели аккадские войска к границе Египта. В надписи на статуе Нарамсина, найденной в Сузах, также говорится о победе над страной Маган и над правителем страны Маган по имени Маниум. Возможно, что аккадскому войску действительно удалось одержать победу над каким-нибудь из правителей пограничных областей Египта и тем самым ускорить ослабление Египетского государства в период падения Древнего царства.

Последние годы царствования Нарамсина, надо полагать, прошли в ожесточённой борьбе с враждебными ему силами, поскольку в позднейших текстах отмечается злополучный конец его царствования. Его сын Шаркалишарри унаследовал тяжёлую борьбу с наступавшими на Аккадскую державу врагами. Одним из них были двигавшиеся с запада новые семитические племена амореев; но самая большая опасность грозила со стороны воинственных племён северо-востока — гутеев. Держава, созданная завоевательными походами, была непрочна. Наряду с внешними врагами подняли голову и внутренние враги; начались мятежи в Двуречье, которые в конце концов в сильнейшей степени содействовали распаду государства Аккада.

Общественные отношения в период господства Аккада

Государство Аккада действовало в интересах рабовладельческой знати, которая держала в своих руках весь обширный административный аппарат и направляла его деятельность.

В этот период углублялся процесс распада коллективной земельной собственности сельских общин. О том, насколько далеко зашло разложение сельских общин, свидетельствует вышеупомянутая надпись царя Маништусу на диоритовом обелиске. В этой надписи зафиксирована покупка царём больших земельных участков в области города Киша и в области других трёх соседних с ним городов. За эти земли царь платил зерном, серебром и иногда — рабами. Как полагает большинство исследователей, эти земли принадлежали родо-племенным или сельским общинам; но при оформлении сделки царь имел дело не со всей общиной, а с главами больших семей, которые занимали в этих общинах руководящее положение. Это были группы (в два человека и больше), которые назывались «владыками земли» и «едоками серебра», т. е. теми лицами, которые получали от царя-покупателя плату за землю. Наряду с платой некоторые из «едоков серебра» получали ещё и подарки в виде серебряных предметов или одеяний. Из контекста видно, что «едоки серебра» были в родстве между собой. О «едоках серебра» в надписи упоминается непосредственно вслед за указанием размеров и цены земельных участков; как видно, сделку о покупке земли царь заключал только с этими лицами, которые получали для себя («ели», «поглощали») плату за проданную землю. Рядом с ними перечисляются в некоторых случаях «братья владыки поля», т. е. его родственники. Хотя в надписи и не говорится, что эти последние лица тоже получали какую-нибудь плату, но поскольку они упоминались непосредственно за «владыками поля», «едоками серебра», то им, очевидно, тоже причиталось некоторое вознаграждение. На основании надписи Маништусу можно уже говорить лишь о пережитках права собственности всей общины на землю. Представители одной большой семьи называются владыками земли, и они одни выступают при заключении сделки о продаже земли, только они являются «едоками серебра», отдавая лишь некоторую часть своим родственникам. В ряде купчих на землю, приведённых в одном тексте конца XXIII в. до н. э., упоминается лишь одно лицо как продавец земли, т. е., очевидно, частный землевладелец.

Приведённый документ показывает, что царю для приобретения земли необходимо было покупать её у общинной верхушки; отторгнуть её безвозмездно он не мог. Это говорит о том, что власть царей была отнюдь не столь беспредельной, как они это изображали в своих надписях, и что община, хотя и ослабленная в результате происходившего внутри неё процесса дифференциации, продолжала оставаться силой, с которой царю приходилось всё ещё считаться.

Разбогатевшие общинники и другие богатые и знатные землевладельцы, а также царское хозяйство, поглотившее к этому времени большинство храмовых хозяйств по всей стране, теперь начинают всё чаще использовать на своих полях наряду с рабами также и труд безземельных или малоземельных бедняков, превращавшихся в подёнщиков. Подёнщиками становились, вероятно, люди, которые теряли свои земли вследствие задолженности ростовщикам. Подёнщиками становились, вероятно, также младшие члены семьи. В одном произведении, правда, более позднего времени, указывается на то, что лишь старший брат может наслаждаться жизнью, а младшие должны жить тяжёлым трудом. Делаясь подёнщиками, свободные безземельные люди попадали в зависимость, обычно очень тяжёлую, так как в условиях рабовладельческого строя рабство оказывало влияние и на все другие формы отношений между людьми. Уйти до срока, предусмотренного договором, подёнщики не имели права. В случае ухода их преследовали, как беглых рабов.

Что касается рабского труда, то он стал применяться теперь по сравнению с предшествующими временами в больших размерах и в ремесле. Об этом свидетельствуют

документы хозяйственной отчётности, дошедшие из Уммы от времени династии царей Аккада. Они сообщают о больших мастерских в государственно-храмовом хозяйстве. Инвентарь этих мастерских исчисляется сотнями каких-то металлических инструментов. Жестокость по отношению к рабам возрастала: в документах упоминаются рабы, «глаз не имеющие», т. е., очевидно, ослеплённые.

Ослабление и падение Аккада

Наличие масс рабов и подёнщиков являлось серьёзной опасностью для богатого рабовладельческого государства Аккада. Воинственные племена гор на востоке и степей на западе давно уже видели в Аккаде желанную добычу. Среди рабов было много представителей этих племён. В нашествии своих свободных соплеменников рабы видели путь к избавлению от рабства. В то же время обеднение свободных земледельцев и ремесленников способствовало ослаблению обороноспособности государства. Многочисленные поденщики, как не владевшие земельным наделом, не могли служить в народном ополчении. Тяжелое положение Аккада усугублялось вспыхнувшим восстанием на юге во главе с Уруком и, наконец, частыми дворцовыми смутами. Около 2200 г. до н. э. Двуречье было завоёвано горными племенами гутеев, разгромившими и разграбившими при своём вторжении богатые города Шумера и Аккада. В жреческих песнопениях позднейшего времени всё ещё звучала скорбь о разрушениях, причинённых этим вторжением горцев.

Южное Двуречье под властью гутеев

Гутеи на десятки лет ослабили мощь рабовладельческой знати. Исторические памятники, отражавшие интересы рабовладельческой знати, остро ненавидевшей завоевателей называют племя гутеев «драконом гор, врагом богов». Одним из проявлений ненависти к владычеству гутеев было изъятие из царских списков, составленных несколько позже, династии города Лагаша. Дело в том, что вожди гутеев, не будучи в состоянии создать аппарат управления государством, который бы объединил всё Двуречье, сделали, по-видимому, город-государство Лагаш центром управления Шумера. Об этом свидетельствуют надписи и документы хозяйственной отчётности Гудеа, который был патеси Лагаша и современником гутейского владычества.

В своих надписях Гудеа утверждает, что он стремился защитить слабых, сирот и вдов от посягательства сильных. Во время народных праздников, сопровождавших главнейшие этапы сооружения храма бога Нингирсу, предоставлялась защита должникам от посягательств ростовщиков, облегчалась судьба подсудимых и даже рабы могли пользоваться некоторой свободой и не должны были в это время подвергаться наказанию. В одной из надписей Гудеа содержится намёк на социальные сдвиги, которые произошли в это время в Шумере. В тексте на статуе Гудеа говорится: «Когда Нингирсу на свой город благой взор бросил, Гудеа благим пастырем в стране (т. е. в Шумере) выбрал, из среды 216000 мужей его мощь выставил» и т. д. Если, действительно, во время Гудеа число полноправных граждан Шумера достигало примерно 216 тыс. человек, то из этого следует, что в отдельных шумерских городах-государствах того времени полноправных граждан стало значительно больше; как уже упоминалось, в надписи одного из предшественников Урукагины указывалось, что число «мужей» в городе Лагаше в то время равнялось только 3600.

Вообще не следует рассматривать 60 лет владычества гутеев над Двуречьем как время полного упадка Шумера. В условиях гутейского господства Гудеа смог развить крупное строительство, для которого он, по его утверждению, привлекал одних мужчин, возможно — рабов. Строительный материал добывался из Элама, Ливана, Магана и Мелуххи (т. е., возможно, из Аравии). При Гудеа начался расцвет шумерской литературы и искусства. Возможно, конечно, что Гудеа создавал благополучие Лагаша за счёт других частей Двуречья и этим, так же как и своей социальной политикой, вызывал недовольство крупной рабовладельческой знати прочих городов Шумера.

Видимо, в течение всего периода своего господства в Двуречье гутеям приходилось сталкиваться с мятежами и восстаниями в подвластных городах. В конце концов гутеи были разбиты в войне с Уруком, а затем, в 2132 г до н. э., гегемония над Двуречьем перешла к Уру. В Уре в это время, согласно царским спискам, правила третья его династия.

2. Двуречье в период гегемонии Ура (2132—2024 гг. до н. э.)

Ур при III династии

В течение более чем столетнего правления III династии Ура Двуречье представляло собой сильное рабовладельческое государство. Основоположник династии — Урнамму и его сын Шульги называли себя «царями Шумера и Аккада», подчеркивая этим объединение юга и севера страны. Могущество объединенного государства ощущалось на западе — в Сирии, на северо-западе — в Малой Азии и на востоке — в Эламе. Уже Урнамму похваляется, что он «направил свои стопы от Нижнего к Верхнему морю», т. е. от Персидского залива к Средиземному морю. Шульги (2114—2066) во второй половине своего царствования закрепил власть Ура над окружающими Двуречье областями. Его походы и важнейшие мероприятия внутренней политики отражены в названиях отдельных годов его царствования. Так, название 16-го года его царствования гласило: «Год, когда горожане Ура были взяты в качестве лучников». Речь идёт, по-видимому, о важной военной реформе, сводившейся к тому, чтобы использовать достижения военного искусства Аккада и заменить неповоротливые фаланги тяжеловооружённой пехоты Шумера подвижной пехотой, вооружённой луками. Вероятно, Шульги ввёл и новый способ обеспечения постоянной армии царя, предоставив отдельным бойцам или же группам их земельные наделы.

Рельеф на каменной стеле из Ура.
Внизу — царь Ура Урнамму во время символического обряда выхода на строительные работы, впереди него — божество. Вверху — бог Син вручает царю знаки власти.
XXII в. до н. э.

Реорганизованное войско Шульги одерживало победы в горных районах Элама. На севере был подчинён Ашшур и другие города. Во второй половине своего царствования Шульги принял титул «царя четырёх стран света». Подобно Нарамсину он добивался своего полного обожествления. В царских списках, составленных писцами несколько позднее, Шульги и его сын Бурсин прямо названы «богами». Седьмой или десятый месяц в календарях различных городов был назван в честь царя Шульги. Враждебные политические силы были подавлены царской властью. Наследственные

патеси были заменены чиновниками, носившими лишь титул патеси. От каждой из областей своей державы царь получал определённую подать.

Однако Шульги и его преемникам нелегко было удержать власть над обширным государством. Для покорения некоторых восточных областей потребовались многократные походы. Большие опасности грозили государству Шульги и с запада. В степях на западе появились многочисленные, аморейские племена, говорившие на одном из семитических языков. Аморейские племена осели в ряде районов Сирии, захватив, в конце концов, власть над ними. Вторжение грозило теперь государству Шумера и Аккада. Ряд мелких государств в Месопотамии, по-видимому, во вторую половину правления царей III династии Ура уже был захвачен амореями.

Вторжение амореев в Двуречье было чревато тем большей опасностью, что в стране имелось немало аморейских рабов. Походы царей III династии Ура на запад очевидно, были обусловлены главным образом стремлением обуздать беспокойные аморейские племена. Попытки вторжения этих племён на территорию государства Шумера и Аккада стали настолько опасными к концу III династии Ура, что царь Шусин преемник Бурсина, вынужден был в 4-м году своего правления воздвигнуть линию укреплений против них.

Общественные отношения

Развитие сельскохозяйственной и ирригационной техники, усиленная обработка высоких полей, развитие металлургии, расцвет ремесла способствовали укреплению экономической мощи крупных рабовладельцев. Социальная дифференциация, усилившаяся во время династии Аккада и несколько замедлившаяся в десятилетия гутейского владычества стала теперь вновь усиливаться. Среди народных масс Шумера и Аккада начинают появляться не только люди, оторванные от средств производства, но и люди потерявшие личную свободу, т. е. рабы-должники. Вместе с захваченными на войне и купленными рабами они представляли низший слой шумерского общества. Рабы-должники, как и прочие рабы, использовались на всех тех работах, которые требовались в рабовладельческом хозяйстве Шумера конца III тысячелетия до н. э. Но вероятно, рабов-должников, как соплеменников, нельзя было, подобно скоту приносить в жертву.

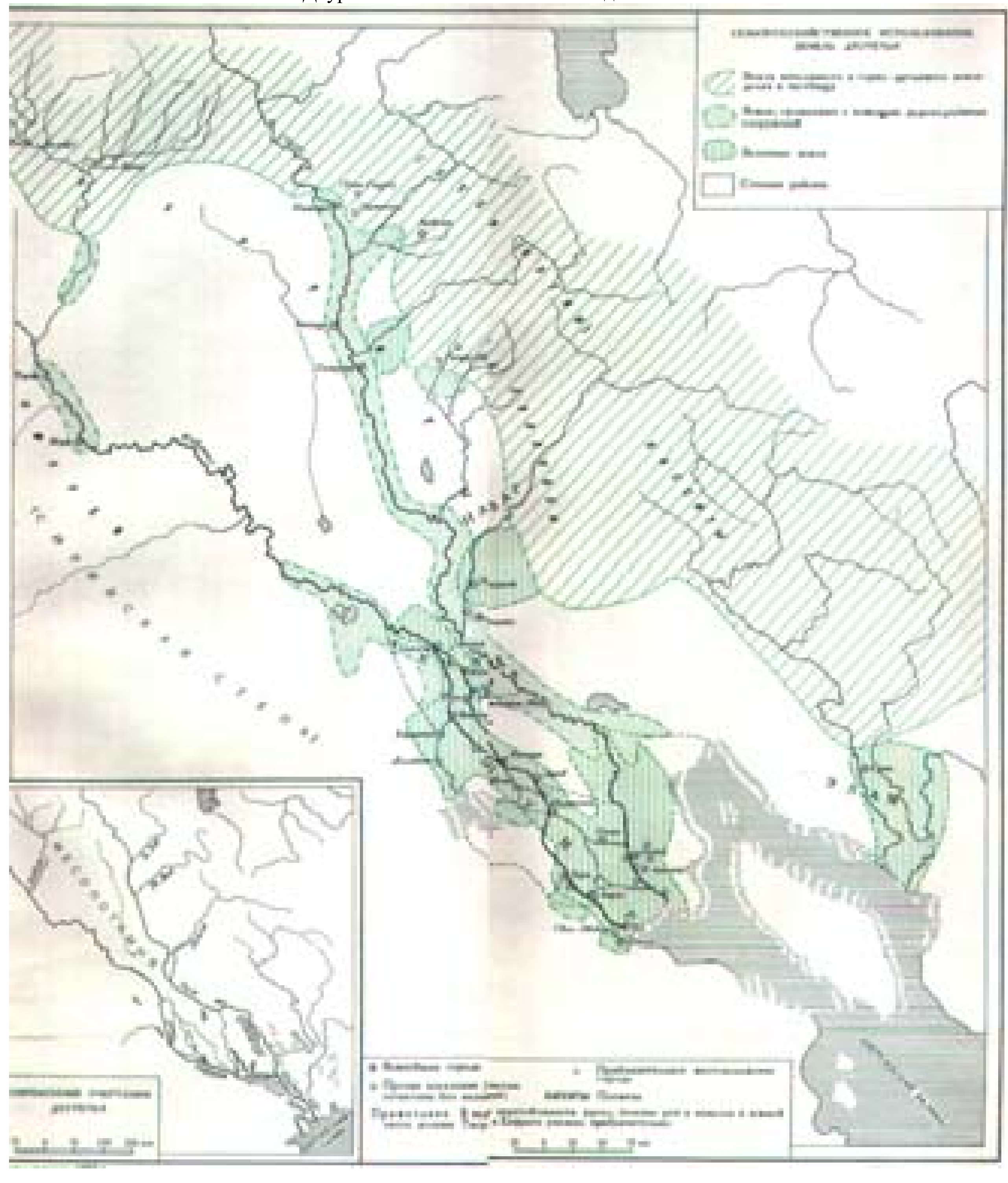
Об использовании рабского труда говорят многочисленные документы хозяйственной отчётности царско-храмовых хозяйств времени III династии Ура. Эти документы являются одним из самых ценных исторических источников всей рабовладельческой эпохи. Таких документов времени III династии Ура, написанных на глиняных табличках, дошло до нас громадное количество из архивов городов Лагаша, Уммы, Ниппура и его пригорода Пузриш-Дагана (современный Дрехем). В последнее время стали известны таблички из архивов ещё двух городов — Ура и Адаба. Число табличек превышает в настоящее время уже несколько сот тысяч. Подобные таблички хранятся и в музеях Советского Союза, где их насчитывается несколько тысяч.

Документы хозяйственной отчётности III династии Ура относятся к самым различным сторонам большого царско-храмового хозяйства. Тексты касаются земледелия, скотоводства, судоходства, кораблестроения, столярных, гончарных, кузнечных, ткацких мастерских, мельниц, складов, где хранились дерево, металл, шерсть и т. д. Многие тексты посвящены использованию рабочей силы на сельскохозяйственных и прочих работах.

Большой интерес представляют таблички, которые посвящены операциям с рабочей силой, особенно таблички с годовыми отчётами надзирателей над партиями работников царско-храмового хозяйства об использовании рабочей силы, находившейся в их распоряжении.

Наряду с работниками, трудившимися в хозяйстве весь год имелись и временные наёмные работники. Постоянные работники часто не получали определённого урока, наемным же людям всегда указывался урок. Работавшие круглый год полу-

Двуречье в IV—III тысячелетиях до н. э.

чали, как свидетельствуют документы, ежедневное кормление, а наёмные — натуральную плату, в два-три раза превышавшую «зерно кормления», выдаваемое первым. Среди постоянных работников были мужчины, женщины и дети, а среди наемных — только одни мужчины.

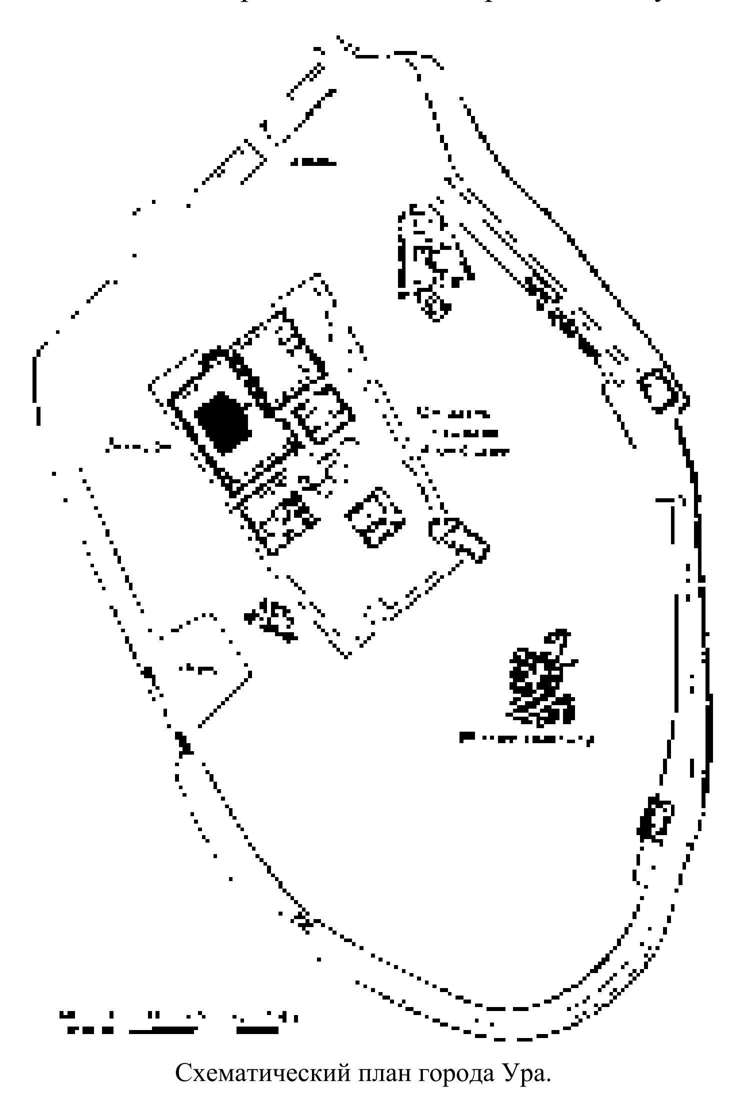

Клинописный годовой отчет царского хозяйства об использовании рабочей силы.
На шумерском языке. Найден в городе Умме.

На основании годовых отчётных сводок надзирателей со всей точностью устанавливается, что основная масса работников царско-храмового хозяйства трудилась в нём в течение всего года. В таком случае они, разумеется, должны были быть людьми оторванными от средств производства. Поскольку же эти работники в сводках противопоставляются наёмным людям, то они могут быть определены только как рабы, хотя тексты именуют их просто «молодцами» (гуруш) и лишь женщин — «рабынями» (*гим*) [1].

[1] Некоторые исследователи считают, что большинство гурушей соответствует работникам храмовых хозяйств раннешумерского времени, тогда еще сохранявших личную свободу, а теперь, с усилением эксплуатации, низведенных до рабского состояния. Их положение не отличалось теперь от положения рабов-пленных. — *Ред.*

Специфической особенностью рабовладельческого хозяйства, как его нам рисуют документы царско-храмового хозяйства III династии Ура, было наличие рабов-должников. В архивах царско-храмового хозяйства имеется много документов, фиксировавших ростовщические сделки. Сохранились частноправовые документы, свидетельствующие о продаже должниками членов своей семьи и самих себя в рабство.

Схематический план города Ура.

Среди массы рабов царско-храмового хозяйства III династии Ура были квалифицированные и неквалифицированные работники. Так, среди рабынь были работницы, имевшие определённую специальность, — прядильщицы и ткачихи. Но в случае нехватки рабочей силы эти рабыни могли использоваться на самых разнообразных работах, начиная с уборки урожая, ирригационных работ и кончая тяжёлым бурлацким трудом.

Рабы-ремесленники трудились в особых мастерских, и их надзиратели также составляли подробные отчёты об использовании имевшейся у них рабочей силы. До нас дошёл, например, отчёт надзирателя столярной мастерской, где работало 32 раба. Изучение документов хозяйственной отчётности позволяет сделать вывод, что труд в сельском хозяйстве и в ремесле был организован примерно одинаково. Рабы работали непрерывно, не имея дней отдыха. Рабыни не допускались к работе лишь в течение нескольких дней месяца, когда женщины, по тогдашним воззрениям, считались нечистыми. При такой напряжённой и часто непосильной работе организм рабов чрезвычайно быстро изнашивался, и поэтому смертность среди них была очень высока. Так, в одном из царско-храмовых хозяйств в течение года примерно из 170 рабынь умерло больше 50, а одна партия рабов в 44 человека только в течение пяти месяцев лишилась 14 человек.

Храмовое хозяйство уже лишено было даже номинальной связи с сельскими общинами, окружавшими то или иное храмовое хозяйство. Эти хозяйства стали теперь царско-храмовыми, т. е. находились в неограниченном распоряжении царя, являвшегося выразителем интересов крупных рабовладельцев. Поэтому общинники, работавшие в царско-храмовом хозяйстве Ура, были лишь наёмными людьми, они не имели больше никакой связи с хозяйством, в котором им приходилось временно работать. В основном труд подёнщиков применялся во время сбора урожая. На основании одного документа можно утверждать, что для царско-храмовых хозяйств десяти городов Шумера и Аккада требовалась во время жатвы примерно 21 тысяча подёнщиков.

Наряду с царско-храмовым хозяйством продолжали развиваться и частновладельческие хозяйства. Правда, документов этих хозяйств до нас дошло намного меньше, чем документов царско-храмового хозяйства, но на основании их всё же можно установить, что и в частном хозяйстве наряду с рабским трудом применялся труд подёнщиков. Об укреплении частно-собственнических отношений говорят и дошедшие до нас судебные документы и шумерские законы, которые, правда, были составлены в последующее время, но в конечном счёте восходят к законодательной деятельности царей III династии Ура. В настоящее время найден сборник законов, непосредственно восходящий ко времени Урнамму — первого царя III династии Ура, но этот сборник законов ещё не изучен.

Документы говорят, что в это время развиваются обмен и торговля. До нас дошли тексты, являвшиеся как бы страницами из счетоводных книг тамкаров, которые вели торговлю по поручению царя и знати, но вместе с тем, разумеется, обогащались и сами. Цены выражались в серебре, которое являлось теперь общепринятым мерилом стоимости товаров. Единая система мер и весов, введенная династией Аккада, продолжала существовать и при III династии Ура; теперь эти меры назывались «царскими».

Падение государства III династии Ура

Мощь державы III династии Ура начала катастрофически ослабевать во второй половине XXI в. до н. э. Постоянная армия несла потери в результате непрерывных войн, а ополчение теряло своих бойцов, превращавшихся вследствие алчности крупных рабовладельцев в жалких подёнщиков и подневольных рабов-должников. Поэтому борьба на востоке — против Элама и одновременно на западе — против аморейских племён, захвативших к тому времени область среднего течения Евфрата и Тигра, стала непосильной для преемников Шульги. Правда, Ибисин (2049—2024), последний царь III династии Ура, в начале своего царствования одержал на востоке победу над горными племенами, но очень скоро он должен был перейти к обороне. Аккад был наполнен амореями; попытка же Ибисина отсрочить падение Шумера возведением стен вокруг главных городов — Ниппура и Ура — не имела успеха, так как начались восстания в самом Шумере.

В 2024 г. до н. э. государство III династии Ура было разгромлено. Ослабленное внутренними смутами, оно не могло сдержать натиск эламитов и амореев. Ур был разрушен, а царь Ибисин был уведён в горы Элама. Гибели Ура была посвящена «песня плача», составленная в первые века II тысячелетия до н. э. ещё на шумерском языке, хотя и на юге страны этот древний язык стал уже отмирать, уступая место семитическому языку Аккада.

3. Культура и религия народов Двуречья в III тысячелетии до н. э.

Древнейшими народами Двуречья была создана высокая культура, которая легла в основу более поздней — вавилонской. По мере укрепления многообразных связей между народами достижения шумеров и аккадцев становились достоянием других стран и народов. Эти достижения оказали огромное влияние на дальнейшее культурное развитие всего человечества.

Письменность и наука

Величайшим достижением культуры народов Двуречья явилось создание письменности, зачатки которой появились у шумеров ещё в середине IV тысячелетия до н. э. С зарождением государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, эти зачатки превратились в подлинное письмо.

Начало шумерского письма восходит к рисуночному письму. Письменные знаки, засвидетельствованные древнейшими памятниками, могут быть без труда возведены к их первоначальному рисуночному образу. Эти знаки изображали человека и части его тела, орудия труда, оружие, лодки, животных, птиц, рыб, растения, поля, воды, горы, звёзды и т. д.

Таблица развития клинописи

Дальнейшее развитие письменности состояло в том, что пиктограммы (знаки-рисунки) превращались в идеограммы, т. е. такие письменные знаки, содержание которых уже не совпадало с их рисуночным образом. Так, например, рисунок ноги стал означать в качестве идеограммы все действия, связанные с ногами, — «ходить», «стоять», даже «носить» и т. д. Шумерское письмо стало развиваться и в другом направлении. Наряду с идеограммами из пиктограмм стали развиваться и фонограммы. Так, пиктограмма горшка для молока получила звуковое значение «га», ибо слог «га» соответствовал шумерскому слову, обозначавшему молоко. Обилие в шумерском языке односложных слов дало в письменности несколько сотен знаков, обозначающих слоги, и несколько алфавитных знаков, соответствующих гласным звукам. Слоговые и алфавитные знаки использовались главным образом для передачи грамматических показателей, служебных слов и частиц.

С развитием письменности рисуночный характер шумерских письменных знаков постепенно исчезал. Основным писчим материалом в Двуречье с самого начала явились глиняные плитки, или таблички. При писании на глине рисунки упрощались, превращаясь в комбинации прямых линий. Так как при этом нажимали на поверхность глины углом прямоугольной палочки, то в результате эти линии приобретали характерный вид клиновидных углублений; письменный знак в скорописи превращали в сочетание клиньев. Создавшееся таким образом шумерское клинописное письмо было воспринято аккадскими семитами, которые приспособили его

к своему языку. В дальнейшем шумеро-аккадская клинопись распространилась во многих переднеазиатских странах древнего Востока.

Нужды храмовой отчётности и развитие шумерского строительного искусства потребовали расширения математических знаний. О том, что математическая мысль в Шумере переживала период расцвета, свидетельствует совершенство отчётных документов писцов III династии Ура. Лишь достижения математики этого времени могут объяснить последующее развитие математических знаний в писцовых школах Двуречья времени I вавилонской династии (первая половина II тысячелетия до н. э.).

Шумерские научные термины встречаются в изобилии и в текстах, посвящённых не только математике, но и другим научным дисциплинам, изучавшимся в писцовых школах Вавилона, как, например, астрономии, химии и т. п. Поэтому мы имеем право утверждать, что писцы Шумера, как и Египта, положили начало развитию научной мысли в древности.

Религия

В каждой шумерской территориальной общине почитался свой местный бог-покровитель, являвшийся как бы универсальным олицетворением всех тех высших сил, которые властвуют над жизнью людей. Такое божество считалось обычно покровителем земледелия.

При ирригационном земледелии большую роль играли светила и наблюдения за ними, а поэтому в древнем Шумере начали рано связывать богов с отдельными звёздами и созвездиями. В письме Шумера пиктограмма звезды служила обозначением понятия «бог».

Важную роль в шумерской религии играла богиня-мать, покровительница земледелия, плодородия и деторождения, культ которой в своей основе восходил ещё ко временам господства материнского рода. Существовало несколько таких местных богинь, например Инанна, богиня города Урука. Вместе с Инанной, родительницей всего существующего, почитался и бог Думузи, «истинное дитя», в семитической передаче — Таммуз. Это был бог умирающий и воскресающий, который олицетворял собой судьбу зерна. Культ умирающих и воскресающих богов растительности восходит ко времени установившегося преобладания земледелия.

В мировоззрении шумеров, а затем аккадских семитов важную роль играло обожествление тех сил природы, значение которых было особенно велико для земледелия, — неба, земли, воды. Эти основные силы природы в религии олицетворялись в фантастических образах трёх основных богов. Это были бог неба Ан, бог земли Энлиль и бог воды Энки или Эа.

Эти божества почитались во всём Двуречье, хотя центром почитания Энлиля был Ниппур, ставший общешумерским святилищем, центром культа Энки — город Эриду. За пределами своих городов почитались также главный бог города Сиппара — бог Солнца Шамаш (шумерский Уту), главный бог города Ура — Син, отождествлявшийся с Луной, и другие.

Первоначально общество Шумера не знало жречества как особого сословия. Верхи жречества, заведовавшие хозяйством храмов и выполнявшие основные обряды культа, являлись представителями знати, а технические исполнители культа, низший храмовый персонал, чаще всего выходили из народа. Большое значение приобрели храмовые писцы, которые хранили и развивали письменность.

Религия освящала существующий общественный порядок, правитель города-государства считался потомком богов и представителем городского бога в государстве. Но религия шумеров ещё не знала стремления примирить угнетенные массы с их тяжёлой участью на земле обещанием награды в «потустороннем» мире. Вера в рай, в небесное вознаграждение за земные страдания, видимо, так и не развилась в древнем Двуречье. Ряд мифов рисует тщетность попыток человека достичь бессмертия.

Некоторые мифы древних шумеров (о сотворении мира, о всемирном потопе и др.) оказали большое влияние на мифологию других народов, в частности на

мифологию древних евреев, и в несколько изменённом виде сохраняются в религиозных воззрениях современных христиан.

Аккадские семиты, по-видимому, не имели своей чётко выработанной иерархии богов. Подобно другим семитским племенам они называли бога своего племени владыкой (*бел*), а богиню племени — просто богиней (*эштар*). Поселившись в Двуречье, они восприняли все основные черты шумерской религии. Боги неба и воды продолжали у них называться шумерскими именами: Ану и Эа; Энлиль наряду со своим шумерским именем стал носить имя Бел.

Литература

До нас дошло большое число памятников шумерской литературы, главным образом в копиях, переписанных уже после падения III династии Ура и хранившихся в храмовой библиотеке в городе Ниппуре. К сожалению, отчасти вследствие трудности шумерского литературного языка, отчасти вследствие плохого состояния текстов (некоторые таблички были найдены разбитыми на десятки кусков, хранящиеся ныне в музеях различных стран) эти произведения только в самое недавнее время удалось прочесть.

В большинстве — это религиозные мифы и легенды. Особенно интересны несколько небольших поэм, содержащих легенды о возникновении земледелия и цивилизации, создание которых приписывается богам. В этих поэмах ставится также вопрос о сравнительной ценности для человека земледелия и скотоводства, что, вероятно, отражает факт относительно недавнего перехода шумерских племён к земледельческому по преимуществу образу жизни.

Чрезвычайно архаическими чертами отличается миф о богине Инанне, заключённой в подземное царство смерти и освобождающейся оттуда; вместе с её возвращением на землю возвращается замершая было жизнь. В этом мифе отразилась смена вегетационного и «мёртвого» периода в жизни природы.

Существовали также гимны, обращенные к различным божествам, исторические поэмы (например, поэма о победе урукского царя над гутеями). Крупнейшим произведением шумерской религиозной литературы является изложенная намеренно замысловатым языком поэма о построении правителем Лагаша Гудеа храма бога Нингирсу. Эта поэма была записана на двух глиняных цилиндрах, каждый вышиной около метра. Сохранился ряд поэм морально-поучительного характера.

Литературных памятников народного творчества до нас дошло немного. Погибли для нас такие народные произведения, как сказки. Сохранилось лишь несколько басен и пословиц.

Важнейшим памятником шумерской литературы является цикл эпических сказаний о герое Гильгамеше и его соратнике Энкиду. В наиболее полном виде текст большой эпической поэмы о Гильгамеше сохранился записанным на аккадском языке. Но дошедшие до нас записи первичных отдельных былин о Гильгамеше неопровержимо свидетельствуют о шумерском происхождении эпоса.

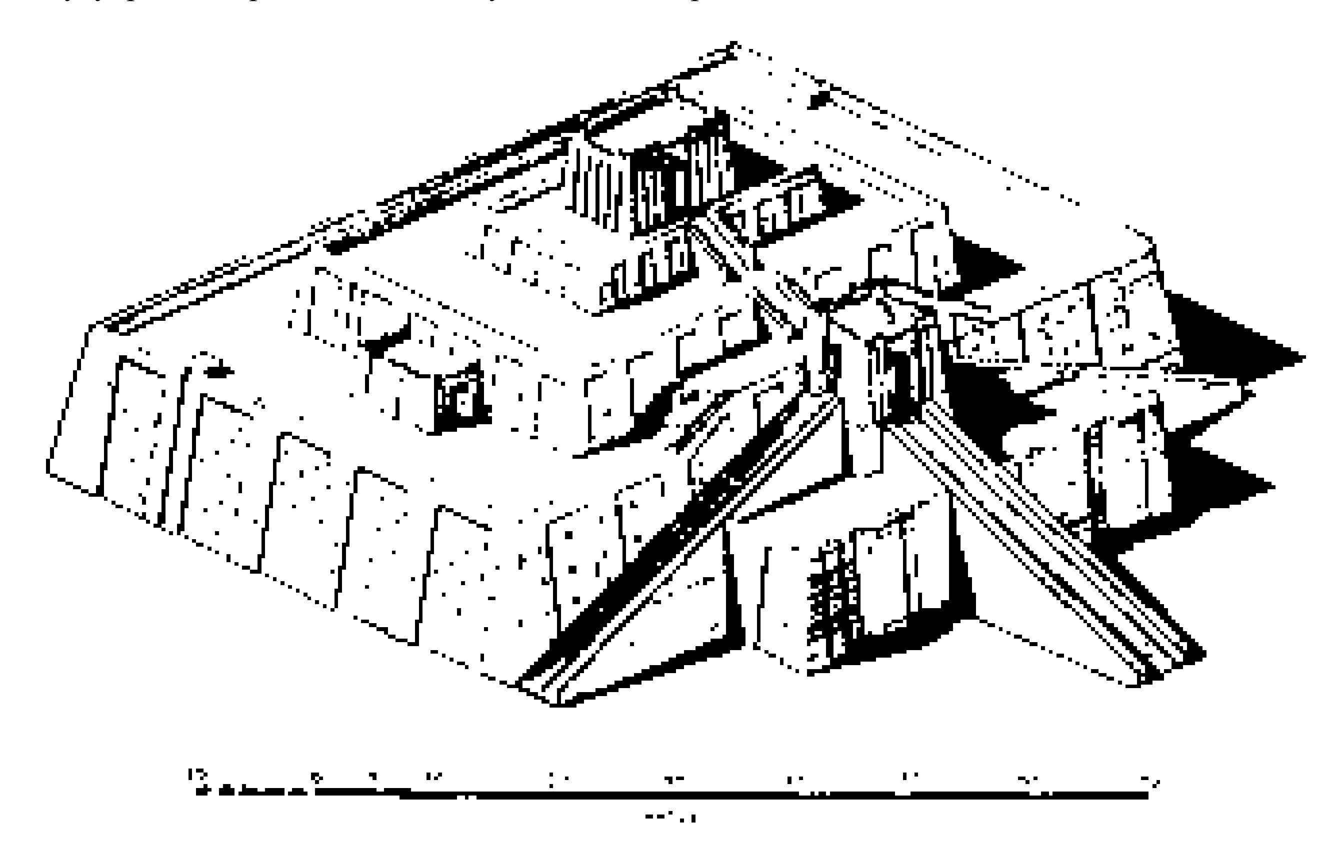
Гильгамеш в эпосе выступает как царь города Урука, сын смертного и богини Нинсун. В царских списках времени III династии Ура упоминается царь Гильгамеш, представитель первой царской династии города Урука. Последующая традиция, таким образом, сохранила о нём память, как об историческом лице.

Шумерские былины о Гильгамеше с бесспорностью доказывают народный характер этого эпоса. Так, в первичных шумерских былинах в качестве соратников Гильгамеша во время его подвигов выступают не только богатырь Энкиду, но также и представители народа: 50 человек из числа «детей города», т. е. народа города Урука, помогают Гильгамешу и Энкиду в походе на страну кедрового леса (Ливан), охраняемого чудовищем Хувавой. В былине о борьбе Гильгамеша с царём Киша Аккой рассказывается, что Гильгамеш отверг требование царя Киша выполнить для него работы по ирригации, и в этом отношении его поддержало собрание народа города Урука. Что же касается знати, то она, собравшись в совете старейшин, трусливо советовала Гильгамешу подчиниться царю Киша.

В основе этой былины лежит, по-видимому, исторический факт борьбы Урука за свою самостоятельность с мощным городом-государством Кишем на севере.

Цикл сказаний о Гильгамеше оказал большое влияние на окружающие народы. Его восприняли аккадские семиты, а от них он распространился в Северной Месопотамии и в Малой Азии. Существовали и циклы эпических песен, посвящённых различным другим героям.

Важное место в литературе и мировоззрении шумеров занимали легенды о потопе, которым якобы боги уничтожили всё живое, причём был спасён только благочестивый герой Зиусудра в построенном по совету бога Энки корабле. Легенды

Храмовая башня (зиккурат) в Уре.
Конец III тысячелетия до н. э. Реконструкция.

о потопе, послужившие основой для соответствующей библейской легенды, оформились под несомненным влиянием воспоминаний о катастрофических наводнениях, которые в IV тысячелетии до н. э. не раз разрушали многие шумерские поселения.

Архитектура и искусство

Богатство господствующего класса нашло своё отражение в мощной и повсеместной строительной деятельности царей. Интенсивное строительство, покрывшее страну храмами и дворцами, было возможно благодаря наличию многочисленных рабов-военнопленных, а также использованию труда свободного населения. Однако в Двуречье в отличие от Египта в силу местных природных условий не существовало каменного строительства, и все здания возводились из кирпича-сырца.

В отличие от Египта здесь не развился в такой мере заупокойный культ и не строилось ничего подобного каменным громадам пирамид или погребальным сооружениям египетской знати. Но, располагая огромными средствами, архитекторы Шумера и Аккада воздвигали грандиозные ступенчатые храмы-башни (*зиккураты*). В архитектуре Двуречья встречаются уже с древнейших времён колонны, не игравшие, впро-

чем, большой роли, а также и своды. Довольно рано появляется приём расчленения стен путём выступов и ниш, а также орнаментации стен фризами, выполненными в мозаичной технике.

Шумерские ваятели создавали статуи богов и представителей знати, а также рельефы (например, «Стела коршунов»). Однако если ещё в период культуры Джемдет-Наср шумерские художники сумели достичь известных успехов в передаче образа человека, то в период существования ранних городов-государств господствует грубая схематизация — человек изображается либо неестественно приземистым, либо в неестественно вытянутых пропорциях, с преувеличенным размером глаз, носа и т. д. Также и в камнерезном искусстве изображение подчиняется геометрическим схемам. Ваятели времён династии Аккада далеко превзошли ранних шумерских ваятелей, сумев, в частности, отобразить живые существа в движении. Рельефы времени Саргона и особенно времени его внука Нарамсина поражают своим художественным мастерством. Одним из наиболее замечательных художественных памятников является стела Нарамсина, посвящённая победе над горными племенами. В рельефе отображён драматизм боя в условиях гористой местности, где происходило это сражение.

На большой высоте стояло и прикладное искусство Аккада. Особенно обращают на себя внимание художественно выполненные изображения сюжетов из мифов и эпоса, вырезанные на цилиндрических печатях из цветного камня. Очевидно, художники этого периода не потеряли связи с народным искусством Двуречья.

Искусство Лагаша времени Гудеа (как, например, в портретных статуях самого Гудеа из твёрдого камня — диорита) и времени III династии Ура использовало, несомненно, лучшие образцы искусства Аккада. Однако со времени III династии Ура в искусстве утверждаются мёртвые, канонические схемы изображений, преобладают однообразные религиозные сюжеты.

Народы Двуречья создали ряд инструментов — свирель, флейту, бубен, арфу и т. п. По свидетельству дошедших до нас памятников, эти инструменты использовались в храмовом культе. На них играли особые жрецы, выступавшие и в качестве певцов.

4. Древний Элам

С историей рабовладельческого общества Двуречья тесно связана история Элама. Эта страна (шумеры называли её «Ним», аккадцы — «Эламту») находилась к востоку от Шумера. Элам был расположен в гористой местности, но на ряду с горами, где возможно было лишь разведение скота, имелись и плодородные долины по течению двух больших рек Элама — на западе Хоаспа (современная Керхе) и на востоке Эвлея (современный Карун). На восточном берегу Хоаспы, течение которого здесь сближается с течением Эвлеи, находилось большое поселение Сузы, главный бог которого Иншушинак почитался и в Шумере. Сузы, расположенные на скрещении важнейших путей, проходивших через Элам, сыграли огромную роль в истории страны. В юго-восточной части Элама жили, по-видимому, темнокожие племена. Высказывалось предположение, что это были племена, родственные дравидским племенам Индии.

До сих пор нельзя считать установленным, к какой группе языков можно отнести язык Элама.

Хозяйственная жизнь и общественные отношения

Долголетние раскопки городища Суз установили здесь ряд культурных слоев. Наиболее значительным является слой, получивший название Сузы I. Нижний предел этого слоя еще не может быть определен во времени с точностью. Верхний же его предел, т. е. начало следующего слоя, так называемого Сузы II, относится к концу III

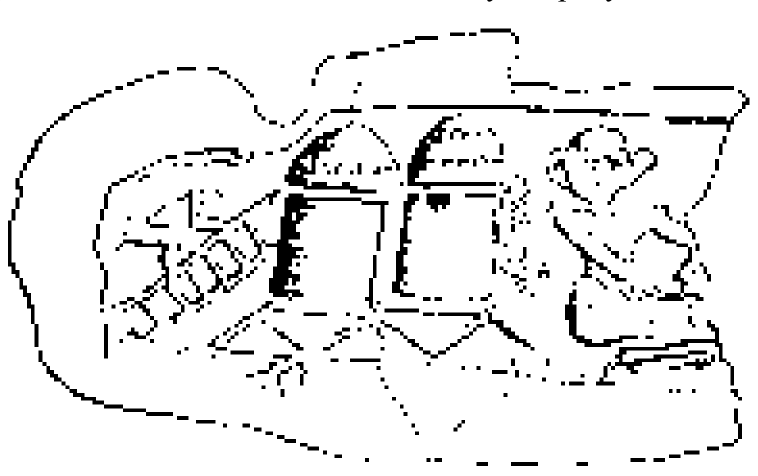
БИТВА АККАДСКОГО ВОЙСКА С ГОРЦАМИ-ЛУЛЛУБЕЯМИ.
Стела царя Нарамсина. Найдена в Сузах. XXIII в. до н. э. Жёлтый песчаник

ОБРАЗЕЦ ШУМЕРСКОЙ ПОРТРЕТНОЙ СКУЛЬПТУРЫ.
Статуя молодого Гудеи. Из Лагаша. XXII в. до н. э. Диорит

тысячелетия до н. э. В слое Сузы I сохранилось наряду со следами поселения и кладбище, свидетельствующее о заупокойном культе у древних обитателей городища.

Предметы, найденные в слое Сузы , должны быть отнесены к энеолиту. Наряду с каменными орудиями, тщательно изготовленными и отшлифованными, здесь встречаются лишь изредка предметы из меди. Орудия труда свидетельствуют о том, что люди, создавшие их, были оседлыми и занимались наряду с охотой также и земледелием. Наряду с ячменём и эммером они выращивали и лён. В числе статуэток, вылепленных из глины, встречаются изображения богини плодородия. Сосуды, предназначавшиеся специально для погребений, делались из хорошо отмученной глины, были изготовлены вручную, без гончарного круга. Они украшены геометрическими узорами и условными, геометризованными изображениями людей, птиц, домашних и диких животных, а также орудий труда. Все эти изображения выполнены чёрной краской. Поселение Сузы I погибло, судя по некоторым признакам, от пожара; можно предположить, что оно стало жертвой нападения соседних племён воинственных горцев.

Загрузка амбара зерном.
Оттиск на глине эламской печати из Суз.
Начало III тысячелетия до н. э.

В противоположность культуре слоя Сузы I следующая за ней культура слоя Сузы II, распространённая не только в Сузах, но и в других пунктах Юго-Западного Ирана, имела соприкосновение с культурами стран, находившихся к западу от Элама, и в первую очередь с культурой Шумера, как об этом свидетельствуют результаты раскопок в шумерских городах — Эриду, Уре, Кише и др.

В период культуры Сузы II уже имелись медные орудия труда и оружие. Надо полагать, что медь добывалась в самом Эламе, по крайней мере Гудеа сообщал в одной из своих надписей, что он добывал медь в горах Кимаша, пограничной области Элама. В слое Сузы II было найдено и золото. К тому же времени относится появление в Эламе бронзы. Наряду с металлургией большое значение имело и керамическое производство. Правда, сосуды, найденные в слое Сузы II, изготовлены не столь тщательно, как сосуды из слоя Сузы I, но зато они многокрасочны и изображения на них более многообразны: художник намечает пейзаж, изображает животных и людей. Если судить по встречающимся изображениям крупного рогатого скота, скотоводство в хозяйстве того времени получило дальнейшее развитие. В это время появляется и своеобразная эламская иероглифическая письменность.

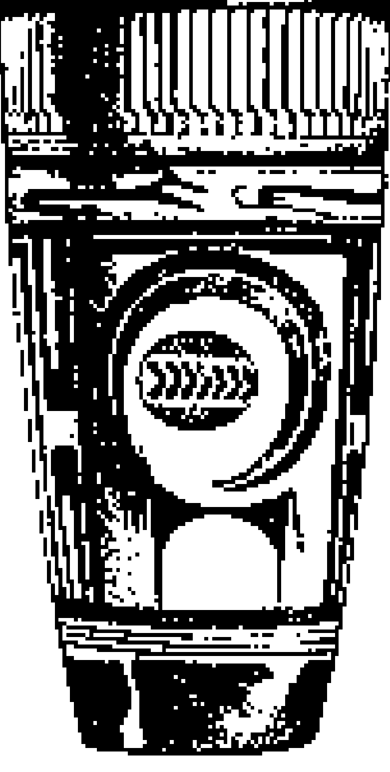

Гончары за работой.
Оттиск на глине эламской печати из Суз.
Начало III тысячелетия до н. э.

Уровень развития производительных сил культуры Сузы I, известной нам по данным слоя, в котором предметы из меди были ещё редким явлением, соответ-

ствовал производственным отношениям первобытно-общинного строя. В дальнейшем по мере роста производительных сил, в особенности же в связи с переходом от каменных к металлическим орудиям, в Эламе происходит переворот в производстве, конечным результатом которого было установление рабовладельческого строя.

Рабовладельческое общество в Эламе первоначально возникает лишь в долинах рек, где имел место более быстрый рост производительных сил и обмена; население этих районов раньше горных областей вступило в тесные взаимоотношения с соседними городами-государствами Шумера, например с Лагашем. Население горных

Эламские глиняные сосуды со стилизованными изображениями горных козлов и собак (на сосудах слева и в центре), птиц (на сосудах справа и в центре), колоса (в центре круга на среднем сосуде) и воды. Культура Сузы I.

областей продолжало жить во второй половине III тысячелетия до н. э. и позже в условиях первобытно-общинного строя. С целью грабежа оно тревожило постоянными набегами богатые рабовладельческие общества, сложившиеся в долинах.

Взаимоотношения Элама с государствами Двуречья

Столкновения Шумера с воинственными племенами Элама происходили, несомненно, уже в глубокой древности. С момента появления надписей правителей Лагаша в XXV в. до н. э. мы знаем об этих войнах. Элам был тесно связан со своим западным соседом, Двуречьем.

В XXIV—XXIII вв. Сузы были включены в состав Аккадского государства, следствием чего явилось значительное усиление воздействия культуры Двуречья на Элам.

Об этом свидетельствуют памятники патеси Суз и наместника Элама Пузуриншушинака. Дошедшие от него статуи были изваяны согласно традициям круглой скульптуры Двуречья. Лишь часть надписей Пузуриншушинака была написана на эламском языке и эламскими иероглифами. Другая же часть была написана

клинописью на семитическом языке Аккада. Последующие правители Элама составляли свои надписи только на семитическом языке.

В двух своих надписях Пузуриншушинак называл себя могучим царём Авана, одной из областей Элама, и заявлял, что бог Иншушинак даровал ему «четыре страны света», т. е. всемирное господство. Очевидно, Пузуриншушинак решил воспользоваться ослаблением державы Аккада и претендовал на господство в Двуречье. Уже преемнику Нарамсина приходилось отражать крупное вторжение эламитов в Двуречье. В дальнейшем, по мере ослабления мощи Аккада, походы эламитов становились более удачными. Во время господства гутеев в Двуречье правитель Лагаша Гудеа сообщал в своих надписях о мирных сношениях с Эламом, но вместе с тем он с гордостью отмечал, что «разбил город Аншан страны Элама».

При царях III династии Ура Элам должен был снова признать господство Двуречья, и самый крупный представитель названной династии, Шульги, построил «богу властелину Суз», т. е. Иншушинаку, храм в Сузах. Когда же государство Ура стало клониться к упадку, правители Элама смогли снова стать самостоятельными и в конце концов нанесли сокрушительное поражение своим угнетателям. Это произошло при царе Кутернаххунте. Установлено, что Кутернаххунте разрушил Урук в 2024 г. до н. э. Тогда же государство III династии Ура пало под ударами со стороны Элама и со стороны амореев, осевших перед этим в Мари на среднем течении Евфрата.

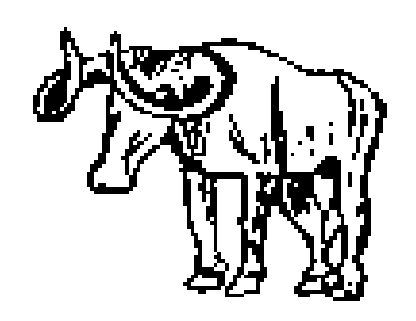
Культура и религия Элама

Наиболее крупным достижением культуры Элама явилось создание своего письма, знаки которого восходили к пиктографическим образцам. В дальнейшем своём развитии эти знаки превратились в комбинации линий, и письмо тем самым приняло своеобразный линейный характер. При Пузуриншушинаке оно начало заменяться клинописью, а эламский язык — семитическим языком Аккада, который и вытеснил в письменных памятниках местный язык Элама. Лишь со второй половины II тысячелетия до н. э. стали писать клинописью обычно на эламском языке.

В изобразительном искусстве Элама, как уже упоминалось, чувствуется влияние Двуречья. Сильное влияние Двуречья на Элам проявилось и в религии. В эламских семитических надписях боги Элама, кроме главы пантеона Иншушинака, назывались именами их шумеро-семитических соответствий — Бела, Шамаша, Сина, Инанны, Иштар и т. д. Правда, и в Двуречье жречество включало в свой пантеон некоторых эламских богов.

ГЛАВА VIII
ПЛЕМЕНА ЕВРОПЫ И АЗИИ В ПЕРИОД РАЗВИТОГО НЕОЛИТА И ПЕРЕХОДА К ВЕКУ МЕТАЛЛА

Как это видно из предыдущих глав, в двух областях земного шара — в долине Нила и в Двуречье — уже в период энеолита возникли классовое общество и древнейшие государства. Однако далеко не везде появление медных орудий привело к такому росту производительности труда и накоплению избыточного продукта, который создавал возможности для возникновения производственных отношений рабовладельческого типа. Огромное большинство племён Азии и Европы в период энеолита продолжало жить в условиях первобытно-общинного строя.

Многие племена в это время уже занимались земледелием и скотоводством, особенно успешно там, где начали применяться медные орудия. У этих племён переход к веку металла хотя и не привёл ещё к возникновению классового общества, но имел своим следствием разложение первобытно-общинного строя, подготовившее необходимые предпосылки для последовавшего затем возникновения классов. В то же время в лесной полосе Севера и в тропических странах в течение III тысячелетия продолжался каменный век. Здесь большинство лесных племён продолжают заниматься охотой и рыболовством.

1. Племена скотоводов и земледельцев Азии в период энеолита

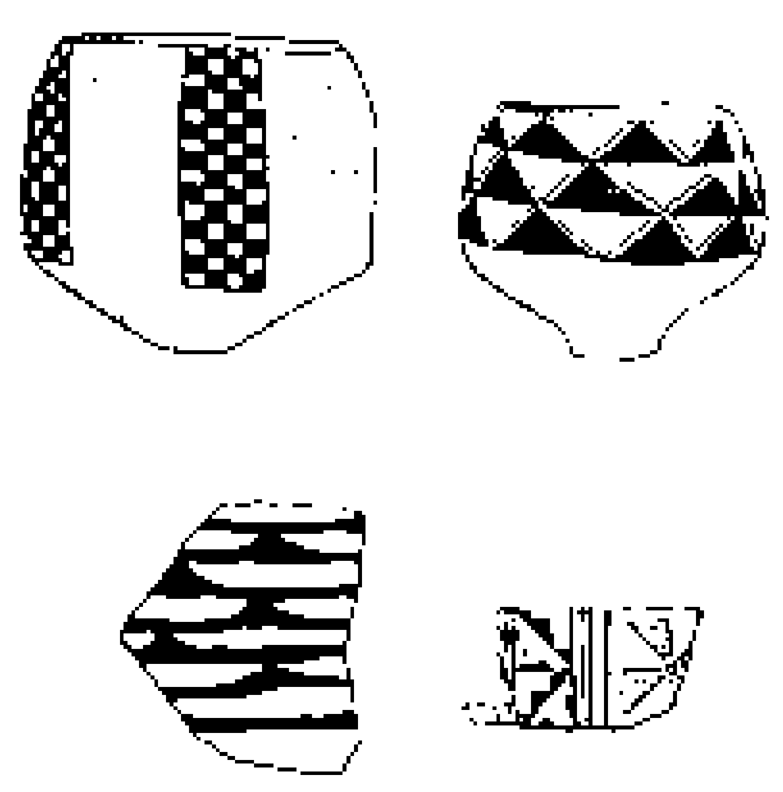
Период энеолита в южной части Средней Азии и в Иране

Данные о периоде энеолита в Средней Азии пока очень отрывочны. Лучше всего изучены области современной Южной Туркмении и Ферганы. Там находятся памятники, очень близкие по своему виду к энеолитическим памятникам Передней Азии. Это высокие холмы (*тепе*), образовавшиеся из наслоений последовательно возникавших посёлков.

На северных горных склонах хребтов, отделяющих Среднюю Азию от Ирана, было исследовано несколько таких тепе. Наиболее известными из них являются два холма Анау близ Ашхабада. К энеолитической поре (конец IV—начало III тысячелетия до н. э.) относятся слои северного холма Анау (высота — 17 *м*) и холма Яссы-Тепе. В них сохранились остатки нескольких поселений. Все эти поселения состояли из домов, сложенных из сырцового кирпича. Некоторые помещения были украшены стенной росписью в виде геометрических узо-

ров. Главным занятием населения здесь было земледелие, о чём свидетельствуют обнаруженные в глине отпечатки зёрен ячменя и пшеницы, а также найденные при раскопках каменные зернотёрки.

Скотоводство здесь возникло не сразу: кости овцы, быка и свиньи первые встречаются на 4-м метре, считая снизу; позднее таких костей становится всё больше. Увеличивается и число разводимых видов животных: в конце III тысячелетия до н. э. имелись уже быки, овцы, козы, двугорбые верблюды, лошади и свиньи; стада животных охранялись собаками, очень близкими к существующим здесь современным породам.

Керамика культур Анау I и Анау II.

Посуда, найденная в Анау, как и в других энеолитических посёлках Средней Азии, расписана главным образом геометрическими узорами. В анауской росписи встречается ряд узоров, аналогичных южноиранским и узорам поздненеолитических и энеолитических поселений Элама Сузы I и Двуречья (Телль-Халаф, Самарра, Эль-Обейд, Джемдет-Наср).

Орудия труда и оружие, найденные в энеолитических посёлках Анау, сделаны главным образом из кремня. Однако уже в нижних слоях найдены медные поделки. В средних слоях медных изделий становится всё больше. Это — шилья, листовидные ножи и некоторые другие предметы.

Культура Анау представляет исключительный интерес прежде всего потому, что позволяет установить наличие населения на юге Средней Азии, по-видимому связанного с древними южными центрами Элама и Шумера. Есть данные, позволяющие установить связь между Анау и древнеиндийской культурой Хараппы (III — начало II тысячелетия до н. э.). Однако Анау может служить связующим звеном не только между древнейшей цивилизацией Двуречья и древнеиндийской цивилизацией. Китайские археологи открыли в древних энеолитических поселениях в Синьцзяне расписную керамику, орнаментация которой в ряде случаев сходна с анауской. Можно, таким образом, предположить, что энеолитические памятники Синьцзяна и Северного Китая в известной мере связаны с древневосточной энеолитической культурой Индии и Передней Азии.

Более поздняя история энеолитических поселений на юге Средней Азии в настоящее время особенно хорошо может быть изучена благодаря раскопкам на холме Намазга-Тепе, расположенном в предгорьях Копет-Дага. Здесь открыты остатки нескольких зданий, строившихся одно на месте другого, по мере разрушения более древних. Судя по особенно хорошо сохранившимся остаткам одного здания

(здание «Б» — конец III и начало II тысячелетия до н. э.), эти постройки представляли собой многокомнатные жилища родовой общины. В этом здании обнаружено 27 помещений.

Население Намазга-Тепе занималось скотоводством и особенно земледелием (найдены зёрна ячменя, пшеницы и много зернотёрок). Керамика Намазга-Тепе в наиболее глубоких слоях по замечательной своей росписи с изображениями козлов, птиц с орнаментом в виде «лесенок» сходна с керамикой из Анау II. В ней имеется сходство и с керамикой из Суз в Эламе. Находки посуды, формованной на гончарном круге, а также бронзовых изделий свидетельствуют о значительных успехах домашних промыслов.

К югу и юго-западу от Средней Азии, на Иранском нагорье, в течение III тысячелетия до н. э. обитали племена, занимавшиеся скотоводством и земледелием и в основном использовавшие при этом воду горных ручьёв. Они, как и их среднеазиатские соседи, строили дома из сырцового кирпича, изготовляли расписную посуду, орнамент которой указывает на связи их культуры с культурами соседних стран, прежде всего со Средней Азией и Эламом. Здесь найдены документы (в городище Тепе-Сиалк), написанные эламской линейной иероглификой. К концу III тысячелетия до н. э. развитие производительных сил в Иране достигло, по-видимому, нового уровня. Тогдашние жители Ирана не только изготовляли разнообразные медные изделия, но, судя по изображению пашущего на волах человека (это изображение найдено в Тепе-Гиссаре), начали уже переходить к плужному земледелию.

Период энеолита в Индии

В Индии, насколько позволяют судить ещё весьма недостаточные археологические данные, переход к веку металла происходил раньше всего в горных районах Белуджистана (в западной части современного Пакистана). Эти районы примыкают с запада к долине реки Инда. Здесь, в долинах реки Зхоба и других небольших горных рек, обнаружено много древнейших поселений (около современных Рана Гхундаи, Кветты, Амри, Наля и др.), на примере которых переход к веку металла прослеживается довольно наглядно. Нижние слои этих культур относятся ещё к неолиту и датируются первой половиной и серединой IV тысячелетия до н. э. В последующих слоях, датируемых концом IV и первой половиной III тысячелетия до н. э., виден уже переход к медному веку. Поселения становятся более благоустроенными и состоят из сырцовых кирпичных зданий, иногда с каменным фундаментом; некоторые из этих поселений окружены стенами циклопической кладки. Начинают применяться медные орудия. Населению был известен гончарный круг; посуда покрывалась разнообразным цветным орнаментом. Скотоводство было основной отраслью хозяйства. Разводились быки, овцы, известен был осёл; находка зубов домашней лошади заставляет предполагать, что лошадь была известна ещё в IV тысячелетии до н. э., но каково было её хозяйственное применение — установить пока невозможно. Удельный вес земледелия был, видимо, ещё незначителен.

Последующая история показывает, что эти поселения и позже не стали важными земледельческими центрами. Условия почвы, рельефа и климата мало этому благоприятствовали, человек же был ещё недостаточно технически вооружён, чтобы преодолеть эти препятствия.

В период энеолита племена, жившие в Индии, однако, были уже достаточно вооружены для того, чтобы начать освоение речной долины Инда. Это освоение началось в первой половине III тысячелетия до н. э. В середине III тысячелетия до н. э. здесь возникает «индская цивилизация» (культура Хараппы), которую по ряду данных можно считать уже классовым обществом.

Племена Китая в период энеолита

Данные раскопок позволяют восстановить картину жизни племён, населявших Китай в период неолита и энеолита. Важнейшим материалом для изучения культуры Китая этого времени является раскрашенная глиняная посуда.

Древнейшая расписная посуда Китая сходна с расписной посудой энеолитических поселений Индии, Ближнего Востока и древней Европы и образует несколько местных групп: наиболее западную — синьцзянскую, затем ганьсуйскую, шаньси-хэнаньскую, суйюаньскую и маньчжурскую.

Стиль росписи посуды из синьцзянских поселений, отличающийся геометрическим характером рисунков, значительно разнится от стиля расписной керамики, характерной для стоянок других групп поселений древнего Китая. Этот стиль, вообще, по-видимому, более поздний, обнаруживает, однако, известное сходство с некоторыми ганьсуйскими и маньчжурскими росписями на посуде, также относимыми к позднейшему времени (концу III — началу II тысячелетия до н. э.). Основная же масса поселений с расписной керамикой, находящихся в бассейне верхнего и среднего течения реки Хуанхэ, весьма однородна, и имеющиеся в ней различия не выходят за пределы местных различий, характерных для групп родственных племён.

Расписной глиняный сосуд культуры Яншао из провинции Ганьсу (Китай).

Наиболее широко известно одно из поселений этой группы — стоянка Яншао на правом берегу Хуанхэ, несколько ниже впадения в неё реки Вэй. Обитатели этого поселения, существовавшего в III тысячелетии до н. э., жили в полуземлянках и занимались земледелием. Большую роль играли охота и рыболовство. Применялись прежние неолитические орудия. Медь очень долго была неизвестна племенам, создавшим поселения типа Яншао. Только в позднейших из них, относящихся к концу III тысячелетия, встречаются первые следы обработки меди. Всестороннему изучению культуры и населения Яншао способствовало открытие рядом с посёлками и кладбищ. Антропологическое изучение останков из погребений Яншао показало, что это население в этническом отношении было в большинстве своём очень близко современному населению этих областей. Об этом же свидетельствует наличие трёхногих сосудов, столь характерных для позднейшей китайской керамики.

Судя по археологическим данным, обитатели поселений типа Яншао жили родовыми общинами, вели общее хозяйство, и, вероятно, для их общественного строя был характерен материнский род. Вместе с тем нельзя не отметить, что отдельные представители рода или племени, может быть удачливые предводители на войне, удостаивались весьма пышных похорон на вершинах гор (например, погребение в Пяньшикоу в провинции Ганьсу).

Исследование узоров яншаоской расписной посуды обнаруживает ряд совпадений с узорами сосудов из Индии, Ирана и Месопотамии.

Культура Яншао особенно сильно воздействовала на соседние области Северо-Восточного Китая. Об этом особенно ярко говорят результаты исследований в гроте Шаготун.

Судя по сделанным там находкам, люди, хоронившие в этом гроте своих сородичей, переживали тогда расцвет неолитической культуры. Они умели шлифовать камень, обрабатывать его оббивкой и тонкой отжимной ретушью, изготовляли разнообразную глиняную посуду, но ещё не имели домашних животных, не умели обрабатывать землю и разводить растения. Их основными занятиями были охота и, очевидно, собирательство. В гроте найдены кости только диких животных. Из этих костей изготавливались различные орудия: шилья, игольники (в виде трубочек с помещавшимися внутри тонкими иглами), различные острия и украшения.

Как в первом (нижнем), так и во втором слое Шаготуна были найдены фрагменты глиняных сосудов, покрытых чёрной росписью по красному фону. Точно такая же расписная керамика обычна в могилах и поселениях культуры типа Яншао в Северном Китае. Формы глиняных сосудов из Шаготуна сходны с формами сосудов типа Яншао. В Шаготуне найдены обломки сосуда вроде кувшина с боковыми ручками, небольших чаш, трёхногих характерно китайских сосудов *ли*. Вместе с этой керамикой были найдены плоские кольца из камня и раковин. По своим пропорциям и форме они совершенно сходны с кольцами *юань*, имевшими в древнем Китае религиозно-символическое значение. Подобное сочетание элементов северокитайской раннеземледельческой культуры с чертами, свойственными культурам охотников и рыболовов, прослеживается и в других случаях, например на стоянке Хата в Северо-Восточном Китае. Совершенно ясно, что земледельцы древнейшего Китая не только соприкасались с охотниками-собирателями в степях и с рыболовами приморских стран, но и находились в довольно тесной связи с ними.

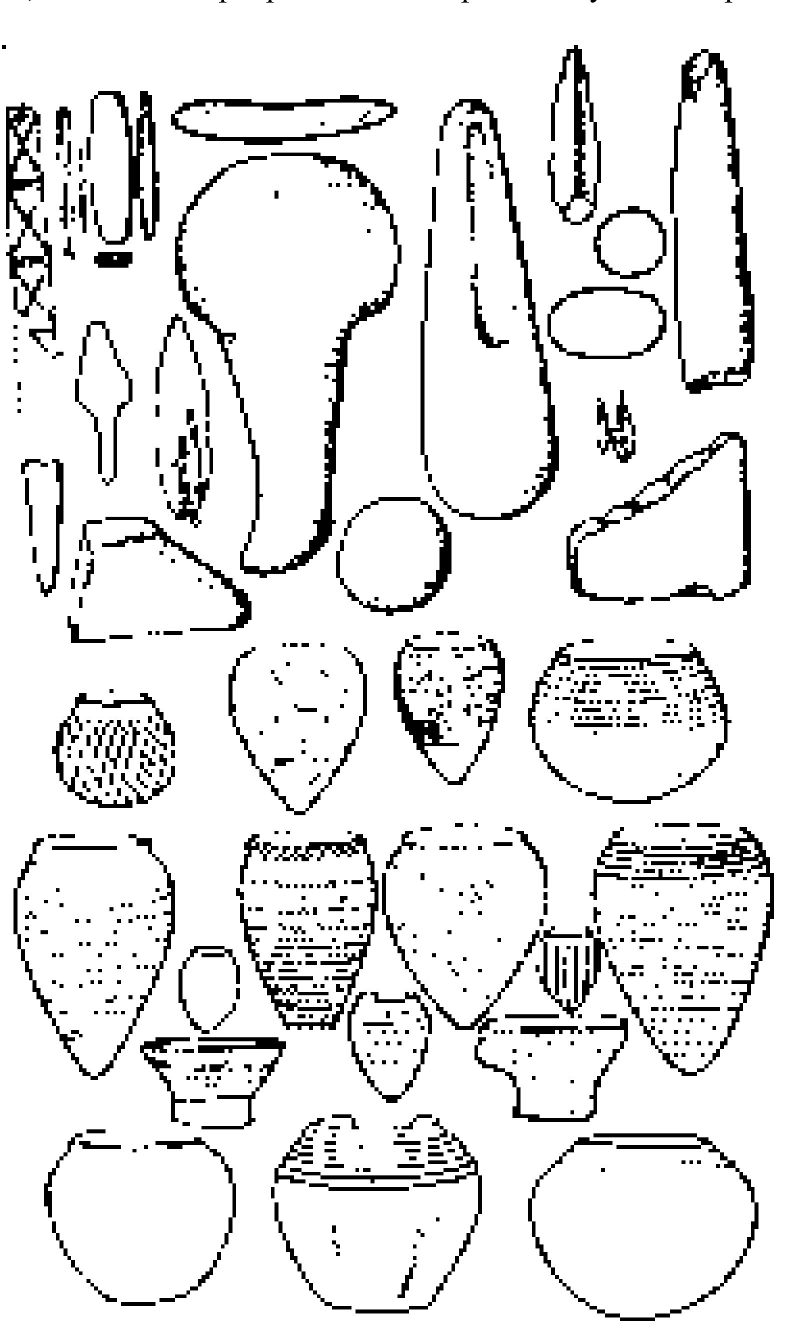
Древнекитайский сосуд из чэнцзыяйского поселения.

Культура Яншао, по-видимому, существовала до конца III тысячелетия до н. э., когда в Северном Китае произошли большие изменения в экономике и культуре. Об этих изменениях ярко повествуют результаты исследований в низовьях Хуанхэ, в Шаньдуне и Шаньси, а также в районах Шанхая и Ханчжоу. Там открыто большое количество поселений так называемой луншанской культуры. Поселения часто были укреплены — обнесены валами, на которых воздвигались частоколы (таковы, например, посёлки типа Чэнцзыяй; вал одного из них имел 15 *км* в окружности). Хижины были уже наземные и представляли собой круглые мазанки с печью. Характерно, что эти печи имели лежанки с параллельными рядами дымоходных труб, напоминающие по устройству позднейшие *каны* китайских фанз. Население посёлков типа Чэнцзыяй продолжало заниматься земледелием, но наряду с этим значительно развилось скотоводство — разводились овцы, свиньи, быки и лошади. Керамика Чэнцзыяя сильно отличается от яншаоской прежде всего отсутствием росписи. Однако среди этой посуды мы вновь встречаем трёхногие сосуды, связывающие энеолит Китая с последующей историей его материальной культуры вплоть до периода Хань (т. е. конца I тысячелетия до н. э.).

Наличие укреплённых посёлков говорит об усложнении общественных отношений. Очевидно, в это время закладывается фундамент нового общества, которое в дальнейшем характеризуется развитием рабовладения и имущественного неравенства.

Энеолит в северных областях Средней Азии и в Южной Сибири

К западу и северо-западу от Китая энеолитическая культура пока известна только в двух центрах: в Приаралье — по так называемым кельтеминарским поселениям и в Минусинской котловине — по так называемым афанасьевским курганам [1]. Племена, жившие в Приаралье ещё с предшествующего времени, в значительной степени сохраняли прежний неолитический быт охотников и рыболовов, хотя исследователи и, предполагают появление у них земледелия. Жили они родовыми группами в огромных хижинах-шалашах, камышовая крыша которых опиралась на множество стоявших концентрическими кругами столбов. Со среднеазиатским югом, с поселениями типа Анау, у племён Приаралья в период энеолита были лишь отдельные связи, заметные по некоторым особенностям орнаментации посуды. Зато более прочными были их связи с районами Западной Сибири и Казахстана, где у населения ещё очень долго сохранялся быт охотников и рыболовов времени неолита.

Сосуды и орудия афанасьевской культуры.

Второй энеолитический центр был расположен на Алтае и в Минусинской котловине. Там в период энеолита обитали племена, оставившие курганы. Судя по находкам, эти племена уже разводили рогатый скот. Образ жизни их был полуоседлым, пастушеским и резко отличался от охотничьего быта окружающих племён, населявших северную тайгу и горно-таёжные местности Саяно-Алтая и Кузнецкого Алатау. Очевидно, пастушеские племена здесь резко выделялись из остальной массы племён, ещё сохранявших прежние формы хозяйства. О наличии обмена свидетельствуют привозные вещи, полученные из Приаралья, а также росписи на сосудах, сходные с росписями на сосудах из Анау. Важно отметить,

[1] Названия даны по местам первых находок.

что значительные изменения произошли в это время внутри родовой общины. Многочисленные погребения мужчин с положенными вместе с ними убитыми женщинами позволяют предполагать, во-первых, появление элементов рабства и, во-вторых, уже определившееся преобладание мужчин в роде.

Изучение керамики и ряда других предметов обнаруживает большое сходство их с инвентарём так называемых катакомбных курганов южнорусских степей. Вполне вероятно, что это сходство основано на каких-то связях племён, живших в ту пору на Алтае и в Минусинской котловине с западом. Может быть, эти связи осуществлялись при посредстве племён Северного Казахстана и Западной Сибири.

2. Земледельческие племена Европы

В Европе развитое земледелие возникло ещё в период неолита. Но переход к веку металла, хотя у некоторых племён он и произошёл рано (III тысячелетие до н. э.), ещё не привёл и здесь к коренным изменениям в общественно-экономических отношениях.

Племена Кавказа в период энеолита

Крупнейший центр медного производства находился на границе Азии и Европы — на Кавказе. Этот центр имел особенно большое значение потому, что Кавказ был непосредственно связан с передовыми странами тогдашнего мира — с рабовладельческими государствами Передней Азии.

Добытые в Закавказье материалы древнейших земледельческих поселений типа Шенгавит (Армянская ССР) позволяют говорить о наличии там ещё в начале III тысячелетия земледельческой культуры, в известной мере связанной с центрами древнего Востока. Поселения типа Шенгавит находят и на Северном Кавказе (Каякентский могильник и поселения около Дербента).

Культурный подъём и связи с древневосточными центрами через Закавказье особенно рельефно выявляются на Северном Кавказе по обнаруженным там в начале XX в. замечательным курганам у Майкопа и станицы Новосвободной. Установленные этими раскопками параллели с культурой древнего города Двуречья — Лагаша (серебряные вазы и их орнаментация), большое сходство скульптуры быков и львов, а также розеток и медных топоров с памятниками другого древнего города Двуречья — Ура (периода так называемой I династии), формы булавок из Новосвободной, аналогичные найденным в городе Кише в Двуречье, и, наконец, бусы, совершенно сходные с найденными в Кише и в древнейших слоях древнеиндийского города Мохенджо-Даро, свидетельствуют, что Майкопский курган и курган у станицы Новосвободной относятся примерно к середине III тысячелетия до н. э.

К этому времени на Северном Кавказе происходят крупнейшие изменения в производстве и культуре. Это особенно ярко видно при сравнении материалов из Нальчикского селища и могильника с материалами из Долинского поселения близ Нальчика и из больших кубанских курганов.

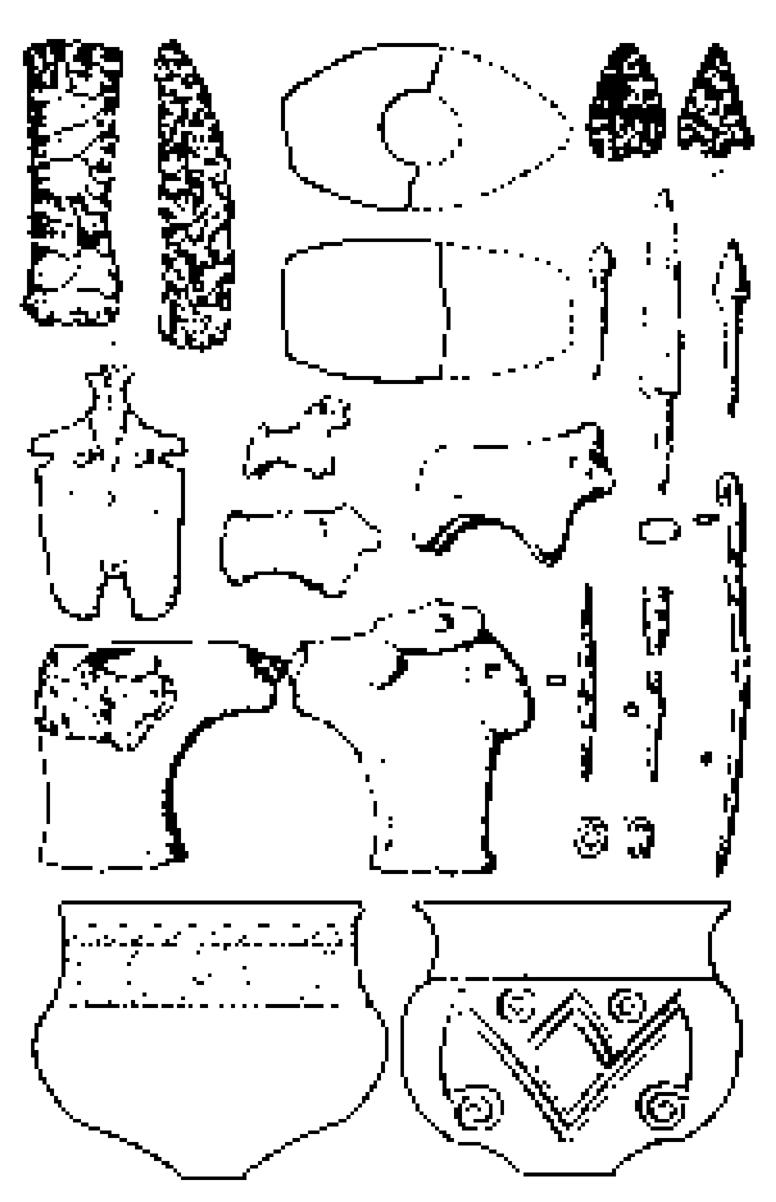
Нальчикский могильник и селище относятся к самому началу энеолита на Северном Кавказе. Там был обнаружен всего лишь один медный предмет. Глиняная посуда весьма грубая. Скотоводство было развито ещё незначительно. О земледелии нет никаких данных. Все орудия сделаны из камня, имеют весьма архаический, неолитический облик и характерны для охотничье-рыболовческого быта. Украшения также сохраняют прежний, неолитический характер. Некоторые находки вместе с тем, может быть, говорят уже о каких-то связях с Закавказьем и Двуречьем. В Нальчикском могильнике найдена серповидная пластина-кулон, совершенно аналогичная шумерским, сделанным из агата. С шумерскими же (например, из города Лагаша) сходна и каменная сверлёная булава.

Никаких следов хижин в Нальчикском поселении найдено не было. Очевидно, укрытием для его обитателей служили лёгкие шалаши.

Совершенно иную картину - представляет поселение в Долинском. Его обитатели жили в прочных хижинах с плетёными стенами, обмазанными глиной. Среди большого числа каменных орудий найдено много зазубренных пластинок, служивших лезвиями серпов. Найдены также мотыги и зернотёрки, свидетельствующие о развитии мотыжного земледелия. О земледелии говорят и зерновые ямы возле хижин. В это же время развивалось и скотоводство. О большом развитии гончарного мастерства свидетельствует посуда, которая стала более разнообразной; наряду со всевозможными мелкими сосудами выделывались большие корчаги, совершенно аналогичные найденной в Майкопском кургане.

Но особенно высокого развития достигло в это время изготовление медных орудий. В Майкопском и Новосвободненском курганах найдено большое количество медных орудий — топоры, мотыги, тёсла, ножи, кинжалы, вилы, черешковые копья — таких форм, которые характерны для Двуречья и для культуры острова Крита XXVI— XXIII вв. до н. э.

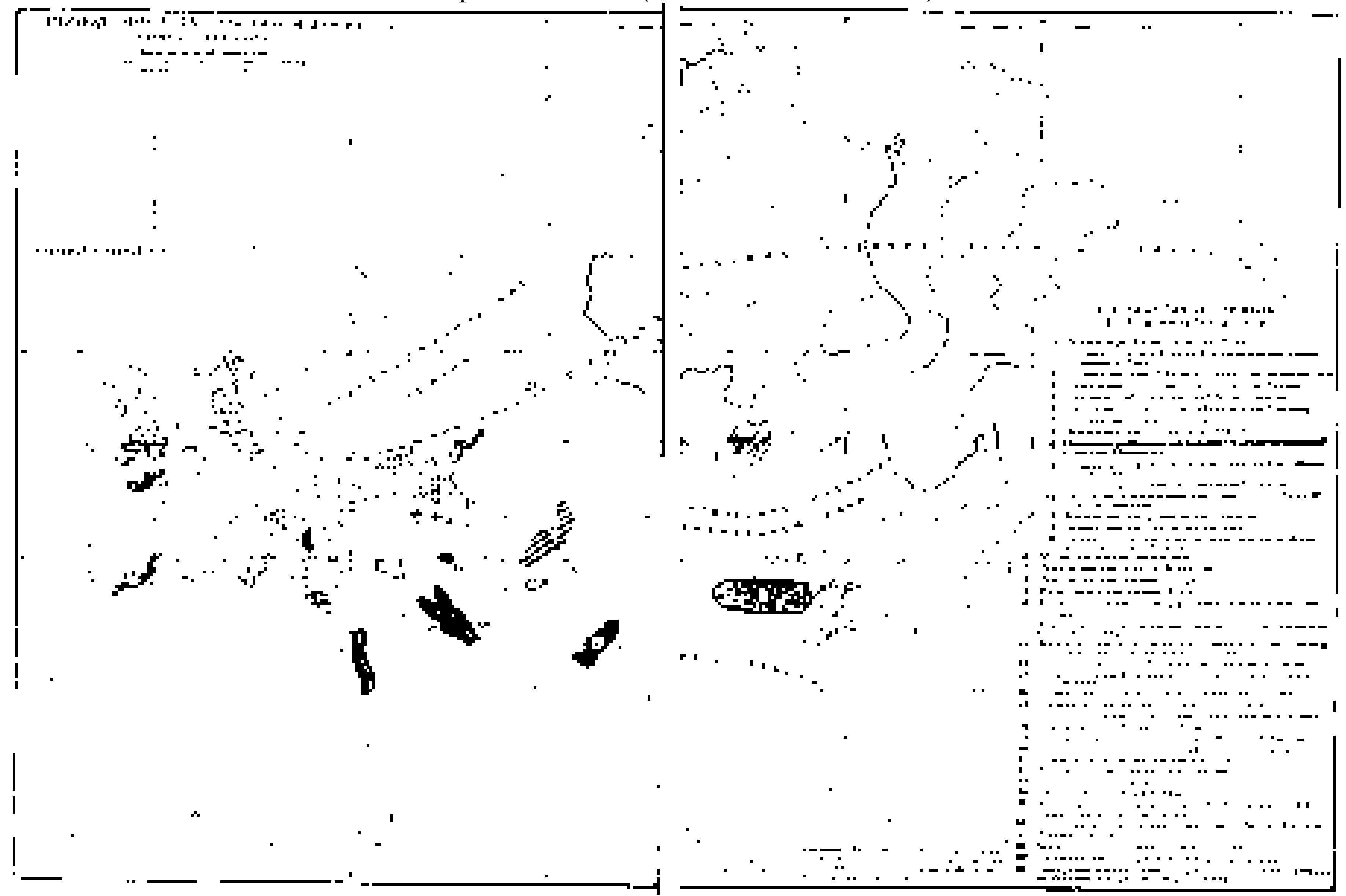
Общий подъём культуры в значительной мере определял и установление связей с древневосточными центрами, что в свою очередь способствовало дальнейшему развитию культуры Северного Кавказа. Эти связи помимо сходства форм медных орудий и отмеченных выше аналогий в украшениях и формах серебряных сосудов проявляются также в изобразительном искусстве: в рисунках, гравированных на серебряных майкопских вазах, в скульптурных фигурах быков, в барельефных изображениях львов и розеток, украшающих костюм и пышный погребальный балдахин. Самое богатство погребального инвентаря и огромные размеры северокавказских больших курганов, выделяющихся на общем фоне скромных рядовых погребений, особенно подчёркивают глубину изменений, происходивших тогда на Кавказе в общественном строе местных племён, — древнее единство рода нарушалось, появлялось общественное неравенство, начала выделяться родо-племенная знать. Северный Кавказ в это время, в середине III тысячелетия до н. э., по темпам развития, безусловно, далеко обогнал другие области материковой Европы.

Предметы из энеолитического поселения Шенгавит. Армения.

Раскопки в Грузии, в курганах Армении и Азербайджана (например, в Нагорном Карабахе) раскрывают историю древних, по-видимому ещё матриархальных,

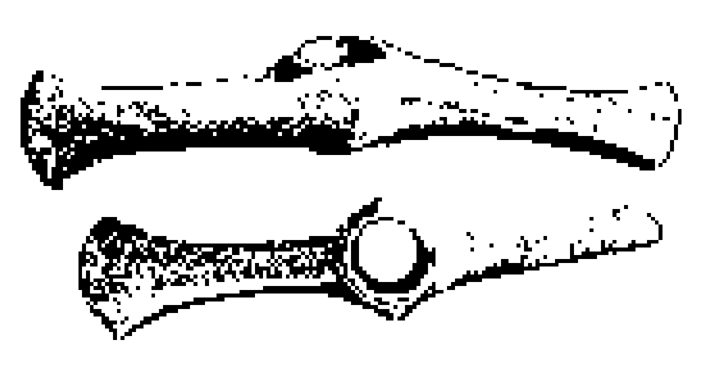
Период энеолита (III тысячелетие до н. э.)

общин, основой хозяйства которых были земледелие и скотоводство, возникшие в Закавказье в неолитический период и получившие в III тысячелетии до н. э. дальнейшее развитие. При этом памятники медного века Закавказья очень сходны с памятниками того же времени на территории Передней Азии. Памятники Закавказья вместе с тем отличаются определённым своеобразием, указывающим на самостоятельность развития племён, населявших этот район. Нет никакого сомнения в том, что население Закавказья в ещё большей степени, чем племена Северного Кавказа, использовало достижения культуры народов Двуречья. Закавказье служило основным центром добычи обсидиана, из которого в первой половине III тысячелетия особенно охотно выделывали орудия в различных областях Двуречья и в Эламе. Население Закавказья служило передатчиком южных изделий на север. По-видимому, только случайностью объясняется, что в Закавказье до сих пор не открыты энеолитические памятники, столь же замечательные, как Майкопский курган Северного Кавказа.

Развитие земледелия в районах Нижнего Дуная и Поднестровья

Другой энеолитический центр возник в Средней и Южной Европе. В плодородных местностях Нижнего Дуная и Поднестровья ещё в конце IV и в первой половине III тысячелетия жившие здесь племена занимались наряду с охотой и домашним скотоводством также примитивным земледелием. Первобытная мотыга — массивная палка с привязанным к ней костяным, роговым или каменным наконечником — служила здесь единственным орудием обработки почвы. Если принять во внимание плотность травяного покрова среднеевропейских степей и Поднестровья, то можно легко представить себе, какой огромный труд должны были затрачивать первые земледельцы для возделывания почвы. Эти земледельцы уже жили не в разбросанных по дюнам на берегах рек и озёр стоянках охотников и рыболовов с их временными жилищами — землянками, а в прочных зимних хижинах, составлявших большие поселения. Во многих районах этой части Европы население столетиями оставалось на одном и том же месте, обрабатывая окрестные участки. На Нижнем Дунае, в северной, а также средней части Болгарии, в Венгрии, в северо-восточной части Югославии, в Румынии и Молдавии от этих поселений остались мощные напластования, достигающие нескольких метров толщины и образующие «жилые холмы», мало чем отличающиеся от тех теплей — холмов Передней Азии, которые хранят в себе остатки древних поселений начала медного века. Наиболее яркими примерами этих поселений являются «жилые холмы» так называемой нижнедунайской культуры Болгарии, поселение Винча в Югославии, посёлок Турдош в Южной Венгрии. Во второй половине III тысячелетия здесь очень высокого уровня достигает производство медных изделий. Так называемый «медный век» Венгрии представлен в это время орудиями, не уступающими китайским и малоазийским.

Медные орудия, найденные в Венгрии.

Трипольская культура

Особенно детально изучена культура этого типа по так называемым трипольским поселениям Украины, Северной Румынии и Молдавии [1].

В Северной Румынии, близ сёл Извоар и Кукутени, и на Украине по Днестру, близ сёл Дарабани, Незвишки, у Поливанова Яра и в ряде других мест обнару-

[1] Трипольскими они названы по месту первых находок, сделанных украинским археологом В. В. Хвойко близ села Большое Триполье, Киевской области.

КЕРАМИКА ТРИПОЛЬСКОГО ТИПА

жены остатки трипольских поселений. Изучение этих посёлков показало, что население жило здесь длительное время. Первые дома были построены в начале III тысячелетия, однако в ряде поселений жизнь продолжалась примерно до XVII в. до н. э. За этот огромный промежуток времени жизнь трипольцев изменялась. Особенно это заметно в отношении металлургии; если в древнейших слоях Кукутени встречаются только отдельные следы изготовления медных изделий, то в позднейших слоях встречаются уже бронзовые орудия и оружие, сходные с бронзовыми изделиями других центров Средней Европы. Изменялась и замечательная трипольская посуда, которая первоначально украшалась резными полосами и лентами, а позднее богато расписывалась сложными красочными узорами.

Трипольский посёлок. Украина.
Реконструкция.

Трипольские племена занимали первоначально сравнительно ограниченную территорию в Восточном и Юго-Восточном Предкарпатье. Их древнейшие поселения не распространялись восточнее Южного Буга. Однако достигнутый уровень развития экономики и культуры позволил им во второй половине III тысячелетия до н. э. освоить обширные территории правобережной Украины, вплоть до Днепра, продвинуться на юг до Дуная и строить свои поселения на западе — в Трансильвании до реки Олт. На севере границей трипольских поселений служит река Тетерев. В Польше они встречаются в районе Кракова.

Трипольские поселения состояли из домов, расположенных по кругу. Иногда таких кругов несколько. Если допустить одновременность существования всех домов, то некоторые поселения, например поселение у села Владимировки на Украине, в районе Умани, состояло почти из двухсот домов, расположенных по шести концентрическим кругам. Центр трипольских поселений Украины обычно не застраивался; на обширной площади стояли лишь один-два больших дома, по-видимому служивших местом собраний обитателей посёлка для обсуждения общинных дел.

Трипольский наземный глинобитный дом состоял из нескольких помещений, часть которых служила для жилья, а остальные составляли кладовые для запасов. В каждой комнате стояла топившаяся по-чёрному глиняная печь, рассчитанная на выпечку хлеба, находились крупные сосуды для хранения зерна и зернотёрки; в глубине комнаты, у окна, помещался глиняный алтарь с расставленными на нём статуэтками женских божеств. Устройство дома позволяет предполагать, что в нём обитало несколько семейных пар. Сам же посёлок являлся объединением родственных семей, включавших несколько поколений во главе со старшим в роде. Широко развитый культ женщины-матери позволяет полагать, что обитатели трипольских посёлков ещё не перешли ту ступень развития первобытно-общинного строя, которая характеризуется наивысшим развитием материнского рода. Лишь в XVIII—XVII вв. до н. э. у трипольских племён усиливается значение в их хозяйстве скотоводства, возрастает роль мужчины и появляются, особенно в погребальном обряде, черты, позволяющие говорить о переходе этих племён к патриархату.

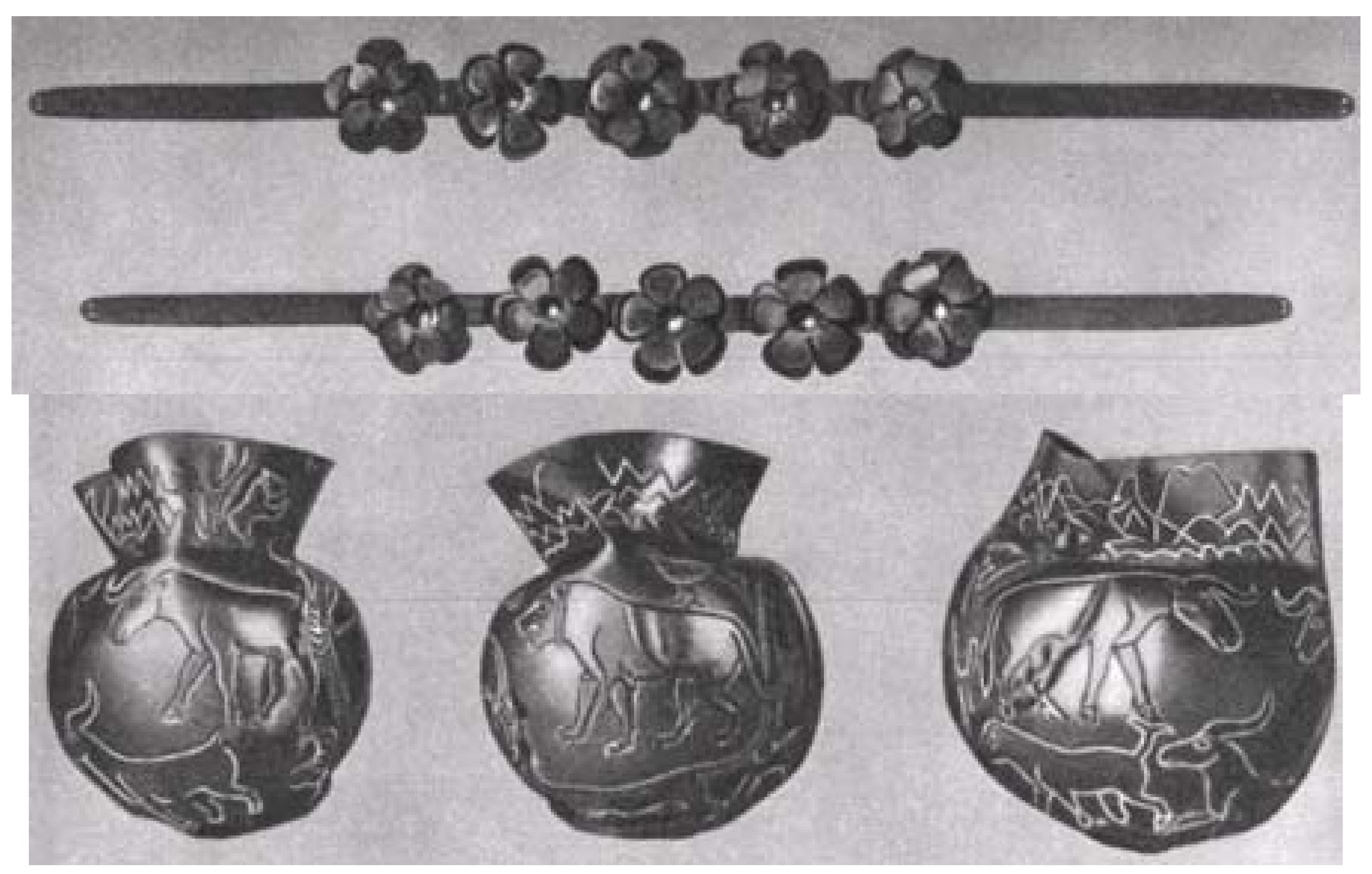
Энеолит в Западной Европе

Племена Южной и Средней Европы по уровню своего развития мало отличались от трипольцев. Для многих из этих племён характерен значительный объём производства медных изделий. В горах Средней Европы, особенно в Рудных, уже в III тысячелетии до н. э. с успехом стали разрабатываться месторождения меди, послужившие потом надолго рудной базой для Средней Европы.

Земледельческие племена, обитавшие к северу от бассейна Среднего Дуная, также жили в больших посёлках, в больших домах с несколькими печами или очагами. Особенно характерны в этом отношении так называемые леншельские и иорданмюльские поселения Верхней Австрии, Чехословакии, Северной Венгрии, Южной Германии и Юго-Западной Польши. В альпийской зоне Северной Италии, Австрии, Германии и Швейцарии ту же по существу картину хозяйства и общественного устройства позволяют реконструировать свайные поселения на озерах. Население областей Франции, особенно в первой половине III тысячелетия до н. э., отличалось сравнительно более низким уровнем развития производительных сил. Население, оставившее памятники так называемой сено-уазо-марнской культуры, знало, по-видимому, земледелие, возникшее здесь ещё в весьма раннее время неолита, однако оно не являлось основной отраслью их хозяйства. По-прежнему значительную роль играла охота, по-прежнему люди обитали в землянках. То же самое следует сказать и о районах Германии, расположенных между Эльбой и Одером. Только во вторую половину III тысячелетия здесь усиливается роль земледелия и скотоводства.

Во второй половине III тысячелетия заметнее развивается материальная культура в областях по верхнему и среднему течению Рейна. В этой части Германии и Франции наряду с открытыми поселениями возникают обширные укреплённые убежища, в которых в случае опасности укрывались жители окрестных поселений. Такие укрепления иногда достигают огромных размеров (например, Майенское и Урмицкое), хотя постоянно обитаемый посёлок на их территории по своим размерам ничем не отличается от соседних, неукреплённых поселений. Таким образом, обширная укреплённая площадь была рассчитана лишь на временное пребывание жителей окрестных посёлков, и громадные оборонительные сооружения (для их постройки в Урмице было перерыто 60 тыс. *куб. м* земли и воздвигнуты прочные бревенчатые башни и палисады) сооружались силами всего населения окрестных посёлков. Эти укреплённые убежища, по-видимому, являлись центрами объединения родовых посёлков и свидетельствуют о высоком уровне развития племенной жизни.

Особая культура развивалась в северных областях Франции и Германии. Наиболее характерным здесь является район Нормандии и Бретани, где в период энеолита наибольшего развития достигла так называемая мегалитическая культура.

ЗОЛОТАЯ ДИАДЕМА И СЕРЕБРЯНЫЙ СОСУД ИЗ МАЙКОПСКОГО КУРГАНА.
Северный Кавказ. III тысячелетие до н. э.

Земледельческая в своей основе, она также характеризуется развитием племенных объединений, с которыми связаны мегалитические (т. е. построенные из огромных камней) сооружения. Они воздвигались в намять о выдающихся жителях рода или племени (*менгир*), в качестве родовой усыпальницы (*дольмен*) или в виде родо-племенного святилища (*кромлех*) [1]. Большое число этих сооружений и огромный вес камней, из которых они состояли, с несомненностью говорят о том, что такие сооружения могли осуществляться лишь силами целого племени.

Большое сходство с жизнью племён мегалитической культуры представляла жизнь населения Северной Испании.

Пиренейский полуостров в период энеолита являлся едва ли не самым значительным центром меднорудного производства в Западной Европе. Здесь, особенно между Альмерией и Картахеной, находилась сплошная цепь посёлков металлургов. В этой области в каждой раскопанной древней хижине археологи находят медную руду; обломки глиняных тиглей для плавки меди, слитки меди, приготовленные для обмена; груды шлака и битых тиглей красноречиво говорят о многовековом и широком развитии производства меди, рассчитанном отнюдь не только на местные нужды. Отсюда медь шла во Францию (где только в Марнских горах имелись очень небольшие собственные разработки), в Северную Европу и, по-видимому, на Апеннинский полуостров и в Грецию. Находки в Испании расписных сосудов и красной керамики, весьма сходной и с южноиталийской и с эгейской, свидетельствуют о древних связях между собой этих районов Европы. С другой стороны, эти связи ярко показывают распространение во многие области Западной и Средней Европы, а также в Северную Италию и на острова Средиземного моря своеобразных так называемых «колоколовидных» сосудов, первоначальным центром изготовления которых были южные и восточные районы Испании.

Колоколовидные кубки Испании, Франции, Сицилии.

Ярким памятником жизни в энеолитический период земледельческо-скотоводческих племен Европы являются знаменитые свайные поселения в Швейцарии и в соседних с ней областях, известные сейчас в количестве четырёхсот. Древнейшие свайные постройки

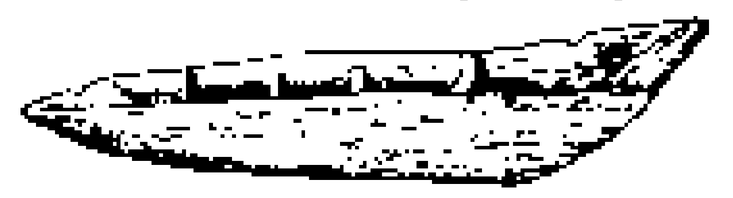
Кирка из рога, насаженного на деревянную рукоять.

[1] Менгир — одиночно поставленный большой камень. Дольмен — склеп из больших каменных плит. Кромлех — сооружение из менгиров, поставленных по кругу.

относятся к III тысячелетию до н. э. Остальные существовали в начале II тысячелетия, когда уже в большей части Европы происходит переход к бронзовому веку.

Деревянная колотушка, употреблявшаяся как мялка при обработке льна.
Неолит. Культура свайных построек. Швейцария.

В свайных постройках найдено огромное число каменных и костяных орудий — топоров, долот и тёсел, служивших для обработки дерева. Многие из них были закреплены в деревянные рукоятки при посредстве специальных муфт или втулок из рога. Благодаря консервирующему действию болотных почв и торфа сохранилось множество деревянных орудий и предметов домашнего быта — деревянная посуда, столы, скамейки, части ткацких станков, лодок, веретён, луков и прочих изделий. Сохранились также зёрна растений, остатки сетей, тканей и прочих материалов, бесследно исчезающих в обычных условиях. Это позволяет с большой полнотой и точностью восстановить жизнь и культуру жителей свайных поселений, основой существования которых было главным образом разведение домашнего скота и земледелие.

Челнок-однодерёвка.
Неолит. Культура свайных построек.

Домашних животных было известно пять видов: быки, свиньи, козы, овцы и собаки. Все эти животные были мелкой породы. Возникновение таких пород животных объясняется, как полагают, тяжёлыми условиями, в которых они существовали, и в первую очередь плохим уходом и недостаточным питанием.

Землю обрабатывали мотыгами из дерева, камня, кости или рога оленя. Мотыгами разрыхляли землю на освобождённых от леса участках вблизи озёр. Хлеб жали кремнёвыми серпами. Зерно вымолачивали деревянными колотушками и растирали в муку или крупу на каменных ручных зернотёрках овальной формы. Вблизи свайных жилищ в болотной почве сохранились следы мякины, смешанной с зёрнами сорных растений. Уцелели даже выпеченные жителями свайных поселений хлебцы, имевшие форму маленьких круглых лепёшек. Лепёшки были изготовлены из пшеницы, проса и ячменя. Сеяли также горох, чечевицу, морковь, пастернак, мак и лён. Существовали и плодовые деревья — яблони, разводился виноград. Сохранились остатки специальных сверлильных станков с лучком, которыми сверлили отверстия в камне. Таким же лучковым сверлом добывали огонь. Лён пряли при помощи деревянных веретён, на которые надевались глиняные кружки-пряслица, служившие маховичками. Ткани вязали из ниток деревянными вязальными крючками, их ткали

Свайные постройки.
Неолит — энеолит. Швейцария. Реконструкция.

также на примитивном ткацком станке. Выделывались глиняные сосуды различной формы.

При таком уровне развития хозяйства естественным было и существование первобытного натурального обмена: имелась потребность в материалах, которых не было в данном районе, и, очевидно, существовали некоторые излишки продуктов скотоводства. В свайных постройках Западной Швейцарии встречаются длинные пластинчатые ножи и шлифованные топоры, изготовленные из своеобразного желтоватого кремня, который добывался и обрабатывался на Нижней Луаре, во Франции. Оттуда такие изделия расходились также в другие области Франции, нынешней Бельгии и Голландии. Население свайных швейцарских построек получало также янтарь из Прибалтики, средиземноморские кораллы и раковины. Однако обмен имел ещё очень ограниченные масштабы и, конечно, не мог содействовать разложению первобытно-общинного строя.

Свайные постройки наглядно свидетельствуют о прочности и силе первобытно-общинных порядков. Чтобы вырубить и заострить каменными топорами сотни и тысячи свай, доставить их к берегу озера, а затем вбить в топкую почву, требовалось огромное количество рабочих рук. Должен был существовать стройно организованный и дружный коллектив. В те отдалённые времена подобным коллективом могла быть только родовая община, спаянная коллективным производством и нерасторжимыми кровными узами.

Каждое свайное поселение и каждая деревня древних земледельцев и скотоводов каменного века представляли собой одно сплочённое целое. Все члены этого объединения общими усилиями строили среди озёр своё гнездо, сообща защищали его от нападения врагов. Они вместе распахивали свои поля, совместно убирали урожай, вместе справляли свои общинные праздники и торжества.

Разделение труда внутри общины имело, очевидно, естественный характер. Мужчины - занимались охотой, рыбной ловлей, выполняли самые тяжёлые физические работы, в особенности расчистку почвы под посевы и обработку пахотной земли; они строили дома и вбивали сваи, выделывали из камня и кости орудия труда, деревянную утварь. Женщины ухаживали за посевами, жали, молотили, растирали зерно на зернотёрках, пекли хлеб, запасали продукты впрок, собирали дикорастущие съедобные травы, плоды и ягоды. Вероятно, они же приготовляли одежду, делали глиняную посуду.

Общественными делами посёлка, в том числе организацией труда, как и в других подобных обществах, по-видимому, руководил совет взрослых членов общины, а повседневная жизнь шла под управлением выборных старшин и вождей.

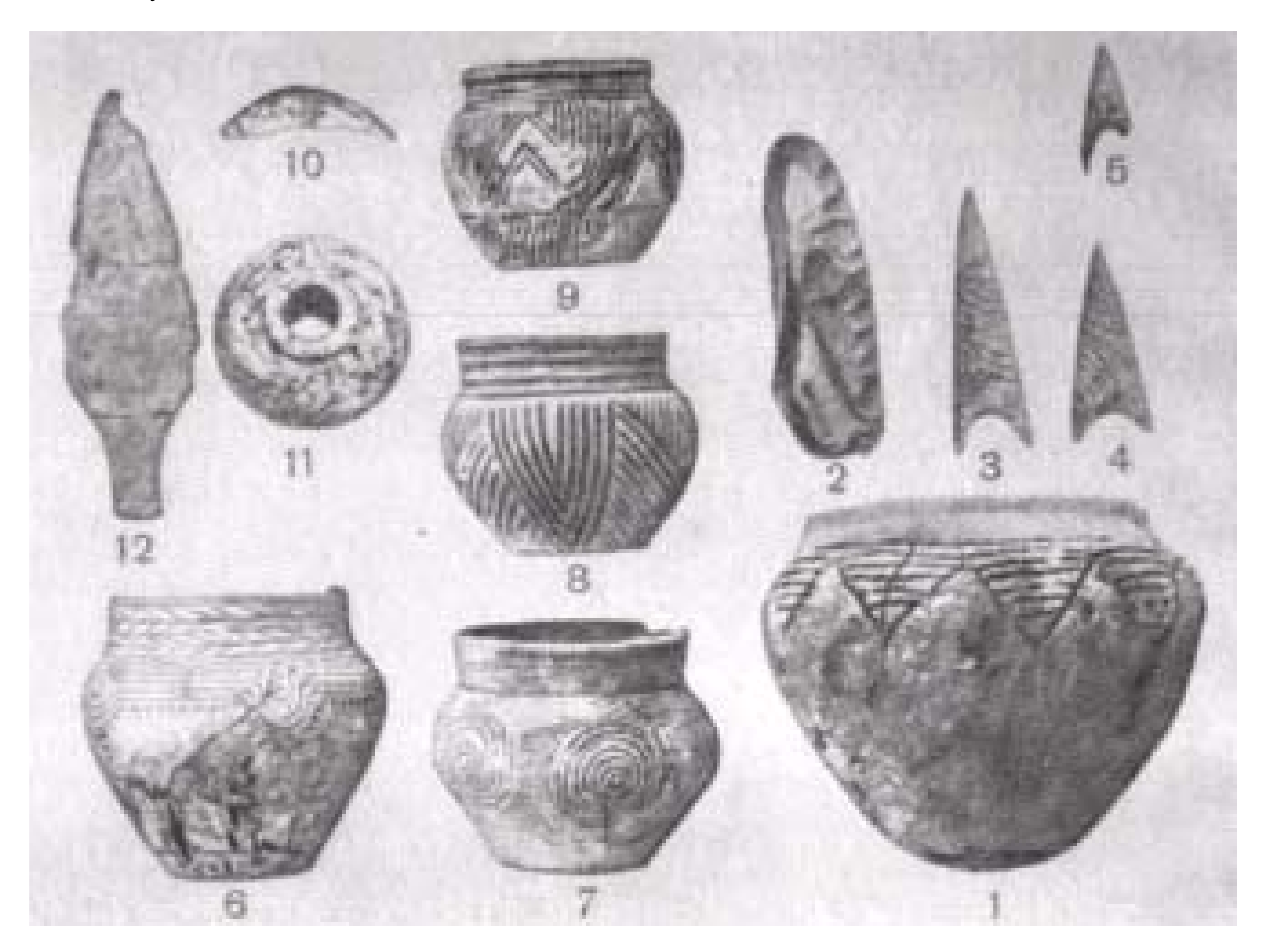
Следует отметить, что такие же свайные постройки найдены и в других областях Европы — в Северной Италии, Южной Германии, Югославии и в Северной Европе — от Ирландии до Швеции. Имеются их остатки и на севере СССР, в Вологодской области и на Урале. Таково, например, свайное поселение на реке Модлоне (Вологодская область). Оно было расположено на узком мыске, образованном рекой Модлоной и впадающей в неё рекой Перечной. Раскопками обнаружено два ряда домов, основанием которых служили вбитые в землю сваи.

Все дома в плане приближались к четырёхугольнику. Стены были сделаны из плетня, крышу покрывала берёста. На полу домов и между домами найдены различные изделия из кости, камня и дерева. Найдены также янтарные украшения восточно-балтийского происхождения.

В целом древний посёлок на Модлоне даёт картину такой же крепко сплочённой общинной жизни, как и другие, описанные выше свайные поселения конца каменного века.

Племена южнорусской степи в III тысячелетии до н. э.

Степные пространства между реками Днепром и Уралом в первой половине III тысячелетия были заселены племенами, которые занимались охотой и рыболовством и оставили нам курганы в степных просторах по Волге и Дону, в левобережной Украине, в излучине и в низовьях Днепра. Под этими курганами находят погребения в простых грунтовых ямах. В «ямных» курганах более позднего происхождения найдены кости домашних животных, остатки повозок — признаки, свидетельствующие о начало скотоводства, а также отдельные поделки из меди.

Сосуды и орудия из ямных (1—3) и катакомбных (4—12) погребений.

В приморской зоне еще целиком сохранялся неолитический быт. Жизнь ее населения ярко отразил Мариупольский могильник, оставленный на самом берегу Азовского моря племенем, жившим главным образом рыболовством и охотой, еще не знавшим металла и сохранявшим в своих обрядах, в быту, в одежде те же черты неолитической поры, которые мы отмечали на Северном Кавказе по материалам Нальчикского поселения и могильника. Здесь архаизм этого быта был ещё более глубок; племенами, жившими в приморской зоне, ещё не было освоено даже производство глиняной посуды.

Только во второй половине III тысячелетия — несомненно, в связи с тем подъёмом, который наметился в экономике Северного Кавказа, — начинает быстрее развиваться и население азово-черноморских, прикубанских и прикаспийских степей.

Этот новый этап в истории племён, живших на нашем Юге в период энеолита, представлен так называемыми катакомбными курганами в степях между Волгой и Днепром [1]. В это время там жили племена, тесно связанные с Северным Кавказом. Они восприняли достижения кавказских племён в металлургии меди, в земледелии и скотоводстве. Племена эти, по-видимому, образовали несколько объединений, в известной мере отличавшихся друг от друга по деталям своей культуры. При этом можно заметить, что катакомбные погребения встречаются на востоке в более древнее время, чем на западе.

Расселение племён на запад

Создаётся впечатление, что племена, оставившие нам катакомбные погребения, распространялись с востока на запад в течение XXIII в. до н. э. и следующих столетий. На западе они вошли в столкновение с трипольскими племенами, оттеснили их со Среднего Днепра и проникли в Польшу, где мы также находим погребения, в которых встречается керамика, близкая к керамике, характерной для катакомбных курганов и для Северного Кавказа.

Причину такого широкого расселения племён, оставивших катакомбные курганы, нужно искать в характере их хозяйства. Начинался процесс развития скотоводства, племена становились более подвижными; земледелие в их жизни играло меньшую роль. Потребности кочевого скотоводства вызывали переселения на больших пространствах. Из-за пастбищ возникали военные столкновения. Следует заметить, что приручение животных и охрана стад были делом мужчин. Поэтому скот принадлежал мужчине и наследовался не материнским родом, а сыновьями мужчины. Это приводило постепенно к концентрации имущества в отдельных семьях и в конце концов раскалывало родовую общину, которой противостояла теперь большая патриархальная семья. Её составляли несколько поколении прямых родственников по отцовской лилии, находившихся под властью старейшего. Рост богатства и появление имущественного неравенства влекли за собой и появление рабства. Это отмечено частым насильственным погребением в катакомбах невольниц вместе с мужчиной. Скот был здесь первой формой богатства, позволившей накапливать значительные излишки.

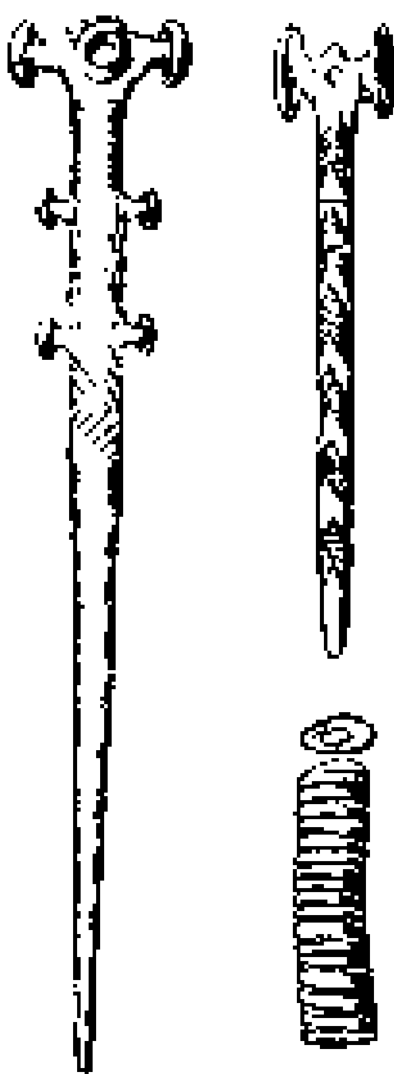

Человек периода энеолита. Нижнее Поволжье. Культура ямных погребений.
Реконструкция М. М. Герасимова.

[1] Название происходит от способа погребения в этих курганах: оно производилось в своего рода катакомбах — камерах, выкапывавшихся в одной из стенок в нижней части входного колодца погребения.

Проникновение на запад племён, оставивших катакомбные курганы, не ограничивалось территорией Польши. Катакомбные погребения прослеживаются вплоть до Словении. Так называемый шнуровой орнамент на местной посуде был самым тесным образом связан с орнаментацией сосудов из катакомбных курганов. Этот орнамент был распространён в конце III тысячелетия до н. э. на территории нынешних Венгрии, Австрии (в Зальцбурге) и северной части Югославии.

В начале II тысячелетия до н. э. в Европе, особенно в Северной и Средней, была широко распространена шнуровая орнаментация посуды. В ряде областей появились амфоры северокавказских форм (например, саксо-тюрингская керамика), а также распространились типичные для ямных и катакомбных погребений украшения, прежде всего жезловидные булавки.

Жезловидные булавки из ямных и катакомбных погребений.

Значительные изменения происходят в хозяйстве населения указанной зоны. Там развивается скотоводство и во многих районах оно становится основной отраслью хозяйства. Изменяются в этом направлении хозяйство и культура более древних племенных объединений. Одновременно аналогичные изменения происходят и на территории, ещё недавно занятой племенами, создавшими трипольскую культуру.

Все эти факты говорят о том, что в конце энеолита Европа переживала глубокие изменения, вызванные проникновением на запад из степей Восточной Европы населения, нёсшего с собой много нового в технике, в сельском хозяйстве, в керамическом производстве и других областях культуры. Это подтверждает предположение некоторых исследователей-языковедов, что племена, говорившие на древнейших индоевропейских языках, — восточного происхождения, и это объясняет наличие родственных языков индоевропейской семьи на огромных пространствах от Инда до Западной Европы.

В Средней Европе и на Рейне племена, пришедшие с востока, встречались и смешивались с другой, западной группой племён, распространявшейся, по-видимому, из Испании (так называемые «племена колоколовидных кубков»). Это смешение могло сыграть решающую роль в процессе распространения дальше на запад индоевропейских языков, подчинявших и здесь старые языки неолитической Европы и формировавших новые языки — кельтской и других древних западноевропейских групп индоевропейской семьи языков. Аналогичный процесс происходил в начале II тысячелетия и в лесостепной зоне Восточной Европы. Сюда также проникли южные племена, связанные с днепровско-деснинской группой среднеднепровских племён. Их продвижение отмечено ранними памятниками так называемой фатьяновской культуры, открытыми сначала в Брянской, а затем в Московской области [1]. Позднее они распространились по всему Волго-Окскому междуречью, развивая здесь ещё неизвестные местному неолитическому обществу скотоводство, высокие формы металлургии и керамического мастерства. Однако здесь их судьба была иной, чем в Западной Европе. В лесных областях Волго-

[1] Культура названа фатьяновской по месту находок у села Фатьяново, около города Ярославля.

Окского междуречья они не смогли успешно применить свои южные формы хозяйства и были поглощены местными неолитическими племенами. Только наиболее восточная их часть, заселившая территорию современной Чувашии и Нижнее Прикамье, продолжала существовать и впоследствии.

3. Поздненеолитические племена охотников и рыболовов в Азии и Восточной Европе

Новокаменный век, как мы видели, начинается в лесной полосе Азии и Европы в V—IV тысячелетиях до н. э., но достигает полного развития лишь в конце IV и в III тысячелетии, когда в долинах великих рек субтропиков уже развилось ирригационное земледелие, происходил распад первобытно-общинного строя, возникали государства.

В лесах Азии и Европы в это время первобытно-общинный строй находился в расцвете. Но, хотя условия производства еще не позволяли здесь перейти к другой, более высокой ступени развития человеческого общества, охотничьи и рыболовческие племена Севера в это время также достигли немалых успехов в области техники; и здесь тоже происходило постепенное улучшение условий жизни человека.

Рыболовы и охотники Дальнего Востока

Северо-восточные окраины азиатского материка в ранненеолитическое время были заселены уже достаточно густо. Обитатели Дальнего Востока научились в это время шлифовать камень и достигли в этом деле значительного по тому времени мастерства. У этих племён появились лук и стрелы. Широко распространилось гончарное дело. Развивается новая отрасль хозяйства, ставшая основой всей жизни этих племён, всей их культуры, — рыболовство.

Можно предполагать, что население Приморья с переходом от простого собирательства съедобных моллюсков и трав к рыболовству гораздо полнее освоило и морские просторы. Рыбаки и охотники прибрежных поселений на неуклюжих лодках, изготовленных каменными топорами, передвигаются от бухты к бухте, от одного залива к другому, а затем проникают и на соседние острова, многие из которых, вероятно, до этого ещё не видели человека.

Развитие рыболовства, а также связанного с ним собирательства и морского зверобойного промысла совершенно изменило жизнь обитателей Приамурья и других соседних с ним областей, от Камчатки на севере до Кореи и островов Рюкю на юге. Население, значительно лучше, чем прежде, обеспеченное пищей, увеличилось. Густая сеть оставленных древним человеком стоянок и раковинных куч покрывает все эти пространства. На одних только Японских островах в 1930 г. было сосчитано 10876 неолитических стоянок, 617 раковинных куч, 30 гротов с культурными остатками и 86 неолитических могильников. Такое же изобилие неолитических памятников открыто и в других областях Дальнего Востока.

Одновременно коренным образом изменился характер поселений. Вместо маленьких стойбищ повсюду распространились крупные посёлки, выросли настоящие деревни каменного века. И это понятно: рыбаки и морские зверобои неизбежно оседают в тех местах, где находятся лучшие рыболовные тони, где скопляется больше всего рыбы, а заготовленные впрок запасы рыбы дают возможность проводить круглый год без особо тяжёлых забот о пропитании.

Соответственно оседлому образу жизни изменились и жилища. Временные летние постройки вроде шалашей или навесов с небольшими очагами зимой заменялись здесь солидными полуподземными строениями. Имелись также различные другие постройки типа складов, сушилен для рыбы и т. п. К несколько более позднему этапу местного неолита относятся обширные деревни, состоявшие из огромных землянок глубиной до 4 *м,* а в окружности около 90 *м*.

Следы больших поселений, состоявших из обширных жилищ-полуземлянок, обнаружены на территории Приморья, как в глубине страны, так и вдоль морских

берегов. Таково, например, поселение, обнаруженное в 1953 г. в долине реки Тетюхе. Древние жилища располагались здесь на небольшом мыске у речки Монастырки. Форма их была овальной и округлой. Глубина достигала 1 *м*. На дне землянок имеются остатки очагов и мастерских, где выделывались каменные орудия. Найденные тут же готовые орудия и их обломки дают в полной мере представление об успехах обитателей Тетюхинского посёлка каменного века в обработке камня и вместе с тем свидетельствуют об исключительно важной роли этого материала в их жизни. Из камня выделывались острые кремнёвые наконечники стрел, превосходные по тем временам ножи, острия и скребки разнообразных форм, а также шлифованные тёсла и топоры. Это была, следовательно, вполне зрелая культура каменного века, достигшая высокого уровня развития. Тут же найдено множество обломков глиняных сосудов.

Оседлость содействовала и упрочению общественных связей. При обширных размерах неолитических жилищ сооружение их могло быть делом рук только большого и хорошо сплочённого коллектива. Тесная связь членов этого коллектива, основанная на кровном родстве и общинном хозяйстве, отразилась и в планировке посёлка. Там, где землянки невелики по размерам, они всегда группируются целыми десятками на одном месте. Они плотно примыкают друг к другу, как пчелиные соты в улье.

В это время ещё господствовал материнский род. Археологические данные указывают на высокое положение женщины, на её важную роль в жизни родовой общины. Так, до нас дошли, например, женские скульптурные изображения из неолитических поселений Японских островов. В этих скульптурах можно видеть изображения мифических «владычиц» и «родоначальниц» периода материнского рода.

Поднявшись до уровня развитой неолитической культуры, древние рыболовы Амура и Приморья создали очень яркое по тем временам бытовое искусство. Наиболее характерным для керамики является орнамент из врезанных и расписных цветных спиральных узоров или сложной сетки из широких лент с ромбическими ячейками.

На Амуре неолитическое искусство ближайшим образом связано с современным искусством местного населения. На Японских островах прослеживается такая же родственная связь искусства современной народности айнов с древним неолитическим искусством.

Искусство неолитического населения Японских островов, Приамурья и Приморья имеет, вместе с тем, известное сходство с энеолитической расписной посудой Китая. Такое сходство можно объяснить наличием связей у охотников-рыболовов севера Азии и Японских островов с древнейшими земледельцами Китая.

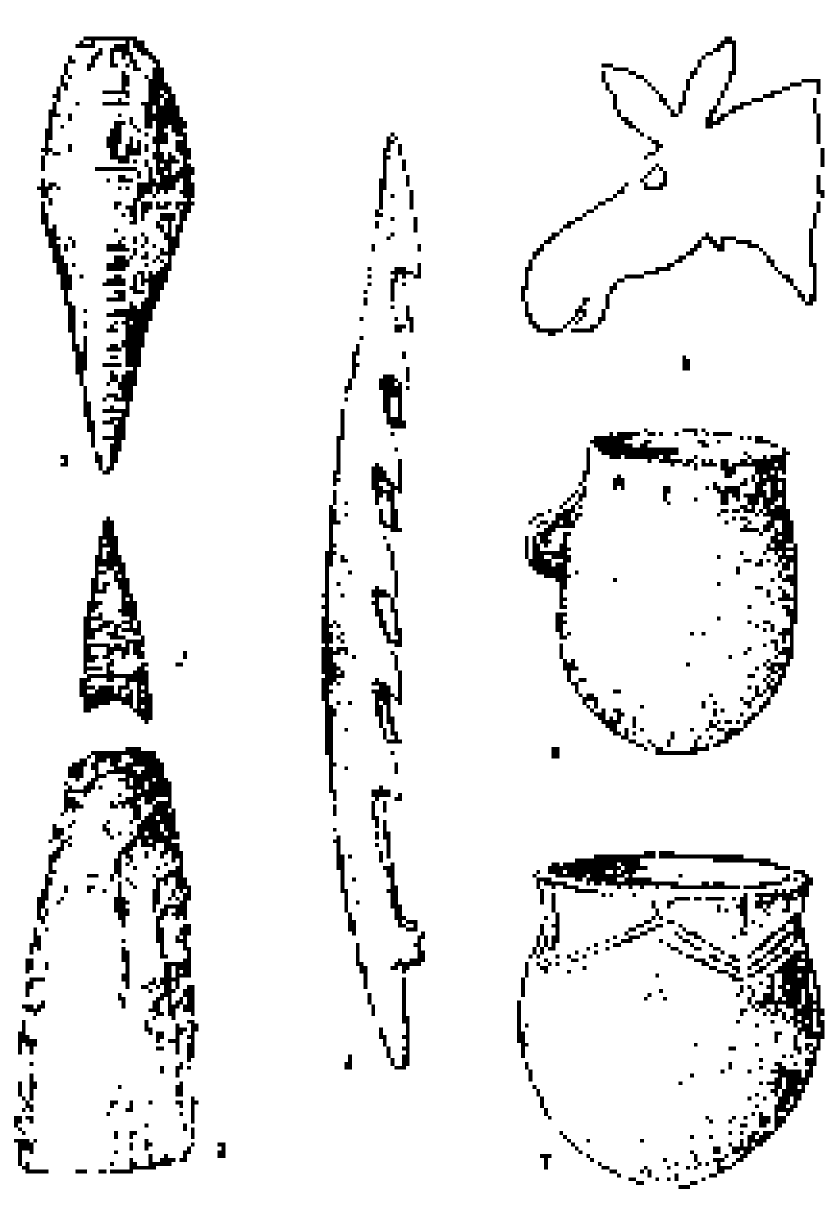
Неолит в лесной полосе Северной Азии

Наиболее устойчиво сохранялись древние формы жизни и культуры в лесах Северной Азии и Восточной Европы. У лесных племён Прибайкалья и Южной Сибири только в III тысячелетии можно заметить известные изменения в материальной культуре. Однако, внося некоторые усовершенствования в быт, эти изменения не могли привести к коренным переменам в общественной жизни. Старый неолитический уклад жизни охотников и рыболовов продолжал существовать, лишь медленно изменяясь. И тогда, в III тысячелетии до н. э., лесные обитатели Сибири продолжали вести свою прежнюю жизнь охотников, рыболовов и собирателей. Весь их ум, вся их недюжинная изобретательность, все их духовные и физические силы были направлены на борьбу за существование в суровых условиях сибирской тайги. И надо признать, что они создали едва ли не наиболее совершенную в условиях каменного века материальную культуру, хорошо приспособленную к охотничье-рыболовческой жизни в этих лесах, простиравшихся от Енисея до Тихого океана и от степей Забайкалья до тундры.

Они уже в совершенстве овладели всеми приемами неолитической техники обработки камня и кости. Разыскивая самые лучшие с их точки зрения породы камня,

они нашли в низовьях Ангары целые скалы превосходного кремнистого сланца, открыли в кембрийских известняках на Лене и Ангаре жилы кремня. В Саянских горах и в руслах стекающих с них таёжных рек они обнаружили месторождения зелёного нефрита, который приобрёл затем исключительную роль в их технике. Лесные мастера настолько освоились с этим своеобразным и неподатливым камнем, что нефрит стал основным материалом для изготовления их орудий труда.

В могилах этого периода на Ангаре и Лене обнаружены остатки девятнадцати луков, в устройстве которых вместе с деревом использованы были узкие пластины, вырезанные из рога лося, общей длиной от 1,2 до 1,6 *м*, т. е. во всю длину лука, почти равного человеческому росту. Это были древнейшие из всех известных нам в настоящее время луков усиленного или даже сложного типа, представляющие собой самую высокую ступень в развитии лука вообще.

Неолит Прибайкалья:
1 —каменное изображение рыбы — приманка, **2** — наконечник стрелы, **3** — шлифованное тесло из сланца, **4** — гарпун, **5** — наскальное изображение лося, **6** — глиняный сосуд-дымокур, **7**—глиняный сосуд для варки пищи.

Наивысшего расцвета достигают теперь орудия вкладышевого типа, в первую очередь необходимые охотнику длинные прочные наконечники копий и кинжалы со вставленными в их рёбра геометрически правильными по очертаниям прямоугольными пластинами из полупрозрачного халцедона, лучших разновидностей кремня, цветной яшмы и кремнистого сланца.

В распоряжении лесного охотника были, наконец, и разнообразные подсобные инструменты — ножи для расчленения на части туши убитого зверя, скребки и резаки для выделки и раскройки шкур, шилья, тонкие костяные иголки для изготовления одежды. У него были украшенные геометрическим орнаментом глиняные сосуды для приготовления пищи и даже ложка из лосиного рога, которой он черпал суп из своего остродонного горшка. Летом неолитического охотника на Ангаре и Лене всегда сопровождал миниатюрный глиняный сосудик с ушками для подвешивания — дымокур, в котором курился мох, тлели торф и древесные ветки. Неолитические обитатели тайги настолько свыклись с таёжным гнусом, что не представляли без него даже и загробной жизни: вместе с умершими они клали в могилы эти

сосудики-дымокуры, столь существенно облегчавшие их нелёгкую таёжную жизнь в реальной земной действительности.

Разработанные в практике лесного охотника остроумные способы добычи зверя с помощью различных приманок они с успехом перенесли и в область рыбной ловли. В неолитических погребениях найдены искусно сделанные из кости и камня скульптурные фигурки рыб. Точно такие же по форме и размерам костяные, реалистически выполненные изображения рыбок в качестве приманок употреблялись вплоть до настоящего времени эскимосами, индейцами-алгонкинами, ненцами, эвенками и другими обитателями тайги и тундры при рыбной ловле.

Лесные племена создали с течением времени и многое другое, облегчавшее их трудную жизнь в тайге. Они заменили свои древние переносные жилища шатром конической формы, покрытым берестой, вываренной для гибкости и сшитой длинными полотнищами; изобрели скользящие лыжи, открывшие им возможность широкого освоения таёжных пространств в зимнее время; создали удобную для быстрых передвижений пешком в условиях суровой сибирской зимы одежду из оленьих шкур; научились шить лёгкую прочную обувь из шкуры с лосиных ног.

Жизнь в тайге определила не один только хозяйственно-бытовой уклад или материальную культуру. Она глубоко сказалась также и на мировоззрении первобытных лесных племён Сибири во времена родового строя, создала главные сюжеты и образы их искусства, где на первом месте находился, как и в палеолите, образ зверя; она нашла своё отражение также в религиозных верованиях и обрядах. Особо важную роль в жизни неолитических племён Сибири играли лось и медведь.

У многих лесных племён сложилась обрядность, связанная с культом этих животных. Почти у всех охотничьих племён Сибири, а также и у многих племён Северной Америки существовал, например, так называемый «медвежий праздник», занимавший большое место в их общественной жизни, в их культе и искусстве. В первой части этого обрядового представления медведя, выращенного в неволе, убивали. Затем происходило поедание мяса убитого зверя членами родовой общины и совершалось чествование его по всем правилам родового гостеприимства. В третьей части этого охотничьего обряда совершались похороны костей и некоторых частей тела зверя. Обряды имели своей целью воскрешение зверя, который затем должен был снова вернуться к охотникам и даже привести с собой своих сородичей, привлечённых почётом и гостеприимством людей.

В «медвежьем празднике» исключительно отчётливо выразились представления людей родового общества, смотревших на мир животных, как на часть их собственного общества, мысливших отношения людей и зверей как отношения двух родов или племён. Такой же общинно-родовой характер имели обрядовые торжества, связанные со столь же древним охотничьим культом лося.

Данные этнографии свидетельствуют, что образ лося занимает первое после медведя место в охотничьем культе и в своеобразном зверином эпосе народов Северной Азии. Даже употребление в пищу оленя или лося совершалось в соответствии с традиционными правилами, освящёнными веками. Кости съеденного животного хоронились затем по особому ритуалу. Охотники Северной Азии верили, что сама земля является живым существом в облике зверя — лося или, точнее, гигантской лосихи. Такие верования были известны у ряда племён Сибири и Дальнего Востока. Так, орочи представляли себе землю в виде восьминогого лося без рогов. Они верили, что леса на земле — это шерсть восьминогой лосихи, а птицы — это вьющиеся над ней комары. Когда лосиха устаёт и переступает с ноги на ногу, происходят землетрясения. В религии нганасанов божество земли имеет вид северного оленя: «Вот мы живём на спине этого оленя», — говорили нганасаны исследователям, изучавшим их верования. В других случаях лось или олень отождествляется со звёздами, солнцем и вообще с небесной стихией.

Неолитические племена лесной полосы Восточной Европы

Во многом близкими путями шла история лесных племён Урала и европейской части СССР. Древнее население Урала III—II тысячелетий до н. э. оставило нам стоянки и святилища по берегам озёр. Многие из этих озёр скоро превратились в торфяники. Благодаря этому здесь сохранилось множество вещей из дерева — рукоятки топоров, вёсла и большое число предметов художественной резьбы в виде фигурок и голов животных, украшающих сосуды и другие изделия. Особенно много находок сделано на Шигирском торфянике, давшем имя этой поздненеолитической культуре уральских племён.

Человек периода неолита. Приуралье.
Шигирская культура.
Реконструкция М. М. Герасимова.

Одним из важнейших центров расселения неолитических племён в этих лесных областях Восточной Европы был Волго-Окский район, изобилующий поселениями различных этапов неолита.

Наиболее ранние обитатели Волго-Окского района, стоянки которых исследованы археологами, находились ещё в значительной мере на уровне мезолитической культуры. Однако применительно к III тысячелетию до н. э. и здесь можно с уверенностью говорить о неолите; как уже упоминалось, есть основания даже предполагать его более раннее начало. К числу наиболее ранних из обнаруженных памятников неолитической культуры относится Льяловская стоянка, расположенная на берегу реки Клязьмы, в 40 *км* к северу от Москвы.

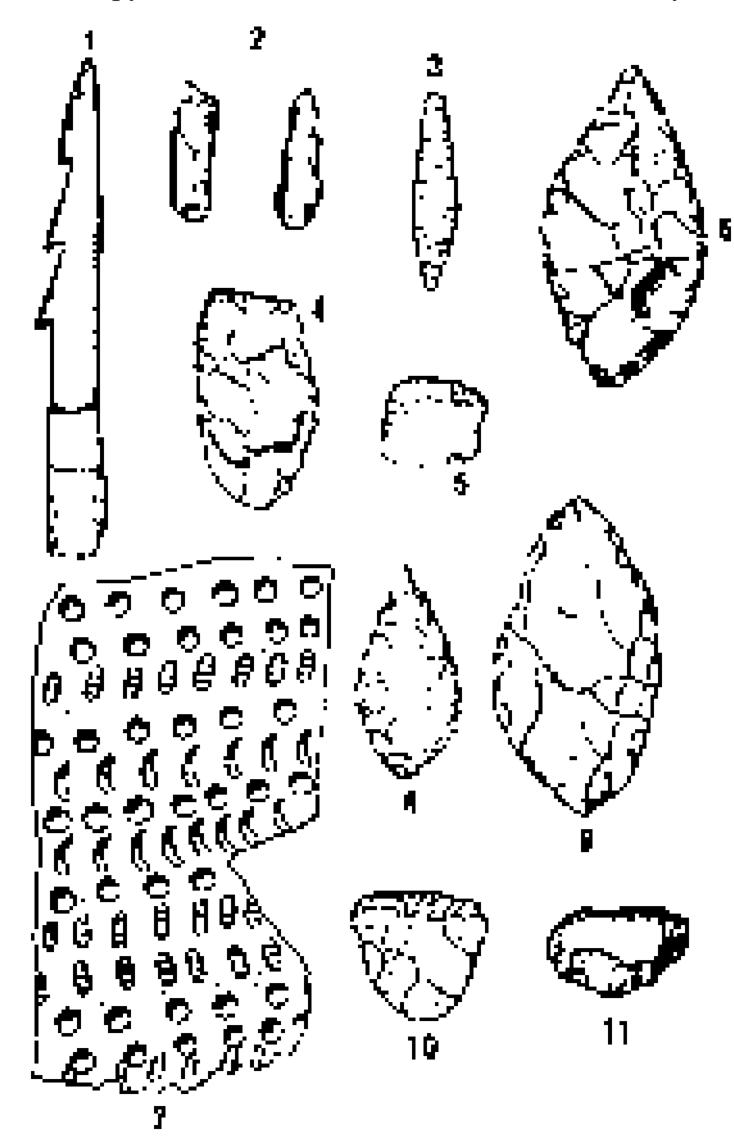
Древние люди поселились здесь на берегу широкого пресноводного бассейна, скорее всего — большого озера, соединяющегося с рекой протоками. Их окружали заросли камыша и осоки. Поблизости росли широколиственные леса, характерные для Центральной России в начале III тысячелетия до н. э.

Первое место в каменном инвентаре льяловцев принадлежит изделиям нового типа — грубо оббитым крупным орудиям в виде мотыг, резаков и колунов. Обыкновенно они имеют вид овальных или миндалевидных клинков, оббитых с обеих сторон широкими сколами. Такими орудиями можно было копать землю, рубить дерево, дробить кости животных и вообще выполнять различные работы, где требовалось острое и массивное лезвие. Вместе с этими предшественниками шлифованных топоров и тёсел здесь обнаружены также и чисто неолитические наконечники дротиков, а также наконечники стрел, сменившие более древние пластинчатые наконечники мезолитических форм.

Появилась и керамика. Употреблявшиеся жителями Льяловской стоянки глиняные горшки были круглодонными или остродонными, вылепленными от руки. Самой яркой чертой льяловских горшков был их орнамент. Он состоял из простых

круглых ямок, чередовавшихся с зубчатыми полосками, образованными как бы оттисками гребёнки с небольшими, тесно расположенными зубцами. Так в Волго-Окском районе зарождается эта характерная «ямочно-гребенчатая» или иначе «ямочно-зубчатая» орнаментация, в поздненеолитическое время распространившаяся на обширных пространствах лесной полосы Восточной Европы у населявших её различных племён.

Неолитические общины Волго-Окского района в это время по-прежнему охотились на лосей и других лесных животных, добывали лесную и водоплавающую птицу, а также с успехом ловили рыбу в своём озере и соседних с ним водоёмах. Основными орудиями рыболовства, как и в мезолите, служил, по-видимому, гарпун из кости рога. Большое значение в пище обитателей Льяловского поселения имели моллюски, раковины которых в большом количестве встречаются в культурном слое.

Предметы из неолитических поселений.
Льяловская культура. III тысячелетие до н. э.
1 — костяной гарпун; **2, 4**— кремнёвые резцы; **3**, **8** — кремнёвые наконечники стрел; **5**,**10** и **11**—кремнёвые скребки;
6, 9 — кремнёвые «пики»; **7** — обломок глиняного сосуда.

Все эти черты образа жизни, хозяйства и культуры древних льяловцев унаследованы были от них последующими обитателями Волго-Окского района, которые развили дальше это наследство и создали своеобразную поздненеолитическую культуру, сыгравшую, как мы увидим дальше, весьма важную роль в, истории не только этого района, но и других, значительно более отдалённых областей европейского Севера.

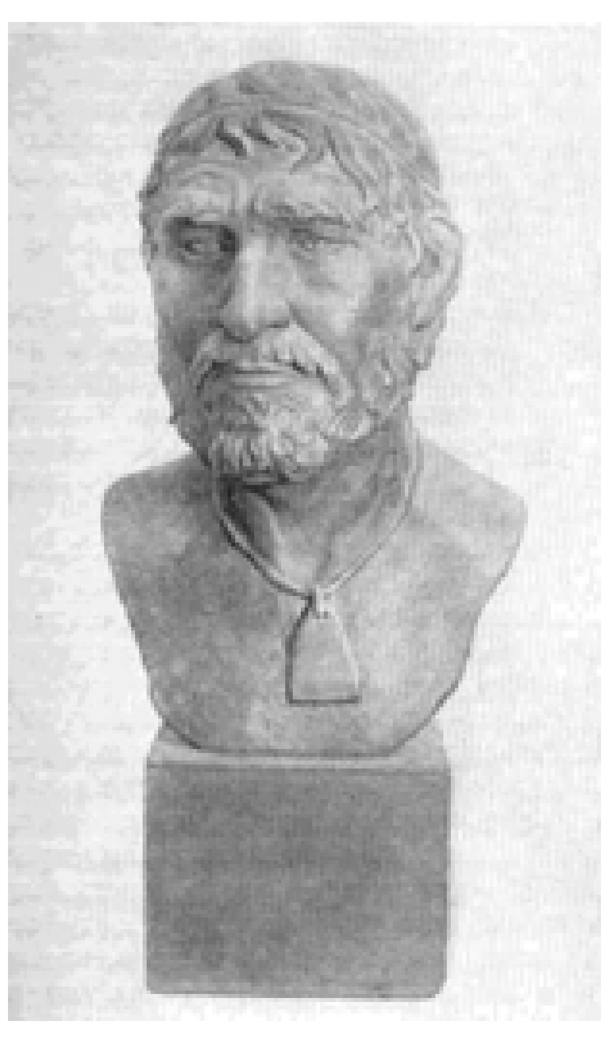
Волосовская культура

Ранее уже упоминалось о проникновении в Волго-Окское междуречье южных племён, связанных с днепровско-деснинской группой среднеднепровских племён, знавших уже металлы. Но это не привело к распространению в этих районах культуры энеолита. Видимо, пришельцы были поглощены местным неолитическим населением; во всяком случае здесь неолит продолжался еще и по II тысячелетии до н. э. Местные неолитические культуры III—II тысячелетий во многом непосредственно продолжают традиции предшествующего льяловского времени.

Изучение материалов поселений этого времени в Волго-Окском районе позволило выявить ряд местных групп, каждая из которых, по мнению исследователей, соответствует определённому племени или группе племён. Археологи выделяют на Оке культуры, называемые условно клязьминской, белёвской, рязанской, волосовской и балахнинской. Каждая из этих культур имеет свои отличительные особенности, главным образом в мелких, но специфических для каждой племенной

группы или для каждого племени деталях орнаментики глиняных сосудов. Каждая из культур проходила свой определённый путь развития. Но у них было и много общего в хозяйстве и образе жизни, в материальной культуре, обычаях и верованиях, а также, должно быть, и в языке. Ряд исследователей полагает, что языки этих племён принадлежали к финно-угорской семье.

Такая общность культуры, несомненно, объясняется общностью происхождения этих племён, а также наличием между ними разнообразных связей. Можно поэтому в качестве образца взять для характеристики жизни и культуры волго-окских племён в III—II тысячелетиях до н. э. одну из групп этих племён, волосовскую, которая представляла собой мощное племенное объединение, игравшее видную роль среди других окских племён.

Человек периода неолита. Волго-Окский район. Волосовская культура. Реконструкция М. М. Герасимова.

Древние волосовцы оставили на Волосовской стоянке, давшей наименование всей этой культуре, множество каменных и костяных изделий и обломков глиняных сосудов. Эти остатки с большой наглядностью свидетельствуют о достигнутом волосовцами уровне технического развития. Они с большим по тем временам искусством и мастерством выделывали шлифованные и обработанные тончайшей отжимной техникой каменные орудия; на Волосовской стоянке оказался даже целый клад таких превосходно выполненных вещей. Все эти вещи были, вероятно, намеренно зарыты в землю в минуту опасности. Виртуозно обрабатывая кремень отжимной техникой, волосовские мастера выделывали из этого материала и предметы искусства в виде фигурок животных и птиц.

Волосовцы столь же искусно изготовляли глиняные сосуды большого размера — круглодонные и остродонные, с толстыми стенками, щедро украшенные орнаментом. В основе орнаментики находятся всё те же привычные для лесной полосы Восточной Европы сочетания глубоких ямок с «гребенчатыми» оттисками, расположенными горизонтальными полосами по всей наружной поверхности сосуда. Со временем, однако, орнамент волосовских сосудов сильно видоизменяется. В орнаменте появляются заштрихованные треугольники, что, видимо, свидетельствует о наличии связей с более южными племенами, применявшими геометрические узоры.

Основой жизни волосовцев были охота и рыбная ловля. Рыбу добывали костяными гарпунами и крючками. Но еще более важное хозяйственное значение должны были иметь сети (отпечатки сетей сохранились на некоторых глиняных сосудах). Охотились волосовцы на лося: основная масса костей, обнаруженных при раскопках поселений, принадлежит лосю. Добывались также кабан, медведь, косуля, заяц, речной бобр и пушные животные — хорёк, куница; из птиц — гусь, глухарь и

рябчик. В охоте человеку помогала собака (скелет собаки был найден на Волосовской стоянке).

На раскопанных археологами стоянках волосовцев обнаружены хорошо сохранившиеся углубления, представляющие собой остатки полуподземных жилищ (полуземлянок). Иногда землянки были в плане округлыми, иногда же четырёхугольными; площадь их достигала 100 *кв. м*. На полу землянок имеются ямы от столбов и остатки сгоревших столбов. Внутри находились очаги из камней и кострища, расположенные против входа. Выходы имели вид узких коридоров с покатым внутрь полом.

Искусство волосовцев представлено изображениями человека и птиц из кремня, а также великолепно оформленной скульптурной головой утки, вырезанной из рога. Изображения водоплавающих птиц, по-видимому, свидетельствуют о существовании связанных с ними культов и мифов.

Неолитические племена Карелии

Большое количество неолитических племён существовало в это время и в других районах лесной полосы СССР. Наиболее полно изучены культуры развитого неолита Карелии и северо-запада РСФСР.

Изучение памятников этого периода раскрывает сложную историю заселения европейского Севера человеком и взаимоотношений различных этнических групп.

Древнейшие неолитические поселения Карелии и соседних районов Финляндии принадлежали племенам, уже достигшим относительно высокого уровня культуры. Они умели выделывать шлифованные орудия из камня, пользовались луком и стрелами, снабжёнными наконечниками неолитического типа, имели глиняные сосуды.

Расположение этих стоянок высоко над современным уровнем моря, озёр и рек само по себе свидетельствует об их глубокой древности: с тех пор уровень воды значительно понизился. Таково, например, поселение Сперрингс в западной части Финляндии. В основании культурного слоя здесь оказались черепки сосудов со своеобразным орнаментом. Такая же керамика встречается на древнейших стоянках Карелии — на северо-западном берегу Онежского озера, между Онежским и Ладожским озёрами, в районе Белого моря (Кемь) и в некоторых других районах. Вместе с ней встречаются крупные массивные топоры, долота и кирки, округлые в поперечном сечении, а также различные грубые изделия из кварцита и кварца, исчезающие из обихода племён Карелии к середине III тысячелетия до н. э.

К тому же времени или несколько более раннему относится и такой памятник древней культуры Карелии, как Оленеостровский могильник на Онежском озере. Характерной чертой инвентаря этого могильника являются очень архаические по форме кремнёвые наконечники стрел из крупных ножевидных пластин, а также костяные вкладышевые кинжалы, близкие к неолитическим сибирским и северо-якутским. Те же наконечники из пластин встречаются в могилах неолитического времени в Скандинавии. Эти вещи указывают, по-видимому, на связи между племенами Северной Азии и древнейшим населением Северной Европы.

В конце III и особенно во II тысячелетии до н. э. в Карелии происходят новые события, существенно изменяющие этническое лицо и культурный облик её населения. Как полагают, в это время на территорию Карелии и соседних с ней районов северо-запада СССР и Финляндии проникают новые племена; это доказывается распространением здесь новых видов орнаментики глиняных сосудов. Это были племена, заселявшие до того Волго-Окский район. С их приходом в Прибалтике широко распространяется характерная «ямочно-гребенчатая» орнаментация на сосудах и окончательно складывается местная неолитическая культура.

Как показывают раскопки неолитических поселений этого времени, основой существования их обитателей были рыболовство и охота. Неолитические рыболовы и охотники селились маленькими посёлками на сухих песчаных берегах рек и озёр,

в местах, наиболее удобных для рыбной ловли и охоты. В каждом таком посёлке жили, очевидно, люди одной родовой группы. Остальные члены этого рода могли жить и в других, соседних посёлках. Роды, очевидно, входили в более широкие, племенные объединения.

Каждый посёлок состоял из нескольких жилищ — летних и зимних. Если летом жилищами могли служить временные лёгкие постройки в виде шатров или шалашей, то зимой они заменялись более солидными сооружениями с уходящим в землю основанием. Площадь землянок не превышала 12—14 *кв. м.* Посредине находились сложенные из камней очаги, на которых горел огонь, освещавший и обогревавший землянки. Около очагов были вкопаны в землю большие глиняные сосуды, очевидно предназначавшиеся для хранения запасов пищи и воды. По сторонам от входа должны были располагаться нары.

Человек периода неолита. Северо-запад СССР (Караваиха, Архангельская область). Реконструкция М. М. Герасимова.

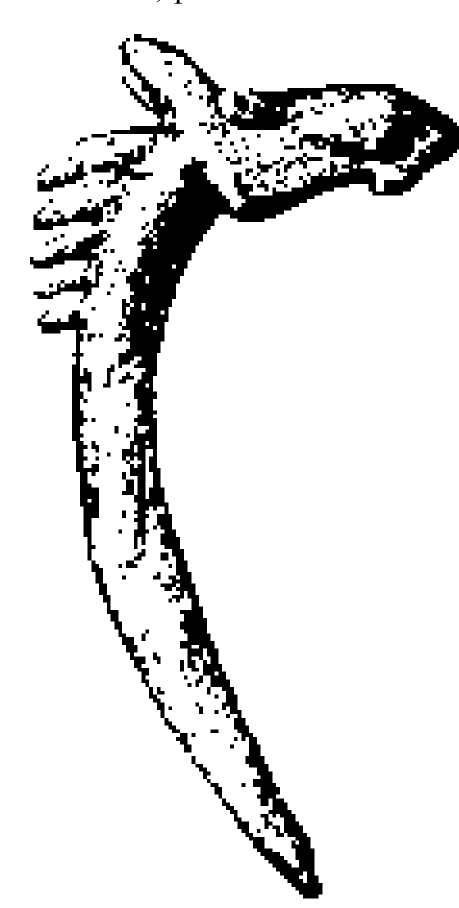
Внутри каждой родовой общины, заселявшей такой посёлок, существовал определённый строгий распорядок повседневной жизни. Женщины собирали съедобные и лекарственные растения, готовили пищу, ухаживали за детьми, лепили горшки, выделывали шкуры, пряли нитки из дикорастущих растений, ткали и шили одежду. Мужчины выделывали каменные и костяные орудия, охотились, ловили рыбу, а в приморских районах занимались также и морским зверобойным промыслом, — добывая тюленя, белуху и, повидимому, даже моржей.

Эти занятия нашли яркое отображение в искусстве северных племён, в первую очередь в замечательных наскальных изображениях Карелии, выбитых на отшлифованных ледниками гигантских глыбах гранита и скалах. Особенно выразительна в этом отношении гигантская монументальная композиция на центральной скале в Залавруге, изображающая коллективную охоту на оленей, в которой участвует целая община. В центре изображены три гигантские фигуры оленей, идущих друг за другом. Они высочены в натуральную величину на фоне громадных, многовесельных лодок, наполненных людьми. В том же направлении, куда идут эти три оленя, сходятся два ряда оленей. Впереди бегут крупные самцы с ветвистыми рогами. За ними следуют другие самцы и оленьи самки с оленятами. Сзади видна фигура лыжника с луком, направившего стрелу в последнего оленя. Очевидно, здесь изображена добыча оленей при их переправе через реку.

Многочисленны на карельских скалах изображения водоплавающих птиц — гусей, лебедей и, вероятно, уток. Кроме того, неоднократно встречаются фигуры рыб, а также китов.

Наскальные изображения выразительно рассказывают и о верованиях древнего населения Карелии. Изображения находятся обычно в таких местах, которые имели

важное значение в жизни неолитических охотников. Одно из наиболее интересных местонахождений расположено в низовьях реки Выг, при выходе к Белому морю, вблизи города Беломорска. Река Выг пересекает в этом районе гранитную гряду и образует водопады. Направляясь к морю, группа охотников издавна делала остановку около водопадов, чтобы перетащить свои суда посуху. Именно здесь, на последнем переходе к берегам Белого моря, у бурлящих водопадов, и было устроено святилище древних охотников. Здесь сходились родовые группы для того, чтобы наладить отношения между собой, здесь определялись строго регламентированные и освящённые охотничьим культом сроки охоты, распределялись охотничьи участки. Здесь же устраивались священные охотничьи обряды и культовые танцы охотников, ряженых животными. О таких охотничьих колдовских обрядах напоминают наскальные изображения людей с оленьей или волчьей головой, а иногда и с длинными хвостами. С подобными обрядами связано было, очевидно, и само изготовление наскальных рисунков, требовавшее много времени и тщательного труда. Оно, должно быть, имело целью обеспечить удачу на охоте.

«Жезл» с головой лося.
Из Оленеостровского могильника.

В искусстве неолитических племён Карелии нашёл отражение и древний охотничий культ зверя, главным образом оленя, лося, медведя, а также водоплавающей птицы.

Культ солнца и воды, как полагают, отразился в орнаментике неолитических глиняных сосудов, где зигзаг изображает воду, а над ним показаны плавающие в воде птицы. Такие представления явились, очевидно, основой для древних мифов, в которых происхождение мира связывается с морем и плавающей в нём уткой, из яйца которой возникла земля. О таком космическом море и яйце говорится, например, в эпосе финнов и карелов — «Калевале».

Верования древних рыболовов-охотников Севера можно представить также и по погребальным памятникам, например по материалам обширного родового или племенного могильника на Оленьем острове Онежского озера. Мёртвых одевали в лучшие одежды, часто богато украшенные подвесками из резцов оленя или лося и клыков медведя. В одних случаях украшения правильными рядами унизывали головной убор, в других они помещались полосами по краям одежды, имевшей покрой накидки.

В могилу клали целые колчаны стрел с кремневыми пластинчатыми наконечниками, кинжалы и другие предметы, находившиеся в личной собственности умершего. Отдельных людей, вероятно вождей или шаманов, хоронили по особому обряду, помещая их в вертикальном положении в специально выкопанной глубокой яме. В двух могилах обнаружены выполненные с большим правдоподобием «жезлы» из лосиного рога в виде голов лосей на длинных рукоятках — может быть, знаки достоинства вождей или признаки шаманов; возможно также, что это были родовые или племенные значки с изображением зверя — покровителя рода.

Во многом близкими к жизненному укладу и культуре древнейшего населения Карелии были образ жизни и культура других как соседних с ними, так и более отдалённых неолитических племён.

Неолитические племена Прибалтики

В культуре неолитических племён Прибалтики тоже долго сохранялись характерные черты, унаследованные ими от предшествующей культуры охотников и рыболовов мезолита. Такие черты, естественно, особенно стойко сохранялись в инвентаре, связанном с охотой и рыболовством. Сюда относятся костяные кинжалы, крючки, наконечники стрел с биконической (веретенообразной) головкой. Эти общие с мезолитом черты есть и в искусстве, например в геометрическом орнаменте костяных изделий. Вместе с тем такие черты свидетельствуют о довольно тесных культурных связях между родственными племенами, расселившимися на огромных пространствах лесной зоны Восточной Европы — между Балтийским морем и Уралом.

Для понимания жизни поздненеолитических племен Прибалтики особенно интересны результаты раскопок в Сарнате (Латвийская ССР). Поселение в Сарнате состояло из ряда наземных деревянных домов, четырёхугольных и многоугольных в плане. Стены домов были сделаны из жердей, вбитых в торф, и плетёнки из прутьев; снаружи стены были покрыты корой. Внутри помещались очаги своеобразной конструкции, вызванной желанием избежать пожара.

Около одного дома осталась лодка, выдолбленная из ствола дерева, лежали вёсла, рыболовные верши, свидетельствующие о важной роли рыбной ловли в жизни обитателей посёлка. О такой роли рыболовства свидетельствуют, кроме того, находки грузил и поплавков для сетей. Важное место принадлежало и собирательству. В одном из домов найдено много скорлупы водяных орехов, а также колотушки для их разбивания.

Такую же жизнь вели охотники и рыболовы арктических областей Скандинавии — Норвегии и Северной Швеции. Они оставили после себя стоянки с многочисленными каменными орудиями, в том числе со шлифованными наконечниками стрел и копий, а также ножами, изготовленными из шифера. На тех же стоянках встречаются обломки таких же, как на стоянках неолитических охотников лесной полосы СССР, остродонных сосудов, украшенных простым геометрическим узором из горизонтальных полос и округлых ямок.

На гладко отшлифованных ледниками скалах арктической Скандинавии от этого времени уцелели также изображения северных оленей, напоминающие лучшие рисунки палеолитических мастеров, но отличающиеся от них своим неподвижным, статичным характером.

В IV тысячелетии до н. э. начался переход от каменного века к веку металла — одно из важнейших событий всемирной истории. К этому же времени относятся постепенное выделение земледелия и скотоводства в особые отрасли экономики, возникновение ремесла, развитие обмена, зарождение городов. Рост производительности труда и появление прибавочного продукта создали предпосылки для разложения первобытно-общинного строя, возникновения частной собственности и раскола общества на классы рабов и рабовладельцев. Главным в истории человечества в III тысячелетии до н. э. было возникновение классового общества. Раньше всего рабовладельческое общество и государство возникли в речных долинах северных субтропиков — Нила и Двуречья, — где местные племена смогли создать уже в период энеолита высокоразвитое ирригационное земледелие. В то же время на всём остальном пространстве земли, где обитал человек, господствовал ещё первобытнообщинный строй. У некоторых энеолитических племён уже началось разложение первобытнообщинных отношений, но классовое общество ещё не сформировалось; у других же переход к веку металла пока не привёл к существенным изменениям в общественном строе. Многие племена продолжали жить ещё в условиях каменного века.

История древнейших государств этого периода — это первые страницы писанной истории человеческого общества. Письменные источники ещё скудны, памятники материальной культуры гораздо богаче их. Пользуясь доступными нам данными, мы можем восстановить лишь основные очертания исторического процесса в обществе, в котором уже выделились угнетатели, сосредоточившие в своих руках власть и богатство, и угнетённые — бесправные рабы или теряющие свою прежнюю свободу рядовые общинники. Многое в восстанавливаемой картине науке предстоит ещё уточнить.

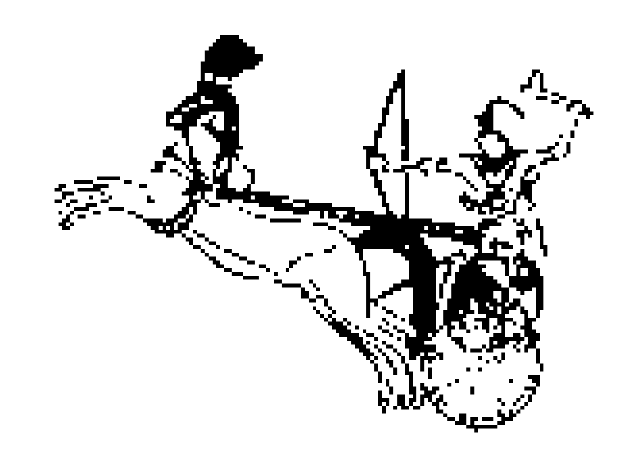
Одним из важнейших событий истории возникновения рабовладельческого общества являлся захват части общинных земель разбогатевшей знатью, которая имела в своём распоряжении рабов. Этот захват в странах древнего Востока происходил под видом объявления значительной части общинных земель принадлежащими отныне царям или, богам, т. е. храмам. Для возделывания земли, захваченной знатью, рабов ещё не хватало. Рабовладельческая знать, опираясь на свою экономическую и политическую мощь, в государствах Египта и Двуречья широко эксплуатировала труд общинников, используя в своих интересах сохранившиеся ещё общинные порядки, в частности обязанность работать на нужды общества. Изнурительный труд ложился не только на плечи рабов, но и на плечи огромного большинства народа. Источники глухо сообщают о росте недовольства среди трудящихся в Египте и Двуречье. Сильные мира признаются в своём страхе перед «мятежниками», перед восстанием. В долинах Нила и Двуречья начинались классовые битвы.

Опираясь на военную силу государства, рабовладельцы ведут захватнические войны против соседних племён. В истории человечества начинаются грабительские походы, когда огнём выжигаются поселения племён, соседящих с рабовладельческими государствами, люди безжалостно угоняются в рабство или истребляются, их добро отдаётся на разграбление. Однако среди этих племён, особенно скотоводческих, создаются племенные союзы, которые временами становятся серьёзной угрозой для рабовладельческих государств, ослабленных классовой борьбой. Надвигается период войн между этими племенными союзами и рабовладельческими государствами. Эти войны в свою очередь содействуют иной раз обострению классовой борьбы внутри рабовладельческих государств. Сказывается внутренняя непрочность рабовладельческих держав: рабы-иноплеменники с надеждой ждут вторжения извне в страну, ставшую для них тюрьмой; различные враждующие группки рабовладельческой знати в своих корыстных интересах иногда не прочь вступить в союз с чужеземцами; беднеющие свободные не всегда поддерживают власть рабовладельцев. Политическая история древнего мира всё более усложняется.

ЧАСТЬ III РОСТ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЕГИПТЕ И ДВУРЕЧЬЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДРУГИХ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ (II ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н.Э.)

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ПЕРИОДА

Второе тысячелетие до н. э. в истории древнего мира характеризуется распространением в значительной части Европы, Азии и Африки новых существенных достижений в области производства, дальнейшим развитием рабовладельческих отношений в Египте и Двуречье и возникновением новых рабовладельческих обществ.

Бронзовый век

Важнейшими из производственных достижений были широкое введение в употребление бронзы (сплава меди и олова) и применение лошади в качестве средства транспорта. Оба нововведения быстро распространились среди различных народов и племён, и, как это часто бывает с нововведениями подобного рода, трудно установить, где они возникли впервые. В Двуречье начали сплавлять медь с иранским оловом, во всяком случае, к концу III тысячелетия до н. э., но бронзовые изделия начинают появляться около этого же времени и в других местах.

Бронза куётся значительно хуже, чем медь, и изделия из бронзы более хрупки. Но эти недостатки бронзы с избытком покрываются её важными преимуществами, обеспечившими относительно быстрое её распространение. Бронза твёрже меди и в меньшей мере подвержена коррозии. Температура плавления бронзы значительно ниже, чем меди, а литейные качества несравненно выше; это обстоятельство, учитывая уровень технических знаний древнего человека, должно было сыграть огромную роль.

Если медные руды встречаются редко, то залежи оловянных руд встречаются ещё реже; сочетание же тех и других в одном районе является исключением. Вследствие этого бронза долго была сравнительно редким и дорогим металлом. Такие

массивные орудия труда, как мотыги, лемехи плугов, лопаты, ещё сравнительно редко изготовлялись из бронзы. Многие орудия часто изготовлялись из камня, а некоторые — даже исключительно из камня. Но в течение II тысячелетия возникают многочисленные центры производства бронзы во многих областях Европы и Азии, а также в Египте. Уже в первой половине II тысячелетия до н. э. в большинстве стран, население которых знало использование металлов, бронза решительно преобладала над медью. Применение бронзовых орудий позволило значительно повысить производительность труда в ремесле и земледелии а также способствовало развитию обмена, причём медь и олово, а также готовые бронзовые изделия сами являлись важным объектом торговли. Всё новые и новые общества, жившие ещё в условиях разложения первобытно-общинного строя, переходят теперь к классовому обществу, так как и для них с повышением производительности труда открывается возможность эксплуатировать рабский труд. В других странах, где первобытное общество ещё не достигло высшей ступени своего развития, оно быстро продвигается вперёд.

Роль коневодства в хозяйстве и военной технике

Лошадь в качестве средства транспорта начинает применяться почти одновременно в ряде мест. В середине II тысячелетия лошадь, как упряжное животное в боевых колесницах, применялась, например, в Индии; с этой же целью лошади разводились на нагорьях Малой Азии и Ирана, где они иногда запрягались и в плуг; появление домашней лошади содействует развитию хозяйства на юге Балканского полуострова (микенская культура). Около того же времени лошадь входит в быт племён, известных нам по раскопкам так называемой андроновской культуры в Южной Сибири и северной части Казахстана; применение лошади способствовало в дальнейшем продвижению этих племён на юг, к пределам Средней Азии и Ирана.

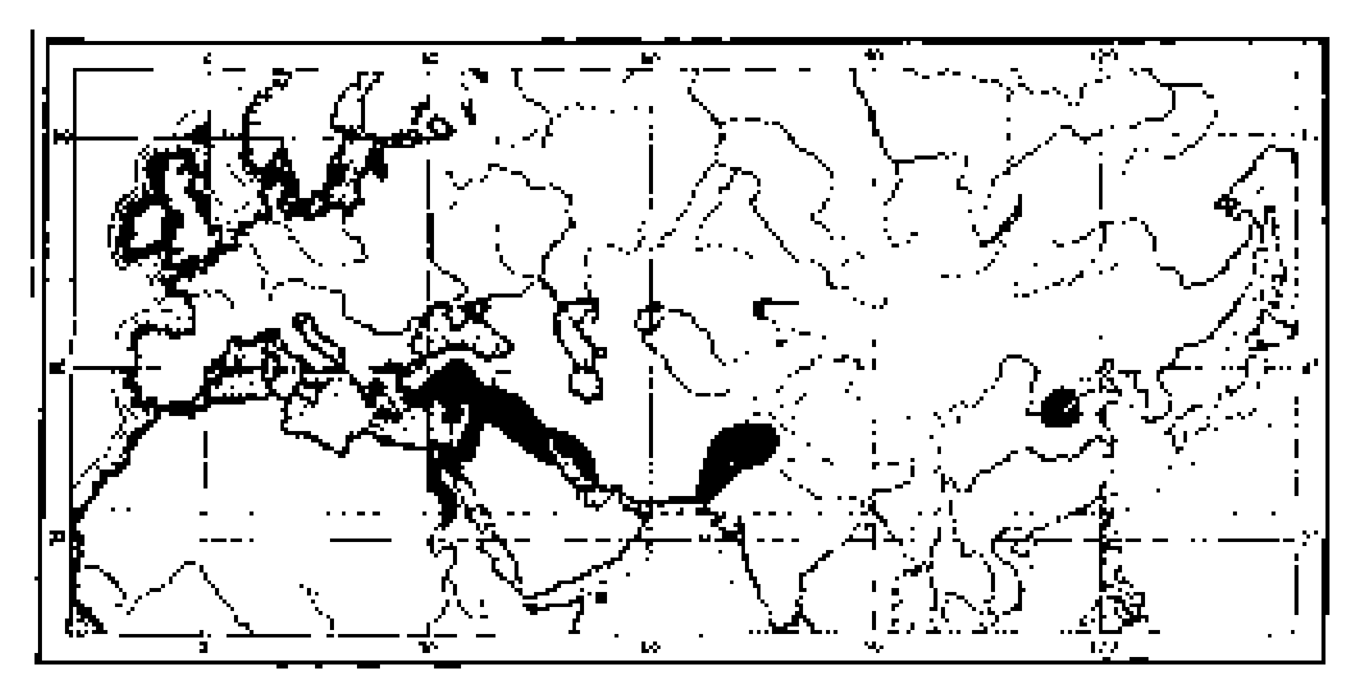
В Двуречье ещё с начала III тысячелетия до н. э. в плуги, а также в повозки и колесницы на сплошных колёсах запрягались ослы и быки; возможно, что, была известна тогда и лошадь, хотя она ещё не использовалась для перевозки людей и грузов, а также в хозяйственных работах. Но в II тысячелетии, в особенности в связи с изобретением более лёгкого колеса на спицах, лошадь уже широко применяется по всей Передней Азии, а затем и в Египте в упряжках боевых колесниц.

Появление лошади в передовых земледельческих странах привело к перевороту в военной тактике и значительно улучшило сообщение между странами. Но особо важное значение лошадь имела для скотоводческих племён, придав им подвижность; некоторые из них смогли перейти на кочевое хозяйство, другие — на полукочевое, с отгоном скота на летний сезон на горные пастбища, благодаря чему скотоводство стало намного продуктивнее. К кочевому и полукочевому хозяйству переходят и некоторые земледельческие племена, которые не смогли до тех пор создать достаточно продуктивное земледелие. Во многих случаях создалась возможность относительно быстрого передвижения на значительные расстояния больших этнических групп населения, что оказало немалое влияние на исторические судьбы многих стран древнего Востока. Успешные вторжения кочевых племён на территорию древних рабовладельческих государств, ослабленных внутренней классовой борьбой, становятся важными событиями истории того времени.

Возникновение рабовладельческих государств вне долины Нила и Двуречья

К началу II тысячелетия до н. э. передовыми по своему экономическому, политическому и культурному развитию рабовладельческими странами оставались Египет и Двуречье; к ним прибавилась ещё одна цивилизация, расположенная в речной долине, — индская, возникновение которой относится ещё к середине III тысячелетия до н. э.

Начиная со II тысячелетия широко развивается классовое общество и на территориях древних земледельческих очагов Передней Азии, а также в бассейне

Рабовладельческие государства в середине II тысячелетия до н. э. (закрашены чёрным).

Эгейского моря. В середине II тысячелетия до н. э. классовое общество возникает и в долине великой китайской реки Хуанхэ. Экономика ряда новых классовых обществ также была основана на оросительном земледелии. Но при этом ирригация в отличие от Египта и Двуречья обычно базировалась не на использовании воды рек в период разливов, а на использовании мелких рек, горных ручьёв, а также дождевых вод, собираемых в водоёмы. Развитие рабовладельческих отношений и в новых классовых обществах замедляется сохранением общин, также игравших значительную роль в истории этих обществ.

Что касается политического строя этих государств, то цари там обычно делили власть с советами знати; в некоторых случаях класс рабовладельцев обходился и вовсе без царской власти.

Большие государственные объединения здесь либо вовсе не создавались, либо были эфемерными и совершенно неустойчивыми.

Характер отношений между древнейшими государствами

Развитие производства способствовало расширению обмена между странами. Сырьё для изготовления бронзы приходилось нередко привозить издалека. Начинает определяться специализация тех или иных районов на добыче руды и другого сырья, на скотоводстве, на относительно высокопродуктивном для того времени земледелии. В то же время к концу II тысячелетия до н. э. впервые на большой территории от Средиземного моря до гор Ирана побеждает рабовладельческий способ производства, создаётся сплошная зона классовых обществ и государств; наряду со средиземноморско-переднеазиатской зоной рабовладельческого мира существуют очаги его в Индии и Китае.

Внутри этого рабовладельческого мира начинают завязываться более тесные международные и дипломатические отношения; правители отдельных стран вступают в дипломатическую переписку, пытаются воздействовать на внутреннюю политику соседних стран, заключают международные договоры. Войны всё более становятся орудием грабежа и захвата рабов из соседних стран; но иногда они имеют также

своей целью захват торговых путей или источников сырья, обеспечение торговых путей от нападения соседних государств и т. д. В это время усиливается обмен как между отдельными странами, так и внутри стран; деньги, появившиеся в ведущих государствах того времени ещё в предшествующий период, становятся теперь необходимым условием развития хозяйства в рабовладельческих обществах, хотя и не имеют ещё монетной формы.

Если в некоторых случаях тому или иному рабовладельческому государству, как, например, Египту или Хеттскому царству, и удавалось в результате успешных завоевательных войн распространить власть за пределы своих границ, то подлинного объединения разнородных покорённых территорий с государством-завоевателем всё же не происходило. Государство-завоеватель в этом случае лишь откровенно паразитирует на сохраняющихся мелких покорённых государствах и племенах, как Египет времени Нового царства в Палестине и Сирии, или идёт на создание военного союза хотя и неравноправных, но всё же в какой-то мере самоуправляющихся более мелких государств, как это делало Хеттское царство.

Изменения в характере рабовладельческих отношений

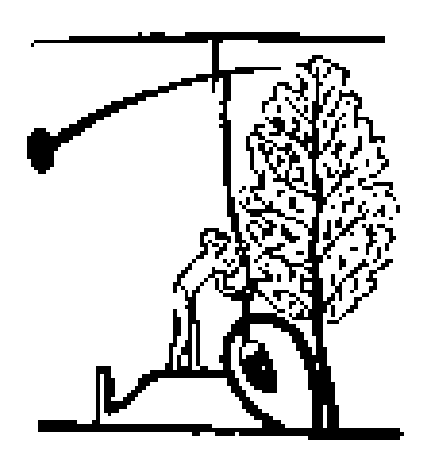
Для внутреннего развития наиболее передовых рабовладельческих государств характерен крах первоначальных деспотических царств. В долинах Нила и Евфрата к краху привёл, в числе прочего, процесс чрезмерного увеличения крупных хозяйств, в которых эксплуатировалось множество людей из местного населения. Огромные царские и храмовые хозяйства являлись помехой на пути развития частных рабовладельческих хозяйств. Источники содержат упоминания о крупнейших народных восстаниях в Египте, а также об обострённой борьбе за власть между различными группами рабовладельцев. Централизованное государство распадается, но затем всё более обнаруживается, что политические и экономические интересы рабовладельцев требуют нового объединения страны, усиления власти общеегипетских царей. Позже в ходе непрекращающейся внутренней борьбы рабовладельческие государства вновь настолько ослабляются экономически и политически, что иногда оказываются не в состоянии отразить нашествия завоевателей — пастушеских племён.

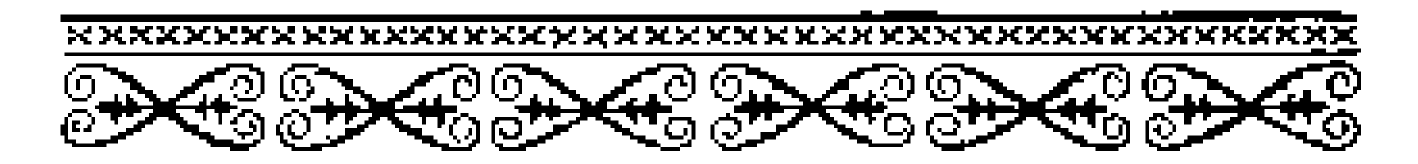
К концу II тысячелетия гибнут начавшие было складываться рабовладельческие общества на территории нынешней Греции, для которых также, по-видимому, было характерно существование больших дворцовых хозяйств, эксплуатировавших значительные массы людей. Возникшие в окружении племён, живших ещё первобытно-общинным строем, эти небольшие рабовладельческие общества были уничтожены в результате нашествия новых племён. Ещё ранее, в середине II тысячелетия, происходит крах такого же рабовладельческого общества в долине Инда.

Рабовладельческие общества Египта и Двуречья не были, однако, уничтожены происшедшими потрясениями. Теперь здесь выдвигаются средние и мелкие рабовладельческие хозяйства, развивается рабовладение в хозяйствах частных лиц. Эти хозяйства уже не могут полностью обеспечивать себя всем необходимым; всё большее место занимает обмен внутри государства. Большая, чем ранее, часть продукта индивидуальных хозяйств начинает поступать в оборот, превращаясь в товар. Усиливается ростовщичество. Широко распространяется обращение соплеменников в рабов в форме долгового рабства. В то же время общинная структура не исчезает, ибо вследствие низкого уровня развития производительных сил, недостаточного развития рабовладения коллективный труд (в частности, в области орошения) всё еще остаётся необходимым условием производства, что в свою очередь по-прежнему тормозит дальнейшее развитие рабовладельческих отношений. Существование общины, наличие власти деспотического государства стесняло развитие общественной активности масс свободного населения, в силу чего историческое развитие происходило медленным темпом, а общественные условия носили в значительной мере застойный характер.

Развитие рабовладельческого способа производства в остальных рабовладельческих государствах протекает различными, во многом своеобразными путями; но во всех случаях рабовладельческие хозяйства оставались в своей основе хозяйствами натуральными.

Между тем постепенно во всё большем количестве областей за пределами рабовладельческого мира внутри каждого данного общества подготовлялись возможности к возникновению классовых отношений; этот процесс развивался быстрее у народов ближайшей к рабовладельческим государствам периферии. Повсюду заметно поступательное движение, и лишь значительная часть лесных племён Севера и экваториального Юга по-прежнему не успела ещё выйти за пределы каменного века. Здесь всё ещё господствовали отношения, характерные для периода расцвета первобытно-общинного строя.

ГЛАВА IX
ЕГИПЕТ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

В конце III и во II тысячелетии до н. э. Египет наряду с Двуречьем остаётся наиболее передовой страной тогдашнего мира. В общественных отношениях Египта этого времени наблюдается ряд новых явлений. В последние века III тысячелетия Египет распался на полунезависимые области. Лишь постепенно вновь складывается единое государство, значительно отличающееся от государства предшествующего времени. Новый период получил название Среднего царства, которое длилось около пятисот лет, начавшись на исходе III тысячелетия до н. э. и закончившись около 1600 г. до н. э. На это время приходится, по списку Манефона, 9 династий — с IX по XVII.

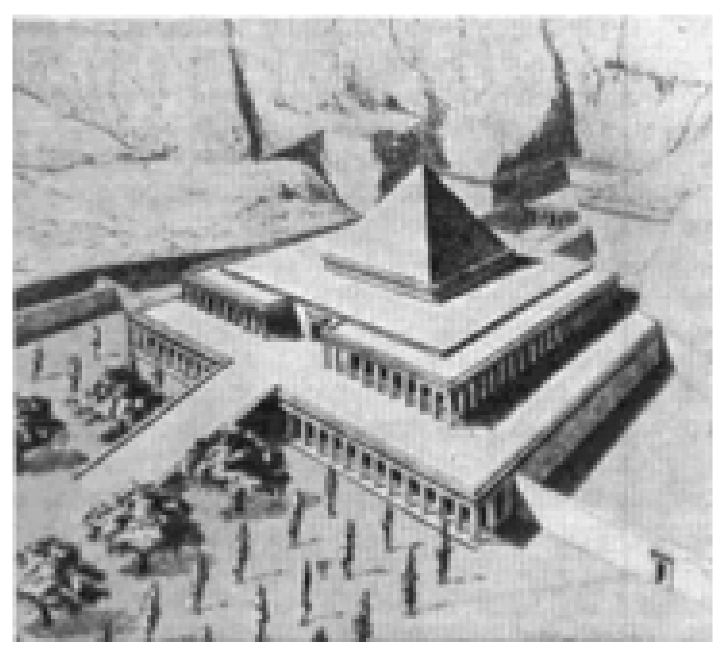
1. Падение Древнего царства и возникновение Среднего царства

Египет в период распада Древнего царства

К концу Древнего царства всё более заметным становится усиление значения местной, не столичной знати. Усиление номархов при VI династии подтверждается тем, что в этот период растёт строительство их гробниц на местах. Однако в целом при VI династии номархи ещё не представляли собой высшей знати. Отдельные их представители, как, например, породнившиеся с VI династией владетели верхнеегипетского нома Тина, могли достигать значительного влияния в стране, но достаточно сравнить небольшие, высеченные в скалах и нередко скудно отделанные гробницы верхнеегипетских номархов с громадными, сложенными из тёсаных камней и покрытыми рельефами и надписями гробницами столичных вельмож, чтобы убедиться в различии общественного положения их владельцев.

В надписях второй половины Древнего царства номархи старательно расписывают свои благодеяния «маленьким» людям. По-видимому, в этот период в борьбе против господства столичных вельмож, против царского самовластия умалённые в своём значении номархи старались использовать простой люд — рядовых общинников. Усиление верхнеегипетских номархов, которые в противовес господствующему слою знати, видимо, были поддержаны более широкими кругами населения, привело в конце концов к распаду страны на полунезависимые области. Обстоятельства падения Древнего царства нам точно не известны, но источники всё же содержат сведения о том, как общеегипетская власть фараонов клонилась к упадку.

За последним видным представителем VI династии Пиопи II последовало несколько бессильных властителей, известных лишь по царским спискам или позднейшим сказаниям, как, например, фараон-женщина Нитокрида. VII династия известна только по Манефону (70 царей, правивших 70 дней!). VIII династия, по тем же источникам, была мемфисской, но то немногое, что можно приписать времени её правления, указывает скорее на Верхний Египет, как на ту часть страны, над которой она осуществляла свою власть.

Храм Ментухетепа III в Дер эль-Бахри.
XI династии. Реконструкция.

Пора правления IX—XI династий была полна смутой и различными грозными событиями внутренней борьбы. Возможно, что в стране происходили восстания, о которых до нас дошли лишь неясные или косвенные известия. На этом мы остановимся далее, разбирая данные политической литературы периода Среднего царства.

IX и X династии были родом из города Гераклеополя на севере Верхнего Египта. Несмотря на крутые меры основателя IX династии Ахтоя (егип. Хети), дурная слава о котором дошла до дней Манефона, гераклеопольским царям не удалось прочно объединить страну под своей властью.

С Гераклеополем Нижний Египет был воссоединён при X династии. На юге гераклеопольские фараоны овладели областью Тина. Но южнее они не пошли. Во вложенном в уста гераклеопольского царя поучении его сыну и преемнику Мерикара (наиболее полный список этого поучения хранится в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже) старый царь советует молодому жить в мире с царством, возникшим на юге Верхнего Египта. Это южное царство выросло из фиванского нома и распространилось на юг до самой Элефантины. Местные владыки (с повторяющимся именем Интеф), положившие начало XI династии, постепенно превратились из номархов в южноегипетских фараонов. Как бы добрососедски ни были настроены в Гераклеополе по отношению к Югу, столкновение между обоими царствами было неизбежным. Борьба велась сперва с переменным успехом, но конечная победа Юга была предрешена. В этой войне гераклеопольские цари зависели от своих номархов, которые иногда едва ли не превосходили могуществом царей. В то же время фиванский ном, преодолев противодействие соседей, сплотил южную часть страны в довольно прочное государство. Полагают, что фиванскому ному решение

этой задачи было облегчено наличием больших массивов плодородной земли, тогда как более южные номы располагали лишь узкими полосками прибрежной почвы.

При последних фараонах XI династии, носивших последовательно имя Ментухетеп, Египет был уже вновь объединён. Мы снова читаем в надписях про победы над окрестными племенами и про походы в каменоломни и даже к Южному Красноморью. Расцветает и каменное строительство в Египте.

Состояние производительных сил египетского общества после падения Древнего царства

Распад страны после Древнего царства на полунезависимые, а то и враждебные номы и даже царства не мог не отозваться гибельно на осушительно-оросительной сети, требовавшей согласованного надзора и управления. Водораспределительная сеть была основой хозяйственного благополучия Египта, и поэтому неудивительно, что надписи времени распада, между VI и XII династиями, полны сообщениями о случаях голода, доводившего подчас население до людоедства. Владетель одного из главных верхнеегипетских номов (сиутского) в дни X династии считал примечательным достижением своего правления то, что он прокопал засорённый канал, который мог подавать воду в самую жару, устроил канал для своего города, когда остальной Верхний Египет не видел воды, заставил реку наводнять старые места, прекратил раздоры из-за воды и был богат ячменём, когда страна была «на мели». О другой египетской области известно, что ко времени X династии там появились такие болотные заросли, что во время междоусобиц они служили укрытием для людей. Всё это настоятельно требовало нового объединения страны. В то же время распад централизованной деспотии не мог не вызвать некоторого оживления хозяйственной деятельности на местах, для дальнейшего успешного развития которой, однако, также требовалось объединение страны.

Общественные условия, благоприятствовавшие некоторому повышению инициативы отдельных производителей, позволили именно в это время добиться ряда усовершенствований в технике сельского хозяйства. Большое распространение со времени XI династии получили плуги с крутым заворотом рукоятей, облегчавшим нажим при пахоте. Некоторым усовершенствованием была замена, происшедшая не позже XI династии, зернотёрки, лежащей на земле, зернотёркой, прилаженной наклонно на подставке. Мука теперь после размола сыпалась во вместилище, находившееся спереди. Тяжёлый труд по перетиранию зерна вручную между двумя жерновами несколько облегчался, так как работающему на зернотёрке уже не надо было стоять на коленях. Также не позже XI династии был преобразован прибор для выжимания плодов — мешок, закручивавшийся шестами с подставным чаном. Мешок и чан были помещены внутри деревянной установки, и выжимание производилось всего лишь при помощи одного шеста, что было гораздо удобнее.

В период XI династии деятельно принимаются меры к доставке сырья, которым была бедна Нильская долина; заметно стремление упростить сношения с местами добычи этого сырья. До нас дошло, например, в жизнеописании «казначея бога», т. е. доверенного фараона по доставке ценностей, сообщение о его поездках на множество горных промыслов и привозе царю меди, бирюзы, лазурита и т. д. Правительственный корабль шёл за благовонной смолой в Южное Красноморье кратчайшим путём. Он отправлялся не с севера, а из места подле нынешнего Косера, на широте часто посещавшихся в Среднем царстве каменоломен. Дорога через пустыню к месту отправки кораблей была теперь обеспечена колодцами.

Рабовладение. Выдвижение средних слоев населения

Источники, относящиеся к началу Среднего царства, свидетельствуют о существовании рабовладения частных лиц, притом в довольно широких для столь древнего периода размерах. Один сановник — возможно, путём покупки — приобрёл 20 «голов» людей. Другое лицо располагало 31 «головой». «Головами» подневольные люди стали именоваться впервые в Среднем царстве. В сказке времени

Среднего царства, в которой действие отнесено ко времени гераклеопольских фараонов, даже подчинённый человек вельможи владеет 6 «головами». «Головы» переходили из рук в руки и в порядке наследования. Так, старший скотовод при XI династии похвалялся в своей надписи, что люди его отца достались тому как имущество («вещи») деда и бабки, а люди его самого — это имущество отца и матери, а также лично его имущество, приобретённое им самим. Вместе с тем он, как говорится в надписи, был «богат быками» и был «сыном богатого быками», владельцем ослов, полей, гумна.

Значительно развивается рабовладение в хозяйствах частных лиц, в том числе рядовых общинников.

От периода Среднего царства дошли и изображения рабов. Так, на одном изображении рабыня показана за тяжёлой работой — растиранием зерна зернотёркой. Среди рабов были иноземцы.

Вместе с Древним царством уходят в прошлое огромные хозяйства столичных вельмож. В стране появляется множество более мелких хозяйств.

С конца Древнего царства источники начинают упоминать наряду с «большими людьми», т. е. высшей знатью, и «малых» (*неджес*). В последующее время, но не позже начала XII династии включительно, источники постоянно говорят о них.

«Малые» Среднего царства, судя по их надписям, нередко оказываются богатеями, даже крупными сановниками с высокими придворными и государственными званиями. В своих жизнеописаниях лица, величающие себя «малыми», охотно делают упор на успехи, достигнутые «собственной рукой» и на свою воинскую доблесть. В дни XI династии даже родовитые номархи с гордостью величали себя «сильными малыми».

Появление в стране множества хозяйств, которые по своим незначительным масштабам не производили всех необходимых в хозяйство вещей, но имели известный излишек некоторых продуктов, способствовало развитию обмена. В одной повести рассказывается, как при IX—X династиях селянин из Соляного оазиса (ныне Вади-Натрун) отправился покупать хлеб и столицу; на продажу он вез местные продукты. При XI династии небольшое частное хозяйство продавало на сторону ткани собственного производства. Хотя зерно оставалось распространённым средством оценки и расплаты (наряду с ним охотно платили также одеждой), но примечательно, что после падения Древнего царства в составе платы за услуги учащается упоминание меди.

Таким образом, характерной чертой слагающегося Среднего царства является резкое увеличение роли средних и мелких рабовладельческих хозяйств. В этот период наблюдается также известный рост товарно-денежных отношений.

Роль номархов

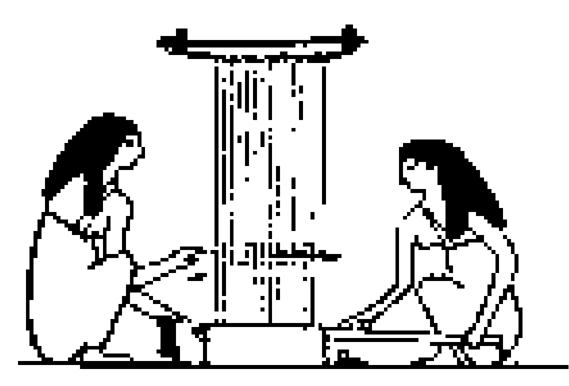
В пору слабости царской власти при IX и X династиях особенно велика была самостоятельность номархов. Иной владетель, не именуя себя открыто царем и признавая на словах права своего «владыки» на утверждение его в сане номарха, по существу держал себя, как царь: вёл летоисчисление по годам собственного правления, величал себя сыном местного божества в подражание фараоновскому титулу «сын Ра» и т. д. Воинские силы отдельных номархов могли быть в то время довольно значительными. Тефиб, могущественный владетель области Сиута в средней части страны, поддержке которого в борьбе с Югом X династия была обязана временной отсрочкой своей гибели, хвалился победой, одержанной его войском даже над соединёнными силами южного царства.

Когда распад страны на обособленные и враждебные царства, столь губительный для развития земледелия, был изжит, значение и роль номархов всё ещё существенно не изменились. Они стали только более послушными верховной власти. Даже когда престол занял основатель новой, XII династии, Аменемхет I, приступивший к возрождению египетской государственности в её древней форме, положение номархов оставалось по существу непоколебленным.

2. Расцвет Среднего царства

Развитие производительных сил в период расцвета Среднего царства

В области развития производительных сил в период расцвета Среднего царства были достигнуты значительные успехи. Прежде всего следует отметить, что от времени XII династии сохранилось некоторое количество предметов, в том числе орудий производства, из сплава меди с оловом, где доля последнего настолько значительна, что нельзя назвать сплав иначе, как бронзой. Некоторые сделанные из неё статуэтки можно отнести и ко времени накануне XII династии. Однако подавляющее большинство найденных металлических предметов периода Среднего царства было изготовлено из меди без искусственного приплава [1]. Виды орудий в Среднем царстве заметно множились и совершенствовались. Попадаются новые виды режущих орудий, одно из них довольно сложного устройства. Металлическая часть топоров того времени была значительно больше, чем в старину, и она была прочнее прикреплена к топорищу.

Ткачихи.
Деталь росписи из гробницы Хнумхетепа.
XII династия.

Однако каменные орудия продолжали бытовать и в Среднем царстве. В городских развалинах времени XII династии, неподалёку от тогдашней столицы и совсем рядом с царской пирамидой, были найдены кремнёвые топоры, тёсла, ножи, мелкие скребки или ножички, лезвия серпов. Там же была найдена кожаная сумка, в которой — совсем как в давние времена — лежали бок о бок остатки медных орудий, куски кремнёвых ножей и кремнёвые ножички. В двух гробницах времени XI и XII династий — правда, несколько поодаль от столицы — было изображено производство кремнёвых ножей. Эти факты указывают на известную застойность техники в рабовладельческом обществе Египта.

Тем не менее при XII династии начинает отчётливо намечаться новая отрасль ремесла — стеклодельная.

С началом XII династии, в результате воссоединения всей страны, значительно улучшилось состояние оросительной сети. Известия о голоде резко сокращаются. К концу XII династии удалось путём осушки отвоевать большие пространства плодородной земли около озера, лежащего у стыка Верхнего и Нижнего Египта в западной пустыне, в местности, которая ныне называется Фаюм. Когда после XII династии наступила пора нескончаемых смут, последовал новый упадок оросительного хозяйства: в надписях с этого времени вновь учащаются упоминания о голодных годах.

В области техники земледелия во времена XII династии есть указания на появление плугов, предвосхищающих плуги Нового царства с отвесными рукоятками.

Изображения времени XII династии говорят о нововведении и в скотоводстве: наряду с древней породой баранов с развесистыми рогами появляется новая порода, с подогнутыми рогами; этой породе суждено было со временем заменить первую.

При XII династии внешние связи Египта расширились. Месторождения меди и бирюзы на Синайском полуострове были при XII династии испещрены египет-

[1] Во времена Древнего царства употреблялась медь в её естественном виде, без искусственного приплава. Те несколько медных предметов, которые принимались за изделия Древнего царства и в которых была найдена значительная примесь олова, нуждаются в проверке, действительно ли они так стары. Слово, которое принято переводить как «бронза», известно как будто Древнему царству, но первоначальное значение этого слова было, по-видимому, шире: ещё при XII династии в эфиопские рудники отправлялись за так называемой «бронзой», хотя ясно, что там добывали руду, а не металл и не искусственный сплав.

скими надписями. Около некоторых месторождений надписи появились тогда впервые. Впервые же в начале XII династии мы слышим о разработке египтянами медных рудников в Северной Эфиопии, между Нилом и Красным морем. Груды отходов, оставшихся от того времени в разных рудниках, свидетельствуют о значительных размерах добычи в них меди.

Золото, которым щедро пользовались в Среднем царстве, добывалось теперь не только в Верхнем Египте — в Восточной пустыне, но также и в Эфиопии. Золотых дел мастера достигли к концу XII династии изумительного мастерства в изготовлении уборов. Судя по находкам, во времена Среднего царства стали употреблять, как будто, больше серебра, чем во времена Древнего царства.

Тесными стали связи с поставщицей отборного леса — Финикией, где город Библ стал настолько египетским, что иные его правители приказывали надписывать по-египетски свои печатки и утварь, величая себя тем же званием, что и номархи в Египте.

Поддерживались связи с Северным Средиземноморьем. Во времена Среднего царства в Египте пользовались критской посудой, а на Крите — египетскими изделиями.

Общественные отношения. Развитие рабовладения

Памятники времени расцвета Средного царства позволяют составить представление о положении эксплуатируемых масс и о характере эксплуатации того времени. Наиболее важными являются здесь две черты: это, с одной стороны, значительное развитие рабовладения в хозяйствах частных лиц; с другой стороны — изменение в положении земледельцев.

В Среднем царстве рядовые должностные лица и даже вовсе не чиновные лица часто располагали принадлежавшими им людьми. У знати, конечно, людей было не в пример больше — один сановник XII династии взял с собой в каменоломни только кравчих 50 человек, — но и у простых смертных число принадлежавших им людей бывало довольно значительным.

Одни из них прислуживали своим хозяевам и назывались чашниками, кравчими, провожатыми, другие были земледельцами, садовниками, пекарями, пивоварами, прачечниками и т. д. Слуги и работники, каждый за своей работой, изображены на стенах хозяйских гробниц, на хозяйских заупокойных плитах, а также в виде деревянных фигурок, ставившихся в гробницы для того, чтобы они служили умершему.

Пекарня.
Деревянная модель. XII династия.
Из предметов заупокойного культа.

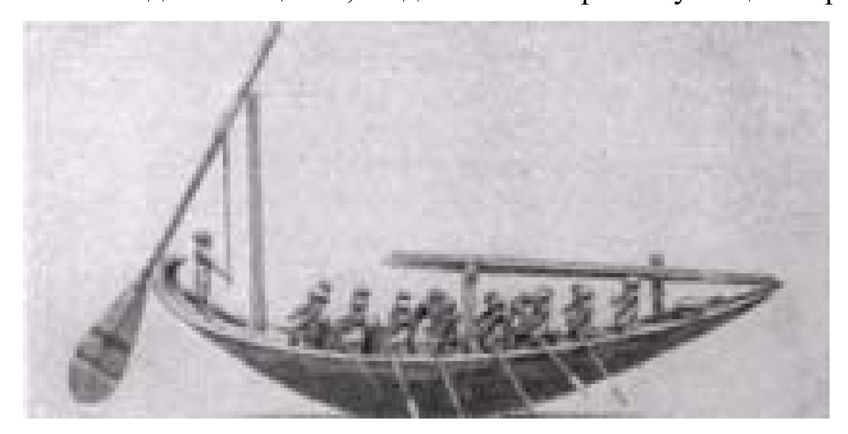
В росписях усыпальниц знати работники обычно трудятся сообща под открытым небом или в мастерской; фигурки уже бывают соединены вместе, изображая ткацкую, столярную мастерскую, пекарню и т. д.

Часто работники прямо названы рабами. Обыкновенно это рабыни; мужчины-рабы упоминаются реже. Рабыни встречаются часто и у лиц нечиновных, а у богачей их бывает помногу.

Нередко частные лица имели, как указывают памятники, «сирийцев», которых, конечно, надо отнести к рабам. На одном из памятников мы видим двух сирийцев, занятых в личном хозяйстве некоего служащего при верховном сановнике то уборкой урожая (мужчина жнёт, женщина подбирает колосья), то пивоварением.

Войн во времена Среднего царства велось довольно много, и значительная часть иноплеменных рабов происходила, вероятно, из пленных. В повествованиях о войнах XII династии с западными соседями — ливийцами и южными эфиопами — прямо говорится, что эти войны сопровождались захватом не только скота, но и пленных.

Сохранилась купчая на сирийцев-рабов: двух женщин и детей. От времени XII династии имеются два завещания, в одном из которых служащий передавал своих людей брату-жрецу, а в другом — уже этот брат передавал 4 «головы» своей жене. Рабов завещали, перезавещали и разрешали получателю передавать любому из своих детей. «Головы» жаловал и фараон. Один из сподвижников воинственного царя XII династии Сенусерта III рассказывал, что при зачислении его в царские телохранители он получил 60 «голов», а при производстве в начальники телохранителей после эфиопского похода — ещё 100 «голов». В сказке человек, назначенный телохранителем, наделялся «головами». При этом «головы» в обоих случаях жалуются без земли, хотя в жизнеописании одного из деятелей того времени мы читаем о награждении его 20 «головами», а также 50 *арурами,* т. е. свыше 13,67 *га,* пашни.

Лодка с гребцами.
Деревянная модель. XII династии.
Из предметов заупокойного культа.

Однако в то же время царское хозяйство, номархи и частные лица эксплуатировали людей, которых нельзя отнести к рабам.

От начала XII династии в двух договорах номарха со жрецами местных богов говорится, что свою долю в пользу жрецов будет вносить «всякий его земледелец из начатков поля своего». Если он мог давать такие обещания жрецам, то ясно, что хозяйство номарха зиждилось в какой-то мере на труде земледельцев, возделывавших каждый свой участок земли.

С наступлением Среднего царства в положении земледельцев произошли некоторые изменения. «Царские» люди, известные нам во времена Древнего царства в качестве лиц, привлекавшихся в страдную пору в личное хозяйство номархов, теперь нередко встречаются в частных хозяйствах.

В гробнице одного сановника конца Среднего царства перечислены в составе его челяди 20 «царских» людей. Подобные надписи встречаются и на некоторых других памятниках. Что это были земледельцы, доказывает употребление соответствующего обозначения для них во времена непосредственно до и после Среднего царства. «Царские» люди — общее обозначение свободного земледельческого населения Египта в первой половине Нового царства. Весьма вероятно, что «царскими» назывались земледельцы и во времена Среднего царства.

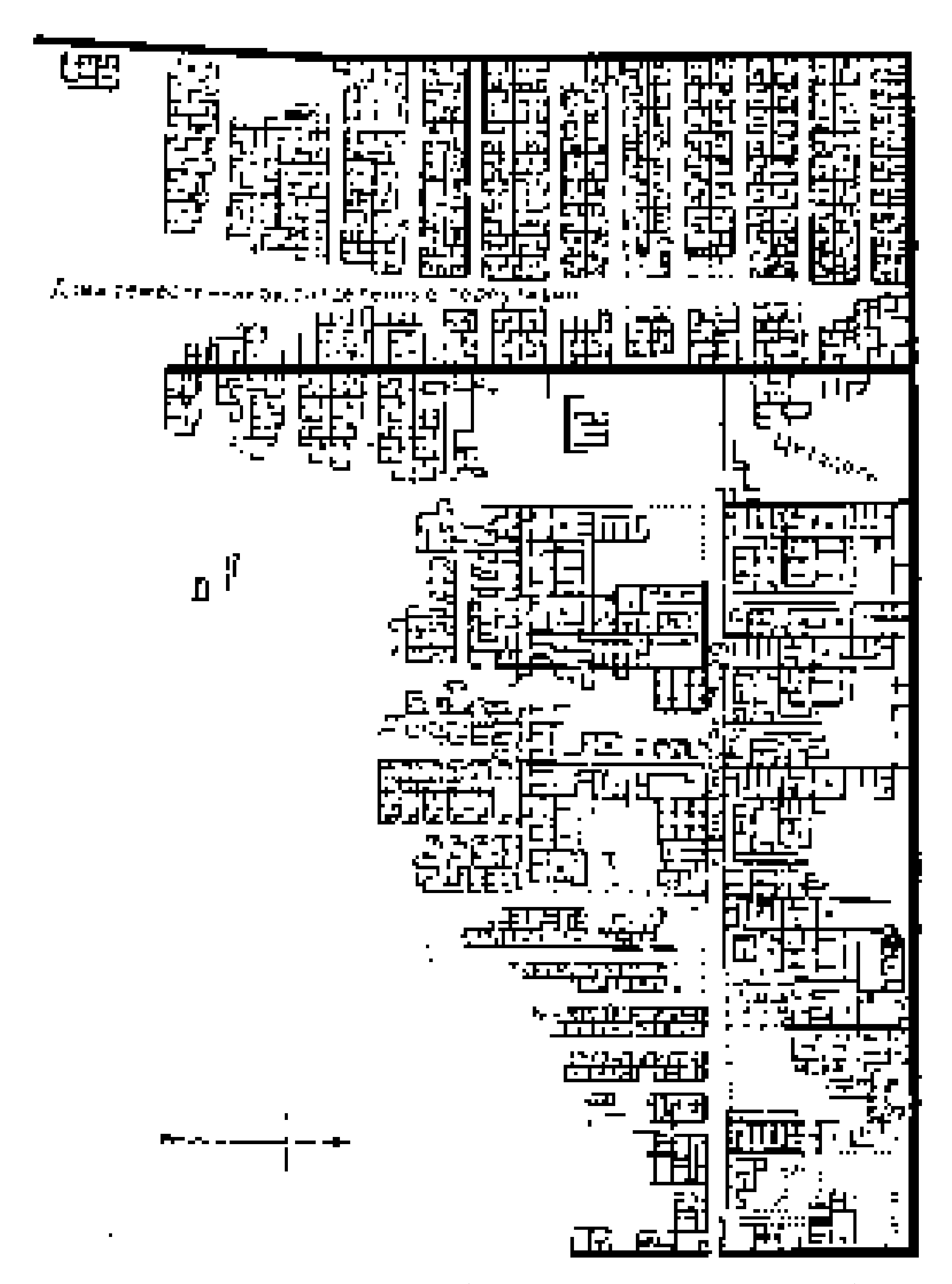
«Отряды», как в встарь, имелись на кораблях, но нет как будто памятников, которые говорили бы об отрядах в полеводстве, как мы наблюдали это в Древнем цар-

ОБРАЗЕЦ ЕГИПЕТСКОЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ НАДПИСИ.
Заупокойная плита Хунену. XI династия. Известняк.

стве, или хотя бы о начальниках, руководителях, наставниках, писцах таких отрядов.

Некоторые перемены произошли в период Среднего царства в положении ремесленников. Если в Древнем царстве лишь отдельные мастера достигали сравнительно обеспеченного положения, то в Среднем царстве такие ремесленники встречаются чаще. От простых ремесленников, таких, как прачечник, пивовар, горшечник,

План города времени Среднего царства (у современной деревушки Эль-Лахун).

каменотёс, золотых дел мастер, медник и т. д., дошли каменные плиты с надписями и изображениями и даже надписанные изваяния.

Ремесленники объединялись по роду занятий и в совокупности представляли определённую общественную силу. Каменотёсы составляли даже особое «войско» с развитым управлением и подразделениями.

Должностные лица, в частности начальники ремесленников, судя по изображениям на их памятниках, не гнушались обществом простых мастеров, даже иной раз состояли с ними в родстве. Начальники ремесленников сами были знатоками своего дела, и некоторые из них, как и простые ремесленники, перенимали ремесло у своих отцов, другие же были детьми мелких должностных лиц или дальней роднёй высокопоставленных людей.

Но в целом для всего периода Среднего царства противоположность между верхами и низами общества была разительной. Её можно воочию наблюдать по развалинам города около одной из царских пирамид середины XII династии (у нынешнего Эль-Лахуна у входа в Фаюмский оазис). Трудящееся население жило невероятно скученно, в жилищах из нескольких крошечных каморок, тогда как каждый богатый дом представлял собой сложный комплекс из многих десятков небольших помещений и нескольких помещений покрупнее.

К сожалению, по развалинам этого поселения при пирамиде нельзя себе составить ясного представления о бытовых условиях, в которых находились средние слои горожан. А эти слои приобрели теперь известное значение в жизни общества. Памятники пестрят именами нечиновных «жителей города». Они бывали роднёй не только мелких, но и значительных должностных лиц, отцами и сыновьями сановников.

Было бы, конечно, неправильно представлять себе «города» Среднего царства городами в нашем смысле. И город и селение, возможно, представляли собой общину. От начала Среднего царства сохранились намёки на существование в городах советов должностных лиц. От конца Среднего царства до нас дошло судебное дело о передаче рабыни вместе с её земельным участком городу Элефантине, — следовательно, «городская» община в то время представляла собой юридическое лицо, владевшее рабами и землёй.

Царское хозяйство, конечно, продолжало существовать и в период Среднего царства. Столь характерное явление для Древнего царства, как продовольственные и вещевые выдачи из царского хозяйства, продолжались и в Среднем царстве. От второй его половины сохранились части придворных приходо-расходных книг и иные счетные записи. По ним можно видеть, какие люди постоянно или от случая к случаю пользовались государственными продовольственными выдачами. Это были простые люди — ремесленники, слуги, а также телохранители, второстепенные должностные лица, второстепенные и самые высокие сановники, члены их семей, даже члены царской семьи, жившие своим домом. Лица, состоявшие при храме, также получали продовольствие из царского хозяйства.

Тем не менее во вторую половину Среднего царства получают дальнейшее развитие товарно-денежные отношения.

В конце Среднего царства мерилом стоимости стало служить золото: сановник платит другому «золота 60 *дебен* — золотом, да медью, да одеждой (и) зерном», т. е. уплачивает золотом, медью, одеждой и зерном общую сумму в 60 *дебен* золота (*дебен* = 91 г). В начале XII династии мы узнаём, что в одном случае за услуги было заплачено «серебром, золотом, медью, притиранием, одеждой, нижнеегипетским ячменём, пшеницей». Из этой последовательности можно сделать вывод, что серебро тогда ещё ценилось дороже золота. К концу же Среднего царства оно было уже дешевле золота в два раза. По-прежнему имели место зерновые ссуды, и сделки по поводу зерновых ссуд носили, можно предположить, ростовщический характер.

Государство времени расцвета Среднего царства

Расцвет Среднего царства относится ко времени XII династии, которая воцарилась около 2000 г. до н. э. и обладала прочной властью до начала XVIII столетия до н. э. За два с лишним века сменилось всего лишь восемь фараонов: Аменемхет I, Сенусерт I, Аменемхет II, Сенусерты II и III, Аменемхеты III и IV, фараон-женщина Нефрусебек.

Аменемхет I обосновался не в Фиванской области, а на севере, на рубеже Верхнего и Нижнего Египта, в крепости, многозначительно именовавшейся «захватившей

обе земли» («Иттауи»). Эта крепость и стала столицей XII династии. Она была расположена неподалёку от древнего Мемфиса (около нынешнего селения Лишт), а немного южнее находилась «Земля озера», нынешний Фаюм, где при XII династии, как уже говорилось, у озера путём осушки были отняты большие площади плодоносной земли и был создан новый, богатый плодородной землёй округ.

Укреплению царской власти при XII династии способствовали победоносные войны с соседями, вылившиеся на юге в завоевательные войны. Эфиопия, золотые рудники которой были теперь хорошо известны и манили к себе египетских завоевателей, подвергалась нашествию египтян ещё при первых двух царях новой династии; однако окончательное подчинение Северной Эфиопии произошло при Сенусерте III. Несколько походов и создание мощных крепостей у вторых порогов Нила закрепили Северную Эфиопию за Египтом. Доступ зарубежным эфиопам в новоприобретённые владения фараона был дозволен только для торговли или в порядке посольства. О том

Войско номарха из Сиута.
Скульптурная группа. XII династия. Дерево.

же Сенусерте III известно, что он ходил войной на Палестину; неясно, однако, в какой мере такое вторжение сопровождалось подчинением этой страны. Как бы то ни было, слава фараона-воителя надолго его пережила. В Новом царстве его считали местным богом египетской Эфиопии. Позднее предание, слив с его именем смутные воспоминания об египетских завоевателях времени Нового царства, создало баснословный образ покорителя полмира Сенусерта, по-гречески — Сесостриса.

Однако и при могущественном Сенусерте III, как и при его предшественниках, на местах по-прежнему сидели владетельные номархи. Хотя иной из них и был посажен в свою область царем — известен случай, когда область была нарочно выкроена для одного царского сподвижника, — власть номарха была наследственной, переходила от отца к сыну или от деда по матери к внуку, и царь только утверждал нового владетеля. Один номарх изобразил в своей гробнице 59 владетельных предков. Еще при Сенусерте I номарх мог вести летоисчисление не только по годам царского, но и своего собственного правления. Обыкновенно номархи состояли одновременно начальниками местного жречества и сами бывали верховными жрецами местных божеств. Номархи возглавляли войско своей области. Они управляли в своих номах как пашнями, так и находившимся там стадом царя; подати в пользу царского дома проходили через их руки. Хотя «дом (хозяйство) номарха», как должностного лица и его «отчий дом», а также «стадо царя» и «стадо номарха» строго различались, всё же номархи и при XII династии были и оставались могущественными людьми. Сила и богатство их не только не уменьшались, но, напротив, возрастали вплоть до времени правления

фараона Аменемхета III. Гробницы одного номарха при Сенусерте II и другого номарха при Сенусерте III были богаче гробниц предшествующих правителей тех же номов. В гробнице второго номарха, современника Сенусерта III, изображена доставка из близких каменоломен в столицу области алебастрового изваяния номарха вышиной до 7 *м;* в доставке принимали участие, т. е. волокли изваяние на санях, воины нома и жрецы.

Наряду с номархами имела большое значение придворная, служилая знать, которая и была главной опорой новых фараонов.

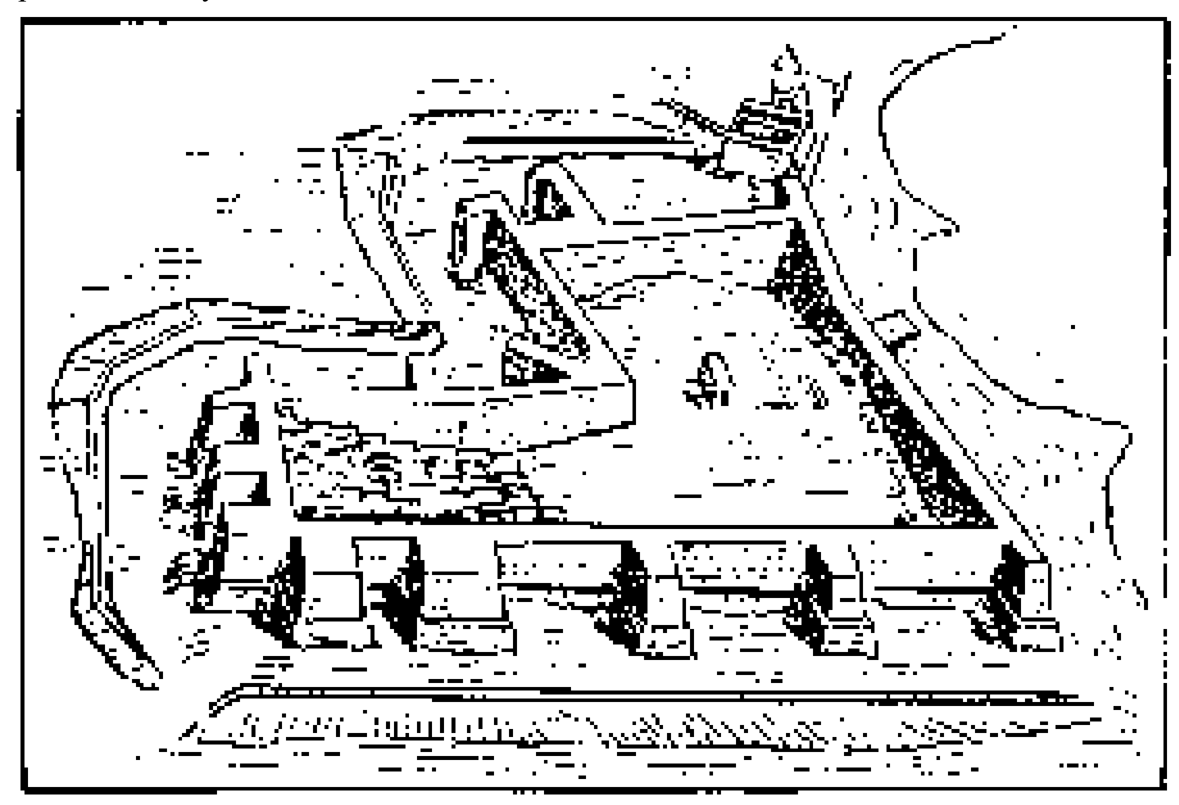
Статуэтка писца.
XII династия. Гранит.

При дворе толпились, как и во времена Древнего царства, «друзья» фараона, в высшем управлении сидели «начальники обоих белых домов», «начальники обоих домов золота», «начальники обеих житниц», «начальники работ» и т. д. По-прежнему верховный сановник, он же градоначальник столицы, возглавлял суд и часто совмещал в своём лице управление разными ведомствами, кроме военного.

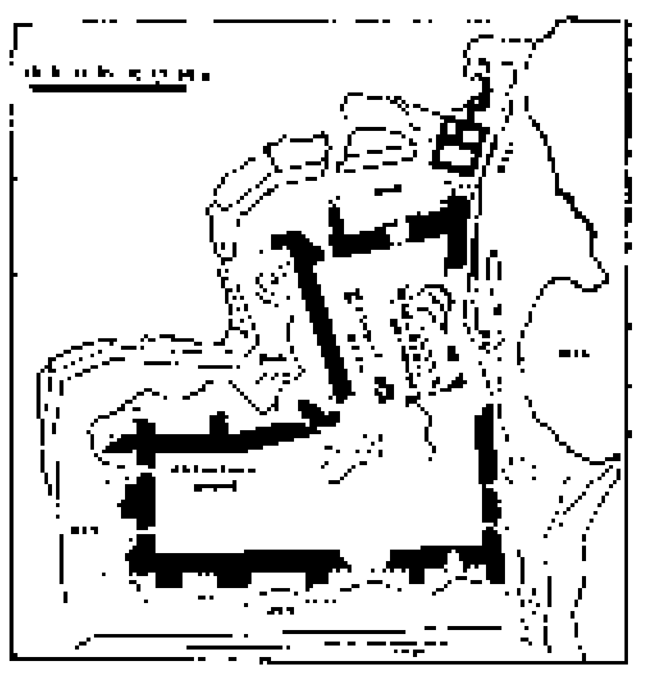
Кем были высшие должностные лица по своему происхождению? Рядом с представителями местной знати при дворе и во главе общегосударственного управления можно было видеть много людей иного происхождения. Были сановники, унаследовавшие свои должности от отцов, т. е. представители потомственной столичной знати, были и такие, в ком можно видеть людей неродовитых. Это были представители служилой знати, обязанные своим положением и всеми житейскими благами фараоновской власти. Об их настроениях можно составить себе представление по словам начальника казны при Аменемхете III: «Даёт он (т. е. царь) пищу тем, кто в сопровождении его, питает он следующего по пути его; пища — это царь, избыток — это уста его». От усиления власти царя такие лица могли только выиграть, и фараоны могли опираться на них в борьбе с номовой знатью. Царская власть находила опору и у приближённого воинства, охранявшего царя.

Вооружённые силы Среднего царства набирались среди массы населения путём очередных выборочных призывов молодёжи. К египетскому воинству добавлялись иноземные части, состоявшие главным образом из североэфиопских воинов. Вооружение войска составляли лук и стрелы у стрелков, щиты, копья, секиры или палицы у других бойцов. Как кажется, нововведением Среднего царства было передвижное прикрытие, из-под которого двое воинов длиннейшим копьём разили врага на мощных крепостных стенах.

Войско в значительной своей части находилось под начальством номархов, образуя номовые вооружённые силы; в прямом подчинении у них было и большинство второстепенных государственных служащих.

Но при XII династии мы видим и особое войско, состоявшее непосредственно при особе фараона. Это были телохранители, называвшиеся, как и слуги больших господ, «провожатыми», в данном случае — «провожатыми властителя». Состав царских телохранителей был неоднороден: кое-кто был, по-видимому, из числа знати, но большинство, судя по имеющимся данным, было незнатного происхождения. Номархи тоже имели своих вооружённых «провожатых», но они, бесспорно, не могли одаривать их так щедро, как фараон, который жаловал своим телохранителям по несколько десятков людей («голов») и награждал их золотым оружием. Иной, как будто неродовитый, «провожатый властителя» чувствовал себя важным лицом, а сподвижник Сенусерта III, выслужившийся из телохранителей в «наставники» телохранителей, имел высокие звания вельможи. Он же называл себя «тем, кому придал владыка обеих земель его значение». На таких воинов фараон мог рассчитывать в борьбе с местной знатью.

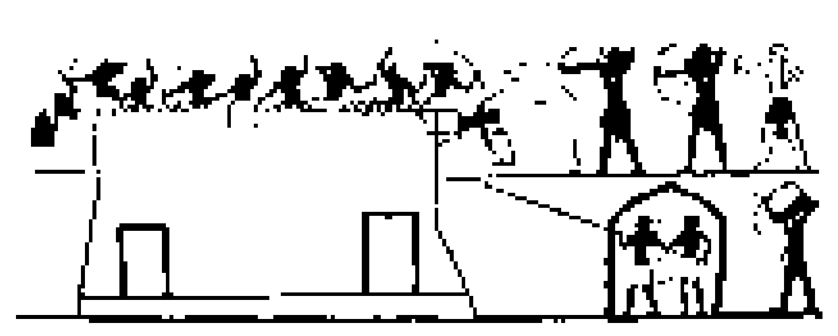
Крепость XII династии в Семне (Эфиопия). Реконструкция и план.

Внутренняя борьба в обществе Среднего царства была напряжённой даже в самую «спокойную» пору, во времена XII династии. Цари XII династии ещё при жизни назначали своих наследников соправителями, и они принимали при жизни отца царский титул. Фараоны постоянно заботились о своей безопасности. Столица XII династии была крепостью, её название «Иттауи» обводили знаком, изображающим крепостную стену. Учреждение отряда телохранителей было прежде всего мероприятием по охране фараона. На Аменемхета I было совершено ночное нападение в его собственной опочивальне, которое, по-видимому, стоило ему жизни, несмотря на упорную самооборону. По Манефону, Аменемхет II был убит придворными евнухами, но возможно, что Аменемхет II спутан тут с Аменемхетом I.

Цари чувствовали ненадёжность своего окружения и везде видели опасность. Ещё в пору X династии фараон в своём поучении сыну наставлял укрощать толпу, так как бедняк-де мятежен, истреблять смутьяна, опасного числом своих приверженцев. В уста Аменемхету I было вложено поучение сыну, советовавшее ему вообще никому не доверяться. Сыск получил в это время небывалое значение. Один высокопоставленный сановник, похваляясь, называл себя тем, кто стоит «над тайной дворца при допросе скрытного сердцем», «узнающим мужа по высказанному им», тем, «кому утроба обнажала то, что в ней», и т. д. Другой сановник, современник Сенусерта II, называл себя «доверенным царя в подавлении смутьяна», ему тоже «утробы» людей открывали своё содержимое. Ещё один был «языком царя в испытании людей, в наказании строптивого сердцем». Верховный сановник и судья при Сенусерте I назывался «смиряющим восстающего на царя». Восторженный приверженец Аменемхета III восклицал: «Нет гробницы восстающему на его величество, труп его (т. е. мятежника) — то, что кидается в воду».

К середине Среднего царства можно приурочить составление дошедших до нас многочисленных письменных проклятий врагам фараона, не только внешним, но и внутренним.

Неспокойно было не только вокруг фараона. Как и в дни XI династии, номархи совершали свои выходы и поездки в сопровождении вооружённой охраны, у них тоже были свои вооружённые «провожатые». При Сенусерте I номарх так рассказывал о себе в своей надписи: «Я — устраняющий гордость из высокомерного, заставляющий умолкнуть велеречивого, так, что он (больше) не говорит. Я — наказывающий тысячи мятежников, любовь области моей, ярый сердцем, (когда) он видит всякого преступника. Я — прогоняющий грабителя, из области своей...». В номах, как видно, тоже было неспокойно, если мятежников исчисляли «тысячами».

Сцена из междоусобной войны номов.
Роспись из гробницы. XI династия.

Об Аменемхете I говорили, что он устранил в стране «грех», восстановил захваченное одним городом у другого и заставил их знать свои границы. Но то же самое затем говорилось и о Сенусерте II, царствовавшем век спустя. И при Аменемхете I и в конце правления Сенусерта I некоторые номархи изображали на стенах своих гробниц битвы между египтянами — вплоть до осады крепостей, — по примеру своих владетельных предшественников времени XI династии.

Боязнь расправ была настолько остра, что один придворный, по имени Синухет, ходивший с будущим Сенусертом I в ливийский поход, только услышав про смерть

Аменемхета I, от одной мысли о возможной смуте после смерти царя сейчас же бежал из стана царевича в Сирию. Об этом рассказывает его художественно обработанное жизнеописание — так называемый «Рассказ Синухета»; нет никакой причины сомневаться в возможности рассказанного происшествия.

Пора наибольшего могущества государственной власти в период Среднего царства совпадает с правлением Аменемхета III. Мало что известно о его долгом царствовании, несмотря на то, что памятников от этих лет дошло немало. Он один оставил сооружение, которое можно сравнить с памятниками времени Древнего царства. У самого входа на «Землю озера» (Фаюм) воздвигнуто было громадное по площади каменное здание, состоявшее из многих палат, тысяч комнат и переходов с перекрытиями из исполинских плит. От всей постройки остались одни смутные следы да разрозненные обломки, но ещё греки дивились ей не меньше, чем великим пирамидам. Позднее греки называли ее «Лабиринтом». Сооружение погибло, и сейчас трудно определить, чем оно было на самом деле, но возможно, что это был царский поминальный храм с особыми отделениями для богов номов. По-видимому, объединяя божества номов в одном храме вокруг особы царя, желали покрепче привязать сами номы к общеегипетской фараоновской власти.

Важно отметить, что с воцарением Аменемхета III цепь гробниц номархов, дотоле непрерывная, внезапно пресекается. Как видно, Аменемхету III удалось сломить могущество номархов. Это, однако, не уничтожило сложных общественных противоречий, раздиравших общество Египта во времена Среднего царства. Мы уже говорили, что, как свидетельствуют памятники, и фараоны и местная знать всё время были в тревоге — враги или мятежники постоянно угрожали их власти. При остроте общественных противоречий, при неустойчивости политического положения в стране достаточно было незначительно поколебаться государственной власти, чтобы все противоречия обнаружились с огромной силой.

После Аменемхета III — последнего и единственного царя времени Среднего царства, сколько-нибудь напоминавшего могущественных фараонов Древнего царства, — на престоле промелькнули два недолговечных правителя, из которых вторым была женщина, и XII династия пресеклась.

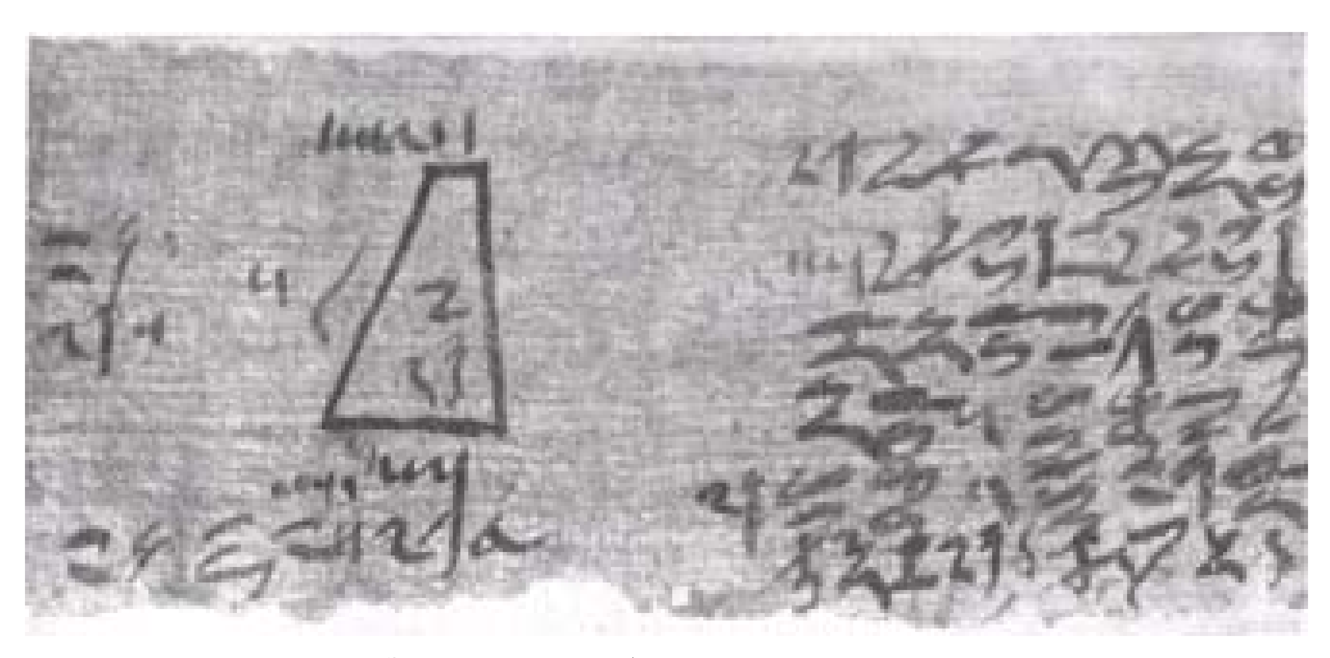
3. Идеология и культура периода Среднего царства. Религия

Письменность и научные знания

Язык, на котором говорили в период Среднего царства, был сравнительно близок к языку времен Древнего царства, но новое беглое письмо, так называемое *иератическое,* которым писали на папирусе и пользовались в повседневном быту, уже сильно отличалось от древнего беглого письма. Ко времени XII династии наряду с беглым книжным письмом выработалась настоящая деловая скоропись, вовсе не похожая на старые деловые почерки и тем более на общего их прародителя — иероглифическое письмо. Последнее оставалось письмом для надписей. Развитие письменности — показатель значительных успехов египетской культуры в период Среднего царства.

Общий подъём хозяйственной и общественной жизни в период Среднего царства благотворно сказался на развитии науки. Именно Среднему царству принадлежит несколько списков задачников, хотя ввиду гибели книг Древнего царства нельзя установить, насколько потомки опережали здесь предков. Среднеегипетская счётная и землемерная наука, несмотря на крайнюю громоздкость образования дробей, решала сложные задачи, орудовала понятием неизвестного, числом π (которое они считали равным 3,16), вычисляла объём усечённой пирамиды и, возможно, поверхность полушария. Эти достижения, засвидетельствованные в рукописи конца Среднего царства, хранящейся в Государственном музее изобразительных искусств

в Москве, говорят о высоком развитии математических знаний. От Среднего царства дошли также остатки лечебника по женским болезням и лечебника для животных. К концу Среднего царства относится своеобразный справочник, точное назначение которого не ясно. Он содержит перечень свыше 300 названий различных масел,

Задача на решение объёма усечённой пирамиды.
Из Московского математического папируса. Конец Среднего царства.

птиц, животных, растений, хлеба, зерна, частей тела, эфиопских крепостей, верхнеегипетских городов. В нём приводятся также сокращённые обозначения 20 видов скота.

Верования

Обожествление царской власти по-прежнему остаётся важнейшей чертой религии. XII династия выдвинула культ нового государственного бога — Амона. Средоточием культа Амона стал в это время город Фивы, на севере фиванского нома. Амон, которому для придания большего веса приписали кое-что от верхнеегипетского бога плодородия Мина, был отождествлён с древним государственным богом Солнца Ра под именем Амон-Ра.

В связи с ростом значения средних слоев населения в религиозных верованиях происходят некоторые изменения. Простые свободные громко заявляли о себе, и сам государственный культ отразил в себе их настроения. Амон-Ра начинает изображаться заботящимся о самых ничтожных тварях, внемлющим мольбе несчастного, спасающим робкого от гордого, судящим между убогим и сильным. Таким Амон-Ра изображается в славословии, известном полностью по рукописи Нового царства (середины XVIII династии) и по отрывкам, сохранившимся от периода конца Среднего царства. При этом естественно, что учение об Амоне, как о защитнике бедняков, было средством идеологического воздействия господствующего класса на широкие массы населения.

Та же XII династия, которая выдвинула Амона, немало способствовала и возвеличению бога Осириса. После падения Древнего царства изображения и надписи со стен громоздких усыпальниц вельмож перекочевали на скромные плиты, доступные и людям среднего достатка; на кладбищах было множество таких плит. Часть многословных заклинаний из царских пирамид появилась на стенках деревянных гробов,

ДИКАЯ КОШКА В ЗАРОСЛЯХ ПАПИРУСА.
Роспись из гробницы номарха Хнумхетепа в Бени-Хасане.
Египет. Среднее царство

доступных зажиточным людям. Здесь к этим заклинаниям были присоединены новые, так называемые «надписи саркофагов», а также заклинания, вошедшие в состав ново- и позднеегипетских заупокойных сборников — так называемая древнейшая «Книга мёртвых».

Теперь всякий покойник мог считаться Осирисом, иметь путём колдовства его преимущества, чтобы существовать в загробном мире. Осирис сделался общеегипетским богом мёртвых. Возросло значение его города Абидоса и справлявшихся там священных представлений. XII династия учла всё это и всемерно содействовала великолепию абидосских торжеств.

Зодчество

С воссоединением страны вновь расцветает каменное строительство, большое и смелое, хотя и не похожее на зодчество Древнего царства. Погребальное сооружение одного из царей XI династии — Ментухетепа в Фивах (около нынешнего Дер эль-Бахри) являло собой причудливое сочетание поминального храма, пирамиды и верхнеегипетской пещерной гробницы. Среднюю часть здания составляла естественная скала, увенчанная, по-видимому, пирамидой; её окружали снаружи два яруса портиков с гранёными столбами.

Цари XII династии, как уже указывалось, в борьбе с местной знатью — номархами — опирались на служилую придворную знать и воинов и стремились внешне к восстановлению порядков Древнего царства. Характерно, что Аменемхет I обосновался недалеко от Мемфиса, где дольше сохранялись традиции Древнего царства. Возвратом к старине при XII династии был и отказ от царских надгробий в духе XI династии. По краю пустыни от южной окраины Мемфиса до входа в «Землю озера» (Фаюмский оазис) и в самой пустыне вновь вырастали одна за другой царские пирамиды. Наружно они были подобны древним пирамидам, с поминальными храмами спереди, а то и с гробницами знати вокруг (у нынешних селений Дахшур, Лишт, Эль-Лахун, Хавара). На деле, однако, пирамиды XII династии, за исключением принадлежавшей Сенусерту I, были построены из кирпича-сырца и только облицованы известняком. Да и у Сенусерта I пирамида состояла всего лишь из каменных клетей, засыпанных песком и щебнем, только снаружи покрытых известняковой облицовкой. Усыпальницы вельмож подле пирамид также имели вид «завалинок» (мастаба), но строились из кирпича и лишь облицовывались плитами из известняка.

Богаче бывали высеченные в скалах верхнеегипетские гробницы, особенно гробницы номархов. Иногда эти гробницы состояли из нескольких помещений и переходов, с помещением для изваяния умершего в глубине, со склепом под полом, несколькими каменными колоннами внутри, а то и под навесом у входа, и с многокрасочными росписями по стенам.

То, что осталось от тогдашних городских храмов, говорит об их простоте и изяществе, но отнюдь не о значительности их размеров. Привратные башни — *пилоны,* — составляющие отличительную черту позднейших египетских храмов, восходят к Среднему царству. Перед храмом, по крайней мере в городе Гелиополе, уже при XII династии стояли два островерхих гранёных столба — обелиска.

По сравнению с предшествующими временами мы довольно хорошо осведомлены о гражданском зодчестве XII династии. Выше уже упоминалось о городе подле царской пирамиды у нынешнего Эль-Лахуна. Внушительными сооружениями были воздвигнутые при XII династии крепости у вторых нильских порогов.

Изобразительное искусство

Новым духом повеяло в это время в изобразительном искусстве. Гордость своим умением сквозит в каждом слове пространной надписи, составленной ещё при XI династии одним из «начальников-мастеров» — «мастером гораздым в ремесле своём»: «Знал я походку мужского изображения и поступь женского, положения птицы и скота, осанку (?) поражающего (?) единоборца, как глядит око на другое, как наполнить страхом лицо пленных (?) врагов, поднятие руки у того, кто поражает бегемота, поступь бегущего».

Несмотря на временный упадок исполнительского мастерства в период падения Древнего царства, высвобождение местных творческих сил из-под власти косного столичного искусства было благотворным, так как это толкало на путь самостоятельных исканий, наблюдений и изучения действительности взамен следования готовым прописям и школьным привычкам.

Большим достижением Среднего царства было развитие росписи. Выдвинувшиеся теперь верхнеегипетские владетели высекали себе гробницы в скалах. Иногда стены гробниц покрывались рельефом, однако ограниченность средств, а также то, что стены пещер были мало приспособлены для высекания на них изображений, предрасполагали к росписи гробничных стен. Если роспись прежде сводилась больше к раскраске высеченных на стене изображений, то теперь она могла полностью использовать свои возможности, давая более живую и выразительную передачу действительности. Тонкая же наблюдательность, несмотря на условность приёмов, отличала лучших живописцев и ваятелей Среднего царства не в меньшей, если не в большей степени, чем их предшественников в Древнем царстве.

Уже при XI династии в гробницах номархов около нынешнего Бени-Хасана появляются, например, изумительные по количеству, разнообразию и точности изображения воинских упражнений. Замечательны своей живостью также группы деревянных фигурок начала Среднего царства, изображавших работников или воинов умершего.

Временная утрата исполнительского мастерства после падения Древнего царства была делом поправимым. После восстановления единства страны образцы изобразительного искусства уже не уступали лучшим образцам Древнего царства, а иногда и превосходили их. Правда, среди вещей (например, заупокойных плит), встречаются и низкокачественные; даже в лучших по исполнению гробницах изображения не были так последовательно слиты в одно художественное целое со стенами, как в гробницах Древнего царства, но этот недостаток искупался новизной и живостью замысла и подачи, а также особой тонкостью в показе зверей и птиц.

Новые достижения в искусстве, связанные с некоторым вовлечением в общественную жизнь более широких масс свободного населения, нашли отражение и в творчестве мастеров, работающих при дворе. Правдивы и выразительны многие изваяния Сенусерта III и Аменемхета III. Их лица, костлявые, суровые и надменные, изображались такими, какими, по-видимому, были в действительности.

Художественная литература

Сколько-нибудь ясное представление о литературе древних египтян мы получаем впервые с появлением памятников Среднего царства, хотя она своими корнями, несомненно, уходит в Древнее царство, и лишь из-за гибели источников нельзя показать этого наглядно.

В главе о Древнем царстве уже упоминалось, что его мудрецам приписывалось впоследствии несколько сочинений о житейской мудрости. Отрывок наставлений царевича Хардедефа, сохранившийся в списке Нового царства, написан языком, действительно отличающимся большой древностью. Имя Хардедефа было хорошо известно Среднему царству; в рукописи этого времени до нас дошло и поучение, приписывавшееся другим древним мудрецам — Птаххетепу, современнику V династии, отцу сановника Кагемни времени III династии. Однако в литературе Среднего царства имелись не одни древние имена. Поучение Ахтоя своему сыну-школьнику с чиновничьим самодовольством осмеивало все виды трудовой деятельности, за исключением профессии писца. Два других поучения являлись по существу политическими трактатами. Они были составлены от имени искушённых житейским опытом царей-отцов и обращены к их преемникам. В более пространное из этих поучений — поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара — включено художественное описание мирообразующей деятельности Солнца и его заботы о человечестве. Однако в основном — это наставления об управлении государством.

Горечь, оставленная пережитым, особенно выразительно передана в поучении, вложенном в уста основателя XII династии Аменемхета I. По содержанию своему предлагаемые наставления всецело порождены бурной порой Среднего царства. Частные лица тоже выступали с такого же рода дидактическими произведениями. Казначей Аменемхета III, Схетепибра, оставил надпись, поучавшую, как выгодно служение фараону и как дурны последствия непокорности ему.

Статуя времени XII династии (Аменемхет III).

«Поучение» Схетепибра может быть названо славословием фараону. Прославления фараоновской власти вставлены и в «Рассказ Синухета» — одно из наиболее ценившихся египтянами сочинений. По своему общему построению этот рассказ примыкает к жизнеописаниям времён VI династии, но по обстоятельности и живости изложения он бесконечно превосходит древние образцы. Возможно, что мы имеем здесь дело с действительными происшествиями, только переданными в художественной форме. Неспокойная пора Среднего царства отражена в содержании этой повести: придворный Синухет бежит из воинского стана, боясь смуты, которая может возникнуть при смене правителей, затем он приобретает положение и богатство в Сирии, по возвращении же через много лет на родину ласково принят новым фараоном, Сенусертом I. Особенно красочно описаны бегство в пустыню, единоборство с сирийским витязем и приём беглеца при дворе.

Возможно, что к Древнему царству восходил в своей основе круг сказок о Хеопсе и чародеях, дошедший до нас в списке конца Среднего царства, но, к сожалению, без начала и конца. Один за другим царевичи рассказывают Хеопсу о волшебных деяниях чародеев, живших при его предшественниках: о том, как один чародей покарал неверную жену и её любовника, как другой чародей перевернул озеро, чтобы достать вещицу, оброненную придворной красавицей. Известный мудрец, царевич Хардедеф, предлагает Хеопсу привести чародея по имени Джеди, но чародей, явившись, огорчает царя предсказанием, что через несколько поколений власть перейдёт к другому роду.

Хотя в сказках речь идёт о давно минувших временах, но вся обстановка оказывается весьма злободневной именно для Среднего царства. В столкновении чародея-сановника с любовником, принадлежащим к людям «малым», усматривают отражение борьбы между знатью и рядовыми свободными. Другой современный чародей — сам богатый «малый»; он ведёт себя в высшей мере независимо перед Хеопсом и даже поучает царя.

Далёкие плавания в заморские страны нашли своё отражение в «Сказке о потерпевшем кораблекрушение». Поездки в Южное Красноморье предпринимались и в Древнем царстве, и тогда уже могли слагать о них сказки. Но в сказке о таком путешествии времён Среднего царства (хранящейся в Эрмитаже) рассказывается, что не какой-нибудь сановник, а простой смертный был выброшен на остров к страшному на вид, но добродушному змею, снят оттуда египетским кораблём и доставлен ко двору. За привезённые царю подарки от змея он был произведён в телохранители.

Общественные противоречия Среднего царства выражены особенно сильно в «Повести о красноречивом селянине». В дни гераклеопольских царей из оазиса в столицу отправляется селянин купить хлеба, но по дороге он ограблен прислужником важного вельможи. Вельможа остаётся глух к жалобе пострадавшего, когда же замечает, что жалобщик красноречив, заставляет его произносить длинные обличения и увещания, которые затем записывает на потеху царю, любителю красноречия. Под конец, правда, царь смилостивился: он награждает обиженного и наказывает грабителя.

Если бытовые повести, вроде рассказа о злоключениях «красноречивого селянина», могли слагаться народом и в Древнем царстве, то художественно построенные речи, бичевавшие неправедного сановника, были, вероятно, новым видом словесности. Эти речи подводят нас вплотную к той отрасли среднеегипетской письменности, которую можно считать всецело вызванной к жизни глубокими общественными потрясениями времени Среднего царства.

Самое отвлеченное из такого рода произведений — так называемая «Беседа разочарованного со своей душой». Разуверившись в злом и бездушном обществе, страдалец ищет смерти. Душа отговаривает его, указывая на тщету надежд на посмертное существование и советует наслаждаться жизнью. Однако человек не сдаётся. Душа выступает в этом произведении носительницей настроений, выраженных в застольной египетской песне того времени, приглашавшей предаваться житейским утехам пока не пришла смерть. Не осталось даже гробниц славнейших мудрецов, говорится в песне, каково на том свете — рассказать об этом некому, так как никто оттуда не возвращался. Это произведение, вероятно, древнейший известный нам памятник свободомыслия, подвергающий сомнению господствующее религиозное учение.

Политическая литература и восстание низов египетского общества

Намёки на события, происходящие в общественной жизни, содержатся и в другой «беседе», времени середины XII династии, на этот раз в беседе человека со своим сердцем. Её ведёт рядовой жрец из Гелиополя. В стране происходят перемены, год не похож на другой. Страна больна, нет порядка в ней, жизнь из года в год труднее, всюду горе, горюют города и номы, всякий творит неправду.

Об исторических событиях в жизни страны повествует третий обличитель, в так называемом «Речении Ипусера» (старое чтение: Ипувера). Его длинная, местами стихотворная речь выдаётся за речь, произнесённую перед царём, изображаемым в качестве зачинщика «беспорядков». Эти «беспорядки» — грозное восстание низов, перевернувшее всё в стране. Обличитель как можно мрачнее описывает переворот, чтобы затем призвать к восстановлению прежних порядков, которые он восхваляет в восторженных словах. Автор — представитель знати, пострадавшей от восставших. Одного перечня перемен, происходящих в стране, ему кажется достаточно, чтобы вы-

звать возмущение и у слушателей. Страна перевернулась, как гончарный круг, говорит он. Бедные стали богатыми, имущие — неимущими. Богатые стенают, бедные — в радости. Кто искал быков для пахоты, стал хозяином стада; у кого не было зерна, тот сам ссужает его; кто не мастерил себе судёнышка, стал владельцем кораблей: прежний хозяин смотрит на них, но они уже не его; у кого не было хлебца, тот стал владельцем закромов, пекарня его снабжена имуществом другого; хозяева одежд — в обносках, а кто не ткал для себя, стал владельцем тонкого полотна; кто не мог соорудить себе гроба, стал хозяином усыпальницы; владельцы же «чистых мест» (гробниц) выброшены на землю. Зависимые люди стали хозяевами людей; все рабыни стали «дерзки в своих речах»; драгоценностями увешаны шеи рабынь; кто был на посылках — посылает другого; знатные мужи очутились в пекарне. Знатные голодны, бегут; дети знатных разбиты о стены; сын знатной особы не отличается от неимущего. Города говорят: «Давайте устраним сильных из среды нашей». Должностные лица разогнаны по всей стране; законы выброшены вон, и их попирают ногами; «ничтожные люди бродят» взад и вперёд по главным судилищам; вскрыта палата, изъяты податные списки; царские склады и жито Египта стали достоянием любого; «царское местожительство» внезапно повержено; горстка «беззаконников» лишила страну царской власти; что скрывала пирамида, то пусто: царь из неё вынут «ничтожными людьми»; чары раскрыты, заклинания знают обыкновенные люди.

«Малые» люди неоднократно упоминаются в этой рукописи, но движущей силой переворота выставлены «ничтожные» люди. Главный удар был нанесён в столице; в середине речи стих за стихом начинается воплем: «Истребите противников местожительства честного!». Столица находилась тогда в Нижнем Египте или неподалеку от него: Нижний Египет постоянно имеется в виду, тогда как Верхний Египет упоминается лишь вскользь, как разорённый или как не платящий податей. Обличитель сетует на засилье иноплеменников, наводнивших страну и даже перенявших мастерство у ремесленников Нижнего Египта.

Когда происходили все эти события? Речь обличителя известна нам по повреждённому и неполному списку, хранящемуся в Лейдене (Голландия). Список был изготовлен в середине Нового царства, но само сочинение по языку и содержанию, бесспорно, восходит к Среднему.

В Государственном Эрмитаже, в Ленинграде, хранится другая рукопись, более старая, но тоже Нового царства, являющаяся единственным полным списком другого произведения, касавшегося тех же событий. Рассказ о них влагается в уста жреца Неферти (старое чтение: Неферреху). Исторические события изложены здесь вкратце в виде предсказания, сделанного якобы царю IV династии Снефру. Упор в этом предсказании делается не столько на превращение «ничтожных» людей во «владык богатств», сколько на засилье в стране иноземцев. Подлинник этого произведения восходил к тому же Среднему царству. Предсказателем выступал важный жрец, «малый, сильный рукой своей» и богач. Он был тоже сторонником старых порядков, но заглядывал дальше, чем обличитель в «Речении Ипусера». Тот только мечтал о восстановлении старого порядка, предсказатель же Неферти прямо предрекал приход с юга царя-восстановителя, по имени Амени. «Амени» было сокращением от «Аменемхет» — имени основателя XII династии и нескольких последующих царей.

К какому отрезку времени следует отнести победоносное восстание низов против своих поработителей — ещё не известно. Имеется ряд серьёзных доводов в пользу отнесения его ко времени, предшествующему воцарению XII династии, однако некоторые учёные относят его ко времени конца Среднего царства. Так или иначе, восстание низов достигло силы и размаха, каких мы бы и не подозревали, если бы не располагали этими египетскими памятниками.

4. Конец Среднего царства

Мы видели, что период IX—XI династий был периодом серьёзнейших внутренних потрясений в истории Египта. Но и XII династия, ко времени которой относится расцвет Среднего царства, не смогла прочно объединить Египет.

Ослабление Египетского государства

После XII династии Манефон называет одну династию из Фив и одну династию из Ксоиса в западной части Дельты — XIII и XIV по счёту. Сильно повреждённый царский список, написанный в период Нового царства и хранящийся в Турине, перечислял после XII династии великое множество царских имён, из которых лишь часть найдена на памятниках того времени. Это и неудивительно: продолжительность царствований, когда она может быть установлена по обрывкам туринского списка, не превышает обыкновенно всего нескольких лет, а то даже месяцев или дней. Престол стал игрушкой в руках боровшихся сил, цари свергались один за другим. Некоторые цари прямо называли своих нецарственных родителей, другие и на престоле сохраняли имена, звучащие совсем не по-царски. Как провести грань между XIII и XIV династиями, следовали ли они одна за другой или XIV династия сосуществовала одновременно с XIII и последующими в каком-либо уголке Дельты — вопрос неясный.

Впрочем, кое-кто из царей XIII династии оставил большие изваяния, обстоятельные надписи, даже следы строительной деятельности. Египетская государственность Среднего царства в том виде, как она сложилась к концу XII династии, продолжала существовать и при XIII династии, несмотря на смуту. Такого распада страны, который последовал за Древним царством, теперь не повторилось. Более того, номархи не вернули себе даже того положения, какое они имели до Аменемхета III, — встретить гробницу номарха в духе XII династии можно при XIII династии разве как исключение. Раскопки в финикийском городе Библе доказали, что там XIII династия сохраняла свое влияние. По-видимому, до конца этой династии и Северная Эфиопия оставалась под египетской властью.

Гиксосское владычество в Египте

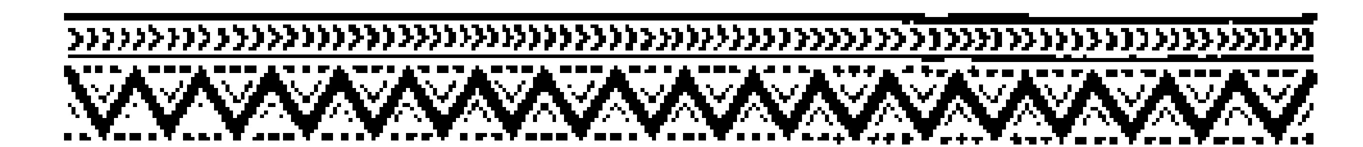
Смертельный удар ослабленному государству был нанесён извне. Под конец Среднего царства Египет был завоёван пришельцами с Востока, которых Манефон именовал *гиксосами*. Возможно, что за этим манефоновским названием завоевателей кроется самообозначение пришлых царей: «властители (чужеземных) нагорий». Племенной состав завоевателей мог быть пёстрым. В состав имён некоторых гиксосских царей входили семитские слова. Со временем гиксосские цари выступали уже в роли фараонов. Они приняли их титул, назывались «сынами Солнца» и объявляли себя почитателями египетских богов. Последнее, впрочем, им удавалось плохо, так как они явно предпочитали своего нового государственного бога, который хотя и именовался по-египетски Сетом, но был, возможно, только отождествлённым с ним иноземным божеством. Одно из мест почитания Сета находилось как раз на востоке Дельты, где главным образом и обосновались завоеватели. Позже, в Новом царстве, было принято называть сирийских и малоазийских богов «сетами». Иноземное владычество длилось не менее 108 лет. Ещё столетие спустя по изгнании гиксосов (в первой половине XVI в. до н. э.) в стране стояли разорёнными храмы, и вплоть до манефоновских времён жило предание о гиксосском нашествии как о страшном погроме. Но и под иноплеменным игом духовная жизнь не заглохла в стране, и египтяне сумели передать наследие Среднего царства новому периоду. Так, одна из замечательнейших научных рукописей (большой счётный задачник) помечена годом правления одного из царей-гиксосов.

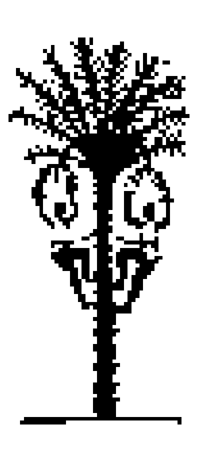
Своей столицей гиксосы сделали Аварис на самом востоке Дельты. Объединить Египет под своею властью они по-настоящему так и не смогли. Над Фивами и соседними областями царствовали египетские цари — захудалые, судя по их бедным

памятникам, но как будто всё же самостоятельные. Только два гиксосских царя, Хиан и Апепи, простирали свою власть, может быть, и на юг Египта, так как там были найдены печатки и камни с их именами, последние — примерно в ста километрах южнее Фив. Неизвестно, свергли ли завоеватели южную царскую династию или она продолжала существовать под их главенством. Как бы то ни было, на исходе гиксосского владычества в Фивах существовали цари, которых принято считать XVII династией. XV династию составляли гиксосы. В отношении XVI династии неясно, была ли она гиксосской или фиванской. Сохранившиеся выдержки из Манефона в этом вопросе расходятся.

С XVII династии начинается упорная борьба за изгнание чужеземных завоевателей из Нильской долины, борьба, которая знаменует собой начало новой поры в истории Египта — периода Нового царства.

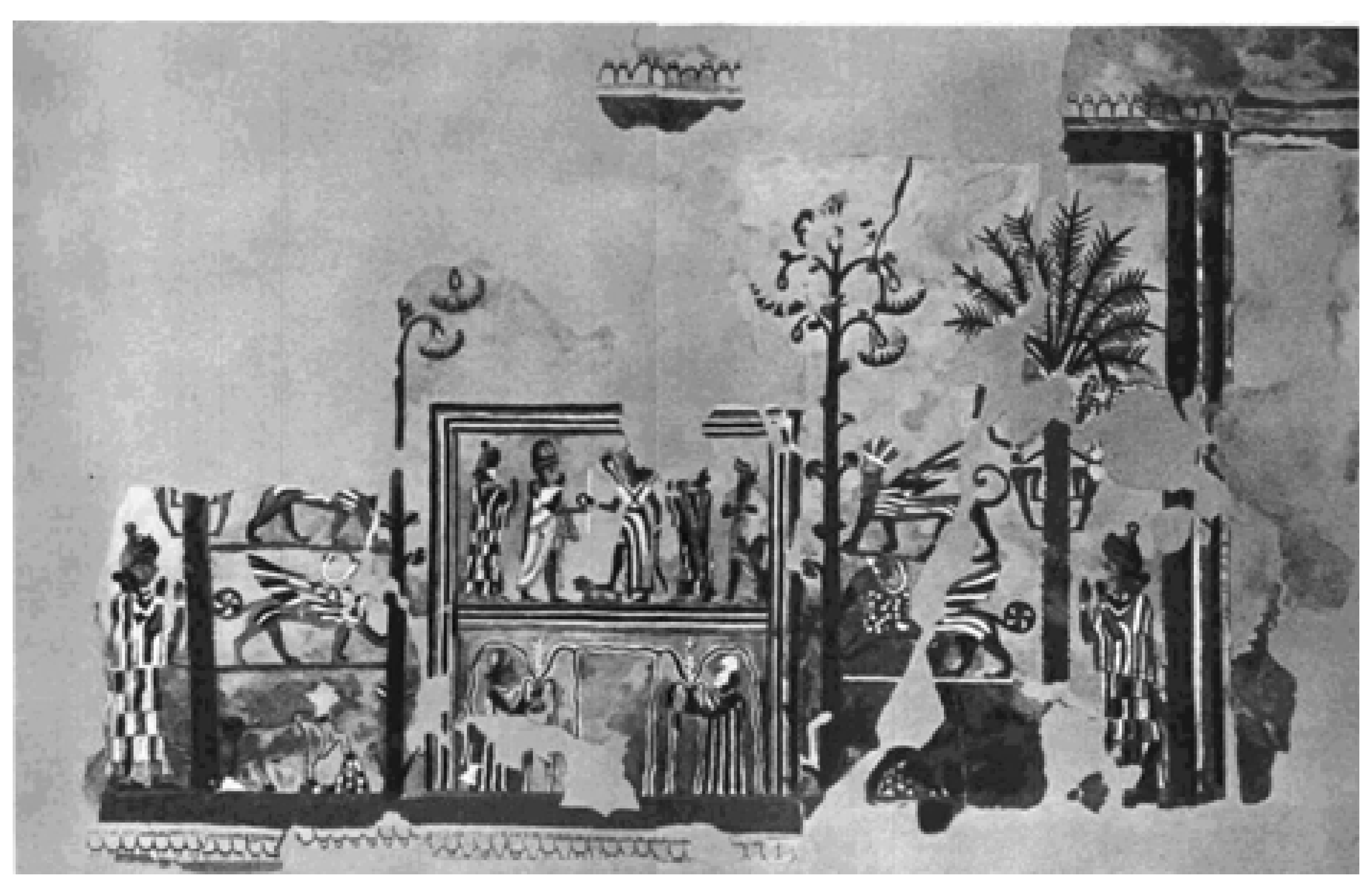
ГЛАВА X
ВАВИЛОНИЯ ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

Во втором центре рабовладельческой цивилизации того времени — Двуречье, тогда почти ещё изолированном от цивилизации Нильской долины, на рубеже III и II тысячелетий произошли события, не только приведшие к падению царства Шумера и Аккада, созданного III династией Ура, но и повлекшие за собой существенные изменения в общественной жизни. В результате этих событий была разрушена система громадных, сильно централизованных царских хозяйств, созданных трудом многочисленных отрядов людей, подвергавшихся рабовладельческой эксплуатации. Страна распалась, подобно Египту Древнего царства, на множество мелких государств, в которых, как это имело место и в Египте, всё более развиваются рабовладельческие хозяйства частных лиц. Царские хозяйства теперь получают несколько иной характер, чем раньше.

В первой половине II тысячелетия до н. э. произошло новое объединение почти всей долины Двуречья вокруг города Вавилона (так называемое «Старо-Вавилонское царство» в отличие от «Ново-Вавилонского царства», сложившегося тысячелетием позже). Экономическая необходимость, в том числе необходимость ведения единого ирригационного хозяйства в масштабе всей долины Двуречья, определяла и необходимость политического объединения страны. В течение примерно 2 тысяч лет, начиная с этого времени, город Вавилон оставался важнейшим экономическим и культурным центром не только Двуречья, но и всего древнего мира. Этим и объясняется, что позже всё древнее Двуречье часто называли Вавилонией.

ВЕРХНЯЯ ЧАСТЬ СТОЛБА С ТЕКСТОМ ЗАКОНОВ
ВАВИЛОНСКОГО ЦАРЯ ХАММУРАПИ
Найден в Сузах. XVIII в. до н. э. Базальт

НАСТЕННАЯ РОСПИСЬ ИЗ МАРИ
Справа — изображение сбора фиников. Около 1800 г. до н. э.

1. Возникновение Старо-Вавилонского царства

Государства Исина и Ларсы

После разгрома державы III династии Ура единое государство Шумера и Аккада сменили два самостоятельных царства на севере и юге Двуречья, основанные вторгнувшимися аморейскими племенами. Последние осели в стране, постепенно смешавшись с местным населением, в противоположность эламитам, вернувшимся после разграбления богатых городов Шумера и Аккада в свои горы. На севере, в Аккаде, образовалось государство со столицей в Исине, в 25 *км* от Ниппура. На юге амореи основали после ухода эламитов другое царство со столицей в Ларсе. Цари обеих династий пытались продолжать традиции династии Ура и поэтому называли себя «царями Шумера и Аккада».

Путём сопоставления ряда фрагментов клинописных табличек, раскопанных в Ниппуре, удалось восстановить, хотя и в неполном виде, сборник законов пятого царя династии Исина, Липитиштара. Созданный по повелению царя-аморея, т. е. семита, он был тем не менее написан на шумерском языке и составлен, судя по введению, с учётом в первую очередь интересов населения городов Ниппура, Ура и Исина. Из сохранившихся отрывков видно, что в законах уже не делалось различия между рабом-военнопленным, купленным рабом и рабом-должником. Законы царя Исина не предусматривали никакого отличия в правовом отношении между аморейскими завоевателями и покорённым ими населением Шумера и Аккада, что, надо думать, вызывало недовольство среди амореев. Оно, по-видимому, вылилось в конце концов в открытое восстание. Торжество победителей не было длительным, и восстание было подавлено преемником Липитиштара Урнинуртой, при котором рабовладельческая знать Шумера и Аккада на некоторое время восторжествовала.

Эта знать достигла власти и на юге, в государстве Ларсы. От времени её господства до нас также дошёл фрагмент законов. На основании сохранившихся 9 статей можно судить, что закон оберегал интересы рабовладельцев: он сохранял, например, за ними право на труд их приёмных детей и не защищал последних от произвола приёмных родителей. Имеются основания для утверждения, что закон в то время не ограничивал ростовщические устремления крупных рабовладельцев. О сравнительно высоком по тому времени развитии юридической мысли говорит тот факт, что при определении наказания здесь уже делаются попытки учесть и момент злой воли со стороны лица, нанёсшего ущерб.

Другие государства Месопотамии

Владения царства Исина и Ларсы не выходили за пределы Двуречья. Непосредственными соседями царства Исина было государство Мари на северо-западе, расположенное на среднем течении Евфрата, и государство Эшнунна на северо-востоке, в долине реки Диялы, притока Тигра. В обеих указанных областях были проведены многочисленные археологические исследования, результаты которых пролили яркий свет на историю и культуру Передней Азии начала II тысячелетия до н. э.

Мы лучше знаем общественные отношения государства Эшнунны благодаря тому, что был найден сборник или часть сборника законов царя этого государства Билаламы (начало XX в. до н. э.). В противоположность законам Исина и Ларсы законы Эшнунны были составлены не на шумерском, а на аккадском языке, на языке первых семитических племён, осевших в Двуречье и в смежных с ним областях. Всего от законов Билаламы сохранилось около 60 статей самого разнообразного содержания. Так, первые две статьи посвящены определению цен на различные товары, причём цены в первой статье выражены в серебре, а во второй — в зерне. Ряд статей рассматривает различные формы найма. Несколько статей имели целью защитить собственность так называемых *мушкену* (неполноправных свободных) и определить их место в обществе. Статьи, касающиеся заёмных сделок, свидетельствуют о значительном развитии ростовщичества. Как и в прочих древневосточных законах, большое место занимают статьи, связанные с решением различных вопросов семейного права.

Законы Билаламы, правителя Эшнунны, в общем по своим установкам не слишком отличаются от дошедших до нас и рассмотренных выше правовых памятников Двуречья. Здесь, как и в Исине и Ларсе, кража или укрывательство раба карались не казнью, а лишь штрафом, взимаемым с виновного. При таких условиях крупные рабовладельцы вполне могли рисковать, похищая рабов у мелких рабовладельцев. В законодательстве Эшнунны начало сглаживаться различие между полноправными гражданами (предположительно аморейскими завоевателями) и мушкену («подчинёнными», «покорными»: как мы увидим, есть различные объяснения этого термина). Телесные повреждения и по отношению к полноправным гражданам карались в Эшнунне одним лишь денежным штрафом. Правда, на юге — и в Исине, и в Ларсе — термин «подчинённый» постепенно исчез, а в Эшнунне, хотя он и сохранился, но почти потерял своё первоначальное значение. Сближение в правовом положении между завоевателями и «подчинёнными» (мушкену) было, конечно, обусловлено давностью завоевания Эшнунны и происходившим слиянием вторгнувшихся амореев с местным аккадским населением.

Государство Эшнунна, подобно своему западному соседу — царству Мари, приняло участие в той ожесточённой борьбе государств Двуречья между собой, которая в конце концов привела к созданию мощной и обширной, хотя и весьма недолговечной, державы вавилонского царя Хаммурапи.

Возвышение Вавилона. Царствование Хаммурапи

Вавилон, находился в северной части Двуречья, на реке Евфрате. Название города «Бабили» (Вавилон) означает «Врата бога». Вавилон, как самостоятельное государство, сравнительно поздно выступил на арену истории, поэтому в списке царских династий, составленном писцами династии Исина, не упоминается ни одна вавилонская династия. Поздневавилонская жреческая легенда упоминает Вавилон, рассказывая о том, что боги наказали Саргона, царя Аккада, за зло, причинённое Вавилону. Сохранилась легенда и о каре, понесённой крупнейшим представителем III династии Ура Шульги за ограбление храма Мардука, бога Вавилона. Уже во времена III династии Ура Вавилон, очевидно, стал играть значительную роль: в документах он упоминается наряду с такими городами, как Умма, Киш, Сиппар.

Около 1895 г. до н. э. вновь вторгшимся аморейским племенам удалось захватить северную часть царства Исин и создать здесь самостоятельное государство, столицей которого и стал город Вавилон. Новое государство в течение примерно столетия не играло большой роли. Но к началу XVIII в. до н. э. Исин, ослабленный отпадением Вавилона, потерял прежнее значение, а Ларса незадолго до этого (в 1834 г. до н. э.) была завоёвана эламитами. На севере наступил период временного усиления Ассирии, поставившей в зависимость от себя некоторые области Аккада, в частности области городов Мари и Эшнунны.

Эти обстоятельства и были использованы вавилонским царём Хаммурапи (1792— 1750). Чтобы развязать себе руки в борьбе за господство в Двуречье, Хаммурапи, как кажется, временно признал свою зависимость от ассирийского царя Шамшиадада I.

Уже в 7-м году своего царствования Хаммурапи завоевал Урук и Исин, использовав при этом помощь Римсина, представителя эламской династии в Ларсе, с царями которой поддерживались в то время дружественные отношения. Соорудив в 9-м году имевший большое хозяйственное значение канал, получивший название «Хаммурапи — изобилие», он пытался примирить население завоёванных областей со своей властью. Достигнув первых значительных успехов, Хаммурапи стал опасаться вмешательства со стороны ассирийского царя Шамшиадада I и его союзников — степных племён. Он стал принимать меры к укреплению своих северных границ и начал завоевание пограничных областей.

После смерти Шамшиадада Хаммурапи содействовал изгнанию его сына из Мари. С помощью Хаммурапи снова на престол своих отцов сел представитель старого царского дома Мари — Зимрилим. Наступил новый расцвет государства Мари, ко-

торое успешно отражало набеги степных племён и вторжения войск царства Эшнунны. Торговые связи Мари доходили до далёкого Крита. Хаммурапи, помогавший Зимрилиму завоевать престол, стал его союзником. Они называли друг друга «братьями». Зимрилим имел своих постоянных представителей при дворе вавилонского царя, но последний в письмах часто обращался непосредственно и к самому Зимрилиму и к его сановникам. В своей внешней политике оба царя обычно выступали согласованно.

Положение Хаммурапи, завоевавшего на юге Исин и Урук, опиравшегося на севере на союз с Мари, было чрезвычайно выгодным. Уже тогда (около 15—16-го года своего царствования) он был одним из самых могущественных правителей Двуречья.

Но вскоре отношения между правителем Ларсы Римсином и Хаммурапи обострились, и это временно поставило вавилонского царя в трудное положение.

В результате отпадения южных областей и отторжения северной пограничной полосы для Хаммурапи создалась тяжёлая политическая обстановка. Накопив силы для решающего удара, он в 30-м году своего царствования начал победоносное наступление на своих врагов. Хаммурапи победил своих северных врагов во главе с Эшнунной и разбил войско Элама, пытавшегося прийти им на помощь. В следующем, 31-м году своего правления (1762 г. до н. э.) он обрушился на своего основного противника — Римсина, захватив его столицу Ларсу; возможно, что Римсин при этом бежал в Элам.

Усиление могущества вавилонского царя вызвало сильную тревогу за участь собственного царства у его союзника Зимрилима, и он во время войны уклонился от оказания помощи Хаммурапи. После победы над Эшнунной Хаммурапи вторгся в царство Зимрилима. В 33-м году своего правления он подчинил себе царство Мари и союзные с ним области. Зимрилим не пожелал примириться с подчинённым положением, но тогда его постигла ещё более жестокая кара. В 35-м году своего царствования Хаммурапи разгромил Мари, разрушил пышный дворец Зимрилима, стены города. В последующие годы вавилонский царь подчинил себе область вдоль течения Тигра, включая Ашшур.

Объединив основную и важнейшую часть долины Тигра и Евфрата, Хаммурапи стал хозяином торговых путей на восток, север и запад. Он подчинил своему влиянию на востоке значительные области Элама. В документах того времени неоднократно упоминаются эламские военнопленные. Все области Малой Азии и Сирии, которые находились в торговых сношениях с царством Мари, были теперь включены в орбиту вавилонской торговли.

В этот период усилилось воздействие вавилонской культуры на сирийские города, на хеттский племенной союз, на финикийское государство Угарит. На западе воздействие вавилонской культуры этого периода сказывается в Палестине. Возможно, что Вавилония при Хаммурапи или при его ближайших преемниках вступила в отношения с ещё более далёкой страной — с Египтом.

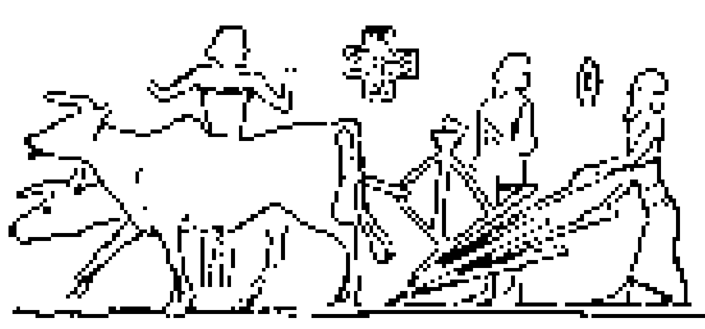
2. Общественно-экономические отношения в Вавилонии в XVIII в. до н. э.

Развитие экономики

В начале II тысячелетия до н. э. в Двуречье продолжали совершенствоваться орудия производства, обогащался трудовой опыт людей, улучшались навыки труда. Развивалась и совершенствовалась ирригационная сеть. Пожалуй, ещё более, нежели в Египте, необходимость сложного вычисления периодов половодья Евфрата и Тигра создавала предпосылки для развития вавилонской астрономии. Ирригационные работы требовали и углубления некоторых математических знаний, например, в области исчисления объёма землекопных работ и количества рабочей силы. Техника использования ирригационной сети достигла в это время уже большого совершенства: для орошения высоких полей, до которых не доходила вода в период подъёма реки, были теперь созданы более усовершенствован-

ные водоподъёмные сооружения. Усовершенствовалась также и земледельческая техника в собственном смысле этого слова. Надо полагать, что около этого времени получил распространение плуг с воронкой, в которую засыпалось зерно для посева, хотя есть данные о том, что он был известен уже при III династии Ура. Лошадь, хотя и не получила ещё широкого применения, но была уже известна в числе домашних животных.

В отношении применения металла Двуречье являлось наиболее передовой страной того времени. Здесь уже в начале II тысячелетия до н. э. прочно установился бронзовый век. Время от времени появляется даже железо. Всё более широкое применение металла усиливало действенность орудий труда в сельском хозяйстве, которое продолжало играть первенствующую роль в экономике страны.

Пахота на волах с усовершенствованным плугом-сажалкой. Оттиск с печати касситского времени. Вторая половина II тысячелетия до н. э.

Наряду с сельскохозяйственной техникой продолжали развиваться и орудия различных ремёсел, совершенствовались и приёмы ремесленников. В законах Хаммурапи перечисляются представители десяти различных отраслей ремесла, среди которых были названы кирпичники, ткачи, кузнецы, плотники, судостроители, домостроители и другие, но этим далеко не исчерпывается список известных тогда многочисленных ремёсел. Создавались предпосылки для развития знаний в области химии. До нас дошли небольшие фрагменты вавилонского труда по химии, в которых даны, например, указания, как изготовлять поддельные драгоценные камни, имитацию меди, серебра и т. д. Развивались в этот период торговля и обмен. Правда, и теперь ещё торговцы — тамкары продолжали юридически оставаться на положении торговых агентов царя, но их значение к началу II тысячелетия до н. э. возросло, они имели теперь своих помощников, которые вели розничную торговлю и сопровождали караваны. Продолжало развиваться денежное хозяйство. Теперь мерилом цен стало только серебро, и на основании дошедших до нас документов можно установить соотношение цен на рынках Вавилонии в начале II тысячелетия до н. э. Не только ремесленники, но и сельскохозяйственные работники, нанимавшиеся на длительный срок, получали свою заработную плату серебром. Впрочем, некоторые категории сельскохозяйственных работников, как, например, пахари и пастухи, попрежнему получали плату зерном или вообще натурой. О большом количестве серебра в торговом обороте свидетельствует сравнительно невысокий процент за ссуду — 20%. Хотя законами Хаммурапи были установлены и по отношению к ссудам зерном те же 20%, но это постановление закона по отношению к ссудам такого рода не выполнялось: если за ссуду серебром взимались законные 20 %, то за ссуду зерном взималось на практике $33^1/_3$%. Столь высокий процент для зерновой ссуды обусловлен резким колебанием цен на зерно в различные периоды сельскохозяйственного года.

Ростовщичество и долговое рабство

Значение ссуд и процентов в хозяйственной жизни Вавилонии нашло своё отражение не только в деловых документах начала II тысячелетия до н. э., но и в школьной литературе, восходящей к тому времени. В серии табличек с характерным заголовком *Харра-хубуллу,* т. е. «процентный заём», для учебных целей были собраны шумерские правовые термины, в частности, касавшиеся ссуды и займа, с их аккадским переводом, как, например, «долговое обязательство», «процентный заём», «беспроцентный заём», «дар» и т. д. Об исчислении долговых процентов трактовали специальные задачи в дошедшей до нас математической литературе.

В частноправовых документах того времени мы находим многочисленные свидетельства ростовщических сделок. Сохранились документы, восходящие к жрицам-затворницам местного храма бога Солнца — Шамаша в городе Сиппаре. Эти дохристианские «монахини» через своих родственников — отцов и братьев — производили скупку земель, сдавали в аренду свою землю, давали деньги в рост, покупали рабов и т. д. В древнем городе Кише были ростовщики, дававшие взаймы серебром и зерном под залог полей и созревавшей жатвы, скупавшие дома, закрома, сады, поля и т. д.

Но самые видные представители ростовщического капитала нам известны в городах Уруке и Ларсе, на юге Шумера. В Уруке была найдена часть архива двух братьев-ростовщиков, скупивших в течение каких-нибудь 20 лет буквально за гроши более 40 домов и участков. В документах, найденных при раскопках в Ларсе, мы видим новый тип работорговца, отличавшегося от работорговцев предшествовавших периодов тем, что он не на чужбине, а у себя, в своём родном городе, скупал рабов — своих же собственных сограждан. Два работорговца, о которых упоминают документы, путём ростовщических операций превращали своих сограждан в рабов-должников и передавали их в наём на работу тем, кому требовалась рабочая сила, преимущественно богатым ремесленникам, имевшим собственные мастерские.

Эти документы вместе с тем устанавливают факт безраздельного господства рабовладельческой знати в Ларсе во время правления Римсина. Так, вышеупомянутые работорговцы, сдавая в наём своих рабов-должников, оговаривали своё право на полное возмещение стоимости раба не только в случае бегства его в неизвестном направлении, но и в случае бегства его в хозяйство царя, храма или знатного человека. Очевидно, в то время крупные рабовладельцы располагали такой силой, что могли безнаказанно принимать в своё хозяйство беглых рабов.

В это время катастрофически учащается продажа родителями детей. Создалась даже пословица: «Сильный человек живёт руками своими, а слабый — ценой своих детей».

Усиление процесса расслоения сельских общин

Развитие обмена, денежного хозяйства и ростовщичества должно было усилить процесс расслоения сельских общин. Об этом свидетельствуют жалобы представителей общин на своих старейшин; во главе общин наряду с советом из знатнейших общинников теперь стояло уже не выборное, должностное лицо, а царский чиновник, который, разумеется, нисколько не защищал рядовых членов общины от посягательств со стороны сильных мира сего.

В пределах самих общин отдельные зажиточные общинники становились все более самостоятельными. Каких-либо прав контроля общины над имуществом отдельных его, членов, очевидно, уже не существовало, поскольку земли могли сдаваться в аренду, передаваться в наследство и продаваться без каких-либо видимых ограничений со стороны общины. В дошедших до нас источниках нет указаний на существование общинного выпаса скота.

Конечно, нельзя говорить о полном разрушении сельской общины к этому времени, но, несомненно, все вышеприведённые данные указывают на далеко зашедший процесс разложения общинного строя. Этот строй не мог оказать представителям сельских общин действенной помощи против угнетения со стороны крупных рабовладельцев.

Уровень жизни вавилонян ещё мало отличался от уровня жизни в шумерский период. Правда, более зажиточные дома строились иногда в два этажа, с деревянной галереей на столбах вокруг внутреннего дворика; но большинство жилищ и теперь представляли совсем маленькие сооружения из сырцового кирпича, с плоскими крышами, с глухими стенами (комнаты освещались только сквозь дверные проёмы со двора); в богатых домах ещё в III тысячелетии стали появляться кровати, табуреты, столики, но даже в семье мелкого рабовладельца нередко была только одна кровать; не только

рабы, но и младшие члены семейства спали на циновках или на полу. Деревянная дверь считалась ценным движимым имуществом и вывозилась при продаже дома.

Богатство заключалось в металлической посуде, в запасах ячменя и пшеницы; редкие богачи запасали серебряные слитки. Большинство населения жило в крайней нищете, голод был постоянным гостем в семье вавилонянина; семьи были малочисленны, так как болезни и недоедание косили детей. Условия труда немногим улучшились с шумерского времени; правда, как кажется, стало больше различных водоподъёмных сооружений, но и это были, по-видимому, примитивные устройства, требовавшие каторжного по своей тяжести труда.

К сожалению, историк не располагает пока какими-либо источниками, которые свидетельствовали бы о сопротивлении народных масс порабощению их крупными рабовладельцами. Однако косвенным доказательством наличия подобного сопротивления со стороны народа можно считать попытки несколько ограничить ростовщичество и приостановить процесс закабаления свободных, что и отразилось в законодательстве Хаммурапи. Вавилонские цари вынуждены были пытаться несколько сдерживать развитие ростовщичества и долгового рабства, так как дальнейшее его развитие вело к уменьшению численности населения, облагаемого налогом и к уменьшению численности ополчения, которое состояло из свободных земледельцев. В конечном итоге развитие долгового рабства неизбежно ослабляло власть самих вавилонских царей, а также могущество рабовладельческого государства в целом.

Общая характеристика законов Хаммурапи

Естественно, что для Вавилонского государства стало неприемлемым древнее право Шумера, восходящее ещё к законодательной деятельности царей III династии Ура. Необходимость создания нового свода законов для своего государства сознавал уже второй царь I вавилонской династии - Сумулаилу, о законах которого упоминают документы его преемников.

Царь Хаммурапи своим законодательством попытался оформить и закрепить общественный строй государства, господствующей силой, в котором должны были явиться мелкие и средние рабовладельцы. Какое большое значение придавал Хаммурапи своей законодательной деятельности, видно уже из того, что он приступил к ней в самом начале своего правления; 2-й год его царствования назван годом когда «он установил право стране». Правда, этот ранний сборник законов не дошёл до нас; известные науке законы Хаммурапи относятся уже к концу его царствования.

Эти законы были увековечены на большом чёрном базальтовом столбе. Наверху лицевой стороны столба изображён царь, стоящий перед богом Солнца Шамашем — покровителем суда. Под рельефом начертан текст законов, заполняющий обе стороны столба. Текст распадается на три части. Первой частью является обширное введение, в котором Хаммурапи объявляет, что боги передали ему царство для того «чтобы сильный не притеснял слабого». Затем следует перечисление благодеяний которые были оказаны Хаммурапи городам своего государства. Среди них упоминаются города крайнего юга во главе с Ларсой, а также города по среднему течению Евфрата и Тигра — Мари, Ашшур, Ниневия и др. Следовательно, базальтовый столб с законами Хаммурапи был воздвигнут им уже после победы над Римсином и подчинения государств, расположенных по среднему течению Евфрата и Тигра, т. е. в начале 30-х годов его правления. Надо полагать, что копии законов были изготовлены для всех крупных городов его царства. После введения следуют статьи законов, которые в свою очередь заканчиваются обстоятельным заключением.

Памятник сохранился в общем хорошо. Лишь статьи последних столбцов лицевой стороны были стёрты. Очевидно, это было сделано по повелению эламского царя перевезшего после своего вторжения в Двуречье этот памятник из Вавилонии в Сузы, где он и был найден. На основании сохранившихся следов можно установить, что на выскобленном месте было начертано 35 статей, а всего в памятнике насчитывается 282 статьи. На основании различных копий, найденных в раскопанных древних

библиотеках Ниневии, Ниппура, Вавилона и др., можно восстановить большую часть уничтоженных эламским завоевателем статей.

Законы Хаммурапи охватывают многочисленные правовые вопросы современного ему вавилонского общества. Первые 5 статей (нумерация статей установлена современными учёными) посвящены вопросам судопроизводства. Статьи 6—13 определяют наказание за кражу и указывают способы установления кражи. Статьи 14—20 направлены против кражи детей и рабов и против укрывательства беглых рабов. Здесь же устанавливается размер награды за поимку беглого раба. В статьях 21—25 рассматриваются разнообразные случаи грабежа. Статьи 26—41 регулируют обязанности и права воинов, причём особенно детально разбираются вопросы их землевладения. Статьи 42—47 определяют права и обязанности лиц, арендующих землю. Следующие пять статей (48—52) устанавливают пределы права ростовщика на урожай заложенного ему поля. Статьи 53—56 налагают кару за небрежное использование ирригационной сети. Статьи 57—58 защищают владельцев полей от ущерба, наносимого стадами. Статьи 59—66 решают различные вопросы, связанные с владением садами, в том числе и вопрос о праве ростовщика на урожай сада его должника. Следующие статьи, содержавшиеся в разрушенных столбцах надписи, были посвящены отчасти вопросам владения домами и строительными участками, отчасти различным видам ростовщичества. К ним примыкают статьи 100—107, говорящие о купцах — тамкарах и их помощниках. Корчмы, являвшиеся вместе с тем и вертепами, рассматриваются в статьях 108—111. Праву хранения и долговому праву, связанному с обеспечением займа личностью членов семьи должника, посвящены статьи 112—126. Очень большое место (статьи 127—195) занимает семейное право. Отдел, содержащий статьи 196—225, устанавливает размер кары за телесные повреждения. Статьи 226 и 227 оберегают рабовладельца от умышленного уничтожения клейма на принадлежавшем ему рабе. Вопросы, связанные с работой архитекторов и судостроителей, рассматривают статьи 228—235. Разнообразные виды найма обстоятельно разобраны в статьях 236—277. Заключительные статьи содержат постановления о рабах.

Законодательство Хаммурапи, как и законодательство Исина, Ларсы и Эшнунны не содержит указаний на вмешательство богов. Исключение составляют лишь статьи 2 и 132, допускающие по отношению к человеку, обвинённому в колдовстве, или к замужней женщине, обвинённой в прелюбодеянии, применение так называемого «божьего суда». К далёкому прошлому восходят постановления о каре за телесные повреждения согласно принципу «око за око, зуб за зуб». Законодательство царя Хаммурапи расширило применение этого принципа и по отношению к врачу за повреждение при неудачной операции и к строителю за неудачную постройку; если, например, обрушившийся дом убивал хозяина, то умерщвлялся строитель, а если в этом случае погибал сын хозяина, то умерщвлялся сын строителя.

Законы царя Хаммурапи надлежит признать одним из самых значительных памятников правовой мысли древневосточного общества. Это первый известный нам во всемирной истории подробный сборник законов, освящавший рабовладельческий строй, частную собственность, эксплуатацию человека человеком.

Изучение законов Хаммурапи в связи с сохранившимися царскими и частными письмами, а также частноправовыми документами того времени даёт возможность определить общественный строй Вавилонии, а вместе с тем и направление мероприятий царской власти, отражённых в этом законодательстве. В законах Хаммурапи отчётливо проступает классовый характер законодательства Вавилонского царства. Государство установлением суровых наказаний защищало рабовладельцев от «строптивого» раба. За телесное повреждение, причинённое чужому рабу, требовалось, как и по отношению к скоту, возмещение убытка его собственнику. Виновный в убийстве раба давал взамен его собственнику другого раба. Рабы, подобно скоту, могли продаваться без каких-либо ограничений. Семейное положение раба при этом не учитывалось. При продаже раба закон заботился лишь о том, чтобы охранить покупателя от

обмана со стороны продавца. Законодательство защищало рабовладельцев от кражи рабов и от укрывательства беглых рабов. Смертная казнь грозила не только укравшему, но и укрывателю раба. Жестокая кара угрожала также за уничтожение знака рабства на рабе. В отдельной рабовладельческой семье обычно имелось от 2 до 5 рабов, но засвидетельствованы случаи, когда число рабов достигало нескольких десятков. Частноправовые документы говорят о самых различных сделках, связанных с рабами: купле, дарении, мене, найме и передаче по завещанию. Рабы пополнялись при Хаммурапи из числа «преступников», из числа военнопленных, а также купленных в соседних областях. Средняя цена раба составляла 150—250 *г* серебра.

Полноправные и неполноправные свободные

Наряду с классами рабовладельцев и рабов законы Хаммурапи знали деление свободного населения на полноправных и неполноправных. Представители полноправного слоя назывались «сыновьями мужа» или просто «мужами». Им противопоставлялись так называемые мушкену, «покорные». Неравноправие последних находило своё выражение, в частности, в определении кары за телесное повреждение, нанесённое им. Если членовредительство, нанесённое «мужу», каралось соответствующим членовредительством виновного, то за членовредительство по отношению к мушкену виновный платил лишь денежный штраф. За украденную вещь у мушкену вор платил 10-кратный штраф, а за украденную вещь, находившуюся в собственности царя или храму, — 30-кратный штраф. Исключением являлась лишь кража раба. Законодательство защищало в равной мере всех рабовладельцев, и кража раба у любого рабовладельца угрожала преступнику смертной казнью. Под «мушкену», возможно, следует понимать жителей тех городов и областей, которые были покорены царём Хаммурапи в результате его удачных войн [1]. Им было оставлено их имущество, они становились свободными подданными царя, но по сравнению с населением основного ядра государства они занимали низшее положение. Полноправные граждане в свою очередь делились на экономически сильных и экономически слабых, обедневших «мужей». Законы царя Хаммурапи в ряде своих статей пытались облегчить положение беднейших слоев свободного населения, попавших в долговую кабалу. Как уже говорилось, у царской власти для этого были веские основания: она заботилась, чтобы войско, состоявшее из свободных, сохраняло свою мощь. Согласно статье 113 должник объявлялся правомочным владельцем всего своего имущества, без его разрешения и разрешения суда заимодатель не имел права отчуждать это имущество. «Муж» не мог стать рабом-должником. Законы не называли члена семьи должника, отрабатывавшего долг в хозяйстве заимодателя, «рабом», а лишь «заложником». Таким заложникам посвящена важная статья 116. Она оберегала жизнь домочадцев должника, помогавших выплатить сумму займа своей работой в доме ростовщика, защищала их от побоев и истязаний. В случае смерти должника в результате плохого с ним обращения ростовщик отвечал жизнью одного из членов своей семьи.

Другой, не менее важный закон содержит статья 117, которая ограничивала срок работы заложника в доме ростовщика тремя годами. Тем самым член семьи должника, отрабатывавший долг в хозяйстве ростовщика, считался погасившим долг и свободным после трёх лет работы, независимо от суммы долга. Таким образом, законы царя Хаммурапи пытались както ограничить произвол кредиторов над попавшими в долговую кабалу. Из содержания вышеупомянутых статей 116 и 117 следует, что главы семей в Вавилонии, по-видимому, не могли отдавать самих себя в долговую кабалу.

Законы Хаммурапи защищали также землевладельца-должника от излюбленной ростовщиками операции погашения долга путём передачи за долг всего ожидающегося

[1] Как уже указывалось выше, в объяснении термина «мушкену» единой точки зрения у исследователей ещё нет. Приводится ряд доводов в пользу того, что «мушкену» назывались свободные, не бывшие гражданами какой-либо общины, а получавшие от «дворца» земельные наделы лишь в пользование за службу или из доли урожая.— *Ред.*

Двуречье в XIX—XVII вв. до н. э.

урожая. Даже в том случае, если на эту операцию имелось «согласие» должника, закон расторгал подобную сделку, и купец-ростовщик получал с урожая лишь то, что покрывало долг и процент, а весь прочий урожай, зерно или плоды, получал землевладелец. Если наводнение или засуха уничтожали урожай должника, то он не был обязан возвращать в данном году заимодателю долг и проценты.

Мероприятия Хаммурапи по отношению к свободным беднякам, живущим подёнщиной, также преследовали цель некоторого облегчения участи последних. Согласно законам царя подёнщик должен был получать наёмную плату на 30—40 % большую, нежели в предшествующее время. Правда, на практике, как это видно из дошедших документов, этот закон не выполнялся.

Много статей законодательства Хаммурапи посвящено правам и обязанностям воинов, которые были основной опорой государственной власти. Государство было заинтересовано в том, чтобы сохранить наделы и скот, предоставленные воинам, от посягательств со стороны ростовщиков. Поэтому закон устанавливал, что купивший земельный надел или скот воина терял свои деньги, а воин сохранял и то и другое. Только приобретённые воином путём покупки поле, сад или дом можно было отобрать за долги. Взрослый сын воина являлся законным наследником его надела. Если после смерти воина оставался малолетний сын, то вдова получала одну треть надела, чтобы иметь возможность вырастить будущего воина. Закон заботился о воинах, попавших в плен, указывая способы их выкупа и обеспечивая за ними право на земельный надел.

Воины, обеспеченные своим земельным наделом, были обязаны за это по приказу царя выступать во всякое время в поход. За отказ выступить или же за замену себя наёмником воин предавался смерти, а человек, заместивший его, получал его надел.

В сборнике законов Хаммурапи имеется ряд статей, регулирующих аренду земли или сада, игравшую, судя по многочисленным частноправовым документам, большую роль в земельных отношениях того времени. Плата за арендованное поле равнялась обычно одной трети урожая, что при плодородии долины Двуречья было не слишком высокой платой. При аренде на условиях отдачи половины урожая, сдававший в аренду обязывался участвовать в расходах или в работе по обработке поля. Сад, который давал больше дохода, сдавался за две трети урожая. Арендной платой ограничивались все обязательства арендатора по отношению к собственнику поля. Аренда была краткосрочной, не более чем на один или два года. На более долгий срок сдавалась в аренду ещё не освоенная земля. В этом случае земля сдавалась на 3 года с условием внесения арендной платы лишь в третий год, а поле, предоставленное для насаждения сада, сдавалось на 5 лет, и лишь на пятый год арендатор отдавал собственнику земли половину урожая.

Надлежит ещё раз отметить, что, судя по дошедшим до нас контрактам и другим документам, не все мероприятия Хаммурапи, направленные на облегчение положения экономически слабых свободных, проводились в жизнь. Поэтому даже во время его правления попытка укрепить экономическое положение рядовых свободных не имела большого успеха. Противоречие между бедными и богатыми продолжало существовать и развиваться наряду с противоречием между рабами и рабовладельцами.

Царское хозяйство и частное землевладение

Царь управлял храмовым хозяйством и черпал из него средства с такой же свободой, как и из доходов царского хозяйства. В царском и храмовом хозяйствах имелись, как и в прошлом, многочисленные рабы. Это были потомки царских и храмовых рабов времён прежних династий, а также военнопленные — добыча победоносных войн отца Хаммурапи, его самого, а позднее и его ближайших преемников. Государственных рабов, как кажется, держали в особых казармах, носивших название «дом узника». Эти рабы выполняли часть общественных работ, и из них, а также из лиц, потерявших свои земельные наделы, рекрутировались так называемые

«носильщики тростника». Последние перебрасывались с места на место для выполнения работ. Однако собственного крупного полевого хозяйства цари теперь не вели, и царская земля раздавалась в пользование группам издольщиков *(ишшаку)*. Общинники, владевшие землёй, привлекались к тем общественным работам, которые производились в непосредственной близости от их земельных участков. Мелкие землевладельцы были вынуждены работать сами, а крупные заставляли работать за себя своих рабов или батраков.

Значение царского хозяйства было велико и в области торговли и обмена, развивавшихся в пределах обширной территории, объединённой в одно государство завоеваниями Хаммурапи. Денежные отношения продолжали развиваться, а тем самым укреплялись частновладельческие отношения.

Частное владение землёй также продолжало развиваться и по существу уже мало отличалось от частной собственности. Способствовало росту частного землевладения и дальнейшее расширение царём Хаммурапи сети каналов. Его деятельность в этом направлении стала особенно интенсивной после победы над Римсином. Прорывая новые каналы, царь стремился восстановить земледелие на юге, сильно пострадавшее от ожесточённых войн предшествующих лет. Углубление и расширение ирригационной сети создавало условия, в силу которых увеличивалась пригодная для земледелия территория. Хаммурапи стремился к расширению садовых плантаций — очевидно, плантаций финиковых пальм, создававших одну из основ благосостояния страны. Закон допускал расширение садовой земли даже за счёт пахотной.

Семейные отношения

Законы Хаммурапи и соответствующие частноправовые документы отражают картину патриархального семейного права. Женщина становилась законной женой при условии заключения женихом письменного договора, обычно с отцом невесты, и уплаты выкупа. Патриархальная власть главы семьи на личность домочадцев простиралась вплоть до права отдавать их в качестве заложников за долги. Жена за неверность мужу подвергалась жестокой каре. В случае бесплодия жены мужу предоставлялась возможность брать себе побочную жену.

Замужняя женщина, однако, не была бесправна. Она имела своё личное имущество, сохраняла право на своё приданое, могла получить право не отвечать за добрачные долги мужа. В случае вины со стороны мужа жена имела право на развод, а муж, отвергавший жену без вины с её стороны, терпел имущественные убытки. По отношению к сыновьям власть отца также была несколько ограничена. Так, отец не имел права лишить наследства сына, не совершившего преступления; сын имел право обратиться в таком случае в суд.

Под влиянием тех правовых норм, которые были установлены на шумерском юге начиная со времени Урукагины, и в законах Хаммурапи появились попытки учёта злой воли при определении наказаний за преступление.

Законы Хаммурапи и его письма, а также частные письма того времени, различные частноправовые и хозяйственно-отчётные документы показывают нам в действии те три «ведомства» восточной деспотии, о которых говорил Маркс: ведомство общественных работ (строительство, работы над ирригационной системой), ведомство ограбления собственных подданных (подати, налоги), ведомство грабежа соседей (война). О мощи деспотической власти вавилонского царя свидетельствует один из любопытнейших памятников вавилонской письменности — «Разговор господина с рабом», в котором представитель рабовладельческой знати беседует со своим рабом о смысле жизни. Среди различных вопросов, затронутых в «Разговоре», поставлен и вопрос о возможности восстания против царя. Раб, отвечая на этот вопрос, указывает на мощь царской власти, способной сломить любое сопротивление.

Действительно, мощь Вавилонского рабовладельческого государства во времена Хаммурапи была велика; оно держало в повиновении массы рабов и низы свободного люда, расширяло владения, унаследованные от предшествующих времён.

3. Распад Старо-Вавилонского царства. Касситское царство

Последние годы царствования Хаммурапи были заполнены большими строительными работами над возведением укреплений на северных и северо-восточных границах Вавилонии. В это время сын Хаммурапи Самсуилуна стал его соправителем. Самсуилуна издал для южных областей Шумера, сильно пострадавших от долгой и ожесточённой войны, указ об облегчении податного бремени.

Период войн и междоусобиц

Хаммурапи умер на 43-м году своего правления (1750 г. до н. э.). Победоносные войны Хаммурапи дали его сыну Самсуилуне несколько лет мирного правления. Он использовал этот период для расширения ирригационной сети и строительной деятельности. Но уже на 9-м году правления Самсуилуны кончился краткий период мира. Самсуилуне пришлось отражать нападения воинственных горных племён — касситов, которые населяли область к северо-востоку от Двуречья. Они объединились в племенной союз, вероятно, около 1795 г. до н. э., а в 1741 г. предприняли первый поход против Вавилонского государства. Их натиск имел лишь частичный успех; Самсуилуне, опиравшемуся на укрепления, воздвигнутые Хаммурапи на северо-восточной границе Вавилонии, удалось отстоять основную территорию государства. Касситы укрепились в предгорьях к северо-востоку от Вавилонии. Уже в следующем году Самсуилуна должен был сражаться с не менее опасным врагом — коалицией Элама и городов Эшнунна, Исин, Урук и др.

К концу царствования Самсуилуны во главе движения южных городов стояли правители «Страны моря», т. е. той береговой полосы у Персидского залива, в болотах которой скрывались изгнанные из городов Шумера враги Хаммурапи и Самсуилуны. Среди этих правителей был некто Илумаилу, объявивший себя потомком последнего царя династии города Исина. Поздневавилонская хроника свидетельствует о поражении Самсуилуны в борьбе с Илумаилу. Самсуилуне пришлось отступить на север. Илумаилу, закрепившийся на юге, — вероятно, при поддержке Элама, — продолжал после смерти Самсуилуны войну с его сыном. Согласно более поздней вавилонской хронике, успех продолжал сопутствовать Илумаилу.

Распад Старо-Вавилонского царства

Постоянные войны, заполнявшие царствование Хаммурапи и Самсуилуны, требовали громадного напряжения сил, всё новые тяготы налагались на свободное население. Из года в год призывались не только профессиональные воины, но и ополчение из земледельцев и ремесленников, о чём свидетельствуют письма из архива города Мари. В свою очередь тяжёлые войны, так же как и внутренние процессы, происходившие в стране, — рост частного землевладения, усиление торговли и ростовщичества, постоянно царивший произвол служилой знати — всё это вело к разорению землевладельцев и ремесленников. Тем самым Вавилонское государство теряло свою мощь. Войско, рекрутировавшееся из свободных людей, владевших землёй, катастрофически уменьшалось. Цари «Страны моря» усиливались по мере того, как Вавилонское государство слабело. При последних представителях династии Хаммурапи враги вторгались в центральные области страны, угрожая сбору урожая на полях перед стенами самого Вавилона. Когда на горизонте Вавилонии появился новый враг, ослабленное государство уже не могло дать ему отпор.

Врагом этим были хетты, пришедшие около 1600 г. до н. э. из далёкой Малой Азии; об этом походе говорится в хеттских и вавилонских источниках. В упомянутой более поздней вавилонской хронике повествуется о том, что люди хеттской страны пришли в страну Аккад и покончили с царством Вавилона, а хеттские анналы сообщают о походе на Вавилон царя Мурсили, который забрал там золото, серебро и привёл пленных к себе в хеттскую страну.

Удар, нанесённый вторжением войска хеттского царя Мурсили, настолько ослабил Вавилон, что он уже не мог противостоять новому нашествию с юга. После

ухода хеттов цари «Страны моря», по-видимому, завоевали. Вавилон и создали так называемую II вавилонскую династию. Около 1518 г. до н. э. Вавилоном завладели касситы, изгнав царей династии «Страны моря».

Вавилония в период господства касситов

Касситы, господствовавшие в Вавилонии до 1204 г. до н. э., были воинственными племенами, обитавшими в горной области к северу от Элама. Очевидно, этот народ вёл полукочевой образ жизни, занимался скотоводством и примитивным земледелием. Следы языка касситов, сохранившиеся в их личных именах и в некоторых записях вавилонских писцов, к сожалению, слишком незначительны, чтобы надёжно установить родство этого языка с какой-нибудь из известных нам семей языков.

Межевой камень.
XII в. до н. э.

Длительное господство в Вавилонии этого полукочевого народа в значительной степени затормозило дальнейшее экономическое и культурное развитие страны, особенно развитие земледелия и ремесла. Известно, правда, об использовании в это время лошадей при перевозке грузов и в военном деле. В денежном обращении Вавилонии этого периода, несмотря на появление золота, можно отметить даже некоторый регресс. Значительно чаще, чем раньше, имел место натуральный обмен.

Вавилония при касситах оставалась рабовладельческим государством. Сами касситы, по-видимому, превратились в военное сословие. Отдельные районы страны вместе с земледельческим и ремесленным населением были распределены между различными знатными касситскими семействами или родами, а в ряде случаев и между некоторыми семействами местной знати. В дальнейшем касситская племенная знать, как можно предположить» слилась с местной рабовладельческой знатью, а последняя была включена в военную организацию касситов.

Вышеназванные знатные семьи или роды, между которыми была разделена значительная часть территории Вавилонии, назывались словом *биту* — «дом». Все эти «дома» входили в состав военно-административного аппарата Вавилонского государства. Главы их назывались «господами дома» и были одним из важных звеньев административной системы. «Господин дома» представлял перед государством территорию, занятую его сородичами, следил за выполнением ими своих обязанностей и защищал их права.

Вместе с тем он был правителем того района, который был предоставлен его «дому». Он отвечал за своевременное поступление государственных налогов и получал за себя и за своих сородичей доходы с подвластных «дому» земледельцев и ремесленников. «Господин дома» доставлял рабочую силу для сооружения и содержания в порядке ирригационной сети, набирал отряды людей для длительных работ, заботился об исправлении дорог, предоставлении пастбищ для скота царя и наместника. Надписи на камнях *кудурру* (межевые камни, на которых были начертаны все основные сведения, относящиеся к владению данным земельным участком) дают значительный материал для исследования вопроса о процессе имущественной дифференциации среди самих этих «домов» в касситский и непосредственно следующий за

ним периоды. Укрепление экономического, а, следовательно, и политического могущества некоторых из этих «домов» способствовало ослаблению власти касситских царей. Последние пытались опереться на жречество, ростовщиков и купцов. Но усиление значения этих слоев привело к росту стремления у отдельных городов, где эти слои пользовались влиянием, к политической автономии. Три наиболее значительных торговых и ремесленных центра страны — Сиппар, Ниппур и Вавилон — преуспели в этом и добились (к концу II тысячелетия) освобождения от общественных работ, царского суда, денежных взносов в пользу царя и от поставок воинов в ополчение. Это также значительно ослабляло царскую власть.

Вавилония весь этот период поддерживала оживлённые торговые отношения со многими странами. Регулярными становятся торговые связи с Египтом. Поддержанию торговых путей в порядке и обеспечению их безопасности касситские цари уделяли большое внимание. Но удельный вес Вавилонии в международной политической жизни был незначителен. Исторические источники свидетельствуют, например, о крайне пренебрежительном отношении фараонов Египта к царям Вавилонии. Впрочем, последние, видимо, и сами считали, что они не заслуживают лучшего обращения. Так, один из них, Бурнабуриаш (1404—1379), убедившись, что египетский фараон не намерен прислать ему в жёны свою дочь, просил прислать хотя бы какую-нибудь другую женщину, которую он, ради поднятия своего престижа, мог бы выдать за египетскую царевну. Но даже такая просьба не была удовлетворена фараоном. Уже с XV в. до н. э. Вавилонию начинает теснить усиливающаяся Ассирия. Ассирийским царям несколько раз удавалось временно овладевать Вавилонией. Неудачные войны с Ассирией также способствовали длительному упадку страны.

После свержения господства касситов в Вавилонии воцарилась так называемая IV вавилонская династия (III вавилонской династией считается касситская), — видимо, местного происхождения.

4. Возвышение Элама. Вавилония после падения касситской династии

Внутреннее устройство Элама во II тысячелетии до н. э.

В этот период вновь начинает играть крупную роль Элам. Даже при III династии Ура Элам не был в такой степени включён в состав шумеро-аккадского государства, как другие завоёванные Уром области; в различных городах и областях Элама продолжали царствовать местные правители. После разрушения государства III династии Ура, в чём приняли участие и эламиты, Элам вновь приобретает независимость.

Как и в Вавилонии, в Эламе этого времени усиливается рост частных хозяйств и частного рабовладения, о чём свидетельствуют правовые документы, в довольно значительном количестве дошедшие до нас.

Для эламского права является характерной жестокость наказаний, не свойственная вавилонскому праву, которое в других отношениях оказало сильное воздействие на право Элама. Процессы развития рабовладельческого общества и разорения беднейших свободных масс шли в Эламе аналогично тому, как это происходило в Двуречье, о чём свидетельствует тот факт, что уже в первой половине II тысячелетия до н. э. в Южном Двуречье имелись сельскохозяйственные наёмные работники — эламиты. Несмотря на значительное расслоение в сельских общинах, в Эламе и в позднее время — вплоть до I тысячелетия до н. э. — имелось сильное войско, состоявшее, вероятно, из ополченцев. Это, возможно, объясняется тем, что в горных областях Элама дольше сохранялись порядки военной демократии и процесс классового расслоения в меньшей мере коснулся местного свободного населения.

Отдельными областями правили цари, или «отцы» *(адда)*, причём власть, хотя наследовалась в пределах рода, но передавалась не от отца к сыну, а от дяди к племяннику (сыну сестры), т. е. по материнской линии; выражение «сын сестры»

вообще означало «потомок», «член данного рода». Области Элама (возможно, соответствовавшие территориям первоначальных племён) находились под общей гегемонией верховного вождя, носившего титул «великого посланца» (по-шумерски — *суккальмах*). Правители областей находились по большей части в ближайшем родстве с «великим посланцем», и по смерти его один из них (быть может, по выбору) занимал его место, другие же, по-видимому, менялись при этом своими местами в определенном иерархическом порядке.

Из факта существования подобного государственного устройства можно заключить, что в Эламе в условиях несомненного господства порядков классового общества, по-видимому, всё ещё существовали значительные пережитки родо-племенных отношений и даже материнского рода (вероятно, главным образом в горных областях; высказывается мнение, что правившая в это время в Эламе династия происходила именно оттуда). Господство в стране в целом принадлежало крупнейшей родо-племенной по своему происхождению знати, представителями которой были правители отдельных областей.

Эти правители областей были достаточно самостоятельными; они могли, например, вести войны на свой страх и риск. Таким правителем области был, в частности, Кутурмапук, адда полуаморейской пограничной с Вавилонией области Эмутбал (Ямутпала), которому удалось посадить на престол Ларсы в XIX в. до н. э. своих сыновей (одним из них был упоминавшийся выше Римсин). Элам оказывал временами сильное влияние также на государство Эшнунну; не раз эламские отряды вторгались в Вавилонию.

Усиление Элама

Возвышение Хаммурапи, которому удалось оттеснить эламитов из Эмутбала, значительно ослабило Элам и, возможно, поставило его в зависимость от вавилонского царя. Позднее династия, восстановившая самостоятельность Элама (как полагают, касситского происхождения), и следующие за ней цари возродили силу Эламского государства, охватывавшего в то время, как нередко и раньше, и часть будущей Персиды (современного Фарса на юге Ирана). Снова предпринимаются походы эламитов на Вавилонию. Эти походы затем продолжаются и во второй половине XIII в. до н. э.

Новой эламской династии, видимо, удалось в это время сломить сепаратизм местной знати и укрепить центральную власть. С начала XII в. до н. э. начинается новая серия эламских завоеваний. Эламитам удалось захватить обширную область на реке Дияле, в том числе и город Эшнунну. Через эту область проходили караванные пути из Двуречья на нагорья Ирана. Эламитам удалось временно захватить даже северную часть Вавилонии с городами Сиппаром, Вавилоном и Ниппуром. Эти победы эламитов содействовали падению касситской власти в Вавилонии.

Наивысшего развития Эламская держава достигла при царе Шильхакиншушинаке, который значительно расширил эламские владения, особенно в горах Загра и восточнее их. Ему удалось вторгнуться и в Ассирию, где он занял южно-ассирийский город Экаллате.

Вавилонское общество в конце II тысячелетия до н. э.

Между тем в Вавилонии с приходом к власти IV вавилонской династии наступил кратковременный подъём. Наиболее значительным из царей этой династии был Навуходоносор I (Набукудурриусур, около 1146—1123). Он не без успеха воевал с Ассирией, ему же удалось в битве на реке Эвлее сломить могущество Элама. Царство Навуходоносора I охватывало помимо собственно Двуречья также значительную часть долины реки Диялы и её притоков и простиралось от подступов к Ассирии до Персидского залива.

Дарственная грамота Навуходоносора I одному касситскому родовому вождю, командовавшему в битве на Эвлее вавилонскими колесницами, является важнейшим источником, дающим представление о Вавилонии этого времени. Из неё мы узнаём, что население Вавилонии было обложено многочисленными налогами и повинностями.

В их число входили различные натуральные поборы продуктами земледелия и скотом как в пользу царя, так и в пользу областного наместника, а также на содержание отрядов конницы (которая была, по-видимому, нововведением касситского времени) во время их постоя, затем дорожная и мостовая повинности. Из других источников мы узнаём также о повинностях по поддержанию оросительной системы.

Все эти поборы осуществлялись специальными сборщиками, а также «царскими слугами каналов и суши», подчинёнными «глашатаю» — главе управления повинностями. Большую власть имели наместники областей.

Царская земля, как и в касситское время, продолжала раздаваться большими участками влиятельным представителям служилой знати, от которой царь фактически полностью зависел. Некоторые из них владели целыми районами, насчитывающими многие поселения. Иногда им удавалось выговаривать освобождение своих владений от налогов и повинностей. Это позволяло им более полно эксплуатировать свои владения, не делясь уже прибавочным продуктом с царём и наместником. На земле упоминавшегося выше военачальника-кассита, получившего дарственную грамоту от Навуходоносора I, царские должностные лица даже не имели права арестовать преступника; владелец этой территории (расположенной, правда, в данном случае не в самой Вавилонии, а в горах) фактически превратился в независимого царька.

Ещё с касситского времени храмы становятся крупнейшими землевладельцами, по сути дела экономически независимыми от царя.

Известные привилегии имели и крупнейшие рабовладельческие центры — города. Вавилон и Ниппур обладали, например, военными силами, обособленными от царских, и были наделены правом ареста отдельных лиц (вероятно, лишь своих граждан) даже за пределами территории этих городов.

Рабовладение продолжало развиваться. Мы узнаём о наличии в это время довольно значительного числа рабов в одних руках. Однако господство крупных частных хозяйств, которые сами могли обеспечивать себя всем необходимым, не способствовало развитию денежного хозяйства. Расплата при купле-продаже, как нередко и в касситское время, но в отличие от старовавилонского, производилась не серебром, а натурой — хлебом, скотом, рабами, вещами.

После поражения Элама, нанесённого ему Навуходоносором I, а затем после поражения Вавилонии, нанесённого ей ассирийским царём Тиглатпаласаром I в конце XII в. до н. э., обе страны, Элам и Вавилония, испытывают период упадка. В Эламе сохраняется или восстанавливается господство местной знати; отсутствие крепкого централизованного государства и крайнюю непрочность царской власти, превратившейся в игрушку [illegible]

состав культуры древних греков и других народов Европы и Азии. Огромное историческое значение вавилонской культуры определяется положительными достижениями науки и искусства. Эти достижения были велики, несмотря на то, что характер вавилонской культуры в значительной мере определялся религиозной идеологией.

Вавилонская религия

Вавилонская религия навязывала человеку идею его бессилия перед сверхъестественными силами, которые, по вавилонским верованиям, навеки установили мировой порядок и существовавший общественный строй; она мешала подлинному познанию мира и препятствовала активному воздействию человека на окружающий мир.

Старые боги шумеро-аккадского пантеона сохраняли своё значение и в религии Вавилонии, но религиозные воззрения значительно усложнились.

Унаследованный от глубокой древности культ умирающего и воскресающего бога растительности имел широкое распространение. Олицетворением умирающей и вновь воскресающей растительности был бог Таммуз (Думузи) — возлюбленный богини Иштар.

Немаловажным божеством был бог грозы и дождя — Адад (у шумеров Ишкур), почитавшийся особенно в более северных районах, где известную роль для земледелия играло орошение дождевыми водами («воды Адада»).

В Вавилонии почитался ряд местных богов, отождествлённых с небесными светилами. Важную роль играли божества Солнца и Луны — Шамаш и Син. Иштар, соответствующую шумерской Инанне, богине Урука, олицетворяла планета Венера. В кроваво-красной планете Марсе видели Нергала, бога войны, болезней и смерти, главного бога города Куту. Бог мудрости, письма и счёта Набу (что соответствует западно-семитскому *наби* — «пророк»), почитавшийся в соседней с Вавилоном Борсиппе, сопоставлялся с планетой Меркурием. Наконец, с планетой Сатурном был сопоставлен Нинурта, бог удачной войны. Бог Мардук отождествлялся с самой большой планетой — Юпитером. Семь главных астральных (звёздных) богов вместе с триадой — Ану, Бел (Энлиль), Эа — играли важнейшую роль в религии Вавилона. В честь этих богов храмовые башни строились или в три этажа (небо, земля, подземная вода) или в семь (семь планет). Пережитком почитания вавилонских астральных богов является современная семидневная неделя. В некоторых западноевропейских языках названия дней недели и в настоящее время отражают имена семи божеств.

В Вавилонии получил большое развитие культ умерших царей и обожествление самой царской власти. Цари провозглашались стоящими неизмеримо выше людей, и их власть укреплялась в сознании эксплуатируемых народных масс как священная власть.

Вавилонское жречество воздействовало на народные массы пышностью культа в громадных храмах с их величественными ступенчатыми башнями — зиккуратами. Сохранились сведения о большом количестве храмовой утвари из золота, а также о богатейших жертвах, приносимых ежедневно на алтари храмов. Обожествление царской власти, внушение покорности богам и царю, ставленнику рабовладельческой знати, были основой культа.

В истории Двуречья неоднократно выдвигалось то или другое государство, которое выступало претендентом на господство над своими соседями. Наиболее удачливым претендентом на господство над всей долиной выступил, как выше было показано, Вавилон. Это нашло своё отражение и в той роли, которую стал играть Мардук, бог-покровитель Вавилона, в основном мифе о мироздании.

В вавилонском мифе о сотворении мира (в основу этого мифа был положен аналогичный шумерский миф), написанном на семи глиняных табличках, рассказывается, что сперва был хаос, водная пучина, которая олицетворялась в виде чудовища Тиамту. Родившиеся из недр её боги задумали погубить Тиамту, внеся порядок в хаос. Тиамту, узнав об этих замыслах, решила в свою очередь уничтожить богов. Один лишь Мардук (в более древней версии Энлиль) не убоялся её и выразил готов-

ность вступить с ней в борьбу, но потребовал в случае победы над Тиамту полного подчинения богов его господству, чтобы «непреходящим и беспрекословным был бы приказ его уст». Когда боги на своём совете приняли требование Мардука, последний вступил в единоборство с Тиамту и, убив её, создал из её тела небо со звёздами, землю с растениями, животными и воду с рыбами. Завершением мироздания являлось сотворение человека, созданного из глины и из крови одного из богов, казнённого за измену богам и помощь Тиамту. Обязанностью человека стало жертвоприношение богам.

Таково краткое содержание очень древнего мифа о сотворении мира, обработанного вавилонским жречеством. Политическая тенденция выступает в этой обработке чётко и определённо. Вавилон победил, и все прочие города подчинились ему как наиболее сильному; надлежало закрепить эту победу указанием на то, что с начала мира самым мощным из богов был Мардук, бог-покровитель Вавилона. Таким образом, бог Мардук был объявлен царём богов, но вавилонские жрецы в стремлении возвеличить своего бога не довольствовались этим. В дальнейшем они пытались слить в образе Мардука образы всех великих богов Вавилонии. Об этом свидетельствует, в частности, более поздний религиозный текст, объявляющий великих богов теми или иными проявлениями Мардука: бога войны, болезни и смерти Нергала — Мардуком силы, бога письменности Набу — Мардуком мудрости, бога Луны Сина — Мардуком ночного света и т. д. В особенности же стремилось вавилонское жречество включить в образ Мардука популярный образ умирающего и воскресающего бога. Об этом свидетельствует текст из храмовой библиотеки города Ашшура, посвящённый страстям Бела-Мардука, его казни и возвращению к жизни. Согласно этому мифу Бела-Мардука казнят на судилище у подземного царства вместе с каким-то преступником. Окровавленную одежду бога очищает богиня, любовь которой сильнее смерти. Уход бога в подземное царство вызывает на земле ожесточённые

Богиня Иштар.
Статуя из Мари. Около 1800 г. до н. э. Известняк.

смуты, жена Бела-Мардука, «владычица Вавилона», спускается за ним в подземное царство, и бог воскресает к новой жизни.

Этот вкратце изложенный миф, несомненно, косвенно повлиял на оформление евангельского мифа о Христе. Как миф о мироздании, так и миф о страстях Бела-Мардука читались в главном храме Вавилона в новогодний праздник. В этой части ритуала новогоднего праздника имеется зародыш религиозной драмы. Миф об умирании и оживлении природы составляет основу и вавилонского мифа о схождении богини Иштар в «страну без возврата», т. е. в царство мёртвых. В этом мифе, также переработанном из шумерского, дошедшем до нас в прекрасном стихотворном изложении, действующей силой выступает женское начало — богиня Иштар, богиня любви и плодородия, а также её жестокая противница богиня Эрешкигаль. В этом нельзя не видеть некоторых пережитков представлений времени господства материнского рода.

Мощным средством воздействия жречества на народные массы была магия. Путём магических формул жрецы-заклинатели «спасали» людей от болезней и несчастий, «вызванных» злыми духами, ведьмами и колдунами. Жрецы-предсказатели якобы предвещали своим искусством человеку грядущую беду и пытались предотвратить её при помощи колдовства. Прорицания давались на основании полёта птиц, восхода и захода небесных светил (астрология), по форме печени овцы и т. д. Вавилонские заклинания и прорицания оказали сильнейшее воздействие на религию соседних стран, а при посредстве хеттов — и на греческую религию. Античный же мир передал многие элементы из вавилонской магии и средневековой Европе.

Письменность и литература

Письменность вавилонян, унаследованная ими от шумеров, была хорошо развитой клинописью, приспособленной к особенностям семитического аккадского языка. Этот язык во II тысячелетии до н. э. стал общепризнанным языком дипломатической переписки. Вавилонскую клинопись изучали даже в писцовых школах далёкого Египта. Клинописью написаны многочисленные документы, религиозные тексты, сказания. Господство религии и жречества в области идеологии являлось определяющим для вавилонской литературы. Даже популярные произведения устного народного творчества подвергались обработке в духе господствующей идеологии. Характерным для вавилонской литературы того времени является настойчивое подчёркивание слабости человека и ограниченности его возможностей, проповедь смирения и покорности человека порядкам, установленным самими богами, и власти обожествляемых царей. Подвергались обработке и приспособлялись к новым условиям древние мифы и предания, вроде упоминавшихся уже ранее мифов о сотворении мира, о нисхождении богини Иштар в царство мёртвых и др.

Обработке подверглись также шумерские сказания о Гильгамеше. Возможно, что именно к этому времени были сведены в единый эпос ранее существовавшие разрозненные предания о Гильгамеше, хотя некоторые исследователи относят создание этой эпической поэмы ещё к концу III тысячелетия. Вавилонская обработка сказалась, в частности, в трактовке образа главного героя эпоса.

Содержание эпоса о Гильгамеше в том виде, в каком он был написан на аккадском языке, таково: Гильгамеш, царь Урука, не находя применения своим могучим силам, угнетает жителей Урука. Услышав их молитвы, боги создают первобытного человека — героя Энкиду, живущего со зверями. Энкиду было предназначено сделаться другом Гильгамеша и направить его силы на совершение подвигов, полезных людям. Соблазнённый любовью к женщине, Энкиду должен был порвать прежнюю свою тесную связь с природой и прибыл в Урук, где, померявшись силами с Гильгамешем, стал его другом. Друзья совершают ряд подвигов на пользу людям, в том числе убивают хранителя кедров, чудовище Хумбабу (по-шумерски — Хуваву). Затем Гильгамешу предлагает свою любовь богиня Иштар, но тот отвергает её и, вместе с Энкиду, убивает посланного против них богиней чудовищного быка. При этом Энкиду наносит тяжкое оскорбление богине и за это должен умереть.

Перед Гильгамешем встаёт вопрос о смертности людей. Несмотря на уговоры богов и людей, несмотря на величайшие препятствия, он предпринимает путешествие на край света, где находится переживший потоп герой Утнапиштим (Зиусудра). Тот рассказывает ему историю потопа и своего спасения, но уверяет Гильгамеша, что вечной жизни для человека быть не может. Тем не менее он помогает Гильгамешу найти волшебное растение, освобождающее человека от старости. Гильгамеш решает разделить его со

Гильгамеш и Энкиду убивают Хумбабу.
Терракотовый рельеф. Начало II тысячелетия до н. э.

своим народом, но на обратном пути растение похищает змея. Поэма первоначально кончалась похвалой мудрецам, построившим древние стены Урука и тем создавшим вечную ценность.

Эта мужественная и глубокая по мысли поэма, герои которой выступают как поборники блага людей и богоборцы, подверглась тенденциозной переработке в господствовавшем духе проповеди смирения и покорности богам. В частности, в конце к поэме был прибавлен перевод проникнутой религиозным духом шумерской песни о том как Гильгамеш вызвал из преисподней дух Энкиду и тот рассказал ему о печальной судьбе мёртвых, страдающих от голода и жажды. Эта судьба несколько облегчается якобы лишь выполнением соответствующих погребальных обрядов и принесением жертв.

Эпос о Гильгамеше был написан стихотворным размером, основанным на счете ударений. Точное представление о подлиннике даёт прекрасный перевод первых строк эпоса, сделанный крупнейшим советским ассириологом В. К. Шилейко с полным учётом размера подлинника.

Об увидавшим всё до края мира,
О проницавшем всё, постигшем всё.
Он прочёл совокупно все писанья,
Глубину премудрости всех книгочётов.
Потаённое видел, сокровенное ведал,
И принёс он весть о днях до потопа.
Далёким путём он ходил, но устал и вернулся,
И записал на камне весь свой труд.

В вавилонской литературе появляются зачатки драмы в форме религиозных мистерий, а также лирики, элементы которой мы находим в различных гимнах, молитвах и т. д. Нам известно, что существовала и светская лирика, но образцы её не дошли до нас.

Развитие науки

Математика, которая решала в Вавилонии ряд практических задач, существенных для измерения полей, создания построек и ирригационных сооружений и т. п., оказалась более свободной от влияния религиозных представлений и смогла достигнуть в храмовых школах Вавилонии наибольших успехов. В одном вопросе вавилонская математическая наука стояла даже несколько выше позднейшей древнегреческой, а именно в вопросе написания всех мыслимых чисел минимальным количеством цифровых знаков. В вавилонской математике, как и в современной, был осуществлён принцип, согласно которому одна и та же цифра имеет различную числовую значимость в зависимости от места, занимаемого ею в числовом контексте (позиционная система). Однако в Вавилонии, наследнице культуры Шумера, числовая система покоилась не на десятичной основе, а на шестидесятиричной. Вавилонская числовая система продолжает жить и в наше время в делении часа на 60 минут, минуты на 60 секунд, а также в делении окружности на 360 градусов.

Вавилонские писцы решали планиметрические задачи, используя свойства прямоугольных треугольников, сформулированные впоследствии в виде так называемой пифагоровой теоремы, а в стереометрии решали такую сложную задачу, как измерение объёма усечённой пирамиды. Доказано, что вавилонские математики являлись основоположниками алгебры, поскольку они решали в некоторых случаях уравнения с тремя неизвестными. Они могли также в ряде случаев извлекать не только квадратные, но и кубические корни. В определении числа π, т. е. отношения окружности к диаметру, вавилоняне пользовались лишь грубым приближением, определив π числом «три». В решении данного вопроса вавилонская математика стоит ниже египетской, которой удалось достигнуть более точного приближения (3,16).

Вследствие потребностей высокоразвитого ирригационного земледелия наряду с математикой в Вавилонии больших успехов достигла и астрономия. Основы звёздной карты в той мере, в какой она может быть установлена без применения телескопа, были созданы в Вавилонии и, вероятно, через хеттское общество переданы европейским странам Средиземноморья. В своём дальнейшем развитии вавилонская астрономия оказала значительное влияние на греческую науку. Но вавилонская астрономия не смогла оторваться от тех религиозных воззрений, которые подчиняли себе изучение в то время любого конкретного явления окружающего мира. Вавилонская астрономия была тесно связана с астрологией, и между ними трудно провести чёткое разграничение.

Медицина и химия были переплетены с магией. Тщательно разработанные колдовские действия сопутствовали, например, изготовлению плавильной печи, установке её и работе на ней. Наши сведения о вавилонской химии, к сожалению, ещё ограниченны вследствие трудности понимания соответствующих клинописных текстов, часто намеренно, в магических целях, затемнявшихся древними писцами.

Зоология, ботаника и минералогия нашли своё выражение в одних лишь длинных списках названий животных, растений и камней. Впрочем, эти списки могут быть отнесены скорее к филологическим справочникам, которыми были столь богаты писцовые школы Вавилонии, обращавшие большое внимание на изучение языка, его словарного состава и грамматики.

Интерес к проблемам языка в значительной мере был обусловлен тем, что у вавилонских жрецов вымерший к тому времени шумерский язык продолжал играть роль священного языка. Кроме того, без знания шумерского языка нельзя было правильно применять для аккадского языка письменность, сложившуюся перво-

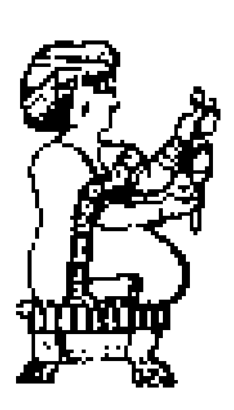
начально на основе шумерского языка. Поэтому вавилонские писцы были поставлены в необходимость изучать наряду со своим, аккадским языком ещё и второй, чуждый им язык. Это изучение заставляло их более сознательно относиться и к своему родному языку. Наряду со словарным составом вавилоняне стали впервые изучать и грамматику.

Меньшие достижения, нежели языкознание, имеет вавилонская историография. Несколько хроник свидетельствуют лишь о зачатках исторических знаний.

Среди памятников вавилонской литературы до нас дошли произведения, в которых можно найти зачатки философской мысли. Некоторые произведения такого рода стоят под непосредственным влиянием традиционной религиозной идеологии. Проповедь беспрекословной покорности перед волей всесильных богов, внушение людям обязанности работать на богов и царей и оправдание духовного рабства — такова мысль подобных произведений. Например, так называемая «Поэма о невинном страдальце» ставит вопрос о причинах человеческих страданий и отвечает, что постичь эти причины невозможно, ибо «кто постигнет замысел богов на небесах?».

О наличии в вавилонском обществе течения, знаменующего собой некоторый отход от традиционного религиозного мировоззрения, свидетельствует замечательный литературный памятник, известный под названием «Диалога между господином и рабом». В этом произведении господин, разговаривая со своим рабом, высказывает одно за другим различные пожелания, а раб одобряет каждое из этих желаний своего хозяина. Когда же последний отказывается от своего желания, то раб и тут соглашается с ним, приводя при этом веские аргументы и в пользу отказа. Тем самым доказывалась тщетность всех чаяний и помышлений господина: его надежды на милость царя, надежды найти забвение в пиршестве или в любви к женщине, надежды на спасение при помощи магии, молитвы или жертвы. Бесцельно следовать обычным предписаниям добродетели, ибо смерть всех уравнивает, как утверждает раб, обращаясь к своему господину: «Подымись на холмы разрушенных городов, пройдись по развалинам древности и посмотри на черепа людей, живших давно и недавно: кто из них был злым и кто из них был добрым?». Диалог заканчивается утверждением, что господин, пожелавший убить своего раба, переживет его всего лишь на «три дня».

Автор этого замечательного по силе языка и мысли произведения нашёл в себе мужество подвергнуть сомнению традиционное мировоззрение, но не создал, однако, взамен его ничего нового.

ГЛАВА XI
ДРЕВНЕЙШАЯ АССИРИЯ И МИТАННИ

В долине рек Евфрата и Тигра наиболее благоприятные условия для развития производительных сил и перехода к классовому обществу, для организации искусственного орошения в крупных масштабах и прогресса земледелия имелись, как мы видели, в южной её части. В Северной Месопотамии — холмистой степи, переходящей в горные районы, условия для этого были менее благоприятны, хотя уровень общественного развития здесь ещё в V и IV тысячелетиях до н. э. был выше, чем в болотистых низменностях. Лишь с появлением бронзовых орудий, при использовании культурных достижений Шумера и Аккада, оказались преодолимыми трудности природных условий и здесь. Народы Северной Месопотамии и прилегающих долин в первой половине II тысячелетия до н. э. вновь догоняют в развитии своих южных соседей. У хурритских племён Северной Месопотамии складывается могущественное государство Митанни; у аккадских семитических племён — Ассирийское государство, расположенное на важнейших торговых путях Передней Азии и игравшее важную роль в истории древнего общества.

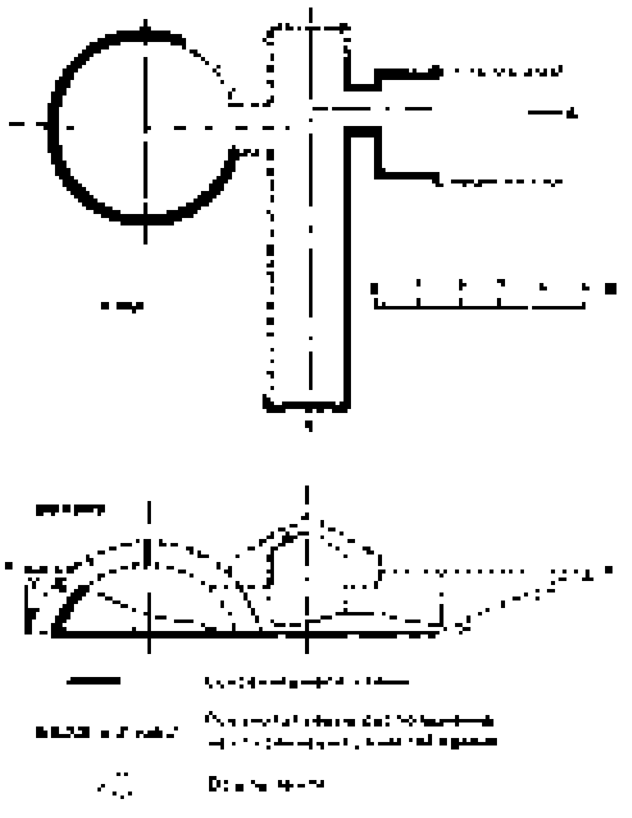
1. Ранний Ашшур

Географическая среда и население

Ассирией в древности называлась область, расположенная в средней части долины Тигра, соответствующая северо-восточной части современного Ирака. Тигр принимает здесь с востока два крупных притока — Большой и Малый Заб. С северо-востока страну ограничивают отроги гор Загра, с юго-востока — река Малый Заб, с запада — степь. Воды реки Тигра наряду с колодцами используются здесь для искусственного орошения. Однако по плодородию эта часть нынешнего Ирака значительно уступает низовьям Тигра и Евфрата. Вверх по долинам Малого и Большого Заба расположены районы частично

земледельческие (с использованием дождевых вод, собираемых в специальные водоёмы и применяемых для искусственного орошения), но главным образом скотоводческие. Хотя зимой здесь может выпадать даже снег, летом солнце выжигает травяной покров, поэтому скот летом перегоняют на горные луга. Из земледельческих продуктов Ассирия производила обычные для всего Двуречья виды злаков — в первую очередь ячмень и эммер (пшеницу-двузернянку), а также мало распространённый в Вавилонии виноград.

В период неолита культура той области, которая позже стала называться Ассирией, ещё стояла значительно выше культуры стран, расположенных в низовьях Тигра и Евфрата, где условия для земледелия были неблагоприятными, пока не было создано искусственное орошение. Это объясняется тем, что в низовьях земля периодически затоплялась и заболачивалась, либо её травяной покров полностью выжигался солнцем и чрезмерная сухость не позволяла взращивать злаки.

План и вертикальный разрез общинного круглого жилища. Городище Телль-Арпачия.

К тому же в предгорьях имелся материал для изготовления орудий (дерево, камень, медь), а в низовьях его не было. Поэтому оттеснённые в низовья племена едва находили там возможности для пропитания. В холмистых и предгорных районах Передней Азии в это время складывается довольно однородная культура, для которой характерны оседлые поселения, состоявшие из домов, либо глинобитных, либо (позже) из сырцового кирпича, иногда на каменном фундаменте; позже появляются также и крупные общественные сооружения в виде круглых общинных домов и прямоугольных святилищ. Для этой культуры характерно и развитие гончарного ремесла, памятником которого является замечательная расписная посуда.

Наиболее вероятно, что по крайней мере часть древнейшего населения принадлежала здесь к хурритам — группе племён, родственных по языку урартам Армянского нагорья. Язык хурритов имеет также в некоторых отношениях отдалённое сходство с языками народов Кавказа и Закавказья. Шумерские тексты III тысячелетия до н. э. называют рассматриваемые нами области «Су-бир», аккадские тексты III и II тысячелетий до н. э. — «Субарту» или «Шубарту», отсюда и название населения — субарейцы или шубарейцы. Большинство исследователей считает, что это шумеро-аккадское обозначение тех же племён, которые называли себя хурритами.

Особенности исторического развития Ассирии

В связи с освоением техники ирригации в Двуречье в течение IV тысячелетия до н. э. происходило быстрое развитие производительных сил и подъём культуры; когда на юге уже складывалось классовое общество, возникали первые государства, создавалась письменность и закладывались основы позднейшей шумеро-аккадской культуры, на севере развитие общества подвинулось вперёд лишь незначительно. В дальнейшем, с появлением бронзовых орудий, с использованием достижений культуры юга Двуречья, значительный прогресс в общественном развитии заметен и на севере.

Для понимания истории рабовладельческого общества Ассирии необходимо учитывать экономическое значение занимаемого ею района для снабжения ведущей сельскохозяйственной области Передней Азии — Вавилонии — металлом, которого она совершенно не имела, и лесом, которым она была очень бедна.

С юго-востока к Ассирии примыкали долины рек Адема и Диялы — место скрещения путей, ведших с Иранского нагорья в Аккад — северную часть Двуречья. Важнейший путь для Двуречья, связывающий Элам и Аккад с Сирией и далее с Палестиной и Египтом, проходил через самую Ассирию. Он шёл вверх по Тигру, а затем через культурные и населённые части Северной Месопотамии к переправам в районе большой дуги Евфрата, отделяющей Месопотамию от Сирии. Другой путь вёл из Вавилонии в Сирию по Евфрату, проходя не далее чем в 200 *км* от пределов Ассирии. Путь, шедший прямо через Сирийскую степь, был не пригоден для регулярных сношений, так как существовала опасность нападения степняков и было трудно снабжать медленно двигавшиеся караваны водой, в особенности, когда верблюд ещё не применялся как транспортное средство, т. е. до второй половины II тысячелетия до н. э. Наконец, ещё один важный торговый путь, а именно идущий по Тигру из Малой Азии и Армении, также проходил через Ассирию и в её пределах соединялся с восточным путём из Вавилонии в Сирию. Таким образом, по путям, либо прямо проходившим через Ассирию, либо лежавшим с нею в непосредственном соседстве, перевозились: медь, серебро, свинец, лес, шедшие из Северной Сирии, Малой Азии и Армении в Вавилонию, а также золото, шедшее из Египта (а может быть, и из Закавказья и Индии), целый ряд продуктов из Ирана, а через него — и из Средней Азии и Индии. С другой стороны, по этим же путям направлялись продукты сельского хозяйства и ремесла Вавилонии и Элама, шедшие в обмен на сирийские, малоазиатские и другие товары.

Это обстоятельство наложило свой отпечаток на развитие древней ассирийской экономики. Ассирия играла роль передаточного пункта, промежуточной инстанции в обмене между отдельными обществами и государствами с самого начала возникновения сколько-нибудь широкого обмена между различными районами Передней Азии. То значение, которое Ассирия приобрела в истории древнего мира, было в значительной мере обусловлено её благоприятным положением на караванных путях и тем особым местом, которое Ассирия занимала вследствие этого в экономике Передней Азии.

Приблизительно с середины III тысячелетия до н. э. (время, к которому восходят древнейшие слои городища на месте поселения Ашшур — ядра будущего Ассирийского государства) в областях Месопотамии к северу от Двуречья появляются выходцы из Шумера и Аккада, что, несомненно, связано с той нуждой в сырье, которую испытывало Двуречье. По документам из Двуречья мы знаем, что для приобретения камня, леса, металла общины Шумера и Аккада посылали в длительные путешествия своих торговых агентов — тамкаров. На основных торговых путях была организована целая сеть постоянных факторий и колоний.

Опорным пунктом — притом важнейшим из них — на Тигре был Ашшур. Последний (ныне Кала'т-Шеркат) стоял на правом берегу реки Тигра, несколько выше впадения Малого Заба. По его имени за всей страной позже утвердилось название Ашшур, или, в греческой форме, Ассирия.

Общественные отношения в древнейшем Ашшуре

Обстоятельства возникновения и сложения государства в Ашшуре нам неизвестны. Мы знаем лишь, что в тот период, который освещён письменными памятниками, т. е. на рубеже III и II тысячелетий до н. э., Ашшур уже имел крупное значение в межобщинном и межгосударственном обмене Передней Азии, и это в значительной мере определяло его развитие.

Среди древнейших, может быть, легендарных имён правителей Ашшура мы встречаем, по-видимому, хурритские. Хотя, судя по собственным именам, хурритский

язык наряду с аккадским ещё долго (возможно, до конца II тысячелетия) был распространен в Ашшуре и в окружающих селениях, однако аккадскому языку принадлежала ведущая роль. Уже наместник III династии Ура в Ашшуре пользуется аккадским языком для своей надписи; в дальнейшем в Ашшуре в официальных надписях в документах пользовались исключительно аккадским языком и клинописью приспособленной к аккадскому языку.

Продолжая начатое Аккадом освоение торговых путей, Ашшур основывает целый ряд подсобных фактории и колоний, из которых нам наиболее известны важные торговые поселения в Малой Азии. Создание этих колоний, несомненно, прямо или косвенно связано с завоеваниями, производившимися в течение второй половины III тысячелетия династией Аккада и III династией Ура. Обе эти державы включали по-видимому, также Ашшур и объединяли большие территории в Двуречье, в предгорьях Загра и даже в Северной Сирии. Это создавало благоприятные условия для освоения караванных путей и способствовало развитию Ашшура и других мелких городов-государств на территории будущей Ассирии.

Земля, по-видимому, считалась в это время в Ашшуре общинной собственностью. Наряду с храмовым землевладением, не игравшим, однако, столь крупной роли как в Шумере, существовали земли общин, которые находились в руках свободных членов общин — как больших семей, так и отдельных лиц. Систематически проводились переделы земельных участков. Земля обрабатывалась большей частью самими членами общины с их семьями частью же совместно с рабами, а в богатых хозяйствах, возможно, одними рабами. Изредка применялся наёмный труд. Рабы являлись отчуждаемой собственностью своих хозяев. Неоплатные должники становились домашними рабами кредитора, на срок или бессрочно — неизвестно; массового характера долговое рабство еще не приобрело, несмотря на весьма сильное имущественное неравенство, которое развивается в это время между верхушкой рабовладельцев и массой рядового населения.

Государственный строй древнего Ашшура

Верховным органом власти в самом Ашшуре был совет старейшин. Каждый год носил имя определенного должностного лица *лимму* (вероятно, одного из членов совета старейшин), менявшегося ежегодно. По этим лимму велась датировка. По-видимому, тот же лимму стоял во главе казны города, сосредоточенной в «доме городского совета», не только руководившего деятельностью тамкаров (торговых агентов), но и занимавшегося непосредственно обширными ростовщическими и торговыми операциями. Другим важным должностным лицом был *укуллум,* ведавший земельными вопросами и, возможно, возглавлявший судебную и административную деятельность городской общины. Должность укуллума обычно, хотя и не всегда, совмещалась с наследственной должностью *ишшаккум.* Ишшаккум, или, по шумерской терминологии, энси (патеси), имел право созывать совет, без которого, по всей вероятности, он не мог принимать важных решений. По-видимому, в его ведении находились только религиозные и связанные с ними дела (например, некоторые виды строительства). Вопросы судебные, экономические (например, податные и т. д.) лежали вне ведения ишшаккума, и совет Ашшура сносился с колониями по этим вопросам без его ведома.

Таким образом, ишшаккум вовсе не был носителем верховной государственной власти в Ашшуре; по своему государственному строю Ашшур этого времени приближался к типу олигархической рабовладельческой республики.

Торговые колонии Ашшура

Важнейшей и наиболее известной нам из колоний Ашшура была колония при городе Канесе (современное городище Кюль-Тепе, близ города Кайсери в Турции). Документы, дошедшие отсюда, — впрочем, происходящие не только из Канеса, но также из ряда другие колоний и из самого Ашшура, —охватывают три поколения и относятся, по-видимому, к XX-XIX вв. до н. э.

В Малую Азию, главным образом из Двуречья, ашшурские купцы везли на ослах караванами продукты ремесла, в особенности ткани, а вывозили преимущественно серебро, свинец, медь, а также шерсть и кожу. Работорговлей ашшурские купцы не занимались. Свинец в этот период наряду с серебром играл в Ашшуре и его торговых факториях роль средства обращения. Важно отметить, что торговля эта лишь в небольшой мере была рассчитана на нужды самой Ассирии.

Во всякой колонии Ашшура официальные документы составлялись обычно от имени «такой-то колонии от мала до велика». Все решения народного собрания, бывшего формально верховным органом управления, принимались от лица всей колонии, но фактическая власть принадлежала знати, так называемым «великим».

Существовали эти колонии при местных поселениях (вне их стен, но на их земле); в делах с местным населением, жестоко эксплуатировавшимся ашшурскими купцами, колонии подчинялись юрисдикции местных царьков; но последние были заинтересованы в торговле с ашшурскими тамкарами, а поэтому всячески им потворствовали. Во внутренних делах колонии подчинялись Ашшуру, совет которого имел в каждой из них своего представителя; Ашшур собирал в свою пользу пошлину с торговли колоний.

После падения государства III династии Ура торговые города, подобные Ашшуру, стремятся к созданию мощной военной силы для захвата и удержания в своих руках караванных путей. Неизбежна была острая борьба за обладание этими путями.

Ашшур при Шамшиададе I

Задачи завоевательной политики, которые в начале II тысячелетия до н. э. выдвигала верхушка ашшурского рабовладельческого общества, не могли быть осуществлены без изменения самой государственной структуры в сторону укрепления власти правителя-военачальника. Конечно, военные столкновения с соседними общинами и племенами бывали и раньше, но первое крупное военное предприятие, выходившее за пределы территории, расположенной в непосредственном соседстве с Ашшуром, относится, насколько нам известно, ко времени ишшаккума Илушумы (XX в. до н. э.), который на короткое время овладел рядом важных районов на Нижнем Тигре и в других частях Двуречья. По-видимому, тот же Илушума пытался укрепить храмовое хозяйство, как опору власти правителя. Но гораздо большее значение имели завоевания Шамшиадада I (конец XIX — начало XVIII в. до н. э.).

Шамшиадад I был сыном аморея Илакабкабу, захватившего власть в Ашшуре, по-видимому, точно так же, как другие аморейские вожди, опираясь на племена степняков, захватили около этого времени власть в большинстве городов Двуречья. Выполняя задачи, которые, как было сказано, поставила в то время верхушка ашшурских рабовладельцев, Шамшиадад стремился к установлению в Ашшуре своей единоличной власти и к созданию деспотической монархии наподобие существовавшей в Вавилонии; свидетельством стремления заимствовать всё вавилонское можно считать, между прочим, распространение с этого времени в Ашшуре вавилонской разновидности клинописи. Шамшиадад I впервые объявил себя «царём множеств» *(шаркиишшати),* а не просто ишшаккумом. Ему удалось распространить свою верховную власть на всю Северную Месопотамию и посадить своего сына царём в Мари [1]. Одно время он осуществлял гегемонию и в северной части Аккада. На западе ему, по-видимому, удалось достичь Средиземного моря. В своей надписи он хвастался наступившей в годы его правления дешевизной на хлеб и шерсть (что позволяло ашшурским купцам особенно сильно наживаться при перепродаже этих товаров, которые обменивались на металлы). В письмах своему сыну Шамшиадад упоминает о воинах *лабну* («склонённых ниц»), т. е., возможно, о тех, кто не имел собственных земельных наделов и получал содержание или земельные участки от царя; упоминаются

[1] До нас дошла чрезвычайно интересная, но пока ещё не проанализированная историками политическая переписка Шамшиадада с этим его сыном.

Также воины из числа «мужей», т. е. полноправных свободных общинников, которые содержались в войске за счёт их собственных патриархальных семей.

Государство Шамшиадада I было первой крупной переднеазиатской державой с центром, расположенным вне Двуречья. Тот факт, что именно из Ассирии исходило это объединение, объясняется двумя причинами: во-первых, экономическим могуществом Ашшура, которое было связано с благоприятным его положением, как торгово-передаточного центра; во-вторых, удачным стратегическим расположением Ашшура вблизи от всех основных путей сообщения Передней Азии. Это позволяло Ашшуру захватывать более важные в стратегическом и экономическом отношении районы, чем те, которые могло бы захватить с той же затратой сил какое-либо другое соседнее государство. С каждым новым завоеванием Ассирия получала новые преимущества для дальнейшего экономического и военного развития.

Однако в то время Ассирия не смогла использовать эти преимущества, так как прежде чем она успела закрепить за собой свои завоевания, ей пришлось встретиться с государством Эшнунны, а затем с ещё более мощным государством — с Вавилонским царством Хаммурапи. Крушение же государства Хаммурапи не сопровождалось новым подъёмом Ассирии и восстановлением порядков, вводившихся Шамшиададом. Гегемония в Месопотамии тогда перешла к новому государству — Митанни, сложившемуся в плодородной холмистой части Северной Месопотамии у узла дорог, проходящих через Северную Сирию и большую излучину реки Евфрата. Ассирия должна была признать верховное владычество Митанни.

2. Митанни и второе возвышение Ашшура

О государстве Митанни, бывшем в середине II тысячелетия до н. э. одной из сильнейших держав, нам известно очень мало. Данные о его политической истории, почерпнутые почти исключительно из хеттских, ассирийских и египетских источников, относятся преимущественно к самому концу истории Митанни. Как возникло

Человеческое жертвоприношение.
Оттиск хурритской цилиндрической печати. Середина II тысячелетия до н. э.

это государство, мы не знаем. Известно лишь, что в XIX—XVIII вв. до н. э. государства Митанни ещё не существовало, а гегемонию в Северной Месопотамии и Северной Сирии осуществляло другое, по-видимому аморейское по основному составу населения, государство — Ямхад с центром в Халпе (Алеппо).

Основная масса населения Митанни состояла из хурритов; хурритским языком наряду с аккадским пользовались в управлении. Однако анализ ряда собственных имён из Митанни и окрестных областей, в том числе имён членов царской династии, открывает наличие ещё и другого этнического элемента в Митанни, судя по языку, — родственного индоевропейским племенам Северной Индии. Ещё явственнее на это указывает упоминание в договорах между Хеттским царством и Митанни, в числе прочих, также и индийских божеств — Индры, Варуны и братьев-близнецов Ашвинов, под одним из их имён — «Насатья», а также наличие ряда индийских слов в хеттском переводе трактата о коневодстве митаннийца Киккули. Коневодство, главнейшие центры которого в Передней Азии во II и I тысячелетиях до н. э. находились преимущественно в северных горных районах (Малая Азия, Армянское нагорье, современный Южный Азербайджан), внесло переворот в военную технику и отчасти в транспорт древнего Востока и способствовало выдвижению на первый план держав, подобных Хеттской и Митаннийской.

Некоторые данные об общественных отношениях у хурритов

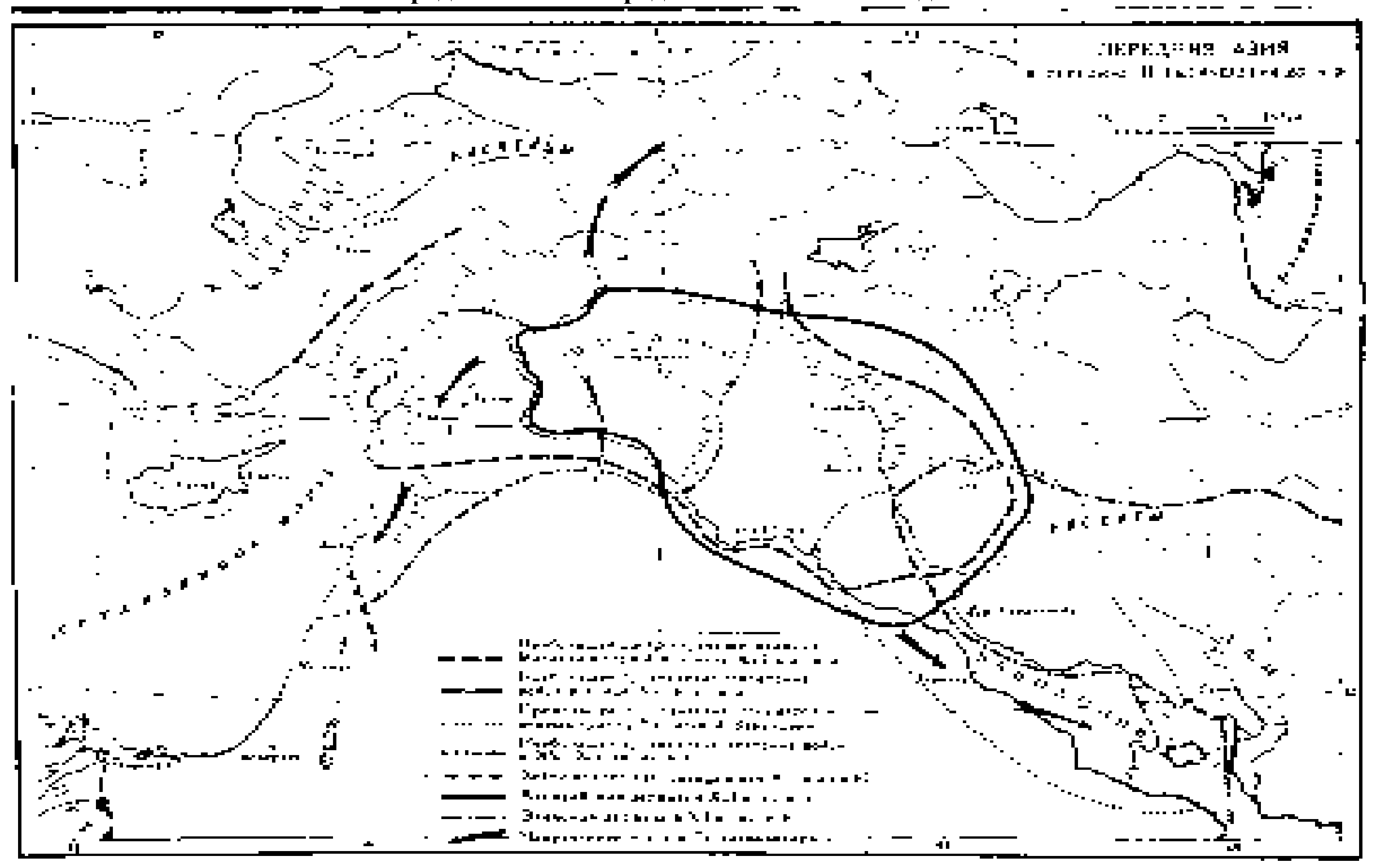
О внутреннем строе Митанни нам почти ничего неизвестно, но мы можем подробно судить об обществе хурритов Аррапхи (современного Киркука), крайней области на востоке из находившихся под владычеством Митанни, хотя временами здесь господствовали и касситы. Возможно, что материал из Аррапхи может дать и некоторое общее представление о всём хурритском обществе середины II тысячелетия до н. э. До нас дошло несколько тысяч частных и официальных документов из укреплённого поселения Нузу (современное городище Иорган-Тепе), в области Аррапхи, составленных на аккадском языке, однако содержащих такие характерные ошибки, по которым, без всякого сомнения, можно определить, что не аккадский, а хурритский был родным языком писавших.

Большую часть территории Нузу занимал «дворец» — средоточие местного государственного хозяйства. Государственному хозяйству принадлежало значительное количество рабов, расселенных по окрестным поселениям. Дворцу были подчинены различные государственные служащие, свободные ремесленники и т. п., а также «люди дома» — низшая категория свободных лиц, зависимых от дворца, — по-видимому, не имевшие земельного надела в общине.

По документам из Нузу видно, что земля была ещё формально неотчуждаемой общинной собственностью; тем не менее, имеются данные о том, что уже в середине II тысячелетия земельные участки мелких земледельцев массами скупались крупными ростовщиками. Частное землевладение, однако, ещё не получило полного развития, и скупка недвижимости оформлялась в виде псевдоусыновлений: покупатель «усыновлялся» продавцом, и ему как «сыну» из семейно-общинного участка выделялась «наследственная доля», которая с этого момента, в отличие от остальной земли участка, не подлежала периодическим переделам. За это «усыновитель» — продавец получал от «усыновлённого» — покупателя «подарок», соответствующий цене земли. Иногда подчёркивалось, что повинность с купленной таким образом земли продолжает нести «усыновитель», т. е. продавец, попадавший тем самым в зависимое от ростовщика и неравноправное положение. Один из крупнейших ростовщиков в Нузу был за свою жизнь «усыновлён» по этому образцу около 150 раз.

О развитии имущественного неравенства и, в частности, о далеко зашедшем разорении общинников свидетельствуют также и многочисленные заёмные сделки. Ростовщики давали в долг зерно из 30%. При этом они не ограничивались составлением простого долгового обязательства, а постепенно перешли к особым закладным обязательствам: кредитор давал должнику хлеб или скот, а получал в «обмен» поле должника или его жену, сына и т. д.; срок действия такой закладной сделки мог доходить до ... 200 лет. Весьма распространено также было «удочерение» девушек из обедневших семей, которое позволяло ростовщику извлекать доход из продажи «удочерённой» девушки замуж или в наложницы.

Передняя Азия в середине II тысячелетия до н. э.

Вероятно, таким же было положение беднейших и закабалённых народных масс и на основной территории государства Митанни.

Ашшур под властью Митанни

В период своего могущества при царе Шаушшатаре (около 1500 г. до н. э.) Митанни в большей или меньшей мере контролировало, по-видимому, области от Северной Сирии до Ашшура и Аррапхи. Под верховной властью Митанни находился ряд полусамостоятельных государственных образований. В Ашшуре Митанни держало своих «послов» *(суккаллу),* фактически бывших наместниками. Они входили в состав ашшурского совета и избирались в качестве лимму. Роль местных правителей Ашшура была в это время сравнительно невелика. Да и сам Ашшур не играл теперь уже прежней роли: подъём Египта Нового царства, проникновение египтян в Сирию и начавшийся усиленный обмен со странами Эгейского бассейна содействовали перемещению к западу значительной части путей обмена с Малой Азией. Этот обмен в большой мере шел теперь через руки финикийцев, через такие пункты, как Угарит (на побережье Сирии, против острова Кипр) — место обмена крито-микенских, египетских, хеттских, митаннийских товаров и, возможно, также товаров, доставлявшихся ассирийцами; да и самая возможность существования ашшурских колоний в Северной Месопотамии и Малой Азии исчезла с возвышением Хеттского и Митаннийского царств.

Тем не менее для Вавилонии снабжение через Ашшур сохраняло своё значение; Ашшур, поскольку это касалось торгово-рабовладельческой верхушки ашшурского общества, продолжал наживаться на торговле и накапливать богатства. Ашшурские купцы проникали далеко вглубь чужих стран, хотя это стало теперь значительно труднее, чем раньше, в начале II тысячелетия до н. э. Бывали они даже в Египте. Но пути купцов проходили теперь не по территории общин, племён и небольших государств, а по территории государств довольно крупных и достаточно мощных в военном отношении, которые отнюдь не были намерены делить доходы с Ашшуром. Положение было поэтому чревато войнами за захват территорий Передней Азии, и ассирийцы накапливали для этого силы. Однако ещё в начале правления митаннийского царя Тушратты (конец XV в. дон. э.) Ассирия, по-видимому, не выходила из-под митаннийской гегемонии. Эту гегемонию оспаривала, впрочем, также и Вавилония, где в это время господствовала касситская династия.

Ослабление Митанни и усиление Ассирии

С начала XV в. могущество Митанни начинает заметно слабеть. Сперва египетские войска оттеснили митаннийцев из Сирии за Евфрат, позже тяжёлые удары митаннийцам начал наносить хеттский царь Суппилулиума, вследствие чего митаннийский царь Тушратта должен был вступить в тесный союз с Египтом. После разгрома митаннийцев Суппилулиумой в борьбу за гегемонию вступает и Ашшур, претендующий на участие в разделе наследства Митанни.

Возможность обогащаться существовала для Ашшура, как уже указывалось, и в период владычества Митанни: господство над Тигром было достаточно доходным. Ашшурские правители, хотя и не носившие царского титула и управлявшие только маленьким клочком территории, могли сооружать в зданиях Ашшура двери, покрытые серебром и золотом, строить богатые дворцы и посылать фараону ценные подарки. Однако для того, чтобы стать сильным в военном отношении, нужна была кроме богатства ещё и обширная территория с многочисленным населением, ибо времена формирования войска из числа наёмников ещё не настали: мелкие земледельцы ещё повсюду сидели на своей земле, и наёмников неоткуда было вербовать. Поэтому только внезапное ослабление соперника могло открыть перед Ассирией возможности военного усиления, но зато в этом случае её возможности были действительно широки.

Такой долгожданный момент для Ассирии наступил, когда Суппилулиума, царь хеттов, около 1400 г. до н. э. разгромил Митанни и покорил Сирию. В это время

правителем Ашшура был Ашшурубаллит I, от времени которого, между прочим, дошла до нас основная масса документов, позволяющих судить об общественных отношениях в Ассирии в этот период. Примерно к тому же времени, вероятно, относятся и так называемые «среднеассирийские законы», дошедшие до нас в списках преимущественно XII в. до н. э.

Ашшурубаллит воспользовался разгромом Митанни для захвата части митаннийской территории. Правда, Митаннийское государство и после хеттского и ассирийского разгрома продолжало своё существование в равнинной части Северной Месопотамии. Но если Ассирии не удалось уничтожить своего врага — Митанни, то начало решительной борьбе всё же было положено. В связи с усилением Ассирии вавилонские цари, которые в течение длительного времени считали Ассирию своим данником, породнились с ассирийскими, что дало Ашшурубаллиту в дальнейшем повод вмешиваться в дела вавилонского престолонаследия.

Преемники Ашшурубаллита продолжают расширять территорию государства, стремясь выйти на Евфрат. Успехи ассирийцев были чрезвычайно опасны для Вавилонии, ибо, захватив все пути подвоза, ассирийцы могли бы поставить город Вавилон и всю Вавилонию в очень трудное положение. Вспомним, что в культурном и экономическом отношениях Вавилония была ведущей страной Западной Азии, и нам будет понятно, как важно для Ассирии было овладеть Евфратом.

Поэтому, когда Ассирия протягивала руки к Евфрату, она всегда встречала сопротивление со стороны Вавилонии, тем более, что их интересы сталкивались также и в областях к востоку от Тигра, в долинах Адема и Диялы. Царь Ассирии Ададнерари I вёл войну с Вавилонией и отвоевал у неё Аррапху и Нузу, он же успешно отразил нападение Митанни и поставил митаннийского царя в зависимое от себя положение; затем, когда новый митаннийский царь отложился от него, Ададнерари победоносно прошёл всю митаннийскую территорию и дошёл до Каркемиша на большой излучине Евфрата.

Всё это вызвало серьёзное беспокойство хеттов, которые усиленно пытались поссорить Ассирию с Вавилонией; однако Вавилония, опасаясь Ассирии, в это время искала с ней мира. Между тем Ассирия продолжала усиливаться.

В первой половине XIII в., — по-видимому, в разгар борьбы хеттов с Египтом, — ассирийский царь Салманасар I (Шульмануашаред) вновь пересёк всю территорию Митанни и вышел к Каркемишу на Евфрате. Такое усиление Ассирии, несомненно, ускорило заключение мира между хеттами и Египтом: поскольку враждебное ассирийское войско стало у евфратских переправ около Каркемиша, то хеттам вести войну в Сирии с другим противником становилось уже невозможно, так как Каркемиш был ключом к Сирии для наступающего с востока, ключом к Месопотамии — для наступающего с запада. Появление ассирийского войска у Каркемиша означало угрозу отрезать Малую Азию от Сирии.

Ассирийский воин в это время всегда следовал за ассирийским купцом, поэтому хетты пытались в первую очередь парализовать ассирийскую внешнюю торговлю. Однако эта их политика не имела успеха.

Наивысшего могущества в этот период Ассирия достигла при Тукультининурте I, во второй половине XIII в. Помимо значительного расширения пределов Ассирийской державы на северо-западе и северо-востоке Тукультининурта распространил свою власть на приевфратскую полосу и дважды успешно вмешивался в вавилонские дела. Он разграбил главный храм Вавилона и увёз в Ашшур его важнейшую святыню — статую Мардука. Тукультининурта совершил также удачный набег и на хеттскую территорию.

При этом царе столица была временно перенесена из Ашшура, так долго бывшего синонимом государства, в другой, специально построенный город — Кар-Тукультининурта (современное городище Тулуль-Акир).

Из всего изложенного видно, что в это время в своей внешней политике Ассирия оказалась вынужденной отказаться (и не могла не отказаться) от системы насаждения своих колоний посреди чуждого населения, а продолжала и развивала намеченную уже в конце раннеассирийского периода политику создания военной силой крупной державы, господствующей на важнейших путях в Передней Азии.

3. Ассирия в XV—XI вв. до н. э. (среднеассирийский период)

По мере того как в Ассирии господствующий класс переходил к политике завоеваний, роль царя всё более усиливалась, поскольку он был не только жрецом, но и военачальником. С другой стороны, в связи с возросшим удельным весом земледелия в экономике Ассирии в рассматриваемый период особое значение приобретают взаимоотношения между общинами и богатыми рабовладельцами и землевладельцами. Эти отношения регулировались царской властью в интересах класса рабовладельцев. Царская власть контролировала деятельность общин, ограничивала их самостоятельность и имела задачей обеспечивать для господствующего класса большую производительность общинных земель, держа в повиновении рабов и массы нищающего свободного люда. Это в свою очередь способствовало усилению роли и значения царской власти и превращению её в деспотическую.

В таком направлении и происходили изменения в государственном и политическом строе Ассирии. В XV—XIV вв. до н. э. правитель Ашшура начинает называться «царём страны Ашшур». Конечно, усиление царской власти происходило не без борьбы со знатью, привыкшей править государством непосредственно — через ашшурский совет. И когда Тукультининурта I, казалось бы, без видимой причины, переносит свою столицу из Ашшура на противоположный берег Тигра, где строит новую столицу, то естественно предположить, что это делается для того, чтобы порвать с ашшурским советом, который становится теперь лишь городским советом. В свете этого будет понятно, почему Тукультининурта был убит восставшими против него «великими».

Община и семья

В пределах территории той или иной городской общины в Ассирии имелся целый ряд сельских общин, являвшихся собственниками всего земельного фонда. Этот фонд состоял, во-первых, из обрабатываемой земли, поделённой на участки, находившиеся в пользовании отдельных семей. Эти участки, по крайней мере теоретически, подлежали периодическим переделам. Во-вторых, имелись запасные земли, на пользование долей которых также имели право все члены общины. Земля в то время уже продавалась и покупалась. Хотя каждая сделка купли-продажи земли ещё требовала утверждения общины, как собственника земли, и совершалась под контролем царя, однако в условиях роста имущественного неравенства это не могло воспрепятствовать скупке земельных участков и созданию крупных хозяйств.

Мелкие земледельцы в основном держались большими (неразделёнными) семьями («домами»), которые, однако, постепенно распадались. В пределах таких «домов» царь, по-видимому, имел право сохранять за собой «долю», доход с которой поступал ему лично или переуступался им кому-либо из должностных лиц в качестве кормления за службу. Этот доход держателем мог быть передан и третьим лицам. Община в целом была обязана по отношению к государству повинностями и натуральными налогами.

Для среднеассирийского периода (XV—XI вв. дон. э.) характерно существование патриархальной семьи, насквозь проникнутой духом рабовладельческих отношений. Власть отца над детьми мало отличалась от власти хозяина над рабом; ещё и в староассирийский период дети и рабы одинаково причислялись к имуществу, из которого кредитор мог брать возмещение за долг. Жена приобреталась путём купли, и её положение мало отличалось от рабского. Мужу предоставлялось право не только избивать, но в ряде случаев и калечить её; жену за побег из дома мужа жестоко ка-

рали. Нередко жена должна была отвечать своей жизнью за преступления мужа. По смерти мужа жена переходила к его брату или отцу или даже к собственному пасынку. Лишь в том случае, если в семье мужа отсутствовали мужчины старшего лет, жена становилась «вдовой», имевшей известную правоспособность, которой была лишена рабыня. За свободной женщиной, правда, признавалось право на внешнее отличие от рабыни: рабыне, как и проститутке, под угрозой строжайших кар воспрещалось ношение покрывала — признака, отличавшего каждую свободную женщину. Считалось, что в сохранении чести женщины в первую очередь заинтересован её владелец — муж. Характерно, например, что насилие над замужней женщиной каралось много строже, чем насилие над девушкой. В последнем случае закон заботился главным образом о том, чтобы отец не лишился возможности выдать дочь замуж, хотя бы за насильника, и получить доход в виде брачного выкупа.

Рабство

Имущественное расслоение в ассирийском обществе к тому времени, несомненно, было весьма значительным. У ашшурских купцов ещё в раннеассирийский период скопились крупные богатства. Как мы указывали выше, торговля Ашшура на некоторое время резко сократилась в силу внешних причин; даже открывшиеся в середине II тысячелетия до н. э. новые возможности для торговли были всё же не столь широки, как ранее, ввиду соперничества соседних крупных государств. Богатые ассирийцы всё больше стремились использовать в своих интересах все внутренние возможности и создавали крупные земледельческие хозяйства. Резкое имущественное расслоение всё более охватывает сельское население, торговля и ростовщичество начинают разъедать ассирийскую сельскую общину. Между тем необходимого количества рабов маленькая Ассирия дать не могла. Можно с большой уверенностью сказать, что в хозяйстве рядового общинника рабов обычно не было, а крупные владельцы испытывали недостаток в рабской силе. Создававшийся недостаток рабов сказался на ценах: нормальная стоимость одной рабыни поднялась до 100 *кг* свинца, что равнялось стоимости около 6 *га* поля — раза в три дороже, чем в раннеассирийский период.

Выше говорилось, что ассирийские походы этого времени преследовали цель обеспечить интересы торговли, но они в неменьшей степени преследовали также цель добычи рабов. Цари XIII—XII вв. приводили из походов многие тысячи пленных. Однако и в этот период количество рабов в Ассирии всё же было значительно меньшим, чем в соседней Вавилонии.

Относительный недостаток в рабской силе зажиточная верхушка ассирийского рабовладельческого общества стремилась восполнить за счёт закабаления своих соотечественников. Продолжающееся имущественное расслоение способствовало этому. Что в этот период всё быстрее идёт процесс разорения основной массы свободных земледельцев, следует из большого числа дошедших до нас заёмных сделок. Объектом займа чаще всего являлся свинец, который был в это время обычным денежным эквивалентом, реже — хлеб и др. В большинстве случаев заём давался на тяжёлых ростовщических условиях, и притом под залог поля, дома или домочадцев должника. Иногда же должник обязан был к жатве предоставить кредитору определённое количество жнецов (взамен процентов на сумму займа). Количество жнецов бывало значительным, поэтому можно предположить, что в выполнении этого обязательства участвовали члены всей «большой семьи»; в отдельных случаях, возможно, участвовали даже члены других семей той же общины, приходившие на помощь своему попавшему в сети ростовщика соседу.

Результатом всего этого было разорение, обезземеливание и массовое закабаление рядовых общинников-земледельцев.

До нас дошли, хотя и не полностью, законы среднеассирийского времени. Они были записаны на отдельных глиняных таблицах, из которых каждая посвящена какой-либо отдельной стороне повседневной жизни. По уровню правового развития они стоят ниже старовавилонских законов, что соответствует сравнительно низкому

уровню развития ассирийского общества времён Ашшурубаллита I. Некоторые исследователи считают их, впрочем, не собственно законами, а записью судебной практики для руководства судам.

Согласно этим законам, кредитор не мог безоговорочно распоряжаться лицом, отданным в залог. Так, он не мог продать замуж отданную в залог девушку без разрешения её отца и не мог подвергать заложенного человека телесному наказанию. Лишь когда (при неуплате долга) данное лицо переходило в собственность кредитора (считалось проданным «за полную цену»), кредитор приобретал над ним полную власть домовладыки и мог «ударять, выщипывать волосы, бить по ушам и просверливать их». Он мог даже продать такого кабального раба за пределы Ассирии. Кабальное рабство было бессрочным.

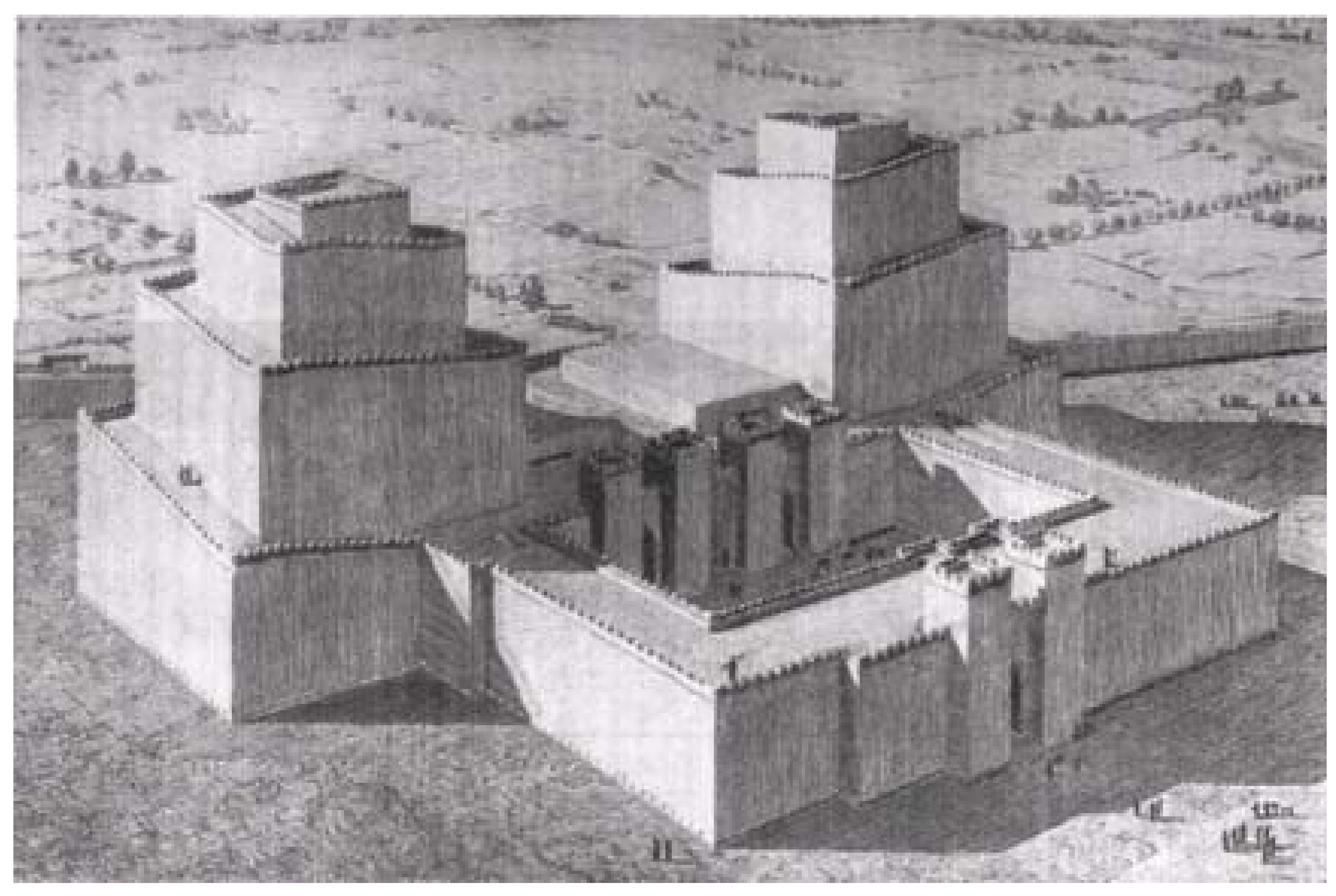
Наряду с прямой долговой кабалой существовали и различные прикрытые виды закабаления — например, «усыновление» ростовщиком своего обедневшего однообщинника «вместе с полем и домом», «оживление» девушки из голодающей семьи с переходом патриархальной власти на неё от отца к «оживителю» (хотя и с обязательством «оживителя» обращаться с ней всё же не как с рабыней) и др. Кабальные рабы работали в сельском хозяйстве так же, как и в доме.

Возникновение сословий

Первоначально в Ассирии не существовало сословного различия между отдельными группами свободных. Гражданское полноправие выражалось в принадлежности свободных к общине. Оно было связано с обладанием земельным наделом в пределах общины и с выполнением общинных повинностей. Грань между богатым и знатным рабовладельцем и рядовым общинником — свободным производителем материальных благ — не получила ещё юридического оформления. Несомненно, однако, что знать лично своих повинностей не выполняла. Это касалось, в частности, воинской повинности. И в этом уже было серьёзное отличие в положении богатого и бедного среди свободных. Насколько можно предположить, войско в Ассирии в этот период было организовано следующим образом: с одной стороны, низшие разряды воинов *(хупшу),* по-видимому, набирались из людей, зависимых от царя и получавших от дворца либо земельный надел, либо только довольствие. С другой стороны, обязанность выставлять воинов лежала и на общинах, которые от себя выделяли участок земли, держатель которого обязан был участвовать в царских походах. На деле, если «воин» был достаточно зажиточен, он мог выставить вместо себя заместителя из числа бедноты. Он давал при этом обязательство снабжать продовольствием своего заместителя с условием, однако, что семья его будет на него работать.

Аналогичное положение существовало и в отношении других «общинных повинностей». Получалось так, что среди свободных резко отделялись друг от друга люди, на которых лежали все повинности — рядовые общинники, и люди, которые этих повинностей не несли, — богачи. Поэтому сам термин «общинник» *(алайау)* с течением времени стал применяться не ко всякому члену общины, а только к несущему на самом доле повинности за себя и за богачей своей общины. Затем этот термин стал обозначать вообще «зависимое лицо», будь то «усыновлённый», закабалённый или же кто-либо из потомства бывшей «оживлённой» девушки, выданной замуж за какого-нибудь бедняка или раба, продолжавшей вместе со всей своей новой семьёй оставаться в зависимости от своего «оживителя» и отбывать за него повинности.

Система «заместительства на повинностях» имела для богатой верхушки ассирийского общества огромные преимущества. Эта система, предоставляя богачам практически неограниченные возможности для эксплуатации, маскировала её так, что позволяла угнетателю изображать себя даже благодетелем. Такая система могла возникнуть только тогда, когда процесс разорения свободных земледельцев зашёл достаточно далеко, а самостоятельность общины была подорвана.

Храм богов Ану и Адада в городе Ашшуре. XI в. до н. э.
Реконструкция.

Разорение и закабаление свободных мелких производителей в Ассирии создавали, таким образом, положение, аналогичное сложившемуся в Аррапхе. Без сомнения, Ассирия разделила бы судьбу Аррапхи и Митанни, если бы не удачные походы, которые позволили привлечь в страну большое количество чужеземных рабов, что привело к задержке дальнейшего процесса закабаления соплеменников. Сравнительно лёгкий захват значительной и многолюдной территории позволил Ассирии выставлять большее по численности войско, чем у соседей. Среди непосредственно граничивших с нею стран не было сильных военных соперников. Всё это делало Ассирию одной из наиболее значительных держав того времени.

Военные походы Тиглатпаласара I

Крупнейшим соперником Ассирии после разрушения Митанни была Вавилония. Заручившись, по-видимому, поддержкой крупной ассирийской ростовщической знати, Вавилония добилась значительного ослабления царской власти в Ассирии, где, как кажется, начался период внутренних смут и междоусобиц. Годы, непосредственно следовавшие после убийства Тукультининурты I, прошли под знаком вмешательства Вавилонии в ассирийские дела. Некоторых ассирийских царей этого времени можно рассматривать как прямых ставленников Вавилонии. Однако сама Вавилония в это время была внутренне слаба, и ассирийским царям удалось упрочить свою власть и воссоздать могущество Ассирии. Походы Тиглатпаласара I (Тукультиапалэшарра, 1116—1090) значительно расширили её пределы. К этому времени пала Хеттская держава, разгромлённая «народами моря», и произошло заметное ослабление Египта, а также и Вавилонии. Значительная часть внешних владений Вавилонии была незадолго перед тем захвачена эламитами, пытавшимися около этого времени создать крупную державу, простиравшуюся от Нузу до Персидского залива. Эта Эламская держава, однако, оказалась весьма непрочной, и в конце XII в. до н. э. царь Ассирии Тиглатпаласар I фактически уже не имел серьёзных соперников в Передней Азии. Первые его походы были направлены на север и северо-восток, в горные области, и имели чисто грабительский характер. Несмотря на то, что во время одного из походов ему удалось глубоко проникнуть в северную горную область — может быть, вплоть до Чёрного моря (близ устья реки Чорох), Ассирия и не пыталась удерживать эти районы за собой. Позже Тиглатпаласару удалось установить временный контроль над Вавилонией. Он не раз переправлялся также через Евфрат; ему удалось достичь Ливанских гор и Финикии, где он получил дары от фараона. Результатом этих походов было значительное расширение территорий, подчинённых Ассирии. На покорённые народы не просто налагалась дань, но их территория объединялась с ассирийской, а население, независимо от этнического происхождения, причислялось к ассирийцам. Тиглатпаласар в своих надписях-анналах подчёркивает заботу о земледелии. В частности, речь идёт об обеспечении оросительной сети водоподъёмными сооружениями.

Всё это приводило к тому, что отмеченные нами выше процессы разорения и закабаления общинников и усиления рабовладельцев замедлились, хотя захватывали всё большую территорию. Всё же эти процессы, по-видимому, зашли уже достаточно далеко. Именно к этому или к несколько более позднему времени следует отнести дарование городу Ашшуру освобождения от повинностей. К IX—VIII вв. до н. э., когда вокруг такого рода освобождений разгорелась острая политическая борьба внутри Ассирии, освобождение Ашшура от повинностей считалось уже старинной традицией. Предоставление такого освобождения было равносильно созданию автономной самоуправляющейся организации рабовладельцев внутри Ассирийского государства. Оно являлось крупной победой ашшурской рабовладельческой знати и должно было иметь своим следствием еще большее усиление её власти и увеличение бремени повинностей, лежавших на сельском населении.

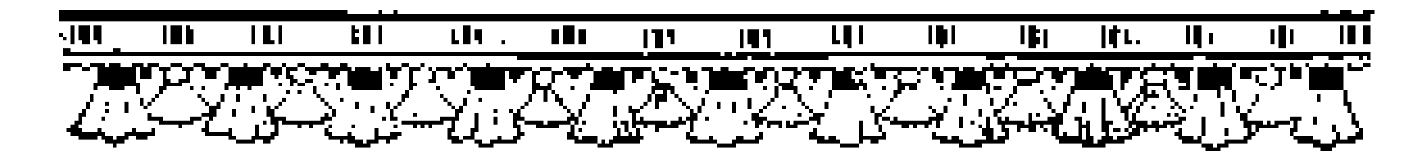
Проникновение арамеев в Сирию и Месопотамию

Около 1150 г. начинается вторжение в долины Верхнего Евфрата и Верхнего Тигра «мушков», — по-видимому, племён из числа разгромивших Хеттскую державу. В это же время происходит массовое проникновение на территорию Сирии и Месопотамии семитических скотоводческих племён — арамеев. Это проникновение, возможно, было связано с постепенным истощением степных пастбищ Аравийского полуострова в условиях всё большей сухости климата и нерационального выпаса стад мелкого рогатого скота. Оседая на слабо ещё освоенных ассирийцами землях Месопотамии, арамеи не только нарушали связь собственно Ассирии с окраинами державы, но и разрушали складывавшуюся здесь ассирийскую аграрную и политическую систему.

Многочисленные данные более поздних ассирийских текстов, а также языковые данные говорят о быстрой и почти полной перемене в это время языка у населения Северной Месопотамии.

Как свидетельствуют надписи Тиглатпаласара I и его сына, арамейское нашествие, начавшееся со второй половины царствования Тиглатпаласара, вызывало в Ассирии большое беспокойство. Вскоре ассирийская территория была расчленена наступлением арамейских племён. В последней четверти XI в. арамеи захватывают ряд областей даже к востоку от реки Тигра. Однако и в этот период массового переселения арамеев на север Месопотамии сохранился ряд созданных ассирийцами изолированных поселений, что способствовало в дальнейшем новому завоеванию этой территории Ассирией.

ГЛАВА XII
ЕГИПЕТ НОВОГО ЦАРСТВА

В середине II тысячелетия до н. э. Вавилония в результате внутренних процессов и внешних вторжений теряет свою ведущую роль в рабовладельческом мире. Ассирия постепенно становится наиболее сильной из переднеазиатских держав, но её политическая мощь начинает ощущаться в полной мере лишь в последней четверти II тысячелетия. Преобладающее положение среди рабовладельческих держав в середине II тысячелетия переходит к Египту.

Период Нового царства, начавшийся с поражения и изгнания гиксосов, завоевавших большую часть Египта в конце Среднего царства, продолжался около 500 лет, в пределах с XVI по XII в. до н. э. На него приходятся три манефоновские династии: XVIII, XIX и XX, время правления которых падает соответственно приблизительно на XVI—XIV, XIV—XIII и XIII—XII вв. до н. э.

Время Нового царства является периодом дальнейшего роста рабовладельческих отношений и значительного развития рабовладельческих хозяйств частных лиц. Царская власть в это время пытается опираться на более широкие слои рабовладельцев, стремясь к ограничению могущества знати. Именно опора на более широкие слои свободного населения позволила царям Фив, возглавлявшим южное царство, которое было более или менее независимым от гиксосов, захвативших Северный Египет, встать во главе борьбы против иноземных завоевателей.

В период Нового царства Египетское рабовладельческое государство уже не было ограничено, как прежде, лишь долиной Нила ниже первых порогов. Война с иноземными завоевателями сменилась захватническими походами за пределы Египта. Фараоновское царство стало громадной по тем временам державой. Однако

львиную долю добычи от этих походов получила знать, тогда как народные массы терпели нужду и лишения. От времени Нового царства до нас дошли сведения о выступлениях ремесленников, о восстаниях народных масс в конце правления XIX династии.

1. Изменения в экономике и общественной жизни

Развитие производительных сил в период Нового царства

Важная особенность египетского производства в период Нового царства — это широкое применение для изготовления орудий труда (начиная с XVIII династии) наряду с медью также искусственного сплава меди с оловом — бронзы.

От середины XVIII династии имеются изображения отливки даже таких больших предметов, как храмовые двери. Из бронзы изготовлялись и кованые изделия. Однако медь в естественном виде продолжала широко употребляться и в Новом царстве. Нет оснований полагать, что недавно открытые в Египте скудные месторождения олова были уже известны в древности; поэтому олово или сплав меди с оловом должны были в период Нового царства быть привозными.

Железо также упоминается источниками; от Нового царства сохранилось некоторое количество железных изделий, но ещё в конце XVIII династии железо считалось чуть ли не драгоценным металлом и изделия из него подчас бывали оправлены в золото.

При значительной ценности меди и бронзы и необычности железа население продолжало пользоваться и каменными орудиями. Неоднократно при раскопках находили кремнёвые лезвия от деревянных серпов; в таком крупном городе, как Гермополь, были обнаружены там, где, по-видимому, жила беднота, не только такие лезвия, но также кремнёвые ножи, ножички, скребки. Тем не менее, Новое царство относится уже целиком к бронзовому веку.

Прядильно-ткацкая мастерская в доме вельможи. Роспись из гробницы в Фивах. XVIII династия.

Можно назвать целый ряд и других существенных изобретений и усовершенствований в области техники, впервые тогда применённых или получивших заметное распространение.

Ткацкий станок времени Среднего царства был горизонтальным, его обслуживало двое или трое работников. Не позже середины XVIII династии появился вертикальный станок, требовавший всего одного ткача, и только при особой ширине тканей нужны были два ткача; на таком станке удобно было ткать и более широкие ткани.

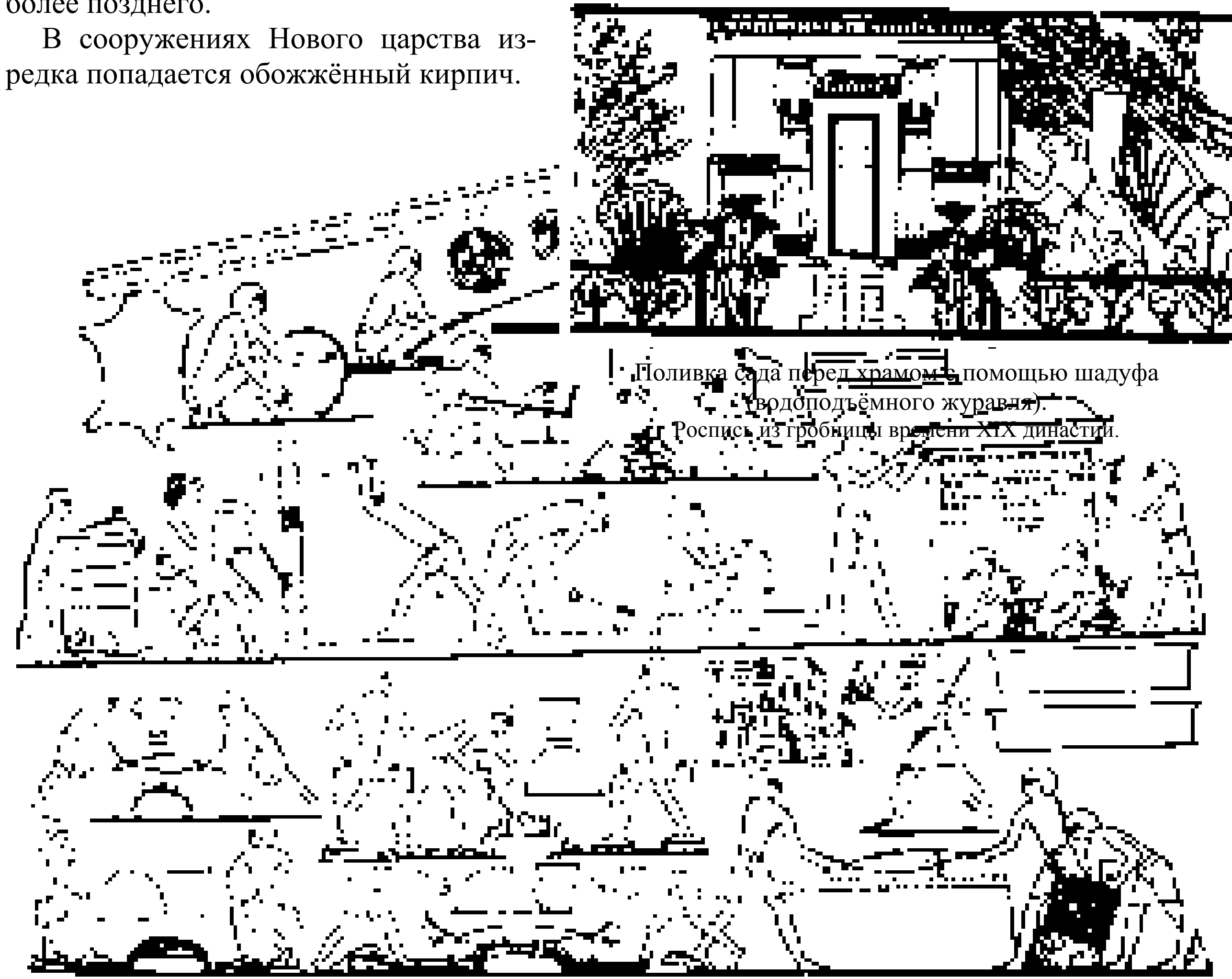
Прежде медники раздували горн ртом через трубки; в середине XVIII династии появляются уже ножные мехи, причём каждый из двух медников, раздувавших горн, орудовал двумя мехами. Управление одновременно несколькими орудиями было характерно и для некоторых других новоегипетских производств. Сверлильщики бус приводили в движение сразу до пяти свёрл вместо одного, а прядильщик мог работать одновременно на двух подвесных прялках. На изображениях времени XVIII династии можно видеть немало орудий ремесла, не встречавшихся на изображениях более ранних периодов.

Большие усовершенствования наблюдаются и в устройстве сельскохозяйственных орудий. Плуги с отвесными рукоятками и с перемычками поперёк них, бывшие в период Среднего царства ещё редкими, стали теперь общепринятыми и снабжались вверху рукояток отверстиями для рук. Земляные комья размельчались при пахоте

уже не одними мотыгами, но и молотами на длинных палках. Для отдирания семян льна пользовались гребнеобразной доской. В садоводстве применялись для поливки водоподъемные журавли (*шадуфы*).

Изготовление стекла развилось в большую ремесленную промышленность. Уже от XVIII династии до нас дошло много стеклянных сосудов и мелких поделок из цветного стекла. Было найдено несколько стеклодельных мастерских как времени XVIII династии, так и более позднего.

В сооружениях Нового царства изредка попадается обожжённый кирпич.

Поливка сада перед храмом с помощью шадуфа (водоподъёмного журавля).
Роспись из гробницы времени XIX династии.

Кожевники, плотники, медники, плавильщики и литейщики.
Роспись из гробницы в Фивах. XVIII династия.

Всюду заметно новое. Из меди отливались полые изображения. Полива на посуде при XVIII династии достигла прочности, несвойственной прежней. Применялись разные средства для окраски стекла. Приготовлялось при помощи окиси железа золото со светло-алой поверхностью. Следует упомянуть, что мумификация достигла непревзойдённого совершенства именно при XVIII—XIX династиях. Это говорит о росте знаний в области прикладной химии.

Значительное распространение получили колёсные повозки. Хотя колесницы-двуколки употреблялись для военных нужд или для выездов знати, а для перевозки тяжестей попрежнему служили сани, но на колёсных повозках, запряжённых быками, ещё в середине XVIII династии из Финикии на Евфрат были перевезены для фараона военные суда. Известно об отправке значительного количества повозок с бычьими упряжками в каменоломни при XX династии.

Большие перемены наблюдались и в скотоводстве. Распространившаяся со времени гиксосов лошадь, небольшая и очень стройная, не имела применения в производстве: она ходила лишь в боевых и выездных колесницах. Но коневодство, обслуживавшее колесничное вой-

ско, было поставлено широко. Много лошадей египтяне захватывали во время войн в Сирии и Палестине; лошадей получали оттуда и в порядке дани. Теми же путями поступало оттуда много крупного рогатого скота и ещё больше мелкого, а также ослы. Появляются также мулы. Эфиопия в качестве дани присылала быков; быков и ослов захватывали там и во время войн. Древняя овечья порода с развесистыми рогами, не дававшая шерсти, была окончательно заменена современной. Мотки какой-то шерсти дошли до нас от конца XVIII династии. Хотя изображение верблюда рядом с человеком имеется ещё от времени VI династии, однако древнейшие изображения «корабля пустыни» с поклажею относятся к Новому царству.

Источники пестрят названиями полезных растений, до того времени не употреблявшихся (в числе их такие, как чечевица). Ещё при XVIII династии с берегов Южного Красноморья были привезены и посажены в столичном храме деревья, дающие благовонную смолу. Имеются данные о посадке иноземных растений в Нильской долине и при XX династии.

Товарно-денежное обращение

В течение предшествующих столетий внутренняя торговля не играла большой роли. Даже слово «торговец» засвидетельствовано только со времени Нового царства. И в период Нового царства экономика продолжала оставаться в основе своей натуральной, но всё же внутренний обмен при XVIII династии был уже достаточно оживлённым. Это доказывает, в частности, дошедший до нас любопытный торговый дневник. Из него видно, что некое храмовое хозяйство передавало ежедневно торговцам бычьи головы, хребет, ноги, куски мяса, вино, печенье, хлеб, куски пирогов. Так делалось изо дня в день с редкими пропусками. В дневнике поименованы три или четыре торговца. Цена переданных припасов указана в серебре или золоте. Выходит, что имелся значительный круг покупателей съестных припасов и был налажен сбыт остатков — очевидно, храмовых жертв. В школьной рукописи времени XX династии описано, как торговцы едут вниз и вверх по течению и доставляют «вещи» одного города в другой. Часто торговцы являлись представителями храмов и подчинялись в них особому начальнику или тому или иному жрецу. Во второй половине Нового царства известны торговцы, находившиеся на службе у частных лиц — начальников воинов, храмовой певицы; в одном случае такой торговец был рабом своего господина.

Тем не менее денежное обращение было развито ещё слабо. Главным мерилом стоимости уже при XVIII династии было серебро, хотя употреблялось и золото: во вторую половину Нового царства слово «серебро» значило также «деньги». При XIX—XX династиях с серебром соперничала медь. Несмотря на приток серебра из Сирии, Палестины и смежных стран, отношение стоимости золота к стоимости серебра ещё в середине XVIII династии было 5:3; отношение серебра к меди было при XIX династии 100:1, в конце XX — 60:1. Чеканной монеты не существовало, её заменяли следующие весовые единицы золота, серебра, меди: при XVIII династии— *дебен,* равный 91 *г,* и его $^{1}/_{12}$ — *шат,* равная приблизительно $7^{1}/_{2}$ *г;* при XIX— XX династиях — тот же *дебен* и более удобная для расчёта $^{1}/_{10}$ часть его — кедет,

равная 9,1 *г*. Платили иногда деньгами, но даже при XX династии не видели особой разницы в том, получить ли 1 мешок зерна или 1 дебен серебра. Обыкновенно же меняли по старинке предметы на предметы, однако предварительно оценив их на деньги. Так, в конце XVIII династии рабыня была продана за 2 коровы и 2 телят, оценённых в 2 дебена и 4 шата. При XIX династии рабыня была куплена за 1 передник, 1 простыню, 1 полотняную одежду, 3 одежды тонкого полотна, 1 такую же одежду иного покроя, 10 рубах, 3 медные чаши, 1 медный котёл, 1 медную кружку, около 1 *кг* медного лома и 1 кружку мёду, оценённые все вместе в 373 *г* серебра.

Ограбление завоёванных стран и внешняя торговля

Подвергая ограблению окрестные страны, Египет умножал запасы сырья для ремесленного производства и продовольствия, увеличивал поголовье скота.

Хотя синайские рудники усиленно разрабатывались, значительная часть наличной в Египте меди происходила не оттуда. Из одного похода в Сирию и Палестину фараон Аменхетеп II (середина XVIII династии) привёз не менее 45,5 *т* меди. В мирное время при XVIII династии медь доставлялась не только сирийскими и палестинскими данниками, но и в виде полуобязательных даров с острова Кипр.

Золото потреблялось с баснословной расточительностью; основным источником его были, конечно, не местные прииски в восточной пустыне, а эфиопские рудники. При XVIII династии золото было едва ли не основной данью Эфиопии; кроме того, большое количество его вывозилось во время походов из Сирии и Палестины. Так, упомянутый Аменхетеп II из одного похода привёз свыше 600 *кг* золота. В мирное время, впрочем, сирийско-палестинская дань золотом была (в середине XVIII династии) в десятки, если не в сотни раз меньше эфиопской. Зато Эфиопия не вносила ни серебра, ни свинца, ни меди; эти металлы Египет получал от сирийских и палестинских данников, а также забирал во время сирийско-палестинских походов. Когда египетские войска при XVIII династии подступали к границам царства хеттов, оттуда фараону слали в дар серебро, которым была богата Малая Азия. В те времена свинец присылал, возможно, и кипрский царь.

Несмотря на то, что добыча бирюзы на Синайском полуострове шла своим чередом, её забирали и во время походов фараонов XVIII династии в Палестину и Сирию; оттуда же в виде добычи и дани поступал камень лазурит; его дарили фараонам XVIII династии также цари Двуречья и, возможно, Кипра. Полудрагоценные камни при XVIII династии и позже поставляла также Эфиопия.

Строевой лес в то время рубили на Ливане. При XVIII династии известно использование для кораблестроения эфиопского леса, но в основном лес для постройки египетских военных кораблей поступал из Финикии. Ценное дерево вывозилось из Сирии и Палестины как добыча и дань или доставлялось в дар хеттами и, возможно, Кипром. Эфиопия поставляла чёрное дерево, привозившееся и из Южного Красноморья.

Слоновая кость была одним из видов эфиопской дани, но её слал в дар при XVIII династии также Кипр: в Северной Месопотамии тогда ещё водились слоны, и Кипр, вероятно, получал слоновую кость оттуда.

Не приходится и говорить, сколько зерна и иных припасов захватывалось на месте или получалось в виде подати, особенно на севере.

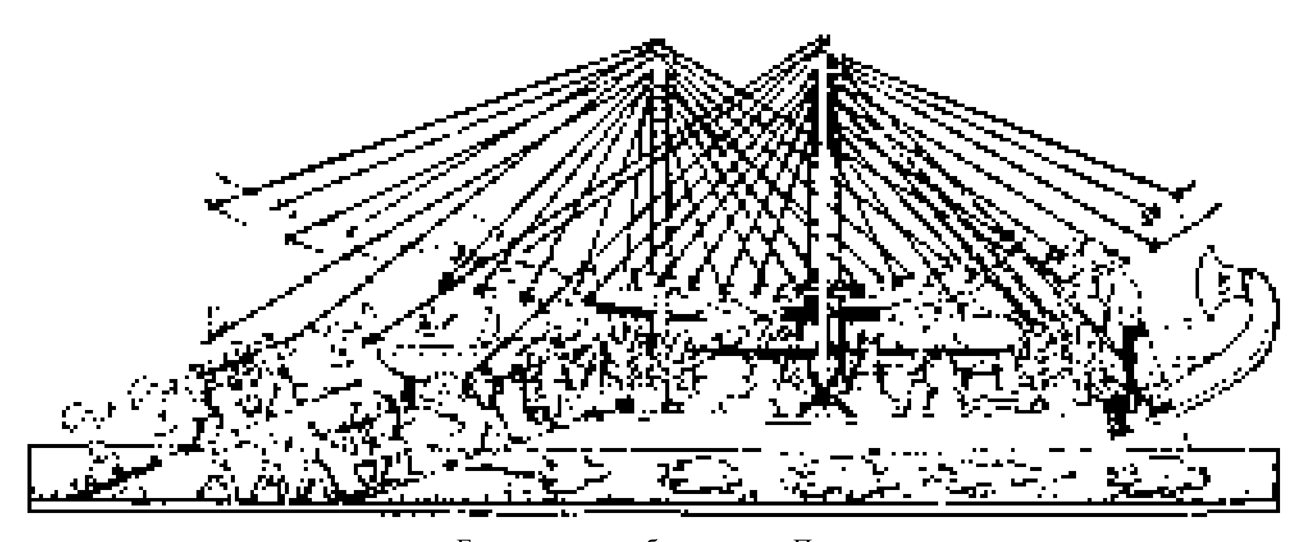
Не без оснований полагают, что сношения с Южным Красноморьем были облегчены каналом, прорытым между Красным морем и Нилом на северо-востоке Египта,— грандиозным сооружением для того времени.

Использовались шире и местные источники сырья. Исполинское строительство храмов времён Нового царства в Фивах впервые привело к широкому использованию песчаниковых каменоломен, находившихся в Южном Египте.

При богатстве страны сырьём и беззастенчивом захвате его у соседей потребность во внешней торговле должна была быть ограниченной. Переписка фараонов конца

XVIII династии с крупными державами Ближнего Востока и подчинёнными царями Сирии и Палестины о торговле в точном смысле слова говорит очень мало. Обмен подарками между фараонами и главами других крупных держав, хотя и граничил с торговлей, всё-таки ею не был. Эти подарки были вначале скорее всего односторонними, так как цари Передней Азии задабривали ими фараона, стремясь освободиться от военной угрозы; позже, например, вавилонские цари выпрашивали у фараона золото, а тот своими золотыми подачками стремился подчинить их своей воле; переднеазиатские цари не могли при этом расплатиться с Египтом сколько-нибудь равноценными дарами.

В сирийско-палестинских владениях Египта в конце XVIII династии царил произвол, и местные владетели вместе с представителями египетской власти гра-

Египетские корабли в стране Пунт.
Рельеф из храма Хатшепсут в Дер эль-Бахри. XVIII династия.

били купцов вавилонского царя. Последний же, жалуясь фараону, указывал на затруднительность при таких условиях езды по Сирии и Палестине с вавилонской стороны — для купцов, а с египетской — не купцов, а послов.

Знаменитое плавание в середине XVIII династии судов с воинами фараона-женщины Хатшепсут в Южное Красноморье (страну Пунт) было скорее грабительским, чем торговым предприятием. Египетский посол принёс в дар местной богине сосуды с жертвенными припасами и «всякие добрые вещи»: кольца, ожерелья, секиру, кинжал. При отплытии же обратно египетские суда были нагружены до отказа всевозможными травами, грудами благовонной смолы и производящими её деревьями, чёрным деревом, разным другим ценным деревом, слоновой костью, золотом, курениями, притираниями, а также обезьянами, борзыми, шкурами барсов и, наконец, невольниками и их детьми. Посольство сопровождалось установлением египетского господства над Пунтом. Местные вожди отбыли вместе с египтянами в столицу на поклон царице. Сами египтяне считали дары Пунта данью.

Тем не менее торговый обмен с заграницей не был чем-то необыкновенным, по крайней мере во вторую половину Нового царства. На храмовых судах плавали особые торговцы и закупали нужное для храмов. В школьных прописях XIX династии о богаче говорится, как о хозяине судна, которое ходило к восточному побережью Средиземного моря.

В школьных прописях упоминаются вавилонские жеребцы, быки страны хеттов, кипрские коровы, масло страны хеттов и Месопотамии и т. п. Из другой прописи мы

узнаём о копьях страны хеттов. При раскопках новой столицы фараона Аменхетепа IV (конец XVIII династии) были обнаружены здания, в которых, по-видимому, останавливались микенские купцы.

Развитие рабовладения

Рабовладение достигло в Новом царстве невиданного ранее распространения. Рабами владели часто даже люди со сравнительно скромным общественным положением: пастухи и ремесленники, садовники и привратники, корабельщики и торговцы, возницы и воины, мелкие жрецы и должностные лица, простые общинники-горожане. В указе начала XIX династии, освобождавшем храм Осириса в Абидосе от всякого рода государственных повинностей и возбранявшем посягательства на его имущество и права, запрещалось, в частности, должностным лицам посягать на рабочий люд этого храма в Эфиопии. Указом запрещалось забирать их, а также их жён и рабов в другой округ в порядке пахотной, жатвенной или иной повинности под страхом жестокого избиения виновного и отдачи его на работу в храм в возмещение за каждый день, проведённый храмовым человеком у виновного. Таким образом, у храмовых работников могли быть свои рабы; среди этих храмовых работников оказываются «блюстители пашен, земледельцы, садовники, виноградари, [команды?] грузовых судов, [доставляющие] грузы, торговцы с чужеземными странами, золотоискатели, промыватели золота, судостроители и всякий, кто творит дело своё» в храме. Дальше запрет распространялся на храмовых пастухов и их рабов. Запрещение посягательств на жрецов, волхвов и различных храмовых служащих, их жён и рабов было оговорено особо.

В конце XVIII династии один пастух имел по меньшей мере раба и двух рабынь, привратник — не менее трёх невольниц; во вторую половину Нового царства в гробницах двух второстепенных жрецов было изображено — у одного 7 рабынь с детьми, а у другого — 9 рабов, мужчин и женщин. В начале XVIII династии сын корабельного воина, сам служивший воином и только впоследствии выслужившийся в начальники гребцов, владел 9 рабами и 10 рабынями, которые все или почти все были получены им до производства в начальники. При XIX династии, по школьному поучению, мальчика, принятого для обучения на колесничного бойца, сопровождали к месту обучения 5 рабов, из которых ему, правда, там оставляли только двух.

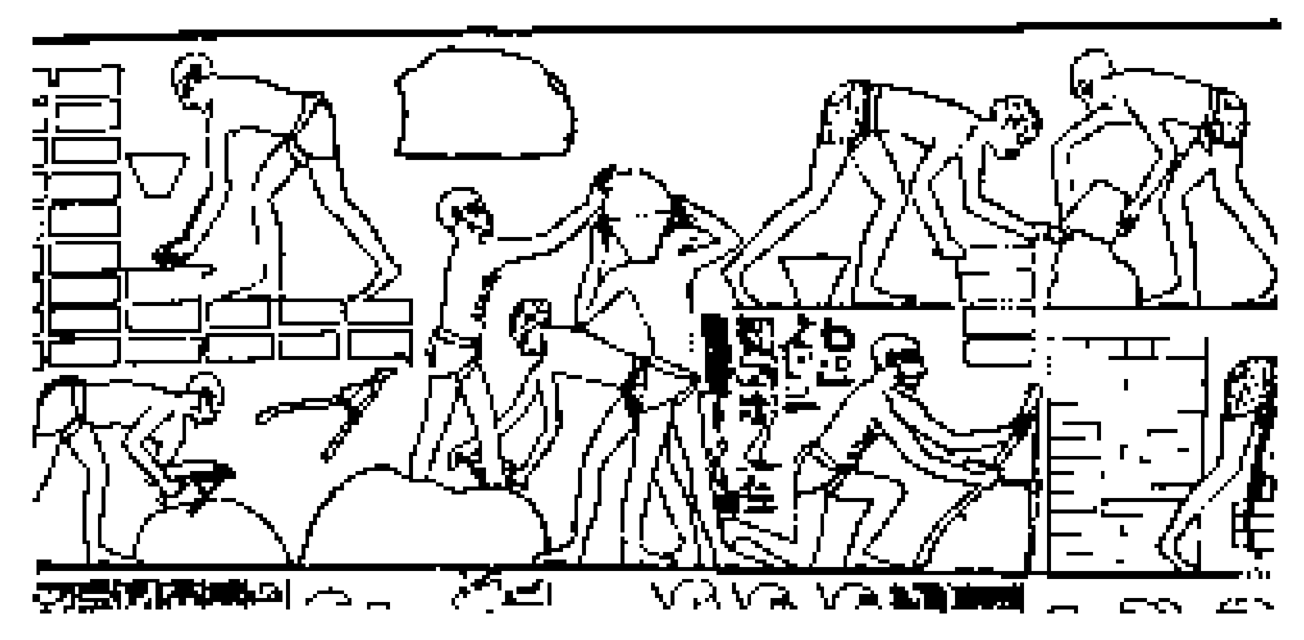
Клеймение пленных при Рамсесе III (IV). Рельеф. XX династия.

А как рьяно и упорно такие люди добивались рабов! Ещё в начале борьбы с гиксосами войско царя вело себя «наподобие львов» при захвате добычи, в первую очередь рабов, и делило добытое «с радостным сердцем». В начале XVIII династии раздача пленных служила главным средством поощрения воинов. Некий «боец властителя» при XVIII династии, сопровождая своего царя, «добыл» «людей 46 голов», судя по всему, для себя.

Во время междоусобиц в самом Египте при XX династии воин-эфиоп захватил себе раба, которого потом продал.

Жажда приобретения рабов обуревала людей не только на войне. При XIX династии одной горожанке, супруге должностного лица, так понравилась у торговца девочка-сириянка, что покупательница заняла у знакомых разные предметы, чтобы заплатить ими продавцу. В конце XX династии жена одного садовника, разжившись краденым на кладбище добром, выменяла его на рабов. При XVIII династии охотно

покупали у рабовладельцев даже отдельные «дни» его рабынь. Подобные сделки заключались иной раз между самыми близкими родственниками. От одного пастуха сохранилось пять сделок о найме им рабынь. В конце XVIII династии при покупке рабыни один раз было дано скота на 28 шат, или 210 *г* серебра; для сравнения укажем, что, например, корова тогда стоила 6—6 $^1/_2$ шатов, 1 арура, или 0,27 *га*, пахотной земли стоила 2 шата, коза — $^1/_2$ шата. Во вторую половину Нового царства цены на рабов бывали и значительно выше. Так, за девочку-сириянку, упоминавшуюся выше, было дано вещей на 373 *г* серебра; в конце XX династии за раба заплачено было серебром, медью, зерном и одеждою общей стоимостью более чем на 360 *г* серебра. Впрочем, в конце той же XX династии раб был куплен однажды и за 182 *г* серебра. В это время за один грамм серебра можно было купить $72^1/_2$ литра зерна.

Сирийские рабы на строительных работах в хозяйстве храма Амона.
Роспись из гробницы в Фивах. XVIII династия.

Погоню за рабами, покупку их, несмотря на дороговизну, нельзя объяснить иначе, как возросшей потребностью небольших хозяйств в рабском труде.

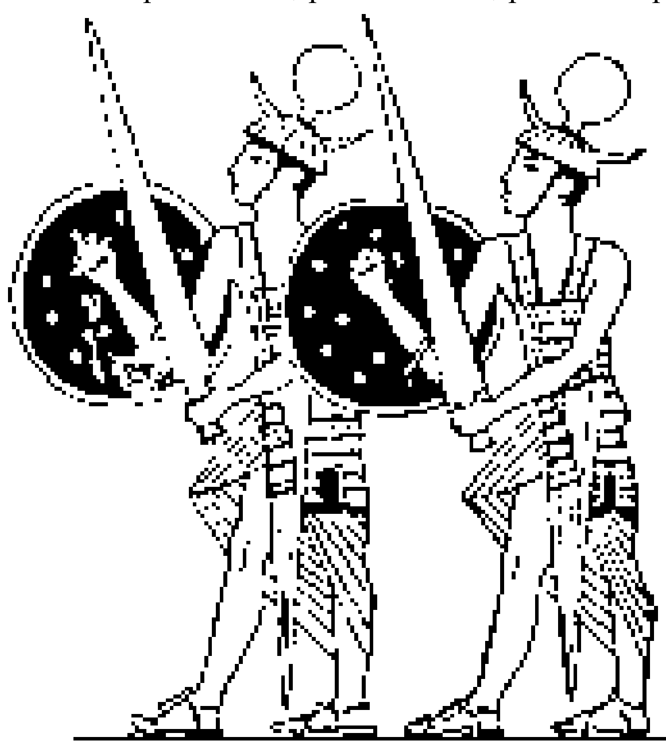
Когда основатель Нового царства Яхмес I награждал своего корабельного воина рабами, он каждый раз давал и наделы пахотной земли: в первый раз он дал 5 «голов» и 5 арур, во второй раз — 3 «головы» и тоже 5 арур. В первом случае так была награждена вся дружина гребцов. Надпись конца Нового царства из Эфиопии сообщает о передаче в наследственное владение храмовой певице земли и одновременно рабов и рабынь из имущества («вещей») некоего начальника житницы.

Особенно много рабов было сосредоточено в хозяйствах царей и храмов. В них основным источником рабочей силы были победоносные войны с соседями и дань с них.

В середине XVIII династии фараон Аменхетеп II из одного похода в Сирию привел 89600 человек (так по итогу, приводимому самой надписью; при подсчёте отдельных слагаемых получается даже 101218). Прочие известные количества пленных при XVIII династии далеко отстают от этого числа; обычно число пленных не превышало трёх, а то и одной тысячи и даже нескольких сот человек. Сам Аменхетеп II из другого похода в Сирию и Палестину привёл только 2015 человек. Однако в конце XIX династии при фараоне Меренптахе было взято свыше 9 тысяч пленных из числа нападавших на Египет племён. Поскольку войны были постоянным явлением, приток пленных должен был быть значительным.

Количество людей, поступавших за год в виде дани из Сирии и Палестины, составляло в середине XVIII династии, при фараоне Тутмосе III, несколько сот человек (наибольшее из сохранившихся чисел — 700 с лишним человек). Из Южной Эфиопии, если судить по уцелевшим данным, поступало тогда в год не более 100 с лишним человек (наибольшее число— 134); Северная Эфиопия, по тем же данным, ограничивалась присылкой в год от 10 до 30 человек. Пленников гнали связанными вместе верёвками за шеи, с руками, зажатыми в деревянные колодки или скрученными так, что это вызывало невероятные мучения. Во вторую половину Нового царства пленников клеймили, как скот, калёными печатями с царским именем.

Значительная часть пленных поступала в храмы, преимущественно в храм Амона — бога Фив и покровителя царей Нового царства. О приводе пленных для храма Амона постоянно упоминается в египетских надписях времени Нового царства. За очень, по-видимому, короткий промежуток времени фараон Тутмос III (XVIII династия) пожертвовал Амону 1588 сирийцев и ещё какое-то число эфиопов. Рамсес III (IV) в начале XX династии отдал главному храму Амона 2607 сирийско-палестинских и эфиопских пленных, а храму Птаха — 205. Отборнейшие рабы работали в храмовых мастерских-складах, где приготовлялись жертвоприношения. В середине XVIII династии пленными были полны и ткацкие мастерские Амона, там они изготовляли разные виды полотна — от грубого до тончайшего. Подневольные ткачи получали на год вперед умащение и одежду, что предполагает наличие у них особого жилища или, по меньшей мере, отдельного хранилища; во вторую половину Нового царства рабыни при ремесленном отряде столичного кладбища получали зерновое довольствие на месяц вперёд. Пленные использовались при XVIII династии в храме Амона также в кирпичном производстве и на строительстве. От времени XIX династии имеется как будто указание на рабов в числе корабельных людей храма, хотя неизвестно, были ли они иноземцами.

Воины-шерданы.
Роспись. XIX династия.

Многие иноплеменные рабы делались храмовыми земледельцами. В середине XVIII династии Тутмос III отдал часть пленных храму Амона «в земледельцы, чтобы обрабатывать поля, чтобы производить зерно, чтобы наполнять житницу (владений, предназначенных для) жертв богу». В конце той же династии Аменхетеп III отдал пахотную землю и земледельцев из числа пленных своему храму в Мемфисе, Поминальный храм того же царя в Фивах был окружён целыми деревнями, населёнными пленными сирийцами. Рабы в качестве земледельцев были в то время вполне обычным явлением. В писцовой книге XX династии в числе «земледельцев» и иных держателей наделов названо свыше 10 рабов. Имеется даже известие о продаже рабами земли на сторону.

Велико было, конечно, непроизводительное использование иноземных рабов. Перед колесницей богача бежали эфиопы-скороходы; царю при XIX династии многочисленные принаряженные чужеземные юноши не только варили пиво, но и прислуживали кравчими и состояли в царских опахалоносцах.

С другой стороны, источники времени XIX династии говорят, что иноземцы выполняли и такие работы, как перетаскивание камней. На изображении середины XVIII династии пленные сирийцы изготовляют кирпич и кладут стены под надзором надсмотрщиков, вооружённых палками. Чего стоили «мирные» походы в каменоломни, видно хотя бы из того, что за один поход при XX династии из более чем 8 тыс. участников, в числе которых было не менее 800 иноплеменных работников, умерло 900. Сохранилось письмо военачальника другому военачальнику о погоне за беглыми, по-видимому, казёнными рабами.

Но не все пленные превращались в рабов. Пленные морские разбойники — шерданы (может быть, предки сардинцев) были сделаны царскими телохранителями. Если при XVIII династии неоднократно, но глухо говорится об укреплённых местах с поселенцами из пленных, то при XX династии подробно рассказывается, как пленные ливийцы с жёнами и детьми, хотя и поголовно клеймённые, поселены были в крепости под начальством собственных племенных или родовых старейшин. Скот у пленников был отобран, но они, как воины, получали от казны содержание. Об эфиопах, присланных в середине XVIII династии в виде дани, сказано, что они предназначались в «провожатые» — возможно, их использовали как вестовых.

Положение земледельцев

Широкие слои египетского народа — «дети народа» — резко противопоставлялись сановникам. Народ постоянно учитывался и переучитывался на предмет наложения на него разного рода тягот. «Смотры», которым подвергался народ, выражались не в одной переписи — таковой при XVIII династии подвергались вместе с людьми скот и птица, — эти смотры производились и для назначения на ту или иную работу. О таких «смотрах» говорится в одном из памятников: «Делают смотр всякому народу, берут из них лучших. Отдают мужчину в воины, юношу в новобранцы». Но так брали не только в войско: «Выходит ребёнок из утробы матери своей — простирается (уже) перед начальником. Мальчик — провожатый (т. е. прислужник) у воина, юноша — новобранец, старик отдан в земледельцы, мужчина — в воины, хромой — в привратники, слепой — в откормщики быков». «Смотр» имел целью и учет «знающих мастерство», «знающих (как пользоваться) руками своими».

Приведённые слова школьного поучения времени XIX династии: «старик отдан в земледельцы»— не случайны. В письме того же времени говорится о «старике из воинов», отданном в «земледельцы». Указ начала XIX династии предписывал отдачу в «земледельцы» храма — после избиения или изувечения — всякого должностного лица, покусившегося на храмовые землю и скот или не внявшего жалобам храмового человека. В одном случае указ добавлял, что жена и дети виновного подлежали отдаче в распоряжение домоправителя храма.

Большинство из известных поимённо подобного рода «земледельцев» имело наделы на царских и храмовых землях; они подчинялись начальникам, находились у них под «палкой». Известны также земледельцы частных лиц.

Египтяне-«земледельцы» назывались «царскими людьми». В писцовой книге времени XX династии сплошь и рядом «земледельцами» числятся лица, лишь между прочим державшие тот или иной надел, в том числе даже жрецы, и не из низших. В «земледельцах» числились иногда состоятельные люди, вносившие со своих наделов большое количество зерна. При XIX династии храмовые «земледельцы» сами могли иметь рабов. Таким образом, «земледельцами» египтяне называли людей неоднородных в социальном отношении. Рабами они не были. Среди земледельцев имелось, вероятно, немало общинников. Лишь немногие среди общинников-земледельцев разбогатели, значительная же масса их беднела.

Школьные поучения времени XIX—XX династий не случайно предупреждали о невзгодах, ожидающих земледельца.

Разумеется, наиболее значительная часть земледельцев не была состоятельными людьми.

По школьным поучениям, земледелец возделывает свой надел, живёт своим домом с женой и детьми. Земледелец сам приготовляет своё рабочее снаряжение: днём изготовляет деревянные земледельческие орудия, ночью вьёт верёвки. Это он делает, пока пашня затоплена разливом. Когда вода ушла, земледелец идёт нанимать рабочий скот для пахоты. За сохранность его земледелец отвечает перед заведующим быками. Посевное зерно может также не принадлежать самому земледельцу, и, если он бесхозяйственно расходует зерно, за которое ему надлежит быть в ответе, он ничего уже не получит взамен. Земледельцу заранее назначено, сколько зерна он должен представить. Из деловых бумаг можно усмотреть, что снабжался посевным

Сцены земледельческих работ.
Роспись из гробницы в Фивах. XVIII династия.

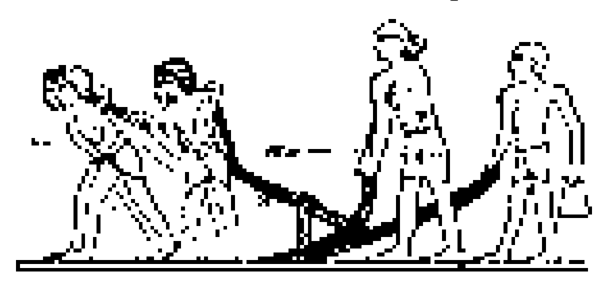
зерном даже и иной зажиточный земледелец. Урожай подлежит описи, и если почему-нибудь предъявить нечего, земледельца избивают и связанного бросают головой вниз в колодец. Соседи же спасаются бегством (это объясняется тем, что они, возможно, были связаны круговой порукой). О бегстве земледельцев с царских угодий говорит и письмо конца XIX династии: земледельцев побил начальник дворцовой конюшни, и они бежали, бросив свои наделы. Земледелец, насильственно разлучённый со своим наделом, как гласит письмо того же времени, продолжал работать на новом месте, а прежний надел его лежал невозделанным. Хотя земледельческие наделы, бывало, переходили по наследству, земледельцы отнюдь не были прикреплены к земле.

В начале XX династии заведующим быками храма Амона было направлено письменное предписание ряду лиц: двум стражникам, доверенному, двум земледельцам и всем пастухам некоего «жертвенника» Амона — отправиться с присланным слугою отбывать повинность на полях. Как протекали работы на царских нивах, рассказывает письмо-пропись конца XIX династии, в котором молодой писец отчитывается перед наставником или управляющим. В полдень, когда ячмень «горяч», писец отряжает работников подбирать колосья, отпуская лишь тех, кто внёс урок подобранными накануне колосьями. Каждому жнецу писец выдаёт ежедневно хлеб, а трижды в месяц отпускает масло для умащения. Особо писец докладывает об учёте ослов, доставляющих ячмень на гумно. Изображения полевых работ в гробницах знати дополняют такие письменные свидетельства. В первой половине XVIII династии номарх, заведовавший также пашнями в южной части государства, изобразил себя надзирающим за пахотой, уборкой урожая, обмолотом и погрузкой зерна на суда. Работники названы «земледельцами». Из песенки, в которой работник, обращаясь к быкам, говорит, чтобы быки молотили зерно для своих владык и самим себе на прокорм, был сделан правильный вывод, что рабочий скот принадлежал не работникам. Впрочем, известен случай, когда за скот у номарха сходили и сами работающие: на одном изображении

ПОЛИВКА САДА ПРИ ПОМОЩИ ШАДУФОВ
Роспись из гробницы Ипуи в Фивах. Египет. XIX династия

показано, как в один из плугов впряглись люди. На изображениях середины XVIII династии можно видеть продовольствие, сложенное на поле для подкрепления работников. К работам привлекались мужчины и женщины (последние подбирали колосья и веяли), люди всех возрастов — от подростков до стариков. Положены были определённые уроки. За работой надзирали надсмотрщики. Работали согласованно, по несколько человек: одни выкорчёвывали деревья, другие мотыгами и молотками разрыхляли землю, один шёл за плугом, другой направлял упряжку, третий бросал зерно и т. д.

Пахота на людях.
Рельеф из гробницы в Эль-Кабе. XVIII династия.

Но существовали и такие землепашцы, которые имели средства производства, например свой рабочий скот. Зажиточный селянин из сказки о двух братьях (запись конца XIX династии) владел несколькими головами крупного рогатого скота, за которыми ходил младший брат. Из писцовой книги XX династии можно заключить, что некоторые держатели наделов засевали их своим зерном.

Положение ремесленников

Известная часть египетского ремесленного населения жила относительно зажиточно. Некоторые ремесленники, по-видимому, владели землёй, хотя, судя по писцовой книге XX династии, наделы они получали лишь изредка. Конечно, подавляющее большинство ремесленников Нового царства жило весьма скромно.

Лучше всего нам известно о положении ремесленников столицы, занятых обслуживанием заупокойного культа в период XIX и XX династий. Устройство и отделка гробниц, а также изготовление погребальной обстановки развились в Фивах на западном берегу Нила в своеобразную отрасль ремесленной промышленности. Использовавшиеся здесь ремесленники составляли рабочий отряд, насчитывавший в первую половину XX династии 120 человек. Отряд делился на две половины — правую и левую «стороны», из которых каждая возглавлялась начальником и писцом, ведшим с мелочной обстоятельностью дневник работ и счётную часть. Среди работников имелись каменотёсы, штукатуры, живописцы, резчики, мастера по дереву, медники, горшечники, бывшие одновременно, возможно, и каменщиками. Работники получали от государства довольствие: зерно, рыбу, овощи и т. д. Для снабжения отряда имелись особые водоносы, огородники и рыбаки. Начальство отряда получало довольствие подчас в двойном или даже тройном размере по сравнению с рядовыми работниками. Иной начальник отряда распоряжался подчинёнными, как своими слугами, заставляя приготовлять ему гробницу или даже месяцами кормить его быка.

Во времена XX династии продовольствие ремесленникам часто задерживалось и изголодавшиеся люди прекращали работу — происходили своеобразные забастовки. Ремесленники выходили к поминальным храмам фараонов, требовали, чтобы об их нужде в одежде и пище доложили царю, обвиняли самого верховного сановника в хищении припасов. Власти старались успокоить работников уговорами и частичной выдачей задержанного продовольствия, но затем следовали новые задержки и новые бурные выступления ремесленников. Это первые такого рода выступления рабочего люда, известные нам во всемирной истории.

И всё же откопанный на западном берегу Нила в Фивах городок с домами кладбищенских ремесленников вперемежку с жилищами должностных и иных лиц не имел уже такого унылого вида, как ремесленные кварталы в городе у пирамиды при XII династии. В городке на западе Фив входы в дома ремесленников бывали даже отделаны камнем, испещрённым художественными надписями. Некоторые кладбищен-

ские ремесленники оставили гробницы, частично высеченные в скале, частично пристроенные к ней, полные росписей и надписей.

Некоторые и не кладбищенские ремесленники жили сравнительно зажиточно. Об этом свидетельствуют заупокойные плиты, а иногда и гробницы, дошедшие до нас от разных мастеров — царских и храмовых. Известно немало жрецов, бывших одновременно ремесленниками: сапожниками, медниками, мастерами по дереву, живописцами и т. д.

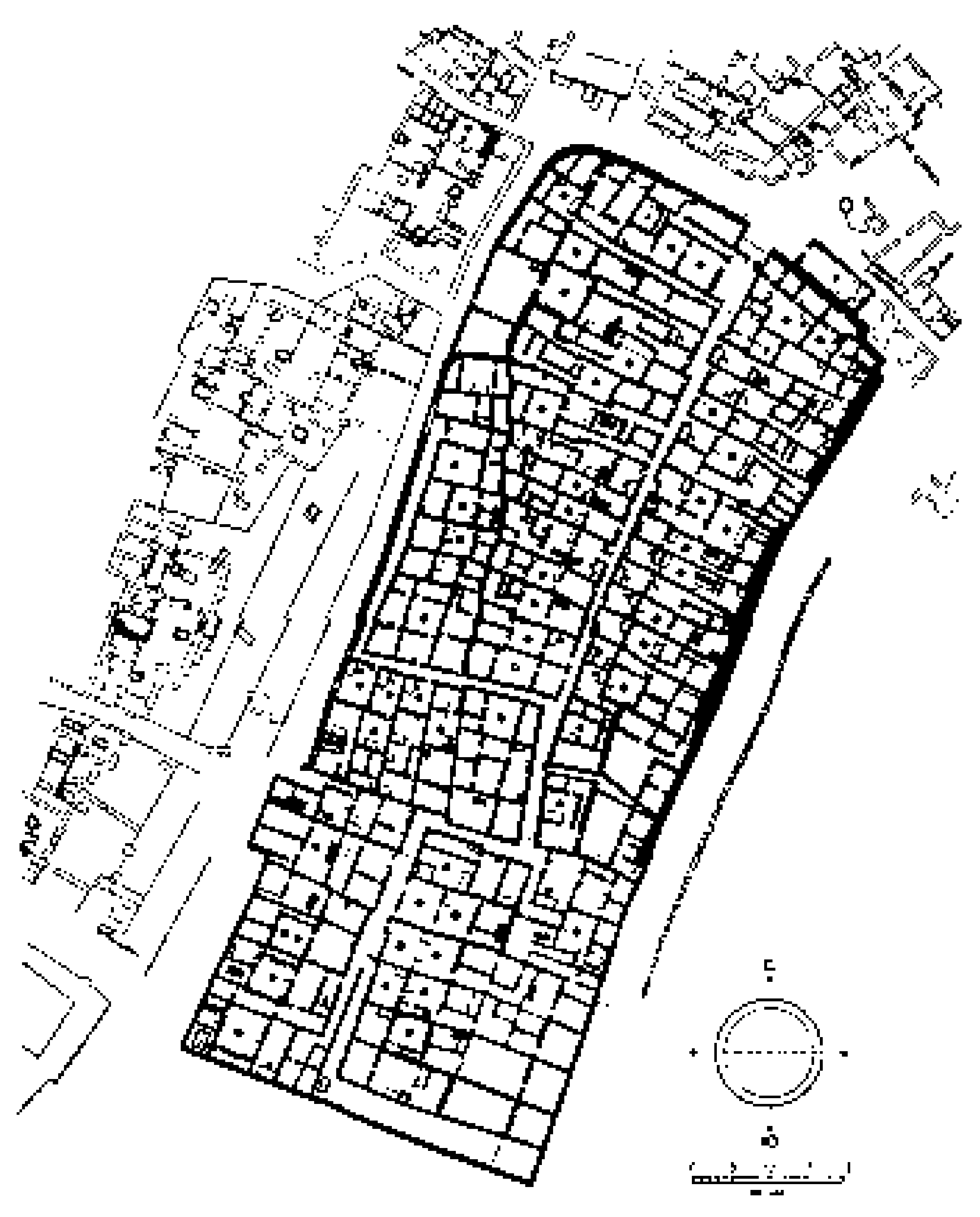
Отдельные мастера значительно возвышались над своей средой. В своей богатой гробнице скульптор конца XVIII династии изображён наблюдающим за целым сонмом подчинённых: столяров, мастеров, изготовляющих драгоценную посуду, украшения и т. п. При XIX династии один резчик изобразил в своей усыпальнице толпу подмастерьев, красивый домик в саду и поливку сада рабами. Золотых дел мастер времени XVIII династии в своей, правда, скромной гробнице изобразил слуг и служанок, прислуживающих гостям, работников, занятых виноделием, сбором винограда, потрошением рыбы, ловлею птиц. Если иные из этих изображений могли быть пустой условностью, будучи просто списаны с гробниц знати, то другие действительно показывали быт зажиточных мастеров. Вот что рассказывал о себе на рубеже XVIII и XIX династий один начальник скульпторов. Назвав себя «малейшим из селения своего», он затем говорит: «Узнал меня владыка мой, весьма почтен был я сердцем его. Видывал я царя в его образе солнца в святыне дворца его. Возвеличил он меня против друзей, смешался я с вельможами дворца... Назначил он меня руководителем работ, когда я был мал. Нашёл он меня. Почтен я был сердцем его. Введён был я во двор золота производить статуи, изображения всех богов».

Уже по соединению в кладбищенском рабочем отряде разных ремесленников видно, что работа, в данном случае над гробницей, распределена была между многими мастерами. То же можно наблюдать и на изображениях больших мастерских. Нельзя, однако, сказать, чтобы распределение работы было вполне налаженным. По крайней мере в кладбищенском отряде, когда к работе приступали живописцы и резчики, случалось, что прочие работники бездействовали в течение нескольких дней. Тем не менее исключительная специализация составляла особенность тогдашнего ремесла. В этом отношении любопытен список всевозможных обозначений — своего рода терминологическая энциклопедия,— дошедший до нас не полностью в нескольких копиях от времени, непосредственно следующего за Новым царством. Наиболее полный список хранится в Государственном музее изобразительных искусств в Москве. В этом словнике, например, среди строительных работников представлены горнорабочий, каменотёс, ещё какой-то работник по камню («ломатель»), живописец, резчик, штукатур («гипсовщик»), носильщик камня, строитель стен, «смыкатель» (кладки). Упомянуто пять различных специальностей пекарей. Оружейное дело представлено изготовителем брони, колесничным мастером, мастером по стрелам, изготовителем луков. При этом словник не притязал на исчерпывающую полноту.

Воины

Египетское войско времени Нового царства было пешим и колесничным. Верховая езда была хорошо известна с начала XVIII династии или даже раньше, но конницы, как рода войск, не существовало. Военные суда не только перевозили войска, но и принимали участие в сражениях. Имелись воинские части и подразделения различной величины; у них были свои стяги, трубы и барабаны. На службе воины пользовались государственным снабжением. От государства давалось, по-видимому, и оружие, так как в мирное время при XX династии оно хранилось на складах, но, получая коней от государства, колесничные бойцы, как более состоятельные, могли покупать колесницу сами.

По школьным поучениям второй половины Нового царства, старавшимся внушить будущим писцам отвращение к военной службе, пехотинец подвергался

План городка ремесленников на западном берегу Нила около Фив (современный Дер эль-Медине).

Белым контуром указаны здания, расположенные за пределами городской стены.

постоянным избиениям, голодал, с утра до ночи он был занят изнурительной работой. На изображениях отличительным признаком старших воинов и низших военачальников служат палки в их руках; воины постоянно упоминаются как рабочая сила при походах в каменоломни, при доставке каменных глыб. Пехотинцами в основном служили люди из народа, отчасти набранные ещё в мальчишеском возрасте, отчасти взятые в войско уже в юношеских и зрелых годах. По царскому заявлению, относящемуся к началу XX династии, прежние цари брали на военную службу каждого десятого человека из храмовых людей. При XIX династии к воинской службе привлекали даже таких юношей, которые были направлены верховным сановником для посвящения в жрецы. Известны «воины его величества», в числе которых при XVIII династии бывали даже родственники номархов.

Относительно более высокопоставленными были, по-видимому, колесничные бойцы. Школьное поучение рассказывает, как молодого человека ради его деда по матери зачисляют в «конюшню»; будущий боец является туда со своими рабами. Затем он берёт себе добрых коней с конского двора, сам покупает себе колесницу. Подобно тому, как в пехоте были «воины его величества», в колесничном войске были «колесничие его величества», но и среди простых колесничих мы встречаем братьев важного военного, верховного жреца и т. д. Было бы, однако, неверно представлять себе колесничное воинство состоящим сплошь из знати. Храмовых людей призывали не только в пехоту, их зачисляли и в колесничное войско.

На войне египетское воинство расхищало всё, что могло. Это делалось, несмотря на то, что местные царьки доставляли для пропитания воинам зерно, вино и скот. Известны воины, выслужившиеся при XVIII династии: один — в начальники над гребцами, другой — в начальники отборнейшей части войска; первый к концу жизни имел до 20 рабов и много земли; оба оставили представительные гробницы. Заупокойные плиты, посвящённые рядовым воинам, пехотинцам, морякам, колесничим, дошли до нас в немалом количестве, что свидетельствует об относительной состоятельности этих воинов.

Через весь период Нового царства тянутся свидетельства о большом внимании фараоновской власти к войску. При XVIII династии производилась раздача воинам земли и рабов, золотых и серебряных знаков отличия: ожерелий, запястий, «львов», «мух»; воинам давалось щедрое угощение. По надписи начала XIX династии, каждому воину в каменоломне отпускалось ежедневно около 1,8 *кг* хлеба, кусок жареного мяса, 2 пучка зелени и ежемесячно 2 полотняные «одежды».

В значительной своей части войско состояло из иноплеменников. Эфиопы дрались на стороне египтян ещё во время войны с гиксосами. Они составляли при XVIII династии едва ли не основную часть войск, стоявших в мирное время в Сирии и Палестине. В конце XVIII династии, при Аменхетепе IV, среди царских телохранителей были сирийцы, ливийцы, эфиопы. Подчинены они были египетским военачальникам. Шерданы появились в войске при XVIII династии, а при XIX династии стали едва ли не главными царскими телохранителями. При этой династии войско вообще было наполнено иноземцами: в литературном папирусе приведена задача, из которой видно, что отряд, посланный в Сирию и Палестину пробив «мятежников», состоял из 1900 египтян, 520 шерданов, 1600 ливийцев, 100 ливийцев другого племени и 880 эфиопов. Иноплеменные воины были в правовом отношении приравнены к египтянам. Шерданы, например, при XX династии часто упоминаются в писцовой книге как держатели земельных наделов.

Знать. Жречество

Над всем рядовым египетским населением стояла знать. Вот как представляли себе при XIX династии быт сановника: «Оделся ты в тончайшее полотно, поднялся ты на колесницу, жезл золотой в руке твоей... запряжены жеребцы сирийские, впереди тебя бегут эфиопы из добычи, добытой тобою. Ты опустился в твой корабль кедровый, оснащённый от носа до кормы, ты достиг твоего доброго загородного дома, который сотворил ты себе сам. Уста твои

полны вином и пивом, хлебом, мясом, пирожными. Откормленные быки заколоты, вино откупорено, пение сладостное перед лицом твоим. Твой начальник умащений умащает маслом, твой старшина сада — с венком, твой начальник птицеловов доставляет уток, твой рыболов доставляет рыбу. Твоё судно пришло из Сирии-Палестины, груженное всякими добрыми вещами. Твой загон полон телят. Твоя челядь здорова». Стоило, говорилось во времена Нового царства, вельможе кликнуть одного человека, как на его зов откликалась тысяча. Приветствуя своего владыку, слуги и подчинённые падали перед ним ниц.

Но точно так же, как знать заставляла пресмыкаться перед собой народ, она сама пресмыкалась перед фараоном; двор представал перед ним лежащим на животах и целующим землю. Это не было, правда, новостью, но в Новом царстве были к тому особые основания: могущество знати основывалось теперь не столько на её частном землевладении, сколько на её положении в государственном аппарате.

В Древнем царстве хозяйство вельможи было его личным хозяйством, противоположным «дому царя». С крушением господства древней наследственной знати о «личном доме» мы слышим обыкновенно только в отношении номархов, которые строго различали между тем, что принадлежало лично им, и тем, что, будучи царским, принадлежало им только «по должности». С упразднением последнего пережитка древнего могущества наследственной знати — мощного хозяйства номархов — в Новом царстве понятие «личного дома» выходит из употребления.

При XVIII династии одна надпись глухо упоминает о владениях сановника одновременно в Верхнем и Нижнем Египте. На гробничных стенах бывает изображено немало людей, работающих на поле и гумне на самого хозяина гробницы. Однако у нас нет никаких указаний на то, что владения сановников XVIII династии приближались по размерам к владениям вельмож Древнего царства или к владениям номархов Среднего царства. Перечням десятков поселений, принадлежавших вельможе Древнего царства, нечего противопоставить из источников времени Нового царства. Когда один вознесённый фараоном «из ничтожества» военачальник конца XVIII династии пожелал похвалиться своим новым положением, он мог назвать себя «владыкою» всего только одного поселения.

При XVIII династии мы находим одного номарха, заведовавшего пашнями в номах на всём юге страны. Из этого можно заключить, что номархи, по-видимому, перестали быть полными распорядителями земель собственного нома.

На протяжении всего времени Нового царства встречаются упоминания земельных владений у частных лиц: не просто наделов, используемых на определённых условиях, но земель, закреплённых за тем или иным человеком или даже за его родом и находящихся в полном распоряжении владельца. Но было ли это собственностью или только владением — в каждом отдельном случае трудно сказать определённо. Так, богач мог, согласно школьным поучениям, иметь свои владения на храмовой земле.

В составе знати произошли существенные изменения. Можно назвать для первых двух столетий Нового царства, не говоря уже о последующих, видных и даже виднейших её представителей, бывших детьми несановных родителей. Первоначально они были мелкими служащими.

Наряду с новой служилой знатью существовала знать придворная и местная, унаследовавшая от предков своё место в обществе. Костяк знати составляли по-прежнему номархи. Одни из них были назначены царём, но другие были преемниками своих предков, тоже номархов. Ещё во вторую половину Нового царства иной номарх, совсем в духе Среднего царства, хвалился знатностью своего происхождения. Сан номарха был одним из самых высоких: даже начальник царской казны получал его при XVIII династии в виде повышения. Иногда власть номарха простиралась за пределы его области: при XVIII династии номархи Тинского нома были одновременно правителями Южного оазиса, хотя последний лежал посреди пустыни и имел своего особого владетеля. Цари этой династии поддерживали с

номархами самые близкие отношения. Некоторые из номархов занимали крупные должности по общегосударственному управлению. Номархи были настолько сильны, что стоило в конце XIX династии поколебаться царской власти, как страна оказалась в их руках.

К местной знати теснейшим образом примыкала придворная, столичная знать, вернее, часть её, связанная с номовой родственными узами или равная ей по происхождению и унаследованному общественному положению.

Естественно, что высшее жречество ничем не отличалось от прочей знати. Долгое время жрецы по одежде не отличались от прочей знати при XVIII династии: так же увлекались охотой, а иной верховный жрец с удовольствием вспоминал, как он ходил с царём в походы. Если даже рядовыми жрецами бывали часто дети верховных жрецов и высших сановников, то нечего и говорить, что в верховных жрецах и даже второстепенных состояли царевичи и другие царские родственники, сыновья верховных жрецов, номархов и важнейшие сановники, вплоть до верховных. Звание начальника жрецов местных храмов и в Новом царстве оставалось важным саном номарха. Если учесть, что считалось желательным пополнение жречества знатными людьми — уроженцами данной местности, то связь местных храмов с местной знатью станет ещё яснее.

Судя по тому, что управлять «домом», т. е. хозяйством главного государственного божества Амона, брались сами верховные сановники и даже иной временщик, а стада Амона были разбросаны по областям всего Египта, столичный храм Амона при XVIII династии был очень богатым. Каких размеров храмовые владения достигали во вторую половину Нового царства, можно судить по тому, что за одно только тридцатилетнее царствование Рамсеса III (или по другому счёту — IV) в начале XX династии храмам было передано свыше 100 тыс. людей, около 500 тыс. голов скота и свыше 1 млн. арур пахотной земли, не считая других бесчисленных подношений и ежегодных поставок и даров. О том, что представляло собой хозяйство отдельного большого храма, красноречиво свидетельствует количество людей — «голов», переданных тем же Рамсесом в его новосозданный поминальный храм, посвящённый Амону (называемый ныне Мединет-Хабу). Их было 62626 человек. Бывало, что управляли храмовым хозяйством не верховные жрецы, а крупные гражданские сановники, — так было, например, в только что названном поминальном храме Рамсеса III (IV), — однако правилом это не стало.

Рядовое жречество можно сопоставить по общественному положению с относительно высокопоставленной частью войска — колесничными бойцами. Богатые храмовые владения, частично им управлявшиеся, представляли вместе с поступлениями от жертвоприношений, казалось бы, достаточное обеспечение для него, но многие жрецы имели ещё и иные доходы. Писцовая книга XX династии перечисляет множество земельных наделов, находившихся во владении отдельных жрецов. Жрецы бывали владельцами значительного количества рабов. Надписи неоднократно заявляют о посвящении в жрецы сыновей местной знати, именитых людей, избранных военных. Хотя иной сын верховного жреца или гражданского сановника действительно начинал свою службу в храме с низших жреческих должностей или даже застревал на них, однако очень многие рядовые жрецы были детьми обыкновенных смертных, часто таких же рядовых жрецов. Некоторые из жрецов попутно занимались ремёслами.

2. Египетская военная держава и её территориальные захваты

Изгнание гиксосов из Египта

С самого начала Нового царства обнаруживается расхождение между крупной знатью, с одной стороны, и рядовыми рабовладельцами и опиравшимся на них царём — с другой. Освободительную борьбу с гиксосами Фивы начали ещё при XVII династии, возможно, даже не в конце её

правления. Но как бы то ни было, последний представитель XVII династии Камес предпринял борьбу заново. На совете сановники отклонили его призыв к войне против гиксосов. Знати было достаточно и южного царства; для знати возделывались лучшие земли, её скот беспрепятственно пасся на выгонах в Дельте, находившейся во власти гиксосов. К борьбе с иноземцами-захватчиками, засевшими на севере страны, знать относилась холодно. И всё-таки фараон выступил против поработителей. Война началась наперекор знати. Успех за успехом венчал это начинание, войско — в его составе были и иноплеменные части с юга — шло «как дыхание огненное», воины захватывали людей и скот. Рассказ об отказе вельмож начинать борьбу и о подвигах рядовых воинов был увековечен царём для всеобщего сведения на плите в государственном храме в Фивах. Самый поход был объявлен предпринятым «по приказу Амона».

Изгнание гиксосов было завершено братом и преемником Камеса Яхмесом I, взявшим после осады и нескольких битв на воде и на суше твердыню гиксосов на северо-востоке Египта — Аварис. Преследование гиксосов фараон ограничил взятием после трёхлетней осады южно-палестинской крепости Шарухен, чем обезопасил свою восточную границу. Походом в Эфиопию Яхмес утвердил южный рубеж государства неподалёку от вторых порогов. Воины щедро награждались фараоном. Так, одному корабельному воину как при взятии Авариса, так и при взятии Шарухена царь каждый раз отдавал в рабы всех взятых этим воином пленных.

Яхмесу пришлось иметь дело и с восстанием внутри Египта. На юге поднялся мятеж, но Яхмес остался победителем в речной битве. Мятеж был подавлен. Безуспешно кончилась и попытка поднять новый мятеж. Насколько опасны были восстания, видно по щедрым наградам воинам. Один из них получил при подавлении первого восстания в два с половиной раза больше рабов, чем взял пленных, а в придачу ещё пахотную землю; то же «было сотворено» дружине гребцов в целом. При подавлении второго восстания тот же воин получил рабов и землю, по-видимому вовсе не совершив особых подвигов.

Начало XVIII династии

С Яхмеса I принято начинать новую, XVIII династию. К этому времени государство было восстановлено примерно в границах, существовавших в период Среднего царства. Не заметно, чтобы за эти пределы вышел и наследник Яхмеса Аменхетеп I (середина XVI в. до н. э.). Выделение Северной Эфиопии в особое наместничество тоже не представляло собою ничего существенно нового.

В результате войны с гиксосами создалось закаленное и по-новому вооружённое войско, опираясь на которое рабовладельческое государство могло перейти к новым завоеваниям для захвата рабов и прочей добычи. Египетское войско Нового царства представляло собой грозную силу. Хотя пехотинцы по-прежнему делились на стрелков и щитоносцев-копейщиков (последовательно, впрочем, это деление не выдерживалось), оружие первых и отчасти вторых стало намного действенней. Стрелки XVIII династии имели уже составной слоёный лук, более мощный, чем прежний простой, и стрелы с медными наконечниками. В качестве добавочного оружия копейщики пользовались секирами и короткими мечами. Нововведением был меч (прямой и серповидный), рубящий, а не только колющий, как старые кинжалы. Броня была известна уже при XVIII династии. Самым важным нововведением в египетском войске со времени гиксосских войн были конь и боевая колесница.

Основателем «мировой» по тому времени Египетской державы явился зять и преемник Аменхетепа I Тутмос I (егип. Джехутимес, вторая половина XVI в. до н. э.). На юге он продвинул границу за третьи пороги. Поход через Палестину и Сирию привёл египтян к Евфрату. Здесь свою боеспособность египетское войско доказало победой над войсками такого крупного государства, как Митанни, расположенного в Северной Месопотамии и притязавшего на север Сирии. Но для того,

чтобы Сирия и Палестина прочно вошли в состав Египетской державы, мало было удачного набега.

Грабительские походы обогащали государство, и с Тутмоса начинается громадное каменное строительство храмов в период Нового царства. Главное место почитания бога Амона в Фивах, так называемый Карнакский храм, ранее ничем не выделявшийся среди множества других, при Тутмосе I начали перестраивать в величественное сооружение. Амон вместе с его городом Фивами объявлялся жрецами и фараонами победоносным властителем мира.

Египетские завоевания продолжил сын Тутмоса I Тутмос II. Его походы сопровождались истреблением противников. По его приказу египетское войско перебило у восставших племён эфиопов поголовно всех мужчин, оставив в живых лишь одного из детей эфиопского владетеля, чтобы повергнуть его под ноги фараону. Тутмос II действовал и против азиатских кочевников.

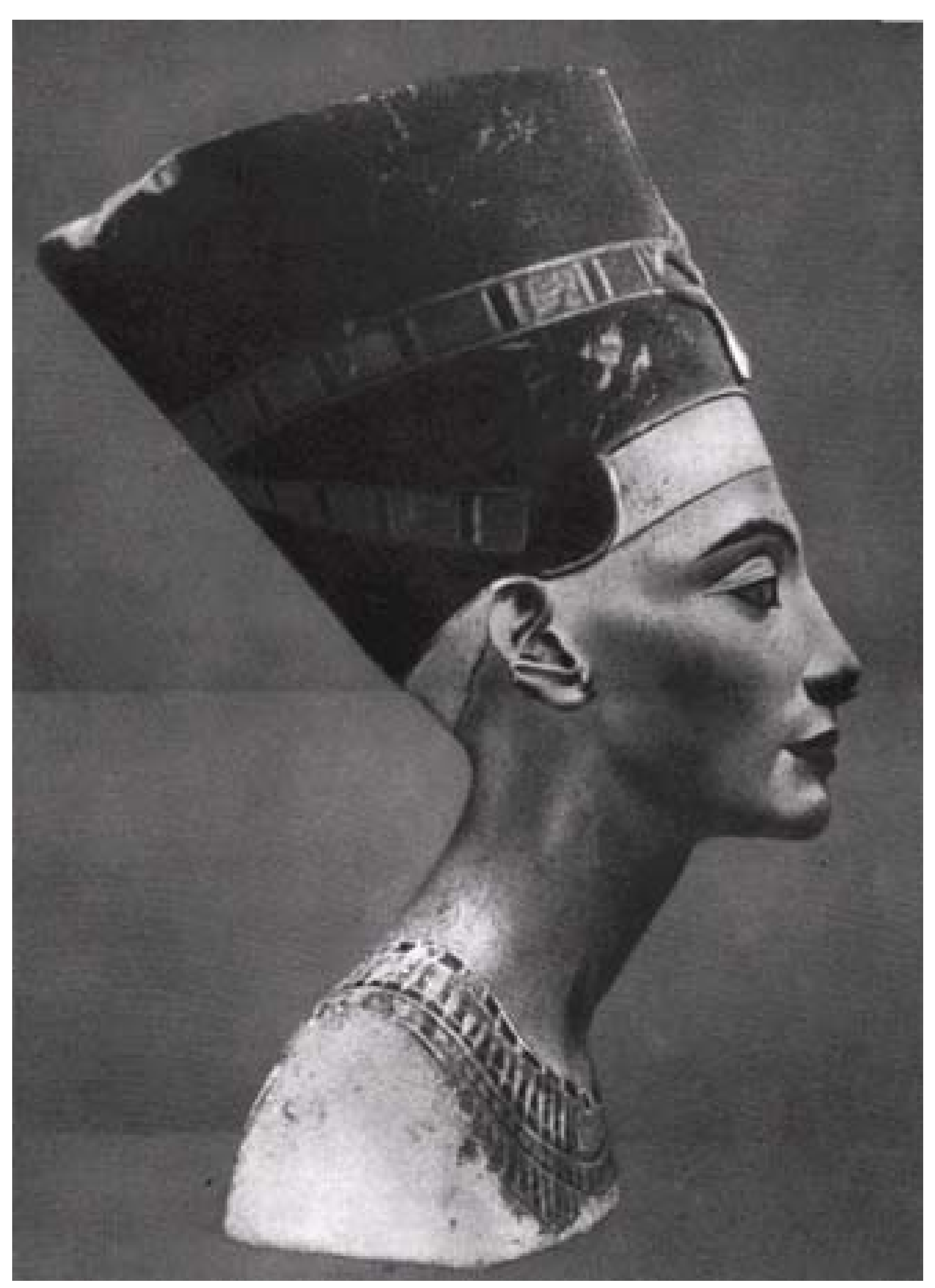
Болезнь или другие причины заставили его искать себе соправителя, но в одну из служб в столичном храме Амона был провозглашён фараоном юный сын царя от одной из жён (не главной) Тутмос III (около 1500 г. до н. э.). По смерти Тутмоса II его вдова и сводная сестра, дочь Тутмоса I Хатшепсут, завладела властью, оставив пасынка царём лишь по имени, а затем открыто объявила себя фараоном, утверждая, что таковым якобы её провозгласил ещё отец. Появление женщины во главе военной державы, активно ведущей завоевательные войны, было, разумеется, событием необычным. Хатшепсут сама не могла предводительствовать войском. Поставить во главе войска своего возможного соперника — Тутмоса III она, по-видимому, не хотела. В Палестине и Сирии, как кажется, лишь несколько местностей подчинялось царице; мирный поход в Южное Красноморье (страну Пунт) и формальное подчинение его, а также приём заморских, возможно критских, послов с дарами не могли заменить для рабовладельческого Египетского государства покорения областей Сирии и Палестины.

Кто же поддерживал царицу не год и не два, а целых два десятилетия? Временщиком при ней был зодчий Сененмут, сын нечиновных родителей, создатель чуда египетского зодчества — уступчатого поминального храма царицы в Фивах (подле нынешнего Дер эль-Бахри). В руках этого вельможи, бывшего, в частности, одним из жрецов Амона, было соединено управление личным хозяйством фараона и хозяйством Амона. Верховный жрец последнего был при Хатшепсут верховным сановником. Хатшепсут, как никто из её предшественников и преемников, подчёркивала свою близость к Амону. Кроме своего поминального храма, она посвятила ему внушительные сооружения в государственном храме, в том числе исполинские обелиски из цельного камня высотою до 30 *м*. Ею восстанавливались также и другие храмы, стоявшие разорёнными со времён гиксосов при всех её предшественниках. Очевидно, именно храмовая знать, бывшая немалой силой в стране, поддерживала царицу, хотя возможно, что её поддерживали и другие круги господствующего класса.

Фараон-женщина скончалась на 21-м году царствования Тутмоса III. Обосновавшись на престоле единовластным правителем, Тутмос III постарался вытравить всякую память о Хатшепсут, распорядившись уничтожить её изображения и её имя в надписях, а также имена её ближайших приверженцев.

Завоевательные войны Тутмоса III

Немедленно после смерти Хатшепсут, на 22-м году своего царствования, Тутмос III двинул свои войска в Палестину и Сирию. У Мегиддо, в Северной Палестине, путь ему преградили союзные сирийско-палестинские правители. Душою союза был правитель сирийского города Кадеша (Кинзы). Наперекор уговорам своих сподвижников избрать обходный путь Тутмос, боясь прослыть у врагов трусом, вышел к Мегиддо прямо через ущелье, такое узкое, что воины и кони должны были следовать по нему гуськом. Неприятель, стоявший против выхода из ущелья, не осмелился напасть

СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ЦАРИЦЫ НЕФЕРТИТИ
Египет. XVIII династия. Известняк

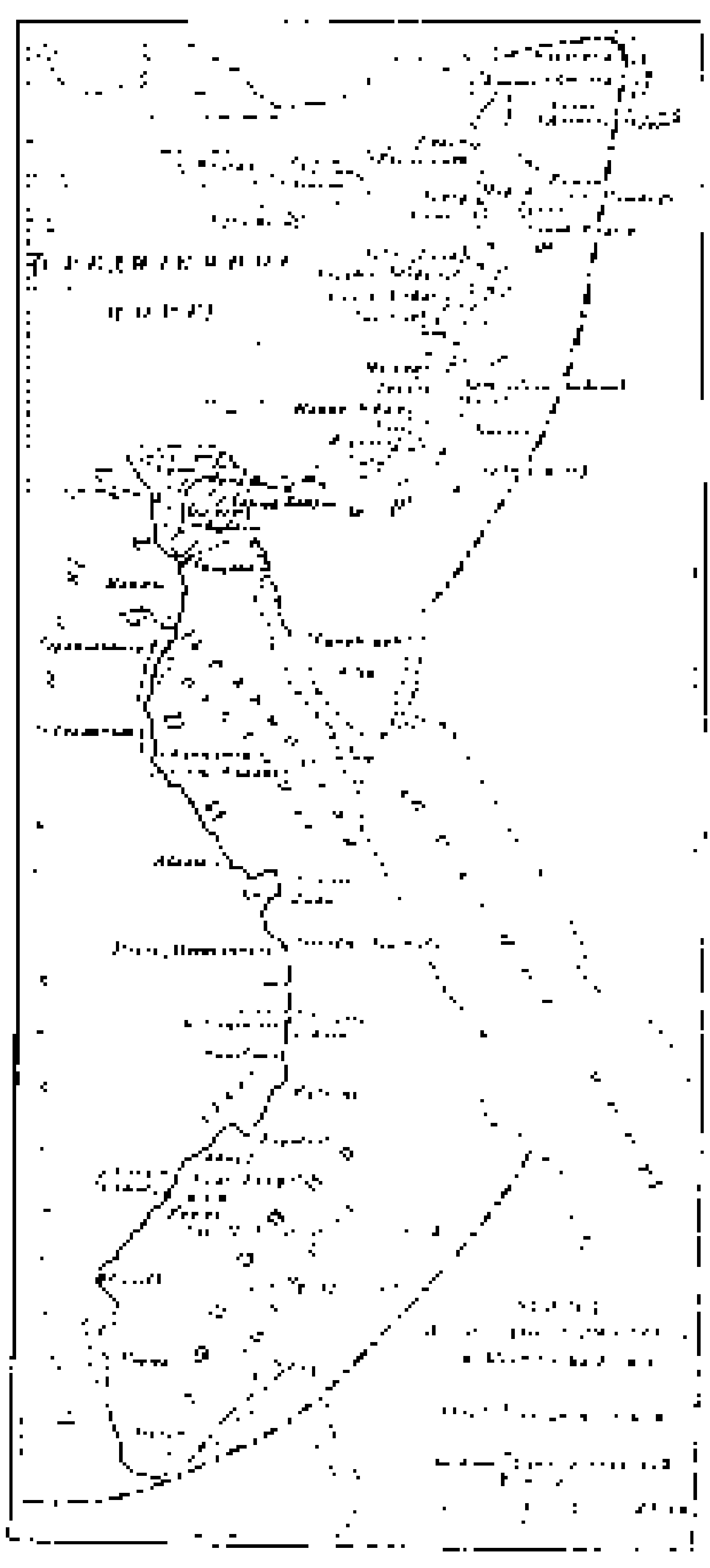

ПЛЕННЫЕ ЭФИОПЫ (РАБСКИЙ РЫНОК).
Рельеф из гробницы царя Харемхеба. Египет. XIX династия

на египтян, когда те друг за другом выходили на равнину. Возможно, союзники боялись покинуть своё расположение у города. Фараон также не намеревался предпринимать неожиданное нападение. По просьбе военачальников он подождал, пока из ущелья не вышло всё войско, затем с полудня до вечера шёл по равнине к ручью, у которого расположился на ночлег. Разразившаяся утром битва кончилась быстро. Случайное скопище сирийско-палестинских дружин под начальством многочисленных вождей не устояло перед натиском египетского войска и бежало в город. Но тут египтяне, к досаде фараона, не использовали создавшегося положения. Неприятель бросил стан и колесницы, и египетское войско, занявшись грабежом, не ворвалось за беглецами в город. Понадобилась затем семимесячная осада, чтобы город Мегиддо сдался.

Расправиться с Кадешем фараону удалось не раньше чем через 20 лет после этого.

Войну в те времена удобно было вести только летом, когда погода стояла благоприятная и прокорм войска, проводившийся за счёт чужих урожаев, не доставлял хлопот. Походы в Палестину и Сирию следовали один за другим: за 20 лет, между 22-м и 42-м годами своего царствования, Тутмос III совершил их не менее 15, упорно закрепляя за собою завоёванное и занимая всё новые и новые города и области. Но египетское войско плохо умело брать укреплённые города. Нередко оно отходило ни с чем, предавая всё вокруг себя опустошению. Так было и с Кадешем, пока, наконец, в один из последних походов египтяне не ворвались в него через пролом

Египет и покоренные им страны
в XVI—XV вв. до н. э.

в стене. Северной границей походов Тутмоса III был, по-видимому, город Каркемиш на Евфрате, на стыке Сирии, Месопотамии и Малой Азии.

Овладение Сирией не могло не повести к столкновению с царством Митанни, расположенным в Северной Месопотамии. Это царство, стоявшее тогда на вершине своего могущества, притязало на Сирию. В Митанни видели оплот в своей борьбе против фараона все сирийские государства. Принудив в 33-м году своего царствования уйти за Евфрат митаннийское войско, Тутмос III перевёз сушею построенные в финикийском городе Библе корабли и переправился через реку. Митаннийцы отступили дальше, и Тутмос поплыл вниз по Евфрату, беря города и разоряя посёлки. Новое поражение постигло державу Митанни в 35-м году царствования Тутмоса III. Однако Митанни и после этого продолжало вмешиваться в сирийские дела. Ещё через 7 лет только в трёх городках в области Кадеша, которые Тутмос III взял в 42-м году царствования, стояло свыше 700 митаннийцев с полусотней копей.

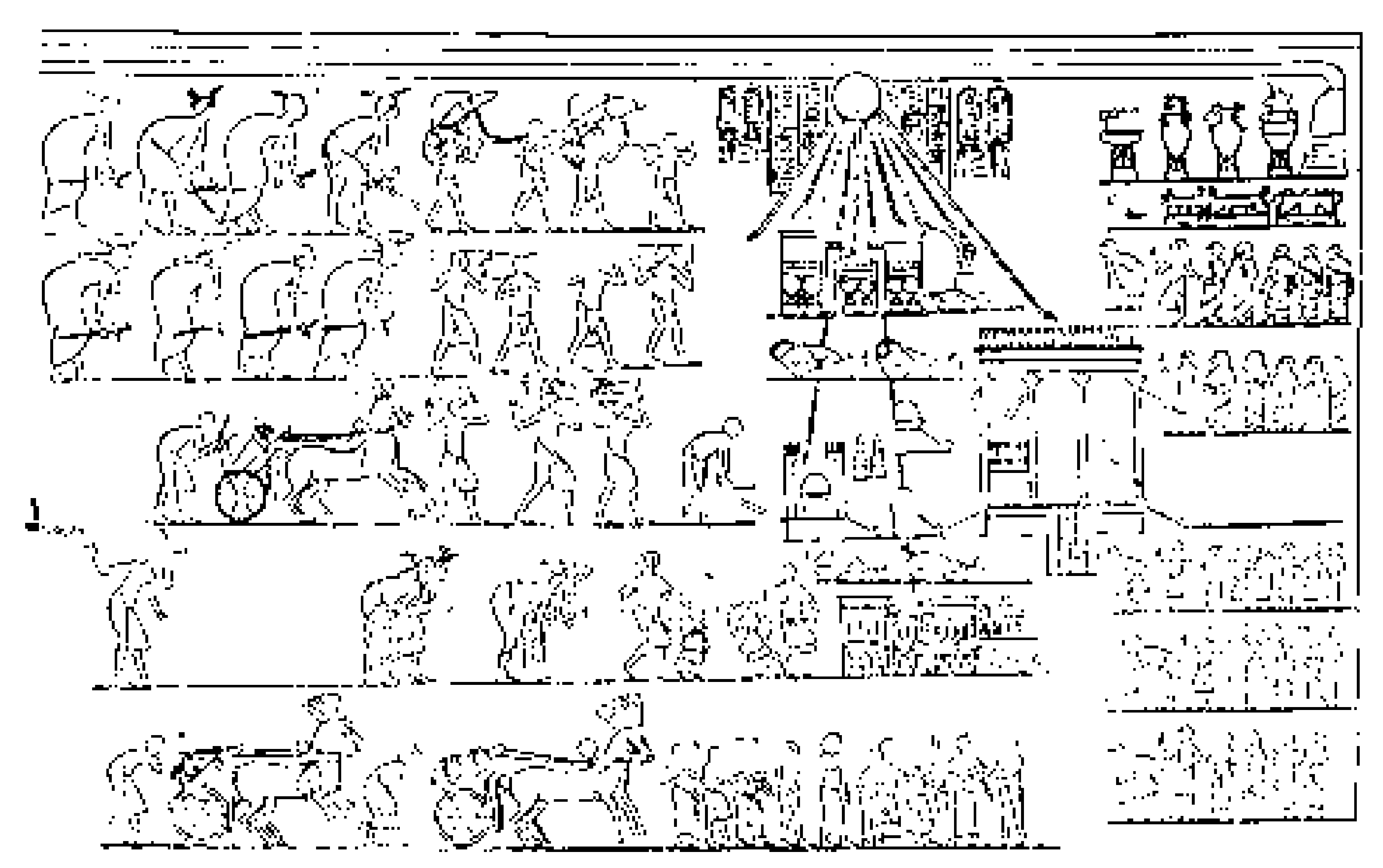
Тутмос III воевал и на юге. Держава, создававшаяся им с таким упорством, уже простиралась от северной окраины Сирии до четвёртых порогов Нила.

За достигнутые Тутмосом III рубежи не вышли и его преемники. Эфиопия, Сирия и Палестина платили ежегодную дань. Ливия тоже числилась данницей. С Южного Красноморья прибывали фараону дары. Их везли фараону и посольства со средиземноморских островов. Египетский наместник Сирии и Палестины — «начальник стран северных» — при Тутмосе III считался его доверенным и на островах Средиземного моря. Цари Вавилона, хеттов, Ассирии, вынужденные считаться с чрезвычайно возросшим значением Египта в международных делах, слали фараону почтительные подарки, которые он считал данью. Побеждённых сирийских и палестинских правителей он заново назначал в их города с условием исправного платежа дани. Детей этих правителей брали заложниками в Фивы.

Хотя в Сирии и Палестине размещены были представители фараона и воинские отряды, значение египетского «начальника стран северных» было там всё же ограниченным. Иное дело Эфиопия. С эфиопов (к которым в это время причисляли и некоторые негритянские племена) также взималась дань, но Эфиопия входила более прочно в состав Египетского государства. Здесь селились египтяне, имелись египетские укреплённые города, и «начальник стран южных» — он же по сану «сын царя» (настоящие царевичи во времена Нового царства не управляли Эфиопией) — был подлинным наместником фараона.

Новая обстановка предъявляла новые требования и к управлению самим Египтом. Власть верховного сановника была теперь разделена между двумя лицами — один осуществлял власть над Верхним, другой над Нижним Египтом.

Завоеватель должен был уметь ладить с войском, потворствуя беспощадному ограблению побеждённых и осыпая победителей золотым дождём наград. Но и жречество бога Амона нужно было привлекать на сторону фараона — ему перепадала большая доля добычи. Главный храм этого бога в столице (так называемый Карнакский) был, можно сказать, заново

Приношение иноземцами дани и даров богу Атону (изображён в виде солнечного диска).
Рельеф из гробницы в Эль-Амарне. XVIII династия.

Сын его, Тутмос IV, ещё ходил в Сирию и Палестину, но при нём произошло уже сближение с Митанни, закреплённое женитьбой фараона на митаннийской царевне. Восстания в Эфиопии были подавлены: одно — Тутмосом IV, другое — его преемником Аменхетепом III в 5-м году ею царствования. Остальные 33 года своего правления Аменхетеп III не ходил в походы. Иноземные владения были замирены. Прежний союзник сирийцев — царь Митанни дружил с фараоном. Тайная попытка некоторых сирийских и палестинских правителей склонить на свою сторону вавилонского царя была тем отвергнута. Сила египетского оружия и блеск египетского золота делали царей Азии угодливыми. Цари вавилонский и митаннийский слали египетскому «брату», как залог дружбы, своих царевен. Сами они при этом не получили из Египта ни одной царской дочери. Когда хетты начали интриговать в Сирии, тамошние владетели не осмелились открыто отложиться от Египта.

Новоегипетская держава стояла на вершине своего могущества. Двор Аменхетепа III был сказочно великолепен, всё прежде созданное в столице затмевали своим величием новосозданный храм Амона (так называемый Луксорский) и царский поминальный храм, от которого уцелели громадные изваяния царя — так называемые «колоссы Мемнона». (В этом же храме находились сфинксы, впоследствии приобретённые Россией и стоящие ныне на берегу Невы в Ленинграде.)

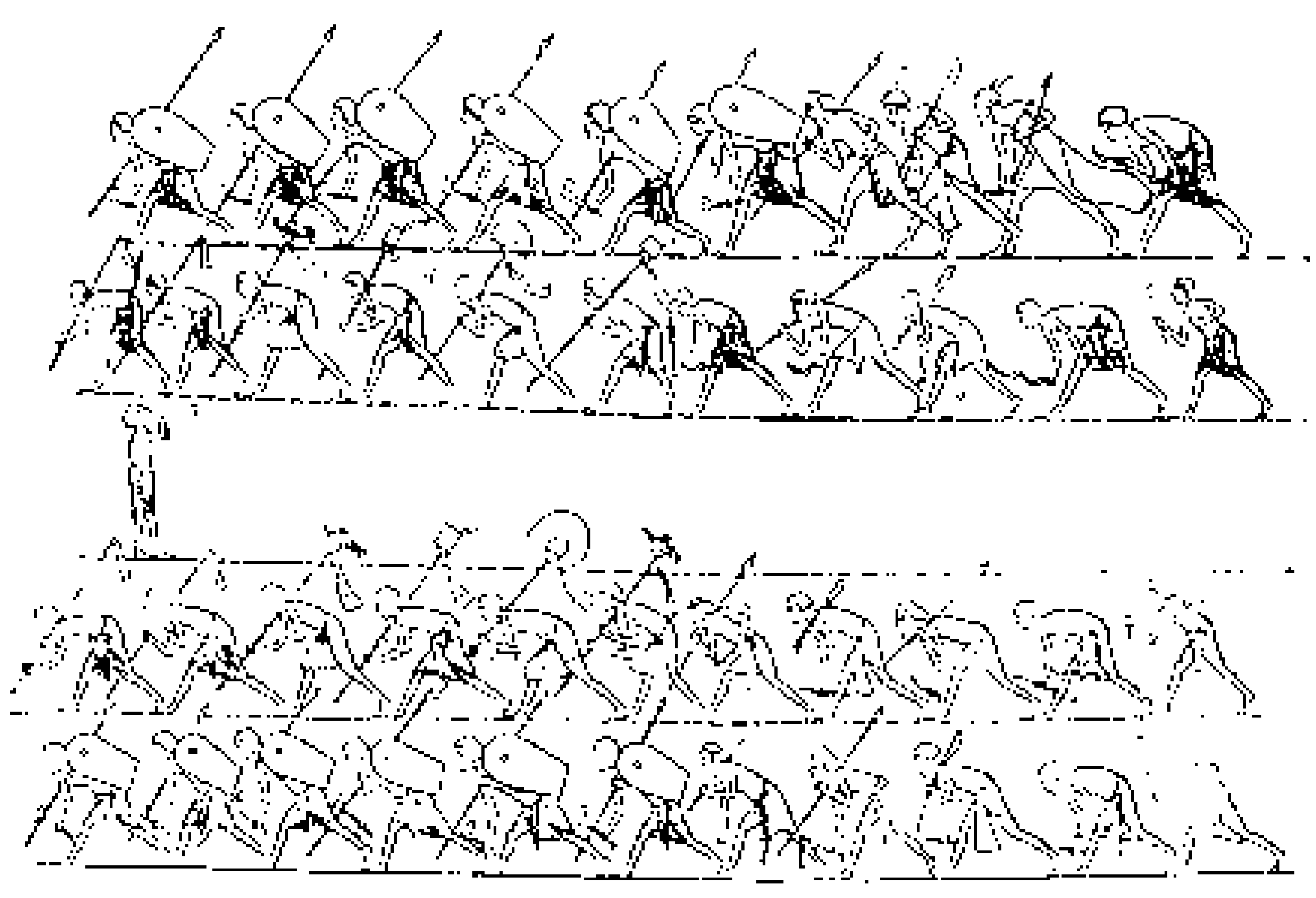
3. Реформа Аменхетепа IV и хетто-египетские войны

Реформа Аменхетепа IV

Правление сына Аменхетепа III Аменхетепа IV (около 1400 г. до н. э.) было ознаменовано попыткою новой служилой знати, выдвигавшихся по службе мелких рабовладельцев или лиц, имевших возможность и стремившихся стать рабовладельцами, полностью оттеснить потомственную знать от власти и источников богатства. Во главе этого движения стоял сам Аменхетеп IV, стремившийся к укреплению своей власти посредством ослабления потомственной, в том числе жреческой, знати. Нововведения нарастали постепенно и сопровождались крутыми мерами. Прославление Аменхетепа IV за возвышение и обогащение безродных «бедняков» стало излюбленным мотивом в надписях новых сановников, а многие из них прямо заявляли, что они были возведены в сановники из ничтожества. Столица из Фив — гнезда старой знати — была перенесена во вновь основанный город на полпути между Фивами и Мемфисом, известный теперь под именем городища Эль-Амарны. Это городище прославлено, между прочим, находкою там части клинописной переписки Аменхетепов III и IV с иноземными царями и зависимыми владетелями.

Местные храмы, бывшие опорой местной знати, и их божества впали при дворе в немилость. Сила божества отвергнутой столицы, Амона, казалась настолько опасной, что его имя и изображения подверглись повсеместно уничтожению, что, по суеверным представлениям того времени, должно было уничтожить его мощь и самое его существование.

Введён был новый государственный культ. Предметом его стало уже не то или иное местное божество, как главное среди других, а особое царское божество. Это было древнее фараоновское божество — Солнце, но не в своём прежнем виде местного бога, а как «живой» солнечный диск Атон. Новая знать, всецело поддерживавшая царскую власть, чтила это царское божество, а вместе с ним и самого царя: Аменхетепу IV при жизни служило особое жречество. Атону была посвящена округа новой столицы, у него были богатые угодья, скот, корабли, мастерские; храмовые склады были полны богатств, жертвы приносились с невероятной расточительностью. Но теперь всем этим управляли жрецы нового бога, хвалившиеся своей принадлежностью к новым людям. Разумеется, всё это было ударом по старой знати, по жречеству старых богов. Культы их лишились прежней щедрой государ-

Египетские и иноземные (сирийские, ливийские и эфиопские) воины фараона Аменхетепа IV (Эхнатона) направляются к храму бога Атона.
Рельеф из гробницы в Эль-Амарне. XVIII династия.

ственной поддержки и вытеснялись единым государственным культом, а то и вовсе прекращались. Однако распространённое мнение о новой вере Аменхетепа IV**,** как о единобожии, не соответствует действительности.

Изменения сказались на всех сторонах общественной жизни. Заметный разрыв со стариной, со многими её условностями ощущался во всей духовной жизни Египта того времени. Изобразительное искусство отличается в это время подчёркнутым стремлением к живости и правдивости. В переломные годы, неумеренно подчёркивая природные особенности оригинала, оно доходило до уродливого преувеличения, однако затем были созданы замечательные произведения.

Внутренняя обстановка, сложившаяся в Египте, ограничивала возможности поддержания прежней захватнической внешней политики. Средства требовались фараону для его новой знати, он скупился на дары соседним государствам, бывшие необходимыми в то время для поддержания дружественных отношений между государствами. Египетский двор хотел прежде всего дани. Если кто-либо из владетелей (даже самых подозрительных) округлял свои владения за счёт соседей (хотя бы самых верноподданных), фараону до этого было мало дела: лишь бы шла дань в прежнем размере. Хотя иногда принимались карательные меры в южных и северных владениях, но в Сирии натиск хеттов, при бездействии фараона, усиливал стремление к отпадению от Египта.

Аменхетеп IV, или, как он переименовал себя, Эхнатон (т. е. «Благой для Солнца»), умер на 17-м году своего царствования. Зятья фараона, наследовавшие ему один за другим, отнюдь не собирались столь же безоговорочно проводить его политику. Первый из них, Сменхкара, восстановил почитание Амона. При втором, ещё мальчике, Тутанхатоне, переименованном вскоре в Тутанхамона, новый культ Атона перестал быть государственным, отстраивались заброшенные храмы, фараон одаривал их рабами, продовольствием и сокровищами и, как говорит одна из его надписей, делал жрецами представителей знати тех городов, которые были центрами почитания старых богов; надпись подчёркивает, что царь назначал жрецов из детей местной знати, сыновей именитых людей.

У новой знати, в значительной степени добившейся укрепления своего положения, были основания искать примирения со старой. Уже в предыдущие царствования, говоря словами надписи Тутанхамона, «если посылали (войско) в Сирию-Палестину расширить границы Египта, не бывало успеха (у) них никакого». Теперь же речь шла не о расширении и даже не о сохранении прежних границ, а о спасении остатков сирийско-палестинских владений, ещё не отошедших к малоазийскому царству хеттов, которое в XV в. до н. э. начинает предпринимать завоевательные походы в Сирию. В этом была заинтересована вся рабовладельческая знать, как старая, так и новая.

Возможно, что уже в царствование Тутанхамона положение на севере несколько улучшилось. Однако всё вновь осложнилось со смертью юного фараона (его гробница с баснословно роскошной обстановкой дошла до нас почти нетронутой как наглядное свидетельство великолепия царского двора времени Нового царства). Его вдова решилась на опасный шаг: она предложила свою руку хеттскому царевичу; но египетские вельможи умертвили его, и, мстя за убийство сына, царь хеттов пошёл на Египет. Египетское войско было разбито, дело грозило кончиться для египтян плохо, если бы не повальная болезнь, передавшаяся от египетских пленных к хеттам и побудившая их прекратить военные действия.

Преемником Тутанхамона стал бывший начальник колесничного войска и временщик Эйе, считавший себя свойственником фараонов пресекшейся династии. Но первым законным царём после Аменхетепа III впоследствии признавался лишь Харемхеб, главный военачальник и временщик, которого жречество провозгласило фараоном от имени самого Амона во время одного из храмовых празднеств в Фивах (середина XIV в. до н. э.).

Битва при Кадеше между войсками Рамсеса II и хеттов.
Рельеф из Карнакского храма в Фивах. XIX династия.

Внутренняя политика XIX династии

Можно было бы ожидать, что торжество Фив и жречества бога Амона будет полным. И таковым его, действительно, выставляли фиванские стихотворцы. На деле, однако, это было не совсем так. Конечно, южная столица оставалась первенствующим городом, там по-прежнему погребались цари, тамошние храмы, посвящённые Амону, были особенно внушительны, а избрание подходящего человека на должность верховного жреца Амона считалось делом первостепенной важности для фараона. Тем не менее Фивы перестали быть единственной столицей. Тутанхамон, по всей видимости, не вернулся туда, а поселился в Мемфисе. Харемхеб сразу же после своего избрания фараоном отплыл на север. В Мемфисе подолгу живал Сети I (второй фараон XIX династии), а его сын Рамсес II выстроил себе великолепную резиденцию на северо-востоке Дельты — Пер-Рамсес («Дом Рамсеса»). Умалением Фив было и то, что после Аменхетепа IV рядом с Амоном постоянно назывались Ра и Птах — главные божества городов Нижнего Египта — Гелиополя и Мемфиса. Правда, переселение царей на север могло иметь и выгодную для фиванского жречества сторону, поскольку в самих Фивах оно поднимало значение власти верховного жреца.

Если бы победа осталась полностью за жречеством и старой знатью, то можно было бы ожидать, что победители примут меры к известному ограничению власти фараона в свою пользу. Но этого не произошло. Рамсес II в установлении почитания собственных изображений далеко превзошёл Аменхетепа III, а раболепная лесть двора ныне превращала царя в хозяина даже всей природы. В то же время, хотя владения в Сирии и Палестине уменьшились и были разорены, а бесконечные войны должны были истощить и самый Египет, никогда ещё не строилось столько храмов, как во вторую половину Нового царства. Вероятно, Харемхеб воздвиг, а последующие цари отделали изумительный чертог перед главным храмом Амона в Фивах площадью в 5 тыс. *кв. м* со 134 колоннами, из которых средние 12 — высотой в 21 *м,* а с архитравом — даже 24 *м.* На вершине любой из 12 колонн могло уместиться до 100 человек. Не менее величественным был вырубленный в Эфиопии в скале храм, известный ныне под именем Абу-Симбельского. Четыре изваяния Рамсеса II, высеченные из скалы у входа в храм, были высотой в 20 *м* каждое. Подобное каменное изваяние уцелело частично и в поминальном храме того же царя в Фивах (в так называемом Рамессее), значительно меньшие — на месте исчезнувшего храма Птаха в Мемфисе. Рамсес II сооружал множество храмов в Египте и Эфиопии. Груды обломков громадных сооружений видны и поныне на месте новой столицы Рамсеса II в северо-восточной части Дельты. Сооружения, воздвигнутые Сети I и его сыном в городе Абидосе, совершенно затмили всё созданное там прежде. Так же перед гробницами Сети I или Рамсеса III (IV) в Фиванских скалах терялись гробницы их предшественников времен XVIII династии.

Конечно, строительство второй половины Нового царства свидетельствовало о значении храмовой знати, но оно же бесспорно говорило о неисчерпаемых средствах и рабочей силе, находившихся в распоряжении фараоновской власти, которая могла привлекать к строительству массы населения всего Египта. Хозяйственное развитие Эфиопии, ставшей теперь полуегипетской страной, и Нижнего Египта, превратившегося в ведущую часть страны, в значительной мере, если не сполна, окупало урезку прежних сирийско-палестинских доходов.

Последние представители XVIII династии и цари XIX династии оставались согласно надписям царями, «творящими» сановников и выдвигающими «бедняков»». Выставлять себя простолюдином, возвеличенным милостью царя, было настолько принятым, что подобное прошлое приписывал себе иной раз даже вельможа, заведомо непростого происхождения. В этой связи нужно отметить, что в числе влиятельнейших людей в государстве при XIX—XX династиях были личные царские прислужники — «кравчие царя» (которым давались ответственные поручения); иные из них были безродными иноземцами (сирийцами).

Свидетельством политики фараонов, направленной на то, чтобы найти опору своей власти среди средних и мелких рабовладельцев, является указ, изданный Харемхебом. Под страхом тяжёлых кар он запрещал должностным лицам и военным забирать у населения рабов, ладьи и т. п. Одновременно царь слагал с судей налог в пользу казны в видах пресечения взяточничества, от которого, конечно, страдали прежде всего люди незнатные. Харемхеб придавал большое значение своему указу и обнародовал его в виде надписей на камне в разных городах страны. Этот указ не только соответствовал интересам «всякого рядового воина и всякого человека, что в земле (египетской) до края её», но и был к выгоде самой царской власти, искавшей поддержку у средних слоев и мелких рабовладельцев. Должностных лиц он, разумеется, не исправил — известиями о порочности их полны источники того времени; ничему не научил он и судей — об их продажности во всеуслышание говорилось в сказках и даже в школьных прописях.

После Аменхетепа IV между старой знатью и жречеством Амона, с одной стороны, и новой знатью, связанной с мелкими рабовладельцами — с другой, было достигнуто какое-то соглашение. По всей вероятности, оно выразилось и в территориальном размежевании: Юг остался за Фивами, за старой столицей, за её могущественными храмами, а Север в силу его положения подле палестинской границы был естественным местом сосредоточения фараоновских войск. Обосновываясь на севере, фараон не только уходил из-под непосредственного влияния слишком сильной южной знати. Он мог обеспечить здесь до некоторой степени благоприятные условия для процветания новой знати, на которую он опирался, особенно в новой столице, где старой знати не было, как не было её и в созданной в своё время Аменхетепом IV столице Эль-Амарна. Сосредоточение в Нижнем Египте вооружённых сил, высшего управления и двора не могло не сказаться на его значении. Если ещё в середине XVIII династии Нижний Египет был для столичных вельмож страной на отлёте, до того получужой, что поставки оттуда чуть ли не приравнивались к иноземной дани, то теперь Север стал ведущей частью государства, и мы имеем достаточно указаний на царившее там хозяйственное оживление.

Военная политика в период XIX династии

В центре военной политики преемников Аменхетепа IV стоял вопрос о Палестине и Сирии. С начала XIX династии, основанной Рамсесом I, преемником Харемхеба, разгорелась длительная борьба с хеттами, которая, однако, не привела к восстановлению в полном объёме державы Тутмоса III. На первых порах победы Сети I, сына Рамсеса I, увенчались возвращением из-под власти хеттов вновь под египетское господство важного государства Амурру в Сирии. Но события последующего царствования Рамсеса II, сына Сети, доказали бесперспективность дальнейшей борьбы. Решительная схватка с хеттами произошла под стенами сирийского города Кадета в 5-м году правления Рамсеса II (по принятой некоторыми советскими исследователями хронологии — в 1312 г. до н. э.). Обманутый ложными вестями об отходе отрядов хеттов на север Сирии, фараон с одними авангардными частями своих сил встретился здесь лицом к лицу со всей громадою вражеских войск. Значительная часть египтян была смята и рассеяна неожиданным нападением хеттских колесниц. Сам фараон с горсткой воинов был окружён двумя с половиной тысячами колесниц, к которым затем прибавилась ещё тысяча. Отчаянная самооборона Рамсеса была бы в конце концов сломлена. Однако в решительный момент со взморья на выручку подоспел отборный отряд воинов, шедший, по приказу Рамсеса, западнее, отдельно от главных сил; кроме того, подошла также и спешно вызванная часть отставшего войска. Поле битвы осталось за фараоном, но город, конечно, взят не был.

У стоявшего подле города царя хеттов Муватталлу оставалось ещё 17 тыс. свежих бойцов, в основном пехотинцев, которых он так и не двинул в сражение. Земляки царя Муватталлу — сами хетты — являлись только ядром его войска, в остальном оно состояло из жителей покорённых и союзных областей Малой Азии и Сирии.

Египтяне рассказывали, что царь хеттов будто бы не оставил у себя в стране ни серебра, ни золота, дочиста обобрал её и отдал всё своим союзникам.

В течение последовавшей затем 16-летней борьбы, судя по имеющимся источникам, хетты избегали схваток в открытом поле, предпочитая укрываться в сирийских крепостях. Но хетты были сильны поддержкою сирийско-палестинских подданных фараона, чуть ли не поголовно восставших против него вскоре после Кадешской битвы.

Как опустошительный смерч носился Рамсес по своим непокорным владениям, сокрушая крепости, уничтожая леса, угоняя жителей. Египетские войска прорывались до самых подступов к Малой Азии; в отличие от времён Тутмоса III, войско Рамсеса уже умело справляться с крепостями. Однако итог этих побед был скромным. В 21-м году своего царствования Рамсес заключил мир с новым хеттским царём Хаттусили III, затем последовал союзный договор, и, наконец, фараон женился на дочери своего нового союзника. Основная часть Сирии, включая государство Амурру, осталась за хеттами, и только на средиземноморском берегу египетские владения несколько выдавались на север.

Полагают, что причина уступчивости обеих сторон крылась в угрозе владениям обоих царств со стороны Ассирии, войска которой в это время, после разгрома Митанни, появились на Евфрате.

Рамсесу II, царствовавшему 67 лет, наследовал один из его многочисленных сыновей — Мернептах (вторая половина XIII в. до н. э.). Его равнодушие к Амону, к Фивам, и приверженность к мемфисскому Птаху, к Нижнему Египту, сквозили как в его титуле, так и во всём поведении. В надписи в храме Амона в Фивах не ему, а нижнеегипетскому богу Мернептах приписал даже избавление Египта от первого грозного натиска ливийцев и средиземноморских племён — «народов моря». Шестичасовая битва, стоившая пришельцам до 8500 убитыми и свыше 10 тыс. пленными, кончилась победой египтян. Враг бежал. Внешняя опасность миновала, но внутри назревала ещё большая угроза.

4. Упадок Нового царства

«Восстание Ирсу»

Конец XIX династии — самая бурная пора Нового царства, но полностью разобраться в характере происходивших событий трудно за скудостью сведений. В какой-то мере причиной смуты были обострившиеся противоречия между ведущими в то время общественными силами Севера и Юга.

Ослабление государственной власти рабовладельцев было важным условием для усиления борьбы эксплуатируемых трудящихся масс. Единственный связный, хотя и малопонятный, рассказ об исторических событиях конца XIX династии изложен от имени Рамсеса III (IV), третьего царя XX династии.

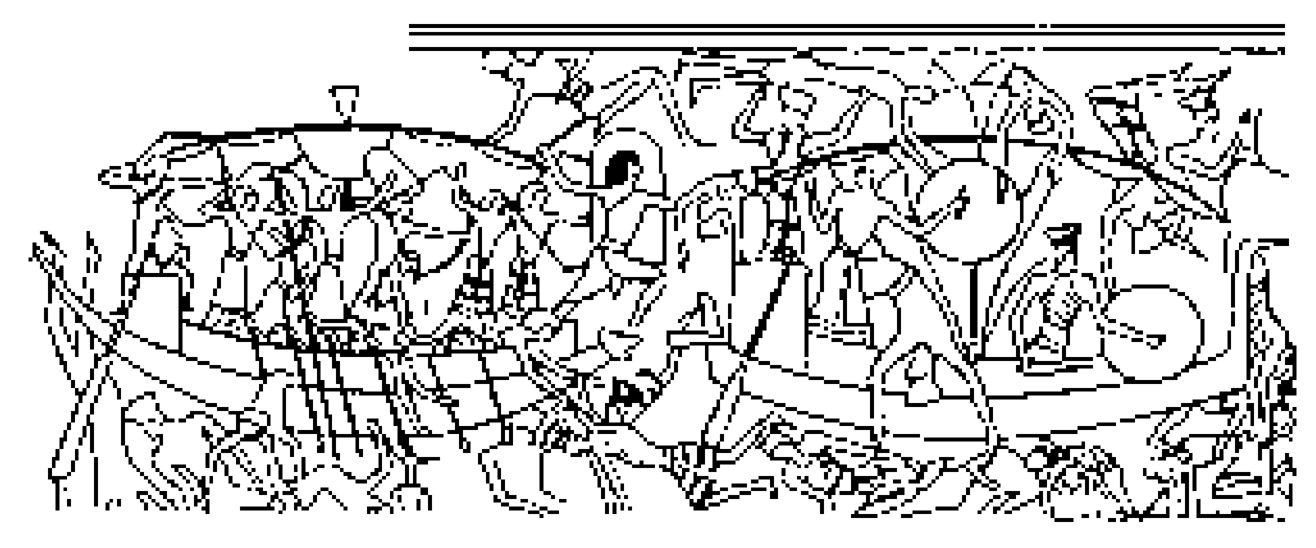
Он сообщает нам о вспыхнувшем мятеже, во главе которого встал сириец Ирсу. Мы узнаём также, что в это время «один соединился с другим», «один убивал другого — знатные и бедные», имуществу богачей был нанесён ущерб, с богами в ту пору «обращались, как с людьми», не было почёта храмам и жречеству. Знать подавила это движение, фараон Сетнехт «убил злоумышленников» и «выправил землю до края её, бывшую мятежной».

Что это был за сириец, который захватил власть в Египте в эти годы, и какое участие принимали в этом восстании рабы, мы, к сожалению, не знаем. Как и всегда в истории древнего Востока, источники, составленные представителями господствующего класса, крайне скудно освещают движения трудящихся. По-видимому, однако, произошли серьёзные выступления низов египетского общества, которые потрясли до основания всё здание государства Нового царства.

Египет в XII—XI вв. до н. э.

Подавивший восстание в стране Сетнехт был основателем XX династии (около 1200 г. до н. э.). В то время борьба внутри класса рабовладельцев притихла. Этому не могла не способствовать необходимость обороняться от внутреннего и внешнего врага, необходимость, которую почувствовали все рабовладельческие слои общества.

При сыне Сетнехта, Рамсесе III (по обычному счёту, некоторые исследователи именуют его Рамсесом IV, считая Рамсесом III Рамсеса-Саптаха, царя конца XIX династии), Египет трижды подвергался нашествиям переселявшихся иноземных племён. В 5-м году царствования Рамсеса III (IV) это были ливийские племена.

Морская битва египтян с «народами моря» при Рамсесе III (IV).
Часть рельефа из храма Мединет-Хабу. XX династия.

Ливийские полчища были разбиты Рамсесом в кровопролитной битве, стоившей им свыше 12500 человек убитыми. В 8-м году фараон разбил на суше и на море двигавшиеся с севера вдоль финикийско-палестинского побережья «народы моря». Кое-кто из разбитых врагов, в частности филистимляне, не упоминавшиеся Меренптахом, осели затем на палестинском побережье, должно быть, с разрешения фараона. В 11-м году ливийское племя максиев вновь напало на Египет; ливийцы опять были побеждены и бежали, потеряв убитыми около 2200 и пленными свыше 2 тыс. человек (одну треть последних составляли женщины и дети). Рамсес вёл также наступательные войны в Сирии и, возможно, проникал со своим войском далеко на северо-восток, но упрочить свои завоевания он не смог.

Рядом с египетскими пехотой и колесничным войском постоянно упоминаются теперь иноплеменные части. Шерданы и ливийцы в войске имелись и прежде, но никогда ещё они так не выдвигались. Мирволя храмам, Рамсес III (IV) освободил их от существовавшей ранее обязанности сдачи в воины каждого десятого из их людей. Учитывая обширность храмовых владений, понятно, что причинённый этим ущерб вооружённым силам трудно было возместить иначе, как усиленным набором в войско иноплеменников, в том числе и недавних врагов — ливийцев и филистимлян. Высказывается предположение, что причиной умножения иноземных частей был и страх знати перед собственным народом.

Преданность свою храмам фараон засвидетельствовал и богатыми дарениями. Он давал дары не только большим храмам, но и второстепенным. Всё это проделывалось в то время, когда ремесленники на самом царском кладбище голодали и отказывались дальше работать, а сам верховный сановник отвечал на их укоры ссылкой

на пустоту государственной житницы. Предполагают, что именно расточительство фараонов и обогащение храмов привели к расстройству экономики Египта.

Рамсес III (IV) пал жертвой придворного заговора на 32-м году своего царствования. Вновь дала о себе знать обострившаяся борьба внутри правящих кругов. Судя по сохранившейся записи судебного следствия, в деле были замешаны высокопоставленные и не высокопоставленные лица, прочившие на престол одного из царевичей. Окрепшая было в борьбе с сирийцами и иноплеменными нашествиями царская власть быстро стала ослабевать, не будучи в состоянии совладать с взаимно враждовавшими силами Юга и Севера, ведшими страну к расколу.

Филистимляне — военнопленные Рамсеса III (IV).
Рельеф из храма Мединет-Хабу. XX династия.

Последующие восемь царей, носивших всё то же громкое имя Рамсес — от IV до XI (или от V до XII), — были бессильны перед лицом нараставшего распада их державы.

В XII в. до н. э., при Рамсесе III (IV), в Палестине ещё имелись египетские крепости и храмы, и целые города принадлежали Амону. Остатки египетского владычества сохранялись там, по-видимому, ещё при Рамсесе VI (VII), но в середине XI в., при Рамсесе XI (XII), в Палестине и Сирии не оставалось уже и тени египетской власти. Одна Эфиопия ещё покорялась египетскому наместнику.

Не менее отчётливо падение власти последних Рамсесов сказывалось и внутри страны. Если ещё Рамсес III (IV) вынужден был ограждать городские храмы в средней части Египта крепкими стенами на случай ливийских вторжений, то в конце XX династии даже в самих Фивах работы на царском кладбище неоднократно прерывались из-за неспокойного положения. Сами царские гробницы на западном берегу Нила у Фив, не говоря уже о частных, подвергались ограблению со стороны населения.

Ослабевшей царской власти на севере противостояло всё более и более обособлявшейся жреческое царство на юге. Юг оказался в руках верховных жрецов Фив, как глав крупнейшего храмового хозяйства Амона. При Рамсесе IX (X) имела место какая-то «война» против верховного жреца Аменхетепа, но в общем верховные жрецы прочно сидели в своём городе, не в пример фараонам на севере. За время от Рамсеса IV (V) до Рамсеса IX (X) на престоле сменилось шесть царей, а в Фивах только три верховных жреца. Эти трое были отец и два его сына, так что владением Амона долгие годы управлял один жреческий дом. При Рамсесе XI (XII) верховный жрец Амона Херихор совмещал свою жреческую должность со званием верховного сановника, заведованием государственной житницей, начальством над войском и управлением Эфиопией. Он был уже наполовину царём.

Противоборствующие общественные силы, сосредоточенные на севере и на юге, не будучи в состоянии одолеть друг друга, вели страну к распаду на две части. Единая государственная власть при этих условиях становилась номинальной.

5. Культура и религия Египта в период Нового царства

Верования

Освобождение страны от гиксосского ига шло из Фив, и последующие завоевания царей вышедшей оттуда XVIII династии выдвинули фиванского бога Амона на роль покровителя «мировой» державы фараонов и сделали его культ главной идеологической опорой власти царя, объявлявшегося «сыном» Амона.

Продолжавшийся в первый период Нового царства подъём средних слоев общества способствовал дальнейшему развитию и распространению представлений о богах, — в первую очередь о государственном боге Амоне, — как о заступниках и помощниках «простых людей». От Нового царства сохранилось немало памятников,

Сирийская крепость, разорённая египетскими войсками.
Рельеф из храма Мединет-Хабу. XX династия.

отразивших подобные воззрения и принадлежащих преимущественно зажиточным представителям средних слоев общества. Эти представления внушались и массам, придавленным социальным гнетом. Наряду с государственным богом простые жители столицы почитали различных второстепенных местных богов.

Постоянное общение с подвластными сирийцами привело в Новом царстве к распространению среди египтян почитания ряда сирийско-палестинских божеств.

То, что имело место в Фивах, с теми или иными видоизменениями происходило и в других крупных городах. Так, в Мемфисе и вообще на севере считали, что бог Птах обеспечивает победы царя.

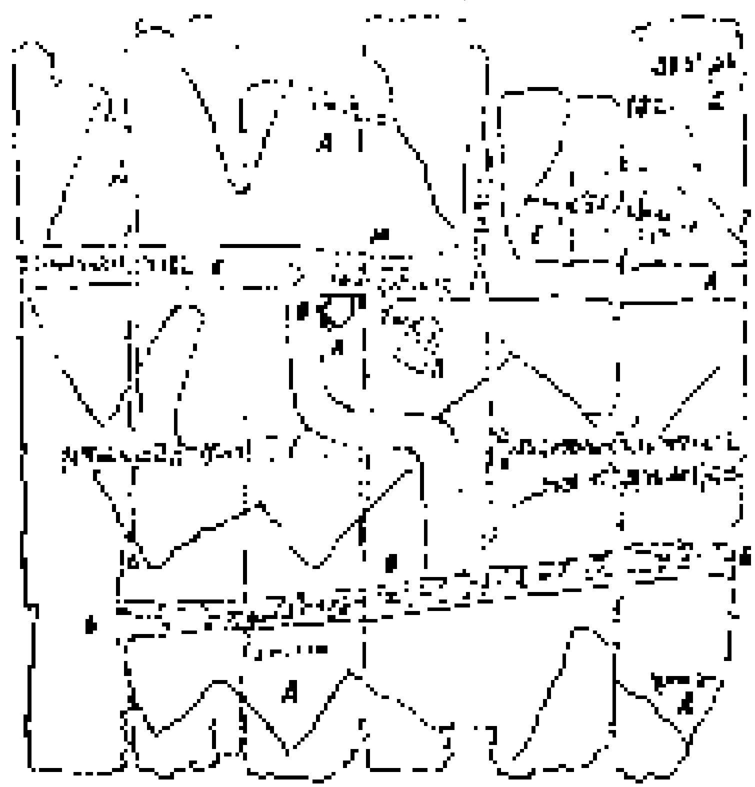
Часть заупокойных заклинаний, писавшихся в Среднем царстве на гробах, легла в основу так называемой «Книги мёртвых». Это было собрание заклинаний и некоторых славословий богам. По верованиям египтян, «Книга мёртвых» якобы обеспечивала мертвецу «выход днём» из гробницы, безопасность и счастье на том свете. В Новом царстве «Книгу мёртвых» писали обыкновенно на папирусном свитке и клали затем умершему в гробницу. Обладание свитком «Книги мёртвых» должно было обеспечить владельцу оправдание перед загробным судом Осириса. Видное

место среди заклинаний занимало оправдание мёртвого в 42 грехах перед 42 судьями на загробном судилище. Власть имущие и богатые, которым только и было по средствам заказать «Книгу мёртвых», освобождали себя таким способом от ответственности за совершённые злодеяния.

Наука

Значительный рост производительных сил, имевший место во времена Нового царства, повлёк за собой дальнейшее накопление и развитие естественнонаучных знаний. О значительности египетской счётной и землемерной науки говорилось уже в главе о Среднем царстве. В Новом царстве эти знания приумножались.

К периоду Нового царства относится изложение догадки о том, что соответствующие созвездия находятся на небе и днём; они невидимы только потому, что тогда на небе находится солнце. При XVIII династии в Египте были изобретены водяные часы. В Палестине были найдены «карманные», или, лучше сказать, нашейные, египетские солнечные часики конца XIX династии, оброненные, возможно, каким-либо воином или посланцем. Дошло до нас также наставление о пользовании солнечными часами. В списках Нового царства сохранилось полностью или частично несколько лечебников. Один из них, смесь причудливых колдовских средств с вполне рациональными, заполняет свиток длиною в 20 *м.* Он заключает подробное описание кровообращения. От того же времени — начала XVIII династии — сохранилась часть рукописи о лечении ран, в частности таких, как пролом черепа или повреждение внутренних полостей носа. Эта рукопись замечательна научной стройностью изложения. Некоторые описания повреждённой части тела поражают своей точностью. Составитель лечебника, по-видимому, знал о связи между повреждениями головного мозга и расстройством функций других областей тела, даже таких отдаленных от мозга, как нижние конечности. Примечательна любознательность египтян периода Нового царства по отношению к иноземной природе. Так, в середине XVIII династии при фараоне Тутмосе III на стенах главного храма в Фивах было изображено множество растений и некоторое число животных, привезённых из сирийского похода. Следует также упомянуть, что от времени Нового царства сохранились куски подробных чертежей, можно сказать, карт горных промыслов в пустыне.

Древнейшая из дошедших до нас географических карт. План золотых рудников в Восточной пустыне (современный Вади Хаммамат) времени фараона Сети I. XIX династия.

Между двумя рядами остроконечных гор, окрашенных в подлиннике в красный цвет, простираются две долины с дорогами (А—А, Б—Б), соединённые поперечной долиной (В—В). Эти дороги, как и дорога Г, ведут, судя по надписи, к морю. На горах имеются золотые копи (Д) и святилище Амона (Е). У дороги — дома персонала (Ж), на месте пересечения долин — колодец (К) и памятная плита (Л).

Из области исторических знаний нельзя не назвать списка царей знаменитого Туринского папируса, называющегося так по месту хранения. Он был написан или переписан при XIX династии и представлял собою чрезвычайно обстоятельный список династий и царствований с точными летоисчислительными показаниями и вы-

кладками. К сожалению, он дошёл до нас в очень повреждённом виде. Можно только жалеть, что до нас не полностью дошли также летописи походов Тутмоса III, переписанные некогда на кожаные свитки и, как сообщают надписи, хранившиеся в храме Амона. Единственный отрывок этих летописей, сохранившийся более или менее полно в надписи на храмовой стене, — это описание военных действий под Мегиддо. Этот отрывок отличается обстоятельностью и наглядностью изложения.

В развалинах столицы Аменхетепа IV, помимо клинописной переписки с зависимыми и независимыми от Египта азиатскими владетелями, были найдены также пособия, по которым египетские чиновники учились аккадской грамоте.

Зодчество

Зодчество Нового царства мы знаем лучше, чем зодчество любой другой поры фараоновского Египта. Только для Нового царства возможно на наглядных примерах проследить связь, существовавшую между разными родами зодчества.

Главным источником наших сведений о гражданском зодчестве Нового царства является столица Аменхетепа IV Эль-Амарна, покинутая его преемниками и сохранившаяся в развалинах до наших дней.

Колоннада храма Аменхетепа III.
Луксор. XVIII династия.

Дома простых горожан были небольшими, они состояли из нескольких помещений, расположенных вокруг относительно большой прямоугольной комнаты. Городские усадьбы сановников состояли из сада, дворов, служб и господского дома. Необходимой принадлежностью богатого дома, как и в Среднем царстве, были продолговатая поперечная зала и вторая — прямоугольная. Теперь обе эти залы были украшены колоннами. Глубокая зала, находившаяся посередине жилья, возвышалась над другими частями дома; свет в неё проникал через окна под потолком. Позади неё располагались личные покои хозяина, а вокруг — разные другие помещения.

Загородный дворец Аменхетепа III в Фивах, хотя и больших размеров, был, тем не менее, построен из необожженного кирпича, дворец же его сына в новой столице был чудовищной величины, а парадные части этого дворца были построены из камня. В отличие от частных домов, средние помещения дворца были вытянуты по общей оси. Так располагались громадный двор, обставленный царскими изваяниями, возвышающееся крыльцо с колоннами, поперечное помещение с колоннами и затем глубокая зала. По одной оси были расположены средние части и в малом дворце на севере столицы. Жилой дворец царской семьи, находившийся подле большого, был соединён с ним мостом, перекинутым через улицу.

Храмы считались «домами» богов. Типичный фиванский храм, подобно дворцам Аменхетепа IV, был вытянут по единой оси. За воротами с башнями по бокам, так называемыми пилонами, следовал двор с колоннадами вдоль стен, затем крыльцо с колоннами, поперечная колонная зала; в глубине храма обитал, как и в частном доме, «хозяин», в данном случае изображение бога. Расположение главных частей храма по единой оси позволяло во время торжественных шествий со статуей двигаться по прямой, из двери в дверь, наружу.

В пределах храма могло быть несколько пилонов, несколько дворов, несколько зал. В громадном главном фиванском храме, так называемом Карнакском, строившемся веками, от собственно храма отходила вбок вереница добавочных дворов и пилонов. Перед пилонами ставились громадные царские изваяния и гранёные островерхие столбы-обелиски. К храму вела дорога, обставленная по бокам сфинксами; при Амен-

Один из дворов Карнакского храма в Фивах.

хетепе III Карнакский и Луксорский храмы были соединены дорогой, по краям которой стояли бараньеголовые сфинксы (баран считался священным животным Амона).

Уже при XVIII династии вырубали и небольшие храмы в скалах, но широкое распространение пещерные храмы получили при Рамсесе II в Эфиопии; самым большим из его пещерных храмов был так называемый Абу-Симбельский.

Фараоны XVII династии не порывали ещё с обычаем погребать царя под пирамидою, хотя их кирпичные надгробные пирамидки были ничтожно малы. Тутмос I, зачинатель большого новоегипетского строительства, окончательно отказался от пирамиды. В ущелье на западе от Фив, известном, ныне под арабским именем Бибан эль-Мулук («Врата царей»), Тутмос I велел высечь себе гробницу так, чтоб никто не видел её и не слышал о ней. После бурь Среднего царства фараоны имели все основания желать, чтобы их погребения не обращали на себя внимания, не бросались в глаза и не могли быть разграблены. Начиная с Тутмоса I создавалось новое царское кладбище с пещерными гробницами, достигавшими впоследствии до сотни метров в длину, но ничем не отмеченными снаружи.

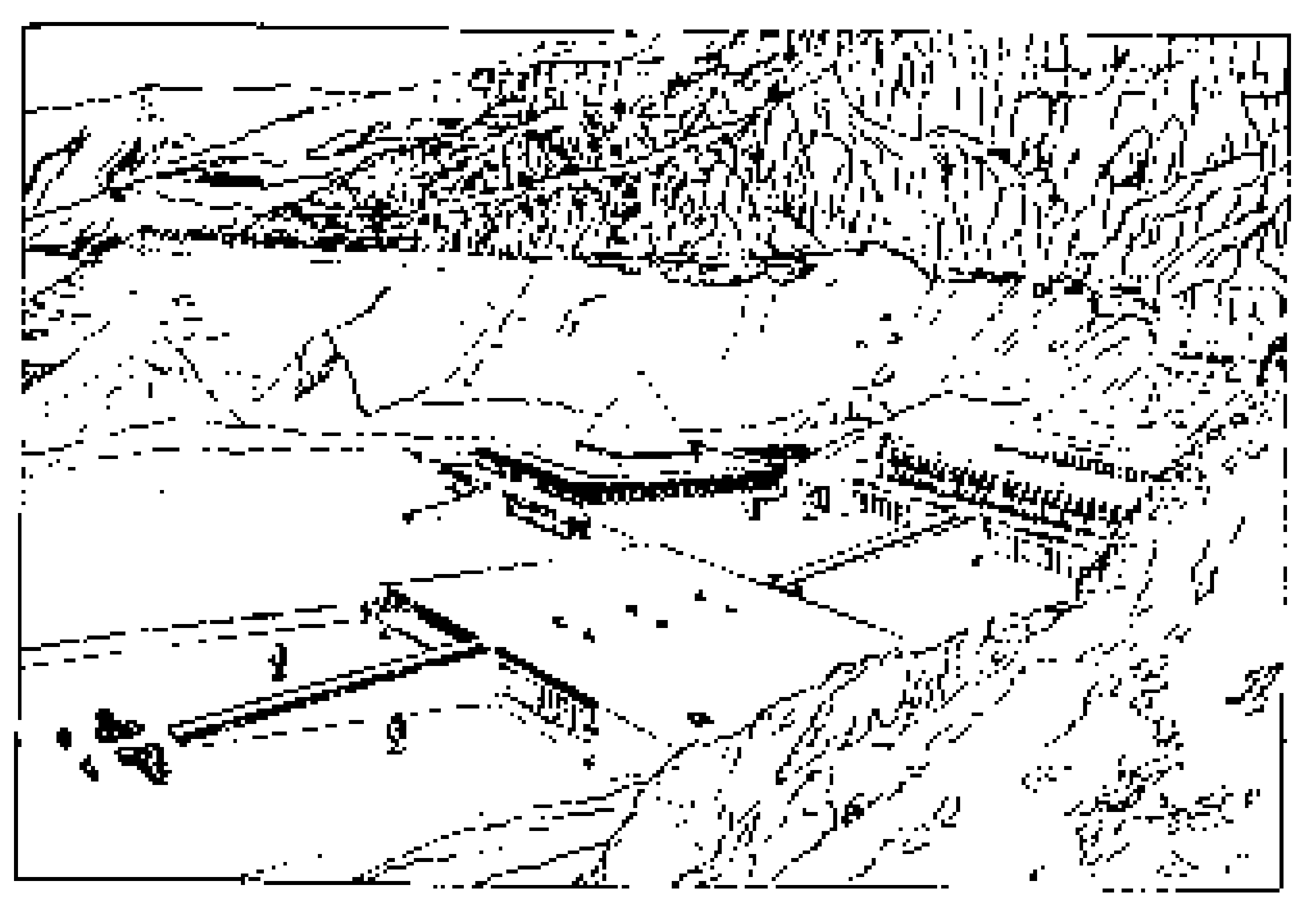
Поминальные храмы царей были теперь отделены от гробниц. Они остались в речной долине у подножья скал. Поминальный храм Рамсеса III (IV) так называемый храм Мединет-Хабу, был объединён с дворцовыми постройками в укреплённое

СЦЕНА ЗАГРОБНОГО СУДА ОСИРИСА.
Из 125-й главы "Книги мёртвых". Папирус Ани. Египет. Новое царство

целое со своеобразным надвратным сооружением спереди, похожим на высокую крепость.

Для некоторых сооружений возможно установить имена строителей. Так храм царицы Хатшепсут в Дер эль-Бахри строил её любимец Сененмут, в строительстве Луксорского храма при Аменхетепе III принимали участие начальники работ Гор.

Храмы Ментухетепа III (XI династия) и Хатшепсут (XVIII династия) в Дер эль-Бахри. Реконструкция.

и Сути, гробница Тутмоса I времени XVIII династии высекалась в скалах под наблюдением зодчего Инени. При Аменхетепе III прославился зодчий и государственный деятель Аменхетеп сын Хапи, впоследствии он был даже обожествлён.

Изобразительное искусство

Среди памятников скульптуры времени начала Нового царства трудно найти такие, которые по силе и выразительности могли бы сравниться с некоторыми изваяниями царей Среднего царства. Однако созданные позднее некоторые портретные изваяния времени Аменхетепа IV, например скульптурные портреты царицы Нефертити, найденные в мастерской художника по имени Тутмос, принадлежат к наиболее замечательным произведениям египетского искусства. При этом общий уровень мастерства в то время был неизмеримо выше, чем в период Среднего царства. Если среди заупокойных плит Среднего царства, даже времени его расцвета, сплошь и рядом встречаются низкокачественные, с грубыми изображениями, то среди таких же плит Нового царства неискусных мало. Плавность и гибкость очертаний на изображениях, составлявшие в прежние суровые времена редкость, стали, особенно в росписях, к середине XVIII династии частым явлением.

Изящество и тщательность отличали рельеф ещё и при Сети I. Но затем строительное увлечение при Рамсесе II, которое вело к необходимости быстро покрывать резными изображениями огромные поверхности стен и столбов, имело своим

следствием то, что работа мастеров становится небрежней. Над барельефом решительно берёт верх более простой рельеф внутри углублённого контура. Это не значит, конечно, что исчезли выдающиеся мастера. Отдельные произведения того времени, как из числа изваяний, так и из числа плоскостных изображений, принадлежат по выполнению к примечательнейшим образцам египетского искусства. Можно удивляться тому, как люди создавали исполинские царские статуи, вроде высеченных из скалы при Рамсесе II перед его Абу-Симбельским храмом.

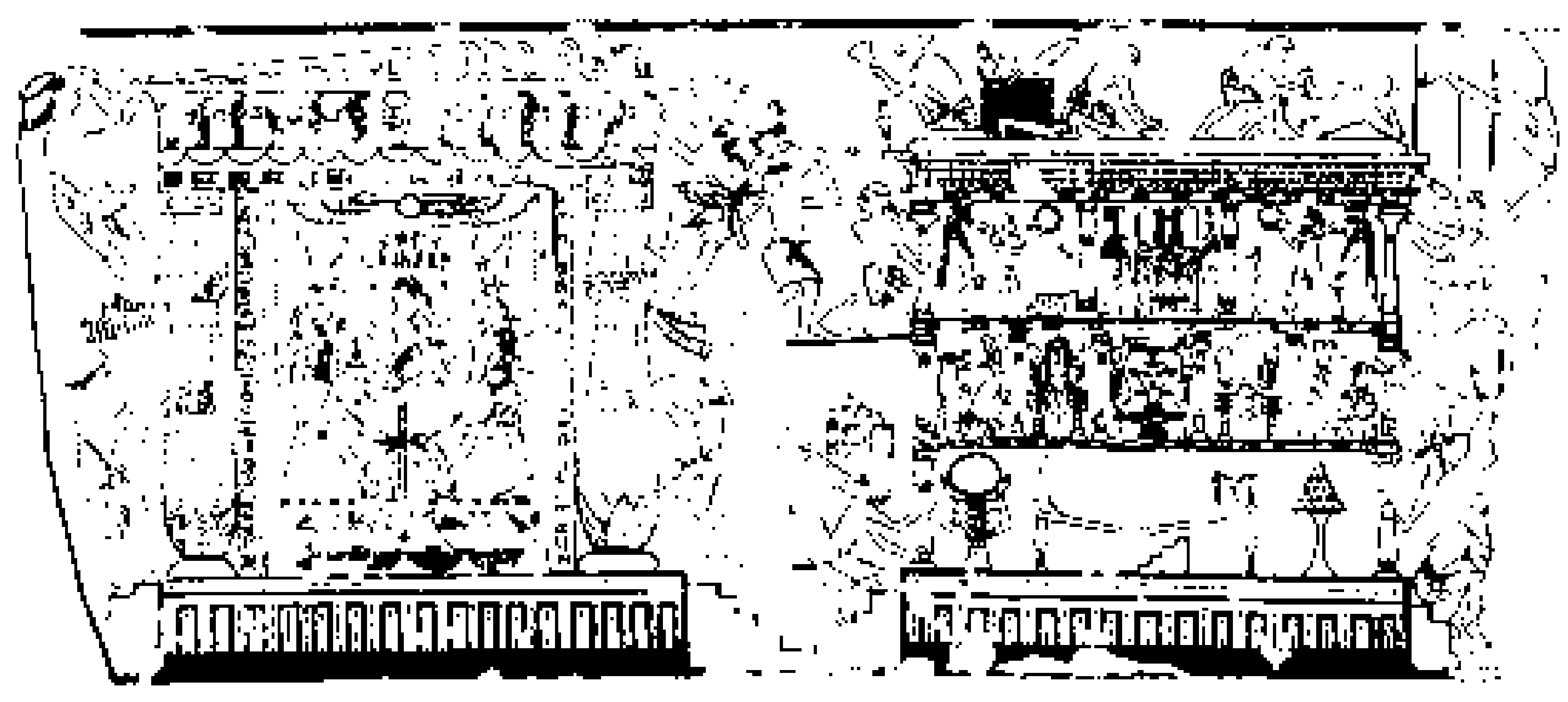
Рельеф из гробницы с изображением плакальщиков.
Конец XVIII династии. Известняк.

По содержанию своему египетское изобразительное искусство никогда не было таким разносторонним, как в Новом царстве. В фиванских пещерных гробницах стены чаще всего покрывались росписью разнообразного содержания, в мемфисских гробницах — рельефной резьбой.

От Нового царства сохранилось значительное количество росписей из дворцов и домов, преимущественно из Эль-Амарны: изображения растений, животных, пленников, изображения быта, в частности царской семьи, и т. д. При XIX— XX династиях показу современной жизни отведены были даже храмовые стены: так были созданы огромные батальные изображения, посвящённые войнам Сети I, Рамсеса II и Рамсеса III (IV).

Литература

Судя по уцелевшим рукописям, писцы при XVIII династии ограничивались главным образом переписыванием сочинений времени Среднего царства. Некоторые славословия в честь царей и богов того времени и отдельные места в царских исторических надписях и жизнеописаниях частных лиц были составлены художественно. Времени Тутмоса III касается сказка о взятии хитростью палестинского города полководцем царя, хотя дошла до нас эта сказка в записи времени XIX династии. Не исключена также возможность, что некоторые

Мастерская художников-резчиков.
Роспись из гробницы и Фивах. XVIII династия.

из замечательных любовных стихов в сборниках времени XIX—XX династий возникли ещё в предшествующее время. Коротенькие песенки встречаются приписанными к изображениям разных лиц на гробничных стенах.

С началом XIX династии перед нами предстаёт богатая художественная письменность, пользовавшаяся разговорным новоегипетским языком, прочно вошедшим в литературу в XV—XIV вв. до н. э., и во многих случаях отражавшая, по-видимому, взгляды и вкусы простых людей.

Статуэтка мужчины.
XVIII династия. Дерево.

Статуэтки жреца Амона Аменхетепа и жрицы Амона певицы Реннаи.
XVIII династия. Чёрное дерево.

В «Сказке о двух братьях» рассказывается о двух поселянах, которые, преодолев козни жён-изменниц, воцаряются под конец друг за другом в Египте. Здесь подробно и любовно описан быт братьев-земледельцев и совсем не по-придворному дан образ жалкого фараона-злодея, похитившего жену младшего брата.

В романтической «Сказке об обречённом царевиче» иноземцы показаны без тени того глумления, которое было обычно в царских надписях.

В «Сказке о Правде и Кривде» звучит возмущение бездушием общественных верхов по отношению к обездоленным. Выданный неправедными судьями Кривде и ослеплённый им, Правда подобран в пустыне богатой женщиной. Она имеет от него сына, но тем не менее оставляет слепца в привратниках. Подросши, мальчик требует от

матери назвать его отца. Возмущённый её поведением, он воздаёт почести слепцу-привратнику и, хитроумно изобличив суд, добивается торжества над Кривдой.

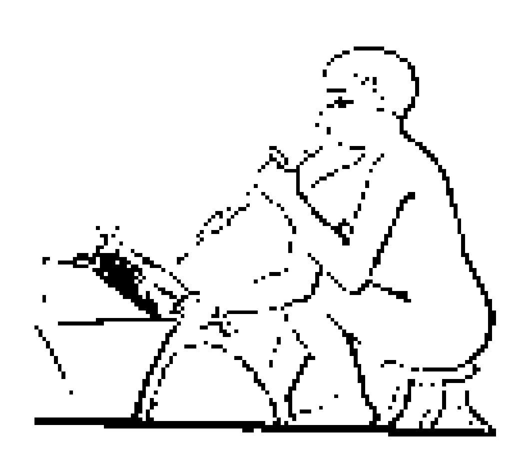
Сказка о фиванском царе Секененра и гиксосском царе Апепи затрагивала, по-видимому, весьма злободневные вопросы, хотя рассказывала о препирательстве между царями, существовавшими века тому назад. Образ гиксосского царя, чтившего Сета на севере и бросившего вызов Амону и югу, намекал, вероятно, на создание фараонами нового города Пер-Рамсес и почитание там бога Сета.

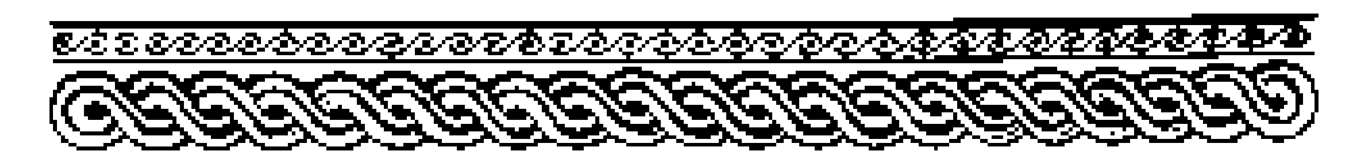
Если в этой сказке слышится недовольство Фив северной соперницей, то в другом, уже не сказочном, а песенном произведении, высекавшемся на стенах храмов и переписывавшемся в школах, — в песне о Кадешской битве сквозит зависть жречества к войску: воины Рамсеса II здесь — неблагодарные трусы, оставившие своего благодетеля одного среди врагов, тогда как Амон помнит о царских щедротах и вызволяет царя из беды.

От времени XIX династии дошёл до нас древнейший образчик «литературной критики» — длинное и язвительное послание к незадачливому сочинителю, осмеивающее его неопытность и незнакомство с описываемыми им Сирией и Палестиной.

В так называемом «мифе об Астарте» можно видеть указание на связи египетской художественной словесности времени Нового царства с финикийской, если только не прямое заимствование из неё.

От второй половины Нового царства осталось множество славословий — в честь тогдашних царей, богов, новой столицы, царской колесницы и т. д. Сохранилось также очень много поучений, преимущественно узко школьного назначения, славящих ремесло писца, как единственно свободное от тягот и бед. Среди всех этих сочинений одно произведение, одновременно хвалебное и наставительное, занимает особое место: пусть пропали надгробия мудрецов древности — их имена живут благодаря их книгам в памяти людей, говорится в этом сочинении. Книга писателя — это его пирамида.

ГЛАВА XIII
МАЛАЯ АЗИЯ В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА ХЕТТСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Судьбы Египетской державы Нового царства были теснейшим образом связаны с историей рабовладельческого государства хеттов, которое в первой половине II тысячелетия до н. э. сложилось в Малой Азии. У хеттов прежде других племён Малой Азии возникло рабовладельческое общество. Металлические (медные и бронзовые) орудия в начале II тысячелетия у хеттов уже преобладали; хотя скотоводство ещё играло важную роль в хозяйстве, но всё более развивалось земледелие, возникали оросительные системы. Хеттские племена рано вступили в общение с древними государствами Месопотамии.

Разгромив гиксосов, господствовавших в Палестине и Сирии, Египет завоевал обширные пространства в Передней Азии, что значительно изменило существовавшее здесь положение. Дойдя до пределов Малой Азии, египетские войска столкнулись здесь с силами недавно возникшего и крепнувшего Хеттского государства. Подчинив многие племена Малой Азии, хетты создали к этому времени могущественную державу. Началась длительная борьба между двумя державами за господство. В ходе этой борьбы развивались также и различного рода хозяйственные и политические связи между странами Передней Азии и Средиземноморья — связи более глубокие, чем когда-либо ранее. Это обстоятельство имело большое историческое значение.

1. Древнейшая история хеттов

Страна и древнейшее население

Страна, явившаяся ядром Хеттской державы, находится в восточной части центрального плато Малой Азии. Она в основном расположена по среднему течению реки Галис (ныне Кызыл-Ирмак, в Турции). Впоследствии, примерно с VI—V вв. до н. э., эта стране стала называться Каппадокией.

Эта страна представляет собой плато, окружённое горами, отделяющими его от Черного и Средиземного морей. Вследствие этого, несмотря на близость морей, климат здесь континентальный, атмосферных осадков выпадает немного. Для земледелия здесь по большей части необходимо искусственное орошение; но реки здесь несут мало воды и, в связи с узостью речных долин, для искусственного орошения использовать их трудно. Окрестные горы богаты камнем, лесом, а также рудами; местное население рано освоило плавку металлов.

Древнейшее известное нам население этой страны называло себя *хатти*. Изучение его языка привело исследователей к заключению, что это был не индоевропейский язык; наиболее часто высказывается предположение, что этот язык был родственен языкам современного Кавказа и Закавказья. Хатти были группой разрозненных, в основном скотоводческих племён, живших в конце III тысячелетия еще первобытно-общинным строем, хотя этот строй находился уже в стадии разложения. Ещё к началу II тысячелетия хатти серьёзно отставали по уровню своего общественно-экономического развития от рабовладельческих обществ, сложившихся в Двуречье и Египте.

Древнейшие сведения о хеттах

Страна Хатти была важным центром добычи металлов (особенно серебра), славилась продуктами животноводства (особенно шерстью). К тому же она находилась на путях от Чёрного моря к Средиземному и от Эгейского моря к Двуречью. Поэтому очень рано страна Хатти втягивается в торговлю и обмен, которые велись на обширной территории Передней Азии. Древнейшие известные нам факты истории этой страны связаны с её ролью в развитии обмена, хотя не он, конечно, определял хозяйственную жизнь её населения.

Вероятно, уже около середины III тысячелетия до н. э. в Малой Азии появляются аккадские купцы, которые, возможно, создавали здесь поселения, нечто вроде торговых колоний. В конце III тысячелетия до н. э. аккадских купцов вытесняют ассирийские; самые ранние известные нам факты обращения местных жителей в рабство связаны с ростовщической деятельностью в стране ассирийских купцов. Такая деятельность не могла быть успешной, если бы она в какой-то мере не поддерживалась местной племенной знатью, которая извлекала немалые выгоды от посреднической торговой деятельности ассирийских купцов; к этому времени племенная знать сама уже превращалась в знать рабовладельческую.

В первой половине II тысячелетия до н. э. торговые колонии ассирийских купцов, — в частности, в связи с усилением Митанни, — начинают хиреть. Ассирия в этот период временно слабеет и уже не может по-прежнему поддерживать свои торговые колонии в Малой Азии, да и торговля Двуречья перемещается к югу, к городам на побережье Средиземного моря; кроме того, крепнущая местная племенная знать, возможно, была уже способна в ряде случаев обходиться без посредничества ассирийцев.

Не позже начала II тысячелетия до н. э. восточную часть Малой Азии наводняют племена, говорившие, как это было доказано чешским учёным Б. Грозным, на языке индоевропейской семьи и, следовательно, этнически неоднородные с местным населением. Откуда они пришли в Малую Азию — с Балкан или из Северного Причерноморья (через Кавказ), — это пока ещё не выяснено. На основании письменных документов можно установить, что их язык назывался несийским, но завоёванную ими страну они по-прежнему именовали страной Хатти, а окружающие народы продолжали их называть хеттами. В научной литературе население, говорящее на несийском языке, принято называть хеттами; древнейшее же население страны Хатти (т. е. в сущности настоящих хеттов) называют обычно протохеттами. Несийский язык при скрещении с протохеттским выходил победителем повсюду, где носители этого языка оседали. Но и сам несийский язык в очень значительной степени обогатил свой словарный запас за счёт протохеттского языка.

Вместе с хеттами — носителями несийского языка — в Малую Азию продвинулись и другие племена, говорившие на языках индоевропейской семьи, но несколько отличных от несийского языка. Среди этих племён наиболее значительными были лувийские племена, осевшие в области к югу и юго-западу от основной территории расселения хеттов.

Образование хеттского племенного союза. Завоевательные походы хеттов

На рубеже XVIII и XVII вв. до н. э. в стране хеттов имелось несколько сильнейших племён, боровшихся между собой за гегемонию. Центрами общественной жизни и управления у этих племён были хорошо укреплённые населённые пункты, которые уже можно назвать городами. Наиболее важными из этих городов были Неса, Куссар и Цалпа. Очевидно, диалект области города Неса и лёг в основу хеттского языка. Эти города возглавлялись вождями, которые уже значительно выделились из массы рядовых общинников, поэтому некоторые учёные и считают их царями. В борьбе хеттских царьков за гегемонию успех сопутствовал Аните — правителю Куссара. Он разрушил город Хаттуса, оплот протохеттских племён, подчинил Несу и сделал её своей столицей.

Ещё более удачливым завоевателем был один из преемников Анитты — Табарна (Тлабарна), имя которого стало нарицательным в качестве титула главы Хеттского государства. Хеттские тексты начинают историю страны именно с его правления.

Табарна (Тлабарна), опираясь на силы племенного союза, подчинил различные территории восточной части Малой Азии. Его сын Хаттусили продолжал завоевания и направил свои походы в Сирию, против города Халпа (Алеппо), но после его смерти, согласно позднейшему источнику, восходящему ко времени царя Телепину, «рабы царевичей восстали, они начали их дома разрушать (?), своих господ предавать (?) и проливать их кровь». Надо полагать, что речь здесь идёт о восстании порабощённого населения покорённых областей, воспользовавшегося раздорами в среде знати хеттского племенного союза. Следует отметить, что текст подчёркивает сплочённость племенного союза, имевшую место как при Табарне, так и при Хаттусили: «... тогда его сыновья, его братья, его свойственники, его родственники и его воины (вокруг царя) были объединены». Поскольку источник отмечает восстание «рабов» против «царевичей», а не против «царя», то, по-видимому, речь идёт о периоде после смерти Хаттусили, когда вопрос о его преемнике ещё не был решён, что и привело к смутам в среде хеттских племён.

Опасность, вызванная восстанием в завоёванных областях, привела к дальнейшему усилению складывающейся царской власти. На царский престол вступил один из сыновей Хаттусили, по имени Мурсили. Источник отмечает, что вокруг него были собраны его сыновья, братья, свойственники, родственники и его воины. Восстание покорённых областей, по-видимому, побудило хеттскую знать к большей сплочённости. При Мурсили столица была переведена в Хаттусу, древний центр протохеттских племён, разрушенный в своё время Аниттой. Переводом столицы в Хаттусу Мурсили, очевидно, хотел подчеркнуть, что теперь завершилось объединение племён, носителей несийского языка, и протохеттских племён — коренного населения страны.

В полном соответствии с интересами знати, жаждавшей грабежа и наживы, опираясь на силы ещё более сплочённого объединения, Мурсили решил предпринять далёкие походы в области, лежавшие за пределами Малой Азии, — в Северную Сирию и вниз по Евфрату — в Вавилонию.

В это время в Передней Азии еще существовало обширное, но внутренне непрочное объединение гиксосов, которые в середине XVIII в. до н. э. подчинили себе северную часть Египта. Но в конце XVII в. до н. э. Южный Египет уже достиг значительных успехов в борьбе с гиксосами. По-видимому, под влиянием именно этих успехов египетского оружия Хаттусили, а затем и его сын Мурсили получили возможность направить свои походы в область города Халпы, который, как предполагают, являлся опорным пунктом гиксосов на севере. С другой стороны, походы хетт-

ских царей на Халпу, несомненно, должны были облегчить фараонам Египта XVII и XVIII династий окончательное изгнание гиксосов из долины Нила. О походе Мурсили на названный город хеттский источник повествует следующими краткими словами: «Он (т. е. Мурсили) пошёл на Халпу и разрушил Халпу и привёл пленных из Халпы и их имущество в Хаттусу». Взятие Халпы следует датировать примерно 1600 г. до н. э. Вскоре после этого в результате победы хеттского царя и побед египетского фараона Яхмеса I, основателя XVIII династии, непрочное военное объединение, созданное гиксосами, распалось.

После своей победы в Северной Сирии хетты предприняли поход против Вавилонского государства, которое в это время уже не могло оказать серьёзного сопротивления, будучи ослабленным внутренними смутами и непрерывными внешними войнами. Хеттский царь заручился союзом с хурритским государством Митанни, завладевшим — по-видимому, ещё в конце XVIII в. до н. э. — Северной Месопотамией. Опираясь на помощь своего союзника, Мурсили беспрепятственно достиг Вавилона и, разграбив знаменитый город, вернулся с богатой добычей в Хаттусу. Впоследствии, вероятно, в связи с вопросом о престолонаследии, Мурсили стал жертвой дворцового заговора, и после этого в течение ряда лет хеттское общество потрясают смуты и восстания.

2. Общественно-экономические отношения в Хеттской державе

Источники свидетельствуют о значительном развитии производительных сил в стране хеттов к XVI в. до н. э. Бронзовые орудия труда к тому времени уже решительно преобладали. Хотя скотоводство, возможно, продолжало преобладать в хозяйственной жизни страны, однако относительно развитым стало и земледелие причём, несмотря на неблагоприятные природные условия, зарождается и ирригационное земледелие. Возникают различные ремёсла, и достигает значительных размеров торговля.

Чрезвычайно обогащавшаяся во время успешных завоевательных походов хеттская знать приобретала в лице рабов, захваченных на войне, необходимую рабочую силу для организации крупных частных хозяйств на землях, ранее бывших племенной собственностью. Процесс приспособления классом рабовладельцев старой племенной организации к своим нуждам и формирования государства был длительным. После его завершения в период царствования Телепину, во второй половине XVI в. до н. э., и был составлен упоминавшийся нами древнейший хеттский исторический источник, описывавший события от времён Табарны (Тлабарны) до времени Телепину.

Для изучения общественных отношений у хеттов большое значение имеют несколько десятков тысяч клинописных документов, обнаруженных в государственном архиве хеттских царей, открытом при раскопках в Богазкёе (в современной Турции, недалеко от Анкары), где находилась столица Хеттской державы — Хаттуса. В этом архиве обнаружены анналы, судебники, договоры с другими государствами, дипломатическая переписка, хозяйственные документы и т. д.

Классовый характер Хеттского государства

Характерные особенности рабовладельческого Хеттского государства ярко отражаются в договорах хеттских царей с царями других государств. Так, крупнейший из правителей Хеттской державы, Суппилулиума, значительно расширивший победоносными походами границы своего государства на рубеже XV и XIV вв. до н. э., требовал от союзников помощи в том случае, если «царь страны Хатти выступит в поход для захвата добычи». Необходимо было избежать столкновений между союзниками при разделе добычи, и поэтому в письменных соглашениях тщательно разбирался вопрос, на какую часть военной добычи имело право каждое

из союзных войск. Так, например, город, принадлежавший одному из союзных государств, передавался после подавления восстания той из договаривавшихся сторон, которая им раньше владела. При совместных военных действиях против врагов, политически независимых от обоих союзных государств, договор устанавливал для каждой из сторон причитавшуюся ей часть добычи движимого имущества, а вопрос о владении захваченной территорией оставался временно открытым.

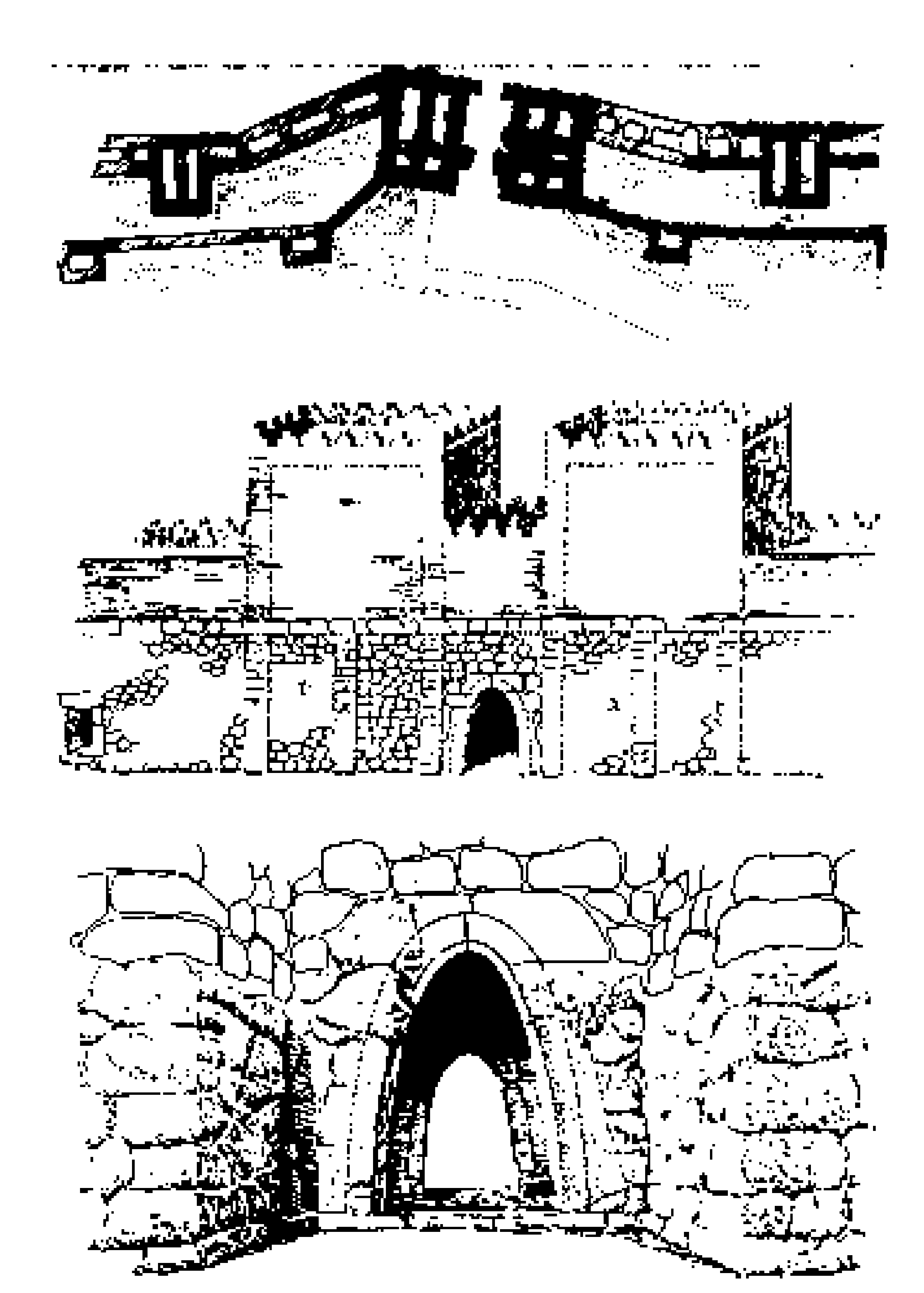
Столь детальная разработка вопроса о разделе военной добычи не может удивлять, поскольку войны Хеттского государства вызывались настойчивым стремлением захватить людей и скот. Многочисленные свидетельства хеттских текстов это подтверждают. Так, царь Мурсили II (около 1340 г. до н. э.) с гордостью сообщал в своих анналах о грабительских походах своего отца Суппилулиумы: «Когда мой отец был в стране Каркемиш, послал он Лупакки и Тесубцальма в страну Амка (область, примыкающую к Нижнему Оронту), и они пошли в поход, напали на страну Амка и привели добычу людьми, крупный и мелкий скот к моему отцу». Сам Мурсили II не отставал от своего отца в жадной погоне за «добычей людьми». Он сообщает в разделе своих анналов, посвящённом войне в стране Арцава (к югу от страны хеттов), о громадном количестве людей, захваченных здесь его войском: «Когда я всю страну Арцаву победил, что я Солнце (титул хеттского царя), добычей людьми в дом царя привёл, — это было всего 66000 людей добычи. То, что владыки (т. е. знать), войска, колесничие из Хаттусы привели в качестве добычи людьми, крупного и мелкого скота, нельзя было сосчитать». Сообщениями о числе захваченных людей и об отправке их в Хаттусу пестрят анналы Мурсили II. Охота за людьми оставалась основным стимулом войны до конца существования Хеттской державы.

Тотчас же после победы над врагами начиналась охота за людьми. Остатки разгромлённого войска, а также население вражеской страны загонялись в горы, чтобы заставить их вследствие недостатка пищи и питья сдаться на милость победителя. Враги — другие рабовладельческие государства, — конечно, платили тем же и в случае победы угоняли на чужбину жителей страны хеттов. Хеттские цари заставляли побежденных врагов выдавать им пленных хеттов, которых они затем возвращали на старые пепелища. В договорах хеттских царей с соседними государствами всегда предусматривалась взаимная выдача беглых пленных.

Развитие рабовладельческих отношений

Шумерский термин *нам-ра,* встречающийся в хеттских документах, мы можем перевести словом «пленный», хотя для обозначения военнопленных хеттские писцы имели ещё и особый несийский термин — «схваченные» *(аппантес).* Различие между ними сводилось, вероятно, к тому, что «схваченные» являлись врагами, пленёнными на поле сражения, а термин «нам-ра» относился к населению вражеской страны, уведённому хеттами в результате победоносной войны. В дальнейшем «схваченные» вливались в общую массу нам-ра. Эти последние по сути дела отождествлялись с классом рабов. В одном из текстов дано следующее описание благосостояния всего населения страны хеттов: «...люди и скот умножались, и пленные из страны врага были в хорошем состоянии, ничто не погибало». «Схваченные» здесь, по-видимому, включены в общую массу пленных. Пленные выступают в этом тексте в виде особой категории населения страны хеттов и упоминаются вслед за скотом. Что это за категория? Рабы в тексте не упоминаются, хотя, несомненно, составитель текста имел своей задачей описать благополучие всего населения страны хеттов. В других хеттских текстах свободные обычно противопоставляются не пленным, а рабам. Мы имеем в данном случае полное основание для отождествления пленных с рабами. Нет никакого сомнения, что громадное большинство рабов в хеттском обществе состояло именно из пленных чужеземцев.

Часть из этих пленных, а именно те, которые были захвачены царём, т. е. хеттским войском, использовались для работ на царских землях — на полях, в садах и виноградниках, а также на пастбищах. Царь снабжал пленными также и хозяйства

Ворота и оборонительные сооружения столицы Хеттской державы. Хаттусы:
вверху — план, в центре — вид изнутри (реконструкция), внизу — вид снаружи. XIII в. до н. э

храмов; храмовые хозяйства, правда, велись в Хеттском государстве самостоятельно, но пребывали под постоянной охраной царя, защищавшего их от посягательств со стороны окружающего населения, когда оно стремилось воспользоваться «хорошей жатвой бога». Царь предоставлял пленных городам и общинам, которые являлись основой военной организации Хеттского государства, поскольку значительная часть свободного населения служила в качестве воинов.

Наряду с царскими пленными имелись и пленные, которые являлись собственностью частных лиц. Согласно свидетельству одного из вышеприведённых текстов, участниками в дележе пленных выступали «владыки, войска и колесничие из Хаттусы». «Владыки», т. е. высшая знать в Хеттском государстве, а также рядовые воины получали «пленных» в собственность и могли ими безоговорочно распоряжаться. По сравнению с большим количеством рабов из пленных число купленных рабов, вероятно, было незначительным.

Следует, конечно, сказать, что не все пленные без исключения становились рабами. Некоторая часть из них, наиболее пригодная для военного дела, сажалась царём на военные наделы, чтобы пополнить поредевшие ряды воинов-хеттов.

Наряду с обращёнными в рабство пленными и купленными рабами хеттское общество знало и долговое рабство. Оно усиливалось в годы голода, когда «отец продавал сына за серебро», да и сам глава семейства мог попасть в голодный год в положение раба-должника в хозяйстве того, кто ему, как говорят тексты, «давал жить».

Государственный строй

После смерти Мурсили I, ставшего жертвой дворцового заговора, наступило, согласно вышеупомянутому тексту царя Телепину, время смут и волнений, продолжавшихся не один десяток лет. Тогда отдельные покорённые области стремились снова добиться самостоятельности, пользуясь раздорами в царском роде. Придворные перевороты, заливавшие кровью царский дворец, послужили царю Телепину основанием для тех реформ, которые были увековечены в указе царя. Следующими яркими словами Телепину характеризует положение, создавшееся в результате длительных дворцовых смут: «Теперь кровопролитие стало обычным в царской семье, и Истапарни, царица, умерла и затем Аммуна, царевич, умер. Теперь боги и люди объявили: «Смотри же! В Хаттусе кровопролитие стало обычным». Теперь я, Телепину, созвал тулию (совет) в Хаттусе. С настоящего времени никто не сделает вреда члену (царской) семьи и не ударит его кинжалом».

Приведённые слова Телепину являются введением к указу о его реформах в вопросе о престолонаследии и в вопросе об установлении прав знати по отношению к царю. Согласно новому закону Телепину право на престол сохранялось за прямым потомством царя, т. е. не за родом царя, а за его семьёй. Царский указ устанавливал, что преемником царя должен быть старший сын царя от первой, т. е. полноправной, жены. В случае отсутствия такового, царём становился царевич «второй по порядку», или «второй ступени», т. е., возможно, сын от наложницы. Если же не имелось налицо мужского потомства, то власть передавалась мужу «первой» царевны, т. е. дочери от первой жены царя.

Закон о престолонаследии был проведён царём в *тулии* (совете), государственном учреждении, в состав которого входили сыновья царя, его родственники, свойственники, высшая племенная знать, высшая придворная знать и начальник телохранителей. Этот закон укрепил царскую власть, ограничив престолонаследие лишь пределами семьи царя, но вместе с тем сохранял большое значение тулии. Так, царь не имел права казнить ни одного из своих братьев и сестёр без согласия на то тулии. Царь, казнивший кого-либо из них самовольно, отвечал за это своей головой, и его могли казнить на основании решения тулии. В случае подтверждения тулией виновности одного из царевичей царь получал право его казнить, но не имел права причинять зло его семье и конфисковать его дома, поля, виноградники, рабов, скот и т. д. Всё имущество казнённого наследовала его семья.

Наряду с тулией продолжал существовать и древний *панк* («толпа»), т. е. собрание воинов. Но в его состав входили теперь не все воины, а лишь привилегированная их часть — телохранители царя и начальники тысяч — наряду со знатью, входившей, кроме того, и в тулию. Подобно народному собранию времени племенной демократии, реформированный панк являлся во время войны высшим органом власти, который имел право требовать от царя, чтобы он «притеснял» врагов, а не прощал их. В мирное время «толпа» имела право «свободно говорить» о преступлениях царя, которые, правда, карались уже по решению тулии. Наказание виновного члена панка было правом этого собрания: «... если кто-нибудь злое сделает, либо отец дома, либо начальник слуг дворца, либо начальник виночерпиев, либо начальник телохранителей, либо начальник знатных тысячников... и вы — панк — захватите его и предайте наказанию», — говорится в указе царя.

Указ царя Телепину свидетельствует о том, что власть хеттских царей не была деспотической, в отличие от власти царей Шумера и Аккада и фараонов Египта. В силу исторических условий Хеттская держава представляла собой объединение мелких царств, управлявшихся частью родственниками хеттского царя, частью представителями местных царских родов.

Хеттские законы

Важнейшим источником для определения общественных отношений в Хеттском государстве являются законы хеттских царей, ставшие известными историкам на несколько десятилетий позже, нежели законы царя Хаммурапи. В богатой сокровищнице богазкёйского архива едва ли не самыми ценными текстами являются две большие, правда, несколько повреждённые, клинописные таблицы, сохранившие часть законов хеттских царей. Благодаря ряду имеющихся фрагментов параллельных текстов содержание таблиц, в особенности одной из них, было почти полностью восстановлено. Эту таблицу можно датировать примерно концом XIV в., а другую — первой половиной XIII в. до н. э.

Законоположения, выписанные в первой таблице, позже подвергшиеся переработке, трактуют вопросы уголовного права (убийство, преступления против личности, кража скота, кража в домах и закромах, поджоги закромов, бегство и укрывательство рабов, похищение рабов и свободных), семейного права, положения воинов и т. д. Что касается второй таблицы, то она производит впечатление беспорядочной выписки самых разнообразных дополнительных положений с прибавлением обширного тарифа цен на различные товары. К некоторым статьям, выписанным в первой таблице, писец добавлял замечания о том, что внесло новое законодательство в старое право.

Сравнивая хеттские законы, насколько они нам известны по данным табличек богазкёйского архива, с законами Хаммурапи, можно заметить несколько большую детализацию права в хеттских памятниках. Так, например, кражи различных видов скота трактуются, в противоположность законам Хаммурапи, в различных частях хеттского сборника весьма подробно, что, пожалуй, и неудивительно в обществе, в котором скотоводство играло ещё и в это время значительную роль. В других случаях следует искать причину большей детализации законодательства хеттских царей в большей сложности социально-экономических условий Хеттской державы, объединившей в XIV в. до н. э. на сравнительно долгий срок обширную территорию. В одном отношении хеттское право было значительно более совершенным, нежели законы Хаммурапи, а именно в отношении кары за убийство. Хеттский законодатель принимал во внимание наличие злого умысла или отсутствие его у виновного: умышленное убийство каралось двойным штрафом по сравнению со штрафом за такое убийство, когда «грешит лишь рука» убийцы. В позднейшей переработке первой таблицы в случаях убийства купца предусматривались три возможные причины преступления: убийство купца с целью грабежа, убийство из мести, а не из корысти и, наконец, убийство по неосторожности. Что же касается законов Хаммурапи, то в них лишь в малой степени учитывалась злая воля.

Положение рабов

При поверхностном изучении хеттских законов обращает на себя внимание, казалось бы, большая мягкость наказаний, которые устанавливали эти законы по сравнению с законами шумеров, вавилонян, ассирийцев, евреев, египтян. Однако следует подчеркнуть, что эта «гуманность» хеттских законов является лишь кажущейся, так как законы были мягкими только по отношению к свободным, но они были чрезвычайно жестокими по отношению к рабам.

Глиняная таблица с текстом хеттских законов. Найдена в Богазкёе.

Действительно, за кражу свободный человек должен был платить лишь штраф в 12 сиклей, заменивший штраф в 1 мину (60 сиклей или около 0,5 кг серебра), установленный более древним законодательством. Раб за то же преступление платил меньший штраф, который вносил, конечно, не он сам, а его хозяин, но зато раб карался отрезанием ушей и носа. В случае поджога свободный должен был лишь снова построить дом, но «если раб поджигает дом и если (даже) хозяин его возместит убыток, то (всё же) рабу отрезают нос и уши и передают его хозяину». Подобная же дифференциация в наложении кары по отношению к свободным и рабам имеется и в статье, связанной с суеверным представлением о магическом злоупотреблении чьим-либо именем с целью причинить вред: «...если свободный человек убьёт змею и назовёт при этом имя кого-либо, то он должен уплатить за это мину серебра; если же это сделал раб, то он должен за это умереть». Вообще через все законы хеттских царей проходит красной нитью противопоставление раба свободному человеку, называемому или просто «мужем», или же «мужем чистым».

По отношению к непокорным рабам хеттские законы были значительно более жестокими, нежели законы Хаммурапи, поскольку за сопротивление своему господину хеттский раб предавался мучительной смерти, а вавилонский раб подвергался лишь отрезанию уха.

Возможность брака раба со свободной женщиной была ограниченной: наряду с двумя статьями, допускавшими брак между свободной женщиной и рабом, мы имеем две статьи, которые должны были препятствовать сожительству свободной женщины с рабом. Рабы, от сожительства с которыми хеттские законы стремились удержать свободных женщин, были, конечно, не рядовыми рабами, а рабами, занимавшими привилегированное положение, подобно «рабу сокровищницы» или «рабу престолонаследника». Что же касается большинства рабов, то они, конечно, не могли заплатить требовавшуюся «цену жены», так как не владели ценным имуществом.

Что рабы были лишены средств производства, засвидетельствовано несколькими документами. Один из них говорит о положении рабов в хозяйстве крупного рабовладельца. Это царская дарственная грамота на рабов, скот и земли конца XIII в. до н. э., данная одной из дворцовых женщин высокого ранга. Здесь за перечислением общего количества рабов по полу, возрасту и профессии следует перечисление скота: «10 голов крупного скота челяди, 10 голов крупного скота дома повинности царю, 105 овец, 2 лошади, 3 мула». Первый пункт в перечислении даёт основание думать, что рабам в большом имении могло принадлежать некоторое количество скота, который, однако, включался в состав собственности рабовладельца. Перечисление скота сменяется перечислением земельных участков, но здесь нет указаний на то, чтобы часть земельных участков принадлежала рабам. Основная масса скота, а также вся земля находились в непосредственном владении землевладельца и рабовладельца. В маленьких же хозяйствах, на наделах тяжеловооружённых воинов, рабы не владели и скотом, как об этом свидетельствует одна из статей законов: «...если воин и его оруженосец вели совместное хозяйство и разъединяются и разделяют свой дом, то воин может, если их хозяйству принадлежит 10 голов (т. е. рабов), взять 7 голов, а 3 головы может взять оруженосец. Крупный и мелкий скот они делят так же». О скоте рабов здесь нет речи, хотя упоминание его было бы весьма естественным при подобном дележе. В пользу того, что раб, как общее правило, был лишён имущества, говорят и статьи законов, посвящённые карам рабов за их преступления, поскольку они свидетельствуют об ответственности рабовладельца за убытки, нанесённые его рабом.

Следует добавить, что если хеттские законы были жестокими в отношении рабов-военнопленных, то они не были мягкими и по отношению к тем свободным, которые попадали в положение рабов-должников. Хеттские законы не содержат оговорок, которые имеются в аналогичном случае в памятниках ассирийского права, о хорошем обращении с такими бедняками.

Положение знати

Новое законодательство хеттских царей требовало уплаты пени не только в случае увечья, но и в случае убийства. За преднамеренное убийство виновный должен был отдать семье убитого 4 рабов, а за убийство по неосторожности — 2 рабов, а по более позднему дополнению к законам — убийца платил серебром. Рабовладельческая знать, имущественно наиболее мощная и склонная к насилиям в отношении экономически слабых слоев общества, могла тем самым оставаться почти безнаказанной за совершаемые ею преступления. Крупные рабовладельцы могли, не боясь угрозы применения к ним принципа «око за око, зуб за зуб» и права кровной мести, расправляться со всеми неугодными им лицами. Некоторые представители хеттской знати, как нам известно, имели до сотни и больше рабов, а поэтому им ничего не стоило отдать за убийство своего врага 2 или 4 рабов, а за телесное повреждение — некоторую сумму серебра.

Хеттское законодательство давало возможность знати не только расправляться со своими врагами из среды мелких рабовладельцев, но также и расширять, по существу безнаказанно, своё рабовладельческое хозяйство за счёт хозяйства тех же мелких рабовладельцев. Так, хеттские законы карали лицо, укравшее раба, не смертью, а одним лишь денежным штрафом. За укрывательство беглого или украденного раба хеттское законодательство также налагало один лишь денежный штраф, хотя и весьма значительный. Законы же Хаммурапи, как было указано выше, устанавливали и за кражу раба и за его укрывательство смертную казнь, а не пеню. Последняя, конечно, не могла удержать крупного рабовладельца от соблазна усилить своё хозяйство включением в него беглых рабов. Следовательно, отсутствие в хеттских законах угрозы смертной казнью за кражу и укрывательство рабов следует сопоставить с отказом тех же законов от принципа «око за око, зуб за зуб» и права кровной мести. Это явления одного и того же порядка, свидетельствующие о господстве в Хеттском государстве крупной рабовладельческой знати.

Авторитет суда представителей знати утверждался хеттскими законами в той же мере, как и суд самого царя. Лицо, позволившее себе издеваться над судом царя, уничтожалось вместе со всей семьёй, а виновнику в непризнании суда сановника рубили голову.

Сельская община. Положение трудового населения

Основная масса свободного населения, была организована в общины, по-видимому уже сельские, а не родовые. Назывались эти общины в хеттских документах термином, означающим и большой город и небольшое селение. В состав территорий сельских общин входили поля «человека оружия». Документы отмечают и наличие полей «человека повинности», т. е., по-видимому, тех лиц, которые вели хозяйство на царской земле. Повинности, выполняемые свободными, назывались *саххан* и *луцци*. Совокупность работ, требовавшихся повинностью саххан и повинностью луцци, обнимала собой, согласно свидетельству одного из источников, мотыжение, пахоту, доставку телег, колёс, топлива, зерна, соломы, шерсти, мелкого скота, кормление гонцов, а также работы на начальника области, начальника пограничного округа, начальника города, строительные работы, предоставление тягловых лошадей.

Некоторая часть полей «человека повинности» была предоставлена гражданским чиновникам, но число подобных наделов было, несомненно, очень незначительным, поскольку в Хеттском государстве почти все должности государственного аппарата были тесно связаны с военной организацией.

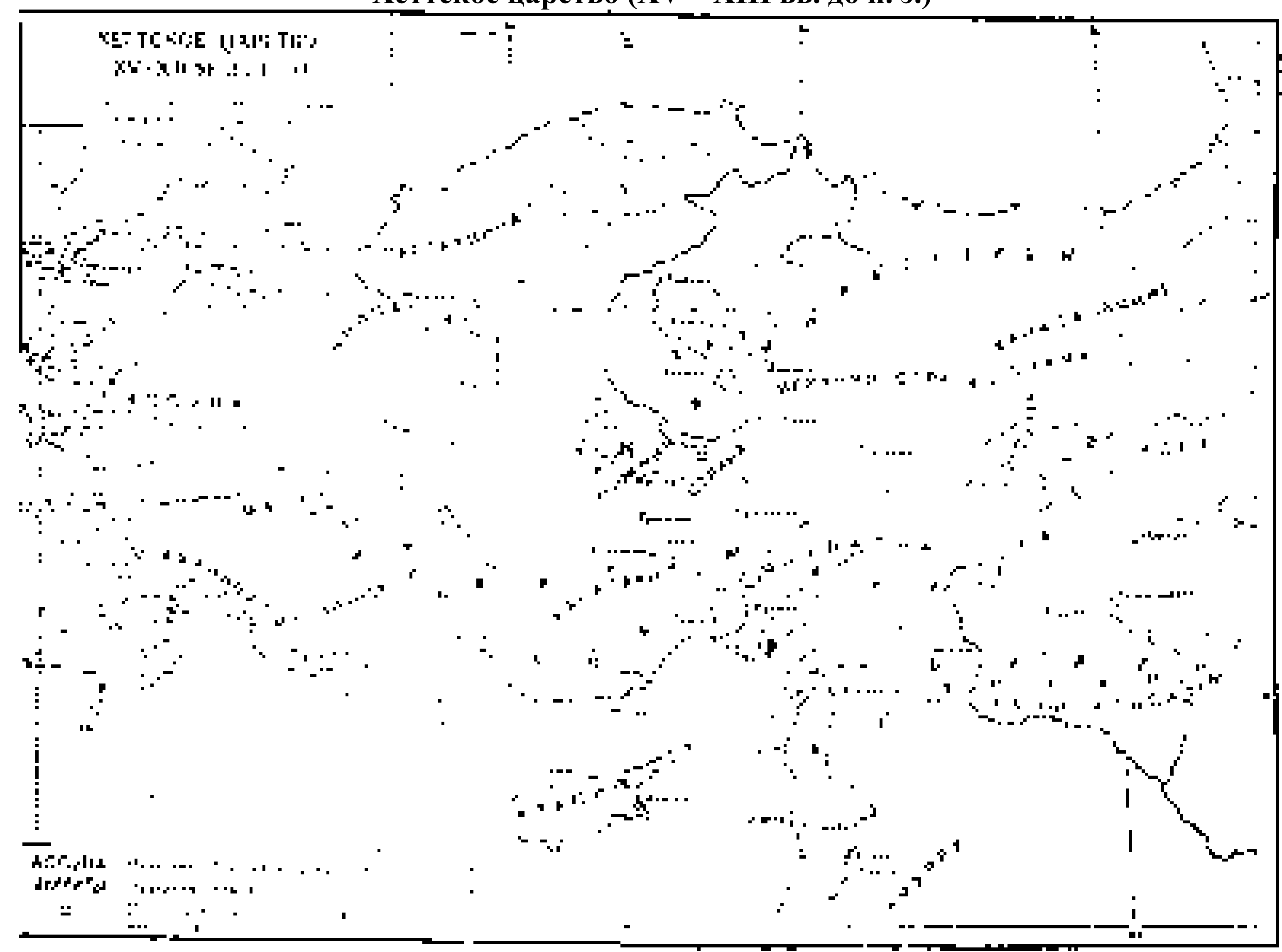
В договорах хеттских царей с союзными или с подчинёнными им государствами неоднократно встречается следующее условие: «Если из страны (такой-то) бежит какой-нибудь свободный человек в страну Хатти, то я тебе его не выдам, ибо выдавать беглеца из страны Хатти нехорошо. Если же это пахарь или ткач, плотник, кожевник или какой-нибудь ремесленник и он не захочет работать и станет беглым и придёт в страну Хатти, то я его схвачу и выдам тебе». В такого рода документах противопоставление свободного некоторым категориям тружеников, бывших, видимо, несвободными, обнаруживается вполне отчётливо.

Хотя торговля играла немалую роль в Хеттском государстве, но купец в общественном отношении стоял не выше ремесленника. По крайней море убивший купца по неосторожности уплачивал ту же пеню, что и виновный в убийстве раба по неосторожности.

Хеттские войско

Хеттское государство располагало значительным постоянным войском, в состав которого входили как колесничие, так и тяжеловооружённые пешие воины; их наделы в сельских общинах были обеспечены достаточным количеством рабов, и они, поэтому могли на длительное время отрываться от своего хозяйства. Все боеспособные представители знати входили в состав отрядов колесничих. Знать тем самым ещё более укрепляла своё положение, поскольку колесницы были основной ударной силой в войсках того времени. Хеттами применялись боевые колесницы большой мощи, хотя и меньшей манёвренности, нежели колесницы, которыми располагали враждебные армии, как, например, войско египетского царя. Хетты ввели колесницы с экипажем из трёх лиц (бойца, его оруженосца и возницы), а не из двух (бойца и возницы). Таким образом, боец на хеттской колеснице охранялся от стрел и дротиков своим оруженосцем. Поскольку колесничие решали исход сражения, то и львиная доля добычи людьми, скотом и прочим имуществом доставалась им. Менее значительной была боевая сила хеттской пехоты. Хеттские цари укрепляли своё войско ещё вспомогательными отрядами, которые предоставлялись союзными и зависимыми государствами и племенами.

Хеттское царство (XV—XIII вв. до н. э.)

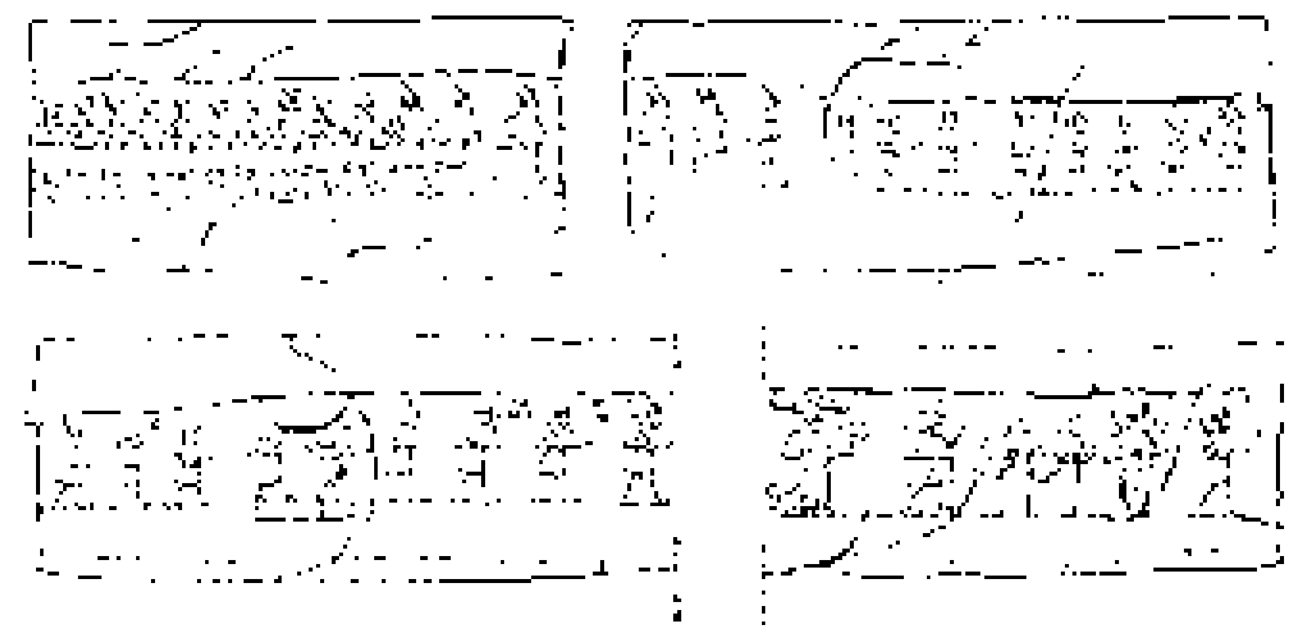

3. Хеттская держава в XV—XIII вв. до н. э.

Опираясь на свою военную организацию. Хеттская держава вела непрерывные войны в течение двух с половиной веков, начиная со второй половины XV в. и до конца XIII в. до н. э.

Войны с Митанни и Египтом

Основным врагом хеттов в XV в. было государство Митанни в Северной Месопотамии, войны с которым начались ещё раньше. Войны эти были для обеих сторон тяжёлыми и изнурительными, ни одной из сторон долго не удавалось добиться решительного успеха. Постепенно превосходство, однако, переходит к хеттам, поскольку митаннийцам приходилось воевать и с Египтом.

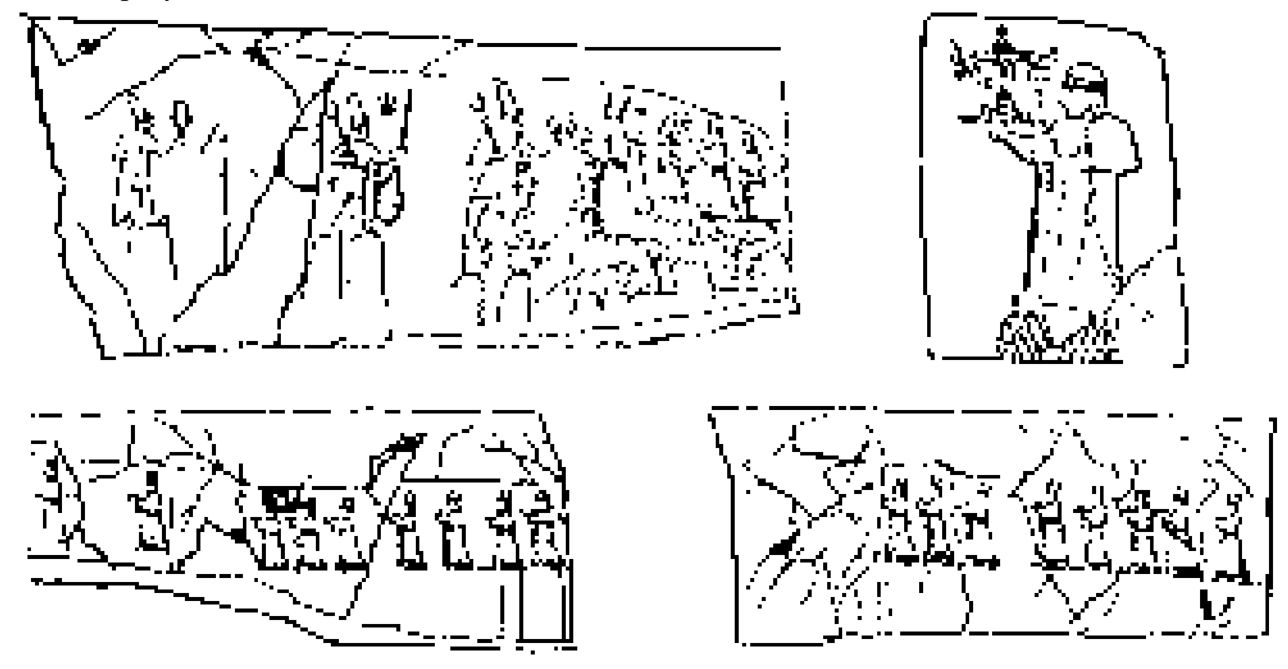

Процессия хеттских богов и жрецов. Наскальные рельефы Язылы-Кая XIV—XIII вв. до н. э.

Хеттский царь Суппилулиума, правивший ряд десятилетий, начиная с конца XV в. до н. э., используя дворцовые перевороты и смуты в Митаннийском государстве, смог вести столь удачные войны, что захватил большую часть территории Митанни. Он превратил эту недавно ещё мощную державу в подвластное ему государство, царём которого был его же, Суппилулиумы, ставленник. После решительной победы Суппилулиумы над Митаннийской державой для хеттского наступления на юг серьёзного противника уже не было, так как внутренняя обстановка, сложившаяся в Египте в результате мероприятий фараона Эхнатона, ограничивала возможность проведения прежней египетской военной политики.

В это время Хеттское государство и вступило в борьбу с Египтом за обладание Сирией. Союзниками Суппилулиумы явились степные племена *хапиру,* которые в это время повели наступление на плодородные земли Сирии и Палестины. Войскам Суппилулиумы противостояли лишь отдельные небольшие государства Сирии и Палестины, почти не поддерживаемые ни одним из крупных государств. Хеттские войска совместно с хапиру завоёвывали город за городом в Сирии и Финикии. Тщетно местные царьки и даже правитель Кипра предостерегали фараона от хеттской опасности: Эхнатон, целиком занятый проведением своих реформ и преодолением сопротивления, оказываемого ему внутри Египта, или не присылал войска, или присылал помощь явно недостаточную. Поэтому хетты и их союзники продвигались всё дальше на юг, урезывая египетские владения в Азии.

После смерти Эхнатона наступил даже момент, когда казалось, что Хеттская держава подчинит себе и Египет. Царица Египта (вдова Тутанхамона), опасаясь смут, обратилась к Суппилулиуме с просьбой о присылке сына его, чтобы последний стал её мужем и тем самым царём Египта. Хеттский царь после повторной просьбы царицы Египта послал своего сына в Египет, но он погиб, как уже говорилось, в результате организованного египетской знатью заговора. Это привело к новой кровопролитной войне между обоими государствами, причём с явным перевесом в пользу хеттов. Но египетские пленные, захваченные в этой войне, занесли в страну хеттов эпидемическую болезнь, свирепствовавшую в то время в долине Нила. В результате

Процессия хеттских богов и жрецов. Наскальные рельефы Язылы-Кая XIV—XIII вв. до н. э.

убыли населения Суппилулиума уже не был в состоянии в последние годы своего правления вести войну столь энергично, как раньше.

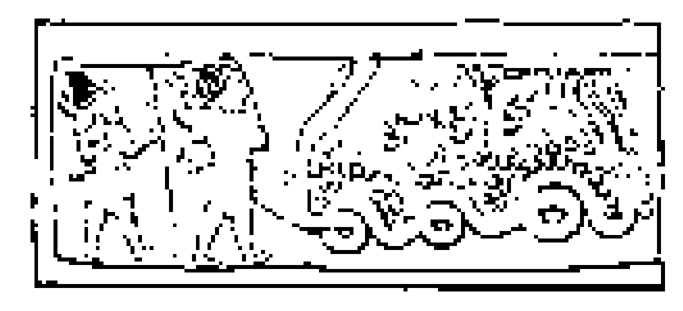
Война возобновилась с прежней силой при его сыне Мурсили II (около 1360—1330). Своими непрерывными походами, направленными против восставших областей и против врагов, угрожавших границам Хеттского государства, Мурсили II пытался сохранить единство обширной державы, созданной при его отце. В это время Египет уже стал оправляться от внутренних потрясений. На путь завоеваний начала становиться Ассирия, превратившаяся теперь в опасного противника. На северо-востоке усилился напор каскейских (возможно, абхазо-черкесских) племён. Война с Египтом шла некоторое время с переменным успехом. Самым известным событием этой войны была знаменитая битва при Кадеше (1312 г. до н. э.) между войсками хеттского царя Муватталлу и фараона Рамсеса II, в которой хеттский царь, являвшийся искусным полководцем, не был, однако, в состоянии довести свой первоначальный успех до победы. По-видимому, не доверяя своей пехоте, противостоявшей колесничим, происходившим преимущественно из знати, Муватталлу не решился кинуть её в бой. Этим он выпустил из своих рук победу. После битвы при Кадеше, для которой хетты собрали все силы, какими они располагали, начинается постепенное ослабление Хеттской державы. Впрочем, и египтяне никак не могли добиться решительного успеха, вследствие всеобщей враждебности к ним населения Сирии.

Хеттский царь Хаттусили III был вынужден (по принятой советскими учёными хронологии — в 1295 г. до н. э.) заключить с Рамсесом II мир. Иероглифическая копия мирного договора была увековечена на стенах египетского храма. Клинописных копий договора известно несколько (часть одной из них хранится в СССР, в Государственном Эрмитаже). Рамсес II согласился заключить мир на условиях, вполне приемлемых для Хеттского государства, удержавшего за собой основную часть Сирии. Заключение мира, возможно, было ускорено угрозой, возникшей для воюющих государств со стороны усилившейся в это время Ассирии. Мир между обеими державами был закреплён бракосочетанием Рамсеса II с дочерью хеттского царя.

Хеттское государство продолжало быстро слабеть. Как кажется, оно вело непосильную борьбу с восстаниями народных масс и рабов, восстаниями, порождёнными хозяйничанием рабовладельческой знати. Слабеющее государство подвергалось постоянным нападениям своих соседей на юго-востоке, на севере и западе. Оно было вынуждено теперь искать постоянной помощи у Египта и в виде вооружённой силы и в виде поставок зерна.

Хеттская культура

Хетты так и не создали своей письменности. Они переняли из Северной Сирии или Северной Месопотамии вавилонскую клинопись. Родственное хеттам-несийцам земледельческое население, жившее по соседству с ними, южнее и юго-восточнее (среди них были, возможно, и лувийцы), создало — может быть, под некоторым влиянием египетского иероглифического письма — собственное иероглифическое письмо. Последнее было воспринято и хеттами, но оно использовалось ими почти исключительно как монументальное и декоративное письмо, для написания же документов и литературных текстов применялась одна лишь клинопись. Вместе с тем хетты восприняли также богатую религиозную литературу Вавилонии, начиная с мифов и кончая текстами магического содержания, предсказаниями и заклинаниями. Восприятие элементов вавилонской религии привело к увеличению и без того многочисленного хеттского пантеона богов и к чрезвычайному многообразию верований, бывшему следствием сложности и пестроты этнического состава населения Хеттской державы и зависимых от неё стран.

Дракон Иллуянка.
Рельеф.

Многообразие напластований в религиозном мировоззрении хеттов нашло своё отражение в мифах о боге бури и о драконе Иллуянке, в образе которого причудливо переплелись религиозные представления древнейшего населения Малой Азии, племен, говоривших на языках, принадлежавших индоевропейской семье, и, наконец, хурритов и вавилонян.

Хеттские писцы нередко упоминают имена авторов произведений. Наряду с именами составителей мифологических, ритуальных и магических текстов стало известным и имя автора большого учебника об уходе за лошадьми и о применении их (Киккули). Своим включением в царский архив этот учебник, заимствованный у митаннийцев, был обязан, очевидно, той громадной роли, которую играли колесницы в хеттском войске.

В богазкёйском архиве оказались фрагменты эпоса о герое, имя которого Гисгиммас. Изучение фрагментов показало, что этот эпос являлся по существу пересказом мотивов и сюжетов великого памятника народного творчества Шумера и Аккада — эпоса о Гильгамеше. Даже имя шумерского героя сохранилось, хотя оно было изменено на хеттский лад.

Астрономические, исторические и словарные тексты, дошедшие из богазкёйского архива, свидетельствуют о зависимости их от соответствующих вавилонских текстов.

Что касается хеттского изобразительного искусства, его оригинальной чертой была самобытная монументальность. Она нашла своё выражение в знаменитых рельефах, изваянных вблизи Богазкёя на группе скал, названных нынешним местным турецким населением Язылы-Кая, т. е. «надписанной скалой», «скалой с изображениями». На них изображены десятки божеств, принимающих участие в священных процессиях. На хеттское искусство оказало влияние хурритское, а через него и вавилонское искусство.

Заслуживает внимания архитектура столицы Хеттской державы — Хаттусы, раскопанной на месте Богазкёя. Город был окружён каменными стенами циклопической кладки, которые вместе с монументальными башнями превращали его в мощную крепость. Для устрашения наступавшего врага в воротах города стояли по две колоссальные статуи львов. Стены дворцов украшались изнутри каменными плитами.

Хеттская культура имела большое историческое значение, поскольку хетты и воспринявшие их наследие народы Малой Азии более позднего времени являлись важнейшими посредниками, передававшими достижения вавилонской культуры народам тогдашней Европы.

4. Западная Малая Азия и падение Хеттской державы

Западная Малая Азия

Войны, которые вело Хеттское государство, происходили не только на территории Сирии. Постепенно оно распространило своё господство и на западную часть Малой Азии, вплоть до области Ассува, — по-видимому, с центром в долине реки Герма, где впоследствии была расположена Лидия. (Греки называли эти области Малой Азии «Асиа», откуда произошло наше слово «Азия».)

В хеттских документах упоминается и царство Аххиява, — возможно, одно из ахейских государств, расположенное, как предполагают, или в юго-западной части Малой Азии, или на острове Родос (ахейцами называлось древнее греческое население южной части Балканского полуострова, а также многих островов Эгейского моря и части Малой Азии). Хетты находились с Аххиявой то во враждебных, то в договорных отношениях.

Можно считать твердо установленным, что Хеттская держава была тесно связана на всём протяжении своей истории с эгейским миром. Она была важным звеном в культурной взаимосвязи народов Европы и Азии. Есть основания, позволяющие утверждать, что существовали тесные связи между Хеттским государством и Троей — городом, хорошо нам известным по данным древнегреческого эпоса и археологическим исследованиям. Племена, населявшие Троянскую область, греческий эпос называет дарданянами. По некоторым данным можно предполагать, что дарданяне в качестве союзников хеттов участвовали в их войнах с Египтом.

Поэтические рассказы греков о событиях, на фоне которых развёртывается повествование о Троянской войне и возвращении на родину её участников, конечно, в значительной степени являются продуктом народной фантазии. Однако в основе их, вероятно, лежат исторические воспоминания греков об их походах в Малую Азию и к проливам.

Изучение материала раскопок Трои (ныне холм Гиссарлык) позволяет наметить в общих чертах её историю. Расположенный на малоазийском побережье почти у самого входа в Дарданельский пролив холм был заселён с начала III тысячелетия дон. э. На холме были обнаружены следы по крайней мере 9 различных сменявших друг друга поселений. Ещё в III тысячелетии в центре так называемой Трои III было обширное строение, в котором при раскопках найдено большое количество золотых изделий. На протяжении III тысячелетия до н. э. Троя разрушалась не менее четырёх раз, причём в четвёртый раз (в конце III тысячелетия) город пострадал от

Остатки крепостных стен Трои.
XIII в. до н. э.

пожара. Предполагается, что до времени это разрушение совпало с появлением в Малой Азии племён, создавших позднее Хеттскую державу. Среди поселений, датируемых II тысячелетием до н. э., наиболее изучена так называемая Троя VI, существовавшая примерно между XVII и XIV вв. до н. э. Троя VI была цветущим городом, защищённым мощной стеной из известняка с башнями. В городе было много больших домов, возведённых на специально насыпанной земляной платформе. Троя VI была разрушена землетрясением, но вскоре на том же холме возникло новое поселение, так называемая Троя VIIa. Это поселение было разрушено в результате пожара в самом начале XII в., после чего оно возродилось уже в виде небольшого и значительно более бедного посёлка. По-видимому, эти отразившиеся в археологическом материале события и сохранились в памяти греков в виде сказаний о Троянской войне, которую вёл союз ахейских государств и племён под предводительством Агамемнона, царя Микен, а Троя VIIa является остатками города Трои, упоминаемого в гомеровских поэмах, как разрушенного и сожжённого ахейцами.

Отношения между Хеттской державой и разрозненными племенами западной части Малой Азии не были равноправными. Но когда в XIII в. до н. э. Хеттская держава, истощённая постоянными войнами, а также раздираемая внутренними противоречиями, значительно ослабела и оказалась не в состоянии держать эти племена в подчинении, они добились независимости и даже стали сами нападать на хеттов.

« Народы моря». Падение Хеттской державы

В конце XIII в. до н. э. различные малоазийские племена, в число которых входили и племена аххиява, образовали мощный союз, к которому примкнули многие жители области Эгейского моря. Этот союз оказался столь хорошо организованным, что поход его (или ряд походов) против хеттов, по данным египетских источников, увенчался полным успехом и сокрушил Хеттскую державу. Возможно, что по-

ход греков-ахейцев под Трою, описанный в греческом эпосе, — не более как один из эпизодов борьбы аххиява с хеттами и их союзниками. Предполагают, что около этого же времени началось продвижение с Балкан вглубь Малой Азии новой группы индоевропейских племён — фригийцев.

Что касается племён, вторгшихся с побережий Западной Малой Азии (египтяне называли их «народами моря»), то они не ограничились Малой Азией, а опустошили часть Северной Сирии и Финикии. Только Египту, и то с большим трудом, удалось остановить их дальнейшее продвижение на юг.

Египетские источники дважды упоминают о «народах моря» — первый раз при фараоне Мернептахе в конце XIII в. до н. э., когда они выступали в союзе с ливийцами. В числе их были племена шерданов, шакалаша, турша и акайваша. Предполагают, что шерданы происходили из района города Сард в западной части Малой Азии и впоследствии заселили остров Сардиния; что шакалаша происходили из района города Сагаласса на юге Малой Азии; что турша были тирсенами — племенем, жившим, как думают, на западе Малой Азии, предками этрусков, населявших позже часть Италии; и что акайваша — это ахейцы или, скорее, жители царства Аххиява. Однако эти отождествления не являются вполне доказанными, и мы пока не можем с точностью определить происхождение «народов моря».

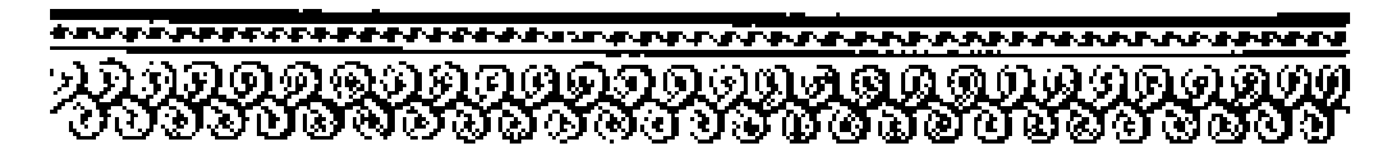
Второе столкновение египтян с «народами моря» произошло при Рамсесе III(IV), уже в начале XII в. Кроме прежних племён теперь в союзе участвовали филистимляне (пуласти), чаккаль и некоторые другие. Вместо акайваша мы встречаем здесь, по-видимому, данайцев, тождественных с упоминаемыми также в других египетских текстах данунами. Данайцы в греческом эпосе — другое название ахейцев. Судя по одежде, филистимляне и чаккаль происходили из юго-западных районов Малой Азии.

Союз «народов моря» вскоре распался; часть участников походов вернулась с награбленным добром домой; часть осела в местах походов и затем смешалась с коренным населением. Так, филистимляне осели в южной части побережья Палестины, чаккаль — в северной, около города Дора; дануны дали имя области на побережье юго-восточной части Малой Азии, недалеко от стыка её с сирийским побережьем; возможно, от них же происходит и ассирийское название острова Кипр — «Йа-Данана, Йаднана». По-видимому, «народы моря» оседали и в отдельных местах финикийского побережья.

Одновременно в центре Малой Азии, очевидно, осели фригийцы, проникшие сюда с Балканского полуострова. Оттуда же проникли несколько позже фракийские племена, поселившиеся в северо-западной части Малой Азии.

На месте же Хеттской державы образовались мелкие княжества, временами зависевшие от других, более мощных государств того времени.

ГЛАВА XIV
ФИНИКИЯ, ПАЛЕСТИНА И СИРИЯ ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

Рабовладельческие государства, возникшие в Двуречье и в долине Нила, неизбежно оказывали самое разностороннее влияние на другие страны Передней Азии, в первую очередь на Финикию, Сирию и Палестину. Эти страны были расположены между Хеттской державой, Месопотамией и Египтом. Местное население жестоко страдало от военных походов крупных рабовладельческих держав. Но вместе с тем оно имело возможность воспринять огромный, накопленный в течение многих веков производственный опыт и культурные достижения своих более передовых соседей. Очень рано Финикия, Сирия и Палестина начали втягиваться в торговлю и вовлекаться в систему сложившихся на Ближнем Востоке международных отношений. Все это, несомненно, способствовало развитию рабовладельческих отношений в этих странах.

Финикия, Сирия и Палестина географически и исторически тесно друг с другом связаны, но, несмотря на эту общность, их исторические судьбы имеют некоторые особенности, которые и заставляют рассматривать их раздельно.

1. Финикия

Страна и население

Финикия занимала узкую приморскую полосу вдоль северной части восточного побережья Средиземного моря, окаймлённую с востока Ливанскими горами, подступающими местами почти вплотную к берегу. Эта особенность природных условий Финикии отразилась даже в названиях важнейших населённых пунктов. Так, название города Библа (по-финикийски — Гебал) означает «гора», города Тира (по-финикийски — Цур) — «скала».

Возможности для пашенного земледелия ввиду недостатка удобных земель были ограничены, но имевшиеся земли всё же могли интенсивно использоваться, так как ветры с моря приносили обильные дожди. Здесь преобладало садоводство, разводили оливковые деревья, финиковые пальмы, виноградную лозу и др. Кроме садоводства большую роль играло рыболовство; не случайно название одного из крупнейших финикийских городов — Сидона означает «место рыбной ловли». Важным богатством страны были леса, росшие в горах Ливана над побережьем, изобиловавшие кедром и другими ценными породами деревьев.

Первоначальное население Финикии говорило, как предполагает ряд исследователей, на несемитическом языке. Но уже в III тысячелетии до н. э., согласно свидетельству египетских источников, здесь обитали семитические племена, относившиеся к той же группе западносемитических племён, которые заселяли примерно в то же время Палестину, так как их языки почти тождественны. Те и другие племена назывались хананеями. Пришельцы вскоре смешались с коренным населением и ассимилировали, его. Название «финикиец» встречается уже в египетских надписях середины III тысячелетия до н. э. в форме «фенех»; из этого названия древние греки сделали слово «фойникес» («красноватые», «смуглые»). Отсюда произошло название страны. В семитических источниках особого наименования для Финикии и финикийцев не встречается; название Кинаххи, Кин'ана или, по греческому тексту Библии, Ханаан, объясняемое некоторыми исследователями как «страна пурпурной краски», имеет более широкое значение, так как оно включает также Палестину и отчасти Сирию. Столь же общие обозначения для всех этих стран употребляли и египтяне.

Древнейшие города – государства Финикии

Осевшие в различных местах побережья семитические племена длительное время жили в условиях первобытнообщинного строя, но к концу III тысячелетия до н. э. и здесь начинают складываться небольшие рабовладельческие государства. Каждое из этих государств имело в качестве экономического, политического и административного центра какой-либо портовый город. Одним из таких городов-государств был Угарит. Он был расположен к югу от устья роки Оронта, напротив северо-восточной оконечности острова Кипр и на скрещении морских путей из Эгейского моря и Малой Азии в Египет и Переднюю Азию. Здесь на месте современного городища Рас-Шамра был раскопан укреплённый приморский город, в котором наряду с ценными вещественными памятниками были найдены многочисленные таблички, относящиеся к середине II тысячелетия до н. э., с текстами, написанными клинописным алфавитом, состоящим из 29 букв. Эти письменные памятники содержат мифы и другие религиозные тексты, проливающие свет на древнейшую финикийскую культуру, а также деловые документы.

Южнее Угарита, на острове близ материка, напротив Кипра, находился город Арвад. Островное положение этого города способствовало сохранению им независимости в войнах того времени; так, Арвад, кажется, не был завоёван фараонами XVIII династии, подчинившими себе всю остальную Финикию.

Почти в центре финикийского побережья был расположен город Библ, который с древнейших времён находился в тесной связи с Египтом. Ещё в III тысячелетии до н. э. вывоз финикийских товаров в Египет производился главным образом через Библ. Египетская культура пустила здесь глубокие корни. Библ был, по-видимому, наиболее древним из финикийских городов-государств. В середине II тысячелетия до н. э. здесь создалось сравнительно большое государство путём подчинения Библом соседних небольших городов и поселений. Египетские цари XVIII династии сделали Библ своим главным опорным пунктом на побережье. В Библе широко пользовались египетским иероглифическим письмом; кроме того, здесь было распространено особое, местное, слоговое письмо, а позже — линейный алфавит.

Самыми южными городами Финикии были постоянно враждовавшие между собой Сидон и Тир, находившиеся неподалёку друг от друга. Оба города были

защищены скалами от нападения внешних врагов. Наиболее безопасным было расположение Тира, самого южного из финикийских городов. Он состоял из двух частей — поселения на материке и поселения на острове, отделённом от материка узким проливом. На этот остров перебирались в случае вражеского нашествия все жители города, когда невозможно было спасти материковую часть поселения от разрушения. С помощью флота остров мог снабжаться водой. Таким образом, Тир был недоступным для вражеской армии, не располагавшей сильным флотом.

Особенности хозяйственной жизни

Анналы египетского фараона Тутмоса III упоминают, что в гаванях захваченных им финикийских городов имелись корабли, которые затем использовались египетскими завоевателями как для перевозки войск, так и для отправки добычи в Египет. Финикийские города отправляли многочисленные торговые корабли в Египет, как об этом сообщают письма их царей фараонам Египта, сохранившиеся в амарнском архиве, а также изображения на стенах фиванских гробниц египетских вельмож. Наряду с торговыми судами на верфях финикийских городов строились и гребные боевые корабли. Финикийцы были первыми, начавшими использовать рабов в качестве гребцов на судах, хотя во II тысячелетии до н. э. были ещё и свободные гребцы. Свою славу искусных кораблестроителей жители крупнейших городов восточного побережья Средиземного моря сохраняли в течение многих веков. Название финикийских кораблей продолжает жить в слове «галера», вошедшем во все европейские языки.

Дань ханаанеев фараону.
Египетская роспись. XV в. до н. э.

Включение финикийских городов в середине II тысячелетия до н. э. в состав мощной Египетской державы содействовало дальнейшему развитию финикийских городов-государств. Восточное побережье Средиземного моря имело много естественных богатств, в которых нуждались соседние страны. Первым продуктом, которым издавна торговали финикийцы, была сушёная рыба, один из основных продуктов питания беднейшего населения древнего мира. Из других естественных богатств Финикии самыми ценными были кедровые и дубовые леса Ливана. Они давали первоклассный кораблестроительный и поделочный материал, например для изготовления саркофагов, в которых помещались мумии египетских вельмож. Центром торговли строевым лесом являлся Библ. Египетские папирусы сообщают о целебных растениях и о необходимых для бальзамирования смолах, привозимых из Финикии.

Пригодная для земледелия территория, которой располагала Финикия, была невелика, но почва отличалась плодородием и тщательно обрабатывалась. Особенно крупную роль в торговле играло вино превосходного качества. Может быть, самое слово «вино», которое соответствует латинскому «винум», греческому «ойнос» (первоначально «войнос») и хеттскому «вийана», восходит к финикийскому «йайн». Важным продуктом садоводства Финикии было оливковое масло.

Некоторые финикийские ремесленные изделия отличались высоким художественным совершенством. Среди добычи Тутмоса III анналы этого фараона упоминали золотые и серебряные вазы, украшенные головами животных, «работы Джахи», т. е. Финикии. Произведения финикийского художественного ремесла имели большую ценность также в глазах митаннийских царей. Впоследствии, уже в I тысячелетии до н. э., стали славиться финикийские стеклянные сосуды, изготовленные с применением стеклодувной техники. Во время египетского владычества

вывозились в долину Нила финикийские ткани. Финикийцы первые стали из особого вида моллюсков добывать пурпурную краску и окрашивать ею шерстяные и льняные ткани.

Города Финикии торговали не только местными товарами, но и вывозившимися из Малой Азии, с Кипра, Крита, из области микенской культуры в Греции и из Западного Средиземноморья. Финикийские города рано сделались средоточием транзитной торговли в современном им мире. Из Малой Азии финикийские купцы получали такие важные товары, как серебро и свинец, а позднее они вывозили оттуда железо. Финикийские города, в особенности Угарит, рано вступили в тесные сношения с островом Кипр, который был в то время главным поставщиком меди. Вероятно, происхождение латинского слова «cuprum» (медь) связано с названием этого острова.

С Крита финикийские города получали предметы эгейского художественного ремесла, а также продукты других стран Средиземноморья. Главным центром торговых связей с эгейским миром был Угарит, где, возможно, существовала даже постоянная микенская колония.

Рабство и работорговля

В транзитной торговле Финикии большую роль играла работорговля. Своими собственными гражданами финикийские города-государства обычно не торговали, и случаи продажи детей из бедных семей за границу имели место лишь в голодные годы; так, Рибадди, царь Библа, в своих письмах фараону Эхнатону сообщал, что сыновья и дочери народа Библа отданы в обмен на зерно за пределы государства. Объектом же купли и продажи в целях наживы были в Библе и в других городах лишь чужеземные рабы. У древних народов финикийцы прослыли безжалостными работорговцами. Финикийских мореплавателей считали не только купцами, но и пиратами — охотниками за людьми. Основная масса приобретавшихся рабов предназначалась для продажи с целью выплаты дани фараону. Известно, например, требование египетского фараона, обращённое к правителю одного из финикийских городов,— отдать дочь и послать в Египет вместе с ней в качестве дара наряду с серебром, колесницами и конями еще 20 первоклассных рабов.

Однако некоторая часть захваченных рабов оседала в финикийских городах, поскольку условия финикийского рабовладельческого общества давали возможность применять рабский труд в значительных размерах. Рабы могли применяться как в ремесле, так и в сельском хозяйстве с его террасообразной обработкой почвы на склонах гор. Земледелие в этих условиях требовало столько рабочей силы, что её не могло дать одно лишь свободное население финикийского города-государства. Несомненно, рабы использовались также в гаванях в качестве грузчиков и чернорабочих; как упоминалось выше, рабы использовались и на кораблях в качестве гребцов. Судя по росписям фиванских гробниц в Египте, изображающим команды прибывших финикийских кораблей, можно предположить, что свободные финикийцы носили длинные волосы, а рабы должны были коротко стричь их. Применялся, конечно, рабский труд и для домашних услуг.

Расслоение среди свободных

Свободное население финикийских городов-государств делилось по крайней мере на две группы. Господствующей группой была рабовладельческая знать. Имеются основания утверждать, что знать была сосредоточена в укреплённом городе, а не в селениях и сельских местностях, которые названы в текстах «страной города». В письмах амарнского архива представители знати назывались «мужами» или даже «владыками города».

Основная масса населения хотя и находилась в приниженном положении, но всё же представляла собой силу, с которой приходилось считаться и царю и знати. Сила народа в финикийских городах-государствах была обусловлена тем, что из его среды рекрутировалась основная масса воинов как в сухопутное войско, так и на корабли.

По своим селениям и городским кварталам народ призывался в сухопутное войско — в пехоту и в команды боевых кораблей. Знать выступала в качестве колесничих и поставляла командный состав флота. Во время египетского владычества *хупшу* — «свободные» занимались земледелием.

В финикийском ремесле труд свободных играл значительную роль, так как при изготовлении стекла, знаменитых пурпурных тканей, чаш из драгоценного металла, мелких изделий из слоновой кости и т. д. мог применяться только инициативный, заинтересованный в результатах своего труда работник. Хотя многие ремесленники, как и часть земледельцев, так или иначе использовались в царском хозяйстве, однако они всё же полностью сохраняли личную свободу. Немало представителей свободного населения было занято в торговле, особенно в морской.

Финикийцы славились в древности как смелые и отважные мореплаватели. Они были искусными кораблестроителями и опытными мореходами. Самые выдающиеся морские экспедиции, память о которых сохранила древняя история, были совершены финикийцами.

Источники свидетельствуют о разложении в Финикии общинной собственности на землю. Из Угарита дошли до нас ранние свидетельства о завещании земли и её продаже, причём в этих документах речь идёт об имуществе купцов. Одним из последствий увеличения имущественного неравенства было превращение земли в частную собственность, другим — появление людей, лишённых средств производства.

Земледельцы лишались своих наделов также в результате частых вторжений войск соседних государств и постоянных войн между городами-государствами Финикии. Так, царь Библа Рибадди писал фараону, что его хупшу, оставившие свои поля вследствие голода и вторжения неприятеля, бежали или в город Библ, или в области соседних городов.

Вследствие указанных причин в финикийских городах-государствах уже на рубеже XV—XIV вв. до н. э. оказалось немалое количество людей, оторванных от средств производства. Поскольку эти причины продолжали действовать и в дальнейшем, приток в финикийские города обедневших общинников не прекращался и, также как наличие большого количества рабов, стал представлять серьёзную опасность не только для знати, но и для всего имущего населения.

Общественное неравенство в городах-государствах Финикии обнаруживалось очень резко, а это не могло не приводить к острым проявлениям классовой борьбы.

Об одном из восстаний сообщал уже неоднократно упоминавшийся Рибадди, царь Библа, в своём письме фараону Эхнатону. Согласно его рассказу, Абдаширта, вождь хапиру, захвативших страну Амурру в Средней Сирии, предложил народу некоторых поселений, расположенных вблизи Библа, убить своих «владык города» и правителей. Население Аммиа, по-видимому, послушалось этого совета, рассчитывая на освобождение от гнёта, которому подвергали богатые бедных.

Государственный строй

Небольшие торговые города-государства Финикии ревностно стремились сохранить свою политическую самостоятельность. Характерно, что сами финикийцы не имели единого самоназвания, обозначая себя «людьми такого-то города».

Имущие слои населения отдельных финикийских городов, вероятно, обеспечивали (по крайней море позже) своё привилегированное положение тем, что выборы должностных лиц производились на основании имущественного ценза. Подобный порядок существовал, в частности, в Карфагене, самой крупной северо-африканской колонии финикийцев, государственную организацию которой описал греческий философ IV в. до н. э. Аристотель. Крупные рабовладельцы Карфагена, свидетельствовал он, оправдывали лишение неимущих столь существенной части политических прав тем, что необеспеченный человек якобы «не может хорошо управлять делами и иметь для этого достаточный досуг». Имущий класс, всецело овладевший государ-

ственным аппаратом, мог зорко следить за настроениями народа и направлять в своих интересах решения народного собрания, о существовании которого имеются указания и в амарнской переписке, и в египетском папирусе, относящемся уже ко времени распада Египетской державы Нового царства. Крупные рабовладельцы могли руководить народным собранием и путём подкупов.

Крупные рабовладельцы держали под своим неослабным контролем и царя, который в торговых городах-государствах Финикии не обладал деспотической властью царей Египта и Вавилонии. Среди финикийских государств, по-видимому, имелись и олигархические республики. По крайней мере в амарнской переписке по отношению к ряду городов, как, например, к Арваду, говорится всегда лишь о «людях Арвада» и никогда не упоминается царь Арвада.

Ни одно из финикийских городов-государств не имело силы объединить всю Финикию в рамках единого государства. В течение веков борьба шла лишь за преобладание того или иного финикийского города; так, в середине II тысячелетия до н. э. на севере гегемоном был Угарит, а в центре — Библ. В первой половине XIV в. до н. э. Угарит утратил своё значение, возможно, в связи с гражданской войной; в конце концов он был подчинён хеттским царём Суппилулиумой и вошёл в состав Хеттской державы. Библ около того же времени был побеждён в непосильной борьбе с соседними государствами, так как фараон Египта Эхнатон оставил его без своей помощи. Гегемония перешла к городу Сидону, хотя Библ и впоследствии продолжал играть значительную роль. Но торжество Сидона не было длительным, ибо около 1200 г. до н. э. он был разрушен «народами моря» которые после разгрома Хеттской державы опустошили всю Финикию и побережье Палестины.

Финикийская религия

Политическая раздроблённость Финикии, не преодоленная в течение всей её истории, имела своим последствием то, что финикийская религия не знала мифологических систем, подобных вавилонским в которых боги других городов были принижены в угоду главному богу того центра, который объединял всю страну. Эта раздроблённость Финикии не могла создать жречеству какого-либо из городов возможность выдвижения своего бога в качестве «царя богов», подобно тому как фиванский бог Амон был объявлен «царём богов» Египта во время владычества Фив. Бог неба, являвшийся обычно главным богом в городах Финикии, имел имя нарицательное, а не собственное: он, как Бел у аккадских семитов, назывался просто «владыка» (Ваал), «царь города» (Мелькарт), просто «власть» (Молох), или «бог» (Эль).

Рядом с богом неба Ваалом стояла его сестра или жена 'Анат, иначе 'Аштарт (Астарта) или Ашерат. Вместе с божествами неба и земли почитался бог умирающей и воскресающей растительности. Он назывался чаще всего нарицательным именем Адони — «господин мой» (в греческой передаче—Адонис). Некоторые черты умирающего и воскресающего бога были внесены и в миф о главном божестве Ваале. Об этом свидетельствуют некоторые из эпизодов мифа о Ваале и сестре его 'Анат, который сохранился среди текстов, раскопанных в Угарите. Основной темой обширного мифологического эпоса является повествование о смерти и воскресении Ваала и о верности ему и в жизни и в смерти его сестры 'Анат. Некоторые эпизоды близки сюжетам египетского мифа об Осирисе и его сестре Исиде. Как в Египте и Вавилоне, так и в Финикии зарождаются в связи с культом умирающего и воскресающего бога зачатки религиозной драмы. Один из угаритских текстов можно истолковать как запись такой религиозной драмы.

Богатство финикийских торговых городов обеспечивало возможности для создания пышного культа, осуществляемого многочисленным жречеством. В культе Финикии — что характерно было и для Палестины и Сирии— очень долго сохранялись человеческие жертвоприношения, причём иногда приносилось в жертву самое ценное для народа — дети и особенно первенцы. Человеческие жертвы приносились в момент

грозной опасности для государства. Ещё в IV в. до н. э. во время осады Тира греко-македонскими войсками на стенах города были зарезаны в качестве жертв богам иноплеменники — македонские военнопленные.

Финикийская культура. Возникновение алфавита

Финикийские художники, использовав мотивы и сюжеты чужеземного искусства, в частности египетского и в меньшей мере — хеттско-хурритского и вавилонского, создали вместе с тем собственное, своеобразное искусство. В особенности ценились в древнем мире произведения финикийского прикладного искусства.

Возможно, что известные нам два угаритских эпических произведения — эпос о Керете и эпос о Данеле — при правильном их понимании окажутся памятниками не столько религиозной, сколько светской литературы. Лишь условно к литературе можно отнести несколько поздних надгробных надписей; древнейшие надписи, восходящие ещё ко II тысячелетию, по большей части коротки; но некоторые из более поздних приближаются по характеру к литературным произведениям.

ОБРАЗЦЫ БУКВ
ЗАПАДНЫЕ АЛФАВИТЫ

ВОСТОЧНЫЕ АЛФАВИТЫ

Таблица развития алфавитов.

Самым крупным достижением финикийской культуры было изобретение алфавитного письма. Финикийским писцам принадлежит слава доведения до конца великого открытия египтян. Последние уже в глубокой древности создали 24 алфавитных согласных знака, но вместе с тем они сохранили и сотни слоговых знаков и знаков для понятий. Дальнейший шаг к созданию алфавитного письма был сделан, как полагают некоторые исследователи, писцами гиксосских завоевателей Египта. Быть может, они создали на рубеже XVIII—XVII вв. до н. э. на основе египетского иероглифического письма первое алфавитное письмо из 26 знаков для согласных — «синайское письмо», именуемое так по месту нахождения надписей. Предполагают, что это письмо восходит к египетским иероглифам. Алфавит гиксосских писцов не успел получить своего окончательного оформления вследствие кратковременности существования гиксосского государства, но тем не менее он оказал воздействие на создание алфавитного письма Южной Финикии. На севере же, в Угарите, создалось на той же основе алфавитное письмо из 29 букв, приспособленное для написания клинообразными знаками на глине.

Имеется точка зрения, согласно которой финикийское письмо могло развиваться не на основе египетского, а на основе крито-микенского или местного финикийского слогового письма, памятники которого дошли до нас из Библа от II тысячелетия до н. э. Во всяком случае одно несомненно: впервые именно у финикийцев вошла в употребление чисто алфавитная система письма. Столь же несомненно и то, что в этом должно было сыграть важную роль наличие алфавитных

знаков для согласных в египетском письме, с которым финикийцы были издавна знакомы.

Необходимость создания алфавитного письма возникла, очевидно, в различных городах-государствах Финикии. С ростом мореплавания, с развитием широкой торговли, в которой была занята значительная часть населения, требовалось письмо простое, общедоступное, а не такое, которое могло быть изучено только немногими писцами-специалистами. Исходя из этой необходимости выработались обе системы письма — северный и южный алфавиты.

Недостатком созданного финикийцами алфавита было то, что он передавал одни согласные звуки; не применялись и различные дополнительные, поясняющие значки, при помощи которых, например, египтяне облегчали чтение текста, написанного также одними согласными. Поэтому чтение было всё же делом нелёгким, и понимание более сложных текстов иногда оказывалось затруднительным.

В конце концов северный алфавит был вытеснен южным, состоявшим из 22 знаков, который и распространился по всей стране. От него впоследствии произошёл и греческий алфавит, что следует со всей очевидностью из древнейших форм греческих букв, а также из того факта, что название ряда греческих букв — семитического происхождения. Так, наше слово «алфавит» содержит в себе названия первых двух греческих букв *альфа* и *бета* (в более позднем, византийском произношении — *вита),* соответствующих названиям первых двух финикийских букв — «алеф» и «бет», обозначавших в западно-семитических языках слова «бык» и «дом». В основе так названных алфавитных знаков лежали соответствующие более древние знаки — рисунки. Большинство названий букв греческого алфавита находит своё соответствие в названиях финикийских букв. Поскольку греческий алфавит, а также другой алфавит, происшедший из финикийского, — арамейский, являются предками большинства современных алфавитов, то и значение финикийского алфавита для истории культуры человечества огромно.

2. Палестина

Страна и население

Страна, лежащая между Египтом и Сирией и называемая Палестиной, в природном отношении делится на несколько областей. Вдоль побережья Средиземного моря тянется плодородная низменность, открытая влажным морским ветрам. Эта низменность отделена от Финикии, расположенной севернее, горным хребтом Кармел, пересекающим северную часть Палестины наискось и образующим скалистый мыс. Восточнее низменности расположено холмистое нагорье, где рано стало возможным земледелие по склонам гор и в долинах, а также и скотоводство. Еще далее на восток страна рассечена глубокой и узкой долиной реки Иордана, впадающей в соленое и безжизненное озеро — Мёртвое море. Ещё далее к востоку расположены степи — чем восточнее, тем более сухие, переходящие в так называемую Сирийскую пустыню.

На севере в Палестину проникают отроги гор Ливана и Антиливана. Между южными отрогами Ливана и поперечным хребтом Кармела расположена плодородная Ездраелонская долина. На крайнем юге Палестина переходит в сухую гористую полупустыню, тянущуюся в сторону гор Синайского полуострова. Сухая, пустынная полоса низменностей занимает перешеек, отделяющий Палестину от Египта.

Вплоть до конца IV тысячелетия до н. э. климат Палестины был более влажным часть западной низменности была заболочена, а Заиорданье было занято пышными пастбищами; в долинах реки Иордана и её притоков были густые леса. Страна была удобна для земледелия, и оно возникло здесь в древнейшие времена — ещё в период мезолита или раннего неолита.

Позже климат становится более сухим; исчезают леса и болота, беднеют степи. Густые заросли леса и кустарников сохраняются только в долине Иордана; но эта

глубокая впадина не превратилась, как другие речные долины в соседних странах» в жизненную артерию страны; она скорее служила барьером между её западной и восточной половиной.

Уже древнейшие египетские данные, восходящие к III тысячелетию до н. э., по-видимому, свидетельствуют о том, что Палестина была заселена семитами — частью скотоводами, частью оседлыми земледельцами, жившими на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. в укреплённых поселениях и знавшими медные орудия. Нередко сюда совершали походы войска Египта; в период Среднего царства палестинские пастушеские племена и оседлые поселения подчинялись египетским фараонам. По-видимому, приток пастушеских племён из соседних степей Аравии происходил периодически, волнами; новые пришельцы в скором времени, оседая здесь, переходили к земледелию.

Значительные изменения в жизни Палестины произошли в начале II тысячелетия до н. э. Население Заиорданья в это время почти полностью переходит на кочевое скотоводство; с другой стороны, с севера проникают новые этнические элементы — хурриты и, по-видимому, в небольшом числе также носители того индоевропейского языка, который, как мы видели, около этого же времени засвидетельствован в хурритском государстве Северной Месопотамии — Митанни. Однако население оставалось, по-видимому, как и прежде, в основной своей массе западно-семитическим по языку.

Образование племенных союзов в Палестине

Происходившие в начале II тысячелетия до н. э. племенные передвижения, отчасти связанные, возможно, с использованием лошади как для транспортных целей, так и в военном деле, привели к созданию в течение XVIII в. до н. э. большого и, вероятно, разнородного в этническом отношении союза племён, известных под названием гиксосы. Конкретные причины его создания и его история нам неясны, но во всяком случае он охватил обширную территорию от Северной Сирии

Пленные перед палестинским царьком.
Резьба по слоновой кости. Мегиддо. Вторая половина II тысячелетия до н. э.

до Египта; центром его, по всей видимости, была именно Палестина. Добыча, награбленная гиксосами, в частности в Египте, привела к обогащению племён, участвовавших в гиксосском союзе, в особенности племенной знати; археологические находки в Палестине этого времени, особенно же богатые погребения, показывают рост накопления и имущественного неравенства. К XV—XIV вв., о которых мы располагаем обильными письменными данными из амарнского архива фараонов, перед нами предстаёт уже раннее классовое общество.

Изгнание гиксосов из Египта и последующее завоевание египтянами Палестины, начавшееся ещё с первой половины XVI в. до н. э. (при Яхмесе I, занявшем южно-палестинскую крепость Шарухен), привело к разорению страны, засвидетельствованному археологическими данными. Палестина не была включена в состав Египетского государства Нового царства как его органическая часть. Египтяне грабили

Палестину, превращая её в источник добычи, особенно рабов в различных крепостях Палестины (среди которых уже тогда выделялся Иерусалим, а также Мегиддо в Ездраелонской долине и другие) продолжали сидеть собственные царьки, представители местной родовой знати, от которой они полностью зависели. Государственное и общественное устройство этих маленьких царств было, вероятно, аналогично устройству государств Финикии, с той лишь разницей, что здесь большее значение имело земледелие и гораздо меньшее—ремесло и торговля; в отношении материальной культуры Палестина значительно отставала теперь от Финикии. Египет выкачивал из этих царств тяжёлую дань, и население Палестины крайне тяготилось египетским владычеством; только постоянные военные походы и содержание военных гарнизонов, подчинённых египетским наместникам, позволяло Египту поддерживать здесь свою власть.

Правовой документ из Гезера, написанный клинописью. Вторая половина II тысячелетия до н. э.

Наряду с постоянным, оседлым ханаанейско-хурритским населением, в среде которого уже существовали классовые отношения (и к которому в период хеттско-египетских войн, возможно, прибавилось и хеттское население из поселенцев, происходивших с территории Хеттского царства), в Палестине, как и в Сирии, имелось и население другого рода, связанное с кочевыми племенами пустыни. Часть его, видимо, наряду со скотоводством занималась и земледелием, постепенно оседая на землю, но во всяком случае сохраняя первобытно-общинные порядки. Эти люди, которых письменные источники называют *хапиру ('апиру),* или, по-шумерски, *са-газ* (что значит «подрезатели жил», «головорезы»), появлялись иногда мирно, как наёмники на сельскохозяйственных работах, иногда же воинственно, стремясь захватить землю и крепости оседлого населения. Они представляли серьёзную опасность для владычества египтян и местной ханаанейско-хурритской знати — в особенности потому, что трудящееся население ханаанейских городов иной раз искало союза с хапиру в борьбе против своих и чужеземных угнетателей. Особенно значительным центром оседания хапиру были, по-видимому, южные и восточные районы Ливанских гор.

Переселение «народов моря». С египетского рельефа XIII в до н. э.

Весьма вероятно, что в числе хапиру, происходивших из западно-семитических по языку племён, обитавших на широком пространстве Сирийской степи от Палестины до Евфрата и Месопотамской равнины (и известных в вавилонских источниках под названием *суту,* или *амореев),* были и предки будущих евреев, ставших основным населением Палестины в I тысячелетии до н. э.

Сильнейший удар владычеству Египта в Азии был нанесён нашествием «народов моря» — племён побережья и островов Малой Азии и Эгейского моря, пришедших в движение во второй половине XIII в. до н. э. Опустошив южные области Хеттской державы, эти племена прошли огнём и мечом вдоль восточного побережья Средиземного моря. В конце XIII в. до н. э. гегемония в Палестине переходит в руки нового, еврейского племенного союза, носившего название Израиль. Израиль упоминается впервые в одной из египетских надписей (около 1230 г. до н. э.), где

он назван при перечислении стран, которые пострадали от вторжения «народов моря». Но в противоположность другим названиям Израиль определяется в надписи не как страна, а как народ или племя. Можно поэтому предположить, что израильтяне еще кочевали и не осели в какой-нибудь определённой области. В таком случае Израиль должен был появиться в пределах Палестины уже несколько ранее, но, по-видимому, незадолго до 1230 г. до н. э. Об этом говорит и отсутствие в позднейших преданиях, собранных в Библии, указаний на господство египтян в Палестине и на их воины там. Если бы израильтяне появились в Палестине уже во время амарнской переписки, как предполагают некоторые исследователи, то, несомненно, в Библии сохранились бы какие-нибудь отголоски пребывания египтян в Палестине и борьбы Израиля с ними.

Культура первоначального населения Палестины — ханаанеев стояла много ниже культуры соседних египтян. Находясь вплоть до II тысячелетия до н. э. в условиях первобытного общества, жители Палестины не могли создать искусства, которое шло бы в сравнение с искусством Египта; естественно поэтому, что художественное творчество ханаанеев, хотя и обладало рядом оригинальных черт, испытывало сильнейшее влияние Египта: египетские изделия часто просто имитировались. Сородичи палестинских ханаанеев в Сирии, издавна находившиеся в контакте с Двуречьем, передавали в Палестину влияние шумеро-аккадской культуры.

Письменность появляется в Палестине со второй половины II тысячелетия до н. э. По большей части ханаанеи пользовались аккадским языком и клинописью или же египетским языком и иероглификой; однако им были известны и системы письменности Финикии, приспособленные к ханаанейскому языку. На территории Палестины было распространено и так называемое синайское

III—II тысячелетиях до н. э., пока верблюд не стал главным транспортным средством и сообщение между Сирией и Палестиной, с одной стороны, и Месопотамией — с другой, ввиду редкости колодцев на пути не могло ещё осуществляться напрямик через степь, этот оазис не имел значения.

Осевшие в Халпе (Алеппо), Катне, Алалахе и других местностях северной и западной части Сирии земледельческие племена, так же как и степные скотоводческие племена, уже издавна были связаны с Двуречьем в экономическом и культурном отношениях.

Через Сирию проходят основные пути, соединяющие Месопотамию, Малую Азию, Аравию и Египет. Здесь рано возникли торговые города, и Сирия, в которой не было трудно преодолимых естественных рубежей, постоянно являлась объектом захватнических устремлений своих мощных соседей: Митанни, Хеттской державы, Египта, Вавилонии. Сирия являлась основной территорией, на которой эти державы вели между собой войны. Все эти обстоятельства, а также географическая разобщённость отдельных частей Сирии (в частности, отсутствие единого речного бассейна) препятствовали образованию здесь самостоятельных государств крупного масштаба.

Уже в очень древние времена в Сирию пришли племена, говорившие на языках семитической группы. Они смешивались с населением, говорившим на языках несемитического происхождения, в частности с хурритами. Ещё во второй половине III тысячелетия в Северную Сирию совершали походы цари Двуречья. Надо полагать, что это оказало влияние на темп развития здесь классовых отношений, однако в конце III тысячелетия классовое общество можно считать сложившимся лишь в отдельных частях Сирии.

Жизнь в ряде областей Сирии в самом начале II тысячелетия ярко рисует нам египетская «Повесть о Синухете» — сановнике, бежавшем сюда из Египта. Население, жившее частью в укреплённых поселениях, частью в шатрах и занимавшееся земледелием, садоводством и особенно скотоводством, делилось на роды и племена; власть принадлежала родоплеменным вождям, которые владели крупными стадами и земельными наделами. В семье господствовали патриархальные отношения; уже возникло рабство. В некоторых областях Сирии этот процесс развития рабовладельческих отношений зашёл, по-видимому, гораздо дальше.

Во второй половине XVIII в. до н. э. создался обширный, этнически неоднородный гиксосский племенной союз, подчинивший себе Сирию, Палестину и Финикию, а на рубеже XVIII и XVII вв. захвативший и большую часть Египта. Не вполне ясно, каково было соотношение гиксосского племенного союза с государством Ямхад с центром в городе Халпе, которое господствовало в XIX—XVIII вв. до н. э. в Северной Сирии. Гиксосский племенной союз просуществовал недолго и вскоре распался вследствие военных поражений, понесённых им от Египта на юге, от хеттов — на севере.

После этого некоторое время гегемонию в Сирии осуществляло Митанни. Это не мешало существованию здесь хотя более или менее зависимых, но внутренне самобытных государств, как Алалах (Мукиш) на северной излучине Оронта, Халпа к востоку от него, Катна в долине Среднего Оронта, Кинза (Кадеш) на Верхнем Оронте и др.

До нас дошли довольно многочисленные письменные источники из некоторых центров Сирии начала и середины II тысячелетия до н. э., в том числе хозяйственные и правовые документы. (Жители Сирии пользовались главным образом аккадской клинописью.) К сожалению, эти документы пока ещё не изучены должным образом историками, однако уже ясно, что здесь к этому времени сложилось рабовладельческое общество. Например, в Алалахе существовали уже ростовщичество и долговое рабство, причём в качестве ростовщика выступал сам царёк. В некоторых случаях должник обязан был служить в доме царька, пока жена должника не отработает

долг. В других случаях закабалялась и вся семья должника. Земля — иногда целые поселения — в это время уже продавалась и дарилась, что свидетельствует о начавшемся распаде первобытно-общинных отношений.

Положение в Сирии в середине II тысячелетия до н. э.

В середине II тысячелетия до н. э. на смену непрочному митаннийскому владычеству над Сирией пришло более тяжелое, египетское, которое было результатом ряда походов фараонов XVIII династии; затем последовали завоевания хеттских царей и, наконец, борьба Египта с Хеттской державой за господство в Сирии.

В азиатских владениях Египта имелись уже сформировавшиеся рабовладельческие общества. Но многие из числа проникших сюда племён, а также тех, которые и в это время продолжают вторгаться в земледельческие области Сирии, по-видимому, жили ещё в условиях первобытно-общинного строя. Источники, как уже указывалось, обычно называют подобных пришельцев именем хапиру.

Экономика Сирии отличалась в это время многообразием. Население занималось пашенным земледелием, садоводством и виноделием, а в степных районах — скотоводством. В северной части страны большое значение имела также торговля.

Весьма многообразным было население Сирии и в языковом отношении. Наряду с преобладавшим семитическим, аморейским языком существовал и хурритский язык, на котором в некоторых городах говорила во всяком случае часть населения, как, например, в Тунипе — городе в средней части Сирии. В Северную Сирию, возможно, уже тогда стали проникать со стороны северо-запада представители одной из народностей, близкой к хеттам-несийцам (может быть, лувийцы).

Рабовладельческое государство Египта поставило перед собой задачу организации систематического ограбления городов и племён завоёванных им стран. Царьки сирийских городов-государств были поставлены в полную зависимость от Египта. Для того, чтобы держать в повиновении эти области, в их столицы были введены небольшие египетские гарнизоны, вполне достаточные до тех пор, пока египетским владениям в Азии не угрожал какой-нибудь сильный внешний враг. Египетские войска во время своих походов забирали в качестве заложников детей знати и в первую очередь сыновей местных царьков, которые отвозились в Фивы, к царскому двору, где они получали воспитание, имевшее целью обеспечить их покорность фараонам, когда они, после смерти своих отцов, возвратятся на родину в качестве правителей городов Сирии. Свою покорность они подчёркивали в письмах царю Египта, сохранившихся в амарнском архиве, заявляя, что их посадил на престол не бог и не их отец, а сильная рука фараона. В этих же письмах, датируемых временем значительного ослабления мощи Египетской державы при Аменхетепе IV (Эхнатоне), царьки Сирии продолжали в своём обращении к фараону указывать в самых подобострастных выражениях на свою зависимость от него: «... к ногам моего владыки семь и семь раз я падаю ниц, как на мой живот, так и на мою спину»,— говорилось в одном из писем. В своих обращениях к царю Египта они называют себя лишь титулом *хазану* — «староста, начальник (города)».

Над ними стояли египетские «царские *рабису»,* между которыми были поделены области Сирии. Они объединяли в своём лице функции и военачальника и администратора, располагая военной силой и некоторым количеством писцов. С помощью писцов они следили за своевременным поступлением дани, т. е. за ограблением завоёванных областей, которое проводилось с большой жестокостью. Эксплуатируемое население Сирии было готово приветствовать любого врага фараона, надеясь найти облегчение своей участи хотя бы в смене угнетателей.

Враги, которые могли угрожать Египетской державе, появились в Передней Азии в конце XV в. до н. э. Это была Хеттская держава. С другой стороны, это была и новая волна скотоводческих семитоязычных племён, которые своим вторжением в Сирию активизировали движение тех племён, которые жили здесь ещё со

времени гиксосского владычества. Вновь появившиеся племена продолжали называться хапиру. Опираясь на уже жившие на территории Сирии племена, новые пришельцы пытались осесть на плодородных землях и захватить расположенные там города. В ряде случаев им это удавалось, поскольку их иной раз поддерживали народные массы завоёванных городов, а также и хеттский царь.

Одним из преуспевающих племенных вождей был в то время некий Абдаширта, который в конце концов объединил под своей властью область Амурру к западу от верхнего течения Оронта. Сделавшись правителем этой области, он попытался пробиться к морю. Но тут он пришёл в столкновение с некоторыми городами финикийского побережья, в борьбе с которыми и погиб. Его сын Азиру продолжал его политику. Искусно используя соперничество между Египтом и Хеттской державой, он упрочил свою власть в Амурру и подчинил себе центральную часть финикийского побережья. Став здесь твёрдой ногой, он захватил торговые пути, которые вели из Финикии в Митанни, куда он и братья его, на словах будучи верными фараону, продавали египетских военнопленных. Политика Азиру, создавшего себе из владений фараона в Сирии обширное царство, привела к тому, что египетский царь вызвал его к себе. Азиру вынужден был прибыть в Египет, но здесь он сумел оправдаться и избегнуть «смерти от топора». Вернувшись в своё царство, он, однако, продолжал свою антиегипетскую политику и завершил её официальным союзом с хеттским царём Суппилулиумой. По свидетельству документов из богазкёйского архива, не только Азиру, но и его преемники продолжали оставаться союзниками хеттских царей.

Что касается государств севера Сирии, расположенных к западу от излучины Евфрата, как, например, Каркемиш и Халпа (Алеппо), то они уже при первом наступлении хеттов на юг оказались потерянными для Египта. В Каркемише и в Халпе были поставлены правителями хеттские царевичи, и, вероятно, уже Суппилулиума ради закрепления здесь хеттского владычества привёл сюда поселенцев из числа близких хеттам племён. Северная Сирия оставалась во владении Хеттского государства и после мира с Рамсесом II (1295 г. до н. э.), по которому господство Египта сохранялось лишь в Южной Сирии и Палестине.

После разгрома «народами моря» Хеттской державы, в том числе союзных ей сирийских областей — причем были разрушены Алалах, Амурру и другие области — в Сирии вновь создаются многочисленные мелкие независимые государства; некоторые из них сохраняли хеттские традиции. Так, Каркемиш сохранял название страны Хатти, т. е. хеттов; на Оронте образовалось государство Хаттина. Во многих государствах цари иной раз носили традиционные хеттские имена; официальной письменностью было хеттское иероглифическое письмо.

4. Возникновение международно-правовых отношений

Образование классового общества в Палестине и Сирии, а также в Северной Месопотамии привело к созданию сплошной зоны рабовладельческих государств на территории Восточного Средиземноморья и Передней Азии.

Рабовладельческие государства имели теперь дело не только с окружавшими их отдельными племенами или непрочными племенными союзами, но и с другими государствами, отстаивавшими всей экономической и военной мощью интересы своих рабовладельцев. Прежний произвол, царивший в отношениях между рабовладельческим государством и его соседями, сменяется необходимостью принимать в расчёт интересы другого государства и его возможности. Начинает разграничиваться деятельность государств, имеющая непосредственное отношение к интересам других государств,—область внешней политики—и деятельность, охватывающая внутренние дола. Все более ясно проявляются взаимные противоречия хищнических интересов рабовладельческих государств, завязывается борьба между ними, происходят военные столкновения, становятся всё более изощрёнными

попытки вмешаться во внутреннюю жизнь других государств (например, в вопросах престолонаследия) с тем, чтобы обеспечить интересы своих рабовладельцев. В этой связи растёт стремление государств оградить себя от таких попыток, отстоять свое право на управление всеми внутренними делами. В области внешних отношений складываются союзы отдельных государств, направленные против других государств. Появляются договорные отношения, основанные на признании тех или иных интересов договаривающихся государств или закрепляющие господство одних и подчинение других.

Права иностранцев

Раньше всего эти отношения складываются в долине Евфрата и Тигра. Ещё в середине III тысячелетия до н. э, правители отдельных шумерских государств переписывались между собой и обменивались дарами. В XXIII в. до н. э. был составлен (на эламском языке) первый из дошедших до нас международных договоров, заключённый между аккадским царём Нарамсином и мелкими правителями Элама. При III династии Ура правители Элама отправляли своих посланцев ко двору Ура, причём они получали по пути довольствие из шумеро-аккадского царского хозяйства. В старовавилонский период регулярно отправлялись посланцы и велась переписка между царями Ямхада, Мари, Ашшура, Вавилона и других государств Месопотамии. В некоторых случаях существовали и постоянные послы одного царя при дворе другого.

Ряд международно-правовых проблем возникает в связи с организацией ассирийцами сети торговых колоний, так как эти колонии возникали на чужой государственной или племенной территории.

Как общее правило, житель одного государства не пользовался правовой защитой на территории другого. Мало того, даже член чужой общины долгое время был неполноправным лицом (по-аккадски — *убару).* Это последнее положение в значительной мере смягчилось в связи с созданием общегосударственного законодательства (например, законов Хаммурапи), частично заменившего обычное право отдельных общин. Но это смягчение не отражалось на положении чужестранца. Находясь в пределах другого государства, он не имел в нём никаких прав. Государство, к которому он принадлежал, считало, что его подданный в чужой стране должен сообразоваться с законами лишь своего государства. Но поскольку в большинстве случаев государство не могло фактически оказывать своим подданным правовой защиты на чужой территории, постольку иностранец обычно был совершенно бесправным. Это соответствовало низкому уровню международного обмена и в свою очередь затрудняло его развитие.

Переписка между государствами

Переписка между государствами имела в подавляющем большинство случаев характер личной переписки между главами государств; отношения между государствами принимали форму как бы личных отношений между царями. В переписке между собой дружественные независимые цари называли друг друга «братьями», если положение их было равным. Наряду с этим существовали и зависимые цари, относившиеся к более крупным, как к «отцам» или «господам». О них говорилось, что они «идут за таким-то царём», для которого они были его «рабами». Было принято, чтобы равные между собой цари посылали друг другу время от времени ценные подарки — в особенности при вступлении получателя подарка на престол или при других важных для него событиях его царствования. Перед своими подданными царь нередко выдавал такие подарки за дань. Зависимые цари, конечно, уплачивали настоящую, регулярную дань. Если дань не поступала, то это рассматривалось как мятеж, а если не присылались подарки, то это считалось способом выразить недружелюбное отношение к данному государству; поэтому обмен подарками играл важную роль в дипломатии того времени.

Таким образом, в Месопотамии к началу II тысячелетия до н. э. сложились определённые международные обычаи, перераставшие в международное обычное право.

Культура Двуречья вообще стояла выше культуры Сирии и Палестины, и, испытывая нужду в письменности, обитавшие здесь племена, говорившие на западно-семитических и хурритском языках, обычно пользовались готовой письменностью аккадцев, уже приспособленной к языку, близкому к западно-семитическому. В связи с этим вавилонские международные обычаи и сам аккадский язык, как язык международных сношений, с созданием в Сирии и Палестине классового общества распространились там, а оттуда— и в Египте, и в Хеттской державе.

В середине II тысячелетия до н. э. при дворах царей крупнейших государств существовали уже целые дипломатические архивы. Так, нам известны архив египетских фараонов, найденный в Эль-Амарне, на месте столицы фараона Эхнатона, и архив хеттских царей, найденный в Хаттусе (Богазкёе). Документы в большинство случаев были написаны клинописью по-аккадски. Хетты пользовались также своим, несийским языком, в особенности в переписке и договорах с государствами южной и западной части Малой Азии. В архивах хранилась не только переписка с независимыми державами, но и переписка с зависимыми государствами, входившими в область господства Египта и Хеттской державы, а также международные договоры.

Царьки Финикии, Сирии и Палестины поддерживали постоянную переписку со своими владыками. Наряду с изъявлениями преданности их письма содержали сообщения о военном и хозяйственном положении, просьбы о военной помощи, жалобы и доносы на соседних царьков и пр.

Нередко обменивались посланиями и цари более крупных держав. Иногда это были простые приветствия, как большинство писем митаннийского царя Тушратты к фараонам; или же письма касались переговоров относительно династического брака, который должен был соединить оба царства узами родства (как в случае того же Тушратты); или они содержали униженные просьбы о подарках (золоте) — такие письма посылал египетскому фараону его вавилонский «брат». Но иной раз эти послания служили и целям более широкой международной политики. Так, хеттский царь в письмах к вавилонскому верховному сановнику стремился поссорить Вавилонию с Ассирией; вавилонский царь выражал фараону протест против обращения последнего с ассирийским правителем как с равным, в то время как тот всегда якобы был «рабом» вавилонского царя.

Немаловажную роль играли династические браки между представителями царствующих домов различных государств. Египетские цари избегали выдавать своих царевен за иностранных государей, так как брак с египетской царевной давал по египетским законам её мужу право претендовать на египетский престол. Зато в остальных государствах посылка царских дочерей и сестёр в гаремы соседних царей была важнейшим средством обеспечения дружественных отношений. В этих случаях завязывалась переписка уже не только между царями, но и между царицами и другими членами царского дома.

Существовали определённые формы обращений при переписке между государствами. Например, зависимый царёк должен был начинать своё письмо со следующего обращения: «Царю, моему господину, моему Солнцу — так говорит твой раб Рибадди: к ногам моего господина, моего Солнца я припадаю семь и семь раз». Он называл себя при этом «собакой» своего господина. «Брат» же должен был выражать приветствие своему корреспонденту в такой форме: «Я благополучен — а ты, твои дома, твои жёны, твои сыновья, твои кони, твои колесницы, твои войска, твоя страна, твои вельможи — да будут весьма благополучны».

Международные договоры

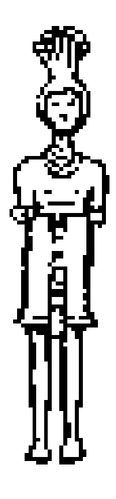
Система международных договоров получила особое развитие в Хеттской державе. Из Египта до нас дошёл только один международный договор — уже упоминавшийся договор между Рамсесом II и хеттским царём Хаттусили III. Возможно, что, устанавливая с государствами Сирии и Палестины отношения господства и подчинения, основанные на силе оружия, египтяне не оформляли этих отношений договорами. Напротив,

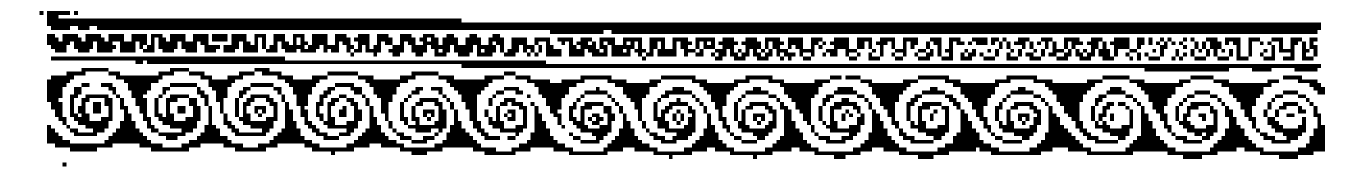
Хеттская держава вступала в договорные отношения как с независимыми, так и с зависимыми от неё государствами. В этих договорах, дошедших до нас в довольно значительном число, оговаривались обязательства военной помощи как против внутренних врагов, так и в случае подавления восстаний на зависимых территориях; порядок раздела общей военной добычи (например, одна договаривающаяся сторона получала территорию, другая — жителей для обращения их в рабство); взаимная выдача перебежчиков, беглых и военнопленных, выдача беглецов и военнопленных из третьих стран; в одном договоре между двумя сирийскими городами, напротив, оговаривается право убежища для беглецов и изгнанников, за исключением воров и убийц. Международными договорами устанавливались также границы с передачей тех или иных пограничных крепостей, определялось право укреплять пограничные города или обязательство не укреплять их и т. п. В своих договорах с зависимыми союзниками Хеттская держава оговаривала право вести торговлю и стремилась воспрепятствовать ассирийской торговле. Договору нередко предпосылалось введение, содержавшее обзор предшествующих отношений между двумя странами.

Следует обратить внимание, что в этих договорах всячески подчёркивалась взаимность обязательств. Каждое положение договора формально уравновешено содержащимися в нём обязательствами одной и другой стороны, в особенности когда дело идёт о договоре между равноправными сторонами. В обеспечение исполнения договора стороны клялись — каждая богами своей страны, призывая их кары на голову нарушителя.

Не следует, однако, представлять себе эти дипломатические связи очень тесными. Как правило, государства того времени не имели постоянных представителей при других государствах, а ограничивались отправкой посланцев от случая к случаю. Находясь при чужом дворе, такой посланец рассматривался здесь часто либо как соглядатай, либо как заложник. Иной раз он годами не имел связи со своим двором и при ухудшении отношений между державами мог погибнуть. Государство пребывания брало на себя защиту посланца и его свиты лишь на то время, пока длились дружественные отношения между державами. Конечно, цари настаивали на безопасности своих посланцев и даже некоторых своих подданных, но иностранцы, как уже указывалось, были практически лишены правовой защиты.

В рассматриваемое время история рабовладельческого мира включает в себя историю взаимодействия государств, их борьбу, определяемую противоречиями хищнических интересов рабовладельцев разных стран, заключение союзов между государствами, их взаимные обязательства в условиях войны и мира.

ГЛАВА XV
РАННИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ЭГЕЙСКОМ БАССЕЙНЕ

К началу II тысячелетия относится возникновение классового общества и государства на Крите, а затем и в других странах Эгейского бассейна. Это были первые очаги рабовладельческой цивилизации на территории Европы, оказавшие большое влияние на дальнейшее развитие Греции.

1. Древнейший Эгейский мир

Природные условия

Несмотря на то, что Эгейская область охватывает районы, расположенные на двух материках и множестве островов — их насчитывают несколько сотен, — географически и исторически она представляет собой в известной мере единое целое. Эгейская область в древности распадалась на четыре района: южную часть Балканского полуострова (материковую Грецию), островной мир, Крит и узкую прибрежную полосу Малой Азии. Материковая Греция в свою очередь делится на три части: Северную, Среднюю и Южную (Пелопоннес). От остальной части Балканского полуострова она отделена отрогами Балканского хребта, которые заходят и на территорию Греции, где горы занимают наибольшую часть поверхности. Важнейшей частью Северной Греции является плодородная Фессалийская долина, орошённая рекой Пенсом. Через узкий Фермопильский проход путь ведёт в Среднюю Грецию, которая включает ряд более или менее значительных по своим размерам долин, окружённых горами, и полуостров Аттику. С востока к Средней Греции примыкает остров Эвбея.

Пелопоннес со всех сторон, за исключением Коринфского перешейка (Истма), омывается водами Эгейского и Ионического морей и их заливами. Здесь, как и в

Средней Греции, страна состоит из многих, по большей части изолированных горами областей.

Горы в Греции — их высота редко превышает 2 тыс. *м* — не были неодолимым препятствием для человека, но в древности они всё же немало способствовали разобщённости отдельных областей. Кроме того, в Греции не было ни крупных рек, ни возможности для создания разветвлённой оросительной системы, характерной для многих древневосточных стран. Западные берега материковой Греции изрезаны сравнительно мало. Они большей частью круты и гористы. Зато на восточном побережье море образовало извилистую береговую линию.

Если горы разобщали племена Эгейского бассейна, то острова соединяли их друг с другом. Моряки в Эгейском море никогда не теряли из виду землю, даже если их путь лежал от берегов Европы к побережью Малой Азии. При обычной здесь ясной и безоблачной погоде острова, расположенные, как правило, не далее 50 *км* друг от друга, никогда не исчезали из поля зрения моряков. Это способствовало развитию мореходства и всех промыслов, связанных с морем.

Особой областью Эгеиды было побережье Малой Азии с удобными многочисленными мелководными бухтами, заливами и устьями рек. К побережью примыкали обширные равнины с плодородной почвой.

Климат побережий Эгейского моря, за исключением многочисленных горных районов, может быть определён как субтропический; только в северной части материковой Греции он переходит в умеренный. Лето здесь жаркое и засушливое. Снег даже зимой выпадает редко и обычно сразу же тает. В зимний период, когда дуют южные и юго-западные ветры со стороны тёплого Средиземного моря, выпадает большая часть годовых атмосферных осадков. Поэтому вегетационный период приходится на позднюю осень, зиму и весну, когда выпадают осадки; быстрые, с непостоянным режимом реки, обычно пересыхающие летом, не могут снабдить достаточной влагой поля и сады.

Плодородной земли в Греции немного. Со склонов гор почву смывают дожди, и только приморские равнины и долины внутри страны покрыты характерными для субтропической зоны краснозёмными и желтозёмными почвами. В поймах рек почвы наносные (аллювиальные), иногда заболоченные. В глубокой древности Греция была покрыта обширными лесами и зарослями колючего кустарника.

Вследствие засушливости климата и недостатка удобной земли земледелие, как основная отрасль хозяйства, развилось только в немногих районах страны. Хлеба в материковой Греции в период развития рабовладельческого общества обычно не хватало, и его приходилось уже тогда ввозить из других стран. Благоприятнее были условия для разведения садовых культур. Среди них первое место занимали масличные культуры и виноград.

Большую роль в хозяйственной жизни древних греков играли рыболовство и скотоводство — преимущественно разведение мелкого рогатого скота (коз и овец), особенно в центральных и горных районах страны. Крупный рогатый скот, а позже и лошадей разводили главным образом в Фессалии.

Страна богата разнообразными природными ископаемыми: прекрасным мрамором, превосходной глиной; из металлов здесь добывали серебро, медь, свинец, позже железо, на острове Фасос — золото. Золото добывалось также во Фракии (на территории современной Болгарии). Но некоторых металлов не хватало или было ничтожно мало (олово), и их приходилось ввозить.

Периодизация древнейшей истории Эгейской области

В греческом эпосе и мифах сохранились смутные предания древних греков об их далёком прошлом, о могуществе критского царя Миноса, об обильных золотом Микенах, о десятилетней Троянской войне и о других легендарных событиях. Начавшиеся в 70-х годах прошлого столетия раскопки Трои, Тиринфа и Микен, а позже Кносса (Крит) и сотен других больших и малых поселений на побережье и

островах Эгейского моря убедительно доказали, что греческие предания, несмотря на сказочную оболочку, сохранили зерно исторической правды и являются наследием действительно существовавшей во II, а отчасти и III тысячелетии до н. э. богатой и яркой эгейской культуры.

Историю Эгейского бассейна в III и II тысячелетиях до н. э. принято делить на три больших периода: ранний, средний и поздний. Ввиду того, что в разных областях Эгеиды характер местных культур не вполне одинаков, появилась необходимость выделения минойской (т. е. критской), элладской (т. е. материковой греческой) и других культур; соответственно стали обозначаться такие периоды, как раннеминойский, раннеэлладский и т. д. Хронологические рамки трёх периодов, несмотря на различие этих местных культур, примерно одни и те же для всей Эгеиды. Ранний период охватывает почти всё III тысячелетие (примерно до 2200—2100 гг.), средний — первую половину II тысячелетия (до 1600 г.) и поздний — вторую половину того же тысячелетия вплоть до рубежа XII и XI вв. до н. э. Позднеэлладский период часто называют также микенским, по имени крупнейшего в этом районе центра того времени — Микен.

Раннеминойский и раннеэлладский периоды — это время энеолита и появления бронзы, среднеминойский и среднеэлладский относятся к началу бронзового века, а позднеминойский и позднеэлладский — ко времени его расцвета и появления первых изделий из железа.

2. Древнейший Крит

Раннеминойский период (XXX—XXII вв. до н. э.)

Крит представляет собой узкий остров, расположенный почти на равном расстоянии от Европы, Азии и Африки. Остров длиной в 250 и шириной от 12 до 57 *км* делится перешейками на три части: восточную, центральную и западную. Последняя часть была мало заселена вплоть до середины I тысячелетия до н. э. Почти весь остров покрыт горными хребтами и их отрогами, доступными только пешеходам и вьючным животным. Небольшая плодородная равнина имеется лишь на юге центральной части острова.

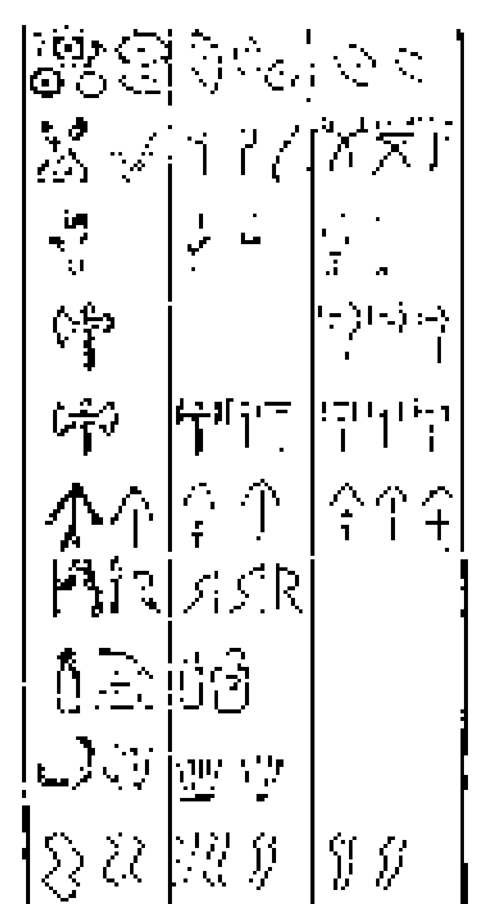
Заселение Крита началось со времён неолита, но тесные связи между жителями различных районов устанавливаются только в конце раннеминойского периода. Вплоть до середины II тысячелетия Крит не знал вторжений иноземных племён, и минойская культура, насколько можно судить по имеющимся данным, на протяжении примерно полутора тысяч лет развивалась самостоятельно. Но внешние связи, несомненно, существовали и оказывали известное воздействие на развитие культуры древнейшего Крита.

Основным занятием жителей были рыбная ловля, скотоводство и частично земледелие. В течение восьми веков, охватывающих раннеминойский период, на Крите постепенно распространяется употребление металлов, в основном меди. Местные жители в то время пользовались медными кинжалами, топорами, ножами. Применение металлических орудий повлекло за собой улучшение техники обработки каменных сосудов и развитие других отраслей ремесла. Значительную эволюцию прошло гончарное дело; улучшается техника обжига, возникает и развивается роспись на керамике, хотя сосуды всё ещё изготовлялись вручную. Под египетским влиянием появляются первые вырезанные из камня печати; на одной из таких печатей имеется изображение ладьи. Из внешних связей — по-видимому, довольно редких — удалось проследить лишь связи с Египтом.

Население Крита жило ещё первобытно-общинным строем. Во всяком случае имущественные и общественные различия не были сколько-нибудь существенными. Об этом свидетельствуют единообразие погребений, остатки коллективных домов и коллективные же круглые гробницы диаметром от 4 до 13 *м*.

Среднеминойский период (XXI—XVII вв. до н. э.)

В первой половине II тысячелетия экономическое и социальное развитие Крита продвинулось далеко вперёд. Характерной чертой этого времени является распространение бронзы. В различных местностях были найдены бронзовые резцы, много больших и малых топоров и секир, долота, тонкие скобели, кинжалы, наконечники копий, длинные мечи. Широкое применение бронзы открыло путь к общему подъёму производства. Развивается строительство крупных зданий, иногда в несколько этажей. Возникают первые дворцы в Кноссе, Фесте и Маллии.

Критское иероглифическое и линейное письмо *А* и *Б*.

Кносский дворец в это время трижды перестраивался; в конце периода был построен дворец в Агиа Триаде. Длившаяся около двух столетий борьба за преобладание между отдельными центрами Крита окончилась победой Кносса. Осязаемым результатом этой победы была проложенная с севера на юг и снабжённая сторожевыми постами большая дорога, идущая от Кносса к Фесту и далее до гавани Комо. К началу среднеминойского периода относится находка древнейшей в Европе четырехколёсной повозки (в селении Палекастро). Введённый в то же время гончарный круг на протяжении этого периода, по крайней мере, дважды подвергался серьёзным усовершенствованиям. Критские мастера овладели также техникой изготовления фаянса, применение которого быстро распространилось.

Больших успехов достигает изобразительное искусство. Обилие прекрасных, сделанных в реалистической манере дворцовых фресок свидетельствует о прогрессе самобытного местного искусства. Даже в росписи глиняных сосудов заметен переход от простых геометрических орнаментов к ярким изображениям сначала растений, а затем и животных. Уже в начале среднеминойского периода возник вид многокрасочной росписи сосудов, названный *камарес,* по имени поселения, вблизи которого в пещере были найдены первые сосуды с таким орнаментом. Эта своеобразная роспись получила большое распространение на Крите и за его пределами. Всё чаще встречаются различные печати и резные камни.

Важнейшим изобретением этого времени является письменность. Она возникла сначала в качестве пиктографического (рисуночного) письма, но вскоре приобрела вид иероглифов, во многом подобных египетским. Древнейшие образцы критского письма представляют собой рисунки, вырезанные на печатях, и метки на каменных блоках, из которых были построены дворцы. Под конец среднеминойского периода в обиход вошли уже чернила. В связи с распространением письменности иероглифы постепенно упрощались. В конце периода появляется уже линейное письмо *А,* названное так условно в отличие от несколько более позднего, тоже линейного, письма *Б.* К сожалению, линейное письмо *А* ещё не расшифровано, и поэтому мы лишены возможности определить конкретно-исторические особенности развития древнего Крита.

Значительный рост производительных сил наряду с усилением имущественного неравенства даёт основание полагать, что именно в среднеминойский период критское общество, по крайней мере, в ведущих, «дворцовых», центрах, становится обществом

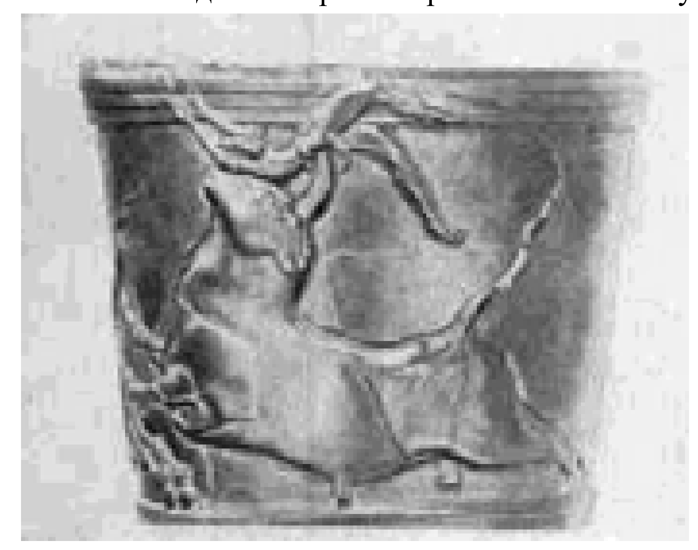
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ЭГЕИДЫ (II ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н. Э.)

классовым. Кносский и Фестский дворцы, судя по капитальному характеру построек, обилию предметов роскоши, богатству фресок, наконец, применению письменности для учёта продуктов и для нужд управления, несомненно, были местонахождением правителей ранних рабовладельческих государств. Проведение дороги, соединяющей Кносс с Фестом, по-видимому, свидетельствует о каком-то политическом объединении этих центров. Отсутствие сколько-нибудь значительного количества ввозных вещей указывает на то, что первые критские государства, несомненно, возникли вследствие постепенного внутреннего социально-экономического развития общества Крита, а не в результате какого-либо внешнего воздействия.

Позднеминойский период (XVI—XII вв. до н. э.)

Период примерно с 1600 по 1100 г. (так называемый позднеминойский) характеризуется максимальным развитием критской культуры; он охватывает также время её постепенного упадка вплоть до окончательного крушения. В XVI в. население Крита было, вероятно, более многочисленным, чем когда-либо в последующий период древности. По всему острову прокладывается сеть дорог со сторожевыми постами. Одновременно расширяются и дворцы, украшенные с небывалой до того времени роскошью. К этому времени относятся лучшие памятники критской архитектуры и искусства, такие, как «тронный зал», рельеф «царя-жреца», фрески, изображающие процессии, статуэтки, изображающие борьбу с быками, и др. Характерной чертой этого времени является рост богатства знати. Раскопанный частный дом кносского богача, так называемый «Южный дом», был двухэтажным. Это было здание с портиком, колоннами, священной площадкой, погребом и кладовой, в которой найдены различные бронзовые орудия. В этот период семейные гробницы знати, сделанные в скалах, расширяются и приобретают вид роскошных усыпальниц. Изображённые на фресках одежды знатных лиц и жрецов отличаются нарядностью.

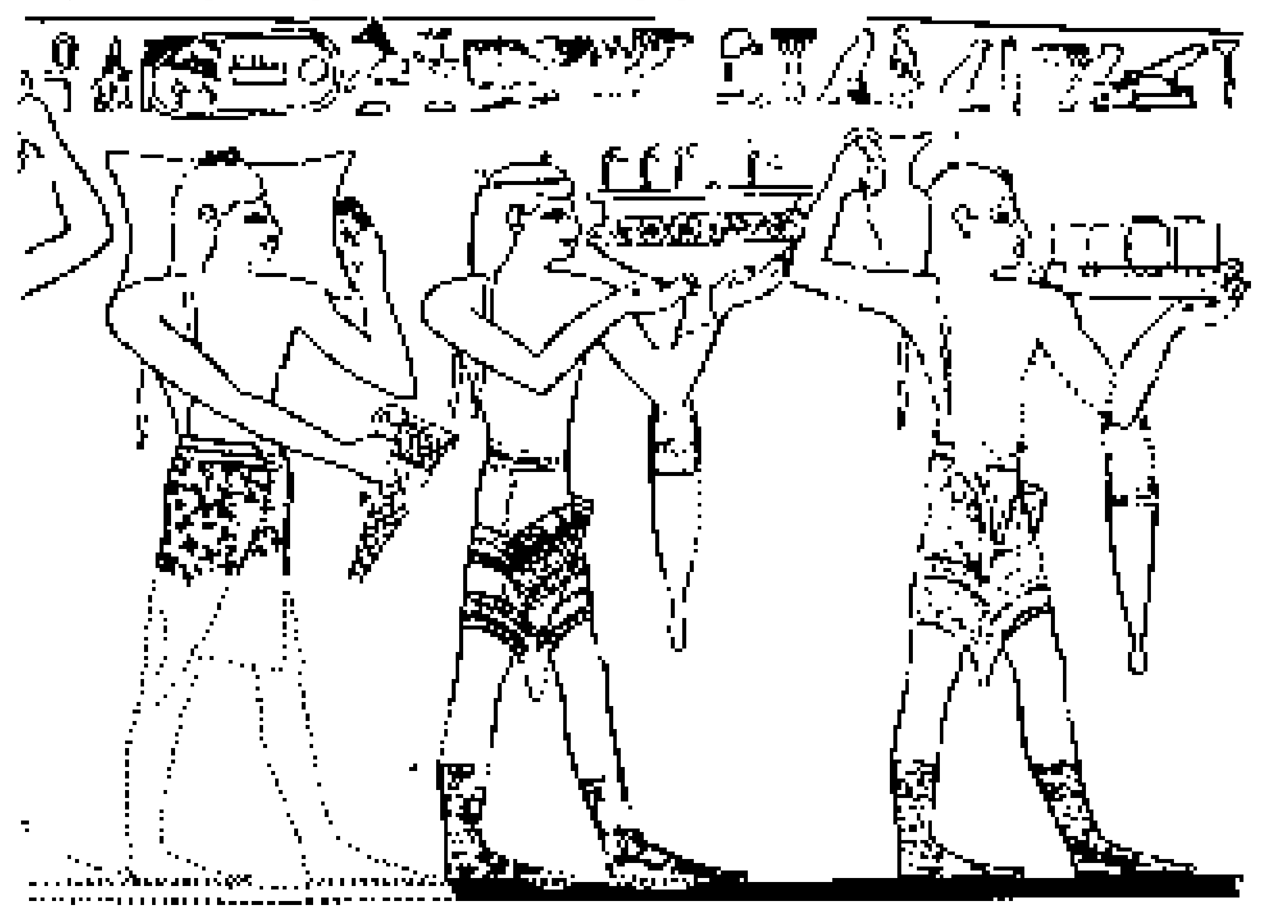
Кубок из стеатита (жировика).
Из дворца в Агиа Триаде. Крит.

Всё это было обусловлено прежде всего дальнейшим подъёмом производства, особенно заметным в кораблестроении. Если судить по изображениям на печатях, прежние ладьи превращаются теперь в относительно большие палубные корабли; на одной из печатей показана перевозка лошади, погруженной на корабль. В это время устанавливаются оживлённые связи Крита с Египтом, Сирией и особенно микенской Грецией. В ряде мест на Крите найдены медные слитки, имеющие форму бычьей шкуры, служившие, может быть, деньгами. Их вес (29 *кг)* соответствует более поздней греческой единице веса — *таланту.*

В это время появляется новое линейное письмо, так называемое линейное письмо *Б.* По-видимому, в первой половине XV в. до н. э. Крит был завоёван греческим племенем ахейцев. Документы из Кносса, написанные линейным письмом *Б*, составлены на греческом языке. Однако в других областях Крита вплоть до конца позднеминойского периода продолжает употребляться явно негреческое линейное письмо *А*. Ко времени господства ахейцев относится, очевидно, и купольная

гробница в Агиос Теодорос, построенная по образцу купольных гробниц, известных нам по раскопкам в Малой Азии и в Микенах.

В XIV—XII вв. до н. э. заметен постепенный упадок критской культуры, просуществовавшей ещё вплоть до нового, дорийского завоевания Крита, которое произошло, по-видимому, на рубеже XII и XI вв. К этому времени почти полностью прерываются внешние связи, угасает торговля, ремесленных изделий при раскопках

Дары критян египетскому фараону Тутмосу III.
Роспись из гробницы и Фивах. Середина II тысячелетия до н. э.

встречается всё меньше. В орнаментации глиняных сосудов вместо ярких реалистических изображений теперь появляются сильно стилизованные образы растений и морских животных.

Кносский дворец

Наиболее выдающийся памятник критской архитектуры — Кносский дворец. В греческих мифах он назывался *лабиринтом* (это слово происходит от термина *лабрис* — «двойная секира», — излюбленного изображения в критском искусстве). Согласно этим легендам, в глубине дворца обитал получеловек-полубык — Минотавр, на съедение которому город Афины ежегодно посылал 7 юношей и столько же девушек. Минотавр был убит, говорится в сказании, афинским героем Тесеем, сыном царя Эгея. По-видимому, миф о Тесее отразил зависимость Аттики от Кносса в начале позднеминойского периода. Кносский дворец, общей площадью около 16 тыс. *кв. м*, представляющий сложное нагромождение сотен различных помещений, казался грекам-ахейцам зданием, из которого невоз-

можно было найти выход. Слово «лабиринт» с тех пор стало синонимом помещения со сложной системой расположения комнат и коридоров.

Археологическими раскопками установлено, что дворец был построен в начале среднеминойского периода и затем многократно расширялся. Во время расцвета минойской культуры дворец имел два или три этажа, не считая подвальных помещений, в которых находились погреба, мастерские, склады продовольствия, оружия,

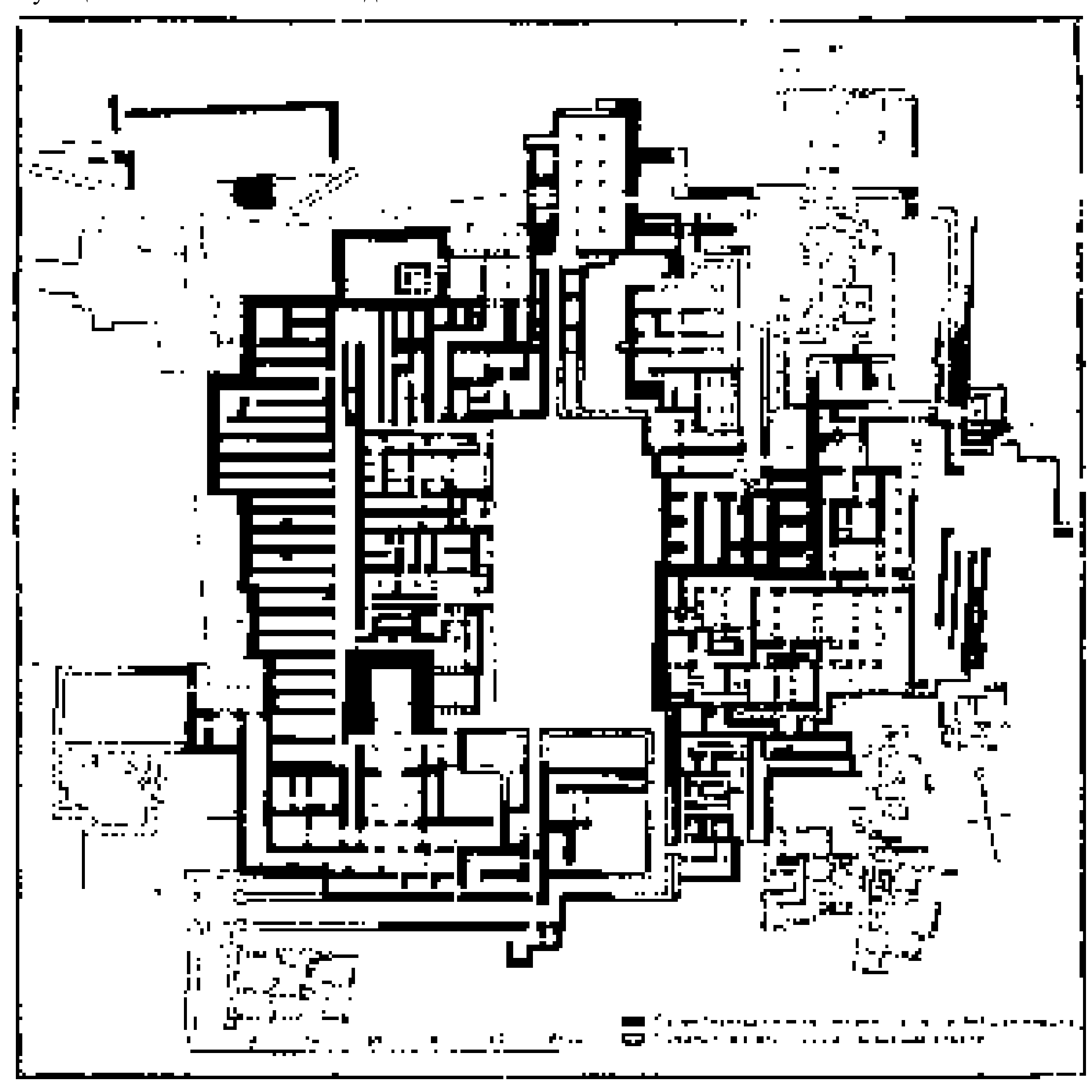
Глиняные сосуды позднеминойского периода.
Из Гурнии, Палекастро и Кносса. Остров Крит. XVI в. до н. э.

а также темницы. Парадные помещения дворца состояли из большого и малого «тронных» залов и комнат культового назначения. В предполагаемой женской части дворца были приёмная комната, ванные, сокровищница и различные другие помещения. Во дворце была проведена широкая канализационная сеть из глиняных труб большого и малого диаметров, обслуживавшая бассейны, ванные и уборные. Во дворце было найдено свыше 2 тыс. глиняных табличек с различными записями. Богатое убранство некоторых комнат, громадное количество изделий из драгоценных

металлов, высокохудожественные стенные росписи-фрески, вместительные склады — все это свидетельствует о том, что дворец был местопребыванием царей — правителей Кносса и всего Крита.

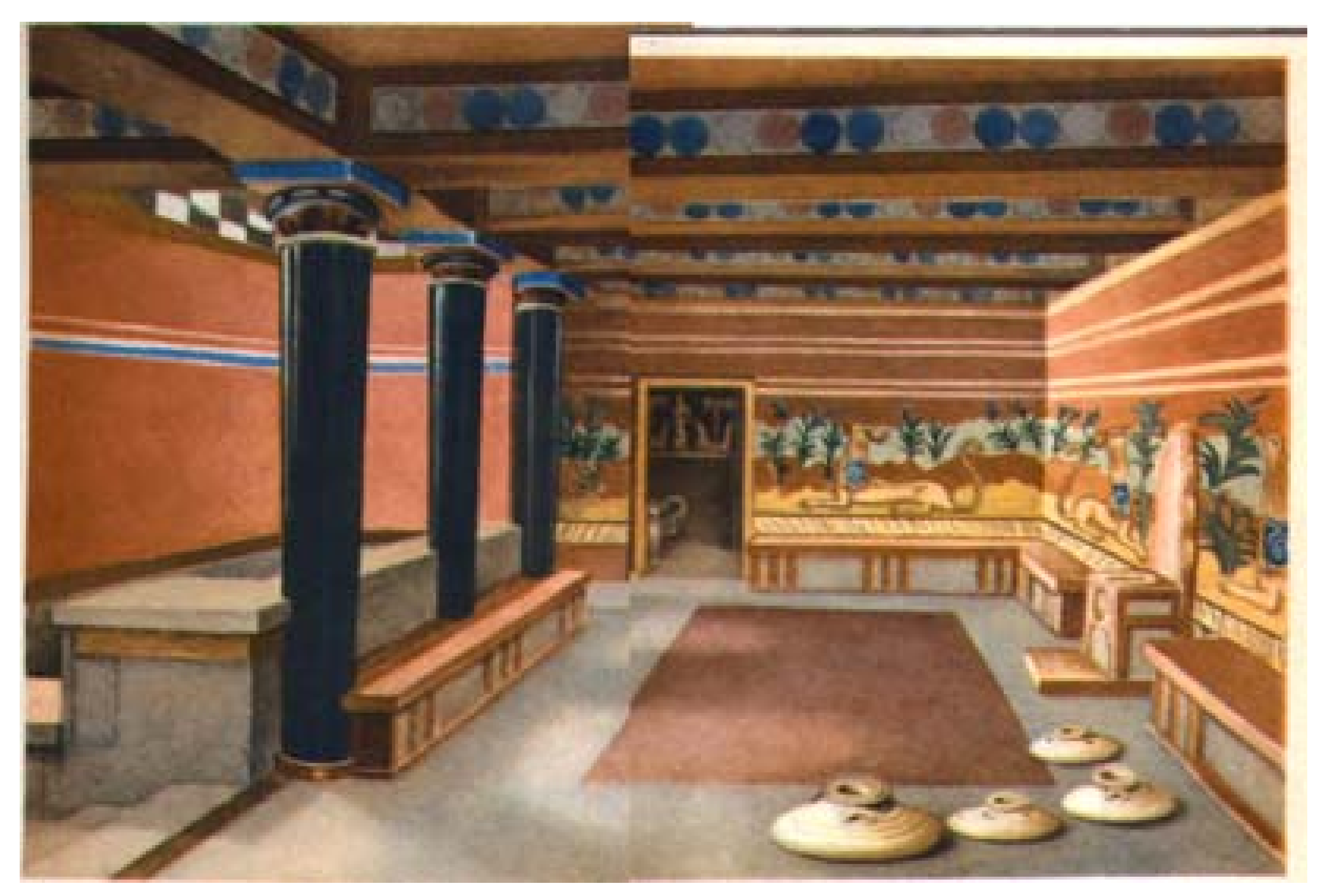
Социально-экономические отношения

В первой половине II тысячелетия до н. э. ведущие критские общества, несомненно, уже распались на классы. Такие гигантские здания, как Кносский дворец периода расцвета и аналогичные ему, хотя и меньших размеров, дворцы в Фесте, Маллии и Агиа Триаде, убедительно доказывают существование государственного аппарата, органа насилия господствующего класса. Об этом свидетель-

Кносский дворец.
Общий план нижнего пруса в позднеминойский период.

ствуют наличие темниц-тюрем в Кноссе, критский иероглиф, обозначающий ручные оковы, изображение вооруженных негров, по-видимому, дворцовой стражи, наконец, наличие большого централизованного дворцового хозяйства с развитой системой учёта. Всё это не могло возникнуть в условиях первобытно-общинного строя. При

«ТРОННЫЙ» ЗАЛ КНОССКОГО ДВОРЦА
Крит. Позднеминойский период. Реконструкция по А. Эвансу

существовавшем в то время уровне развития производительных сил критское общество не могло быть никаким иным, кроме как рабовладельческим.

Такие громадные сооружения, как Кносский дворец, в то время вряд ли могли быть воздвигнуты без применения в значительной мере труда рабов. Упоминание в греческом мифе о Тесее, о ежегодных поставках юношей и девушек на Крит, возможно, являлось далёким воспоминанием о дани рабами, которую уплачивали Криту подчинённые племена. В кносских документах содержатся явные указания на существование в то время довольно значительных групп рабов. Название одной из групп критских рабов — *мноиты,* дошедшее до нас в сочинениях более поздних античных авторов, ставится некоторыми исследователями в связь с именем легендарного критского царя Миноса.

Все имеющиеся данные позволяют утверждать, что на Крите в минойское время уже существовало рабство. Однако уровень развития рабовладения в то время был, по-видимому, не очень высок. Здесь не было больших ирригационных систем, как во многих древневосточных деспотиях. Земельные участки, по-видимому, не имели больших размеров. Ремесло достигло столь высокого уровня, что во многих случаях позволяет предполагать глубокий личный интерес производителя к качеству продукта его труда; такого рода непосредственные производители должны были быть лично свободными людьми.

О формах собственности на древнем Крите у нас имеется очень мало данных. Обилие печатей, которыми иногда клеймили *пифосы* (крупные глиняные сосуды для хранения продуктов), свидетельствует, вероятно, о значительном развитии частнособственнических отношений, однако печати могли принадлежать и должностным лицам, обслуживающим это огромное царское хозяйство. В позднеминойский период заметно уже серьёзное имущественное расслоение; дома богачей, их грандиозные гробницы, широкие внешние сношения Крита, наконец, использование драгоценных металлов в торговле — всё это указывает на развитие частной собственности.

Громадное дворцовое хозяйство, по-видимому, обслуживалось многими сотнями рабов, свободных ремесленников и земледельцев в порядке повинностей.

Критская культура

Одним из важнейших достижений минойской культуры была письменность, которая последовательно прошла весь путь развития от пиктографического через иероглифическое к линейному письму. Если иероглифическое критское письмо, возможно, зависело в некоторой степени от египетской письменности, то линейное письмо было столь же своеобразным, как вся минойская культура. Как уже указывалось, первоначальное линейное письмо *А* затем развилось в Кноссе и материковой Греции в линейное письмо *Б* (XV—XII вв.). На Кипре на основании этого линейного письма было создано кипро-минойское письмо (XV—XI вв.) и, наконец, кипрское слоговое письмо (VII—IV вв. до н. э.). Знакомство с кипрским слоговым письмом во многом облегчило расшифровку линейного письма *Б.*

Распространение письменности на Крите, насколько можно судить, было тесно связано с нуждами больших дворцовых хозяйств. Письмена обнаружены в основном на длинных и узких глиняных табличках, своими очертаниями напоминающих пальмовые листья. Таких табличек найдено очень много; немалое количество надписей дошло до нас на печатях, сосудах и некоторых других предметах. Несомненно, ещё большее количество надписей делалось на менее стойких материалах, например на пальмовых листьях, возможно, на папирусе и т. д. Отмеченное выше употребление чернил также свидетельствует в пользу относительно широкого распространения письменности.

В результате долголетних усилий целого ряда учёных линейное письмо *Б* в основном теперь уже расшифровано, что даёт возможность прочесть свыше 2 тыс. кносских, около 1 тыс. пилосских (найденных при раскопках Пилоса в юго-западной части Пелопоннеса) и примерно сотню других табличек со знаками этого письма.

Линейное письмо *Б* состоит из 88 знаков, обозначающих гласные и слоги; кроме того, и этом письме имелось много знаков для понятий. Система счета была десятичной. Язык прочитанных надписей оказался греческим, лишь немного отличающимся от языка древнего эпоса греков. Отсюда следует, что греческий язык гораздо древнее, чем предполагалось раньше, так как кносские таблички были составлены в середине II тысячелетия, за 600 лет до предполагаемого времени сложения эпоса. Расшифровка линейного письма *Б* неопровержимо доказывает, что уже в то время Кноссом правили говорившие на греческом языке ахейцы, которые и приспособили линейное письмо *А* к греческому языку.

Богиня со змеями.
Статуэтка из слоновой кости. Вид спереди и сбоку.
Позднеминойский период.

Своеобразным было и минойское искусство. От простейших точечных и линейных орнаментов через яркие многоцветные сложные геометрические фигуры критские художники постепенно перешли к реалистическому изображению растительного и животного мира. Фрески на стенах дворцов, особенно в Кноссе, смело могут быть поставлены в один ряд с лучшими художественными произведениями древнего мира. Минойские художники середины II тысячелетия до н. э. искусно воспроизводили даже облик и детали туалета участников пышных процессий, знатных женщин и т. д. Именно благодаря реалистической манере критских мастеров произведения изобразительного искусства того времени приобретают для нас значение важнейшего исторического источника. Несмотря на наличие в критском искусстве религиозных тем, оно имело более светский характер, чем египетское или вавилонское.

Историческое значение минойской культуры в целом определяется тем, что на Крите на пять столетий раньше, чем в других областях Эгеиды, возникло классовое общество и государство. В первой половине и в середине II тысячелетия как материальная, так и духовная культура Крита оказывала влияние на племена материковой Греции и содействовала их более быстрому развитию. Достижения критской культуры были переняты и далее развиты ахейцами.

3. Микенская Греция

Раннеэлладский период (XXX—XXII вв. до н. э.)

III тысячелетие до н. э. в истории материковой Греции характеризуется всё большим распространением металлов. Раннеэлладские племена были уже знакомы с их обработкой: в Зигури (южнее Коринфа) найдено остриё бронзового кинжала, в Герее (Аркадия) — золотой предмет; серебро использовалось иногда для булавок. Захоронения того времени были обычно коллективные; они размещались в узких колодцеобразных и высеченных в скале могилах. Поселения, как правило, расположены на холмах. Нет никаких следов имущественного и социального расслоения этих племён. Только

в районе Тиринфа в древнейших слоях вскрыт фундамент круглой большой постройки, которая, возможно, представляла собой хижину племенного вождя. Очевидно, раннеэлладские племена жили в условиях первобытно-общинного строя.

Около 2500 г. в Фессалии возникает так называемая культура Димини, родственная культурам придунайских племён, и в частности трипольской. Для неё характерны оборонительные стены, которые возводились вокруг поселений, и прямоугольный дом с *мегароном* [1].

Носители этой культуры, по-видимому, являлись предками некоторых из греческих племён. Эта культура, сосуществовавшая с раннеэлладской, постепенно распространяется на юг вплоть до Крита.

Раннеэлладские племена говорили, очевидно, на языке, не принадлежавшем к числу индоевропейских. В древнегреческий язык вошло большое число слов с основами, оканчивающимися на *-нт (-нф)* и *-се,* отсутствующими в других индоевропейских языках. К этим словам наряду с такими географическими названиями, как Коринф, Тиринф, Олинф, принадлежат наименования многих растений: гиацинт, нарцисс, кипарис и многие другие. По-видимому, всё это является наследием в греческом языке, полученным от раннеэлладских, догреческих племен, населявших материковую Грецию в III тысячелетии до н. э. Раннеэлладские племена были родственны древнейшему населению Малой Азии, так как и здесь встречаются сходные географические названия. Образцы характерной для этого периода керамики были обнаружены и в древнейших слоях Трои, а также на Крите.

Древние греки называли догреческое население страны пеласгами, карийцами или лелегами. Эти племена заселяли Эгеиду с периода неолита. Они, по-видимому, не принадлежали к числу народов индоевропейской семьи языков.

Среднеэлладский период (XXI—XVII вв. до н. э.).

Между 2200 и 2000 гг. до н. э. южная часть Балканского полуострова подвергалась опустошительному нашествию. Волна греческих племён (сами греки называли себя позже эллинами) хлынула в Эгеиду с севера. При раскопках во многих поселениях раннеэлладский слой отделён от последующих прослойкой пепла; другие раннеэлладские поселения были вообще покинуты своими жителями. Завоевателей принято называть миниями, так как характерные для них предметы (серая посуда) были найдены впервые в Орхомене в Беотии, где, согласно греческим преданиям, жили легендарные минии. Серая минийская посуда была сделана из хорошо размятой глины, которая после обжига приобретала темно- или светлосерый цвет. Минийская серая керамика, современная упомянутой выше критской керамике типа камарес, датируется первыми веками II тысячелетия.

Начало среднеэлладского периода совпадает во времени с появлением хеттских племён в центральной и восточной части Малой Азии, говоривших на языке, принадлежавшем к индоевропейской семье. Минии, по-видимому, принесли с собой греческий язык.

Античные источники в общем довольно точно указывают границы расселения отдельных эллинских племён на протяжении почти всего II тысячелетия до н. э. вплоть до начала следующего вторжения — переселения дорийцев. Данные древних писателей подтверждаются изучением районов распространения различных греческих диалектов. Три основные группы греческих племён — ионийцы, ахейцы и эолийцы — расселились на территории материковой Греции: ионийцы жили в Аттике и в северо-восточной части Пелопоннеса, ахейцы заняли почти весь Пелопоннес, эолийцы расположились в Фессалии и Средней Греции, за исключением Аттики. В течение почти

[1] Мегароном называлась в более позднее — «гомеровское» время центральная комната в греческих домах. Она представляла собой прямоугольное помещение на столбах с отверстием в кровле.

всего II тысячелетия ахейские племена, жившие в наиболее плодородных районах и находившиеся ближе к древнейшим — догреческим центрам культуры (прежде всего к Криту), развивались значительно быстрее, чем другие греческие племена; они первыми создали классовое общество и государство и распространились по всей территории Эгеиды. Ахейцами, в частности, было создано и Микенское царство, сыгравшее важную роль в истории древнейшей Греции.

Племена среднеэлладской культуры занимались в основном земледелием и скотоводством. В их селениях найдены пшеница, ячмень, просо, лук-порей, горох, бобы, чечевица и горшки с желудями, вероятно, употреблявшимися в пищу. Во многих минийских домах встречаются светильники, в которых горючим материалом служило оливковое масло. Обнаружены также кости быков, овец, коз и ослов, что свидетельствует о развитии скотоводства. Минии занимались и рыбной ловлей. В Филакопи, на острове Мелос, найдена ваза XVIII или XVII в. до н. э., на которой изображена вереница идущих вдоль ручья людей, держащих в каждой руке по рыбе.

Минийская керамика, в отличие от раннеэлладских сосудов, делалась уже на гончарном круге. На протяжении пяти веков среднеэлладского периода керамика прошла значительный путь развития. Более поздняя минийская керамика, сосуществовавшая, впрочем, с серой, отличается жёлтым цветом, что, вероятно, было обусловлено усовершенствованием гончарных печей и повышением температуры обжига. На орнаментах жёлтой минийской посуды впервые заметно некоторое критское влияние. Глиняных сосудов в минийских домах встречается очень много; наряду с кухонной посудой грубой отделки при раскопках находят тонкостенные сосуды, громадные пифосы — сосуды для хранения продовольствия, изящные кубки; обнаружены также специальные сосуды для воды, вина, оливкового масла и т. д. Орнамент жёлтой минийской керамики среднеэлладского периода почти незаметно переходит в позднеэлладский.

Частые находки боевых бронзовых топоров, украшений из драгоценных металлов и, реже, металлической посуды свидетельствуют о значительном прогрессе в технике обработки металлов по сравнению с раннеэлладской культурой.

Минийские племена жили ещё в условиях первобытно-общинного строя. Захоронения их, известные в числе нескольких сот, производились в так называемых ящичных могилах. Тело покойника обычно в скорченном положении помещалось как бы в каменный ящик из известняковых плит; в могилы клалось мало инвентаря. Всё же, если судить по предметам домашнего обихода, уже намечаются некоторые различия в имущественном положении отдельных семей.

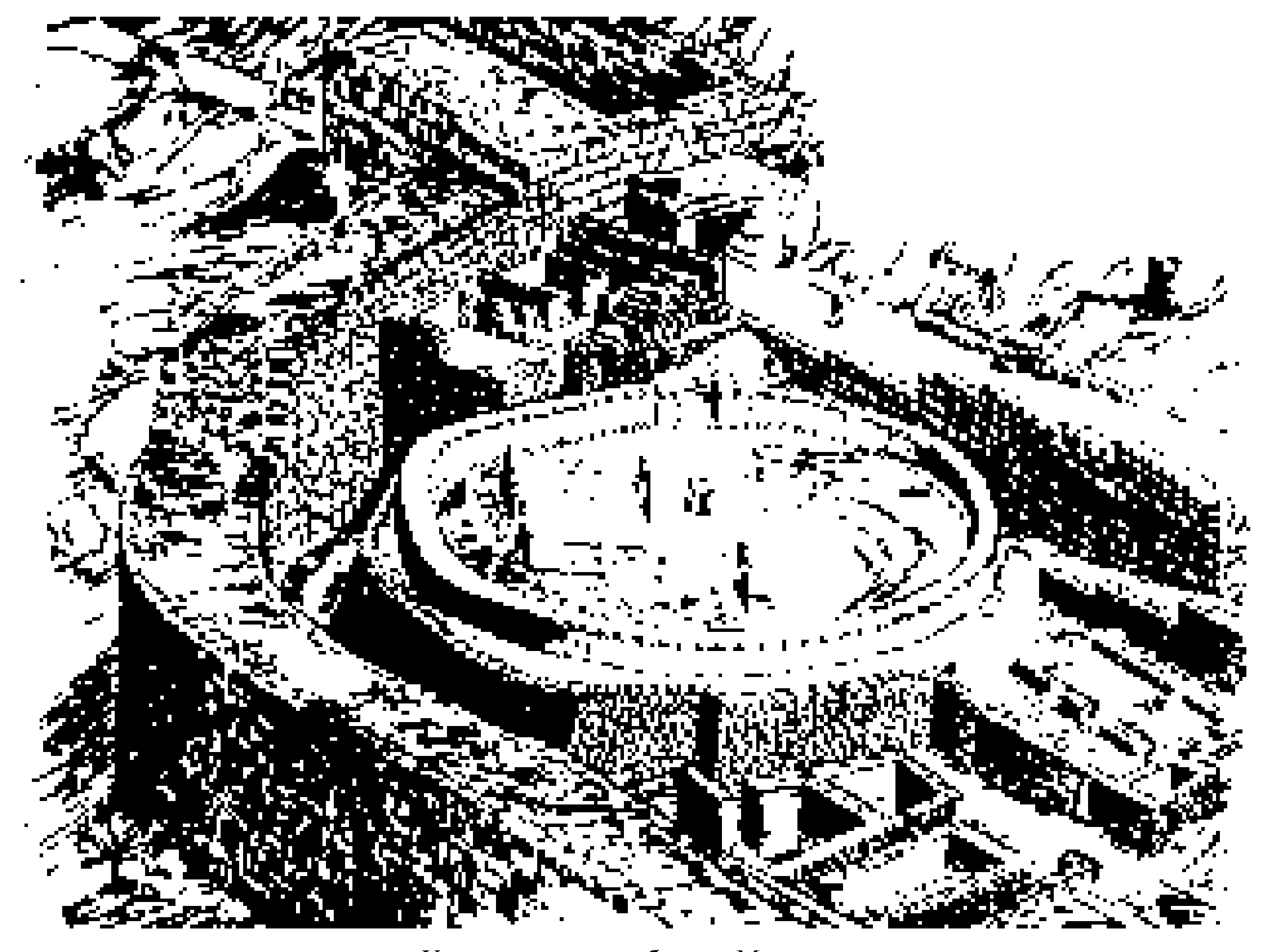
Позднеэлладский период (XVI—XII вв. до н. э.)

Позднеэлладский период продолжался примерно с 1600 по 1100 г. до н. э. В истории материковой Греции это время называется также микенским, по имени главного центра культуры того периода — Микен. Количество археологических памятников очень велико. Наиболее выдающиеся памятники происходят из пелопоннесских центров этой культуры: Микен, Тиринфа и Пилоса. Однако позднеэлладские предметы находят в больших количествах во всём Восточном Средиземноморье, вплоть до Египта и Угарита (Финикия). Крупные центры микенской культуры характеризуются монументальными архитектурными сооружениями (дворцы, крепостные стены, громадные гробницы), большим количеством драгоценных металлов, высокохудожественными ремесленными изделиями, многими вещами, привезёнными из стран Востока и даже Прибалтики (янтарь). Но основная масса поселений — а их раскопано не менее сотни — по своему инвентарю и, следовательно, образу жизни обитателей не многим отличается от тех же поселений предшествующего периода. Зато в главных центрах микенской культуры, в частности в самих Микенах, заметна постоянная, иногда изумительно быстрая эволюция материальной культуры.

Наиболее показательно для этого времени изменение в формах захоронений; на протяжении всего III и II тысячелетий насчитывается 5 основных групп погребений:

ямные, ящичные, шахтовые, камерные и купольные. Ямные могилы представляют собой овальные или прямоугольные углубления в земле, обычно скалистой; на тело покойника клали глиняные миски; эти захоронения характерны для ранне- и среднеэлладского времени, но встречаются и в поздний период.

Одновременными ямным погребениям являются и описанные выше ящичные могилы. Инвентарь обеих этих групп могил исключительно беден, что, возможно,

Укрепления и погребения в Микенах.
Середина II тысячелетия до н. э. Частичная реконструкция.

объясняется низким уровнем развития производительных сил в ранние периоды, а для последующего времени также и тем, что в таких могилах хоронили простых людей.

Следующим, наиболее важным памятником Микен являются шахтовые гробницы. Эти прямоугольные, несколько вытянутые гробницы были вырублены в мягкой скале на глубину от 0,5 до 3—4 *м;* они представляют собой дальнейшее развитие ямных и ящичных погребений. Инвентарь этих гробниц поражает обилием изделий из золота. В них также найдено много изделий из бронзы и серебра. В могилах обнаружен янтарь, страусовые яйца и другие явно привозные предметы. Художественные произведения в этих гробницах свидетельствуют о влиянии критского искусства, хотя тематика изображений значительно отличается от критской. В гробницах найдена также минийская керамика. Расположены гробницы среди среднеэлладских могил. Очевидно, это были захоронения правителей.

Четвёртым видом погребений являются камерные гробницы, строившиеся внутри холмов. Вход в погребальную камеру вёл через открытый коридор — *дромос*. Камеры

представляют собой семейные склепы. Их инвентарь состоит из оружия, орудий производства, украшений, предметов домашнего обихода и т. д. Такие гробницы были обнаружены не только в Микенах, но и на всей территории распространения микенской культуры. Эти гробницы считают усыпальницами аристократических семей.

Последняя группа погребальных сооружений — купольные гробницы позднеэлладского периода, являющиеся большими (диаметром до 14 *м*) сооружениями каменной кладки; высота их примерно равна диаметру основания. В архитектурном отношении эти гробницы являются дальнейшим развитием камерных гробниц; они также снабжены дромосом. Таких гробниц обнаружено несколько десятков, в том числе 9 в районе Микен. Большинство этих гробниц было разграблено ещё в древности, однако сложность их сооружения и сохранившийся в некоторых гробницах инвентарь дают право считать их местами погребения царей, которых условно называют царями «династии купольных гробниц».

Микены

Микены расположены на Пелопоннесе, на полпути между Коринфом и Аргосом. Микенский холм был заселён с начала III тысячелетия. Благодаря удобному положению в центре небольшой, но плодородной равнины, наличию водного источника — Персей и, наконец, недоступности холма для противника поселение постепенно расширялось. В среднеэлладский период была сооружена оборонительная стена вокруг вершины холма и построены дома на соседних возвышенностях. У западного склона вершины холма было расположено кладбище, на котором находились шахтовые гробницы.

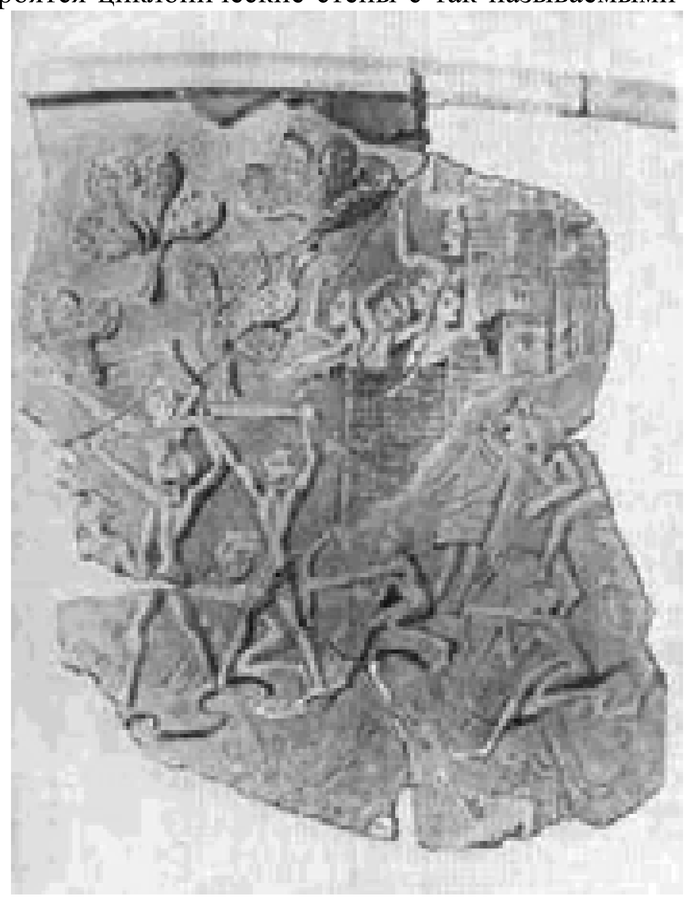
Погребальная маска из Микен.
XVII—XVI вв. до н. э.

В период, когда сооружались шахтовые гробницы, микенское общество переживало подъём. Богатство инвентаря шахтовых гробниц свидетельствует о значительном развитии производительных сил во время перехода к позднеэлладскому периоду. Широкое применение бронзы, обилие драгоценных металлов и их щедрое использование — явный показатель происшедшего уже отделения ремесла от земледелия и длительного накопления трудовых навыков у микенских ремесленников. Наличие вещей иноземного происхождения свидетельствует о связях, возможно торговых, с далёкими странами. Совокупность находок в шахтовых гробницах даёт основание считать микенское общество того времени уже обществом классовым. Рабовладельческое общество возникло в Микенах в результате внутреннего развития. Все археологические данные свидетельствуют о местных корнях микенской культуры.

В начале XV в. до н. э. в Микенах, по-видимому, пришла к власти упоминавшаяся выше «династия купольных гробниц», продержавшаяся по крайней мере до 1300 г. до н. э. В это время наиболее ощутимо влияние критского искусства. Как говорилось ранее, из расшифровки линейного письма *Б* неизбежно следует, что именно в

это время ахейцы завоевали Кносс. Победители, несомненно, вывезли на родину не только много предметов критского искусства, но, возможно, и критских ремесленников. В это же время значительно расширяются связи Микен с другими странами. В Эль-Амарне (Египет), например, найдено 19 микенских ваз — видимо, подарок фараону Эхнатону. Большое количество микенской керамики найдено в Трое и Милете (западное побережье Малой Азии), на острове Кипр и даже в Угарите (Финикия).

В XIV в. до н. э. в Микенах наблюдается значительное строительство. Расширяется и укрепляется Микенский акрополь (кремль, строятся циклопические стены с так называемыми Львиными воротами. На вершине холма возводится новый дворец с мегароном, тронным залом, святилищем. Стены дворца расписываются высокохудожественными фресками. Каменной оградой в это время были обнесены и шахтовые гробницы. Много новых домов, раскапываемых в настоящее время, было построено на прилежащих холмах. В искусстве заметна борьба против критского влияния; критские цветочные и морские мотивы становятся всё более условными и, наконец, уступают место линейному орнаменту со многими лентами и спиралями.

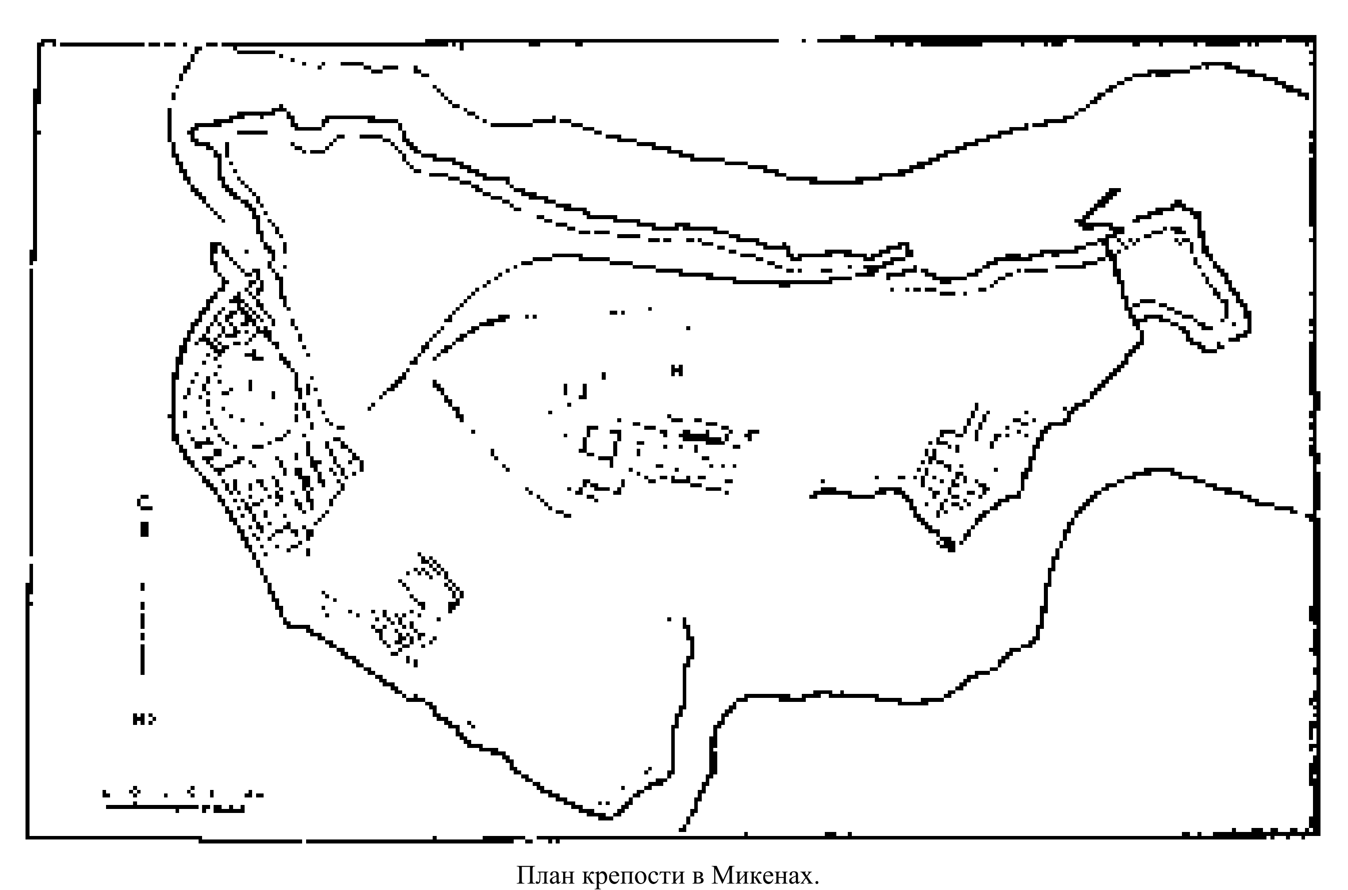

Изображение осажденного города.
Фрагмент серебряного ритона (кубка для вина) из Микен.

К этому времени относится создание сети дорог, связывающих Микены с Арголидским и Коринфским заливами. Сохранившиеся до настоящего времени остатки мостов, насыпей из булыжника и т. д. показывают, что все эти дорожные сооружения были построены по единому плану. Наличие развитой дорожной сети свидетельствует о том, что Микены в это время были столицей какого-то небольшого, централизованного государства. Находки микенской керамики вне материковой Греции становятся, можно сказать, массовым явлением. Особенно много такого рода находок сделано на островах Эгейского моря и в южной части Малой Азии. Микенского типа купольная гробница найдена в Колофоне (малоазийское побережье). Это было время наибольшего расцвета и распространения микенской культуры.

В середине позднеэлладского периода начинается ослабление Микен. Жители, по-видимому, ожидали нападений. Раскопки показывают, что все источники воды были подведены к северным воротам акрополя, а в его северо-восточном углу была сооружена глубокая подземная цистерна, куда вливались воды источника Персей. Одновременно перестраиваются и оборонительные сооружения Тиринфа. В XIII в. до н. э. прекращаются связи с Египтом.

Исходя из подсчётов античных авторов, войну ахейцев, возглавлявшихся царём Микен Агамемноном, против Трои, описанную в греческом эпосе — «Илиаде»,

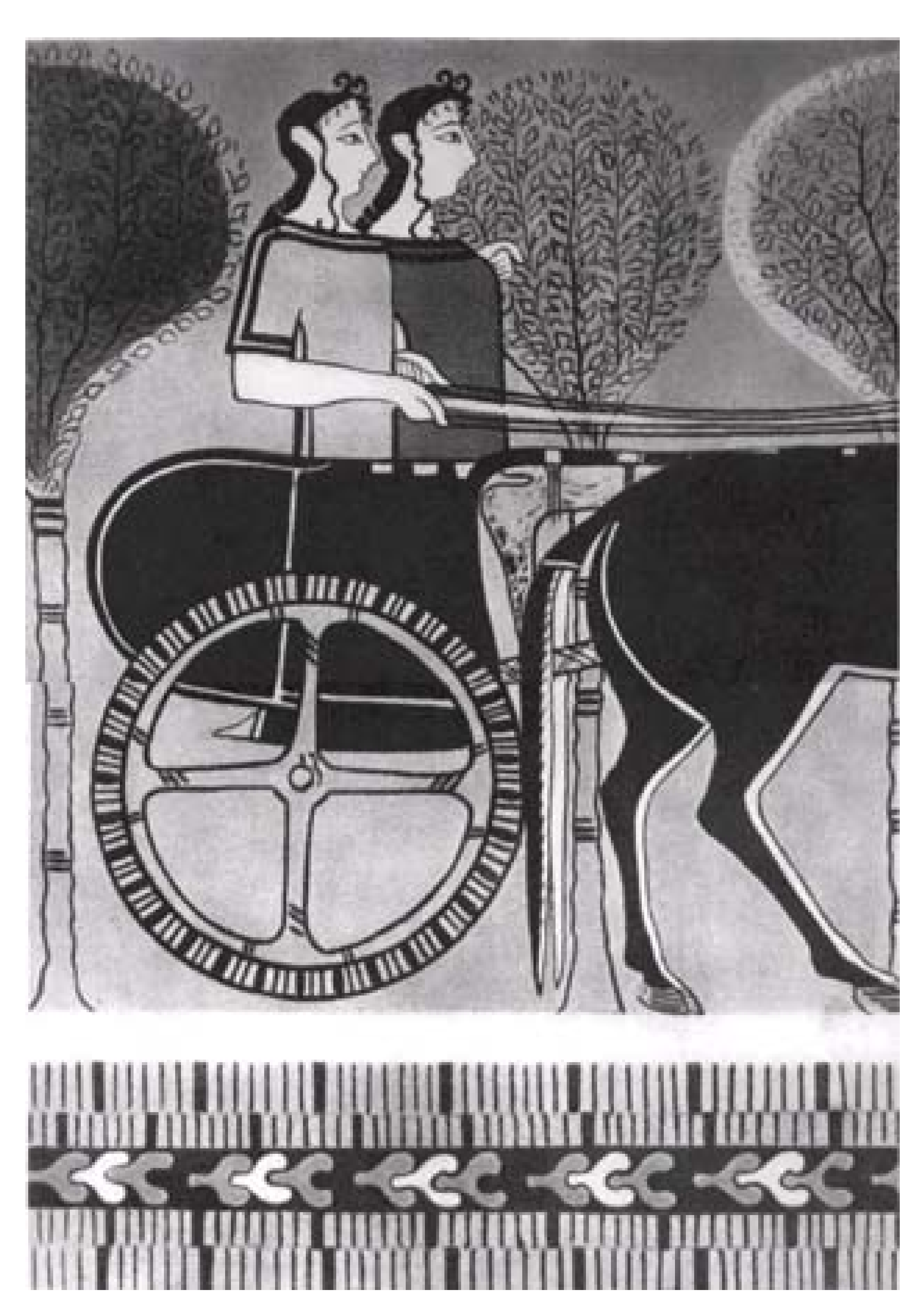
План крепости в Микенах.
1. Львиные ворота. **2**. Амбары. **3**. Место погребения. **4**. Въезд. **5** и **6**. Дома. **7**. Дворец. **8**. Фундамент храма. **9**. Дом с колоннами.

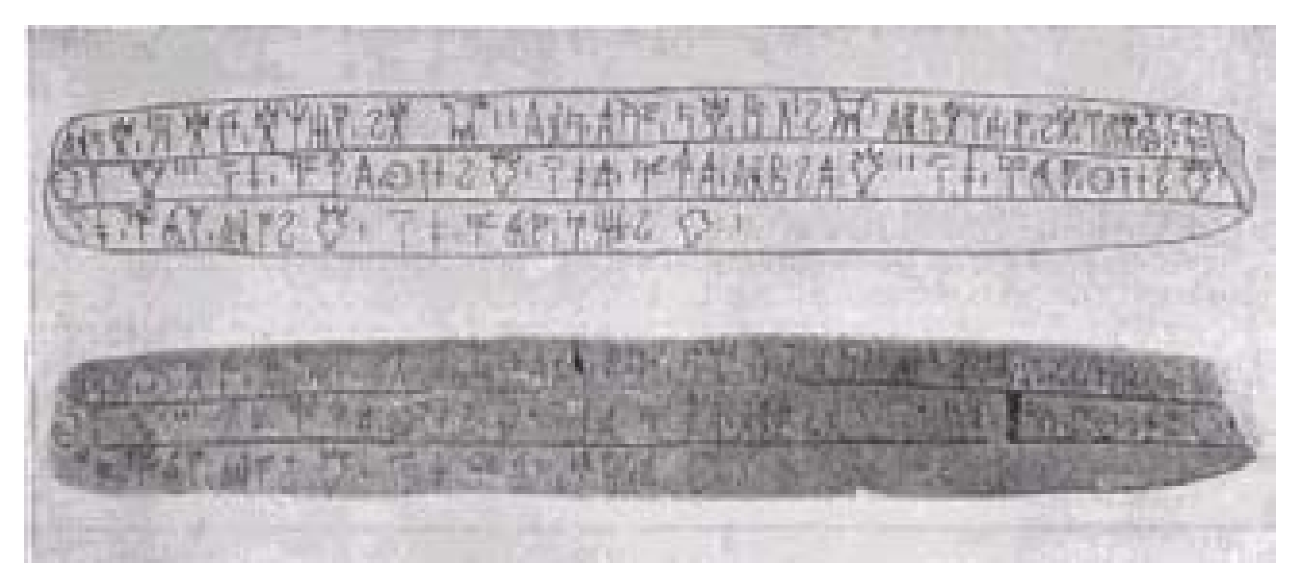
Львиные ворота в Микенах.
Середина II тысячелетия до н. э.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЮНОШИ
Роспись из Кносского дворца.
Крит. Позднеминойский период.

ЖЕНЩИНЫ НА КОЛЕСНИЦЕ.
Роспись из дворца в Тиринфе. Греция. Позднеэлладский период.

Надпись линейным письмом *Б*, содержащая опись бронзовых сосудов.
Глиняная табличка из Пилоса. XIV в. до н. э.

следует датировать началом XII в. (1194—1184 гг. до н. э.). Археологические данные свидетельствуют о том, что в эти годы ахейцы находились в связи с северо-западным побережьем Малой Азии и что Троя примерно в это время подверглась разрушению. «Илиада» в поэтической форме отразила, по-видимому, действительно имевшее место военное столкновение между ахейцами и троянцами.

Другие центры микенской культуры

Сооружения, аналогичные микенским, были найдены в Тиринфе, Пилосе, Фивах и некоторых других местах. Раскопанный ещё в прошлом веке Тиринфский дворец находился на расстоянии около 15 *км* от Микен. Он так же был построен на крутом холме и окружён почти неприступными стенами. Внутренняя планировка этого дворца аналогична микенской. И здесь имеется мегарон, а стены покрыты фресками в микенском стиле.

Несколько позже был построен дворец в Пилосе (Мессения). Недалеко от Пилоса находится купольная гробница. В верхних слоях Пилосского дворца ещё при начале раскопок было найдено множество хозяйственных документов — глиняных табличек со знаками линейного письма *Б*. Пилосский дворец сгорел или был сожжён в начале XII в. до н. э.

Золотой кубок из Вафио.

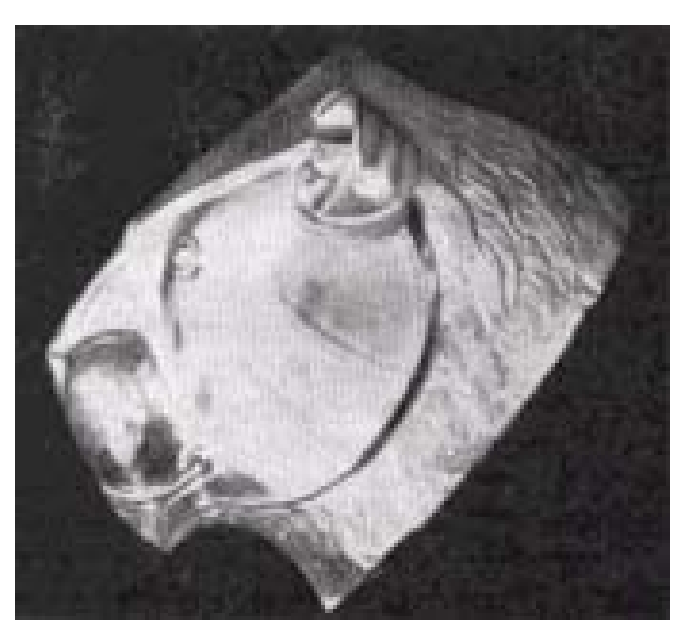
Следы микенской культуры обнаружены и в Лаконике (юго-восточная часть Пелопоннеса). Главным её центром в позднеэлладский период были Амиклы; кладбище местных правителей находилось вблизи современной деревни Вафио. В гробницах было найдено большое количество предметов искусства, в том числе два прекрасных золотых кубка. В Центральной Греции более крупные поселения были открыты в Фивах, Афинах и ряде других мест.

К концу позднеэлладского периода относятся следы ирригационных сооружений на Копаидском озере в Беотии.

Дворцы с их большими комплексами монументальных построек были лишь островками в море селений, так сказать, деревенского типа, обитатели которых жили в условиях, немногим отличающихся от предыдущего времени. Таких поселений в одной только материковой Греции раскопано несколько десятков. В Кораку, Эвтресисе и многих других селениях не найдено никаких монументальных построек, нет привозных вещей, очень мало ремесленных изделий, за исключением глиняных сосудов.

Состояние производительных сил в позднеэлладское время

Микенское время — расцвет бронзового века. Из бронзы делались самые разнообразные орудия труда, вооружение, сосуды, украшения и т. д. В районе Микен были найдены бронзовые слитки, топоры, ножи, перстни, гвозди, дверные шарниры и др. В несколько меньшем объёме применялись другие металлы. Из олова делалась кухонная посуда; даже глиняные сосуды изготовлялись с подражанием металлическим образцам. В Немее, севернее Микен, найдены остатки медного рудника. Некоторые учёные предполагают, что источником богатства Микен является разработка месторождений меди. Золото и серебро относительно широко применялись для изготовления всякого рода украшений. Однако такие украшения были дороги и носились только богатыми.

Золотой ритон в виде головы льва.
Из погребения в Микенах. Около XVI в. до н. э.

Вопреки долго распространённому мнению, микенская Греция была знакома и с железом, которое, однако, использовалось только для предметов роскоши. В слоях того времени найдено несколько железных колец, подвесок, пуговиц; в Тиринфе обнаружена железная арфа. Лишь в конце позднеэлладского периода была освоена техника плавления железа, по образцу плавки меди, но всё ещё при довольно низких температурах: в шлаках микенского времени очень высок процент содержания железа.

Главной отраслью производства было, несомненно, земледелие и связанное с ним скотоводство. В этот период продолжали сеять пшеницу и ячмень, сажали горох, бобы, чечевицу. Во многих домах найдены кладовые с пифосами, наполненными зерном. Специальное зернохранилище было обнаружено в Микенах. О значительном развитии масличных культур и виноделия свидетельствуют материалы раскопок домов вблизи Микенского акрополя, условно называемые археологами домами «торговца оливковым маслом» и «торговца вином». В первом из них было найдено 39 табличек с надписями линейным письмом *Б*, в которых учитывался приход и расход оливкового масла.

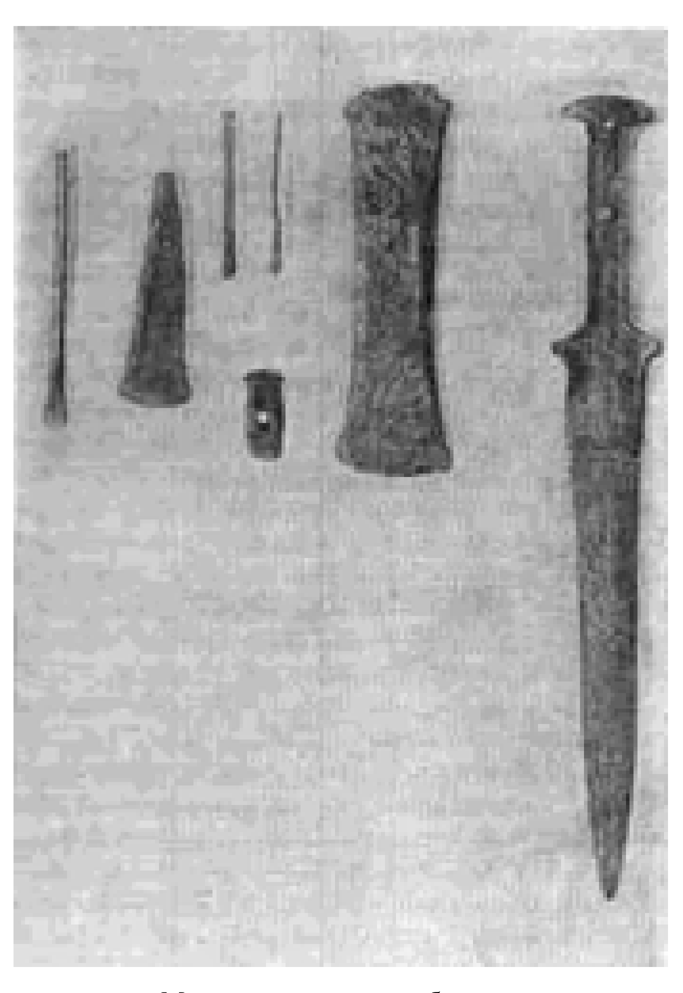
Разводился в это время крупный рогатый скот; имеются данные о разведении овец и свиней. В одной из шахтовых могил найдено изображение лошади, которая запрягалась тогда только в боевые колесницы. Для перевозки грузов применялись ослы и мулы. Ряд косвенных данных — значительный рост населения, использование большого числа людей на крупных постройках, развитие ремёсел — приводит к выводу, что производительность труда в сельском хозяйстве должна была к этому времени значительно возрасти.

Большие сдвиги произошли в ремесле. Строительство дворцов, оборонительных стен, гробниц, дорог и т. д. настоятельно требовало новых орудий производства. Микенские строители использовали несколько видов долот, свёрл, различные молоты и пилы; для обработки дерева применялись топоры и ножи. В Микенах были обнаружены пряслица и грузила от ткацких станков.

Крупные размеры микенских построек говорят о довольно высоких знаниях строителей, длительных трудовых навыках каменщиков, большом умении резчиков по камню и ряда других работников. Громадные каменные блоки весом иногда в десятки тонн, из которых были построены оборонительные стены Тиринфского дворца, доставлялись из каменоломни, отстоящей от Тиринфа на добрый десяток километров. Камни для построек вначале обрабатывались тяжёлыми молотами, затем их резали уже бронзовой пилой. Применение системы противовесов и кронштейнов и установка водосточных труб требовали довольно сложных расчётов. Характерно единообразие точно выработанных приёмов кладки стен на всей территории распространения микенской культуры.

Позднеэлладские гончары делали посуду самых различных размеров — от маленьких кубков до громадных сосудов. Глина была хорошо очищена, стенки сосудов изготовлялись тонкими, поверхность ваз нередко полировалась, обжиг был высококачественным. В Зигури найден большой склад керамики, в котором насчитывалось несколько сот чаш, блюд, кувшинов и т. д. Наличие столь больших запасов посуды в маленьком поселении, расположенном вдали от крупных центров, свидетельствует о значительном развитии гончарного дела.

Совокупность всех этих данных показывает, что ремесло уже отделилось от земледелия и стало самостоятельной отраслью производства. Большая часть ремесленников

Меч и инструменты из бронзы.
Из раскопок в Микенах. XVII—XVI вв. до н. э.

Глиняная ваза из Микен с изображением воинов.

работала при дворцах местных правителей и была занята производством оружия, строительством, создавала предметы роскоши. Другие, как, например, гончары, вырабатывали предметы широкого потребления.

Внутренняя торговля была развита слабее, чем внешняя. В микенскую Грецию кроме олова ввозились исключительно предметы роскоши. Для сравнения напомним, что в это время на Крите уже встречаются слитки из меди, по форме напоминающие бычью шкуру и игравшие, вероятно, роль денег.

Общественные отношения

После того, как был найден ключ к чтению свыше 3 тыс. кносских и пилосских табличек со знаками линейного письма *Б*, которые в течение полувека представляли собой загадку для исследователей, становится возможным дать общую картину социальных отношений микенского и позднеминойского общества.

Таблички представляют собой архив главным образом царского и храмового хозяйства. По-видимому, значительную часть лиц, упоминаемых в текстах, составляют рабы. В очень многих случаях указывается место происхождения рабов; обычно это какие-либо греческие поселения, но в Пилосе были рабы и из Кносса. Учитываются в табличках и дети рабынь. В особых случаях перечисляется довольно большое количество мальчиков и девочек, пожертвованных храмам различных греческих богов. Вообще, если судить по данным табличек, большинство рабов принадлежало храмам. Упоминаются в надписях рабы, занятые в скотоводстве и ремесле; многие были посажены на землю и обязаны поставлять храмам определённое количество продовольствия. Пилосские таблички заключают в себе много сведений о *доэлой*. Этот термин, вероятно, соответствует греческому *дулой,* обозначавшему рабов. Группа называемых этим термином лиц насчитывает многие сотни человек. Таким образом, пилосские таблички полностью подтверждают рабовладельческий характер греческих обществ микенского периода.

Аграрные отношения, если судить на основании тех же текстов, были примерно следующие. Часть земледельцев владела земельными участками; о других говорится как об арендаторах. Арендаторы земли вносили плату за свои участки натурой. Выше указывалось, что многие храмовые рабы были также посажены на землю, очевидно, принадлежавшую храмам. Наряду с этим в табличках говорится и о царских участках, обозначаемых термином *теменос,* встречающимся и в гомеровском эпосе. Очевидно, расслоение свободного земледельческого населения было уже значительным.

Довольно много и в пилосских и в кносских табличках говорится о ремесленниках. Перечисляются чаще всего кузнецы, которым выдаётся металл, вероятно в слитках, и которые сдают готовую продукцию; кузнецы получают за это продовольствие; им даются и рабы. В табличках иногда идёт речь о значительных количествах металлических изделий; в одной надписи упомянуто 217 топоров, в другой 50 мечей, в третьей 462 пары колёс. Кузнецы, так же как земледельцы, получали определённые задания, но были освобождены от поставок продовольствия. Ткани, белые и цветные, и одежда производились рабынями, которые также сдавали определенное количество готовой продукции.

Относительно мало говорится в табличках о господствующем классе рабовладельцев; упомянуты *басилеи* — термин, которым обозначались племенные вожди («цари») в гомеровских поэмах. Однако они играли ещё сравнительно скромную роль. В текстах упоминаются жрецы и некоторые другие категории знати.

Отношения собственности на землю, наличие значительных храмовых хозяйств и состав господствовавшего класса рабовладельцев, в котором большую роль, по-видимому, играли жрецы, делает общество микенского периода более сходным с обществами некоторых ранних восточных рабовладельческих государств, чем с позднейшими рабовладельческими обществами Греции.

Падение микенской культуры

В XIII в. до н. э. выступают всё более отчётливо признаки ослабления микенского общества; внешние связи постепенно уменьшаются; в самих Микенах ведётся только оборонительное строительство. Вскоре наступает окончательное падение микенской культуры. Археологические раскопки показывают, что в это время совершенно прекращается строительство; отсутствуют данные о внешних связях; даже местной керамики становится несравненно меньше. Такая же картина упадка наблюдается и в Тиринфе. Только в Афинах, как это было выяснено сравнительно недавними раскопками, в XIII и XII вв. до н. э. идёт интенсивное оборонительное строительство. В Афинах были укреплены стены акрополя, расширена система оборонительных сооружений и вырыт проход к источнику воды на глубину 30 *м* ниже уровня акрополя.

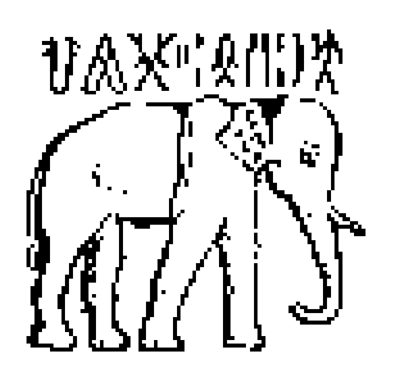
Эти мероприятия проводились перед лицом общей угрозы для всего микенского мира. Такой угрозой, по-видимому, было вторжение племён дорийцев. Наряду с ионийцами, ахейцами и эолийцами, дорийцы представляли собой одну из основных групп древнегреческих племён. По свидетельству античных авторов, переселение дорийцев началось спустя 80 лет после падения Трои, следовательно, в самом конце XII в. до н. э. Археологические данные подтверждают, что падение Микен произошло в последней трети XII столетия до н. э. Представляется несомненным, что микенское общество пало под ударами племён дорийцев.

При анализе причин падения рабовладельческой микенской культуры обычно указывается на то, что дорийцы имели вооружение из железа и что мощь микенского общества была подорвана длительной Троянской войной. Это объяснение далеко не достаточно. Упадок микенской культуры начинается, по крайней мере, за столетие до переселения дорийцев. Данные пилосских надписей доказывают, что в Пилосе имелись массы жестоко эксплуатируемых рабов и безземельных. Именно эта причина должна была в решающей степени ослабить сопротивляемость рабовладельческого микенского общества перед лицом дорийских племён, которые не знали ещё острых классовых противоречий. К тому же ранние рабовладельческие микенские общества сложились только в немногих центрах Пелопоннеса и, возможно, Средней Греции; основная масса окружающего населения жила ещё в условиях, близких к условиям предшествующего периода и, вероятно, также подвергалась эксплуатации микенских и других рабовладельцев. Все эти обстоятельства и предопределили крушение микенской культуры.

Несмотря на быстрое падение ранних рабовладельческих обществ микенской Греции, они сыграли довольно большую роль в дальнейшем развитии греческой культуры, которая многое унаследовала от обществ позднеэлладского периода. Местное население не было уничтожено дорийцами; культура греческих племён I тысячелетия до н. э. многими своими корнями уходит в микенский период.

ГЛАВА XVI
ДРЕВНЕЙШАЯ ИНДИЯ

Данные современной науки позволяют показать важное историческое значение уже в далёкой древности одной из величайших стран мира — Индии, установить истоки её цивилизации.

Уже во второй половине III тысячелетия до н. э. в Индии существовало рабовладельческое общество, была известна письменность, был достигнут относительно высокий уровень культуры.

1. Первобытно-общинный строй в Индии

Природные условия

Название Индия произошло от наименования крупнейшей реки на северо-западе этой страны. Древние индийцы называли её Синдху; это слово у древних персов звучало — Хинду, а у древних греков — Индос. Страну, расположенную в бассейне этой реки и к востоку от неё, в Европе уже в древности стали называть Индией. У самих древних индийцев общепринятого названия для всей страны не было.

Индия расположена в Южной Азии, на Деканском (Индостанском) полуострове и прилегающей к нему с севера части материка. На севере она ограничивается Гималаями — величайшей в мире системой горных хребтов; на востоке — невысокими, но труднопроходимыми горами, отделяющими Индию от стран Индо-Китайского полуострова; на западе — отрогами Гималаев, а также другими горными хребтами. К западу от этих отрогов находятся пустынные и полупустынные области с горным ландшафтом. Деканский полуостров глубоко вдаётся в Индийский океан, образующий на западе Аравийское море, а на востоке — Бенгальский залив. Берега Индии мало

изрезаны, вблизи мало островов, а Индийский океан остаётся бурным значительную часть года. Всё это препятствовало раннему развитию мореплавания. Географическая изолированность Индии затрудняла общение её народов с внешним миром. Однако народы Индии, особенно населяющие северо-западную её часть, даже в этих условиях поддерживали на протяжении многих тысячелетий разносторонние связи со своими соседями.

В географическом отношении Индия отчётливо делится на две основные части: южную — полуостровную и северную — материковую. На границе между ними находятся горы, состоящие из ряда широтных хребтов (крупнейший из них Виндхья), покрытых в древности дремучими лесами. Эта горная область была существенным препятствием для сообщения между северной и южной частями страны, что содействовало некоторой исторически сложившейся обособленности их друг от друга.

Южная Индия представляет собой полуостров, напоминающий по форме неправильный треугольник, обращённый вершиной к югу. Центральную часть полуострова занимает Деканское плоскогорье, заключённое между Западными и Восточными Гхатами — горами, тянущимися вдоль западного и восточного побережья. Деканское плоскогорье имеет небольшой уклон с запада на восток, поэтому почти все крупные реки Южной Индии текут на восток. Для земледелия здесь наиболее благоприятны прибрежные равнины. Центральная часть полуострова довольно засушлива, так как горы, окаймляющие Деканское плоскогорье, задерживают влажные ветры, дующие с океана. Реки Южной Индии отличаются неустойчивым водным режимом и порожистым течением, что затрудняет их использование для транспорта и искусственного орошения.

Северная (материковая) Индия разделяется пустыней Тар и прилегающими к ней обширными полупустынными пространствами на Западную и Восточную. Наиболее удобные пути сообщения между ними находятся ближе к предгорьям Гималаев.

В западной части Северной Индии находится Пенджаб (Пятиречье) — долина реки Инда и пяти крупных рек, сливающихся вместе и одним речным потоком впадающих в Инд. В связи с засушливостью климата, для того чтобы здесь развивалось земледелие, необходимо искусственное орошение. Правда, районы, непосредственно прилегающие к рекам бассейна Инда, могут орошаться и их разливами.

В восточной части Северной Индии находится долина реки Ганг и её многочисленных полноводных притоков. В настоящее время она почти безлесна, но в древности была покрыта густыми лесами. В низовьях Ганга очень влажный климат. Даже такие влаголюбивые культуры, как рис, джут, сахарный тростник, могут здесь выращиваться без применения искусственного орошения. Однако с продвижением на запад атмосферные осадки становятся всё менее обильными, и искусственное орошение оказывается всё более необходимым.

Природные условия Индии чрезвычайно разнообразны: здесь находятся самые высокие в мире горы и огромные равнины, области с исключительным обилием атмосферных осадков и пустыни, обширнейшие степи и непроходимые джунгли, местности с очень жарким климатом и высокогорные районы, где никогда не тают льды и снега. Животный и растительный мир Индии также отличается богатством и многообразием. При этом многие породы животных, например различные виды крупного рогатого скота (зебу, буйволы и др.), легко поддаются приручению и одомашнению. Многие виды растений, в том числе рис, хлопок, джут, сахарный тростник и др., оказалось возможным культивировать ещё в очень отдалённые времена.

Одним из важнейших факторов, определяющих климат всей Индии в целом, являются юго-западные муссоны, начинающие дуть с Индийского океана в июне — июле и приносящие основную массу атмосферных осадков. Поэтому в большинстве областей страны налицо очень благоприятное в хозяйственном отношении сочетание периода максимума солнечного тепла с периодом максимума выпадения осадков.

Особенности географической среды наложили отпечаток на историю народов Индии, способствуя ускорению темпов исторического развития в одних районах и замедлению в других.

Индия по своим размерам больше, чем все ранее упоминавшиеся рабовладельческие страны. Весьма разнообразны природные условия Индии, этнический состав населения и исторические судьбы её различных народов. Это усложняет изучение древнейшей истории этой страны.

Изучение древней истории Индии осложняется также и тем, что мы не имеем ни одного точно датированного письменного источника древнее IV в. до н. э. Только для времени начиная с середины I тысячелетия до н. э. можно установить факты политической истории и с уверенностью назвать имена некоторых исторических деятелей. Археологические данные и материалы преданий, сохранившихся в религиозной литературе, эпосе и т. д., при всей их ценности, ещё не дают возможности разрешить многие важнейшие проблемы древнейшей истории страны.

Население

Индия, являющаяся в настоящее время второй после Китая страной в мире по численности населения, была густо заселена и во времена глубокой древности; известно, что греческий историк Геродот, живший в V в. до н. э., считал Индию самой населённой в мире страной.

Этнический состав населения современной Индии неоднороден. Народы Северо-Западной Индии по своему физическому облику мало отличаются от народов Ирана и Средней Азии. Народы южной части полуострова существенно отличаются от жителей северо-западной части страны: например, цвет кожи у них значительно темней. Другие народы Индии имеют промежуточные антропологические черты между этими двумя основными. Весьма различно население Индии и по языку. Многочисленные языки народов Индии в большинстве своём принадлежат к двум группам, существенно отличающимся друг от друга, — индоевропейской и дравидской, представляющей собой особую, не связанную с другими языковую семью. Языки первой группы преобладают на большей части территории Индии, дравидские языки — только в южной половине полуостровной Индии; имеются изолированные очаги дравидских языков на северо-западе и индоевропейских — на юге. Кроме того, в глухих горных районах живут народности, общепринятой классификации которых по антропологическому и языковому принципу ещё нет.

Как сложилась эта этническая пестрота, пока ещё определить с достоверностью не представляется возможным. Высказываются лишь различные предположения. Так, например, то обстоятельство, что население Северной Индии более похоже по внешнему облику и языку на народы, населяющие Иран и Среднюю Азию, чем на население Южной Индии, привело европейских учёных XIX в. к заключению, что Индия, коренным населением которой, по их мнению, были народы, говорящие на языках дравидской группы, подверглась когда-то вторжению так называемых «ариев» — группы племён, говоривших на языке индоевропейской семьи. На основании этого предположения о приходе индоевропейских племён в Индию была создана так называемая теория «арийского завоевания Индии». Однако, что представляли собою эти племена, откуда они явились и когда, в какой форме происходило их вторжение, — на все эти вопросы ни одна из высказывавшихся гипотез не даёт обоснованного ответа.

Археологические данные о древнейшей истории Индии

Индия является одним из древнейших очагов цивилизации. Основным творцом самобытной и оригинальной индийской культуры, несомненно, было её коренное население. Археологические исследования в Индии начались сравнительно недавно, но они уже дали, особенно в последние десятилетия, чрезвычайно ценные результаты, которые позволяют по-новому осветить некоторые важнейшие вопросы древнейшей истории страны.

Индия была заселена со времён глубочайшей древности. Об этом свидетельствуют находки в различных районах страны орудий, датируемых временем нижнего

палеолита (шелльского и ашельского типов). Однако в основных частях речных долин Инда и Ганга пока не обнаружено следов палеолитического человека; это вполне согласуется с исследованиями геологов, показывающими, что эти важнейшие районы современной Индии в период каменного века были заболочены и покрыты джунглями. Освоение их было в то время делом, непосильным для человека.

Лучше и полнее изучен период неолита в Индии. Поселения неолитического человека обнаружены и в речных долинах, хотя здесь они всё ещё встречаются реже, чем в холмистых и горных местностях. В этот период, так же как и в предыдущий, основным материалом, из которого делались орудия труда, был камень. Однако техника обработки камня достигла значительной высоты; неолитические орудия тщательно обтёсывались, а иногда, особенно их рабочие части, и шлифовались. О развитости производства изделий из камня свидетельствует обнаруженная в округе Беллари (штат Мадрас) специальная мастерская по их изготовлению.

Жители неолитических поселений уже занимались примитивным земледелием, умели приручать скот, изготовляли гончарные изделия. Древние индийцы времени неолита умели делать лодки, на которых не боялись выплывать даже в море. Много стоянок неолитического человека обнаружено в пещерах, хотя в это время сооружались и настоящие жилища простейшего типа. В некоторых неолитических стоянках обнаружена роспись на стенах пещер. Наиболее интересные образцы неолитической живописи находятся в пещерах около селения Сингапнур (Центральная Индия).

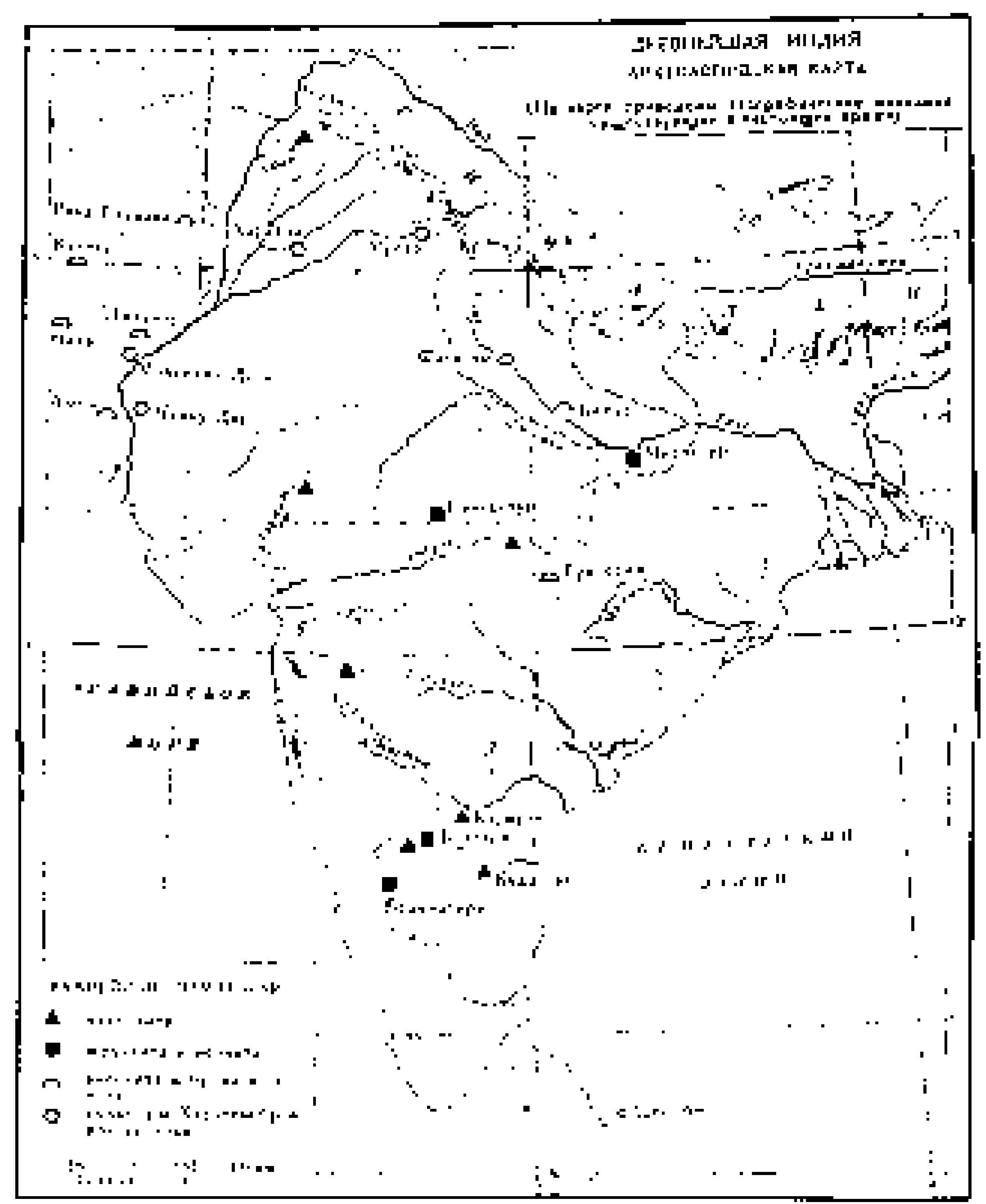
Общественные отношения

Данные о первобытно-общинном строе в Индии сохранились в исторических преданиях, мифах, легендах, собранных в древнеиндийской религиозной литературе и в древнеиндийском эпосе на индоевропейском языке — санскрите. Предания эти восходят ко II тысячелетию до н. э., но безусловно сохранили и более ранние данные, в том числе и о населении, говорившем на неиндоевропейских языках. Изучение пережитков первобытнообщинных отношений у некоторых племён и народностей современной Индии также помогает уяснить ход исторического развития страны в далёком прошлом. В преданиях и легендах сохранились смутные воспоминания о периоде собирательства, о том, как человек научился добывать и использовать огонь и какое значение он придавал этому своему достижению.

Сохранились данные, указывающие на существование в Индии родовой общины — *ганы.* Гана обычно составляла одно поселение — *граму* и представляла собой единый экономический и общественный организм. Члены ганы были связаны кровным родством, каждый участвовал в производственном процессе и военных действиях на равных основаниях со всеми и имел право на равную с другими долю при распределении продуктов коллективного труда. Глава общины — *ганапати,* руководивший всеми работами, выбирался собранием общины — *сабхой.* Военная добыча была собственностью всей общины, а то, что должно было потребляться индивидуально, делилось поровну. Положение женщины в общине было высоким. Счёт родства вёлся по материнской линии, что свидетельствует о наличии в это время ещё материнского рода.

В названных выше письменных источниках имеются также данные (впрочем, скудные и недостаточно определённые) о племенной организации. Племя — *вишь* — состояло из нескольких ган. Верховным органом власти в племени было общее собрание всех взрослых членов племени — *самити,* выбиравшее племенного вождя — *раджу,* главу племенного ополчения.

Религиозные верования были основаны на поклонении силам природы, а культ заключался в жертвоприношениях богам вместе с различными магическими действиями, представлявшими ритуальное воспроизведение производственных процессов в общине. Во время религиозных праздников произносились гимны, восхвалявшие богов. Религиозным ритуалом руководил глава общины. Профессионального жречества

Древнейшая Индия. Археологическая карта

ещё не было. Мёртвых хоронили без гроба или в специальных урнах. Известны и надгробные памятники типа дольменов.

Переход к металлу

Золото было первым металлом, который древние индийцы научились использовать, но оно употреблялось только для производства украшений. Первые металлические орудия труда и оружие, датируемые концом IV и началом III тысячелетия до н. э., сначала изготовлялись из меди, а потом из бронзы. Естественно, что переход к металлическим орудиям произошёл прежде всего в тех районах, в которых имелись залежи медной руды с большим

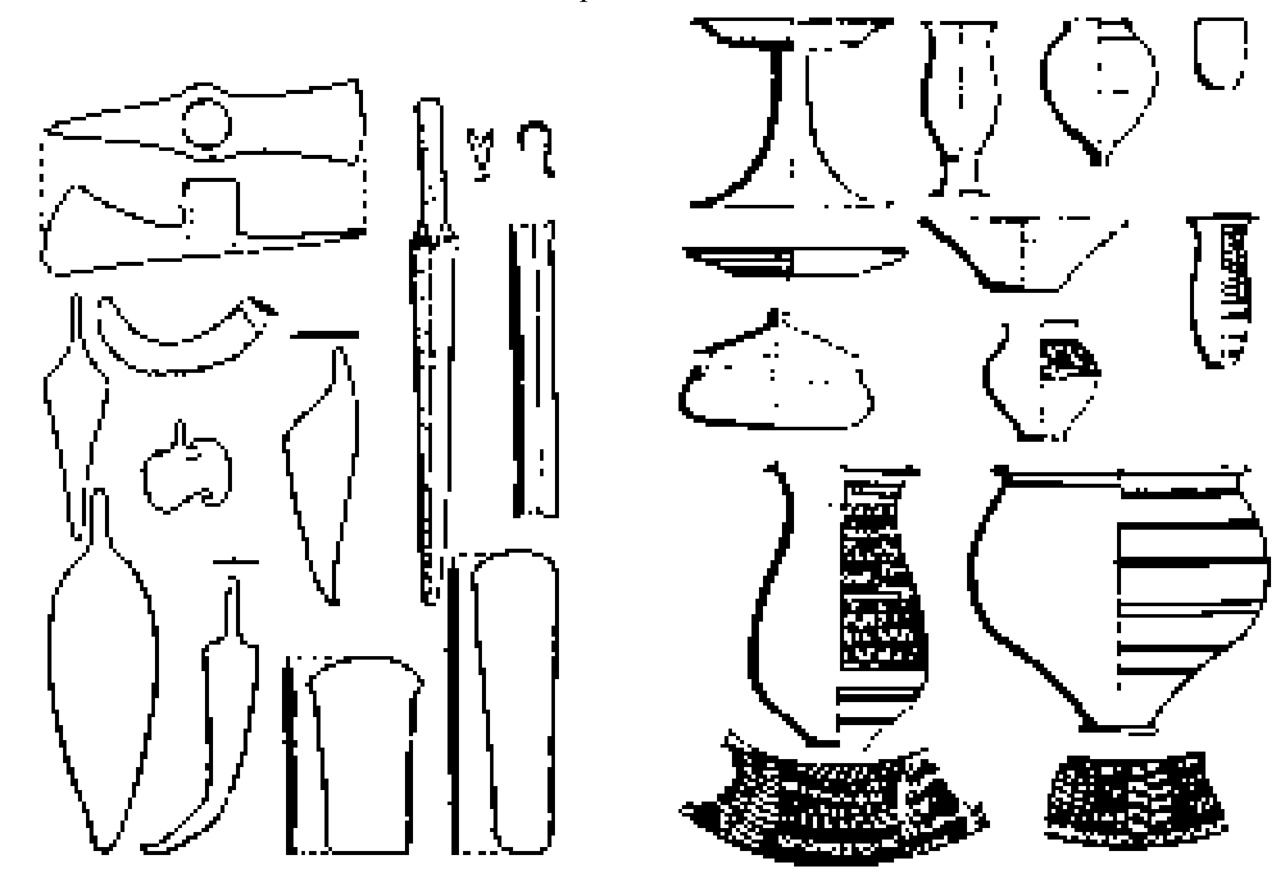
содержанием металла. Древнейшим центром индийской металлургии была, вероятно, область гор Виндхья. Об этом свидетельствуют раскопки в Гунгерии (штат Мадхья Прадеш), обнаружившие древнейший склад разнообразных медных изделий (более 400 общим весом около 360 *кг*), но древнейшая индийская цивилизация развивалась прежде всего в районах, благоприятных для земледелия, бывшего в то время наиболее прогрессивным видом хозяйственной деятельности. Здесь использование металлических орудий давало наибольший эффект в смысле роста производительности труда и возможностей получения прибавочного продукта.

2. Древнейшая цивилизация в долине Инда. Культура Хараппы

Древнейшие энеолитические поселения пока обнаружены на западной окраине долины Инда. Хотя климат в Северо-Западной Индии в IV—III тысячелетиях до н. э. был более влажным, чем в настоящее время, всё же наличие источников воды для искусственного орошения, видимо, уже являлось определяющим при основании эу Ж ь

однако точно установлено, что, например, в Мохенджо-Даро горячая и холодная обработка металлов находилась на довольно высоком уровне. Раскопки показали, что жители поселений культуры Хараппы знали свинец, умели изготовлять изделия из золота и серебра, применяя при этом паяние.

Земледелие являлось одним из основных занятий населения и было относительно развитым. Как предполагают некоторые исследователи, при пахоте использовался лёгкий плуг с кремнёвым лемехом или соха — простое бревно с крепким суком, хотя мотыга ещё оставалась, вероятно, наиболее обычным земледельческим орудием. Буйволы и зебу стали использоваться в качестве тяглового скота. Из зерновых культур были известны пшеница, ячмень и, возможно, рис; из масличных — сезам (кунжут); из огородных — дыня; из плодовых деревьев — финиковая пальма. Древние индийцы использовали волокно окультуренного хлопчатника; вполне вероятно, что именно они первыми в мире стали выращивать его на своих полях.

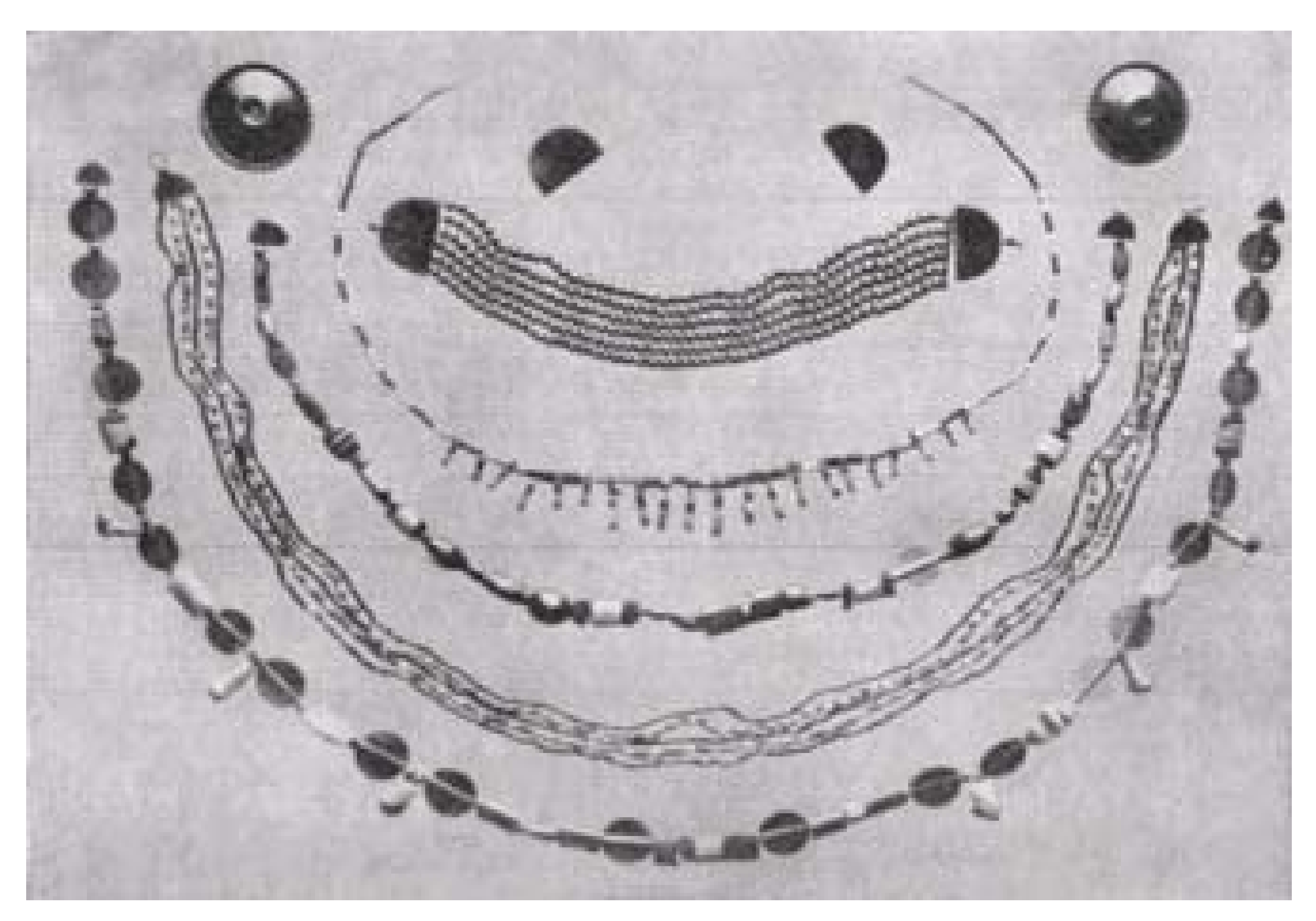
Орудия труда и оружие из бронзы времени культуры Хараппы.

Образцы посуды времени культуры Хараппы.

Трудно сказать, в какой мере было развито в то время искусственное орошение. Следов оросительных сооружений при поселениях культуры Хараппы до сих пор не обнаружено.

Скотоводство наряду с земледелием имело важное значение в хозяйстве древнейших обитателей долины Инда. Кроме уже упомянутых буйволов и зебу при раскопках были найдены кости овец, свиней, коз, а в верхних слоях обнаружены также и кости лошади. Есть основания считать, что индийцы в это время умели уже приручать слонов. Немалую роль в хозяйстве играло рыболовство. Некоторым подспорьем продолжала оставаться охота.

Значительного развития достигло ремесло. Наряду с упоминавшейся уже обработкой металлов получили развитие прядение и ткачество. Жители долины Инда первыми в мире научились прясть и ткать хлопок; при раскопках в одном из поселений обнаружен обрывок хлопчатобумажной ткани. Высокоразвитым для того времени было гончарное дело; найденная при раскопках глиняная посуда сделана на гончарном круге, в большинстве своём хорошо обожжена, окрашена и покрыта орнаментом. Найдено также множество сделанных из обожжённой глины пряслиц, гончарных труб, детских игрушек и т. п. Ювелирные изделия из раскопок дают

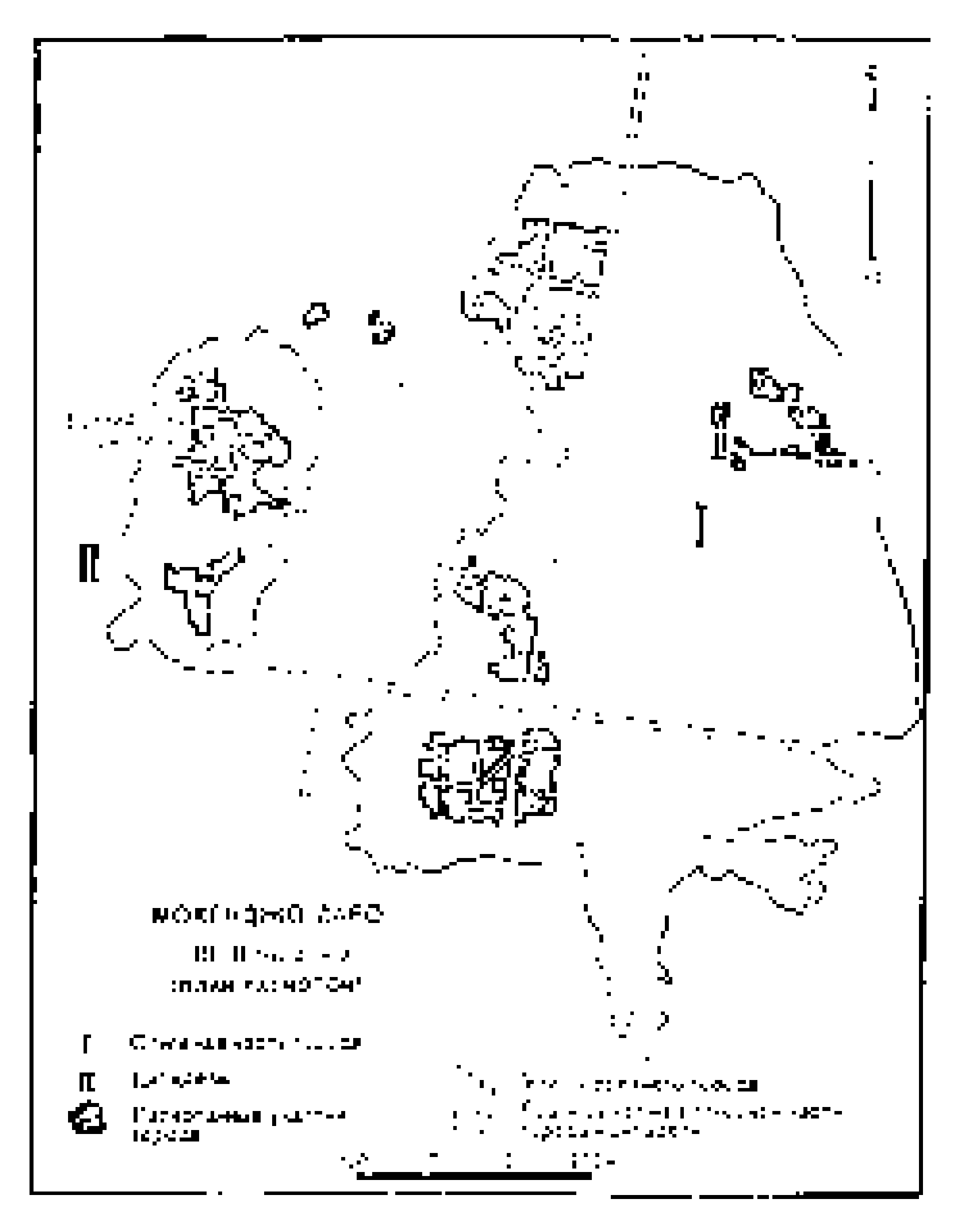
Образцы изделий ювелирного ремесла из Мохенджо-Даро.

представление об искусстве древнеиндийских мастеров по обработке драгоценных металлов и изготовлению украшений из драгоценных и полудрагоценных камней. Ряд находок позволяет считать относительно высоким искусство резчиков по камню и слоновой кости.

Наличие большого числа каменных гирь, исходным материалом для которых были неизвестные в данной местности породы камня, металлов, морских раковин, равно как и находки предметов не местного производства, показывают, что жители поселений культуры Хараппы поддерживали торговые связи с другими областями Индии и даже с другими странами (в первую очередь с Двуречьем и Эламом), причём торговые пути проходили не только по суше, но и морем. Это способствовало и обмену достижениями культуры. Исследователями установлено немало фактов культурной близости древнейшей Индии с другими странами, в частности с Шумером.

Города и культура

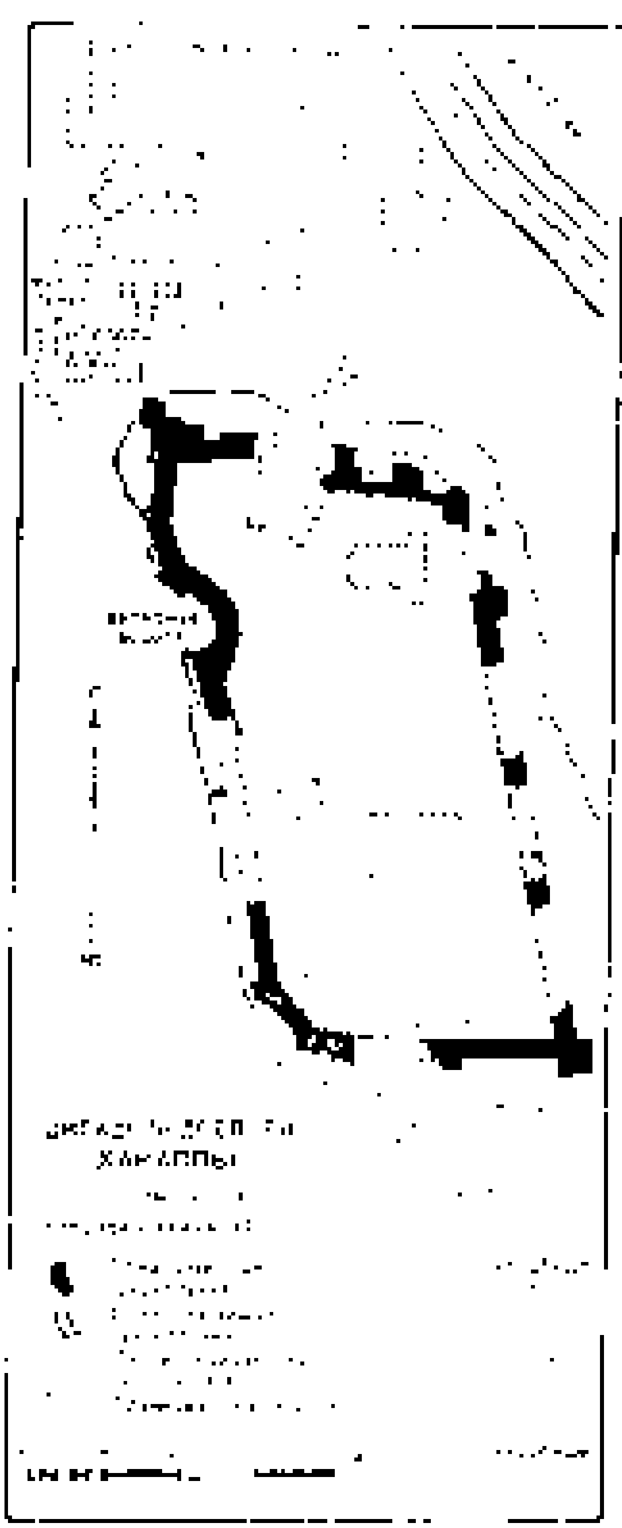
Высокого уровня достигло строительное искусство. Окружённые мощными стенами поселения культуры Хараппы занимали иногда площадь в сотни гектаров. Основные улицы городов — прямые и довольно широкие, с правильно расположенными домами — пересекались под прямым углом. Здания, обычно двухэтажные, с площадью иногда в сотни

Мохенджо-Даро III—II тыс. до н. э. (план раскопок)

квадратных метров, были построены из обожжённого кирпича. Они были лишены архитектурных украшений, не имели окон, выходящих на улицу, но были относительно благоустроены, имели комнаты для омовений, часто отдельный колодец и канализационные сооружения. В Мохенджо-Даро была обнаружена общегородская система канализации, которая является наиболее совершенной из всех известных нам канализационных систем того времени в городах древнего Востока. Она имела магистральные каналы, отстойники, стоки для отвода дождевых вод. Все эти сооружения были тщательно продуманы и отлично исполнены. При раскопках было найдено много искусно сооружённых, выложенных кирпичом колодцев, что свидетельствует о хорошо налаженном водоснабжении.

В Мохенджо-Даро обнаружен хорошо сохранившийся общественный бассейн для омовений, весьма совершенное устройство которого позволяет предполагать наличие у его строителей большого опыта в возведении такого рода сооружений.

Цитадель Древней Хараппы. III—II вв. до н. э.
(по раскопкам 1946 г.)

Культура населения этих городских поселений достигла значительного развития. На это указывает, в частности, сравнительно высокий уровень изобразительного искусства и художественного ремесла. При раскопках найдены искусно сделанные статуэтки, изготовленные из глины, мягких пород камня и бронзы. Образцами тонкой художественной работы являются печати-амулеты, вырезанные из стеатита (камня-жировика), слоновой кости, а также изготовленные из меди и глины. Таких печатей найдено более 2 тысяч. Они представляют особый интерес, поскольку на многих из них имеются надписи, сделанные своеобразным иероглифическим письмом. Такого же рода надписи имеются на некоторых металлических предметах. Эти образцы древнейшего индийского письма напоминают собой наиболее раннюю письменность шумеров и других древнейших народов. Надписи из Мохенджо-Даро и Хараппы привлекли внимание многих учёных, однако, до сих пор попытки их расшифровать не увенчались успехом. Весьма вероятно, что письменность была довольно широко распространена, и до нас дошли лишь немногие образцы её, так как такие писчие материалы, как кора деревьев, пальмовые листья, кожа, ткани, в специфических климатических условиях Индии не смогли сохраниться до наших дней. Большое число различных гирь и обломок сделанной из раковины измерительной линейки с очень точно нанесёнными делениями позволяют утверждать, что основная единица веса была равна 0,86 *г*, а основная единица длины соответствовала 6,7 *мм*. Система счисления уже тогда была десятичной.

О религиозных воззрениях жителей долины Инда этого времени нам известно очень немного. Имеющиеся у нас материалы позволяют, однако, утверждать, что между религиозными верованиями древнейшего населения долины Инда и наиболее распространённой из современных религий Индии — индуизмом существует определённая связь. Так, широко распространённым был культ богини-матери, который и

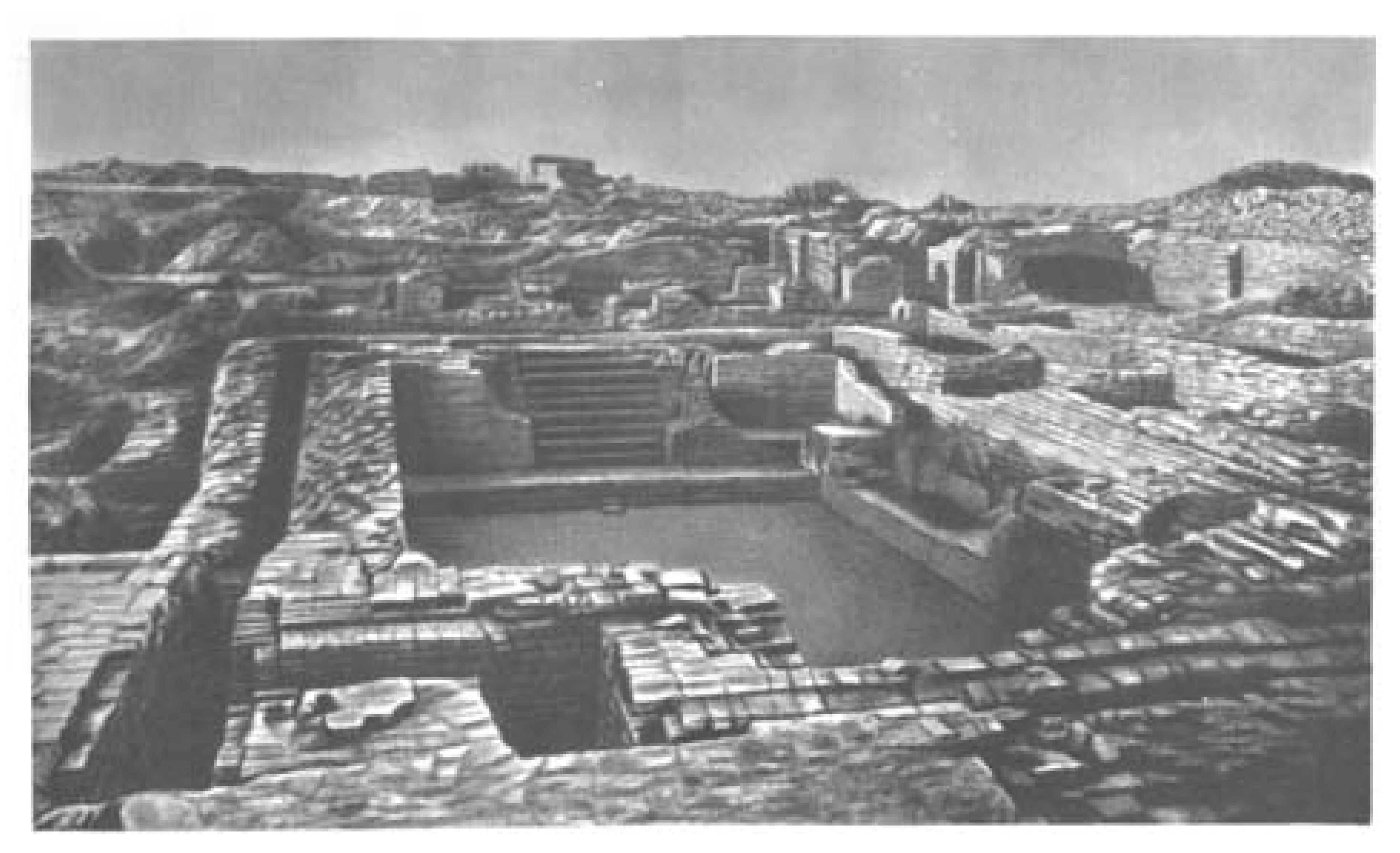
Главная улица в Мохенджо-Даро.

Участок сточно-канализационной системы
в Мохенджо-Даро.

Один из переулков в Мохенджо-Даро.

БАССЕЙН ДЛЯ ОМОВЕНИЯ В МОХЕНДЖО-ДАРО.
Древняя Индия

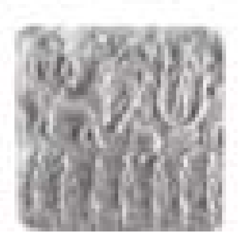

ИНЬСКОЕ ОРУЖИЕ ИЗ БРОНЗЫ.
Китай. Вторая половина II тысячелетия до н. э.

теперь ещё играет весьма значительную роль в религиозных верованиях некоторых народов Индии. В часто встречающемся изображении мужского божества исследователи усматривают прототип современного бога Шивы, связанного с

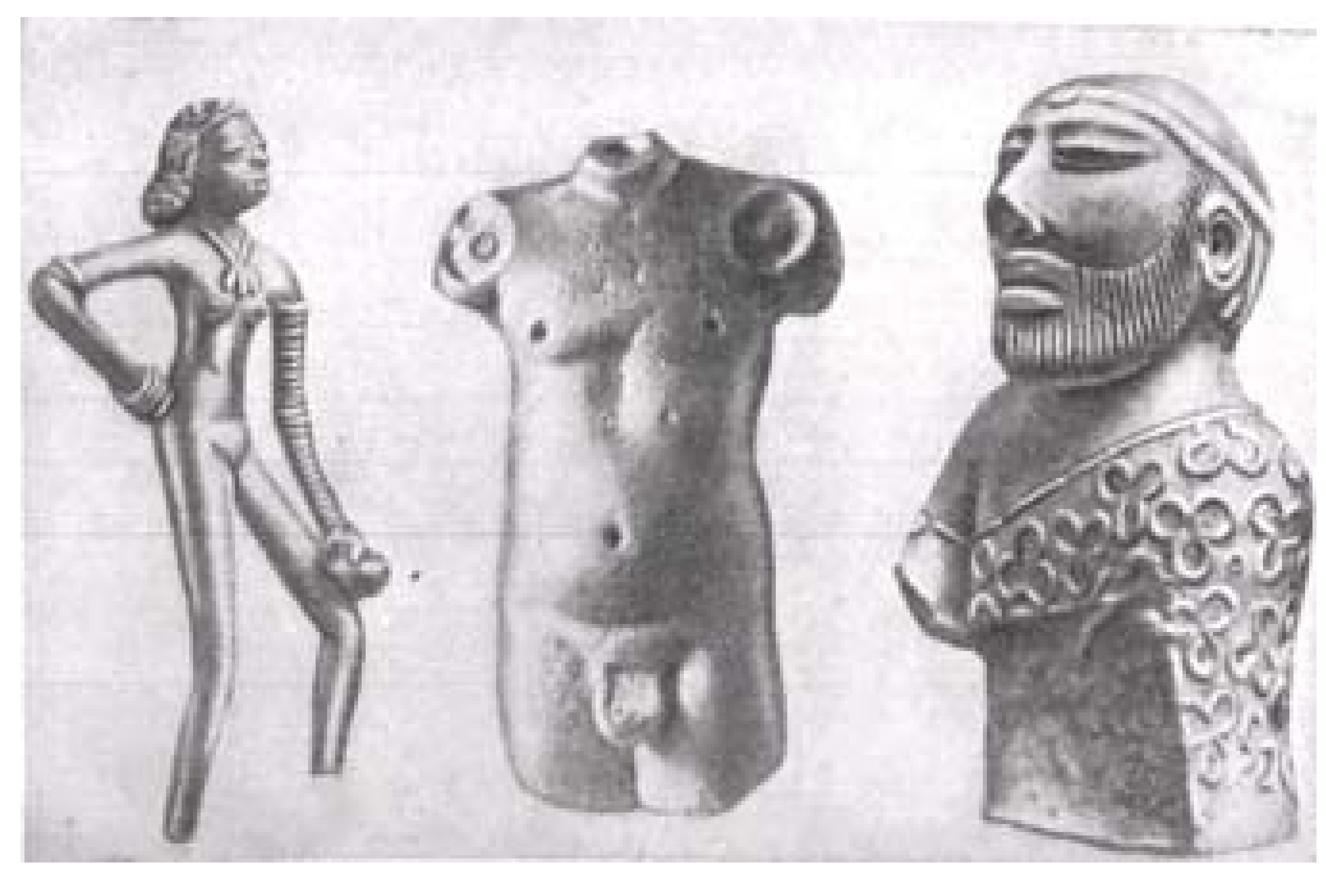

Образцы печатей с иероглифическими надписями из Мохенджо-Даро.

древнейшим культом плодородия. Распространённое тогда почитание животных и деревьев характерно и для индуизма. Омовение, так же как и в индуизме, составляло тогда существенную часть религиозного культа. Существовали различные виды захоронений: в Хараппе при раскопках обнаружено кладбище,

Образцы бронзовой (слева) и каменной (в центре и справа) скульптуры.
Культура Хараппы.

состоявшее из 57 могил. В Чанху-Даро найден сосуд с захороненным в нем черепом. Некоторые исследователи предполагают существование и обряда трупосожжения; возможно, что пепел во многих случаях бросали в реку, подобно тому, как это принято у современных индусов (т. е. индийцев, исповедующих индуизм),

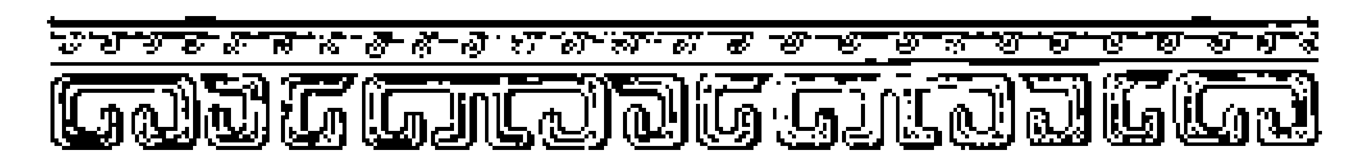
Место культуры Хараппы в истории Индии

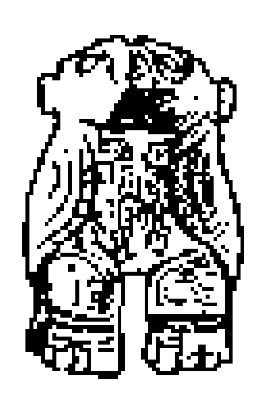
Данные, имеющиеся в нашем распоряжении, не позволяют пока окончательно определить характер общественно-экономических отношений в древнем обществе долины Инда. Однако, несомненно, что по уровню развития производительных сил, использованию металлических орудий труда, наличию развитого земледелия, скотоводства, ремесла, так же как и по уровню развития письменности, Индия того периода в общем не уступала первым из классовых обществ, сложившихся в Двуречье и Египте, которые были рабовладельческими. О резком имущественном и социальном неравенстве свидетельствуют материалы раскопок, обнаруживших различные по величине и благоустройству жилые помещения; раскопаны здания, которые можно считать дворцами, и казарменные помещения для сотен работников, слуг или рабов. На это же указывают археологические находки кладов, роскошно отделанных украшений и предметов вооружения наряду с самыми простыми и неискусными. Данные об относительно развитой торговле также косвенно свидетельствуют о наличии такого неравенства. Обращает на себя внимание наличие в поселениях Мохенджо-Даро и Хараппа мощных цитаделей, господствующих над городом. В цитаделях были сосредоточены административные здания и громадные, тщательно устроенные зернохранилища, что заставляет думать о существовании в это время сильной государственной власти, в распоряжении которой находились большие материальные ресурсы и которая стояла над массой тружеников.

На основании всех этих данных можно рассматривать культуру Хараппы как культуру общества с ранним рабовладельческим строем.

В первой половине II тысячелетия до н. э. отмечается постепенный упадок культуры Хараппы. В середине же этого тысячелетия культура Хараппы исчезает. Более поздние, но хронологически всё же близкие к этому времени поселения (культура Джхукар) по уровню развития материальной культуры более примитивны. Возможно, что это произошло в результате разрушения городских центров культуры Хараппы какими-то завоевателями, стоявшими на более низком уровне развития. Могли иметь место и неизвестные нам социальные сдвиги внутри самих этих государств. Однако, несомненно, что культура Хараппы заложила основу, на которой в дальнейшем развивались культура и общественные отношения народов Индии, в первую очередь в её северо-западной части.

ГЛАВА XVII
ДРЕВНЕЙШИЙ КИТАЙ (ДО XII В. ДО Н. Э.)

Во II тысячелетии до н. э., далеко к востоку от древнейших цивилизаций Передней Азии и Индии, складывается рабовладельческое общество и возникает первое рабовладельческое государство в Северном Китае. Это имело огромное значение для истории народов, населявших как Китай, так и другие страны Дальнего Востока. К этому времени восходят древнейшие предания китайского народа, зачатки его иероглифической письменности, рост и распространение влияния его высокой культуры. С этого времени берёт своё начало многовековая история великого китайского народа.

1. Разложение первобытно-общинного строя и возникновение государства Шан (Инь)

Русское название «Китай» заимствовано у среднеазиатских народов, которые дали стране это наименование по имени китаев (народа монгольского происхождения), владевших в X—XII вв. н. э. северной частью Китая. Западноевропейские и ближневосточные названия Китая восходят к слову «Чин», таджикско-персидскому обозначению названия страны. Это название происходит от наименования древнекитайского царства Цинь, распространившего свою власть на большую часть Китая в III в. до н. э.

Сами китайцы называли свою страну по-разному, чаще всего по имени царствовавших династий, например: Шан, Чжоу, Цинь, Хань и т. д. С древних времён было распространено также название «Чжун го» («Срединное государство»), которое сохранилось до настоящего времени. Другое китайское название страны — «Хуа»

(«Цветущая») или «Чжун хуа» («Срединная цветущая»); ныне оно входит в состав наименования Китайской Народной Республики.

Природа и население

По географическим и экономическим особенностям современный Китай обычно делят на две части: западную и восточную. Территория Западного Китая представляет собой обширное плоскогорье с такими мощными горными системами, как Гималаи, Куньлунь и Тянь-Шань. Высочайшие в мире горные хребты Гималаев, имеющие местами высоту более 8 *км* над уровнем моря, образуют как бы барьер между Китаем и Индией.

Восточный Китай не имеет таких мощных горных систем, как Западный; значительную часть территории здесь составляют низменности, приморские равнины, к ним примыкают горы средней высоты и плато.

В Восточном Китае более благоприятные природные условия, чем в Западном, значительно мягче климат, разнообразнее растительность и т. п. Все эти условия способствовали тому, что именно в этой части Китая зародилась древнейшая земледельческая культура, появились первые очаги китайской цивилизации, раньше, чем в других частях страны, возникло государство.

Китай обладает значительной речной сетью, но все крупные реки находятся в восточной части страны. Главные реки Китая текут с запада на восток. Долины рек — самые плодородные и наиболее населённые области страны. Древнее население Китая сосредоточивалось в речных долинах. Бассейн главной реки Северного Китая — Хуанхэ, протяжённость которой составляет более 4 тыс. *км,* был центром древнейшей китайской цивилизации. Хуанхэ — бурная река. Она неоднократно меняла своё русло, затопляла огромные пространства земли, принося большие бедствия населению. Самой большой рекой Китая является Янцзыцзян, имеющая протяжённость свыше 5 тыс. *км*, её бассейн — Центральный Китай. Крупнейшей рекой Южного Китая является многоводная Сицзян (около 2 тыс. *км*).

Недра Китая изобилуют полезными ископаемыми. Реки, озёра и моря богаты рыбой. В древности обширные территории в Китае были покрыты лесами.

Климат восточной части Китая весьма благоприятен для сельского хозяйства, так как на самое жаркое время года — лето приходится наибольшее количество атмосферных осадков, осень же тёплая и сухая. Климат западной части Китая отличается значительной сухостью: здесь длинная холодная зима и короткое знойное лото.

Население Китая в древности не было однородным. Собственно китайские племена, носившие, согласно указаниям более поздних литературных источников, названия ся, шан, чжоу и др., уже в очень ранние времена занимали значительную часть Восточного, Северного и Северо-Западного Китая. На юге и юго-западе страны обитали в основном родственные китайцам различные племена сино-тибетской группы языков. Запад, север и северо-восток Китая заселяли преимущественно племена тюркской, монгольской и маньчжуро-тунгусской групп языков.

Основными районами расселения китайцев в древние времена были области среднего и нижнего течения реки Хуанхэ, а также равнина, примыкающая к Бохайскому (Чжилийскому) заливу. Здесь преобладала плодородная наносная (аллювиальная) почва, образовавшаяся главным образом из речного ила. Плодородная почва и умеренный климат Великой Китайской равнины способствовали развитию здесь земледелия у древних китайских племён.

В менее выгодном положении находились древние племена, заселявшие район лёссовых почв, которые занимают огромное пространство в Северном и Северо-Западном Китае. Лёсс, представляющий собой отложения частиц минеральной пыли, сдуваемой зимними муссонами с горных возвышенностей, содержит питательные вещества (органические остатки и легкорастворимые щёлочи), которые позволяют обходиться без удобрений. Но в районе лёссового плато осадков выпа-

дает сравнительно мало, поэтому здесь для развития земледелия требуется искусственное орошение. В силу отмеченных выше условий у племён, населявших в древние времена лёссовое плато, земледелие было менее развито, чем в районе нижнего течения Хуанхэ.

Разложение первобытно-общинного строя

По данным китайских литературных источников можно сделать вывод о сохранении в Китае в III тысячелетии до н. э. пережитков материнского рода. Это видно из того, что древние источники, сообщая о происхождении первых родоначальников племён шан, чжоу и цинь, не говорят об их отцах, а приводят лишь имена матерей; счёт родства велся тогда по материнской линии. Известно, что при материнском роде (матриархате) сыновья не могли наследовать отцу, так как они принадлежали к другому роду, именно к роду матери. Согласно данным Сыма Цяня, автора «Исторических записок» [1], легендарные правители Яо и Шунь перед смертью избирали себе преемников не из числа своих сыновей.

«Исторические записки» доносят до нас воспоминания о периоде, когда существовал совет родовых старейшин. Вождь племени часто советовался с ним по важнейшим вопросам. Родовые или племенные вожди по решению совета старейшин могли быть освобождены от своих обязанностей. Из преданий, приводимых литературными источниками, можно сделать вывод, что в конце III тысячелетия выборное начало было заменено наследственным правом: племенные вожди уже не избирались, появляется наследственная власть вождя, передававшаяся от отца к сыну. Семья вождя, обособившаяся от остального племени, стала в дальнейшем носительницей царской власти. Но и в этих условиях совет старейшин ещё существует, хотя его права ограничиваются, а его решения становятся необязательными для наследственных вождей племени.

Данные археологических раскопок позволяют сделать вывод о том, что во II тысячелетии, когда в Китае появляется бронза, происходит разложение первобытно-общинного строя и постепенный переход к классовому, рабовладельческому обществу.

Источники не дают возможности проследить весь процесс разложения родового строя и перехода к классовому обществу в Китае; они сообщают об этом лишь отрывочные данные. По ним можно сделать вывод, что ещё в недрах родового общества появляется рабство. Пленных, захваченных во время войн между отдельными племенами и родами, использовали в качестве рабочей силы, превращали в рабов. Этот процесс происходил на базе дальнейшего развития производительных сил, появления частной собственности на средства производства и продукты труда, на основе роста имущественного неравенства и проходил в непрерывной борьбе как внутри племён, населявших Китай в древнейшее время, так и между племенами. На основании китайских литературных источников можно предполагать, что борьба внутри племён сопровождалась борьбой родовых старейшин против вождей племён.

К концу III тысячелетия, как можно предположить на основании древних преданий, решающую роль на территории древнего Китая играли племена ся и шан. В конечном счёте победителем оказалось племя шан, с именем которого связано создание первого государства в истории Китая. О племени ся наука не располагает достоверными археологическими данными. О нём мы можем судить лишь по некоторым данным литературных источников.

[1] «Исторические записки» («Ши цзи»), состоящие из 130 глав, представляют собой первую по времени в Китае сводную историю страны, охватывающую период от легендарной древности до I в. до н. э. Сыма Цянь (II—I вв. до н. э.), автор этого труда, использовал источники, доступные в его время и утраченные впоследствии. «Исторические записки» освещают большой круг вопросов: внутриполитические события, внешние связи Китая в древние времена, экономический строй страны (главным образом II—I вв. до н. э.), культурное развитие и др.

Создание государства Шан (Инь)

Судя по преданиям, сохранившимся в древних литературных источниках, племя шан первоначально заселяло бассейн реки Ишуй (северо-западная часть нынешней провинции Хэбэй). Затем, как предполагают некоторые современные китайские исследователи, это племя расселяется из бассейна реки Ишуй по разным направлениям: на запад — на территорию современной провинции Шаньси, на юг — в Хэнань, на юго-восток — в Шаньдун, на северо-восток — по побережью Бохайского залива до Ляодунского полуострова.

Кость с гадательной надписью.
Из раскопок в районе города Аньяна. XIV—XII вв. до н. э.

Позднее племя шан продвигается ещё дальше на юго-запад и проникает вглубь современной провинции Хэнань.

К XVIII в. до н. э., когда, по преданиям, во главе племени шан стоял Чэн Тан, относится окончательное покорение им племени *ся*.

Чэн Тан, согласно китайской традиции, основал династию, получившую название Шан. В более поздние времена, после падения этой династии, в надписях на бронзовых сосудах династию Шан и государство в целом, а также коренное население его, впервые стали обозначать иероглифом «инь». Это название получило широкое распространение как в древних источниках, так и в современной китайской и иностранной литературе. Поэтому мы тоже применяем для обозначения одного и того же государства или периода два названия: Шан и Инь.

Название Шан, применявшееся вплоть до уничтожения этого царства в XII в. до н. э., происходит от названия местности, где, по-видимому, находились родовые владения вождей племени Шан. Это название применялось и для обозначения племени, затем оно было принято в качестве названия государства и страны.

Основным источником сведений о царстве Шан (Инь) являются данные, почерпнутые из раскопок остатков последней столицы этого царства, города Шан,

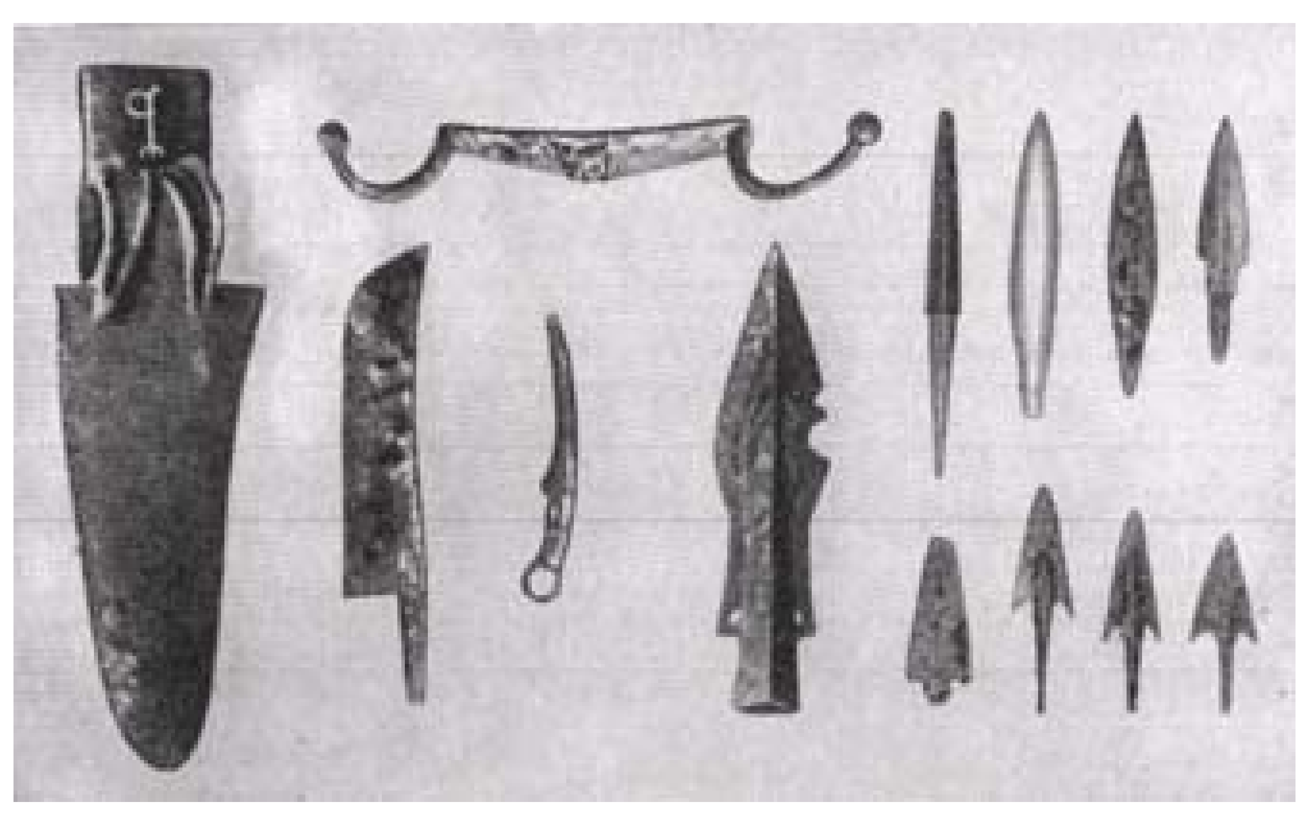
найденных близ города Аньян, у деревни Сяотунь (в современной провинции Хэнань). Особое значение имеют найденные здесь кости с надписями. Эти надписи представляют собой в основном гадательные записи — вопросы иньских царей к оракулам и ответы последних. Надписи сделаны на костях различных животных (чаще всего быков и оленей) и щитках (панцырях) черепах и могут быть отнесены к XIV—XII вв. до н. э.

На основании данных этих надписей некоторые исследователи делают вывод, что вся территория государства Шан (Инь) разделялась на пять больших районов, носивших названия: Шан, Северные земли, Южные земли, Восточные земли и Западные земли. Район Шан считался центральным, основным, поэтому в надписях на костях он назывался Центральный Шан.

Царство Шан (Инь) занимало территорию современной провинции Хэнань, а также части прилегающих провинций. Вокруг царства Шан находился целый ряд полузависимых, временами подчинявшихся ему, в том числе китайских по языку племён. По соседству с Западными землями обитали племена чжоу, цян, гуйфан, куфан; соседями Северных земель были племена люйфан и туфан; соседями Южных земель — цаофан и др., и, наконец, по соседству с Восточными землями находилось племя жэньфан.

Орудия труда. Сельское хозяйство

Материалы археологических раскопок дают известное представление о развитии производительных сил в период Шан (Инь). Прежде всего широкое распространение получают изделия из бронзы, но одновременно ещё сохраняют большое значение каменные и костяные орудия.

Иньские изделия из бронзы и кости.

При раскопках в Сяотуне иньского города, столицы царства Шан (Инь), обнаружено много изделий из меди и бронзы: жертвенные сосуды, домашняя утварь и

оружие — мечи, алебарды, секиры, наконечники стрел, острия копий. Кроме того, были найдены бронзовые орудия труда: топоры, ножи, шилья, долота, вилы и иглы. Если учесть, что в доиньский период сосуды производились главным образом из глины, а орудия и оружие — из камня и кости, то следует сделать вывод, что в период Шан (Инь) был достигнут большой прогресс в развитии производительных сил. Об этом же свидетельствует и большое разнообразие форм, более искусная выделка изделий, в частности сосудов, богатая роспись на них.

Хотя в жизни населения древнего Китая в этот период по-прежнему сохраняли значение примитивные формы хозяйства — рыболовство и частично охота, однако они уже не играли решающей роли. Их вытесняли скотоводство и земледелие, причём последнее стало играть основную роль.

Для обозначения различного рода понятий, связанных с земледелием, в надписях на костях применяется ряд знаков, означающих: «поле», «колодец», «пашня», «межа», «пшеница», «просо» и др. Знак «поле» (*тянь*) изображался в виде соединённых вместе правильных четырёх квадратов, или в виде прямоугольника, разделённого на несколько частей, или же в виде неровного пяти-шестиугольника.

Главными зерновыми культурами в Северном Китае были просо, требовавшее сравнительно мало влаги, пшеница, ячмень и сорго (гаолян). Возможно, что культура риса также существовала в это время в бассейне Хуанхэ. Надписи на костях свидетельствуют о наличии в период Шан (Инь) садово-огородных культур, а также о разведении шелковичных червей (шелкопряда) и выращивании тутовых деревьев. По преданиям, шелковичные черви разводились в Китае с глубокой древности. Шёлковые коконы были обнаружены при раскопках одной из неолитических стоянок в деревне Синьцунь (провинция Шаньси). В надписях на костях часто встречаются знаки, изображающие шелковичного червя. Гусеницы шелкопряда были в почёте у иньцев. Их духам даже совершали жертвоприношения. В гадательных надписях часто встречаются также знаки, изображающие шёлковые нити (продукт шелкопряда), платье и т. д.

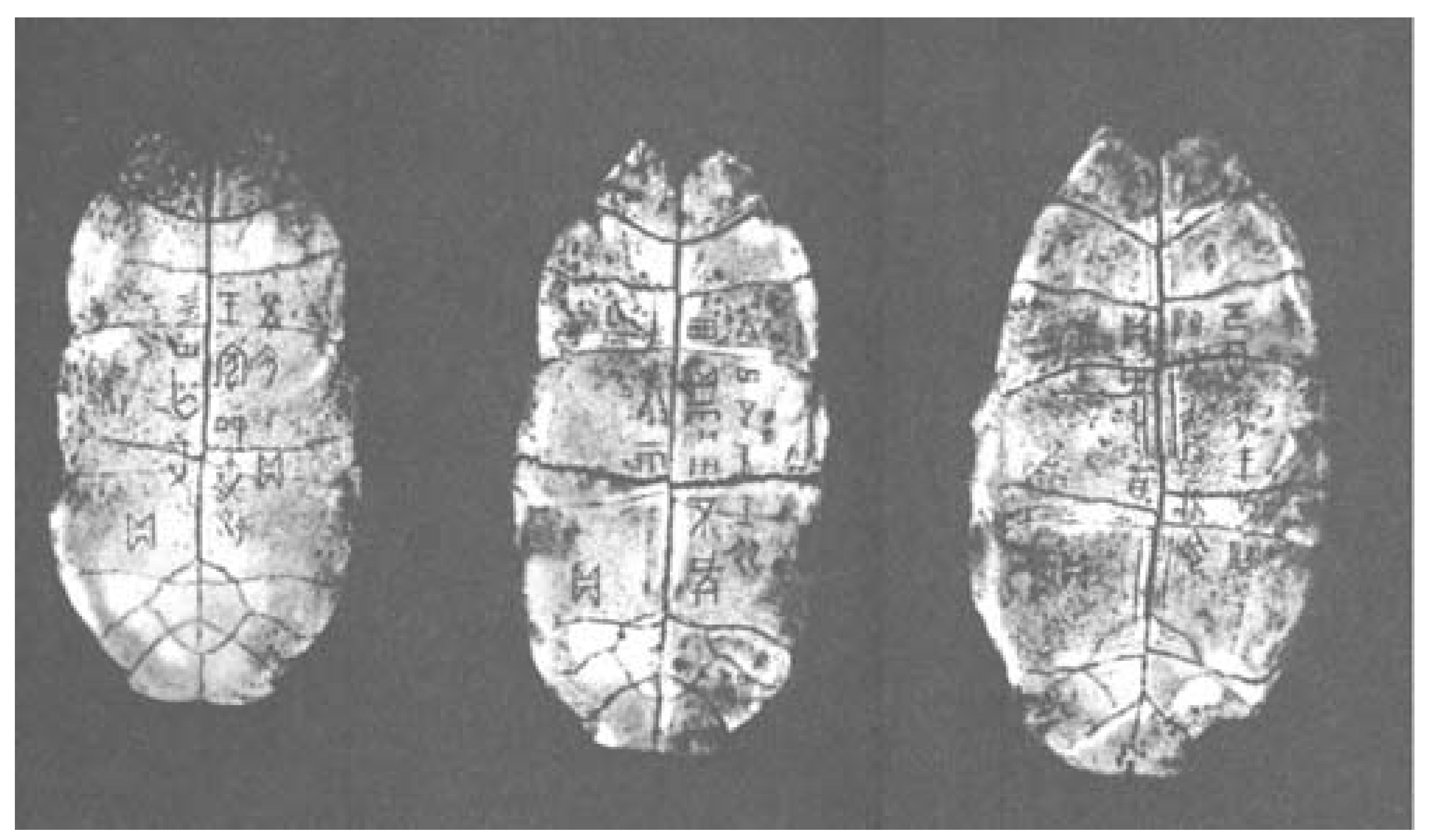
О дальнейшем развитии земледелия свидетельствует более высокая чем прежде техника обработки земли. Ряд современных китайских учёных высказывает предположение о том, что уже тогда применялось орошение, по-видимому примитивное и ещё в небольших размерах. Этот вывод подсказывают как древние предания, сообщающие о зачатках искусственного орошения ещё в доиньский период, так и надписи на костях. В последних встречается ряд иероглифов, выражающих идею орошения. Один из них изображал поле и потоки воды, являвшиеся как бы оросительными каналами.

В земледелии применялись уже и металлические орудия. Об этом свидетельствуют найденные при раскопках в окрестностях Лояна и близ Аньяна медные лопаты. Интерпретация ряда знаков в надписях на костях даёт возможность предположить, что иньцы использовали скот при обработке земли. Так, один из знаков, «*у*», изображал вола, стоящего сбоку земледельческого орудия. Другой знак, «*ли*» (плуг, пахать), в своём составе также имеет вола, а иногда, но редко — лошадь. В гадательных надписях встречаются также сочетания двух иероглифов, обозначающих плуг и быка.

Согласно китайским преданиям, в глубокой древности существовала так называемая «спаренная вспашка», когда два человека пахали вместе. Это давало больше эффекта при разрыхлении земли. Понятие «спаренная вспашка» имело и более широкий смысл: оно означало соединение усилий двух и более человек при обработке земли, т. е. коллективную обработку поля.

Охота и рыболовство теперь уже не играли основной роли в хозяйстве иньцев, однако продолжали сохранять существенное значение. Об этом свидетельствуют многие надписи на костях.

В иньском обществе значительное место занимало скотоводство. Об этом свидетельствует количество животных, приносившихся в жертву духам. Иногда оно

ЧЕРЕПАХОВЫЕ ЩИТКИ С ДРЕВНЕЙШИМИ КИТАЙСКИМИ НАДПИСЯМИ.
Из раскопок под Аньяном. Китай. Вторая половина II тысячелетия до н. э.

ИНЬСКИЙ СОСУД.
Китай. XII в. до н. э. Белая керамика

исчислялось единицами и десятками, но в особо торжественных случаях — сотнями. В двух надписях, например, говорится о принесении в жертву 300 быков, в одной надписи приводятся числа — 100 овец и 300 быков.

Раскопки в Сяотуне около Аньяна дали большое количество костей домашних животных — собак, свиней, коз, овец, быков и буйволов. В надписях на костях иньского времени упоминаются все эти животные. Кроме того, в этих надписях есть указание на приручение слона и оленя. Иероглифические изображения животных позволяют сделать вывод, какие из животных были домашними и какие — дикими. Например, бык изображался со вставленной в рога деревянной поперечиной (одной или двумя); в иероглифы, обозначавшие лошадь и собаку, входили такие графические элементы, которые изображали путы, верёвку. Изображения же диких животных обычно состояли из знаков животного и стрелы.

Слоны использовались иньцами, по-видимому, в хозяйстве, а также во время войн с другими племенами. Слоновые кости гравировались и расписывались. Кости слона были найдены при раскопках иньской столицы в Сяотуне. В надписях на костях встречаются упоминания о том, что слоны присылались иньским царям зависимыми племенами в качестве дани.

Раскопки в Сяотуне свидетельствуют, что иньцы использовали лошадь для транспортных целей. Надписи на гадательных костях говорят об упряжке с парой лошадей. В военные колесницы или в царские повозки, как правило, впрягали четвёрку лошадей.

Выделение ремесла

В иньское время получили дальнейшее развитие ремёсла. Об этом прежде всего свидетельствуют раскопки иньской столицы. Здесь сохранились остатки дворца и жилых построек. Все они строились из дерева, для фундамента использовался камень. При раскопках дворца были обнаружены различные ремесленные мастерские. Так, были найдены остатки мастерской бронзолитейщиков: обломки бронзы, разбитые формы для литья, шлак и пепел. Мастера плавили металл, делали бронзовую утварь, бронзовое оружие, доспехи, шлемы, сосуды, различные орудия производства. Существовали также резчики по кости. Они выделывали наконечники для стрел, шпильки для волос и т. д. Обнаружены мастерские ремесленников, выделывавших орудия из камня: ножи, топоры, наконечники стрел, копья и др.

Значительного развития в период Шан (Инь) достигло также гончарное производство. Раскопки дали много образцов различного рода горшков, кубков, чаш, тазов и пр. Для изготовления их использовалась глина различных сортов, в том

Иньская глиняная посуда.

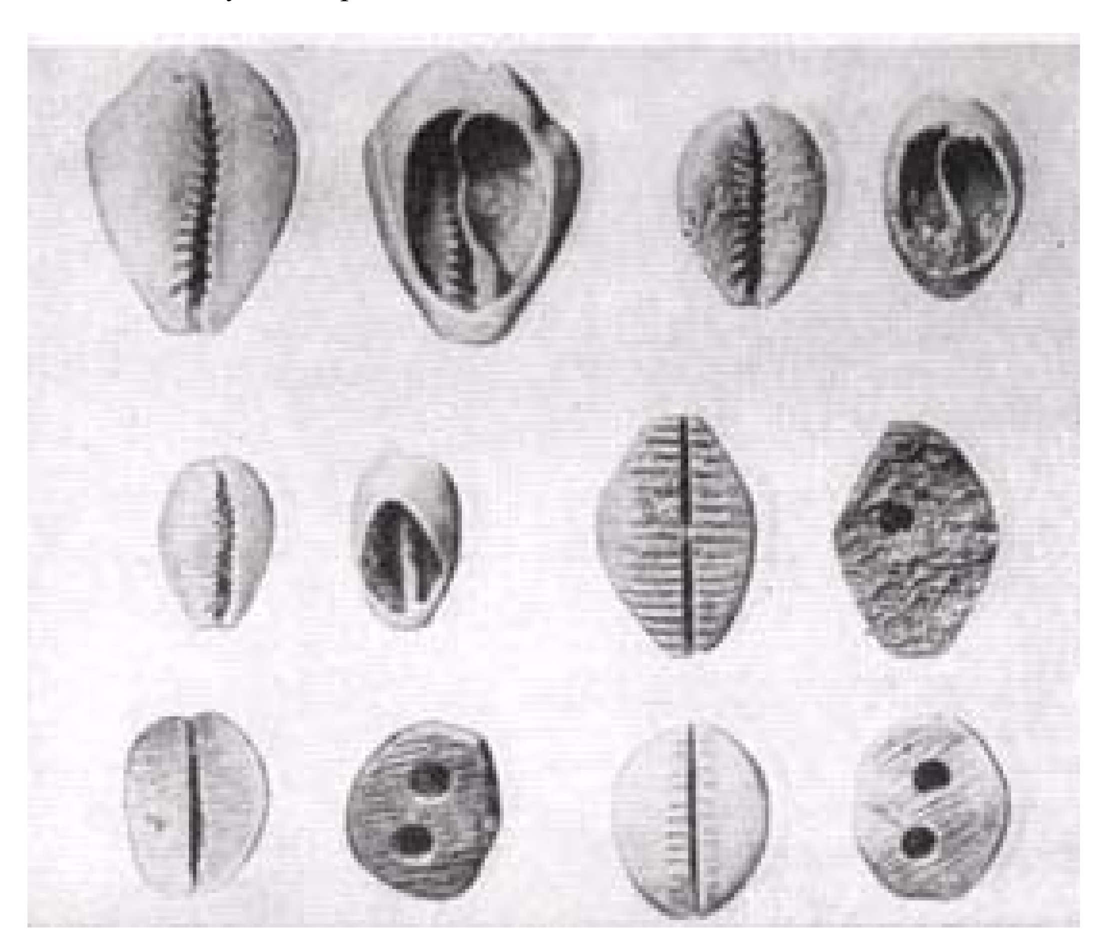
числе и белая каолиновая. В эту пору уже существовал гончарный круг, хотя глиняные сосуды производились и ручным способом. Глиняные изделия обжигались, иногда покрывались глазурью, часто украшались тонким орнаментом.

Мы уже говорили о развитии в иньские времена шелководства. Об изготовлении шёлковых тканей и развитии ткацкого дела свидетельствует существование таких иероглифов, которые обозначали понятия «шёлковая нить», «одежда», «платок» и др.

Существование различных отраслей ремесла и особых мастерских, а также высокое мастерство иньских ремесленников свидетельствуют о том, что ремесленное производство прошло уже немалый путь в своём развитии.

Развитие обмена

С появлением разделения труда между земледелием и ремеслом и ростом избыточных продуктов сельского хозяйства и изделий ремесла получает развитие обмен. Археологические находки позволяют сделать вывод о существовании экономических связей между иньцами и другими племенами, в том числе и весьма отдалёнными. От племён с побережья Бохай иньцы получали рыбу, морские раковины; по-видимому, из современного Синьцзяна —

Раковины каури и их имитации из бронзы.
Период Шан (Инь).

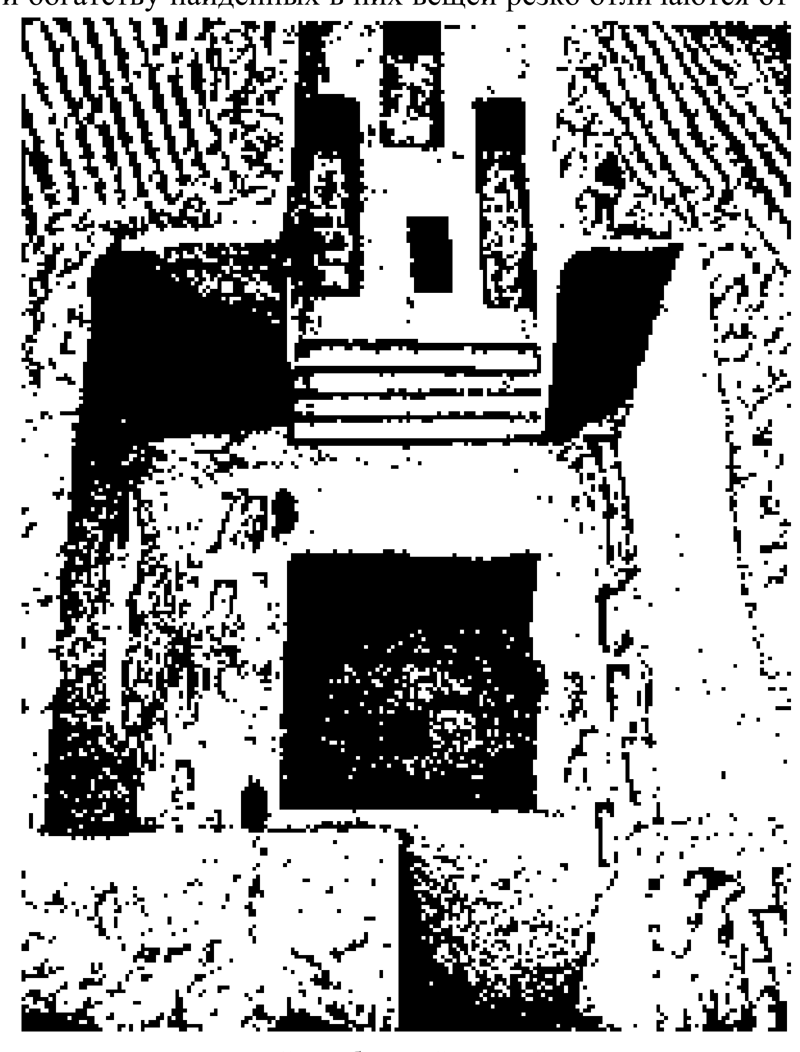
яшму. Из областей, находившихся в верхнем течении реки Янцзыцзян и в Южном Китае, привозились медь и олово, из которых выплавлялась бронза. Кочевые и полукочевые племена получали от иньцев продукты земледелия и изделия ремесла, в частности оружие. Находки на реке Абакане сосудов, а на реке Енисее — бронзового оружия, однотипных с изделиями шанских ремесленников, свидетельствуют о связях иньцев с племенами Сибири.

Археологические раскопки свидетельствуют о том, что по крайней мере после XIV в. до н. э. у иньцев мерилом стоимости были драгоценные раковины *каури*.

В развалинах иньской столицы найдено много таких раковин с гладкой, отполированной наружной стороной. Для того чтобы раковины удобнее было носить, в них просверливали отверстия и нанизывали на нить. Стоимость связок, по-видимому, была значительной. В надписях встречается упоминание о подарке царём нескольких связок, самое большее до десяти. В дальнейшем, по мере расширения обмена, количество имевшихся в обращении морских раковин стало недостаточным, добывать их было трудно. Тогда стали прибегать к замене натуральных раковин искусственными, сделанными из яшмы или костей. Раковины, став мерилом стоимости, в дальнейшем превратились в символ драгоценности, богатства. Понятия, означающие драгоценность, богатство, накопление и многие другие, близкие им по смыслу, стали обозначаться иероглифами, в которых основной составной частью являлась раковина.

Классовый характер иньского общества

Остатки жилищ и погребений указывают на значительное имущественное расслоение. В то время как бедняки ютились в землянках, богачи жили в больших деревянных домах с каменными фундаментами. Погребения также отражают классовую дифференциацию. Усыпальницы царей и знати по обилию и богатству найденных в них вещей резко отличаются от погребений простых людей. В погребениях знати обнаружено большое количество дорогих вещей из бронзы и нефрита, а также разукрашенное оружие. Вместе с умершими знатными людьми хоронились их слуги, вероятно рабы. Так, в могилах иньских царей были найдены трупы с отрубленными головами. Есть основания предполагать, что иногда рабов хоронили и живыми.

Внутренний вид большой иньской могилы.
Раскопки в районе города Аньяна.

До сравнительно недавнего времени учёные единодушно считали иньское общество доклассовым, отмечая при этом, что к концу его существования (XII в. до н. э.) произошло разложение первобытнообщинных отношений и совершился переход к рабовладельческому строю. Однако дальнейшие исследования по расшифровке иньских надписей на костях и археологические раскопки, произведённые китайскими учёными за последние годы, позволили сделать другой вывод, а именно: иньское общество было классовым, рабовладельческим обществом. Но установить точное время перехода от родового общества к классовому весьма трудно. Хотя данные археологических раскопок, отражающие классовые отношения, и относятся к периоду после перенесения столицы

царём Пань Гэном в Шан, т. е. к XIV в. до н. э., можно предположить, что классовое общество возникли ещё до этого времени. В течение длительного времени этот строй, разумеется, сохранял значительные пережитки первобытно-общинных отношений.

Наиболее достоверным литературным памятником, данные которого об иньцах проливают свет и на период, предшествовавший созданию династии Шан, является глава «Основные записи об Инь» из «Исторических записок» Сыма Цяня. Характерно, что приводимый Сыма Цянем список иньских *ванов* (правителей, царей) в основном подтверждается надписями на костях. Это и даёт основание считать материалы Сыма Цяня достаточно достоверными. Как сообщает Сыма Цянь, Чэн Тан, обращаясь к *чжухоу* (военачальникам) и к населению, говорил: «Тех из вас, кто не будет уважать мои приказы, я сурово накажу и уничтожу. Никому не будет пощады». Так мог говорить правитель, уже полностью распоряжавшийся жизнью подчинённых.

2. Общественные отношения в государстве Шан (Инь)

Рабство

Рабы в период Шан (Инь) не имели общего наименования. Существовал целый ряд иероглифов для обозначения рабов, что особенно характерно для раннего периода рабовладельческого общества. Например, иероглиф «*ну*», обозначающий понятие «раб», изображал человека, стоящего на коленях со связанными сзади руками. По-видимому, первоначально это был пленный. Иероглифы «*си*» и «*фу*» также обозначали рабов из военнопленных. Первый знак изображал склонённого человека со связанными руками, к голове которого была привязана верёвка. Второй иероглиф (*фу*) по своему начертанию похож на первый: он изображал человека, схваченного рукой.

Китайскими учёными высказывается предположение, что «*тун*», «*це*», «*цзай*», «*чэнь*», а также «*пу*» были обозначениями домашних рабов. Знак «*цзай*» состоит из графических элементов — крыши (или ворот) и клеймения; по-видимому, этот знак обозначал рабов, выполняющих работу в доме. Иероглиф «*це*» состоит из двух элементов: неполного знака «*синь*» (клеймение) и иероглифа, означающего женщину, т. е. выражал понятие «женщина с небольшим клеймом», что равносильно понятию «рабыня». Позднейшее значение этого знака — наложница. Иероглиф «*пу*» изображал человека, лоб которого был заклеймён. Иероглиф «*чэнь*», по-видимому, означал покорившихся, смирившихся военнопленных, которых хотя и превращали в рабов, но в связи с их покорностью выделяли среди остальных рабов, поручали им служебные функции, в частности наблюдение за другими рабами. Отсюда происходит более позднее значение знака «*чэнь*» — слуга, чиновник.

Источниками рабства были постоянные войны иньцев с соседними племенами и захват пленных. Ряды рабов пополнялись, может быть, также за счёт осуждённых. Кроме того, иньские цари и знать получали рабов от подчинённых племён, присылавших их в качестве дани наряду с различными предметами. О прибытии этих рабов в иньскую столицу сообщается в гадательных надписях на костях.

Рабы использовались преимущественно в скотоводстве, но частично и в земледелии. Так, в надписях на костях иньского времени упоминается об обработке земли пленными из племени цян. В ряде надписей на костях встречаются прямые указания на использование в скотоводстве рабов из захваченных пленных. Рабы использовались также в качестве ездовых, на охоте. Для этой цели чаще всего служили рабы из зависимых племён. Возможно, что рабов использовали и для обслуживания жертвоприношений, для ухода за жертвенным скотом и для заклания его.

Земельные отношения и сельская община

В процессе разложения родового строя, ещё в период, предшествовавший созданию государства Шан (Инь), произошли крупные изменения в земельных отношениях. Родовая собственность на землю распадалась. По-видимому, племенные вожди, узурпировавшие власть и превращавшиеся в царей, стали единолично распоряжаться землёй в общинах, рассматривая её в качестве государственной собственности. Во всяком случае данные о дарениях земли ваном (правителем), хотя и не часто, но встречаются в надписях на иньской бронзе наряду с надписями о пожаловании рабов. Это не значит, что рабовладельческая аристократия владела только пожалованной царём землёй. Вероятно, в руках знати оставалась и часть родовых земель, перешедших к ней в процессе разложения первобытно-общинного строя и распада родовой общины. Однако нет данных о том, чтобы какие-либо земли перешли в полную частную собственность. В надписях на костях и бронзе, да и в литературных памятниках отсутствуют всякие следы купли-продажи и заклада земли. Нет никаких упоминаний для времени Шан (Инь) и об особых царских хозяйствах.

Большую роль в общественных отношениях иньского времени играла община. В надписях на костях она изображалась знаком «*и*», обозначавшим «поселение людей». По-видимому, это было селение-община или совокупность общин. Впоследствии этим иероглифом обозначались понятия города, территории, небольшого владения.

Надписи на костях и на бронзе не проливают света на характер распределения земли и внутреннюю организацию общин. В этих надписях для обозначения полей применяется знак «колодца». Если обвести этот знак со всех сторон линиями, то получается фигура, в которой девять квадратов или девять полей. Кроме того, сам иероглиф «поле» изображался иногда в виде девяти квадратов. По сообщению философа Мэн-цзы (IV—III вв. до н. э.), восемь полей якобы находились в частном пользовании восьми семейств, а девятое, находившееся в центре, обрабатывалось сообща всеми восемью семействами. Мэн-цзы относит такое распределение земли ко времени, следующему за периодом Шан (Инь), но в более поздних сочинениях есть указания, относящие подобный порядок и к рассматриваемому нами периоду. Всё это даёт исследователям основание предполагать, что общинное землепользование в иньское время было, по-видимому, организовано по этой так называемой системе «колодезных полей». На основании указанных источников можно предположить, что в общине иньского периода вся земля, находившаяся в пользовании свободных общинников, разделялась на две категории: *гун тянь,* т. е. «общественное поле», и *сы тянь,* т. е. «частные поля». Под гун тянь понималось поле, обрабатывавшееся совместно всей общиной, причём весь сбор урожая поступал старосте общины, который, по-видимому, отправлял этот урожай управителю данного района или области, а последний посылал собранное со всего района в столицу, иньским царям. Сы тянь, или частные поля, — это поля, которые находились в индивидуальном пользовании каждой семьи. Сбор урожая с этих полей шел на прокормление свободных общинников. Частные поля, однако, не являлись частной собственностью их держателей.

Государственный строй

Рабовладельческое государство Шан (Инь) — орудие господства класса рабовладельцев — за сравнительно длительный период своего существования претерпело значительные изменения. На раннем этапе оно ещё сохраняло пережитки родоплеменной военной демократии. Об этом, в частности, свидетельствует существование в то время совета старейшин. Однако дальнейшее развитие государственной организации привело к появлению в ней деспотических черт, к монополизации царём всей полноты власти.

Царь был, по-видимому, номинальным верховным собственником всей земли в государстве, первым и самым крупным рабовладельцем. Одновременно он являлся

верховным военным вождем и первосвященником. Религия, укрепляя авторитет царя, представляла его в глазах народных масс сверхъестественным существом божественного происхождения, «сыном неба» (божества), управлявшим «поднебесной» страной якобы по повелению неба. Характерно, что в самом начертании знака «*ван*» (царь) выражена идея величия единоличной власти. Так, вначале соответствующий иероглиф состоял из двух элементов: «великий» и «единственный». В дальнейшем понятие «великий» в этом знаке было заменено изображением неба, что было связано с религиозным представлением о божественном происхождении царей.

Иньские цари возглавляли государственный аппарат. У нас нет подробных данных о структуре государственного аппарата иньского периода. Надписи на костях и бронзе дают отрывочные сведения по этому вопросу, приводя лишь отдельные термины, которые могут быть объяснены как названия должностей, чаще всего военных чинов. Данные же литературных памятников гораздо более позднего происхождения, рисующие сложную государственную организацию иньского периода, требуют критического подхода и до настоящего времени ещё не подтверждены расшифрованными надписями на костях.

Существовали такие неотъемлемые атрибуты государства, как армия и тюрьмы. Некоторые данные об этом можно найти в надписях на гадательных костях. Опираясь на армию и государственный аппарат угнетения, цари жестоко расправлялись с непокорными. В упомянутых выше надписях встречается целый ряд иероглифов, изображающих различные виды наказания и казни, а именно: казнь путем сожжения на огне, через повешение, четвертование, обезглавливание, закапывание живым в землю. Применялись и более «лёгкие» наказания: отрезали нос, отрубали ноги, руки, уши, выкалывали глаза и т. д. Некоторые знаки изображают склоненного человека с колодками на обеих руках, другие — человека с колодками на руках, помещённого в деревянный ящик или в яму — своеобразную тюрьму. Указания на существование в иньский период некоторых из этих видов наказания встречаются также в литературных памятниках.

Структура общества

Основными классами в государстве Шан (Инь) были рабовладельцы и рабы. Кроме того, существовали свободные земледельцы-общинники.

Класс рабовладельцев состоял из иньской светской рабовладельческой аристократии, жреческой рабовладельческой знати и рабовладельческой аристократии подчинённых иньцам племён. Светская рабовладельческая аристократия формировалась прежде всего из сыновей и других родичей царя, его близких людей, подчинённых. В надписях на костях они называются *хоу*, *нань*, *цзы*, *бо*. Все эти термины возникли и бытовали в период ещё доклассового общества. Но теперь они изменили своё содержание и превратились в титулы знати.

Термин хоу вначале означал лучника, военачальника рода, племени. В период Инь термин хоу применялся, по всей вероятности, для обозначения военачальников царя (вана), посылавшихся последним для охраны пограничных территорий. В надписях они встречаются вместе с названием земель, которыми они, очевидно, управляли. На одних и тех же землях, как указывают гадательные надписи, находились кроме хоу и другие представители царя, в частности сыновья царя, — по-видимому, управители этих земель.

Термин бо, буквально — «дядя», означал теперь «военачальник», «управитель области», но по своему положению бо был старше хоу, так как являлся начальником нескольких или многих хоу.

Термин цзы со значением «сын» стал теперь служить для обозначения сыновей царя. Царские сыновья, как видно, также назначались управителями областей. В иньских надписях встречаются сочетания знаков цзы с названиями местностей; например, цзы Сун, цзы Чжэн, что означало: «царский сын области Сун», т. е. посланный в Сун; «царский сын области Чжэн» и т. д. Впоследствии знак цзы стал приме-

няться для обозначения аристократического титула независимо от того, был ли его носитель сыном царя.

Подвластные иньским царям вожди некоторых племён также получали от иньских правителей почётные звания — хоу, бо, в особенности в конце существования Иньского царства, в период его ослабления и усиления соседних племён.

К представителям жреческой рабовладельческой аристократии относились жрецы, предсказатели, колдуны. Они играли видную политическую роль в государстве Шан (Инь), помогая господствовавшему классу, частью которого являлись, держать в повиновении рабов и свободных общинников.

Свободные общинники, или свободные земледельцы, составляли значительную часть населения того времени. Они играли большую роль в общественных отношениях Иньского государства. В древних китайских литературных памятниках их именуют по-разному. Так, в «Книге документов» («Шу цзин»)[1] их называют «народ» (*минь*), «мелкий люд» (*сяоминь*), и т. п. Свободные общинники являлись не только одним из основных производящих слоев общества, но и представляли собой значительную политическую силу, с которой господствующему классу рабовладельцев приходилось считаться.

Рабы в иньском обществе находились на положении скота. Их могли продать, подарить, убить. Их клеймили, чтобы они не могли убежать, надевали колодки на руки и ноги, рвали им ноздри, отрезали уши, привязывали ремнями за шею и за ноги. Они выполняли самую тяжёлую и грязную работу. Рабов приносили в жертву вместо животных. Например, в одной из гадательных надписей говорилось: «Приносится в жертву раненый раб». В другой надписи, сделанной в связи с гаданием о дожде по случаю засухи, указывается: «Сжигаем раба, чтобы на землю снизошёл дождь». О таких обрядах свидетельствуют и найденные при раскопках иньской столицы обожжённые кости людей.

Классовые противоречия в иньском обществе. Кризис Иньского государства

Бегство рабов от хозяев было в то время, видимо, наиболее обычной формой выражения ими своего протеста против гнёта рабовладельцев. В надписях на костях, в особенности в конце времени Шан (Инь), содержатся вопросы оракулу о том убегут или не убегут рабы. Например, в царствование У Дина сделаны такие записи: «Не убегут ли рабы?», или вопрос гадателю: «Потеряю ли я рабов?». Подобные записи относятся также к периоду царствования У И и Вэнь Дина (XII в. до н. э.).

Фактов активной борьбы рабов источники не приводят. Однако есть свидетельства о случаях протеста разорившихся свободных общинников. Так китайские-источники сообщают, что, когда царь Пань Гэн (1401—1373) решил в 1388 г до н. э. перенести столицу на новое место, получившее название Шан (Инь) и переселить туда многих жителей, он встретился с недовольством среди своих подданных. В «Шу цзине» об этом факте говорится: «Народ Инь вздыхал и печалился, роптал и не желал переселяться».

По отдельным, разрозненным сообщениям китайских источников можно сделать вывод, что внутренние противоречия в рабовладельческом обществе Шан (Инь) к этому времени значительно обострились. Участившиеся войны, усиление эксплуатации рабов и свободных — всё это приводило к обострению классовой борьбы и к усилению кризиса Иньского государства. У Сыма Цяня мы часто встречаем отрицательные

[1] «Книга исторических преданий» или «Книга документов» — памятник классической конфуцианской литературы. Точная дата ее составления не известна, но она существовала уже при Конфуции (VI — V вв. до н. э.). До нас дошла в более поздней редакции. Ряд её глав создан в V—III вв. до н. э. Материалы, помещенные в «Книге документов», относятся как к первобытно-общинному строю, так и к рабовладельческому обществу.

характеристики иньских царей. Особенно резкую оценку Сыма Цянь, как и другие китайские источники, даёт последнему иньскому царю — Шоу Синю (или Ди Синю, 1154—1122). Сыма Цянь указывает, что этот царь значительно увеличил налоги и сборы, в результате чего, по словам Сыма Цяня, «народ роптал». Обострилась борьба также между царём и знатью: «Среди чжухоу (военачальников), — указывает Сыма Цянь, — были такие, которые восставали».

В «Шу цзине» встречаются прямые указания на восстания в этот период (XII в. до н. э.) не только знати, но и народных масс. Так, в главе «Вэйский правитель» (речь идёт о брате последнего иньского царя, которому было пожаловано владение Вэй), рисуется картина всеобщего недовольства деспотической властью царя. В этой главе говорится: «сяоминь (мелкий люд, т. е. свободные общинники) поэтому-то восстаёт и враждует друг с другом, ныне (царство) Инь гибнет (разрушается)...».

Государство Шан (Инь) переживало агонию. Достаточно было сильного толчка, чтобы уничтожить это царство. Оно пало главным образом под ударом извне, со стороны племени чжоу, которому оказала содействие часть иньской рабовладельческой аристократии, восставшей против иньского царя Шоу Синя (Ди Синя).

Усиление племени чжоу. Падение царства Шан (Инь)

В течение всего периода существования царства Шан (Инь) происходила борьба его с соседними китайскими племенами. Многие из этих племён были покорены иньцами и вошли в состав царства, часть из них была превращена в рабов. Другие, более сильные племена сохранили своё существование, но стали в подчинённое положение от государства Шан (Инь). Иньцы не изменяли у этих племён общественных порядков, оставляли прежних старейшин, давали им почётные звания, но обязывали их посылать дань иньским царям. К таким племенам надо прежде всего отнести племена чжоу, цян, шу. По мере своего усиления эти племена прекращали посылку дани в иньскую столицу, а зачастую сами вторгались во владения Иньского царства.

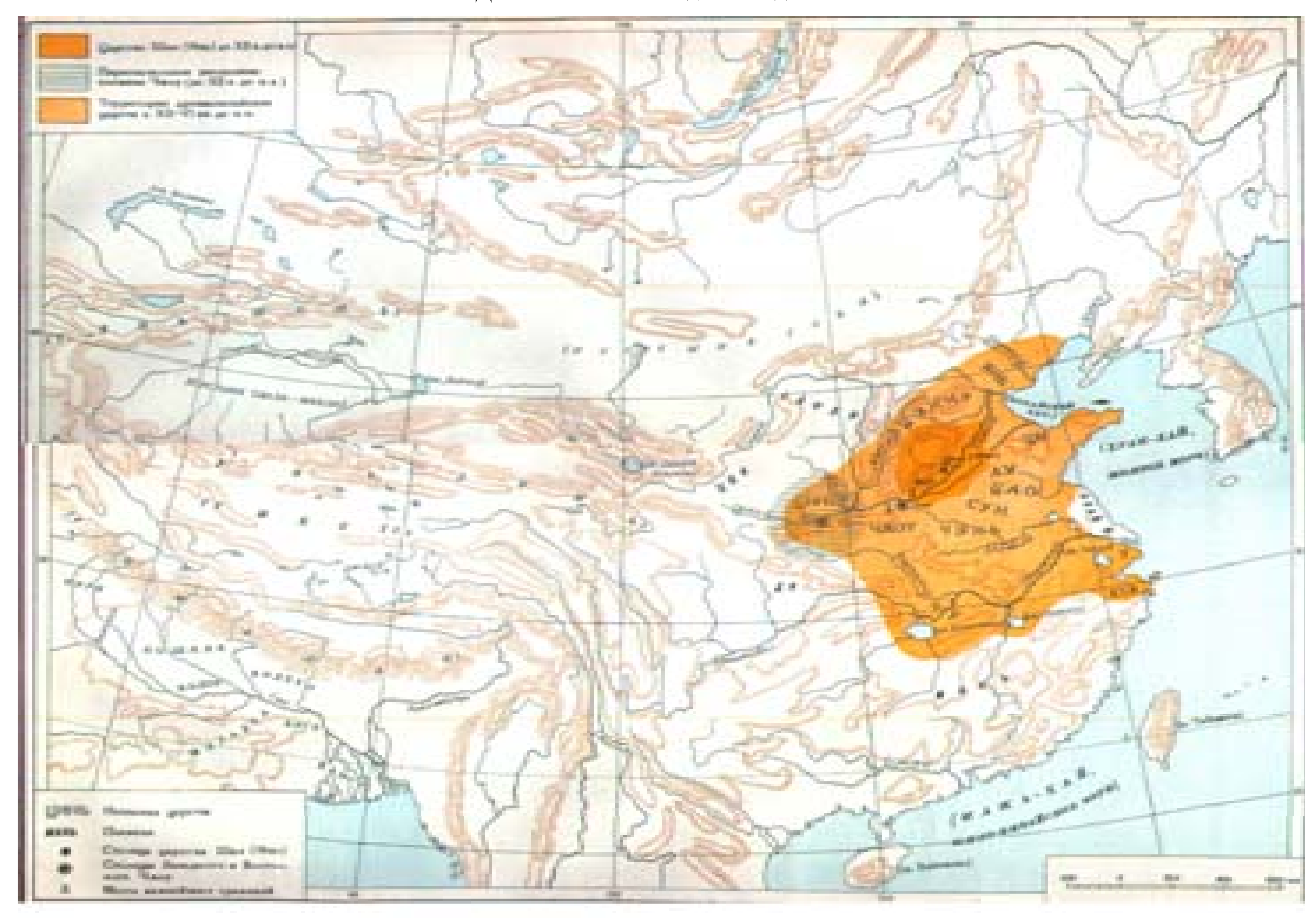
В царствование У Дина часто велись войны с западными племенами цян и шу, которые восставали и прекращали присылку дани. На иньских гадательных костях встречается много таких записей: «Царь приказывает... (далее следует указание, кому именно) воевать против цян». Временные победы иньских царей над племенами не приносили постоянного мира.

В царствование последнего иньского царя Шоу Синя (Ди Синя) восстания племен приняли ещё больший размах. В усмирении одного из таких восстаний племени жэньфан царь лично принял участие. Об этом свидетельствует целый ряд записей на костях и бронзе. После подавления племени жэньфан возникла новая опасность, ещё более грозная: против иньцев выступила коалиция племён во главе с чжоу.

Племя чжоу ко времени царствования иньского царя Сяо И (1352—1324) переселилось с запада на восток, на территорию Ци (ныне уезд Цишань, провинции Шэньси). К XII в. оно прочно осело в долине реки Вэй. К этому времени у него уже было хорошо развито земледелие. Одновременно у чжоу имелось и скотоводство, в особенности свиноводство. Им были известны плавка металлов, прядение и ткачество, а также и другие ремёсла. Общественные отношения были уже классовыми. Развивалось рабство. Об этом свидетельствует изменившийся характер войн, которые вели чжоу. Теперь у них целью войн являлся прежде всего захват рабов, грабёж имущества. Эти новыю цели войны выражены в напутствии чжоуского вождя У Вана своим воинам перед последним походом против иньцев: «На полях Шан не нападайте на тех, кто перебежит к нам, — пусть работают на (наших) западных полях». Впрочем, военачальники, вожди чжоу, уже и ранее в результате успешных походов против кочевых племён захватывали рабов.

Вожди племени чжоу находились в тесных связях с иньскими царями, являясь их данниками. Иньские цари за услуги, оказываемые им вождями чжоу в борьбе с

ДРЕВНИЙ КИТАЙ до VI в. до н. э.

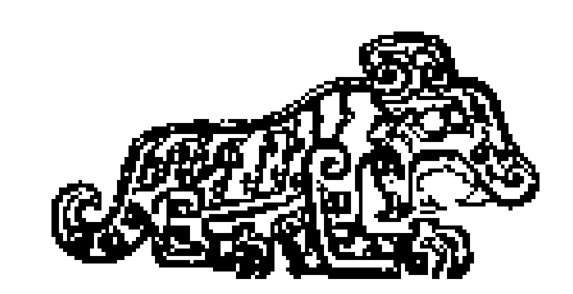

другими племенами, часто жаловали землёй и другим имуществом чжоуских вождей, награждали их титулами рабовладельческой аристократии, предоставляли им полномочия наказывать непокорные племена и т. п.

В царствование иньского царя Вэнь Дина (1194—1191) чжоу увеличили свои силы за счёт покорения ряда племён. На северо-западе чжоу покорили племя яньцзин и другие; многие мелкие племена на северо-западе сами подчинились чжоу.

Ко времени царствования последних иньских царей — Ди И (1191—1154) и Шоу Синя (Ди Синя) (1154—1122) — владения чжоу значительно расширились. Под руководством чжоу объединяется ряд племён для борьбы против Иньского государства. Шоу Синь призвал к объединению подчинённые ему племена, а также покорных ему правителей областей, военачальников (хоу, бо). Обе враждующие армии встретились при Муе в решающем сражении. Иньцы потерпели поражение и, побросав оружие, сдались войскам врага, во главе которых стоял чжоуский вождь У Ван. Последний царь из династии Шан — Шоу Синь покончил жизнь самоубийством.

Так было разрушено царство Шан. На смену ему пришло царство, основанное племенем чжоу, по имени которого называется новый большой период в древней истории Китая (XII—III вв. до н. э.).

ГЛАВА XVIII
ПЛЕМЕНА ЕВРОПЫ И АЗИИ ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

На огромных пространствах Европы и Азии, лежавших вне областей развития древних рабовладельческих государств, на рубеже III и II тысячелетий до н. э., так же как и в этих государствах, создались условия, благоприятствовавшие развитию бронзолитейного дела. Успехи скотоводства, которыми отмечена вторая половина III тысячелетия во многих областях евразийского континента от Енисея до Пиренейского полуострова, вели к значительному изменению всей общественной структуры живших на этой территории племён. Устои матриархально-родовых отношений были подорваны, создались возможности для широкого накопления племенами богатств в виде скота, всё чаще стали возникать межплеменные конфликты из-за пастбищ и водоёмов. Война с целью обогащения за счёт соседей становится всё более обычным делом. Не случайно появились обнесённые высокими валами и рвами обширные городища, как, например, на Верхнем Рейне и в Западной Франции.

Бронзовый век у племён Европы и Северной Азии в основном совпадает со II тысячелетием до н. э., но у большинства из них он продолжался ещё и в начале I тысячелетия. В течение этого времени развивались патриархально-родовые отношения с господствующим положением мужчин в семье и роде. Экономической основой этих изменений было усиление значения скотоводства, а также общий подъём производительных сил и, прежде всего, развитие металлургии. Немалую роль в этом процессе сыграло и постепенное распространение плужного земледелия, признаки применения которого в бронзовом веке становятся всё более многочисленными; по мере дальнейших успехов археологической науки об этом можно говорить со всё большей уверенностью.

Родовые общины, возглавляемые старейшинами — главами патриархальных семей, были объединены в это время в многолюдные племена, занимающие обширные территории, отделённые от территорий других племен лесами, реками и озёрами. Во главе племени стояло народное собрание мужчин-соплеменников. Однако с увеличением численности племён и особенно с образованием объединений нескольких племён собрание теряет первоначальный характер. В нём теперь участвуют лишь члены ближайших к месту собрания родовых общин. Остальных представляют старейшины и военные предводители. Процесс имущественной дифференциации способствует усилению родовой знати и её обособлению от массы соплеменников. Постепенно в руках знати сосредоточивается и экономическая сила, и богатство, и власть, а также отправление религиозных обрядов. Старейшины и предводители очень часто становятся одновременно и жрецами.

Основные районы распространения культур бронзового века в начале II тысячелетия до н. э.

Если взглянуть на карту Европы и Азии начала II тысячелетия до н. э. вне зоны древних рабовладельческих государств, то мы увидим следующую картину.

К востоку от Енисея обширные пространства Прибайкалья и прибайкальских степей были ещё с энеолитического времени заняты населением, оставившим памятники так называемой глазковской культуры (по месту находки в предместье города Иркутска, ранее называвшемся Глазково), в которых обнаружены первые признаки связей с раннебронзовой культурой Северного Китая.

Вся обширная область Казахстана, степной и лесостепной части Западной Сибири и Южного Приуралья вплоть до Каспия представляет территорию, занятую племенами, оставившими нам памятники так называемой андроновской культуры [1], в целом поразительно однородные на всём этом огромном пространстве. К западу, охватывая всё Нижнее и Среднее Поволжье, причерноморские степи вплоть до Днепра, а южнее — до района современной Одессы, занимая также лесостепную зону до границ бассейна Оки, лежит вторая огромная территория племён так называемой «срубной» культуры [2], весьма близкой по своему облику к андроновской культуре. В Средней Азии наряду с развитием местных культур в течение бронзового века всё в большей и большей степени распространяются элементы, обнаруживающие близость с андроновской культурой Сибири и Казахстана. Продолжают развиваться культуры Иранского нагорья, связанные с культурами Передней и Средней Азии.

Хотя Северный Кавказ обычно разделяется современной наукой на несколько культур бронзового века, однако все они имеют связи друг с другом Родственные северокавказским культурам черты обнаруживают памятники в большинстве районов Грузии и Армении.

Обширные области Волго-Окского междуречья занимали племена, оставившие нам памятники так называемой фатьяновской культуры. Среднее Поднепровье ещё со времён энеолита населялось племенами так называемой среднеднепровской культуры. Далее на северо-запад, от Волыни до северной части Польши и среднего течения Эльбы, в начале бронзового века продолжали обитать племена, отличавшиеся родственными формами культуры.

Центр Европы — нынешние Чехию, Нижнюю Австрию, Силезию и Саксонию с Тюрингией — населяли племена унетицкой культуры [3], позднее развившейся у основных унетицких племен в лужицкую культуру [4], охватившую ещё более

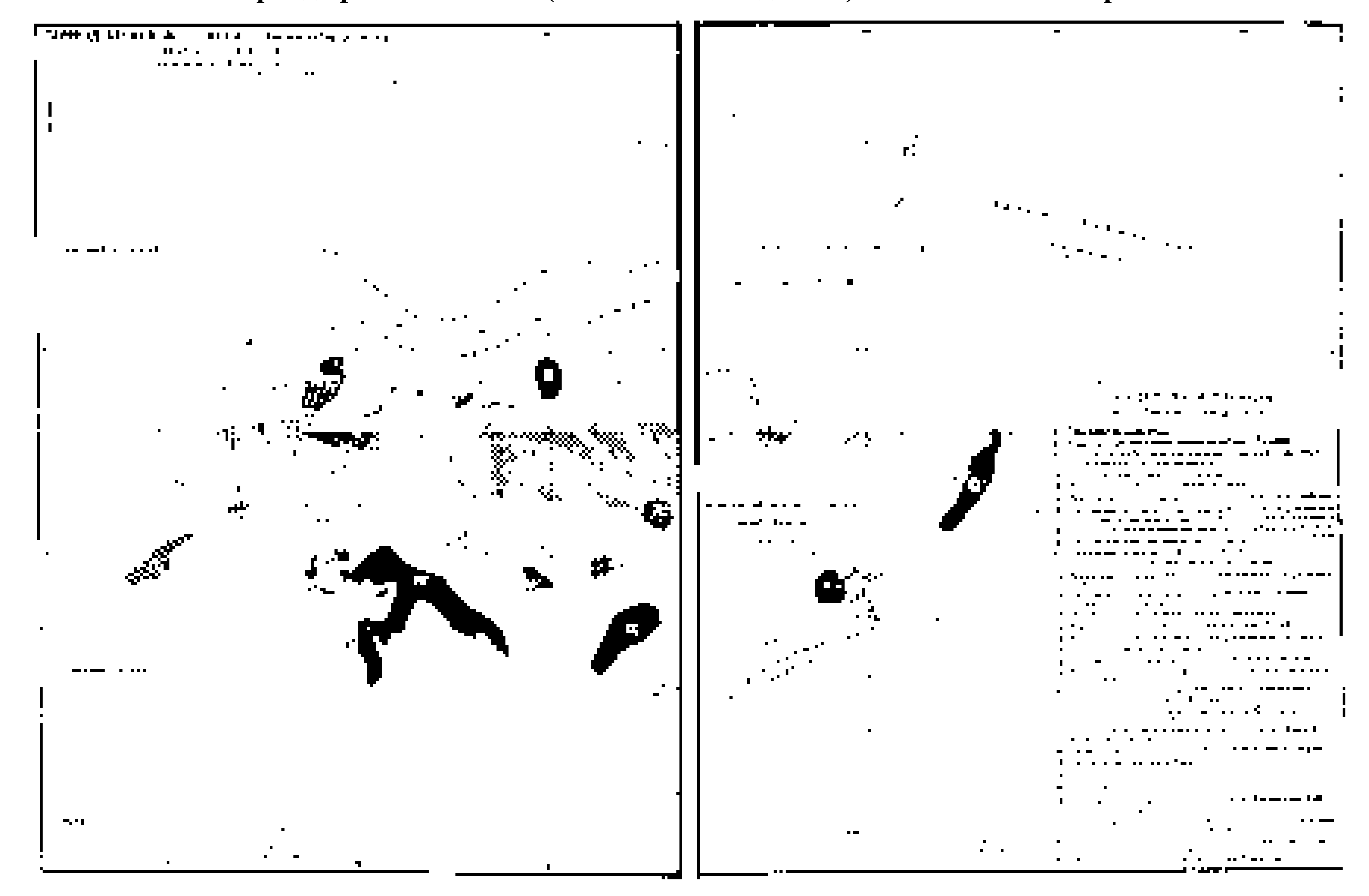
[1] Андроновской она названа по месту первой находки у села Андроново, на юге Ачинского района, Красноярского края

[2] «Срубной» культура названа по характерному для неё обряду погребения в срубах под курганом.

[3] Культура названа по наиболее обширному могильнику, расположенному у села Унетица.

[4] Лужицкая культура получила свое название от Лужицкой области в Германии (по-немецки — Lausitz), где были впервые найдены погребения, характерные для этой культуры.

Период бронзового века (II тысячелетие до н. э.) Схематическая карта

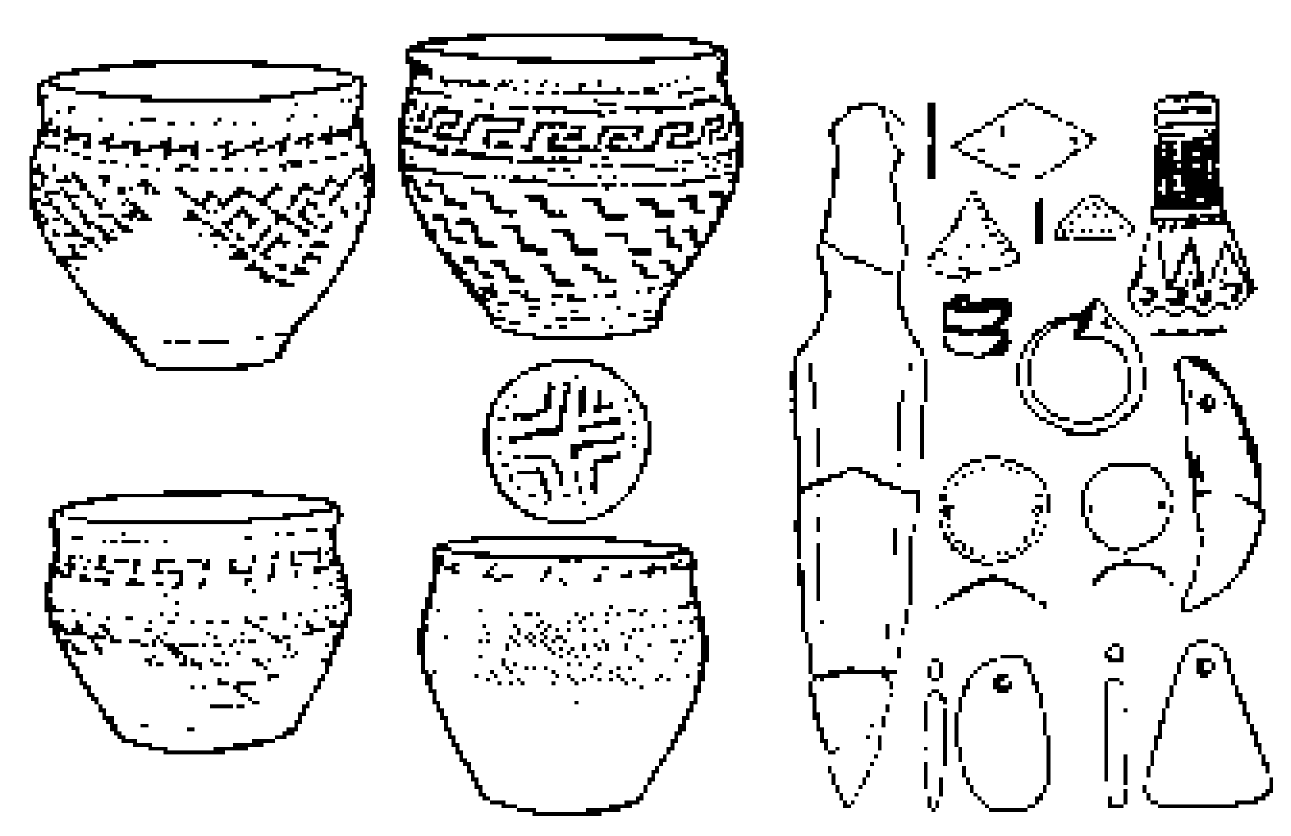
обширную территорию как в Германии и Польше, так и на юге в направлении Дунайского бассейна, где на территории Венгрии образовался особый центр бронзовой культуры, связанный через Балканы с крито-микенской цивилизацией.

Особыми областями с группой родственных культур были в начале бронзового века северная часть Италии, Франция, а также Пиренейский полуостров, где ещё во времена энеолита сложился один из крупнейших центров древней европейской металлургии. В начале бронзового века юг Пиренейского полуострова был занят племенами единой культуры (так называемой эль-аргарской [1]). Значительным культурным единством отличались и племена, населявшие Британские острова. Эта картина культурно-исторических особенностей, сложившихся в начале II тысячелетия до н. э., разумеется, не оставалась неизменной.

Ниже будет рассказано о наиболее характерных центрах культуры того времени и о тех изменениях, которые произошли на протяжении столетий.

Племена андроновской и «срубной» культур

Огромное пространство занимали в бронзовом веке племена близких между собой андроновской и «срубной» культур. Первоначально эти племена обитали в Среднем Поволжье и Южном Приуралье, и культура их была близка культуре племён, оставивших катакомбные и ямные курганы. В начале бронзового века они расселились на восток до Минусинской котловины и на запад до Днепра и низовьев Южного

Глиняные сосуды и бронзовые изделия андроновской культуры.

Буга. Племена эти вели уже относительно сложное хозяйство. С одной стороны, у них развивалось скотоводство и, возможно, они первые включили лошадь в число домашних животных сначала как мясной скот, а потом и как транспортную силу. С другой стороны, племена, создавшие «срубную» и андроновскую культуры, гораздо шире, чем

[1] Названа по месту первых находок в местности Эль-Аргар, на юге Испании.

их энеолитические предшественники, занялись земледелием. Эта отрасль хозяйства определила и весь образ их жизни: они были более оседлыми, селились значительными посёлками, которые к концу бронзового века, например на Волге, достигали размеров современных больших сёл и тянулись вдоль реки на несколько километров. Им известно было стойловое содержание скота зимой. При раскопках андроновского поселения у села Алексеевского, на реке Тоболе, были открыты рядом с жилищами остатки

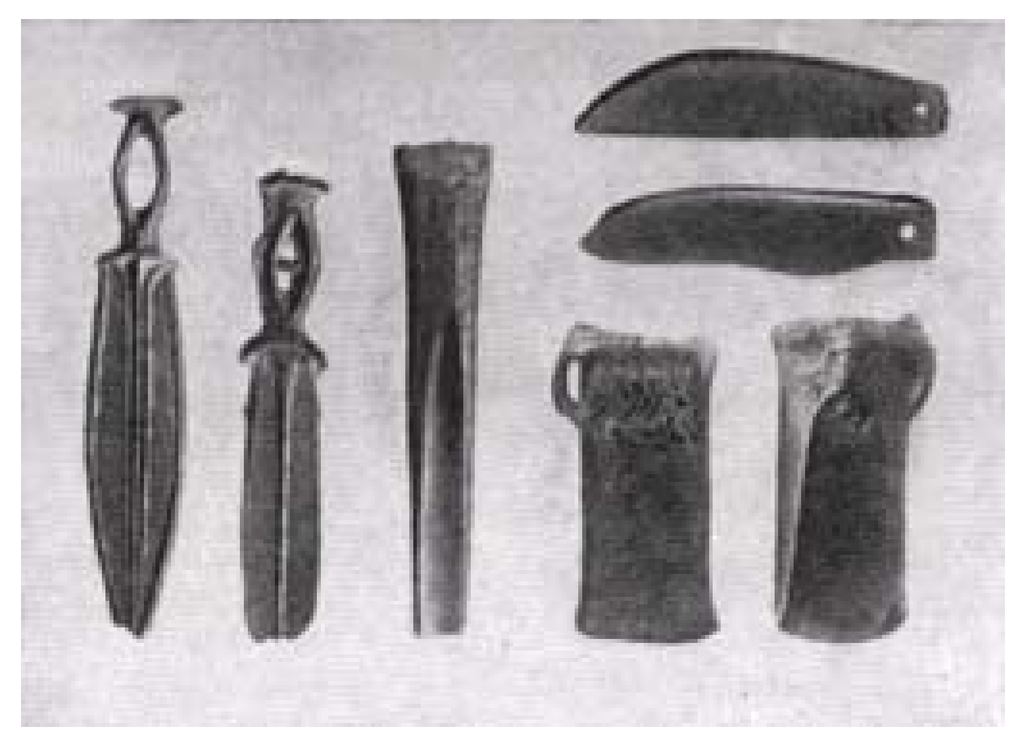

Глиняные сосуды, вислообушный топор и бронзовые изделия «срубной» культуры.

загонов, очень близкие по типу к крытым помещениям для скота, окружавшим дома на позднейших казахских зимниках в этом же районе. Жители андроновских и «срубных» посёлков составляли общины, которые вели замкнутое хозяйство и сами производили всё необходимое. На месте ткали шерстяные ткани, вязали шапки, выделывали кожи и меха, шили одежду и обувь. Все орудия и инструменты также изготовлялись на месте из камня, кости, дерева и металла.

Большого совершенства достигло, особенно у племён андроновской культуры, домашнее производство глиняной посуды. Горшки стройных форм отличались хорошо полированной поверхностью и красивым геометрическим узором, напоминающим сложные орнаменты среднеазиатских ковров.

Обработка бронзы достигла уже высокого развития; в ранних погребениях племён «срубной» культуры найдены литейные формы для изготовления такого сложного орудия, каким был боевой топор, характерный тип которого в начале II тысячелетия до н. э. проник из Двуречья через Кавказ в наши южные районы. Из бронзы отливались также кинжалы, копья, стрелы и украшения — серьги, браслеты и бляшки, нашивавшиеся на одежду. В ранний период существования этих культур литьё из бронзы, по-видимому, осуществлялось дома. Однако с развитием техники литья и усложнением форм изделий бронзолитейным делом стали заниматься специалисты — литейщики. Некоторые из них жили в общинных посёлках, обслуживая нужды общины, другие же постепенно отрывались от общины, превращаясь в странствующих мастеров, работающих на заказ, обладающих своими инструментами, запасом сырья и полуфабрикатов. К концу II тысячелетия до н. э. число

Бронзовые изделия «срубной» культуры.
Сосново-мазенский клад. Среднее Поволжье.

таких странствующих мастеров особенно увеличилось. До нас дошло множество их складов, содержащих литейные формы, слитки бронзы, а также заготовленные орудия и оружие. Такие склады найдены и на территории, занятой племенами «срубной» культуры и во многих частях Западной и Южной Сибири и Казахстана.

Между общинами и странствующими мастерами, которые являлись обладателями не только своих простейших инструментов, но и произведённых продуктов, возникал обмен. Обмен возникал и внутри общины, способствуя неравномерности накопления, дифференциации имущественного положения её сочленов. Развитие бронзолитейного дела способствовало и оживлению межплеменной торговли. Племена и общины, на территории которых имелись месторождения металлов, стали заниматься в значительной мере специально их разработкой. Такие основные районы древней металлургии найдены во многих частях СССР. В качестве примера можно назвать Калбинский хребет, южнее Семипалатинска, со множеством древних медных рудников, ряд местностей Южного Урала, Донецкого кряжа и Кавказа.

Значительный подъём производительных сил вызвал дальнейшее усложнение общественных отношений. Постепенно формируется племенная аристократия, отличавшаяся от своих соплеменников богатством. Она начинает присваивать право на занятие общественных должностей и на особую долю в военной добыче. Память об этом хранят обнаруженные клады драгоценностей конца бронзового века, содержащие дорогие и редкие изделия, главным образом оружие (наконечники стрел, кинжалы и топоры), сделанные из металлов или ценных пород камня.

Человек бронзового века. Казахстан и Южная Сибирь.
Андроновская культура.
Реконструкция М. М. Герасимова.

Признаком выделения племенной знати служит сооружение громных курганов. Один из таких курганов находится в урочище «Три брата» около города Степного. Его огромные размеры — высота до 15 *м* — говорят об особом положении лица, погребённого под этой грандиозной насыпью, над сооружением которой трудились сотни людей. Таким же огромным курганом этого же времени является так называемая «Широкая могила» у села Лепетиха, на Нижнем Днепре. Аналогичные курганы, возвышающиеся среди скромных рядовых могил, в значительном числе расположены и в степях Центрального Казахстана. В своих недрах они скрывают богатые погребения в обширных каменных склепах.

Изучение поселений и курганов показывает, что у племён андроновской культуры сложились многие из тех своеобразных элементов, которые позднее стали характерными для культур племён саков и савроматов VI—IV вв. до н. э. Антропологическое изучение останков андроновцев и савроматов также говорит об их генетическом родстве. Всё это позволяет предполагать, что племена, создавшие андроновскую культуру, и по языку были прямыми предками саков и савроматов, т. е. говорили на языке иранской ветви индоевропейской семьи. Древние языки — скифский, савроматский (позднее сарматский), сакский, а из современных — осетинский, восходящий к одному из диалектов сарматского языка, — относятся к восточно-иранской подгруппе индоиранских языков индоевропейской семьи.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. андроновские племена широко расселились в южном направлении — они появляются в Южном Казахстане, в Киргизии, где в большом числе известны памятники андроновской культуры этого времени. Племена с культурой, родственной андроновской, появляются в это время не только в Хорезме, но и на юге Средней Азии вплоть до границ современных Афганистана и Ирана.

Укрепление связей между южно-сибирскими и китайскими племенами

До недавнего времени оставалось непонятным, почему культура восточной части территории, занимавшейся андроновскими племенами, в конце II тысячелетия до н. э. стала отличаться от культуры западной территории столь сильно, что это заставило археологов выделить на Среднем Енисее и на Алтае особую карасукскую культуру. Действительно, изменения произошли самые резкие, изменились формы глиняной посуды; бронзовые изделия в большинстве своём приобрели вид совершенно иной, чем андроновские; в хозяйстве наряду с земледелием особое значение получило скотоводство и прежде всего овцеводство; население стало более подвижным; изменился его физический тип, ставший более близким к типу, характерному для тогдашнего населения Северного Китая. Всё это заставляет предполагать значительное включение в племенной состав Южной Сибири выходцев из Северного Китая. Это подтвердилось и дальнейшим исследованием карасукских памятников. Карасукские кинжалы, ножи, копья, топоры-кельты, украшения в виде лапчатых привесок и всевозможных блях оказались особенно близкими к находимым в районах, прилегающих с севера к Великой Китайской стене. Но ряд типичнейших карасукских предметов, особенно ножи, миниатюрные изображения парной упряжки колесницы, орнаментация керамики нашли свои прямые прототипы в изделиях и украшениях бронзовых вещей из столицы царства Шан (Инь), близ Аньяна. Это же наблюдение подтвердил и тот факт, что на своеобразных карасукских стелах (каменных вертикальных плитах-памятниках) орнаменты прямо восходят к иньским.

В настоящее время памятники карасукского типа прослеживаются в виде нескольких местных групп: в Прибайкалье, где найдены иньские сосуды на трёх полых ножках — триподы, в Минусинской котловине и на Алтае, где количество собственно карасукских памятников особенно велико, а также в Казахстане — около Семипалатинска и озера Зайсан. Именно в этих местах, согласно указаниям китайских хроник, расселялись жившие ранее в Северном Китае родственные китайцам племена дин-лин. Очевидно, это они принесли в Южную Сибирь многообразные элементы культуры, особенно в области бронзолитейного мастерства, заимствованные ими у населения древнего Китая времени царства Шан (Инь).

Карасукские памятники прослеживаются вплоть до VIII в. до н. э., когда и в Южной Сибири начинают распространяться формы вещей и орнаменты, свидетельствующие о растущем значении родственных скифам степных племён Евразии. В это же время появляются, раньше всего на Алтае, и первые изделия из железа.

Бронзовый век в Иране и Средней Азии

Культура племён горного Ирана и Средней Азии конца III и II тысячелетия до н. э. является продолжением энеолитической, однако за истекшее время в этой культуре произошли серьёзные изменения. Поселения начинают укреплять стенами. Материальная культура становится богаче и разнообразнее. Наряду с каменными и медными изделиями всё чаще начинают появляться и бронзовые. По-видимому, сильно развивается скотоводство — особенно разведение мелкого рогатого скота, в связи с чем начинает применяться летний выпас скота на отдалённых горных пастбищах; таким образом, скотоводство начинает приобретать полукочевой характер. Большую роль начинает играть лошадь, что придаёт скотоводческим племенам большую подвижность; с этим обстоятельством, вероятно, связано проникновение касситских племён с гор Ирана в Двуречье. В то же время ряд поселений продолжает вести оседлое земледельческое хозяйство, которое отныне в этих областях сосуществует с полукочевым скотоводством. У оседлых племён накапливаются материальные ценности и начинается имущественное расслоение внутри общин. Ремесло получает значительное развитие. Особенно замечательны относящиеся, по-видимому, в основном ко второй половине II тысячелетия до н. э. художественные бронзовые изделия из Луристана (Иран), главным образом части конской упряжи, украшенные стилизованными изображениями мифических чудовищ и зверей. Развивается также камне-

резное искусство и гончарное дело. Всё чаще начинает применяться гончарный круг.

Можно проследить несколько местных культур, принадлежащих близким друг к другу в культурном отношении племенам. Так, население Южного Азербайджана и Курдистана (городище Гёй-Тепе и др.) стояло близко к жителям Восточного и Центрального Закавказья; племена Центрального Ирана и предгорных районов Южной Туркмении (городища Тепе-Сиалк, Тепе-Гиссар в Иране, южное городище Анау, Намазга-Тепе в Туркмении и др.) обладали самобытными, но близкими культурами. Позже, чем в этих районах, развилось земледелие в районах, примыкающих к юго-восточному углу Каспийского моря (район Дехистан в Туркмении, поселения которого близки по культуре к поселениям, обнаруженным около Астрабада в Иране). В Хорезме — в нижнем течении Аму-Дарьи, на смену энеолитической культуре рыболовов и охотников приходит тазабагъябская культура, культура скотоводов и мотыжных земледельцев.

Существенные изменения наступают в Средней Азии к концу II тысячелетия до н. э., по-видимому, вызванные проникновением с севера племён, связанных с андроновской культурой. В конце этого тысячелетия замирает жизнь в старых земледельческих поселениях Южной Туркмении. На несколько столетий раньше то же явление наблюдалось в городах культуры Хараппы в долине Инда, с которой у древнейших среднеазиатских поселений имеются определённые связи.

Новая земледельческая культура, носители которой, научившись выплавлять железо, уже начинают осваивать речные низменности, возникает в оазисах Средней Азии лишь ко второй четверти I тысячелетия до н. э. Изменения в культуре наблюдаются также в Восточном и Центральном Иране (как можно судить, например, по могильнику на городище Тепе-Сиалк), куда, очевидно, также проникли к этому времени пришельцы с северо-востока, говорившие, по всей вероятности, на диалектах иранской ветви индоевропейской семьи языков.

Бронзовый век на Кавказе

Постоянные связи племён, обитавших в Закавказье, с переднеазиатскими центрами рабовладельческой цивилизации установились ещё во времена раннего энеолита. Уже упоминался широкий вывоз из района Арарата обсидиана, служившего основным материалом для выделки каменных наконечников стрел и других орудий в Двуречье и Эламе. Эти связи способствовали проникновению в Закавказье многих достижений древневосточной техники, более совершенных образцов орудий и оружия. Формы кинжалов, известные в Двуречье, древнеассирийская форма бронзового меча, древневосточные секиры, особый тип топоров и многое другое было воспринято металлургами Закавказья и широко распространилось в их производстве. Многие из этих форм проникли и дальше на север. Тот же тип топора, например, был распространён на востоке — в Средней Азии, на севере — у племён «срубной» и андроновской культур, а на западе он выделывался бронзолитейщиками племён, заселявших во II тысячелетии до н. э. территории современной Румынии, Болгарии и Венгрии. Известное влияние древневосточных цивилизаций испытало и керамическое дело закавказских племён. Распространившаяся во II тысячелетии до н. э. в Закавказье расписная посуда (так называемого эларского типа [1]) в известной мере представляет собой вариант широко применявшейся в Двуречье и в Эламе посуды. Это — красная или розовая посуда, расписанная главным образом тёмной краской; в её орнаментации и на юге, и в Закавказье много геометрических элементов и часто встречаются изображения птиц. Ювелирное дело и изобразительное искусство этого времени в Закавказье также обнаруживают связи с Двуречьем, а позднее и с хеттской культурой.

Памятники, особенно ярко характеризующие своеобразие развития культуры племён Закавказья в бронзовом веке, обнаружены в Центральной Грузии (в районе

[1] Название этого типа посуды происходит от поселения Элар, близ Еревана.

Триалети) и в ряде мест Армении и Азербайджана. Формой поселения в этих местах в бронзовом веке являлись посёлки, часто окружённые стенами из крупных камней (так называемая циклопическая кладка). Первоначально эти посёлки сохраняли прежний вид общинных поселений, застроенных домами, в строительстве которых применялись камни или каменные плиты. Позднее здесь появились внутренние укрепления, за стенами которых скрывались жилища представителей племенной знати, более обширные дома родовых старейшин и племенных вождей. Как и в странах древнего Востока, знать отгораживалась стенами не только от внешних врагов, но и от своих соплеменников. Такие изменения в самой планировке поселений Закавказья на протяжении бронзового века наглядно говорят о процессе разложения старых первобытно-общинных порядков.

Такую же картину рисуют и материалы раскопок многочисленных погребений этого же времени. В Триалети, в долине реки Цалки, было исследовано большое число курганов, относящихся к первой половине и к середине II тысячелетия до н. э. Немалое число этих курганов сохранило нам погребения рядовых общинников со скромным инвентарём. Но рядом с этими курганами высятся огромные насыпи, содержащие или обширные каменные погребальные залы, или глубокие подземные усыпальницы. Они сохранили следы похоронных церемоний, во время которых умершего вождя везли на колеснице древневосточного типа, несли его оружие и драгоценности. О богатстве погребённых говорят находящиеся при них серебряные кинжалы, серебряная и золотая посуда, тонкие украшения и ожерелья из серебра, золота и самоцветов. Орнаменты на посуде и украшениях поражают своей изысканностью. Запоминается, например, золотой кубок, украшенный изящными спиралями из золотых жгутов, усыпанных полудрагоценными камнями, или серебряный кубок, на котором изображена направляющаяся к алтарю и священному дереву процессия людей в звериных масках и одеждах с хвостами. Золотые статуэтки животных, найденные в этом кургане, свидетельствуют о прочном усвоении мастерами Закавказья приёмов художников-ювелиров Двуречья. Это нашло выражение, например, в статуэтке барана, глаза которого сделаны из перламутра и разноцветных камней, укреплённых на горной смоле. Лучшие образцы посуды эларского типа, особенно выразительно сохранившей черты сходства с керамикой Передней Азии, найдены в большом числе в богатых курганах Триалети.

В Армении, в городе Кировакане, было открыто подобное же погребение, содержавшее множество расписных сосудов. Бронзовое оружие оказалось совершенно сходным с триалетским. Массивная золотая чаша была украшена изображёнными в древневосточном стиле фигурами львов. Возле неё лежали серебряные сосуды, аналогичные триалетским. Случайные находки, сделанные в различных районах Закавказья, позволяют полагать, что те изменения в общественном строе, которые столь выразительно рисуют нам находки в Триалети, имели место в это же время во многих районах современных Грузии, Армении и Западного Азербайджана.

Эти изменения были вызваны дальнейшим развитием многих отраслей производства. Во второй половине II тысячелетия до н. э. в Закавказье уже применялось орошение полей, по-видимому, широко развились садоводство и виноградарство, многочисленны были стада. Важнейшим нововведением было распространение коневодства и использование лошади для верховой и колесничной езды. Именно с этого времени в могильниках Закавказья на наениВ ц

им в загробной жизни. В качестве примера можно привести погребение, обнаруженное в склепе под курганом на юго-западном побережье озера Севан, где вокруг пышно украшенной погребальной колесницы племенного вождя было найдено 13 убитых рабов, а около быков, привезших колесницу, был положен и погонщик, также убитый при погребении. Это показывает не только наличие рабства, но и то, что производственная ценность рабов в то время была ещё не велика.

Такие погребения известны сейчас во многих местностях Закавказья. Они свидетельствуют о том, что начавшийся ещё в ранний период бронзового века процесс внутриплеменной дифференциации привёл к зарождению новых форм общественных отношении, основанных на эксплуатации рабов. Этот процесс особенно усилился, когда некоторые области Южного Закавказья в IX—VIII вв. до н. э. были включены в состав рабовладельческого государства Урарту.

На Северном Кавказе во II тысячелетии до н. э. развился мощный очаг культуры бронзы. Он оказал сильное воздействие на многие области степной зоны, на районы Поволжья, Прикамья и Волго-Окского междуречья, служа передатчиком передовых достижений древневосточной техники.

Глиняные сосуды и бронзовый топор. Фатьяновская культура. Раскопки в Ивановской области.

В конце II — начале I тысячелетия до н. э. племена Северного Кавказа обладали высокоразвитым бронзолитейным производством и делали первые шаги в овладении техникой обработки железа. Особенно известен в этом отношении район современной Северной Осетии, где сосредоточены наиболее характерные памятники (главным образом могильники) так называемой кобанской культуры. Высококачественные топоры, кинжалы и мечи, бронзовые боевые пояса и всевозможные украшения, покрытые рельефными и гравированными изображениями, говорят о высоком уровне мастерства. Среди кобанских находок много бронзовых удил, свидетельствующих об использовании лошади для верховой езды. Анализ форм оружия говорит о том, что племена Северного Кавказа в это время были знакомы не только с древневосточными, но и с южно-европейскими бронзовыми изделиями. Аналогичная культура бронзы существовала и на восточном и юго-восточном побережье Чёрного моря (Колхида).

Бронзовый век в Верхнем Поволжье

Ранее уже упоминалось о расселении по верхнему течению Волги и области Волго-Окского междуречья племён, вышедших, по-видимому, с верховьев Днепра и оставивших нам так называемые фатьяновские могильники. Эти племена принесли в лесные пространства Верхней Волги и Оки гораздо более прогрессивные формы хозяйства, чем те, которые имелись здесь у древнего местного населения. Живя в среде местного населения охотников и рыболовов, пришедшие сюда племена, очевидно, должны были тратить свои силы в значительной мере на защиту принадлежащих им территорий и стад. Племена фатьяновской культуры разводили мелкий и крупный рогатый скот и, по-видимому, были знакомы с земледелием. Их каменные орудия отличались большим совершенством, так как искусно полировались и просверливались. Их сверлёные клиновидные боевые топоры представляли совершенные образцы этого рода оружия. Особенно значителен был уровень развития металлургии; литейщики отливали в большом числе прекрасные бронзовые топоры древневосточного типа. Фатьяновская керамика по своей форме и орнаментации имела некоторые черты сходства с северокавказской. Известны были племенам фатьяновской культуры и изделия литейщиков тех племён, которые были расселены к западу от них. В Мытищах, в Ивановской области, вместе с фатьяновской посудой найден бронзовый браслет в виде манжеты, характерный для унетицкой культуры Центральной Европы.

Человек бронзового века. Верхнее Поволжье.
Фатьяновская культура.
Реконструкция М. М. Герасимова.

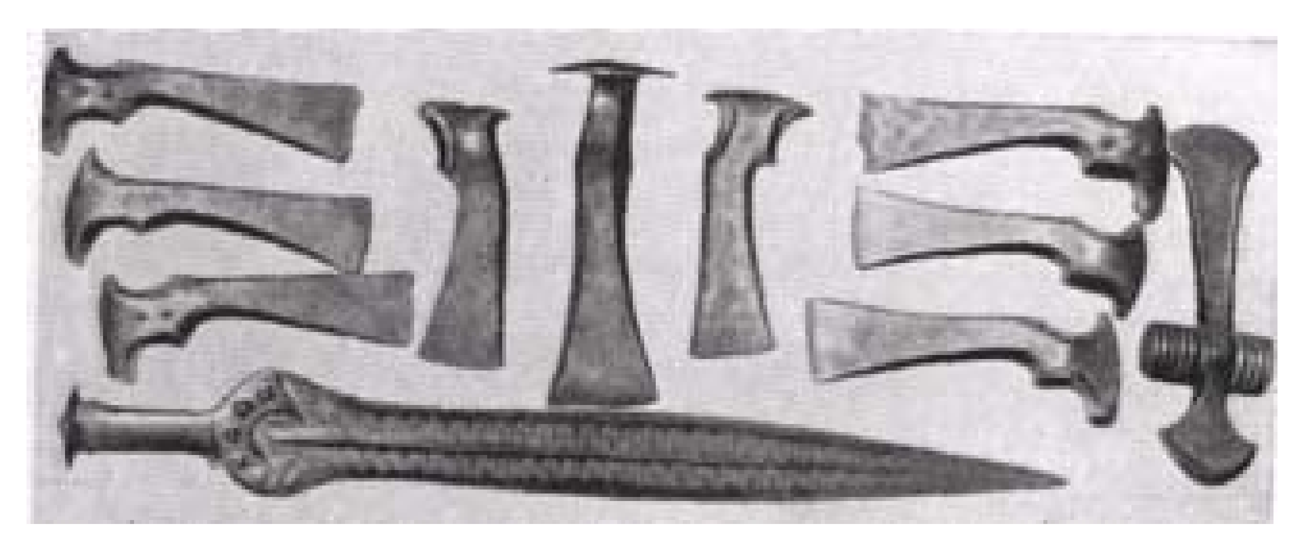
В конце II тысячелетия до н. э. эти племена, особенно в приволжских районах, продолжали развивать передовую технику бронзолитейного дела. Находки, сделанные в могильнике около станции Сейма, близ города Горького, дали образцы выдающихся достижений тогдашних литейщиков. Здесь отливались высококачественные топоры-кельты, своеобразные копья, широко распространившиеся до Дуная, Енисея и Иссык-Куля, а также оригинальные кинжалы и боевые ножи. Судя по их типу и способам изготовления, можно предположить, что мастера на Верхней Волге были знакомы с достижениями литейщиков того времени, находившихся и на территории современной Венгрии и далёкого Китая периода Шан (Инь).

Неудивительно поэтому, что Верхнее Поволжье уже к X в. до н. э. сделало первые шаги в освоении новой металлургии железа и в этом отношении нисколько не отставало от других областей Европы.

Культура бронзового века в бассейне Дуная и в Северной Италии

Области Дунайского бассейна в бронзовом веке стали местом высокого развития бронзолитейного дела. Особенно в этом отношении выделялась территория современной Венгрии, где уже в раннем бронзовом веке, в начале II тысячелетия до н. э., бронзолитейное дело достигло больших успехов особенно в выделке оружия — кинжалов, боевых секир и бронзовых топоров различных видов. Связи с областями крито-микенской культуры привели в середине II тысячелетия к исключительному расцвету мастерства изготовления бронзовых изделий на среднем течении Дуная. Высококачественные мечи, боевые топоры, различные украшения и инструменты, покрытые тонким гравированным узором широко расходились из дунайских мастерских в соседние страны.

Вместе с тем здесь развивалось и сельское хозяйство — земледелие и скотоводство. Особенно высокого уровня достигла материальная культура подунайских племен во второй половине II тысячелетия до н. э., когда характерной формой их поселений

Бронзовые орудия и оружие. Из раскопок в Венгрии.

стали посёлки (так называемые *террамары*), состоящие из деревянных хижин, сооружавшихся в долинах рек Тиссы, Савы, Дравы и Дуная на помостах, опиравшихся на сваи и окружённых валом и рвом. В болотистых отложениях долин указанных рек, в местах, где находились террамары, сохранилось огромное количество различных предметов, позволяющих восстановить многие детали жизни обитателей этих посёлков. Большое количество находимых здесь бронзовых серпов и литейных форм для их изготовления указывает на значение земледелия в хозяйстве того времени. Остатки удил говорят о том, что и на Дунае, как и на Кавказе, во второй половине II тысячелетия до н. э. лошадь уже использовалась для верховой езды. Значительное количество привозных предметов — янтарь из Прибалтики, бусы и ювелирные изделия из областей Восточного Средиземноморья — говорит о сравнительно оживлённых для того периода меновых отношениях обитателей дунайских поселений.

Культура, совершенно аналогичная дунайской, характерна и для позднего бронзового века Северной Италии, особенно в долине реки По. Изображения плуга, обнаруженные на скалах в Итальянских Альпах, позволяют полагать, что земледельцы, жившие в Северной Италии и на среднем течении Дуная, уже применяли плужную обработку земли.

Сходство культур бронзового века северо-итальянских и дунайских племён настолько велико, что естественно возникает вопрос об их возможном родстве. Можно полагать, что племена, создавшие эти культуры, принадлежали преимущественно к той

группе индоевропейского населения древней Европы, которая позднее была известна под именем иллирийской. Эта группа занимала пространство между долиной реки По и верхним течением Дуная, а также западную часть Балканского полуострова.

Унетицкая и лужицкая культуры Центральной Европы

Обширные пространства Силезии, Саксонии и Тюрингии, Чехии и Нижней Австрии севернее Дуная в первой половине II тысячелетия до н. э. были заняты группой племён, оставивших памятники так называемой унетицкой культуры. Поселения этих племён состояли из четырёхугольных домов с плетнёвыми стенами, обмазанными глиной. Местами встречались и округлые ульевидные землянки, вырытые в плотных толщах лёсса. Сохранившиеся в поселениях зерновые ямы говорят о занятии населения земледелием. Многочисленные остатки костей домашних животных, обычай класть куски мяса в могилу — всё это показывает значение скотоводства в экономической жизни племён. В этом отношении унетицкая культура была типичной для бронзового века Центральной Европы.

Погребение, характерное для унетицкой культуры.

Племена, создавшие унетицкую культуру, занимались бронзолитейным делом, опираясь на богатые месторождения Рудных гор, Судет и Западных Бескид. Образцы изделий, выходивших из рук здешних литейщиков, мало отличались от общераспространённых форм, характерных для бронзового века многих областей Европы. Однако имелись и своеобразные изделия, о которых говорилось в связи с вопросом о продвижении на запад энеолитических племён, населявших южнорусские степи. Для середины II тысячелетия можно установить признаки усиления связей племён, создавших унетицкую культуру, с крито-микенской цивилизацией. В глиняной посуде, например, заметно влияние микенских форм. В это же время замечается некоторое расширение территории, занятой унетицкими племенами за счёт включения в их число ряда племён Центральной Европы с родственной культурой, но первоначально всё же отличавшейся известным своеобразием. Вместе с тем начинается процесс постепенного видоизменения и самой унетицкой культуры. Этот процесс наиболее ясно виден в переходе к трупосожжению, причём остатки сожжённых трупов заключались в сосуд. Первоначально эти сосуды по древнему обычаю ставились в глубокие грунтовые могилы, вокруг которых выкладывался круг из камней — магический знак солнца. Однако со временем стали появляться новые виды могильников, получившие у археологов название «полей погребальных урн». Одновременно мы наблюдаем заметные изменения в формах бронзовых и керамических изделий унетицкой культуры. Постепенно здесь во второй половине II тысячелетия до н. э. складывается новая, так называемая лужицкая культура, которую большинство исследователей считает протославянской, т. е. созданной племенами, говорившими на языке, к которому восходят языки славянской ветви индоевропейской семьи.

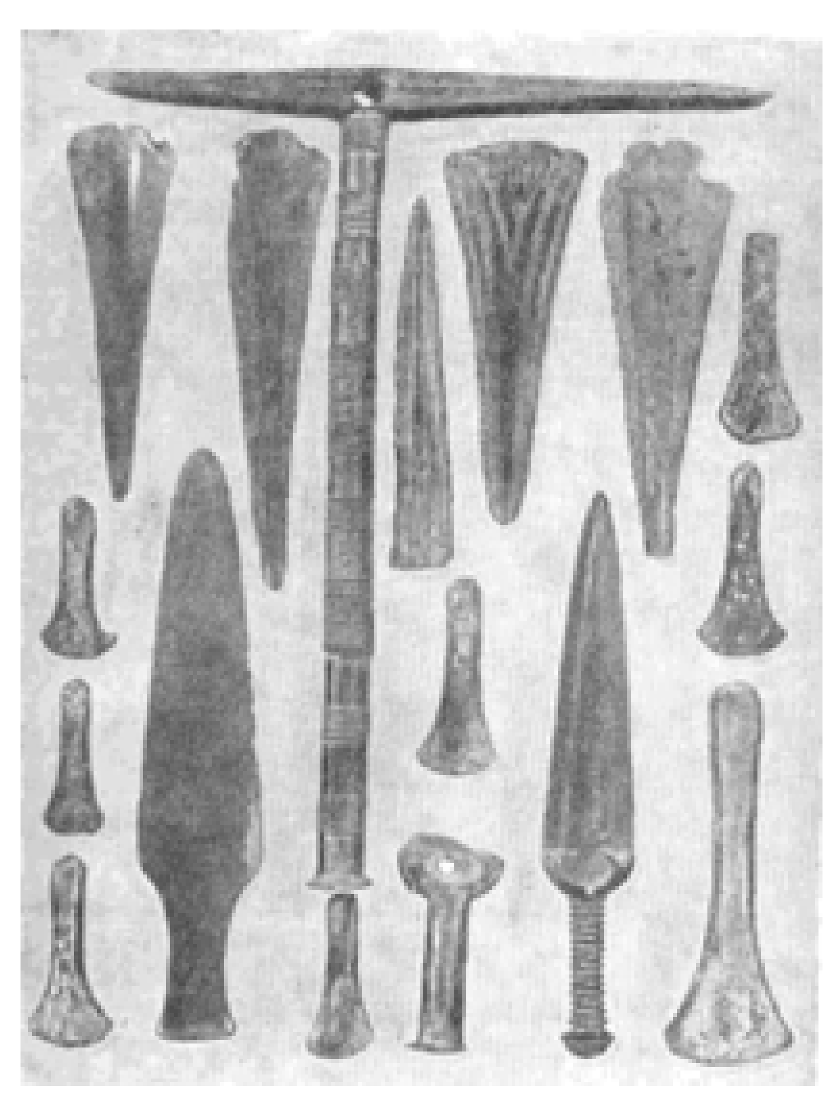

ЗОЛОТОЙ КУБОК ИЗ ТРИАЛЕТИ
Грузия. II тысячелетие до н. э.

РАСПИСНОЙ СОСУД
ИЗ КУРГАННОГО ПОГРЕБЕНИЯ В ТРИАЛЕТИ
Грузия. II тысячелетие до н. э.

Памятники лужицкой культуры встречаются на обширной территории от Шпрее до Дуная и Словацких гор и от Заале до Вислы. В северо-западных районах Украины распространились в середине II тысячелетия до н. э. близкие лужицким так называемые комаровские племена, в которых исследователи видят предков восточных славян. На Украине во второй половине II тысячелетия до н. э. весьма близкими к унетицким, лужицким и комаровским памятникам являются группы могильников и поселений высоцкого, белогрудовского и чернолесского[1] типов, также связываемых исследователями с поселением здесь протославян. Характерными памятниками лужицкой и родственных ей культур являются посёлки, состоящие из так называемых «столбовых» домов, стены которых делались из вертикальных столбов с плетнём, обмазанным глиной, или забранных досками. Племена лужицкой культуры занимались, видимо, главным образом земледелием, так как в погребальных урнах находят большое количество бронзовых серпов. При раскопках поселений постоянно встречаются зернотёрки и остатки зёрен различных злаков. Есть все основания полагать, что племена лужицкой культуры уже применяли для пахоты не только соху, но и плуг, две находки которого сделаны в торфяниках нынешней Польши.

Бронзовые изделия. Унетицкая культура.

Изучение поселений и могильников лужицкой культуры бронзового века позволяет считать, что общественные отношения по-прежнему были здесь ещё первобытнообщинными. Однако заметно возросло значение мужчины — хозяина в доме и воина. По-видимому, и здесь происходил переход от древнего матриархата к патриархату, переход, характеризующий начало разложения первобытно-общинного строя.

Другие культуры Центральной и Северной Европы

Лежащие далее на запад области Центральной Европы — территории нынешних Верхней Австрии, Западной Германии и Голландии — в середине и в конце II тысячелетия до н. э. были заняты населением с особой культурой, от которой остались характерные для неё курганные погребения. В захоронениях находят бронзовое оружие, иногда попадаются и серпы. Однако исследование поселений этой культуры за-

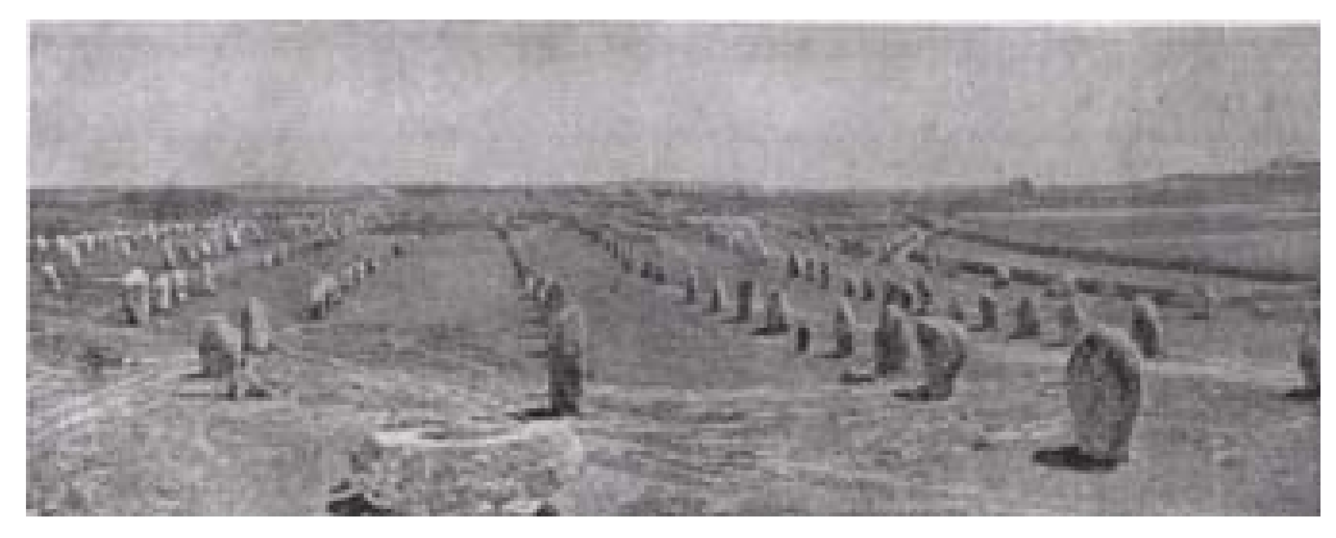
[1] По названиям селений, близ которых были обнаружены эти могильники.

ставляет сделать вывод, что если население, оставившее нам эти памятники, и знало земледелие, то всё же главным его занятием было полукочевое скотоводство.

Сходные формы культуры обнаруживаются и у племён, обитавших в те времена в пределах современных Северной Германии и Южной Скандинавии. Возможно, что эта скотоводческая по преимуществу культура оставлена племенами, бывшими непосредственными предшественниками племён германской ветви индоевропейской семьи языков; именно в этих областях застаёт через тысячелетие письменная история древнегерманские племена. При этом следует отметить, что, судя по археологическим данным, уровень развития племён, населявших Скандинавию, был в бронзовом веке несколько выше, чем у племён, населявших территорию Германии. Многочисленный бронзовый инвентарь скандинавских погребений гораздо разнообразнее, а наскальные изображения в Южной Швеции (например, в Бохуслене) рассказывают даже о походах скандинавских многовёсельных ладей, о морских сражениях и десантах воинов, вооружённых длинными бронзовыми мечами и круглыми щитами. Среди этих изображений имеется и рисунок пахоты сохой.

Бронзовый век на западе Европы

На территории Франции в бронзовом веке следует различать две группы племён с различными культурами — материковую и северную приморскую. Последняя характеризуется широким распространением сооружений, возникших ещё в энеолите: гигантские кромлехи — круглые в плане святилища солнца, аллеи менгиров (каменных столбов),

Аллеи менгиров близ Карнака в Бретани.

воздвигнутых в память отдельных членов рода и племени, и погребальные ящики из гигантских плит — дольмены — сохранились в большом количестве до наших дней, особенно в Нормандии и Бретани. Полное сродство с ними обнаруживают аналогичные памятники юга Англии. Племена, оставившие памятники этой культуры, занимались земледелием и разводили скот. Они жили в небольших посёлках, группировавшихся вокруг укреплённых городищ, служивших убежищем в случае опасности. Около поселений расположены могильники, состоявшие из курганов, обычно обкладывавшихся по основанию камнями. В этих курганах хоронили рядовых общинников. Воины, родовые старейшины и племенные вожди удостаивались более пышных похорон в дольменах, иногда содержащих несколько ярусов захоронений.

Эта культура, так называемая мегалитическая (буквально — «большекаменная»), имеет ряд местных вариантов, однако в основном сохраняет везде свои характерные черты.

Создатели материковых культур Франции были явно земледельческими оседлыми племенами, жившими в открытых поселениях, но имевшими и укреплённые городища-

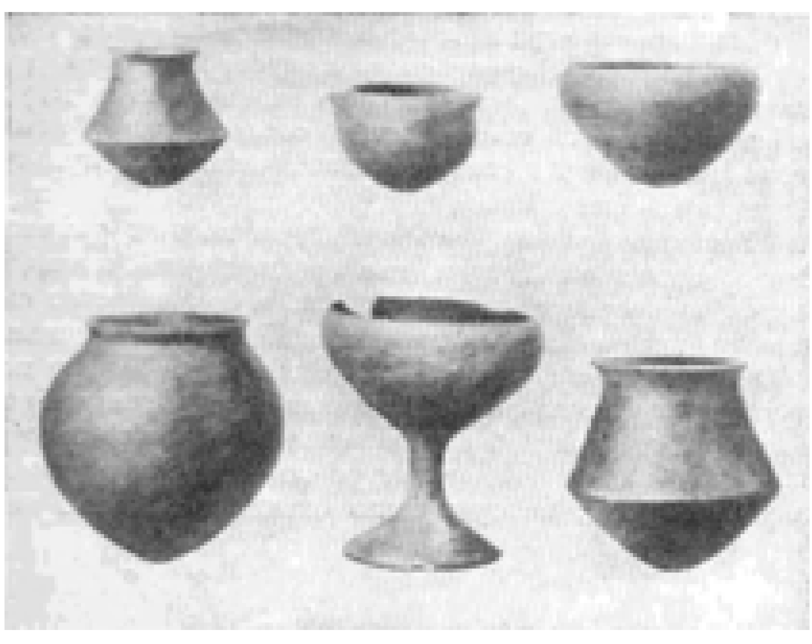
убежища на случай нападения враждебных племён. Они оставили по всей Франции огромное количество курганов, служивших основным видом их погребальных сооружений. Курганы в различных частях Франции различаются по конструкции погребальных камер; иногда это целые подземные дольмены с галереей, в других случаях это сооружения в ямах, сделанные из камня или сложенные из массивных брёвен. Население, оставившее эти курганные могильники, обнаруживает в своей культуре черты, сближающие его с племенами мегалитической культуры. Вместе с людьми, проникавшими во Францию с конца II тысячелетия, эти племена могут считаться предками племён, говоривших на языках кельтской ветви индоевропейской семьи, обитавших здесь впоследствии. К концу бронзового века они достигли значительных успехов в металлургии. Население Франции во времена бронзового века изготовляло металлические изделия прекрасного качества, отличавшиеся исключительным разнообразием.

В курганных погребениях Франции захоронены люди различного общественного положения; Иногда это рядовые общинники, простой инвентарь погребений которых свидетельствует об их скромной трудовой жизни. Рядом с ними находятся пышные могилы военных вождей, погребённых с богатым инвентарём, иногда включающим по несколько мечей, копий, шлемов и щитов, в то время как рядовые общинники были вооружены только топорами. Особенностью богатых погребений бронзового века Франции является также наличие в них прекрасно сделанной бронзовой посуды. Эта высокая культура бронзового века легла в основу развития культуры населения Франции начала I тысячелетия, периода освоения техники обработки железа (так называемый период Гальштатта).

Бронзовый век на Пиренейском полуострове

Важнейшим районом бронзолитейного дела с самого начала II тысячелетия до н. э. стали области юго-восточной части Пиренейского полуострова. Здесь сложилась своеобразная эль-аргарская культура, памятники которой были распространены по всему восточному побережью полуострова и частично захватывают южные части Испании и Португалии.

Особенностью этой культуры был высокий удельный вес горного дела, добычи меди и её переработки бронзолитейщиками. Племена культуры Эль-Аргар имели связи не только с другими племенами, обитавшими на Пиренейском полуострове, но и с теми, которые населяли далёкие Британские острова: это вызывалось необходимостью получения олова для выплавки бронзы. Во многих домах эль-аргарских посёлков находят при раскопках остатки бронзолитейных мастерских. Бронзовые изделия, вырабатывавшиеся на юге Испании, широко распространялись за её пределами. Эти изделия в большом количестве встречаются в Южной и особенно Юго-Западной Франции и достигают Северной Италии где найдены не только изделия из бронзы, но и характерные для этой культуры,

Посуда из Эль-Аргара.
Испания.

чёрные лощёные сосуды, вероятно (как в период энеолита колоколовидные сосуды), завозившиеся вместе с бронзовым оружием.

Племена Южной Испании занимались также земледелием и скотоводством. Их посёлки строились на возвышенностях и обносились прочными каменными стенами. Дома в таких посёлках были многокомнатными и даже двухэтажными. Однако, несмотря на значительное развитие хозяйства и культуры, у этих племён сохранялся ещё первобытно-общинный строй. К концу бронзового века они достигли немалых успехов в области развития производительных сил. Они занимались пашенным земледелием, садоводством и в ещё большей степени усовершенствовали бронзолитейное мастерство. При этом они, вероятно, начали применять труд военнопленных рабов, как в сельском хозяйстве, так и в горном деле. Память об этих успехах сохранилась в позднейших преданиях о большой древности южно-испанского рабовладельческого государства Тартесс, которое якобы существовало уже во II тысячелетии до н. э.

Своеобразная культура Южной Испании бронзового века была создана населением, в котором следует видеть протоиберские племена. Их потомки — иберы впоследствии населяли те же области Пиренейского полуострова, близлежащие острова Средиземного моря и юго-западную часть Франции. Возможно, что на восток за пределы полуострова иберы проникли ещё в период раннего бронзового века.

Распространение языковых семей

В бронзовом веке в Европе, за исключением окраинных районов, а также в Юго-Западной Сибири и Средней Азии мы, по-видимому, имеем дело главным образом с населением, говорившим на древних языках, которые в большинстве своём легли в основу развития позднейших языковых групп индоевропейской семьи. Письменными памятниками засвидетельствованы индоевропейские языки анатолийской группы в Малой Азии, индоевропейские греческие диалекты на юге Балканского полуострова. В более северных районах можно наметить расселение племён иранской, славянской, иллирийской, германской и кельтской групп индоевропейской семьи языков. Намечается также, хотя и менее определённо, возможность определить расселение балтийской и фракийской групп языков (последней — на Нижнем Дунае и на Балканах).

В племенах Пиренейского полуострова этого времени можно видеть иберские племена, не принадлежавшие по своему языку к индоевропейцам. На неиндоевропейских языках, связанных с современными языками Кавказа, говорили, надо полагать, племена, создавшие замечательные культуры бронзового века Северного Кавказа и Закавказья.

Возможно также, что культуры лесных районов Северо-Восточной Европы и Северо-Западной Сибири, где население ещё в значительной мере сохраняло неолитическую технику, принадлежали в большинстве случаев племенам, говорившим на языках позднейшей финно-угорской языковой семьи.

Северная часть Восточной Азии была занята племенами, по всей вероятности, говорившими на языках, из которых впоследствии образовались тюркская, монгольская и тунгусо-маньчжурская языковые семьи, а также различные так называемые палеоазиатские языки. Их культура во II тысячелетии до н. э. мало чем отличалась от того состояния, которое было охарактеризовано выше в главе о позднем неолите.

* *
*

Племена, знавшие культуру бронзы, в подавляющем большинстве ещё не вышли из первобытно-общинного строя. Однако у многих из них в бронзовом веке складывается патриархально-родовой строй и начинается разложение первобытно-общинных отношений.

Эти тенденции особенно усилились с освоением пашенного земледелия, а в степных пространствах — и кочевого скотоводства. Это произошло в конце бронзового

века в большинстве стран Европы и Азии, лежавших вне областей развития древневосточных цивилизаций. Новые формы производства особенно способствовали переходу от коллективного труда к труду отдельными семьями. Место родовой общины начала занимать сельская, или соседская, община. Это происходит сначала у земледельческих племён. Сельская община сочетает в себе две особенности: с одной стороны, частную собственность на все средства производства, кроме земли, индивидуальное производство и присвоение, а с другой стороны, — коллективное владение пашнями, пастбищами и лесами, причём пахотные земли регулярно переделяются для посемейного, частного пользования. В соседских общинах особенно быстро шёл процесс имущественной дифференциации. Старейшины, военачальники, жрецы в силу самого своего положения получили теперь возможность обогащения, завладевая значительной долей общинного имущества. Они используют религиозные верования как дополнительное и очень сильное средство воздействия на своих сородичей. В этих верованиях происходят существенные изменения. Распространённый ранее, особенно у земледельческих племён, культ богини плодородия, богини-матери отходит на второй план. Первое место занимает культ мужских предков, почитание обожествлённых героев, удачливых военных предводителей. Вместе с тем развиваются культы, связанные с почитанием небесных светил и особенно солнца. На всём огромном протяжении Европы и Северной Азии обнаружены места поклонения солнцу. В религиозных представлениях отражаются те перемены, которые совершались в первобытном обществе в бронзовом веке.

Во II тысячелетии до н. э. человечество добилось новых успехов в развитии производительных сил. Как материал для производства орудий труда широкое распространение приобретает бронза. Развиваются земледелие, скотоводство, ремесло, совершенствуются средства транспорта; во всех областях производственной деятельности вводятся улучшения и усовершенствования, накапливается опыт, развивается специализация в производственной деятельности.

История человечества в этот период — это история дальнейшего развития рабовладельческого общества в Египте, в странах Передней Азии и в Индии, история роста рабовладельческих отношений на всё большей территории, история возникновения новых рабовладельческих государств в бассейне Эгейского моря, в Малой Азии и в Китае. В этот период ход исторического процесса убыстрился, но всё же он оставался ещё очень медленным: деспотическая власть рабовладельцев не только сковывала творческую активность рабов, но и не давала возможности проявиться энергии и инициативе масс свободного люда, общинников.

Письменные источники этого времени становятся обильнее и богаче по своему содержанию. От этой поры до нас дошли первые значительные исторические памятники, свидетельствующие о борьбе угнетённых против угнетателей, первые сведения о грандиозных восстаниях низов, о гражданских войнах, которые потрясали рабовладельческие государства.

Наиболее характерным для экономической истории рассматриваемого нами периода является значительное развитие рабовладельческих отношений в древних центрах цивилизации. За счёт уменьшения роли крупных хозяйств (царей, храмов и вельмож), основанных на примитивных формах эксплуатации, растёт рабовладение частных лиц и работорговля. Всё чаще обращаются в рабство за долги обедневшие общинники. Прежняя родовая знать, располагавшая рабами, должна была потесниться и дать место новым слоям рабовладельцев. Растёт товарность рабовладельческих хозяйств, развивается обмен, усиливается значение денег в жизни общества. Появляются сборники законов, закрепляющих порядки эксплуататорского строя.

В политической истории человечества это время, наполненное войнами, которые теперь систематически ведут господствующие классы ряда стран ради захвата рабов и грабежа чужого добра, характеризуется и тем, что оно даёт нам первые документы дипломатических отношений между рабовладельческими государствами. Появляются союзы одних государств против других, усиливается борьба более мощных государств за подчинение более слабых государств, племён и народов.

События внутренней жизни рабовладельческих государств всё более переплетаются с судьбами других стран, окружающих эти государства. Впервые вместо межплеменных отношений появляются международные отношения, начинается их история. Однако рабовладельческие государства всё ещё существуют среди моря племён, живущих первобытнообщинным строем. Между рабовладельческими государствами и их соседями расширяются торговые отношения, первобытные племена усваивают некоторый производственный опыт и культурные достижения более развитых стран. Но для рабовладельцев окружающие племена оставались лишь резервуаром, откуда они черпали основную массу рабов, являлись лишь объектом грабежа.

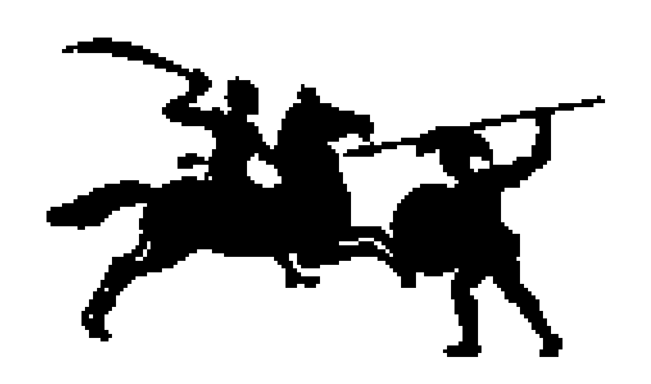
В истории культуры человечества это время отмечено тем, что от него впервые дошли до нас значительные памятники литературы, как художественной, так и политической. Последняя, дошедшая до нас, например, из Египта, говорит об обострении классовой борьбы, разрыве прежних общинных связей; она проникнута страхом и ненавистью рабовладельцев по отношению к угнетённым массам; она учит «сгибать толпу» и не доверять даже друзьям, ибо среди рабовладельцев идёт вечная неутихающая борьба одних хищников против других. Художественная литература сохранила нам древнейшие народные сказки, эпические сказания, песни. Научные знания в эту пору систематизируются, и мы узнаём о достижениях древней математики, астрономии, медицины. Однако эти научные знания в значительной мере заглушаются плевелами религиозной фантастики. Религиозные верования освящают власть эксплуататоров. В них отражается социальная придавленность масс и — что особенно характерно для последующих религий классовых обществ — надежда на сверхъестественное избавление от непосильных тягот жизни.

В истории культуры человечества это время отмечено также тем, что именно тогда было положено начало созданию алфавита, затем распространившегося у всех европейских и многих азиатских народов, и зародилась письменность китайского народа.

ЧАСТЬ IV РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА ДРЕВНЕГО ВОСТОКА И ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ПЕРИОДА

Первая половина I тысячелетия до н. э. — период дальнейшего развития рабовладельческого общества и образования новых рабовладельческих государств. Происходит переход к классовому обществу в Иране, Средней Азии и в Северной Индии вне долины Инда, в Южной Аравии; в то же время расширяется и территория китайского очага культуры. Классовые общества возникают и в западной части Средиземноморья.

Век железа

В производстве многих стран мира в начале I тысячелетия до н. э. широко распространяется железо. Это в огромной степени усилило человека в его борьбе с природой и дало ему возможность добиться новых успехов в области развития культуры.

Железо имеет более высокую температуру плавления, чем бронза и даже медь. В чистом виде оно в природе почти не встречается, а выплавка его из руд вследствие их тугоплавкости — дело трудное и сложное. Поэтому, хотя железо (например, метеоритное) было известно уже в IV тысячелетии до н. э., существенного хозяйственного значения в течение многих столетий оно не имело. Однако долгий период развития бронзолитейного дела создал необходимые предпосылки для возникновения металлургии железа. С I тысячелетия до н. э. и вплоть до настоящего времени железо остаётся основой материальной культуры человечества.

Железо имеет не только более высокую температуру плавления, чем бронза, но и обладает худшими литейными качествами. Кроме того, когда ещё не были открыты способы обуглероживания железа (т. е. получения стали) и термической его обработки, оно уступало бронзе в твёрдости и антикоррозийных качествах. Но железо несравненно более распространено в природе; мелкие месторождения железной руды имелись почти повсюду и при небольших масштабах её добычи в древности оказывались достаточно выгодными для разработки. Общедоступность и дешевизна железа, а после открытия способов обуглероживания — и более высокие механические качества, обеспечили быстрое вытеснение им бронзы, а также камня, который как материал для

производства орудий в бронзовом веке так и не был окончательно вытеснен. Изготовление из железа орудий труда, которые из бронзы вовсе не изготовлялись или изготовлялись не всегда и не везде, и производство их в неизмеримо более широких масштабах открывали новые возможности для развития хозяйства.

Вместе с переходом к металлургии железа и развитием других технических усовершенствований расширяются возможности роста производительных сил в различных отраслях производства.

Использование железных орудий труда открывало новые возможности для развития сельского хозяйства; широко распространяется пашенное земледелие, расширяются и совершенствуются оросительные сооружения, появляются более усовершенствованные водоподъёмные сооружения: в середине I тысячелетия до н. э., вероятно, применялось уже водоподъёмное колесо. Ускоряется развитие ремесла, в особенности кузнечного и оружейного, производства средств транспорта (судов, колесниц и т. д.), обработки камня и дерева, рудничного дела. Развивается мореплавание. Облегчаются сооружение дорог и строительство зданий. Совершенствуется военная техника. Шире развивается обмен; к середине I тысячелетия до н. э. распространяется как средство обращения металлическая монета.

Распространение металлургии железа всё же происходило сравнительно медленно и в различных странах — в разное время. Если в странах Передней Азии, Индии и Южной Европы она получила широкое распространение уже на рубеже II и I тысячелетий или в первые века I тысячелетия до н. э., то у племён Северной Европы переход к железному веку начался только с VII в. до н. э., в Египте — с VI в., а в странах Дальнего Востока — с VII—V вв. до н. э. Это зависело от наличия известных в то время источников сырья, от характера торговых и культурных связей, а также от ряда конкретноисторических факторов.

Рабовладельческие государства на рубеже II и I тысячелетий до н. э.

В конце II — начале I тысячелетия до н. э. рабовладельческое общество в ряде стран древнего Востока вступает в полосу временного кризиса. Внутреннее развитие этих стран задерживается. Внутри рабовладельческих государств ростовщичество всё более подрывает основы хозяйственного благосостояния народа. Бюрократический аппарат деспотической царской власти, разлагаемый коррупцией и борьбой внутри класса рабовладельцев, всё чаще оказывается неспособным выполнять функции по поддержанию ирригационной системы.

В то же время начинает ощущаться недостаток в рабах, так как почти вся территория Передней Азии оказывается захваченной более или менее равными по силе рабовладельческими государствами, а периферия рабовладельческого общества, т. е. те страны, население которых жило в условиях первобытно-общинного строя, значительно отдалилась. В этих условиях возможности захвата рабов-иноплеменников становятся более ограниченными.

Расположенные по соседству с рабовладельческими государствами области, откуда передовые земледельческие страны получали необходимое им рудное и другое сырьё, теперь не испытывают серьёзной необходимости во ввозе продуктов сельского хозяйства и ремесла, поскольку эти отрасли хозяйства развиваются и здесь. В то же время обмен с этими областями остаётся жизненной необходимостью для развития старых земледельческих стран. Следует добавить, что конкурирующие царства часто перерезают основные торговые пути, важные для их соперников.

Крупные и наиболее развитые по тому времени государства — Ассирия, Ново-Вавилонское царство и Египет, стремившиеся к захватам новых территорий, сырья и рабов, к господству на торговых путях, вели постоянные войны со своими слабыми соседями. При столкновении интересов крупные государства того времени часто вступали в конфликты друг с другом. Важнейшей причиной этих конфликтов являлось стремление установить своё господство над государствами Сирии, Финикии и Палести-

ны. Именно здесь завязывается узел международных противоречий того периода [1].

Для класса рабовладельцев становится необходимым проведение политики, направленной на то, чтобы насильственным образом соединить не связанные между собой районы с целью обеспечить доступ к источникам сырья, а также увеличить приток рабов за счёт населения покорённых мелких рабовладельческих государств.

Попытки путём завоеваний создать крупные рабовладельческие государства делались и раньше. Но в Двуречье во второй половине III и в первой половине II тысячелетия до н. э. они ограничивались обычно пределами одного речного бассейна и непосредственно прилегающими к нему областями. Хеттская держава, хотя и завоевала обширную территорию, сохраняла некоторое самоуправление зависимых областей. В период Нового царства подчинённые Египтом территории, расположенные в Передней Азии, не были органическими частями Египетского государства, а продолжали оставаться отдельными государствами, правители которых находились в различной степени зависимости от египетских фараонов. Лишь Эфиопия была и в административном отношении включена в состав Египетского государства.

Первым государством, господствующий класс которого попытался объединить административно и подчинить своей власти весь Ближний Восток, была Ассирия. Успех сопутствовал завоевательным войнам ассирийских царей, и Ассирийская держава расширилась до таких пределов, которых не достигало до этого ни одно государство.

Изменения в общественной структуре

Внутри таких государственных образований, как Ассирийская держава, охвативших в конце концов почти весь Ближний Восток, происходят серьёзные изменения. Их цари-завоеватели захватывают в свою собственность большую часть основных земельных фондов на территории государства, устанавливая фактически царскую монополию на землю. Большая часть крупных земельных владений — храмовых имуществ и владений лиц царской гражданской и военной администрации — с этих пор основывается на царском пожаловании. Земледельцы, сидящие на царской земле, из независимых земельных собственников-общинников превращаются в зависимых, их эксплуатация усиливается.

В этот период наблюдается значительный рост численности рабов, принадлежащих отдельным рабовладельцам. Захватываемые пленные довольно часто наделялись рабовладельцами землей. При этом, однако, полностью сохранялась собственность рабовладельца на средства производства и на работника-раба; отношения между эксплуататором и эксплуатируемыми строились на присвоении (апроприации) личности производителя.

Ранее в правовом отношении вся масса свободных земледельцев-общинников совместно противостояла рабам. Равенства между свободными, разумеется, не существовало и тогда, ибо были свободные — богачи и свободные — бедняки. Теперь становится всё глубже и правовое разграничение между богатыми и бедными, верхушкой рабовладельцев и низами свободного люда, причём исключительно на рядовых общинников постепенно ложится вся тяжесть государственных податей и повинностей.

Рабовладельцы в этот период по-прежнему желают пользоваться защитой деспотического государства и всеми теми выгодами, которые приносило им это государство, снабжавшее рабовладельцев рабочей силой — рабами. С другой стороны, рабовладельцы хотели бы избежать вмешательства деспотической царской власти в их дела, а также освободиться от тягот общегосударственных налогов и повинностей. В связи с этим рабовладельцы борются за автономию отдельных торгово-ремесленных городов и освобождение их населения от общегосударственных

[1] По этой причине изложение истории рабовладельческих государств в первой половине I тысячелетия до н. э. начинается с рассмотрения истории средиземноморских стран Передней Азии этого периода.

налогов и повинностей. Они стремятся также использовать права и преимущества, предоставляемые храмам, вокруг которых теперь группируются значительные слои рабовладельцев, имеющих лишь формальное отношение к выполнению культовых функций. Становящиеся автономными города являются одной из форм организации класса рабовладельцев. Эти города всё более противостоят эксплуатируемому сельскому населению. Так возникает и всё более возрастает антагонизм между городом и деревней.

Внутри класса рабовладельцев обостряется противоречие между военно-бюрократической верхушкой, с одной стороны, и торгово-ростовщическими и жреческими кругами — с другой, причём вопрос об автономии городов и храмов стоит в центре политической борьбы между этими группами рабовладельцев.

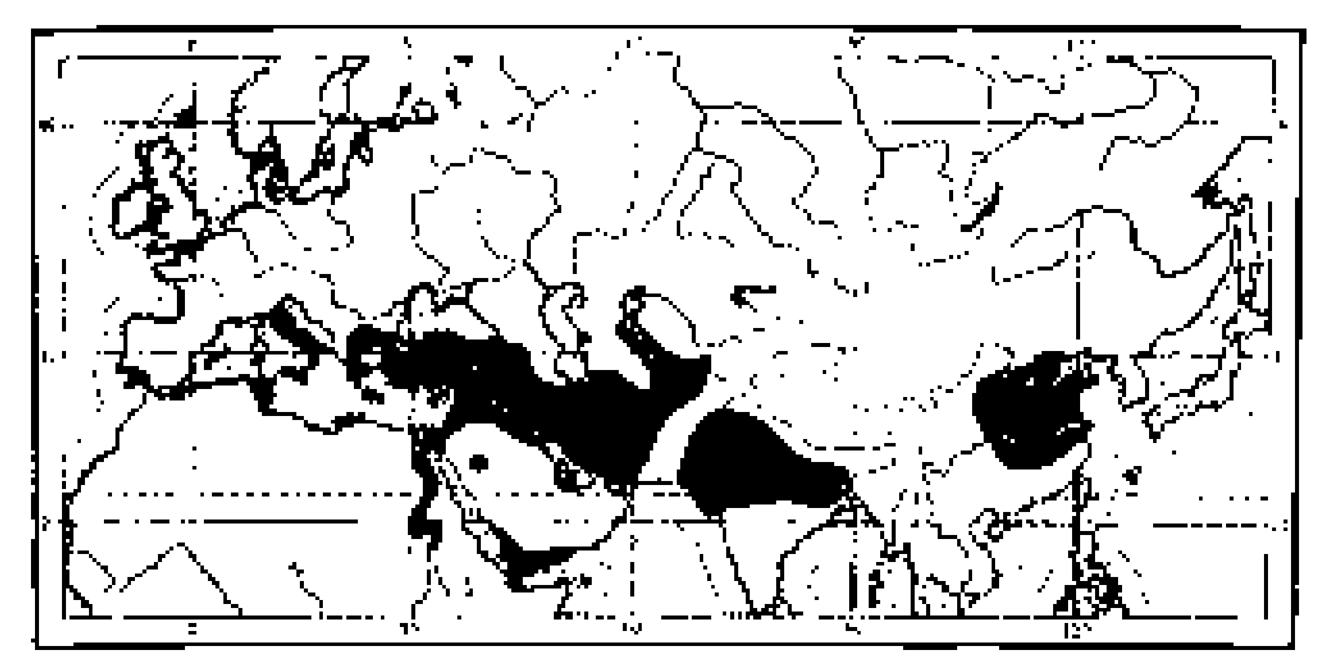
В Египте храмы, по-видимому, ещё задолго до I тысячелетия обладали известной автономией, а с конца Нового царства засвидетельствованы привилегии города Фив. В общественном устройстве таких рабовладельческих стран, как Ассирия, Вавилония, в конце II тысячелетия начинает складываться, а в VIII—VI вв. до н. э. получает достаточно чёткие формы система, при которой деспотическая царская власть сочетается с сетью таких организаций класса рабовладельцев, как автономные города и храмы. Впоследствии, во второй половине I тысячелетия до н. э., это становится характерным для так называемых эллинистических государств. Такая система наряду с развитием долгового рабства приводит к уменьшению числа свободных, облагаемых налогами и несущих трудовую повинность, и к уменьшению числа людей, которые могли быть использованы на службе в войске. Древние рабовладельческие государства начинают всё шире вербовать в свои войска иноземных наёмников. Весь исторический процесс ведёт к обострению классовых антагонизмов, к ослаблению внутренней мощи рабовладельческих государств, к падению их военной силы; они становятся всё менее способными противостоять внешним нашествиям и завоеваниям.

Возникавшие военно-административные объединения не могли создать на завоёванной территории прочного государства. Несмотря на появление товаропроизводящих рабовладельческих хозяйств, экономика каждой страны в целом и даже каждого района оставалась натуральной и в значительной степени самодовлеющей. Действительной экономической общности между отдельными областями государства, стоявшими к тому же часто на очень различных ступенях общественного развития, не создавалось. Поэтому такие объединения были непрочны.

Наряду с упомянутыми более развитыми рабовладельческими обществами в пределах древнего Востока имелся и целый ряд рабовладельческих обществ, ещё не достигших столь высокого уровня развития. Большинство из них было включено в военно-административные объединения, создаваемые путём военных захватов крупными рабовладельческими державами. Это вело к некоторому уравниванию степени развития рабовладельческих отношений в различных странах древнего Востока. Однако насильственное объединение ни в коей мере не соответствовало интересам развития самих этих обществ, что обусловливало возникновение мощных центробежных сил, особенно проявлявшихся в период военных неудач державы-завоевательницы.

Некоторые из этих относительно менее развитых рабовладельческих обществ, особенно на периферии тогдашнего рабовладельческого мира (Мидия, Эфиопия), сумели усвоить основные достижения более передовых стран и сколотить затем более крупные государства, обладавшие значительной военной силой. Урарту, Мидия, а позже Персия сами стали центрами новых военно-административных объединений. Этому способствовало наличие в них ещё значительного слоя свободных общинников-воинов, что позволяло таким государствам создать собственное сильное войско.

В восточных и южных центрах рабовладельческого мира — в Индии, Китае и в Южной Аравии — общие тенденции развития были аналогичны тенденциям развития стран Ближнего Востока. Но этим странам был присущ и ряд отличающих их особенностей. Так, на обширных территориях Индии и Китая дольше сохранялась родовая

Рабовладельческие государства в середине I тысячелетия до н. э. (закрашены чёрным).

община, племенная раздроблённость. В создававшихся здесь государствах, по-видимому, не было столь мощных храмовых хозяйств, как в Двуречье и в Египте, а образование широких военно-административных объединений происходило в этих странах несколько позже, за пределами рассматриваемого нами в настоящем томе исторического периода.

Возникновение городов-государств в Греции

В области Эгейского моря в это время развиваются греческие города-государства. К концу рассматриваемого периода в результате успешной борьбы масс свободного населения против господства родовой знати и долгового рабства в наиболее развитых из числа этих государств складывается строй рабовладельческой демократии и создаются предпосылки для развития рабовладельческого хозяйства так называемого античного типа.

В течение VII—VI вв. до н. э. почти во всех главнейших греческих городах-государствах происходят события, имевшие большое историческое значение. Борьба между родовой аристократией и массой свободных развёртывалась в Греции в условиях более высокого уровня развития производительных сил и обмена, чем это имело место ранее в странах древнего Востока; греки имели возможность использовать также достижения культуры, созданной народами Востока в течение многих веков. Родовые аристократы выступали здесь одновременно и как ростовщики, в то время как в странах Востока рабовладельцы-ростовщики получили значение только тогда, когда власть родовой знати уже была сломлена и заменена властью бюрократической, служилой знати, являвшейся опорой деспотической царской власти. В Греции же борьба свободных общинников против родовой аристократии сливалась с борьбой против ростовщичества. В то же время здесь не было предпосылок для создания обширных царств, где сложилась бы деспотическая власть царя, не было крупных хозяйств царя и храмов, экономически подавлявших хозяйство свободного производителя материальных благ. Поэтому направленная против знати борьба масс свободного населения, более сильных в экономическом и политическом отношении, чем их собратья в странах Востока, имела здесь больше шансов на успех; оказалось возможным почти одним ударом покончить и с господством родовой знати, и с долговым рабством.

Победа массы свободных принимала здесь по большей части форму установления так называемой «ранней тирании» — единоличной диктатуры ставленника рядовых свободных. Однако, как только было сломлено господство родовой знати, тирания оказалась ненужной; вместо неё устанавливается республиканский строй; в ряде наиболее передовых греческих государств (Милет, Афины) тирания была заменена строем рабовладельческой демократии, в котором все свободные полноправные граждане города-государства принимали участие в управлении. Установившийся здесь социальный и государственный порядок способствовал широкому распространению рабовладения и создал возможности для ещё небывалого развития рабовладельческой экономики и культуры.

Первобытно- общинные племена

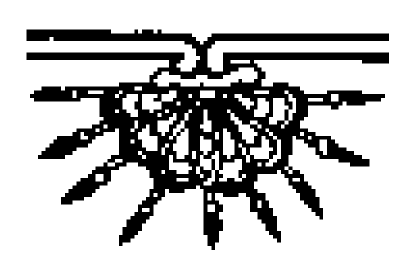
Что касается развития племён, ещё пребывавших на стадии первобытно-общинного строя, то оно особенно ускорилось у тех из них, которые освоили металлургию железа и находились на непосредственной периферии тогдашнего рабовладельческого мира, в первую очередь у племён Южной Европы. Здесь в первой половине I тысячелетия до н. э. складываются предпосылки для бурного расцвета культуры, оказавшей исключительно важное влияние на последующую историю человечества.

Но к середине I тысячелетия до н. э., хотя рабовладельческий строй существовал уже не менее двух с половиной тысяч лет, считая от возникновения первых рабовладельческих государств в долине Нила и в Двуречье, территория рабовладельческих государств занимала только незначительную часть земли, на которой обитал человек. Большую часть Азии, почти всю Африку, кроме северо-восточного угла африканского континента (Египет, Эфиопия), почти всю территорию Европы, всю территорию Америки и Австралии населяли многочисленные племена, жившие в условиях первобытно-общинного строя.

Все эти племена стояли на самых различных ступенях развития. Если многие племена Европы и Азии хорошо знали металлургию меди и бронзы, а некоторые успешно осваивали металлургию железа, то остальные племена Европы и Азии, большинство племён Африки и все, даже наиболее развитые, племена Америки не знали употребления металлов, племена Австралии жили ещё в мезолите, а племена на острове Тасмания и в некоторых глухих районах Юго-Восточной Азии и Южной Америки не вышли ещё из периода палеолита. Соответственно и уровень их общественного развития был самым различным: от периода расцвета первобытно-общинного строя до его разложения — преддверия возникновения классового общества.

Столь существенные различия объясняются в каждом отдельном случае материальными условиями жизни этих племён. Связь или отсутствие связи с наиболее передовыми обществами, наличие или отсутствие тех или иных природных условий, поддающихся использованию при тогдашнем уровне развития производительных сил, — всё это либо ускоряло, либо задерживало развитие отдельных обществ.

Последняя часть I тома «Всемирной истории» охватывает период приблизительно с начала до середины I тысячелетия до н. э. В соответствии с конкретным ходом развития, а также в ряде случаев ради удобства изложения история некоторых стран не доводится точно до 500 г. до н. э.; в других случаях приходится говорить о явлениях и фактах, которые имели место уже в начале второй половины I тысячелетия до н. э.

ГЛАВА XIX
СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ СТРАНЫ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И АРАВИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

В начале I тысячелетия до н. э. в Передней Азии наблюдается ряд новых явлений в развитии производительных сил. В IX—VIII вв. до н. э. все значительные армии того времени начинают применять железное оружие; железо начинает широко применяться и для изготовления орудий труда, например серпов, лемехов, что позволило двинуть вперёд развитие сельского хозяйства и особенно ремесла. Замечается сдвиг в целом ряде областей техники. Значительно усовершенствовалась обработка камня, развивается производство стекла и глазури (прежде всего в Египте, а затем в Ассирии и Вавилонии, в Финикии). Усовершенствовалось и ткацкое ремесло, производились различные пестротканные, вышитые и ковровые изделия. Было накоплено значительное количество фактических сведений в области естественных наук. Материальная культура Передней Азии I тысячелетия до н. э. в целом значительно богаче, чем материальная культура предшествовавших тысячелетий.

С развитием производительных сил усиливается необходимость в обмене между отдельными районами.

Политическая карта Передней Азии в начале I тысячелетия до н. э. по сравнению с XIII—XII вв. до н. э. значительно изменилась. В Палестине, Сирии, юго-восточной части Малой Азии и Северной Месопотамии в это время возникли множество мелких царств с населением различного этнического состава. На юге, вдоль побережья Палестины, жили филистимляне — переселенцы с Крита или из юго-западных областей Малой Азии, а далее, вглубь страны — евреи и другие племена, говорившие на языках ханаанейской группы семитической семьи языков (государства Израиль, Иудея, Аммон, Моав и Эдом). На сходном с ними языке говорили и жители городов-государств Финикии, среди которых первое место занимал Тир, а позже Сидон.

Сирия, так же как и Северная Месопотамия, была теперь в значительной мере заселена племенами арамейской группы семитической семьи языков. В Вавилонии постепенно оседают степняки — халдеи, по-видимому ветвь тех же арамеев. В Сирии и юго-восточной части Малой Азии наряду с арамеями обитало население, говорившее на индоевропейском языке хеттской группы и обладавшее особой иероглифической письменностью. В Северной Месопотамии, а также в горных областях на юге и западе Армянского нагорья сохранились отдельные хурритские районы.

Ряд мелких государств образовался к этому времени и на территории Армянского нагорья. Они были населены хурритскими и близкими им урартскими племенами, а также, возможно, племенами, родственными позднейшим грузинам и армянам.

В центре Малой Азии создалось государство Фригия. Ассирийцы называли её «страной мушков». Позднее к западу от Фригии возникло государство Лидия.

К югу от основных рабовладельческих государств Передней Азии была расположена обширная страна, на южных окраинах которой, в стороне от ведущих цивилизаций древнего Востока, формируется раннее рабовладельческое общество. Это была Аравия. Рабовладельческие государства Южной Аравии, на первых порах сравнительно слабо связанные с окружающим миром, в первой половине I тысячелетия до н. э. вступают в более прочные отношения с другими государствами Передней Азии.

С IX в. начинает восстанавливаться могущество Ассирии. Завоёвывая одно за другим окрестные государства, Ассирия постепенно объединяет под своей властью значительную часть Передней Азии. В связи с этим история отдельных государств, существовавших к началу I тысячелетия до н. э. в обширной полосе от Чёрного до Красного моря и вплоть до Индийского океана — на территории Малой Азии, Сирии, Палестины и Аравии, — слагается по-разному. В то время как Сирия и Палестина (с финикийским побережьем) жили под постоянной ассирийской угрозой и основную черту их политической истории рассматриваемого времени составляла борьба с Ассирией, государства Малой Азии сталкивались с Ассирией сравнительно мало, а государства Аравии соприкасались с крупными державами Передней Азии и совсем в незначительной мере.

1. Аравия

Страна и население

Аравийский полуостров, равный по площади четверти Европы, в древности — во всяком случае со второй половины II тысячелетия до н. э., — как и теперь, представлял в большей своей части волнистое плато, пересечённое руслами высохших рек. Большую часть страны покрывали сухие степи, переходившие во внутренних частях полуострова в песчаные и каменистые пустыни. Лишь местами, в немногочисленных оазисах около источников и колодцев было возможно земледелие. Более значительные пространства, пригодные для обработки, да и то при наличии искусственного орошения, имелись лишь на юго-западе полуострова, на территории современного Йемена. Географы III—II вв. до н. э. делили Аравию на Каменистую (северо-западная часть страны), Пустынную (большая часть полуострова) и Счастливую (земледельческие области на юго-западе). Эти части полуострова были различны не только по своей природе, но и по образу жизни населявших их жителей.

Население Аравии было довольно однородно в этническом отношении — оно говорило на языках южной ветви семитической группы (наиболее известные современные представители этой ветви — арабский язык и некоторые языки нынешней Эфиопии — Абиссинии), но во многом различалось по своему хозяйственному укладу и уровню общественного развития. Обширные степные пространства (по-арабски — *бадия*) были населены немногочисленными племенами кочевников (*бадауин,* откуда происходит слово «бедуин»).

Образ жизни бедуинов, как и образ жизни других кочевников, изменялся крайне медленно, так что те данные, которые для первых столетий нашей эры даёт так

Финикия, Сирия, Палестина и Аравия в X—VI вв. до н. э.

называемая доисламская поэзия арабов, в какой-то мере имеют значение и для характеристики быта бедуинов в I тысячелетии до н. э. Бедуины кочевали по песчаным степям Аравийского полуострова со стадами мелкого рогатого скота и одногорбых верблюдов (дромадеров). Время приручения верблюда человеком неизвестно: хотя изображение человека рядом с верблюдом дошло из Египта ещё от времени VI династии, а верблюда с поклажей — от времени XVIII династии, однако первые достоверные известия об отрядах воинов на верблюдах имеются лишь от самого конца II тысячелетия до н. э. Верблюд как вьючное животное для караванов не применялся в Передней Азии ещё и в начале I тысячелетия до н. э., кроме как у арабов, у которых он имел уже в то время широкое распространение. У аравийских кочевников разведение верблюдов достигло, по-видимому, особенного развития и обеспечивало их не только вьючным скотом, но и шерстью и молоком.

Каменное надгробие с изображением всадника и верблюда.
Южная Аравия. Конец I тысячелетия до н. э.

Где это было возможно, скотоводство дополнялось также примитивным земледелием. Важное место в жизни бедуинов занимала финиковая пальма, использовавшаяся самыми различными способами.

Бедуины жили первобытно-общинным строем: земля, вода, пастбища были собственностью рода и племени. Высшей формой социальной организации было племя (*кабила*); племена делились на роды (*каум*), а роды — на патриархальные семьи (*ахль* — шатёр). Родовые связи были чрезвычайно крепки: вне рода человек был ничто. До сих пор бедуин, называя себя, указывает прежде всего название своего племени, а затем уже своё личное имя. В жизни бедуинов играл большую роль обычай кровной мести, и часто целые племена истребляли друг друга в кровавых войнах, мстя за убийства. Во главе племён стояли *шейхи*, власть которых была ограничена советом представителей отдельных родов.

В начале I тысячелетия до н. э. у арабов были ещё сильны пережитки материнского рода. Во главе арабских племён иногда стояли женщины. В ассирийских источниках упоминается арабская «царица» Самсие, приславшая около 720 г. до н. э. дары ассирийскому царю Саргону II. Подчинённые ей племена жили на восточных границах Сирии.

Древнейшие рабовладельческие общества Южной Аравии

На юге Аравии развилось ирригационное земледелие и сложились древнейшие рабовладельческие государства. Здесь, главным образом на территории Йемена, находят многочисленные памятники южно-арабской рабовладельческой цивилизации: плотины и цистерны, развалины укреплений, дворцов и храмов, вещи и надписи. Рабовладельческое общество в Южной Аравии сложилось в конце II тысячелетия до н. э., по-видимому, независимо от других переднеазиатских

рабовладельческих обществ. На протяжении первого тысячелетия его существования здесь имелись по меньшей мере четыре государства: Минейское (Ма'ин), Саба, Хадрамаут и Катабан. О последних двух известно мало. Ма'ин и Саба были основаны разными народами: в надписях ясно различаются минейский и сабейский языки; катабанский является диалектом минейского. Языки эти близки к арабскому языку и языку ге'эз (иначе эфиопскому — древнему литературному языку Абиссинии) и отчасти к аккадскому. Письмо сложилось, видимо, во второй половине II тысячелетия до н. э. на той же основе, на которой развился, вероятно, и финикийский алфавит. Древнейшие надписи относятся к VII в. до н. э.

Древнейшим из южно-арабских государств было Минейское. Большинство учёных датируют его 1200—650 гг. до н. э.; некоторые исследователи, однако, склоняются к более поздней датировке. Народ минеев существовал ещё в последние века до нашей эры. По надписям известно около 25 минейских царей.

Несколько позже возникает Сабейское государство, датируемое примерно 950—115 гг. до н. э. Оно существовало, таким образом, длительное время параллельно с Минейским.

Основой хозяйства в южно-арабских государствах было ирригационное земледелие. Особенно известна была большая плотина около города Мариба, столицы Сабы. Земледельческие участки располагались террасами по склонам холмов. Важное значение в хозяйстве знати имело разведение растений, дающих благовония. Высоко стояла обработка камня: при постройке зданий камни настолько точно пригонялись друг к другу, что швы между ними были почти незаметны. Рассказы позднейших арабов о величественных зданиях с окнами из прозрачного камня являются лишь незначительным преувеличением того, что имело место в действительности. Была известна стрельчатая арка. Многие древние цистерны до сих пор находятся в употреблении. Сохранились изделия из металла, керамика, ювелирные изделия, однако нельзя определённо утверждать, что все они местного происхождения и относятся к рассматриваемому периоду.

О внутреннем строе южно-арабских государств известно мало. В древнейшие времена (X—VII вв. до н. э.) они, по-видимому, несколько напоминали ранние государства древнего Востока (города-государства Шумера и Аккада, Ашшур и др.). Около 650 г. до н. э. правителей-жрецов древней Сабы сменяют «цари Сабы», столицей которых был город Мариб. В древнейших южно-арабских государствах ещё были сильны пережитки племенной организации, однако «племена» были организованы не на основе кровного родства, а по территориальному признаку. «Катабан» обозначало и царство и составлявшие его племена. В Сабе племя сабеев было господствующим; остальные находились в зависимости от него; обычное выражение надписей — «Саба и племена». Позднее остальные племена были уравнены с сабеями, причём все были обязаны военной службой.

Социальная структура общества была довольно сложной: различались племенная знать, зависимые от неё люди, постоянно живущие на территории племени чужеземцы и рабы. Земля находилась в руках царя, племенной знати и больших храмов, напоминавших храмы Малой Азии и Сирии. Земледельцы, обрабатывавшие храмовую землю, были в полной зависимости от храмов. Весьма многочисленны были храмовые прислужницы — *гиеродулы*. Им принадлежат дошедшие до нас «покаянные таблички», содержащие почти исключительно женские имена: гиеродулы каялись в нарушении ритуальных предписаний и обетов. Некоторые из этих прислужниц были иноземного происхождения: возвращавшиеся с севера караваны привозили рабов и рабынь; известны рабыни из Газы (в Палестине) и Ятриба (позднейшая Медина в Западной Аравии). Царская власть в Катабане (вероятно, как и в других государствах) была сперва ограничена советом старейшин, а важнейшие вопросы решало собрание племён, в котором принимало участие всё население, кроме рабов. Позже царская власть в Сабе усиливается: уже не собрание племён распределяет землю, а царь раздаёт

участки своим приближённым. Царская власть была наследственной, и сын часто становился соправителем отца. Существовали три поземельных налога, которые всегда упоминаются вместе. Налоги, в частности десятина, уплачивались также храмам.

Южно-арабская торговля

В середине I тысячелетия до н. э. начинается время расцвета южно-арабских государств. Это объясняется не только высоким развитием, которое здесь получило к тому времени ирригационное земледелие, но и той ролью, которую государства Южной Аравии, и особенно Саба, играли в международной торговле. Из Аравии вывозили благовония. Помимо этого, южно-арабские купцы вели обширную посредническую торговлю: через их руки проходили благовония, пряности, драгоценные камни, которые везли из Индии и с сомалийского берега Африки. В Южную Аравию эти товары доставлялись морем, здесь они перегружались на верблюдов и по древним караванным путям, вдоль затерянных в пустыне колодцев двигались в направлении побережья Средиземного моря, в филистимлянские и финикийские города, а оттуда расходились по Передней Азии и Средиземноморью.

Торговля велась исключительно предметами роскоши. О стране сабеев рассказывали чудеса; сами южно-арабские купцы, чтобы набить цену своим товарам, распространяли разные небылицы: они рассказывали о трудности их добывания, о крылатых змеях, стерегущих благовония, и т. п. Эти рассказы сохранились в арабском фольклоре.

Связи с государствами Передней Азии

Племена и народности, населявшие Аравию, долгое время развивались сравнительно изолированно от остального мира. Соседние народы знали о них очень мало, однако некоторые связи всё же существовали с самого начала. На это указывает хотя бы родство южно-арабского алфавита с другими, переднеазиатскими. Более прочные связи устанавливаются в I тысячелетии до н. э.

Впервые под своим именем арабы встречаются в ассирийских источниках (*ариби, арабу*). Арабский шейх Гиндибу участвовал в коалиции сирийских царьков, оказавших в 854 г. до н. э. сопротивление ассирийским войскам в Северной Сирии; Гиндибу привёл с собой 1000 верблюдов. Позднее многие ассирийские цари вплоть до Ашшурбанапала (VII в. до н. э.) воевали с арабскими кочевниками.

Арабские кочевники поддерживали и торговые связи с оседлым населением Передней Азии, продавая мелкий скот. Наряду с этим они принимали участие в караванной торговле, занимаясь, в частности, и работорговлей. В середине I тысячелетия до н. э. особенно увеличивается значение арабской торговли. В это время на караванных путях Северной Аравии выдвигается город Тейма. Сюда одно время перенёс свою резиденцию вавилонский царь Набонид (середина VI в. до н. э.). Здесь же найдена надпись VI—V вв. до н. э. на арамейском языке, свидетельствующая об оживлённых культурных связях с Месопотамией. Развитие караванной торговли между Южной Аравией и средиземноморским побережьем способствовало разложению первобытно-общинного строя у племён Северной Аравии. В VI в. до н. э. на территории Каменистой Аравии возникло государство набатеев, просуществовавшее до начала II в. н. э.

Согласно легенде, сохранившейся в Библии, в X в. до н. э. Палестину (царство Израиль) посетила царица Сабы (Савская царица). Богатства Аравии привлекали внимание переднеазиатских держав. О покорении Южной Аравии думали уже ассирийские цари. Персидские цари из династии Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.) стремились взять южно-аравийскую торговлю в свои руки. Мореход Скилак из Карианды, в Малой Азии, находившийся на службе у персидского царя Дария I, совершил плавание вдоль берегов Аравии. Политических последствий оно не имело, но зато несколько расширило представления народов Средиземноморья об Аравии.

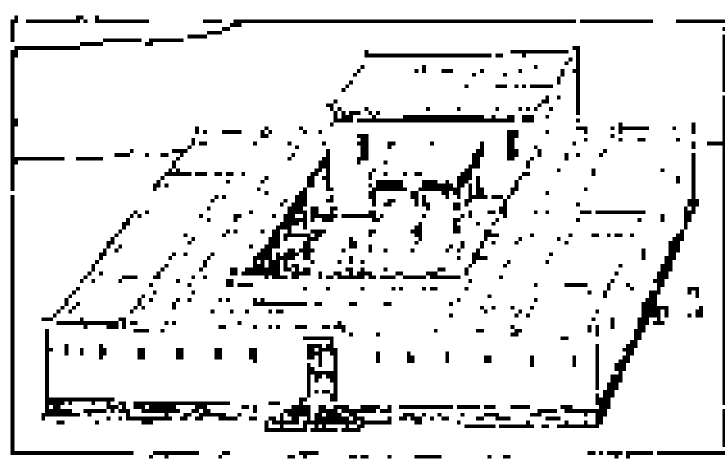
В конце VI в. до н. э. на южном берегу Персидского залива возник город Герры, который был основан, по рассказам древних писателей, халдеями, бежавшими из

Вавилонии во время персидского завоевания. Жители этого города, герреи, выступали посредниками в торговле между государствами Южной Аравии и Двуречья. Из области герреев шли караванные пути в Сабу и в сторону Средиземного моря.

Более прочные связи государств Южной Аравии с внешним миром устанавливаются лишь в IV—III вв. до н. э.

Религия и культура

Религия южных арабов во многом была сходна с религией других семитических народов Передней Азии. Известны имена около сотни богов. Многие божества были связаны, как и в Вавилонии, с небесными светилами. Солнце (Шамс) изображалось в виде богини. По-видимому, большинство богинь представляли собой разные образы женского божества плодородия.

Южно-арабский храм в Хугге.
I тысячелетие до н. э. Реконструкция.

Население Южной Аравии создало, в значительной мере независимо от других народов древнего Востока, своеобразную и относительно высокую культуру. Оно обладало высокоразвитой письменностью. К письму южно-арабских надписей восходит письменность Абиссинии. До нас дошли от древности только надписи, но, по-видимому, существовала и южно-арабская литература, которая полностью погибла.

Искусство Южной Аравии напоминает искусство других стран древнего Востока, особенно ассирийское.

2. Палестина

Юг Аравии был далёкой периферией рабовладельческой Передней Азии. Гораздо большее значение имела в I тысячелетии до н. э. другая страна, расположенная ближе к основным центрам тогдашней цивилизации, — Палестина. Её история тесно связана с историей Египта, Вавилона и Ассирии того времени.

В период ослабления египетской гегемонии в Палестине, в течение XIII—XII вв., в стране существовало множество мелких городов-государств, населённых ханаанеями. По-видимому, в первой половине XIII в. до н. э. в пределах Палестины появилось объединение родственных племён, носившее название Израиль. Коренное население в сельских местностях при вторжении израильтян бежало, а не успевшее бежать или уничтожалось, или покорялось и сливалось в конце концов с новыми пришельцами. Захват городов давался с гораздо большим трудом, и ханаанейские города ещё долго продолжали существовать в окружении израильского населения.

Кочевники, оседая, превращались в земледельцев. Около этого времени жители Палестины освоили искусство сооружения каменных цистерн, оштукатуренных изнутри известковым цементом, что дало возможность собирать и длительное время хранить дождевую воду. Это позволило земледельцам, ранее селившимся только у ручьёв и источников, освоить центральное нагорье. Здесь-то и происходило быстрое оседание пришельцев. Но постепенно они занимали и долины, захватывая города — опорные центры ханаанеев.

Переход израильских племён к оседлости

В борьбе с коренным ханаанейским населением за приобретение новых земель крепли временные объединения израильских племён. С другой стороны, расселение израильских племён на сравнительно большом пространстве имело своим последствием и некоторое их разобщение. Так, племя иудеев, осевшее на юге в горной области к западу от Мёртвого моря, позже названной Иудеей, рано обособилось от основного ядра израильских племён, захватившего на севере большую и плодородную часть Палестины.

Завоевание Палестины было завершено израильскими племенами сравнительно легко и быстро, поскольку коренное население страны — ханаанеи были сильно ослаблены хозяйничаньем египетских поработителей, постоянными войнами, бесконечными вторжениями и набегами хапиру, а затем и «народов моря». Захваченную силой оружия землю завоеватели разделили на наделы, которые были переданы отдельным семействам. Бывших владельцев земли израильтяне нередко превращали в своих рабов. Другой же части ханаанеев, которая, очевидно, подчинилась добровольно, израильские племена оставили землю и имущество, и они жили рядом с израильтянами в качестве неполноправного населения. Поскольку завоеватели находились в постоянных сношениях с ханаанейским населением, сохранившим свою хозяйственную самостоятельность, они вскоре стали смешиваться с ним.

Язык израильтян был близок к ханаанейскому, что содействовало слиянию в одну народность завоевателей и покорённого населения.

В результате завоевания Палестины, перехода к земледелию и роста богатств в израильских племенах выделяется племенная знать.

Хотя первоначально вторжение израильских племён привело к заметному упадку производительных сил и культуры, однако в связи с воздействием более культурного коренного населения страны хозяйственная жизнь израильских племён изменилась. На севере развивалось пашенное земледелие, садоводство (разведение маслин), виноделие и оседлое скотоводство. Постепенно осваивается железо. Число рабов к началу I тысячелетия до н. э. увеличилось. Рабы были не только из числа военнопленных, но и приобретались путём купли. Израиль к тому времени уже был втянут в международную торговлю.

До начала XI в. израильские племена управлялись советами родовой знати и так называемыми «судьями» — выборными должностными лицами, а иногда просто удачливыми военными вождями. Существовали народные собрания. Ещё много позже сохранялись сельские общины. Однако рост производительных сил у израильских племён вёл к развитию рабовладельческого строя, к созданию рабовладельческого государства, которое должно было держать в подчинении не только рабов, но и неимущую и неполноправную часть свободного населения.

Войны с филистимлянами

Создание Израильского государства ускорялось ещё и внешними событиями. На рубеже XIII и XII вв. вдоль побережья Средиземного моря осели филистимляне, которые ранее обрушились на восточное побережье Средиземного моря и на Египет в числе «народов моря». От них происходит греческое название «Палестина», т. е. «страна филистимлян», которое было впоследствии распространено не только на побережье, но и на примыкавшую к нему страну. Филистимляне завладели укреплёнными городами, из которых самым мощным был Газа. Они знали уже железное оружие, и их воины, снабжённые им, стали грозным противником для израильских племён, имевших тогда ещё только бронзовое оружие. По преданию, филистимляне монополизировали изготовление железного оружия, не допуская использования его покорённым населением.

Возможно, что филистимляне были частью той же народности, которая была известна грекам под именем пеласгов. Вопрос о языке, на котором говорили филистимляне, ещё нельзя считать решённым. Этот язык вследствие малочисленности говоривших

на нём был сравнительно скоро побеждён языком коренного ханаанейского населения. Филистимляне сохраняли некоторое время своеобразие материальной культуры, как, например, в керамике, которая являлась дальнейшим развитием позднемикенской керамики, распространённой по побережьям Эгейского моря.

Во второй половине XI в. начинаются вторжения военных отрядов союза филистимлянских городов в соседнюю с ними пограничную область племени иудеев. Здесь они завоёвывают ряд крепостей, как, например, Лахиш, в котором археологами было обнаружено значительное количество их керамики. Вглубь этой бедной, малоплодородной и гористой части страны филистимляне не стремились проникнуть, свои главные удары они направляли на северо-восток. Филистимляне нанесли несколько тяжёлых поражений израильтянам, захватили ряд городов, а среди них и главное святилище Израиля — город Силом.

Филистимлянин. С египетского изображения XIII в. до н. э.

Образование Израильского государства

Внутренние социальные сдвиги требовали создания в Израиле государственной организации; внешние неудачи ускорили этот процесс. Попытки создания государства начинаются в XI в. и завершаются к концу этого века, когда первым царём всего Израиля стал некто Саул из племени вениаминитов. Избрание его было произведено во время народного собрания. Саул подчинил все израильские племена, включая иудеев, и это позволило ему одержать ряд побед над филистимлянами, но затем начались неудачи. Завершением их было поражение и гибель Саула и его старших сыновей на поле битвы. Отсечённую голову израильского царя враги носили «по всей земле филистимлян», а его обезглавленное тело повесили на стене города Бет-Шеана — бывшей египетской а теперь филистимлянской крепости в глубине Израиля.

К гибели Саула был причастен и один из его военачальников из племени иудеев — Давид, который, бежав со службы Саула, возглавил военный отряд на юге страны и перешёл на службу к филистимлянам, и хотя и не участвовал в решающей битве, но своей изменой ослабил силы израильтян и дал возможность филистимлянам разгромить Саула.

Воспользовавшись возникшим после смерти Саула беспорядком и опираясь на недовольные элементы среди знати различных израильских племён, особенно иудеев, и на иудейское жречество, Давид становится царём Израиля. Столицей стал завоёванный им впервые старинный город Иерусалим, расположенный в пределах территории племени иудеев. Он был воздвигнут на высокой горе, представляя собой естественную крепость, поэтому Давид сделал это горное гнездо своей столицей. Царь настолько не доверял народу, что окружил себя гвардией, набранной из филистимлян. Возникшее государство обеспечило рабовладельцам возможность удерживать в подчинении рабов, число которых увеличилось вследствие постоянных войн с племенами Заиорданья (моавитянами, аммонитянами и др.), с эдомитянами, обитавшими к югу от Мёртвого моря, и с филистимлянами. Рабов из числа израильтян тогда ещё не было.

Религиозная легенда пыталась впоследствии безмерным восхвалением замаскировать реальный образ этого царя. В действительности он был жесток и безжалостен. При завоевании одной из областей Заиорданья Давид приказал, например, казнить каждого третьего жителя.

Давид, по преданию, подчинил некоторые арамейские государства Сирии, которые господствовали над караванными путями, в том числе Дамаск, и заключил союз с царём Тира Хирамом I. Этот союз укреплял обе стороны в борьбе с филистимлянами как на суше, так и на море, и способствовал расширению тирской и израильской торговли.

Сын Давида, царь Соломон, мудрость которого восхваляла библейская легенда, следовал политике своего отца. Он заключил союз с последним фараоном XXI династии Египта и женился на его дочери; ему был в связи с этим уступлен один из крупных городов Центральной Палестины — Гезер, находившийся тогда под властью Египта. Вместе с тем Соломон вступил в ещё более близкие союзнические отношения с царём Тира Хирамом I и принимал самое деятельное участие в сухопутной и морской торговле Финикии, в частности по Красному морю.

Базой красноморской торговли явился созданный у залива Акаба порт Эцион-Гебер, где, как показали раскопки, были созданы также крупнейшие медеплавильные мастерские. Из Тира Соломон вызывал архитекторов и ремесленников, которые содействовали его строительной деятельности в значительнейших городах Палестины, в частности в Иерусалиме. Библейская легенда в особенности ставила Соломону в заслугу сооружение храма основному божеству Израиля — богу Яхве.

Соломон предпринял ряд мер для улучшения организации своего государства. Он разделил его на 12 провинций, из которых каждая должна была один месяц в году нести расходы по содержанию царского двора и государственного аппарата, и ввёл твёрдую систему налогов и повинностей. Была организована постоянная армия с сильными отрядами колесничих. Раскопками обнаружены царские конюшни, едва ли не более благоустроенные, чем дома населения.

Разделение царства

К концу царствования Соломона назревавшее недовольство в стране, в особенности в северной её части, находившейся в подчинённом положении по сравнению с Иудеей, где была расположена царская столица, вылилось в открытый мятеж, возглавленный неким Иеровоамом, человеком незнатного рода, бывшим некоторое время на службе у Соломона. Иеровоам был поддержан местным жречеством города Силома. Несмотря на значительные размеры восстания, оно было подавлено Соломоном. Иеровоам вынужден был бежать в Египет, рассчитывая с его помощью попытаться отколоть Израиль от Иудеи. Египту было выгодно иметь своим соседом в Палестине не единое государство, а два независимых друг от друга слабых государства.

После смерти Соломона его сын Ровоам был избран на царство по древнему обычаю — народным собранием. Но вскоре в стране вновь вспыхнуло восстание. Иеровоам смог на этот раз довести его до победного конца, опираясь на помощь египетского фараона Шешенка, который предпринял около 926 г. до н. э. поход против Ровоама, завершившийся взятием Иерусалима и разграблением сокровищ храма. Таким образом, Израиль и Иудея, входившие в течение более чем 80 лет в одну державу, стали около 925 г. отдельными государствами.

В противоположность Иудее, где неизменно продолжала править династия потомков Давида, на севере, в Израиле, имела место быстрая смена династий. Самой значительной из этих династий была та, которую основал в 875 г. до н. э. военачальник Омри и которая просуществовала около 50 лет. При ней Израиль пережил пору расцвета, и в ассирийских анналах IX в. государство Израиль называется «дом Омри». Основатель этой династии сделал своей столицей город Самарию, построенный им в центре государства, среди плодородной долины, на очень выгодной в стратегическом отношении высоте, которую можно было легко превратить в мощную крепость.

Общественные отношения

О богатстве знати в Самарии свидетельствуют раскопанный царский дворец, построенный Омри и расширенный его сыном, а также найденные в городе многочисленные резные пластины из слоновой кости, части различных изделий, украшенных золотом и другими драгоценными материалами. О больших размерах царского хозяйства времени VIII в. до н. э. дают представление найденные в царском дворце многочисленные обломки глиняных сосудов, использовавшиеся как писчий материал, в частности,

на таких черепках были написаны сопроводительные документы к поставкам дворцу вина и масла, присылаемых из царских имений.

Уровень жизни в Израиле и Иудее в это время был выше, чем в предшествующее тысячелетие, однако жизнь большинства населения оставалась очень тяжёлой. Люди жили в тесноте, грязи и нищете. Человек, живший в таких условиях, тщетно пытался бороться с болезнями при помощи магических обрядов и ритуальных омовений. Лишь часть более состоятельных рабовладельцев жила по тем временам довольно зажиточно. Жилища в поселениях, попрежнему скученные в тесных пределах крепости, у более состоятельных людей нередко были двухэтажными; семья владельца такого дома жила на втором этаже, проводя прохладное время суток также на плоской крыше; в первом этаже ютились рабы и помещались службы и мастерские. Вода собиралась и отстаивалась в цистернах при доме. Одежда состояла из шерстяной или льняной рубахи до колен, а у мужчин был ещё и шерстяной колпак. Богатые носили длинный шерстяной плащ с бахромой и мягкие сапоги с загнутыми носками. Свободные женщины носили на голове длинное покрывало, которым прикрывали лицо. Утварь и мебель в домах всё ещё была очень бедной, глиняные сосуды составляли главную часть утвари и служили не только для варки и хранения пищи, но и для хранения всевозможных вещей.

У земледельцев бывали довольно совершенные по тем временам земледельческие орудия — плуг и короткий, ещё довольно неудобный железный серп. Однако бедняки по-прежнему, как и много позже, возделывали землю мотыгой.

В IX и VIII вв. до н. э. Израиль и Иудея представляли собой уже вполне сложившиеся рабовладельческие государства с далеко зашедшим процессом разложения общины.

Обострение социальных противоречий

Ещё в X в. до н. э. древнееврейское общество не знало долгового рабства, и рабами являлись или военнопленные, или купленные иноплеменники. Та часть военнопленных, которая оставалась в собственности царя, использовалась в царском хозяйстве и на строительных работах, имевших общегосударственное значение. Об этом сообщает и надпись Меши, царя Моава (в Заиорданье) — государства, заселённого одним из еврейских племён того же названия, но не входившим в состав Израиля. Меша, живший при преемниках израильского царя Омри, оставил надпись, в которой он увековечил свои победы над Израилем и свою строительную деятельность, осуществлённую им с помощью «пленных Израиля». Общество Моава стояло, несомненно, на более низкой ступени развития, нежели современное ему общество Израиля, в котором в IX в. в результате роста денежного хозяйства и ростовщичества имущих уже появились подёнщики и рабы-должники. По мере усиления торговли и ростовщичества в Израиле быстро росло число людей, оторванных от средств производства; даже в более отсталой Иудее в VIII в. до н. э. беднота иной раз становилась жертвой ростовщиков. Богачам удавалось также скупать землю у разорявшейся бедноты. В условиях развития долгового рабства, а также других последствий быстро растущего денежного обращения в Израиле и Иудее, несомненно, происходят серьёзные социальные сдвиги. К сожалению, об этих изменениях мы знаем только из жреческой литературы, прошедшей к тому же последующую обработку. Эта литературная традиция сообщает нам главным образом об идеологических отражениях этих сдвигов, о движении, возглавляемом так называемыми «пророками». Оно было связано с борьбой внутри жреческих группировок, но отразило и более существенные противоречия в тогдашнем обществе.

Жрецы были теснейшим образом связаны со знатью; так, жрецы Яхве составляли корпорацию («племя левитов»), пополняясь из числа определённых знатных родов, и были немаловажной опорой царской власти. Культ других божеств был также привилегией отдельных знатных родов — преимущественно из числа местной знати, противостоявшей служилой знати Иерусалима.

В религиозной жизни населения древнейшей Палестины, Финикии и Сирии, как и у других народов, живших в условиях разложения первобытно-общинного строя, издавна играли большую роль особые служители культа, подобные шаманам, которые, доводя себя до экстаза, занимались предсказаниями и заклинаниями. С появлением в классовом обществе официального жречества подобные «пророки», однако, не везде исчезли и в ряде стран продолжали существовать, даже соперничая в своём влиянии на народ со жрецами.

В первой половине I тысячелетия до н. э. в Палестине под названием «пророков» (*наби*) стали известны религиозно-политические проповедники, соединявшие свои проповеди с колдовскими действиями. «Пророки» были связаны с различными культами и иногда объединялись в особые союзы. Особое влияние приобрели «пророки», связанные с культом Яхве. Они выступали против разнообразия местных культов, на которые опиралась местная родовая знать. Движение «пророков» было проявлением идеологической борьбы различных жреческих течений, отражавших интересы разных группировок господствующего класса, но, поскольку «пророки» боролись с культами, которые поддерживались знатью, в их выступлениях отражались и некоторые общественно-политические мотивы. В VIII в. «пророки» в своих устных и письменных выступлениях, осуждая культы наиболее важных божеств, соперничавших с Яхве, в то же время высказывались против упадка благочестия и в этой связи с осуждением отзывались о хищническом насилии и ростовщичестве знати. «Пророки» объясняли все бедствия народа отступлением от божественных предписаний. Они грозили гибелью страны под ударами завоевателей, постоянная опасность со стороны которых выдавалась ими за гнев бога Яхве, недовольного недостаточным почтением к его культу. Наряду с этим «пророки» пытались успокоить раздражение народных масс против господствующего класса религиозной проповедью о приходе будущего царя — «*мессии*», «помазанника» Яхве.

Падение Израиля и Иудеи

Господствующий класс, разумеется, не отказывался от своей хищнической политики по отношению к беднеющим массам народа, от закабаления и превращения их в подёнщиков и рабов-должников. В результате уменьшалась численность тех слоев населения, которые поставляли воинов в ополчение Израиля, а в то же время натиск Ассирии усиливался. В 722 г. до н. э. Самария пала. Израиль перестал существовать, так как ассирийцы увели в плен десятки тысяч людей и на их место поселили жителей других частей своей обширной державы.

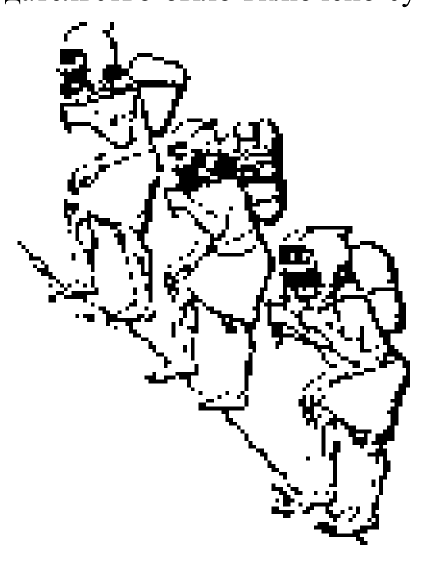

Пленные жители Палестины.
С ассирийского рельефа начала VII в. до н. э.

Катастрофа, поразившая Израиль, угрожала и Иудее; царь Хизкия (Езекия) был осаждён в Иерусалиме в конце VIII в. до н. э. ассирийскими войсками. Как когда-то в законодательстве Хаммурапи, так теперь и в иудейском законодательстве в связи с критическим положением государства появляется закон об ограничении долговой кабалы. «Если ты купишь раба-еврея, то пусть он работает тебе шесть лет, а в седьмой год пусть он выйдет на волю даром». С этим законом тесно связано и другое постановление иудейского законодательства того же периода: «Когда обеднеет у тебя брат твой и продан будет тебе, то не налагай на него работы раба, — он должен быть у тебя как наёмник, как поселенец».

Сопротивление народных масс имело своим последствием появление в 622 г. до н. э. нового законодательства, так называемого «Второзакония», которое было объявлено восходящим к глубокой древности — к легендарному «пророку» и вождю израильтян в период их кочевой жизни — Моисею. Была инсценирована «находка» якобы древнего текста этих законов. Новое законодательство было введено царём Иосией, оприрав-

шимся на союз иерусалимского жречества Яхве и иерусалимской служилой знати с пророческим движением, возглавлявшимся Иеремией. Единственным разрешённым в стране культом стал культ Яхве с центром в Иерусалиме. В новое законодательство было включено существенное дополнение к закону конца VIII в. до н. э. о выходе на волю раба-должника после шести лет работы, а именно — обязательство выдать освобождавшемуся несколько овец, зерна и вина, чтобы «не отпустить его с пустыми руками».

Пленные жители Палестины на строительстве дворца в Ассирии. С ассирийского рельефа начала VII в. до н. э.

Вавилония после гибели Ассирии в конце VII в. до н. э. начала завоёвывать её владения в Передней Азии, соперничая в этом с Египтом. В борьбе с ним погиб Иосия, заменённый египетским ставленником. В 597 г. до н. э. Вавилония подчинила себе Иудею, несмотря на помощь последней со стороны Египта. Часть иудейской знати была уведена в Вавилон. Иудея не хотела примириться со своим поражением и стала готовиться к новой войне, вновь рассчитывая на поддержку Египта. В 590 г. опять вспыхнула война с Вавилонией. Вавилонские войска, разбив все иудейские военные силы вне Иерусалима, приступили к осаде самой столицы. Иудейская знать с целью пополнить войско объявила об освобождении в осаждённом городе рабов-должников, но это не помогло, и Иерусалим должен был в 586 г. до н. э. сдаться. Почти все имущие слои иудейского народа, многие ремесленники и даже часть бедного населения были уведены в Вавилон. Часть жителей бежала в Египет. Тем самым прекратило своё существование и Иудейское царство.

3. Культура и религия Палестины. Иудаизм и Библия

Искусство и литература Израиля и Иудеи

Культура Израиля была во многом сходна с ханаанейской. Это видно по характеру его искусства, которое носило в значительной мере следы сильного влияния Египта; произведения иудейских и израильских мастеров в этом отношении мало отличаются, в частности, от произведений финикийского искусства.

Испытала сильнейшее египетское, вавилонское и финикийское влияние и израильская литература. Когда израильтяне стали применять письменность — нам неизвестно. Древнейшие еврейские надписи восходят к IX в. до н. э. и написаны алфавитом, ничем не отличающимся от финикийского.

Литературу Израиля и Иудеи мы знаем в том переработанном виде, в каком некоторые её произведения вошли в состав Библии. Однако и по имеющимся данным очевидно, что её культовые песнопения (псалмы) весьма близки к подобным же вавилонским сочинениям, что некоторые поучения имеют близкие и притом значительно более древние аналогии в египетской литературе. Сохранившиеся мифы о создании мира богом из хаоса за шесть дней, о первобытном блаженстве первых людей и их грехопадении, о всемирном потопе и спасении Ноя в ковчеге имеют ближайшие аналогии в шумерской и вавилонской литературе. По-видимому, это частью более ранние семитические мифы, частью — прямые заимствования от вавилонян. «Пророческие» поэтические речи также имеют свои прототипы в литературах более развитых стран древнего Востока.

Если образный язык израильской поэзии стилистически близок поэзии других стран Востока, то художественная проза Израиля во многих отношениях оригинальна. Особенно это касается легендарных и исторических повествований, отличающихся большой живостью. Предания о жизни израильтян до перехода к оседлости содержат картины патриархального строя семьи.

Древние легенды и мифы, разнообразные памятники повествовательной и исторической литературы были позднее переработаны в классовых интересах иерусалимских рабовладельцев. Литературные сочинения до нас дошли в составе Библии — иначе говоря, в тенденциозной религиозной переработке, причём в них были внесены многочисленные вставки и добавления, исказившие первоначальный облик этих произведений.

Религия Израиля и Иудеи

Израильтяне в первый период своего расселения на территории Палестины стояли ниже ханаанеев по культурному уровню. Естественно поэтому, что общий характер ханаанейской культуры передался и им, тем более, что по своему происхождению и языку они были близки к ханаанеям. Кроме того, есть некоторые основания полагать, что в состав израильского племенного союза вошли также и отдельные племена, уже задолго до этого находившиеся на территории Палестины. Многие культы были общими для ханаанеев и израильтян; поклонение деревьям, каменным столбам и т. п. было столь же присуще израильтянам, как и ханаанеям. Однако некоторые черты культа были свойственны только израильтянам и были большей частью связаны с их кочевым племенным бытом предшествующего времени. Так, наряду с другими божествами существовал общий бог всего израильского племенного союза — Яхве; израильтяне не знали храмов, а поклонялись своим божествам на высотах гор или в шатрах. Среди израильтян существовал древний обычай обрезания, связанный, быть может, с существовавшим у большинства первобытных племён обрядом посвящения мальчиков в члены родовой общины. Этот обычай существовал, впрочем, и у многих других народов Востока. Впоследствии обрезание стало внешним признаком принадлежности к иудейской религиозной общине.

Хотя между религией израильтян и религией ханаанеев было много общего, однако ввиду длительной вражды между израильтянами и покорёнными ханаанеями всё, что было свойственно ханаанейским обычаям, хотя бы оно было искони знакомо и израильтянам, постепенно объявлялось чуждым, неизраильским; поклонение тем же богам, каким поклонялись и ханаанеи, с течением времени воспринималось как отход от того, что считалось чисто израильским.

С созданием царства усилилась роль бога Яхве; он стал теперь покровителем этого царства. Поскольку местная знать, часто слишком могущественная с точки зрения царя и его людей, была связана с местными культами, в интересах центральной власти было подчёркивать значение единого столичного культа. К тому же распространение культов, которые имели много общего с верованиями, распространёнными в других, более развитых государствах, обычно способствовало усилению иноземного влияния на израильское население.

Как главное в своей проповеди «пророки» выставляли борьбу за единый культ Яхве, против местных культов. В действительности «пророки» выступали не только против культов, которые были общими у израильтян с ханаанеями (как палестинскими, так и финикийскими), но и против некоторых чисто израильских культов. При этом «пророки» не были сторонниками единобожия, не считали Яхве единственным богом. Основная идея, которую они проповедовали, заключалась в том, что каждый народ должен поклоняться своему богу, а потому израильтяне — богу Яхве, а не другим богам. Естественно при этом, что Яхве, как всякий «свой» бог, считался наиболее могущественным, творцом мира и т. п. Ему приписывались черты мстительности и непримиримости по отношению к чужим культам.

Последующая редакция тщательно вытравляла из библейских книг, в составе которых до нас дошли речи «пророков», всякое указание на поклонение израильтян

другим божествам, кроме Яхве. Однако мы знаем, что проповедь «пророков» ещё не исключала существования культа других божеств, связанных с культом Яхве; равным образом имелись и другие места поклонения, кроме иерусалимского храма. Так, документально установлено, что иудеи, бежавшие в Египет после падения Иерусалима, уже после реформы Иосии, признавая своё религиозное единство с иерусалимской общиной, тем не менее почитали богиню 'Анат (может быть — как жену Яхве), а также некоторых других божеств и не знали никакой догмы о допустимости существования только одного «законного» храма Яхве — в Иерусалиме. Тщательный анализ некоторых наиболее древних культовых текстов в Библии, вероятно не очень понятных уже во времена создания канона «священных книг» и потому не подвергшихся достаточному изменению, в сопоставлении с известными теперь древнефиникийскими религиозными текстами показывает, что и в Израиле и в Иудее были распространены культы самых различных божеств.

Что касается обрядов и мифологических представлений, то они в течение всего периода царств мало отличались от ханаанейских, но человеческие жертвоприношения были постепенно заменены выкупом, а обрядовая проституция в культе Яхве, по-видимому, не имела места; впрочем она вообще была распространена далеко не во всех культах и у ханаанеев. Господствовавшие в период царств обряды и представления после соответствующей переработки вошли и в иудаизм.

Таким образом, израильтяне не были приверженцами единобожия вплоть до оформления догматов иудаизма. Религиозные верования Израиля и Иудеи не составляли определённой системы и существенно не отличались от верований других народов древней Передней Азии. Однако конкретные условия исторического развития Израиля и Иудеи были таковы, что они способствовали сильному росту значения племенного бога Яхве в ущерб всем остальным почитавшимся божествам. Процесс постепенного выделения из множества богов одного главного происходил в той или иной мере повсюду в странах древнего Востока в связи с укреплением монархии.

Учение Иезекииля и создание иерусалимской храмово-городской общины

Иудеи, переселённые вавилонским царём Навуходоносором II, не все были обращены в рабство. Многие из них осели в городах Вавилонии, занимаясь ремесленной и другой деятельностью. Значительную часть из них составляли бывшие рабовладельцы, ростовщики, жрецы. Они разрабатывали планы относительно того, как они вернутся на родину и снова займут господствующее положение. Среди них получило распространение религиозно-политическое движение, связывавшее себя с традицией «пророков». Наиболее значительным деятелем этого движения в середине VI в. до н. э. был Иезекииль (Иехезкиэль) — видный представитель иерусалимской знати.

В своём учении Иезекииль пытался определить основные черты будущего иудейского государства. Оно рисовалось ему как восстановленное единое царство, но управляемое иерусалимским жречеством во главе с «мессией» — потомком династии Давида, причём полноправными в этом государстве должны быть только приверженцы культа Яхве в той его форме, которая была выработана «пророческим» учением. Центром государства должен был быть Иерусалим с храмом Яхве, при полном исключении возможности существования каких-либо иных культов.

В таком виде идеи Иезекииля были неосуществимы. Но они получили дальнейшее развитие у части пленных иудеев и были приспособлены к условиям, складывавшимся в то время в Передней Азии. Государство Яхве, согласно этим планам, должно было стать самоуправляющейся теократической храмово-городской общиной по образцу подобных общин, уже существовавших в Вавилонии, — фактически привилегированной организацией рабовладельцев, которая должна была эксплуатировать окружающее население. Такие организации рабовладельцев являлись опорой власти той державы, в состав которой они входили.

Персидский царь Кир, овладевший в 538 г. до н. э. Вавилонским царством, разрешил восстановление Иерусалима. Возможно, что Иерусалим должен был явиться опорным пунктом в борьбе против Египта, тогда ещё не завоёванного персами. Несколько тысяч потомков выселенных вавилонянами иудеев отдельными группами возвратились в течение VI—V вв. до н. э. в Иерусалим, многие из них — с рабами. Новая храмовая община освобождалась от царских налогов и повинностей, а на построение города и храма отводились даже средства из доходов сирийско-палестинской провинции. Членам общины дозволялось жить по собственным законам, а храму — собирать с общины определённые поборы. Местное население на территории, подчинённой общине, ставилось в неполноправное, полностью зависимое от неё положение и облагалось в её пользу поборами и повинностями.

Идеологическим обоснованием отнесения всего местного населения к числу неполноправных явилось то, что они не принадлежали к числу «правоверных». Поэтому изоляция членов общины, «праведных» поклонников Яхве, от окружающего населения должна была быть закреплена правовыми и религиозными запретами.

Однако создание подобной привилегированной храмово-городской общины, разумеется, вызвало серьёзное недовольство всего местного населения Палестины (так называемых самаритян — по имени Самарии, столицы Палестинского округа), состоявшего частью из потомков иудеев и израильтян, остававшихся в Палестине, частью из потомков жителей, переселённых сюда ассирийскими и вавилонскими царями. Среди персидской администрации также возникло опасение, что создание подобных автономных образований внутри державы может до некоторой степени ослабить персидскую государственную власть. Поэтому организация иерусалимской общины и восстановление города и храма происходили очень медленно и с большими перерывами. Они были завершены только в конце V — начале IV в. до н. э.

Оформление догматов религии иудаизма

Прибывший в это время от персидского двора жрец Эзра провёл окончательную реорганизацию иерусалимской общины и, в частности, установил строгое правило, запрещавшее членам общины браки вне общины. Он даже добился расторжения подобных браков, уже заключённых ранее. Таким образом, была завершена изоляция в правовом и религиозном отношении членов иерусалимской общины от внешнего мира.

Ко времени Эзры был окончательно установлен текст приписываемого божественному внушению закона (*торы*), якобы написанный мифическим Моисеем, куда вошли мифы и легенды, признанные жречеством Яхве «правоверными», а также правовые и обрядовые предписания, объявленные обязательными для общины. Всякое отступление от духа и буквы торы и тем более поклонение другим богам, кроме Яхве, и даже просто признание таких богов были объявлены несовместимыми с пребыванием в общине, как навлекающие на общину «гнев бога». Бог Яхве приобрёл теперь характер небесного подобия царя Персидской державы, в состав которой входила иерусалимская община. В установленных догматах большое внимание уделялось соблюдению обременительных обрядов и запретов.

Позже был произведён отбор различных, частью унаследованных от периода царств, частью новых, литературных и исторических произведений, а также речей «пророков», которые соответствовали задачам и характеру нового учения или могли быть к нему приспособлены путём соответствующей обработки (так называемые «Писания» и «Пророки»). Они также были объявлены священными, всякое же прочее литературное творчество, исключая только толкование «священного писания», бесповоротно осуждалось. «Закон», «Писания» и «Пророки» составляли вместе так называемую Библию (по-гречески *библиа* — книги).

Таким образом, деятельность руководителей верхушки пленных иудеев, а также главарей иерусалимской общины — организации, учреждённой с целью усилить позиции рабовладельцев, — привела впервые в Передней Азии к созданию религиоз-

ных догматов, основанных на писаном религиозном законе, резко отрицательно относящихся ко всем иным религиозным верованиям. Эта религия получила название *иудаизма*. Считалось, что приверженцы иудаизма независимо от того, где они находились, составляли единую религиозную общину.

Политической формой этой общины была иерусалимская храмово-городская община, состоявшая из определённых родов и управлявшаяся советом из числа верхушки городской знати и жречества; этот совет считался также хранителем религиозного закона. Разумеется, состав самой иерусалимской общины с самого начала не мог быть однородным, и её социальное расслоение с течением времени усиливалось. В то время как верхушка общины обогащалась, рядовая масса беднела и всё более разорялась. Религия же освящала власть богатых.

Идеологи иудаизма продолжали внушать своим приверженцам веру в грядущего избавителя — «мессию». Различные религиозно-философские системы, обещавшие прекрасное будущее (конечно, более или менее отдалённое), получили в это время значительное распространение в целом ряде стран древнего Востока. Мессианизм, откладывавший наступление лучшего порядка на неопределённое будущее и возлагавший надежды не на практическую деятельность угнетённых, а на их чудесное избавление грядущим царём-спасителем, был как нельзя более на руку господствующему классу.

Учение иудаизма не только в максимальной степени соответствовало интересам господствующего класса, но и умело использовало в этих интересах настроения забитых народных масс. Претерпевая с течением времени разнообразные видоизменения, учение иудаизма служило орудием идейного порабощения трудящихся евреев и в эпоху феодализма и даже в эпоху капитализма, вплоть до настоящего времени. Оно способствовало также в различных исторических условиях обособленности верующих евреев от прочего населения.

Впоследствии некоторые стороны иудаистического вероучения были развиты в новой религии, и по сей день являющейся мощным орудием идеологического воздействия господствующих классов на массы, — в христианстве. Канонические книги Библии под названием «Ветхого завета» целиком вошли в состав христианского «священного писания».

Состав и происхождение Библии

Библия, как мы видели, является собранием некоторых произведений древнееврейской литературы, правовых, обрядово-религиозных и исторических сочинений, специально отобранных и переработанных жречеством, «книжниками», в целях утверждения и пропаганды учения иудаизма. Состав её чрезвычайно разнороден. Выделение её отдельных частей и определение даты их написания представляют собой трудную задачу.

Усилиями передовых учёных XVIII—XIX вв. было установлено, что так называемая тора (тора по традиции разделяется на пять книг и поэтому называется также «Пятикнижием») и примыкающие к ней «Писания» исторического содержания состоят по крайней мере из четырёх источников, отнюдь не совпадающих с традиционным делением Библии на книги. Эти источники были использованы составителями в неодинаковой степени в различных частях «Пятикнижия» и «Писаний». К таким источникам относятся: «Яхвист» и «Элохист», называемые так условно, по употреблению автором того или иного обозначения для израильского божества (Яхве или Элохим), сборники легенд и исторических преданий периода разделённых царств, «Второзаконие» — обработка законодательства, созданного при Иосии, и «Жреческий кодекс» — продукт религиозно-политической литературной деятельности, по-видимому, в основном времени вавилонского пленения. Кроме того, в текст включены отдельные фольклорные и другие отрывки (военные песни, пересказы эпоса), древнейшим из которых, как обычно считают, является «Песня Деборы» в «Книге судей» (конец XII — начало XI в. до н. э.).

Библия содержит остатки обильной и разнообразной древнееврейской литературы; некоторые её части смело могут быть поставлены в один ряд с другими литературными произведениями древнего Востока. Это относится, в частности, к сборнику любовных и свадебных песнопений — «Песнь песней».

В Библии имеются указания на то, что в Израиле и Иудее существовали царские анналы. Они были в какой-то мере использованы и тенденциозно переработаны редакторами-жрецами при составлении истории Израильского и Иудейского царств («Книги Самуила» и «Книги царств», объединяемые также под названием «Книг царей»). Позже эта история была ещё раз подвергнута столь же тенденциозной переработке («Книги хроник» или «Паралипоменон»). Обе переработки сохранились, и при сравнении их можно в ряде случаев наглядно показать методы обработки, а иногда и прямой фальсификации, применявшиеся редакторами.

Библия содержит также тщательно отобранные стихотворные сборники речей, произнесённых «пророками» или приписанных им (VIII—III вв. до н. э.), новеллистические сочинения, афоризмы, сборник разновременных культовых песнопений («Псалмы Давида»), религиозно-философские и другие произведения разного времени (наиболее поздние — III в. до н. э.), в том числе интересную своей скептической философией, которую до конца не уничтожила официально-религиозная обработка, книгу «Экклесиаст».

Таковы выводы передовой науки XIX — начала XX в. В связи с новыми археологическими открытиями выдвигаются и другие теории относительно периодизации библейской литературы, однако ни одна из них ещё не может считаться вполне обоснованной.

4. Финикия

В истории Передней Азии I тысячелетия до н. э. большую роль играли города-государства Финикии. Их роль в экономической, политической и культурной истории стран древнего мира была для своего времени более значительна, чем роль государств, возникших в Палестине.

С ослаблением Египетской державы Нового царства финикийские государства — Тир, Сидон, Библ, Арвад и др. — вновь становятся самостоятельными. Это были города-государства, большей частью управлявшиеся царём вместе с советом рабовладельческой знати.

Расцвет финикийских городов

После разрушения Сидона «народами моря» гегемония перешла к Тиру, который достиг наибольшего расцвета при царе Хираме I, современнике Соломона, царя Израиля (около 950 г. до н. э.). Хирам при помощи искусственной насыпи расширил остров, на котором была расположена основная часть Тира, и, открыв здесь источник с водой, сделал Тир почти неприступной крепостью для внешнего врага. В это время Тир вступил в тесные торговые сношения со всеми окружающими государствами; при Хираме, вероятно, началась колонизация современной области Туниса на африканском берегу Средиземного моря, а при его преемниках там был основан город Карфаген (по преданию в 814 г. до н. э.).

Собственное сельскохозяйственное производство Финикии, как и в предшествующий период, играло второстепенную роль. Большое значение имело использование лесных богатств гор Ливана; ценные породы дерева были важным предметом вывоза. Вывозилась также сирийская шерсть, окрашенная финикийским пурпуром, а с VIII—VII вв. — мелкие стеклянные изделия. Морская торговля Финикии, значительная уже во время египетского владычества, стала ещё более расширяться после распада Египетской державы. Вся торговля Египта перешла теперь в руки финикийцев, и их многочисленные корабли постоянно прибывали к пристаням городов,

расположенных по берегам Нила. Финикийцы торговали не только финикийскими товарами, но и привозившимися из других стран — рабами, разнообразными ремесленными изделиями, позже также продуктами сельского хозяйства и скотоводства. Вероятно, в морской торговле активное участие принимали рядовые свободные, которых царь и знать ссужали серебром и товарами. В караванной торговле, которая особенно стала развиваться с начала I тысячелетия до н. э., когда верблюд был уже одомашнен и вследствие этого облегчилось преодоление обширных пустынных и степных пространств Сирии, наряду с царями и знатью также могли обогащаться некоторые представители рядовых свободных. Вместе с ростом богатств происходит всё большее расслоение населения городов Финикии.

Финикийцы были известны как работорговцы. Хотя значительная часть приобретаемых ими рабов предназначалась на вывоз, вероятно, и в самих финикийских городах имелись в значительном количестве рабы, использовавшиеся на судах, в мастерских и т. п. Исторические источники свидетельствуют об острой классовой борьбе в Финикии. О восстании рабов в Тире, к которому, возможно, примкнули и неимущие свободные, сообщает греческая традиция. Это восстание, происшедшее, возможно, в IX в. до н. э., закончилось, по преданию, полным уничтожением мужских представителей господствующего класса, а женщины и дети были распределены между восставшими. Греческие историки сообщают нам о каких-то «финикийских несчастиях», которые также можно предположительно считать восстаниями эксплуатируемых масс в финикийских городах.

Однако эти восстания, как и другие восстания рабов, не приводили к изменению существовавших отношений; рабовладельческое общество и государство по-прежнему продолжали существовать в Финикии.

В результате внутренней борьбы в Тире могущество его ослабело, и с конца IX в. наряду с Тиром, временами превосходя его значением, вновь возвышается Сидон. Однако вскоре период полной независимости финикийских городов приходит к концу. Со второй половины VIII в. ассирийские войска стали всё чаще доходить до берегов Средиземного моря, и, хотя экономическое значение финикийских городов сохраняется, в конце концов все финикийские города-государства, кроме Тира, были вынуждены покориться Ассирии. Затем, с конца VII в., начали снова усиливаться Египет и Вавилония, и финикийские города-государства попали в зависимость от них. С возникновением Персидской державы во второй половине VI в. до н. э. Финикия была включена в неё, хотя финикийские города и теперь сохранили своё самоуправление и своё значение богатых центров торговли. Финикийский флот составлял опору персидского могущества на море.

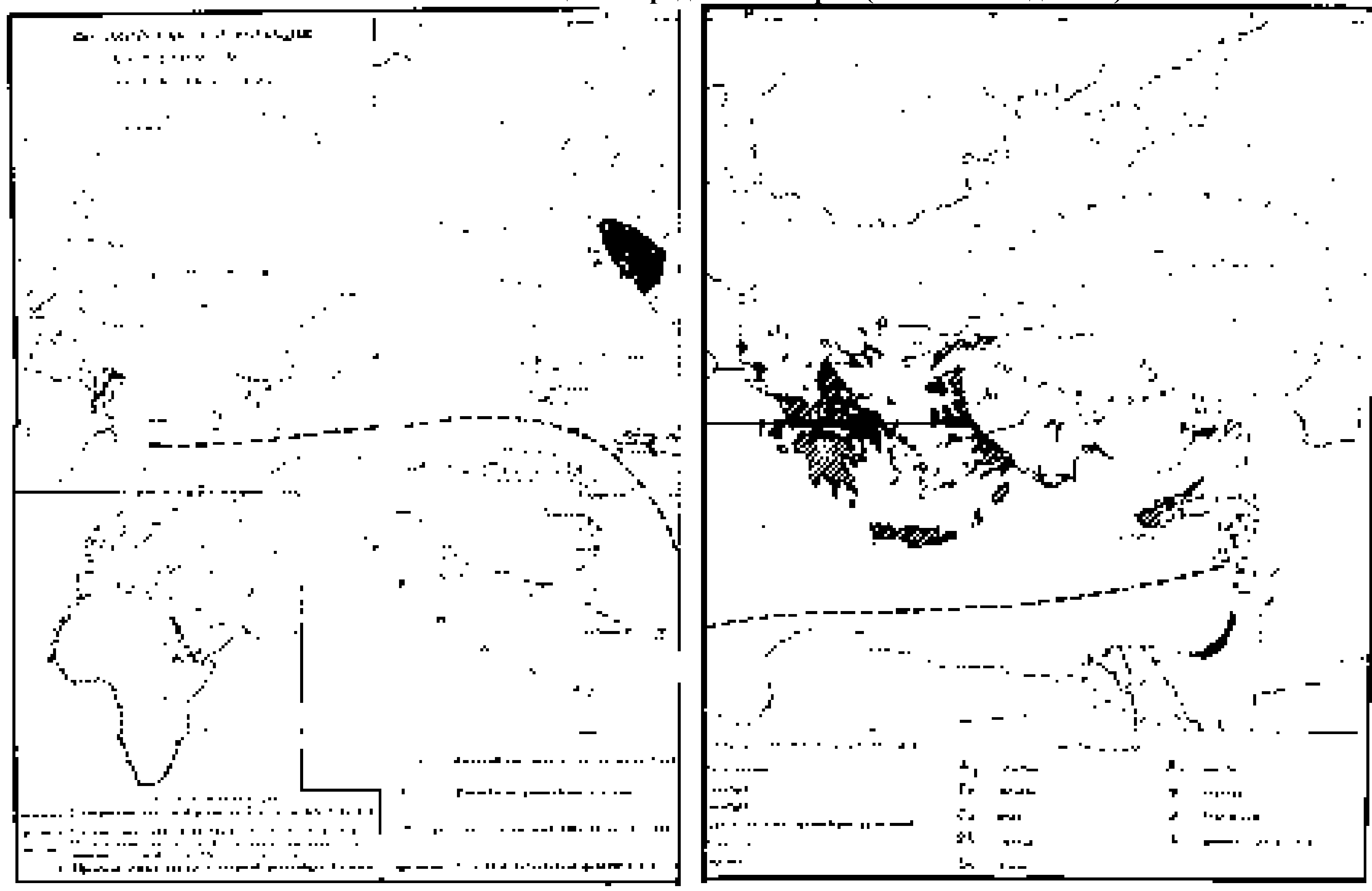
Средиземное море и финикийская колонизация

В первой половине I тысячелетия до н. э. финикийские города-государства устанавливают своё фактическое господство на Средиземном море.

Средиземное море — обширное внутреннее море, находящееся между тремя крупнейшими материками Восточного полушария: Европой на севере и западе, Азией на востоке и Африкой на юге; этому обстоятельству оно обязано своим названием. На западе Средиземное море через узкий Гибралтарский пролив соединяется с Атлантическим океаном. На северо-востоке его залив — Эгейское море — сообщается узким Дарданельским проливом с Мраморным морем, через него и пролив Босфор — с Чёрным морем, а через Чёрное море и Керченский пролив — с Азовским морем.

Длинный и узкий Апеннинский полуостров (Италия) на севере и выступ африканского берега в районе современного Туниса на юге делят Средиземное море на восточную и западную части. Западное Средиземноморье замыкается Пиренейским полуостровом. В восточной части Средиземного моря господствующее положение занимает Балканский полуостров (Греция), отделяемый от Апеннинского полуострова Ионическим и Адриатическим морями, а от Малой Азии — Эгейским и Мраморным

Финикийская колонизация в Средиземноморье (VIII-VII вв. до н. э.)

морями. На всём протяжении Средиземного моря разбросаны многочисленные острова. В Западном Средиземноморье расположены большие острова Корсика и Сардиния, а также Сицилия, являющаяся продолжением Апеннинского полуострова. У берегов Пиренейского полуострова расположены Балеарские острова. Балканский полуостров с его изрезанными берегами окружён целым островным миром.

Изрезанность берегов, обилие заливов и островов наряду с благоприятными климатическими условиями способствовали раннему развитию мореплавания на Средиземном море.

Климатические условия Средиземноморья благоприятствуют выращиванию самых разнообразных культурных растений, в том числе различных хлебных злаков и садовых культур; из последних особое значение в древности имели виноград и оливковое дерево. Лето в странах Средиземноморья тёплое и даже жаркое, зима — мягкая и влажная. Три-четыре тысячи лет тому назад лето было, очевидно, менее сухим, чем в настоящее время; это в значительной мере объясняется тем, что в то время страны Средиземноморья изобиловали обширными лесами, впоследствии вырубленными.

Страны Средиземноморья богаты полезными ископаемыми. В древности медную руду получали с островов Кипр и Сардиния и с Пиренейского полуострова (Испания); железную руду — из Малой Азии, с острова Эльба и из Испании; серебро добывалось в Малой Азии, Греции, Испании. Столь важное для развития производства бронзы олово добывалось в Испании или доставлялось туда с Британских островов. Греция и Италия славились прекрасным мрамором. Во многих местах имелись залежи высококачественной глины, что благоприятствовало расцвету гончарного производства.

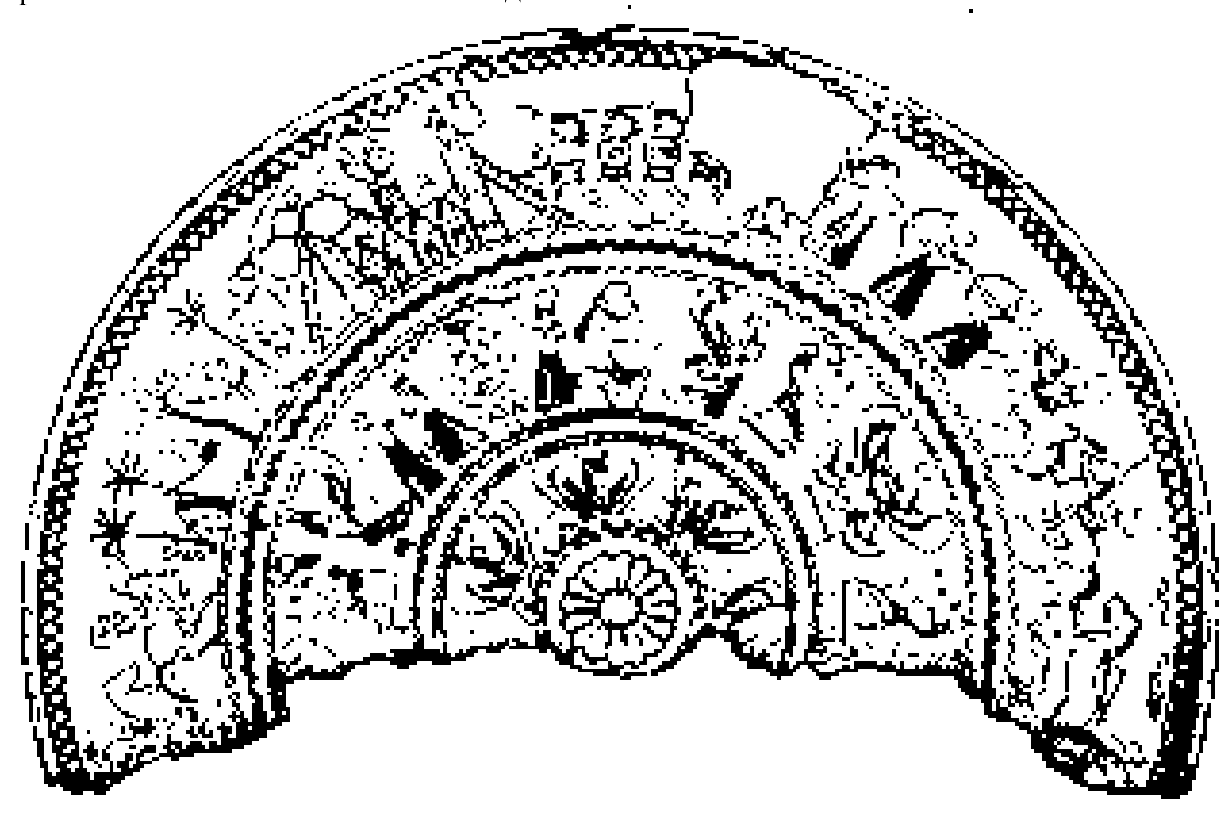
Связи Передней Азии со странами Восточного и Западного Средиземноморья имели для неё большое значение, всё возраставшее по мере роста потребности в меди, олове, железе. Для стран Средиземноморья связи с передовыми областями культуры в Передней Азии имели не меньшее значение. В начале I тысячелетия до н. э. эта связь осуществлялась преимущественно финикийскими мореходами. Не ограничиваясь обменом, они, как уже указывалось, занимались и захватом людей и работорговлей, превращая, таким образом, побережья Средиземного моря в дополнительный источник, откуда поступали рабы для древних рабовладельческих государств.

К этому времени относится создание на средиземноморских побережьях финикийских колоний. Главной их целью была организация обмена, однако в некоторых случаях они превращаются в самостоятельные земледельческие рабовладельческие государства.

Господствующий класс финикийских государств, опасаясь восстаний рабов и бедноты, стремился к тому, чтобы в городах не скоплялось большого количества «беспокойных элементов». Из сочинений греческого учёного и философа Аристотеля (IV в. до н. э.) мы узнаем о тех мерах, к которым прибегала с этой целью знать Карфагена: «Хотя строй Карфагенского государства и отмечен характером господства имущих, однако карфагеняне удачно спасаются от возмущения со стороны народа тем, что дают ему возможность разбогатеть. А именно, они постоянно высылают определённые части народа в подвластные Карфагену города и области. Этим карфагеняне врачуют свой государственный строй и придают ему стойкость». Вероятно, карфагеняне научились искусству «врачевать» свой государственный строй у метрополии — Тира, которая время от времени (может быть, ещё с конца II тысячелетия до н. э. и во всяком случае с начала I-го) неоднократно высылала, как, впрочем, и другие финикийские города-государства, по несколько тысяч граждан в целях создания своих колоний на побережьях Средиземного моря.

Подобные финикийские колонии, имевшие целью обеспечение финикийской морской торговли, создавались в восточной части Средиземного моря, в первую очередь на острове Кипр, где финикийцы прочно закрепились ещё во II тысячеле-

тии до н. э. Но в северной части Восточного Средиземноморья важную роль играли местные мореходы — греки, ликийцы, карийцы. В VIII—VI вв. до н. э. греки начинают развивать собственную колонизационную деятельность. Главное внимание финикийцы обращают поэтому на побережья, господствовавшие над морскими путями из Восточного в Западное Средиземноморье, в особенности на побережье Африки. Финикийцы проникли также в Сицилию и на остров Мальта. Были колонизованы отдельные

Осада крепости.
Часть финикийской серебряной чаши с Кипра. Первая половина I тысячелетия до н. э.

пункты на побережье Испании, в том числе и на побережье Атлантического океана (Гадес, ныне Кадис). Уже с VIII—VII вв. до н. э. встречаются упоминания о далёкой стране Таршиш — вероятно, Тартессе в Испании, за Гибралтарским проливом.

Карфаген

Главной областью финикийской колонизации была Северная Африка, где на территории современного Туниса был основан ряд городов и среди них уже упоминавшийся Карфаген — по-финикийски «Карт-Хадашт», что означает в переводе «Новый город», может быть, в противоположность более древней колонии Утика. Развалины Карфагена находятся вблизи современного города Туниса. Карфаген, будучи колонией Тира, сам явился метрополией для ряда финикийских колоний в Западном Средиземноморье. Расположенный в плодородной долине, на берегу Тунисского залива, образующего удобные, защищённые от бурь и ветров гавани, Карфаген имел выгодное географическое положение как центр финикийской колонизационной деятельности.

Номинально находясь в зависимости от Тира, Карфаген фактически пользовался полной самостоятельностью. Подчинив все прочие финикийские города-колонии Северной Африки, он покорил многочисленные ливийские племена и создал государство со значительной территорией. Это государство представляло собой олигархическую рабовладельческую республику. Оно располагало значительными пространствами земли, пригодной для обработки. В противоположность другим финикийским

городам-государствам в Карфагене в широких масштабах развились крупные земледельческие плантационные хозяйства, где эксплуатировался труд многочисленных рабов. Плантационное хозяйство Карфагена сыграло в экономической истории древнего мира очень крупную роль, поскольку оно повлияло на развитие того же типа рабовладельческого хозяйства сперва в Сицилии, а затем и в Италии. В VI в. или, может быть, в V в. до н. э. в Карфагене жил писатель-теоретик плантационного рабовладельческого хозяйства Магон, большой труд которого пользовался такой славой, что римскому войску, осаждавшему Карфаген в середине II в. до н. э., был дан приказ сохранить этот труд. И он был действительно сохранён. По постановлению римского сената труд Магона был переведён с финикийского языка на латинский, а затем был использован всеми теоретиками сельского хозяйства Рима. Для своего плантационного хозяйства, для ремесленных мастерских и для своих галер карфагеняне нуждались в громадном количестве рабов, отбиравшихся ими из числа военнопленных и купленных людей, а также из местного населения, порабощаемого карфагенскими ростовщиками.

Карфаген рано превратился в крупный центр посреднической торговли. Масштабы её были очень широки. Рабы, слоновая кость — из внутренних областей Африки, дорогие ткани и ковры — из стран Передней Азии, золото, серебро — из Испании, олово — из Британии, воск — с Корсики, вино — с Балеарских островов, масло, вино — из Сицилии, а позже и изделия греческого художественного ремесла — таков далеко не полный перечень предметов карфагенской торговли.

Карфаген выступил, как уже указывалось, объединителем многочисленных финикийских городов северного побережья Африки. Создание этого объединения преследовало в числе других задачу борьбы с греками, которые с VIII в. до н. э. начали чрезвычайно активно проникать в западную часть Средиземного моря.

Для развития торговли и для борьбы с проникновением греков в Западное Средиземноморье недостаточно было наличия сильной федерации на африканском побережье, но необходимо было также создать опорные пункты в западных районах Средиземноморского бассейна. Начало колонизации было, как мы видели, положено городами Финикии, но Карфаген развил здесь гораздо более энергичную колонизационную деятельность. В середине VII в. до н. э. карфагеняне обосновались на Балеарских островах и вскоре после этого проникли в Сардинию. В конце VII — начале VI в. до н. э. начинается упорная борьба с греками за Сицилию, в общей сложности продолжавшаяся более трёх столетий. В первой половине VI в. до н. э. карфагеняне покорили значительную часть Сицилии. В конце того же века началось активное проникновение их в Испанию, результатом чего был переход старых колоний Тира во владение Карфагена и распространение колонизации с побережья вглубь Пиренейского полуострова.

Процесс образования колониальной Карфагенской державы был далеко не мирным. В ряде стран карфагеняне встретили упорное сопротивление местных племён. Так, например, в Испании иберские племена вели долголетнюю ожесточённую борьбу ещё с Гадесом, одной из самых старых финикийских колоний. Город был ими захвачен, и карфагенянам пришлось осаждать Гадес и брать его штурмом. Сопротивление местного населения встретили карфагеняне и в Сардинии.

Тем не менее основным соперником карфагенян в этот период были, как сказано, греки. Так, в начале VI в. до н. э. карфагеняне сталкивались с греками из Фокеи, заселившими Массалию (ныне Марсель на юге Франции); проникновение в Испанию тоже было связано с борьбой против греков, и, наконец, весь начальный этап борьбы за Сицилию характеризуется военными столкновениями с греками. В ходе этой борьбы сложилась военно-морская мощь Карфагена, окреп его государственный аппарат, приспособленный не только для угнетения рабов и зависимого населения, но рассчитанный и на обслуживание захватнических устремлений господствующей верхушки карфагенского общества.

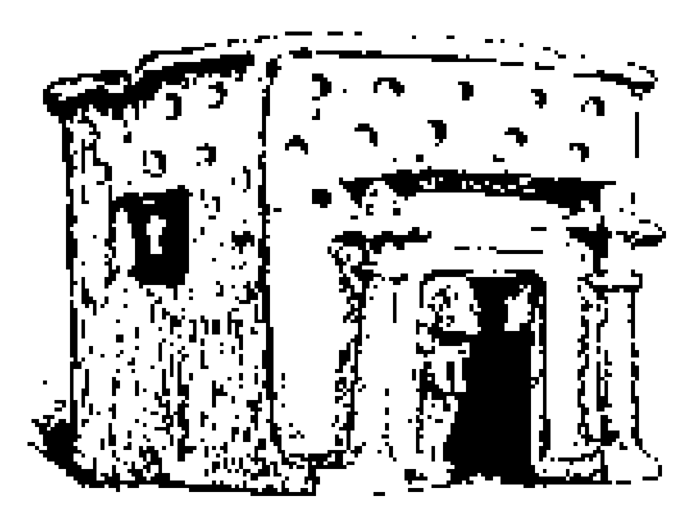
Морские путешествия финикийцев

Опираясь на свои колонии, финикийские и карфагенские мореплаватели начали постепенно выходить далеко за пределы Средиземного моря. В период расцвета финикийского и карфагенского мореходства море становится, средством связи между тремя континентами Средиземноморья и далёкими странами, находившимися за пределами Гибралтара. Финикийцы первыми из народов Средиземноморья достигли берегов нынешней Англии и здесь получали олово. Путём обмена они получали на побережье Атлантического океана доставляемый сюда сухим путем из Прибалтики столь ценившийся тогда янтарь. Карфагенские мореходы, выходя в океан через Гибралтарский пролив, называемый ими «столпами Мелькарта» (верховного бога Тира), неоднократно плавали также вдоль западного берега Африки. Описание одной из таких морских экспедиции отважных карфагенских мореплавателей дошло до нас в греческом переводе. Это так называемое путешествие Ганнона, датируемое примерно VI или V в. до н. э. Хотя описание экспедиции карфагенского морехода выглядит как занимательный приключенческий роман, тем не менее все его сведения, по суждению авторитетных исследователей, соответствуют действительности. Можно шаг за шагом проследить путь экспедиции, сопоставляя данные об этом путешествии с тем, что мы знаем о географии западного побережья Африки.

Наряду с экспедициями на северо-запад и юго-запад финикийские города отправляли морские экспедиции и на юг, пользуясь помощью египтян, а иногда Израиля и Иудеи. Здесь финикийские корабли через Красное море достигали, вероятно, Индийского океана. Об одном из подобных морских походов сообщает Библия, когда рассказывает об экспедиции в богатую золотом страну Офир, организованной Хирамом, царем Тира, и Соломоном, царём Израиля. Но самым грандиозным предприятием надлежит считать ту морскую экспедицию финикийцев, которую они совершили по поручению египетского царя Нехао в конце VII в. до н. э. В течение трёх лет они обогнули Африку и вернулись через «столпы Мелькарта», совершив этот выдающийся подвиг более чем за две тысячи лет до Васко да Гамы.

Финикийская культура в первой половине I тысячелетия до н. э.

Общий характер финикийской культуры в I тысячелетии до н. э. остаётся прежним. Основные черты, которые отличали религию финикийцев II тысячелетия, также остаются в общем характерными и для I тысячелетия до н. э. Несколько большее значение, чем прежде, приобретают божества — покровители ремесла и мореплавания. Важную роль начинает играть главный бог Тира и Карфагена — Мелькарт. Такие черты культа, как человеческие жертвоприношения, сохраняются и теперь.

Глиняная модель финикийского храма.
Кипр. Вторая половина I тысячелетия до н. э.

Искусство Финикии I тысячелетия было малосамостоятельным. В Финикии подражали в основном египетским и отчасти ассирийским образцам. Однако финикийские изделия художественного ремесла, как, например, бронзовые, серебряные и золотые чаши с чеканными изображениями, находили большой спрос в странах Передней Азии и Средиземноморья, и именно при посредстве финикийцев искусство древнего Востока оказывало в первой половине I тысячелетия значительное влияние на искусство Италии и Греции.

Культурное влияние Финикии сказывалось и в том, что в этот период финикийский алфавит распространяется в странах Средиземноморья.

Нам известно, что существовала обширная финикийская художественная и научная литература, но памятники её до нас, к сожалению, не дошли.

5. Сирия

Государства, расположенные на всей территории Передней Азии, от Малой Азии до Палестины, к началу I тысячелетия до н. э., несмотря на свою слабость в военном и экономическом отношениях, играли значительную роль, так как через их территорию проходили основные караванные пути, по которым Передняя Азия снабжалась железом. Добывалось оно в то время лишь в юго-восточной части Малой Азии, на юге Палестины, и, возможно, также уже и на Армянском нагорье.

Торговля железом, а также другими видами сырья обогащала царьков мелких государств Сирии и Малой Азии. Вероятно, эта торговля носила характер царской монополии. Для лучшего обеспечения караванных путей, а также в целях обороны большинство этих мелких государств было объединено в два союза. Гегемоном северного союза являлся город Каркемиш на большой излучине Евфрата (царство Хатти), а южного — Дамаск (царство Арам). В Северной Месопотамии мелкие арамейские царства, возникавшие ещё на рубеже II и I тысячелетий, также образовывали более или менее постоянные союзы.

Северная Сирия и Юго-Восточная Малая Азия в XII—VIII вв. до н. э.

В результате вторжения «народов моря» с юга и малоазийских племён с севера и северо-запада около 1200 г. до н. э. был положен конец существованию Хеттской державы; на её территории в районе железных и серебряных рудников гор Тавра и на путях к ним по обе стороны хребта остались города-государства Тувана (позже Тиана), Мелид, мелкие горные царства Табала, а в собственно Сирии — Каркемиш и другие города-государства. Цари этих городов-государств оставили нам многочисленные надписи, увековеченные на камне своеобразным иероглифическим письмом, созданным еще во время существования Хеттской державы. Дешифровка надписей установила, что они были составлены на языке, близком к лувийскому.

Хуррито-арамейский храм в Гузане (городище Телль-Халаф в Северной Месопотамии). X в. до н. э. Реконструкция.

Охота на оленя.
Наскальный рельеф из Мелида (ныне Малатия). Начало I тысячелетия до н. э.

Образец хеттской иероглифической надписи начала I тысячелетия до н. э.
Каркемиш.

Сравнительно недавно в юго-восточной части Малой Азии, в Кара-Тепе, на западном берегу реки Пирама (современный Джейхан), был найден двуязычный эпиграфический памятник, одна из надписей которого является ханаанейской (финикийской), а другая — хеттской (иероглифической). Эта счастливая находка создает условия для окончательной, бесспорной дешифровки хеттского иероглифического письма и тем самым обогатит наши знания истории стран юго-восточной части Малой Азии и Северной Сирии в течение почти пяти веков, с XII по VIII в., ибо к этим столетиям относятся дошедшие до нас довольно многочисленные хеттские иероглифические надписи царей городов-государств вышеуказанных областей.

Сирийские воины.
Рельеф на камне. Каркемиш. VIII в. до н. э.

К концу II тысячелетия в Сирию проникают всё новые скотоводческие племена, говорившие на арамейских диалектах семитической семьи языков; в течение первой половины I тысячелетия до н. э. население Сирии полностью арамеизировалось.

Все небольшие государства Северной Сирии после крушения Хеттской державы некоторое время были самостоятельными.

Во время раскопок на месте столицы царства Сам'аль (современный Зенджирли на крайнем севере Сирии, к востоку от гор Амана), основанного в начале I тысячелетия до н. э., было найдено много ценных эпиграфических памятников, из которых самым замечательным являлась надпись царя Киламувы, правившего в 30-х и 20-х годах IX в. до н. э. Она была написана на ханаанейском языке, так как завоеватели первое время пользовались для официальных целей языком покорённого населения.

Согласно надписи, до вступления на престол Киламувы *мушкабим* (по существующему предположению, мушкабим — люди, принадлежавшие числу

Арамейский писец с кожаным свитком и пеналом.
Часть каменного рельефа из Сам'аля (ныне Зенджирли). VIII в. до н. э.

местного населения) «склонялись, подобно собакам, перед *ба'аририм*» (вероятно, завоевателями). Завоеватели забирали у покорённых скот и другое имущество, тем самым ставя покорённое население при выполнении земледельческих работ в полную зависимость от себя. В особенности невыносимым становилось положение трудового населения во время войны, когда для уплаты дани «деву отдавали за овцу, мужчину — за одежду». Такова была участь покорённого оседлого населения, наверное, и во всех прочих арамейских государствах.

Из надписи в Кара-Тепе известно о существовании в первые века I тысячелетия до н. э. на юго-восточном побережье Малой Азии государства дануниитов. Данунииты являлись, вероятно, одним из первых племён, которые со стороны Эгейского моря обрушились на южные окраины Хеттской державы, покорив здесь местное население. Царь их Азитавадд, вступивший на престол около середины IX в. до н. э., заявляет в своей надписи о «поручении», данном ему богом Ваалом, расширить государство «от восхода солнца до его заката». Он пытался сделать это, в частности, за счёт Сам'аля; Киламува в своей надписи заявлял: «. . . одолел меня царь дануниитов». Но правитель царства Сам'аль призвал на помощь против царя дануниитов ассирийского царя Салманасара III (859—824), который в 30-х годах IX в. совершал свои завоевательные походы на запад. Затем Киламува, очевидно, воспользовавшись смутами, возникшими в Ассирии в конце правления Салманасара III, освободил себя от тяжёлой ассирийской дани. Киламува смог в условиях наступившего для царства Сам'аль благополучия снабдить беднейших из мушкабим скотом и другим ценным имуществом, как он заявляет в своей надписи.

Вскоре после смерти Киламувы его преемник вошёл в состав коалиции царей крайнего севера Сирии и юга Малой Азии против царства Хамат. Эта коалиция была враждебной Ассирии и, возможно, ориентировалась на возникшее на Армянском нагорье мощное царство Урарту; она возглавлялась городом Арпадом, временно оттеснившим связанный с Ассирией Каркемиш.

Южная Сирия в начале I тысячелетия до н. э.

Около середины IX в. создалось сравнительно большое государство Хамат, охватившее весь юг Сирии и опиравшееся на помощь Ассирии. Вышеупомянутая враждебная ему коалиция вступила в союз с арамейским государством Дамаском, сложившимся в конце II тысячелетия в Южной Сирии.

Царство Дамаск получило на рубеже II и I тысячелетий большое значение, как торговый центр. С помощью нового одомашненного животного — верблюда теперь возникла возможность преодоления пустынных степей Сирии. Дамаск, ставший центром скрещения торговых путей, связывающих области Двуречья с побережьем Средиземного моря (через Сирийскую степь), и гегемоном мелких царств Южной Сирии, являлся в течение всего IX в. объектом захватнических устремлений Ассирии; но ему долго удавалось отстаивать свою самостоятельность, опираясь на помощь других сирийских государств, а также государств Палестины, на которую временами распространялась его гегемония. Цари Дамаска вместе с вышеупомянутой коалицией царств севера вели борьбу против царства Хамат, бывшего союзником Ассирии. Один из эпизодов этой войны в конце IX в. до н. э. был увековечен Закиром, царём Хамата, в надписи, найденной недалеко от Алеппо. Закир, говорится в надписи, успешно отразил натиск коалиции, возглавляемой Бенхададом, царём Дамаска. В результате этого коалиция, очевидно, распалась.

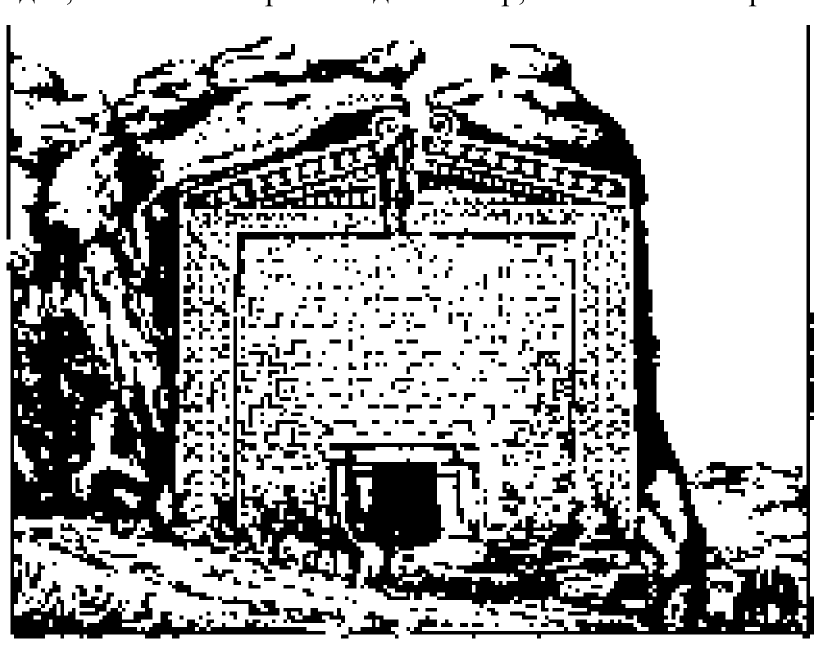
Разрозненные сирийские государства, ослабленные к тому же частыми войнами, в течение IX—VIII вв. до н. э. были завоёваны Ассирией и вошли в состав Ассирийской державы, как об этом будет рассказано подробнее ниже. Последним вошёл в состав Ассирийского государства Каркемиш (717 г. до н. э.). Когда-то надёжный оплот хеттов, этот город стал убежищем для ассирийской армии в её последней битве в 605 г. против победоносных войск мидян и вавилонян.

6. Малая Азия после крушения Хеттской державы

Начавшиеся с XII в. до н. э. передвижения греческих, фракийских и западных малоазийских племён имели своим последствием гибель Хеттской державы, заселение греками западного побережья полуострова и появление во внутренней его части многочисленных племён, которые покорили местное население. У ряда покорённых народов классовое общество сложилось ещё в период существования Хеттской державы (XVI—XIII вв. до н. э.). Это обстоятельство ускорило общественное развитие вторгшихся племён и содействовало возникновению у них государств.

Фригия

Из крупных государств первым по времени — не позже VIII в. до н. э. — сложилось Фригийское государство, ядро которого находилось в долине реки Сангарии (ныне Сакарья), к западу от реки Галиса. Фригийцы, как повествует греческий историк Геродот, назывались бригами до тех пор, пока жили в Европе по соседству с македонцами, а после переселения в Азию переменили вместе со страной и имя бригов на фригийцев. Фригийский язык, как можно установить по надписям и именам собственным, входил в состав языков индоевропейской семьи, находясь, как полагают, в родстве с фракийским и иллирийским языками и имея некоторую связь с греческим языком.

Фригийская скальная гробница, имитирующая фасад жилого дома (так называемая «Могила Мидаса»).
VIII—VII вв. до н. э.

В состав Фригийского государства входили также мушки (у греков — мосхи) — племя, говорившее, возможно, на кавказском языке картвельской группы. Ассирийские и урартские источники даже называют Фригию «страной мушков». Проникновение племён мушков на восток вплоть до долины Верхнего Евфрата отмечается ассирийскими источниками ещё в XII в. до н. э. Однако позже влияние мушков (Фригии) не распространялось обычно далее гор Тавра на востоке.

Соприкасаясь с местным населением, состоявшим ранее в тесном общении с Хеттской державой, фригийские племена быстро достигли уровня цивилизации древних обществ Передней Азии.

На основании археологических материалов следует считать земледелие экономической основой фригийского общества. Столица Фригии — город Гордий, по-видимому, не имел защитных стен, но по всей Фригии имелись многочисленные укрепления, которые, очевидно, являлись для фригийцев средством удержания в подчинении покорённого и эксплуатируемого местного населения и служили для населения округа убежищем в случае военной опасности.

Обнаруженная при раскопках во Фригии керамика отражает влияние различных ремесленных традиций предшествующего времени. В ней можно установить элементы техники и орнаментации гончарного ремесла не только Хеттской державы и западной части Малой Азии, но также и Кипра.

Первоначально цари и знать погребались в курганах, которые встречаются во Фригии сравнительно в большом количестве. Освоение более высокой ремесленной

техники местного населения дало возможность фригийским строителям сооружать скальные гробницы. В каменную архитектуру они переносили орнаментику, свойственную архитектуре деревянной. Это видно, например, по фасадам наиболее богатых гробниц.

Торговля связывала Фригию с греческими городами-государствами западного побережья Малой Азии; тем самым возникали предпосылки для культурного сближения греческого и фригийского общества.

Ассирийские и греческие источники упоминают лишь два фригийских царских имени — Гордий и Мидас. Некоторые исследователи полагают, что они не являются именами собственными, а были лишь царскими титулами. При Мидасе, сыне Гордия, в конце VIII в. до н. э. Фригийское государство стало серьёзным противником Ассирийской державы. В надписях ассирийского царя Саргона II (722—705) Мидас называется Мита; в них сообщается, что Мита в 5-м году правления Саргона II (717 г. до н. э.) вступил во враждебную Ассирии коалицию, в состав которой входили кроме Фригии мелкие государства юго-восточной части Малой Азии и Северной Сирии, а также Урарту. После поражения, нанесённого в 714 г. войсками Саргона II урартскому царю Русе I, фригийцы в 713 г. заключили мир с Ассирией. Несомненно, к заключению мира с Ассирией Фригию побудила и угроза со стороны надвигавшихся с северо-востока киммерийских племён, пришельцев из степей Северного Причерноморья.

Так как Ассирия была для киммерийцев слишком сильным противником, они устремились в конце VIII в. до н. э. на запад, против Фригии. В начале VII в. до н. э. фригийское войско потерпело от киммерийцев, выступавших, по-видимому, совместно с урартами, сокрушительное поражение, а сам царь Мидас, потеряв надежду на спасение, покончил самоубийством.

Наши сведения о фригийской культуре немногочисленны. Древнефригийский алфавит является вариантом греческого алфавита, что свидетельствует о тесной связи Фригии с культурой Греции. В легендах древней Греции фригийский царь Мидас играет весьма значительную роль. Так, по греческой легенде, Мидас имел свойство обращать в золото всё, к чему ни прикасался, — отголосок воспоминаний о богатстве Фригийского царства. Древнефригийские надписи, открытые преимущественно в долине реки Сакарьи, были найдены также и на нескольких городищах в Западной Малой Азии и в Каппадокии. Из этого следует, что Фригийское государство в период своего расцвета, очевидно, расширило свои границы далеко на запад и восток. Через долину Герма, надо полагать, греческая культура проникала во Фригию, но тем же путём оказывала своё воздействие на греческое население западного побережья Малой Азии и культура Фригии. Фригийская музыка, в том числе религиозная, была воспринята греками и имела большое значение в истории древнегреческой культуры.

Во Фригии был распространён культ богини-матери Кибелы, восходивший своими корнями к культу древних хурритских племён, почитавших божество Кубабу (иначе Хубаба). Аттис, возлюбленный Кибелы, — умирающий и воскресающий бог, связанный с религиозными культами древнейшего населения Малой Азии, — согласно мифу, был вынужден оскопить себя, став прообразом для жрецов богини Кибелы, являвшихся евнухами. Этот культ носил оргиастический и изуверский характер. Впоследствии, с распространением в Средиземноморье различных восточных религиозных учений во времена позднего рабовладельческого общества, получил широкую известность также и культ Аттиса и Кибелы.

Лидия

Фригийская культура не могла не повлиять на племена, населявшие долину реки Герма на западе Малой Азии. Эта долина, по всей вероятности, входила в состав Фригийского государства. Её центральная область называлась по главному поселению области — по-лидийски Сфарт, в греческой передаче — Сарды. Население долины Герма в VII в. до н. э. ассирийцы и греки называли лидийцами. Геродот указывает, что лидийцы

первоначально назывались мэонами. Язык лидийцев, ещё очень слабо изученный, находился, возможно, в родстве с языком хеттов.

Долина реки Герма, впадающего в Эгейское море, была, по словам греков, «благодатной» страной: расположенная в области влажного и теплого средиземноморского климата, она обладала благоприятными условиями для земледелия и садоводства. Земледелие в этом районе не зависело от искусственного орошения. Здесь находились и месторождения золота. О высоком развитии ремесла в Лидии свидетельствуют изделия из золота, искусно гранёные камни и прекрасные изделия из слоновой кости, раскопанные в Сардах. Наряду с произведениями ювелирного ремесла Лидия славилась ткацким ремеслом (изготовление крашеных тканей), а также производством изделий из кожи. Для ремёсел Лидии требовались различные виды технического сырья, из которых далеко не все имелись в самой стране, и поэтому торговля должна была играть в хозяйственной жизни Лидии значительную роль. Местоположение Лидии на перекрёстке торговых путей с востока на запад и с юга на север не могло не содействовать расцвету её торговли; историческая традиция греков приписывала лидийцам изобретение древнейшей в истории чеканной монеты (сохранились монеты от времени не позже VII в. до н. э.). Геродот писал, что лидийцы «располагают множеством денег».

Лидийская золотая монета царя Креза.
Начало VI в. до н. э.

Рост производительных сил и воздействие классовых отношений, существовавших во Фригии, временно подчинившей долину Герма, привели к тому, что в Лидии упрочился рабовладельческий строй. Усилению рабовладельческого Лидийского государства содействовали тесная связь с греческими городами-государствами, а также разгром Фригии киммерийцами в начале VII в.

Основной военной силой в Лидии была не пехота, а вооружённая длинными копьями конница, вербовавшаяся, по-видимому, из знати — крупных и средних рабовладельцев. В Лидии царская власть зависела, по-видимому, от племенной знати, превратившейся в знать рабовладельческую.

Первыми известными нам событиями в истории Лидии были вторжения киммерийских и фракийских племён в начале VII в. до н. э. и происшедшая — возможно, в связи с этим — смена династий. Первый царь новой династии Гиг (Гуггу), вступивший на престол около 692 г. до н. э., после упорной и ожесточённой борьбы с вторгшимися в Лидию после разгрома Фригии киммерийцами, опираясь на помощь ассирийского царя Ашшурбанапала, изгнал их из пределов своей страны и заставил около 665 г. до н. э. отступить на восток. В дальнейшем Гиг завязал сношения с Псамметихом I, царём Египта, готовившимся сбросить иго Ассирии, и даже послал ему вспомогательные войска. Однако Лидия вскоре снова стала жертвой вторжения киммерийцев, быть может, поднятых против Гига Ассирией. Отражая эти вторжения, Гиг пал в 654 г. до н. э. на поле битвы, а киммерийцы на время завладели большей частью страны и даже Сардами, за исключением городской крепости. Сыну Гига Ардису (654—605) удалось после долголетней борьбы очистить Лидию от киммерийцев.

Изгнав киммерийцев из своего государства, Ардис предпринял завоевание греческих городов-государств западного морского побережья Малой Азии. Ардису удалось покорить Приену в центральной части побережья, недалеко от важнейшего греческого города Милета. Его война с Милетом была не столь удачной, и эту войну продолжали его сын и внук. В борьбе с Милетом и другими греческими городами

побережья лидийские цари использовали ту ожесточённую борьбу, которая уже в VII в. до н. э. происходила в этих городах-государствах между богатой родовой знатью и основной частью свободного населения (*демосом*).

Лидийское государство опиралось в своей борьбе за западное побережье полуострова на аристократию греческих городов и встречало упорное сопротивление там, где власть аристократии была свергнута, как, например, в Милете. Внук Ардиса

Лидийские всадники.
Надгробный каменный рельеф. VI в. до н. э.

Алиатт не мог сломить сопротивление Милета и вынужден был довольствоваться заключением мира с этим городом на условиях взаимной дружбы и союза. Низвержение знати в греческом городе Клазоменах было, очевидно, причиной того, что под стенами Клазомен Алиатт потерпел жестокое поражение. Зато ему удалось покорить город Смирну.

При Алиатте на востоке возникает новая опасность, на этот раз со стороны Мидийской державы, уничтожившей в 615—605 гг. до н. э., при царе Киаксаре, Ассирийское государство и стремившейся, после покорения Урарту, к завоеванию областей Малой Азии. При этом войска Киаксара столкнулись с Лидийским государством, включившим во второй половине VII в. до н. э. в свои пределы и Фригию. Война между Лидией и Мидийским царством началась в 591 г. и велась с переменным успехом в течение 6 лет. Закончилась она 28 мая 585 г. до н. э. битвой при реке Галисе. В этот день происходило предсказанное милетским философом Фалесом солнечное затмение. Как пишет Геродот, «день внезапно превратился в ночь». Потрясённые этим явлением, враждующие стороны, гласит легенда, поспешили заключить мир при вавилонском посредничестве. По условиям мира границей между Мидией и Лидией была объявлена река Галис, а

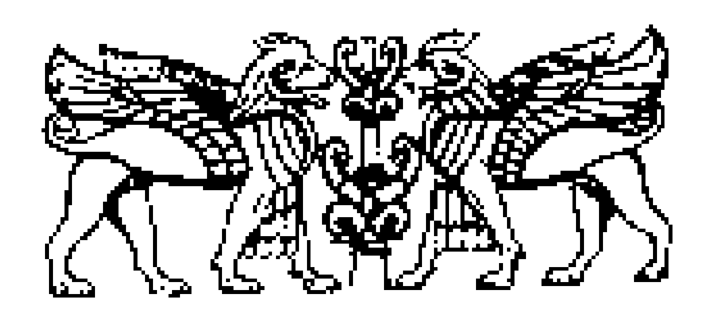
дочь Алиатта была выдана замуж за сына Киаксара — Астиага, сменившего в том же 585 г. до н. э. своего отца на царском престоле Мидии.

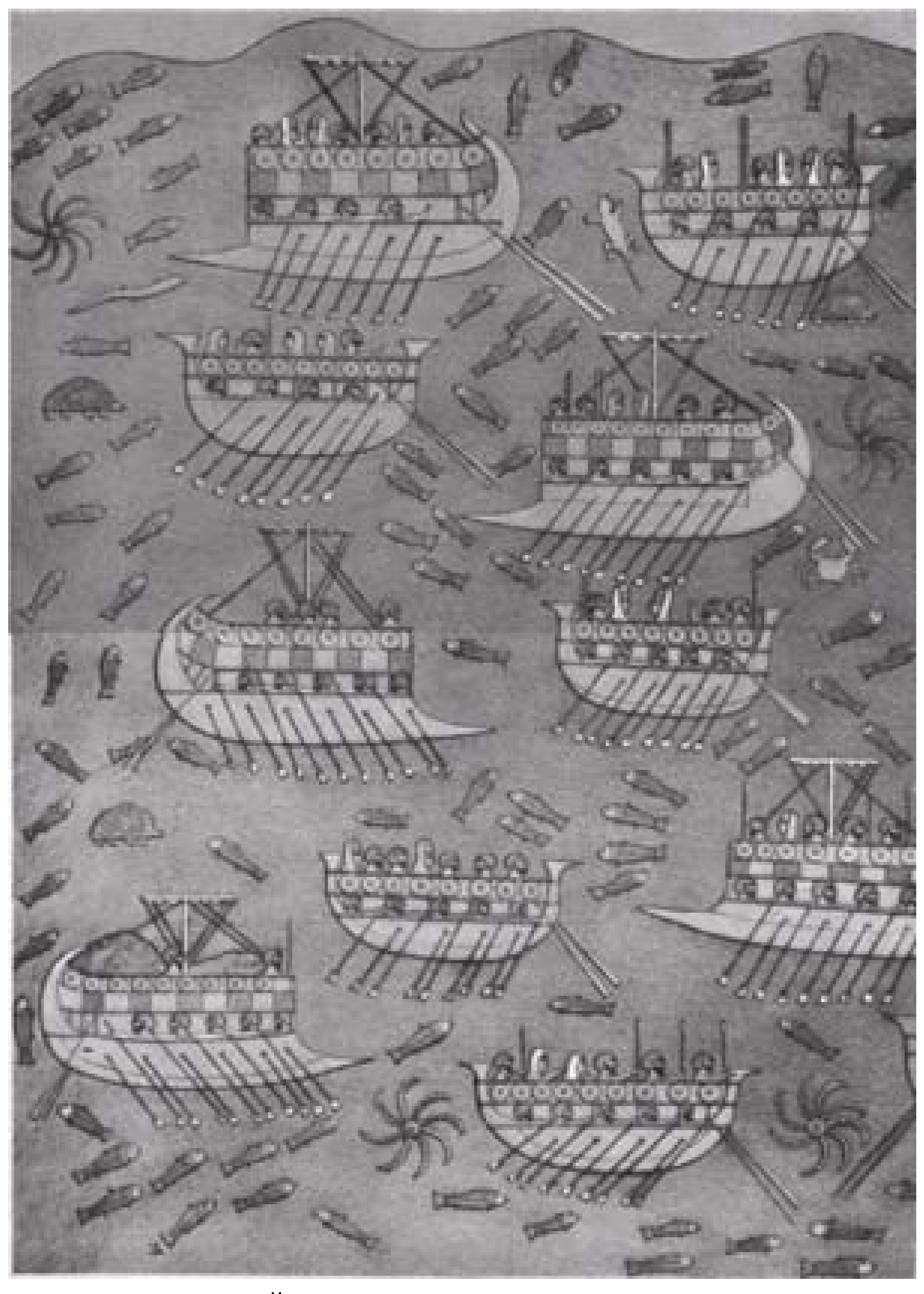
Укрепив своё положение на восточной границе союзом с мощной Мидийской державой, Алиатт снова обратил своё оружие против греческих городов-государств западного побережья, а также занялся окончательным покорением племён Малой Азии: пафлагонян, вифинов, карийцев и других. Сын Алиатта Крез (560—546) завершил покорение всех азиатских греков, сделав их данниками Лидии.

Крез стал, таким образом, полновластным повелителем всего полуострова, за исключением областей на юге Малой Азии, населённых ликийцами и киликийцами, которые в своих малодоступных горных твердынях смогли сохранить в известных пределах свою самостоятельность.

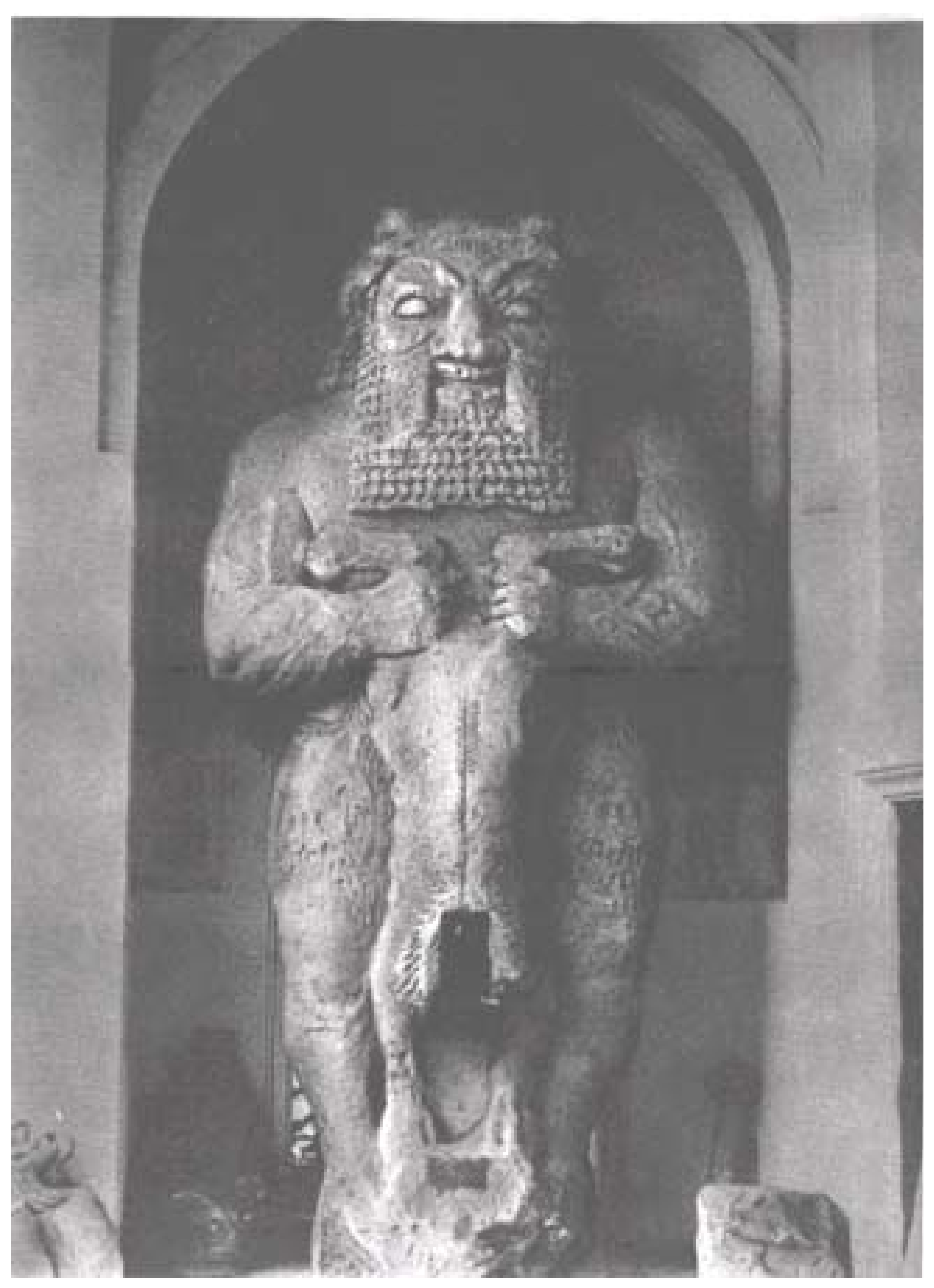
Отношения Лидии с азиатскими греческими городами создавали предпосылки для взаимопроникновения греческой и местных малоазийских культур. Лидийцы, как и фригийцы, освоили и переработали греческое алфавитное письмо; широко распространилось в стране знание греческого языка. В свою очередь греческий язык несколько обогатил свой словарный запас за счёт лидийского языка. Желая воздействовать на своих греческих соседей, а впоследствии и на своих подданных, лидийские цари, начиная с Гига, стремились привлечь на свою сторону богатыми дарами наиболее почитаемые греческие храмы, в первую очередь Дельфийский храм с его оракулом. Правители Лидии щедро одаряли и некоторые малоазийские греческие храмы.

После 550 г. до н. э. Лидийское государство Креза начало войну с покорившей Мидию Персидской державой царя Кира и в 546 г. было ею разгромлено. Лидийское войско, располагавшее прекрасной конницей, но не имевшее стойкой пехоты, подобной той, которая имелась у персов, было разбито, и персидская армия беспрепятственно достигла западного побережья, взяв Сарды и покорив затем также и греческие города. С этого времени Малая Азия входит в состав Персидской державы Ахеменидов.

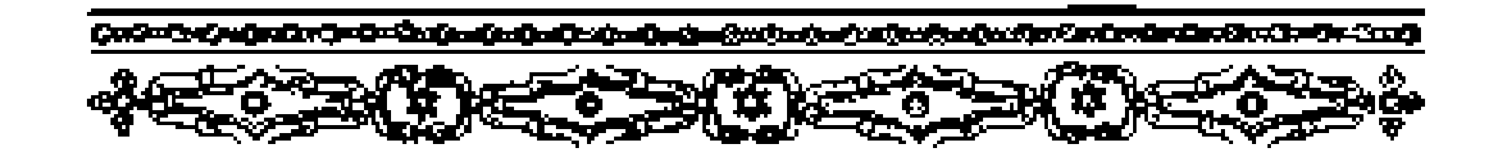

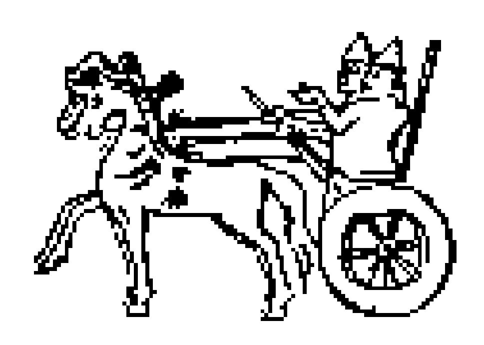

ФИНИКИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ И ТОРГОВЫЕ КОРАБЛИ
Ассирийский рельеф из дворца Синаххериба в Ниневии. VIII—VII вв. до н. э.

СТАТУЯ ФИНИКИЙСКОГО БОГА (МОЛОХА?) С ОСТРОВА КИПР.
Первая половина I тысячелетия до н. э. Камень.

ГЛАВА XX
УРАРТУ И ЗАКАВКАЗЬЕ. КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ

В связи с освоением металлургии железа, развитием земледелия и ремесла ускоряется процесс общественного развития племён, населявших Армянское нагорье и Закавказье. В конце II — начале I тысячелетия до н. э. здесь возникает ряд небольших рабовладельческих государств, важнейшим из которых было Урарту, выросшее в IX—VIII вв. до н. э. в одно из крупнейших государств древности. В состав Урарту входили некоторые территории теперешних советских республик Закавказья. Таким образом, с историей Урарту связано возникновение древнейшего классового общества на территории нашей Родины.

1. Урарту

Природные условия

Армянское нагорье расположено к востоку от полуострова Малая Азия и отделено от него долиной Верхнего Евфрата. Эта территория занята в основном горными цепями (Армянский Тавр на юге и параллельные ему горные цепи далее к северу) и прорезается долинами, важнейшие из которых — долина реки Арацани (Мурат-су), крупного притока Евфрата, текущего к западу, и долина реки Аракса, текущего в восточном направлении. В центре южной части нагорья расположено горькое озеро Ван. С востока к нему примыкает относительно низменная плодородная область; к северу от среднего течения Аракса расположена (уже на территории нынешней Советской Армении) Айраратская низменность с пересекающей её рекой Разданом (Занга) — притоком Аракса, вытекающим из пресноводного Севанского озера.

Долинами рек Большого Заба и Бохтана, а также западными перевалами через Армянский Тавр и долиной Верхнего Евфрата страна сообщается с Месопотамией.

В северном направлении перевал из долины Верхнего Евфрата ведёт в долину реки Чороха, впадающей в Чёрное море у Батуми и соединяющей Армянское нагорье с горно-лесистой областью Понта, а также с влажной лесистой Колхидой.

На востоке Армянское нагорье отделено горными хребтами от Южного Азербайджана (в современном Иране), важнейшей областью которого является плодородная холмистая равнина, прилегающая с юга к горькому озеру Урмия (Резайе).

Сравнительно с другими районами древних цивилизаций Востока вся описанная территория представляла значительно меньше удобств для земледелия, которое было возможно здесь (в долинах и низменностях) главным образом на основе использования вод горных ручьёв. Долгое время гораздо большее значение, чем земледелие, имело скотоводство, с выгоном скота на летние пастбища в горы. Быстрое развитие рабовладельческих отношений происходит здесь лишь в конце II — начале I тысячелетия до н. э. в связи с добычей в этих районах железа (которым, как и медью, эти территории были относительно богаты) и с переходом к земледелию и ремеслу, основанным на сравнительно высокой технике. Более совершенные бронзовые, а затем железные орудия позволили, в частности, прокладывать оросительные каналы и в каменистом грунте, что существенно двинуло вперёд развитие земледелия в горных районах.

Археологически хорошо исследованы только те районы описанной территории, которые входят ныне в состав СССР. О южных районах сведения дают главным образом лишь письменные источники.

Древнейшее население Армянского нагорья

Насколько можно судить, основная часть описанной территории, в том числе долина Верхнего Евфрата и южные части Армянского нагорья, были, по крайней мере со II тысячелетия до н. э., заселены хурритами и родственными им племенами. Восточная часть Понта, Колхида и Западный Кавказ были, по всей вероятности, заселены в бронзовом веке главным образом абхазо-черкесскими и, возможно, картвельскими племенами. Далее в глубине континента была расположена полоса близких между собой культур, созданных, по-видимому, «протохеттскими» и картвельскими племенами, а в восточной части этой полосы жили племена неясной этнической принадлежности, связанные, возможно, с позднейшим населением Восточного Кавказа и Азербайджана. Эти культуры представлены замечательными находками в могилах племенных вождей в Триалети (Грузия) и Кировакане (Армения). Сюда же относилась, вероятно, и культура племени хайаса, жившего в районе Верхнего Чороха и находившегося в тесных сношениях с Хеттским царством. По мнению некоторых исследователей, племя хайаса стало впоследствии ядром армянской народности.

В западных частях Армянского нагорья уже во II тысячелетии до н. э. жили также племена, говорившие на индоевропейских языках, близких к хеттской группе. Возможно, что к языкам этих племён или к языку какого-либо одного из них восходит древнейший основной словарный фонд и основные черты грамматической структуры позднейшего армянского языка.

Восточная часть Армянского нагорья — полоса от долины Аракса через район Ванского озера до верховьев Большого Заба — была, по всей вероятности, уже во II тысячелетии до н. э. занята племенами, которые впоследствии в ассирийских источниках назывались урартами; по языку они были родственны хурритам. Этническая принадлежность расположенных ещё далее к востоку племён, живших на территории нынешнего Азербайджана, для столь раннего времени ещё не установлена.

Юго-западные части Армянского нагорья (вероятно, именно эту территорию хеттские источники и называют страной Хурри) в середине II тысячелетия до н. э. зависели от Митанни или даже входили в это государство. Со времени хеттского царя Суппилулиумы они подпадают под влияние Хеттского царства.

В период, последовавший за падением Хеттского царства, около 1200 г. до н. э. в долину Верхнего Евфрата и вплоть до верховьев Тигра проникают племена мушков. Наряду с мушками на восточных территориях бывшего Хеттского царства (северо-западнее Верхнего Евфрата) в это же время играли большую роль племена каскейцев и др., относившиеся, вероятно, к абхазо-черкесским племенам кобанско-колхидской культуры.

Первые столкновения с ассирийцами

Наиболее значительным рабовладельческим государством, с которым приходилось иметь дело племенам Армянского нагорья с XV в. до н. э., была Ассирия. В первой половине XIII в. до н. э. войска ассирийского царя Салманасара I появляются уже в глубине Армянского нагорья. Его надпись утверждает, что он разбил Уруатри (по-видимому, название племенного союза) в «три дня», т. е. в трёх сражениях. Целью его похода был, по-видимому, захват рабов для рабовладельческих хозяйств Ассирии. Салманасар воевал также с племенами, которые он обозначает как «кутиев». Эти племена жили между Уруатри и долиной Верхнего Тигра. Последующие ассирийские цари в течение XIII—XI вв. также неоднократно совершали набеги на Армянское нагорье. Наиболее важное значение имели походы, совершённые Тиглатпаласаром I (1115—1077), при котором Ассирия стала постоянной угрозой для племён Армянского нагорья.

Угроза со стороны Ассирии заставляла эти племена объединяться и выступать племенными союзами, которые в ассирийских источниках фигурируют под названием Уруатри и Наири. Во главе ополчений «стран Наири» стояли «цари», бывшие видимо, ещё вождями племён или союзов племён. Некоторые из этих союзов племён, как, например, Диауэхи в долине Чороха, оказались чрезвычайно стойкими, и весьма возможно, что их «цари» были уже чем-то большим, чем просто племенными вождями, и что там начали складываться классовые отношения и государство.

Начавшиеся походы Ассирии в области Армянского нагорья прекратились с XI в. до н. э. ввиду нашествия арамеев в Месопотамию.

Первые государства на Армянском нагорье

В течение XI—X вв. до н. э. происходит консолидация зачаточных государственных образований в ряде центров нагорья. Важнейшими центрами были: Диауэхи («страна таохов» у древнегреческих авторов) в долине Чороха и примыкавших к ней с юго-востока районах; Алзи в долине Арацани; Шубриа к северу от верховьев Тигра; Хубушкиа или «царство Наири» в долине Бохтана к югу от озера Ван; Кумени (центр культа бога дождя и грома Тейшебы) и Ардини-Мусасир (центр культа бога неба Халди) в долине Большого Заба; несколько позже — Мана к югу от озера Урмия и т. д. Вероятно, в этот период возникает в районе озера Ван и государство Биаинили, которое ассирийцы называли Урарту, — преемник племенного союза Уруатри.

К этому времени относится, вероятно, проникновение в Мусасир ассирийской разновидности аккадской клинописной системы, применявшейся затем и в Урарту. Ещё раньше складывается, может быть под косвенным влиянием хеттской письменности, самобытная урартская иероглифическая письменность, которая хотя и имела более узкую область применения, но полностью не была вытеснена клинописью.

Новый подъём Ассирийской державы в конце X в. до н. э. вновь привёл к столкновениям Ассирии с племенами и государствами Армянского нагорья. Но вглубь нагорья отважился проникнуть лишь ассирийский царь Салманасар III в 859 и 856 гг. до н. э., впервые столкнувшийся с Урарту. События этих походов изображены на рельефах бронзовых обшивок храмовых ворот, находившихся в ассирийском городе Имгур-Эллиль (ныне селение Балават). Эти рельефы позволяют судить о военном деле и вооружении урартов IX в. Урартские воины изображены здесь в подпоясанных рубахах, в шлемах с гребнями, с маленькими круглыми щитами и короткими прямыми мечами — вооружение, в общем сходное с хеттско-сирийским. Воины, обороняющие стены, вооружены также луками. Те же рельефы изображают

увоз ассирийцами захваченного добра в больших глиняных сосудах, положенных на повозки, и угон нагих пленных в шейных колодках, что показывает грабительский характер ассирийских походов, целью которых был захват рабов.

Возвышение Урарту

Набеги Салманасара не сокрушили Урарту и не затронули центральных, наиболее плодородных районов к востоку от озера Ван. Именно после 856 г. происходит укрепление и консолидация молодого Урартского государства, во главе которого мы встречаем к 832 г. до н. э. царя Сардури I — первого из урартских царей, от которого до нас дошли его собственные надписи, правда, ещё не на урартском языке, а на ассирийском диалекте

Осада ассирийцами урартской крепости.
Ассирийский рельеф на бронзовой обшивке ворот из Имгур-Эллиля (ныне Балават). IX в. до н. э.

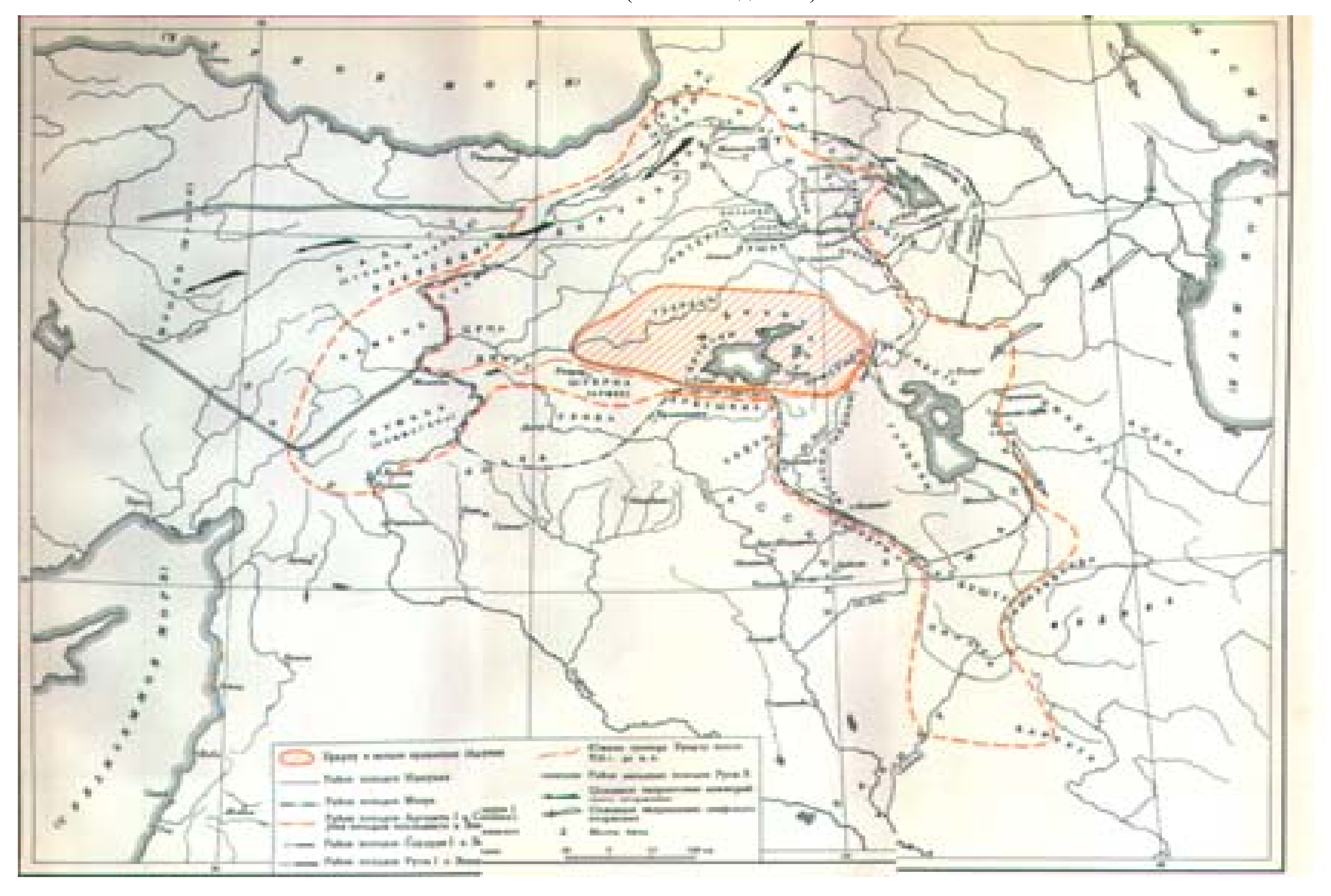
аккадского языка. Эти надписи найдены в Тушпе (современный Ван) на восточном берегу Ванского озера. Тушпа являлась столицей Урарту, по крайней мере, со времени Сардури I.

Если не считать похода на Шубрию в 854 г., ассирийцы с 856 г. до н. э. не тревожили горцев. Но к 832 г. они, видимо, стали считать опасным усиление Урарту. Вновь начинается серия ассирийских походов на север. Эти походы были, возможно, связаны также с борьбой, которая завязалась в то время в Северной Сирии. Цель этой борьбы для Ассирии состояла в том, чтобы овладеть путями, по которым Месопотамия снабжалась железом, а также самими источниками этого сырья, столь необходимого теперь для ассирийского войска. Основные места добычи железной руды находились в то время в юго-восточном углу Малой Азии; но, по-видимому, и Урарту было поставщиком железа и поэтому было тесно связано в экономическом и культурном отношении с городами Северной Сирии, специализировавшимися на посреднической торговле этим металлом.

Ассирийский поход 832 г. до н. э. совершался по тому же пути, что и поход 856 г., но оказался неудачным. Победа Сардури I возбудила надежды на освобождение у зависимых от Ассирии мелких царств, и Салманасар III послал в 829 и 828 гг. войска для подавления освободительных стремлений в Хубушкии, Мусасире и на западном побережье озера Урмии.

Уже в это время урартский царь величает себя не только «царём Биаинили» и «правителем Тушпы», но и принимает титул «царя великого, царя сильного, царя

УРАРТУ (IX-VII вв. до н. э.)

множеств, царя Наири». Такая титулатура повторяет, с заменой слова «Ассирия» словом «Наири», титулатуру ассирийских царей. Молодое Урартское государство бросало вызов Ассирии на борьбу за господство в Передней Азии.

Политику, намеченную уже Сардури I, продолжал его сын Ишпуини, не встречая серьёзного сопротивления со стороны Ассирии.

Довольно рано фактическим соправителем Ишпуини стал его сын Менуа, хотя при жизни отца он не носил царского титула. В совместное правление Ишпуини и Менуа происходит дальнейшее расширение власти Урарту на востоке; была занята страна Мана на южном побережье Урмии, причём урартские войска проникли и ещё далее на юг.

Таким образом, Урарту создавало серьёзную угрозу Ассирии на востоке. Впрочем, непрерывная борьба манейцев против урартской власти делала непрочным положение урартов в этих районах, входящих в современный Южный Азербайджан. Эти районы должны были ими завоёвываться снова и снова. Ассирия также пыталась захватить эти районы, однако и она встретилась с ожесточённым сопротивлением манейских племён.

Ко времени Ишпуини основные области центральной части нагорья были уже прочно закреплены за Урарту. В совместное правление Ишпуини и Менуа начинаются походы урартов в Закавказье. Первыми объектами этих походов были, по-видимому, области верховьев Аракса и Куры, находившиеся в соседстве с царством Диауэхи.

Ко времени Ишпуини и Менуа надо отнести упорядочение государственного управления Урарту. В это время вводится система наместничеств во главе с областными начальниками. Впоследствии эта система была введена, по-видимому, по урартскому образцу, также и в Ассирии. В области религиозного культа систематизируется освящающий государственную власть пантеон божеств, устанавливается количество обязательных приношений скота в святилища.

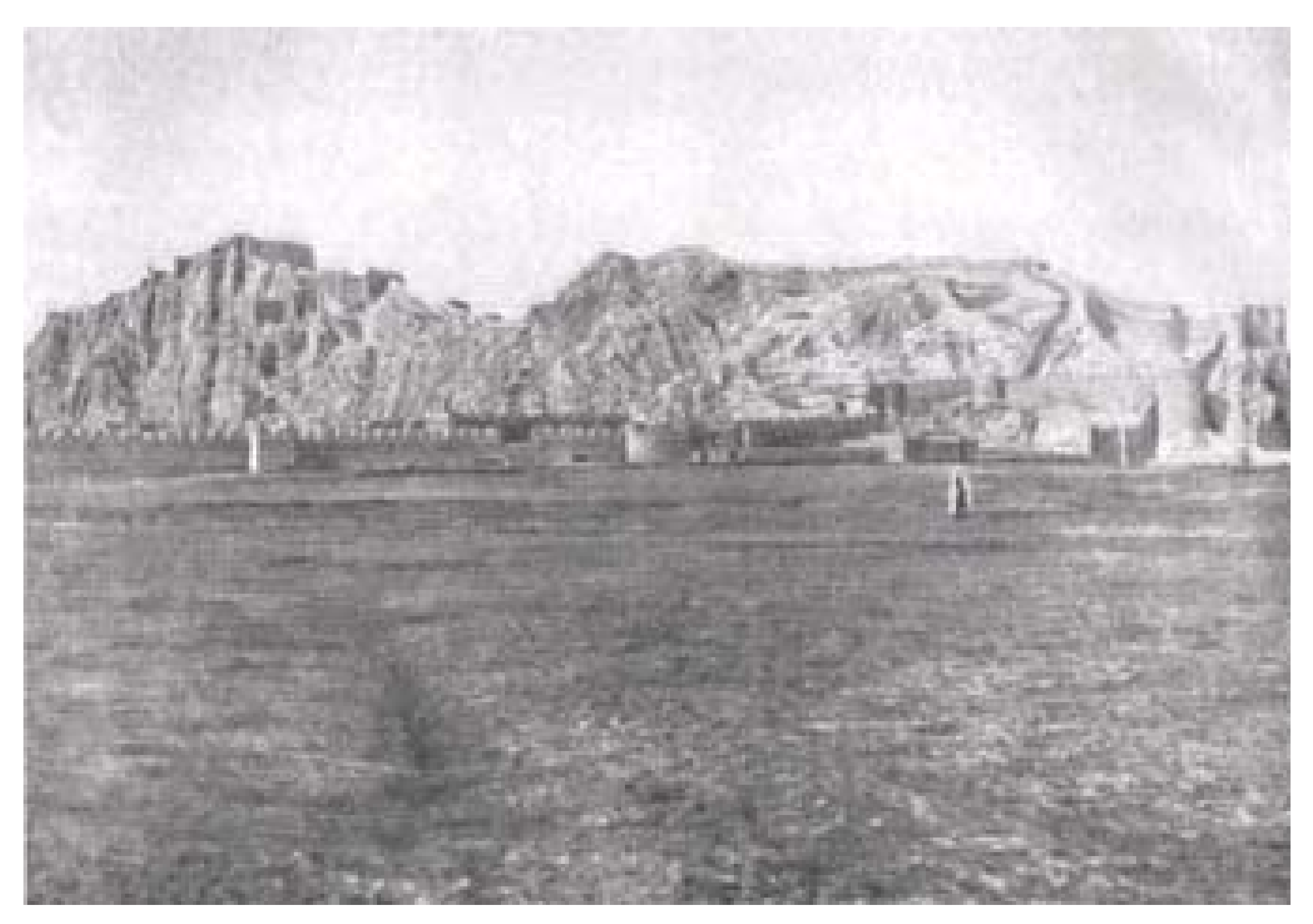
Укрепление Урартского государства продолжалось в единоличное правление Менуа, начавшееся незадолго до 800 г. до н. э. Вскоре после этой даты ассирийцы потеряли свои верхнеевфратские провинции, и вся верхняя часть долины Евфрата перешла в руки Урарту. Это, естественно, пело к столкновению Урарту с царством Диауэхи, тесно связанным с верхнеевфратским районом. Царь Диауэхи вынужден был уплатить Менуа богатую дань, включавшую золото и серебро. Следует заметить, что дань металлом урарты получали почти исключительно из областей, расположенных по верхнеевфратскому пути и его продолжению в долине реки Чороха; этим путем металлы, в частности серебро и железо, достигали и Черноморского побережья, где их, возможно, приобретали греческие колонисты, начавшие оседать в Синопе, Трапезунте и т. д. уже в VIII в., а более прочно — с VII в. до н. э.

Значительно укрепились урарты в царствование Менуа также в долине Аракса. Здесь, на северных склонах горы Арарат, была построена крепость Менуахинили, которая должна была явиться исходным пунктом для дальнейших походов в Закавказье.

Но наиболее важной частью деятельности Менуа было строительство. За время его правления было сооружено по всей стране множество оросительных каналов, в том числе так называемый «канал Шамирам», до сих пор снабжающий водой город Ван. Много было возведено и оборонительных сооружений. Большой размах строительства стал возможен в связи с избытком рабочей силы, возникшим в результате пригона рабов, захваченных в многочисленных урартских походах.

Период наивысшего могущества Урарту

Около 780 г. до н. э. на престол вступает сын Менуа — Аргишти I, при котором Урарту достигает наивысшего могущества. От его правления дошла одна из крупнейших древневосточных надписей — огромная «Хорхорская летопись», высеченная на отвесных склонах Ванской скалы. Из этой летописи видно, что в начале своего

Ванская скала.
Стены крепости в нижней её части сохраняют урартскую кладку.

правления Аргишти повторил поход Менуа на Диауэхи, обратив эту страну, по крайней мере частично, в урартское наместничество. Затем, пройдя по южной периферии Колхиды (в урартских надписях — Кулха), он продвинулся в район Чилдырского озера и верховьев Куры, а оттуда, минуя гору Арагац, вернулся через долину Аракса. Несколько позже Аргишти создал новый административный центр для Закавказья (уже на левом берегу Аракса) — Аргиштихинили (современный Армавир). Укрепив таким образом свои позиции на северо-западе, Аргишти в следующем году двинулся в Малую Азию, где занял город Мелид (современная Малатия) и, вероятно, завязал связи с городами Северной Сирии. В 774 г. между урартами и ассирийцами произошло столкновение далеко на юго-востоке, в долине реки Диялы, уже на вавилонской по существу территории. Таким образом, урарты всё более охватывают Ассирию с флангов. В дальнейшем Аргишти совершил ряд походов в Закавказье, в приурмийский район и на окраинные ассирийские провинции.

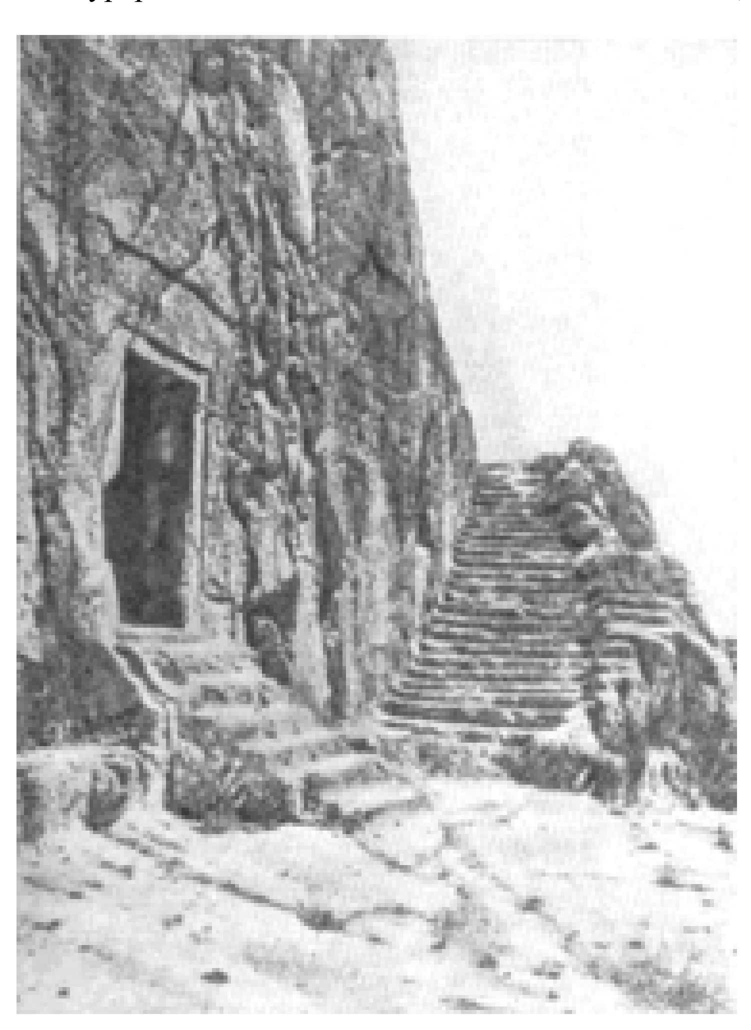
Количество пленных, приводившихся Аргишти из походов и, вероятно, в большинстве затем обращавшихся в рабство, было велико: так, за один только год он захватил почти 20 тыс. человек. Такое количество рабов для сравнительно слабо развитого рабовладельческого производства Урарту было излишним, поэтому некоторую часть пленных убивали на поле боя. Некоторая часть мужчин, быть может, принималась в урартское войско. Например, Аргишти I переселил 6600 пленных

с Арацани и из Малой Азии, — вероятно, для постройки оборонительных сооружений, а может быть, и в качестве гарнизона — в основанную им крепость Эрбу или Эребу (ныне Аринберд около города Еревана). Остальные пленные пригонялись в Биаинили — центральную часть государства. Наряду с рабами урартские цари захватывали в походах множество скота.

Общественные отношения

О социальном устройстве Урартского царства у нас пока имеется мало данных. Всё же ясно, что в нём сильны были родоплеменные пережитки; власть принадлежала представителям царского рода, а также военной и служилой знати, по происхождению восходившей, быть может, к местным знатным родам различных урартских племён. Значение знати сказывалось, между прочим, в той крупной роли, которую в войске играли «аристократические» роды оружия — колесницы и конница. Знатные урарты обладали большими земельными владениями, в их же руки попадала, вероятно, и значительная часть рабов. Ещё более крупные угодья и в особенности огромные стада скота принадлежали храмам.

Основную часть взрослого населения составляли, видимо, рядовые свободные воины, имевшие землю, находившуюся в индивидуальном владении или, может быть, во владении больших семей, — по всей вероятности в пределах сельской общины. Воины имели и рабов. По-видимому, часть рабов находилась и в общинной собственности: некоторые урартские источники указывают на то, что пленные рабы раздавались не только воинам, но и «странам», т. е. целым племенам или общинам. Цари были, вероятно, верховными собственниками значительной части земли, на которой сидели рядовые свободные, — в частности собственниками многочисленных, впервые в это время освоенных или ранее разорённых, не орошавшихся земель.

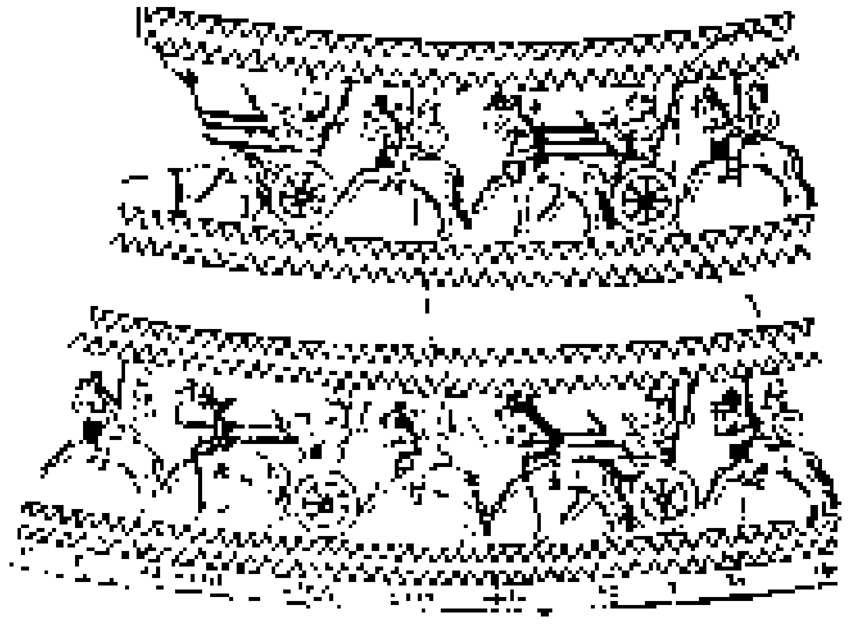
Гробница урартского царя Аргишти I, высеченная в Ванской скале.
VIII в. до н. э.

Однако у нас нет данных о том, что в Урарту существовало крупное царское земледельческое хозяйство, как, например, в древнем Шумере. Принадлежавшие царскому хозяйству поля были сравнительно невелики, и продукты полеводства поступали царям главным образом в виде налогов от населения. Многочисленные царские рабы, вероятно, использовались на строительстве, а также в садоводстве и в крупных царских мастерских, где перерабатывались продукты, поступавшие в виде налогов, изготовлялось вооружение для войска и т. д. В разбросанных по стране царских крепостях сосредоточивались гарнизоны и другие войска наместни-

ков. Здесь же находились склады фуража и хлеба для войска, винные кладовые, а также мастерские.

О повседневной жизни населения Урартского государства дают представление жилища, раскопанные в городе Тейшебаини (ныне городище Кармир-Блур, на территории Советской Армении около города Еревана). По-видимому, в них жили люди, работавшие в мастерских цитадели, служившие в составе гарнизона и на низших должностях в администрации.

Дома были, по-видимому, построены сразу целыми кварталами, одновременно с основанием урартской крепости. Каждая семья обитала в жилище, имевшем неправильную форму, состоявшем из двух-трех помещений, из которых одно только до половины было крыто кровлей, покоившейся на столбах. Другая половина служила как бы двориком. Здесь же находился врытый в землю очаг. Жители этих домов не имели своих постоянных хранилищ для продуктовых запасов, не держали при доме скота. Как полагают некоторые исследователи, они получали регулярное пищевое довольствие от администрации крепости.

Урартские воины.
Изображение на шлеме Аргишти I. VIII в. до н. э.

Как и в других странах древнего Востока, в урартском доме почти не было мебели; главную утварь составляли глиняные сосуды. В них варили пищу, хранили зерно, мелкие вещи. Из кости и дерева изготовляли коробочки, ложки, совки. Пища населения изготовлялась главным образом из ячменя, проса, бобовых растений, кунжутного масла; хорошо знаком был виноград и изюм, в большом количестве изготовлялись вино и пиво. Известны некоторые орудия труда урартского земледельца — железные серпы, грубые зернотёрки из двух камней, заменявших жернова, ступки-крупорушки и т. п.

О жизни и быте сельского населения Армянского нагорья можно судить по позднейшим сведениям (около 400 г. до н. э.), сохраненным греческим писателем Ксенофонтом. В его время деревни состояли из групп полуподземных землянок, где верхнее отверстие служило и входом в помещение, и световым окном, и дымоходом. Как жил урартский раб, мы пока не можем судить, но надо полагать, что быт его был ещё более жалок, чем быт свободных земледельцев, и единственной ценностью, остававшейся у него, была его жизнь, сохранённая для тяжёлого труда, в то время как его соплеменники были истреблены победоносными урартскими войсками.

Хотя войны велись урартами с обычной для того времени жестокостью и их походы приводили к массовому угону населения и разорению территории, тем не менее последствия урартских завоеваний были иными, чем последствия одновременных с ними ассирийских завоеваний. В отличие от Ассирии Урарту не могло обеспечить возрастающие потребности своей державы в сельскохозяйственных продуктах; поэтому урарты уделяли особое внимание развитию сельскохозяйственного производства путём освоения пустующих и опустошённых земель и расширения ирригации.

СТАТУЭТКА КРЫЛАТОГО ЛЬВА С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ТОРСОМ
Деталь урартского трона. Бронза с инкрустацией камней; в древности была покрыта золотым листом. Из Русахинили (современный Топрак-Кале, около Вана). VII в. до н. э.

Урартское войско VIII в. было, по-видимому, по своей структуре и вооружению (пластинчатые панцири, остроконечные бронзовые шлемы, большие круглые щиты и т. п.) сходно с ассирийским.

Урартское рабовладельческое общество не было в этническом отношении однородным. Оно включало не только урартов в узком смысле слова — биаинов, жителей района у озера Ван. Как общество в целом, так и урартское войско были разноплеменными и разноязычными. Со временем борьба не только между различными его социальными слоями, но, как полагают, и этническими составными частями должна была обостриться. Значение этой борьбы для судеб государства Урарту сказалось позднее. Но в рассматриваемый нами период внутренние противоречия пока ещё не назрели.

Завоевательные походы Сардури II

В начале правления нового урартского царя, Сардури II, вступившего на престол около 760 г. до н. э., благоприятная для урартов обстановка в целом сохраняется. Однако Сардури пришлось неоднократно воевать в стране манеев, к юго-западу от озера Урмия, и ещё далее к югу, вплоть до долины реки Диялы, причём урарты встречались здесь со всё более ожесточённым сопротивлением. К концу правления Сардури царству Мана и другим областям этой окраины удалось окончательно добиться независимости.

Целый ряд походов Сардури был направлен в Закавказье. К сожалению, ввиду того, что большая стела (каменный столб) в нише Ванской скалы с надписью, содержавшей анналы Сардури II, сохранилась не полностью, нам не совсем ясна последовательность его походов.

Число пригоняемых пленных всё более увеличивается; так, за один год из трёх походов Сардури II на Ману, в Закавказье и западные области им было приведено 12735 юношей и 46600 женщин.

Наиболее важным направлением походов государства Урарту было юго-западное. Сардури II дважды совершает поход в Кумаху (Коммагену), откуда открывался путь в Сирию. Он подвергает Кумаху разгрому, подчиняет её и вступает в сношения с Северной Сирией (городом Арпадом). При помощи союзов влияние Урарту распространилось до самого Дамаска, и сирийцы выступали вместе с урартами против угрожавшей всем им Ассирии.

Сардури II удалось также подчинить страну Арме, возможно, тождественную с Шубрией, на южных склонах Армянского Тавра.

Войны с Ассирией

К 745 г. до н. э. решительная схватка между Урарту и Ассирией стала неизбежной. Ассирийские источники отмечают ряд столкновений с Урарту в течение 781—778 гг., а также в 766 г. Этим не исчерпывается число таких столкновений. Окраинные области, подчиненные Ассирии, то там, то здесь постепенно переходят под власть Урарту. Если ассирийцы до сих пор вынуждены были мириться со всё возрастающей мощью Урартского государства, то это объясняется тяжёлым внутренним положением Ассирии, потрясаемой с конца IX в. внутренними смутами.

В 745 г. до н. э. в Ассирии начинается правление нового царя — Тиглатпаласара III, с воцарением которого период смут и междоусобиц прекращается и начинается новый период усиления Ассирийской державы. Тиглатпаласар III провёл в своём государстве ряд существенных реформ. При этом он, по-видимому, использовал важнейшие достижения урартской государственной практики.

Тиглатпаласару удалось значительно усилить боеспособность ассирийского войска. По-видимому, уже в 743 г. Тиглатпаласар вторгся в Коммагену, чтобы разделить силы Сардури и сирийцев. В битве при Киштане и Халпе ему удалось нанести союзникам поражение: Сардури был вынужден бежать за Евфрат, оставив в руках ассирийцев весь свой лагерь. После этого Тиглатпаласар вернул Ассирии часть провинций к северу от верховьев Тигра и в течение 745—738 гг. подчинил Арпад. Но,

по-видимому, только в 735 г. ему удалось вторгнуться вглубь Урарту и даже осадить Тушпу. Однако взять цитадель Тушпы на Ванской скале он не смог [1].

Сардури II умер в конце 30-х годов VIII в., и на престол Урарту взошёл Руса I. Это было трудное для государства время. Центробежные силы Урартского государства, сдерживаемые до сих пор силой оружия урартских царей, получили теперь простор для действия. Местные царьки и даже наместники из высшей урартской знати отлагались от царя Урарту. Об обстоятельствах начала царствования Русы мы знаем главным образом из надписи, составленной на аккадском и урартском языках, которая была воздвигнута Русой возле Мусасира, и из сохранившихся донесений ассирийских шпионов в Урарту.

По сообщению одного ассирийского источника, Руса воздвиг впоследствии в мусасирском храме статую, изображавшую его на колеснице, с надписью: «С моими двумя конями и одним колесничим рука моя овладела царской властью Урарту». Хотя в этих словах содержится похвальба, но всё же они более или менее верно передают историческую обстановку: положение Русы вначале было весьма тяжёлым. Ему, однако, удалось справиться с восстанием наместников и вновь подчинить своей власти маленькое, но важное в религиозно-политическом и стратегическом отношении царство Мусасир. Как полагают, Руса реформировал и разукрупнил наместничества. Были созданы новые крепости — административные центры, в том числе в Закавказье, на берегу Севанского озера. Но едва Русе удалось вновь собрать воедино Урартское государство, как он столкнулся с серьёзной внешней опасностью — вторжением киммерийцев.

Столкновения с киммерийцами и скифами

Киммерийцы были одним из кочевых или полукочевых племён (или группой племён) Северного Причерноморья, которые в течение VIII в. до н. э. просачивались в Закавказье и Малую Азию. По данным ассирийских шпионов, страна, в которой в это время находились киммерийцы, была расположена рядом с Гурианией (Куриани), одной из западных или центральных закавказских областей. Поход Русы на страну киммерийцев окончился для него поражением. Киммерийцы прорвались на урартскую территорию, всё опустошая и разрушая. В своём натиске на Урарту они, вероятно, объединились со стремившимися к освобождению окраинными племенами, а может быть, и с рабами. Киммерийцы представляли, таким образом, серьёзную угрозу самому существованию рабовладельческого Урартского государства. Однако киммерийцы, как и прорвавшиеся позже через территорию современного Азербайджана скифы, не умели брать крепостей, а крепости являлись костяком Урартского государства. Киммерийцы ограничивались только набегами на урартскую территорию. Позже бывали случаи, когда они даже поступали на службу к Урарту или к Ассирии, образуя наёмные войска.

Поход Саргона II в Урарту в 714 г. до н. э.

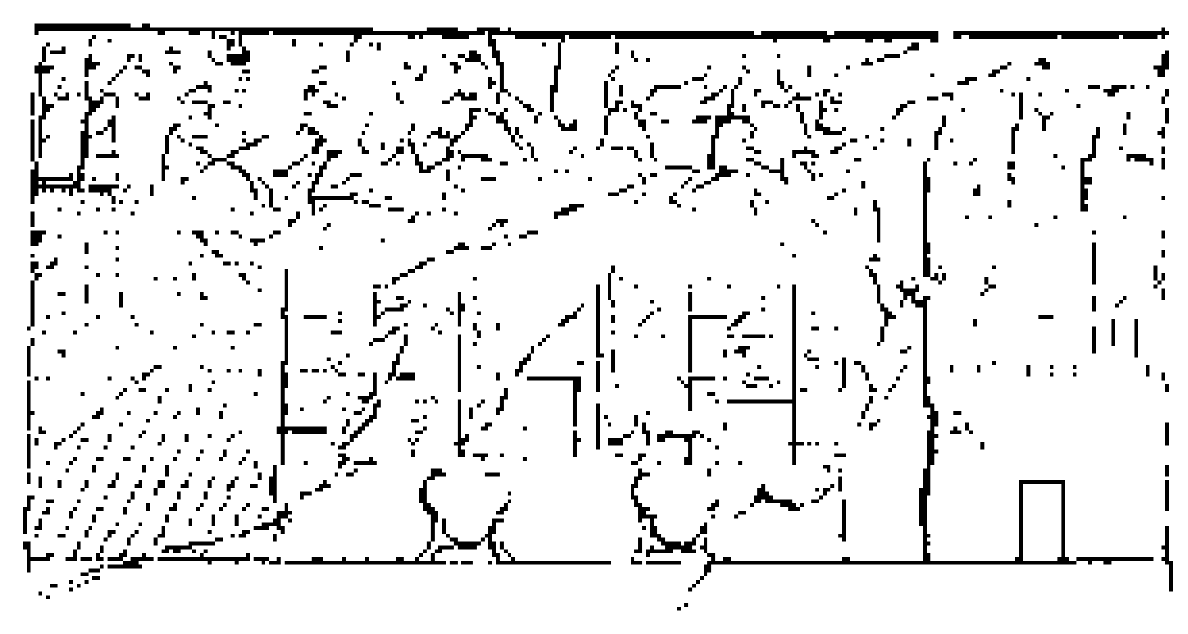
Русе I удалось благополучно вывести Урартское государство из этого серьёзного кризиса. Но по мере роста сил Урарту назревала неизбежность нового столкновения с Ассирией. По-видимому, готовясь к этому, Руса завязывает сношения с Фригией и с мелкими царствами, расположенными в горах Тавра на западе. На востоке он поддерживает антиассирийские группировки в Мане — стране, превратившейся тем временем в сильное и независимое государство, охватившее почти всю территорию нынешнего Южного Азербайджана, — и в соседних мидийских и других племенах и царствах. Новый царь Ассирии, Саргон II, только непрерывными походами мог поддерживать своё влияние в этих областях. В 714 г. Саргон отправился в карательный поход в области к востоку от озера Урмия. Руса решил, что настал подходящий момент для нанесения решительного поражения

[1] По другому толкованию текста, Сардури был разбит Тиглатпаласаром в 743 г. под Арпадом, а сражение под Киштаном и Халпой произошло в начале кампании 735 г. до н. э.

Ассирии, и двинулся во главе своих войск с целью зайти Саргону в тыл. Но во-время предупреждённый своими агентами Саргон вышел ему навстречу. В битве на горе Уауш (Вуши, ныне Сахенд у озера Урмия) Саргон II разбил наголову войско Русы. Руса бежал в Тушпу и, не выдержав этой новой обрушившейся на него неудачи, покончил жизнь самоубийством (713 г. до н. э.).

Что касается Саргона, то он прошёл по Урарту, подвергая всё разрушению на своём пути, сжигая поселения, снося крепости, уничтожая каналы, сады и посевы, захватывая или сжигая запасы продуктов. Дошедшая до нас подробная реляция об этом походе, составленная придворным ассирийским историографом в виде письма к богу, является наиболее полным источником о внутренней жизни Урарту.

Царь Хубушкии (страны Наири) заблаговременно вышел встречать победителя с дарами, но Урзана, царь страны Мусасир, этого не сделал. Саргон с небольшим от-

Разграбление ассирийскими воинами храма в Мусасире.
Рельеф из дворца ассирийского царя Саргона II в Дур-Шаррукине (ныне Хорсабад). VIII в. до н. э.

рядом внезапно перевалил через горный хребет и застал Урзану врасплох. Тот бежал, а его дворец и храм бога Халди были разграблены ассирийцами. Храм этот, хотя и находился вне собственно урартской территории, был главным святилищем урартских племён; здесь происходили церемонии коронования урартских царей. Естественно, что храм был хранилищем несметных сокровищ. До нас дошла подробная опись захваченных здесь Саргоном вещей. Эта опись свидетельствует о высоком уровне развития урартского ремесла.

Поражение 714 г. и происшедшее в течение двух последних десятилетий VIII в. до н. э. полное подчинение Ассирией Сирии и прилегающих частей Малой Азии заставили последующих урартских царей в корне изменить свою внешнюю политику. Они уже не решаются соперничать с Ассирией на юго-западе и юго-востоке, а устремляют свои силы главным образом на север — в Закавказье и на запад — в Малую Азию.

Урарту при Русе II

Новый период усиления Урартского государства начинается при Русе II, вступившем на престол в 690-х или 680-х годах до н. э. Руса II вёл большое строительство как в столице, так и в особенности в Закавказье. Ко времени Русы II относится построение большого канала, отводившего воду от реки Занги и орошавшего Айраратскую долину. Здесь был построен новый административный центр —Тейшебаини, куда стекалась богатая дань с окружаю-

щих местностей. На крутом берегу реки возвышалась цитадель, где находились административные строения. У стен цитадели лежал правильно распланированный город. В Тейшебаини найдены огромные запасы различных видов зерна, склады бронзовых изделий, маслобойная мастерская, орудия труда, оружие, остатки росписи стен и другие памятники, дающие яркое представление о культуре, искусстве и быте урартов. Примечательны многочисленные культурные связи, установившиеся между населением Урарту и скифами, как жившими в то время в Восточном Закавказье и других местах Передней Азии, так и обитавшими в степях Северного Причерноморья. В придворном урартском искусстве VIII—VII вв. до н. э. заметно большое сходство с чертами ассирийского искусства. По-видимому, культура урартской знати этого времени в значительной мере подвергалась ассирийскому влиянию.

Согласно одной из надписей Русы II, он совершил поход в юго-восточную часть Малой Азии, во Фригию и против Халиту — так, повидимому, у урартов называлась область горного народа халдайцев (халибов Понтийских гор, считавшихся у греков древнейшими поставщиками железных изделий; не смешивать с халдеями Вавилонии). Киммерийцы выступали на этот раз, видимо, в союзе с Урарту. Как полагают, об этом походе киммерийцев и идёт речь в греческих источниках, сообщающих о гибели фригийского царя Мидаса и разрушении Фригийского царства. С этого времени в Малой Азии усилилась роль Лидии.

Хотя между Урарту и Ассирией при Русе II иной раз бывали пограничные стычки, а намерения Русы и киммерийцев иногда вызывали недоверие в Ассирии, но в общем между обоими государствами сохранялись мирные отношения. Когда в 673 г. до н. э. ассирийский царь Асархаддон разгромил маленькое горное царство Шубрию, где укрывались беглые рабы и земледельцы, он выдал обнаруженных им урартских беглецов Русе. Со своей стороны Руса около 654 г. послал посольство к ассирийскому царю Ашшурбанапалу для того, повидимому, чтобы успокоить опасения последнего, ожидавшего выступлений против Ассирии со стороны Урарту, киммерийцев и скифов. Нейтральность этих сил имела важное значение для победы Ашшурбанапала в последовавшей в ближайшие годы войне с Вавилонией и ее многочисленными союзниками.

В 640-х годах до н. э. царём Урарту становится Сардури III.

Упадок и гибель Урарту

Мы не имеем почти никаких известий о его правлении, но, несомненно, оно было весьма тревожным. Скифы, разгромившие к этому времени киммерийцев, вместе с угнетенным населением окраин Урартского царства стали, по всей вероятности, серьезной силой, угрожавшей существованию государства Урарту. По крайней мере Сардури III в начале 30-х годов VII в. до н. э. в письме к ассирийскому царю Ашшурбанапалу впервые в истории Урарту признаёт себя уже не «братом» ассирийского царя, т. е. царём равной по значению державы, а «сыном». Он признаёт, таким образом, хотя и формально, главенство Ассирии. Новые враги — Мидия, скифы — угрожали старым государствам древнего Востока, а внутренние социальные противоречия ослабляли эти государства. Вот почему Урарту, как и соседняя Мана, стремится теперь опереться на казавшуюся непоколебимой мощь Ассирии.

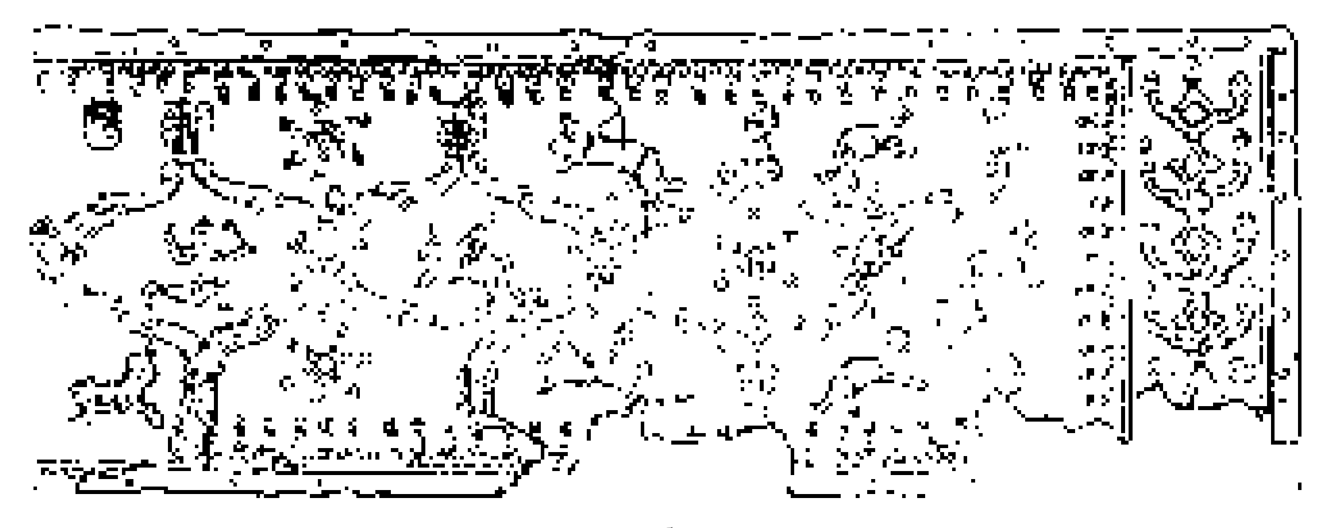
Дальнейшие события истории Урарту нам неизвестны; мы знаем лишь имя ещё одного урартского царя — Русы III, сына Эримены. Государство Урарту, как и Мана, было втянуто в водоворот событий, которые принесли гибель Ассирии. В 610 или 609 г. мидийские войска в ходе войны, имевшей целью уничтожение Ассирийской державы, по-видимому, заняли Тушпу. Однако, судя по древнееврейским данным, в 90-х годах VI в. до н. э. Урарту, Мана и Скифское царство (в Азербайджане) продолжали ещё существовать, правда, в качестве зависимых от Мидии царств. К 590 г., когда началась война в Малой Азии между Мидией и Лидией, остатки урартской независимости, вероятно, уже были ликвидированы.

Приблизительно к этому времени относится и разрушение Тейшебаини (Кармир-Блура) в Закавказье. Перед занятием её врагами цитадель находилась, по-видимому, бесконтрольно в руках населения города — центральная урартская власть, очевидно, перестала уже существовать. Цитадель была взята, сожжена и разграблена войсками, вооружёнными стрелами скифского типа, — может быть, скифами на мидийской службе или самими мидянами, имевшими сходное со скифами вооружение.

Культура урартов. Религия

Имеющийся в нашем распоряжении материал, к сожалению, не даёт возможности судить о литературе, науке и других областях культуры Урарту. Однако мы можем сказать, что, например, стиль урартских царских надписей повлиял — вероятно, через Мидию — на стиль надписей персидских царей. Персидская слоговая клинопись, происхождение которой остаётся неясным, быть может, тоже восходит, через Мидию и Ману, к урартской клинописной скорописи.

Памятники материальной культуры Урарту говорят о высоком развитии ремесла, особенно металлообрабатывающего. Великолепные художественные изделия из

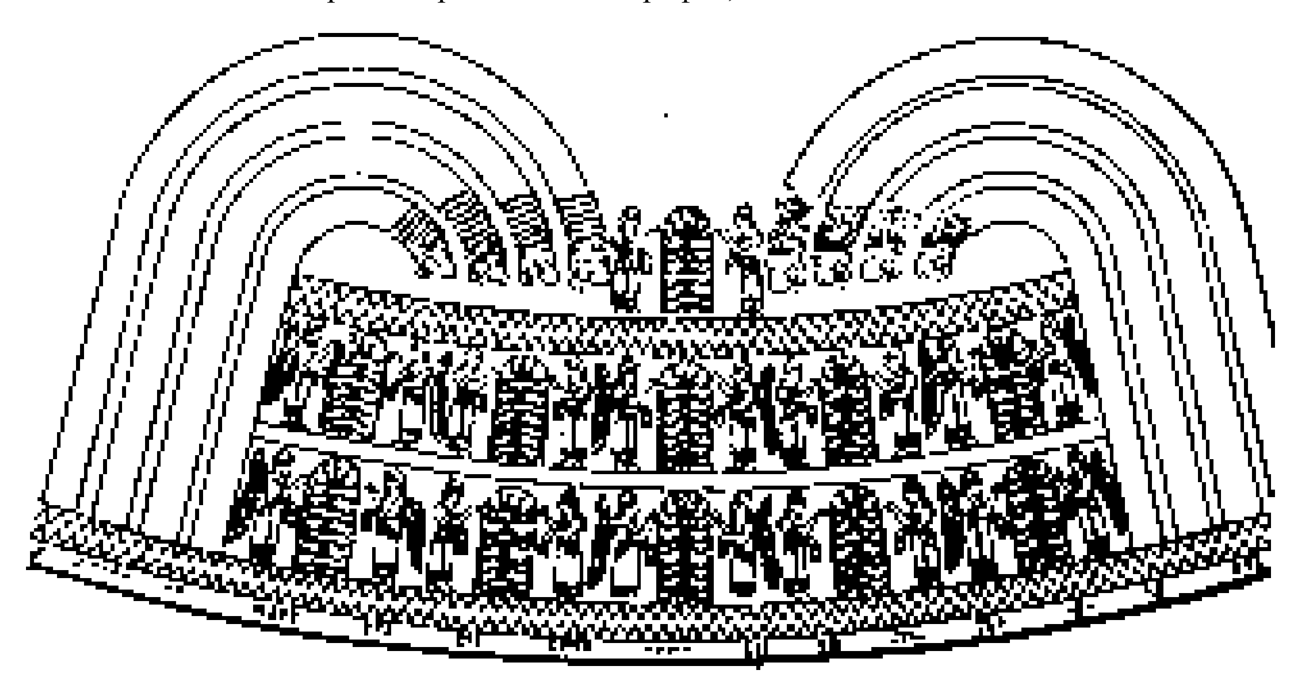
Часть урартского бронзового пояса.
VII в. до н. э.

бронзы (фигурная мебель, статуэтки, художественное оружие и т. п.), выполненные по восковой модели, с резьбой и чеканкой, покрытые кованым золотым листом, резьба по красному мрамору (облицовка стен дворца в Русахинили, около Тушпы), многочисленные росписи в Эребу (Аринберде) и Тейшебаини — все эти памятники ясно говорят о ремесле уже специализированном и обладавшем длительной традицией мастерства. Урартская ремесленная техника имела большое значение для развития закавказского и скифского ремесла.

В урартской религии большое место занимали культы божеств гор, вод и различных явлений природы, в особенности бога неба Халди и его супруги Уарубани, бога грома и дождя Тейшебы (хеттско-хурритский Тешуб), бога Солнца Шивини и др. В Мусасире богу Халди был посвящён храм, несколько напоминающий греческий — с коньковой крышей, фронтоном и портиком-колоннадой. Этот храм известен нам по ассирийскому изображению. Наиболее частым типом святилища были так называемые «ворота бога», судя по некоторым данным, — ниши в скалах, где, по верованиям урартов, обитали божества. Многие обряды совершались, по-видимому, под открытым небом и сопровождались обильнейшими жертвоприношениями скота.

Культы урартских божеств в пору создания державы были сведены в известную систему: главное место занимали божества, считавшиеся покровителями царской власти и важнейших центров государства. Походы урартских царей в надписях

выдавались за походы самого верховного бога Халди. Религиозный центр Урарту — храм главного бога Халди — лежал, как уже указывалось, за пределами собственно Урартского государства, в Мусасире. Урартские цари дарили в большом количестве рабов и особенно скот из своей военной добычи как этому храму, так и храмам и святилищам Тушпы и других важных поселений. В храмы дарились также трофеи, изде-

Изображение священных деревьев и божеств на шлеме царя Аргишти I.
VIII в. до н. э.

лия ремесла, статуи царей и их родичей. Святилища были очень богаты, и жречество, вероятно, имело в государстве большой вес и значение.

Историческое значение Урарту

Урартское государство сыграло большую роль в формировании народностей Закавказья и Армянского нагорья и их государств. Само царство Урарту было объединением, включавшим разнородное в этническом отношении население, которое не успело ещё превратиться в народности и в значительной степени сохраняло племенную структуру. Греческий писатель Геродот знал на этой территории для V в. до н. э. четыре этнические группы: саспейров (соответствующих картвельским племенам), матиенов (по-видимому, соответствующих хурритам), алародиев (урартов) и армениев (армян). В связи с образованием классового общества и государства на периферии бывшей Урартской державы шло сложение народностей; мелкие племенные группы, говорившие на разнообразных племенных языках, особенно на архаических хурритских диалектах, вливаются в более крупные этнические единицы. Процесс создания народностей происходит главным образом вокруг двух центров — грузинского на северо-западе и армянского на юго-западе и в центре. Таким образом, конец истории Урарту является одновременно началом истории грузинского и армянского народов.

2. Племена Закавказья в период гегемонии Урарту

Возникновение и развитие рабовладельческого общества на территории Армянского нагорья оказали влияние на жившие к северу от него племена Закавказья. Здесь процесс разложения первобытно-общинного строя идёт в это время особенно

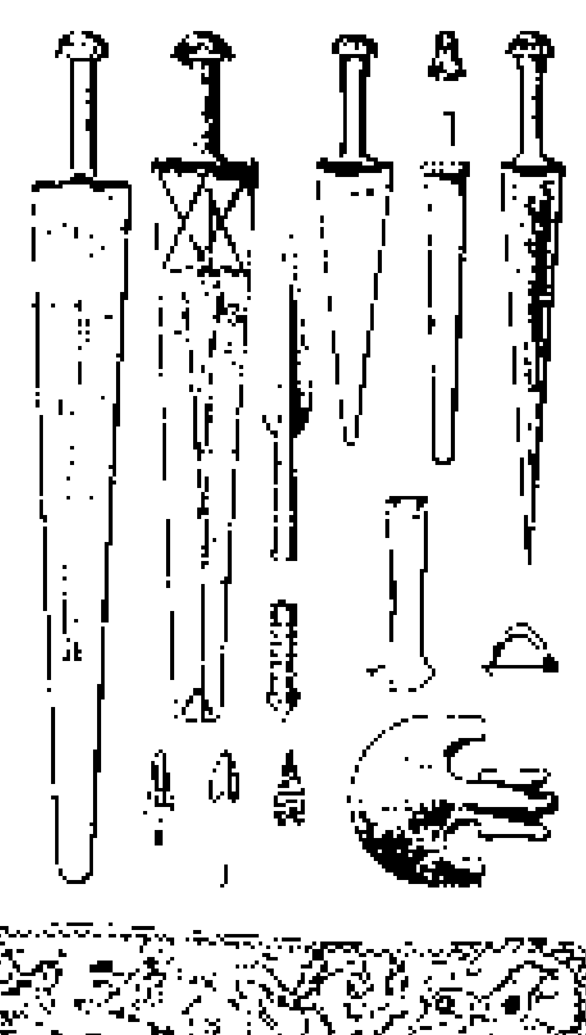
быстрым темпом. Непосредственное соприкосновение с рабовладельческими государствами Востока ведёт к ускорению формирования здесь классового общества.

Племена Закавказья в начале I тысячелетия до н. э.

Клинообразные надписи урартских царей вместе с археологическими памятниками дают возможность представить жизнь племён Закавказья в это время. В Закавказье урарты застали отличное от них по культуре, а в известной мере и по языку население, находившееся уже на довольно высокой ступени развития.

В это время Северный Кавказ, часть Черноморского побережья и, вероятно, Восточное Закавказье были, по-видимому, заселены племенами, говорившими на языках абхазо-черкесской и северо-восточной (дагестанской) групп кавказских языков. Восточная часть Южного Причерноморья и, вероятно, часть внутренних районов Западного Закавказья были уже тогда заселены племенами, говорившими на языках картвельской группы. В Западном и Центральном Закавказье были распространены также племена, близкие по языку к хуррито-урартам. Лишь к концу периода, а частично даже позже начинается проникновение на территорию Кавказа индоевропейских элементов как с севера (киммерийцы, скифы), так и с юга (армяне, мидяне).

Закавказские племена в то время занимались земледелием и скотоводством. Об этом говорят сельскохозяйственные орудия (зернотёрки, серпы, вилы), найденные при раскопках поселений и в могилах, а также скелеты домашних животных, положенных вместе с покойником. Многочисленные сообщения урартских царей говорят об угоне больших количеств скота с территории Закавказья. Из ремёсел, развивавшихся в этот период на территории Закавказья, особенно высоко стояла бронзовая металлургия; данные археологических раскопок показывают, что на территории Закавказья существовали различные типы секир, мечей, кинжалов, наконечников стрел и копий, а также других видов оружия. Но железо в Закавказье ещё не было распространено. По своему общественному строю население Закавказья находилось на стадии разложения первобытно-общинного строя. Оно делилось на племена, которые жили самостоятельной жизнью и обладали каждое своей территорией, обычно очень небольшой. Урартские цари в своих надписях упоминают десятки «царей», через земли которых им приходилось проходить. Разумеется, эти «цари» были не более как племенными вождями.

Оружие и другие изделия из Закавказья. Внизу — бронзовый пояс (?) с изображением охоты. Начало I тысячелетия до н. э.

В религиозных представлениях племён Закавказья в этот период фантастически отражаются крупнейшие общественные и хозяйственные сдвиги в их жизни; наряду с представлениями, восходящими к примитивной охотничьей магии и тотемизму, развиваются культы неба и солнца, а также почитание домашних животных, например быка, переплетающееся с астральными представлениями. Всё это, разумеется, было связано с развитием земледелия и скотоводства, с разложением первобытно-общинного строя.

Урартское завоевание. Начало железного века в Закавказье

Урартские походы сопровождались громадными опустошениями, систематическим угоном скота и порабощением населения. О походе в страну Эриахи, у подножия горы Арагац, Сардури II сообщает в одной летописи: «6436 юношей я увёл, 15553 женщины угнал, всего 21989 человек, некоторых убил, некоторых живыми увёл. 1613 коней, 115 верблюдов, 16529 голов крупного рогатого скота я угнал, 37685 овец я угнал». Наряду с военным грабежом страна подвергалась и систематической эксплуатации. На территории Закавказья урарты строили крепости, которые служили не только административными центрами и опорными пунктами обороны, но и центрами сбора дани. Одной из наиболее значительных была упоминавшаяся уже ранее крепость Тейшебаини. Здесь, вокруг цитадели, где жил урартский наместник, находился город, в котором обитали ремесленники, возможно насильственно сюда переселённые и перерабатывавшие собираемые в виде дани с земледельческой округи продукты, которые вслед за тем отсылались в Биаинили.

В урартский период в Закавказье начинается быстрое освоение железа. На Кавказ железо проникает на рубеже II и I тысячелетий, а окончательно утверждается здесь во второй четверти I тысячелетия до н. э. Помимо Урарту и, может быть, Ирана третьим очагом металлургии, откуда железо могло проникать на Кавказ, был восток Малой Азии; жившие здесь халибы и обитатели гор Тавра — племена, частично, вероятно, родственные картвельским, а частично — индоевропейским хеттским племенам, — славились в древности как кузнецы железа.

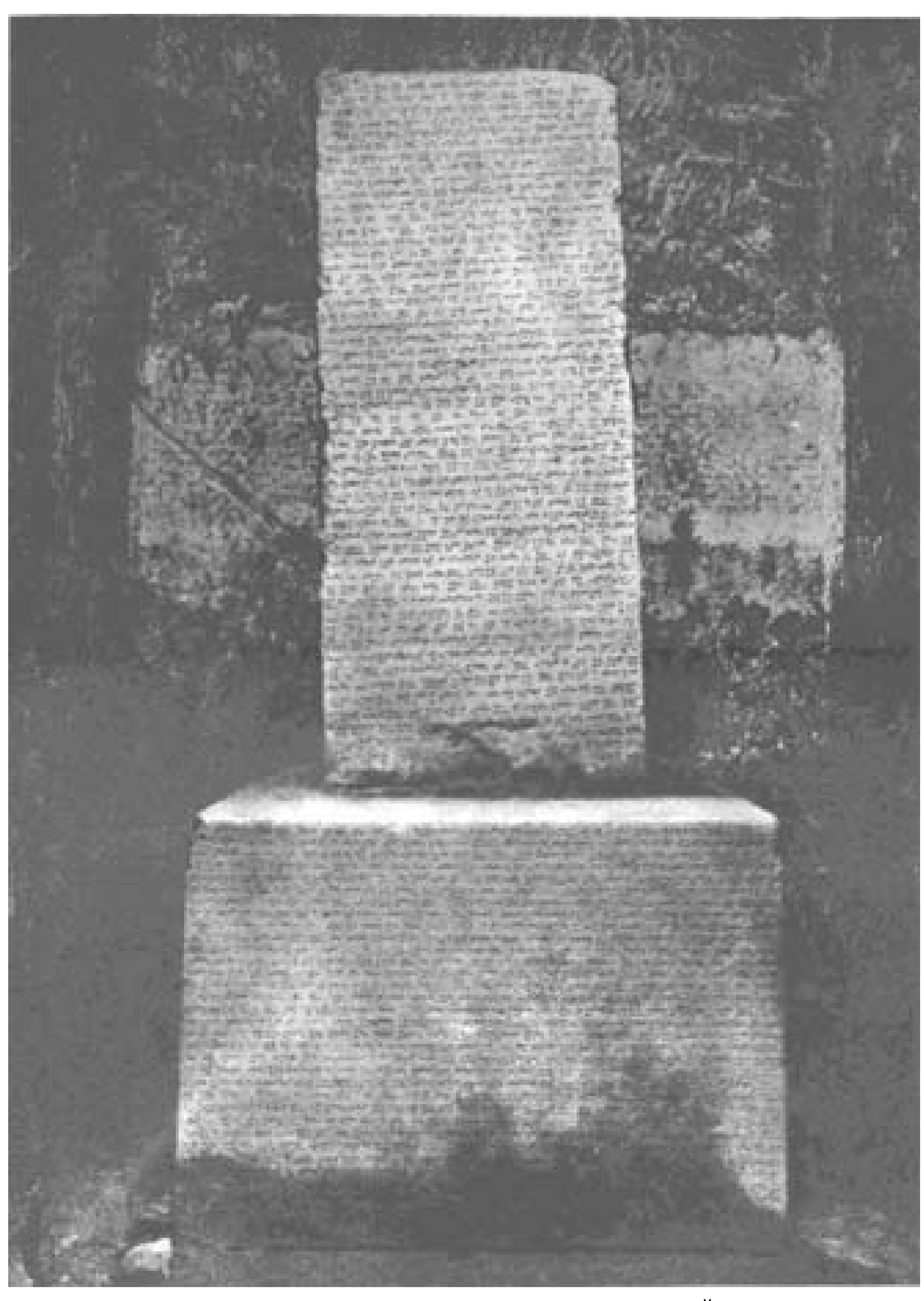
Изготовление из железа сельскохозяйственных орудий в Закавказье, которое началось в период урартского владычества, двинуло вперёд земледелие. Совершенствовалась ирригационная система, разводились сады и виноградники. Всё это не могло не способствовать экономическому прогрессу южных областей Закавказья. В этот период отдельные представители местной знати начинают сосредоточивать в своих руках иногда по несколько десятков рабов. В кургане на берегу Севана мужской скелет, вероятно скелет племенного вождя, окружён 14 другими скелетами, по-видимому, рабов. Подобные захоронения известны и в Азербайджане. Они показывают, что племена Закавказья находились в это время уже на заре рабовладельческого общества.

3. Киммерийцы и скифы

В конце VIII в. на Кавказе происходят значительные перемены. Как уже говорилось, урарты оказываются в это время перед лицом нового врага: племена киммерийцев, а затем и скифов, населявшие степи Восточной Европы, вторгаются в Закавказье, наносят тяжёлые удары Урарту и проникают в Переднюю Азию.

Развитие кочевого хозяйства в степях Восточной Европы и Средней Азии

В начале I тысячелетия до н. э. в связи с развитием земледельческого и скотоводческого хозяйства (в частности, в связи с дальнейшим развитием коневодства) на большой территории от Чёрного моря до степей Средней Азии ускоряется процесс разделения племён на земледельцев и кочевников-скотоводов. В то время как в приречных низменностях (например, в Приднепровье) продолжает развиваться мотыжное земледелие, дающее уже значительное количество продукта, в степных районах с целью расширения возможности

ЛЕТОПИСЬ УРАРТСКОГО ЦАРЯ САРДУРИ II В НИШЕ ВАНСКОЙ СКАЛЫ
VIII в. до н. э.

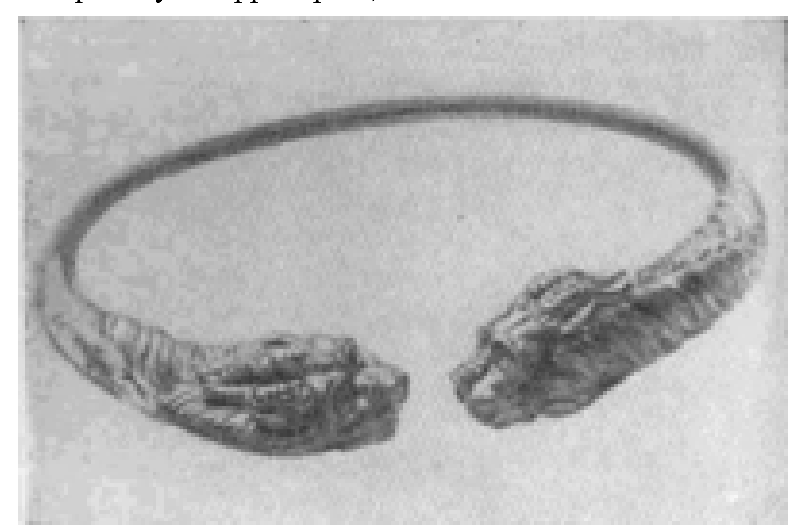

ВИННАЯ КЛАДОВАЯ ЦИТАДЕЛИ УРАРТСКОГО ГОРОДА ТЕЙШЕБАИНИ
VII—VI вв. до н. э.

владельческих государств. Подвергая полнейшему разграблению захваченную территорию, киммерийское войско внушало ужас жителям соседних стран.

Длительные успехи небольшой группы кочевников, проникших в Переднюю Азию, можно объяснить только предположив, что к ним присоединялись некоторые полукочевые скотоводческие племена и ранее уже обитавшие в Закавказье и Малой Азии на периферии больших государств. Кроме того, к ним, вероятно, примыкали также земледельцы и рабы, которые бегством из своей страны спасались от эксплуатации; таких беглецов было немало в эти времена в державах Востока.

В 20-х годах VIII в. до н. э. поражение от киммерийцев потерпел Руса I, царь Урарту. Урартское государство киммерийцы не смогли разрушить, но им удалось стать хозяевами восточной части Малой Азии. Есть предположение, что именно в битве с ними погиб в 705 г. до н. э. ассирийский царь Саргон II. Около 679 г. киммерийцы попытались проникнуть на ассирийскую территорию, но были отбиты. Часть киммерийцев в это время появилась и на территории нынешнего Южного Азербайджана, где приняла участие в восстании мидян против Ассирии. Однако возможно, что в данном случае восточные источники под общим названием киммерийцев понимают скифов, о проникновении которых в Мидию в начале VII в. до н. э. точно известно.

Золотая шейная гривна скифского типа. Найдена около Эрзурума (Малая Азия). VII-VI вв. до н. э.

В начале 70-х годов VII в. вожди основных племён киммерийцев вступили в соглашение с Ассирией и Урарту. В ассирийских памятниках встречается упоминание «начальника киммерийского (очевидно, наёмного) полка». Есть основания предполагать, что киммерийцы выступали и вместе с Урарту в качестве союзников или наёмников.

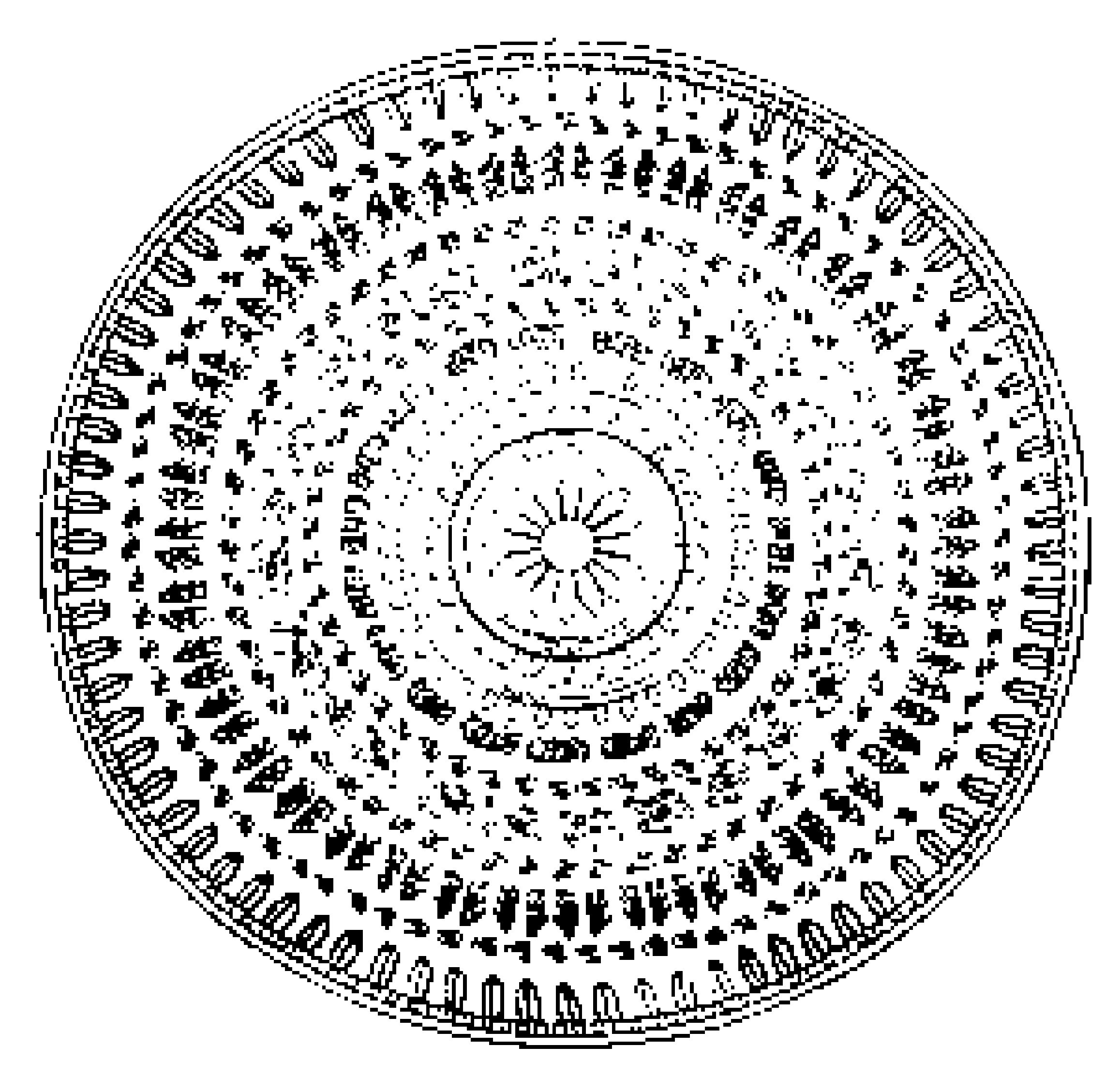
Наиболее тяжело пострадала от киммерийцев Фригия. В первой четверти VII в. до н. э. это государство было разрушено, по-видимому, совместными действиями Урарту и киммерийцев. Центральная часть Малой Азии стала добычей киммерийских племён. В течение первой половины VII в. почти все области Малой Азии подвергаются разрушительным набегам киммерийцев, которые нападают и на столицу Лидии — Сарды и на греческие города побережья Эгейского моря. Угроза для Лидии стала ещё более серьёзной в связи с тем, что киммерийцы, по-видимому, соединились с трерами — скотоводческим фракийским племенем, проникшим с Балкан в Малую Азию через Босфор и Дарданеллы. Треры были поддержаны также горным народом — ликийцами, жившими на юго-западе Малой Азии и сохранившими многие древние порядки, в том числе сильные пережитки матриархата. По-видимому, только после того, как Лидия дважды получила помощь от Ассирии, а киммерийцы были ослаблены столкновениями со скифами, лидийцы одержали победу. Мощь киммерийцев была сломлена. Остатки киммерийцев осели в северовосточной части Малой Азии, где постепенно слились с местным населением.

Скифы в Передней Азии

Через 50—60 лет после вторжения киммерийцев в Переднюю Азию туда вторгается другое кочевое ираноязычное племя или группа племён — скифы. Первоначально это название принадлежало племени, обитавшему к востоку от нижнего течения Волги, а затем проникшему на её западный берег и на Северный Кавказ. Отсюда скифы через совре-

менный Дагестан и Дербентский проход устремились на территорию нынешнего Азербайджана. Здесь они обосновались и, включив, вероятно, в свой состав значительные группы местного скотоводческого населения, совершали походы в различные части Передней Азии.

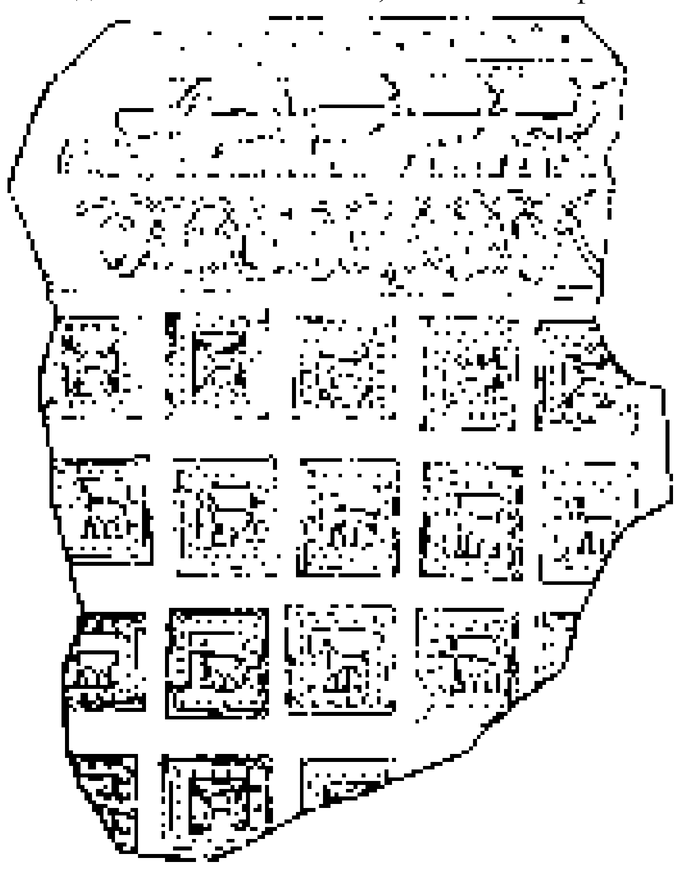
Восточные памятники называют вождей скифов «царями» и их область — «царством». Вероятно, оно было расположено в низменной части междуречья Куры и Аракса, хотя некоторые исследователи склонны считать, что это царство находилось на территории Маны, в районе Урмийского озера.

Серебряная обшивка с изображениями в скифском стиле. VII в. до н. э.
Найдена около Саккыза (Иран). Реконструкция.

Скифы столкнулись с ассирийцами впервые в 70-х годах VII в. до н. э.; в борьбе с ассирийцами погиб скифский вождь Ишпакай. Затем около 673 г. скифы поддержали восстание мидян против ассирийской власти, но в конце концов вождь скифов Партатуа заключил союз с ассирийским царём Асархаддоном, который, по-видимому, выдал за него замуж свою дочь. С этих пор скифы умело используются ассирийцами против своих врагов. В 50-х годах VII в. Мадий, сын Партатуи, возглавил поход скифов в Малую Азию — но всей вероятности, с ведома Ассирии, которую просил тогда о помощи против киммерийцев царь Лидии Ардис. Киммерийцы в это время представляли серьёзную угрозу и для ассирийских границ, — это ясно видели в Ассирии. Столкновение друг с другом двух групп кочевников привело к разгрому киммерийцев. Зато

скифы выросли в большую политическую силу, с которой древневосточные цари не смогли справиться. Так, Мадий добился подчинения скифам новообразованного Мидийского царства в Северном Иране и Южном Азербайджане. Правда, это подчинение было, вероятно, более или менее формальным; скифы ограничивались лишь получением определённого выкупа от Мидии. Возможно также, что этот конфликт скифов с Мидией был спровоцирован ассирийцами, желавшими ослабить Мидию как своего опасного соседа.

Часть обшивки с древневосточными изображениями и изображениями в скифском стиле. Найдена около Саккыза.

После смерти ассирийского царя Ашшурбанапала около 633 г. до н. э., когда Ассирия была охвачена внутренними смутами, скифы, по-видимому, вторглись на контролировавшиеся Ассирией территории, в частности в Сирию и Палестину. Во время своих походов скифы доходили тогда до границ Египта.

Значительной силой скифы оставались в Передней Азии во времена падения Ассирийской и Урартской держав, но из-за скудости источников нам не ясна их роль в событиях, развернувшихся в конце VII в. Во всяком случае в то время скифы уже потеряли влияние в Мидии. Судя по древнееврейским данным, Скифское царство ещё существовало в конце 90-х годов VI в. до н. э. После этого времени источники о нём уже не упоминают.

Основная часть скифов в это время, по-видимому, постепенно уходила обратно на Северный Кавказ и проникала в Северное Причерноморье, населённое в то время родственными им частью кочевыми, частью земледельческими племенами различных наименований. В науке эти племена также получили общее название «скифов»; так их впервые стали называть греки (начавшие около этого времени появляться на северных берегах Чёрного моря), по-видимому, по имени уже известного им племени, вторгавшегося в Малую Азию.

Часть скифов, как и киммерийцы, однако, осталась в Закавказье, а может быть, также и в Малой Азии. Археологические данные о раннем железном веке в Закавказье показывают наличие там значительных элементов скифской культуры.

Историческое значение скифского нашествия в Переднюю Азию

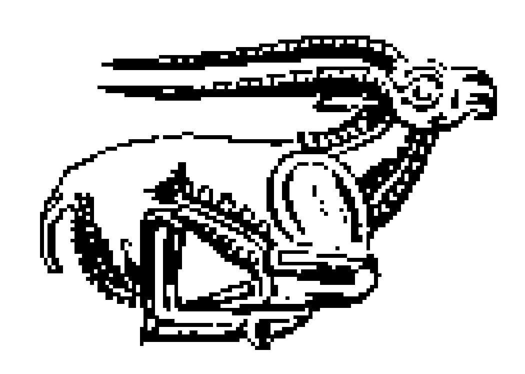
Роль скифского нашествия в истории как Передней Азии, так и Восточной Европы была значительной. Оно привело к установлению более тесных связей между Причерноморьем и странами древнего Востока.

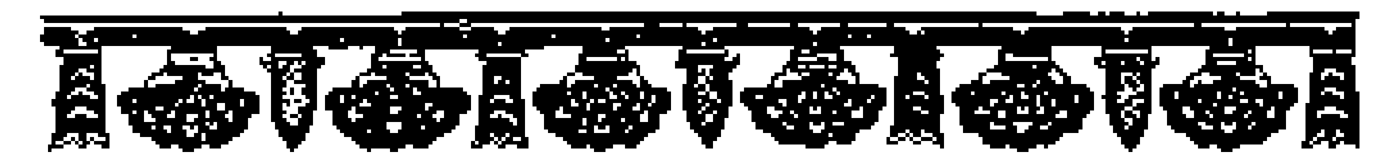
Вполне возможно, что на Северном Кавказе происходило слияние местного населения, говорившего на кавказских языках, с пришельцами — скифами, причём элементы местной культуры переплетались со скифскими. В культуре Закавказья VII—VI вв. до н. э., как сказано, можно отчётливо проследить наряду с элементами переднеазиатскими и местными также и скифские. На Северном Кавказе памятники VIII—V вв. имеют в своём инвентаре наряду с предметами, типичными для местной культуры бронзового века на Кавказе, также и настоящие скифские

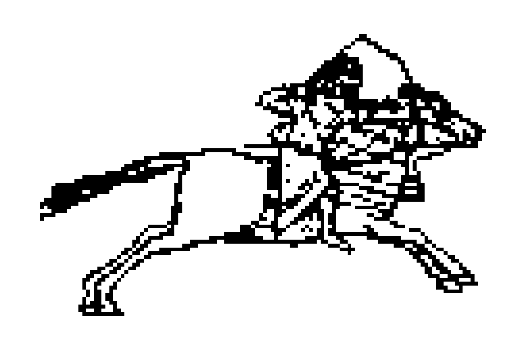
предметы. Вместе с тем скифская культура в это время сама подвергается сильному влиянию культур древнего Востока и, в частности, урартской. Кавказ в этот период в ещё большей степени, чем раньше, становится тем мостом, по которому восточные влияния проникают далеко на запад. Кавказские бронзовые сосуды VI в., обладающие весьма типичной формой, обнаружены на пространстве от подошвы Арарата до правого берега Днепра, несколько ниже Киева. Скифский художественный орнамент на бытовых предметах (так называемый «скифский звериный стиль»), распространившийся в последующий период в степной полосе от Чёрного моря до Монголии, имеет определенные связи с искусством горных племён Западного Ирана. Влияние древнего Востока, преломлённое сквозь призму кавказских традиций, глубоко проникает в это время в культуру скифских степей.

С другой стороны, скифское нашествие оказало определённое влияние и на Переднюю Азию. Скифы и киммерийцы ввели новую массовую конно-стрелковую тактику; скифы способствовали широкому распространению нового типа стрел — с гранёными бронзовыми наконечниками со втулкой. Эти стрелы позволяли намного повысить эффективность стрельбы из лука. С VII в. до н. э. скифские стрелы были в употреблении у мидян и народов Средней Азии, а потом быстро распространились и среди других народов древности.

Скифское нашествие, расшатывая силы старых держав Востока, способствовало их разрушению, что в свою очередь подготовляло почву для создания новых крупнейших рабовладельческих держав — Мидийской и Персидской.

ГЛАВА XXI
АССИРИЙСКАЯ ДЕРЖАВА

С X в. до н. э. господствующий класс Ассирии начинает новую серию завоевательных войн. В результате этих войн Ассирия в той или иной форме подчинила себе большинство государств Ближнего Востока, впервые в истории объединив в пределах одного государства самые различные народы, населявшие огромную территорию. Несмотря на относительную кратковременность своего существования, Ассирийская держава оставила глубокий след в истории древнего мира.

1. Ассирия в X—VIII вв. до н. э.

Арамейским вторжением в конце II тысячелетия Ассирия была оттеснена на свои прежние земли. В начале I тысячелетия до н. э. возможности ведения захватнических войн оказались в значительной мере суженными. Это привело к усилению розни между различными группировками господствующего класса. До нас дошли смутные известия о какой-то внутренней перестройке в Ассирийском государстве, возможно, связанной с борьбой между царём и военной знатью, с одной стороны, и городом Ашшуром, возглавлявшимся жречеством, с другой.

К концу X в. до н. э. в Ассирии перевес оказался на стороне военной знати. Это привело к возобновлению широкой завоевательной политики, успеху которой способствовал целый ряд выгодных для Ассирии обстоятельств.

Возобновление широкой завоевательной политики Ассирии

Хотя Ассирия была оттеснена из Северной Месопотамии, однако она оставалась достаточно сильной, чтобы постепенно снова начать борьбу со своими противниками. По численности и — что более важно — по организованности и вооружению своего войска, а в особенности по благоприятному стратегическому положению Ассирия продолжала обладать превосходством над своими соседями. Важным обстоятельством было отсутствие у неё в то время сильных противников. Поэтому к концу X в. до н. э. ассирийцы могли возобновить наступление. Однако опыт XI—X вв. до н. э. показал, что трудность заключается не в том, чтобы завоевать, а в том, чтобы закрепить эти завоевания. Очередная задача военной политики Ассирии заключалась в том, чтобы сделать невозможным отпадение покоряемых ею областей.

В этот период на престол Ассирии вступил Ашшурнасирапал II (883—859). Отличавшийся необыкновенной жестокостью, не имеющей себе равной даже в кровавой летописи ассирийских царей, Ашшурнасирапал II прошёл Месопотамию и Сирию огнём и мечом, повсюду оставляя запустение. Он обрекал покоряемые страны, в устрашение соседним областям, на полное разграбление, почти поголовно истребляя жителей тех местностей, которые проявляли малейшие признаки неповиновения и стремления к независимости. В стратегически наиболее важных пунктах он создавал, как базы для дальнейшего наступления, ассирийские крепости, куда из окружающей области свозились запасы провианта и фуража для войска. Остатки населения в значительной части уводились в плен и обращались в рабство; наиболее активная часть населения и все те, кто был связан с прежней властью, истреблялись: с них сдирали кожу, их обезглавливали, сажали на колья, складывали связанными в живые пирамиды. Об этом с немалым хвастовством рассказывают надписи Ашшурнасирапала.

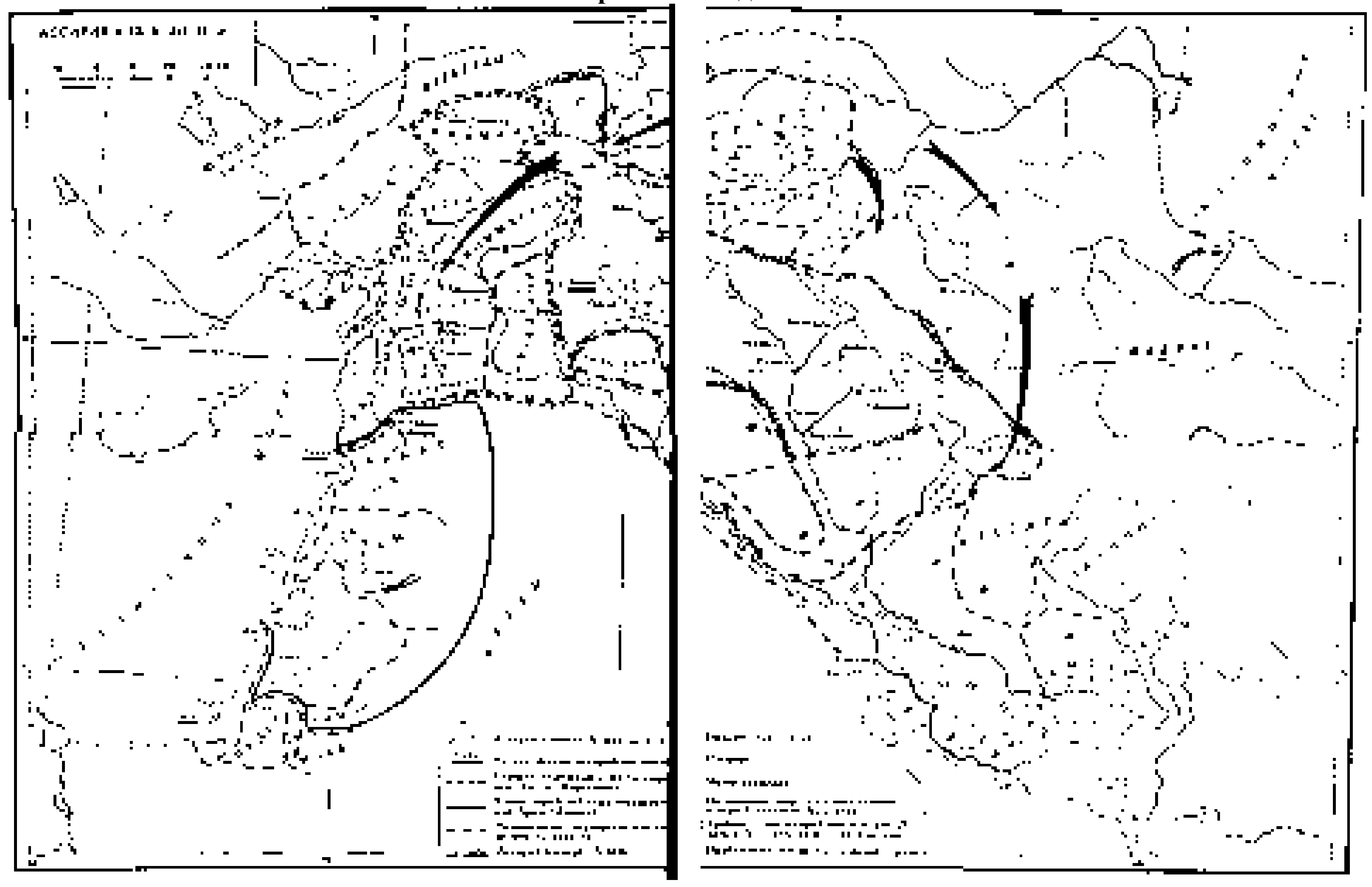
В своих завоеваниях Ашшурнасирапал опирался на ассирийских колонистов, поселённых в предшествующие периоды в различных пунктах Месопотамии и лишь частично оттеснённых арамеями с мест их первоначального обитания. Этими колонистами заселялись создаваемые ассирийцами крепости. Однако случалось, что и сами ассирийские колонисты не желали полностью подчиниться политике Ашшурнасирапала; в этих случаях их ожидала такая же судьба, как и всех других «бунтовщиков».

В течение 883—876 гг. до н. э. Ашшурнасирапал II подчинил верховному господству Ассирии всю Месопотамию до Каркемиша на Евфрате, расширил пределы государства в восточной горной области, совершил ряд грабительских походов. В 876 г. ассирийский царь при подобострастном содействии царьков северного сирийского союза прошёл до финикийского побережья. После этого до конца его правления велись только мелкие карательные походы. Ассирийская держава уже достигла приблизительно тех же размеров, которые она имела в XIII—XII вв. до н. э., хотя и включала отдельные ещё наполовину самостоятельные области.

Походы в Сирию

Преемники Ашшурнасирапала II продолжали его политику. Однако окрестные народы стали принимать меры к более сплочённому и организованному сопротивлению ассирийскому нашествию. Когда преемник Ашшурнасирапала Салманасар III (Шульманашаред, 859—824) после длительной подготовки в 853 г. до н. э. двинулся в большой поход на Сирию, он встретился с организованным сопротивлением южного сирийского союза. Против Ассирии выступило более десятка государств Сирии, Палестины, Финикии и Киликии во главе с Дамаском. Их поддержали также арабы, впервые около этого времени появившиеся в Сирийской степи, и, возможно, египтяне. Сражение у крепости Каркар, по-видимому, окончилось поражением Ассирии. В течение восьми лет ассирийцы не смели совершать походов на Сирию (если не считать разведывательных набегов). Салманасар был занят в это время укреплением тыла. В частности, в 851—850 гг. ему удалось посадить в Вавилоне угодного ему царя. Наконец, в 845 г. ассирийский царь созвал

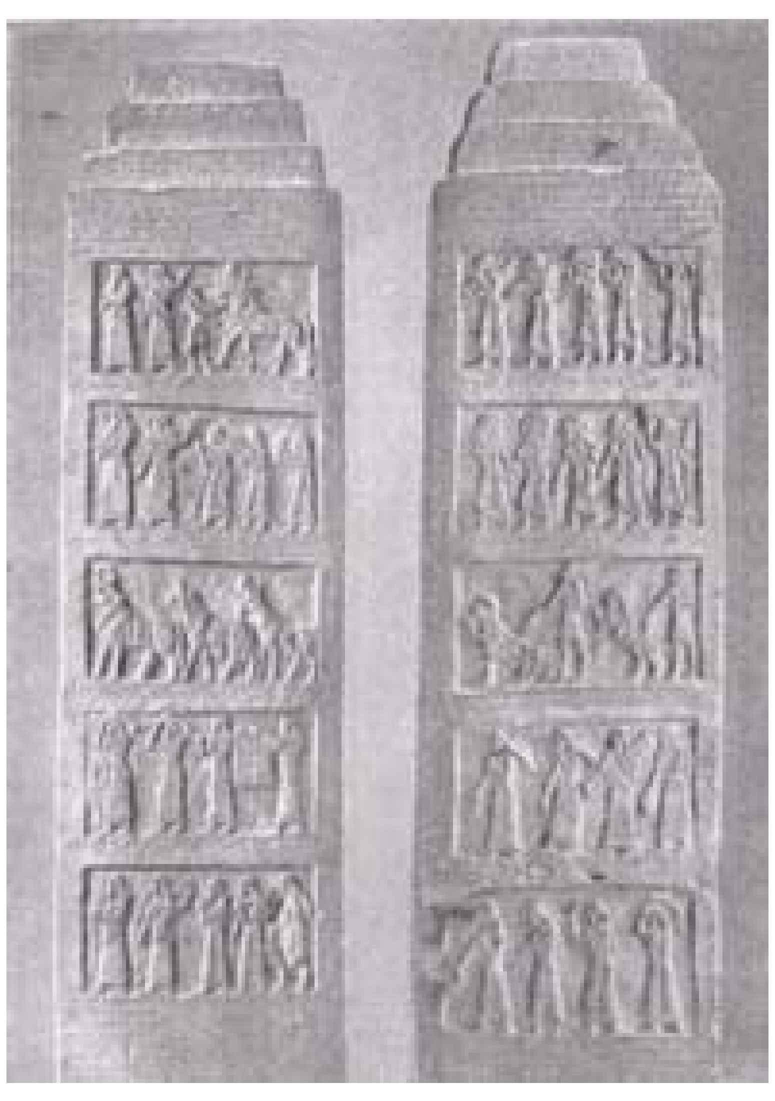
Ассирия в IX в. до н. э.

общее ополчение и с войском, по ассирийским данным, в 120 тыс. человек (неслыханная дотоле цифра) выступил против Сирии, но снова без успеха. Лишь в 841 г., воспользовавшись временным распадом южного сирийского союза, Салманасар в третий раз предпринял большой поход на запад, разбил Дамаск, проник в Финикию и установил ассирийскую гегемонию в Сирии, впрочем пока ещё непрочную. До конца 30-х годов ассирийцы предпринимали лишь отдельные грабительские набеги на соседние страны. В числе этих походов был и глубокий рейд на Армянское нагорье, во время которого ассирийцы, по-видимому, впервые скрестили оружие с воинами государства Урарту.

Кризис политики завоеваний

Дальнейшие годы в общем были свидетелями временного ослабления Ассирии. Шамшиадад V (823—811) за Евфрат не переходил и на гегемонию в Сирии не претендовал. При следующем царе, Ададнерари III, за малолетством которого вначале правила его мать Саммурамат, известная позднейшей традиции под именем Семирамиды, был проведён целый ряд походов — в Сирию, а также на восток, причём ассирийцы достигли Каспийского моря. В Вавилонии было закреплено верховенство Ассирии, установленное Шамшиададом V. Но в борьбе против Урарту Ассирия не имела успеха. Напротив, вскоре после 800 г. до н. э. урартский царь Менуа вышел в долину Верхнего Евфрата и закрепился здесь, оттеснив ассирийцев.

Принесение дани Салманасару III.
Рельефы на двух сторонах каменного обелиска. IX в. до н. э.

Относительные успехи Ассирийской державы в период правления Ададнерари III были непрочны. Это сказалось в следующий период, наполненный оборонительными войнами Ассирии против государства Урарту, перешедшего при царях Аргишти I и Сардури II в наступление на юг; Ассирия потеряла за это время важные стратегические позиции в Сирии; северный сирийский союз, группировавшийся теперь вокруг города Арпада, перешёл к ориентации на Урарту. Это привело к тому, что Ассирия была полностью отрезана от Сирии и от мест добычи железа и других металлов в Малой Азии.

Кризис внешнеполитический смыкался с внутренним кризисом, который в это время переживала Ассирия.

Отношение Ассирии к покорённым странам

Для понимания причин кризиса Ассирийской державы необходимо остановиться на характере политики Ассирии по отношению к покорённым странам.

Страны, наиболее удалённые от центра Ассирии и являвшиеся объектами лишь случайных походов, обычно приносили ассирийскому царю единовременную дань. Такая дань обыкновенно бывала значительной и имела целью надолго откупиться от Ассирии. Так, во второй половине VIII в. до н. э. царь Израиля, по преданию, сохранённому в Библии, заплатил Ассирии дань в 30 *т* серебра, обложив для этого всех полноправных общинников страны налогом в $^1/_2$ *кг* серебра (по-видимому, на семью). В других случаях для выплаты дани опустошались царские сокровищницы и храмы.

Затем устанавливалась ежегодная натуральная «тяжёлая дань», как называют её ассирийские источники. Регулярная выплата такой дани обычно была связана с немалыми экономическими трудностями и вызывала возмущение в стране, обложенной данью. В непродолжительном времени дело доходило до восстания, до попыток отложиться от Ассирии. Если в данный момент Ассирия была достаточно сильна, то такое восстание нередко провоцировалось самой Ассирией. Изредка восстание удавалось, гораздо чаще дело кончалось разорением страны и уводом части населения в плен, после чего страна превращалась в ассирийское наместничество. Но до 745 г. до н. э. организованное переселение жителей производилось сравнительно редко и в небольшом масштабе: гораздо чаще людей вырезали. К тому времени, когда народ данной страны причислялся «к людям Ассирии», страна эта представляла собой картину полнейшего запустения; только редкое население ютилось среди развалин сёл и городов, вытоптанных полей, сожжённых виноградников и вырубленных садов. Можно подсчитать, что, например, за период с 883 по 876 г. до н. э. на территориях, отошедших к Ассирии, было физически истреблено или обращено в рабство не менее трети взрослого мужского населения. Число убитых и в особенности обращённых в рабство женщин было не меньшим; что касается маленьких детей, то их обычно в условиях древневосточных рабовладельческих войн того времени в плен не брали, а истребляли на месте. Оставшееся население ввиду полного разорения хозяйства и непомерных поборов в пользу Ассирийского государства было обречено на голод и вымирание.

Отсюда видно, что войны, которые вело Ассирийское государство, не имели своей основной целью присоединение территории и подчинение населения для систематической эксплуатации на месте; те пленные, которые захватывались, уводились ради обогащения рабовладельцев в самой Ассирии. Целью хищнических войн Ассирии был главным образом грабёж. Ассирийская держава закреплялась затем на завоёванных и обезлюдевших территориях не столько для того, чтобы планомерно их эксплуатировать, сколько для того, во-первых, чтобы иметь плацдарм для дальнейших грабительских экспедиций и, во-вторых, чтобы облегчить себе захват как важнейших мест добывания сырья (железные и серебряные рудники Малой Азии, лес Амана и Ливана), так и караванных путей. Результатом явилось сокращение населения и разорение сельского хозяйства на захваченных территориях.

Дальнейшее расширение рабовладельческого хозяйства Ассирии было возможно за счёт освоения этих территорий, но для этого надо было располагать на них значительно большими ресурсами рабочей силы. Для того чтобы получить эту силу, а также производить новые захваты территорий, прежняя численность войска и прежние формы его организации были уже недостаточны.

Причины изменений в военной политике и в управлении завоёванными территориями

К этим трудноразрешимым проблемам, созданным грабительской политикой рабовладельцев Ассирии, необходимо добавить те более общие проблемы, которые встали перед рабовладельческим обществом этого времени. Возросшее имущественное расслоение, в особенности в Вавилонии и в самой Ассирии, развитие городов, как торгово-ремесленных рабовладельческих центров, выделение военной знати, царских приближённых, жречества, верхушки городских рабовладельцев в привилегированное сословие по сравнению с прочими свободными общинниками, в том числе и мелкими рабовладельцами, — всё это хотя и способствовало росту рабовладельческого производства, но и создавало новые трудности. Более развитые рабовладельческие хозяйства производили уже не только продукты для удовлетворения потребностей рабовладельцев, но и товары для продажи на рынке, причём во всё возрастающей степени. Но развитие рабовладельческих хозяйств непрестанно требовало, во-первых, увеличения притока рабов, во-вторых, поддержания и расширения оросительной сети, в-третьих, налаженной доставки сырья из-за рубежа. В странах, потребляющих ввозное сырьё, спрос на это сырьё всё более увеличивался. Между тем страны, производившие это сырьё и жившие в то время обычно ещё в условиях натурального земледельческого хозяйства, лишь в весьма ограниченной мере нуждались во встречном ввозе продуктов из более развитых сельскохозяйственных стран. Сравнительно более важным являлся в этих условиях лишь встречный ввоз ремесленных изделий, в частности тканей. Широкий обмен между этими двумя группами стран не налаживался. Рабовладельческая знать в высокоразвитых сельскохозяйственных странах в этих условиях стремилась к насильственным захватам и включению в состав своих государств чужих земель, которые обеспечили бы приток рабов и сырья.

Эти потребности развивающегося рабовладельческого хозяйства могли быть удовлетворены только с помощью военной силы. Стало необходимым создание вооружённой рукой обширного объединения, включающего в одну административную систему разнородные экономические районы, населённые различными народностями и племенами. Только такое насильственное объединение могло непрерывно поставлять ассирийским и вавилонским рабовладельцам достаточное количество рабочей силы и расширять рабовладельческое хозяйство; только такое объединение могло обеспечить приток необходимого сырья; только сильное в военном отношении государство могло поддерживать непрерывные и безопасные сношения по караванным путям. Такому государству под силу было бы и дальнейшее расширение оросительной сети, на что государство старого типа, например, было уже неспособно.

Внутриполитический кризис

Перед Ассирией стояла трудная задача укрепить свою собственную экономическую базу путём развития своего сельского хозяйства. Что могло сделать для этого рабовладельческое государство?

Разумеется, можно было на обширных опустошённых территориях насильственно расселить рабов, но существовавшее в то время рабовладельческое государство не имело достаточных возможностей для повседневного надзора за их подневольным трудом. Это была трудная задача социального и политического характера.

Следует также отметить новое немаловажное обстоятельство, характерное для этого времени: в результате ассирийских завоеваний и уничтожения на завоёванных территориях основной массы собственников и представителей прежнего господствующего класса собственником почти всей земли на территории Ассирийского государства стала царская власть. В Ассирийской державе впервые большая часть земли, кроме земли храмов, земель жителей привилегированных городов и отдельных крупнейших ассирийских рабовладельцев — царских приближённых и военачальников, — находилась в собственности царя. Таким образом, в Ассирийской державе VIII в.

до н. э. складываются явления, ставшие типичными для всего дальнейшего развития рабовладельческого общества в Западной Азии.

Для истории Ассирийской державы в конце IX — первой половине VIII в. до н. э. новым явилось, во-первых, резкое обострение классовой борьбы. Хотя о конкретных фактах этой борьбы источники прямо не говорят, но бесспорным её свидетельством являются ожесточённые междоусобицы 827—822, 772—758 и 746—745 гг., в которых недовольство масс использовалось боровшимися кликами господствующего класса. Во-вторых, имело место огромное усиление власти наместников покорённых областей, причём проявляется тенденция к полной их самостоятельности. В-третьих, всё более сказывается очевидное несоответствие военной организации Ассирии задачам, вставшим перед рабовладельческим Ассирийским государством. Исторический опыт показывал, что, одерживая победы над отдельными арамейскими племенами, над мелкими и мельчайшими царствами, Ассирия не сумела добиться прочных успехов в борьбе с более крупными противниками.

2. Ассирийская держава в период наибольшего могущества

Ассирийское общество во второй половине VIII в. до н. э.

Изменения в Ассирийском государстве начались при Тиглатпаласаре III (Тукультиапалэшарра, 745—727). Иным стало отношение Ассирийского государства к населению завоёванных территорий. При завоевании какой-либо территории её население чаще всего выводилось теперь почти целиком, в организованном порядке, и переселялось на разорённые ранее территории у другой окраины государства, причём пленных уводили не нагими и в шейных колодках, как раньше, а разрешали им брать с собой и часть домашнего скарба, и семью, или, по крайней мере, тех её членов, которые могли вынести тяготы перехода. На место угнанных жителей пригонялись переселенцы из другого захваченного Ассирией района. Только небольшая часть населения, которой Ассирия считала возможным в известной степени доверять, включалась в ассирийское постоянное войско или просто оставлялась в прежнем положении. Завоёванные территории входили в состав Ассирии, а оставшиеся на месте или новые жители приравнивались к «людям Ассирии» или «людям страны».

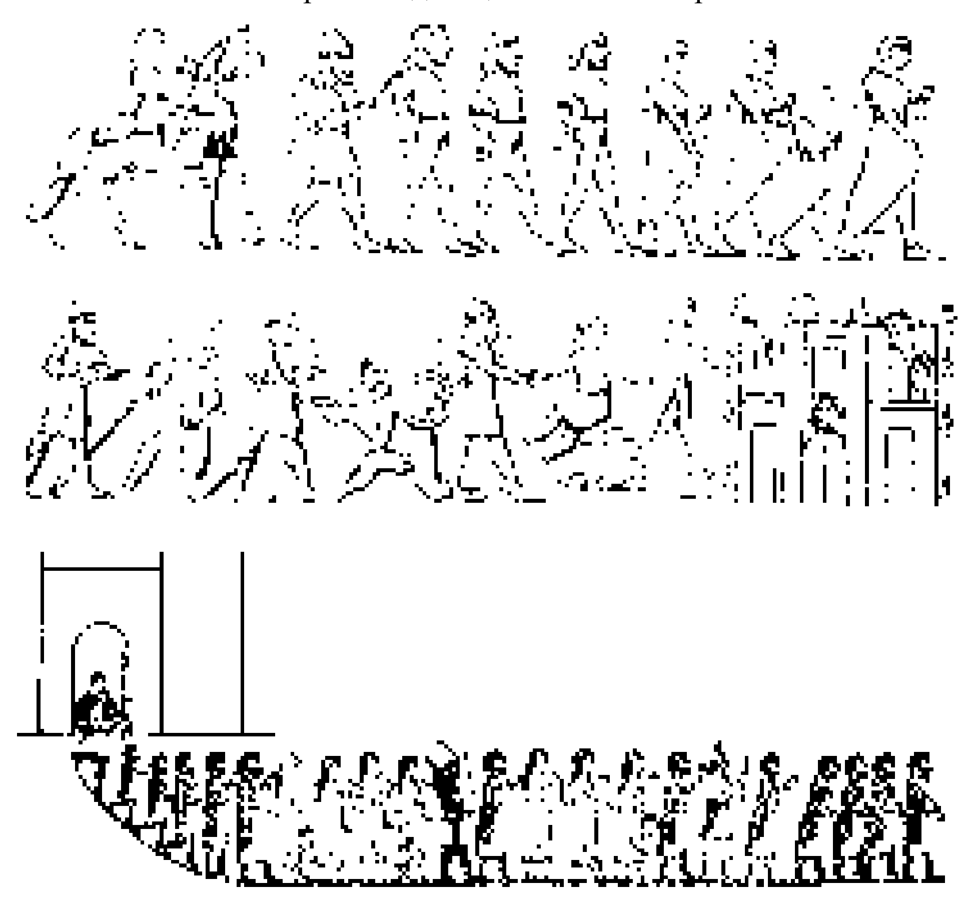
Ассирийское государство, насильственно подчинив большую территорию, не имело достаточно сил, чтобы повсюду подавлять сопротивление масс рабов, если бы они были собраны в обширных хозяйствах. Местное население, среди которого расселялись пленные, тоже не было надёжной опорой для государства. Поэтому Ассирийское государство предпочитало расселять пленных небольшими разрозненными группами или даже семьями, по возможности объединяя в одном место людей различного языка и происхождения. Но повседневный надзор за такими группами работников, разбросанными по различным частям державы, рабовладелец осуществлять не мог, и поэтому рабам предоставлялась известная доля самостоятельности. Они не имели личной свободы, не были собственниками средств производства (лишь иногда они имели для своих нужд небольшое количество скота, но и этот скот считался собственностью хозяина). Они должны были отдавать рабовладельцу большую часть продуктов своего труда.

Таким образом, мы встречаем здесь эксплуатацию, по форме приближающуюся к старым, более примитивным способам рабовладельческой эксплуатации. Однако это осуществлялось в новых условиях и не было простым возвратом к старому. Здесь мы наблюдаем дальнейшее развитие рабовладельческих отношений.

Производительность труда этих пленных-рабов, вероятно, несколько повысилась. Это имело особо важное значение в условиях, когда рабство приобретало товаропроизводящий характер. Тем не менее эксплуатация раба была жестокой, существо-

вание его — ненадёжным, и заинтересованности в повышении производительности труда у него не могло быть. Он был, правда, заинтересован в том, чтобы сверх отдаваемого рабовладельцу сохранить часть продукта для прокормления самого себя, но он не мог накапливать материальных благ, так как этим он обогащал не себя, а только своего господина.

Большинство пленных делалось государственными рабами, остальные продавались или раздавались частным рабовладельцам. Способ эксплуатации был в обоих случаях одинаковым. Собственность рабовладельца на личность раба была основой этой эксплуатации. Однако если пленных, пригнанных из похода, продавали, как скот, то раба, посаженного на землю, затем уже, как правило, продавали только тогда, когда продавался самый участок, на котором он работал, и обычно не разлучали с семьёй.

Увод и казни пленных.
Верхние два ряда —с рельефов IX в. до н. э.,
нижний •—с рельефа VII в. до н. э.

Ряды рабов пополнялись не только за счёт пленных, но и за счёт осуждённых, а также, вероятно, кабальных рабов, хотя долговое рабство имело теперь меньшее значение, чем раньше.

Кроме рабовладельцев и рабов как в самой Ассирии того времени, так и на покоренных территориях существовали и лично свободные земледельцы, владевшие средствами производства. Однако и они в значительной своей части зависели от крупных рабовладельцев и должны были нести за них государственные повинности — строительную и воинскую. Строительная повинность, а частично и воинская, возлагалась и на переселенцев-рабов, но им, конечно, не давали в руки оружия — они служили в обозе и являлись рабочей силой в сапёрных частях.

Крупный рабовладелец при эксплуатации зависимых от него людей старался уже не делиться больше с государством своими выгодами. Нередко он получал грамоту на освобождение своих «людей» от общегосударственных податей и повинностей. От них были свободны, как правило, также земли и «люди» граждан привилегированных городов. Сами граждане этих городов и вообще могущественные рабовладельцы, например крупные военные и гражданские должностные лица, лично налогов не платили и повинностей в пользу государства не несли.

В ассирийском обществе конца VIII в. до н. э. господство принадлежало верхушке рабовладельцев, непосредственно связанных с войском и царской администрацией. Представители этой группировки рабовладельцев извлекали прямые доходы из эксплуатации покорённых территорий: часть областей была прикреплена к определённым административным должностям таким образом, что поступавшие с этих областей налоги являлись жалованьем соответствующего должностного лица. Кроме того, крупнейшие представители военной и гражданской администрации получали определённую долю из добычи и из дани, поступавшей от всех вообще покорённых стран. Верхушка ассирийских служилых рабовладельцев обладала также мелкими, но весьма многочисленными имениями в различных областях державы. В этих имениях работали многие сотни рабов, посаженных на землю. Хозяйством такие рабовладельцы лично не занимались, а передоверяли взимание доходов с имений управляющим. Более мелкие представители администрации получали за службу участки земли и рабов.

Храмы обладали большими участками земли и большим количеством рабов (иногда десятками тысяч). Число рабов пополнялось путём пожертвований от царя и частных лиц. Храмы не уплачивали общегосударственных налогов и не несли повинностей; напротив, они получали сами налоги со специально выделенных для этого земель. От общегосударственных налогов и повинностей в Ассирии был освобождён также город Ашшур, имевший привилегии, сходные с привилегиями вавилонских городов Сиппара, Ниппура и Вавилона.

Основная масса сельскохозяйственного населения, не считая рабов, по-видимому, была связана внутри общины круговой порукой в несении повинностей и в уплате налогов; хотя рядовые общинники имели право владеть рабами, но в большинстве случаев рабов у них не было. В аналогичном положении находились и ремесленники, не бывшие гражданами привилегированных городов. Они были обязаны платить налоги и выполнять повинности. Ради выполнения этой обязанности ремесленники были, по-видимому, организованы на военный образец—по десяткам, полусотням и «полкам».

В административной области Тиглатпаласар произвёл разукрупнение наместничеств и сузил права наместников, взяв, по-видимому, за образец урартскую административную систему. Место прежних наместников заняли теперь «областные начальники». Они ведали сбором налогов, призывали людей на повинности (подчиняясь в этом «государственному глашатаю»), а также стояли во главе областных воинских контингентов. В отличие от прежних наместников «областные начальники» не имели права освобождать от повинностей и налогов. Их «области» были меньше прежних наместничеств.

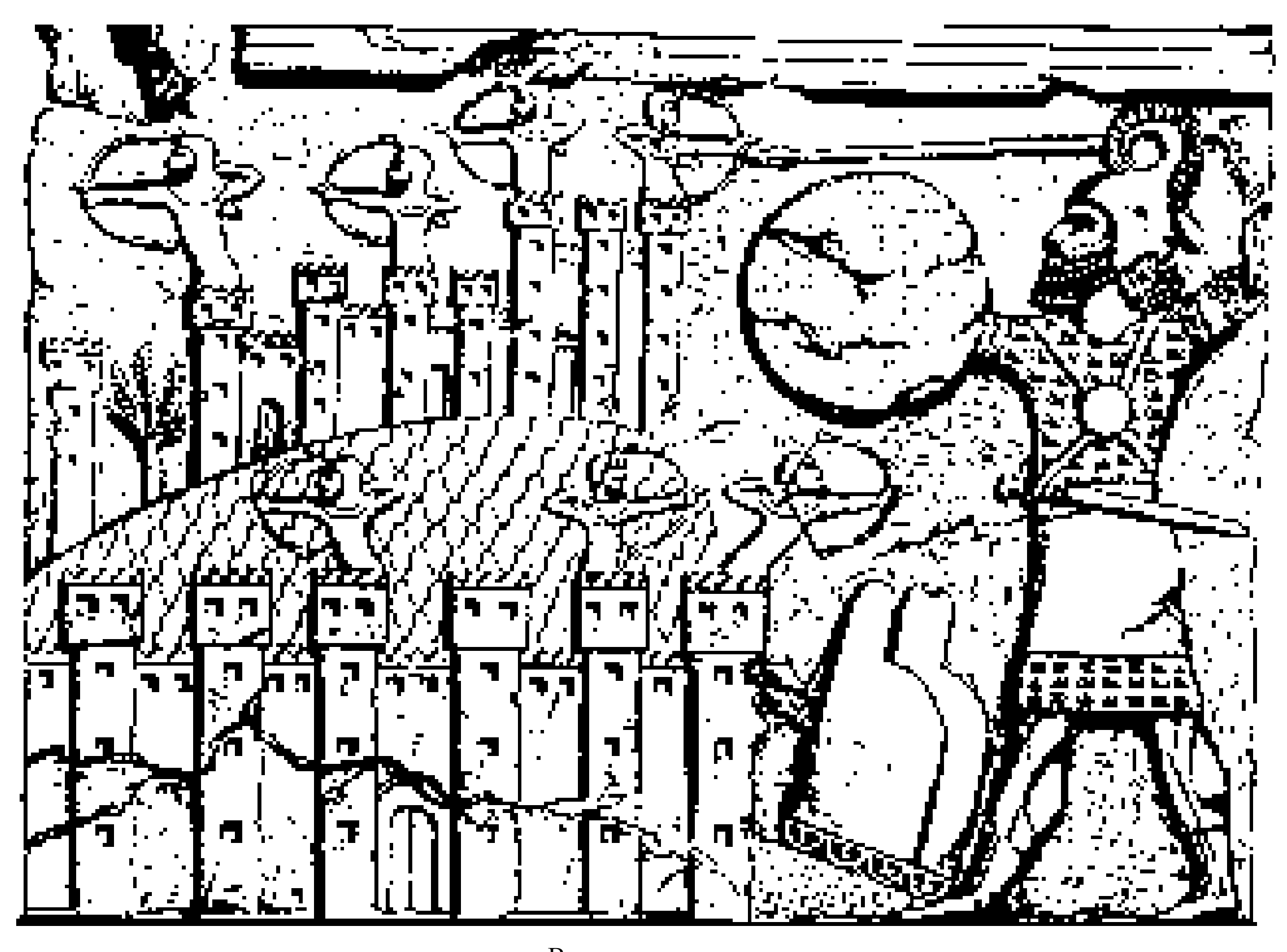
Весьма важной была реформа, касающаяся организации войска. Основой армии был «царский полк» — постоянное войско, образуемое путём рекрутского набора и находящееся на полном царском материальном снабжении. Эта система позволяла привлекать в войско и бедноту, частично или полностью обезземеленную, и тем самым увеличивать численность войска. Оно делилось на колесничих, вербовавшихся из знати, конницу, получившую в Ассирии широкое распространение и определённую тактическую роль раньше, чем в других странах Передней Азии, тяжёлую и лёгкую пехоту, осадные войска и обоз. Было установлено постоянное тактическое деление войска. Высшие воинские чины (как и административные) вознаграждались за службу доходами с прикреплённых к должности областей.

Наступательное оружие ассирийской армии было железным, оборонительное — бронзовым. Тяжёлая пехота носила панцири из пластинок и остроконечные шлемы и была вооружена щитами, копьями и короткими мечами. Лёгкие пехотинцы делились на стрелков из лука, пращников и метателей дротиков; они не носили панцирей, а иногда и шлемов; их обороняли специальные щитоносцы. Конники (ездившие на чепраках без стремян) либо имели при себе щитоносцев, либо снабжались панцирем.

Высоко стояло в ассирийской армии искусство сооружения понтонов, лагерей с круговым валом и поперечными улицами, осадных насыпей, таранов и т. п. Хорошо была организована также разведка.

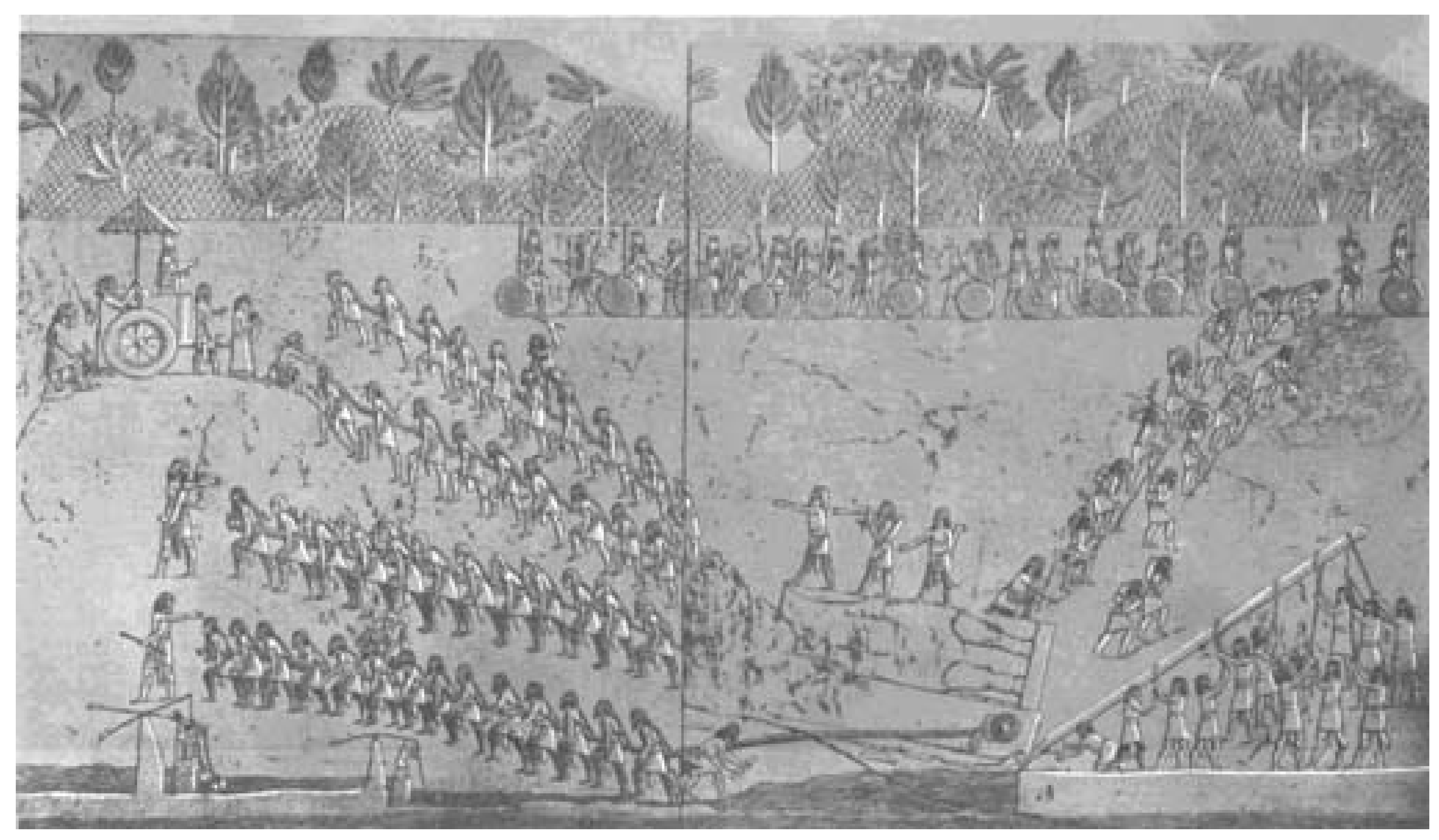
Завоевательные походы Тиглатпаласара III

Реформы Тиглатпаласара дали свои плоды уже в самом начале его правления. В 743 г. до н. э. Тиглатпаласар начал войну против Урарту. Удар был им нанесён в западном направлении, где урарты, опираясь на помощь царя государства Арпада, формально подчинённого Ассирии, а фактически преданного урартского союзника, стремились установить своё господство в Сирии. Урартам и их сирийским

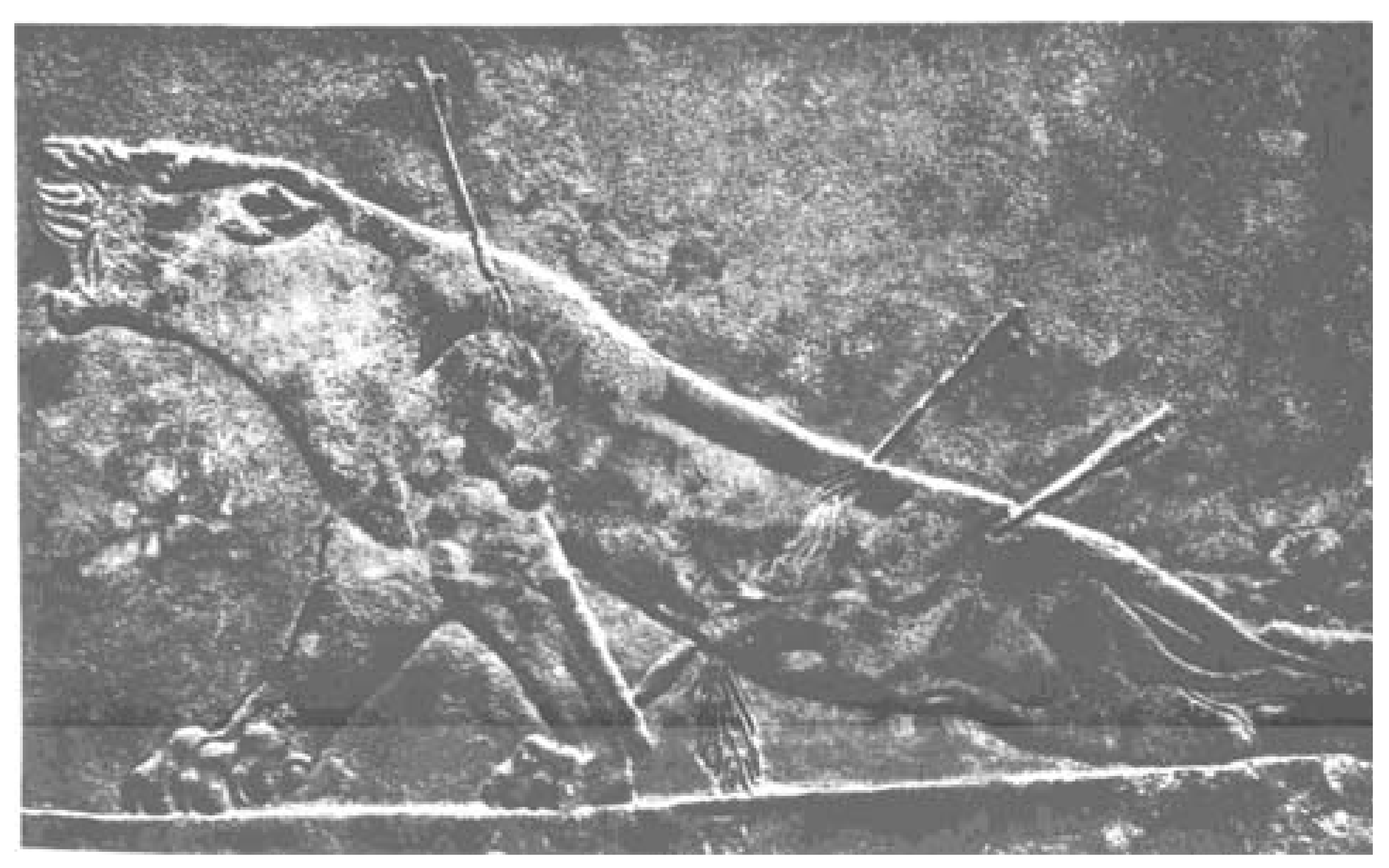

Взятие крепости.
Ассирийский рельеф времени Тиглатпаласара III. Середина VIII в. до н. э.

союзникам было нанесено серьёзное поражение. Второе сражение (возможно, в тот же поход или позже) произошло в Коммагене, области, расположенной по течению Евфрата (северо-западнее Месопотамии), и также окончилось несчастливо для урартов. Урартский царь Сардури II бежал, и лагерь его попал в руки ассирийцев. Урарты были отброшены за Евфрат. Поскольку Арпад был, по-видимому, не только главой северного сирийского союза, но был связан и с южным союзом, члены обоих союзов сочли нужным принести Тиглатпаласару дань. С завоёванной территории было переселено 73 тыс. человек. В 740 г. был взят Арпад, а затем захвачена урартская территория в верховьях Тигра. В течение короткого времени Тиглатпаласару удалось

ПОСТРОЙКА ДВОРЦА ПЛЕННЫМИ И ВОИНАМИ
Ассирийский рельеф из дворца Синаххериба в Ниневии. VII в. до н. э.

УМИРАЮЩАЯ ЛЬВИЦА.
Деталь из сцены охоты. Рельеф на стене дворца ассирийского царя Ашшурбанапала.
VII в. до н. э.

завоевать и значительную часть Северной Сирии. Всюду происходило выселение жителей и водворение на освободившейся территории переселенцев из других мест. По-видимому, в 735 г. Тиглатпаласару удалось пересечь всю территорию Урартского царства, он доходил и до урартской столицы Тушпы. Хотя Тушпу он не взял, однако этим походом было утверждено первенство Ассирии среди держав того времени.

Три следующих похода были посвящены покорению Финикии, земли филистимлян, а затем центральных и южных частей Сирии. В союзе с иудейским царём Ахазом Тиглатпаласар разбил поодиночке сначала Израиль (превратив часть его территории в ассирийскую область), а затем и Дамаск, который был взят в 732 г. Царь Дамаска был казнён, а население уведено в плен. Война была завершена подчинением арабов Сирийской степи.

Между тем в Вавилонии в 732 г. разгорелась борьба за престол, в результате которой вавилонским царём стал один из халдейских вождей. Тиглатпаласару представился повод вмешаться в вавилонские дела. В 729 г. ему удалось стать царём Вавилона под именем Пулу. Вавилония не была присоединена к Ассирии, как другие завоёванные государства, а была объединена с Ассирией путём личной унии. Вавилония сохранила собственные политические порядки, административную структуру и т. п.

Казалось, что политика Тиглатпаласара III оправдала себя. Ассирия стала безраздельной владычицей Северной Месопотамии, Вавилонии и Сирии. Большая часть этих территорий была включена непосредственно в состав Ассирийской державы, и их население в смысле прав и обязанностей было приравнено к населению Ассирии.

Внутриполитическая борьба в Ассирии

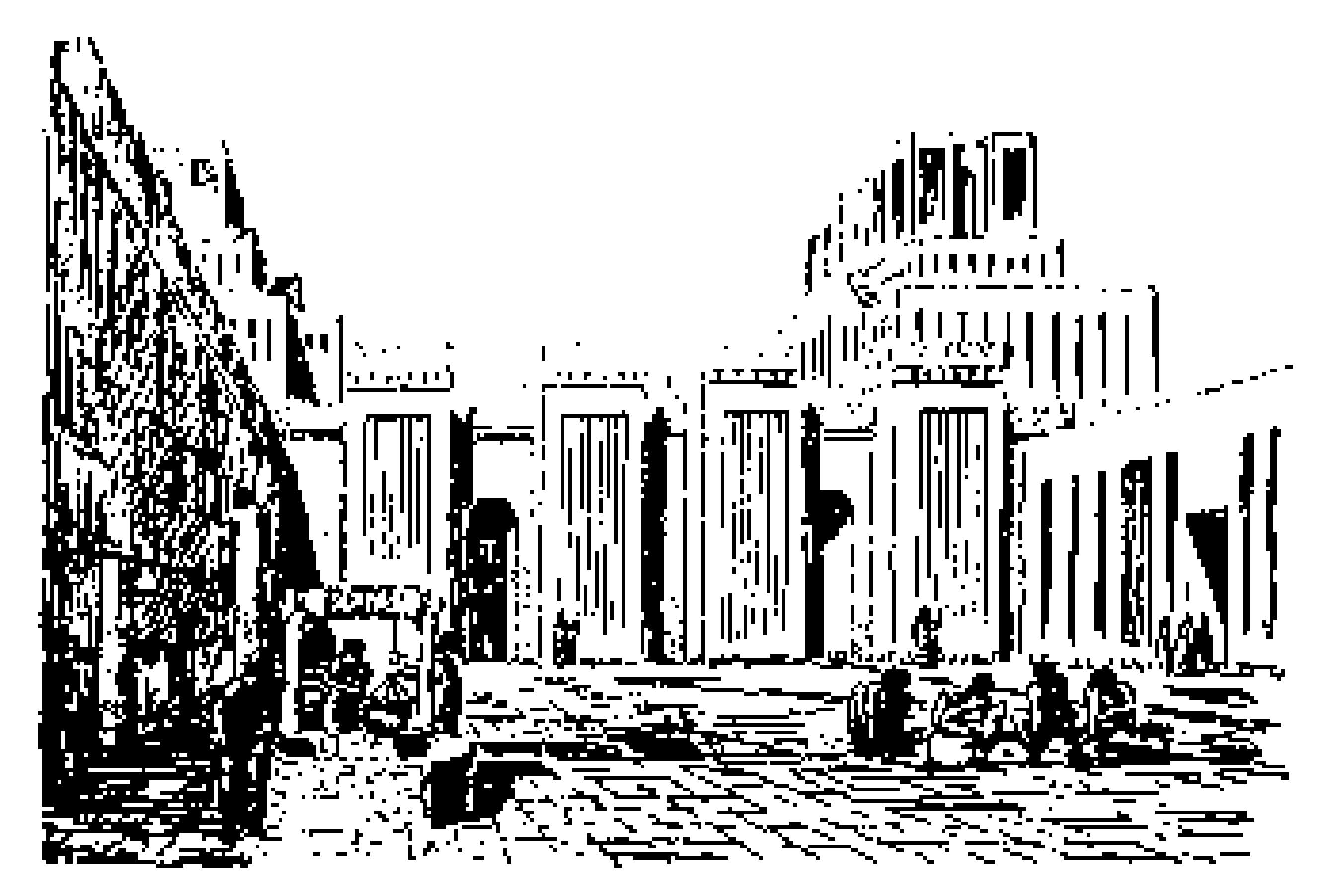
В среде господствующего класса Ассирии в это время боролись две группировки. Одна из них, состоявшая из жречества и связанных с ним крупных рабовладельцев, объединявшихся также с крупными рабовладельцами Вавилонии, стояла за максимальное расширение прав и привилегий господствующего класса, включая предоставление внутри государственного объединения привилегий и самоуправления городам, хотя бы за счёт ослабления армии и даже прекращения дальнейших завоеваний. Хозяйства этой группы рабовладельцев были большими, рабов было много; такие рабовладельческие хозяйства обладали уже значительной товарностью. Эта группа рабовладельцев была заинтересована в развитии рабовладельческого товарного производства и торговли, в росте денежных отношений. В это время увеличивается количество серебра в обороте и появляются — сначала в Сирии — предшественники монеты: серебряные слитки с весом или пробой, гарантированными государством.

Другая группировка рабовладельцев, связанная прежде всего с армией и черпавшая свои доходы главным образом от войны, считала, что опорой существования Ассирийского государства является только армия. Армия, считала эта группировка, может существовать лишь непрерывно находясь в действии и, обогащаясь за счёт грабежей в походах; всё в государстве должно быть подчинено интересам армии. Тиглатпаласар проводил политику этой группировки. Но ещё более последовательно проводил эту политику его сын Салманасар V (в Вавилонии он именовался Улулаем, 727—722). Насколько мы можем судить, он отменил привилегии в отношении повинности ополчения, строительной повинности, рекрутского набора и некоторых налогов, которые имели в Вавилонии города Вавилон, Ниппур и Сиппар, а в Ассирии — город Ашшур. Это вызвало возмущение среди рабовладельцев как в Вавилонии, так и в Ассирии, так как лишение привилегий наносило ущерб хозяйству. Салманасар успел провести поход против Тира, но во время похода на Израиль и осады Самарии против него был организован знатью дворцовый заговор. Салманасар был низложен, а на его место возведён на престол его сводный брат Саргон II (Шаррукин, 722—705).

Продолжение завоевательной политики при Саргоне II

Перед Саргоном II стояли сложные задачи. Во внутренней политике предстояло найти компромисс, который позволил бы удовлетворить жречество и примыкавшую к нему рабовладельческую знать, не отказываясь в то же время от реформ Тиглатпаласара III. Не менее сложным было и внешнеполитическое положение Ассирийской державы.

На юге Мардукапалиддину, правителю халдейской области Бит-Якин, удалось подчинить себе всех халдеев. Когда в Ассирии произошёл переворот, он занял Вавилон и в 721 г. до н. э. был провозглашён вавилонским царём. На севере Руса I, новый

Двор храма богов Ану и Адада в городе Ашшуре.
IX в. до н. э. Реконструкция.

царь Урарту, принял меры для восстановления влияния своего государства в прежних пределах. Он вёл энергичную подготовку к борьбе против Ассирии, привлекая на свою сторону мелкие государства и племена северо-запада и северо-востока. К западу от Урарту проявляла активность Фригия, столкновение которой с Ассирией становилось неизбежным.

Первый год правления Саргона ознаменовался взятием им Самарии и разрушением Израильского царства. Более 27 тыс. израильтян было переселено в Северную Месопотамию, Ассирию и Мидию, а на их место были постепенно поселены вавилоняне, сирийцы, арабы и другие, впоследствии арамеизовавшиеся и известные под названием самаритян. Территория Израильского царства была включена в состав Ассирии.

Тем временем вавилонский царь Мардукапалиддин заключил союз с царём Элама, который в этот период являлся серьёзным противником для Ассирии. В I тысячелетии до н. э. Элам был крупным государством. Хотя, по-видимому, он имел довольно рыхлую государственную организацию и включал ряд полунезависимых

областей, он располагал отличным войском. Эламские цари постоянно стремились к установлению своей гегемонии в Вавилонии и деятельно поддерживали там выступления, направленные против Ассирии.

В битве при Дере на Тигре (721 г.) эламиты нанесли ассирийцам поражение, в результате чего Мардукапалиддин смог удержать в своих руках Вавилонию. Опираясь на халдеев, он действовал здесь в ущерб интересам вавилонских рабовладельцев. Многих представителей вавилонской знати он бросил в темницы, а большое количество вавилонских земель было роздано халдеям. Поражение ассирийцев побудило к восстанию коренное население новых ассирийских наместничеств в Сирии и Финикии; это восстание было поддержано Египтом. Но Саргону в 720 г. до н. э. удалось разбить повстанцев и поддерживавших их египтян; Египет и Сабейское царство в Южной Аравии, а также Самсие, «царица» арабов Сирийской степи, прислали умилостивительные подарки.

Сложнее обстояло дело на севере. Здесь урартский царь Руса I действовал, по-видимому, в согласии с Митой, царём мушков (Мидасом, царём Фригии). Этот союз казался настолько сильным, что от Ассирии не побоялся теперь отложиться царь города Каркемиша, окружённого к этому времени со всех сторон ассирийскими областями и до сих пор не выходившего из повиновения ассирийцам. Но восстание Каркемиша не имело успеха, город был взят войсками Саргона в 717 г. до н. э. Таким образом, вся территория Сирии была включена в состав Ассирии.

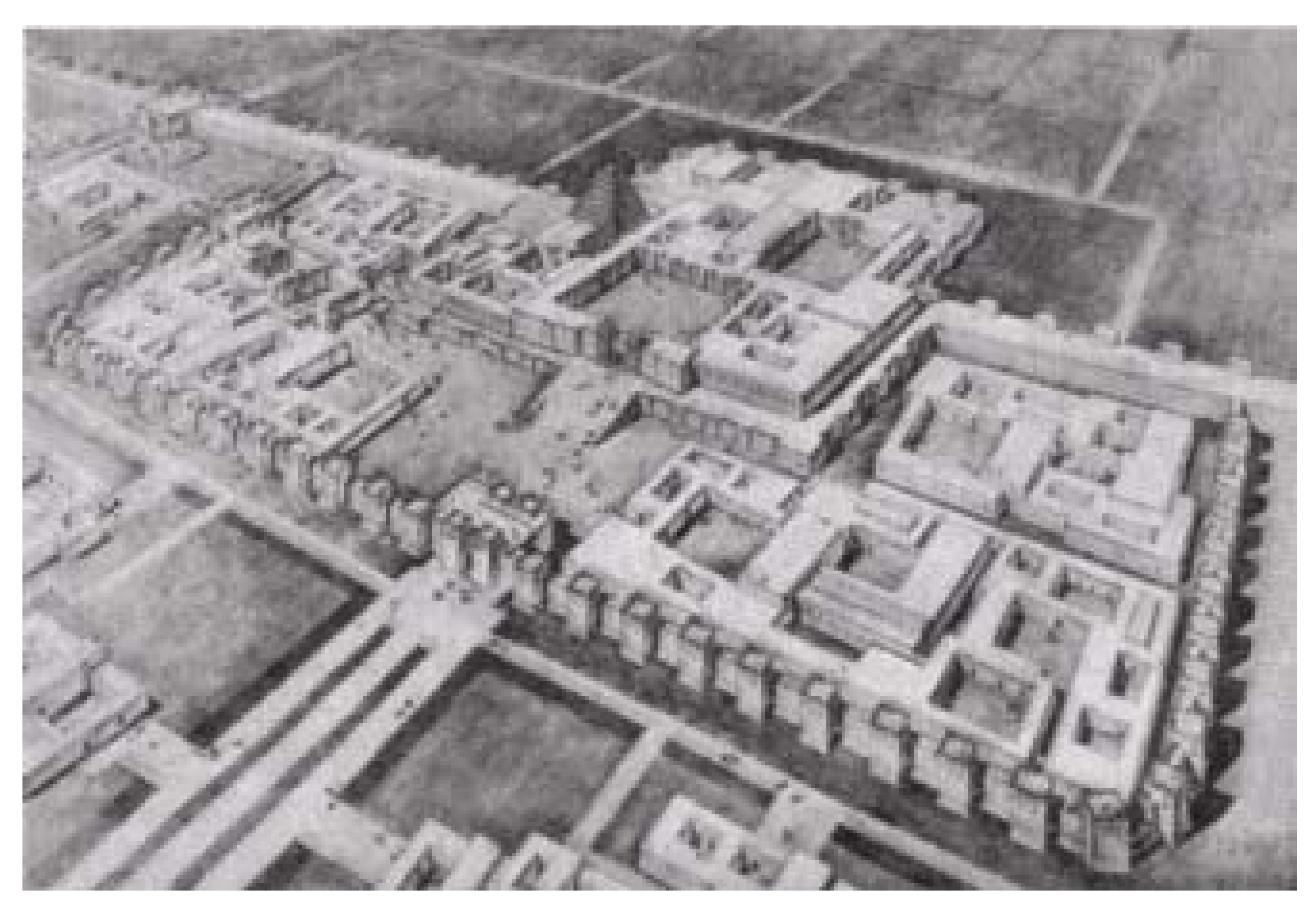
Непрерывные волнения происходили в течение 717—714 гг. на северо-востоке. Но Саргону удалось всё же справиться с положением; вслед за этим начался решающий этап борьбы с Урарту. В 714 г., отправившись в поход против области Зикерту, восточнее озера Урмия, Саргон столкнулся, наконец, с войсками урартского царя Русы. Дело закончилось полным поражением урартов. Ассирийцы захватили колоссальную добычу. В следующем году карательной экспедицией против мидян Саргон закрепил победу на северо-востоке.

Затем последовало «замирение» северо-запада. Под разными предлогами вмешиваясь в дела мелких царств восточной части Малой Азии, Саргон захватил территорию к западу от Верхнего Евфрата и создал таким образом барьер между Урарту и Фригией. С самой Фригией его войска столкнулись, по-видимому, лишь один раз, ещё в 715 г. Впоследствии фригийская угроза стала для Ассирии значительно меньшей в связи с вторжением в Малую Азию племён киммерийцев из степей Северного Причерноморья. Их проникновение в Малую Азию началось ещё около 720 г., если не раньше, и чем дальше, тем больше они грозили существованию Фригии, которая уже не пыталась соперничать с Ассирией.

В Вавилонии положение Мардукапалиддина за истекшие 12 лет резко изменилось к худшему. Вавилон мог убедиться, что Мардукапалиддин относится ещё враждебнее к его интересам, чем прежние ассирийские цари, которые были сторонниками военной группировки, а потому противниками вавилонских рабовладельцев. Вавилон теперь был готов поддержать Саргона, являвшегося представителем иной политики, чем два последних ассирийских царя. В Эламе в это время начались смуты, и эламиты не могли оказать помощи халдеям. В 710 г. до н. э. ассирийские войска двинулись на Вавилонию двумя отрядами. Один из них завоевал территорию, расположенную между Эламом и Вавилонией. Саргон сделал при этом характерный жест — подарил сбор дани с этой новообразованной области храму Мардука в ещё не завоёванном Вавилоне. Второй отряд, во главе с самим Саргоном, разбил под Вавилоном Мардукапалиддина и, продолжая наступление на юг, покорил область Бит-Якин, выселив оттуда 90 тыс. человек. Вавилонская знать была освобождена из темниц Бит-Якина, ей были возвращены конфискованные Мардукапалиддином земли. Саргон принял не титул царя Аккада или Вавилона, а только титул наместника. Такое положение было в общем выгодно для вавилонских рабовладельцев. Вавилон, Ниппур и Сиппар получили обратно свои привилегии и автономию; такие же или несколько меньшие права

были предоставлены ещё девяти вавилонским городам. (Ашшур и, кроме того, Харран в Северной Месопотамии получили привилегии ещё при вступлении Саргона на престол.) Мардукапалиддину удалось скрыться.

В IX—VIII вв. столицей Ассирии продолжал считаться Ашшур, но цари там не жили, так как это был автономный город, лишь косвенно связанный с царской администрацией. Резиденцией царей были обычно города Кальху или Ниневия.

Цитадель города Дур-Шаррукина.
Конец VIII в до н. э. Реконструкция

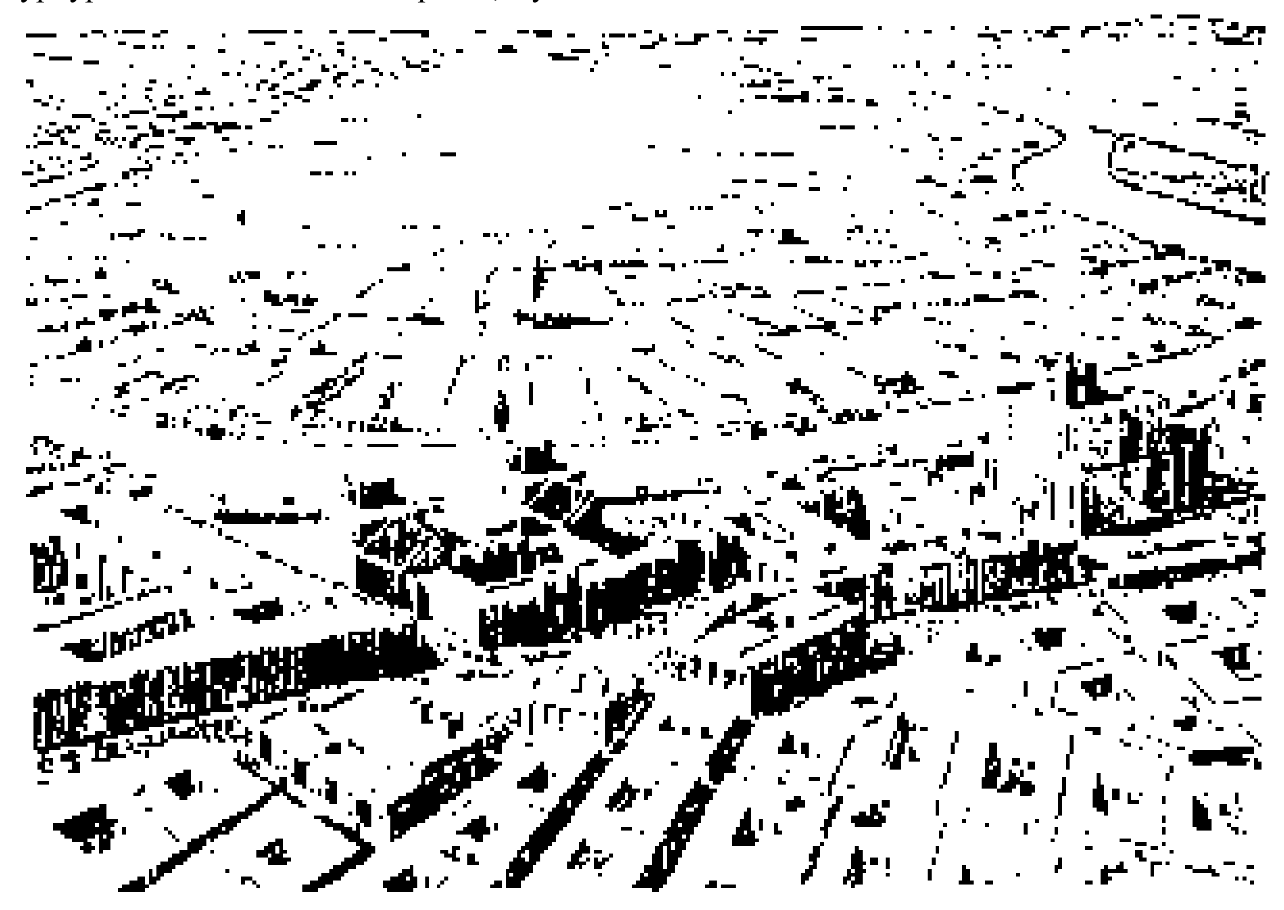
В 707 г. Саргон перенёс резиденцию в законченный строительством новый город Дур-Шаррукин (ныне Хорсабад). В 705 г. Саргон погиб в одной из битв на окраине своего государства.

Общая характеристика Ассирийской державы в конце VIII в. до н. э.

Несмотря на внешние успехи, положение Ассирийской державы не было прочным. Господство в Ассирийской державе принадлежало узкому кругу военной и служилой рабовладельческой знати, свободной от податей и повинностей, которая не имела никакого желания поступаться своими, даже второстепенными, интересами ради кого бы то ни было. Эта группа ассирийской рабовладельческой знати мало считалась с интересами развития сельского хозяйства, ремесла и торговли. При завоеваниях, например, уничтожались старые ремесленные центры.

Во всей жизни населения Ассирийской державы сказывалось глубокое имущественное расслоение. Быт рабовладельческой знати уже значительно отличался от быта ее предшественников времен Хаммурапи и ещё более ранних периодов. Дом знатного ассирийца представлял ныне многокомнатное строение с центром в виде внут-

реннего двора; в парадных помещениях стены украшались иногда циновками или' тканями, может быть, и коврами; в комнатах стояли ложа, столы, кресла и табуреты, часто украшенные фигурными металлическими частями и инкрустацией из слоновой кости и драгоценных металлов. Поверх рубашки-туники знатный ассириец носил длинную пестротканую или вышитую и украшенную бахромой цветную ткань из шерсти, иной раз крашенной дорогим пурпуром. На шее носили ожерелье, в ушах —

Вид города Ашшура.
Начало I тысячелетия до н. э. Реконструкция.

серьги, на руках —массивные браслеты и запястья из бронзы, серебра или золота. Женщины, находившиеся в семье почти как в рабстве у господина дома, в знатных семействах на голове носили тонкую ткань, которой при посторонних нужно было прикрывать лицо. Многочисленная металлическая посуда — чаши, блюда, кубки, рога — украшали стол богатого ассирийца. На этом столе можно было видеть и вино, и различные другие дорогие напитки, и дичь, и акриды (жирные кузнечики — саранча), и довольно разнообразные овощи, и фрукты (виноград, гранаты, яблоки, персики, тутовые ягоды, может быть, и лимоны).

Резкую противоположность быту знатного ассирийца являл быт беднейших земледельцев и рабов. Рабыни, подобно многочисленным храмовым и «вольным» проституткам, должны были ходить с непокрытой головой. От палящего зноя и от холода рабыню, раба или бедняка защищала только туника; жильё их не отличалось от нищенского жилья их далёких предшественников в древнем Шумере. Пленные и переселенцы пригонялись из своих родных мост со скудным скарбом, умещавшимся большей частью в заплечном мешке. Лишь изредка этого скарба было столько, что

его нужно было везти на тележке-одноколке, запряжённой ослом. На царских строительных работах пленные трудились хотя и рядом со свободными и воинами, но в отличие от них — в ножных оковах и под наблюдением воинов-копьеносцев, всегда готовых применить своё оружие. Труд, хотя и был несколько облегчён введением железных и других усовершенствованных орудий ремесла, водоподъёмных журавлей и т. п., оставался крайне тяжёлым; особенно тяжёлым был труд рабынь, моловших зерно на каменных зернотёрках.

Всё трудовое население державы платило налог сельскохозяйственными продуктами, металлом и скотом и привлекалось к разнообразным царским повинностям — строительным, дорожным, оросительным. Часть людей привлекалась в армию в качестве рекрутов, а в случаях особо серьёзных походов, по-видимому, всё лично свободное население, способное носить оружие, призывалось в ополчение; в обоз и сапёрные части призывались и рабы. Постоянные тяготы поборов и военных походов были крайне обременительны для жителей самой Ассирии, не говоря уже о населении захваченных областей. Состав ассирийской армии всё в большей степени пополнялся воинами из покорённых народов, что со временем сказалось на её боеспособности. Ассирийская рабовладельческая держава была создана силой оружия, держалась главным образом силой оружия и постоянно нуждалась в новых военных победах. Всякая, даже малозначительная военная неудача имела большие политические последствия. Длительная же война с переменным успехом неизбежно должна была поставить Ассирийскую державу на край гибели.

Для господствующей группировки ассирийских рабовладельцев первой задачей было укрепление своего военного могущества. Ей нужны были всё новые и новые грабительские походы.

Карательные походы Синаххериба

Наследник Саргона II, Синаххериб (705—680), ещё при жизни отца принимал активное участие в политике и, в частности, руководил ассирийским шпионажем в Урарту и окружающих странах. Но между ним и его отцом, к концу жизни последнего, возникли разногласия. Синаххериб — бывший сторонником военной знати,— вступив на престол, полностью вернулся к политической линии Тиглатпаласара III и Салманасара V.

После того, как в Ассирии воцарился Синаххериб, в Вавилоне произошло некоторое замешательство. Вновь появившийся Мардукапалиддин явно готовился к захвату вавилонского престола, а Синаххериб по не совсем ясным причинам медлил с легализацией своей власти в Вавилоне. Воспользовавшись моментом, вавилоняне решили избрать царя из своей среды. Это спутало карты Мардукапалиддина и заставило его занять Вавилон до того, как подготовка к восстанию была закончена. Дело же было им задумано широко: в качестве союзников были привлечены не только Элам, но и кочевники — арабы и арамеи, а также Иудея и, вероятно, Египет, равно как и города Финикии.

Синаххериб выступил против Мардукапалиддина в феврале 702 г. Халдейско-эламские войска, находившиеся под начальством эламских командиров, были разбиты в двух одновременных сражениях при Куту и Кише. Мардукапалиддин бежал, и Вавилон был взят. Синаххериб увёл в плен более 200 тыс. человек из числа халдеев и части вавилонян, поддерживавших Мардукапалиддина, не считая тех пленных, которые достались на долю отдельных ассирийских воинов. Помимо того, была захвачена колоссальная добыча. Но страна покорилась Синаххерибу только после ожесточённого сопротивления.

Уже после того, как была замирена Вавилония, разразилось подготовлявшееся Мардукапалиддином восстание на западе. Душой восстания был Хизкия (Езекия), царь Иудеи, поддержанный Египтом и арабскими бедуинами. В числе восставших были Тир, Сидон, филистимлянские города и т. д. Но союзники не проявили единодушия и были, по-видимому, деморализованы судьбой вавилонского восстания. При появлении Синаххериба с ассирийскими войсками большинство восставших изъявило

покорность. Посланные эфиопским фараоном Египта против ассирийцев войска были разбиты под Эльтеке, в Палестине. Хизкия был осаждён в Иерусалиме. Лишь начавшаяся в ассирийском войске какая-то эпидемическая болезнь помешала Синаххерибу полностью разгромить своих противников. Хизкия откупился огромной данью —150 *кг* золота и 9 *т* (по данным Библии) или даже 24 *т* (по ассирийским данным) серебра, не считая всевозможного другого добра.

В Вавилонии, однако, дело обстояло не так благополучно для ассирийцев, как могло казаться вначале. Вторгшиеся эламиты захватили сына Синаххериба, посаженного им царём в Вавилоне, а самому Синаххерибу едва удалось вернуться из предпринятой им в это время по Персидскому заливу морской экспедиции на Элам, организованной им с помощью финикийских и греческих моряков. Последние, вероятно, происходили из греческих колоний в Киликии на юго-восточном побережье Малой Азии, около этого времени подчинённой Синаххерибом, или с Кипра, царьки которого формально признали верховенство Ассирии при Саргоне II. К 691 г. создалась крупная коалиция, включавшая Вавилон, Элам, арамеев, мелкие царства на окраинах Мидии, а также, возможно, даже персов, если мы правильно понимаем значение одного из упомянутых анналами Синаххериба названий —Парсуаш [1]. Синаххериб дал союзникам битву при Халуле, на реке Дияле (691 г.). Это кровопролитное сражение не привело к решительным результатам; но развитие внутренних событий парализовало дальнейшие военные действия Элама, и Вавилон остался без своего главного союзника.

После длительной осады Вавилон был взят в 689 г. до н. э.; Синаххериб приказал вывезти статую бога Мардука в Ассирию, а город снести с лица земли. Жители Вавилона были частью казнены, а частью выселены в различные области Ассирийской державы.

Какая бы партия ни господствовала в Вавилоне — халдеи или вавилонская тор-гово-ростовщическая знать вместе со жречеством,— Вавилон всегда был враждебен Синаххерибу, проводившему политику военной партии. Поэтому разрушение Вавилона было логическим завершением деятельности Синаххериба: всё его правление было наполнено борьбой с Вавилоном и группировавшимися вокруг него коалициями. Но уничтожение этого старого торгово-ремесленного и культурного центра Передней Азии произвело на современников крайне тяжёлое впечатление и ещё более усилило ненависть оппозиционных группировок к Синаххерибу.

Конец жизни Синаххериб провёл в Ниневии, благоустройству которой он уделил много внимания. К городу был подведён акведук, вокруг нового дворца был разбит сад, где наряду с различными необыкновенными растениями разводился и хлопчатник; в городе были проложены новые прямые улицы (характерная черта нравов того времени: Синаххериб распорядился, чтобы всякий, кто осмелится, выстроив дом, нарушить прямую линию улицы, был посажен на кол на крыше своего дома).

Своим наследником и правителем Вавилонии Синаххериб назначил Асархаддона (Ашшурахиддина), своего сына от сириянки. Это назначение вызвало, по-видимому, недовольство в придворных кругах, в результате чего двое других сыновей Синаххериба организовали заговор. Синаххериб был убит в храме в январе 680 г.

Изменения во внутренней и внешней политике. Временное завоевание Египта

Среди мятежников, однако, царили разногласия, и Асархаддону удалось справиться с мятежом; его восставшие братья бежали в недоступные области Армянского нагорья, а их сторонники были истреблены. Асархаддон выступил при этом в противоречивой роли — мстителя за Синаххериба и одновременно разрушителя всей его политики, так как сам он был ярым сторонником жреческой группировки. В Ассирии в это время жреческая группа среди рабовладельцев значительно усиливается.

[1] Эту область Парсуаш, упоминаемую впервые при Шамшиададе V в связи с Восточным Эламом, надо отличать от ассирийской области Парсуаш, или Парсуа, в Западной Мидии.

Асархаддон немедленно по восшествии на престол приступил к восстановлению Вавилона, куда были возвращены его жители. Город был отстроен в результате того, что к строительной повинности были привлечены огромные массы податного населения. При этом была заново сооружена (ассирийским зодчим Арадаххешу) знаменитая храмовая башня Этеменанки при святилище Мардука (так называемая «Вавилонская башня»). Сиппар, Ниппур, Борсиппа, Дер и другие города получили обратно свои привилегии, отнятые у них Синаххерибом. Привилегии Ашшура были расширены: его жители были освобождены от всех вообще налогов и пошлин. Асархаддон ввёл также по всей своей державе особые налоги в пользу храмов. Такие налоги ранее взимались, по-видимому, лишь с некоторых специально выделенных для этого районов.

Главной задачей Асархаддона являлось уже не расширение Ассирийской державы, а сё сохранение в прежних пределах. В Вавилонии его политика проводилась довольно успешно. Асархаддону сравнительно легко удавалось поддерживать свою власть над этой страной путём создания ассирийской партии среди верхушки халдейских рабовладельцев. На севере урартский царь Руса II искал дружбы с Ассирией, так как серьёзную опасность равно и для Урарту и для Ассирии представляли вторгшиеся в Переднюю Азию киммерийцы и скифы. В 679 г. Асархаддон сразился в Малой Азии с киммерийскими отрядами под начальством Теушпы. Поход проходил по бывшей ассирийской территории (в юго-восточной части Малой Азии, где теперь вновь создался ряд мелких государств), но не привёл к восстановлению здесь власти ассирийцев.

Серьёзное сопротивление встретил Асархаддон в Финикии, где пытался восстать царь Сидона. Территория Сидона была покорена и превращена в ассирийскую область. Асархаддон заключил затем договор с Баалом, царём Тира. Согласно этому договору Баал не должен был принимать серьёзных решений без ассирийского надзирателя-резидента и без совета старейшин, бывшего, очевидно, органом власти настроенной в пользу Ассирии местной аристократии. По этому договору, в случае захвата тирянами корабля, люди на корабле поступали в распоряжение Тира и продавались в рабство, а имущество — в пользу Ассирии. За это Ассирия передавала Баалу ряд владений города Сидона. Этим Асархаддон надеялся укрепить ассирийскую гегемонию в Средиземноморье. Греческие царьки Кипра, признавшие в своё время верховную власть Саргона II, признали и власть Асархаддона, прислав ему дань. Однако даже власть над Тиром оказалась довольно эфемерной, так как Баал вскоре перешёл на сторону Тахарки, эфиопского фараона Египта. Этим он вовлек Ассирию в длительную серию войн с Египтом.

В 676 г. до н. э. ассирийское войско совершило бесполезный поход в Центральную Аравию —по-видимому, пытаясь добраться до царств Южной Аравии, не рассчитав при этом, однако, ни расстояний, ни трудностей похода.

В 675—673 гг. ассирийцы воевали в юго-восточной части Малой Азии, Финикии, а также с Египтом. В 673—672 гг. Ассирии понадобилось совершить специальный поход в Шубрию — полунезависимую горную область, расположенную между Урарту и Ассирией. Сюда стекались беглецы из обеих стран, спасавшиеся от тягот эксплуатации. Для рабовладельцев проблема бегства рабов и свободных, скованных различными повинностями, по-видимому, стала к тому времени очень острой. Асархаддону удалось покорить Шубрию, причем он не только захватил беглых ассирийцев, но и выдал беглых урартов царю Русе II. Около того же времени восстали мидяне и другие племена на восточных окраинах державы. Они находились в союзе с царством Маны (у озера Урмия) и скифами. В результате восстания три восточные области отпали от Ассирии, и на их территории образовалось царство Мидия.

В то же время продолжалась война с Египтом. Только в 671 г. до н. э. состоялся решающий поход в долину Нила. Ассирийцам, воспользовавшимся ослаблением Египта, довольно легко удалось взять Мемфис и закрепиться в Нижнем Египте. Местные

РОСПИСЬ ИЗ ДВОРЦА САРГОНА II
Дур-Шаррукин (современный Хорсабад). Конец VIII в. до н. э.

египетские власти были оставлены на своих местах и лишь подчинены ассирийским «надзирателям», при которых состояли небольшие гарнизоны.

Конечно, столь быстрое завоевание отдалённой от Ассирии и экономически с ней не связанной страны не могло быть прочным, и ассирийцы даже не пытались органически включить Египет в свою державу. Хотя Асархаддон и принял титул «царя Нижнего и Верхнего Египта и Эфиопии», однако он не короновался в Египте, как фараон. На Египет была наложена ежегодная дань в 180 *кг* золота и 9 *т* серебра. Что касается Тира, то он, благодаря своему островному положению, так и не был завоёван.

Ассирия при Ашшурбанапале

В конце своего правления Асархаддон решил передать престол Ассирии своему сыну Ашшурбанапалу, а другого сына, Шамашшумукина, сделать царём Вавилона. С этой целью население Ассирии ещё при жизни Асархаддона было приведено к присяге Ашшурбанапалу, причём дело не обошлось без волнений; вавилонская хроника сообщает под 670 годом: «...царь пребывал в Ассирии; много вельмож было убито оружием».

Царствование Ашшурбанапала, сменившего Асархаддона, началось в 669 г. до н. э., когда положение Ассирии было относительно прочным. Шамашшумукин был водворён на вавилонский престол. Ассирийцам удалось изгнать Тахарку из Нижнего Египта, который незадолго до этого вновь был занят эфиопским фараоном. Возможно, что эти события имели место ещё при жизни Асархаддона, умершего в походе на Египет. Однако затем в Египте был обнаружен заговор, возглавленный Нехао, владетелем Мемфиса и Саиса, и другими владетелями, вступившими в сношения с Тахаркой. Этот заговор был подавлен силами местных ассирийских гарнизонов. Но Ашшурбанапал решил, что для сохранения господства в Египте необходимо попытаться создать там ассирийскую партию. С этой целью он не только освободил Нехао, но и поставил его во главе египетских царьков, одновременно всё же назначив при нём ассирийского наместника. Позже преемник Тахарки Тануатамон (Тальтамон) предпринял ещё одну попытку овладеть Египтом, но был отброшен ассирийцами в Эфиопию. Во время этого похода ассирийцы проникли далеко вверх по долине Нила, взяв и разграбив древнюю столицу Египта Фивы. Это событие произвело огромное впечатление на всём Ближнем Востоке. Однако разгром Фив не привёл к упрочению положения ассирийцев в Верхнем Египте.

В Финикии в начале правления Ашшурбанапала успех также сопутствовал Ассирии; ей удалось добиться признания покорности со стороны двух всё ещё сохранявших в это время независимость островных финикийских государств —Тира и Арвада. В Малой Азии под угрозой нашествия киммерийцев, разгромивших в союзе с Урарту в начале VII в. до н. э. Фригию, к ассирийской помощи прибегли не только царство Табал в горах Тавра, признавшее главенство Ассирии, но и отдалённая Лидия в западной части полуострова. Царь Лидии Гуггу (Гиг) около 665 г. до н. э. прислал к Ашшурбанапалу посольство и просил помощи против киммерийцев. Эта помощь ему была оказана.

3. Ослабление и гибель Ассирийской державы

Обострение внутриполитического положения

Таким образом, около 660 г. Ассирия находилась на высоте своего могущества; если она и утеряла некоторые районы, которыми владели ранее Тиглатпаласар или Саргон, зато она приобрела Египет. Но, начиная с этого времени, нарастают события, которые затем привели Ассирию к быстрой гибели.

В пределах Ассирийской державы не было недостатка в людях, желавших её уничтожения. Народы Передней Азии считали своими главными врагами ассирийскую знать (включавшую должностных лиц администрации и высшее жречество), военщину и городских купцов—маленькую группу людей, наживших неслыханные по масштабам того времени богатства и эксплуатировавших в своих интересах всё

остальное население Ближнего Востока. Весь Восток жил мечтой о гибели Ассирии— «логовища львов» и надеждой на падение Ниневии — «города крови». В этом сходились и представители окраинных, ещё не покорённых племён, и переселённые на новые земли пленные, и эксплуатируемые общинники, и представители рабовладельческих кругов за пределами собственно Ассирии. В то же время внутри привилегированной верхушки рабовладельцев, как мы уже указывали, шла постоянная внутренняя борьба между военной и служилой знатью, с одной стороны, и рабовладельческой знатью храмов и городов, в частности вавилонских, с другой стороны.

Широкие народные массы — земледельцы, ремесленники и рабы ещё не выступали в качестве самостоятельной политической силы, их классовая борьба проявлялась пока в бегстве от хозяев, убийствах отдельных рабовладельцев. Но эти массы представляли собой огромную скрытую силу, которая могла прийти в движение в случае военного поражения или ослабления государственной власти.

При таких условиях речь может идти не столько о том, почему погибла Ассирийская держава, сколько о том, что позволяло ей сравнительно долго продолжать своё существование. Причиной этого было главным образом отсутствие необходимого единства и достаточных военных сил у её противников.

Однако постоянные военные успехи Ассирии вели к тому, что внешняя опасность стала недооцениваться господствующим классом, в то время как раздоры между его отдельными группировками усилились. Что касается ассирийской армии, то, хотя нет данных о том, чтобы Ассирия стала прибегать к наёмным войскам (единственное исключение — упоминание начальника полка киммерийцев при Асархаддоне), однако так или иначе эта армия была переполнена чужеродными элементами, навербованными из среды всевозможных покорённых народов. Возможность наживаться во время походов (особенно в период военных успехов Ассирии) превращала значительную часть этих воинов в послушное орудие ассирийских рабовладельцев, но в конце концов, враждебные настроения населения в целом не могли не сказываться и на армии, не могли не подрывать её боеспособности.

С другой стороны, длительная борьба с ассирийцами содействовала накоплению боевого опыта у их противников. Совершенство военной организации и вооружения, высокая техника осадного дела не могли долго быть монополией одних только ассирийцев. Вавилоняне, урарты, мидяне, эламиты усвоили ассирийскую тактику и военную технику. Важное значение имело появление в Передней Азии конно-стрелковых отрядов киммерийцев и скифов с их особой тактикой. Быть может, к киммерийцам и скифам примыкали и местные жители с окраин ассирийских владений. Теперь для падения Ассирии был, таким образом, необходим лишь достаточно мощный военный союз её противников. Такой союз пытался в своё время сколотить ещё Мардукапалиддин; начиная с 50-х годов VII в. до н. э. против Ассирии снова складываются различные коалиции, и вопрос был только в том, какая из них окажется достаточно сильной, чтобы свергнуть ассирийское иго.

Усложнение международной обстановки

Между 657 и 655 гг. до н. э. Псамметих, сын Нехао, бывший в то время правителем одной из областей Египта, вступает в союз с Гуггу, лидийским царём, который, временно отразив натиск киммерийцев, считал, что он больше не нуждается в поддержке Ассирии. Опираясь на этот союз, Псамметих занимает престол фараонов, вероятно, уничтожив при этом ассирийские гарнизоны. Египет был потерян Ассирией. Ассирийский царь оказался не в состоянии организовать новый поход для подчинения Египта, так как всё его внимание и силы были отвлечены на борьбу с врагами, которые угрожали основному ядру государства. В 655 г. начинается война Ассирии с Эламом. Ассирийские войска разбили эламитов и их арамейских и халдейских союзников, затем, форсировав реку Карун, взяли столицу Элама — Сузы. Эламский царь Теумман был взят в плен и обезглавлен на виду у сдавшегося эламского •войска.

Несмотря на этот успех, обстановка всё осложнялась. Одно время ассирийцы ожидали вторжения киммерийцев (взявших около 654 г. Сарды, столицу Лидии), а также урартов. Но силы киммерийцев оказались надолго связанными в Малой Азии, где Лидия продолжала сопротивляться. Государство Урарту также не пошло на конфликт с Ассирией; зато в 653—652гг. до н. э. восстал подчинённый Ассирии вавилонский царь, брат Ашшурбанапала Шамашшумукин.

Шамашшумукину, связанному родством с вавилонской знатью и, очевидно, рассчитывавшему на своих сторонников в Ассирии, удалось создать в Вавилонии сильное войско и привлечь на свою сторону как вавилонскую, так и халдейскую знать. Кроме того, он тайно вступил в союз с арабами, с арамейскими племенами, по-видимому, также с Мидией, быть может, с Египтом и, конечно, с неизбежным участником всех антиассирийских коалиций — Эламом. Но, несмотря на все меры, принятые Шамашшумукином, ход событий был для него неудачен. Ассирийцам, впервые выступившим под начальством самого Ашшурбанапала, который до тех пор, по-видимому, никогда не участвовал в походах, предпочитая этому занятия в своей библиотеке и самоличное участие в пытках и казнях пленных, удалось воспрепятствовать соединению эламитов с вавилонянами. Шамашшумукин был разбит, отступил к Вавилону, где и был осаждён.

Битва ассирийцев с эламитами.
Рельеф из дворца Ашшурбанапала. VII в. до н. э.

На помощь Шамашшумукину пытались прорваться арабские вспомогательные отряды, но они были разбиты в непривычной для них пересечённой каналами местности и оказались вынуждены сами укрыться за стенами Вавилона, где уже тогда свирепствовал голод. Тем временем западные группы арабов были разбиты верным Ашшурбанапалу царём Моава (государства к востоку от Иордана). В Эламе произошёл очередной дворцовый переворот, и началась длительная смута. Положение осаждённых вавилонян стало безнадёжным. По ассирийским данным, они дошли до людоедства. Шамашшумукин сжёг себя в своём дворце. Ворвавшимися в город ассирийцами была учинена жестокая расправа над сторонниками Шамашшумукина.

Война, однако, и на этом не была ещё закончена — оставался Элам, где вновь возобладала антиассирийская группировка знати. Ассирийцы снова взяли Сузы и в

646 г. до н. э. опять возвели на престол своего ставленника. В последовавшие годы смут претенденты на эламский престол боролись друг против друга и в то же время вели войну против Ассирии. Единства среди эламитов не было, и дело могло кончиться только полным и окончательным их поражением. В конце концов (около 639 г. до н. э.) ассирийцы в третий раз взяли Сузы. Город был разгромлен, прах эламских царей выброшен из гробниц, статуи эламских богов вывезены, а многочисленные ценности, в течение многих веков награбленные эламитами в Вавилонии, были возвращены в Вавилон. Так окончилось самостоятельное существование Элама.

Ашшурбанапал умер, по-видимому, около 633 г. до н. э., и с этого времени начался новый период внутренних смут в Ассирии, приблизивших её окончательное падение. К сожалению, подоплёка этих смут нам пока неясна.

Гибель Ассирийской державы

Мы очень мало знаем о правлении преемника Ашшурбанапала, Ашшурэтелилани. В 626 г. до н. э. престол Вавилонии, который до тех пор, по-видимому, занимал ассирийский ставленник Кандалану, захватил Набопаласар (Набуапалусур)—халдейский вождь, находившийся ранее на службе у Ассирии. Ашшурэтелилани сделал слабую попытку привлечь халдеев на свою сторону, но вследствие далеко зашедшего к этому времени процесса слияния халдейской и вавилонской знати противопоставить их друг другу, как это делалось раньше, уже не удалось. Набопаласар удержал Вавилонию в своих руках. Вскоре Ашшурэтелилани был, по-видимому, свергнут с престола во время дворцового переворота в Ассирии. Последующие события нам неизвестны до 616 г., когда на ассирийском престоле уже находился другой сын Ашшурбанапала — Сарак (Синшарришкун).

К этому времени Ассирийское государство, по-видимому, перестало осуществлять административный контроль не только над большинством отдалённых от него областей, но и над сирийскими областями и вынуждено было заключить союз с Египтом и даже с царством Мана у озера Урмия. Это царство ассирийцы ранее не признавали за равноправную державу. Возможно, что на многих ассирийских территориях хозяйничали в то время скифы. Однако центральные области державы прочно удерживались войсками Сарака.

Положение Ассирии и её союзников резко ухудшилось, когда против неё сложилась мощная коалиция в составе Вавилонии (во главе с Набопаласаром) и Мидии (во главе с Киаксаром). Неясно, впрочем, был ли союз между ними заключён с самого начала или он оформился лишь в ходе самой войны.

В течение 616—615гг. до н. э. военные действия между ассирийцами и вавилонянами шли с переменным успехом. В ноябре 615 г. мидяне, воспользовавшись тем, что основные силы ассирийцев действовали против Вавилонии, прорвались через перевалы гор Загра и проникли в Аррапху, по соседству с коренной областью Ассирии. Это было началом конца. Около этого времени царство Мана, по-видимому, подчинилось Мидии, и в июле 614 г. мидяне без труда проникли уже в собственно Ассирию. Преследуя отступавших в панике ассирийцев, они достигли Ашшура. Город был взят штурмом и подвергнут разграблению. Набопаласар двинулся на помощь мидянам, но не поспел к штурму, по-видимому, преднамеренно, так как не желал быть обвинённым в осквернении ашшурских святынь. На развалинах Ашшура был заключён (или возобновлён) союз между Набопаласаром и Киаксаром; тогда же, вероятно, Киаксар выдал свою дочь (или внучку) за Навуходоносора, наследника престарелого Набопаласара.

Но и после падения Ашшура Сарак ещё не терял надежды. В 613 г. до н. э. он поднял против Вавилонии племена приевфратских арамеев и, отвлёкши таким образом Набопаласара от Ассирии, сумел нанести ему поражение. Однако дни Ассирии были сочтены. Весной 612г. Киаксар, которого теперь вавилонская хроника называет но «царём Мидии», а «царём Умманманды», т. е. вообще северных «варваров», и Набопаласар встретились у Тигра, и их объединённые войска двинулись на Ниневию. Осада про-

АССИРИЙСКАЯ ДЕРЖАВА около 654 г. до н. э.

ОБЛАСТИ АССИРИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ
(в некоторых случаях одним номером обозначены две и более областей)

1. Ашдод
2. Дор
3. Самария
4. Мегиддо
5. Гилеад
6. Ю. Хамат
7. Карнен
8. Хауран
9. Ушу
10. Цоба
11. Дамаск
12. Сидон и Библ
13. Симирра
14. Хамат
15. Куллани ? и Мансуате
16. Хатарикка
17. Унку
18. Арпад (Яхан)
19. Куэ
20. Сам'аль
21. Гургум
22. Табал (полунезависимый)
23. Куммух (Коммагена)
24. Мелид и Камману
25. Каркемиш и Тиль-Тури
26. Кар-Шульманашаред и Суру-Нурани?
27. Дуру
28. Харран (область туртана)
29. Исалла
30. Наири
31. Уппуму и Куллиммери (Шубриа)
32. Тушхан
33. Шуду и Шабирешу (область рабшаке)
34. Насибина
35. Гузана
36. Лаке и кочевые области
37. Расаппа ?
38. Хиндану
39. Суху и кочевые области
40. Области собственно Ассирии (всего около 50 областей)
41. Итуа
42. Сурмаррате
43. Хальсу? и Курбан
44. Область государственного глашатая
45. Киррури
46. Замуа
47. Арранха
48. Арзухина
49. Кишессу и Хархар
50. Парсуа
51. Бит-Хамбан
52. Намру и Лахиру
53. Туплиаш
54. Гамбулу
55. Дер
56. Урук
57. Вавилония (автономная)

должалась с мая по конец июля. Несмотря на ожесточённое сопротивление ассирийцев, Ниневия была взята, и ассирийская знать, попавшая в руки победителей, вырезана. Сарак, по-видимому, последовал примеру своего дяди Шамашшумукина и бросился в огонь своего пылавшего дворца. Победители увели большое число пленных. Часть ассирийского войска во главе с Ашшурубаллитом (по-видимому, братом Ашшурбанапала) прорвалась, однако, в Харран, где Ашшурубаллит объявил себя царём Ассирии. Он держался ещё несколько лет в районе Харрана — Каркемиша, рассчитывая на помощь египетского фараона Нехао, пока, наконец, ассирийско-египетские войска не были окончательно разбиты вавилонянами под командованием царевича Навуходоносора в 605 г. до н. э. у Каркемиша.

Так окончилось существование Ассирийской державы. С этого времени Ассирия больше никогда не играла прежней политической роли. Ассирийский народ не был, однако, уничтожен в ходе разрушения Ассирийской державы. Потомки ассирийцев продолжали жить на тех же местах, но родной их язык (ассирийский диалект аккадского), с которым уже и раньше успешно соперничал широко распространённый в Ассирийской державе арамейский, был теперь полностью им вытеснен. Ассирийцы влились в общую массу арамеев.

4. Идеология и культура Ассирии.

Литература и наука

Собственный вклад Ассирии в культуру древнего мира был невелик. Так, в области литературы Ассирия, по-видимому, не создала ничего своего, кроме военных царских анналов. В своём роде, впрочем, эти анналы были замечательны яркой выразительностью ритмического языка и системой образов, когда дело шло об изображении военной мощи Ассирии и описании побед ассирийского царя. Но характерно, что даже эти типично ассирийские Произведения почти всегда писались не на родном для ассирийцев диалекте, а на довольно сильно отличавшемся от него к этому времени аккадском литературном языке (вавилонском). Что же касается всех остальных литературных памятников, заботливо собиравшихся в библиотеке ниневийского дворца по приказу царя-грамотея Ашшурбанапала, а также в библиотеках храмов, то они почти все без исключения представляли памятники вавилонской литературы или же подражания им, вроде составленных, по-видимому, самим Ашшурбанапалом гимнов и молитв богам.

Образованный писец в Ассирии должен был знать несколько языков: помимо своего родного диалекта и вавилонского диалекта в двух его формах (живой, применявшийся в деловой переписке с Вавилонией, и старолитературный) ещё и шумерский язык, так как без некоторого знания этого языка невозможно было полное овладение клинописной грамотой. Кроме того, в официальных канцеляриях помимо ассирийского диалекта аккадского языка применялся ещё и другой язык — арамейский, как язык, наиболее распространённый среди многоязычного населения разных частой державы. Арамейский язык даже начал вытеснять аккадский в быту населения. В канцелярском штате состояли специальные арамейские писцы, писавшие на коже, папирусе или глиняных черепках. Создавалась и арамейская литература, к сожалению, до нас почти не дошедшая ввиду плохой сохраняемости применявшегося для письма материала. К ассирийскому времени следует, однако, отнести известную арамейскую повесть о премудром Ахикаре, древнейший вариант которой дошёл до нас в копии V в. до н. э. и действие которой происходит при дворе ассирийских царей Синаххериба и Асархаддона. Повесть эта, претерпевшая изменения в течение многих веков, дожила до позднего средневековья, переводилась и в Европе на многие языки, в том числе и на русский.

Наука в Ассирии находилась в общем ещё на этапе первичного накопления фактов. Дошедшие до нас научные сочинения носят сугубо утилитарный характер — это различные перечни, справочники, рецепты. Некоторые из этих справочников,

однако, предполагают наличие известных предварительных обобщений. Большинство дошедших до нас из Ассирии научных сочинений — вавилонского происхождения. Нам известны словари и сборники языковых и юридических упражнений, медицинские и химические рецептурные справочники, сводки ботанических и минералогических терминов, астрологическо-астрономические записи и т. п. Научные знания в таких сочинениях перемешаны с колдовством; профессия врача, например, считалась жреческой профессией.

На высоком уровне развития, как уже указывалось, находились военная техника и те отрасли техники, которые связаны с военным делом,— строительство мостов, дорог, акведуков, крепостей и т. п.

Искусство и архитектура

В области архитектуры ассирийские зодчие имели крупные достижения. Наиболее важные строения возводились на высоких кирпичных платформах; все постройки сооружались из сырцового кирпича (обожжённый кирпич и камень применялись, и то далеко не всегда, лишь для облицовки). Так как сырцовый кирпич — материал, не допускающий сложных архитектурных форм, ассирийское зодчество пользовалось ограниченным числом приёмов: прямые линии, чередование выступов и ниш, открытые портики со столбами и с двумя башнями по бокам — так называемые «хеттские бит-хилани». Стены зданий были глухие, комнаты, как и в Вавилонии, открывались во внутренний двор. Известен был арочный свод, но обычно перекрытия были балочные, накатом; свет проходил через отверстия, сделанные в потолке или в стенах под потолком. При храмах важнейших божеств строились ступенчатые башни (зиккураты) несколько иной конструкции, чем в Вавилонии.

Голова демона.
Ассирия. Первая половина I тысячелетия до н. э.

Центральным сооружением крупного ассирийского города являлся царский дворец, занимавший значительную часть его площади. Такой дворец представлял собой крепостное сооружение на высокой платформе. Стены с выступами прямоугольных башен, увенчанные ступенчатыми зубцами, были сложены обычно целиком из сырцового кирпича. Арочные входы были украшены каменными изваяниями крылатых быков и львов с человеческими лицами—божеств-хранителей дворца. Наружных украшений у зданий, кроме описанных, по большей части не имелось. Художественно оформлялись главным образом внутренние помещения, в особенности узкие и длинные парадные залы дворцов. Здесь применялись раскрашенные рельефы, роспись и цветные изразцы. Особенно известны ассирийские рельефы. Они высекались на больших каменных плитах, которыми облицовывались нижние части стен во внутренних помещениях дворцов. Обычай изготовления рельефных плит был заимствован из Митанни или от хеттов; вообще в изобразительном искусстве Ассирии имеется множество элементов, восходящих к хурритскому и хеттскому искусству. Рельефы более раннего периода (по IX в. до н. э. включительно) отличаются большей связанностью фигур, отсутствием в них динамичности, преувеличенным подчёркиванием физической силы. Начиная с VIII в. работавшие в Ассирии художники несколько более приближаются к правдивой передаче

действительности, начинают пользоваться пейзажем. Особенно замечательны изображения животных и сцены охоты времени Ашшурбанапала.

Однако достижения ассирийского искусства остаются ограниченными. Для него характерно ремесленное, хотя и квалифицированное использование заранее разработанных трафаретов; иногда — как в случае охотничьих сцен — художник умело их сочетает, добиваясь жизненности изображения; тематика же ограничена военными, культовыми и охотничьими сценами, а идейное содержание сводится к восхвалению мощи ассирийского царя и ассирийского войска и к посрамлению врагов Ассирии. Нет интереса к передаче конкретного образа человека и его окружения, в изображениях сохраняется трафаретный тип лица, условный разворот тела и т. п.

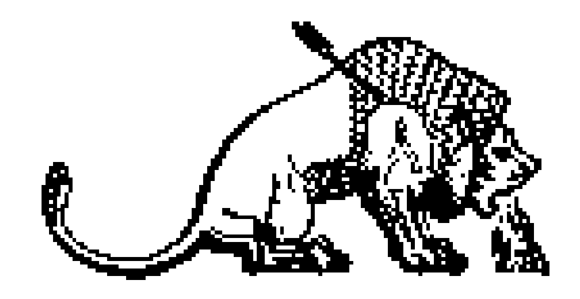
Несмотря на то, что в изобразительном искусстве достижения ассирийцев были сравнительно невелики, оно всё же оказало немалое влияние на официальное искусство более позднего государства того же типа — Персидской державы, развитие которого пошло по путям, проложенным ассирийскими художниками; при этом были лишь усилены элементы трафаретности и декоративности изображений.

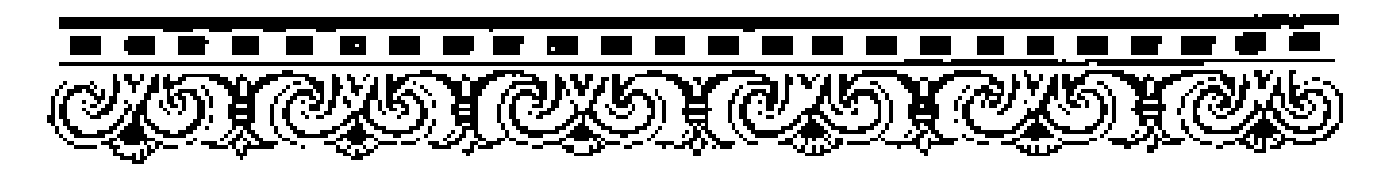
Религия

Идейное содержание как искусства и литературы, так и всей ассирийской культуры вообще в значительной мере определялось, как и в других странах древнего Востока, религией. Важнейшее значение в религии ассирийцев имели ритуалы и обряды магического характера. Боги представлялись в виде сильных, завистливых и грозных в своём гневе существ, а роль человека по отношению к ним сводилась к роли раба, кормящего их своими жертвами. Всякий бог был богом-покровителем определённой общины или территории, были боги «свои» и «чужие», однако и «чужие» боги всё же признавались божествами. Бог-покровитель государства объявлялся наиболее могущественным богом, царём богов, мир богов представлялся по образу иерархии царского двора, а религия в первую очередь освящала существующую деспотическую монархию.

Официальная обрядность, мифология и всё учение ассирийской религии были почти полностью заимствованы из Вавилона, с той лишь разницей, что местный бог Ашшур был поставлен над всеми богами, в том числе и над вавилонским Белом-Мардуком. Были, впрочем, распространены среди народных масс такие мифы и верования, которые не были известны вавилонянам и которые восходили к хурритской мифологии. Это засвидетельствовано изображениями на цилиндрических каменных печатях, которые носили свободные ассирийцы. Ассирийские мифы и культы, связанные с земледелием, сохранились в виде пережитков и до наших дней в быту горцев, живущих на территории бывшей Ассирии.

Религиозные представления, восходившие к далёким временам, и верования, возникавшие вновь на почве социальной придавленности масс, опутывали каждый шаг ассирийцев: бесчисленные суеверия, вера в десятки видов демонов и привидений, от которых ограждались амулетами, молитвами, магическими фигурками героев Гильгамеша и Энкиду, тысячи примет на все случаи жизни, соблюдаемые с величайшей тщательностью обряды и т. д. Сложные обязательные обрядовые церемонии должен был выполнять и царь, считавшийся магическим носителем благополучия страны; это широко использовалось жречеством для политического давления на царя и сохранения своего влияния на государственные дела.

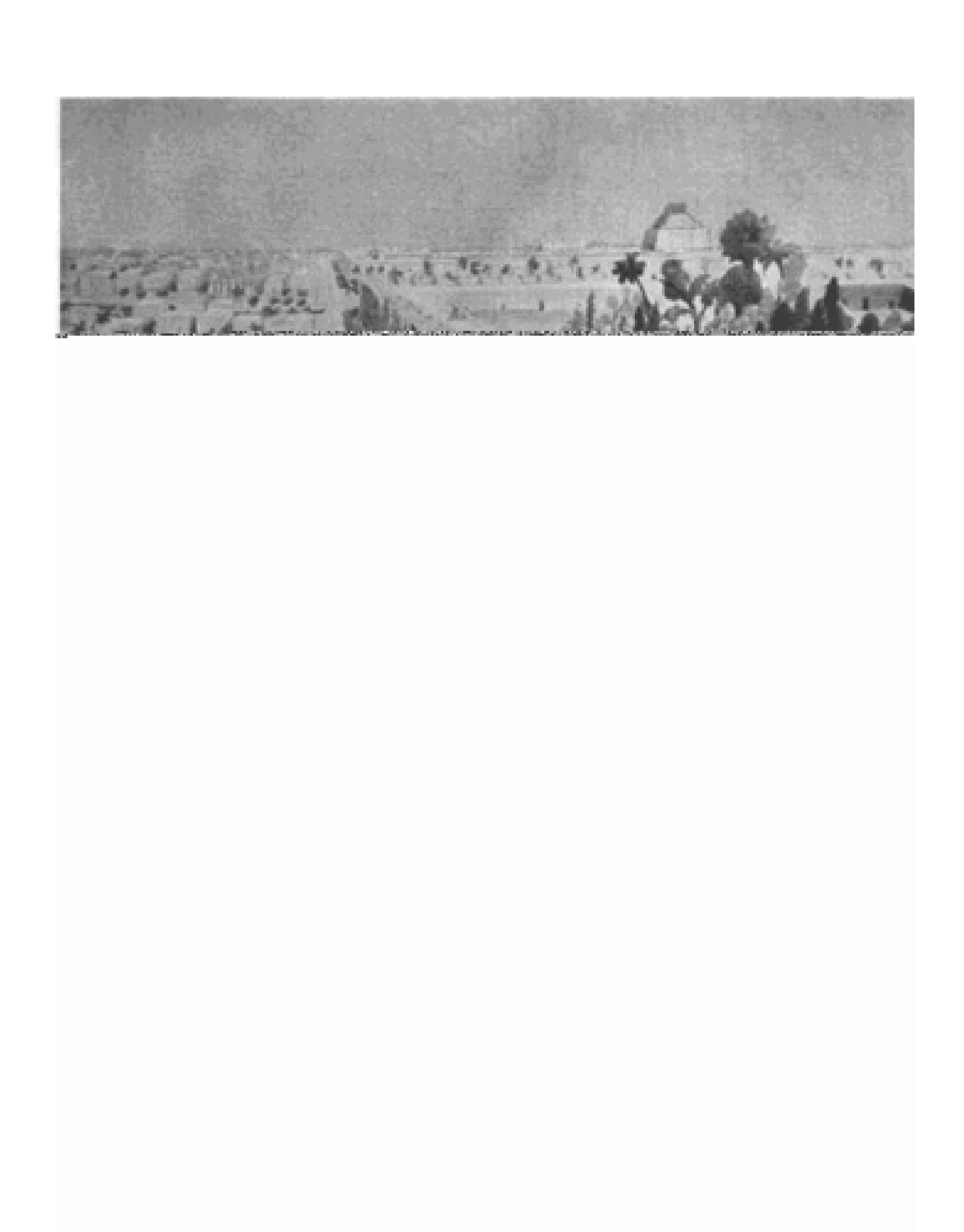
ГЛАВА XXII
НОВО ВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО

В конце VII в. до н. э., после распада Ассирийской державы, политическая гегемония в Передней Азии вновь (почти через тысячу лет) переходит к Вавилону. Важнейшей особенностью внутриполитической жизни Вавилонии первой половины I тысячелетия до н. э. является процесс дальнейшей дифференциации среди свободной части населения, долившегося на богатых и бедных. Привилегированное сословие, к которому принадлежали крупные рабовладельцы, купцы, ростовщики и т. п.,, добивается создания своей особой политической организации в виде ряда самоуправляющихся городов. Крупнейшим из таких городов был Вавилон.

Вавилония в X—VII вв. до н. э.

Вавилония в X—VII вв. до н. э. оставалась богатой и населённой страной, а город Вавилон сохранял своё значение важнейшего торгового и ремесленного центра Передней Азии. Но политическое его значение было невелико. Он стал объектом захватнических устремлений правящих классов других государств. Не всегда Вавилону удавалось сохранять даже свою политическую независимость.

Особенно упорной была борьба Вавилона с Ассирией. Как уже упоминалось, с 732 г. до н. э. Вавилон входил в Ассирийскую державу, а его царями одно время были ассирийские цари. Несмотря на то, что Вавилония находилась в лучшем положении, чем другие подчинённые ассирийцам страны (она сохраняла относительную самостоятельность), борьба вавилонян за полную независимость не прекращалась. Не раз ассирийским царям приходилось силой восстанавливать свою власть над непокорными вавилонянами.

ГОРОД ВАВИЛОН В VI ВЕКЕ ДО Н. Э.
Реконструкция

После падения Ассирии Вавилонское царство (называемое в науке Ново-Вавилонским или Халдейским) наряду с Мидией становится наиболее могущественной державой Передней Азии.

Основателем Ново-Вавилонского царства был Набопаласар (Набуапалусур) — может быть, потомок Мардукапалиддина, наиболее известного из халдейских вождей, столь упорно боровшихся в своё время против Ассирии. При Ашшурбанапале халдейская знать, сросшаяся со знатью вавилонской, была лояльна по отношению к Ассирийской державе, и многие её представители находились на ассирийской службе. По данным греческих авторов, и Набопаласар был первоначально полководцем на ассирийской службе, возможно — наместником юга Вавилонии или номинальным царём Вавилона после смерти ставленника Ашшурбанапала — Кандалану. Начало царствования Набопаласара падает на 626 г. до н. э., и вскоре Вавилония стала, по-видимому, уже независимой от Ассирии.

Набопаласар умер в 604 г., вскоре после решающей победы над остатками ассирийских войск и их египетскими союзниками, одержанной под Каркемишем царевичем Навуходоносором (Набукудурриусуром), который в том же году вступил на престол.

Передняя Азия после падения Ассирии

Положение окружающих государств в это время было благоприятно для захватов Навуходоносором II новых земель. Сирия, где уже давно не было даже полу самостоятельных царств, по-видимому, сразу подчинилась Навуходоносору. Иудея и Финикия не решались определить свою позицию, очевидно выжидая дальнейшего хода событий. Вся северная и северо-восточная часть территории бывшей Ассирийской державы была в руках Киаксара, царя Мидии, подчинившего к этому времени также царства Мана, Урарту и Скифское царство, находившееся на территории современного Азербайджана. Лишь в Малой Азии имелось два крупных независимых царства: в западной части — Лидия и в юго-восточной — Киликия. Мидия не представляла пока опасности для Вавилона: союз, заключённый с нею Набопаласаром и закреплённый браком между Навуходоносором и дочерью мидийского царя, был ещё прочен.

Ассирия была сокрушена окончательно, и сейчас предстояло поделить её наследство между Вавилонией и Мидией. По-видимому, граница прошла от Исского залива (в северо-восточном углу Средиземного моря, между Малой Азией и Финикией) через Месопотамию, оставляя Харран и бывшую коренную ассирийскую территорию за мидянами. За кем остался Элам — не вполне ясно, но наиболее вероятно, что он отошёл к Мидии.

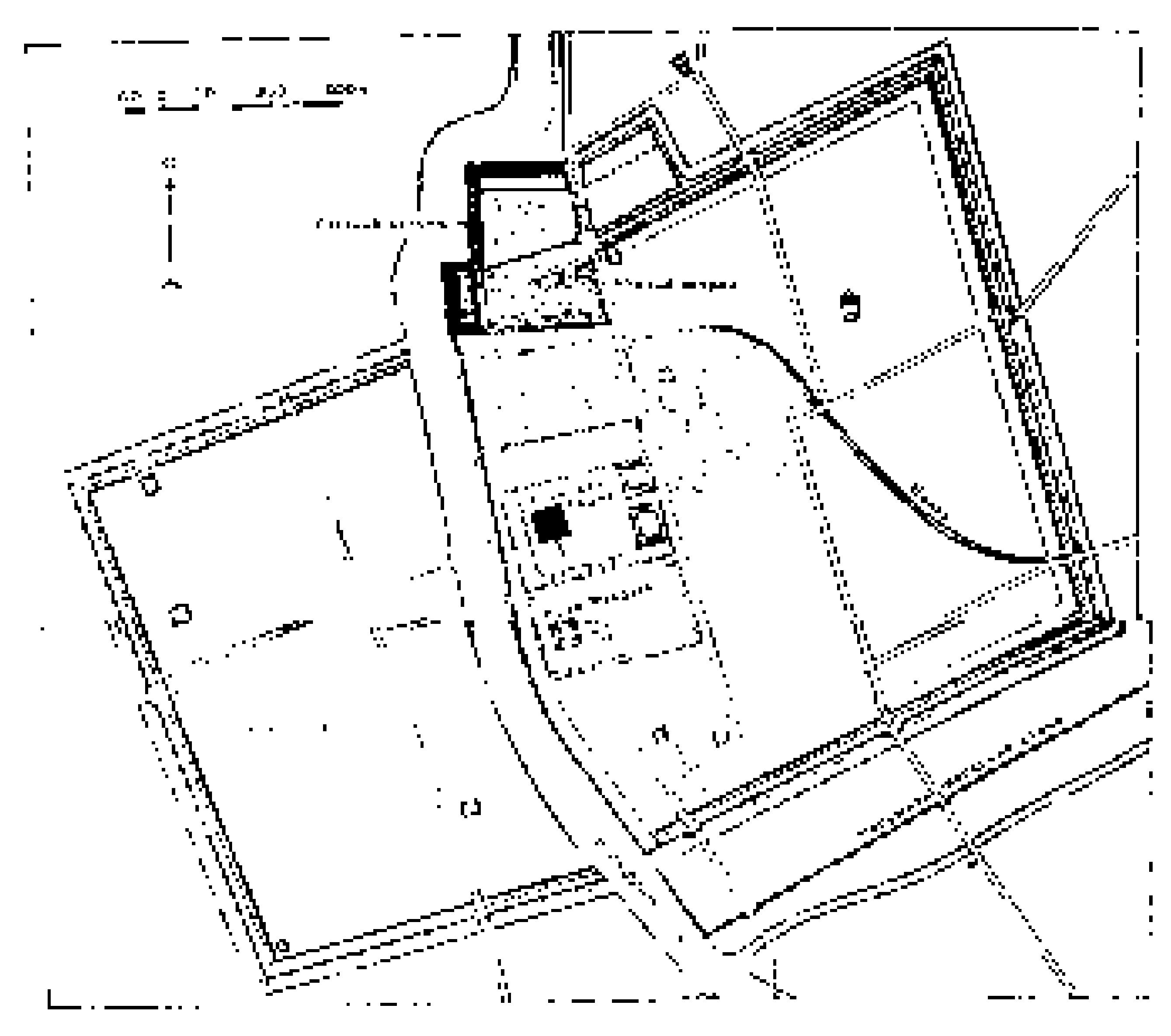
Навуходоносору, таким образом, досталось около половины территории бывшей Ассирийской державы, но эту половину ещё предстояло закрепить за Вавилонией. Пока Мидия была дружественной державой, необходимо было обеспечить вавилонское господство в Сирии, Финикии и Палестине и обезвредить другого опасного соперника — Египет. На Египет уже начали ориентироваться Тир и Иудея, а может быть, и мелкие государства Заиорданья.

Захватнические войны Навуходоносора II

В 597г. до н. э. Навуходоносор впервые занял Иерусалим, посадив в Иудее своего ставленника Цидкию (Седекию). Успех был, однако, недолгим. В 590 г. египетский фараон Псамметих II, а вскоре после него новый фараон Априй попытались вновь захватить Финикию и Палестину. Априй, поддержанный, по-видимому, царём Тира, захватил Сидон; на его сторону перешёл и иудейский царь Цидкия, а также и другие царьки Палестины и Заиорданья (Эдома, Моава и Аммона). По-видимому, все они возлагали надежды на назревавший конфликт между Мидией и Вавилонией. К конфликту с Мидией готовились и в Вавилонии: Навуходоносор воздвиг в это время оборонительную Мидийскую стену поперёк равнины Двуречья, выше Сиппара; в 590-х годах велось также строительство исключительно мощных оборонительных сооружений вавилонской столицы. Но Мидия до 590 г. была, по-видимому, занята ликвидацией Урартского

и Скифского царств, а после этого оказалась вовлечённой в длительную войну с Лидией в Малой Азии.

Надежды в Сирии и Палестине на конфликт между Вавилонией и Мидией, таким образом, не оправдались. И когда в 587 г. до н. э. Навуходоносор вновь появился

Город Вавилон в VI в. до н. э.
Схематический план.

в Сирии, Априй отступил, оставив Иудею на произвол судьбы. После полуторагодичной осады Иерусалима Цидкия попался в руки вавилонян во время неудачной вылазки. Ему выкололи глаза и отправили в Вавилонию. Вскоре после этого, в 586г. дон. э., Иерусалим был взят, разрушен и разграблен. Значительная часть населения Иудеи — в первую очередь знать, а также ремесленники, в которых Навуходоносор чрезвычайно нуждался,— была по ассирийскому обычаю переселена в Вавилонию. Земли переселённых были розданы оставшимся жителям — этим путём надеялись завоевать сторонников для вавилонской власти в Палестине. Сопротивление в Палестине продолжалось ещё некоторое время (например, был убит вавилонский наместник иудей Гедалия), но в конце концов оно было окончательно подавлено.

Последние бойцы отошли с жёнами и детьми на египетскую территорию, где впоследствии были поселены в качестве военных колонистов.

Меньший успех имел Навуходоносор в борьбе с Тиром. Длительная осада этого города-острова не привела к решительным результатам, и дело окончилось в 574 г. компромиссом. Царь Тира Итобаал III признал верховенство Навуходоносора; тирские цари даже, по-видимому, живали при вавилонском дворе; но фактически Тир сохранил самоуправление и полную свободу действий за пределами вавилонских владений. Что касается заиорданских царств, то они признали власть Вавилонии и расширили свои владения за счёт Иудеи.

Навуходоносору II удалось, таким образом, удержать за собой Сирию и Палестину, вытеснив оттуда египтян. Конфликт с Египтом не был, однако, этим исчерпан. Когда в 569 г. в Египте началась борьба за престол, вавилоняне решили, что настало время вторгнуться в пределы Египта. Поход (или один из походов) состоялся в 567 г. до н. э.; результатов его мы не знаем, но если Вавилонии и не удалось удержать в своих руках египетскую территорию, то ей удалось всё же предотвратить египетское вторжение в Палестину.

С Мидией, насколько мы можем судить, военных столкновений в это время не было. В 585 г. Вавилония вместе с Киликией выступала посредником при заключении мира между Мидией и Лидией. На границе Мидии с Вавилонией и Лидией, по-видимому, в течение всего правления мидийского царя Астиага (585—550) господствовал мир, хотя есть основания думать, что отношения с Вавилонией становились всё более напряжёнными.

Города Вавилонии

Политическими и экономическими центрами Вавилонии этого времени являлись крупные города — Вавилон, Сиппар, Ниппур, Урук и др.

Клинописные источники I тысячелетия до н. э. различают «царские города» — административные центры — и самоуправляющиеся города, обладающие рядом привилегий. Крупнейшие вавилонские города носили теперь торгово-ремесленный характер, что видно по содержанию деловых документов этого времени: если в старовавилонский и касситский периоды большинство документов имело отношение к купле-продаже земли, аренде, найму сельскохозяйственных работников, займу посевного зерна и т. п., то большинство документов нововавилонского времени относится к денежным операциям, к покупке городских участков, торговле и ремеслу. За время ассирийского владычества рабовладельческое производство заметно расширилось, значительно повысилась его товарность и увеличилась роль обмена. Количество рабов в частных хозяйствах достигало иногда нескольких сотен человек. Стоимость серебра понизилась, и увеличилось его количество в обороте при соответствующем росте цен. Известны попытки создания монеты. Вавилония издавна славилась высокоразвитым ремеслом; она играла роль посредствующего звена в торговле между Сирией и Ираном, Индией и Южной Аравией. Теперь эта роль Вавилонии особенно усилилась после уничтожения её ассирийских конкурентов.

Крупные города Вавилонии управлялись советом старейшин, главным образом из числа жрецов, во главе с верховным жрецом (в Сиппаре) или с храмовым экономом (в Уруке). Совет старейшин обладал судебными и административными функциями. В документах этого времени при упоминании свободных лиц называется и имя их предка: только лица, принадлежавшие к определённым родам, по-видимому, традиционно связанным с храмом городского божества и имевшим право на участие в храмовых доходах, обладали, как кажется, полными гражданскими правами в таком городе. Примерно то же самое наблюдается позднее в созданной уже при персах иерусалимской теократической общине в Палестине. Так складывается особая организация рабовладельцев, созданная для господства над всем остальным населением, в том числе и над мелкими свободными земледельцами за пределами городов. Эта организация нередко выступает как единое целое, например в различных денежных

операциях, в таких общественных предприятиях, как постройка канала, но чаще мы встречаемся с деятельностью отдельных рабовладельцев, иногда семейных объединений торговых домов; известны, например, торговый дом рода Эгиби в Вавилоне и торговый дом рода Мурашу в Ниппуре. Иной раз отдельный рабовладелец, например верховный жрец Сиппара, выступает как частное лицо, беря на себя прорытие канала, который потом должен был перейти к городу. Граждане отдельных городов вступают в переговоры друг с другом, например — сиппарцы с жителями Суз по поводу этого же канала. Последние два случая относятся, правда, уже ко времени персидского владычества, но при персах общее устройство городов Вавилонии не отличалось от их устройства в нововавилонский период.

Положение рабов и рядовых свободных

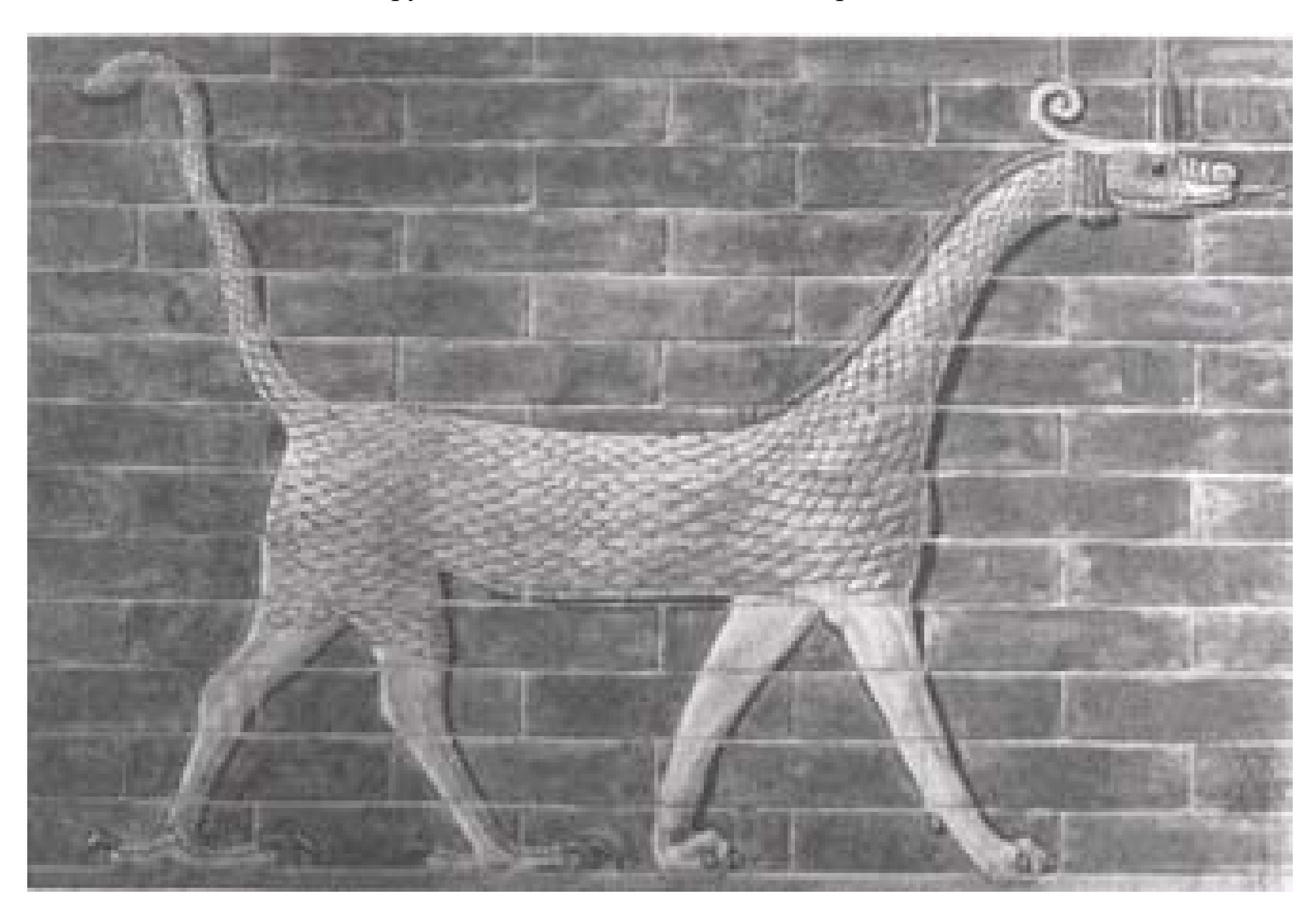
Хозяйственная деятельность рабовладельцев привилегированных городов была разнообразна. Наряду с тем, что они получали доходы от наследственных храмовых должностей, которые теперь многие из них занимали только для того, чтобы числиться в составе жречества и пользоваться соответствующими привилегиями, они являлись также владельцами лавок, меняльно-ростовщических контор, сановниками, организаторами караванной торговли, хозяевами публичных домов, скупщиками залогов по долгам (земли, рабов), а также самих долговых обязательств, скупщиками рабов, земли и даже каналов и водоёмов, которые нередко теперь находились в частной собственности. Немалое значение имела эксплуатация рабов-ремесленников. Рабы эти находятся теперь на особом положении. Как правило, они имели ремесленную мастерскую, торговую лавку и т. п. и вели самостоятельную хозяйственную деятельность; у них были фактически признаваемые семьи, они имели право вступать в сделки со свободными и между собой и т. д. Своему господину они были обязаны уплачивать годовую «дань», равную обычно $^1/_5$ их цены как раба, а также проценты с выручки от торговых дел. Однако в таком положении находились только городские рабы-ремесленники.

Несмотря на такую сравнительную самостоятельность городского раба, его господин и при этих условиях мог его жестоко эксплуатировать; на это указывают частые случаи бегства рабов. Нередко беглый раб вводил своего господина в большие «убытки», от которых рабовладельцы стремились себя оградить всеми средствами. Так, при продаже раба продавец обязан был гарантировать покупателю, что этот раб не «бунтовщик», не чужой раб, не царский раб и не свободный полноправный гражданин (*мар-бане*), ибо во всех этих случаях рабовладелец-покупатель понёс бы убытки. Зато из раба, которого рабовладелец имел в собственности на «законном» основании, он стремился извлечь максимум доходов. Если отдельные рабы могли довольно значительно наживаться на торговле и даже иметь своих рабов, а также давать серебро в долг свободным, то большинство рабов вынуждено было вносить в виде «дани» весьма значительную часть продукта своего труда. Рабы обязаны были также выполнять городские и царские повинности своих господ.

Рабовладельцы привилегированных городов были, вероятно, как и во времена ассирийского владычества, освобождены от этих повинностей. Зато окрестное население обязано было нести в пользу царя воинскую, строительную, а возможно, и другие повинности. Для обеспечения воинской повинности в общинах выделялась «земля лука», держатель которой обязан был выставлять вооружённого воина. На содержание этих воинов царь взимал особый налог. На таких же основаниях выставлялись «люди царя» — так назывались, как и в ассирийское время, люди, обязанные выполнять строительные работы. Однако в нововавилонский период в грандиозном храмовом, оборонительном и ирригационном строительстве, которое велось царской властью, вероятно, в ещё большей мере использовался труд пригоняемых из походов многочисленных пленных. Эти же пленные, возможно, пополняли собой число царских рабов. Большим количеством рабов владели и храмы; они получали их в дар от царя и частных лиц.

Следует заметить, что не все переселённые в Вавилонию обращались в рабство: наглядный тому пример — иудеи, многие из которых не стали рабами. В документах из городов Вавилонии мы встречаем еврейские имена как среди рабов, так и среди; свободных.

У нас есть данные, что вавилонские цари пользовались наёмниками; в основном же войско вербовалось из сельского населения. Однако теперь, в условиях тяжёлого материального положения земледельцев, трудно было создать войско, которое

Изразцовый рельеф с «ворот Иштар» в Вавилоне.
Изображение фантастического животного.

являлось бы достаточно надёжной опорой существования рабовладельческого государства. В дальнейшем слабость армии сказывалась всё больше.

Роль жречества

Ассирийские цари в области внутренней политики опирались то на жреческо-торговую, то на военную группировку крупных рабовладельцев. В Вавилонии же сильной военной группировки не было, и цари там были в полной мере ставленниками жречества. Показное смирение царей в их ' надписях, отсутствие упоминаний в этих надписях о каких-либо деяниях, кроме строительства храмов, производившегося в грандиозных размерах, причём расширялись старые и основывались новые храмы к вящему увеличению могущества и доходов жречества,— всё это свидетельствует о преобладающей роли в государстве жречества, бывшего выразителем интересов торгово-рабовладельческой верхушки общества. «Попечитель Эсагилы (храма бога Мардука

в Вавилоне) и Эзиды (храма бога Набу в Борсиппе)» становится постоянной частью титулатуры нововавилонских царей. Наиболее характерным проявлением полной зависимости царя от жречества был связанный с мифом об умирании и воскресании природы, но теперь получивший новый смысл, ежегодно повторяемый новогодний обряд возведения на трон царя. При выполнении этого обряда царь подвергался унизительным церемониям (правда, не лично,— вместо него выступало подставное лицо), после чего получал знаки царской власти из рук верховного жреца бога Мардука.

Лейтмотивом всей деятельности нововавилонских царей, по крайней мере как она излагается в официальных надписях, было восстановление древних культов, обрядов и храмов в их первоначальном, освящённом религиозными обычаями виде. Зодчие стремятся воспроизводить внешние формы и планы древних храмов; писцы подражают языку и письменности, характерным для III и начала II тысячелетия до н. э.; разыскиваются древние записи обрядов и порядка жертвоприношений, надписи древних обожествлённых царей. Жречество настойчивее, чем прежде, стремится усилить значение главного бога города Вавилона—Мардука и тем закрепить положение жреческой верхушки этого центра: так, известны попытки объявить различные божества образами Мардука. Одновременно возникают новые религиозные учения; в религиозной идеологии угнетённых масс, среди тех, кто отчаялся в возможности улучшения своего положения собственными силами, как, например, среди пленных иудеев, возникает вера в возможность чудесного избавления от страданий в этой жизни—мессианизм—вера в грядущего спасителя. Эта вера впоследствии была широко использована идеологами господствующего класса и заняла важное место в религиях Передней Азии.

Рабовладельческая верхушка Вавилонии своими религиозными учениями стремилась создать идеологическое оправдание собственного существования и господства.

Обострение внутриполитического положения

После смерти в 562 г. до н. э. царя Навуходоносора II, вокруг имени которого впоследствии сплелось много различных легенд, оказалось, что сколько-нибудь значительной личности на вавилонском престоле жречество не намерено терпеть. Старый полководец Навуходоносор, несмотря на все свои заслуги перед рабовладельческим Вавилоном, правил лишь милостью жречества и представляемых им кругов рабовладельцев — купцов и ростовщиков и лишь ценою полного подчинения своей политики их желаниям. Действительно, его политика была осуществлением интересов этой группы рабовладельцев; ей нужны были войны лишь в меру необходимости сохранения уже существующего рабовладельческого государства; она стояла за то, чтобы не предоставлять никаких привилегий войску, но зато обеспечить возможность наиболее жестокой эксплуатации уже захваченных территорий и дать максимум привилегий для жречества и ростовщиков.

Сын Навуходоносора Авельмардук был убит во время дворцового переворота. На престол взошёл Нериглиссар (Нергалшаррусур, 559—555) — крупнейший землевладелец и рабовладелец, полководец, зять Навуходоносора, представитель группы военачальников, приобретших большое влияние во время войн Набопаласара и Навуходоносора. Но эта группа не смогла или не успела ещё сложиться в самостоятельную крупную силу. После смерти Нериглиссара его сын Лабашимардук, о котором его преемник презрительно заявлял, что он «не умел править», был почти немедленно низложен жречеством. На престол был возведён Набонид (Набунаид, 555—538), по-видимому, ставленник узкой жреческой группировки.

Начало царствования Набонида ознаменовалось волнениями в Сирии и Палестине, что привело к войне, длившейся в течение 554—553 гг. В 553 г. пришли известия о начавшейся серьёзной войне между персидским царём Киром II и Астиагом, царём Мидии. Набонид, который, возможно, и без того находился с Мидией во враждебных

отношениях, счёл момент подходящим для того, чтобы занять свою родину — Харран, находившуюся на территории, подвластной Мидии, и приступить к перестройке тамошнего храма бога Сина. Это мероприятие было связано с попытками распространить новое религиозное учение, приверженцем которого был Набонид, поэтому оно вряд ли могло создать царю популярность среди вавилонского жречества, несмотря даже на значительную строительную деятельность Набонида в Сиппаре, Уре и других вавилонских городах. Набонид предпринял завоевание Теймы (по-видимому, оазиса в северной части Центральной Аравии), а с 549 г. перенёс туда свою постоянную резиденцию. Одним из результатов переселения престарелого царя в Тейму было то, что он не мог принимать участия в ежегодных обрядах возведения на трон, справлявшихся в храме Мардука, и поэтому, с точки зрения жречества, не имел более права на престол. Видимо, это знаменовало разрыв Набонида со жречеством Вавилона. Фактическим правителем в столице остался сын Набонида — Валтасар (Белшаррусур).

Завоевание Вавилона персами

Между тем в 550г. до н. э. персидский царь Кир покорил Мидию. Готовясь к борьбе, Вавилония, по некоторым известиям, вступила в союз с Египтом и Лидией (в Малой Азии). Но Киру удалось в 546 г. завоевать всю Малую Азию, включая Лидию, причём его войска прошли вдоль вавилонской границы. После покорения Лидии персы стали явно готовить поход на Вавилон. Набонид и Валтасар рассчитывали, видимо, отсидеться за мощными укреплениями, сооружёнными ещё Навуходоносором. Однако решающим оказалось то, что к моменту персидского наступления в 538 г. они лишились всякой поддержки в стране.

Торгово-ростовщическая верхушка рабовладельцев и жречество не видели для себя пользы от царствования Набонида; им мерещились обширные рынки державы Кира, и они не усматривали ничего плохого в том, что горный «варвар» станет в конце концов вавилонским царём, как были до него вавилонскими царями, например, касситы и халдеи. Вавилонское войско, вероятно наполовину наёмное, наполовину набранное насильно, при этом долго находившееся в бездействии, не имело ни нужной боевой подготовки, ни охоты драться с армией, покорившей в течение немногих лет две крупнейшие державы. Широкие народные массы были безразличны к судьбе рабовладельческого государства, которое приносило им одни лишь непосильные тяготы, разорительные повинности и непрестанные поборы.

В 538 г. началось наступление персов и мидян вниз по долине реки Диялы. После сражения под Описом, у впадения этой реки в Тигр, персы без боя миновали Мидийскую стену Навуходоносора и заняли Сиппар.

Широко известна легенда, рассказанная в «Книге Даниила» в Библии о том, что Валтасар пировал во дворце, когда на стене появились буквы, начертанные огненной рукой и предвещавшие падение Вавилона в ту же ночь. Образ деспота, пирующего во дворце и неспособного понять знаки, предвещающие его неминуемую гибель, вошёл в демократическую и революционную поэзию XIX и XX вв. н. э.

Вавилон был взят при следующих обстоятельствах: Набонид вернулся в Вавилон и вместе с Валтасаром заперся в цитадели. Но когда персидские войска оказались под стенами Вавилона, перед ними ворота были открыты без боя. Сражались только во дворах дворца-цитадели; Набонид был захвачен в плен и позже отправлен в почётную ссылку в Карманию, на востоке Ирана; Валтасар был убит. Характерно, что персы взяли под охрану вавилонские святилища, и культ отправлялся всё время беспрепятственно. Когда же через некоторое время Кир лично явился в Вавилон, была составлена надпись-манифест, в котором Кир присвоил себе традиционную титулатуру вавилонских царей и выражал порицание «безбож-

ному» правлению Набонида. Статуи богов, свезённые Набонидом в Вавилон перед осадой, были возвращены на их прежние места. Жречеству Вавилонии персы оказывали всяческое покровительство.

Формально Вавилонское царство просуществовало ещё некоторое время и после этого, так как цари персов продолжали одновременно именоваться «царями Вавилона». Но надежды вавилонской знати на ведущую роль в Персидской державе не оправдались. На Вавилонию была наложена дань, которая около 500 г. до н. э. составляла более 30 *т* серебра в год; даже Египет уплачивал меньше — 20 *т*. В остальном хозяйственная и внутренняя политическая жизнь Вавилонии мало изменилась, но этнический состав населения стал значительно более пёстрым: появились малоазийские, египетские и иранские воины и купцы; много персов осело здесь, войдя в число вавилонских землевладельцев и рабовладельцев. Положение народных масс всё более ухудшалось под двойным гнётом собственного господствующего класса и персидской деспотии.

Культура и искусство Ново-Вавилонского царства

Для нововавилонской архитектуры характерно соблюдение старых традиций зодчества Двуречья: белёные глухие наружные стены храмов и дворцов расчленялись только чередованием ниш и выступов. Все строения возводились по-прежнему из сырцового кирпича.

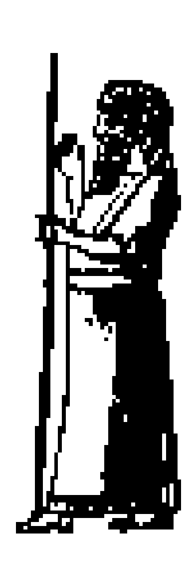
Величественным памятником культуры Ново-Вавилонского царства является сам город Вавилон, раскопанный ныне археологами. Вокруг Вавилона на некотором расстоянии была возведена стена, внутри которой могло скрываться в случае военных действий окрестное население. Собственно город, имевший несколько сот тысяч жителей, был обнесён двойной кирпичной стеной исключительной высоты и мощности, со рвом и валом перед нею. Город пересекался Евфратом, через который был перекинут мост на каменных быках. Центром городских укреплений была цитадель, представлявшая собой комплекс дворцов и расположенная частично внутри, частично снаружи собственно города. Весь город прорезала прямая «прецессионная дорога», мощёная посередине плитами белого и розового камня. Эта дорога вступала в пределы города через северные ворота, посвящённые богине Иштар. Ворота эти были покрыты синими изразцами с рельефными цветными рядами изображений быков и мифических чудовищ. Дорога вела далее вдоль стен цитадели к стенам ограды храма Мардука. Посреди этой ограды высилась 90-метровая громада храмовой ступенчатой башни «Этеменанки» (вошедшей в легенду под названием «Вавилонской башни»). Подобные башни (зиккураты) составляли непременную часть храма главного бога любого вавилонского города и строились в три этажа, отражая мифические представления о построении мироздания (небо, земля и подземные воды), или в семь этажей—возможно, в честь семи астральных божеств. Башня «Этеменанки» состояла из семи разноцветных этажей и была увенчана синим храмиком с золочёными рогами по углам; здесь находилась золотая статуя Мардука.

Библейская легенда, согласно которой бог наказал людей за дерзкую попытку построить башню «высотой до неба» тем, что создал различие в языках, содержит осуждение пленёнными иудеями строительных работ в храмах, которые проводились Навуходоносором II. В этой легенде содержится также попытка по-своему объяснить существовавшее уже тогда многоязычие населения этого важнейшего экономического, политического и культурного центра Ближнего Востока.

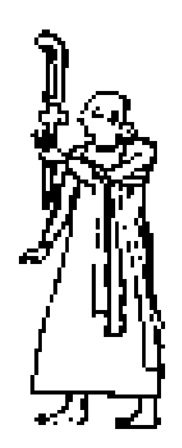
Изобразительное искусство нововавилонского периода находилось в зависимости от ассирийского; но характерная для последнего тематика прославления царских побед и войска была в Вавилоне исключена; здесь изразцовые рельефы и плоские фризы на башнях ворот и стенах дворцов содержали только сухое орнаментальное воспроизведение фигур священных животных, а в камнерезном искусстве встречаются лишь сцены поклонения различным символам

божеств. Своей техникой и композиционными приёмами нововавилонское искусство сыграло большую роль в сложении искусства Передней Азии времён персидского владычества.

Датировка отдельных памятников вавилонской литературы до сих пор представляет очень трудную задачу, и нельзя сказать с уверенностью, какие её произведения можно отнести к нововавилонскому периоду. Во всяком случае в нововавилонский период усердно копировались и переписывались памятники древней письменности. Самостоятельно развивалась астрономия, оказавшая немалое влияние на греческую науку. Вавилонская культура, наука, литература, искусство надолго пережили падение Вавилонского царства и явились важной составной частью древней культуры человечества.

ГЛАВА XXIII
ЕГИПЕТ В XI—VI ВВ. ДО Н. Э.

В период XI—VI вв. до н. э. в экономическом и культурном отношении Египет продолжал оставаться одной из наиболее значительных стран того времени. Но дальнейшее развитие рабовладельческих отношений вело к такому обострению социальных противоречий, что военная и политическая мощь державы фараонов неизбежно подтачивалась. С этого времени Египет всё чаще подпадает под власть других государств.

XI—VIII вв. в истории Египта (время XXI—XXIV династий по Манефону) являются продолжением Нового царства. Существенно новые черты в общественной жизни страны наблюдаются лишь в VII—VI вв. до н. э. (со времени XXV—XXVI династий). Создавшиеся к этому времени условия остаются характерными и для последующих V—IV вв. до н. э. вплоть до греко-македонского завоевания Египта.

1. Египет в XI—VIII вв. до н. э.

Уровень развития производительных сил. Развитие обмена

Уровень развития производительных сил в начале I тысячелетия до н. э., по-видимому, не превышал сколько-нибудь значительно уровень развития их в Новом царстве. От времени XXII династии дошли такие предметы из железа (всё ещё низкокачественного), как, например, железное око, вставленное как драгоценность в золотое запястье. При XXII династии по-прежнему употреблялись серпы с кремнёвыми лезвиями; такие серпы не исчезали ещё и долгое время спустя.

Как уже указывалось, при всех его преимуществах железо требует больше топлива для своей плавки и обработки, чем медь и бронза, так как оно более тугоплавко и, кроме того, поддаётся ковке только в раскалённом состоянии. Не-

удивительно поэтому, что в Египте, не обладавшем в достаточной мере топливом, пригодным для плавки руды, железо распространялось медленно.

Правда, имелись в эту пору и некоторые достижения. Плуг с ярмом вытеснил ко времени XXI династии старый плуг. Отмечают, что коневодство развилось настолько, что Египет стяжал у соседей славу поставщика коней.

В хозяйственном отношении время XXI—XXII династий от предыдущего периода заметно отличалось развитием обмена, ростом денежного обращения. На рубеже XX и XXI династий владетель, сидевший в нижнеегипетском городе Танисе (ранее называвшийся Пер-Рамсесом), так бойко торговал с Финикией, что в одном только Библе два десятка судов поддерживали с ним эти торговые сношения. Идёт ли речь о закупке за границей строевого леса или о скупке в Египте земли и рабов и т. п.,—как правило, при XXI—XXII династиях имеет место оплата серебром. Это, разумеется, не значит, что старый способ оплаты вещами совсем вышел из употребления. Но обмен неизбежно и во всё большей мере принимал товарно-денежную форму.

Заслуживает внимания, что большие сделки на покупку леса, земли с рабами заключали высокопоставленные лица. Храмовое жречество в этот период прямо выступает в качестве ростовщиков. Денежная ссуда ещё не была господствующим видом займа (процент был очень высок), зато зерновая ссуда была, как и встарь, обычным явлением и взыскивалась беспощадно, вплоть до полного разорения должника.

Египет перед ливийским владычеством

В начале XI в. до н. э. Египет оказался поделённым между двумя владетелями: нижнеегипетским, находившимся в Танисе, и верхнеегипетским — в Фивах.

К этому времени относится знаменитая повесть о плавании Унуамона в финикийский город Библ за лесом для храмовой ладьи Амона. Папирус с рукописью этой повести хранится в Государственном музее изобразительных искусств в Москве. Из рассказа о путешествии, полном злоключений и унижений, можно усмотреть, что если финикияне и ценили достижения египетской культуры, то египетская власть в Сирии, Финикии и Палестине в то время никем уже не признавалась.

В самой повести ни верхнеегипетский владетель — верховный жрец Амона Херихор, ни нижнеегипетский владетель Несубанебджед ещё не названы царями. Но и по принятии каждым из них царского титула южный владетель сохранил звание верховного жреца Амона. Формально верховная власть над страной оставалась в руках северного царя. От его имени даже велись кое-какие строительные работы и в южном царстве, которое, однако, фактически составляло государство в государстве.

Сходное положение дел сохранялось на протяжении всей основанной Несубанебджедом XXI династии. Некоторые из потомков и преемников Херихора ограничивали свои притязания одним званием верховного жреца, другие же присваивали себе и царский титул.

Жречество Амона было главенствующей силой на юге. Можно думать, что значение храмов возросло и в других местах. Так, например, решение государственных и правовых вопросов при посредстве храмовых оракулов, применявшееся прежде не так часто, в жреческом южном царстве превратилось чуть ли не в способ управления. К началу XXII династии это стало обычным явлением не только в Фивах, но и в отдаленных от них областях. По-видимому, и на севере влияние жречества усиливается. Главенствующей силой на севере всё же было войско.

Ливийское владычество в Египте

Как мы уже видели, ещё Рамсес III (IV) превращал своих многочисленных пленников—ливийцев в военных поселенцев. Натиск ливийцев и проникновение их в Египет не прекращалось и при преемниках Рамсеса. В итоге северная половина страны оказалась наводнённой ливийскими военными поселенцами со своими вождями во главе. Эти вожди становились номархами и смыкались с местной жреческой знатью.

Один из ливийских военачальников, по имени Шешенк, занимал при последнем правителе XXI династии настолько видное положение, что ему оставалось сделать лишь шаг, чтобы оказаться на престоле. Шешенк I стал основателем XXII династии (середина X в. до н. э.).

Одно время могло казаться, что воцарившийся глава ливийского воинства снова пойдёт по пути воинственных предприятий. Но нападение египетского войска на Палестину при иудейском царе Ровоаме (около 930 г. до н. э.), сопровождавшееся ограблением Иерусалима, было не более, как набегом. Власть преемников Шешенка I была настолько ослаблена даже внутри страны, что о прочном господстве за пределами Египта не могло быть и речи.

При утверждении своего господства ливийским военачальникам и ливийскому воинству ещё была нужна более или менее сильная верховная власть. Позже, однако, нужды в такой власти ливийская знать уже не ощущала. При последующих ливийских фараонах в IX—VIII вв. до н. э. (XXII—XXIII династии) Нижний Египет распадался на множество областных государственных образований с ливийскими владетелями-царьками во главе. Сами ливийские цари имели столицей город Бубаст, находившийся в восточной части Дельты. В северной части Верхнего Египта главенствующим был могущественный владетельный дом в Гераклеополе. Жреческое царство на юге оставалось нетронутым. Однако цари XXII династии добивались принятия ливийских царевичей в верховные жрецы Амона в Фивах. В VIII в. до н. э. владетельницей южного царства стала ливийская царевна под старым титулом «жены Амона», который носили ещё некоторые царицы времени Нового царства.

Раздроблённость страны, разумеется, задерживала её дальнейшее хозяйственное развитие. Объединение Египта в это время, как и ранее, подсказывалось хозяйственной необходимостью. К укреплению единства страны стремилась в особенности жреческая знать, заинтересованная в развитии обмена и торговли. Политика фиванского жреческого царства говорит о том, что египетская храмовая знать, в противоположность ливийским военачальникам, стремилась к объединению Египта.

Первое завоевание Египта эфиопами

Ещё в середине XI в. до н. э. Эфиопия покорялась египетскому наместнику, сыну Херихора, верховного жреца Амона. О её дальнейших взаимоотношениях с Египтом мало что известно вплоть до середины VIII в. до н. э., когда там появился свой сильный царь по имени Кашта. Он притязал уже на фараоновский титул, однако следов его владычества севернее самой южной окраины Египта, по-видимому, не найдено. Однако к 21-му году правления его преемника Пианхи эфиопы уже владели значительной частью Верхнего Египта, в том числе и Фивами.

Фивы выступали союзником эфиопов. Этот союз сулил Фивам определённые выгоды. Одряхлевшая «госпожа всех городов» могла надеяться хотя бы отчасти вернуть себе руками эфиопов былое положение в стране. Эфиопская столица Напата, расположенная у четвёртых порогов, и некоторые другие города Эфиопии были связаны с Фивами. В период Нового царства в Эфиопии был введён и привился там культ главного бога-покровителя Египетской державы — Амона, божества Фив. Фиванское жречество легко могло вступить в союз с господствующим классом Эфиопии.

На севере Египта организатором сопротивления нашествию с юга выступил Тефнехт (или Тнефахт, как его называли греки), владетель городов Исиона и Саиса. Главным сторонником Тефнехта в борьбе против эфиопов и южной храмовой знати были «ливийцы, войско - надёжное». Не менее решительным противником эфиопов выступил давний соперник «южного города» — город Мемфис, однако не в лице храмовой знати, с которой эфиопы и на севере находили общий язык, а в лице простых горожан, ремесленников и корабельщиков.

Военные действия открыл Тефнехт, занявший весь северо-запад Египта и частично север Верхнего Египта. В связи с этим от эфиопов отпал царёк города Гермо-

поля в средней части страны. Эфиопский царь отдал приказ верхнеегипетским владетелям и собственным отрядам, находившимся в Египте, осадить Гермополь, а сам из Эфиопии отправил против северян войско, о котором объявлено было, что оно послано самим Амоном.

В трёх битвах на воде и на суше эфиопы разбили северян. Эфиопский царь, прибыв в Фивы к главному празднеству Амона, принял участие в торжествах, а затем отплыл к Гермополю, который принудил обстрелом (камнями и стрелами) и голодом к сдаче. Дальнейшее движение эфиопского войска к Мемфису вылилось в победное шествие: город за городом сдавались победителям. В Гермополе и других городах имущество царьков и содержимое сокровищниц были переданы царской казне, а содержимое житниц — храму Амона в Фивах.

Простые граждане Мемфиса встретили завоевателя решительным сопротивлением. Ответом на предложение сдаться, составленное в самых лестных и милостивых выражениях, было нападение мемфисских ремесленников и корабельщиков на отряд эфиопов, который привёз это предложение о сдаче. Мемфис был сильно укреплён с суши, а с реки затопленная половодьем пристань не позволяла, казалось, произвести высадку. В городе было много продовольствия; там стояло восьмитысячное войско. Однако эфиопский царь повёл свои корабли на затопленную пристань, овладел ею и стоявшими там судами, а затем взял город приступом со стороны реки. Множество народа было перебито, много взято в плен. На следующее утро царь позаботился о защите храмов от грабежей воинов, затем жрецы были водворены на свои места, а царь принёс обильную жертву богу Птаху. Содержимое городских сокровищниц и житниц было поделено между храмом бога Амона и храмами местных богов. Жречеству других северных городов тоже не за что было обижаться на эфиопского царя. О сопротивлении теперь, после падения Мемфиса, уже мало кто думал. Города отворяли ворота, с изъявлениями покорности и дарами завоевателю со всех сторон стекались владетельные особы и сановники. В числе их был и бессильный ливийский царь Осоркон из Бубаста. Тефнехт бежал в труднодоступное топкое поморье, но и там был вынужден присягнуть новому фараону в присутствии его представителей — эфиопского военачальника и жреца.

Таким образом, в союзе с эфиопами фиванская храмовая знать одержала победу. Но эфиопские завоевания на севере были непрочными. Сын Тефнехта Бекенренеф (или Бокхорис, как его звали греки), который один составляет в списках Манефона XXIV династию, признавался царём мемфисскими жрецами по меньшей мере до 6-го года своего царствования, но никаких следов признания его в Фивах нет.

Тефнехт и Бокхорис по греко-римским преданиям считались царями, покровительствовавшими народу: первый предпочитал простоту походного быта ненавистной народу придворной пышности, а «мудрый Бокхорис» боролся с долговым рабством. Действительно, насколько можно судить, Тефнехт, бывший сам неутомимым воином, опирался главным образом на воинов и простых горожан. К сожалению, египетские памятники от времени царствования этих двух фараонов до нас почти не дошли.

2. Древняя Эфиопия

В середине VIII в. до н. э. Эфиопия выступает уже как сильное государство, оказавшееся способным подчинить Египет. Каков же был путь исторического развития Эфиопии в течение предшествовавших этим событиям веков?

Страна и население

«Страна Куш», как её называли древние египтяне, является естественным продолжением Верхнего Египта. Она представляет собой полосу плодородной земли, вытянутую вдоль течения Нила от первого порога на севере до слияния Белого Нила с Голубым Нилом на юге. К этой полосе тяготеют оазисы и прилегают степи, заселённые в древности кочевыми и полукочевыми племенами. В настоящее время северная часть этой страны от первого до второго порога

относится к территории собственно Египта, остальная её часть входит в состав Судана.

Покинув область степей, Нил в горных хребтах, преграждающих выход к морю, прорезает узкую долину и образует шесть порогов. Только на крайнем юге, в районе Мероэ и в соседних областях страны, полоса плодородной земли шире. Климат тут более влажный, чем в остальной Эфиопии.

Как и в Египте, население сосредоточивалось в непосредственной близости от Нила. В окрестных степях и редких оазисах обитали племена кочевников-скотоводов. Их вторжения время от времени волной захлёстывали узкую полоску плодородной земли, где сосредоточивались поселения оседлых земледельцев.

Крайне бедная землёй, пригодной для земледелия, скотоводства и садоводства, испытывавшая почти всегда нужду в хлебе, Эфиопия в то же время слыла одной из богатейших стран древности. Действительно, она изобиловала всевозможными природными ископаемыми, в первую очередь золотом. Оно добывалось в безводных, выжженных солнцем долинах и ущельях так называемой Аравийской пустыни, расположенной к востоку от долины Нила. Там же находили драгоценные и полудрагоценные камни. Имелись в стране серебро, медь и железо. Через Эфиопию из далёких южных стран везли в Египет слоновую кость, шкуры диких животных, ароматические растения, эбеновое дерево и пр.

Эфиопия была значительно изолирована от внешнего мира. На севере выход к Средиземному морю преграждал Египет; на юге начинались болота и леса тропической Африки; на западе и востоке простирались необитаемые пустыни. Изолированность усиливали нильские пороги, дробившие страну на отдельные, мало связанные между собой области.

В антропологическом отношении обитатели Эфиопии отличались от египтян более тёмной окраской кожи и значительной примесью негроидных черт. Древние надписи царства Мероэ начала н. э. составлены на одном из кушитских языков, который, по-видимому, и был господствующим в древней Эфиопии.

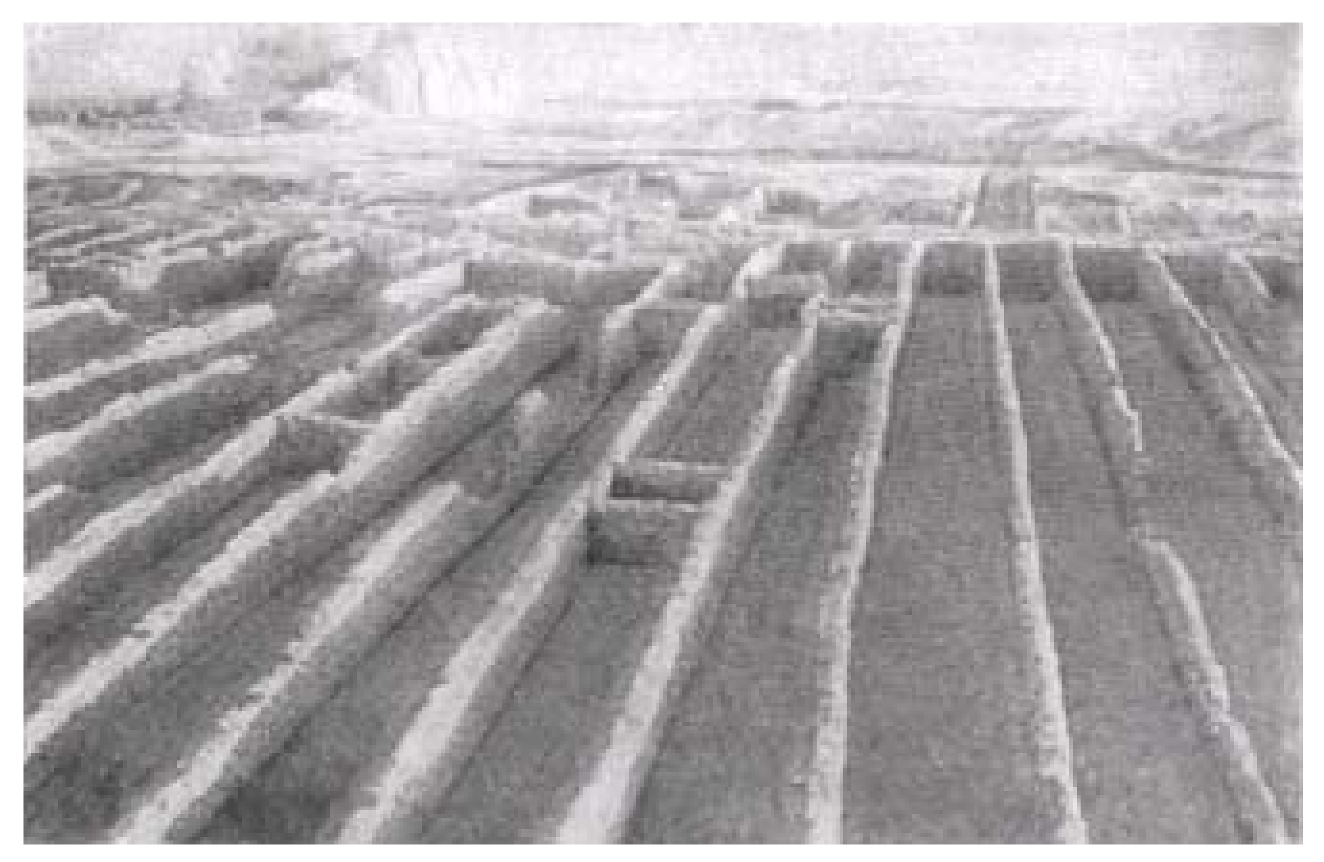
Эфиопия в IV—II тысячелетиях до н. э.

В IV тысячелетии на всём протяжении долины Нила от Дельты до второго порога господствовала общая в своих основных чертах культура. В это время появляются первые медные орудия — топоры, шилья и др. С конца IV тысячелетия Египет в своём дальнейшем развитии значительно опережает своего южного соседа. Эфиопские племена не смогли создать единой ирригационной системы. Труд земледельца и скотовода здесь ещё не создавал избыточного продукта, а, следовательно, предпосылки для возникновения классового общества и государства ещё не сложились. Другая причина относительной отсталости Эфиопии в это время объясняется, видимо, вторжением с юга пастушеских племён, смешавшихся с местным населением и несколько понизивших общий уровень развития страны. Во всяком случае культура, которая на рубеже IV и III тысячелетий сменяет более древнюю культуру страны, значительно беднее и грубее её.

Примерно в ту же пору сказывается ещё одно обстоятельство, также замедлившее развитие страны. Начиная со времени правления II династии в Египте до нас дошли сведения о грабительских походах египтян в области, расположенные к югу от Элефантины. Эти постоянные грабительские экспедиции, разумеется, мешали нормальному развитию общества в Эфиопии. Тем не менее, египетские надписи дают всё же представление о существенных изменениях в Эфиопии за четыре-пять веков, прошедших со времени первых египетских походов. Образуются союзы племён под властью общего вождя. Так, один вождь возглавляет племена Ирчет и Сечу; впоследствии к созданному союзу присоединяются и племена Уауат.

В конце Древнего царства при фараонах Меренра I и Пиопи II египтяне фактически начали подчинение пограничных областей Северной Эфиопии, которое было прервано временным распадом державы фараонов.

После объединения Египта на рубеже III и II тысячелетий до н. э. фараонами XI и особенно XII династий египтяне вновь начинают свои походы в Эфиопию. В результате ряда походов, из которых наиболее важными были походы Сенусерта III, вся страна до второго порога была присоединена к Египту и подчинена сложной и разветвлённой египетской администрации, организованной по тому же образцу, что и в Египте. В это время из Эфиопии систематически вывозятся рабы, скот и особенно золото. Все нужные продукты египетская власть получала в виде налогов, дани и путём прямого грабежа. Всё же наряду с этим существовал и обмен. В эфиопских погребениях мы находим зеркала, бусы и амулеты, бесспорно вывезен-

Погребения в Керме. Вид раскопок.
Начало II тысячелетия до н. э.

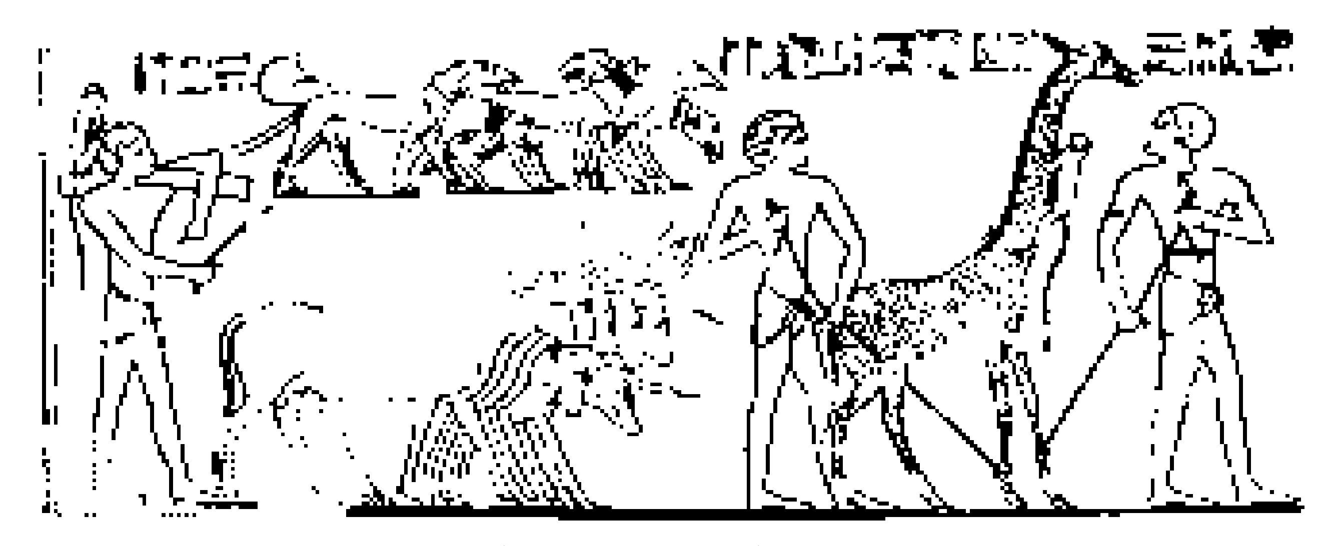
ные из Египта. Различие в количестве и ценности предметов, положенных в разные могилы, говорит о некотором расслоении внутри местных племён. Застой в развитии Северной Эфиопии во времена Среднего царства в значительной степени явился следствием ограбления страны египетской рабовладельческой знатью.

Иначе складывается развитие Эфиопии южнее второго порога. Это развитие лучше всего прослеживается на примере поселения Кермы, расположенного в районе третьего нильского порога. Здесь, на водных и караванных путях, ведущих на юг, в период Среднего царства, по-видимому, находилась египетская торговая база-фактория. Вместе с многочисленными небольшими погребениями на кладбище Кермы располагались большие погребальные сооружения, по всем данным,— семейные или родовые усыпальницы вождей. Одно из таких погребений занимает площадь в 635 *кв. м*. Вождя и его жену окружало около 100 других погребённых, скорее всего рабов или домочадцев, видимо, убитых при похоронах их господина. Найденные в погребениях кости быков свидетельствуют об обильных жертвоприношениях сопровождавших похоронный обряд. Керамика весьма разнообразна. Некоторые

сосуды местного производства — очень тонкой работы и доказывают наличие высокоразвитой гончарной техники. Изделия из дерева (преимущественно мебель), из кожи, металла (золота и меди), слоновой кости свидетельствуют о существовании в это время искусных ремесленников. Довольно велико количество и привозных изделий, что говорит о развивающемся обмене.

В период ослабления Египетского государства с конца Среднего царства связь Египта с Северной Эфиопией не прекращалась. Даже во времена гиксосского завоевания влияние Египта было, видимо, ещё достаточно сильно. Позже, возможно, египтяне были не только изгнаны из районов, находившихся южнее вторых порогов, но даже перебиты. Во всяком случае, их поселение в Керме было уничтожено пожаром.

Все эти события вели к существенным изменениям в общественном строе Эфиопии. Начавшиеся внешние и внутренние войны обогащали отдельных воинов и племенных вождей, на что указывает инвентарь погребений. Об усилении эфиопских

Эфиопы приносят дань фараону.
Роспись из гробницы в Фивах. XVIII династия.

племенных вождей свидетельствуют остатки большого строения — «замка» в Ареике, сооружённого под несомненным влиянием строительного искусства египтян. Некоторые эфиопские вожди присваивают себе атрибуты власти фараонов.

Разобщённость Эфиопии и её отсталость по сравнению с Египтом значительно облегчили египтянам и в период Нового царства покорение страны. Управление страной было поручено специальному наместнику, носившему титул «царского сына Куша». Однако фараонам пришлось подавить не одно восстание, пока они, наконец, закрепили окончательно свою власть вплоть до четвёртого порога. Строго централизованная администрация была организована здесь точно так же, как и в Египте. Система управления, введённая египетскими фараонами, впоследствии была перенята царями эфиопских династий и сыграла большую роль в оформлении их государства.

Немалую роль играли в управлении страной и племенные вожди. Они активно помогали египтянам эксплуатировать своих соплеменников, собирая и представляя дань во дворец фараона. Значительная доля собираемых поборов, конечно, оставалась в руках сборщиков, способствуя дальнейшему росту их богатства и влияния на соплеменников. Фараоны всячески стремились привлечь местную знать на свою сторону, превратить её в своё послушное орудие и, таким образом, облегчить себе эксплуатацию местного населения. С этой целью они поселяли самих вождей, а чаше их детей или близких родственников, при египетских гарнизонах или даже при своём дворе, где те получали египетское воспитание.

По мере завоевания Эфиопии туда направлялись египетские воины, чиновники, жрецы и ремесленники для дальнейшего закрепления господства Египта и освоения богатств страны.

Эфиопы приносят дань фараону.
Роспись из гробницы в Фивах. XVIII династия.

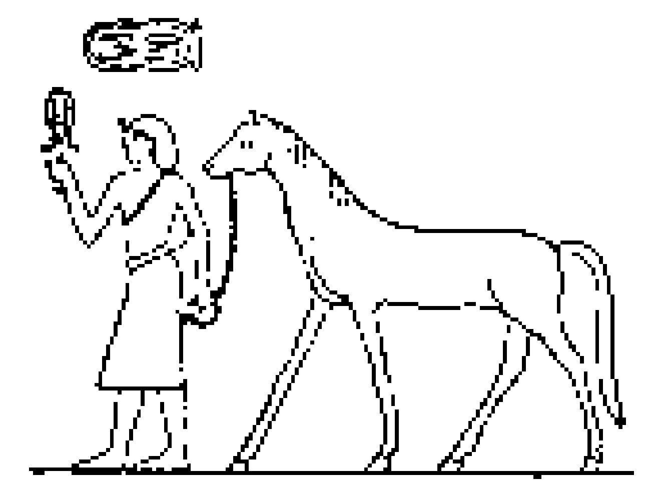
До середины II тысячелетия Эфиопия поставляла исключительно сырьё. Затем в Египте начинают проявлять интерес к некоторым изделиям эфиопских ремесленников: сосудам, мебели, колесницам, оружию. Ремесленные изделия и золото поставляла Северная Эфиопия, скот — Южная Эфиопия, где были расположены основные пастбища и дольше сохранялось кочевое скотоводство.

При XIX и XX династиях, когда области между третьим и четвёртым порогами в связи с ослаблением деспотии фараонов стали независимыми, Северная Эфиопия продолжала находиться в полном подчинении у Египта. В XI в. до н. э. она вошла в состав владений фиванского верховного жреца Херихора. Система управления, созданная египтянами, а также их культура оказали огромное воздействие на местное население, в первую очередь на родовую аристократию, которая стала активным проводником чужеземного влияния.

Египетская религия оказала большое влияние на высшие слои эфиопского общества. Эфиопские фараоны впоследствии объявили себя подлинными хранителями древнего египетского благочестия, в частности традиций культа Амона.

Напатское царство

На рубеже X и IX вв. до н. э. или несколько раньше в район южных порогов, по-видимому, проникают кочевники из западной пустыни, возможно, родственные ливийцам. Гробницы потомков их вождей, принявших вскоре титулатуру египетских фараонов, находятся около Напаты (город, основанный ещё при XVIII династии у четвёртого порога) и имеют форму пирамид. Напата становится столицей возникающего Эфиопского государства. Это обусловливалось её выгодным географическим и экономическим положением, позволявшие контролировать пути в южные страны и добычу золота в долинах восточных гор. Возникновение влиятельного центра на юге страны объясняется также и тем, что именно южные области давно уже сбросили египетское иго. Вероятно, только в результате упорной борьбы было достигнуто объединение племён, обитавших в этих районах. Ещё в VII—VI вв. до н. э. эфиопских царей утверждало собрание воинов, хотя большое влияние на их избрание имело жречество. Таким образом, в это время были ещё сильны пережитки военной демократии.

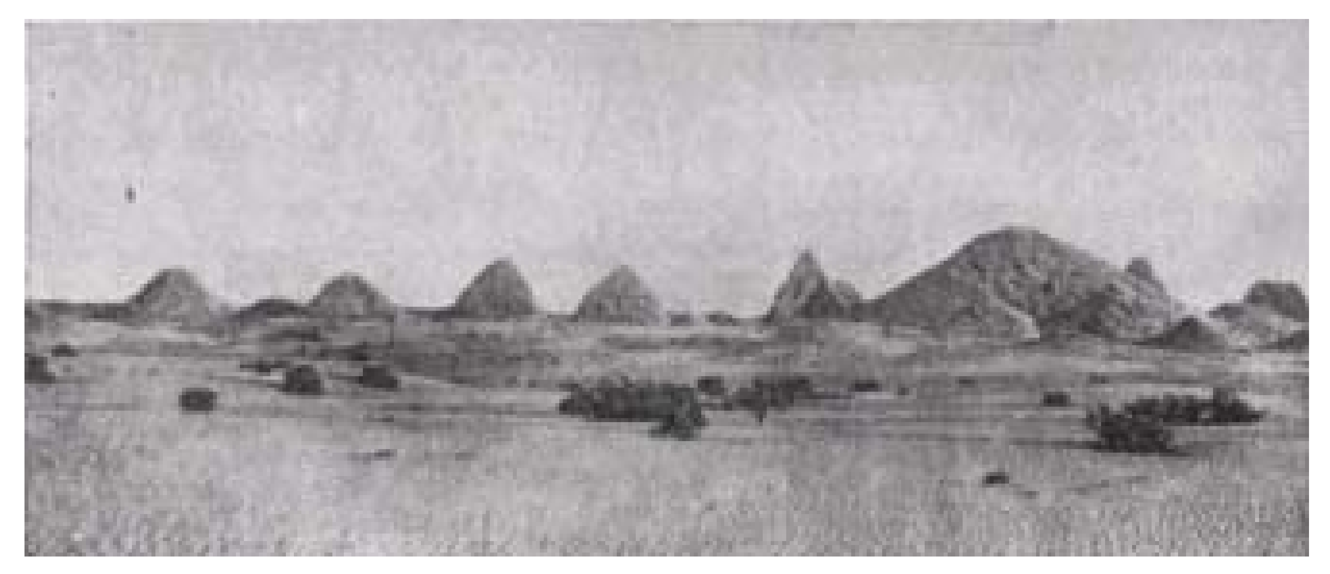

Правитель Гермополя Немарет приводит коня
в дань эфиопскому фараону Пианхи.
С рельефа на стеле Пианхи. VIII в. до н. э.

Кому из вождей удалось объединить под своей властью страну — сказать трудно. Несомненно только, что в VIII в. до н. э., при царе Каште и его преемнике Пианхи, уже

существовало Напатское царство, охватившее всю долину Нила между первым и шестым порогами, а также прилегающие области. Кашта проник также и в южные номы Египта. Он обладал здесь достаточным влиянием, чтобы заставить верховную жрицу Амона в Фивах, дочь фараона Осоркона III, удочерить его дочь и таким путём передать ей этот высокий жреческий сан.

При Пианхи I Эфиопии удалось не только подчинить многочисленные окрестные племена, но и временно овладеть Египтом. Однако следующему эфиопскому царю — Шабаке (конец VIII в. до н. э.) пришлось вновь завоёвывать Египет. Теперь эфиопы

Общий вид царских пирамид в Напате.
VI в. до н. э.

объединяли под своим господством всю долину Нила от Дельты до шестых порогов и играли важную роль в политических событиях того бурного времени, когда Ассирия угрожала всему Восточному Средиземноморью. Однако ассирийцам удалось в первой половине VII в. до н. э. изгнать эфиопов из Египта.

О последующей истории Эфиопии известно мало. Некоторое время эфиопские цари продолжали считать себя законными наследниками тропа фараонов и носили титул «владык обеих земель».

Новое, правда недолговечное, усиление фараонов XXVI, так называемой саисской, династии положило конец притязаниям эфиопских царей на Египет. С другой стороны, и отдельные попытки египтян восстановить своё господство в Северной Эфиопии терпят неудачу, так же как и задуманный персидским царём Камбисом поход в Напату. Отношения между Египтом и Эфиопией обостряются, культурные связи ослабевают. Эфиопское государство расширяет свои владения на юге и юго-востоке, проникая в IV в. до н. э. до северо-западных областей современной Эфиопии (Абиссинии).

В конце VI в. или в IV в. до н. э. (здесь мнения расходятся) столица государства была перенесена из Напаты на юг, в Мороз — город, расположенный между пятым и шестым порогами, в районе обширных и плодородных степей, пригодных для земледелия и особенно для разведения скота. Большое значение имело также и то, что здесь находились основные центры выплавки железа, потребность в котором к тому времени всё возрастала. Впоследствии, уже после начала

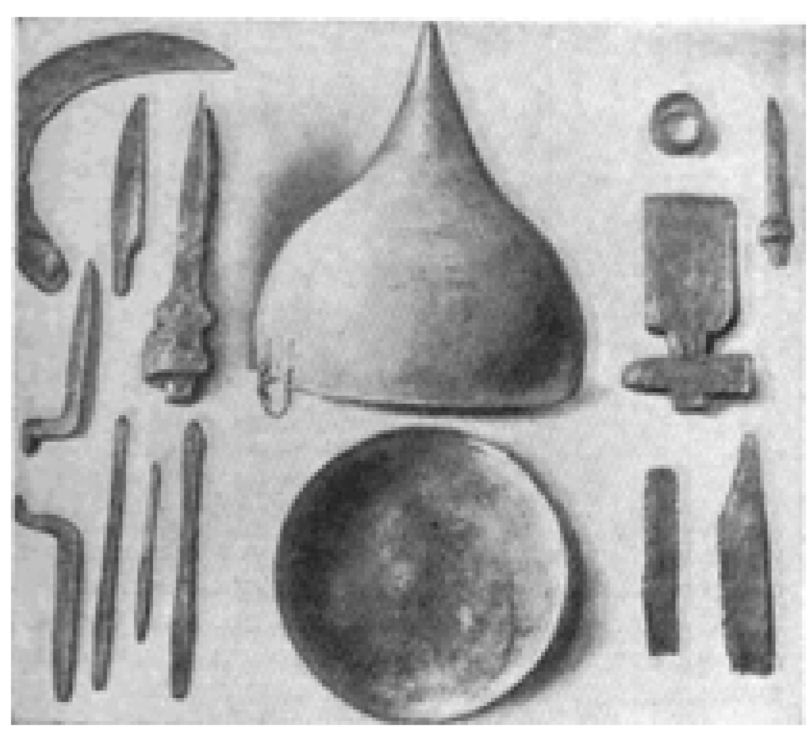
нашей эры, здесь развилась высокая своеобразная культура с самостоятельной алфавитной письменностью, созданной на основе значительного упрощения египетской, так называемой демотической, скорописи. Последующее экономическое, политическое и культурное развитие Эфиопии всё теснее сплетается с историей окружающих кушитских, берберских и негритянских племён.

Культура, создавшаяся в рабовладельческой Эфиопии, продолжавшая традицию египетской образованности, сохранилась ещё и в I тысячелетии н. э.

3. Эфиопский и Саисский Египет (Позднее царство)

Развитие производительных сил. Железные орудия

Египет в VII—VI вв. до н. э. (XXV—XXVI династии) вступает в новую пору развития производительных сил. Из железа, бывшего прежде диковинкой, чуть ли не драгоценностью, теперь уже изготовляют орудия. Некоторые исследователи считают, что разнообразные железные орудия (резцы, пилы, напильники, свёрла), найденные в Фивах вместе со шлемом, похожим на ассирийский, были оставлены там не египетскими, а ассирийскими оружейниками во время занятия города ассирийцами при XXV династии; но следы железоделательных мастерских и железные орудия были обнаружены на западе Дельты в греческом городе Навкратисе в слоях, относящихся к VI в. до н. э. Наличие железного оружия у многочисленных греческих наёмников, служивших в египетском войске при XX VI династии, не могло не сказаться на вооружении и египетских воинов. Ко времени около 600 г. до н. э. исследователи относят тонкий железный нож с медной рукояткой и усматривают в таком ещё бережном обращении с железом указание на значительную его ценность. Но несомненно, что железо при XXVI династии стало чаще употребляться в Египте. Уже при XXV династии или вскоре после неё в Египте имелись потомственные «изготовители железа», т. е. изделий из железа. Возможно, что широким распространением железа объясняется и любовь ваятелей XXVI династии к твёрдым породам камня.

Железные и бронзовые (ассирийские?) предметы из Фив. VII в. до н. э.

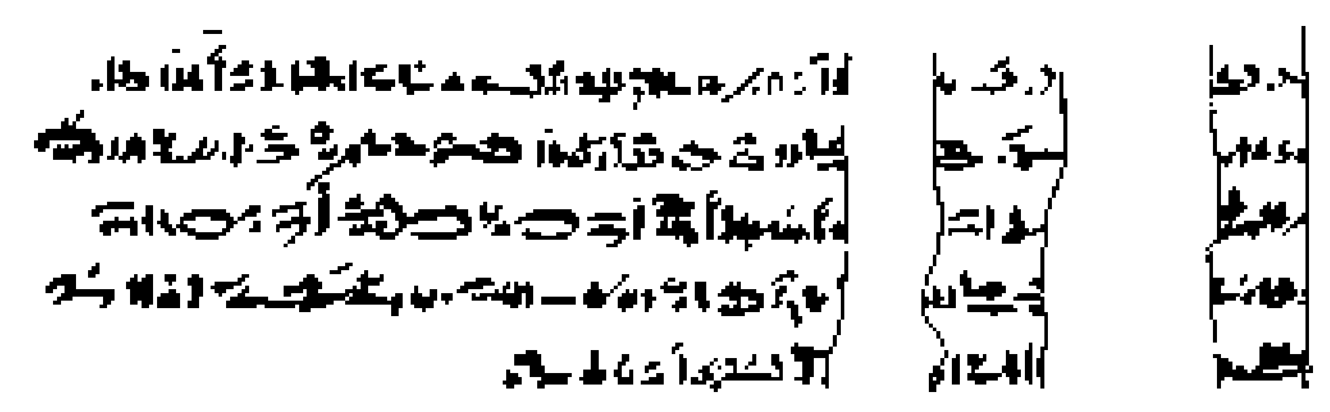
Излишков меди стало, кажется, больше, чем прежде. С Позднего царства начинается то изобилие литых бронзовых статуэток божеств, которые во множестве имеются в собраниях египетских древностей нынешних музеев.

С XXVI династии начинается широкое производство высококачественных изделий из так называемого египетского фаянса — фарфорообразной массы, покрытой цветной стеклянной глазурью.

Развитие рабства и социальный состав общества

Деление общества на свободных и рабов в это время обозначилось, по-видимому, резче, чем прежде. Старое слово *немху* — «простолюдин» употреблялось теперь для обозначения свободного в противоположность слову *бак* — «раб». Как и встарь, храмовые мастерские обслуживались рабами и рабынями. Частные лица покупали и продавали рабов. Известен факт покупки раба за 218 *г* серебра; за обученного раба платили раза в два-три дороже.

От времени XXVI династии до нас дошло относительно много сделок на самопродажу в рабы. Обычно говорится о самопродаже за серебро. Продажа себя в рабы вызывалась, разумеется, бедственным положением. Некоторые становились рабами, платя таким путём за помощь, полученную в безысходной нужде. Продававший себя в рабы отказывался от свободы и за себя и за своих детей, притом «на веки вечные». Однако известен случай возобновления такой сделки на продажу в рабство по истечении пятилетнего срока. Рабское состояние не мешало продававшемуся приобретать

Сделка о самопродаже в рабство.
Демотический папирус. XXVI династия.

некоторое имущество, хотя всё, что имелось у раба, вплоть до одежды «на спине его», считалось принадлежащим хозяину.

Существовали и сделки на продажу себя в «сыновья». «Сын» покупался за серебро вместе с ожидаемым потомством и всем, что он уже имел или мог приобрести впоследствии. Он становился подвластным своему «отцу», а дети «сына» объявлялись «детьми» детей покупателя. «Сын», таким образом, мог служить покупателю даровым работником.

Всё это свидетельствует об обнищании широких слоев свободных. Под влиянием роста денежного хозяйства процесс обнищания широких масс свободного населения должен был усиливаться. В этом играло немалую роль ростовщичество, которое засвидетельствовано для этого времени, хотя по сохранившимся данным и трудно судить о степени его распространения.

Значительная часть египетского населения находилась по-прежнему в зависимом состоянии в округах и деревнях, принадлежавших казне, храмам, «жене» Амона в Фивах и знати. При передаче храму округа или деревни они передавались со всеми их людьми, стадами, всевозможным имуществом. Имеется указание на то, что «царские» люди, т. е. земледельцы, вначале VII в. до н. э. платили подать царской сокровищнице.

Положение ремесленников было, надо думать, далеко незавидное. Бросается в глаза резкое уменьшение количества заупокойных памятников, посвящённых ремесленникам, и чуть ли не полное исчезновение ремесленников-жрецов.

Фараоновская власть действовала в интересах рабовладельцев, в интересах знати, в первую очередь жреческой, и нимало не заботилась о положении широких масс свободных. Это приводило ко всё большему ослаблению государства.

Египетские воины при XXVI династии были преимущественно ливийского происхождения. Из сочинения греческого писателя V в. до н. э. Геродота следует, что каждый воин владел наделом в 12 арур, т. е. 3,28 *га*. Этот надел освобождался от налога. В царские телохранители, как сообщает Геродот, ежегодно призывали по 2 тыс. воинов, и эта служба доставляла им дополнительно обильное довольствие хлебом, мясом, вином. Геродот говорит о 410 тыс. воинов, но это число, вероятно, преувеличено.

Важнейшую военную опору XXVI династии в условиях всё более усиливающегося социального расслоения и растущего недовольства среди широких народных масс составляли иноземные наёмники, в первую очередь греки и карийцы (жители Карий, расположенной на юго-западе Малой Азии), а также выходцы из Сирии и Палестины.

Костяк местной знати по-прежнему составляли номархи и городские правители, назначенные заново царём или унаследовавшие своё положение от отцов. Власть отдельных номархов простиралась иногда далеко за пределы их непосредственных владений. Храмовое строительство велось не только от царского имени, но и от имени номархов и других представителей общественных верхов. Иногда номархи величали себя по стародавнему обычаю начальниками местного жречества. Прочие представители чиновной знати, если судить по их титулам, мало чем отличались от своих предшественников: это были всё те же верховный сановник, начальник сокровищницы, начальники казны, начальники работ, военачальники, судьи великой палаты и т. д. Особое место занимали египетские военачальники, которым были подчинены греческие наёмники, а также начальники царских кораблей; греческие воины и флот составляли важную опору позднеегипетской державы.

Положение жречества и храмовые хозяйства

Большинство сановников, по-видимому, или сами имели жреческие звания, или были сыновьями лиц, носивших такие звания. Однако многие жрецы не были гражданскими сановниками. Сыновья жрецов очень часто бывали тоже жрецами, хотя нередко гражданская служба была у них основной. Погоня знати за жреческими должностями объясняется теми весьма осязательными выгодами, которые эти должности приносили: владеть жреческим местом значило получить в своё пользование часть храмового имущества, будь то земельный надел или продовольственные поступления. За обладание жреческим местом велась подчас ожесточённая борьба. Жреческие должности с их доходами хлебом, мясом, птицей, зеленью, маслом, вином, пивом, полотном и т. п. продавались владельцами за серебро. Доходное жреческое место могло быть предложено в виде взятки даже вельможе.

Земельная собственность храмов, очевидно, была огромной; угодья бывали расположены не только поблизости от храмов, но и в отдалённых частях страны. Двор же продолжал увеличивать эти владения. Храмы сдавали, по-видимому, значительное количество земли в аренду. Держатель храмовой земли мог передавать её по наследству, дарить, отдавать в надел, даже продавать другому лицу. Храмы располагали различными мастерскими.

Несмотря на то, что храмы располагали собственным огромным движимым и недвижимым имуществом, государство ещё поставляло им скот, птицу, топливо, зерно и т. п., а также делало крупные взносы серебром. Правда, не все храмы были свободны от налогов, однако известен случай, когда достаточно было указать на налоги как на причину запущенности храма, чтобы они были сняты. Сохранился царский указ середины XXVI династии о полном освобождении округа, переданного царём мемфисскому храму, от государственных работ. В конце XXVI династии у

тинского номарха были отняты доходы от перевоза через реку и переданы храму, равно как, возможно, и доходы от торговли с оазисом, расположенным в соседней пустыне.

Можно себе представить, какую силу при таких условиях представляло собой жречество.

Огромное значение храмов в хозяйстве страны выразилось и в том, что они заняли ведущее место в денежном обращении. Порукой доброкачественности серебра, обращавшегося в качестве денег, служило обычно происхождение его из определённых сокровищниц. В конце XXV — начале XXVI династии славилась сокровищница Хершефи, бога Гераклеополя. С начала XXVI династии упоминается и серебро сокровищницы самих Фив. Впоследствии, при персах, в Фивах имело хождение «серебро сокровищницы Птаха», т. е. храмовой сокровищницы Мемфиса.

Если употребление в Фивах гераклеопольского серебра указывает на некоторое единство денежного обращения в Верхнем Египте, то на основании этого ещё нельзя утверждать о существовании очень тесных связей между югом и севером страны. На слабую деловую связь Фиванской области даже со средней частью страны указывает, например, различие в деловом письме почти на протяжении всего периода господства XXVI династии. Немногочисленные клады греческих монет древнее последней трети IV в. до н. э. были найдены почти исключительно в Нижнем Египте; в Фивах и южнее этого города они как будто не были обнаружены. Развитие денежного обращения при XXVI династии не следует преувеличивать. Наряду с серебром распространённым средством обмена по-прежнему оставалось зерно.

Второе эфиопское завоевание

Вновь подчинивший Египет в конце VIII в. до н. э. эфиопский фараон Шабака, согласно Манефону, захватил и сжёг живым Бокхориса.

Второй преемник Шабаки —Тахарка, воцарившийся в 689 г. до н. э., оставил в Фивах внушительные свидетельства расположения эфиопской царской власти к жречеству. Так, в главном храме Амона был воздвигнут проход из двух рядов колонн, по шести в каждом, вышиной в 21 *м*. Тахарка известен главным образом как упорный, хотя и неудачливый противник Ассирии. В завоевании Египта Ассирийская держава, стоявшая тогда на вершине своего могущества, видела очередную и важную задачу. В 674 г. до н. э. Тахарке удалось не пропустить ассирийцев вглубь Египта, но новое нашествие ассирийского царя Асархаддона в 671 г. до н. э. закончилось, несмотря на ожесточённую оборону Тахарки, взятием и разграблением Мемфиса. Однако северных владетелей ассирийцы оставили в их областях. Размещенные в Египте ассирийские силы были немногочисленны. Пользуясь этим, эфиопы попытались вернуться обратно. Нижний Египет встретил их, по-видимому, довольно холодно. В 667 г. до н. э. ассирийскому царю Ашшурбанапалу, преемнику Асархаддона, достаточно было одной выигранной битвы, чтобы принудить эфиопов вновь бежать на юг. При приближении ассирийского войска, усиленного отрядами местных египетских владетелей, Тахарка покинул Фивы, но стал на противоположном берегу.

Некоторые северные владетели, в том числе влиятельнейший из них — Нехао, владетель Саиса и Мемфиса, затеяли переговоры с Тахаркой. На этот опасный шаг владетелей, возможно, заставило пойти крайнее возбуждение простого люда, выступавшего против тяжкого ассирийского ига. Гонцы северных владетелей были перехвачены ассирийцами, после чего Нехао и один из его единомышленников в оковах были отправлены в Ассирию. Бросается в глаза разница в обращении ассирийцев с городским населением Севера и с владетельным главою заговорщиков. В ряде северных городов, в первую очередь в Саисе, была учинена страшная резня. Трупы были выставлены на шестах, а содранная с людей кожа — на городских стенах. Что же касается Нехао, то Ашшурбанапал одарил его золотыми украшениями, облёк в дорогие

одежды и вернул на царство в Саис, а его сына, принявшего ассирийское имя, посадил правителем в одном из больших нижнеегипетских городов.

В 664 г. до н. э. умер Тахарка, и новый эфиопский царь Тануатамон (Тальтамон) вновь попытался завоевать Нижний Египет. Когда Тануатамон прибыл в Фивы, жречество вышло с цветами навстречу царю. С восторгом встречали эфиопа и храмы в средней части страны. В Мемфисе заперся ассирийский отряд. Вылазка осаждённых кончилась их разгромом, и Мемфис пал. Затем фараон выступил против нижнеегипетских владетелей, но те, надеясь на близкую ассирийскую помощь, укрылись за стенами своих городов и не приняли боя. Тануатамон вернулся в мемфисский дворец. Признание Тануатамона некоторыми из владетелей не могло уже существенно изменить положение. Ассирийцы приближались. Эфиопы вынуждены были отступить. Нижнеегипетские правители встретили ассирийцев изъявлениями покорности. Фивы, дотоле незыблемую опору эфиопов в Египте, постигла страшная кара. Они подверглись разграблению, многие мужчины и женщины были угнаны ассирийцами в плен. Правда, вскоре эфиопское правление было восстановлено в разорённом городе. Но былое значение Фивы утратили навсегда.

Статуэтка, изображающая царя Тахарку.
VII в. до н. э. Бронза.

Воссоединение Египта под властью саисских фараонов

Такой исход борьбы за Египет был обусловлен не одним военным превосходством Ассирии. Сказалась и враждебность Нижнего Египта по отношению к эфиопам, которая явственно обнаруживалась при каждом их появлении там. Однако ассирийская «защита» от южан обходилась слишком дорого, в первую очередь трудовому населению Нижнего Египта. В его интересах было освобождение страны и от ассирийцев.

Дело воссоединения и освобождения Египта выпало на долю основателя XXVI (саисской) династии — Псамметиха I. Вероятно, он и сын саисского владетеля Нехао — одно и то же лицо, и именно его помиловал и обласкал некогда ассирийский царь Ашшурбанапал.

Каким образом произошло отпадение Египта от Ассирии, не ясно; возможно, что Ассирия, занятая войнами в других областях, предпочла иметь в лице Псамметиха скорее союзника, чем сомнительного подданного.

Прочно сплотить северные области Псамметих мог, только сломив противодействие их владетелей. Это можно было сделать, располагая значительной военной силой. Греческое предание утверждало, что в этом Псамметиху и его сторонникам помогли греческие (ионийские) и карийские воины из Малой Азии; ассирийские источники говорят о присылке ему воинов лидийским царём Гигом.

Псамметиху I удалось объединить страну не сразу. Начало его царствования относится к 663 г. до н. э., однако до 658—657 гг. Фивы ещё оставались во власти

эфиопского царя Тануатамона. Как произошло воссоединение Юга с Севером, неизвестно, но в 655 г. до н. э. Псамметих был уже хозяином Фив. Египет в конце концов вновь стал единым. Новый фараон довольно свободно распоряжался в некоторых областях. Это видно, например, из жизнеописания одного сановника. По воле фараона этот сановник побывал правителем в шести местностях Нижнего Египта, затем был переведён с каким-то поручением в Фивы и, наконец, сделан последовательно номархом в двух городах южнее Фив. Так можно было обращаться, однако, не со всеми областями. Могущественный владетель Гераклеополя соединял в своём лице власть номарха, звание жреца местного божества, начальствовал над судоходством едва ли не во всём государстве и управлял средней частью страны. В Фивах продолжал сидеть старый владетель, которому былая близость к эфиопам не мешала и при Псамметихе I управлять Южным Египтом. Положение в Фивах осложнялось ещё присутствием эфиопской царевны, владетельной «жены Амона». Для того чтобы укрепить своё положение в Фивах, Псамметих дал свою дочь эфиопской царевне в «дочери» и преемницы.

Несмотря на такое «родство» с владетельницей Фив, Псамметих был и оставался северным фараоном. За полувековое царствование он почти не оставил следов своей строительной деятельности в Фивах. Зато он строил в Нижнем Египте, особенно в Мемфисе.

На кого опирался Псамметих? Кое-какие намёки на это можно найти в источниках. Фараон был женат на дочери верховного жреца в Гелиополе. В полусказочном рассказе Геродота виновником возвеличения Псамметиха назывался верховный жрец Птаха. Сразу же затем Геродот переходит к рассказу о постройках нового царя в Мемфисе, а потом говорит о награждении царём своих иноземных пособников — воинов. Создаётся впечатление, что эти постройки были знаком благодарности мемфисскому жречеству за помощь, оказанную Псамметиху при воцарении. Геродот свидетельствует не только о близости Псамметиха к северному жречеству, но и о натянутых отношениях фараона с египетскими воинами. По Геродоту, до 240 тыс. египетских воинов не получив смены после своей трёхлетней пограничной службы, ушли в Эфиопию. Даже если число ушедших преувеличено, самый рассказ вполне правдоподобен. Правда, Геродот говорит, что при воцарении Псамметиха ему помогали и приверженцы из числа египтян, однако победу обеспечили не египетские, а греческие и карийские воины, которые были затем поселены в Нижнем Египте и осыпаны царскими милостями.

Местные владетели северной половины страны были по своему происхождению вождями ливийского воинства. Псамметиху для подавления их, естественно, пришлось опереться не на местных, ливийских, а на пришлых воинов. Главной опорой его в стране могло быть северное жречество. Богатые позднеегипетские храмы были основными очагами развития денежного хозяйства. Вполне возможно, что средства для найма иноземных наёмников были предоставлены Псамметиху именно храмами, жречеством. Если это так, то в лице XXVI династии к власти пришла новая, храмовая знать, державшая в своих руках нити развивавшегося денежного обращения. Будучи заинтересована в развитии денежного хозяйства, она, разумеется, стремилась и к государственному единству страны.

Египет при преемниках Псамметиха I

Время укрепления саисской династии в Египте совпадает со временем упадка Ассирии, с которой египетскими фараонами, видимо, были установлены хорошие отношения. Правда, во время скифского нашествия Египет не мог помочь Ассирии и сам, по словам Геродота, был вынужден откупиться от скифов дарами. Однако египетское войско оказало помощь Ассирии в её последней схватке с Вавилоном.

Когда в 609 г. до н. э. на престол вступил сын Псамметиха I — Нехао, Ассирии уже почти не существовало. Дело шло уже не столько о защите остатков Ассирийской державы, сколько об участии в их дележе. Египет вновь готовился к широкой

военной деятельности. Предпринятое финикийскими мореходами по поручению Нехао плавание вокруг Африки вряд ли имело военное значение. Оно могло преследовать цели торговли и разведывания торговых путей. Но намерение прорыть или, быть может, восстановить канал между Нилом и Красным морем, вероятно, преследовало не только торговые, но и военные цели. Однако это строительство, на которое были привлечены массы египетского населения (Геродот говорит о гибели 120 000 человек при постройке канала), не было завершено. Для военных нужд на Средиземном и Красном морях были построены большие гребные суда.

В 608 г. до н. э. дорогу фараону к Евфрату пыталось преградить у Мегиддо войско иудейского царя Иосии, но безуспешно. Сам Иосия был смертельно ранен, и иудеи возвели на престол его сына Иоахаза, но спустя три месяца Нехао низложил его и поставил царём его брата Иоакима. Иудея должна была платить тяжёлую дань серебром и золотом. Три года властвовал фараон над Сирией и Палестиной, но в 605 г. до н. э. вавилонское войско под начальством царевича Навуходоносора, вероятно при содействии мидян, разбило египетское войско при Каркемише, и Сирия с Палестиной были снова потеряны для Египта.

Египетские фараоны и после этого не отказались от попыток подчинения соседних народов. Сын Нехао — Псамметих II (593—588) побывал в Сирии и Палестине (590 г. до н. э.) и послал в Эфиопию войско, состоявшее из египтян и из «иноязычных»: семитов, греков, карийцев. Войско находилось под начальством двух египтян. Вторжение сопровождалось большим кровопролитием, опустошениями страны и уводом пленных.

В начале царствования Псамметих II отправил в Фивы и объявил «дочерью» «жены Амона» свою дочь.

При сыне Псамметиха II —Априи (588—566) Египет отважился открыто поддержать Иудею в борьбе с Ново-Вавилонским царством. Фараон при этом, вероятно, больше думал о захвате торговой Финикии, чем о действительном отпоре вавилонянам. Греческие писатели сообщают о морской победе Априя над соединёнными тирскими и кипрскими силами и о его походе на Сидон. Египетское войско появилось и под Иерусалимом, принудив вавилонян временно снять осаду с этого города, но было затем разбито (586г. до н. э.) и ушло восвояси. Финикия была тоже потеряна.

Другое поражение стоило фараону престола. К тому времени западнее Египта на африканском берегу Средиземного моря выросло сильное греческое государство Кирена. Теснимые им ливийцы решили отдаться под покровительство египетского царя. Априй отправил против Кирены большое войско, составленное, естественно, из египтян, а не из греков; но воины Кирены наголову разбили его. Тогда, по Геродоту, в египетском войске вспыхнул мятеж, и царём был провозглашён сановник Амасис (Яхмес II, 569—525). Хотя он был вскоре признан как в Нижнем, так и в Верхнем Египте, Априй с помощью своих греческих и карийских воинов ещё продержался на Севере до 566 г. Даже кровопролитная битва между Априем и Амасисом с участием пехоты, конницы и судов не решила исхода борьбы. Однако вскоре Априй погиб; Амасис похоронил его с царскими почестями.

Хотя Амасис был обязан своим выдвижением египетскому войску, он не порывал и с греками. По Геродоту, Амасис из лагерей в Дельте перевёл в Мемфис ионийских и карийских наёмников и составил из них свою охрану против египтян. Фараон был весьма расположен к грекам, он делал пожертвования в их храмы, одна из его жён была родом из Кирены. Отведённый грекам город Навкратис в западной части Дельты был наделён привилегиями, в нём была сосредоточена иноземная торговля.

Господствующее положение в стране по-прежнему принадлежало знати. Каким бы простонародным весельчаком ни рисовался Амасис последующим поколениям, сложившим о нём сказки, он на деле оставался царём знати, в первую очередь жреческой. Его главная жена и мать его наследника была дочерью верховного жреца Птаха.

Геродот упоминает пропилеи (проход с колоннами) Амасиса в саисском храме, исключительные по своей высоте и обширности. Царь оставил сооружения в мемфисских и других храмах. Когда впоследствии зашла речь о восстановлении урезанных персидскими завоевателями продовольственных, денежных и иных государственных взносов в храмы, доходы «времени фараона Амасиса» принимались за желаемый образец.

Ещё в 568—567 гг. до н. э. произошло военное столкновение Египта с Вавилоном; вавилонский царь Навуходоносор II, возможно, воспользовался тогда междоусобицей при воцарении Амасиса.

Происшедшее в дальнейшем усиление Египта на море при Амасисе привело к превращению Кипра в египетского данника. Египет состоял в союзе с Киреной и с правителем (тираном) острова Самое —Поликратом, одно время также с Лидией, Вавилоном и Спартой против персидского царя Кира. Нашествие персидского царя Камбиса в 525г. до н. э. не застало уже Амасиса в живых: он умер, когда персы ещё шли на Египет. Сын Амасиса—Псамметих III процарствовал всего лишь полгода. Разъедаемый внутренними противоречиями, фараоновский Египет, в котором властвовали жреческая знать и иноземные наёмники, пал под натиском Персидской державы.

4. Египетская культура и идеология в первой половине I тысячелетия до н. э.

Письменность, литература и наука

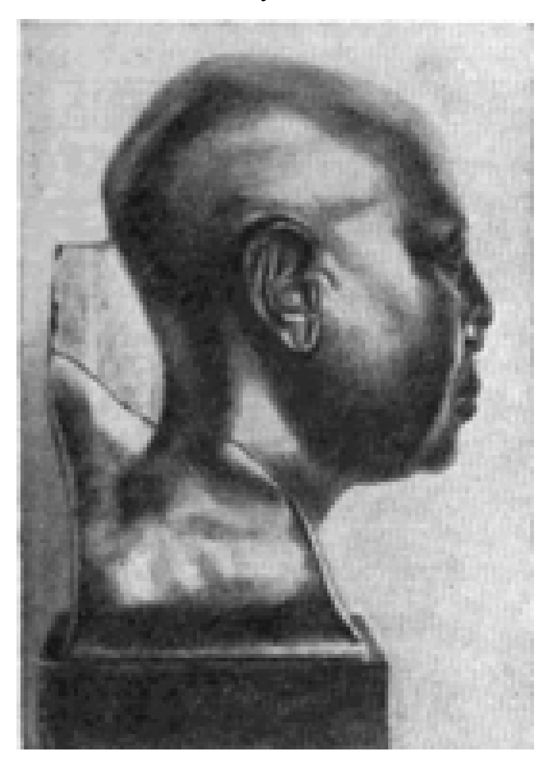
Торжество эфиопских, а затем саисских фараонов было вместе с тем торжеством жреческой знати над ливийским воинством. И если ливийские фараоны в титулах и на памятниках объявляли себя продолжателями традиций Нового царства, то цари XXV и XXVI династий выдавали себя за восстановителей порядков Среднего и особенно Древнего царства. Титулы новых владык напоминали титулы их древних предшественников, различного рода памятники чем дальше, тем больше походили на стародавние образцы. Некоторые надписи времени XXVI династии по начертанию и правописанию можно принять за произведения Древнего царства. Пристальный взгляд, однако, обнаруживает промахи: подражатели были не в состоянии по-настоящему проникнуть в существо древней письменности. Жизнь далеко ушла от времени пирамид, и само иероглифическое письмо надписей окончательно потеряло свою связь с употребительной в житейском обиходе скорописью.

В Северном Египте около 700 г. до н. э. выработалось из прежней деловой скорописи новое письмо, так называемое *демотическое* («народное»). Возникновение его было связано с ростом потребности в различных письменных сделках, обусловленным развитием денежного хозяйства. Однако в Фивах оставалась в употреблении прежняя скоропись, только предельно беглого почерка,— так называемое позднее иератическое письмо. Лишь в конце XXVI династии новая скоропись возобладала и в Фивах.

При слабых XXI и XXII династиях период Нового царства не мог не представляться общественным верхам «классической» порой. Энциклопедический словник писца «дома жизни» Аменемипета, своего рода терминологический обзор тогдашнего мира, составленный в конце Нового царства, пользовался теперь большим спросом: от времени XXI—XXII династий до нас дошло несколько неполных списков этого сочинения.

Ввиду гибели почти всех рукописей эфиопско-саисского времени мы мало что знаем о его науке. Греко-римское предание говорит о поездках древнегреческих мудрецов в Египет, считавшийся страной мудрости. Утверждали, что древнегреческий философ-материалист Фалес заимствовал у египтян их учение о том, что вода — основа всех вещей. Громкой славой пользовалась в тогдашнем мире египетская врачебная наука. После покорения Египта персами царь Дарий I поручил сановному жрецу и

врачу, египтянину Уджагорресенту, служившему при последних царях XXVI династии «начальником (военных) кораблей царя», восстановить «дом жизни» — высшее учёное учреждение, пришедшее к тому времени в запустение. По надписи Уджагорресента можно представить себе, каким было это учреждение до нашествия Камбиса. «Снабдил я их (т. е. учёные учреждения) всякими книжными (?) людьми из сыновей (именитых) мужей — не было там сына ничтожного (человека). Отдал я их под руку всяких знатоков... Приказало его величество давать им всякую добрую вещь по желанию, чтобы творили они всякую свою работу. Снарядил я их всякими благами, всем потребным им, что (значится) в писании, согласно состоянию их прежде. Сотворило его величество это затем, что знало благодетельность этого мастерства (для того), чтобы животворить всякого, кто в болезни, чтобы устанавливать имена всех богов, храмы их, жертвы божеские их, руководить празднествами их вечно». Таким образом, высшее учёное учреждение пеклось не только о врачебном искусстве, но и о храмовых делах. Доступ в «высокородный» круг учёных для «худородных» был заказан: наука считалась достоянием одних верхов общества.

Скульптурный портрет мужчины. Около 600 г. до н. э. Зелёный шифер.

Беззастенчивое ограбление и притеснение простых людей достигли таких размеров, что даже нравоучительная письменность, например «поучение» писца Аменемипета,—вероятно, ливийского времени, — принуждена была уделять значительное внимание общественным злоупотреблениям.

Некоторые из записанных Геродотом рассказов о XXVI династии и событиях накануне её воцарения похожи на сказки-предания, хотя и могли в своей основе восходить к временам, о которых повествовали. То же можно сказать о сказках, связанных с именем фараона Петубастиса и довольно хорошо передающих обстановку в стране на исходе ливийского владычества, о малопочтительном рассказе об Амасисе и тому подобных сказаниях, сохранившихся в позднейших демотических рукописях.

Повествовательная литература Позднего Египта нам мало известна. Однако папирус, хранящийся в Государственном музее изобразительных искусств в Москве, даёт нам подробный и живо написанный «отчёт Унуамона» о путешествии его по поручению фиванского верховного жреца Херихора в финикийский город Библ за лесом для храмовой ладьи. В основу этого литературного произведения легли, надо думать, действительные злоключения египетского посланца. Библский владетель говорит в этом произведении об Египте, как о родине мастерства и учёности. Примечательно в этом повествовании описание природы и волнующегося моря.

До нас дошло множество надписей времени XXI—XXVI династий, но из сравнительно немногочисленных исторических царских надписей и более обильных жизнеописаний знати лишь некоторые имеют художественное значение. В соответствии *с* общим умонастроением общественных верхов при XXVI династии давно не употреблявшиеся «надписи пирамид» вновь начертывались на памятниках вперемежку с заклинаниями из «Книги мёртвых» и других, более новых сочинений. Надписи времени Позднего царства писались не на живом позднеегипетском, или демотическом, языке, сменившем к 700 г. до н. э. новоегипетский, а на мёртвом среднеегипетском, хотя

и не без примеси более поздних оборотов. Вновь переписывавшиеся произведения Древнего царства были составлены на языке ещё более древнем — староегипетском.

Архитектура и изобразительное искусство

Сооружения XXI—XXV династий в Фивах в сущности лишь продолжали строительство Нового царства. XXVI династия там почти не строила, сосредоточив свою строительную деятельность в Нижнем Египте, но здесь от тогдашних храмовых построек мало что уцелело. Гробницы царей XXVI династии помещались, согласно Геродоту, во дворе городского храма в Саисе. Гробницу Априя греческий путешественник описывает как каменный чертог с колоннами в виде финиковых пальм.

Время XXI—XXVI династий оставило нам немало изваяний; часто они безукоризненно отделаны, но только очень немногие из тогдашних скульптур действительно являются художественно сильными произведениями. В них заметно влияние образцов Древнего и особенно Среднего царства; без этого влияния, возможно, были созданы такие жизненные произведения, как статуи фиванских владетелей конца XXV — начала XXVI династии.

Из-за гибели нижнеегипетских храмов наши представления о плоскостном изобразительном искусстве Позднего Египта несколько неполны. Примечательно, что не только на Севере, но даже в Фивах со времени XXVI династии начали помещать на стенах гробниц изображения, заимствованные из Древнего царства; в одном случае они прямо списаны с гробницы времени VI династии, расположенной совсем в другой местности Верхнего Египта. Но среди плоскостных изображений при той же XXVI династии могли быть и такие, которые по живости передачи черт подлинника превосходили все прежние. Таково дошедшее до нас полное реализма изображение Псамметиха I с грубыми, некрасивыми чертами обрюзглого лица.

Достижения древнего Египта, как и других стран древнего Востока, в области науки, производства и искусства оказали огромное влияние на развитие культуры в странах Средиземноморья и имели немалое значение для последующего развития человечества.

Верования

С образованием жреческого государства в Фивах почитание Амона росло, даже судопроизводство нередко осуществлялось в форме оракулов бога. В Фивах от имени Амона издавались целые указы. После того как попытки эфиопов восстановить «царство Амона» окончились неудачей, слава этого божества померкла. Только в Фивах да ещё в нескольких местностях страны Амон почитался по-прежнему. С воцарением XXVI династии произошло некоторое возвеличение древней саисской богини Нейт, считавшейся, видимо, и военной покровительницей державы саисских фараонов.

Несомненно, не без участия усилившегося жречества росло в Позднем царстве почитание местных священных животных, особенно заметное в крупнейшем нижнеегипетском городе Мемфисе, священный бык которого—Апис пользовался теперь подчёркнутым вниманием со стороны государственной власти.

ГЛАВА XXIV
ДРЕВНЕЙШИЙ ИРАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ. СОЗДАНИЕ ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ АХЕМЕНИДОВ

Впервой половине I тысячелетия до н. э. всё большую роль начинают играть страны, расположенные на обширных пространствах Ирана и Средней Азии. Пустыни и полупустыни, находящиеся в середине Иранского плоскогорья, окаймляются на западе и юге горами Загра. Горы Загра и север Ирана входили в Мидию, южный гористый район составлял Персиду. На северо-востоке и востоке от пустынь Внутреннего Ирана были расположены Парфия, Дрангиана и Арахосия, которые занимали юго-западные районы Средней Азии, восточные области современного государства Иран, а также большую часть современного Афганистана. Земледелие было возможно лишь на восточных и западных окраинах громадного плоскогорья; здесь на склонах гор оседает приносимая ветрами влага, а также могут быть использованы воды горных ручьёв. Средняя часть этого плоскогорья представляет собой почти лишённую растительности солончаковую пустыню, где земледелие возможно было только в редких оазисах. Западную и восточную окраины Иранского плоскогорья связывала узкая полоса плодородной земли, расположенная вдоль южного побережья Каспийского моря. Но эта полоса в древности была покрыта лесами и труднопроходима; сообщение поддерживалось преимущественно вдоль южного предгорья высокого хребта Эльбурза, отделяющего эту полосу от Мидии.

Западные области Ирана — Мидия и Персида — находились под непосредственным воздействием древних цивилизаций Передней Азии; народы же, населявшие северные и восточные окраины Ирана, были в своём историческом развитии тесно связаны с народами Средней Азии и Северо-Западной Индии.

Обширные пространства Средней Азии, отделённые от Ирана горными хребтами Копет-Дага представляют большое разнообразие природных условии. Северные предгорья Копет-Дага, подобно предгорьям хребтов Ирана, благоприятны для ис-

пользования вод горных ручьёв в небольшом масштабе; далее к северу и северо-востоку расположены обширные пустыни, перерезаемые с юго-востока на северо-запад речными долинами Теджена (Герируда), Мургаба, Аму-Дарьи, Кашка-Дарьи, Зеравшана и, на довольно большом расстоянии, — Сыр-Дарьи. Теджен и Мургаб теряются в песках пустыни Кара-Кум; Кашка-Дарья и Зеравшан в древности впадали в Аму-Дарью; Аму-Дарья и Сыр-Дарья несут свои воды в Аральское море. В глубокой древности часть вод Аму-Дарьи заполняла Сарыкамышскую котловину юго-западнее Аральского моря и отходила в русло Узбоя, тянущееся через Кара-Кум в направлении Каспийского моря; но в начале I тысячелетия до н. э. Узбой, по-видимому, был высохшим руслом.

Деталь конского убора.
Луристан. Вторая половина II тысячелетия до н. э.
Бронза.

Среднеазиатские реки протекают в своём верхнем течении в горных долинах; здесь местами рано могло возникнуть земледелие. До начала железного века население не обладало необходимыми орудиями, пригодными для того, чтобы создать значительные оросительные системы, которые позволили бы освоить более низменные части долин. Своенравное, изменчивое и быстрое течение Аму-Дарьи также не позволяло в ранние времена освоить её воды для орошения.

К началу I тысячелетия до н. э. постепенно намечается образование земледельческих областей в ряде районов Средней Азии: в Арейе — по Теджену (Герируду), Маргиане — по Мургабу, Бактрии — в верховьях Аму-Дарьи, Согдиане — на Кашка-Дарье и Зеравшане, Хорезме (Хорасмии)— по нижнему течению Аму-Дарьи и у Сарыкамышской котловины. В плодородной Ферганской долине и по всему остальному течению Сыр-Дарьи земледелие возникло, по-видимому, значительно позже. Степи и пустыни, окружающие эти земледельческие очаги, в начале I тысячелетия были местом обитания многочисленных кочевых племён. Как кочевые, так и оседлые племена говорили на языках иранской группы индоевропейской семьи.

Древнейшим населением Ирана, по крайней мере в его западной части, с IV тысячелетия до н. э. были эламиты, касситы и родственные им племена; отчасти, возможно, и хурриты. Языки этих племён не входили ни в состав семитской, ни в состав индоевропейской семьи языков. Племена, говорившие на иранских языках, появились в Иране в начале I тысячелетия до н. э.

Период энеолита наступил в Иране приблизительно с начала III тысячелетия до н. э.; однако ещё раньше в ряде областей Ирана, а также по предгорьям Копет-Дага уже возникают очаги горно-ручьевой земледельческой культуры. Эти области наряду с некоторыми областями Передней Азии и Северной Африки являются древнейшими центрами одомашнения хлебных злаков. Уже к началу II тысячелетия в Северном Иране было известно не только мотыжное, но и плужное земледелие. В то

же время, в течение II тысячелетия до н. э. развивается полукочевое скотоводство, с отгоном скота на летние горные пастбища.

К началу I тысячелетия до н. э. ремесло уже отделилось от земледелия (известны замечательные своей орнаментацией в виде причудливых групп животных памятники так называемой «луристанской бронзы» Западного Ирана, связываемой некоторыми исследователями с касситами и относящейся преимущественно к середине и к концу II тысячелетия); общество в это время стояло уже на грани создания классов, но рабовладельческий строй в нём ещё не возник.

Ранняя история Средней Азии

В предгорьях южной части Средней Азии земледелие возникло со времён раннего неолита. Во II тысячелетии оно развилось также в Хорезме и некоторых других областях, но во времена бронзового века было ещё малопродуктивным. В большинстве среднеазиатских районов население жило скотоводством и охотой.

В течение II тысячелетия до н. э. в Средней Азии вплоть до Копет-Дага получают распространение культуры, имеющие определённые связи с так называемой андроновской культурой Казахстана. Рядом исследователей это явление истолковывается как свидетельство распространения здесь ирано-язычных индоевропейских племён, которые действительно занимали позже, в I тысячелетии, всю Среднюю Азию. В связи с развитием производительных сил в период бронзового века и в соответствии с природными условиями Средней Азии её ирано-язычное население, по-видимому, ещё во II тысячелетии разделяется на кочевников-скотоводов (массагетов, саков) и земледельцев, которые оседали в горных долинах и в оазисах, смешиваясь здесь, вероятно, с коренным населением.

В VII — VI вв. до н. э. в связи с освоением производства железных изделий и с созданием ирригационных систем в приречных низменностях у земледельческого населения Средней Азии начинает складываться классовое общество. Именно в это время возникают поселения городского типа в районе современных городов Самарканда (древняя Мараканда), Мары, Балха (древние Бактры) и в ряде мест Южного Таджикистана.

Косвенные указания, извлечённые из более поздних письменных источников, по-видимому подтверждаемые и археологическими данными, свидетельствуют о возникновении к VI в. до н. э. по крайней мере двух крупных объединений, по всей вероятности бывших уже государствами,— Хорезма на нижнем течении Аму-Дарьи и Бактрии на верхнем течении Аму-Дарьи и её притоках. Возможно, что влияние их распространялось и шире: Хорезма — на предгорья Копет-Дага и долину Теджена (быть может, и на Согдиану), Бактрии —на долину Мургаба (Маргиану).

Ранняя история Мидии

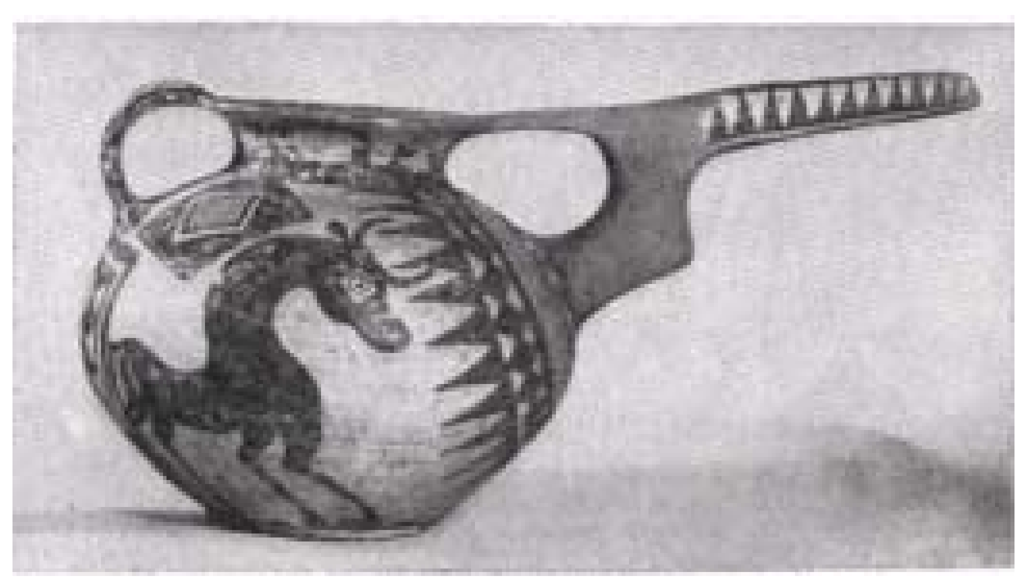
В конце II — начале I тысячелетия до н. э. в Северном Иране появляются ирано-язычные племена, которые с IX в. под названием мидян начинают упоминаться в ассирийских надписях. Но население наиболее развитых земледельческих областей Северо-Западного Ирана в то время не было ещё ирано-язычным. Ассирийцы в своих военных походах захватывали здесь большое число квалифицированных ремесленников в качестве военнопленных и использовали их на строительных работах. В VIII в. до н. э. ассирийцы проникают дальше на восток и ведут грабительские походы против мидийских племен, большинство которых было ещё кочевыми и полукочевыми.

В период временного упадка Ассирии, в начале VIII в. до н. э., ряд походов на территории современного Южного Азербайджана и Иранского Курдистана совершали и урартские цари; однако им не удалось прочно закрепиться в районах южнее озера Урмия. В VIII в. местные племена были здесь объединены довольно значительным царством Мана, которое успешно отражало попытки как Урарту, так и Ассирии овладеть приурмийским районом.

Часть ирано-язычных мидийских племён начинает оседать в районах к востоку от гор Загра уже с начала I тысячелетия до н. э., другие племена оставались кочевниками

и полукочевниками. Потребности самообороны против ассирийских войск содействовали оформлению в Мидии племенного союза. Согласно преданию, сохранившемуся у древнегреческого историка Геродота (V в. до н. э.), объединителем мидийских племен являлся некий Дейок, которого под именем Дайаукку упоминают и ассирийские анналы (летописи) в конце VIII в. до н. э., сообщающие о захвате его в плен.

Ассирийские источники рисуют Мидию разделённой на множество мелких и мельчайших территорий с различным по своему этническому составу населением. На этих территориях, по-видимому, начинает уже возникать классовое общество, хотя племенные связи ещё долго продолжают сохранять своё значение. Во главе этих территорий стояли царьки и вожди, между которыми часто происходили столкновения. Одним из таких владетелей, подчинённых к тому же царству Мана, был и Дайаукку. Однако единство племенного союза сохранялось, и при случае мидийские племена могли выступать довольно сплочённо; определённые вожди возглавляли в таком случае весь союз племён.

Мидийский расписной сосуд из Тепе-Сиалка.
Начало I тысячелетия до н. э.

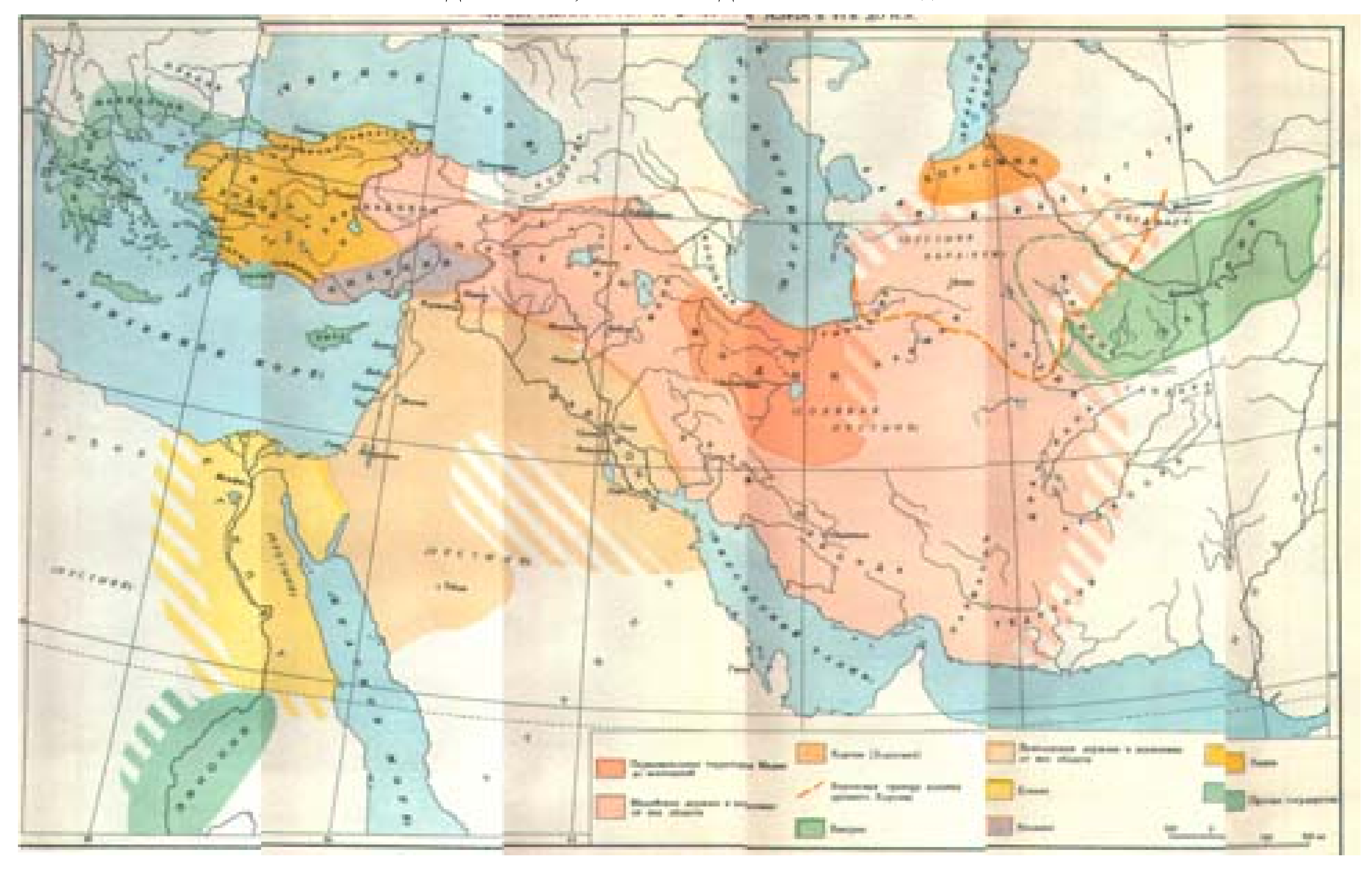
В течение VIII в. Ассирии удалось формально подчинить себе почти всю Мидию, однако её попытки собирать дань (преимущественно лошадьми) наталкивались на ожесточённое сопротивление мидян. Около 673 г. в Мидии вспыхнуло большое восстание, поддержанное скифами. Киммерийцы, как полагают некоторые исследователи, во главе со своим вождём Теушпой, упоминаемым ассирийскими анналами, также примкнули к мидийскому племенному союзу. Одного из вождей мидийского восстания, Каштарити, большинство исследователей отождествляет с Фраортом, который, по Геродоту, подчинил также персидские племена и племена на северо-востоке Ирана. Мидии удалось добиться независимости.

Ассирийской державе пришлось искать союзников против мидян в лице скифских племён. Вскоре после 640 г., когда ассирийцы разгромили Эламское царство, Кир I, царёк персов, прислал дары ассирийскому царю, стремясь, вероятно, стать независимым от мидян; зависимость персов от Ассирии в то время могла быть только номинальной и для персов отнюдь не обременительной.

В связи с начавшимся ослаблением Ассирии усилился натиск мидян на запад. Однако поражение, которое нанесли мидянам скифы, бывшие в это время союзниками Ассирии, отсрочило на несколько лет гибель Ассирии. При преемнике Фраорта Киаксаре (по-ирански — Хувахштра, 625—585) мидийское наступление на Ассирию возобновилось.

К этому времени дальнейший рост имущественного неравенства, увеличение числа рабов обусловили превращение мидийского племенного союза в рабовладельческое -государство. Царь Мидии Киаксар, перестроив мидийское племенное ополчение

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ, ИРАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ в VI в. до н. э.

в организованное войско и опираясь на союз с Вавилонией, в 615—605 гг. окончательно уничтожил Ассирийскую державу. Он подчинил Ману, Урарту, разбил скифов; ему покорились и персидские племена.

Мидийская держава

Столицей Мидии был город Экбатаны (ныне Хамадан). Сохранившиеся у греческих писателей эпические сказания и исторические предания Ирана свидетельствуют о том, что Мидийская держава подчинила себе племена Восточного Ирана и пришла в соприкосновение с кочевыми сакскими племенами в пределах Средней Азии. В этих областях господство мидян должно было содействовать усилению племенной знати, которая превращалась в класс рабовладельцев.

На западе Мидийское царство вступило в столкновение с малоазийским государством Лидией. Война завершилась битвой на берегах реки Галиса в день полного солнечного затмения 28 мая 585 г. до н. э. Обе воюющие стороны, не сумев одолеть одна другую, заключили мир, закреплённый браком между Астиагом, сыном Киаксара, и дочерью лидийского царя. В конце 585 г. умер Киаксар и на престол вступил Астиаг (585—550).

Мидийская держава была ещё довольно рыхлым государственным образованием, включавшим различные полунезависимые области и племена. Однако мидийские цари, по-видимому, стремились к укреплению и централизации всей этой обширной державы.

В державе, возглавлявшейся Киаксаром и Астиагом, весьма значительную роль играла племенная аристократия—потомки мидийских вождей и царьков IX— VII вв. до н. э., превращавшиеся в рабовладельческую знать. Она в сильнейшей степени ограничивала царскую власть. Мощь мидийской знати была тогда настолько велика, что правитель Вавилонии Набонид называл в своей надписи представителей мидийской знати «царями», стоящими рядом с Астиагом. Как можно заключить из источников, Астиаг стремился ослабить мощь рабовладельческой знати; это вызвало, однако, сильное противодействие с её стороны.

Тем временем положение Мидии на западе, по-видимому, осложнилось в результате конфликта с Вавилонией. Этим воспользовались в 553 г. персы, во главе которых стоял царь Кир II (по-персидски Куруш, 558—529) из рода Ахеменидов. Восстание персов против мидийского господства закончилось в 550 г. дон. э. их полной победой, чему способствовала измена значительной части мидийской знати.

Создание державы Ахеменидов

Мидяне оказались, таким образом, в подчинении у персов. Однако они вошли в состав нового государства как формально равноправная с персами народность. Если по сравнению с персидскими племенами мидяне были на втором месте, то по сравнению с прочими подчинёнными персам народностями и племенами они занимали привилегированное положение. В этом заключался известный компромисс между персами и господствовавшей в Мидии знатью. После победы персов прежние племенные вожди Мидии уже не являлись царьками в своих областях, а вошли в состав знати Персидского государства.

Организованная Киром персидская армия включала первоклассную конницу, но особое значение имела пехота, представлявшая собой ополчение свободных общинников. Это делало персидскую армию чрезвычайно боеспособной, и она долго не знала поражений.

Победа персов над мидянами создавала угрозу и для других держав того времени. По инициативе египетского фараона Амасиса создаётся союз между Египтом, Лидией и Вавилонией против Персии. Однако Киру удалось разбить противников поодиночке. В 546 г. до н. э. Кир в короткое время разгромил Лидию. Персидские войска наводнили Малую Азию, взяли столицу Лидии — Сарды и захватили царя Креза с его несметными сокровищами. Лидия была присоединена к Персидской державе, и в ней был посажен персидский наместник. Затем персам удалось захватить и греческие города на малоазийском побережье Эгейского моря.

После 546 г. персы начали медленно наступать на Вавилонию, превращённую ещё царём Навуходоносором в мощную крепость. Персам удалось добиться поддержки жречества и торговых кругов Вавилонии, измена которых помогла войскам Кира в 538 г. до н. э. овладеть Вавилонией. Кир объявил себя «царём вселенной, великим царём, сильным царём, царём Вавилона, царём Шумера и Аккада, царём четырёх стран света».

Вслед за Вавилоном Киру предстояло завоевать ещё одно большое государство— Египет. Борьба с Египтом не могла не быть тяжёлой. Поэтому Персидская держава старательно искала союзников и надеялась, воссоздав иудейское государство в виде самоуправляющегося храмового города Иерусалима, создать плацдарм для своего похода в Египет. Она надеялась также обрести верного союзника на море в лице финикийских городов.

Учитывая всю трудность этой борьбы, Кир решил сначала обезопасить свои восточные границы.

Средняя Азия и Восточный Иран в середине VI в. до н. э.

Племена Восточного Ирана пребывали тогда ещё в большинстве в условиях разлагавшегося первобытно-общинного строя. В одной из персидских надписей конца VI в. до н. э. подчёркивается, что Персия и Мидия говорили на одном и том же языке; им противопоставляются «страны другого языка».

С точки зрения населения Западного Ирана — мидян и персов — племена Восточного Ирана говорили на другом языке, нежели они, хотя на самом деле эти языки не могли отличаться друг от друга коренным образом. Даже языки племён Бактрии, Согдианы и Хорезма были близки к языкам западных иранцев. Так, по мнению некоторых исследователей, древнейшие части Авесты — священной книги зороастрийской религии древних иранцев — были написаны на бактрийском языке; другие исследователи считают местом возникновения Авесты Хорезм.

В результате исследований советских археологов на древнем канале Чермен-Яб в Хорезме были открыты городища правильной формы и громадных размеров. Начало времени, когда создавались эти городища, определяется находками в них стрел скифского типа, подобных тем, которые были обнаружены в Урарту и в Ассирии в слоях, восходящих ко времени Мидийской державы. Внешняя форма общинных поселений этого типа продолжала сохраняться и в дальнейшем. Укреплённые поселения существовали также и в Бактрии. Ещё историки походов Александра Македонского (IV в. до н. э.) свидетельствуют об огромных размерах укреплённых поселений Средней Азии в то время.

Племена, находившиеся к востоку от плодородной области вдоль течения Аму-Дарьи, кочевали в безбрежных степях со своими верблюдами, табунами лошадей и стадами овец. Это были племена саков и массагетов. Хотя они и жили в условиях века металла (оружие своё они изготовляли из меди и бронзы), но стояли ещё на сравнительно низкой ступени общественного развития. Геродот свидетельствует о наличии у них древних форм брака и обычая убиения престарелых родственников.

По всей видимости, персам удалось подчинить себе Бактрию и Хорезм, хотя у нас нет прямых сведений об этом. Во время войны против саков и массагетов в 529 г. до н. э. Кир был убит. Задачи укрепления северо-восточной границы и завоевания Египта выполнил его сын Камбис (по-персидски Камбуджия, 528—522). Согласно надписям царя Дария I, через несколько лет после смерти Кира Хорезм и Бактрия числились в составе областей Персидской державы.

Культура и религия Средней Азии и Ирана

К VI в. до н. э. большинство племён Средней Азии и Ирана, по-видимому, ещё не знало письменности. Лишь в западных областях Ирана древнейшее население ещё во II, а частично и в III тысячелетии до н. э. пользовалось эламской и аккадской письменностью.

Вероятно, на рубеже VII—VI вв. до н. э. мидийскими писцами под влиянием урартской клинописи была создана та клинописная слоговая письменность, которая затем

была унаследована державой Ахеменидов. Вместе с письменностью мидийские писцы, вероятно, переняли у урартов и некоторые стилистические приемы при составлении своих надписей. Эти приёмы были впоследствии ими переданы и персидским писцам. Подлинных мидийских надписей, однако, не сохранилось.

Многовековая ожесточённая борьба между племенами оседлых земледельцев и скотоводов, Ирана и Средней Азии с воинственными кочевыми племенами, населявшими просторы степей, своеобразно отразилась на религиозном мировоззрении оседлых племён. Первое крупное общественное разделение труда — выделение кочевых скотоводческих племён, а также оседлых земледельческих племён не могло пройти бесследно для мировоззрения древнего человека. Для религии племён Ирана и Средней Азии характерно было признание существования в мире двух противоборствующих начал, благого и злого, причём благое начало проявлялось в свете и в огне, а злое — в мраке. Царством благого начала считалась плодородная земля, где была возможна жизнь оседлых земледельцев и оседлых скотоводов, царством же злого начала были объявлены степь и пустыни, где земледелие и оседлое скотоводство были невозможны, где пребывали племена кочевников, угрожавших мирным земледельцам смертью и разорением.

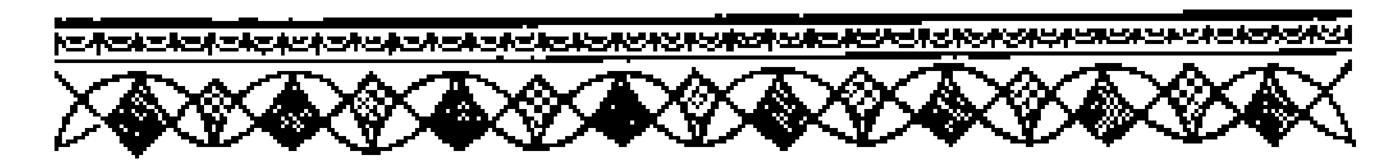
В религиозном мировоззрении отразилась также борьба народных масс против усиления племенной знати. Этот процесс нашёл своё отражение в «Гатах» — стихотворных проповедях, вложенных в уста пророка Заратуштры. Гаты, по мнению большинства исследователей, являются наиболее древней по языку частью Авесты. Время сложения Гат представляется спорным. Ряд советских и зарубежных исследователей относит его к первой половине или середине VI в. до н. э., но имеются предположения и о более раннем их происхождении. Учение, увековеченное в Гатах, выдвинуло в качестве основного божества общеиранского бога Ахурамазду, бога неба, и отвергло почитание племенных богов, так называемых *дэвов*. Это религиозное учение было направлено на подрыв племенной идеологии, на ослабление племенной знати, выполнявшей в культе самые существенные функции, как, например, жертвоприношение. Поклонение огню было также связано с культом общеиранского бога Ахурамазды. Злое начало — Ангхро-Манью — в мифах и легендах было поставлено в связь и с грабителями-кочевниками и с племенной знатью, которая для своих жертв племенным богам - дэвам требовала уничтожения ценного для оседлого земледельца и скотовода крупного рогатого скота. Подобные религиозные учения об общеиранском божестве усиливали позиции создающейся царской власти.

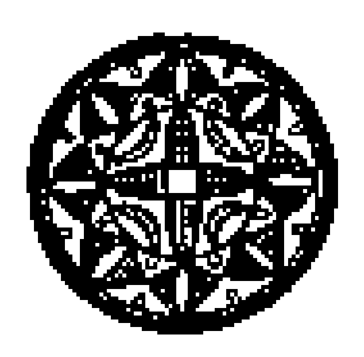
Во многом сходные верования проповедовались в Западном Иране *магами* — жрецами, называвшимися так по одному из мидийских племён, из среды которого происходило жречество как Мидии, так и Персии. Маги поклонялись верховному богу Ахурамазде, но характер их древнейшего учения и его соотношение с учением Гат пока еще не вполне ясны. Геродот свидетельствует, что маги занимали почётное положение при дворе последнего мидийского царя — Астиага и, по-видимому, поддерживали его политику объединения страны. Однако перед своим поражением в борьбе против персов в 550 г. Астиаг казнил магов, которые, возможно, оказались замешанными в измене мидийской знати.

Позже, в первые века нашей эры, Гаты наряду с другими сочинениями, в том числе некоторыми очень древними гимнами богам и более поздними религиозными текстами, составили канон Авесты — священной книги зороастрийской религии, развившейся на основе иранских и среднеазиатских верований ахеменидского и доахеменидского времени и отличавшейся крайней нетерпимостью к инаковерующим и «неариям». (*Ариями* Авеста считает оседлые, говорившие на иранских языках племена и народности, придерживающиеся зороастрийской религии.) Для учения Авесты характерна сложная и обременительная обрядность, проникающая в повседневную жизнь. Авеста запрещала «осквернять» трупами умерших огонь и

плодородную землю, считавшиеся священными, и в зороастрийской религии распространился обычай выставлять трупы на особых башнях, где они пожирались птицами. Эта религия просуществовала в качестве государственной до завоевания страны арабами (VII в. н. э.). В настоящее время зороастризма придерживается ещё религиозная община парсов (огнепоклонников) в Индии (переселенцев из Ирана), а также небольшое число общин в Иране.

В Авесте наряду с проповедью реакционной религиозной идеологии и обрядовыми предписаниями, составляющими её главное содержание, сохранились следы мифов и героического эпоса Ирана и смежных с ним областей т ?31k

ГЛАВА XXV
ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ В XV—VI ВВ. ДО Н. Э.

В Индии во второй половине II тысячелетия до н. э. наряду с упадком древней цивилизации в долине Инда возникают и развиваются классовые общества в долине Ганга и в областях, примыкающих к ней с юга и юго-запада. Рассматриваемый период ознаменовался новыми крупнейшими достижениями в области производства и созданием величественных памятников духовной культуры.

Для изучения истории Северной Индии с середины II—до середины I тысячелетия до н. э. основным источником являются древнейшие памятники литературного творчества — «Веды» (ставшие позже священными книгами), составленные на языке индоевропейской языковой семьи, условно называемом в науке «ведийским санскритом», а также материалы эпических сказаний «Махабхараты» и «Рамаяны».

Веды

Слово *веда* значит «знание», в смысле «священное знание». К Ведам обычно относят ряд разнообразных литературных памятников религиозного содержания. Основными из них являются четыре сборника *(самхиты):* «Ригведа» — Веда гимнов, «Самаведа» — Веда напевов, «Яджур-веда» — Веда молитв и жертвенных формул, «Атхарваведа» — Вода заклинаний. Каждая из самхит имеет свои ритуальные комментарии — Брахманы, составленные много позже, когда религиозный культ значительно усложнился, а многие из текстов Вед стали уже непонятными. Одновременно комментарии эти имели целью приспособить Веды к меняющимся общественным отношениям. К ведической литературе относятся также и более поздние религиозно-философские комментарии — Араньяки и Упанишады.

Ригведа — древнейший и наиболее важный источник — в окончательном виде сложилась, как показывают встречающиеся в ней географические наименования, в

Пенджабе и в верхней части долины Ганга. Самхита Ригведы в том виде, в каком она дошла до нас, сложилась в конце II тысячелетия до н. э., но основная масса содержащихся в ней гимнов (всего более тысячи), вероятно, уже существовала в середине II тысячелетия до н. э., а некоторые из них, возможно, являются ещё более древними. Более поздняя ведическая литература свидетельствует, что ко времени составления Ригведы центр индийской культуры переместился из долины Инда несколько к юго-востоку — в район междуречья Ганга и Джамны.

Период жизни населения Индии, нашедший своё отражение в ведической литературе, охватывает много сотен лет, поэтому данные об экономике и общественной жизни, содержащиеся в Ригведе, в некоторых отношениях существенно отличаются от более поздних данных, содержащихся в Брахманах, которые, по всей вероятности, были составлены уже в первые века I тысячелетия до н. э.

Картина общественной жизни Индии, которую рисуют нам Веды, значительно отличается от картины, которую дают археологические раскопки поселений культуры Хараппы III—II тысячелетий до н. э. Но при этом следует иметь в виду, что в одном случае мы располагаем только письменными источниками, в другом же только археологическими, поэтому в действительности различие между обеими культурами могло быть и не столь существенным. Кроме того, различия могут объясняться и тем обстоятельством, что культура Хараппы развивалась в долине Инда и в Западном Пенджабе, тогда как ведическая культура имела своим центром Восточный Пенджаб и в особенности верхнюю часть долины Ганга. Распространено мнение, что носителями ведической культуры являются племена ариев, говоривших на индоевропейских языках и разрушивших культуру Хараппы. Само по себе проникновение индоевропейских языков в Индию, видимо, действительно имело место, но пока невозможно утверждать с уверенностью, что оно было результатом единовременного и массового вторжения племён, говоривших на этих языках, и что оно произошло именно в середине II тысячелетия до н. э. Весь этот вопрос ещё требует тщательного изучения.

Хозяйственная жизнь

Нет сомнений в том, что индийцы в период составления Ригведы употребляли медные и бронзовые орудия. Относительно же применения в те времена железа существуют различные мнения. Но в Атхарваведе, которая сложилась в основном на рубеже II и I тысячелетий до н. э. (хотя некоторые из её стихов, вероятно, не уступают по древности ранним стихам Ригведы), железо наряду с другими металлами упоминается уже довольно часто. Овладение техникой добычи и обработки железа дало большие возможности для развития производительных сил.

Земледельческая техника, если судить по данным ведической литературы, отличалась от той, которую мы наблюдаем у жителей поселений культуры Хараппы; здесь, в холмистых районах предгорья Гималаев, не было естественно орошаемых долин с мягкими илистыми почвами, и обработка земли требовала гораздо большей затраты труда; возможности для того, чтобы земледелие и в этих областях стало основой хозяйственной жизни, появились только после того, как стали употребляться орудия труда, сделанные из железа. В отличие от лёгкого плуга, характерного для земледелия культуры Хараппы, здесь применялся более тяжёлый плуг, в который приходилось впрягать несколько пар быков.

С начала I тысячелетия до н. э. началось быстрое освоение долины Ганга. В условиях более совершенной техники земледелия уже могли быть использованы такие природные особенности долины, как большое количество атмосферных осадков и благоприятные возможности организации искусственного орошения.

Если в период составления Ригведы основной земледельческой культурой оставался ещё ячмень, то в более поздних ведических литературных памятниках мы встречаем данные о значительном разнообразии сельскохозяйственных культур. Происходит переход к возделыванию таких требующих искусственного орошения культур,

как рис, сезам (кунжут), сахарный тростник; шире распространяется культура хлопка.

Крупную роль в хозяйстве играло скотоводство, которое по своему значению не уступало земледелию, а первоначально, возможно, даже преобладало. Ведущим в скотоводстве было разведение крупного рогатого скота. Одним из основных домашних животных была лошадь. Важное значение скотоводства в хозяйстве сказалось на характере поселений. У индийцев ведического периода мы не встречаем таких развитых и мощных городских центров, как в культуре Хараппы, и хотя *пуры* — «города» — упоминаются в ведической литературе неоднократно, центром экономической жизни и основным местом жительства населения была деревня. «Города» же, вероятнее всего, представляли собой только укреплённые пункты, куда во время нападений врагов укрывалось население, складывалось имущество и загонялся скот.

Упоминания ведической литературы о плотниках, ткачах, кузнецах, гончарах и других мастерах свидетельствуют об известной специализации ремесленного производства. Между различными племенами становится всё более частым обмен. Роль первых денег играли в древней Индии коровы, но, по-видимому, наиболее обычной в этот период была меновая торговля.

О культуре индийцев ведического периода можно судить только на основании очень отрывочных данных. Они дают сведения о развитии в это время медицины, рассказывают о специалистах-врачевателях. Имеются данные о некоторых познаниях в области астрономии; известно, что индийцы в это время знали многие звёзды и умели определять их положение. Составление таких сборников, как Ригведа, свидетельствует о высоком уровне развития поэзии. Однако письменной литературы, видимо, не было, и неизвестно даже, знали ли индийцы в ведический период развитую письменность. Запись ведической литературы относится к гораздо более позднему периоду.

Возникновение рабовладельческих отношений

Развитие производительных сил неизбежно повлекло за собой коронные изменения в общественных отношениях. Они сказались в том, что пахотная земля начала переходить во владение отдельных семей, причём племенная верхушка захватывала большие и лучшие участки. Военнопленных уже не истребляли, а превращали в рабов. Даже в Ригведе упоминается иногда большое количество рабов. Всё более обогащавшаяся общинная верхушка стала закабалять и порабощать обедневших общинников. Дальнейшее развитие неравенства привело общество к расколу на антагонистические классы рабов и рабовладельцев. Владение рабами стало одним из важнейших показателей богатства и высокого положения в обществе.

Термином для обозначения раба стало слово *даса,* основное значение которого первоначально было «враг», «чужак». Происхождение этого термина, несомненно, указывает на то, что первыми рабами были военнопленные. Рабство постепенно распространялось всё шире, число рабов росло. Обращение военнопленных в рабство стало делом самым обычным. Существовало, по-видимому, и долговое рабство, но оно было ещё очень редким явлением. Иногда обнищавшие свободные продавали в рабство своих детей или самих себя. Дети рабынь считались рабами; впрочем, если они были рождены от хозяина, то часто ничем не отличались по своему положению от других его детей.

Данные о применении труда рабов очень скудны. Чаще всего рабы упоминаются как домашние слуги, но это объясняется, видимо, характером источников (религиозная литература, эпос).

Рабы находились на положении, мало отличающемся от положения домашнего скота. Их продавали, дарили, передавали вместе с другим имуществом как приданое. Они передавались зависимыми царями в качестве дани. В источниках сохранились воспоминания о человеческих жертвоприношениях, причём в жертву приносились

также рабы. Слова «раб», «сын рабыни» считались ругательствами. Рабы исполняли самые тяжёлые работы, подвергались избиениям, заковывались в цепи и т. п.

Судя по данным ведической литературы, в Северной Индии на рубеже I тысячелетия до н. э. существовало большое число племенных союзов, а также мелких примитивных государств. О частых войнах индийских племён свидетельствует ещё Ригведа. Все члены данного племени именовались в гимнах *арья,* что значит «благородный»; людей же враждебных племён, независимо от их этнической принадлежности, называли *дасью* или *даса,* что значило «враг». Основная масса рядовых общинников сражалась в пешем строю; племенная знать — на колесницах.

Образование государства

С усилением общественного неравенства военный вождь племени (раджа), который ранее выбирался собранием и мог быть смещён им, всё более возвышался над племенем, подчиняя себе органы племенного управления, в то время как главы общин по своему значению в общественной жизни отходили на второй план, превращаясь в одно из низших звеньев аппарата управления в нарождающемся государстве. Опираясь на родо-племенную аристократию, раджа отныне имел возможность заставить племенное собрание провести угодное ему решение. В источниках имеются упоминания о кровавой борьбе за эту должность между представителями знатных и могущественных родов в племени. Со временем должность раджи становится наследственной. Одновременно росла роль *брахманов,* ранее бывших в общине простыми исполнителями религиозного ритуала и магических обрядов, а теперь постепенно превращавшихся в профессиональных жрецов.

Вместе с тем органы племенной администрации постепенно превращаются в органы классового господства и угнетения. Возникает государство с его аппаратом управления и принуждения — с правительством, классовым судом, армией. Позже искусство государственного управления стало называться *данданити* — «наука о наказании». Занятие высших должностей в государственной администрации — царского жреца, сборщика налогов и дани, казначея, астролога, а также командных постов в войско и т. д.— было привилегией рабовладельческой знати.

Можно высказать предположение, что ранние государства в долине Ганга возникают во второй половине II тысячелетия до н. э. Более точная датировка при настоящем уровне изучения древней истории Индии невозможна.

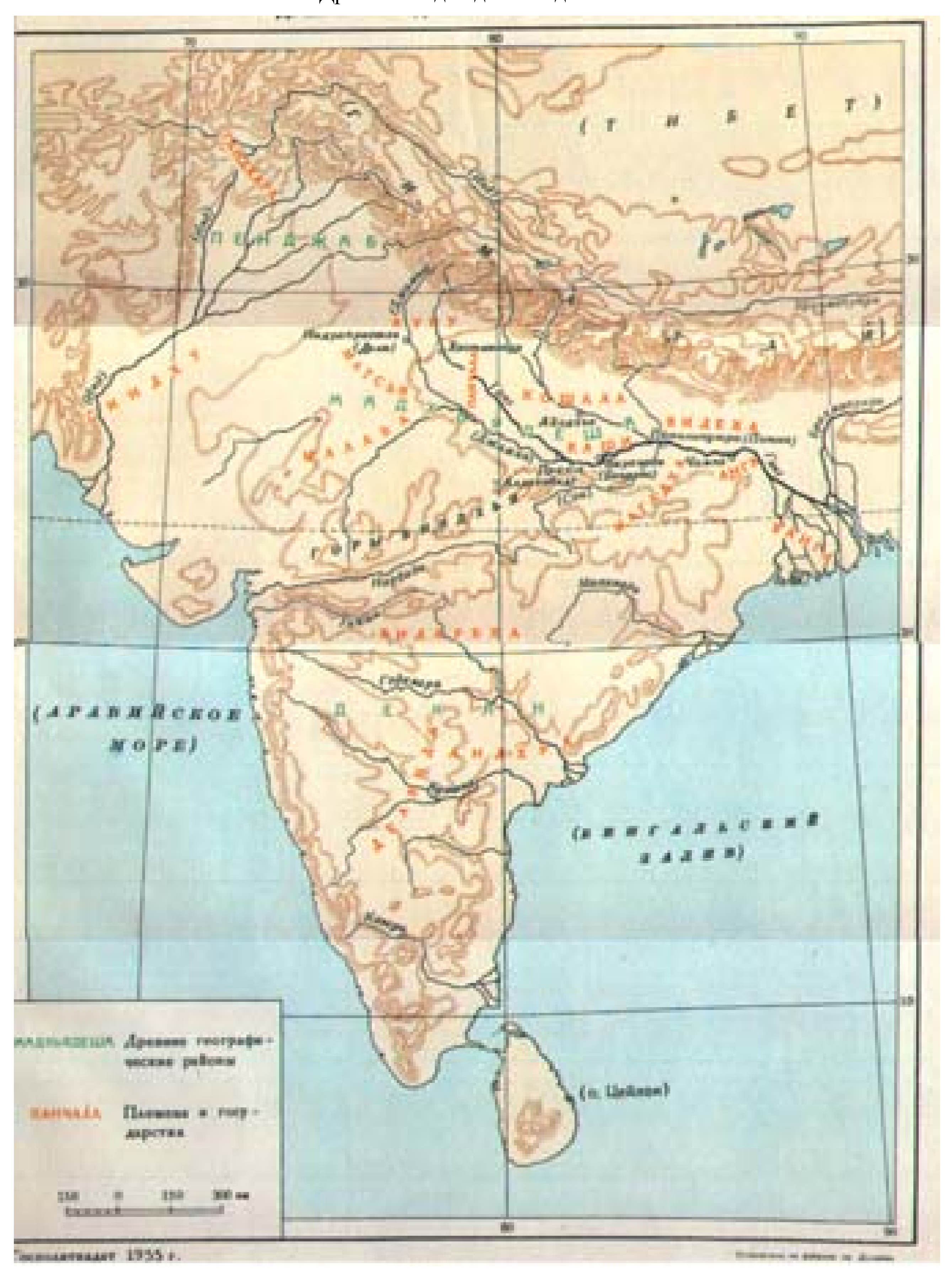
Оформление сословного строя. Варны

Постепенно стало определяться деление всех прежде равноправных свободных на группы, неравные по своему общественному положению, правам и обязанностям. Эти общественные группы назывались *варнами* [1]. Родо-племенная аристократия, захватившая монополию на прежде выборные общественные должности, составила две привилегированные варны — *брахманов,* в которую вошли знатные жреческие роды, и *кшатриев,* в которую вошла военная знать. Этим двум варнам противостояла основная масса свободных общинников, составлявшая третью варну— *вайшьев.* В источниках сохранились упоминания о борьбе между брахманами и кшатриями за политическое преобладание, так же как и о сопротивлении, которое вайшьи оказывали брахманам и кшатриям, пытавшимся поставить племенное управление на службу интересам богатого меньшинства.

Всё более частые войны и усиление имущественного и общественного неравенства привели к появлению большого количества людей, не являвшихся членами общин. Этих людей называли *шудрами.* Это были отбившиеся от своего племени люди,

[1] Древнеиндийские варны в современной науке часто называют не очень определённым термином *каста.* Хотя варны в уже сложившемся классовом обществе были замкнутыми общественными группами, термин каста нами здесь не применяется, чтобы не смешивать варны со сложившимися позднее *джати,* также отличавшимися общественной замкнутостью, но иными по своему происхождению и сущности. Именно джати были названы португальцами в XVI в. кастами — словом, вошедшим затем во все европейские языки.

Древняя Индия до VI в. до н. э.

потомки побеждённых в обычных в этот период межплеменных войнах, вытесненных с мест, где они ранее жили, и лишённых, таким образом, основного средства производства—земли, и т. д. В период расцвета первобытно-общинного строя подобные «чужаки» или просто не принимались в общину и этим обрекались на гибель, или принимались и становились равноправными общинниками. Когда появилось общественное неравенство, чужаки если и принимались в общину, то равных со свободными общинниками прав не получали. Они не допускались к решению общественных дел и не участвовали в племенном собрании, так же как и в племенном культе: они не проходили обряда посвящения — «второго рождения», на которое имели право только свободные члены общины, называвшиеся «дважды рождёнными» в отличие от «единожды рождённых» шудр. Шудры составляли четвёртую, низшую варну.

Процесс образования варн был длительным. Ещё в период Ригведы варн не было; упоминание об их происхождении находится только в одном из гимнов её позднейшей (X) книги. Когда окончательно сложилось рабовладельческое государство, деление всех свободных на четыре варны было объявлено извечно существующим порядком, результатом божественного промысла и, таким образом, было освящено религией. По наиболее распространённой богословской версии, бог-творец всего существующего — Брахма сотворил брахманов из своих уст, кшатриев — из рук, вайшьев— из бёдер и шудр — из ступней.

Границы между варнами, особенно между первыми тремя, резко обозначились только с течением времени. Это выразилось в ограничении возможности смешанных браков даже между «дважды рождёнными» различных варн, тогда как первоначально вступать в брак между собой запрещалось, по-видимому, только шудрам и «дважды рождённым». Основой системы варн являлось закрепление уже сложившегося общественного неравенства и установление порядка привилегированности, согласно которому высшей считалась варна брахманов, за ней шла варна кшатриев, затем — вайшьев и, наконец, — шудр. Так, если за убийство брахмана полагалось определенное материальное возмещение, как искупление греха, то за убийство кшатрия полагалась одна четвёртая его часть, за убийство вайшьи — одна восьмая, а за убийство шудры — одна шестнадцатая. За проступки члена высшей варны по отношению к члену низшей полагалось наказание несравненно более мягкое, чем в обратном случае. Переход из одной варны в другую запрещался, так как принадлежность к варне определялась рождением. Впрочем, фактический переход из варны в варну всё же имел место.

Для каждой варны идеологами господствующего класса была сформулирована своя *дхарма,* т. е. закон образа жизни. Государственное управление оставалось в ведении двух высших варн, причём исполнение жреческих обязанностей было привилегией брахманов, военное дело—кшатриев. Вайшьям было предписано заниматься земледелием, скотоводством, ремёслами и торговлей. Шудрам предписывалось находиться в услужении у трёх высших варн. Позднее вайшьи стали мало отличаться от шудр вследствие дальнейшего падения роли свободных общинников в общественной жизни. Линия раздела стала тогда проходить уже между знатью — брахманами и кшатриями, с одной стороны, и простонародьем — вайшьями и шудрами—с другой.

Значительные изменения произошли и в семейных отношениях. Пережитки материнского рода сохраняются у некоторых народов Индии до сих пор, но в долине Ганга уже в ведический период существовала патриархальная семья. Слово *пати* («муж») имело значение — господин, владыка. В царских семьях обычным явлением было многоженство. Если в первобытной общине женщина, и в частности мать, занимала видное положение, то с течением времени она потеряла право участвовать в племенном собрании, так же как и право наследования имущества. Положение даже жены и матери хозяина дома стало мало чем отличаться от положения рабыни. Столь же бесправными перед лицом деспотической власти мужчины — главы семьи— стали и дети, которых отец мог как угодно наказать, продать, прогнать из семьи и т. д.

Древнеиндийский эпос. Махабхарата и Рамаяна

Древнеиндийская эпическая литература является ценнейшим источником для изучения общественных и экономических отношений, а также культуры Индии первой половины I тысячелетия до н. э. Основными памятниками эпоса древней Индии являются Махабхарата и Рамаяна, записанные в первых веках нашей эры, но в своей основе уже существовавшие к V в. до н. э.

Сюжетной основой Махабхараты («Великой войны потомков Бхараты») является борьба за власть внутри одного из самых могущественных царских родов Северной Индии.

Был в городе Хастинапуре, рассказывает Махабхарата, царский род Куру, происходивший от легендарного Бхараты, царя из Лунной династии. И было в этом роде два брата — старший Дхритараштра и младший Панду. Царём был Панду, так как Дхритараштра был слеп и вследствие этого физического недостатка не мог занимать престол. У Дхритараштры было сто сыновей, которые, как старшие в роде, обычно называются Кауравами (потомками Куру); у Панду было пять сыновей, которые называются обычно Пандавами (потомками Панду).

Панду умер ещё тогда, когда его сыновья были малолетними. Кауравы пытались при помощи различных ухищрений погубить Пандавов, но все их усилия оказались тщетными, и им пришлось уступить часть царства своим двоюродным братьям. Пандавы основали новый город Индрапрастху (развалины этого города находятся в окрестностях нынешней столицы Индийской республики Дели), который стал их столицей. Царём стал старший из Пандавов.

Но завистливые Кауравы придумали новый способ лишить Пандавов их доли в родовой собственности. Они вызвали Пандавов на игру в кости. По понятиям того времени, это было равноценно вызову на поединок, и кшатрий не мог от него уклониться. В состоявшемся состязании старший из Пандавов проиграл Кауравам все свои богатства, само царство, братьев, себя и общую жену пяти Пандавов. Дхритараштра, увидевший как далеко зашло дело, объявил результаты игры недействительными, но во вновь состоявшейся игре представитель Пандавов опять проиграл. По условиям этой новой игры, Пандавы вынуждены были на 13 лет уйти в изгнание, а их царство переходило к Кауравам.

По истечении срока изгнания Пандавы потребовали возвращения им их доли царства, но получили отказ. Это привело к войне, в которой приняли участие в качестве союзников той или другой из враждующих сторон, как это утверждается в эпосе, все народы мира. Судьба войны была решена битвой на поле Курукшетры (примерно в 100 *км* к северу от Индрапрастхи). Битва отличалась исключительным упорством. День за днём цвет воинства Индии сражался с нарастающим ожесточением; один за другим гибли самые прославленные и могучие воины. Только на восемнадцатый день битвы Пандавы победили. Из огромной массы воинов уцелело только шесть человек на стороне Пандавов, в том числе все пятеро сыновей Панду, и три человека на стороне Кауравов, но все сто сыновей Дхритараштры погибли.

Дорогой ценой досталась Пандавам победа. Вся Индия была потрясена таким ещё неслыханным кровопролитием. Да и сами Пандавы так и не смогли избавиться от угрызений совести: сознание того, что их суетное тщеславие имело своим результатом столь ужасные последствия для их рода и для всей страны, отравило им радость одержанной победы.

Истребительная война между родственниками, пренебрегшими из честолюбивых побуждений тем, что было для простого народа по традиции самым важным — родовой солидарностью, масштабы битвы (в Махабхарате, впрочем, чрезвычайно преувеличенные), а также то обстоятельство, что царская власть оказалась достаточно сильной, чтобы для решения династических споров послать на смерть большое количество людей, — всё это оставило неизгладимый след в народной памяти.

Древнее сказание о войне между Пандавами и Кауравами с течением времени обросло множеством дополнительных эпизодов, содержащих различные сказания и легенды (например, миф о потопе), рассуждения на религиозно-философские и многие другие темы, не имеющие в своём большинстве никакого отношения к основному сюжету. Вследствие этого Махабхарата, превышающая в 8—10 раз объём данного тома «Всемирной истории», является по существу не поэмой, а огромным литературным сборником древнеиндийского эпоса.

К древнеиндийскому эпосу относится также поэма Рамаяна («Сказание о Раме»), приписываемая мудрецу Вальмики. Рамаяна отличается гораздо большей стройностью композиции и тщательней обработана, чем Махабхарата. Содержание Рамаяны таково: Был в Айодхье (современный Ауд, в штате Уттар-Прадеш) царь из Солнечной династии — Дашаратха, и было у него от различных жён четыре сына. Старший из них — Рама решительно превосходил своих братьев умом, силой, храбростью и благонравием. Именно его и назначил Дашаратха своим преемником. Но вследствие интриги матери другого царевича, Бхараты, Рама вынужден был уйти в изгнание на 14 лет.

Когда Рама проживал в лесу вместе с женой Ситой и братом Лакшманой, добровольно последовавшим за Рамой, царь *ракшасов* (демонов) — владыка острова Ланка (Цейлон) Равана похитил Ситу и увлёк её в свою столицу. Рама, опираясь на помощь царя обезьян Сугривы, которому он помог вернуть отторгнутый у того престол, собрал огромное войско, состоявшее из обезьян и медведей.

По повелению Рамы был построен мост, соединивший материк с Ланкой. (Цепочка островов между Индией и Цейлоном, по легенде, существующей у местных жителей, является остатком моста, построенного в древности Рамой.) По этому мосту войско обезьян и медведей во главе с Рамой переправилось на остров. Здесь произошла кровопролитная битва с ракшасами — жителями острова. Решающим эпизодом этой битвы был поединок Рамы с Раваной. Равана был убит, Сита освобождена, и Рама, срок изгнания которого к этому времени истёк, вернулся обратно в Айодхью, где и воцарился на престоле своих предков.

Обе поэмы чрезвычайно популярны в Индии и в настоящее время. Вот уже более чем две тысячи лет Махабхарата и Рамаяна вдохновляют поэтов, художников, ваятелей и т. д., черпающих сюжеты для своих произведений из этих древних памятников поэтического творчества и народной мудрости. Рама и один из главных героев Махабхараты — Кришна даже обожествлены и считаются воплощениями *(аватарами)* Вишну — одного из важнейших божеств современного индуизма.

По взглядам древних индийцев, битва на Курукшетре открыла новый период в истории человечества — *калиюгу,*— который, как это можно определить на основании древнейших преданий, считался периодом резкого усиления общественного неравенства и возникновения сильной государственной власти. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что этот новый, классовый период истории наступил ещё только в относительно небольшой части Индии — на территории долины Ганга, по его верхнему и среднему течению, и в прилегающих непосредственно к ней областях. На остальной же, большей части Индии преобладали первобытно-общинные отношения, находившиеся на различных ступенях разложения.

Индия в первой половине I тысячелетия до н. э.

В первые века I .тысячелетия до н. э. рабовладельческие отношения распространяются во всё новых областях страны. В религиозной послеведической литературе, а также в сборниках древнейших мифов и исторических преданий—Пуранах — встречаются многочисленные упоминания о племенах, народностях, династиях и событиях политической истории, однако вследствие неопределённости и запутанности хронологии конкретные данные о том, как происходил процесс распространения рабовладельческих отношений, нам почти неизвестны. По-видимому, у ряда племён рабовладельческие отношения складывались в силу внутреннего

процесса общественного развития независимо от внешнего влияния; в других случаях возникновение классового общества происходило также и под воздействием уже сложившихся рабовладельческих государств.

Исторические предания относят важнейшие царские роды долины Ганга к двум главным династиям — Лунной и Солнечной. К Лунной династии относились цари, утвердившиеся в верхней части долины Ганга. К их предкам причислялся легендарный царь Бхарата и его потомки, в том числе герои Махабхараты—Пандавы и Кауравы. Этот царский род, видимо, действительно распространил свою власть на значительную часть Северной Индии (предание утверждает, что на всю Индию), поэтому в Пуранах Индия называется также «Бхаратаварша» (т. е. страной Бхараты, или страной потомков Бхараты). Эти древние предания нашли своё отражение в современном официальном наименовании Индийской республики — Бхарат. К Солнечной династии относились царские роды средней части долины Ганга; к древним царям этой династии причислялся, в частности, Рама.

Центр политической жизни в послеведическое время переместился в среднюю часть долины Ганга, которую древние индийцы называли «Мадхьядеша»—«Срединная страна». Здесь постепенно складываются рабовладельческие государства, приближающиеся по типу к восточной деспотии. К началу VI в. до н. э. в долине Ганга и к югу от неё, по преданию, существовало 16 крупных государств. В результате ожесточённых войн между ними возвышается одно из этих государств — Магадха, цари которой из династии Маурьев в IV в. до н. э. стали во главе первой в истории Индии рабовладельческой державы общеиндийского масштаба.

С середины I тысячелетия до н. э. Индия начинает всё теснее соприкасаться со странами Передней Азии. В конце VI в. до н. э. часть Северо-Западной Индии вошла в состав Персидской державы Ахеменидов; однако власть персидских царей была здесь непрочной и недолговременной.

Религия древнейшей Индии

О религиозных верованиях периода разложения первобытнообщинного строя и складывания государства в Индии дают представление Веды. Беспомощность человека в борьбе с могучими силами природы вела к обожествлению её сил и явлений. Богами неба считались Дьяус или Варуна, богом огня—Агни; богами солнца—Сурья, Савитар, Пушан, Митра, Вишну; богами грозы — Индра или Рудра; богом дождя— Парджанья; богом ветра—Вайю и т. д. Женские божества (богиня Адити—мать богов, Притхиви — Земля, Ушас — заря, Сарасвати — богиня мудрости и одновременно священная рока того же наименования в Восточном Пенджабе и т. д.) играли в ведической религии второстепенную роль. Помимо богов — подателей благ, были боги, приносящие людям вред, например Шушна и Вритра, олицетворявшие засуху.

Значение того или иного божества и его культа в процессе исторического развития заметно менялось. Так, Рудра, считавшийся покровителем охотников, превратился в покровителя скотоводства; одно из солнечных божеств — Пушан — стало покровителем пастухов и земледельцев.

Культ состоял из жертвоприношений богам (в древнейший период иногда и человеческих) и магических действий. По мере складывания патриархальной семьи возникал культ предков («отцов»). Сначала культовые действия отличались простотой; не было ни специальных помещений, ни профессионального жречества, как впоследствии. Культовыми действиями руководил вождь племени или глава общины, а в патриархальной семье — её глава. Участниками культовых действий были все члены племени, общины, семьи. Праздники приурочивались к началу периода дождей, окончанию сбора урожая, к окончанию успешного военного похода и т. д. На этих праздниках произносились гимны в честь богов; гимны эти сочинялись племенными поэтами — *риши.* Из сохранившихся от этого периода гимнов и состоит Ригведа. При жертвоприношениях происходило возлияние *сомы* — пьянящего напитка, который

также был объектом поклонения как бог Сома, одновременно бывший и богом Луны. Никакой иерархии богов в тот период ещё не существовало.

В период складывания классового общества происходило изменение прежних верований первобытной общины. В этот период религия начинает использоваться для оправдания общественного неравенства. Складывающиеся на земле новые общественные порядки получают своё отражение в религии; так, бог Варуна становится верховным божественным судьёй, бог Индра — вождём и раджей богов и т. д. Возникло учение о «потустороннем мире», согласно которому люди добродетельные (с точки зрения господствующей классовой морали) попадают в царство богов, где будут вкушать жертвы, приносимые людьми, а люди грешные будут низвергнуты в царство вечной тьмы.

Многочисленные религиозные учения раннего рабовладельческого общества в Индии в первые века I тысячелетия до н. э. имеют много общего и обычно объединяются под общим названием *брахманизм*. Сущность брахманизма как религии, освящающей общественное неравенство, видна из основ его вероучения, сложившегося в окончательном виде уже в середине I тысячелетия до н. э. Страдания, бедствия людей объявляются в брахманизме несущественными, поскольку весь мир явлений — это только иллюзия — *майя*. Единственно реальным является существование *брахмы* — мирового духа, безличной и бескачественной божественной силы.

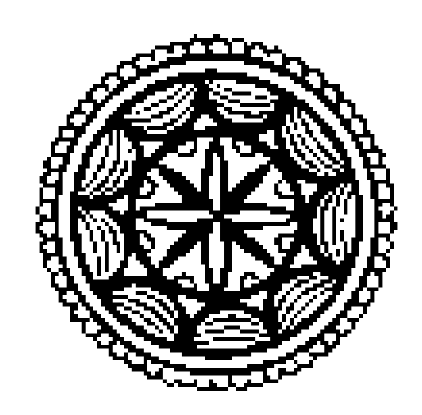
Примитивное анимистическое представление об одушевлённости окружающей человека природы и о возможности переселения души после смерти человека из одной телесной оболочки в другую было использовано жрецами-брахманами для создания учения о *карме,* т. е. о возмездии. Согласно этому учению, душа каждого человека после его смерти возрождается в телесной оболочке другого человека, занимающего либо более высокое, либо более низкое общественное положение. По верованиям брахманизма, это происходило в зависимости от того, насколько точно человек в своём поведении следовал дхарме — закону образа жизни, якобы предписанному свыше для людей каждой общественной категории. В случае отхода от дхармы душа человека может возродиться в теле животного, даже самого нечистого и презренного, учили жрецы. Таким образом, учением о карме ответственность за страдания и бедствия трудящихся в классовом обществе перекладывалась на них самих, так как их настоящее угнетённое положение объявлялось воздаянием за греховное поведение в предшествующем жизненном состоянии. Самое большее, на что угнетённый мог рассчитывать, это на посмертное возрождение его души в телесной оболочке человека более высокого общественного положения в случае неуклонного исполнения дхармы, предписанной ему господствующей идеологией. Основным в дхарме для трудящегося и порабощённого были безропотный труд, безусловная покорность, уменье довольствоваться своим общественным и материальным положением, отсутствие «зависти» к знатным и богатым.

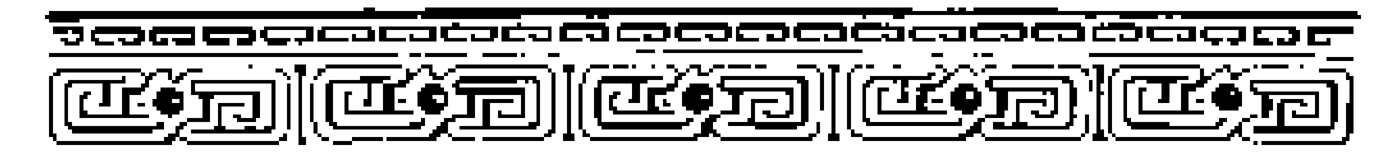
Брахманизм освящал рабовладельческое государство, как установленный богами институт, освящал носителей государственной власти, сословное деление общества (систему варн) и т. д. Постепенно выработался сложный религиозный ритуал, знания которого можно было достичь только многими годами ученичества; исполнение обязанностей жреца к тому времени стало профессией. Жрецы-брахманы, как хранители священного знания, при помощи которого, как они утверждали, они могут заставить даже богов действовать в угодном им духе, претендовали на особую привилегированность своей варны. Веды остаются священными книгами также и в брахманизме; они канонизируются. Язык, на котором были составлены Веды (ведийский санскрит), бывший в период второй половины II тысячелетия до н. э. одним из диалектов племён Пенджаба, оказался, таким образом, законсервированным, тогда как разговорный язык продолжал развиваться.

Вместе с тем брахманизм отражал примитивный характер существовавших в первые века I тысячелетия до н. э. рабовладельческих отношений. В брахманизме ещё

не сложилось единой иерархии богов, высшее божество так и не определилось, и в различных частях Индии высшими божествами считались различные боги. Такая роль приписывалась, например, богу Шиве. В его культе, по-видимому, слились различные по своему характеру религиозные верования. Он считался воплощением разрушительных сил природы и вместе с тем был связан с древнейшими в Индии племенными культами плодородия. Другим высшим божеством считался Вишну — бог-хранитель всего существующего, который в ведическом пантеоне был второстепенным солнечным божеством. В брахманском богословии были попытки поставить во главе богов Праджапати (позднее чаще называвшегося Брахмой) как бога-творца всего существующего. Но культ Брахмы, чуждый народным верованиям, так и не приобрёл широкого распространения.

По мере того, как рабовладельческие отношения распространялись на всё большую территорию, на которой общественное устройство приобретало форму деления на четыре Варны, там распространялся брахманизм, воспринимались сложившиеся в верхней части долины Ганга формы религиозного культа, признавалась святость Вед; получал распространение, как язык жречества, ведийский санскрит, в несколько изменённом виде становившийся одновременно общим литературным языком разноплемённой Индии.

ГЛАВА XXVI
РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КИТАЯ В XII—VI ВВ. ДО Н. Э.

Китайское общество в период XII—VI вв. до н. э. сделало большой шаг вперёд в своём развитии. По сравнению с периодом Шан (Инь) поднялись на более высокую ступень производительные силы — улучшилась техника обработки земли, стало широко применяться искусственное орошение полей, развились ремёсла, торговля. Увеличивается количество рабов, труд которых используется в основных областях производства. Укрепляется рабовладельческое государство, усложняется его структура. Происходят изменения и в земельных отношениях; развивается крупное землевладение. Под властью династии Чжоу и подчинённых ей царств находилась более обширная территория, чем под властью государства Шан (Инь). На востоке граница государства Чжоу достигала Жёлтого моря, на северо-востоке захватывала современную провинцию Хэбэй севернее Пекина, на севере пересекала провинцию Шэньси, на северо-западе захватывала часть провинции Ганьсу, на юго-западе включала часть Сычуани, на юге граница проходила южнее реки Янцзы.

Время правления династии Чжоу (XII—III вв. до н. э.) делится на три периода: период Западного Чжоу (1122—771 гг.), Восточного Чжоу (770—403 гг.) и период «воюющих царств» (Чжаньго, 403—221 гг.). Период Восточного Чжоу датируется также 770—249 гг. до н. э., поскольку царство Восточное Чжоу просуществовало до 249 г. до н. э.

Иногда особо выделяется период Чуньцю (722—481 гг. до н. э).

1. Китай в период Западного Чжоу (XII—VIII вв. до н. э.)

Для характеристики общественного строя Западного Чжоу имеется гораздо больше источников, чем для иньского времени. Прежде всего такими источниками являются «Ши цзин»—«Книга песен» [1], «Шу цзин»—«Книга документов», или «Книга исторических преданий», а также надписи на бронзовых сосудах. В этих источниках, в особенности в песнях «Ши цзина», отражено существование классов и классовой эксплуатации, а также сословных различий. В песнях «благородный», т. е. господин или правитель, противопоставляется низам—сяо минь (мелкий люд) или *шу минь* (весь народ). Во многих песнях говорится о подневольном труде на эксплуататоров и указывается на их тунеядство.

Например, в песне дровосека говорится:

Вы не сеете, вы не жнёте,
Каким же образом вы получаете доходы
С трёх хозяйств?
Вы не трудитесь на охоте,
Откуда же во дворе у вас висят
Шкуры барсуков?
Вы не сеете, вы не жнёте,
Как же вам достается огромное
Множество снопов?

Господствующее положение в обществе занимала рабовладельческая аристократия. К ней относилась чжоуская наследственная знать (правящий дом), чжоуская военная знать, выдвинувшаяся в период покорения царства Шан (Инь), а в дальнейшем и знать других племён, должностные лица гражданской администрации, часть иньской рабовладельческой аристократии, уцелевшая после покорения. Кроме того, видное место занимали незнатные рабовладельцы, главным образом купцы, приобретавшие у разорявшейся наследственной аристократии крупные земельные владения и рабов.

Земледельцы (*нунфу*) влачили жалкое существование. Работая на своих общинных наделах, они в то же время не только обрабатывали землю, доход с которой шёл правителям царств или другим представителям рабовладельческой аристократии, но и выполняли целый ряд тяжёлых повинностей. Они работали в течение года с раннего утра до позднего вечера без отдыха.

В самом низу общественной лестницы находились рабы. Они были бесправными, их в любую минуту, по прихоти господина, могли убить, продать, как скотину. Как и при династии Шан (Инь), но в меньших масштабах, в период Чжоу вместе с умиравшим знатным рабовладельцем хоронили его рабов, иногда живыми, иногда же их перед захоронением убивали. Этот обычай продержался, видимо, долго, так как о захоронениях рабов вместе с умершим царём сообщают и более поздние источники.

Число рабов в государстве Западного Чжоу увеличивается. Источники сообщают, что часть завоёванного иньского населения была превращена в рабов и вместе с захваченными землями пожалована чжоуским царём рабовладельческой аристократии.

Часть иньского населения — та, которая не оказывала чжоусцам сопротивления во время войны, —не была превращена в рабов и осталась в своих сельских общинах,

[1] Эпический памятник древнего Китая; по своему содержанию он неоднороден. В нём представлено народное творчество, а также ритуальные и придворные песнопения различных времён, по-видимому от XI до VI в. до н. э. «Ши цзин» неоднократно переделывался, последняя редакция относится, вероятно, к IV в. до н. э.

но тоже попала в зависимость от чжоуской аристократии. Источники свидетельствуют также о том, что другая часть иньского населения была использована на строительстве города Лои (позднее Лоян в провинции Хэнань) и затем поселена там, причём ей были предоставлены жилища и пахотные поля. Обращаясь к этой части покорённого населения, чжоуский правитель уговаривает иньцев подчиниться законам Чжоу и обещает им земли. Части иньской рабовладельческой знати было поручено управлять покорившимися иньцами, а некоторым знатным иньцам были пожалованы крупные владения и чжоуские титулы.

Земельная собственность и землевладение рабовладельческой знати

Верховным собственником земли являлся царь (ван). Он распоряжался земельной собственностью, жалуя землёй и отбирая её. В древнем китайском литературном памятнике («Ши цзин») это выражено следующими словами:

Под бескрайним небом нет земли, которая не была бы царской;
По всей стране — до края (до моря) Нет никого, кто бы не был царским слугой (чэнь).

После завоевания Иньского царства его территория была разделена между представителями знати — родичами и приближёнными чжоуского царя. Источники указывают на то, что пожалованных областей, фактически полусамостоятельных царств, было 71, из них 53 получили родичи царствовавшего дома. Установить подлинные размеры земельных владений рабовладельческой аристократии в чжоуский период не представляется возможным, так как свидетельства источников противоречивы. Из этих свидетельств можно лишь сделать вывод, что чжоуские цари жаловали аристократию различными земельными владениями в зависимости от степени знатности. Правители областей, на которые был разделён Китай в период Западного Чжоу, обязаны были отдавать часть своих доходов в виде регулярных отчислений чжоускому монарху. Области жаловали не только родичам чжоуского правящего дома, но и вождям племён, участвовавших в походе против царства Шан (Инь).

Царские родичи и союзные вожди племён, получавшие от чжоуского царя земельные территории, в свою очередь передавали землю более мелкими участками своим подчинённым — управителям, сановникам — главным образом военачальникам, представителям учёной бюрократии. При пожаловании земель определялись границы их. Развивается крупное землевладение рабовладельческой аристократии. Данных о пожаловании земель очень много: они встречаются и в надписях на бронзе и в литературных памятниках. Иногда пожалованные земли измеряются единицами, иногда десятками «полей» [1]. Например, водной надписи на сосуде сообщается: «Дарю тебе лошадей — 10, быков — 10, дарю одно поле в местности Ван, дарю одно поле в ... (неразборчивый знак), дарю одно поле в Дуе, дарю одно поле в Цзе». В другой надписи говорится о пожаловании 50 полей в Юй и 50 полей в Цзао.

Рабовладельческая знать свободно распоряжалась своими владениями и, по-видимому, землю можно было отчуждать, сдавать её в аренду или закладывать. Об этом свидетельствуют надписи на бронзовых сосудах. Например, водной из надписей говорится о том, что некий правитель Бо Ши подарил своему подчинённому лук, стрелы, пять семейств рабов и десять участков земли.

Из другой надписи мы узнаём, что некий человек подал жалобу царю на другого за то, что тот не выполняет условий договора о земле предков, по-видимому сданной в аренду. Царь приказал под угрозой строгого наказания виновного вернуть жалобщику землю, о чём и была сделана надпись на сосуде, который владелец земли

[1] В период Западного Чжоу поле (тянь) было единицей измерения; оно равнялось 100 *му*. В настоящее время му равен $^{1}/_{16}$ *га*; точный размер му в период Чжоу дока ещё ни установлен, но, видимо, он был в 3—4 раза меньше.

завещал своим потомкам хранить вечно. О закладе земли свидетельствует следующая надпись на бронзовом сосуде: «Гэ Бо отдал Пэн Шану колесницу с хорошими лошадьми (четвёркой), за что Пэн Шан отдал ему в заклад 30 участков земли».

Во времена Западного Чжоу во владении землёй формально ещё сохраняется зависимость от воли царя. Но в этот период уже появляется тенденция к превращению владений в частную земельную собственность. В дальнейшем, с ослаблением власти чжоуских царей, происходит превращение права крупных рабовладельцев на владение землёй в право собственности на землю.

Сельская община

Общинное землепользование продолжало играть в период Западного Чжоу столь же большую роль, что и во времена Шан (Инь). Земля в общине была распределена, по-видимому, по системе так называемых «колодезных полей», о чём мы уже упоминали. Древнекитайский писатель Мэн-цзы, охарактеризовавший эту систему, указывает, что если в период Шан (Инь) надел земли на каждую семью составлял 70 му, то в период Чжоу он равнялся 100 му. Мэн-цзы так описывает систему «колодезных полей», т. е. общинное землепользование, в период Чжоу: «Квадратный ли (мера длины) составлял «колодец» *(цзин),* последний равнялся 900 му. В середине его («колодца») было общественное поле (гун тянь). Каждое из восьми семейств имело частных земель (т. е. земель в частном, личном пользовании) 100 му, общественное поле (они) обрабатывали совместно. По окончании общественных дел (т. е. после обработки общественного поля и выполнения других повинностей) могли затем устраивать личные дела».

Ко времени Мэн-цзы общинное землепользование уже не существовало в том виде, как это имело место в Западном Чжоу, поэтому Мэн-цзы, характеризуя систему «колодезных полей», ссылается на древние книги, в частности на «Ши цзин», в которой есть указание на существование как общественных, так и частных полей. «Оросите наши общественные поля (гун тянь), а затем и наши частные (поля)»,— говорится, например, в этой книге. Общественные земли, доход с которых целиком шёл в пользу правителя царства или другого лица, которому была передана данная территория» обрабатывались в первую очередь, а затем уже обрабатывались частные поля, находившиеся в пользовании отдельных общинников.

Свободные общинники обязаны были, кроме обработки общественных полей, нести военную повинность, вносить отчисления с доходов в пользу общинных храмов, приносить жертвы душам умерших предков и т. д.

Устройство сельских общин, судя по данным исторических источников, было неодинаковым в различных царствах. Наиболее типичным было, по-видимому, следующее: пять семейств составляли соседскую общину—*линь,* пять таких общин составляли деревню—*ли,* четыре ли образовывали «клан»—*цзу,* пять цзу составляли группу — *дан,* пять дан составляли округ — *чжоу,* пять чжоу образовывали *сян,* который состоял из 12 500 дворов. Самой низшей была административная должность старосты соседской общины (пяти семейств). Во главе высшей административной единицы (сян) стоял управитель — *цин.* Имелись и другие виды административного членения.

Рабство

Рабы, как и в предшествующий период Шан (Инь), имели различные названия. Многочисленные надписи на бронзовых сосудах свидетельствуют о дарении царём своим подчинённым, слугам, представителям рабовладельческой аристократии десятков, сотен, а иногда и тысяч семейств рабов. Так, на бронзовом сосуде, относящемся к 23-му году царствования Кан вана (1056 г. до н. э.) была сделана надпись о пожаловании одному из вельмож за заслуги более тысячи рабов. Другие надписи на бронзе также свидетельствуют о значительном числе пожалованных рабов, причём рабов дарили вместе с другими вещами. Например: «Я дарю тебе колесницы, лошадей, оружие, рабов в количестве 350 семейств» или «Цзян подарил Лину раковин 10 связок, рабов-слуг *(чэнь)* 10 семейств, рабов (*ли*) 100 человек».

Характерно, что в большинстве надписей на бронзе и в литературных памятниках сообщается о дарении не только рабов-одиночек, но и целых семей. Следовательно, можно сделать вывод, что в период Чжоу рабы имели свои семьи.

Рабов можно было купить и продать. Рабы ценились не дороже скота. В одной надписи (рубеж X—IX вв. до н. э.) читаем: «Одну лошадь и моток шёлка обменял на 5 рабов». О купле и продаже рабов имеется немало данных. В «Книге перемен» («И цзин») делается такое указание: «В пути, имея средства за пазухой, приобретёшь рабов (*тун* и *пу*)...».

Ряды рабов пополнялись за счёт военнопленных и завоёванного мирного населения. Так было с иньцами и с другими племенами, покорёнными чжоусцами. В рабов превращали и государственных преступников, а также их семьи. Потомки рабов считались рабами.

Труд рабов весьма широко использовался в различных отраслях хозяйства времён Западного и Восточного Чжоу. В надписях на бронзе часто говорится о дарении рабов одновременно с землёй, что, несомненно, свидетельствует о применении рабского труда в земледелии. Рабов использовали также в скотоводстве, они работали и как ремесленники. Рабы выполняли и домашние работы во дворцах царя и рабовладельческой аристократии. Они обслуживали различные правительственные учреждения, их использовали при сооружении оросительных каналов. Они участвовали в охотах, которые устраивала знать. Как и при иньской династии, рабы из различных покорённых племён использовались в зависимости от их навыков.

Государственный строй

Государственный строй Чжоу можно характеризовать как наследственную деспотию во главе с царём — ваном. Его власть распространялась не только на царские владения, но и на территории многих областей, непосредственно управлявшихся правителями различных рангов. Существование этих областей со своими армиями, своим правительственным аппаратом в дальнейшем (после VIII в. до н. э.) обусловило наряду с другими причинами ослабление царской власти.

Чжоуское государство кроме функции укрепления господства рабовладельцев и удержания в подчинении эксплуатируемых выполняло и другую функцию — оно боролось с окружающими кочевыми племенами. В первый период Чжоу эту борьбу вели главным образом те военные силы, которые находились в непосредственном подчинении чжоуского царя; только частично использовались войска и остальных областей. В дальнейшем роль этих войск областей всё более возрастает.

Правители областей, получившие в управление из рук чжоуского царя ту или иную территорию, обязаны были являться ко двору в известные сроки. Это подчёркивало их зависимость от царя. Приезд ко двору обычно сопровождался вручением правителям подарков и грамоты, чем подтверждались их права на владение территорией. В литературных памятниках часто встречаются упоминания о прибытии правителей царств ко двору. Приём их проходил в торжественной обстановке. Царь обращался к представителю знати, получавшему грамоту, со следующими словами' «Будь поддержкой своему государю против тех правителей, которые не являются ко двору». Или: «Я расширю твои земли, чтобы ты был опорой дома Чжоу».

Правители областей носили различные титулы и представляли высшую рабовладельческую знать в чжоуском обществе. Ниже их по своему положению были более мелкие рабовладельцы и землевладельцы, сановники, управители и советники, военачальники, служилые люди. Они находились на службе у правителей различных областей или царств.

Строго говоря, централизованного государственного аппарата в течение всего периода Чжоу, и тем более во вторую половину его, не существовало. Различные области представляли собой по существу отдельные царства.

Предание приписывает царю Чэн вану (1115—1079) реорганизацию и укрепление государственного аппарата. Во главе его стояли так называемые «три *гуна*»

(«великий наставник», «великий учитель» и «великий покровитель»), являвшиеся главными советниками царя. Кроме того, значительную роль в государстве Чжоу играли три управителя: один ведал культом; другой возглавлял ведомство общественных работ — в его ведении находился земельный фонд и ирригационная система; третий («великий начальник лошадей», или конюший) управлял военным ведомством. Безусловно, существовали и другие органы государственного управления, в частности карательные органы, однако до нас не дошли достоверные данные, на основании которых можно было бы охарактеризовать весь государственный аппарат времени Чжоу.

Видную роль в Западном Чжоу играли жрецы и гадатели. Существовали должности верховного жреца и «великого гадателя». На обязанности первого лежало выполнение религиозных обрядов, главным образом поддержание культа предков, принесение жертв предкам чжоуских царей.

Западное Чжоу в XII—IX вв. до н. э.

После создания государства Западного Чжоу его царям пришлось вести борьбу с покорённым населением царства Инь, а также с некоторыми представителями чжоуской рабовладельческой знати.

После смерти У вана, основателя Западного Чжоу, произошло восстание, возглавленное сыном последнего иньского царя У Гэном, который воспользовался борьбой среди чжоуской знати в связи с назначением регента при малолетнем наследнике престола. У Гэна поддержали младшие братья У вана, недовольные регентом, а также некоторые вожди племён, подчинявшихся чжоусцам. Восстание было вскоре подавлено. У Гэн и другие руководители были казнены, замешанные в восстании братья У вана сосланы. Были уничтожены 17 владений (мелких царств), выступавших на стороне У Гэна. На некоторое время положение внутри государства Чжоу стабилизировалось.

Вся последующая история Западного Чжоу проходит под знаком постоянных войн с кочевыми племенами. Источники приводят много сообщений о выступлениях непокорных северо-западных племён. О масштабах борьбы с племенами можно судить по надписи на одном бронзовом сосуде, в которой сообщается о карательной экспедиции против племени гуйфан и захвате пленных в количестве 13 081. Длительную борьбу пришлось вести Чжоу с северными племенами (бэйди), во главе которых стояло племя сяньюнь (впоследствии называвшееся сюнну, или гуннами). Ожесточённая борьба велась также с восточными, южными и западными (сижун, «западные жуны») племенами. Войны с этими племенами продолжались в течение всего времени существования царства Западного Чжоу.

Развал Западного Чжоу

Свидетельства внутренней непрочности царства Чжоу появляются уже в период царствования Чжао вана (1052—1002). Великий китайский историк Сыма Цянь в своих «Исторических записках» говорит об этом периоде: «Путь царя клонился к упадку». Дальнейшие события свидетельствуют об этом со всей очевидностью.

В царствование Ли вана (878—842) ослабляются связи центральной власти с правителями зависимых царств. Правители областей прекращают свои приезды ко двору, не присылают дани. Источники отмечают также недовольство народных масс деспотизмом Ли вана, усилением рабовладельческой эксплуатации. Сыма Цянь в следующих словах рассказывает о социальных противоречиях того времени: «Царь осуществлял тиранию и деспотизм, предавался пиршествам. Люди государства поносили его. Шао гун (главный советник царя) усовещевал его, заявляя: «Народ не в состоянии выносить (ваших) повелений». Царь разгневался, поручил вэйскому колдуну произвести розыск хулителей. Оговорённые им предавались казни. Хулителей стало меньше. Но правители царств не являлись ко двору. На 34-м году царствования царь ввёл ещё большие строгости. Люди государства не осмеливались разговаривать...».

Террор, однако, не смог подавить недовольство. В 842 г. до н. э. вспыхнуло восстание. К сожалению, в источниках о нём сообщается очень немного. Известно лишь, что восставшие напали на дворец царя. Ли вану пришлось бежать. Его сын Цзин, наследник престола, спрятался в доме главного советника Шао гуна. Восставшие жители столицы, узнав об этом, осадили дом советника и потребовали выдачи Цзина. По преданию, Шао гун выдал повстанцам своего сына вместо царевича Цзина и тем самым спас последнего от смерти. Факт изгнания царя свидетельствует о напряжённой классовой борьбе в этот период.

После смерти бывшего царя Ли вана (828 г.) управлявшие страной регенты возвели на престол царевича Цзина, который известен в истории под именем Сюань вана (827—782). Его царствование отмечено неудачными войнами с западными кочевыми племенами — жунами. В одном сражении с ними (в 789 г.) войска Сюань вана были наголову разбиты, в связи с чем ему пришлось прибегнуть к новому набору воинов, что вызвало повсеместное недовольство населения.

Всё свидетельствовало о развале Западного Чжоу. В царствование Ю вана (781—771) против последнего восстал отец царицы (жены Ю вана). Он пошёл на соглашение с кочевыми племенами; последние вторглись в столицу и убили Ю вана. Возведённый на престол сын Ю вана, известный под именем Пин вана, в 770 г. перенёс столицу из Хао на восток — в Лои. С этого времени, по китайской традиции, начинается период Восточного Чжоу.

Перенесение столицы на восток было вызвано наступлением кочевых племён, захвативших часть территории государства Западного Чжоу. Немного времени спустя страна распалась на ряд самостоятельных царств, не подчинявшихся более чжоуским царям. Последние, хотя ещё считали себя царями всей страны, на самом деле утратили реальную власть и превратились лишь в правителей небольшого владения — Восточного Чжоу.

2. Китай в VIII—VI вв. до н. э.

Период царствования Пин вана (770—720) был переломным в истории государства Чжоу. В этот период, как отмечает Сыма Цянь, «дом Чжоу клонился к упадку и ослабевал. Среди чжухоу (правителей царств) сильные поглощали слабых. Начали возвеличиваться царства Ци, Чу, Цинь и Цзинь. Власть осуществлялась тем, кто был гегемоном». Этот процесс поглощения сильными царствами слабых расшатал основы государства Чжоу; в то же время богатела кучка рабовладельцев, народ нищал, кочевые племена не видели уже в Чжоу прежнего грозного противника.

Развитие производительных сил

В период Восточного Чжоу происходят крупные изменения в экономической и политической жизни страны. Развиваются производительные силы общества в связи с применением железа для изготовления орудий труда (с VII в. до н. э.). О распространении железа в VI в. до н. э. свидетельствует тот факт, что, например, население царства Цзинь в отдельных случаях обязано было в виде налога поставлять железо. К этому времени появляются и земледельческие орудия из железа.

Применение железа расширило масштабы земледельческого производства, повысило производительность труда, улучшив обработку земли. Более широко стал использоваться в земледелии тягловый скот.

В связи с распространением железа развивается ремесло; оно поднимается на более высокую ступень по сравнению с ремеслом периода Шан (Инь) и Западного Чжоу; продукция ремесленного производства стала более совершенной и более разнообразной. В этот период усиливается обмен как внутри царств, так и между ними; появляются металлические деньги. В экономической и политической жизни возрастает роль купечества.

Развитие крупного землевладения

В VII—V вв. до н. э., в связи с ослаблением власти чжоуских царей и ростом самостоятельности правителей отдельных царств, право верховной собственности на землю фактически переходит из рук чжоуского царя в руки различных правителей. Правители распоряжались своим земельным фондом без ведома чжоуского царя, передавая участки подчинённым — управителям, военачальникам и другим служилым людям.

Правители царств передавали землю, по-видимому, не только за особые военные и политические заслуги, но и за постоянную службу. Об этом свидетельствует факт пожалования рабовладельческой знати и служилым людям различных по размеру земельных участков в зависимости от занимаемого положения. Эти земли передавались в наследственное владение, однако правитель мог конфисковать пожалованные земли. Крупные земельные владения в этот период расширялись также и за счёт насильственных захватов сильными у более слабых, что приводило к концентрации значительных земельных владений в руках рабовладельческой и служилой знати. Борьба за землю происходила не только между царствами, но и между отдельными знатными семействами.

Владение землёй было основой благополучия рабовладельческой аристократии. Об этом красноречиво говорит древний источник—«Го юй» [1]: «Гуны (правители царств) кормятся данью (налогами), сановники кормятся городами (или территорией, «и»), учёные (гражданские должностные лица) кормятся полями, простой народ питается силой (трудом)».

Таким образом, правители взимали дань, сановники «кормились» поборами с городов и поселений, а люди «учёные», входившие в состав правительственного аппарата, имели земли. Только народ жил своим трудом.

Характерным для периода Восточного Чжоу была потеря наследственной рабовладельческой знатью своих родовых земельных владений, которые переходили в руки военачальников, служилых людей и купцов. Это приводило к упадку наследственного землевладения родовой аристократии и означало укрепление частной собственности рабовладельцев на землю.

Такой процесс вёл к острой политической борьбе. Усиливавшиеся военачальники увеличивали свои земельные владения не только за счёт пожалований или захвата земель у менее могущественных землевладельцев, но иногда даже за счёт раздела владений свергнутых ими правителей царств. В качестве примера можно привести царство Лу, где в 562 г. до н. э. три семьи сановников поделили земельные владения правителя Лу.

Примером роста влияния сановников является возвышение дома сановника Чэнь-ши в царстве Ци в VI в. до н. э. Чэнь-ши использовал недовольство населения тяжёлыми налогами, введёнными правителем Ци, который взимал с населения две трети его дохода. Стремясь привлечь народные массы на свою сторону, он давал ссуды зерном на выгодных для населения условиях, в результате чего ему удалось добиться расположения народа и захватить власть. Как указывает «Цзо чжуань» [2], народ «переходил на его сторону подобно тому, как река течёт (в море)». Аналогичные факты имели место и в других царствах.

---

[1] «Го юй» — рассказы о царствах, историческое сочинение о периоде правления династии Чжоу.

[2] «Цзо чжуань» — древний литературный памятник, комментарий к летописи царства Лу — «Чунь цю» («Весна и осень»), краткой хронике событий, происшедших в царстве Лу за период 722—481 гг. до н. э. По традиции составление «Цзо чжуаня» приписывается Цзо Цю-мину, жившему в период царствования династии Чжоу, но, несомненно, «Цзо чжуань» подвергся более позднему редактированию и имеет вставки и дополнения.

Введение земельного налога. Разрушение «колодезной системы» общинного землевладения

Частнособственническое землевладение создавалось как за счёт перераспределения земельного фонда и перехода его в руки военачальников, сановников и купечества, так и за счёт скупки земель купцами или перехода в их руки земель наследственной знати за долги. Кроме того, в руки купцов попадала и часть общинных земель, находившихся в частном пользовании нищающих земледельцев-общинников.

В тесной связи с этим происходит разрушение общинного землевладения старого типа (так называемой системы «колодезных полей») и изменение форм эксплуатации, применявшихся рабовладельцами в отношении общинников-земледельцев. Этот процесс начался с VI в. до н. э. Проходил он в различных царствах неравномерно, различными темпами и в разные сроки. Наиболее полное развитие он получил позже (V—III вв. до н. э.), в период Чжаньго («воюющих царств»).

Один из первых ударов по общинному землевладению был нанесён введением в царстве Лу в 594 г. до н. э. земельного налога, взимавшегося с единицы земельной площади — му. Отныне вместо обработки общественных полей (гун тянь) земледельцы должны были уплачивать в пользу правителя царств или сановников налог со всей земли. Деление земли на общественные поля и частные поля утратило свой смысл.

Характерно, что в царстве Лу введение налога на землю, заменившего обработку общественных полей (гун тянь), было осуществлено не сразу, а постепенно. После первого раздела земель (562 г.) налог был введён только во владениях одной семьи военачальника Цзи-ши. Затем после нового раздела земель, в 537 г. до н. э., окончательно был введён земельный налог во всех частях царства Лу. Примерно в то же время этот налог был введён в царствах Чу (после 548 г. до н. э.) и Чжэн (в 538 г. до н. э.). При этом в царстве Чжэн он вызвал вначале недовольство населения. В упомянутых выше трёх царствах (Лу, Чу и Чжэн) введение земельного налога означало разрушение «колодезной системы» общинного землевладения. Однако такое положение было не во всех царствах. Например, в царстве Цинь «колодезная система» просуществовала до середины IV в. до н. э.

Период «У ба» — «пяти гегемонов»

В результате уничтожения монархии Западного Чжоу и усиления тех представителей рабовладельческой аристократии, которые были поставлены прежде чжоускими царями во главе отдельных областей, положение в стране резко изменилось. По существу с VIII в. до н. э. уже не было единого государства, страна распалась на множество самостоятельных и полусамостоятельных государств, которые вели между собой ожесточённую борьбу; в процессе этой борьбы происходило поглощение более слабых государств более сильными.

В VII—VI вв. до н. э. на территории Китая господствовало пять крупных царств, в подчинении у которых находились остальные, более мелкие царства. Эти пять царств получили в китайской истории название «пяти гегемонов» (или деспотов, «У ба»). Такими гегемонами были царства Ци, Чу, Цинь, Цзинь и в известной степени Сун.

Ци охватывало большую часть территории современной провинции Шаньдун. Столицей его был город Линьцзы. В первой половине VII в. до н. э. в Ци был проведён ряд экономических и военно-административных реформ, которые значительно укрепили это царство. Была установлена государственная монополия на соль и железо, проводились мероприятия по поощрению торговли, разработке недр, была упорядочена система налогов, взимавшихся с учётом качества земли, реорганизована армия, проведён строгий учёт податного населения, и официально было признано разделение его на сословия (учёные, земледельцы, ремесленники и торговцы). Царство Ци, несмотря на сравнительно небольшие размеры своей территории, сумело поглотить десяток других владений и царств. Оно было в течение свыше 20 лет гегемоном среди сильнейших царств.

Вторым гегемоном в течение нескольких лет в середине VII в. до н. э. было царство Сун.

В 632 г. выдвигается царство Цзинь. Оно поглотило свыше 20 владений и охватывало территорию всей современной провинции Шаньси, части провинций Хэбэй, Шаньдун, Хэнань и Шэньси. С востока на запад территория царства Цзинь простиралась на тысячу с лишним километров.

Четвёртым гегемоном было царство Цинь. В начале ему принадлежала только часть современной провинции Ганьсу. В дальнейшем, после перенесения Пин ваном столицы на восток, земли, прежде принадлежавшие царям Западного Чжоу и расположенные в современной провинции Шэньси, были постепенно захвачены царством Цинь. Оно вело успешные войны с кочевыми племенами западных жунов и стало гегемоном на северо-западе. Царство Цинь пыталось установить своё господство над другими царствами в Северном и Центральном Китае, но в то время (VII—VI вв.) ему не удалось этого добиться, так как оно столкнулось с сопротивлением других сильных царств, в особенности со стороны Цзинь.

Царство Чу было самым крупным. В VII—VI вв. до н. э. оно поглотило 45 других, более мелких царств в бассейне рек Хуай, Хань и Янцзы. Коренным населением Чу были земледельческие племена. К концу VII в. царство Чу стало одним из сильнейших и наиболее передовых в экономическом отношении царств. В 597 г. до н. э. в результате разгрома объединённых сил царств Чжэн и Цзинь царство Чу стало одним из пяти гегемонов в Китае. В дальнейшем право на господство в стране оспаривают и другие царства (У, Юэ и др.).

Перечисленные выше царства по существу диктовали свои условия чжоуским царям. Борясь между собой, они заключали союзы с другими царствами. VII и VI века проходят в постоянной борьбе между царствами-гегемонами, причём в этой борьбе чжоуские цари подчас играли лишь роль наблюдателей, так как были бессильны оказать какое-либо влияние на ход событий. В борьбе с кочевыми племенами эти царства обычно оказывали друг другу поддержку.

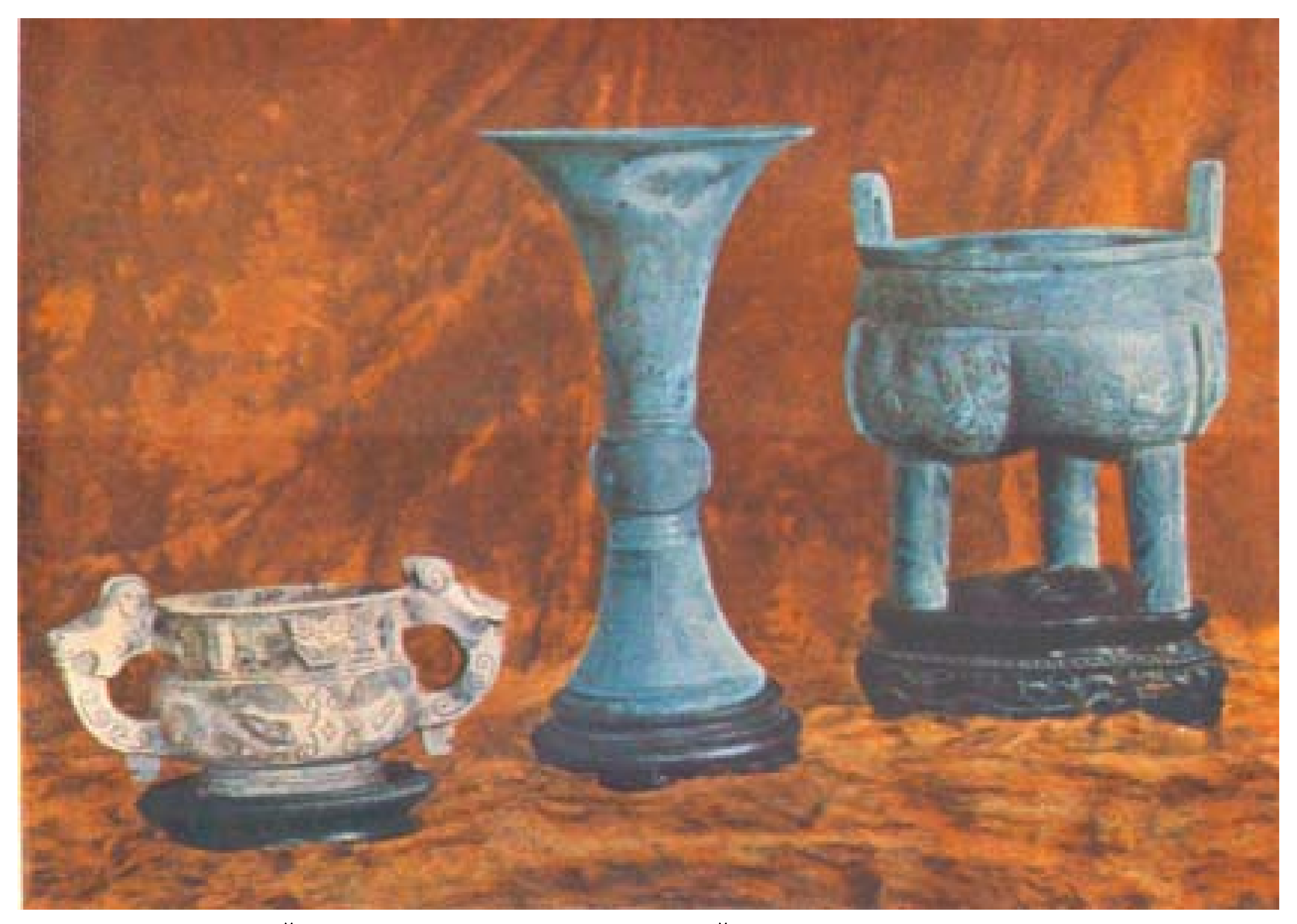
Восточное Чжоу превращается в такое же владение, как и остальные царства, даже в более слабое. Хотя правитель Восточного Чжоу продолжал носить титул царя (вана), но это не имело никакого реального значения. В VI в. царский титул присвоили себе и правители царства Чу, что знаменовало окончательный развал чжоуской монархии. Острая борьба между самостоятельными царствами продолжалась в течение последующих столетий, вплоть до создания централизованного государства в III в. до н. э.

Классовая борьба

Источники говорят об усилении рабовладельческой эксплуатации и тяжёлом положении свободных общинников в период Восточного Чжоу. В «Цзо чжуань» часто встречаются краткие данные об этом. Например, из беседы двух чиновников, приближённых к правителям царств Ци и Цзинь, мы узнаём, что в VI в. до н. э. в первом из названных царств «...народ делил свой труд на три части, две из них отдавал государству (правителю), а на одну часть питался и одевался. Собранное в общественных (амбарах зерно) портилось, и в нём заводились черви, а (в то же время) *сань лао* [1] страдали от голода и холода».

Не лучшим было положение народных масс и в царстве Цзинь, где «весь (простой) народ жил в нищете, в то время как во дворцах (знати) усиливаются расточительство и излишества. Трупы умерших от голода (лежат) один за другим, а (в то же время) богатство куртизанок увеличивается. Когда народ слышит приказания правителя, он бежит (от него), как от разбойников и врагов». Такое же положение было и в других царствах.

[1] Сань лао—дословно «трое старых». По одним объяснениям,—это три социальные группы — ремесленники, купцы и земледельцы. Другие считают, что это старейшие представители населения, возможно, мелкие должностные лица. Если голодали они, то земледельцы в царстве Ци были в ещё более худшем положении.

ДРЕВНЕКИТАЙСКИЕ СОСУДЫ ДЛЯ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ КОНЦА II—НАЧ. I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.
Слева направо: каменный сосуд, бронзовый сосуд для вина, бронзовый сосуд для мяса.

Народные массы, не вынося гнёта рабовладельцев, неоднократно восставали против них. К сожалению, древние китайские источники приводят весьма краткие данные о различных восстаниях, сообщая лишь о самом факте, но не указывая ни причин восстаний, ни состава их участников.

В «Исторических записках» Сыма Цяня встречаются, например, такие сообщения: «На 23-м году (правления чуского У вана, т. е. в 718 г. до н. э.) жители царства Вэй убили своего правителя Хуань гуна».

Сообщения о борьбе внутри различных царств часто встречаются и в другом древнем источнике — «Цзо чжуань». Но и здесь нет точных указаний на характер этой борьбы. Из-за лаконичности сообщений источника очень трудно иногда отличить народное восстание от выступления того или иного военачальника против своего повелителя — правителя царства. Впрочем, и в этих выступлениях принимали участие народные массы, которые надеялись, что свержение правителя принесёт некоторое облегчение народу.

VII и VI века также характеризуются междоусобной борьбой различных групп рабовладельцев. В 540 г. в царстве Цзю власть захватил один из представителей рабовладельческой аристократии — Чжань Юй. Он отнял титулы у сыновей правителя, и они обратились за помощью к правителю царства Ци. Чжань Юй не получил поддержки у народа и был свергнут. Его место занял один из наследников престола в этом царстве — Цюй Цзи. Через три года (в 537 г. до н. э.) против Цюй Цзи восстало население зависимого от него царства Цэн в связи с тем, что он, как сообщает «Цзо чжуань», «пренебрегал интересами (населения) Цэн».

В VI в. до н. э. восставали и ремесленники и торговцы. Об этом также свидетельствует «Цзо чжуань». Так, в 502 г. до н. э. сановник царства Вэй — Ван Сунь-цзя говорил своему государю: «Всякий раз, когда в царстве Вэй бывали трудности, ремесленники и торговцы всегда поднимали мятежи».

Народные восстания в этот период, однако, не имели широкого размаха и не приводили к уничтожению рабовладельческого способа производства.

3. Идеология и культура Китая до середины I тысячелетия до н. э.

Китайская культура оказала огромное прогрессивное влияние на все народы Дальнего Востока. Велик вклад китайского народа в сокровищницу всей мировой культуры.

Возникновение научных знаний и философских воззрений

Древнейший период развития китайской цивилизации относится ко времени царств Шан и Чжоу. Потребности повседневной жизни, развитие земледелия, ремесла побуждали древних китайцев изучать явления природы и накапливать первичные научные знания. Подобные знания, в частности математические и астрономические, уже существовали в период Шан (Инь). Об этом свидетельствуют как литературные памятники, так и надписи на костях. Предания, вошедшие в «Шу цзин», рассказывают о том, что уже в древнейшие времена было известно деление года на четыре сезона. С большей достоверностью о накоплении астрономических знаний можно говорить в отношении периода Шан (Инь). В надписях на иньских костях встречаются упоминания о солнечных и лунных затмениях. В иньское время в Китае уже знали лунный календарь. По этому календарю невисокосный год делился на 12, а високосный на 13 месяцев. Полный месяц состоял из 30 дней, а неполный—из 29 дней. Иньцы делили месяц на декады.

Позднее, в период Чжоу, были приобретены новые познания в астрономии. Подтверждением этого являются такие факты, как деление месяца на четыре недели, наблюдение за движением небесных светил. В литературных памятниках чжоуского периода отражаются познания древних китайцев о звёздном небе, о расположении созвездий. Так, в «Книге песен» («Ши цзин») приводятся названия созвездий,

известных в астрономии под названием Волопаса, Стрельца, Большой Медведицы и др., а также даются указания на их местонахождение.

К далёким временам древности восходят истоки философских взглядов китайцев на устройство вселенной. Известны древнекитайские религиозные представления о жизни на земле, о природе как творении сверхъестественной, божественной силы и т. д. Но в древнем Китае уже в отдалённое время развивались и другие воззрения, появились наивные, стихийные материалистические взгляды. Эти воззрения формируются, по-видимому, в конце иньского — начале чжоуского периода, когда происходят крупные изменения в экономической и политической жизни Китая, связанные с развалом Иньского государства и возвышением Чжоу. В этот период острой политической борьбы и появляются философские взгляды, которые вступают в противоречие с религиозными представлениями о мире. Это нашло своё отражение в «Книге перемен» («И цзин») и частично в «Книге документов» («Шу цзин»).

В основе древнейших наивно-материалистических воззрений Китая лежит представление о том, что вселенная состоит из «первоэлементов». В «И цзине» этими первоэлементами названы земля, небо, огонь, вода, озеро, ветер, гора и гром. Все вещи в мире находятся в движении и постоянно изменяются в результате взаимодействия и взаимостолкновения двух космических сил — силы Света и силы Тьмы — такова основная идея «И цзина». Следовательно, здесь, с одной стороны, высказана мысль, что основой мира являются не божественные силы, а природные первоэлементы. С другой стороны, в этих воззрениях наличествуют элементы диалектики.

Наивные материалистические представления о вселенной отражены и в других древних литературно-исторических памятниках. Например, в одной из глав «Шу цзина», под названием «Великий план», неизвестный автор провозглашает основой материального мира «пять первоэлементов» — дерево, металл, воду, огонь и землю.

Письменность и литература

Китайская письменность возникла в очень отдалённое время. Уже в XV в. до н. э. существовала сравнительно развитая система иероглифического письма, что свидетельствует о значительно более раннем его возникновении. Сохранившиеся в литературных источниках древние предания говорят о существовании ещё в очень ранний период первобытного способа фиксации мыслей с помощью завязывания узелков на верёвке. К этому же времени относится существование рисуночного письма (пиктографии). Сначала рисовали предметы целиком. Дальнейшим этапом был переход к символическому рисунку, или неполному изображению предмета, когда часть рисунка (пиктограмма) символизировала целое (например, вместо изображения барана рисовалась лишь его голова с рогами).

Иньская письменность развилась из такого символического рисуночного письма. В неё вошли в качестве составных частей пиктограммы (рисуночные изображения, например знаки солнца, луны, человека, дерева, воды и др.), идеограммы (знаки, выражающие определённые конкретные и отвлечённые понятия) и позднее фонограммы (знаки, обозначающие звучание иероглифа). Дошедшие до нас надписи сделаны на костях животных и щитках черепах.

По данным современных китайских учёных, в иньском письме уже обнаружено свыше 2 тыс. различных иероглифов. Это свидетельствует о значительном развитии китайской письменности в иньский период. В дальнейшем происходили как увеличение числа иероглифов, так и графическое совершенствование их форм. От периода Чжоу сохранились надписи на бронзовых изделиях, а позднее на бамбуковых дощечках.

В тесной связи с развитием письменности находится появление литературы. Ещё до возникновения письменности существовало устное творчество народа. Народные предания, передававшиеся из поколения в поколение, были записаны значительно позже и в виде различных легенд вошли в литературные памятники чжоуского периода. К таким легендам, несомненно являющимся продуктом народного творче-

ства, относятся легенды о Хуан-ди («Жёлтый царь»), борющемся против чудовища Чи-ю, о Суй-жэне, впервые добывшем огонь, о Шэнь-нуне, научившем человека обрабатывать землю, и т. д.

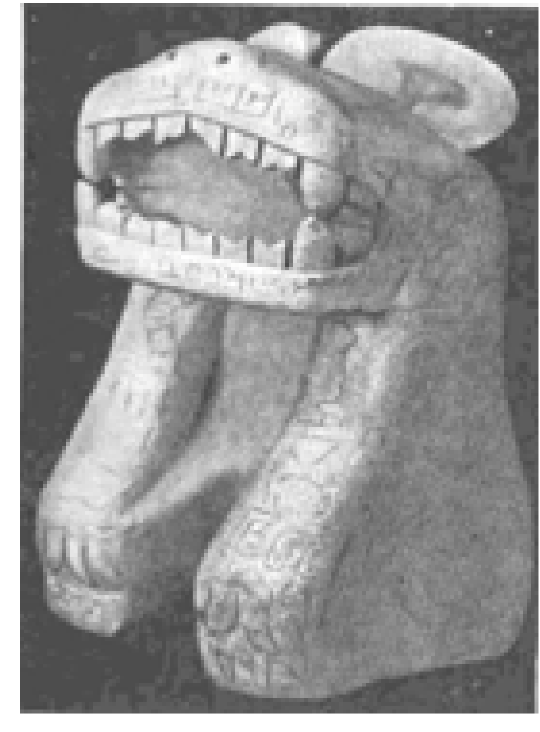
Одним из древнейших литературных памятников, дошедших до нас, является «Книга песен» («Ши цзин»). Она содержит свыше 300 песен и стихотворений, частью являющихся плодом народного творчества, частью представляющих обрядовые и придворные песнопения. Песни и стихотворения «Ши цзина» создавались в течение почти всего периода Чжоу в различных царствах. Песни, вошедшие в «Ши цзин», обыкновенно имеют в каждом стихе по четыре слога (это было характерной чертой древней поэзии). Они делятся на несколько групп. Наиболее ранние из них — «Чжоу сун» («Чжоуские песнопения») представляют собой преимущественно обрядовые и плясовые песни; следующие за ними по времени «Да я» («Большие песни») — хвалебные и застольные песни; «Сяо я» («Малые песни») и «Го фын» («Обычаи царств») — это главным образом народные песни. Народные песни ярко отражают социальные условия того времени; они с безыскусственной простотой рассказывают о подневольном труде, алчности чиновников, о жестокой эксплуатации населения рабовладельческой знатью и тяжёлой жизни земледельцев.

Образцы народного стихотворного творчества встречаются также в «Книге перемен» («И цзин»). Современные китайские учёные относят эти стихи к концу периода Шан (Инь)—началу периода Чжоу. Это, пожалуй, наиболее ранние литературные произведения. Во всяком случае они созданы не позже самых ранних песен «Ши цзина».

Искусство

Древнейшие известные нам произведения китайского искусства относятся ещё к так называемой культуре Яншао (III тысячелетие до н. э.) и представляют собой глиняные сосуды с многокрасочной росписью в виде сеток, раковин, спирали. Красотой отделки отличается чёрная керамика, найденная в поселениях Чэнцзыяй (в провинции Шаньдун) и относящаяся к так называемой культуре Луншань (III тысячелетие до н. э.).

Большим разнообразием характеризуются памятники искусства II тысячелетия до н. э. — периода Шан (Инь),— представленные остатками архитектурных сооружений, каменной скульптуры, бронзовыми сосудами и резными изделиями из кости, камня и т. п. Бронзовые сосуды выделяются богатством форм и искусной отделкой. Среди них встречаются сосуды типа *дин* (сосуд на трёх толстых литых ножках, с двумя ручками) и реже — *ли* (треножник с полыми ножками), а также производная от него форма — сложный сосуд *сянь*. Наиболее типичная отделка бронзовых сосудов — это рельефное изображение, перемежающееся с орнаментом в виде различных узоров и спиралей, символизирующих облака и гром. Основными образами, украшавшими бронзовые изделия, были образцы быков, баранов, змей, птиц, цикад, драконов. Оружие иньского периода по своей отделке также может быть отнесено к предметам искусства, так как оно украшено различными узорами и инкрустацией.

Мраморная скульптура тигра.
Из раскопок под Аньяном. Период Шан (Инь).

Во II тысячелетии до н. э. получило развитие искусство резьбы по нефриту и кости. Среди иньских украшений наряду с золотыми предметами обнаружены

Иньские бронзовые сосуды типов «дин», «сянь» и «ли».

Иньское обрядовое оружие из нефрита,
украшенное инкрустацией.

Ритуальный сосуд.
Период Западного Чжоу. Бронза.

многочисленные изделия из кости и нефрита. Они покрыты тонкими гравированными рисунками.

В первые века чжоуского периода значительных изменений в развитии изобразительного искусства и архитектуры не было. В дальнейшем происходит обогащение сложившихся ранее художественных форм. Более широкое распространение получает изображение животных на бронзовых жертвенных сосудах, колоколах и т. д.

Бронзовые сосуды для жертвоприношений.
Конец II — начало I тысячелетия до н. э.

В VII-VI вв. появляются новые веяния в изобразительном искусстве: в абстрактную архаическую орнаментику проникают новые мотивы, появляются зачатки сюжетной композиции — изображения сцен борьбы человека с животным и др.

Музыкальное искусство Китая (в том числе песни и пляски) также является очень, древним. Иньские надписи на костях дают первые свидетельства существования обрядовых плясок. Иероглиф «у», имеющий значение «танцевать», в иньских надписях часто сочетается с записями о жертвоприношениях душам предков или духам природы. Как знак «у», так и другие знаки, обозначавшие ритуальные пляски изображали

танцующего человека с бунчуком или бычьим хвостом в руках. Характерно, что этот знак по своему древнему начертанию совпадал с иероглифом, обозначавшим колдуна, из чего можно заключить, что исполнителем ритуальных плясок в древние времена был колдун, шаман.

Из иньских надписей на костях видно, что уже во II тысячелетии до н. э. использовался ряд музыкальных инструментов — барабан или бубен, дудка и, по-видимому, струнные щипковые инструменты. В период раннего Чжоу применялись инструменты ударные (кожаный барабан, металлические колокола, колокольчики) и духовые (бамбуковые и глиняные). В период Чжоу музыкальное искусство продолжает развиваться, песни и пляски перестают быть только ритуальными, происходит обособление песни от пляски, совершенствуется техника музыкальной игры, появляются новые музыкальные инструменты: их насчитывают теперь свыше двух десятков. В этот период создаётся специальная придворная служба, в ведении которой находилось обучение музыкантов и танцоров, а также наблюдение за исполнением песенной и танцевальной музыки и руководство ею.

В период Восточного Чжоу появляются трактаты о музыке. Наиболее известный из них — «Юэ цзи» («Описание музыки») — глава из канонической книги «Ли цзи» («Описание этикета»).

Религия

Древняя религия Китая своими корнями уходит в доклассовое общество и связана с воззрениями первобытного человека. На ранних этапах развития общества широко были распространены тотемизм и анимизм.

О тотемистических представлениях древних китайцев сохранились предания в литературных памятниках, которые сообщают о существовании тотемных групп Медведя, Барса и др. Об остатках тотемизма ещё в иньский период свидетельствуют названия некоторых племён, окружавших Иньское царство, таких, как «мафан» («племя Лошадь»), «янфан» («племя Баран»).

Существование культа явлений природы в иньский период можно проследить по многочисленным надписям на костях животных и панцирях черепах. Иньцы считали, что все явления природы, её дары, используемые человеком, а также стихийные бедствия происходят по воле духов. В надписях на костях постоянно встречаются упоминания о духах земли, гор, рек, солнца, луны, дождя, ветра и др. Им молились, приносили жертвы, обращались к ним с просьбой о ниспослании дождя, даровании хорошего урожая или с просьбой о предотвращении стихийных бедствий и т. д.

Наряду с поклонением многочисленным духам природы в иньский период наблюдается выделение главного духа—божества, стоящего над всеми другими духами и душами умерших людей. В иньских надписях это божество носит название *ди,* позднее —*шан ди* («верховное божество»). Это же название встречается и в более поздних литературных памятниках, в которых оно иногда заменяется равнозначащими терминами — «великое небо», «небесное божество».

В иньский период, с созданием классового общества, появляется уже обожествление царской власти. Царь признаётся «сыном неба», т. е. сыном божества, его представителем на земле. Это видно из гадательных надписей иньского периода, в которых говорится, что царь получает повеление от божества-неба. Об этом свидетельствует и тот факт, что в надписях, дошедших от конца иньского периода (с XIII в. до н. э.), для обозначения царей применяются те иероглифы, которыми прежде обозначалось «верховное божество». Позднее, в период Западного Чжоу, в литературных памятниках встречается термин «сын неба», обозначающий царя.

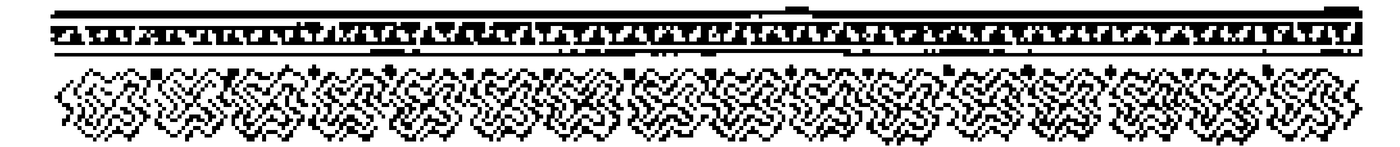
Культ предков, возникший ещё в первобытно-общинный период, существовал как в иньское, так и в чжоуское время. В основе его лежит представление о том, что душа человека после смерти продолжает жить и может вмешиваться в жизнь людей,

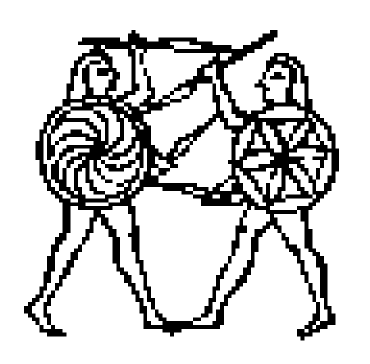
в особенности близких, родных умершего, причём это вмешательство может быть неблагожелательным и приносить вред. С другой стороны, по воззрениям древних китайцев, душа умершего человека сохраняет все его вкусы, привычки и потребность в тех же средствах существования, в которых человек нуждался при жизни. С этими представлениями связан и похоронный ритуал, который предусматривал захоронение вместе с умершим рабовладельцем его слуг, рабов. В могилу умершего клали различные предметы обихода, драгоценности, оружие.

О существовании у иньцев веры в могущество душ умерших предков свидетельствуют многочисленные гадательные надписи, из которых видно, что иньские цари обращаются к своим умершим предкам с различными вопросами и просьбами о помощи.

Указанные древние религиозные верования являлись частью господствующей идеологии и в последующие столетия китайской истории. Они являлись мощным идеологическим оружием эксплуататоров. Но в то же время, как мы уже говорили, появляются первые ростки материалистической философской мысли в Китае, давшие позже замечательные плоды.

ГЛАВА XXVII
ЮЖНАЯ ЕВРОПА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

В первой половине I тысячелетия до н. э. у племён большей части Азии, Северной и значительной части Восточной Европы ещё сохраняются описанные ранее условия жизни бронзового века, а на Крайнем Севере продолжают существовать условия неолитического периода. В то же время происходят важные сдвиги в общественном строе ряда племен Южной Европы. Резкое убыстрение темпов разложения первобытно-общинного строя имело здесь своим следствием более решительную, чем в странах древнего Востока, ломку древних порядков и становление рабовладельческих отношений в их античной форме.

Процесс ломки старых и возникновения новых отношений в это время дальше всего зашёл в таких странах Южной Европы, как Италия и Греция. Здесь возникли новые важные очаги культуры и цивилизации древнего рабовладельческого мира.

Ввиду особо важной роли, которую начинает играть с этого времени Греция, история этой страны выделена в отдельные главы.

1. Раннежелезный век в Европе (X—VI вв. до н. э.)

Основные племена Европы в начале I тысячелетия до н. э.

В первые века I тысячелетия до н. э. карта расселения племён Европы выглядела примерно так: Большую часть Пиренейского полуострова населяли иберские племена. Северо-западную его часть, территорию нынешней Франции и верховья Дуная заселяли племена кельтов. Позже кельты заселили также и Британские острова. Северную и центральную части Апеннинского полуострова в этот период заселяли продвигавшиеся с севера италики, но в некоторых областях полуострова

и на острове Сицилия ещё проживали различные более древние местные или проникшие сюда через Адриатическое море племена: на северо-западе — лигуры, на юге—сикулы, позднее целиком оттеснённые на Сицилию, япиги и др., в центральной части Сицилии — сиканы. Северо-западную часть Балканского полуострова и прилегающие с севера районы населяли иллирийцы, северо-восточную — фракийцы, южную — греки (эллины). Территорию между реками Рейном и Эльбой, а также часть Южной Скандинавии занимали германские племена. К востоку и юго-востоку от Эльбы, включая верхнюю часть бассейнов рек Днепра и Днестра, находились племена — предки славян. К северу от них располагались балтийские племена, близкие по языку к древнейшим славянам, а также племена финно-угорской семьи языков, причём территория расселения последних, видимо, простиралась по всему северу Европы. На степных просторах Юго-Восточной Европы кочевали киммерийские и другие племена, а позже (с VII в. до н. э.) скифские племена, говорившие на языках восточно-иранской (иначе называемой североиранской) группы индоевропейских языков.

Племена Европы находились на разных уровнях общественного развития. Большинство племён Европы жило уже в бронзовом веке. Но в более суровых и сложных, чем в долинах рек субтропиков, природных условиях Европы освоение техники обработки меди и бронзы не давало такого производственного эффекта и не привело к столь решительным изменениям в области производства, как во многих странах Востока. Только быстро и широко распространившиеся прочные железные орудия труда (сошник, рабочий топор, кирка, лопата и др.) обеспечили теперь в ряде случаев возможность обработки тяжёлых почв, вырубки под пашню густых лесов, покрывавших в то время почти всю Европу, а также осушения многочисленных и обширных болот. Освоение железа решительно двинуло вперёд развитие ремесла — добычу руд, кузнечное и оружейное дело, постройку жилищ, производство средств транспорта (суда, повозки) и т. д. Техника получения и обработки железа на юге Балканского полуострова начинает осваиваться в конце II тысячелетия до н. э., а в остальной Южной Европе—с начала I тысячелетия до н. э.

Уже в IX—VIII вв. до н. э. начинают плавить железную руду и ковать железные изделия племена Волго-Окского бассейна; в первой половине I тысячелетия до н. э. железное литьё появляется и у предскифских племён современной Украины. Железные изделия начинают изготовляться и у племён, живших между Одером и Верхним Днепром, в которых исследователи видят предков славян. Полного развития культура железа достигает в Восточной Европе, однако, как правило, лишь с VIII в. до н. э. и особенно во второй половине I тысячелетия.

Гальштаттская культура

Для раннего железного века в Западной Европе характерна так называемая гальштаттская культура, получившая это условное название в археологии от города Гальштатт в западной части Австрии, в окрестностях которого был обнаружен обширный могильник, содержавший в погребальном инвентаре древнейшие в Центральной Европе изделия из железа, датируемые X—VI вв. до н. э. Здесь же обнаружены соляные копи того же периода, в которых найдены многочисленные орудия труда, применявшиеся в то время в горном деле.

Основная территория распространения гальштаттской культуры совпадает с районом расселения иллирийских племён и отчасти кельтов. Но памятники, аналогичные гальштаттским, обнаружены и на Балканском полуострове, на территории Чехословакии, Южной Германии, восточных окраин Франции. К гальштаттской культуре близки культуры начала железного века Пиренейского полуострова и Италии. Таким образом, гальштаттская и другие близкие к ней культуры были созданы племенами различного происхождения.

Для гальштаттской культуры характерно ещё сосуществование железных и бронзовых орудий, причём находки позволяют проследить постепенное распространение

обработки железа и вытеснение бронзы. Из железа раньше всего начали производиться предметы вооружения — мечи, кинжалы, боевые топоры, наконечники копий. Но очень скоро из железа начинают изготовляться и орудия труда. Бронза остаётся основным материалом для производства металлической посуды (особенно сосудов) и разнообразных украшений. Некоторые металлические предметы защитного вооружения, требующие отливки (например, шлемы), также производились преимущественно из бронзы, так как железо умели только ковать.

Памятники гальштаттской культуры показывают быстрый прогресс племён Европы этого периода. Ускоряется переход к плужному земледелию. Развивается горное дело (добыча металлических руд, соли), обработка дерева, бронзы, производство первых стеклянных изделий. Быстро распространяется неизвестный ранее в этой части Европы гончарный круг, что приводит к расцвету гончарного производства. Яркую картину общественной дифференциации дают изображения, выгравированные на бронзовых гальштаттских сосудах. Здесь можно видеть воинов — пехотинцев, колесничих, военачальников, пирующую знать и прислуживающих ей виночерпиев, пахаря, несущего с поля плуг на плече, и т. п. Об общественной дифференциации говорят различия в погребениях и погребальном инвентаре, наличие массовых захоронений вместо с вождём его слуг и рабов и т. д. Деревни в это время часто имеют оборонительные сооружения, хотя ещё довольно несовершенные.

Раннежелезный век на севере Балкан и в низовьях Дуная

На северо-западе Балканского полуострова железные орудия появляются с IX в. до н. э., в низовьях же Дуная —с VI в. до н. э. Можно предположить, что употребление железа в этой части Европы распространялось постепенно из области у верховьев Дуная, тем более, что здесь последний период бронзового века отмечен проникновением гальштаттской культуры. Но не исключено также, что отдельные очаги железной металлургии могли возникнуть и самостоятельно. Раскопки обнаруживают формы железного оружия, орудий труда, керамики, изделий бронзового века, отличные от гальштаттских и в раннем периоде повторяющие формы изделий бронзового века.

С VIII в. до н. э. в северо-западной части Балканского полуострова начинается широкое распространение железных изделий. Наглядно можно проследить, по данным раскопок, постепенное вытеснение бронзы железом, сначала в изготовлении наступательного оружия (мечи, наконечники копий), а затем и земледельческих орудий — мотыг, а с переходом к плужному земледелию и лемехов плугов.

В странах Прикарпатья, среднего и нижнего течения Дуная на период IX— VIII вв. приходится ещё расцвет культуры бронзового века. В VIII в. до н. э. в эти области вторглись доскифские племена, условно называемые киммерийскими, отступавшие из причерноморских степей, возможно, под напором скифов. В последний период бронзового века в этих странах явно сказывается влияние культуры киммерийских племён; появляются новые формы бронзовых изделий (котлы, чаши, вёдра, детали конской сбруи). Железо применяется ещё весьма редко.

Развитие производства железных изделий в этих странах совпадает с появлением здесь скифских племён (VI в. до н. э.), которые осели на территории современных Румынии, Северной Венгрии и Северной Болгарии. С этого времени железо начало успешно применяться для изготовления оружия (скифский короткий железный меч), а наличие здесь залежей железных руд способствовало внедрению железных орудий в земледелие. Но было бы неправильно становление здесь железного века объяснять только приходом скифов. Основным населением Балканского полуострова к северу от Греции оставались местные фракийские земледельческие племена, уровень развития которых был уже достаточно высоким. Найденные в Румынии бронзовые и особенно золотые изделия свидетельствуют о довольно развитой технике их изготовления; употребление отдельных железных орудий было известно в карпато-

дунайских странах и до прихода сюда скифов. Местные племена были издавна связаны с племенами гальштаттской культуры, а также с греческими племенами на юге Балканского полуострова, влияние которых становится особенно заметным именно с этого времени. Поэтому возможно, что влияние, которое скифы стали испытывать со стороны местных племён, покорённых ими, было большим, чем то, которое они сами на них оказывали.

Распространение железа на Балканах способствовало дальнейшему развитию земледелия, возникшего здесь ещё в период неолита; именно в первой половине I тысячелетия начинает широко распространяться плужное земледелие. Усовершенствование орудий труда способствовало развитию ремёсел — оружейного, кузнечного, стекольного, гончарного; впрочем, гончарные изделия ещё долго оставались грубыми и примитивными, так как гончарный круг в этих странах ещё не применялся.

В первой половине I тысячелетия до н. э. в общественном строе местных иллирийских и фракийских племён обнаруживаются заметные изменения. Поселения этого периода состояли из деревень и из небольших укреплений, расположенных на господствующих над данной местностью высотах. Раскопки этих укреплений обнаруживают, как уже указывалось, многочисленные изделия из металлов, в том числе украшения из золота и серебра, а также образцы высококачественной керамики. Раскопки же деревень дают очень мало металлических изделий; украшения почти отсутствуют; гончарные изделия примитивны и почти не отличаются от вырабатывавшихся во времена неолита. Очевидно, в укреплениях жила родоплеменная знать, а в деревнях — рядовые общинники. Это указывает на далеко зашедший процесс имущественного и общественного расслоения у балканских племён. Факт выделения родоплеменной знати, начавшегося, по-видимому, ещё в бронзовом веке, подтверждает и различие в утвари, найденной в богатых и бедных погребениях. Но прогрессирующее разложение первобытно-общинного строя не привело ещё к середине I тысячелетия до н. э. к образованию на Балканах (кроме Греции) классового общества.

Ближе всего к этому подошли южно-фракийские племена, населявшие территорию современной Болгарии, где в V в. до н. э. начинается образование государств.

Раннежелезный век в Испании. Тартесс

На западе Европы также начинается железный век. Значительная часть территории Франции была в это время охвачена культурой гальштаттского типа, созданной, очевидно, главным образом кельтскими племенами. Однако часть Франции ещё долгое время населяли и более древние, неиндоевропейские племена. В северной части Испании культура раннежелезного века сложилась под влиянием гальштаттской культуры юга Франции. На юге Испании не позже IX в. до н. э. начинает также развиваться самобытная металлургия железа.

Как уже упоминалось, греко-римская историческая традиция сохранила некоторые данные о существовании в первой половине I тысячелетия до н. э. в богатой металлами и плодородными почвами Южной Испании процветающего государства Тартесс. По данным древних источников, тартессийцы имели крупные города, имели развитую письменность и поддерживали оживленные сношения с другими странами Средиземноморья и даже с Британскими островами. Археологические данные подтверждают, что важнейший очаг иберской культуры в этот период действительно находился в той части Южной Испании, которая прилегает к Кадисскому заливу. Здесь древние источники и указывают местоположение Тартесса. Но пока развалин этого города не найдено. Смутные данные литературных источников не позволяют определить ни время возникновения Тартесса, ни его историю, ни структуру его общества. В сущности, нельзя считать доказанным, что объединение, о котором идёт речь, действительно было уже государством.

В VIII в. до н. э. начинается финикийская колонизация Испании; к этому времени относится основание здесь финикийским городом-государством Тиром города Гадеса (ныне Кадис). Затем появляются и другие колонии. К VII в. до н. э. относится начало

карфагенской колонизации, а к VI в. до н. э. — греческой. Это свидетельствует о растущем значении Испании в экономической жизни Средиземноморья как поставщицы металлов (золота, серебра, меди, железа, олова). Но это же говорит и об относительной отсталости общественного строя её населения. Племенная раздроблённость не была преодолена, не произошло объединения племён для борьбы с пришельцами. Даже Тартесс находился одно время в зависимости от Гадеса, а затем, видимо в конце VII в. до н. э., был разрушен карфагенянами.

2. Италия в первой половине I тысячелетия до н. э.

Страна и население

Апеннинский полуостров, делящий Средиземное море на западную и восточную части, имел большое значение в истории Средиземноморья. Италией древние греки первоначально называли только южную часть Апеннинского полуострова. С III в. до н. э. это название распространяется на весь полуостров.

Италию исторически и географически обычно делят на три части: Южную — в основном это современные провинции Апулия, Базиликата, Калабрия, а также остров Сицилия, географически являющийся продолжением Апеннинского полуострова; Среднюю — остальную часть полуострова, важнейшими областями которой являлись Этрурия (ныне Тоскана), Лаций и наиболее плодородная область —Кампания; Северную — в основном материковую часть страны.

Северной границей страны являются самые высокие в Европе Альпийские горы. С запада Апеннинский полуостров омывается Лигурийским и Тирренским морями, с востока — Адриатическим морем и с юга — Ионическим. Берега полуострова слабо изрезаны; удобными естественными бухтами страна относительно бедна.

Ответвлением Альп являются невысокие Апеннинские горы, идущие вдоль всего полуострова и определяющие его рельеф. Восточные склоны этих гор более круты, чем западные. Наиболее значительные равнины Средней Италии расположены именно по западному побережью полуострова.

Климат Италии мягкий, тёплый, а на юге — даже жаркий. Количество осадков особенно значительно в Северной Италии и вполне достаточно в средней части страны. Только Южная Италия засушлива; впрочем $2^1/_2$—3 тысячи лет назад это сказывалось, по-видимому, в меньшей мере, так как в то время страна была несравненно богаче лесами.

Условия для земледелия в древней Италии в период энеолита и бронзового века были не столь благоприятны, как, например, в Двуречье или в долине Нила. Почва Италии сравнительно менее плодородна и при тогдашнем уровне развития производительных сил с большим трудом поддавалась обработке; возможности для повышения продуктивности земледелия путём организации искусственного орошения вследствие маловодья большинства рек и сложности рельефа страны более ограниченны. Сказанное в меньшей мере относится к долине реки По, но зато для этой долины характерен сравнительно более суровый климат, а также непостоянные, с трудом регулируемые разливы рек. Вследствие этого долина реки По приобрела значение важного земледельческого района позднее, чем речные долины Средней Италии, расположенные по нижнему течению рек Арно, Тибра, Вольтурно и др.

Всё же по сравнению с другими странами древней Европы в Италии условия для жизни людей были более благоприятны вследствие относительной мягкости климата, а также богатства растительного и животного мира. Неудивительно, что Италия была заселена ещё в период палеолита и неолита. Позже здесь создалась местная энеолитическая культура, просуществовавшая на юге страны до II тысячелетия до н. э., в то время как на севере Италии и в её средней части уже

существовала своеобразная и богатая культура, для которой были характерны изделия, изготовленные из бронзы, а также поселения (террамары), близкие по своему типу к свайным, окружённые деревянными стенами, рвом или искусственно созданным болотом.

В первой половине I тысячелетия до н. э. население Италии в этническом отношении было весьма пёстрым, так как из-за Альп и через Адриатическое море во II тысячелетии и в описываемый период сюда переселялись племена, самые различные по своей этнической принадлежности.

Большую часть Апеннинского полуострова в это время заселяли индоевропейские племена италиков, важнейшими из которых были латины (в области Лаций), оски (Кампания), умбры (Умбрия, в Средней Италии к востоку от Апеннин) и группа сабелльских племён в верхней части бассейна Тибра, в том числе сабиняне, которые позже продвинулись на юг и, смешавшись с осками, носили название самнитов. Эти племена в большинстве спoём проникли в Италию, видимо, в самом начале I тысячелетия до н. э. из областей Средней Европы. Для них был характерен обряд сожжения покойников, восходящий, возможно, к обычаям, сложившимся ещё в пределах унетицкой культуры бронзового века. В Италии они смешались с более древними племенами.

Кроме италиков, некоторые области страны населяли различные иллирийские племена (например, япиги вАпулии); возможно, к той же языковой группе принадлежали и венеты в восточной части Северной Италии, а также племена, которые обычно принято считать остатками коренного древнейшего населения страны (лигуры в западной части Северной Италии, сиканы в Сицилии и др.). Как полагают некоторые исследователи, в важнейшем из племён этого района — сикулах — нужно видеть племя шакалаша, упоминаемое египетскими источниками в период передвижений «народов моря» в Восточном Средиземноморье; однако возможно, что сикулы принадлежали к коренному населению Южной Италии.

Современная Тоскана в северо-западной части Апеннинского полуострова была населена этрусками, этническая принадлежность которых пока еще не установлена. Эта область называлась Этрурией.

На побережье Южной и отчасти Средней Италии, а также в восточной части Сицилии в VIII—VI вв. до н. э. поселились греческие колонисты, основавшие ряд важных городов: на Апеннинском полуострове —Киму (Кумы), Неаполь, Кротон, Сибарис, Тарент и др.; в Сицилии—Сиракузы, Мессану, Акрагант и др. В западной части Сицилии укрепились карфагеняне, основавшие города Эрикс, Панорм и др. Они же в VII в. до н. э. или ранее подчинили себе Сардинию. Наличие греческих и карфагенских колоний способствовало более быстрому развитию рабовладельческих отношений у тогдашних племён Италии.

Культура Виллановы

Железный век в Италии начинается с X в. до н. э. На острове Сицилия культура в этот период развивается, по-видимому, под продолжающимся влиянием эгейского мира. Культура юга Италии, а также области Пицена (Средняя Италия) обнаруживает признаки иллирийского влияния. На северо-востоке своеобразные черты сохраняет культура венетов, на северо-западе — особая культура Голасекка, связанная, быть может, с племенами, близкими кельтам.

Наибольшее значение имела культура, известная под условным названием культуры Виллановы и созданная, по-видимому, предками племён италиков. Памятники этой культуры впервые были обнаружены в могильнике у местечка Виллановы в окрестностях Болоньи (Северная Италия). Культура эта, однако, была распространена не только на Североиталийской низменности, но и в Этрурии и в северной части Лация.

Памятники Виллановы свидетельствуют о значительном прогрессе общественной жизни. Строители террамар знали лишь бронзовое литьё, теперь применяется ковка,

Погребальная урна в виде сосуда.
Италия. Культура Виллановы.

изготовляется весьма совершенная бронзовая утварь. Железные орудия распространялись в Италии медленнее, чем в Центральной Европе и на Балка-пах вследствие бедности страны залежами железных руд; в изготовлении орудий труда железо начинает преобладать, видимо, только в VI в. до н. э. Появляются сосуды, изготовленные на гончарном круге. Находки греческой керамики и продуктов финикийской торговли — стекла, слоновой кости, изделий из золота и серебра — свидетельствуют о развитии торговых сношений. Находки кладов указывают на скопление в руках родовой знати уже сравнительно больших ценностей.

Крупные поселения, обнаруженные на территории города Болоньи, значительно превосходят площадью ррамары. В Средней Италии селения располагались обычно на холмах, они имели, видимо, земляные укрепления. Такое поселение обнаружено раскопками на территории города Рима на Палатинском холме. Жилища всё ещё примитивны; об их внешнем виде можно судить по погребальным урнам, сделанным иногда в форме хижин. Это — жилища отдельных семей; в поселении они располагались обособленно друг от друга.

Этрусская проблема

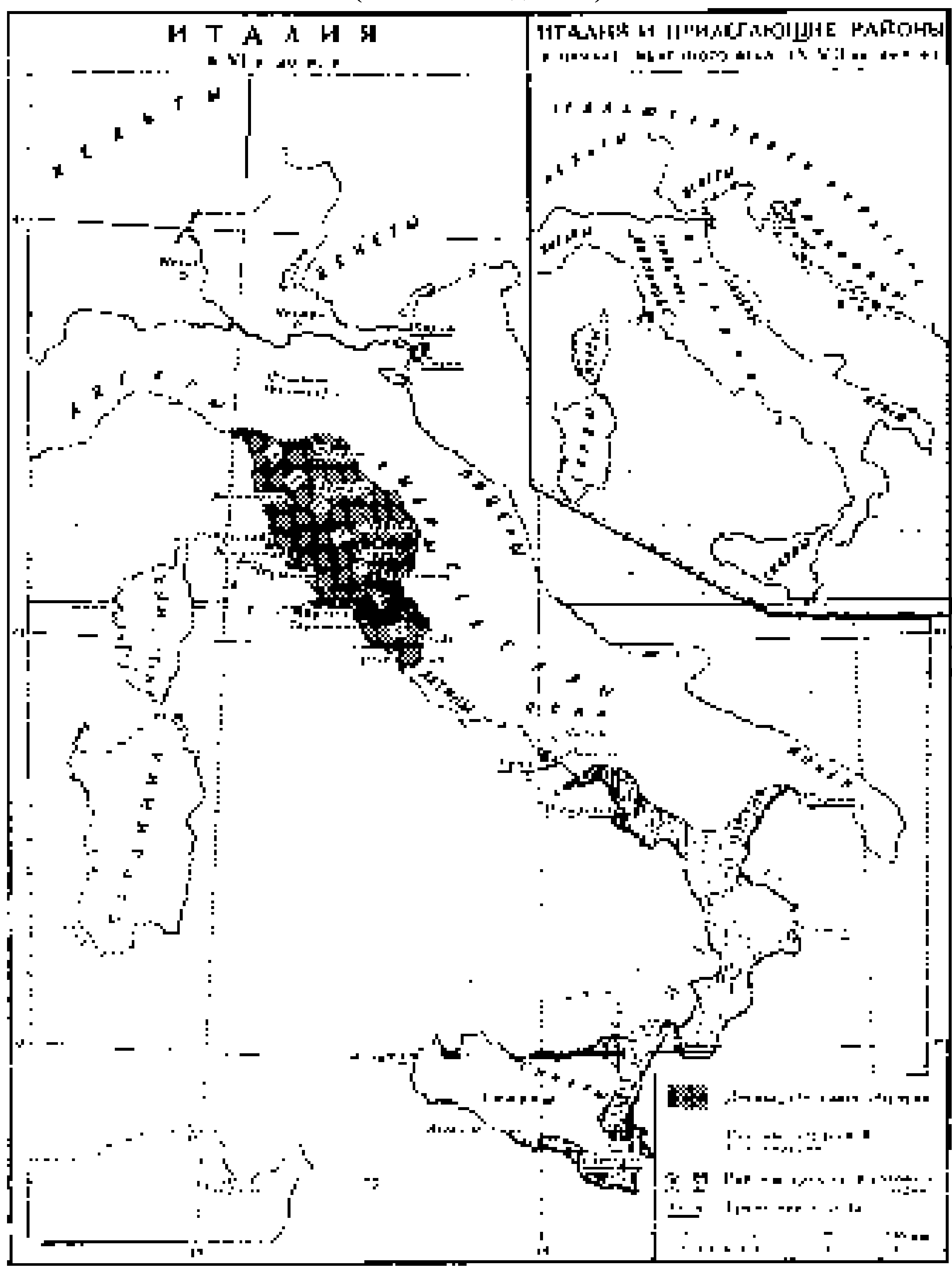
С VIII в. в истории Средней, а затем и Северной Италии значительную роль начинают играть этруски. Греки называли их тирсенами или тирренами, латинские авторы называли их этрусками или тусками. Сами себя они называли, по-видимому, расенами.

Греческие историки сохранили предание о восточном происхождении этрусков. В подтверждение этого предания некоторые современные учёные указывают, например, на то, что в найденных на острове Лемнос в Эгейском море надписях на непонятном языке имеются слова и формы, близкие этрусским. Указывают также, что наличие среди «народов моря», нападавших на Египет в XIII—XII столетиях, племени турша, название которых отождествляется с именем тирсенов-этрусков, свидетельствует о том, что этруски жили в ту пору в восточной части Средиземноморья. Указывают на восточный характер ряда памятников материальной культуры этрусков, на систему гадания по внутренностям жертвенных животных, для которой имеются аналогии на Востоке, и т. д.

С другой стороны, культура этрусков VIII—VI вв. до н. э. является во многом результатом дальнейшего развития всё той же культуры Виллановы.

Вопрос о происхождении этрусков остаётся пока не решённым. Объясняется это в значительной мере тем, что до сих пор усилия ряда поколений исследователей решить проблему этрусского языка оказались тщетными. Сохранилось до 9 тыс. этрусских надписей. Чтение их не представляет трудностей, так как этруски пользовались алфавитом греческого происхождения. Но до сих пор, за исключением небольшого количества слов и грамматических форм, которые могут считаться правильно истолкованными, понимание этрусских надписей мало продвинулось вперёд. Этрусский

Италия в VI в. до н. э.
Италия и прилегающие районы в начале железного века (X—VIII вв. до н. э.)

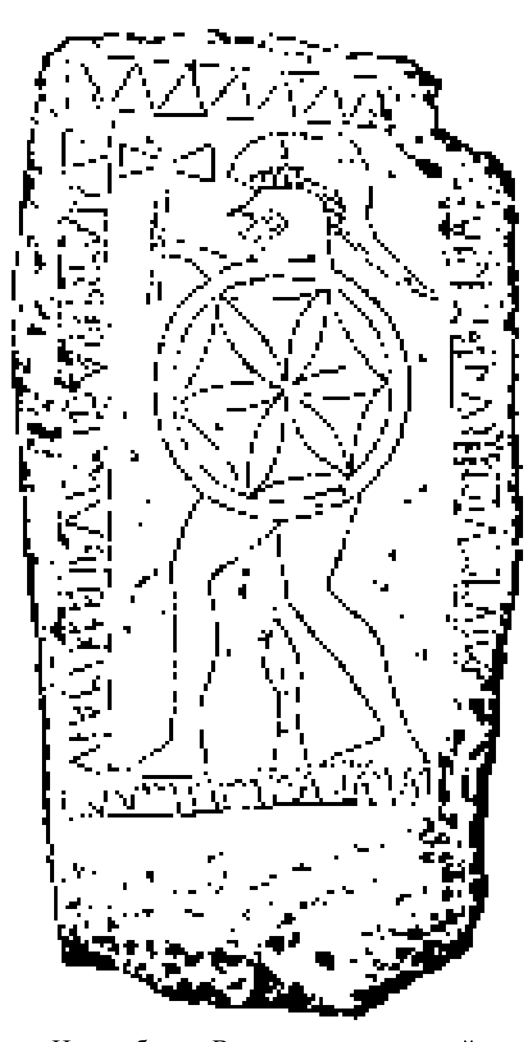
язык стоит особняком среди языков, изученных современными исследователями; он отличен и от италийских языков.

На современной ступени наших знаний правильнее всего считать, что этрусские племена сложились в Италии в условиях борьбы и взаимодействия племён-пришельцев с другими племенами, жившими на полуострове.

Этрурия в VIII—VII вв. до н. э.

По преданию, поселения этрусков существовали в Италии уже в XI в. до н. э., но об этом раннем периоде их существования мы не имеем достаточных данных. Начиная с VIII в. этруски занимали уже значительную территорию в глубине страны.

Памятники этого времени обнаруживают известную преемственную связь с культурой Виллановы, но стиль этих памятников указывает, однако, на наличие восточных влияний. Это — новое явление, свидетельствующее о развитии заморских сношений. Принадлежность этих памятников этрускам подтверждается наличием на них этрусских надписей. Памятники эти раньше всего появляются в приморской Этрурии в районах позднейших городов Популонии, Ветулонии, Тарквиний, Цере; во внутренних же районах Этрурии ещё долгое время сохранялась культура Виллановы.

Надгробие из Ветулонии с этрусской надписью.
VII в. до н. э.

Основным занятием населения было земледелие. Для мелиорации этруски широко практиковали строительство различных дренажных сооружений, водоотводных канав и т. п. Найденные при раскопках утварь, украшения, вооружение, включая боевые колесницы, свидетельствуют о значительном развитии ремёсел: керамического производства, металлургии (разнообразные изделия из бронзы, железа, добывавшегося на острове Эльба), ювелирного мастерства (изделия из золота). Находки предметов финикийского, египетского и греческого производства показывают значительное развитие внешней торговли. В одном только этрусском городе Вольци (ныне Вульчи) найдено более 20 тыс. греческих сосудов. Обнаружены изделия из прибалтийского янтаря. Имеются данные о вывозе металла и металлических изделий из Этрурии в обмен на товары других народов Средиземноморья. За пределами Этрурии, например в богатейших погребениях города Пренесте в Лации, некоторые памятники свидетельствуют о наличии уже тогда культурного влияния этрусков на соседей.

Этрусская торговля долгое время носила пиратский характер. Этрусские (тирренские) пираты были известны по всему Средиземноморью.

О характере этрусских поселений до сих пор нет ещё достаточных данных. Несомненно, что в то время у этрусков не было крупных поселений типа позднейших античных городов. Знать занимала сильно укреплённые, ограниченные по площади крепости. Поселения носили названия, происходящие от родовых имён; например» название города Тарквиний, несомненно, было связано с родом Тархна, некогда создавшим здесь своё поселение, и с именем Тархона — легендарного основателя двенадцати городов Этрурии. (Это имя некоторые учёные отождествляют с именем

малоазийского божества Тарку.) В это время возникает специфическая форма жилища знати: дом с *атрием,* т. е. с открытой площадкой внутри дома, на которой помещался домашний очаг; впоследствии эту форму жилища переняли знатные римляне.

Данные погребений весьма многочисленны и разнообразны. Они свидетельствуют о том, что в обществе того времени происходило значительное социальное расслоение. Типичны в этом отношении погребальные сооружения знати под курганами, имеющими каменное основание. В районе Популонии курганные погребения VIII—VII вв. до н. э. имеют камеры с ложными сводами, чему имеются аналогии в районе Эгейского моря и в Малой Азии. Как видно из надписей, уже в эту пору у представителей знати начинают возникать составные имена, включающие имена родовые и прозвища, в отличие от простых личных имён незнатных людей. Знатные роды еще не возглавляли централизованных городских общин; они обычно проживали на захваченных ими землях, образовав правящий слой военной знати; некоторое представление об этой знати дают изображения воинов и большое количество оружия, найденного в гробницах. У этрусков была широко распространена так называемая *клиентела:* свободные люди из незнатных и обедневших родов отдавали себя под «покровительство» представителям знати и эксплуатировались ими. Нужно полагать, что уже к этому времени относится возникновение, возможно также и в результате завоевания, того слоя зависимого от землевладельческой знати сельского населения, наличие которого засвидетельствовано для более позднего времени.

У этрусков того времени, несомненно, существовали царская власть и совет старейшин. Наличие в этрусских общинах народного собрания засвидетельствовано источниками крайне слабо. Термин, обозначавший на этрусском языке «царь», неизвестен. Термин *лукумон* римских авторов означал вообще лиц высокого общественного положения и в ходе развития общественного строя изменял своё значение. В древнейшее время он означал, видимо, старейшину рода.

Органы политической власти у этрусков обнаруживают явные следы их происхождения из установлений родового строя; например, знаки царской власти, заимствованные позже римлянами,— трон, двойной топор царских служителей (называвшихся у римлян *ликторами)* были первоначально атрибутами культа предков. Культы позднейшей государственной религии также сохраняют следы более древнего происхождения. В городе Вейи, например, прикасаться к изваянию богини Уни мог только жрец из определённого рода — признак сосредоточения жреческих функций в руках родовой аристократии.

Особенностью этрусских общественных условий являются пережитки материнского рода. Об этом свидетельствуют многочисленные значительно более поздние надгробия с указанием рода матери погребённого, а также предания о влиятельности женщин в делах культа и их независимом положении в обществе. Такое положение этрусских женщин послужило основанием для россказней греческих и римских авторов о распущенности этрусских нравов.

Этрурия в VI в. до н. э.

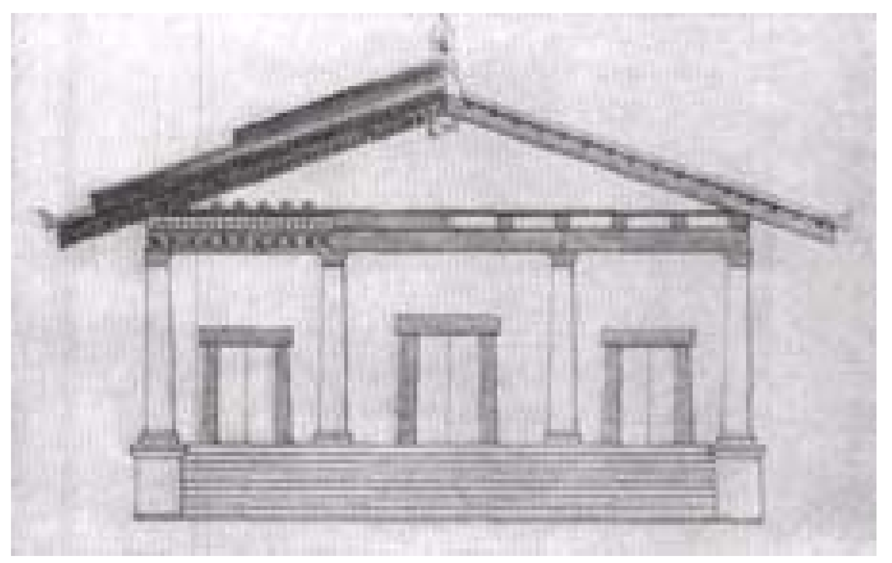
В VI в. до н. э. в Этрурии уже господствовал рабовладельческий строй. Создание крупных осушительных сооружений, без которых невозможна эксплуатация плодородных, но часто заболачиваемых разливами речных долин, свидетельствует о высоком развитии сельского хозяйства. Важную роль играло в это время скотоводство. Широко распространённым было виноградарство. Художественная керамика, разнообразнейшие изделия металлургии этого времени свидетельствуют о высоком развитии ремёсел.

VII и особенно VI век до н. э.— время строительства в Этрурии городов (Вейи, Цере, Тарквинии, Клузий, Арреций, Популония, Перузия и др.), обнесённых мощными каменными стенами, с домами знатных семей, с храмами своеобразного стиля, имевшими облицовку из терракоты. Вокруг городов возникают обширные

кладбища, которые изучены лучше, чем территории самих городов. Появляются подземные, высеченные в скале, усыпальницы. Материалы погребений говорят об оживлённых торговых сношениях с карфагенянами, греками, а также с различными племенами Италии.

К VII или скорее к VI в. до н. э. относится возникновение своеобразной этрусской федерации, имевшей, видимо, преимущественно религиозное значение. Созданию этой федерации предшествовало выдвижение ведущих городов-государств («XII народов Этрурии» римских авторов). Собиравшиеся в святилище богини Вольтумны главы городов выбирали поочерёдно представителя одного из городов главой союза и первосвященником. Города, однако, пользовались самоуправлением.

В VI в. этруски уже выступают в Средиземноморье как крупная политическая сила. В 535 г. до н. э. в союзе с карфагенянами они одержали крупную победу у города Алалия на Корсике над греками — колонистами из города Фокеи. С тех пор Корсика долгое время находилась в руках этрусков. Они подчинили себе также важные области по западному побережью Италии — Лаций и Кампанию. В Кампании этруски закрепились особенно прочно, создав здесь, по преданию, 12 городов, главным из которых была основанная, по-видимому ещё в начале VI в., Капуя, где обнаружены этрусские надписи. Этруски проникли в Северную Италию, основав и там ряд городов.

Этрусский храм верховной триады божеств.
Реконструкция.

О положении непосредственных производителей Этрурии наши сведения скудны. Учитывая широкое применение у этрусков простой кооперации труда для постройки гигантских сооружений, Маркс допускает у этрусков существование общинной организации, близкой к восточной [1]. Античные писатели говорят о наличии у этрусков зависимых земледельцев (по-гречески *пенестов).* По-видимому, упоминания об этом слое населения имеются и в этрусских надписях *(лаутни).*

Помимо этих зависимых людей,— быть может, потомков некогда покорённых умбров и латинов,—имелись также покупные рабы и рабы-военнопленные. Возможно из них состояла многочисленная челядь: слуги, музыканты, танцовщицы, гимнасты и т. п., изображения которых сохранились на росписях гробниц рядом с изображениями пирующих владык. В городах было и формально независимое от знати, но экономически обездоленное население. В некоторых этрусских центрах засвидетельствовано наличие греческих колонистов.

Знать стояла во главе вооружённых сил, составляя конницу. Засвидетельствована и организованная по греческому образцу тяжеловооружённая пехота. Этруски обладали также большим числом морских судов.

Организованная в жреческое сословие аристократия в VI в. подверглась сильному греческому влиянию. Это сказалось на всем дальнейшем развитии этрусской куль-

[1] См. *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 340.

туры и религии. Наряду с культом предков и верованиями в злых и добрых духов существовали культы богов, отождествлённых с греческими божествами. Громовержец Тиния (Зевс), его супруга Уни (Гера), дочь Минерва (Афина) составляли верховную триаду. Аполлону этруски поклонялись под его греческим именем. Образы греческой мифологии нашли своеобразную трактовку в произведениях этрусской живописи и ваяния. Оригинальным произведением являются священные книги, свод которых был принят впоследствии римлянами под названием «Этрусское учение» («Disciplina etrusca»). В этих книгах были изложены правила ритуала и *дивинация* (определение знамений богов по небесным явлениям, по печени жертвенных животных). В них описывались также политические установления, служившие укреплению власти глав правящих фамилий знати, землемерное искусство, включая обряд Основания городов.

Статуя Аполлона из города Вейи.
VI в. до н. э. Терракота.

VI век до н. э. — время ожесточённой социальной борьбы в общинах Этрурии. Среди экономически обездоленных элементов важную роль в это время играют люди, утратившие родовые связи. Они часто объединяются в дружины под водительством знатных витязей, то пытавшихся захватить власть в данном городе, то занимавшихся пиратством, морской торговлей и предпринимавших грабительские походы на территории других италийских племён. Память о такой экспансии этрусков, приведшей к распространению этрусского влияния от Альп до Кампании, сохранилась в легендах, которые находят подтверждение в данных археологии и языкознания. В Кампании, где, как сказано, этруски закрепились, они действовали в контакте с некоторыми греческими поселениями (Сибарис). На севере Италии этрусками был основан ряд городов; так, основателем Мантуи и Фельзины (позднее Бонония, ныне Болонья) считался перузи-нец Авкн. Мантуя ещё в период римского господства сохраняла черты этрусского города.

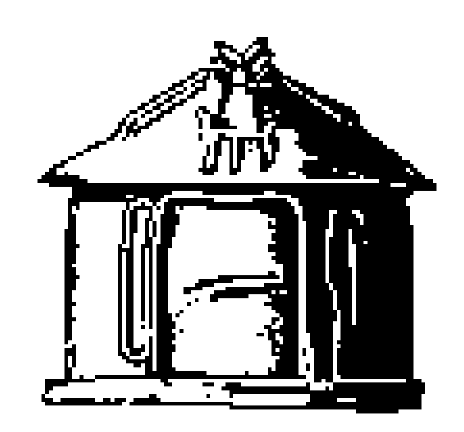
Значение этрусской экспансии можно установить и для Лация, где уже в это время начинает выделяться город Рим. Древнейшее поселение на месте Рима восходит к рубежу II и I тысячелетий; в VIII в. до н. э., по-видимому, произошло слияние находившихся здесь двух общин различного племенного происхождения — латинян и сабинян. Самый город возник, видимо, лишь в VII в. до н. э., хотя дата основания Рима, сохранившаяся в римской исторической традиции, соответствует 753 г. до н. э. Рим управлялся выборным «царём», советом старейшин *(сенатом)* и народным собранием. Наряду с полноправными общинниками в Риме жили и пришлые люди, не имевшие гражданских прав. Как и у этрусков, здесь была распространена клиентела — принятие обедневших и неполноправных лиц под «покровительство» знати. В VI в. в Риме правили цари рода Тарквиниев— бесспорно, этрусского происхождения. В культе и в политических установлениях Рима этрусское влияние очевидно. Триада богов: Юпитер, Юнона, Минерва, почитавшаяся на Капитолийском холме в Риме,—копия упомянутой выше этрусской триады. Храм на Капитолии был

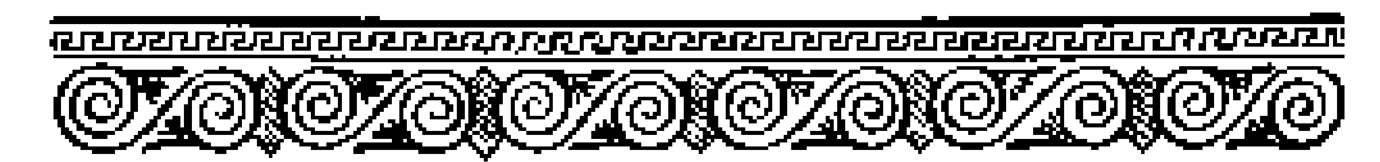
построен этрусскими мастерами, как и ряд других святилищ в Риме и в остальном Лации того времени. Самое основание городов в Лации совершалось по этрусскому обряду. Латинские собственные имена обнаруживают поразительные совпадения с этрусскими. По преданию, вскоре после изгнания Тарквиниев из Рима в конце VI в. до н. э. Ларт Порсена, царь этрусского города Клузия, захватил и разграбил Рим. Но этот поход Порсены носил характер скорее грабительского набега и к восстановлению власти этрусков над Римом не привёл.

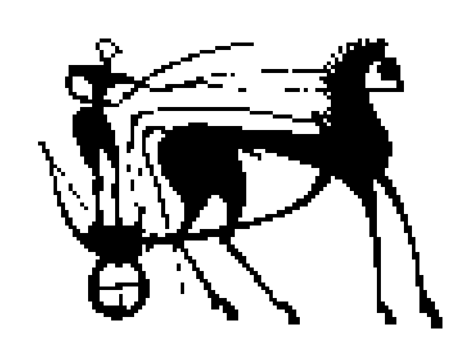
Таким образом, не только экономические и культурные взаимоотношения с этрусками играли большую роль для древних римлян, но и основные факты их ранней политической истории тесно связаны с историей этрусков.

Этруски сыграли в Италии роль передатчиков греческого культурного влияния; в частности, алфавит был заимствован всеми италиками от греков через посредство этрусков; ряд греческих терминов попал в латинский язык таким же путём.

Этруски, видимо, так и не создали единого государства; нет также оснований говорить о политическом объединении этрусками Италии. Завоевательная деятельность обычно осуществлялась отдельными городами, а иногда была результатом походов, предпринятых отдельными предводителями дружин. В ряде случаев вообще нельзя говорить о каком-либо политическом господстве этрусков, так как в действительности имело место лишь культурное взаимодействие этрусков и их соседей. Расцвет этрусской федерации был весьма недолговременным. Уже в последней четверти VI в. до н. э. наблюдается её ослабление, вызванное в первую очередь противоречиями между самими этрусскими общинами, а также неудачами в борьбе с греками. В 524 г. до н. э. при попытке овладеть Кумами (Кимой) этруски потерпели серьёзное поражение. В конце VI в. началось успешное восстание против этрусского господства в Лации. В своей борьбе с южно-италийскими и сицилийскими греками этруски не могли уже рассчитывать на своего старого союзника — карфагенян, так как в начале V в. те сами потерпели серьёзное поражение от сицилийских греков. Новая попытка этрусков овладеть Кумами окончилась также неудачей; этруски потерпели крупное поражение в морском бою (474 г. до н. э.). Во второй половине V в. этруски были изгнаны самнитами из Капуи. С этого времени этруски быстро теряют все опорные центры за пределами собственно Этрурии. В дальнейшем этрусская федерация окончательно распадается под ударами новой мощной силы, выросшей на Апеннинском полуострове,— рабовладельческого Рима.

ГЛАВА XXVIII
ГРЕЦИЯ XI—IX ВВ. ДО Н. Э.

В последние века II тысячелетия до н. э. в Восточном Средиземноморье происходили крупные передвижения племён. В результате этих передвижений пали ранние рабовладельческие общества Греции, рухнула держава хеттов, вторжению подверглись Сирия, Финикия и даже Египет. Одним из таких передвижений было уже упоминавшееся ранее переселение дорийцев. По своим масштабам оно значительно уступало передвижениям племён в Малой Азии (походы «народов моря») и охватило только территорию южной части Балканского полуострова, но значение его для истории Греции было очень велико. В течение трёх последующих столетий материковая Греция была почти полностью изолирована от стран древнего Востока. Прекратилось строительство крупных сооружений типа дворцов, нет сведений о крупных хозяйствах, подобных засвидетельствованным документами микенского времени. Очевидно, ранее возникшие отдельные рабовладельческие общества были уничтожены окружающими племенами, жившими ещё в условиях первобытно-общинного строя. Но при этом пришельцы немало восприняли от покорённого ими населения, что в конечном счёте способствовало переходу уже всех эллинских племён к рабовладельческому строю.

Вплоть до начала нашего столетия единственным источником сведений об этом периоде в истории Греции были древние греческие предания и отрывочные сообщения значительно более поздних греческих писателей. Только в последнее десятилетие благодаря постепенному накоплению большого количества археологических данных создалась возможность более точно характеризовать развитие отдельных областей Эгейского бассейна в этот период. Однако наравне с археологическими данными важным источником для этого периода остаются гомеровские поэмы—«Илиада» и «Одиссея», содержание которых связано с преданием о войне ахейцев с Троей, возникшей будто бы из-за похищения Елены, царицы Спарты, троянским царевичем Парисом.

«Илиада» охватывает события, происходившие на десятом году войны греков (ахейцев) против Трои, когда Ахиллес, один из вождей греческого ополчения, осаждавшего Трою, поспорил из-за дележа добычи с главным вождём греков — Агамемноном и перестал участвовать в боях. После ряда поражений ахейцев Ахиллес послал им на помощь своего друга Патрокла, который погиб в бою с Гектором, сыном престарелого царя Трои—Приама. Тогда Ахиллес решил снова принять участие в сражениях. «Илиада» заканчивается описанием погребения Гектора, убитого в поединке с Ахиллесом. «Одиссея» воспевает десятилетние странствования одного из участников Троянской войны — Одиссея, царя греческого острова Итака. После целого ряда полуфантастических приключений Одиссей возвращается к себе на родину, где с помощью своего сына Телемаха и верных домочадцев убивает многочисленных женихов, добивавшихся руки его верной жены Пенелопы, и восстанавливает свои права на Итаке. Таким образом, сюжеты обоих поэм связаны единством темы и круга действующих лиц. Однако «Илиада» не содержит изложения событий от начала Троянской войны и не доводит своего рассказа до взятия Трои. «Одиссея», со своей стороны, не является непосредственным продолжением «Илиады». Другие эпизоды троянского цикла были воспеты в так называемых киклических поэмах, составленных, вероятно, не раньше VIII в. до н. э. и дошедших до нас лишь в виде краткого пересказа их содержания. Очевидно, в основе как гомеровских, так и киклических поэм лежали сказания, связанные с Троянской войной. Эти сказания передавались устно из поколения в поколение и только по истечении нескольких столетий послужили основой для крупных поэтических произведений.

Корабль Одиссея проплывает мимо острова сирен.

[illegible]

Исключительно высокие достоинства гомеровских поэм как художественных произведений народного творчества — образный, насыщенный запоминающимися сравнениями язык, яркие характеристики действующих лиц, наконец, сложная композиция, особенно «Одиссеи», — свидетельствуют не только о гениальности автора или авторов поэм, но и о длительном пути развития, который прошёл греческий героический эпос до создания «Илиады» и «Одиссеи». Для историка поэмы Гомера представляют поистине неоценимую сокровищницу сведений о жизни и быте эллинов на протяжении второй половины II и начала I тысячелетия до н. э.

Личность автора «Илиады» и «Одиссеи» вызывала большие споры еще в древности. Несмотря на то, что никто из древнегреческих историков не сомневался в существовании Гомера, уже тогда шли споры не только о времени его жизни, но даже о месте рождения. Семь городов приписывали себе честь быть родиной первого и величайшего древнегреческого поэта. Время жизни Гомера датировалось по-разному — от XI до начала VIII в. до н. э. Большинство историков древности всё же полагало,

что Гомер был уроженцем одного из греческих городов Эгейского побережья Малой Азии и жил примерно в середине IX в. до н. э.

На протяжении последних полутора столетий так называемый гомеровский вопрос был предметом изучения многих сотен специалистов; литература по этому вопросу охватывает тысячи названий. Исследовался язык гомеровских поэм, их композиция, анализировались чуть ли не каждая строчка и каждое слово в поэмах, указывались кажущиеся и действительные противоречия, наконец, данные поэм сравнивались с эпосом других народов и с археологическими памятниками микенского и последующего времени.

В результате всех этих исследований установлено, что как в «Илиаде», так и в «Одиссее» имеется ряд напластований самых различных времён, начиная с домикенского и кончая по крайней мере IX в. до н. э. Притом эти напластования переплетаются между собой самым причудливым образом. Так, например, оказалось, что гекзаметр —стихотворный размер, которым написаны поэмы,—возможно, даже догреческого происхождения, а языком эпоса является ионийский диалект греческого языка с примесью эолийского диалекта. Могущество микенского царя Агамемнона и сама Троянская война должны быть отнесены к XIII—XII вв. до н. э. (к концу позднеэлладского периода). Зато, например, упоминание об использовании железа и картина общественных отношений в эпосе отражают условия жизни эллинских племён начала I тысячелетия до н. э. Кроме того, доказано, что вплоть до середины VI в. до н. э. в текст поэм вносились довольно многочисленные вставки отдельными певцами, желавшими примениться к настроениям своей аудитории. Несомненно также и то, что в основу поэм лёг так называемый «троянский цикл» народных сказаний, который перерабатывался многими поколениями сказителей ещё до того, как отдельные эпизоды этого цикла послужили основой для составления гомеровских поэм (вероятно, конец IX, возможно — начало VIII в. до н. э.). Наконец, установлено, что «Одиссея» была составлена несколькими десятилетиями позже «Илиады».

В сочетании с гомеровским эпосом и отрывочными сообщениями позднейших греческих авторов археологические данные позволяют установить основные вехи истории Эллады того времени.

Археологические данные

Археологические памятники раннежелезного века, найденные на территории Греции, по своему характеру резко отличаются от микенских. Если среди последних первое место занимают монументальные дворцы и купольные гробницы, то основным видом памятников конца II и начала I тысячелетия являются кладбища, притом не знати, а рядового населения. В погребениях этого времени обнаружено значительно меньше всякого рода драгоценностей, художественных изделий и привозных вещей, но количество найденных предметов повседневного обихода не уступает числу предметов в погребениях позднеэлладского периода. Изучение археологических памятников даёт вполне надёжную картину социально-экономического развития и внешних связей эллинского мира в раннежелезный век.

Согласно общепринятой археологической периодизации, на рубеже XII и XI вв. до н. э. начинается распространение украшений из железа, позднеэлладская керамика всё более упрощается, постепенно исчезают характерные для неё формы сосудов. В XI—X вв. появляются изготовленные на месте предметы вооружения из железа; керамика предшествующего периода почти незаметно сменяется керамикой, отличающейся геометрическим стилем орнамента. Тогда же наряду с погребением умерших вводится и быстро распространяется сожжение покойников. Между 950 и 850 г. начинается широкое применение железа для изготовления орудий труда. Во второй половине IX в. происходит дальнейшее распространение железа и совершенствование керамики; вновь появляются погребения без кремации.

Основными археологическими источниками для этих трёх столетий являются памятники, найденные при раскопках кладбища на острове Саламин, в афинском квартале Керамике и в городе Коринфе.

Эллинские племена на рубеже II и I тысячелетий

Переселение дорийцев и связанные с ними другие этнические передвижения в Эгейском бассейне в основном закончились в XI в. до н. э. Они вызвали довольно большие изменения в составе населения многих областей вокруг Эгейского моря. Это было последнее в древности крупное переселение племён в этом районе; с тех пор на протяжении по крайней мере полутора тысячелетий этнический состав населения отдельных областей Греции не подвергался значительным изменениям.

В результате переселения дорийцев и других родственных им племён Пелопоннес был захвачен новыми завоевателями; независимость удалось сохранить только населению гористой Аркадии, находящейся в центре полуострова. Основными районами расселения дорийцев на Пелопоннесе были Лаконика и Арголида, другие племена заняли северо-западную и северную части Пелопоннеса— Элиду и Ахайю.

Почти одновременно дорийцы захватили всю южную часть Эгейского бассейна — большую часть Крита, острова Кифера, Родос, Книд — и основали несколько поселений в юго-западной части Малой Азии. С тех пор развитие Крита шло в основном теми же путями, как и других районов Эгейского бассейна, но он потерял своё ведущее положение в этой области и не играл значительной роли в последующей истории древней Греции. Для этого острова была характерна пестрота этнического состава населения; Гомер отмечает, что «разные слышатся там языки».

Вытесненные дорийцами ионийцы и частично ахейцы сначала укрылись, по-видимому, в Аттике. Впоследствии жители Аттики гордились тем, что в отличие от подавляющего большинства прочих эллинов они являются исконными жителями своей родины и что только они смогли отразить нашествия дорийцев. Из Аттики вскоре возобновилась колонизация центральной части Эгейского архипелага и противолежащего малоазийского побережья, получившего название Ионии. Здесь возникли цветущие ионийские поселения—Милет, Эфес, Колофон, сыгравшие впоследствии большую роль в развитии ранней греческой культуры. Такие же ионийские поселения возникли на островах Самос и Хиос. В отличие от гористой материковой Греции Иония, по словам древнегреческого историка Геродота, находилась в таком климате, «благодатнее которого мы не знаем ни в какой другой стране».

В X в. до н. э. началась колонизация эолийцами северо-западной части Малой Азии и прилежащих островов, прежде всего Лесбоса. Эта часть Эгеиды с тех пор носила название Эолиды. Гомеровские поэмы, в которых имеется много эолизмов, были оформлены на границе Эолиды и Ионии, возможно—в Смирне.

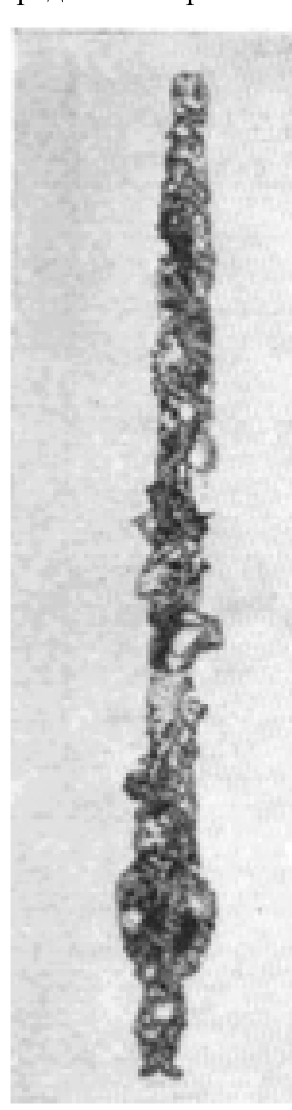
На малоазийском побережье встречается довольно много микенской, а затем и украшенной геометрическим орнаментом керамики, однако здесь почти отсутствует греческая посуда конца XI — начала X в. Очевидно, был какой-то разрыв между микенской и последующей колонизацией.

В социально-экономическом отношении эллинские общества на рубеже II и I тысячелетий до н. э. по сравнению с микенскими были во многом более примитивными. В это время нет уже крупных дворцов каменной кладки с их монументальными стенами, высокохудожественными росписями, поразительным богатством и роскошью, исчезают памятники письменности, прерываются многие внешние связи. Короче говоря, отсутствуют признаки, совокупность которых давала основание считать микенское общество обществом классовым. Общая картина социальных отношений в «Илиаде» и «Одиссее» также не даёт основания говорить о наличии в гомеровское время классового общества и государства. С другой стороны, следует помнить, что ранние рабовладельческие общества даже на Пелопоннесе были лишь островками в море поселений, живших ещё фактически в условиях первобытно-общинного строя. Большая часть ремесленников, по-видимому, обслуживала лишь по-

требности дворцового хозяйства; внешняя торговля была более развита, чем внутренняя. С гибелью дворцов и населявшей их рабовладельческой верхушки должны были исчезнуть те отрасли производства, которые обслуживали только эту верхушку; та же судьба постигла и письменность, применявшуюся, видимо, только для нужд дворцовых хозяйств. Но все орудия производства, знакомые микенскому обществу, продолжали, однако, использоваться эллинскими племенами и после его падения. Всё большее распространение получает железо, из которого изготовляются уже не только украшения, но и орудия производства. Исчезновение крупных дворцовых хозяйств должно было привести к тому, что отпала значительная часть повинностей населения. Гнёт дорийских завоевателей, особенно непосредственно после покорения страны, вряд ли сказывался на трудовом населении сильнее, чем эксплуатация микенских правителей.

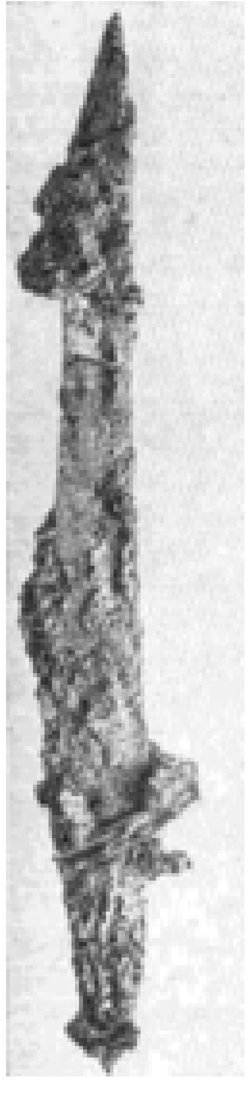
Распространение железа

Эллины в позднеэлладский период были уже знакомы с железом, но оно применялось в то время только для изготовления немногочисленных предметов роскоши. В погребениях на острове Саламин и в ранних погребениях Керамика, датируемых XI в. до н. э., железные предметы встречаются значительно чаще. Древнейший на территории Греции железный меч был найден в одном -из погребений XI в. в Помпейоне (Аттика). Вскоре после этого в течение XI—X вв. по всей Элладе распространяется обычай захоронений с железными мечами. В это же время появляются наконечники копий из железа, притом уже, несомненно, местного происхождения. В гробнице во Врокастро на Крите, датируемой 1200—950 гг., найдены топор, долото или клин и оружие из железа. В Афинах (раскопки 1949г.) в одном из погребений были обнаружены различные железные изделия второй половины X в. до н. э.: длинный меч, два наконечника копья, два ножа, широкий топор или долото, тесло, удила с зубцами, узкий резец, кусок засова. Погребение принадлежало, по-видимому, какому-то афинскому ремесленнику. В находках, датируемых IX в., железные предметы встречаются ещё чаще.

Железный меч из Керамика (покрыт коррозией).

Таким образом, в период, когда составлялся гомеровский эпос, железо было уже довольно широко распространено, причём из него делались не только украшения и вооружение, но и орудия производства. Первые переселенцы в Ионию, по-видимому, покинули материковую Грецию, уже владея техникой плавки железа. В гомеровских поэмах описываются более отдалённые времена, и поэтому в них говорится о бронзе как об основном металле; поэт стремился соблюдать правдоподобие, говоря о старине. Неоднократное упоминание в эпосе железа является для времени Троянской войны, о которой говорилось в поэмах, анахронизмом, но оно полностью соответствует исторической обстановке IX в. до н. э., когда составлялись поэмы.

Железный нож из Коринфа (покрыт коррозией).

Сельское хозяйство

Если судить по данным эпоса, скотоводство и земледелие, как и в микенское время, продолжали оставаться главным занятием населения. Такие области, как Лаконика, Арголида и Беотия, и в более позднее время были известны как земледельческие, а в Ионии и Эолиде, по крайней мере вплоть до VIII в., также не было развитого ремесла и торговли.

Данные, имеющиеся в «Илиаде» и «Одиссее», показывают, что особенно велика была роль скотоводства: счёт ценностям ведётся, как правило, в быках, основная масса рабов занята в скотоводстве. В одном только хозяйстве Одиссея было несколько десятков пастухов. Показательно также обилие терминов, обозначающих пастухов: упоминаются свинопасы и козоводы, пастухи коров и овец и даже старшие пастухи. Называемые поимённо в «Одиссее» Эвмей, Филотий и Мелантий не простые пастухи, а фактически надсмотрщики за пастухами, часто именуемые «вождями людей». Богатство Одиссея измерялось прежде всего стадами крупного и мелкого скота.

Хотя земледелие играет в эпосе меньшую роль, чем скотоводство, всё же его удельный вес был очень велик. Поэмы говорят о наличии 12 рабынь, занятых помолом в хозяйстве Одиссея; три раза упоминается в «Одиссее» ручная мельница; в «Илиаде» большие камни сравниваются с жерновами. Довольно высокого уровня достигла и культура земледельческих работ. В эпосе часто говорится о трижды вспаханном паре, обращается внимание и на глубину вспашки. Для подъёма паров поэт считает более пригодными мулов, чем волов. Широко использовался плуг, причём особое внимание обращалось на его прочность. Во время уборки участков вождя — басилея жнецы пользовались серпами, другие вязали снопы, дети шли за вязальщиками и подбирали колосья. Греки гомеровского времени применяли естественные удобрения. Возможно, что нарисованная по данным эпоса картина развития животноводства и земледелия относится не только к гомеровскому, но ещё и к микенскому времени.

Ремесло

Ремесло было развито значительно меньше, чем земледелие и скотоводство. Дифференциация отдельных ремесленных специальностей была, по-видимому, слабее, чем в микенское время. Основная масса сельского населения ещё совмещала в известной мере земледельческий труд с домашним ремеслом. Но всё же и эпос и данные археологии подтверждают, что ремесло отделялось от земледелия. В поэмах упоминаются кузнецы, золотых дел мастера, кожевники, гончары, плотники и другие ремесленники. Упомянутое выше погребение кузнеца из Афин показывает, что уже в X в. кузнечное ремесло было довольно развитым. Кузнецы пользовались молотом, наковальней, воздуходувными мехами, клещами, весами. Из других орудий ремесленного труда известны были различные топоры, свёрла, гончарный круг, ткацкий станок и др. Весь известный нам по археологическим данным набор инструментов микенского времени упоминается и в гомеровских поэмах.

Общественное положение ремесленников было, по-видимому, довольно высоким. Все они были лично свободными людьми, многие из них пользовались почётом. Описывая какую-нибудь искусно сделанную вещь, поэт, как правило, называет имя мастера, изготовившего её. Знанием ремесла гордятся и басилеи. Существенным отличием ремесленников начала I тысячелетия от мастеров микенского времени является, как уже говорилось выше, меньшая дифференциация их труда; но зато ремесло обслуживало уже не только верхушку общества, но начинало обслуживать всё более широкие круги свободных. При этом, например, керамика по своему качеству почти ни в чём не уступала позднеэлладской, а в использовании металлов, особенно железа, ремесленники намного превзошли уровень микенского времени.

Торговля

Торговля в целом была развита ещё очень слабо. В эпосе как торговцы упоминаются в основном финикийцы и тафийцы; где жили тафийцы — ещё не ясно, возможно — в районе Коринфского залива. Из занимающихся торговлей эллинов несколько раз упоминается лишь царёк острова

Лемнос Эвней. Отношение к торговцам было отрицательным; Одиссей чувствовал себя оскорблённым, когда его сочли торговцем. Вообще у Гомера нет даже специального термина для обозначения торговли и торговцев; не говорится в эпосе и о рынках. Показателем наличия только натурального обмена является также и отсутствие денег. Торговля финикийцев и тафийцев ведётся в основном украшениями и железом. Она тесно связана с морским разбоем и особенно с похищением людей для продажи в рабство.

Несмотря на то, что Гомер часто упоминает о финикийцах, археологические раскопки для всего времени от XI до IX в. не выявили фактически никаких предметов восточного происхождения. В IX в. финикийская торговля оживляется в центральной и даже в западной части Средиземноморья, но не в Эгейском бассейне. Древнейший, не считая микенского времени, найденный на территории Эллады клад с финикийскими изделиями был обнаружен на острове Эгина; однако в настоящее время считают, что он относится ко времени не раньше второй половины VIII в. К тому же и представление Гомера о Финикии было довольно смутным. Повидимому, упоминание в эпосе о финикийцах отражает их роль в миконское, а не в гомеровское время. Лишь под конец IX в. финикийские мореходы стали заходить в воды Эгейского моря. Однако именно от финикийцев, вероятно уже в IX в., греки заимствовали два очень важных открытия: алфавит, о чём речь пойдет дальше, и усовершенствования в кораблестроении; появляются наряду с округлыми грузовыми кораблями на парусах длинные, узкие, низкобортные военные корабли с 25 гребцами на каждой стороне. Оружием таких кораблей был острый, на уровне воды, выступ — таран, которым стремились пробить борт вражеского судна. Эти быстроходные суда были впервые применены финикийцами, но уже в конце IX в. они появились и в Греции. Такие корабли изображены на относящихся к началу VIII в. до н. э. больших вазах, найденных вблизи Дипилонских ворот в Афинах.

Аттическая ваза геометрического стиля.

Не меньшее значение, чем завязывавшаяся финикийская торговля, имели первые шаги торговли внутригреческой. В отличие от микенской керамики посуда с геометрическим орнаментом почти в каждом из центров её производства имела чётко выраженные местные особенности, что даёт возможность легко проследить степень её распространения. Так, например, уже в X в. аттическая керамика встречается в немалом количестве на соседнем острове Эгина; коринфская керамика, особенно середины IX в., достигает Беотии, Дельф, Арголиды и острова Фера. Очень много коринфской посуды найдено на Эгине; в IX в. коринфская керамика здесь уже преобладала над аттической. Не менее характерно распространение особого рода *фибул* (своеобразных застёжек вроде английской булавки) с пластинками из окрашенной слоновой кости, эти фибулы, вероятно дорийского происхождения, были найдены в большом количестве в слоях IX—VIII вв. в ионийском Эфесе и даже дальше на восток, вплоть до Ассирии.

Таким образом, после длившегося около двух столетий упадка внешних связей и торговли эллинские племена уже в IX в. заметно расширили свои сношения с внешним миром. Одновременно — и в этом состоит важное отличие гомеровского периода от микенского времени — начинает расти на значительно более широкой базе, чем в предыдущий период, и внутригреческая торговля.

Социально-экономические отношения

Греческое общество начала I тысячелетия далеко ушло от примитивного экономического и социального равенства первобытно-общинного строя. Размах торговли, как говорилось раньше, был ещё невелик. Однако процесс имущественного расслоения ускорялся постоянными войнами. Война, пиратство и просто грабёж не только содействовали накоплению материальных ценностей в руках верхушки общества, но и доставляли ей даровую рабочую силу — рабов. Эксплуатация рабов знатью, дававшая большое количество прибавочного продукта, ускоряла процесс имущественного расслоения. Рабы, поскольку можно судить по скудным данным эпоса, находились во владении только знати; в её же руках была основная масса скота. Только земля продолжала оставаться собственностью общины, хотя и она уже в значительной степени стала поступать в частное владение.

Однако процесс накопления средств производства в руках знати не привёл ещё к сколько-нибудь значительной экспроприации широких масс свободного населения. Общественные условия того времени характеризуются лишь зарождением и складыванием классовых различий. В применении к греческому обществу этого периода можно говорить только о наличии отдельных социальных групп, лишь постепенно превращавшихся в классы.

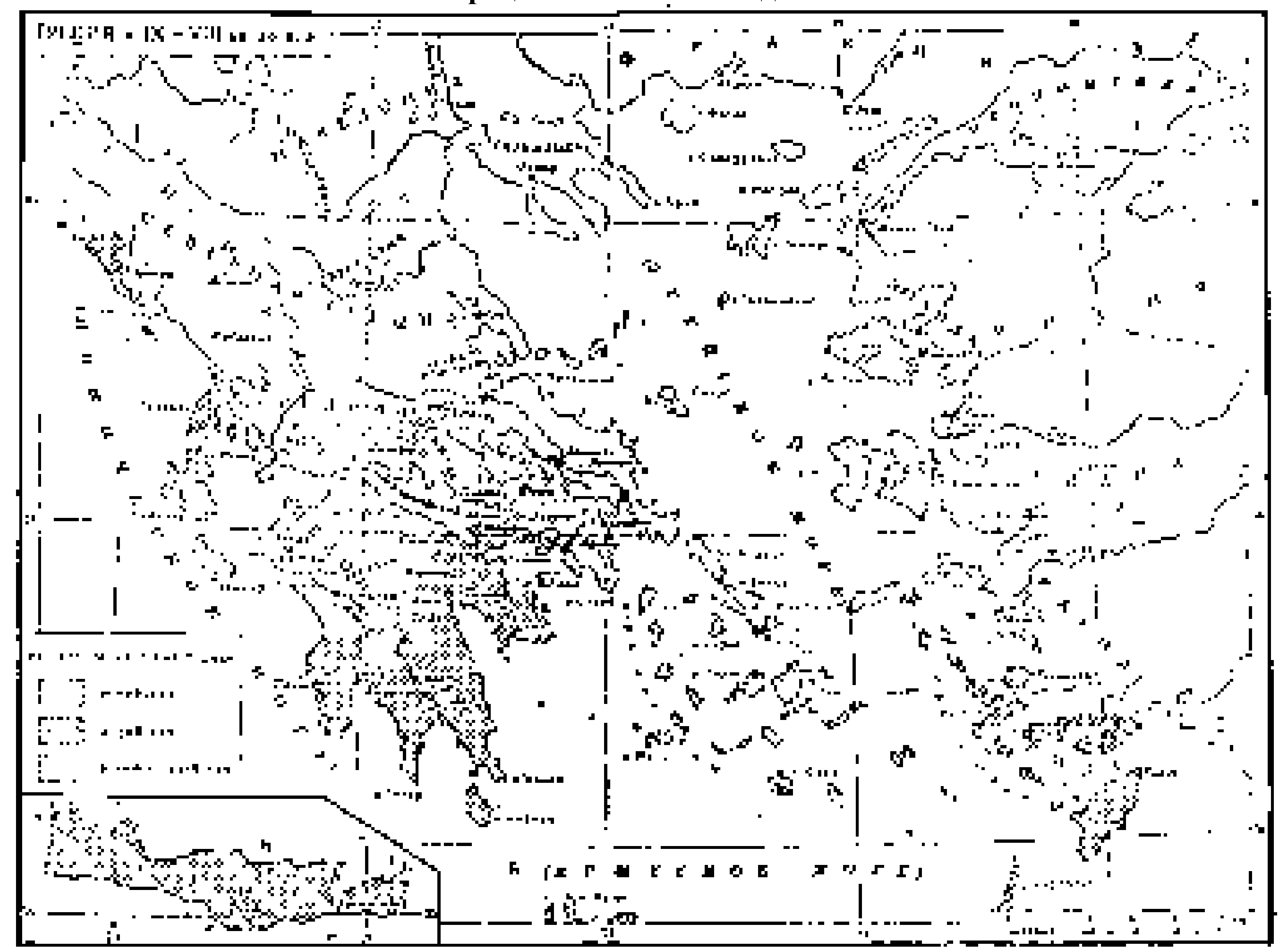
Одну из таких общественных групп составляли басилеи. Этим термином в эпосе обозначались не только племенные царьки, но и знать вообще. 12 таких басилеев, при этом «скиптродержавных», было в городе феаков, упоминаемом в «Одиссее». Царь феаков Алкиной созывает басилеев, чтобы выслушать рассказ о приключениях Одиссея. Экономической основой мощи басилеев являлись владение лучшими, «отрезанными» от общинных земель угодьями и собственность на громадные стада крупного и мелкого скота, на десятки добытых на войне рабов. Земли басилеев обозначались названием *теменос,* от глагола, имевшего значение «резать». Родовая знать в последующие столетия переросла в крупных рабовладельцев и землевладельцев.

Основная масса свободных земледельцев владела небольшими земельными участками — *клерами* (буквально «жребиями») и небольшим количеством скота и, по-видимому, обходилась без применения рабского труда. В эпосе очень мало данных о положении свободных земледельцев, хотя применение терминов «многоклерный» и «бесклерный» свидетельствует о начавшемся экономическом расслоении среди свободных земледельцев. По общественному положению близко к земледельцам стояли ремесленники, певцы, лекари, прорицатели, объединяемые общим па-званием — *демиурги.* Они, очевидно, не входили в состав общины и не имели земельных наделов.

Важно отметить, что гомеровские поэмы уже описывают определённую группу свободных людей, лишённых каких-либо средств производства и не входящих в состав общины. Это бесправные—*метанасты* (по-видимому, переселенцы на пустующие земли), батраки—*феты,* наконец довольно часто упоминаемые, особенно в «Одиссее»,— нищие. К последним поэт относится с нескрываемым презрением. Наличие большой группы лично свободных людей, не членов общины, также свидетельствует о разложении первобытно-общинного строя.

Названия земельных участков как басилеев, так и рядовых земледельцев свидетельствуют о том, что эти участки были некогда, и, возможно, ещё оставались в гомеровское время, собственностью общины. Название крестьянских участков — клеры — показывает, что земельные наделы выделялись путём жеребьёвки

Греция в IX—VIII вв. до н. э.

при переделе общинных земель, а царский участок «отрезался» от общинной же земли. Обычай систематических переделов земли, по-видимому, уже выходил из употребления во время составления «Одиссеи», но следы его вполне отчётливо прослеживаются в обеих гомеровских поэмах. Старые общинные связи были ещё очень сильны и греческое ополчение под Троей было организовано не только по территориальному, но и по старому родовому принципу: по филам (племенам) и фратриям (родовым объединениям). Внутриродовые связи имели очень большое значение не только в гомеровское, но и в последующее время.

Рабство

Значительную прослойку греческого общества этого периода составляли рабы. В «Илиаде» и особенно в «Одиссее» они упоминаются сравнительно часто. В хозяйствах басилеев Одиссея и Алкиноя, как говорится в эпосе, работало по 50 рабынь; кроме того, у Одиссея было несколько десятков рабов-мужчин. Характеризуя богатство какого-нибудь знатного человека, эпос почти всегда говорит о количестве рабов в его хозяйстве. Основным источником добычи рабов была война; все побеждённые на войне, их жёны и дети становились рабами победителей, иногда продавались ими в рабство на сторону. В качестве работорговцев выступают в «Одиссее» и финикийцы. Всё же купленных рабов было намного меньше, чем обращённых в рабство военнопленных. Если судить по данным эпоса, ещё меньше было рабов, уже родившихся в рабстве.

В отличие от рабов микенского времени, которые, если судить по пилосским надписям, работали в храмовых хозяйствах и часто были посажены на землю, а иногда были подручными ремесленников, рабы, упоминаемые в гомеровских поэмах, не занимались ни земледелием, ни ремеслом. Рабы-мужчины в основном были пастухами, некоторые рабы были заняты и на домашних работах: кололи дрова, запрягали лошадей, использовались в качестве гребцов. Рабыни занимались прядением и ткачеством, мололи зерно на ручных мельницах, убирали дом, приготовляли пищу. Особую ценность представляли рабыни, знакомые с рукоделием.

Хотя общество того времени еще не знало чёткого деления на классы, но положение основной массы рабов было в то время уже довольно тяжёлым. Они были лишены всех прав и являлись собственностью их господина, который имел над ними право жизни и смерти. Гомер многократно говорит о горькой участи людей, обращённых в рабство. Только наиболее приближённые к своим хозяевам рабы, являвшиеся фактически надсмотрщиками над другими рабами, пользовались некоторыми поблажками. Но и те, как, например, ранее упомянутый пастух Эвмей, мечтают о свободе.

Органы власти

Гомеровское общество ещё не вышло из первобытнообщинного строя. В нём не было государства —аппарата классового угнетения. Противоречия между отдельными социальными группами не были ещё обострены настолько, чтобы потребовались такие учреждения, как постоянная армия, тюрьмы, суды, для того, чтобы держать в повиновении эксплуатируемые и угнетённые общественные классы. Однако в это время уже начался постепенный отрыв органов родового строя от массы народа. Племенные вожди управляют своими племенами почти без участия народных собраний. Ахейским ополчением под Троей руководит совет басилеев, роль собрания воинов сводится фактически лишь к подтверждению решений этого совета. И на Итаке за время 20-летнего отсутствия Одиссея народное собрание не собиралось. Фактически все дела решались знатью. В описании картины суда, имеющемся в эпосе, приговор выносится старейшинами, а народ только криками высказывает сочувствие той или другой из спорящих сторон.

Характерным для развития социальных отношений гомеровского общества является отсутствие органа насилия, который можно было бы использовать против народа. Энгельс в своём труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» подчёркивает, что «в то время, когда каждый взрослый мужчина в племени

был воином, не существовало еще отделенной от народа публичной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена» [1]. Строй греческого общества начала I тысячелетия можно назвать военной демократией.

Эллинские племена на рубеже IX и VIII вв. до н. э.

Первые века I тысячелетия до н. э. имели громадное значение для дальнейшего развития всего Восточного Средиземноморья. Прежде всего, как мы видели выше, это было время распространения железа. Применение плуга с железным лемехом позволяло производить вспашку на больших площадях, притом — что имело особенное значение в условиях Греции — не только на мягких, но и на твёрдых почвах; с другой стороны, железный топор облегчил возможность расчищать под пашню большие лесные массивы, что также было очень важно для покрытой в то время густыми

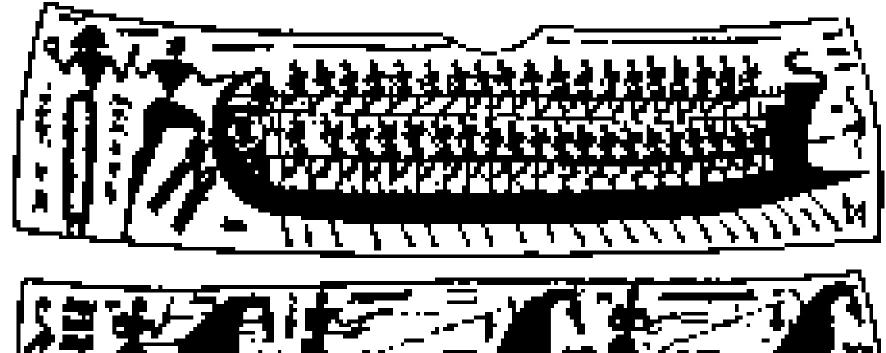
Сосуды геометрического стиля. Афины.
IX в. до н. э.

лесами Греции. На протяжении трех веков, с XI по IX, в стране повсеместно развиваются земледелие и ремесло, растёт население. Почти незаметное ещё в конце II тысячелетия имущественное расслоение всё более нарастает в последующие века и, как это вполне отчётливо отразилось в эпосе, уже привело к социальному расслоению. В недрах первобытнообщинного строя вызревают элементы рабовладельческого общества, начинается процесс постепенного образования класса рабовладельцев; в массе свободного земледельческого населения начинается процесс имущественной дифференциации. На нижней ступени общественной лестницы находится уже многочисленная группа рабов. Органы управления родового строя отделяются от народных масс и становятся над ними. Отсюда было недалеко до превращения этих органов в орудие классового гнёта — до зарождения государства.

[1] *Ф. Энгельс,* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 108.

Эллинский мир на рубеже IX и VIII вв. до н. э. состоял из трех важнейших районов: малоазийское побережье, Пелопоннес и Средняя Греция; в их историческом развитии прослеживаются различия. В течение этих столетий была завершена эллинская колонизация всего западного побережья Малой Азии. Жители Милета, Колофона, Смирны, Кимы Эолийской и десятков других процветающих городов, покорив население прилежащих районов, используя плодородие почвы и благоприятные климатические условия, добились значительного развития земледелия и особенно скотоводства. Малоазийские греки, особенно ионийцы, экономически значительно опередили Балканскую Грецию. В последующие два столетия именно Иония стала основным центром греческой колонизации. Благодаря близости к странам древневосточной культуры малоазийские греки, заимствуя и осваивая достижения восточных народов, значительно опередили в своём развитии население Балканской Греции.

Наиболее плодородные земли Пелопоннеса были заняты дорийцами. В Коринфе благодаря его исключительно выгодному географическому положению на перешейке, соединяющем Пелопоннес и Среднюю Грецию, рано развились ремесло и торговля. Коринфская керамика с геометрическим орнаментом уже в IX в., как мы видели, постепенно распространяется в Средней Греции. В то же время все более оживляются связи с побережьем Адриатического моря, прежде всего с островом Керкира (современный Корфу), а затем и Сицилией, где уже в VIII в. были основаны цветущие коринфские колонии (например, Сиракузы). В экономическом отношении Коринф значительно опередил другие общины Балканской Греции.

Изображение корабля, всадника и колесниц на глиняном сосуде геометрического стиля.
IX — VIII вв. до н. э.

Из различных областей Средней Греции наиболее изучена Аттика. В отличие от микенской посуды, которую при раскопках находят во многих местностях Аттики, почти вся аттическая керамика с геометрическим орнаментом была обнаружена только в самих Афинах. Аттическая керамика с геометрическим орнаментом отличается разнообразием узоров, богатством форм и типов сосудов. Развитие гончарного дела в Аттике свидетельствует о совершенствовании одного из важных видов афинского ремесла; с другой стороны, оно косвенно показывает и подъём земледелия: большие глиняные сосуды были наиболее распространённым в то время видом тары для земледельческих продуктов.

Рисунки на громадных вазах дают ряд сцен из жизни афинской аристократии. На сосудах часто изображались военные корабли, сцены морских сражений и быта афинской знати. Изображалось на них и погребение знатных афинян, которое производилось очень торжественно; в похоронных процессиях участвовали сотни людей.

Культура

Круг научных знаний в первые два века I тысячелетия до н. э. был невелик. Прежде всего это можно сказать о географических познаниях. Гомер хорошо знает географию Эгейского бассейна, знаком также с этническим составом населения Малой Азии; однако всё то, что находится вне этих узких рамок, рисуется им лишь в самых общих чертах. Герои эпоса про-

являют кое-какие познания в астрономии лишь постольку, поскольку знание путей движения небесных светил было необходимо для ориентировки на море.

Несколько более чёткие сведения гомеровские греки имели о своём прошлом. Широкое распространение эпических песен содействовало сохранению в народной памяти воспоминаний о сильном Микенском царстве, о процветании Крита и других центров культуры бронзового века, о Троянской войне. Все эти сведения объединялись в троянском цикле преданий; они-то и легли в основу гомеровских поэм. Однако вследствие отсутствия письменности эти сведения при передаче из поколения в поколение теряли достоверность и всё более обрастали вымышленными подробностями.

Величайшим творением греческой культуры того времени был героический эпос. Только в результате постепенного совершенствования и отбора народных эпических песен многими поколениями певцов и сказителей могли возникнуть величайшие поэтические произведения древности. Изучение языка и стиля поэм, довольно частых повторений отдельных слов и образов, а иногда и целых стихов, наконец самого размера стихотворений — гекзаметра, а также наблюдения за устным эпическим творчеством многих современных народов — всё это приводит к выводу, что гомеровские поэмы были не только отправной точкой последующего подъёма древнегреческой письменной литературы, но и в ещё большей степени завершением длительного пути развития эллинского устного поэтического творчества.

Погребальный сосуд геометрического стиля из Аттики. VIII в. до н. э.

Наряду с вошедшими в поэмы Гомера эпическими песнями многое из поэзии того времени дошло до нас во фрагментах или в прозаических пересказах.

Греческое искусство XI—VIII вв. мы знаем по глиняным сосудам, украшенным так называемым геометрическим орнаментом, состоящим из прямых линий, зигзагов, треугольников и квадратов, реже кругов. Из комбинаций этих элементов создавались иногда довольно замысловатые фигуры. Изображения предметов реального мира также подвергались условной, обобщённой геометрической схематизации. Лошади изображались с длинными, узкими угловатыми ногами и вытянутыми корпусами, человеческие фигуры рисовались всегда в профиль: корпус — в виде опрокинутого треугольника с приставленными к нему конечностями, а голова — в виде круга с выдающимся вперёд носом. По сравнению с микенским, а тем более минойским искусством геометрический стиль создаёт впечатление значительного регресса. Однако по качеству глины и технике изготовления сосудов керамика с геометрическим орнаментом почти ни в чём не уступает микенской.

Древнейший из известных нам архитектурных памятников I тысячелетия — храм Артемиды Орфии в Спарте — датируется, вероятно, рубежом IX и VIII вв. до н. э.; его ширина равна 4,5 *м*, длина сохранившейся части — около 12 *м*. Стены храма были построены из сырца, только фундамент сложен из булыжника; в центре храма по продольной оси были поставлены деревянные столбы, поддерживавшие перекрытие. Другие, более крупные архитектурные сооружения строились, по-видимому, из дерева. Некоторое представление об их устройстве дают гомеровские поэмы. Усадьба

Одиссея была окружена палисадом из дубовых кольев, во дворе находились служебные постройки. В центре усадьбы был дом с мегароном; женская половина находилась на втором этаже. Необходимой принадлежностью дома знатного человека были различные кладовые и помещение для омовений. Все постройки усадьбы Одиссея были из дерева.

Одежда гомеровского времени также изменилась по сравнению с микенской. Женщины носили длинную верхнюю одежду из одного куска материи — так называемый *пеплос,* края которого скалывались на плече застёжкой. Мужчины носили в то время безрукавную шерстяную рубаху — *хитон.* На геометрической керамике более позднего времени представители знати изображены в разноцветных шерстяных плащах, покрытых богатыми геометрическими узорами, а иногда и более сложными рисунками.

Религиозные верования и мифы

В гомеровских поэмах мы можем найти данные о религии древних греков главным образом микенского времени; что касается верований периода самих гомеровских поэм, то их изучение возможно также путём исследования религиозных представлений более позднего времени, многие элементы которых восходят не только к гомеровским, но даже к микенским и ещё более ранним временам.

Изображение колесниц на аттической вазе геометрического стиля.

В эпосе главой богов является громовержец Зевс. Его братьями были Посейдон — бог моря — и Аид — бог подземного мира. Зевс вместе со своей женой Герой и детьми—Аполлоном (богом солнца, музыки), Артемидой (богиней охоты), Аресом (богом войны), Афиной (богиней мудрости и ремёсел), Афродитой (богиней любви), Гефестом (богом огня) и Гермесом (богом торговли),— по представлениям ранних греков, обитал на горе Олимп. Богов греки представляли себе подобием людей. В эпосе боги едят, пьют, ссорятся друг с другом, совершенно как люди. Мир богов для греков гомеровского времени был отражением мира аристократии. Каждая община имела своего бога или богиню. В Афинах чтили прежде всего Афину, в Аргосе и на Самосе — Геру и т. д.

В религиозных представлениях, отраженных в эпосе, сохранилось много следов более примитивных верований, например тотемизма: Афину изображали с совой, Зевса — с быком или орлом, Артемиду — с ланью и т. д. Корни представлений о многих из этих богов уходят далеко в микенское время. Уже на памятниках микенской культуры изображены многие из олимпийских богов с характерными для них атрибутами. В пилосских надписях также упоминаются многие из этих богов.

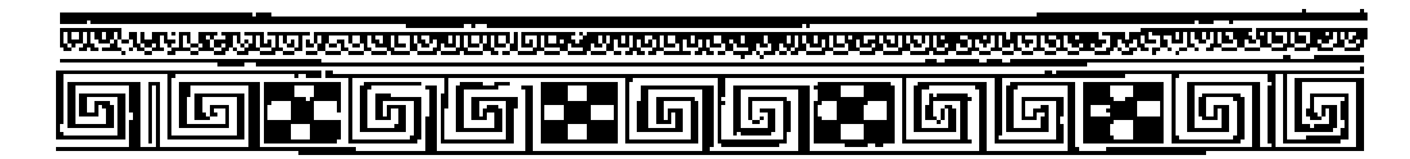
Религия укрепляла власть аристократии. Обычными эпитетами басилеев были: «рождённый Зевсом», «вскормленный Зевсом». Многие басилеи хвастаются своими длинными родословными, восходящими к Зевсу. Каждому из основных героев гомеровских поэм сопутствует какой-нибудь из олимпийских богов.

Главным элементом народных верований было почитание местного божества или легендарного героя. Весьма живучи были и представления о духах рек, лесов, источников и т. д. Важную роль в народных верованиях играл культ предков. Большое распространение получил в народных массах культ божеств земли, в частности богини плодородия Деметры и её дочери Коры, похищенной богом подземного мира Аидом. В этих культах видны фантастические представления греков о смене времён года.

В многочисленных мифах отразились примитивные представления ранних эллинов об окружающем их мире. В мифе о богоборце Прометее рассказывалось, как люди научились пользоваться огнём, в мифе об искуснике Дедале и сыне его Икаре нашла отражение мечта человека о полетах в воздухе. Целый цикл мифов был создан о великом герое и труженике Геракле, о победителе страшного критского полубыка-получеловека Минотавра — афинском герое Тесее. В мифе о путешествии *аргонавтов* (моряков с корабля «Арго») в Колхиду за золотым руном нашли художественное отражение первые попытки греческих мореплавателей проникнуть в отдалённые черноморские страны.

Эти древние сказания сохраняют своё большое значение как выдающиеся памятники истории культуры.

ГЛАВА XXIX
ГРЕЦИЯ В VIII—VI ВВ. ДО Н. Э. ФОРМИРОВАНИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ (ПОЛИСОВ)

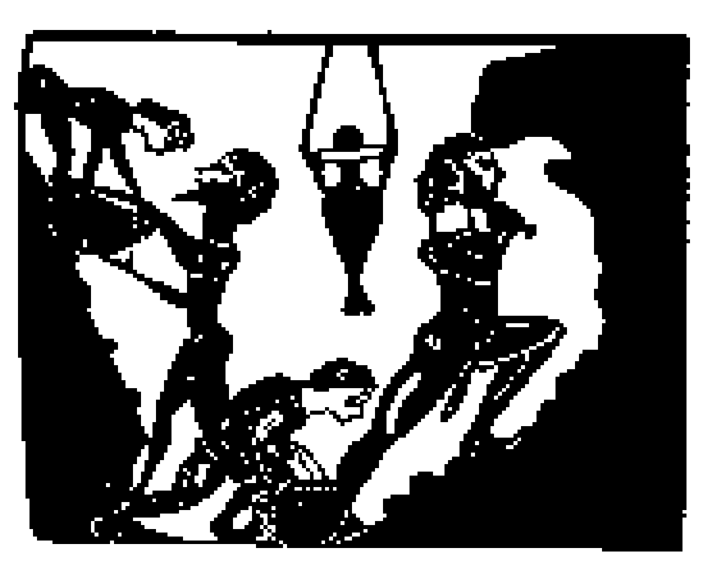
В VIII—VI вв. до н. э. (период, часто называемый «архаическим») в Греции создаются значительно более благоприятные исторические условия для развития производительных сил общества. Рабовладельческий строй складывается здесь в новых формах, создаются возможности для мощного роста культуры, оказавшей громадное влияние на последующую историю человечества.

1. Возникновение греческих городов-государств

Экономический подъём VIII—VI вв. до н. э.

VIII—VI вв. до н. э. явились в истории древней Греции периодом быстрого экономического подъёма. Именно в это время происходят крупные сдвиги во всех основных отраслях производства. Если в предшествующее время литьё металла производилось при помощи форм, а более крупные предметы склёпывались молотком на деревянном шаблоне, то теперь Главком Хиосским (VII в.) был открыт способ спайки железа, а самосские мастера ввели значительно более совершенные способы литья металлов, по-видимому, заимствовав их на Востоке. В гомеровском эпосе ничего не сообщается о разработке железных и медных рудников в Греции; нужные куски металла, вероятно, выменивались в основном у финикийцев. В VIII—VI вв. железные и медные руды начали добываться в самой Греции; так, медь, по свидетельству греческого географа Страбона, добывалась, например, в рудниках у Халкиды, на Эвбее. Железные рудники,— правда, небольших размеров — уже в это время были известны в Лаконике и ряде других мест.

Значительный прогресс к концу рассматриваемого периода был достигнут в области изготовления и усовершенствования орудий ремесленного труда. Известные нам по изображениям на расписных вазах орудия — кузнечные (мехи, клещи, молот и др.) и столярные (топор, молоток, пила, долото, резак, стамеска, металлические гвозди, линейка, уровень, циркуль, отвес) — свидетельствуют о разнообразии ремесленных инструментов.

Рабы в руднике.
Изображение на чернофигурном коринфском сосуде.
VI в. до н. э.

В VIII—VI вв. в Греции происходит дальнейшее развитие кораблестроения с учётом достижений финикийских судостроителей. Военные корабли (*пентеконтерьг* или «длинные» — с 50 гребцами) имели один или два ряда гребцов, палубу и помещение для воинов, а впереди на уровне воды — таран, обитый медью; торговые суда («круглые») строились с высокими округлыми носом и кормой и вместительным трюмом. Уже к концу VIII в. до н. э., по свидетельству древнегреческого историка Фукидида, в Коринфе были построены первые *триэры* — быстроходные военные корабли более сложной конструкции, с экипажем в 200 гребцов. Впрочем, триэры получили распространение лишь в V в. до н. э.

Существенные сдвиги происходят в рассматриваемое время и в строительном деле. Относительно примитивные постройки гомеровского времени сменяются значительно более обширными и в архитектурном отношении более совершенными зданиями. Предпринимаются такие грандиозные по тому времени работы, как сооружение водопровода на Самосе, строительство дорог и т. д.

Кузнечная мастерская.
Изображение на аттической чернофигурной вазе
конца VI в. до н. э.

В Коринфе, Милете, несколько позже в Афинах и в других городах в связи с развитием торговли чрезвычайно расширяется производство керамики, совершенствуется техника изготовления сосудов, разнообразятся их формы и размеры. В глиняных сосудах перевозились не только жидкости — вино, оливковое масло, но и зерно, мука и т. п. Прогресс техники проявился также в усовершенствовании сельскохозяйственных орудий и в большем, чем в предшествующее время, их разнообразии. Применение этих орудий улучшило качество обработки земли и повысило производительность труда. Для вспашки поля в это время применялся плуг, знакомый нам по изображениям на памятниках искусства и довольно подробно

описанный Гесиодом, беотийским поэтом, жившим на рубеже VIII—VII вв. до н. э. Этот плуг, очевидно, имел уже железный сошник. В плуг впрягались волы. Зерно теперь размельчается на вращающихся жерновах. В дальнейшем, в V в. до н. э., эти жернова стали приводиться в действие рабами или тягловой силой скота. Подобные же жернова использовались не только для перемола зерна, но и, например, в производстве оливкового масла. Переход от зерновых культур к таким культурам, как виноград и олива, наблюдается, особенно с VI в. до н. э., во многих местах, главным образом на территориях, принадлежавших городам с развитыми ремеслом и торговлей. Виноград и оливы перерабатывались здесь в вино и оливковое масло, служившие предметами вывоза.

Триэра, преследующая торговое судно.
Изображение на сосуде. Вторая половина VI в. до н. э.

Параллельно с развитием техники продолжает прогрессировать общественное разделение труда. Труд городских ремесленников начинает всё более обособляться от сельскохозяйственного труда. Появляются новые специальности. Так, к концу этого периода дифференцируются прежде нераздельные специальности кузнеца и литейщика, гончара и мастера-художника, расписывающего керамику. В ремесленных мастерских начинает использоваться труд рабов.

О развитии торговли ярко свидетельствует повсеместное появление и распространение монеты. Наблюдается также тенденция к установлению общих весовых систем. Техника чеканки монет, по-видимому, была заимствована греками в первой половине VII в. у лидийцев; потом она с необычайной быстротой распространилась по всей Греции.

Пахарь.
Архаическая греческая терракота.

С ростом ремесла и торговля возникают центры общегреческих сношений. В частности, такую роль теперь начинают играть наиболее чтимые в Греции святилища.

Общегреческие празднества носили не только религиозный характер. Вокруг храмов в дни празднеств возникали своего рода ярмарки. Сами храмы активно в них участвовали, принимая на хранение денежные вклады и выдавая ссуды под проценты. Здесь же велись политические переговоры, соревновались поэты, музы канты и художники, произведения которых становились достоянием широких кругов населения.

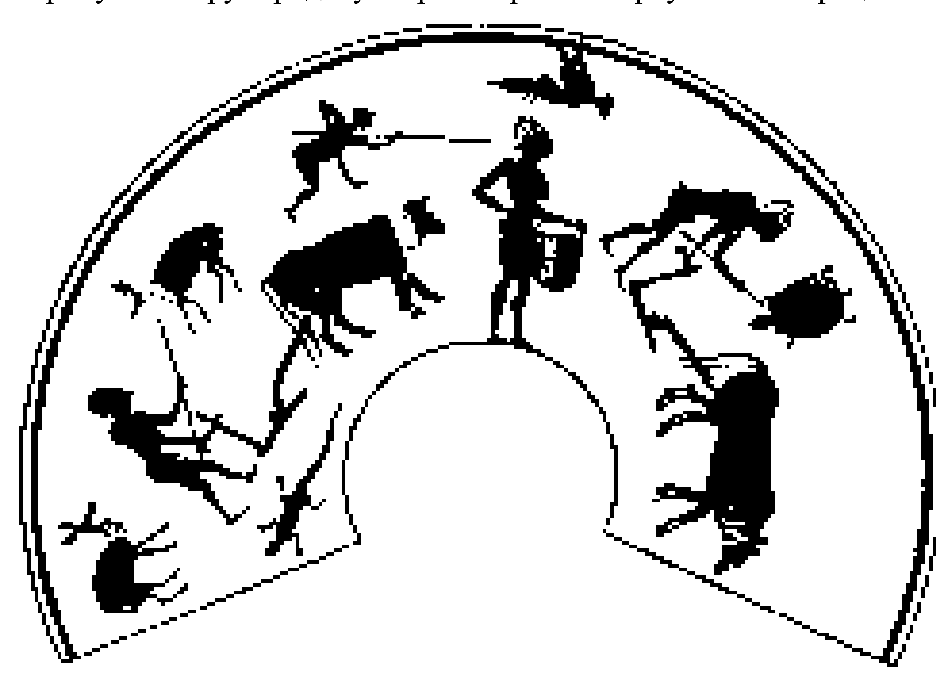
Мощным орудием культурного прогресса стал греческий алфавит, введённый в IX—VIII вв. до н. э. и представлявший собой видоизменение финикийского алфавита, однако с чрезвычайно существенным дополнением: греки впервые ввели обозначение не только согласных, но и всех гласных. Это сделало письмо более совершенным, а чтение значительно более лёгким.

Развитие классовых противоречий в Греции в VIII—VI вв. до н. э.

Развитие производительных сил в греческом обществе привело к победе рабовладельческих отношений. Конечно, развитие Греции в этот период представляло собой далеко не однородную картину. Наряду с общинами, окончательно вступившими, на путь формирования рабовладельческих отношений и оказавшимися в состоянии ликвидировать стеснявшие их развитие пережитки родового строя, существовали и общины, в которых этот процесс растянулся на значительно больший срок. К числу последних относятся общины Эпира, Акарнании и Этолии (в Северной и Средней Греции), Ахайи и Аркадии (на Пелопоннесе). С другой стороны, в ряде земледельческих областей (например, в Лаконике, Мессении, Фессалии) установились своеобразные формы личной зависимости, близкие к рабству, отличающиеся от тех отношений, какие мы наблюдаем в более передовых областях Греции (например, в Аттике), где в VIII—VI вв. в наиболее четких формах складываются новые рабовладельческие отношения, в дальнейшем определившие собой социально-экономическую жизнь всей Греции. Процессы социально-имущественной дифференциации в этих областях по сравнению с предшествующим периодом достигают значительно большей глубины и порождают серьезные изменения во всём строе общественных отношений — прежде всего в отношениях собственности. В условиях неуклонного расслоения общин формируется собственность отдельных знатных родов на землю и движимость, начинается процесс выделения частной собственности, причём этот процесс оказался здесь значительно более бурным и далеко идущим, чем в большинстве стран древнего Востока. К сожалению, конкретные исторические формы этого процесса недостаточно хорошо нам известны. Хотя земля в обществе предшествующего периода и не была ещё частной собственностью, но она уже переходила из рук в руки, первоначально в пределах отдельных родов. В дальнейшем развитии этого процесса определённую роль, очевидно, сыграл как захват могущественными аристократическими родами не поделённых на клеры общественных земель, так и освоение ими новых земель, покрытых лесами, кустарником или камнями. Освоение таких земель было доступно главным образом богатым. Можно думать, что после превращения этих земель в пашни они уже не поступали больше в общественные переделы.

Нараставшее имущественное неравенство в сочетании с постепенным развитием товарно-денежных отношений порождало различные формы долговой зависимости, вплоть до таких, когда и личность и земля должника попадали в руки богатых заимодавцев. В результате многие рядовые земледельцы лишаются своих участков, которые сосредоточиваются в руках крупной родовой знати. При этом, если бедняки не отдавали арендной платы, доходившей до $^{5}/_{6}$ урожая, можно было увести в кабалу и их самих и их детей. Этот процесс наблюдается в Аттике и в Беотии. Уже упоминавшийся беотийский поэт Гесиод пишет о басилеях, «пожирающих дары» беотийских земледельцев. В данном случае в басилеях следует видеть крупных землевладельцев, представителей родовой аристократии. В зависимость от них попадает не только сельская беднота: значительно ухудшилось и положение среднего свободного беотийского земледельца. Именно к ним обращался один из персонажей поэмы Гесиода, когда восклицал: «...Тот безумец, кто с сильнейшим захотел бы тягаться: не достигнет победы, но срам и страданья потерпит». Для того, чтобы свести концы с концами, такой земледелец, как пишет Гесиод, должен был с раннего утра и до поздней ночи вместе с членами семьи трудиться на своём участке, но и это не гарантировало ему сколько-нибудь обеспеченного существования.

Развитие ремесленного производства и торговли ещё больше ускоряло процессы социально-имущественного расслоения. Поэтами VII—VI вв. засвидетельствовано появление особого слоя торговцев-профессионалов. Многие богачи выходили не из среды родовой знати, а из ремесленников и удачливых торговцев. Развитие частной собственности и товарно-денежных отношений приводило к тому, что процесс социально-имущественного расслоения затронул и старую родовую аристократию. Яркую иллюстрацию этого процесса дают стихи мегарского поэта VI в. до н. э. Феогнида. Будучи разорившимся аристократом, он с ненавистью относится к разбогатевшим людям из народа, которые ещё недавно «с козьими шкурами на рёбрах (т. е. на телах) паслись, подобно оленям, за городскими воротами, а теперь стали благородными».

Изображение пахоты и сева на чернофигурной вазе из Вульчи.
VI в. до н. э.

В городах, прочно вступивших на путь развития товарного производства, рост рабства был неразрывно связан с ростом торговли. По преданиям, на Хиосе в VI в. до н. э. уже существовал первый в Греции значительный рынок рабов, а Гесиод свидетельствует об использовании несвободного труда даже в хозяйстве средних беотийских земледельцев.

Социально-политическая борьба в VIII—VI вв.

Древняя общинная организация, сохранявшая кровнородственные связи между своими членами, перестаёт отвечать потребностям времени. Повсюду в Греции VIII—VI вв. наблюдается так называемый *синойкизм,* т. е. слияние нескольких мелких ранее обособленных общин, которые были расположены поблизости друг от друга. Древние формы объединения родов — филы и фратрии — ещё некоторое время продолжают сохранять своё значение в этих новых объединениях, но вскоре уступают своё место новым делением, основанным на имущественных и территориальных признаках. Древние родовые учреждения продолжают существовать, но превращаются в орудие господства аристократов: народное собрание утрачивает почти всякое влияние на общественную жизнь, совет старейшин становится чисто аристократическим учреждением. Постепенно отмирает власть «царя» — прежнего племенного вождя; например, в Аргосе, Коринфе, Афинах и других городах власть царя первоначально была ограничена аристократическим советом, потом отдельные её функции стали передаваться должностным лицам из числа знати, пока царская власть не была отменена вовсе.

Утверждение господства родовой знати ухудшило положение широких масс населения. В силу суровых обычаев долговой кабалы должники отвечали перед заимодавцами не только своим имуществом, но и личной свободой и свободой членов своей семьи. Многие из них были проданы за долги в рабство, над другими нависла угроза разделить их участь в недалёком будущем; многие работали на полях бога-

тых аристократов, отдавая им в виде арендной платы львиную долю урожая. Однако, как мы увидим, широкие массы населения путём длительной и упорной борьбы с родовой аристократией в конечном счёте добились во многих общинах полной отмены долгового рабства. В ликвидации долгового рабства коренится одно из главных исторических отличий развития рабовладельческого строя в Греции от его развития в странах древнего Востока. Объясняется это тем, что в Греции процесс становления рабовладельческих отношений происходил в условиях, когда в Средиземноморье был достигнут значительный прогресс в экономическом развитии. Не только в Египте, в Передней и Малой Азии, но и в Греции уже господствовал неизмеримо более высокий уровень развития производительных сил, чем в пору возникновения первых классовых обществ Востока. В частности, в Греции имелись уже основания для широкого развития обмена, чему способствовали также и особенности её географических условий. Своеобразие процесса складывания рабовладельческого общества в Греции заключалось поэтому также и в том, что этот процесс происходил почти одновременно с возникновением товарно-денежных отношений, ростовщичества и долгового рабства, тогда как на древнем Востоке он происходил значительно раньше. Особенности хозяйственного развития в Греции препятствовали возникновению мощных царских и храмовых хозяйств, бывших в странах Востока в период классообразования опорой родовой знати. Эти особенности способствовали более быстрому разложению общины.

Борьба широких слоев населения — по древнегреческой терминологии демоса (народа) — торговцев, ремесленников, средних и мелких земледельцев — не только против господства родовой аристократии, но одновременно и против долгового рабства и различных форм порабощения соплеменников образует главную линию исторического развития Греции в VIII—VI вв. до н. э. Родовая знать не хотела добровольно уступать своего господства и отчаянно сопротивлялась наступлению новых сил. В ходе этой борьбы между родовой аристократией и демосом и совершается в Греции переход от прежних форм социально-экономической организации общества к новым, от разлагающихся родоплеменных отношений к классовому рабовладельческому обществу и государству.

На путь ликвидации первобытно-общинных пережитков прежде всего вступили наиболее передовые и развитые общины Греции, в первую очередь греческие города Малой Азии. Процветание этих городов в немалой мере зависело от характера отношений, установившихся между ними и Лидийским царством, расположенным в Малой Азии и усилившимся к началу VII в. до н. э. Хотя многие греческие города малоазийского побережья попали в зависимость от Лидии, однако зависимость эта не была особенно тягостной для господствующих слоев этих городов и во многом компенсировалась теми выгодами, какие они получали от торговли с лидийскими купцами. Не располагая собственным флотом, лидийцы воли свою заморскую торговлю при посредничестве греков, что давало последним значительные выгоды. В Лидии, как уже указывалось выше, развитие товарно-денежных отношений достигло к VII в. до н. э. значительного уровня, что не в малой степени способствовало развитию денежных отношений, подтачивавших устои прежнего строя также и в зависевших от неё или экономически связанных с нею греческих городах. Эти города одними из первых вступили на путь социально-политического переустройства, сопровождавшегося ожесточённой борьбой между аристократией и демосом. Перевороты следовали в них один за другим. Как правило, они сопровождались конфискацией имущества аристократии, перераспределением земли, отменой долговых обязательств, кровавыми расправами победителей над побеждёнными, массовыми изгнаниями. Не щадили даже мёртвых противников, выбрасывая их кости из могил.

Такого же рода события характерны и для истории островных государств, городов Балканского полуострова, а также городов, незадолго перед тем основанных греками на островах Ионического моря, в Сицилии и Южной Италии.

В тех случаях, когда родовая аристократия терпела поражение, к власти нередко приходили верхние, наиболее зажиточные слои демоса. Они закрепляли свою победу реформами. В результате этих реформ старая родовая организация, восходившая к первобытно-общинному строю, сменялась новой, основанной на имущественных и территориальных признаках, создавались новые установления, обеспечивалось свободное обращение имущества, проводились меры, поощряющие развитие частной собственности, торговли и ремесла, производились первые записи правовых норм, существовавших до того лишь в устной традиции.

Раннегреческая тирания

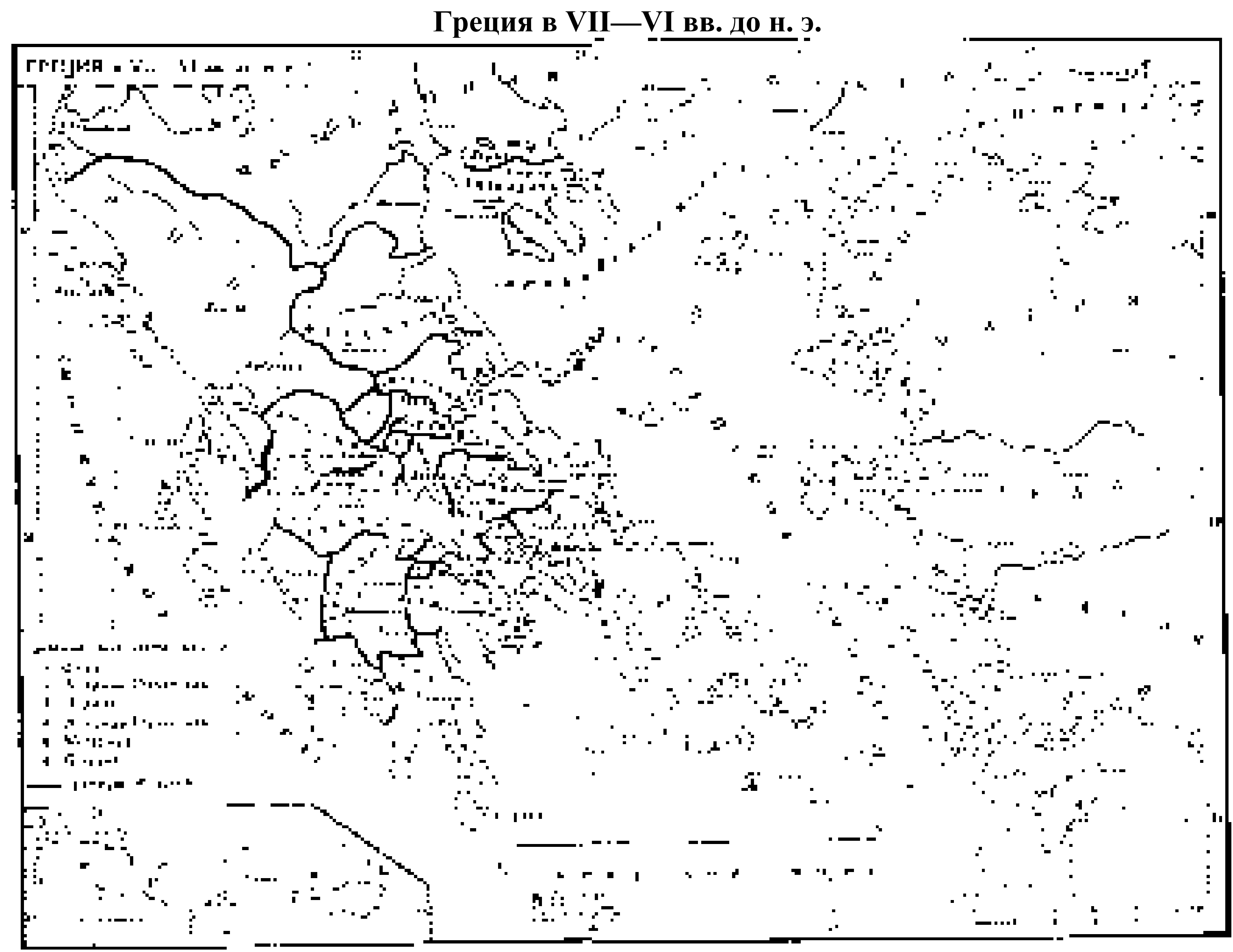
В ряде случаев в результате переворотов власть сосредоточивалась в руках единоличных правителей, *тиранов,* пользовавшихся в большей или меньшей мере поддержкой демоса (земледельцев, торгово-ремесленных слоев). Термины *«тирания», «тиран»* не имели в то время отрицательного значения, которое им начали придавать позже. Тираном называли того, кто захватил единоличную власть, как правило, путем переворота. В большинстве случаев остриё тирании было направлено против родовой аристократии. Так, например, когда тиран Кипсел (около 658—628) захватил власть в Коринфе, оттуда были изгнаны аристократы, земли их были конфискованы и распределены между беднейшими гражданами. Политику Кипсела продолжал его сын и преемник Периандр (около 628—585). Наряду с прежним городским советом старейшин он организовал в районе, населённом земледельцами, новый совет, состоявший из их представителей, превратил земледельческий культ бога Диониса в общегосударственный культ, основывал колонии и вёл внешнюю политику, отвечающую интересам коринфских торговцев и ремесленников. При Периандре Коринф превращается в богатый и сильный город. Строятся новые гавани, в городе возводятся общественные здания; развивается искусство: при дворе тирана лучшие музыканты и поэты того времени демонстрируют и совершенствуют своё мастерство. Сходную политику проводили тираны Мегар и Сикиона.

Одним из самых известных в древности тиранов был самосский тиран Поликрат (вторая половина VI в. до н. э.). В годы его власти самосский флот господствовал в греческих водах, а Самос стал одним из самых богатых и многолюдных городов Греции. Опираясь на торгово-ремесленные круги, Поликрат повёл борьбу против аристократии. Многие из её представителей были изгнаны из Самоса. Для того, чтобы привлечь на свою сторону массу свободного населения. Поликрат организует большие общественные работы. Геродот восхищался тремя «громаднейшими из всех эллинских сооружений» на Самосе: туннелем-водопроводом длиной, по его словам, в 7 стадий (более 1,3 *км),* земляным молом в море (длиной около 360 *м)* и обширнейшим из всех греческих храмов.

Через тиранию прошли многие греческие города, в том числе и Афины, но нигде этот режим не оказался долговечным. Дельфийский оракул, по словам Геродота, ответил на вопрос Кипсела о будущем: «Блажен... Кипсел... царь славного Коринфа, и он сам, и дети его, но не дети его детей». Изречение оракула, очевидно, отражало распространенное мнение о недолговечности тирании. В глазах большинства граждан эта форма государственного строя оправдывала себя лишь постольку, поскольку она была направлена против господства родовой аристократии. Но коль скоро господство это было уже сокрушено, тиранический режим переставал отвечать интересам демоса. В результате тирания теряла свою социальную опору, и на смену ей приходили другие политические формы, в большей мере отвечающие интересам класса рабовладельцев.

В Коринфе тирания пала вскоре после смерти Периандра. Власть перешла к наиболее состоятельным слоям сформировавшегося уже класса рабовладельцев, который установил республиканскую форму правления. Примерно то же самое наблюдается и в ряде других греческих городов. Общая линия политического развития Греции в VII—VI вв. вела через тиранию к республиканским формам государственного

Греция в VII—VI вв. до н. э.

строя в двух основных его вариантах. В одних государствах установился строй рабовладельческой *демократии,* т. е. господства всей массы рабовладельцев с участием широких слоев свободных, причём верховная власть принадлежала формально народному собранию всех полноправных граждан. В других государствах установилась рабовладельческая *олигархия,* т. е. господство наиболее состоятельной части рабовладельцев, управлявших государством через совет более или менее узкого состава.

«Во времена рабовладельческие,— говорил В. И. Ленин,— в странах наиболее передовых... которые целиком покоились на рабстве, мы имеем уже разнообразные формы государства. Тогда уже возникает различие между монархией и республикой, между аристократией и демократией» [1].

Греческий полис

Итак, развитие производительных сил греческого общества, социально-экономическая дифференциация и распадение общества на классы привели в VIII—VI вв. до н. э. к образованию в Греции античного города-государства — *полиса,* имевшего некоторые отличия от большинства ранних городов-государств Востока.

Полис представлял собой гражданскую общину, опирающуюся на античную форму рабовладельческой собственности. Характерные особенности этой формы собственности, которые были вскрыты Марксом, состояли в том, что господствующей была частная собственность на рабов и основное средство производства того времени — землю, но частным собственником мог быть лишь полноправный член гражданской общины. Утерявшие земельную собственность нередко лишались и гражданских прав. Только в полисах, в которых победила рабовладельческая демократия, политические права распространялись на всех граждан вне зависимости от того, владели или не владели они землёй.

Однако во всех греческих полисах, независимо от особенностей их политического устройства, далеко не всё население, жившее на принадлежавшей полису территории, входило в состав гражданской общины и пользовалось гражданскими правами. Помимо рабов, лишённых каких бы то ни было прав, в каждом полисе существовали различные категории лично свободного, но неполноправного населения, например переселенцы из других полисов, чужестранцы. Рабы и неполноправные в важнейших городах-государствах представляли собой большую часть населения полиса, а граждане — лишь привилегированное меньшинство. Это меньшинство, располагая политической властью, использовало её в первую очередь для поддержания существующего строя, основанного на эксплуатации труда рабов, а часто и других категорий зависимого или неполноправного населения.

В целом полис, как особая форма рабовладельческого государства, по сравнению с древневосточными рабовладельческими деспотиями того времени, безусловно, представлял собой явление исторически прогрессивное.

Территория, принадлежавшая городу-государству (и в этом одна из характерных особенностей полиса), как правило, занимала незначительную площадь. Владения полиса обычно исчерпывались непосредственно примыкающей к нему сельской округой. На территории Беотии, достигавшей около 2 580 *кв. км,* находилось около десятка самостоятельных полисов, на территории Фокиды, составлявшей около 1 615 *кв. км,* было 22 отдельных полиса. Родос, площадью в 1 404 *кв. км,* был долгое время разделён на 3 самостоятельных полиса. На территории Крита (около 8 590 *кв. км)* насчитывалось несколько десятков полисов. Территория такого значительного полиса, как Коринф, насчитывала всего 880 *кв. км.* Самым большим из государств Балканской Греции была Спарта, которая после покорения соседней Мессении владела территорией в 8 400 *кв. км.*

[1] *В. И. Ленин,* О государстве, Соч., т. 29, стр. 442.

2. Греческая колонизация VIII—VI вв. до н. э.

Общие причины колонизации

В VIII—VI вв. до н. э. получает широкое развитие греческая колонизация. Возникновение поселений греческих колонистов в странах Средиземноморья сыграло существенную роль в исторической жизни самих греков и в жизни племён и народов, с которыми в результате колонизации греки пришли в непосредственное и длительное соприкосновение.

Основные причины колонизации коренятся в общем ходе исторического развития греческого общества. Господство родовой аристократии, концентрация земельных владений в её руках, процесс обезземеливания и порабощения свободной бедноты вынуждали последнюю к эмиграции.

Для тех, кто терпел поражение в протекавшей с переменным успехом внутренней борьбе, часто не оставалось иного выхода, как навсегда покинуть свою родину и основать новое поселение. В ряде случаев в такое положение попадали демократические элементы: беднота, мелкие и средние землевладельцы, ремесленники, труд которых начинал вытесняться трудом рабов, и даже богатые — противники утвердившегося правительства. Родину покидали и побеждённые аристократы, нередко со своими приверженцами и родичами. В дальнейшем, с развитием колонизации и расширением морской торговли, инициативу в создании новых поселений часто берут на себя наиболее предприимчивые представители торгово-ремесленных кругов городского населения, а нередко и само рабовладельческое государство.

Характеризуя причины этой эмиграции, Маркс писал: «В древних государствах, в Греции и Риме, принудительная эмиграция, принимавшая форму периодического устройства колоний, составляла постоянное звено в общественной цепи... Недостаточное развитие производительных сил ставило граждан в зависимость от определенного количественного соотношения, которого нельзя было нарушать. Поэтому единственным выходом из положения была принудительная эмиграция» [1].

Основное отличие ранних греческих колоний от колоний финикийских заключалось в том, что греческие колонии первоначально обладали всеми чертами земледельческих поселений, имевших торговые связи только со своей метрополией, тогда как финикийские представляли собой чаще всего торговые фактории. Земледельческими поселениями были, например, колонии, основанные в VIII в. до н. э. эвбейским городом Халкидой на полуострове в северной части Эгейского моря, получившем в дальнейшем название Халкидики, или город Византий, основанный выходцами из дорийских Мегар на фракийском берегу Боспора— пролива, соединявшего Пропонтиду (Мраморное море) с Чёрным морем. Греческие поселения, возникшие примерно в то же время на побережьях Южной Италии и Сицилии, славившихся своим плодородием, также носили земледельческий характер.

Оружие и другие металлические изделия, ткани, художественную посуду, оливковое масло, вино — всё это греческие колонисты, по крайней море вначале, получали из своих метрополий. В свою очередь колонии вывозили в метрополии избытки своей сельскохозяйственной продукции. Колонии из земледельческих постепенно становились земледельческо-торговыми. В дальнейшем жители колоний стали потреблять только часть ввозимых товаров, тогда как другую часть они перепродавали соседним племенам или выменивали у них на продовольствие и сырьё, увеличивая одновременно экспорт в метрополию. С течением времени в колониях получает развитие также собственное ремесленное производство. Расширяя границы эллинского мира и укрепляя связи греков с другими племенами и народами, колонизация, таким образом, форсировала и в метрополиях и в колониях рост товарного производства и существенно повлияла на развитие морской торговли.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Вынужденная эмиграция... Соч., т. IX, стр. 278.

Размеры принадлежавших колониям территорий, за некоторыми исключениями, были обычно невелики. Как правило, они прилегали к морскому побережью или находились от него в непосредственной близости. По образному выражению философа Платона (V в. до н. э.), греческие города, разбросанные по берегам морей от Кавказа до Гибралтара, напоминали лягушек, рассевшихся вокруг пруда.

В городах, основавших большое число колоний, как, например, в Милете, образовавшем, по преданию, более 60 колоний, колонизационная проблема приобрела настолько большой вес, что оказалась в центре внимания государства. В таких городах стали избираться особые должностные лица — так называемые *ойкистьг,* на обязанности которых лежало устройство новых поселений. Часто в колонии выселялись не только граждане данного полиса, но вместе с ними и жители других городов. В таких случаях город, создающий колонию, приобретал значение своего рода сборного пункта для всех желающих переселиться в новое место. В обстановке общего подъёма экономической жизни, характеризующей рассматриваемый период, многие вновь основанные поселения быстро превращались в такие же большие города, какими были их метрополии. Так, например, основанные коринфянами Сиракузы в Сицилии по количеству жителей и богатству скоро ни в чём уже не уступали своей метрополии — Коринфу.

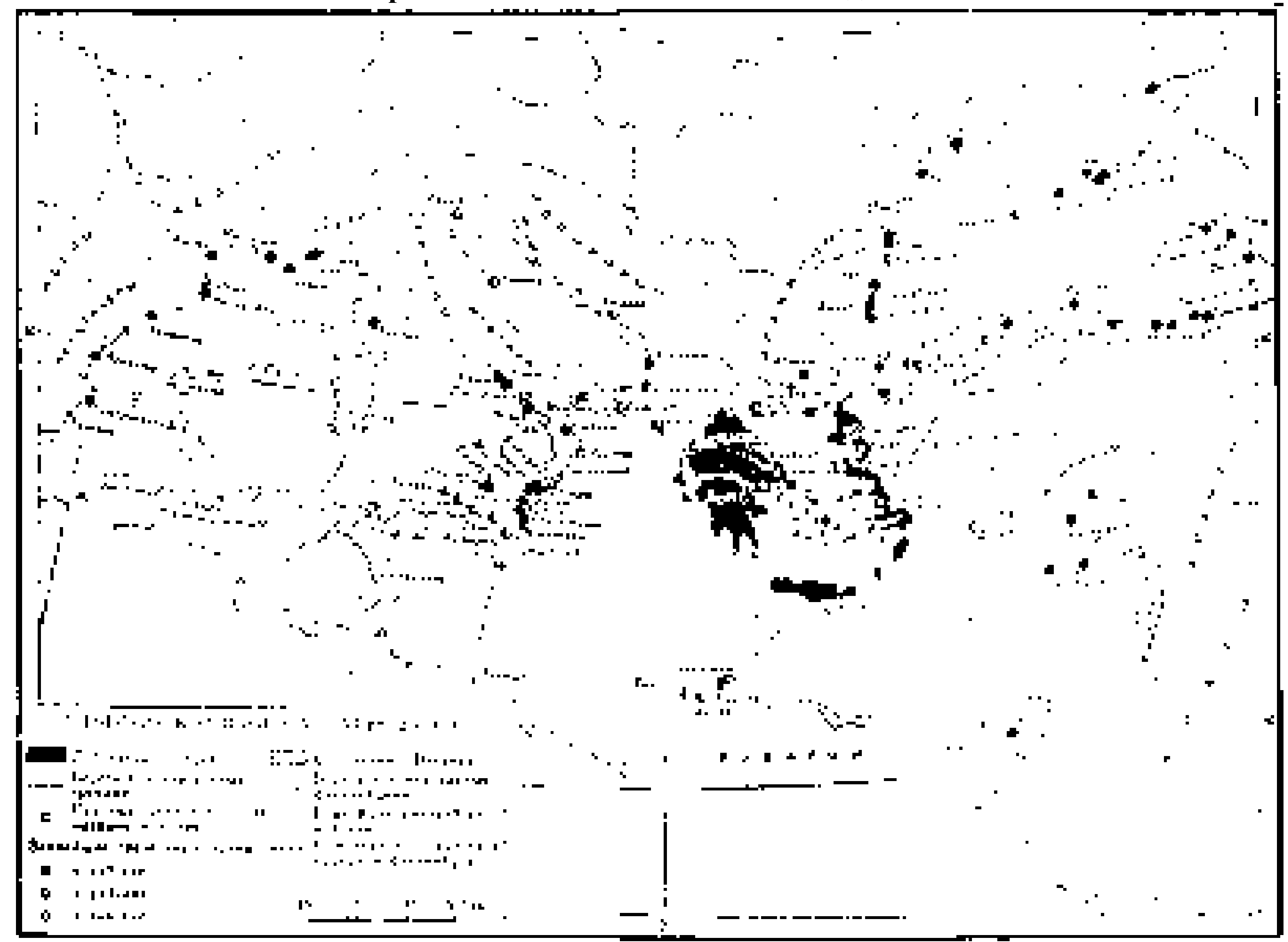
Греческие колонии были такими же независимыми полисами, как и их метрополии. Связь между колонией и метрополией, как правило, выливалась в форму дружественных или союзных отношений, но это были отношения двух самостоятельных государств, между которыми возникали и конфликты, порой доходившие до вооружённых столкновений.

Основные направления греческой колонизации

Греческая колонизация VIII—VI вв. до н. э. развивалась одновременно в нескольких направлениях, в значительной мере определявшихся теми связями, какие существовали между греками и другими народами и племенами того времени. По мере развития колонизации возникли и окрепли и новые связи. Сношения греческих колонистов с местными племенами, ещё не изжившими первобытно-общинных отношений, приобретают в это время большое значение. Таковы взаимоотношения греков с фракийскими племенами на Балканском полуострове, с местными племенами Южной Италии и Сицилии, с кельтами и иберами, в древности населявшими современные территории Франции и Испании, со скифами, местами и другими племенами на побережьях Чёрного и Азовского морей. С многими из местных племён у греков установились мирные отношения на почве торгового обмена, который приносил колониям огромные выгоды, однако нередки были и случаи военных столкновений.

Продвижение греческих колонистов в западном направлении началось с создания ряда колоний на побережьях Ионического и южной части Адриатического моря — в Эпире, Иллирии, на близлежащих островах — Керкире, Левкаде и других, а также в Южной Италии. В VIII—VII вв. до н. э. в колонизации Южной Италии приняли участие выходцы из целого ряда городов и областей Греции. Сюда, например, переселились после завоевания их родины Спартой многие жители западной области Пелопоннеса—Мессении, поселившиеся в городе Регии, незадолго перед тем основанном халкидянами на берегу Мессинского пролива. В Южную Италию переселялись и жители самой Спарты, основавшие колонию Тарент на берегу одноимённого залива. Жители Ахайи основали на том же побережье Сибарис и Кротон, вскоре ставшие цветущими городами, славившимися богатством. Уже упоминавшиеся выше халкидяне совместно с выходцами из малоазийского города Кимы основали на западном побережье Италии город Киму (Кумы). В свою очередь Кумы основали поблизости от себя ещё ряд колоний, в их числе Неаполь («Новый город»). Халкидянами же, по преданию, в 735 г. был основан Наксос — первая греческая колония в Сицилии, которая в свою очередь основала Катану и Леонтины. Почти одновременно

Греческие колонии в VIII—VI вв. до н. э.

с халкидянами Коринф создал на восточном побережье Сицилии колонию Сиракузы, которая в дальнейшем стала самым крупным из всех греческих городов, расположенных к западу от Греции. В течение второй половины VIII и в VII в. на побережьях Сицилии и Южной Италии возникло ещё много других колоний, основанных жителями различных греческих городов. Колонизация этих побережий приняла настолько широкий размах, что уже в VI в. за ними и особенно за районом, расположенным вокруг Тарента, утвердилось название «Великая Греция».

Многие из колоний в Великой Греции завладели значительными площадями плодородной земли, поставив в зависимое от себя положение местное коренное население. Часто это вызывало военные столкновения греков с местными племенами (например, с племенами мессапиев и бруттиев в Южной Италии, с племенами сикулов и сиканов в Сицилии). На почве территориальной экспансии, торгового соперничества и борьбы за политическое преобладание военные столкновения нередко происходили и между самими колониями. Так, в Сицилии Сиракузы несколько раз воевали со своей же колонией Камариной и т. д. Столкновения между полисами сплошь и рядом переплетались с происходившей внутри них острой социальной борьбой между различными политическими группировками, так как те же общественные процессы, которые происходили в коренных греческих городах, развивались и в колониях; и здесь среди населения выделялась эмигрировавшая из метрополии и вновь возникшая аристократия, стремившаяся удержаться у власти, и здесь происходил процесс имущественного расслоения.

Греки проникают и дальше на запад. Выходцы из Фокеи основали в устье реки Роны колонию Массалию (ныне Марсель, Южная Франция). В дальнейшем Массалия вывела ряд колоний ещё дальше на запад, вплоть до побережья Пиренейского полуострова.

На почве территориальной экспансии происходили столкновения греков с этрусками и карфагенянами. Так, карфагеняне с помощью этрусков вытеснили с острова Корсика фокейских греков, пытавшихся основать здесь свою колонию. Карфагеняне удержали за собой значительную часть Сицилии, не допустили организации греческих колоний в Южной Испании и в западной части североафриканского побережья и прочно удерживали за собой остров Сардиния.

На юго-восточном побережье Средиземного моря возникли две значительные греческие колонии — Навкратис в Египте, на одном из рукавов нильской дельты, и Кирена на побережье Ливии, западнее Египта. Особенность устройства Навкратиса заключалась в том, что земля для создания этой колонии была выделена египетским царём и ею была ограничена в Египте территория, на которой могли селиться и торговать греки, выплачивая Египту налог. Поэтому население Навкратиса составляли переселенцы из различных греческих городов. Эти переселенцы в рамках общего для всех них полиса продолжали сохранять своё особое автономное управление. Навкратис развил довольно значительную ремесленную промышленность, изделия которой, во многом подражавшие древнеегипетским, широко экспортировались, в том числе и в Переднюю Азию. Вторая колония на африканском побережье Средиземного моря — Кирена была основана в середине VII в. преимущественно дорийскими полисами. В дальнейшем вокруг Кирены выросло несколько других поселений. Политическое объединение этих поселений во главе с Киреной (так называемое «пятиградие») охватило целую область — Киренаику. Киренаика славилась исключительным плодородием. По данным одной надписи в IV в. до н. э., Кирена в течение трёх лет вывезла в различные города Греции свыше 800 тыс. *медимнов* зерна (медимн = 52,53 *л*). Главными предметами её вывоза были: пшеница, оливковое масло, финики и др.

Побережья Геллеспонта (Дарданелл), Пропонтиды (Мраморного моря) и южный берег Понта (Чёрного моря) также уже с VIII в. стали осваиваться главным образом выходцами из греческих городов Малой Азии. Греческие колонии Кизик на берегу

Мраморного моря, Синопа и Трапезунт на южном берегу Чёрного моря возникли уже в середине VIII в. По-видимому, во второй половине VII в. на западном побережье Понта была основана Истрия; в конце того же столетия южнее Истрии возникает Аполлония и вслед за ней несколько других колоний Западного Причерноморья. Они послужили опорными пунктами для дальнейшего продвижения греков на север.

Колонизация северного побережья Чёрного моря началась несколько позже. За исключением небольшого и недолго просуществовавшего поселения на острове Березань, ни одна из северочер-номорских колоний, судя по данным археологических исследований, не возникла раньше конца VII в. до н. э. Это отчасти объясняется особенностями древнего мореплавания. Вплоть до V—IV вв. до н. э. оно осуществлялось преимущественно вдоль берегов. Греки начали систематически оседать по северным берегам Чёрного моря лишь после того, как в течение VIII—VII вв. было хорошо освоено плавание вдоль его южного и западного побережий, хотя в отдельных случаях греческие корабли заходили в эти воды и раньше.

Родосская ваза.
VII в. до н. э.

В колонизации Северного Причерноморья главная роль принадлежала ионийским городам малоазийского побережья и прежде всего Милету. В VII—VI вв. им была основана Ольвия на правом берегу Буго-Днепровского лимана и ряд колоний по обоим берегам Керченского пролива—древнего «Боспора Киммерийского». Самыми крупными из них были Пантикапей (современная Керчь) и Феодосия на восточном побережье Крыма, Фанагория и Гермонасса на побережье Таманского полуострова. Единственной дорийской колонией на северочерноморском побережье был Херсонес, основанный в V в. в 3 *км* от нынешнего Севастополя переселенцами из Гераклеи Понтийской (ныне город Эрегли в Малой Азии).

С самого своего основания северочерноморские колонии вступили в тесное соприкосновение с местными скифскими и меотскими племенами (последние обитали на Таманском полуострове и в Прикубанье). С некоторыми из племён у колонистов происходили военные столкновения, с другими наладились на основе меновой торговли мирные взаимоотношения. Для дальнейшего развития северочерноморских колоний наряду с земледелием и ремесленным производством начинает приобретать значение торговля. Многие греческие города сравнительно рано начали ощущать потребность в ввозе хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. В связи с этим северочерноморские колонии в качестве постоянных поставщиков этих продуктов, а в дальнейшем и рабочей силы (рабов), стали играть очень видную роль в экономической жизни Греции. Развитие торговой деятельности северочерноморских колоний существенно отразилось и на их взаимоотношениях с местными племенами. Ввозимые из Греции ремесленные изделия, вино и оливковое масло, а также

изделия, изготовлявшиеся греческими мастерами в самих колониях, обменивались на сельскохозяйственные продукты; в таком обмене особенно была заинтересована мастная племенная знать, владевшая большими стадами и плодородными землями. Впрочем, в торговые сношения с греками втягивались и более широкие слои населения, часть которого, по свидетельству Геродота, сеяла хлеб с расчётом на его продажу. Многочисленные греческие изделия, обнаруженные при раскопках поселении и курганов, наглядно показывают интенсивность этих связей.

Торговля с греками и в Северном Причерноморье и в других районах греческой колонизации способствовала дальнейшему разложению первобытно-общинного строя у местных племён. Всё более заметным становится также сильное воздействие греческой культуры на высшие слои окружающих племён. С другой стороны, сближение греческих переселенцев с местным населением наложило свой отпечаток на весь ход социально-экономической и политической истории колоний и характер их культуры. Взаимопроникновение культур греков и местных жителей и вхождение некоторых местных элементов в состав населения колоний в большей или меньшей мере характерны для всех районов, охваченных греческой колонизацией, хотя взаимоотношения колонистов с местным населением принимали различные формы.

Существенную роль сыграла колонизация и для исторического развития коренной территории Греции. Ускоренный колонизацией рост ремесленного производства и торговли усиливал в метрополиях ремесленно-торговые слои демоса, боровшиеся с родовой аристократией. Таким образом, колонизация VIII—VI вв. являлась одним из важных факторов в процессе окончательной ликвидации пережитков родового строя и полной победы рабовладельческого способа производства в Греции.

Классовая борьба в колониях

О внутренних событиях социально-политической жизни греческих колоний в первый период их существования известно немного. Некоторые данные имеются о положении в полисах Великой Греции (Сицилии и Южной Италии). Уже в VII—VI вв. здесь шла ожесточенная классовая борьба. Сведения об общественных движениях VII в. в городах-государствах Великой Греции говорят о том, что здесь даже раньше, чем в метрополии, широкие слои греческого населения выступили с требованием записи действовавших законов. До нас дошли известия о законодательстве Залевка (около 650 г.) из Локр Италийских и Харонда (около VI в.) из Катаны в Сицилии. Насколько можно судить на основании отрывочных данных, эти законы отражали отношения, сложившиеся в земледельческих общинах. Так, например, законами Залевка запрещалась всякая посредническая торговля, земледелец же мог продавать свои продукты только непосредственно потребителю. Запрещались также письменные договоры; сделки должны были заключаться устно при свидетелях.

Развитие товарно-денежных отношений приводило к обострению противоречий между крупными землевладельцами и торгово-ремесленными слоями населения. Так же, как и в греческих полисах Эгейского бассейна, в западных колониях греков эти процессы нашли своё выражение в политических переворотах, связанных с установлением тирании.

Тирания в греческих городах Сицилии появляется в конце VII в., но достигает особенного распространения во второй половине VI в. По преданию, первым сицилийским тираном был Пантетий (в Леонтинах). В первой половине VI в. совершил политический переворот в Акраганте (Агригенте) Фаларис. Опорой этого тирана были, как передаёт традиция, ремесленники и строители, собранные им для сооружения храма Зевса. В конце VI в. господство олигархов в Геле было свергнуто вождём демократических слоев населения Клеандром, который удерживал власть в течение семи лет; столько же времени правил после Клеандра его брат Гиппократ, который вёл активную внешнюю политику: он овладел Наксосом, Леонтинами и другими городами, успешно воевал с сиракузянами, но погиб в сражении с сикулами. Его преемник Гелон (491—478) овладел Сиракузами и стал основателем довольно крупного восточносици-

лийского государства с центром в этом городе; Сиракузы ещё более усилились благодаря союзу с тираном Акраганта — Фероном.

Демократические перевороты, нередко связанные с установлением тирании, происходили во второй половине VI в. и в ряде южно-италийских городов. В Сибарисе, крупном торговом центре Великой Греции, произошел демократический переворот, следствием которого было установление тирании и война с аристократическим Кротоном, закончившаяся полным разрушением Сибариса (509 г.). Вскоре, однако, аристократия Кротона была лишена власти в результате народного восстания. Тиранический образ правления установился и в Киме, Таренте, Регии. Наиболее продолжительным этот режим был в последнем городе, где тиран Анаксилай долгое время (494—476) держал власть в своих руках. Кимский тиран Аристодем в конце VI в. захватил власть, опираясь на низы городского населения. Он выпустил осуждённых из темниц и якобы даже освобождал рабов.

В другой области греческой колонизации — в земледельческой Кирене в VII и VI вв. господствовало олигархическое управление во главе с советом и царем. Но и здесь во второй половине VI в. широкие слои свободных добились реформы, ограничивавшей экономическое и политическое могущество царя. Однако демократическая перестройка государства произошла лишь позже, уже в V в., и победа демократии здесь была непрочной.

Общим для всех этих движений было стремление к захвату власти и политических прав торгово-ремесленными слоями населения. Внутренняя борьба ещё более обострялась в связи с внешнеполитической обстановкой, так как стремление греческих городов Западного Средиземноморья к господству на торговых путях приводило к серьёзным конфликтам с карфагенянами, а затем и с этрусками.

3. Становление рабовладельческого государства в Спарте и других земледельческих областях Греции

Возникновение древней Спарты

В истории Греции VI—IV вв. до н. э. наиболее заметную роль играли два государства: Афины и Спарта. В истории Афин и в истории Спарты можно наблюдать черты, типичные для исторического развития и многих других рабовладельческих полисов античной Греции.

Территория Спарты—Лаконика расположена в южной части Пелопоннеса. Это плодородная долина, спускающаяся к морю и орошаемая рекой Эвротом. С трёх сторон долина ограждена горными возвышенностями; морское её побережье неудобно для мореплавания. В глубокой древности на территории Лаконики, как и на территории смежных с ней Арголиды и Мессении, находился ряд центров микенской культуры. В «Илиаде» упоминается, что в Лаконике существовало 12 отдельных общин, подчинённых легендарному царю Менелаю. В числе этих общин была и древняя Спарта. Памятниками микенской культуры в Лаконике являются замечательные по богатству и художественности найденных в них вещей погребения древних Амикл (современная деревня Вафио) и др.

В XII—XI вв., в пору своего переселения в Пелопоннес, дорийцы вторглись и в Лаконику. Коренное ахейское население этой области частью было уничтожено или порабощено победителями, частью с ними ассимилировалось, частью бежало в горы или переселилось в более далёкие области. Во время этого вторжения, очевидно, был разрушен и древний город Спарта. Известный позднее под этим названием город на реке Эвроте, судя по раскопкам, возник позже, — по всем признакам, в IX в. Может быть, эта позднейшая Спарта возникла в результате слияния двух общин: дорийской и ахейской, поскольку из двух совместно царствовавших в дальнейшем в Спарте династий одна считала себя по происхождению дорийской, а другая — ахейской.

После завоевания Лаконики до берега моря дорийцы начали упорную борьбу за овладение соседними с Лаконикской долиной областями—Кинурией на востоке и плодородной Мессенией на западе. Завоевание Мессении, начавшееся ещё в VIII в. и длившееся около столетия, вылилось в две большие войны, осложнённые социальными потрясениями в спартанском тылу. Вся территория Мессении была поделена между победителями на участки; большая часть её населения была обращена в бесправных и эксплуатируемых *илотов*. Кинурию спартанцам удалось завоевать в VI в. до н. э.

Социально-экономический строй древней Спарты

Если до Мессенских войн социально-экономическая структура Спарты по всем признакам мало отличалась от других современных ей греческих общин, не изживших ещё полностью первобытно-общинных отношений и господства родовой аристократии, то после окончательного покорения Мессении, когда численность подвластного Спарте населения в несколько раз увеличилась, в общественном строе произошли существенные изменения. Именно в это время в Спарте окончательно складывается специфический для неё строй так называемой «общины равных».

Основой экономической жизни этой общины было земледелие. При этом принадлежавшая Спарте земля считалась собственностью государства и была поделена на равные участки — клеры (или клары, как они назывались по-дорийски), переданные в пользование отдельным семьям *спартиатов* (членов «общины равных») без права их отчуждать или дробить. Владение клером являлось неотъемлемым признаком гражданских прав правящей группы спартиатов.

Клеры, обрабатывались не самими спартиатами, занятыми всецело военным делом, а прикреплёнными к их участкам бесправными илотами. В отличие от обычного в древней Греции типа рабства илоты принадлежали не отдельным частным рабовладельцам, а всему их коллективу в целом — государству. Илоты жили со своими семьями на территории участка, пользовались известной хозяйственной самостоятельностью и были обязаны выплачивать владельцам участков установленный государством натуральный оброк в виде определённого, количества сельскохозяйственных продуктов, составлявших примерно половину урожая. Владелец участка не мог требовать от своих илотов поставок сверх этой нормы. Право распоряжаться илотами всецело принадлежало государству и осуществлялось им через особых должностных лиц; хотя владелец участка, к которому были прикреплены илоты, не имел права ни продать их, ни убить, положение илотов под гнётом спартанской эксплуатации было чрезвычайно тяжёлым, а обращение с ними— жестоким. Это постоянно толкало илотов на восстания. Для того, чтобы уменьшить опасность восстаний илотов и подавить их волю к сопротивлению, спартанское правительство регулярно проводило так называемые *криптии* — организованные массовые убийства тех илотов, которые казались наиболее опасными и неблагонадёжными. Эти массовые истребления безоружных илотов рассматривались как «военные тренировки» спартанской молодёжи.

Вторую группу подвластного Спарте населения составляли *периэки* — лично свободные, но лишённые политических прав люди. Они владели (как правило, на пограничных территориях) имуществом и землёй, которая принадлежала им в отличие от спартиатов, по-видимому, на началах частной собственности. Часть периэков, по всей вероятности, жила на этих территориях ещё до того, как последние были завоёваны Спартой, другая часть была здесь специально поселена. В руках периэков сосредоточивались также занятия ремёслами и торговлей, которыми сами спартиаты по существующим законам заниматься не могли. Впрочем, ремёсла и торговля в аграрной Спарте были мало развиты. Периэки пользовались известным самоуправлением в рамках спартанского государства и были обязаны нести военную службу.

Политический строй Спарты

Полноправными гражданами Спарты были только спартиаты — господствующее привилегированное меньшинство населения, члены «общины равных». Конечно, это «равенство» было более или менее формальным—известное расслоение имело место и между спартиатами, хотя в VII—VI вв. оно сказывалось ещё мало. Фактически власть находилась в руках нескольких знатных родов. В среде спартиатов продолжало существовать старое родовое деление на три дорийские филы, но, кроме того, существовали и подразделения, основанные на территориальном принципе.

Фактически спартиаты не были равными и в отношении политических прав и влияния на государственное управление. Все полноправные, достигшие совершеннолетия спартиаты участвовали в народном собрании—*апелле*. Формально апелла считалась верховным органом власти, но фактически она большой роли в общественной жизни не играла. Народное собрание созывалось царями. Рядовые спартиаты не выступали с какими-либо предложениями или речами и лишь криками выражали своё отношение к предложениям, вносимым царями или советом старейшин— *герусией*. Только в особо ответственных случаях происходило нечто вроде примитивного голосования: граждане расступались в разные стороны, и на глаз определялось, на какой стороне большинство.

Община спартиатов возглавлялась двумя царями, принадлежавшими к двум правящим в Спарте династиям — Эврипонтидов и Агиадов. Цари предводительствовали военным ополчением, играли видную роль в культе, но власть их была ограничена герусией, в которую, наряду с царями, входили ещё 28 избираемых пожизненно народным собранием наиболее влиятельных спартиатов, достигших 60-летнего возраста.

Когда цари и герусия считали решение народного собрания вредным для государства, они могли его отменить.

Ещё один орган управления — пять избираемых народным собранием *эфоров* — появился в Спарте, по-видимому, несколько позже. Эфоры располагали большим влиянием и властью. Они имели решающий голос в случае разногласий между царями, могли обвинять их перед герусией и в известных случаях даже отменять решения царей. Во время походов каждого царя сопровождали два эфора. Эфоры созывали герусию и апеллу и председательствовали на них, они же ведали внешнеполитическими делами и финансами Спартанского государства, кроме того, им принадлежали также судебные функции и надзор за поведением спартанских граждан. В истории Спарты нередки были столкновения эфоров с царями.

В численном отношении полноправные спартиаты вместе с семьями вряд ли составляли более 10% от общего числа жителей своего государства; по преданию, их первоначально насчитывалось 9 тыс. семейств.

Законодательство Ликурга

Предание приписывало основные законы Спарты деятельности легендарного законодателя Ликурга. В действительности многие из этих «законов» восходили ещё к первобытно-общинному строю. В силу сложившихся в Спарте условий они продолжали сохраняться и были приспособлены к целям классового господства общины спартиатов над подвластным ей населением. По «законам Ликурга» новорождённые младенцы, обладавшие физическими недостатками, уничтожались. Мальчики с 7-летнего возраста и до 20 лет проходили общественное воспитание. Воспитание это отличалось суровостью, основная его цель заключалась в подготовке молодых спартиатов к войне. С достижением совершеннолетия и получением гражданских прав спартиаты зачислялись в подразделения спартанского войска, в составе которого они и находились до старости. По «законам Ликурга» им было запрещено заниматься каким-либо другим делом, кроме военного, выезжать за пределы своей территории, пользоваться иными деньгами, кроме железных, предписывалось строить дома только при помощи самых простых инструментов и т. д.

Даже речь спартиатов своей краткостью («лаконичностью») и отрывистостью напоминала слова военной команды. Большую часть своего времени спартиат проводил в обществе своих товарищей по военному подразделению, совместно с ними питался, участвуя в *фидитиях*, т. е. устраиваемых в складчину общественных обедах,— обычай, который восходил к временам глубокой древности.

Живучесть всех этих своеобразных обычаев объясняется тем, что они призваны были сплотить полноправных граждан и обеспечить за спартиатами военный перевес при подавлении восстаний илотов. Следует иметь в виду также изолированность и замкнутость Спарты, находившейся в стороне от главных центров экономической жизни Греции.

Образование Пелопоннесского союза

История Спарты наполнена постоянными волнениями и восстаниями илотов. Иногда эти восстания вспыхивали с такой силой, что ставилось под угрозу самое существование Спартанского государства. Необходимость держать в подчинении илотов наложила отпечаток на всю внутреннюю историю Спарты и на её внешнеполитические взаимоотношения. Добившись после упорной и длительной борьбы перевеса над аркадским городом Тегеей, Спарта в середине VI в. заключила с ним договор о союзе, по которому этот город обязался не давать убежища мессенцам и оказывать спартанцам помощь в случае войны и восстаний илотов. К этому союзу в дальнейшем примкнули другие города центральной области Пелопоннеса—Аркадии, а также Коринф, Мегары, остров Эгина, заинтересованные в союзных отношениях со Спартой, как с самым сильным в военном отношении государством Пелопоннеса. Гегемонии Спарты подчинилась также пелопоннесская область Элида. Так возник Пелопоннесский союз, сыгравший большую роль в последующей истории Греции. Теперь в случае войны или при подавлении восстаний илотов Спарта всегда могла рассчитывать на помощь союзников. Хотя все дела союза решались на собраниях представителей союзных государств, Спарта, как самое крупное и сильное государство Пелопоннеса, сразу же заняла в союзе руководящее положение: ей одной, например, принадлежало право набора союзного поиска.

Политика Спарты по отношению к другим греческим государствам сводилась к повсеместной поддержке аристократических и олигархических группировок против демократии. Консервативная и отсталая Спарта в дальнейшем становится оплотом всех наиболее реакционных движений в Греции.

Некоторые из особенностей социально-экономического и политического строя Спарты находят себе известные параллели в истории других земледельческих областей Греции. Так, черты некоторого сходства со Спартой обнаруживают полисы Крита и Фессалии, также пережившие вторжения завоевателей. Среди господствующего слоя полноправных граждан критских полисов, например, существовала система общественного воспитания юношества и были в обычае общественные обеды, напоминающие спартанские фидитии. Точно так же, как в Спарте, на Крите и в Фессалии полноправному господствующему меньшинству противостояли неполноправные люди, напоминавшие спартанских периэков, и бесправные зависимые земледельцы, в положении которых было много общего с положением спартанских илотов (*пенесты* в Фессалии, *клароты* на Крите).

4. Аттика в VIII—VI вв. до н. э. Образование Афинского государства

Аттика древнейшего времени

По сравнению с Лаконикой каменистая Аттика была значительно менее плодородна. Заниматься успешно земледелием можно было лишь в небольших и немногочисленных долинах. В дальнейшем, когда в Аттику, начиная с VI в. до н. э., стал ввозиться хлеб, в ней получило развитие оливководство и отчасти виноградарство. Из полезных ископаемых Аттика обладала

залежами серебра, мрамором и другими видами строительного камня, глиной. Удобные естественные гавани на побережье Аттики благоприятствовали развитию мореплавания.

Со времён глубокой древности Аттика была обитаема; древнейшие из погребений, открытых на её территории, относятся к неолиту. Во II тысячелетии до н. э., как мы видели, в Аттике существовал один из центров микенской культуры. Дорийское вторжение Аттику не затронуло.

В греческой литературной традиции об истории Аттики древнейшего времени сохранились лишь смутные воспоминания, облечённые в форму легенд о царях. С именами этих царей позднейшее афинское предание связывало происхождение наиболее древнего деления общины афинян на четыре родовые филы (племени), на фратрии и роды, а также расчленение жителей на *эвпатридов* — родовую аристократию, *геоморов* — земледельцев и демиургов — ремесленников, т. е. деления, исторически возникшего в пору разложения первобытно-общинного строя.

Легендарному царю Тесею, время жизни которого относили к поколению, предшествовавшему Троянской войне, т. е. к XIII в. до н. э., афиняне приписывали проведение синойкизма, заключавшегося, по преданию, в объединении вокруг Афин двенадцати прежде обособленных общин. На самом деле процесс постепенного объединения населения Аттики вокруг Афин растянулся на долгое время и полностью закончился, по-видимому, лишь к VII в. до н. э., когда так называемый царский период уже стал далёким прошлым и афиняне управлялись коллегией девяти старейшин — *архонтов,* ежегодно избиравшихся из эвпатридов. По истечении срока полномочий архонты становились членами ареопага. Ареопагом в Афинах назывался по месту, где он заседал—на холме, посвящённом богу Аресу,—древний совет, некогда совет старейшин, теперь превратившийся в орган правящей аристократии.

В рассматриваемое время Аттика делилась на 48 *навкрарий*—территориальных округов; каждая навкрария должна была поставить, вооружить и укомплектовать экипажем одно военное судно для афинского флота. «Это учреждение, — пишет Энгельс о навкрарии,— подрывало двояким образом родовое устройство: во-первых, оно создавало публичную власть, которая уже не совпадала просто-напросто с совокупностью вооруженного народа; во-вторых, оно впервые разделяло народ для общественных целей не по родственным группам, а по *территориальному сожительству*» [1].

Экономической предпосылкой господства родовой аристократии в Аттике, как и в других местах, явилась прежде всего концентрация в её руках земельного фонда. Характеризуя обстановку, сложившуюся к концу VII в. в Аттике, ученый IV в. до н. э. Аристотель писал, что «бедные находились в порабощении у богатых не только сами, но также и дети их и жёны. Назывались они *пелатами* и шестидольниками, потому что на таких арендных условиях обрабатывали поля богачей. Вся же вообще земля была в руках немногих». Обозначение «шестидольники» объясняется том, что они уплачивали $^{5}/_{6}$ урожая за арендуемые участки; если они не вносили во время арендной платы, то, согласно Аристотелю, «можно было увести в кабалу и их самих и их детей».

Обострение социальной борьбы

Господство афинской родовой аристократии, однако, не могло продолжаться долго. Производительные силы афинского общества в VII—VI вв. быстро развивались. Росли ремесло и морская торговля. В результате разложения общины наряду с обезземелением значительной части земледельцев выделились зажиточные и средние слои. На историческую сцену выступила новая социальная сила рабовладельческого общества —демос.

В социально-экономическом отношении демос не был однороден. Если в целом он был заинтересован в ликвидации экономического преобладания и ниспровержении

[1] *Ф. Энгельс,* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 117.

политического господства родовой аристократии, то отдельные его слои руководствовались при этом различными целями. Безземельная беднота и мелкие земледельцы стремились отстоять свою личную свободу, а также свободу членов своей семьи от опасности долговой кабалы и мечтали о переделе земли и отмене долгов; наиболее состоятельная часть демоса—купцы, судовладельцы, хозяева ремесленных мастерских, землевладельцы незнатного происхождения—стремилась лишить аристократию её привилегий и утвердиться у власти. В борьбу включились и афинские *метеки,* пришлое население. Метеки были лично свободны, но, не будучи афинянами по происхождению, они не обладали политическими правами и были стеснены в некоторых других отношениях. Главную свою задачу поэтому метеки видели в том, чтобы добиться уравнения в правах с афинскими гражданами.

В начавшейся борьбе позиции афинских эвпатридов были ослаблены тем, что процессы имущественного расслоения затронули и их собственную среду. Одни аристократические роды разорялись; другие, приобщаясь к торговле и морскому делу, проникались новыми интересами и переходили на сторону состоятельной части демоса. В конечном счёте старые общественные отношения, пережитки родового строя, стеснявшие дальнейшее развитие афинского общества, были сломлены, сопротивление афинской родовой аристократии подавлено и господство её сокрушено, но для этого понадобилось более чем столетие напряжённой борьбы.

Одним из первых известных нам эпизодов в этой борьбе явилось выступление во второй половине VII в. до н. э. знатного афинянина Килона, попытавшегося с помощью своих сторонников и при поддержке своего родственника, мегарского тирана Феагена, осуществить в Афинах переворот. Попытка эта закончилась полной неудачей, так как афинский демос не поддержал Килона. Волнения в Афинах, однако, продолжались с нарастающей силой. Они побудили правящую родовую знать пойти на некоторые уступки, в частности, согласиться на первую запись устных правовых обычаев. Эта запись была произведена законодателем Драконтом около 621 г. до н. э. Законы Драконта, целью которых была защита частной собственности на движимость, сурово карали за посягательство на неё. (Выражение «драконовы законы» стало обычным названием для сурового законодательства.) Важной чертой этих законов была также отмена родовой мести в случаях непредумышленного убийства. Запись правовых обычаев процессуального характера, занимавшая в законах Драконта видное место, была призвана в какой-то мере ограничить произвол суда, находившегося в руках аристократии.

Реформы Солона

Несравненно более крупная победа была одержана афинским демосом в его борьбе с аристократией в 594 г. до н. э., когда были проведены так называемые реформы Солона. Выступление на политической арене Солона так описывается Аристотелем: «Большинство народа было в порабощении у немногих. Народ восстал против знатных. Смута была сильная и долгое время одни боролись против других; наконец, они избрали сообща посредником и архонтом Солона и поручили ему устройство государства».

По происхождению Солон принадлежал к эвпатридам, но разорился и, чтобы поправить свои дела, занялся торговлей, в связи с чем побывал во многих городах. Солон и его единомышленники не были заинтересованы в полном сохранении привилегий родовой знати и были склонны к некоторым компромиссам. Главная цель Солона состояла в том, чтобы ценой известных уступок удовлетворить наиболее настойчивые требования демоса и таким путём поднять благосостояние и обороноспособность Афин. Для осуществления этой цели и был проведён ряд реформ: отменены тяготевшие над аттическими земледельцами поземельные долги. Такая мера получила название *сейсахтейя,* т. е. «стряхивание бремени». Особые камни, поставленные на земле должника, теперь были сброшены в знак освобождения от долгового бремени. Навсегда была отменена долговая кабала, а проданные в рабство за долги афиняне были выкуплены и возвращены на родину; была установлена свобода завещания,

в силу которой выморочное имущество уже не обязательно попадало, как раньше, в род умершего, но каждому было предоставлено право завещать имущество по своему усмотрению. Был также осуществлён ряд мер, поощрявших ремесло и способствовавших развитию торговли.

Наконец, Солоном была проведена так называемая *тимократическая,* или цензовая, реформа. По этой реформе все афинские граждане независимо от их происхождения были разделены по имущественному положению на 4 разряда. В качестве единицы измерения доходов при этом была принята мера ёмкости, применявшаяся для зерна,— медимн. Афиняне, обладавшие годовым доходом от сельского хозяйства в 500 медимнов зерна, были отнесены к 1-му разряду (*пентакосиомедимны*), обладавшие доходом в 300 медимнов или способные содержать боевого коня — ко 2-му разряду (*всадники*), имевшие доход в 200 медимнов — к 3-му разряду (*зевгиты*) и, наконец, с доходом меньше 200 медимнов — к 4-му разряду (*феты*). Граждане первых двух разрядов пользовались всей полнотой политических прав, но несли обязанности, связанные с наибольшими расходами: первые выполняли *литургии,* т. е. повинности в пользу государства в виде постройки за свой счёт судов для афинского флота, устройства общественных праздников и т. д.; вторые служили в коннице. Зев-гиты были несколько ограничены в своих правах; они, например, не могли избираться в архонты и, следовательно, попадать в ареопаг. В ополчении они составляли тяжеловооружённую пехоту. Как и прочие воины, они должны были вооружаться за свой счёт. Наконец, феты обладали только правом избирать должностных лиц в народном собрании, но сами не могли быть избранными; в ополчении они служили как легковооружённые воины.

Реформы Солона затронули и политическое устройство Афин: на основе древних 4 фил был создан новый орган—«совет четырёхсот», в который избирались по 100 человек от каждой филы. Этот совет существовал параллельно с ареопагом, но отличался от него по своему составу. Если в ареопаге были представлены только высшие имущественные разряды, то в совет четырёхсот могли избираться все, кроме фетов; состав его, следовательно, был более демократичным. Что касается функций этих двух советов, то ареопаг сохранил своё значение, осуществляя общий контроль над государственными делами и, являясь верховным судом; совет же четырёхсот в перерывы между народными собраниями, по-видимому, решал за него текущие дела управления. Народное собрание, в период неограниченного господства эвпатридов почти утратившее всякое значение в политической жизни Афин, теперь вновь стало играть в ней видную роль. Аристотель связывает с именем Солона также учреждение в Афинах народного суда — *гелиэи.* По его мнению, это была одна из самых демократических реформ Солона, так как в гелиэе участвовали даже феты.

Таким образом, реформы Солона существенно видоизменили весь строй социально-политической жизни древних Афин, создали предпосылки для развития рабовладельческой собственности, выдвинули новый принцип имущественного ценза. Всё это, вместе взятое, наносило удар по пережиткам родового строя и господству родовой аристократии, тормозившим формирование афинского рабовладельческого общества.

Реформы Солона, однако, не довели начатого дела до конца и в этом смысле носили компромиссный характер. Высшие слои демоса получили доступ к власти, но ценз определялся доходами с земли, в связи с чем богатые представители демоса должны были делить власть с той же родовой, землевладельческой аристократией. Аттические мелкие земледельцы добились многого: они были освобождены от долгов, избавлены от опасности долгового рабства, многие из бежавших вернулись на родину и, поскольку закладные камни были сброшены, очевидно, вернули себе землю. Общего передела земли демос, однако, не добился. Между тем земледельческая родовая аристократия, вынужденная пойти на уступки, в дальнейшем обнаружила стремление вернуть потерянное и восстановить своё прежнее господство.

Поэтому вскоре после проведения реформы социально-политическая борьба в Афинах возобновилась с новой силой.

Тирания Писистрата

В ходе напряжённой социально-политической борьбы после реформ Солона население Аттики разделилось на несколько групп, имевших свои определённые политические требования. Основу одной из этих групп составляли *педиэи* (жители равнины, т. е. той части Аттики, где были расположены лучшие и наиболее плодородные земли); это были крупные землевладельцы, сторонники аристократического правления. Другую группу составляли *диакрии* (жители гор, т. е. той части, где находились худшие земли); это были мелкие земледельцы, сторонники демократии. Третью группу составляли *паралии* (жители прибрежной полосы); это были главным образом торгово-ремесленные круги; они были, как определяет Аристотель, «сторонниками умеренного образа правления». В 560 г. до н. э. в Афинах произошёл переворот. Писистрат, опираясь на диакриев, захватил афинский кремль — акрополь и установил свою власть в Афинах.

В ходе дальнейшей борьбы с двумя другими политическими группировками — педиэями и паралиями — Писистрат дважды был вынужден оставлять Афины и только в третий раз с помощью наёмного войска и при поддержке земледельческого населения окончательно утвердился у власти. В основном политика Писистрата была направлена против родовой аристократии, на защиту интересов средних и частично мелких земледельцев. Им он, по-видимому, раздавал конфискованные у своих политических врагов земли, для них же организовал дешёвый сельскохозяйственный кредит, ввёл разъездные суды. Земледельческий культ Диониса он, подобно коринфскому тирану Периандру, объявил общегосударственным.

В годы правления Писистрата были достигнуты также значительные внешнеполитические успехи: афиняне укрепились на обоих берегах Геллеспонта, что способствовало развитию афинской торговли на Чёрном море и росту товарного производства в самих Афинах. Это подтверждается многочисленными находками афинской керамики времени Писистрата на побережье Черного моря, наглядно свидетельствующими о значительном расширении в Афинах производства керамических изделий и о растущем их вывозе. К этому же времени относится переход значительной части земледельческих хозяйств от посева зерновых к садоводству (разведению олив и винограда), продукция которого также служила предметом вывоза. Афины богатели. В городе строились новью храмы, воздвигались статуи, был сооружён водопровод и т. д. Проведение всех этих работ также стимулировало развитие афинского ремесла. В это же время Афины становятся одним из культурных центров Греции. Писистрат приглашал к своему двору выдающихся поэтов того времени; при нём были записаны гомеровские поэмы. Политика Писистрата, таким образом, отвечала интересам не только его непосредственных сторонников из среды мелких свободных земледельцев, но и интересам значительно более широких, в частности, торгово-ремесленных кругов афинского населения. Известно также, что с тиранией Писистрата примирились и некоторые из оставшихся в Аттике аристократических родов. Однако внешнеполитические мероприятия и содержание наёмного войска требовали значительных средств. В поисках этих средств Писистрат ввёл налоговое обложение, что ухудшило положение земледельцев и, надо думать, многих из них оттолкнуло от Писистрата.

В 527 г. до н. э. Писистрат умер. Власть перешла к двум его сыновьям—Гиппию и Гиппарху. Надолго удержать её они не смогли. В Афинах началось движение против тирании. В 514 г. Гиппарх был убит заговорщиками, а в 510 г. с помощью спартанцев, привлечённых противниками тирании, Гиппий был изгнан из Афин. Последовавшая за этим попытка аристократов захватить власть и восстановить старые порядки вызвала восстание демоса, низвергнувшего уже утвердившееся было аристократическое правительство «трёхсот». При этом афинянам пришлось выдержать борьбу

и с поспешившими на помощь афинской знати халкидянами и беотийцами. Повторная попытка спартанцев вторгнуться в Аттику окончилась неудачей.

Реформы Клисфена

Победа, одержанная восставшими, была закреплена рядом реформ, проведённых возглавившим афинскую демократию Клисфеном, принадлежавшим к влиятельному роду Алкмеонидов. Важнейшая из реформ Клисфена — новое деление афинских граждан, построенное на последовательно проведённом территориальном принципе. Вся территория Аттики и кварталы самого города Афины теперь были разделены на 30 округов — *триттий.* Каждые три взятые из различных мест Аттики и кварталов города триттий образовывали собой новую филу, которых стало, таким образом, десять. Благодаря этому новому делению в состав каждой филы вошли граждане, проживавшие в различных частях Аттики и различных кварталах города; фактическое же преобладание перешло к приморским и главным образом городским элементам населения. Новые территориальные филы подразделялись на *демы* — первичные административные единицы, пользовавшиеся известным самоуправлением.

Исторический смысл этой реформы заключался в том, что она стерла старые родовые деления, разобщила родовую знать, лишив её прежнего влияния в народном собрании, голосовавшем теперь по новым филам.

Организация новых фил предопределила замену «совета четырёхсот» «сонетом пятисот» (по 50 человек от каждой филы). На совет пятисот лёг ряд новых обязанностей. Он подготавливал дела к рассмотрению в народном собрании, выносил по ним предварительные решения; без этого ни одно дело в народном собрании рассматриваться теперь не могло. Совет приводил в исполнение все решения народного собрания и решал второстепенные вопросы в период между его созывами.

Клисфеном был создан ещё один новый орган — коллегия *стратегов,* избираемых по одному от каждой филы. Первоначально стратегам принадлежали главным образом военные функции, в дальнейшем же в их руках сосредоточилась высшая исполнительная власть. По свидетельству Аристотеля, при Клисфене были также расширены ряды афинских граждан путём предоставления многим метекам гражданских прав; может быть, некоторому числу рабов были даны права метеков. Для того, чтобы предохранить новый порядок от покушений на него со стороны врагов, был введён *остракизм — в* дословном переводе «черенкование». Остракизм представлял собой форму тайного голосования, при котором каждый голосующий писал на черепке имя человека, казавшегося ему опасным для существующего строя. Если одно и то же имя повторялось при подсчёте голосов 6 тыс. раз, то носитель этого имени подвергался изгнанию сроком на 10 лет без конфискации имущества. В дальнейшем остракизм нашёл широкое применение в политической борьбе. Используя его, политические деятели победивших группировок избавлялись от своих врагов и соперников.

Реформами Клисфена завершается длившийся более чем столетие период острой борьбы между родовой аристократией и демосом.

В рассматриваемое время в афинском обществе уже с достаточной чёткостью сложились основные классы — рабы и рабовладельцы. Все рабы были в одинаковой степени лишены личной свободы, все они не имели никаких политических и гражданских прав. Рабы отныне становятся основным угнетаемым и эксплуатируемым классом, хотя формы их эксплуатации носили неоднородный характер.

Свободное население Афин было далеко не единым по своему составу Господствующее положение занимал класс рабовладельцев. К нему следует отнести крупных: по аттическим масштабам землевладельцев, владельцев ремесленных мастерских, использовавших труд рабов, а также богатых купцов, ростовщиков и т. д., т. е. всех тех, материальное благосостояние которых базировалось на эксплуатации труда рабов. Большую часть свободного населения составляли труженики, которые располагали собственными средствами производства — участками земли, орудиями ремесленного производства и т. д.,— и жили в основном своим трудом. Это были

возделывавшие свои поля и сады земледельцы, мелкие ремесленники, мореходы, нанимавшиеся к судовладельцам, и т. д. Некоторым из представителей этих свободных тружеников удавалось разбогатеть, обзавестись рабами и стать рабовладельцами; другие, напротив, разорялись, становились жертвами ростовщиков, превращались в люмпен-пролетариев или вынуждены были покидать родину, чтобы попытаться устроить свою жизнь" в колониях или стать наёмниками в войске какого-нибудь чужеземного царька.

5. Идеология и культура Греции в VIII—VI вв. до н. э.

VIII—VI века до н. э. были периодом значительного подъёма культуры древней Греции. Во многом эта культура была основана на достижениях старых рабовладельческих государств Востока. К началу VIII в. или, быть может, к несколько более раннему времени относится возникновение греческого алфавита, основанного на применении финикийских знаков. В VII—VI вв. начинается запись мифов греческой древности, обычное право постепенно оттесняется письменным законом, литературное творчество вступает в новый период своего развития, появляются первые научные произведения, известные нам, правда, только в отрывках, возникает материалистическая философия, враждебная идеализму и религии. Существенные сдвиги происходят также в развитии изобразительных искусств и архитектуры. К началу V в. складываются основные условия для последующего расцвета эллинской культуры, сыгравшей огромную роль в культурном развитии человечества.

Религия

К началу рассматриваемого периода уже успели сложиться религиозные верования, которые с большими или меньшими оговорками могут быть названы общими для всех греков. К концу этого периода в основных чертах складывается так называемая олимпийская религия. Семья олимпийских богов, возглавляемая отцом богов и людей — Зевсом,— это сколок патриархальной семьи времён распада первобытно-общинного строя. Все подчинённые Зевсу олимпийские боги связаны с ним узами кровного родства. В пору неограниченного господства родовой знати те или другие божества нередко объявлялись предками наиболее влиятельных аристократических родов.

Культ олимпийских богов в несколько изменённом виде продолжал существовать и в дальнейшем. Олимпийские боги становятся покровителями гражданской общины, они освящают своим авторитетом её установления. С этой целью подверглись соответствующему изменению древние мифы или создавались новые сказания. Враждующие друг с другом государства нередко пользовались мифологическим материалом для оправдания своей политики.

Из мифов, иной раз трактуемых чрезвычайно свободно, черпали сюжеты для своих произведений греческие поэты и художники. При Писистрате в Афинах (VI в. дон. э.) были записаны «Илиада» и «Одиссея» Гомера, сложившиеся задолго до этого времени и распространявшиеся до тех пор в устной передаче. К VII—VI вв. относятся также дошедшие до нас лишь в отрывках так называемые «киклические поэмы», в которых собраны народные сказания, дополняющие эпос Гомера. Эти поэмы, далёкие от совершенства «Илиады» и «Одиссеи», выражали потребность в более систематическом изложении любимых эпических рассказов. Одни из «киклических поэм» охватывают время Троянской войны, другие восходят к более ранней поре (сказания о кровавых раздорах в царском семействе города Фив, о богатырских подвигах Геракла, морском походе аргонавтов за волшебным «золотым руном» в Колхиду и т. п.). Важным источником наших знаний о греческой мифологии являются также хвалебные обращения к богам, служившие обычно прологом к чтению стихов Гомера (так называемые «гомеровские гимны»). Они ещё несут на себе отпечаток живого народного творчества, хотя древнейшие из них возникли не раньше VII в. Наконец, к тому же

времени относится попытка великого греческого поэта Гесиода (конец VIII — начало VII в.) собрать в единое целое разнообразные мифы Эллады. Его «Теогония» (поэма о рождении богов) сохранила некоторые представления, гораздо более первобытные, чем имеющиеся в «Илиаде» и «Одиссее». Вместе с тем поэма Гесиода представляет собой первую попытку отыскать в преданиях седой старины картину происхождения мира и справедливого миропорядка.

С превращением олимпийской религии в официальную религию полисов участие в культах олимпийских богов становится неотъемлемым правом и вместе с тем обязанностью граждан. Особого сословия жрецов в греческих полисах не существовало, соответствующие функции во время праздников или торжественных жертвоприношений выполнялись обычными избираемыми в народном собрании должностными лицами.

Важную роль в религиозной жизни всей Греции в VIII—VI вв. играли храм Аполлона в Дельфах, храм Аполлона на Делосе — религиозный центр всех ионийских греков, храм Зевса в Олимпии и др. На организуемые этими храмами празднества, всегда сопровождавшиеся спортивными, музыкальными и поэтическими состязаниями, стекалась масса людей из самых различных, часто очень отдалённых греческих городов. Здесь встречались представители греческих государств для ведения переговоров. Вокруг популярных храмов создавались особые объединения, так называемые *амфиктионии* — союзы соседних племён, превратившиеся в своеобразные объединения полисов.

Олимпийская религия освящала классовую основу греческого общества — противоположность господина и раба, родовитого землевладельца и простого сельского труженика, богатого собственника и рядового горожанина, занятого физическим трудом. Недовольство сложившимся классовым строем также нередко принимало религиозные формы. Оно выражалось, например, в широком распространении культа Диониса, божества-покровителя земледелия, в народных празднествах в его честь, в мистериях богини земли и плодородия Деметры, утешающей человека в его горестях, и т. п. На почве этих религиозных исканий в VI в. сложилась религиозная организация орфиков (по имени легендарного певца Орфея). Среди аристократии возникали свои мистические объединения, игравшие активную реакционную роль в политике.

Материалистическое учение о природе. Зачатки научной критики религии

Важным достижением Греции VIII—VI вв. до н. э. было начало научного исследования природы. Новое мировоззрение выдвигает идею бесконечности материального мира во времени и пространстве. Передовая мысль, связанная с подъёмом наиболее развитых греческих городов Малой Азии, выступает против мифологических сказок Гомера и Гесиода.

Религия олимпийских богов подвергается критике. Впервые рождается мысль о том, что не человек есть создание божественных сил, а, наоборот, боги созданы человеческой фантазией по образу и подобию самого человека.

Резкие нападки на антропоморфизм традиционных верований содержат отрывки из сочинений поэта-философа Ксенофана, уроженца малоазийского города Колофона, относящиеся к концу рассматриваемого периода:

Все про богов сочинили Гомер с Гесиодом совместно...
Нет, если бы руки имели быки, или львы, или кони,
Иль рисовали руками и всё создавали, что люди,
Стали б тогда и богов рисовать они в облике сходном —
Кони — подобных коням, а быки — как быков, и фигуры
Создали бы точно такие, какие имеют и сами.

В древней Греции того времени философ был прежде всего наблюдателем природы, человеком большого практического опыта. Его наблюдения касались самых различных областей науки — от астрономии до медицины, его философские взгляды

были часто наивны, но в них преобладали элементы материализма. Уже в древней Греции происходит борьба материализма против идеализма, диалектики против метафизики.

Родиной первых греческих философов были передовые города Ионии. В рассматриваемое время общественная и культурная жизнь била в них ключом. Географическое местоположение этих городов позволило им раньше, чем другим, завязать тесные связи со странами древневосточной цивилизации. Таким путём в ионийские города проникают первые, вначале ещё очень элементарные, знания в области геометрии, механики, астрономии, метеорологии, медицины и др.

В борьбе с религиозной фантазией возникает новое мировоззрение — ионийская натурфилософия.

По свидетельству Аристотеля, главное у ионийских натурфилософов состояло в том, что они признавали только материальную основу мира, считая, что к этой основе сводится всё существующее: «... из неё вещи зарождаются в самом начале и в неё превращаются при окончательном уничтожении, причём первооснова остаётся неизменной сущностью, а меняются только её состояния».

Первым по времени представителем ионийской натурфилософии был Фалес из Милета, самого крупного и цветущего города на ионийском побережье. Учение Фалеса (конец VII—начало VI в.) известно нам только по высказываниям о нём авторов более позднего времени. От них мы знаем, что Фалес считал первоначалом всего существующего воду. Тот факт, что Фалес оказался в состоянии прийти к мысли о существовании единой материальной основы, проявляющейся в бесконечном разнообразии форм, доказывает исключительную для своего времени силу обобщающей мысли. Учение Фалеса было выражением того мировоззрения, которое Энгельс назвал «первоначальным стихийным материализмом».

Фалес обладал обширными сведениями в различных областях нерасчленённого ещё на отдельные дисциплины научного знания. Существует предание о том, что Фалес предсказал солнечное затмение 585 г. Геродот рассказывает, что в области политики Фалес стоял за объединение ионийских городов в единое государство. Согласно легенде, он первым усвоил и перенёс в Грецию из Египта основы геометрии. Греческий писатель Плутарх пишет, что Фалос у египтян научился полагать воду основой всего. Греческие философы-материалисты таким образом не начинали всё сызнова, они развивали далее начатки научного мировоззрения, возникшие в странах древнего Востока.

Младшим современником Фалеса и представителем того же философского направления был Анаксимандр, также живший в Милете. Разделяя материалистическое миросозерцание Фалеса, он пошёл дальше по пути научной абстракции. В качестве материальной первоосновы всего существующего он называет нечто «беспредельное» (по-гречески *апейрон*). Апейрон стоит над четырьмя элементами мироздания (земля, вода, огонь и воздух), которые сами являются различными и, так сказать, равноправными его разновидностями или проявлениями. Анаксимандр считал наш мир не единственным, но только одним из многих других, возникающих и погибающих миров.

Третий представитель ионийской натурфилософии — Анаксимен (начало VI в.) вернулся к мысли Фалеса о конкретном первовеществе, но в отличие от последнего считал этим первовеществом не воду, а воздух. Как основная стихия, воздух, в его представлении, обладает свойством переходить во все другие виды материи: путём разрежения — в огонь, путём последовательных уплотнений — в туман, воду, землю, камень. Условием и причиной перехода воздуха в другие состояния Анаксимен считал изменения температуры — тепло и холод: холод уплотняет, сжимает воздух, тепло разрежает его. Таким образом, Анаксимен сделал попытку объяснить многообразие чувственно воспринимаемого мира. Наивность этой попытки, при весьма ограниченном в ту эпоху объёме положительных знаний, вполне понятна. При всей

их наивности такие догадки, однако, пролагали дорогу научному мировоззрению, были направлены против религии, идеализма и мистики.

Дальнейшее развитие ионийская материалистическая философия получила в замечательном по своей глубине и яркости учении Гераклита (конец VI в.). В Эфесе, родном городе Гераклита, перевес был уже целиком на стороне демоса. Будучи по рождению аристократом из древнего, некогда царского рода, Гераклит враждебно относился к демократии, осуждая, например, принцип равенства граждан. Но Гераклит вместе с тем был одним из самых крупных мыслителей своего времени. По-видимому, он отдавал себе полный отчёт в неизбежности происходивших на его глазах исторических перемен. Размышляя над причинами этих перемен и глубоко вдумываясь в окружающую действительность, он выразил основной принцип своего мировоззрения в краткой формуле—«всё течёт». По мнению Гераклита, вечное и беспрерывное движение —основной закон мироздания, одинаково управляющий и общественной жизнью и жизнью природы. Разделяя мировоззрение ионийских материалистов, он не мог обойти вопроса о мировом первовеществе. Этим первовеществом был у Гераклита огонь — наиболее подвижная стихия. Переход от первовещества ко всем остальным — воздуху, воде, земле — он представлял себе в виде последовательных превращений огня, его «погасании» и новых «воспламенении», т. е. как вечное его движение.

Сочинения Гераклита не сохранились, но до нашего времени в трудах греческих философов более позднего времени дошёл ряд его изречений. Поясняя свою мысль о непрерывном движении всего существующего, он говорил: «Нельзя дважды войти в один и тот же поток», так как вода, в которую мы первый раз входили, уже ушла, и сами мы успели измениться. Это непрерывное движение, в котором возникают и прекращают своё существование отдельные вещи, Гераклит представлял себе как постоянную борьбу противоположностей: «Необходимо знать всеобщий закон, что борьба и есть справедливость, что всё возникает в борьбе по непреклонному закону необходимости».

В другом сохранившемся отрывке Гераклит с полной определённостью говорит: «Этот мировой порядок—один и тот же для всех вещей—не создал никто из богов, никто из людей, но он был всегда, есть и будет вечно живым огнём, точной мерой воспламеняющимся и точной мерой угасающим». По поводу этой мысли Гераклита В. И. Ленин заметил: «Очень хорошее изложение начал диалектического материализма» [1].

Значение Гераклита в истории философии заключается в том, что он первым из греческих мыслителей выразил некоторые принципы диалектики. Само собой разумеется, что при всей глубине отдельных мыслей Гераклита диалектика его в целом ещё очень ограниченна. Мировое движение он представляет себе лишь как постоянное повторение одного и того же замкнутого цикла. И тем не менее идеи всеобщего движения, борьбы и единства противоположностей навсегда связаны с именем Гераклита.

Отмечая большие сдвиги в представлениях греков о природе, нельзя закрывать глаза на то, что в ионийской натурфилософии оставались ещё сильными пережитки мифологических представлений. Объясняя известные ему магнитные и электрические явления (притяжение железа магнитом, лёгких тел—натёртым янтарём), Фалес допускает существование «души» магнита и янтаря. Учение Фалеса о воде как праэлементе обнаруживает ещё известное родство с мифологическими представлениями о первичном океане, окружающем землю, распространёнными как в греческой мифологии, так и в ряде стран древнего Востока. Согласно Анаксимандру, «первоначально человек произошёл от животных другого вида»; предки людей, по его мнению, жили когда-то внутри рыб: рыбы выбрасывали их на сушу покрытыми твёрдой скорлупой или чешуей. Сходное воззрение было распространено в Вавилонии.

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, стр. 318.

Примитивными оставались и представления о форме земли. По Фалесу, земля имела форму плоского диска, плавающего на поверхности безграничного океана. По Анаксимену, плоская земля имеет форму стола, по Анаксимандру, земля— это цилиндр. Не существовало правильного объяснения и таких явлений, как затмения солнца и луны. Если древние авторы сообщают, что Фалес предсказал солнечное затмение, то отсюда нельзя сделать вывод, что ему были знакомы истинные причины подобных явлений. Периодичность лунных затмений была известна и вавилонянам. Это позволяло с определённой долей вероятности предсказывать и затмения солнечные. Надо полагать, что на подобных способах предвидения основывался и Фалес.

Идеалистическое направление в философии

Если в истории греческого материализма большую роль играет непосредственное наблюдение природы, то наука, требующая более высокой абстракции,—математика—уже в древности подвергалась различным извращениям в духе идеализма. Магия чисел была одним из таинственных знаний, которые молва приписывала египетским и вавилонским жрецам. В Греции такого рода мистические учения развивались религиозным союзом пифагорейцев. Хотя в настоящее время очень трудно установить, что принадлежало здесь собственно Пифагору, несомненно, что в его лице мы имеем основателя первой идеалистической школы в Греции. Уроженец Самоса Пифагор покинул свой родной город, когда в нём пришёл к власти тиран Поликрат. Поселившись в Кротоне (город в Южной Италии), он основал здесь «пифагорейский союз» — религиозное объединение местной аристократии, которое ставило себе реакционные политические цели. Пифагорейцам удалось добиться господства в Кротоне и других колониях Великой Греции. После смерти Пифагора, уже в V в., власть основанного им союза была сломлена восстанием городской демократии. Многие пифагорейцы при этом погибли, остальные рассеялись по другим греческим городам.

По преданию, Пифагор совершил путешествие в Египет, где и ознакомился с математическими знаниями египетских жрецов. Мистика пифагорейцев искала себе опоры в отделении абстракции числа от его материальной основы. Цифрам, их порядку и соотношениям придавался характер великой тайны. Так, например, число один выражало зло, число два — добро и т. д. Предание связало с именем Пифагора ряд математических открытий. Однако в данном случае мы большей частью имеем дело с позднейшими легендами.

Другой путь отрыва логической абстракции от материальной действительности проповедовала школа элейцев (по имени города Элеи в Южной Италии). Элейская школа возникла во второй половине VI в. до н. э. Её основателем был поэт-философ Ксенофан, поселившийся уже в преклонном возрасте в Южной Италии. Его учение, известное нам в отрывках, ещё сохраняет связь с ионийской натурфилософией. Но в нём уже есть зачаток идеализма, развитого продолжателями Ксенофана — Парменидом, Зеноном и Мелиссом.

Идеализм элейской школы основан на отрыве бытия от движения. Его остриё было направлено против материалистической диалектики Гераклита. Последователи Ксенофана не принимали тех выводов о неизбежном ходе вещей, которые сделал великий мыслитель из Эфеса. Вопреки очевидности элейцы доказывали неподвижность мира. Эти доказательства они старались основать на том, что всякое движение противоречиво. Противоречия же они не признавали реально существующими. Существование движения признавалось ими поэтому обманчивым. Для элейцев характерно осуждение чувственного познания мира и в дальнейшем—превращение неподвижного, всегда себе равного бытия в идеалистическую абстракцию.

В лице элейцев против стихийной диалектики первых греческих мыслителей выступает метафизическое воззрение, оправдывающее косность уходящих в прошлое общественных порядков.

Поэзия

В период VIII—VI вв. до н. э. греческая литература переживает новую фазу своего развития. Реальная жизнь всё чаще проникает в мир поэзии. Уже в так называемых «гомеровских гимнах» встречаются отдельные эпизоды жанрового характера. Так, гимн Гермесу содержит «плутовской» рассказ о хитром боге, крадущем быков, гимн Афродите — стихотворную новеллу о любовной связи богини с героем Анхисом. Во второй половине VI в. Гиппонакт из Эфеса пародирует стиль «гомеровских гимнов». Сочиняется пародия на «Илиаду»—шуточная поэма «Батрахомиомахия» (конец VI — начало V в.), в которой с эпической важностью ведётся рассказ о войне мышей и лягушек.

В дальнейшем развитии греческой литературы всё более отчётливо выступает обыденная жизнь, личность с её интересами и влечениями. Замечательная поэма Гесиода «Труды и дни» описывает быт греческого общества с точки зрения простого земледельца, страдающего от произвола богатых и сильных. С горечью говорит Гесиод о злоупотреблениях знати, сравнивая положение беотийского крестьянина с участью соловья, попавшего в когти ястреба. Идеал самого Гесиода — честный труд простых людей. Поэма содержит хозяйственные советы и моральные наставления. Поэт осуждает упадок патриархальных нравственных норм под влиянием своекорыстия, погони за обогащением, говорит о гнусных сетях, в которых легко запутаться и погибнуть честному человеку, окружённому хищными носителями принципа частной собственности. Поэт различает двух богинь Эрид (по-гречески *эрис*—спор, распря)—добрую и злую. Дело злой Эриды —когда «гончар смотрит с гневом на гончара, плотник на плотника, нищий завидует нищему, певец певцу». Дело Эриды доброй — мирное соревнование людей в труде.

Гесиод повествует о пяти веках, выражая в этой легенде свой собственный печальный взгляд на современную ему действительность. Первый век — золотой, когда люди жили, не зная забот и труда, а нивы сами собой приносили обильные плоды. Его сменили века серебряный, медный и век героев. Время поэта — век железный царство вражды, заботы и печали. Настанет пора, когда стыд и справедливость, облечённые в белые одежды, уйдут на Олимп и навсегда покинут людей, в удел которым останется только скорбь.

Таким образом, в поэме «Труды и дни» мы встречаемся с новым, нравоучительным *(дидактическим)* жанром поэзии.

Весьма характерным для общественной и культурной жизни Греции в VII—VI вв. до н. э. было усиление роли лирической поэзии. Сам термин *лирика* — условен. Он происходит от слова «лира»—названия музыкального инструмента, под аккомпанемент которого исполнялись соответствующие произведения; однако на самом деле лирические произведения исполнялись также в сопровождении других инструментов, например флейты, а иногда и без музыкального сопровождения.

Греческая лирика уходит своими корнями в древнее народное творчество: праздничные хоровые народные песни, песни обрядовые (например, свадебные), трудовые песни жнецов, пахарей, прях и т. д. В дальнейшем лирика становится самостоятельным родом поэзии.

Лирическая поэзия чутко откликалась на все волнующие вопросы общественной жизни. Так, Каллин (первая половина VII в.) воспевает не военные подвиги, совершаемые ради добычи и славы, а доблесть мужа, который сражается «за родину, за малых детей, за молодую жену». Герой спартанского поэта Тиртея (вторая половина VII в.) — смелый воин, «шагнув широко, крепко стоит, упершись ногами в землю, закусив свои губы». В энергичных, написанных на дорийском наречий анапестах Тиртея звучит призыв к «мужам прославленной Спарты» но щадить своей жизни в бою. Стихотворения Солона написаны в защиту и оправдание проведенных им реформ. Аристократ Феогнид, изгнанный из Мегар, изображает восстание демоса в виде бури, бросающей корабль из стороны в сторону; искусный кормчий низложен моряками,

Базилика в Пестуме (Италия).
Один из наиболее сохранившихся образцов храма дорического стиля. VI в. до н. э.

и на судне начальствуют простые грузчики. «Твёрдой ногой наступи на грудь суемыс-лящей черни» — таков призыв этого врага демократии. Другой приверженец аристократической партии, Алкей, клеймит своих политических противников, не скрывая крайнего раздражения и личной неприязни. Примером того, какое видное место занимала лирическая поэзия в общественной жизни, может служить рассказ греческого писателя начала нашей эры Плутарха о Солоне. В период, когда афиняне отказались от борьбы за остров Саламин, находившийся в руках мегарцев, Солон, появившись на городской площади, прочёл свои стихи, заканчивавшиеся призывом «сразиться за прекрасный остров и сбросить с себя гнетущее бесчестье». По словам Плутарха, клич этот был подхвачен афинской молодёжью, и мегарцы были изгнаны с захваченного ими Саламина.

В лирике раскрываются думы и чувства людей того времени во всём их своеобразии. Архилох, окончивший впоследствии жизнь на поле боя, рисует в стихах свой собственный образ скитальца-воина («пью, опершись на копьё»). На рубеже VII и VI вв. выступает первая известная нам по имени женщина-поэт — Сапфо. Она жила в той части Эллады, где положение женщины было более свободно, нежели в других её частях а именно—на острове Лесбос, у берегов Малой Азии. Сопоставляя стихи Алкея, Архилоха, Сапфо, можно убедиться в том, насколько широк стал диапазон лирической поэзии,— от дикой, почти варварской грубости, от нескрываемой злобной радости по поводу смерти врага до тончайших образов «фиалковенчанной» Сапфо. В стихотворениях Анакреонта (вторая половина VI в. дон. э.) воспеты вино и любовь; его стихи вызвали впоследствии многочисленные подражания в мировой литературе («анакреонтическая поэзия»).

К рассматриваемому периоду относятся возникновение *трагедии,* которая выросла на основе весенних празднеств в честь бога Диониса. Самое слово «трагедия» — греческое и происходит от слов *трагос* (козёл) и *одэ* (песня). Хор, исполнявший хвалебные песни в честь Диониса (так называемые *дифирамбы),* обычно наряжался в шкуры козлов, певцы приставляли себе козлиные рога, изображая козлорогих божеств-сатиров, по мифу—спутников Диониса. Запевалой или предводителем хора был *корифей* (по-гречески *корифэ* — вершина). Он повествовал о странствиях и подвигах Диониса, хор отвечал ему дифирамбами. Изобретателем трагедии традиция считает Феспида (вторая половина VI в. до н. э.). Диалог корифея и хора Феспид осложнил введением диалога между корифеем и одним из участников хора, получившим название «ответчика» (или, согласно позднейшей терминологии, *актёра*).

Появление литературной прозы

В конце рассматриваемого периода в Греции зарождается литературная проза. Родиной прозы были греческие города ионийского побережья Малой Азии. Интерес населения этих городов к заморским странам, к их настоящему и прошлому вполне понятен. На этой почве в ионийских городах складывается особый жанр устной повести, в основе которой лежат рассказы бывалых людей о виденном и слышанном ими во время путешествий. Эти рассказы отчасти содержали в себе вполне реальные данные географического, этнографического и исторического характера, отчасти были построены на вымыслах и фантазии. Устный рассказ-повесть такого типа прочно вошёл в культурный быт ионийского населения, получив название *логос* (в буквальном переводе — «слово», «сказ»). Вместе с распространением письменности подобные рассказы стали записываться, причём так, как они рассказывались, т. е. не стихами, а прозой. Авторы этих произведений в отличие от поэтов вошли в историю греческой литературы под именем *логографов.* Античная традиция называет в качестве одного из первых представителей прозаического жанра милетянина Кадма, писавшего в середине VI в. до н. э. Из других логографов, писавших уже в самом конце VI и начале V в. до н. э., наибольшей известностью пользовался Скилак из карийского города Карианды, автор рассказа о путешествии в Индию, и милетянин Гекатей, которого с некоторыми оговорками можно назвать первым греческим географом и в то же время историком.

Второй формой прозаического повествования были басни — народные рассказы, в которых действующими лицами обычно выступали животные. Первым греческим баснописцем был Эсоп. Жил он примерно в середине VI в. и, по рассказу Геродота, был рабом фригийского происхождения. Басни Эсопа переводились впоследствии на многие языки и оказали влияние на видных баснописцев мировой литературы.

Искусство

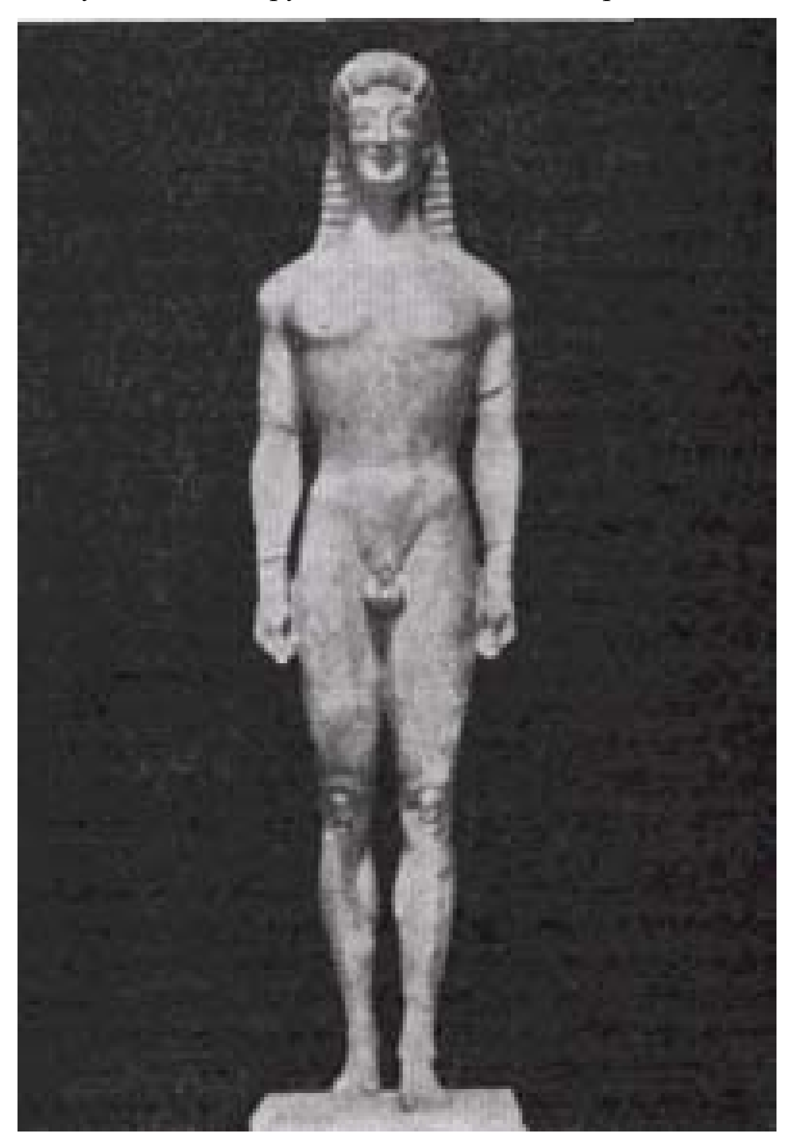
VIII—VI века являются важным этапом в развитии греческого искусства. Наибольшего развития достигает архитектура.

Среди архитектурных памятников этого периода первое место по своей художественной значительности занимали храмы. Древнейшие храмы были деревянными; черты деревянного зодчества сохранились и в позднейших каменных храмах. Постепенность перехода от дерева к камню наглядно выступает на примере храма Геры в Олимпии, где дубовые колонны мало-помалу заменялись каменными.

К концу VII в. сложились два вида колонн, два основных типа так называемых архитектурных ордеров — дорический и ионический. Дорический получил наибольшее распространение в Южной Италии и Сицилии (Пестум, Селинунт, Акрагант), а также в Балканской Греции (Олимпия, Коринф), ионический —на островах Эгейского моря (Самое) и на берегах Малой Азии (Эфес). В более строгом и мощном дорическом ордере несколько утончающиеся кверху колонны лишены баз, каннелюры (выемки) на стволе колонны образуют при встрече острые рёбра, венчающая капитель состоит из круглой, несколько расширяющейся кверху части и лежащей на ней четырехугольной плиты. В отличие от дорической ионическая колонна имеет сложную профилированную базу, каннелюры её отделены друг от друга

дорожками; характерным отличием её капители являются завитки, так называемые волюты. Фриз над колоннами представляет собой сплошной пояс или ленту, покрытую скульптурными изображениями. Выработанная греками система форм осталась важным средством художественной выразительности в архитектуре.

Архаическая скульптура совершила громадный путь от примитивных идолов в виде столбов, увенчанных грубо схематичным изображением человеческой головы, до почти свободной передачи очертания тел в таких произведениях, как скульптурная группа «гиган-томахии» (война богов и титанов), созданная афинскими мастерами в конце VI в. Одно из наиболее ранних произведений ионийской художественной школы — так называемая делосская Артемида (VII в.) стоит ещё неподвижно лицом к зрителю, с опущенными вдоль тела руками. Сзади и сбоку фигура ограничена почти гладкими плоскостями, которые придают ей четырёхгранный характер.

Статуя Аполлона Тенейского.
Середина VI в. до н. э. Мрамор.

Дальнейшее развитие скульптуры, достигшей высокого совершенства в изображении человеческого тела, определялось не только ростом профессионального мастерства древнегреческих ваятелей, но и особенностями общественной жизни в древнегреческом полисе.

Самой важной областью воспитания, по крайней мере в более древнее время, считалось физическое развитие. Война стала обычным делом, и главная доля участия в ней всё более переходила к широкой массе рядовых граждан. Мелкие государства постоянно враждовали между собой, а победа в войне в значительной мере зависела от способности полиса выставить достаточное число выносливых и сильных воинов. Благодаря этому телесные упражнения стали в Греции важным общественным делом. Тренировка начиналась с раннего возраста и совершалась в специально отведённых для этого местах — *гимнасиях* и *палестрах* — под наблюдением воспитателей. Большую роль в общественной жизни играли всякого рода шествия, хороводные пляски, иногда пляски с оружием. Праздники обычно сопровождались соревнованиями: гимнастическими, конными и музыкальными. Очень рано (ещё в VIII в. до н. э.) возникли общегреческие состязания, важность которых в жизни древней Эллады видна из того, что даже летоисчисление велось по олимпийским играм, совершавшимся каждые четыре года во время празднества Зевса в Олимпии, причём это четырёхлетие называлось по имени победителя в беге. (Летоисчисление по олимпийским играм было установлено в III в. до н. э.).

В Греции постепенно развилось глубокое понимание пластических форм живого тела — основа высокого развития скульптуры. Первыми произведениями этого типа были статуи, найденные на островах Эгейского моря и в Балканской Греции. Все они ещё в сущности примыкают к восточным образцам, особенно к египетскому типу мужской статуи с выдвинутой вперед левой ногой. По-египетски трактованы часто и волосы. Однако имеются уже существенные отличия. Одной из своеобразных черт ранней греческой скульптуры является попытка передать выражение лица посредством улыбки.

Для зрелой архаики характерны статуи евушек в длинных, красиво драпирующих тело одеждах. Это любимый мотив ионийской скульптуры VI в.

Особенно характерно для ионийской культуры создание хиосского скульптора Архерма— статуя, изображающая полёт богини победы Ники, первая известная нам в греческом ваянии попытка передачи быстрого, живого движения. Скульпторы архаической Греции широко пользовались раскраской статуй, которая в те времена носила особенно яркий, декоративный характер.

Амфора работы мастера Андокида с изображением Геракла и адского чудовища Кербера. Образец аттичесной чернофигурной вазовой живописи второй половины VI в. до н. э.

О живописи этого периода приходится судить главным образом по расписным глиняным вазам. Греческая вазовая живопись прошла в своём развитии несколько стадий. Сначала господствует так называемый геометрический стиль. Постепенно наряду с геометрическим орнаментом стали появляться более или менее схематизированные изображения птиц, оленей, лошадей. В середине VII в. в росписи на греческой керамике усилились восточные влияния, особенно заметные в изделиях ремесленников торгового города Коринфа. В начале VI в. в Афинах возникает новый вид росписи, так называемый чернофигурный, который примерно с 530 г. стал постепенно сменяться краснофигурным. В первом случае фигуры изображались чёрным блестящим лаком на красноватом фоне глины; во втором случае — оставлялись светлыми, причём тёмной краской заполнялся фон. Краснофигурная живопись давала возможность детализировать рисунок — вместо чёрных сплошных силуэтов возникают изображения, передающие черты лица, складки одежды и т. д.

Роспись ваз является ценнейшим источником наших сведений о технике, хозяйстве, быте, верованиях древних греков. Так, на вазах VI в. мы находим изображение пахоты, сбора винограда, кораблей, мифологических сцен и т. д. Эти изображения позволяют реконструировать некоторые особенности древнегреческого жилища и старейшего типа храмов, судить об одежде и вооружении греков.

Наиболее важным в греческой культуре периода VIII—VI вв. до н. э. для последующего развития мировой культуры является наметившееся направление и развитии — от религии к науке, от мистических воззрений к материалистическим учениям, от условности к реализму в искусстве.

l _ j \ Z y h e h \ b l g l Z k y q _ e _ ^ b g y w [u e Z l _ j b h ^ h g f h \ u m k i _ o h _ \ e h \ _ q _ k d h] h
k l \ Z \ h [e Z k l b Z a \ b l b y h b a \ h ^ b l _ e k \ b g e \ Z o ` g _ c r b ^ f h k l b ` _ g b \ _ l f m i h j m y \ b
e h k i \ h k l _ i _ g g b h \ k Z [h e _ r b j h d h j Z k i j h k l j Z g _ f g b Z _ e e m j] b e b _ . a Z _ f i u b k l h
j b q _ k d j h Z] a h \ b l b q y e h \ _ q _ b k l \ \ Z h l i _ j b h \ k _ s h k l Z \ Z e f b k ^ v e _ g g u g f h g Z e b
p h [u e h \ k Z ` _ b o i j h] j _ k k b j m x m s [_ u k l j _ . g e b h a j h k i e h Z b a \ h ^ b l _ e v b j m k ^ J Z h
\ k _ b [e Z k l y b a y c k l \ _ ` g b g a h g c b b ^ g i j h ^ \ b ` _ g \ b _ j z ^ J Z k i Z o b \ Z x g l k \ y u a _ f
e , b j Z a \ b \ Z _ j l k f y _ k , e \ h a g b d Z g x h l \ u _] h l j Z k , e m e m q r Z x k l j k y ^ k l \ l j Z Z g k i h j , l Z
h k h [_ g \ g f h j _ i e Z \ Z g b Z h k g h j \ h _ k l Z l h \ Z j g h k o b h a y c k j l Z Z a \ b \ Z x l k h y] h \ e b y
^ _ g _ ` g l h [j Z s _ g b h y \ e y x l ^ k y g v \ ] f b h g _ l g l m d h j f . _
< : a b , b n j b d b ? \ j h i m \ _ e b q b \ Z q b l k k e y h l j Z , g \ d h l h j u] d h k i h ^ k l \ m j Z Z [h \ e Z
^ _ e v q _ k d d b h r _ g b o y h l y g Z [h e v r _ q c Z k l b _ f e b s z i j h ^ h e ` Z k l m s _ k l \ h \ l Z l j v
\ h [u l g h [s b g g k l c j h . c
< k l j Z g Z < o h k l h o b Z h ^ b k l h j b q _ k d j h] p h _ k j Z Z a \ b l b j Z [h \ e Z ^ _ e v q h l g k h d n b _ o
g b , c h k h [_ g ^ g h e] h \ j h Z [h k l \ Z l j b \ h ^ b d h [h k l j _ g b e Z k k h Z l g b Z] h g b , a d f \ h g \ m l
j _ g g _ f h k e Z [e _ ^ g j b x g _ c r] b h d m ^ Z , j k d l Z ^ _ g b b x j h e b f _ ` ^ m g Z j h ^ h g l u g d h r _
g b y b g _ j _ ^ d l h l _ j g _ d h l h j u b f b g b o h e b l b q _ k g d _ h a c Z \ b k b f l h k g l h Z \ h z \ u \ Z x l
k y g _ ^ Z \ \ g h a g b d r b f k b j Z \ g b l _ e [\ h g e h i j h q g u f] b h k m ^ Z j k l \ l Z k f b [_ g g h k w l \ h x
] h i _ j b h ^ y Z e y _ l \ k h y a g b d g h \ g Z g j b _ \ g _ < f h k l h d _ m i g u o j ` Z , \ \ j _ f _ g g h l [t _ ^ b
g y \ r b i o m l z f a Z \ h _ \ Z k g l b j Z y g u k Z f u j Z a e b q g h m m j h \ g j x Z a \ b l , b w y l g b q _ k d k l h f m
k l Z \ m g Z k _ e , _ m g h b j y f Z f b h a y c k l \ _ ` g b g a h g c b b d m e v l . m j _
< j y ^] h k m ^ Z j k l \ _ p b i b [_ ^ j Z y ^ h \ u k o \ h [h ^ g \ u b o [h j v [k j Z [h \ e Z ^ _ e v q _ k d h c
Z j b k l h d j Z l b ^ b e] h \ j u Z f [k l \ h f j b \ _ e d Z h a g b d g h \ j Z g [b x e Z ^ _ e v q h l g k h d n b _ o
g b c Z g l b q g l h b j h Z b i h y \ e _ g j l Z x h \ e Z ^ _ e v q . f k h d h j c Z . l b b
< f _ ` ^ m g Z j h ^ h g l u g d h r _ g b y b o [ e b ` Z _ l \ k j y f y k l h e d g h \ _ g g h l u y o g l b q g j u Z o
[h \ e Z ^ _ e v q] h k o h b ^ c Z j k k h k l Z j u f b j Z [h \ e Z ^ _ e v q ^ _ k d i b h f l b y f b
< b k l h j b o d m e v l m w j l h l i _ j b h ^ l f _ q _ [g h e v r b f ^ b h k l b ` _ g b y j f Z b a \ b \ Z x g k Z y
m q g u a g Z g b h y y \ e y x l k y j \ u f Z l _ j b Z e b k l b q m k q d b g \ b k y l m i b \ r b [h j v [k j _ e b
] b _ d b k l b d , h b c ^ _ Z e b , a k f d f e Z ^ u \ Z x a l Z k f y _ q Z l _ e v Z g f y l g b d f b j h \ h e b l _ j Z l m
j u , k h a ^ Z x l \ k y e b q _ k l \ _ i g j g b a \ _ ^ _ b g a b h y [j Z a b l _ e b k g d h j h k , k r b Z j h d h Z k i j h
k l j Z g y _ l Z k y n Z \ b l g b j Z y a \ b \ Z _ d k b y Z c k d b Z y h] e b n b q i b k k d v Z f y g g . h \ k l l \ h [u
e h \ j _ f y a g Z q b l _ e v d g m h e j \ h l m j g j h] h _ k k Z e h \ _ q . _ k l \ Z
L y ` z e u f h b k l Z \ Z e b m k k v e h \ b y a g b j m ^ y s b , o k k h y a ^ Z \ Z \ k r \ b h o b l f j m ^ h f] j h f g u _
d m e v l m j g g u g g h . k < l k _ k b e v g k l Z g h \ b e j k y l w d k i e m Z l Z , l d h j h l h j h f i h ^ \ _ j] Z
e b k k l j m ^ y s b . _ J k Z y [u g _ k q b l Z e b g k l \ h e v d] h j Z ` ^ Z g Z , f g b h b e x ^ v . f b A Z d h a g Z s b s Z e
j Z [h \ e Z ^ _ . e J Z b [u b f Z k k u g b s Z x s b k b h [h ^ g [u o e b h [j _ q _ g u l y ` z e u , c b a g m j b
l _ e v g u l j c m . ^
G h j Z [h \ e Z ^ _ e v q k l j k h d \ b k c \ h z j f Z a \ b l b b w l h l i _ j b h \ k _ f b j g b h k c l h j b g b _ b k
q _ j i Z _ e s z \ k _ \ o h a f h ` g h k , l d b c l h j u [ u e b g z f a Z e h ` : g g u _ k h h l \ _ l k l j \ Z b [h \ e Z
^ _ e v q _ k i j d l h b b a \ h ^ k l \ _ g h g g b r _ g b m c j h \ g j x Z a \ b l b i j h b a \ h ^ b l _ e k g b u _ o s z
l h e v d g h Z f _ q Z _ b k j y b l h f e b r \ g _ f g h] k b l j Z g . Z O Z j Z k l Z x s [Z h j y v [j Z Z [h b k \ h
[h ^ g h [c ^ g h l i j h l b \ k \ h b m o] g _ l Z l _ i e h d c Z s z g _ [u e Z k h k l h y g j b b ^ h j \ Z h w k g h
\ u k m s _ k l \ h \ j Z Z g [b h y \ e Z ^ _ e v q k l j k h d y h] h
B k l h j b ^ y Z e v g _ c j Z j a h \ b l b j Z [h \ e Z ^ _ e v q h k j f d Z h p , b i b j b h ^ _ Z z m i Z ^ b d Z d j m
r _ g b , y \ e y _ l k k h y ^ _ j ` Z g k k e f _ ^ m x s l h j Z « < k _ f b j g b h k c l h j b b . b

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

*

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

*

СПИСОК КАРТ

*

СПИСОК ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

*

СПИСОК РИСУНКОВ НА ШМУЦТИТУЛАХ, В НАЧАЛЕ И В КОНЦЕ ГЛАВ

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА
IV – середина I тысячелетия до н. э.

Дата	Европа (без территорий Италии и Греции)	Южная Европа (Италия и Греция)	Египет и Эфиопия	Переднеазиатское Средиземноморье и Аравия	Малая Азия, Урарту и Кавказ	Двуречье, Ассирия	Северная и Средняя Азия, Иран	Восточная и Юго-Восточная — Азия (Китай, Индия)
IV тысячелетие до н. э.			Распространение ирригационного земледелия в долине Нила.			Древнейшие шумерские поселения в Двуречье. Возникновение ирригационного земледелия в низовьях Евфрата.		
	Неолит		Переход к энеолиту				Неолит	
			Появление письменности. Возникновение рабовладельческого общества и государства в Египте (вторая половина IV тысячелетия).			Древнейшие памятники письменности Двуречья. Возникновение ранних рабовладельческих государств в Двуречье.		Переход к энеолиту в Северной Индии.
III тысячелетие до н. э.	Энеолит в Европе. Развитие земледелия (трипольская и другие культуры). Переход к неолиту в лесной полосе Восточной Европы. Свайные постройки.	Энеолит в Эгейде. Раннеминойский и раннеэлладский периоды.	Раннее царство. Древнее царство.	Энеолитические поселения в Сирии и Палестине.	Энеолитическая земледельческая культура Кавказа.	Проникновение скотоводческих семитических племён (аккадцев) в Двуречье.	Ранний энеолит в Южном Иране, Средней Азии и Южной Сибири; культуры земледельческие — Сузы, Анау; охотничье-рыболовческая—кельтеминарская; охотничье-скотоводческая— афанасьевская. Возникновение государства в Эламе.	Начало развития земледелия в долине Инда.
	Расселение из Южной Испании на северо-восток племён культуры «колоколовидных кубков». Расселение энеолитических племён с катакомбными погребениями из степей Восточной Европы на запад.		Зодчий и ученый Имхетеп. Постройка великих пирамид (середина III тысячелетия). IV династия. Начало египетской колонизации Эфиопии.	Проникновение египтян на Синай (за медной рудой), в Палестину и Финикию.				Культура Хараппы в долине Инда.
			Распад Древнего царства на полунезависимые царства. Народное восстание в Египте. Начало Среднего царства (около 2150 г.). Возвышение XI династии в Фивах.	Походы Саргона Аккадского в Северную Сирию (XXIV в.).	Появление аккадских купцов Малой Азии.	Около 2370 г.— захват власти в Лагаше Урукагиной. Реформы Урукагины. Около 2369 г.— объединение Двуречья под властью Аккада. Царь Аккада Саргон.		
						2200—2140 гг. владычество гутеев в Двуречье.	Составление (на эламском языке) первого из дошедших до нас международного договора (перв. пол. XXIII в.).	Начало энеолита в Китае (культура Яншао).

Дата	Европа (без территорий Италии и Греции)	Южная Европа (Италия и Греция)	Египет и Эфиопия	Переднеазиатское Средиземноморье и Аравия	Малая Азия, Урарту и Кавказ	Двуречье, Ассирия	Северная и Средняя Азия, Иран	Восточная и Юго-Восточная — Азия (Китай, Индия)
		Бронзовый век в Эгеиде. Среднеминойский и среднеэлладский периоды (XXII—XXI вв.). Возникновение письменности. Формирование классового общества на Крите. Вторжение в Эгеиду минийских (греческих) племён.		Начало бронзового века (конец III тысячелетия).		2132 г. —переход гегемонии над Двуречьем к III династии Ура. 2024 г. до н. э.—разгром Ура эламитами и амореями. Смешение шумерского и семитического населения в Двуречье. Начало возвышения Ашшура (конец III— нач. II тыс.).		Расцвет культуры Хараппы в Индии (конец III — нач. II тыс.). 1766 г. — традиционная дата победы племени шан над племенем ся и установление гегемонии шан в Северном Китае.
II тысячелетие до н. э.	Культуры бронзового века: Эль-Аргар в Южной Испании, земледельческая культура племен южнорусских степей, известная по срубным погребениям, унетицкая культура в Центральной Европе (перв. пол. II тыс.).	Бронзовый век в Северной Италии (нач. II тыс.). Позднеминойский и позднеэлладский (микенский) периоды (с 1600 г. до н. э.). Расцвет бронзового века.	XII .династия. Сенусерт III. Подчинение Египтом Северной Эфиопии. Владычество гиксосов в Египте (около 1700—1570 гг. до н. э.). Новое царство (с XVI в.). XVIII династия. Фараон Тутмос III. Покорение Египтом Эфиопии до IV порогов (конец XVI в.).	Возникновение рабовладельческих государств в Финикии и Сирии (нач. II тыс.). Образование племенного союза гиксосов (XVIII в.). Создание первого в мире алфавитного («синайского») письма (XVIII-XVII вв.).	Ассирийские колонии в Малой Азии. Образование рабовладельческого общества в Малой Азии.		Андроновская земледельческая культура в Южной Сибири и Северном Казахстане (с начала II тысячелетия).	
					Около 1600 г.— походы хеттов на Сирию и Вавилонию.			
					Завершение процесса формирования государства у хеттов при Телепину (втор. пол. XVI в.).	Расцвет государства Митанни.		Упадок культуры Хараппы.
			Около 1500 г. — установление египетской гегемонии в Сирии.					
Середина II тысячелетия до н. э.	Расцвет бронзового века в среднем точении Дуная, на Днестре и в Среднем Приднепровье. Сложение комаровской и лужицкой культур в Центральной Европе. Расцвет культуры террамар на Дунае и в Северной Италии.	Вторжение на Крит ахейских племён (втор. пол. XV в.). Расцвет Микенского царства и Пелопоннеса (XIV—XIII вв.).	Около 1400 г.— реформы Аменхетепа IV. Фараон Рамсес II.	Древнейшие финикийские надписи алфавитным письмом (серед. II тыс.).	Подчинение хеттами большей части Малой Азии.	«Среднеассирийский период» в истории Ассирии (XV—XI вв.). Подчинение Ассирией Северной Месопотамии.	Распространение андроновской культуры в Средней Азии. Распространение коневодства в степях Южной Сибири и Казахстана: развитие кочевого скотоводства. Возвышение Эламского государства (XI и XII вв.).	Возникновение государства Шан (Инь) в Китае (серед. II тыс.). Древнейшая иероглифическая письменность в Китае.
			1312 г. до н. э.—битва между египтянами и хеттами при Кадеше.					
			Восстание Ир су в Египте (конец XIII в.?).					Возникновение

Дата	Европа (без территорий Италии и Греции)	Южная Европа (Италия и Греция)	Египет и Эфиопия	Переднеазиатское Средиземноморье и Аравия	Малая Азия, Урарту и Кавказ	Двуречье, Ассирия	Северная и Средняя Азия, Иран	Восточная и Юго-Восточная — Азия (Китай, Индия)
		Вторжение союза малоазийских племён и племен Эгеиды — «народов моря» —в страны Передней Азии (конец XIII - начало XII в.).						
		Троянская война. Разрушение дорийцами Микенского		Возникновение древнейшего южно-арабского государства (Минейского).	Около 1200 г.— разрушение Хеттской державы «народами моря». Разрушение Трои ахейцами (конец XII в.).			
		царства (конец XII в.). Завоевание дорийцами Крита (конец XII— начало XI в.). «Гомеровский период» в Греции (XI— IX вв.).	Отпадение от Египта южной части Эфиопии (XII—XI вв.). Около 1050г.— распад Египта на два царства.	Проникновение арамейских племён в Северную Сирию. Возникновение государства Израиль (XI в.). Начало финикийской колонизации.		Проникновение арамейских племён в Месопотамию и Западный Иран.		1122 г. до н. э.— битва при Муе. Разрушение государства Шан (Инь). Начало периода Чжоу. 1122—771 гг.— Западное Чжоу.
I тысячелетие до н. э.		Начало железного века в Эгеиде. Культура Вилдановы в Северной Италии.	Основание XXII (ливийской) династии (перв. пол. X в.).	Начало железного века Период усиления государства Израиль (перв. пол. X в.). Около 950 г. — возникновение в Южной Аравии Сабейского государства.	Возникновение государства Урарту.	Появление в Вавилонии халдейских племён (около нач. I тысячелетия). «Новоассирийский период» в истории Ассирии (сX-1X вв.). 883— 876 гг.— подчинение ассирийцами всей Месопотамии.	Появление в Северном Иране ираноязычных племён (конец II — начало I тысячелетия).	
900-й год	Начало железного века в Южной и Восточной Европе.	Традиционное время жизни Гомера. Возникновение греческого алфавита (IX— VIII вв.).	Отпадение северной части Эфиопии от Египта.	Около 875 — 825 гг.— династия Омри в Израиле. Основание Самарии. Восстание рабов в Тире (IX в.). 814 г.— традиционная дата основания Карфагена выходцами из Тира.	Укрепление и консолидация Урарту (втор. пол. IX в.). Грабительские походы урартских царей в Закавказье (конец IX или нач. VIII в.).	Начало ассирийских походов в Мидию		842 г. до н. э.— восстание против чжоуского царя Ли вана.
800-й год	Начало финикийской колонизации Южной Европы. Киммерийская культура в Северном Причерноморье.	Основание города Византии выходцами из Мегар. Период расцвета культуры этрусков в Италии (VIII— VI вв.). 753 г. — традиционная дата основания Рима. Начало греческой колонизации Южной Италии, Сицилии и др. (VIII в.). Древнегреческий поэт Геси-	Возникновение Напатского царства в Эфиопии (середина VIII в.). Вторжение в Египет эфиопов (втор. пол. VIII в.). Второе вторжение эфиопов в Египет и основание XXV (эфиопской) династии (конец VIII в.).	Завоевание Ассирией сирийских государств. 722 г. до н. э.— падение Самарии и уничтожение государства Израиль ассирийцами. Осада Иерусалима ассирий-	Вытеснение урартами ассирийцев из долины Верхнего Евфрата (нач. VIII в.). 780—760 гг. Урарту - наступление на Ассирию		Укрепление государства Мана (у озера Урмия).	770 г. до н. э. — перенесение чжоуской столицы из Хао в Лои. 770-247 гг. - период Восточного Чжоу. 718-712 гг. — восстания в царствах Чу, Лу и др.

Дата	Европа (без территорий Италии и Греции)	Южная Европа (Италия и Греция)	Египет и Эфиопия	Переднеазиатское Средиземноморье и Аравия	Малая Азия, Урарту и Кавказ	Двуречье, Ассирия	Северная и Средняя Азия, Иран	Восточная и Юго-Восточная Азия (Китай, Индия)
					Расцвет Фригийского государства. Проникновение киммерийцев в Закавказье и Малую Азию. Победа киммерийцев над урартами. (20-е годы VIII в.).	Царь Тиглатпаласар III (745—727 гг.). Проведение им реформ в Ассирии. Разгром ассирийцами в союзе с иудеями Израиля и Дамаска (30-е годы VIII в.). Царь Саргон II.		
					714 г.— поражение урартов в войне с ассирийцами.			
700-й год					Набеги киммерийцев в Малую Азию. Усиление Урарту при царе Русе II (690—680 гг.).	689 г.— разрушение ассирийцами города Вавилона.		
					Около 675 Г.— разгром Фригии киммерийцами в союзе с Урарту.	677 г. — восстановление Вавилона ассирийцами.	Начало формирования классового общества в Средней Азии (VII—VI вв.). Возникновение государств Хорезма и Бактрии.	
	Скифы в Восточной Европе.					Около 673 г. до н. э.— восстание мидян против Ассирии при поддержке скифов.		Проведение экономических и военно-административных реформ в царстве Ци (первая половина VII в.).
			671 г. до н. э.— завоевание Египта ассирийцами.			671 г. до н. э.— завоевание Египта ассирийцами. Царь Асархаддон.	Образование Мидийского царства.	
					Появление в Лидии древнейшей в истории чеканной монеты (VII в.).	Период наивысшего могущества Ассирийской державы.		Время жизни древнекитайского мыслителя Гуань Чжуна (VII в.). Господство в Китае 5 крупных царств— Ци, Чу, Цинь, Цзинь и Сун (VII-VI вв.).
	Начало карфагенской колонизации Испании (VII в.).	Усиление борьбы демоса против аристократии в греческих городах-государствах. 658—623 гг.— тирания Кипсела в Коринфе.	Основание XXVI (саисской) династии (663—610 гг.). 661 г.— окончательное вытеснение эфиопов из Египта ассирийцами.					
			Восстановление независимости Египта. Начало железного века в Египте (VII в.).	Около 650 г. до н. э.—падение южно-арабского Минейского государства.	Около 654 г. до н. э. — взятие киммерийцами столицы Лидии Сард. Вторжение скифов в Малую Азию (50-е годы VII в.).			
	Начало греческой колонизации Северного Причерноморья.					Около 639 г. — разгром ассирийцами Эламского государства.		
				Около 630 г. — вторжение скифов в Сирию и Палестину. 622г.—введение нового законодательства («Второзакония») в Иудее.				

Морская экспедиция фини-

Дата	Европа (без территорий Италии и Греции)	Южная Европа (Италия и Греция)	Египет и Эфиопия	Переднеазиатское Средиземноморье и Аравия	Малая Азия, Урарту и Кавказ	Двуречье, Ассирия	Северная и Средняя Азия, Иран	Восточная и Юго-Восточная — Азия (Китай, Индия)
	Разрушение царства Тартесс в Испании карфагенянами (конец VII в.).	Укрепление рабовладельческого строя в Этрурии. 621 г.— законы Драконта в Афинах. Древнегреческий философ Фалес Милетский (VII—VI вв.). Время строительства городов в Этрурии (VII—VI вв.).				Основатель Ново-Вавилонского царства Набопаласар (626—604 гг.). 612 г. — взятие мидянами и вавилонянами Ниневии и разгром Ассирийской державы. 605 г. — разгром египетско-ассирийских войск вавилонянами и мидянами под Каркемишем.	Мидийский царь Киаксар (625—585 гг.).	
600-й год		594 г.— реформы Солона в Афинах.		586 г. — взятие Иерусалима вавилонянами. Конец Иудейского царства	590-е годы — окончательное покорение Мидией Урарту.	586 г.— взятие Иерусалима войсками Навуходоносора II		594 г. — введение в царстве Лу земельного налога.
	Начало греческой колонизации Испании. Начало железного века в Северной Европе. 512г.—неудачный поход Дария I против скифов.	Расцвет федерации этрусских городов (VI в.). 560—527 гг.— тирания Писистрата в Афинах. Образование Пелопоннесского союза во главе со Спартой. Древнегреческий философ Гераклит Эфесский. 510—509 гг. — реформы Клисфена в Афинах. 509 г. — установление республиканского строя в Риме.	Период временного усиления Египта (70—3О-е годы VI в.). Фараон Амасис II. 547 г.— заключение антиперсидского союза между Лидией, Вавилонией и Египтом. 525 г. — завоевание Египта персами.		585г. (28 мая) — битва на реке Галисе и заключение мира между Лидией и Мидией. 546 г. — завоевание Лидии персами.	538 г. — завоевание Вавилона персами	558—529 гг.— персидский царь Кир II. 553—550 гг. — восстание персов против господства мидян. 550 г. — завоевание Киром II Мидии. 546 г. — завоевание Киром II Лидии. 525 г. — завоевание Египта персами. 522—486 гг. — персидский царь Дарий I. 512 г.— неудачный поход Дария I против скифов.	Восстания земледельцев, ремесленников и торговцев в Китае (перв. пол. VI в.). 562 — 538гг.— начало перестройки общинного землевладения в Китае. 551 — 479 гг. — традиционные даты жизни Конфуция. 537 г. — восстание в царстве Чжэн. Усиление государства Магадха в Северной Индии.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ [1]

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. Капитал. Т. I—III. М. 1953— 1954. Особенно: т. I, гл. 5, 11, 12, 14; т. III, гл. 20, 36, 47.

Маркс К. К критике политической экономии. М. 1953.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М. 1940.

Маркс К. Британское владычество в Индии. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Об Англии. М. 1952, с. 335—341.

Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Об Англии. М. 1952, с. 342—348.

Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». В кн.: Архив Маркса и Энгельса. Т. IX. М. 1941.

Маркс К. /Письмо/ Энгельсу 2 июня 1853 г. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные письма. М. 1953, с. 73—74.

Маркс К. /Письмо/ Энгельсу 14 июня 1853 г. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные письма. М. 1953, с. 76—79.

Маркс К. Ответ Маркса /В. Засулич/. Первый черновик. 1881. В кн.: Архив Маркса и Энгельса. Т. I. М. 1924, с. 270—279.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М. 1953. Особенно: отд. 2, гл. 2, 3, 4.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. 1953.

Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. М. 1953.

Энгельс Ф. /Письмо/ Марксу 6 июня 1853 г. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные письма. М. 1953, с. 74—76.

Ленин В. И. Государство и революция. Соч. Изд. 4. Т. 25, с. 353—462.

Ленин В. И. О государстве. Соч. Изд. 4. Т. 29, с. 433—451.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Вып. I. Соч. Изд. 4. Т. 1, с. 113—183.

Ленин В. И. Философские тетради. М. 1947.

Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме. М. 1954.

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. М. 1953.

Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М. 1954.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ К ТОМУ В ЦЕЛОМ

Литература общего характера

Авдиев В. И. История Древнего Востока. Изд. 2, переработ, и доп. М. 1953. Библиогр., с. 684—735.

Всеобщая история архитектуры. Под общ. ред. Д. Е. Аркина, Н. Н. Брунова и др. Т. 1—2 (ч. 1). М. 1944—1949.

Выгодский М. Я. Арифметика и алгебра в древнем мире. М.—Л. 1941.

Лурье И., Ляпунова К., Матье М. и др. Очерки по истории техники Древнего Востока. Под ред. В. В. Струве. Л.—М. 1940. (АН СССР. Науч. -попул. серия.)

Недельский В. и *Францов Ю.* Миф о страдающем боге. М. 1934.

Струве В. В. История Древнего Востока. Изд. 2. М. 1941. Библиогр., с. 460—464.

Струве В. В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческого общества Древнего Востока. М.—Л. 1934.

[1] Список включает основную литературу, преимущественно на русском языке, как к тому в целом, так и к отдельным разделам и главам тома. Наряду с литературой в списке указываются также наиболее важные публикации источников.

(Изв. Гос. Акад. истории материальной культуры. Вып. 77.)

Струве В. В. Советское востоковедение и проблема общественного строя Древнего Востока.— «Вестник Ленингр. ун-та». 1947. №11, с. 233—242.

Тураев Б. А. История Древнего Востока. Под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирёва. Т. 1—2. Л. 1936. Библиогр. к отд. главам.

Флиттнер Н. Д. Искусство древнейших культур. Л. 1929. (История искусств всех времён и народов. Кн. 2.)

Нейгебауэр О. Лекции по истории античных математических наук. Т. 1. Догреческая математика. М.—Л. 1937.

Cambridge ancient history. 2 ed. Vol. 1—4. Cambridge 1926—1928. Bibliogr., p. 619—655 (vol. 1), p. 645—691 (vol. 2), p. 705—758 (vol. 3), p. 613—660 (vol. 4).

Childe V. G. New light on the most Ancient East. London 1952.

Hamann R. Geschichte der Kunst. Bd 1. Berlin 1955.

Jouguet P., Vandier J. et Contenau G. Les premieres civilisations. Paris 1950.

Maspero G. Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. Vol. 1—3. Paris 1895— 1899. Сокращённый пер. на рус. яз. М. 1911.

Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. 1—3. Berlin 1925—1937.

Moret A. Histoire de 1'Orient. T. 1—2. Paris 1936. (Histoire generale. I, ed. G. Glotz.)

Schafer H. und *Andrae W.* Die Kunst des Alten Orients. Berlin 1925. (Propylaen Kunstgeschichte. Bd 2.)

Источники

Атлас по истории культуры и искусства Древнего Востока. М.—Л. 1940. (Гос. Эрмитаж.)

Снегирёв И. Л. Древний Восток. Атлас по древней истории Египта, Передней Азии, Индии и Китая. Под ред. В. В. Струве. Л. 1937.

Хрестоматия по истории древнего мира. Т. 1. Древний Восток. Сост. И. С. Кацнельсон и Д. Г. Редер. Под ред. В. В. Струве. М. 1950.

Геродот. История в девяти книгах. Пер., предисл. и указатель Ф. Г. Мищенко. Изд. 2, испр. и доп. Т. 1—2. М. 1888.

Страбон. География в семнадцати книгах. Пер., предисл. и указатель Ф. Г. Мищенко. М. 1879.

Pritchard J. B. /ed./ Ancient Near Eastern texts relating to the Old Testament. Princeton 1950. The ancient Near East in pictures relating to the Old Testament. New Haven 1954.

Справочные издания

Paulys. Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Neue bearb. Begonnen von G. Wissowa... Reihe 1. Hlbd. 1—44. Reihe 2. Hlbd. 1—14. Suppl. Bd. 1—7. Stuttgart 1894—1955 (изд. не окончено).

Beallexikon der Vorgeschichte. Hrsg. von M. Ebert. Bd. 1—15. Berlin 1924— 1932.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ

К части I, главам I—III; к части II, главе VIII; к части III, главе XVIII; к части IV, главе XXVII, разд. 1

Литература общего характера

Арциховский А, В. Основы археологии. М. 1954. Библиогр., с. 259—275.

Бунак В. В., Нестурх М. Ф. и *Рогинский Я. Я.* Антропология. М.—Л. 1941.

Городцов В. А. Археология. Т. I. Каменный период. М. 1923.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.—Л. 1948. (АН СССР. Труды Ин-та этнографии. Нов. серия. Т. 4.)

Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М. 1953. (АН СССР. Науч.-попул. серия.)

Лазуков Г. И. Основные этапы развития флоры, фауны и человека в четвертичном периоде. Под ред. В. П. Гричука. М. 1954. (Материалы по палеогеографии четвертичного периода.)

Монгайт А. Л. Археология в СССР. М. 1955.

Материалы по четвертичному периоду СССР. Вып. 2. М.— Л. 1950.

Происхождение человека и древнее расселение человечества. М. 1951. (АН СССР. Труды Ин-та этнографии. Нов. серия. Т. 16.)

Равдоникас В. И. История первобытного общества. Ч. 1—2. Л. 1939—1947.

Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л. 1936.

Кларк Дж. Г. Доисторическая Европа. Эконом. очерк. Пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой. Ред. и предисл. Д. Я. Брюсова. М. 1953.

Люке Г. Религия ископаемого человека. Сокращ. пер. с предисл. и прим. А. Рановича. М. 1930.

Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Пер. с англ. под ред. М. О. Косвена. Со статьёй Ф. Энгельса «К доистории семьи (Бахофен, Мак Леннан, Морган)». Изд. 2. Л. 1935.

Обермайер Г. Доисторический человек. Пер. с нем. П. Ю. Шмидта. С предисл. Д. Н. Анучина. СПб. 1913. (Б-ка естествознания. Отд-ние биолог. наук. Человек в его прошлом и настоящем. Т. 1.)

Тэйлор Э. Б. Первобытная культура. Пер. с англ. Под ред., с предисл. и прим. В. К. Никольского. М. 1939.

Фрезер Дж. Золотая ветвь. Пер. с англ. Под ред. и со вступ. статьёй В. К. Никольского. М. 1931.

Чайлд Г. Прогресс и археология. Пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой. Предисл. А. В. Арциховского. М. 1949.

Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. Пер. с англ. под ред. Т. С. Пассек. Предисл. А. Л. Монгайта. М. 1952.

Эншелен Ш. Происхождение религии. Пер. и прим. Б. И. Шаревской. Ред. и вступ. статья В. К. Никольского. М. 1954.

Boule M. Les hommes fossiles. Elements de paleontologio humaine. 4 ed. Paris 1952.

Clark J. G. From savagery to civilization. London 1946. (Past and present. Studies in the history of civilization. Vol. 1.)

Dechelette J. Manuel d'archeologie pre-historique, celtique et gallo-romaine. T. 1—4. Paris 1920—1927.

К главам. I—III

Возникновение человеческого общества. Эпоха господства первобытно-общинного строя

Палеолит

Борисковский П. И. Палеолит Украины. Ист.-археол. очерки. М.—Л. 1953. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 40.)

Воеводский М. В. Ранний палеолит Русской равнины. —«Учёные записки /Моск. гос. ун-та/». 1948. Вып. 115. Труды Музея антропологии, с. 127—168.

Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте. В кн.: Палеолит СССР. Материалы по истории дородового общества. М.—Л. 1935, с. 78—124. (Изв. Гос. Акад. истории материальной культуры. Вып. 118.)

Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Изд. 3, поработ. и доп. Киев 1953.

Замятнин С. Н. Раскопки у с. Гагарина. В кн.: Палеолит СССР. Материалы по истории дородового общества. М.—Л. 1935, с. 26—77. (Изв. Гос. Акад. истории материальной культуры. Вып. 118.)

Окладников А. П. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований.—«Советская археология». 1954. Вып. 21, с. 5—29.

Паничкина М. З. Палеолит Армении. Л. 1950. (Гос. Эрмитаж.) Библиогр., с. 105—108.

Тешик-Таш. Палеолитический человек. Под ред. М. А. Гремяцкого и М. Ф. Нестурх. М. 1949. (Моск. гос. ун-т.)

Осборн Г. Ф. Человек древнего каменного века. Среда, жизнь, искусство. Пер. с англ. Под ред. и с доп. Б. Н. Вишневского. М. 1924.

Цзя Лань-бо. Синантроп пекинский. Изд. 4. Шанхай 1953. На кит. яз.

Bandi H. G. Die Schweiz zur Renntierzeit. Kulturgeschichte der Renntierjager am Ende der Eiszeit. Frauenfeld 1947.

Breuil H. et *Lantier R.*[1] Les hommes de la pierre ancienne. (Paleolithique et mesolithique.) Paris 1951. (Bibl. scientifique.)

Childe V. G. Prehistoric migrations in Europe. Oslo—Leipzig—Paris—London—Cambridge, Mass. 1950.

Kühn H. Kunst und Kultur der Vorzeit Europas. Bd I. Das Paläolithikum. Berlin-Leipzig 1929.

Leakey L. S. B. Stone age Africa. An outline of prehistory in Africa. London 1936.

MacGowan K. Early man in the New World. London—New York 1950.

Windeles F. Lascaux. «Chapelle Sixtine» de la prehistoire. Montignac — sur-Vezere 1948.

Мезолит и неолит

Брюсов А. Я.[2] Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М. 1952.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ист.-археол. исследование. Ч. 1—2. М.—Л. 1950. (Материалы и исследования по археологии СССР. .№ 18.)

Фосс М. Е. Древнейшая история севера европейской части СССР. М. 1952. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 29.)

Baumgärtel E. J. The culture of prehistoric Egypt. London 1947.

Clark J. G. The Mesolithic settlement of Northern Europe. A study of the food-gathering peoples of Northern Europe during the early post-glacial period. Cambridge 1926.

Garrod D. A. The stone age of Mount Carmel. Excavations at the Wady el-Mughara. Vol. 1. Oxford 1937.

К главе VIII

Племена Европы и Азии в период развитого неолита и перехода к веку металла

К главе XVIII

Племена Европы и Азии во II тысячелетии до н. э.

Киселёв С. В. Археологический очерк /Китая/. В кн.: Китай. М. 1954, с. 99—104.

Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири. Изд. 2. М. 1951.

[1] Также к разделу «Мезолит и неолит».

[2] Также к главам VIII, XVIII.

Киселёв С. В. Монголия в древности. — «Изв. АН СССР. Серия истории и философии». 1947. Т. 4. № 4, с. 355—372.

Кривцова-Гракова О. А. Хронология памятников фатьяновской культуры.—«Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР». 1947. Вып. 16, с. 22—33.

Круглов А. П. и *Подгаецкий Г. В.* Родовое общество степей Восточной Европы. М.—Л. 1935. (Изв. Гос. Акад. истории материальной культуры. Вып. 119.)

Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Т. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси 1941.

Неуступный Ю. Первобытная история Лужицы. Прага 1947.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Т. 3. М.—Л. 1955. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 43.)

Окладников А. П. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск 1949. (История Якутии. Под ред. С. В. Бахрушина. Т. I.)

Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений (III—II тысячелетия до н. э.). М.—Л. 1949. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 10.)

Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья с древнейших времён до I тысячелетия до н. э. Курс лекций. Л. 1949. (Ленингр. гос. ун-т.)

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л. 1948.

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. Изд. 2, переработ. и расшир. М. 1953.

Пэй Вэнь-чжун. Исследование доисторической эпохи Китая. Шанхай 1948. На кит. яз.

Bosch-Gimpera P. [1] La formacion de los pueblos de Espana. Mexico 1945.

Childe V. G. The Danube in prehistory. London 1939.

Kostrzewski J. Od mezolitu do okresu wedrowek ludow. Prehistoria ziem Polskich. Krakow 1948.

Tallgren A. M. La Pontide prescythique. Helsinki 1926. (Eurasia septentrionalis antiqua. 2.)

К главе XXVII, разд. 1

Раннежелезный век в Европе (X—VI вв. до н. э.)

Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.—Л. 1930.

Мишулин А. В. Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н. э. М. 1952. (АН СССР. Ин-т истории.)

Hoernes M. Urgeschichte der bildender Kunst in Europa von den Anfangen bis um 500 vor Christi. 3. Aufl. Wien 1925.

Niederle L. Rukovet slovanske archeologie. Praha 1955.

Parvan V. Dacia. An outline of the early civilization of the Carpato-Danubian countries. Cambridge 1928.

Rieth A. und *Gilles J. M.* Die Eisentechnik der Hallstattzeit. Leipzig 1942.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ДО VI В. ДО Н. Э.

К части II, главам IV—VII; к части III, главам IX—XVII; к части IV, главам XIX—XXIX

1. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

К части II, главам IV, V; к части III, главам IX, XIX; к части IV, главе XXIII

Литература общего характера

Авдиев В. И. Военная история древнего Египта. Т. 1. Возникновение и развитие завоевательной политики до эпохи крупных войн XVI—XV вв. до н. э. М. 1948.

Ернштедт П. В. Египетские заимствования в греческом языке. М. —Л. 1953.

Лурье И. М. Горное дело в древнем Египте.— «Труды Ин-та истории науки и техники». 1934. Серия 1. Вып. 3, с. 105—138, карта.

Матье М. Э. Из истории семьи и рода в древнем Египте.—«Вестник древней истории». 1954. № 3, с. 45—75.

Редер Д. Г. Попытки акклиматизации чужеземных культурных растений в древнем Египте.— «Учёные записки /Моск. обл. пед. ин-та/». 1950. Т. 14. Кафедра истории древнего мира. Вып. 1, с. 91—116.

Снегирёв И. Л. и *Францов Ю. П.* Древний Египет. Ист. очерк. Л. 1938.

Струве В. В. Манефон и его время.— «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР». 1928. Т. 3. Вып. 1, с. 109—185; 1930. Т. 4. Вып. 2, с. 158—248.

Струве В. В. Подлинный Манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства.— «Ученые записки Ленингр. ун-та». 1941. № 78. Серия ист. наук. Вып. 9, с. 63—81.

Струве В. В. Хронология Манефона и периоды Сотиса. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Сборник статей Ин-та истории АН СССР. Под ред, А. С. Орлова. М.—Л. 1937, с. 19—66.

[1] Также к главе XXVII, разд. 1.

Тураев Б. А. Древний Египет. Пг. 1922.

Шампольон Ж. Ф. О египетском иероглифическом алфавите. Пер., ред. и коммент. И. Г. Лившица. Отв. ред. В. В. Струве. Л. 1950.

Шолпо Н. А. Ирригация в древнем Египте. — «Учёные записки /Ленингр. гос. ун-та/». 1941. № 78. Серия ист. наук. Вып. 9, с. 82— 100.

Шолпо Н. А. Ткачество в древнем Египте.—«Труды Ин-та истории науки и техники». 1935. Серия 1. Вып. 5, с. 251—268.

Брэстед Д. Г. История Египта с древнейших времён до персидского завоевания. Пер. с англ. Т. 1—2. М. 1915.

Bakir abd el-Mohsen. Slavery in pharaonic Egypt. Le Caire 1952. (Suppl. aux «Annales du service des antiquites de 1'Egypte». № 18.)

Drioton E. et *Vandier J.* L'Egypte. Paris 1952. (Les peuples de 1'Orient Mediterraneen. T. 2. Clio. Vol. 1. Fasc. 2.)

Erman A. und *Ranke H.* Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum. Tubingen 1923.

Kees H. A. Agypten. Munchen 1933. (Kulturgeschichte des Alten Orients. Abschnitt 1.)

Lucas A. Ancient Egyptian materials and industries. 3 ed. London 1948.

Moret A. L'Egypte pharaonique. Paris 1932. (Histoire de la nation egyptienne. T. 2.)

Seidl E. Einfuhrung in die agyptische Rechtsgeschichte bis zum Ende des Neuen Reiches. 2. durch Nachtrage verbesserte Aufl. New York 1951. (Agyptologische Forschungen. Hrsg. von A. Scharff. Hf. 10.)

Литература по истории культуры и религии

Наука

Боев Г. П. Вычисления поверхностей и объёмов тел вращения у древних египтян. — «Вестник древней истории». 1950. № 3, с. 196—201.

Веселовский И. Н. Египетская наука и Греция. Из истории древней математики и астрономии.—«Труды Ин-та истории естествознания АН СССР». 1948. Т. 2, с. 426—498.

Религия

Волков И. М. Древнеегипетский бог Себек. Пг. 1917. (Записки ист.-филол. фак-та Петрогр. ун-та. Ч. 140.)

Матье М. Э. Мифы древнего Египта. Л. 1940. (Гос. Эрмитаж.)

Тураев Б. А. Бог Тот. Опыт исследования в области истории древнеегипетской культуры. Лейпциг 1898.

Францов Ю, П. Фетишизм и проблема происхождения религии. М. 1940.

Францов Ю. П. К эволюции древнеегипетских представлений о земле. (Лейденский демотический папирус 1, 384, IX, 22— 23.)—«Вестник древней истории». 1940. № 1, с. 46—51.

Bonnet H.[1] Reallexikon der agyptischen Religionsgeschichte. Berlin 1952.

Erman A. Die Religion der Agypter. 3. Aufl. Berlin 1934.

Vandier J. La religion egyptienne. Paris 1949.

Литература

Матъе М. Э. Что читали древние египтяне 4 000 лет тому назад. Изд. 2. Л. 1936.

Тураев Б. А. Египетская литература. Т. 1. Исторический очерк древнеегипетской литературы. М. 1920.

Erman A. Die Literatur der Aegypter. Leipzig 1923.

Lefebvre G. Romans et contes egyptiens de 1'epoque pharaonique. Trad. avec introd., notices et comment. Paris 1949.

Roeder G. Altaegyptische Erzahlungen und Marchen. Jena 1927. (Die Marchen der Weltli-teratur.)

Искусство

Матъе М. Э. Роль личности художника в искусстве древнего Египта.—«Труды Отдела истории культуры и искусства Востока /Гос. Эрмитажа/». 1947. Т. 4, с. 5—99.

Павлов В. В. Очерки по искусству древнего Египта. М. 1936.

Павлов В. В. Скульптурный портрет в древнем Египте. М. 1937.

Drioton E. Art egyptien. Paris 1950.

Источники

Golenischeff W. S. Les papyrus hieratiques n. 1115, 1116A et 1116B de l'Ermitage Imperial. SPb. 1913.

Тураев Б. А. Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях. — «Записки Вост. отд-ния Рус. археол. о-ва». 1899. Т. 11., с. 115—164; 1899—1900. Т. 12 с. 179—217; 1902—1903. Т. 15, с. 081—0100.

Breasted J. H. Ancient records of Egypt. Historical documents from the earliest times to the Persian conquest. 3 ed. Vol. 1—5. Chicago 1927.

Gardiner A. H. Ancient Egyptian onomastica. Vol. 1—3. Oxford 1947.

Lepsius C. R. Denkmaeler aus Aegypten und Aethiopien. 12. Bd. Taf. Berlin 1849— 1859. То же: 5 Bd. Text, hrsg. von E. Naville unter Mitwirkung von L. Borchardt, bearb. von K. Sethe. Leipzig 1897—1913.

Wreszinski W. Atlas zur altaegyptischen Kulturgeschichte. Bd. 1—3. Leipzig 1923— 1940.

[1] Также к разделу «Библиографии. Справочные издания» на с. 702.

Библиография. Справочные издания

Janssen J. M. A. Annual egyptological bibliography. Leiden 1948.

Porter D. and *Moss R. L. B.* Topographical bibliography of ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs and paintings. T. 1—7. Oxford 1927—1951.

Pratt I. A. Ancient Egypt. Sources of information in the New York public library. /T. 1—2./ New York 1925—1942.

К главе IV

Древнейший Египет

К главе V

Египет Древнего царства

Литература по истории, истории культуры и религии

Коростовцев М. А. Из истории V династии в древнем Египте. — «Вестник древней истории». 1941. № 1, с. 31—44.

Матье М. Э. Тексты пирамид — заупокойный ритуал.—«Вестник древней истории». 1947. № 4, с. 30—56.

Перепёлкин Ю. Я. Меновые отношения в староегипетском обществе.—«Советское востоковедение». 1949. Т. 6, с. 302—311.

Постовская Н. М. Начальная стадия развития государственного аппарата в древнем Египте. (По данным источников, современных Архаическому периоду.) — «Вестник древней истории». 1947. № 1, с. 233—249.

Черезов Е. В. К вопросу о поземельных отношениях в Египте эпохи Древнего царства.—«Вестник древней истории». 1949. № 3, с. 63—68.

Pirenne J. Histoire des institutions et du droit prive de 1'ancienne Egypte. T. 1—3. Bruxelles 1932—1935.

Harary A. I. Contribution a l'etude de la procedure judiciaire dans 1'Ancient empire egyptien. Le Caire 1950.

Montet P. Les scenes de la vie privee dans les tombeaux egyptiens de 1'Ancien empire. Strassbourg 1925. (Fac. des lettres de 1'Univ. de Strassbourg. Publ. fasc. 24.)

Sethe K. Urgeschichte und alteste Religion der Aegypter. Leipzig 1930. (Deutsche morgen-landische Gesellschaft. Abhandl. fur die Kunde des Morgenlandes. Bd 18. № 4.)

Источники

Коцейовский А. Л. Тексты пирамид. Т. 1. Одесса 1917. (Записки Новоросс. ун-та. Ист.-филол. фак-т. 1918. Т. 14.)

Лурье И. М. Иммунитетные грамоты Древнего царства.—«Труды Отдела истории культуры и искусства Востока /Гос. Эрмитажа/». 1931. Т. 1, с. 93—139.

Borchardt L. Das Grabdenkmal des Konigs S'ahure. T. 1—2. Leipzig 1910—1913. (Wiss. Veroff. der Deutschen Orient-Gesellschaft. Hf. 14, 26.)

Davies N. de G. The rock tombs of Deir el-Gebrawi. T. 1—2. London 1902. (Egypt exploration fund. Archaeological survey of Egypt. Memoir № 11—12.)

Davies N. de G. The rock tomb of Sheikh Said. London 1901. (Egypt exploration fund. Archaeological survey of Egypt. Memoir № 10)

Hassan S. Excavations at Giza. Vol. 1— 7. Cairo 1929—1953

Holscher U. Das Grabdenkmal des Konigs Chefren. Leipzig 1912. (Veroff. der E. von Sieglin expedition in Aegypten. Bd 1.)

Junker H. Giza. Bericht uber die von der Akad. der Wissenschaften in Wien unternommenen Grabungen auf dem Friedhof des Alten Reiches bei den Pyramiden von Giza. Bd. 1—11. Wien—Leipzig 1929—1953.

Mercer S. A. B. The pyramid texts in translation and commentary. Vol. 1—4. New York 1952.

Rowe A. Short report on excavations of the Institute of archaeology, Liverpool at Athribis (Tell Atrib).—«Annales du Service des antiquites de l'Egypte». 1938. T. 38, p. 523—532.

Sethe K. Die altagyptischen Pyramidentexte. T. 1—4. Leipzig 1908—1922. Ubersetzung und Kommentar zu den altagyptischen Pyra-midentexten. Bd. 1—4. Gluckstadt 1936— 1939.

Sethe K. Urkunden des Alten Reiches. Bd 1. Hf. 1—4. Leipzig 1932—1933. (Urkunden des aegyptischen Altertums. Abt. 1. Hf. 1—4.)

Vandier J. Manuel d'archeologie egyptienne. T. 1—2. Paris 1952—1954.

К главе IX

Египет Среднего царства

Литература по истории

Рубинштейн Р. И. Внутренняя политика Египта в эпоху Среднего царства.—«Вестник древней истории». 1948. № 4, с. 177—187.

Edgerton W. F. Chronology of the twelfth dynasty.—«Journ. of Near Eastern studies». 1942. Vol. 1. №3, p. 307—315.

Montet P. Le drame d'Avaris. Essai sur la penetration des Semites en Egypte. Paris 1940.

Save-Soderbergh T. The Hyksos rule in Egypt.—«Journ. of Egyptian archaeology». 1951. Vol. 37, p. 53—71.

Winlock H. E. The rise and fall of the Middle Kingdom in Thebes. New York 1947.

Литература по истории культуры

Наука

Бабынин В. В. Математика у древних египтян. (По папирусу Ринда.) М. 1882.

Struwe W. W. /ed./Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der schonen Kunste in Moskau, hrsg. und komment. vonW. W. Struwe. Berlin 1930.

Turayeff B. A. The volume of the truncated pyramid in Egyptian mathematics.— «Ancient Egypt». 1917, p. 100—102.

Литература и искусство

Golenischeff W. S. Le conte du naufrage transcrit et publie. Le Caire 1912. (Inst. fran-cais d'archeologie orientale. Bibl. d'etude. T. 2.)

Лурье И. М. Беседа разочарованного со своим духом.— «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока /Гос. Эрмитажа/». 1939. Т. 1, с. 141—153.

Матъе М. Э. Искусство Среднего царства. Л. 1941. (Гос. Эрмитаж. История искусства Древнего Востока. Т. 1. Древний Египет. Вып. 2.)

Струве В. В. Папирус № 1116 recto и пророческая литература древнего Египта.— «Записки Вост. отд-ния Рус. археол. о-ва». 1922. Т. 26, с. 209—227.

Тураев В. А. Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных автобиографий. М. 1915. (Культ.-ист. памятники Древнего Востока. Вып. 3.)

Францов Ю. П. Змеиный остров в древнеегипетской сказке.— «Изв. АН СССР. Отд-ние гуманитарных наук». 1929. № 10, с. 817—838.

Источники

Golenischeff W, S. Le conte du naufrage transcrit et publie. Le Caire 1912. (Inst. francais d'archeologie orientale. Bibl. d'etude. T. 2.)

Речение Ипувера. Лейденский папирус № 344. Социальный переворот в Египте в конце Среднего царства. Вводная статья В. В. Струве. М.—Л. 1935.

Рубинштейн Р. И. Поучение гераклеопольского царя своему сыну (Эрмитажный папирус № 1116А).— «Вестник древней истории». 1950. № 2, с. 122—133.

Struwe W. W. /ed./. Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der schonen Kunste in Moskau, hrsg. und komment. von W. W. Struwe. Berlin 1930.

Anthes R. Die Felseninschriften von Hatnub. Leipzig 1928. (Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Aegyptens. Bd 9.)

Griffith F. L. The Petrie papyri. Hieratic papyri from Kahun and Gurob (principally of the Middle kingdom). Vol. 1—2. London 1898.

Naville E. H. The XI-th dynasty temple of Deir el-Bahary. T. 1—3. London 1907—1913. (Egypt exploration fund. Archaeological survey of Egypt. Memoir № 28, 30, 32.)

Newberry P. E. Boni-Hassan. Pt 1-4. London 1893—1900. (Egypt exploration fund. Archaeological survey of Egypt. Memoir № 1—2, 5, 7.)

Sethe K. Historisch-biographische Urkunden des Mittleren Reichs. Leipzig 1935. (Urkunden des aegyptischen Altertums. Abt. 7. Hf. 1.)

Winlock H. E. Excavations at Deir el-Bahri. 1911—1931. New York 1942.

К главе XII

Египет Нового царства

Литература по истории

Лурье. И. М. Забастовка ремесленников фиванского некрополя во времена Рамзеса III.— «Вестник древней истории». 1951. № 1, с. 221—232.

Лурье И. М. Немху в Египте Нового царства. — «Вестник древней истории». 1953. № 4, с. 9—18.

Лурье И. М. Рабы — держатели храмовой земли (по материалам Нового царства).— «Вестник древней истории». 1955. № 1, с. 16— 26.

Лурье И. М. Юридические документы по социально-экономической истории Египта в период Нового царства.—«Вестник древней истории». 1952. № 1, с. 209—280.

Редер Д. Г. Рабы и подданные египетских храмов в XII в. до н. э. по статистическим данным большого папируса Гаррис.—«Учёные записки /Моск. обл. пед. ин-та/». 1940, Т. 2, с. 100—143.

Струве В. В. Наблюдения над большим папирусом Harris.—«Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Рос. Акад. наук». 1925. Т. 1, с. 435-454.

Флиттнер Н. Д. Стекольно-керамические мастерские Тель-Амарны.— «Ежегодник Рос. ин-та истории искусства». 1921. Т. 1. Вып. 2, с. 135—164.

Kees H. [1] Das Priestertum im agyptischen Staat vom Neuen Reich bis zur Spatzeit. Leiden—Koln 1953. (Probleme der Agyptologie.)

Литература по истории культуры и религии

Наука

Лурье И. М. Древнеегипетские солнечные часы в собраниях СССР,—«Труды Отдела истории культуры и искусства Востока /Гос. Эрмитажа/». 1947. Т. 4, с. 101—106.

Перепёлкин Ю. Я. К вопросу о возникновении энциклопедии на Древнем Востоке.— «Труды Инта книги, документа и письма». 1932. Т. 2, с. 1—3.

[1] Также к главе XXIII, раз *л.* 1,3. 4.

Шолпо Н. А. Два фрагмента египетских водяных часов.— «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока /Гос. Эрмитажа/». 1939. Т. 1, с. 155—170.

Религия

Лурье И. М. Эрмитажный папирус 1114 и социальные идеи, воплощённые в «ушебти».— «Вестник древней истории». 1949. № 4, с. 123—132.

Франк-Каменецкий И. Г. Памятники египетской религии в Фиванский период. Вып. 1—2. М. 1917—1918. (Культ.-ист. памятники Древнего Востока. Вып. 5—6.)

Budge E. A. W. [1] The Book of the Dead. An English transl. of the chapters, hymns etc. of the Theban recension, with introd., notes etc. 2 ed. rev. and enl. New York 1951.

Литература и искусство

Древнеегипетская повесть о двух братьях. Пер. и коммент. В. М.- Викентьева. М. 1917. (Культ.-ист. памятники Древнего Востока. Под общ. ред. Б. А. Тураева. Вып. 4.)

Матье М. Э. Искусство Нового царства XVI—XV веков до н. э. Л. 1947. (Гос. Эрмитаж. История искусств Древнего Востока. Т. 1. Древний Египет. Вып. 3.)

Матье М. Э. О периодизации истории амарнского искусства.— «Вестник древней истории». 1953. № 3, с. 212—223.

Источники

Коростовцев М. А. Декрет Сети I в Наури. В кн.: Исторический архив /Ин-та истории/ АН СССР. Т. 2. М.—Л. 1939, с. 239—287.

Струве В. В. Эрмитажная стела Ха-ремхеба.— «Ежегодник Рос. ин-та истории искусств». 1921. Т. 1. Вып. 2, с. 89—109.

Картер Г. и *Мейс А.* Тутанхамон. Гробница египетского фараона, открытая Карнарвоном и Картером. С прил. статей Н. Д. Флиттнер и Г. Штейндорфа. Пер. А. Г. Горнфельда. М.—Л. 1927.

Cerny J. Late Ramesside letters. Bruxelles 1939. (Bibl. Aegyptiaca. 9.)

Davies N. de G. The rock tomb of El-Amarna. Pt. 1—6. London 1903—1908. (Egypt exploration fund. Archaeological survey of Egypt. Memoir № 13—18.)

Davies N. de G. The tomb of Rekh-mi-re at Thebes. Vol. 1—2. New York 1943.

Edgerton W. F. and *Wilson J. A.* Historical records of Ramses III. The texts in Medinet Habu. Transl. with explan. notes. Vol. 1—2. Chicago 1936.

Erichsen W. Papyrus Harris. I. Text. Brussel 1933. (Bibl. Aegyptiaca. 5.)

Gardiner A. Late-Egyptian miscellanies. Bruxelles 1937. (Bibl. Aegyptiaca. 7.)

Gardiner A. H. The Wilbour papyrus. Ed. with comment., transl. and index. Vol. 1—4. New York 1941—1952.

Gardiner A. H. Ramesside administrative documents. London 1948.

Grapow H. Studien zu den Annalen Thutmosis des dritten und zu ihnen verwandten historischen Berichten des Neuen Reiches. Berlin 1949. (Abhandl. der Deutschen Akad. der Wissenschaften zu Berlin. Philosoph.-hist. Klasse. Jg. 1947. № 2.)

Holscher U. The excavation of Medinet Habu. Vol. 1—4. Chicago 1934—1951. (Univ. of Chicago. Orientalinst. publ. Vol. 21,41,54, 55.)

Peet T. E., Woolley C. L. and *Pendlebury J. D. S.* The city of Akhenaten. The excavations at Tell el-Amarna during the 1921—1922, 1926—1927 and 1931—1936. Vol. 1—3. London 1923—1951.

Sandman M. Texts from the time of Akhenaten. Bruxelles 1938. (Bibl. Aegyptiaca. 8.)

Sethe K. Urkunden der 18. Dynastic. Bd. 1—4. Leipzig 1905—1909. (Urkunden des aegyptischen Altertumskunde. Abt. 4. Hf. 1—16.)

К главе XXIII, разд. 1, 3, 4

Египет в XI—VI вв. до н. э.

Литература по истории и истории культуры

Евгенова В. И. О меновых отношениях ливийского времени в древнем Египте.— «Учёные записки /Ленингр. гос. ун-та/». 1941. № 78. Серия ист. наук. Вып. 9, с. 3—21.

Лурье И. М. Древнеегипетская плита с дарственной на землю.— «Эпиграфика Востока». 1951. Т. 5, с. 95—112.

Струве В. В. Списки Манефона царей Позднего Египта. В кн.: Язык и мышление. Т. 5. М.—Л. 1935, с. 103—123.

Францов Ю. П. Древнеегипетские сказки о верховных жрецах. В кн.: Советский фольклор. Т. 2—3. М.—Л. 1936, с. 159—231.

Францов Ю. П. Легенда о Бокхорисе у Геродота. В кн.: Язык и литература. Т. 2. Вып. 2. Л. 1927, с. 27—43.

Kienitz F. K. Die politische Geschichte Agyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. Berlin 1953. Реп.: В. В. Струве.— «Вестник древней истории». 1954. № 2 с. 108—111.

Spiegelberg W. Der Sagenkreis des Konigs Petubastis. Nach dem Strassburger Demotischen Papyrus sowie den Wiener und Pariser Bruchstucken herausgegeben. Leipzig 1910. (Demotische Studien. 3.)

Источники

Голенищев В. С. Гиератический папирус о путешествии Унуамона в Финикию. В кн.: Сборник в честь бар. В. Р. Розена.1897,с. 45—52.

[1] Также к разделу «Источники».

Тураев Б. А. Несколько египетских надписей. СПб. 1912.

Тураев Б. А. Papyrus Prachov. Собрания Б. А. Тураева. Фототип. воспроизведение с предисл. Б. А. Тураева. Л. 1927. (Гос. Акад. истории материальной культуры.)

Fakhry A. The Oasis of Siwa. Kairo 1950.

Montet P. Tanis. Douze annees de fouilles. Paris 1942.

Schafer H.[1] Urkunden der alteren Aethiopenkonige. Leipzig 1905. (Urkunden des agyp-tischen Altertums. Bd 3.)

К главе XXIII, разд. 2

Древняя Эфиопия

Литература по истории и источники

Кацнельсон И. С. Нубийское государство. «Доклады и сообщения Ист. фак-та /Моск. ун-та/». 1948. Вып. 8, с. 73—81.

Кацнельсон И. С. Проблемы исторического развития древнейшей Нубии.— «Вестник древней истории». 1948. № 2, с. 183—197.

Reisner G. A. Excavations at Kerma. Vol. 1—2. Cambridge, Mass. 1923. (Harvard African studies. Vol. 5—6.)

Save-Soderbergh T. Aegypten und Nubien. Ein Beitrag zur altagyptischen Aussenpolitik. Lund 1941. Рец.: И. С. Кацнельсон. — «Вестник древней истории». 1948. № 1, с. 130—133.

2. ИСТОРИЯ СТРАН ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

К части II, главам VI, VII; к части III, главам X, XI, XIII, XIV;
к части IV, главам XIX, XX, XXI, XXIII, XXIV

Литература и источники общего характера

Дьяконов И. М. О языках древней Передней Азии. — «Вопросы языкознания». 1954. № 5, с. 43—64.

Никольский Н. М. Община в древнем Двуречье.—«Вестник древней истории». 1938. № 4, с. 72—98.

Редер Д. Г. Военная демократия в странах Древнего Востока.— «Учёные записки /Моск. обл. пед. ин-та/». 1950. Т. 14. Кафедра истории древнего мира. Вып. 1, с. 117—127.

Contenau G. Manuel d'archeologie orientale depuis les origines jusqu'a 1'epoque d'Alexandre. Vol. 1—4. Paris 1927—1947.

Meissner B. Babylonien und Assyrien. Bd. 1—2. Heidelberg 1920—1925. (Kulturgeschichtliche Bibl. Reihe 1. Ethnologische Bibl. 3—4.)

Parrot A. Archeologie mesopotamienne. T. 1—2. Paris 1946—1953. Bibliogr.: p. 517— 522 (t. 1), p. 447—452 (t. 2).

Reallexikon der Assyriologie. Hrsg. von E. Ebeling und B. Meissner. Bd. 1—2. Berlin-Leipzig 1928—1938.

Schaeffer C. F. A. Stratigraphie comparee et chronologic de 1'Asie occidentale. London 1948.

Speiser E. A. Mesopotamian origins. The basic population of the Near East. Philadelphia—London 1930. Bibliogr., p. 178—190.

Speiser W- Vorderasiatische Kunst. Berlin 1952.

Библиографии

Ежегодные библиографии по истории стран Передней Азии публикуются в журн. «Orientalia» (Roma).

К главе VI

Древнейшие государства в Двуречье

Литература по истории и истории культуры

Дьяконов И. М. Государственный строй древнейшего Шумера.— «Вестник древней истории». 1952. № 2, с. 13-37.

Дьяконов И. М. К возникновению письменности в Двуречье. Две архаические таблетки Гос. Эрмитажа (Месопотамия 37—35 вв. до н. э.).—«Труды Отдела истории культуры и искусства Востока /Гос. Эрмитажа/». 1940. Т. 3, с. 27—48.

Дьяконов И. М. Купля-продажа земли в древнейшем Шумере. В кн.: Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция ассириологии. М. 1954, с. 5—29. На рус. и англ. яз.

Дьяконов И. М. О площади и составе населения шумерского «города-государства».— «Вестник древней истории». 1950. № 2, с. 77—93.

Дьяконов И. М. Реформы Урукагины в Лагаше.—«Вестник древней истории». 1951. № 1, с. 15—32.

Струве В. В. Рабство в древнейшем Су-мере.— «Изв. Гос. Акад. истории материальной культуры». 1934. Вып. 97, с. 5—36.

Тюменев А. И. Хозяйственный персонал храма Бау в Лагаше времени Урукагины.— «Вестник древней истории». 1948. № 1, с. 12—33.

Шилейко В. К. Вотивные надписи шумерийских правителей. Клинописные тексты памятников Южной Месопотамии Собрания Н. П. Лихачёва. Пг. 1915.

Deimel A. Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorganger. Roma 1931. (Analecta orientalia. 2.)

[1] Также к главе XXIII, разд. 2.

Источники

Никольский М. В. Документы хозяйственной отчётности древнейшей эпохи Халдеи. Из Собрания Н. П. Лихачёва. Ч. I. М. 1908. (Древности восточные. Т. 3.)

Christian V.[1] Altertumskunde des Zweistromlandes. Bd 1. Tafeln und Text. Leipzig 1940.

Deimel A. Die Inschriften von Fara. Bd. 1—3. Leipzig 1922—1924. (Wiss. Veroff. der Deutschen Orient-Gesellschaft. Bd. 43—45.)

Falkenstein A. Archaische Texte aus Uruk. Berlin 1936. (Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka Bd 2.)

Gadd C., Legrain L. and *Burrows E.* Ur excavations. Texts. Vol. 1—4. Oxford 1937— 1949. (Publ. of Joint expedition of the British museum and of the Univ. museum of Pennsylvania.)

Jacobsen Th.[2] The Sumerian king list. Chicago 1939. (Oriental inst. of the Univ. of Chicago. Assyriological studies. № 11.)

Lambert M. Textes commerciaux de Lagash. — «Revue d'assyriologie et d'archeologie orientale». 1953. Vol. 47. № 2, p. 57—69.

Thureau-Dangin F. Die sumerischen und akkadischen Konigsinschriften. Leipzig 1907. (Vorderasiatische Bibl. Bd 1. Abt. 1.)

Woolley Ch. L. Ur excavations. Vol. 1—5. Oxford 1927—1939. (Publ. of the Joint expedition of the British museum and of the Univ. museum of Pennsylvania.)

К главе VII

Двуречье в период господства Аккада и Ура

Литература по истории

Струве В. В. Значение сводок надзирателей отряда работников царского хозяйства III династии Ура.— В кн.: Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция ассириологии. М. 1954, с. 33—51. На рус. и англ. яз.

Струве В. В. Лагерь военнопленных женщин в Шумере конца III тысячелетия до н. э.— «Вестник древней истории». 1952. № 3, с. 12—25.

Струве В. В. Наёмный труд и сельская община в Южном Междуречье конца III тысячелетия до н. э.— «Вестник древней истории». 1952. № 3, с. 12—25.

Струве В. В. Новые данные об организации труда и социальной структуре общества Сумера эпохи III династии Ура.—«Советское востоковедение». 1949. Т. 6, с. 149—184.

Струве В. В. Общественный строй Южного Междуречья в эпоху III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.). В кн.: Академия наук СССР. Юбилейный сборник, посвящённый 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. М.— Л. 1947, с. 720—742.

Струве В. В. Рабовладельческая латифундия в Сумере III династии Ура. В кн.: С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. Л. 1934, с. 495—507.

Тюменев А. И. К вопросу о наёмном труде в царском хозяйстве времени III династии Ура.— «Вестник древней истории». 1950. № 1, с. 48—52.

Тюменев А. И. О форме земельных отношений по надписи обелиска Маништусу.— «Вестник древней истории». 1946. № 4, с. 33— 40.

Тюменев А. И. Производители материальных благ в царском хозяйстве времени III династии Ура.— «Вестник древней истории». 1954. № 1, с. 10—32.

Cameron G. G.[3] History of early Iran. Chicago 1936.

Contenau G. Contribution a 1'histoire economique d'Umma. Paris 1915.

Источники

Никольский М. В. Документы хозяйственной отчётности древней Халдеи из Собрания Н. П. Лихачёва. Ч. 2. М. 1915. (Древности восточные. Т. 5.)

Шилейко В. К. Ассириологические заметки.— «Записки Вост. отд-ния Рус. археол. о-ва». 1921. Т. 25, с. 1—4.

Genouillac H. Textes economiques d'Oumma de 1'epoque d'Our. Paris 1922. (Musee du Louvre. Depart, des antiquites orientales. Textes cuneiformes. T. 5.)

Parrot A. Tello. Vingt campagnes de fouilles (1877—1933). Paris 1948. Bibliogr., p. 319— 358.

К главе X

Вавилония во II тысячелетии до н. э.

Литература по истории

Никольский Н. М. Частное землевладение и частное землепользование в древнем Двуречье. (К истории вавилонско-ассирийского общества в III—I тысячелетиях до н. э.) Минск 1948.

Струве В. В. Датировка I вавилонской династии.— «Вестник древней истории». 1947. № 1, с. 9—35.

Driver G. R. and *Miles J. C.* The Babylonian laws. Vol. 1. Oxford 1953.

Koschaker P. Rechtsvergleichende Studien zur Gesetzgebung Hammurabis, Konig von Babylon. Leipzig 1917.

Landsberger B. Assyrische Konigsliste und «Dunkles Zeitalter».— «Journ. of cuneiform studies». 1954. Vol. 8. № 2, p. 47—73.

Leemans W. F. The Old-Babylonian merchant. His business and his social position. Leiden 1950.

[1] Также к главе VII.

[2] Также к главам VII и XI.

[3] Также к главе XXIV.

Parrot A. Mari. Une ville perdue. 4 ed. Paris 1948.

Steinmetzer F. Uber den Grundbesitz in Babylonien zur Kassitenzeit. Leipzig 1918. (Der Alte Orient. Jg. 19. Hf. 1—2.)

Источники

Дьяконов И. М. /ред./ Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. Пер. и коммент. под ред. И. М. Дьяконова. Ч. 1. Старовавилонские законы.— «Вестник древней истории». 1952. № 3, с. 199—303.

Рифтин А. П. Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. Л. 1937. (АН СССР. Ин-т истории.)

Archives royales de Mari. T. 1—5. Paris 1946—1953.

King L. W. Babylonian boundary-stones and memorial tablets in the British museum. London 1912.

King L. W. Chronicles concerning early Babylonian kings, including records of the early history of the Kassites and the Country of the sea. London 1907.

Klima J. Zakony Chammurapiho. Praha 1954.

Kohler J., Peiser F., Ungnad A. und *Koschaker P.* Hammurabi's Gesetz. Bd. 1—6. Leipzig 1904—1923.

Thureau-Dangin F. La correspondance de Hammurapi avec Samas-hasir.—«Revue d'assyriologie». 1924. T. 21, p. 1—58.

Ungnad A. Babylonische Briefe aus der-Zeit der Hammurapi-Dynastie. Leipzig 1914.

Библиографии

Klima J. Регулярные обзоры литературы по вавилонскому праву в журн.: «Archiv Orientalni» (Praha) и «Journ. of juristic papyrology» (Warszawa).

К главе XXII

Ново-Вавилонское царство

Литература ло истории и источники

Дьяконов И. М. /ред./ Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. Пер. и коммент. под ред. И. М. Дьяконова. Ч. 2, XII. (Нововавилонские судебные решения.)—«Вестник древней истории». 1952. № 4, с. 309— 311.

Ebeling E. Neubabylonische Briefe. Munchen 1949. (Abhandl. der Bayerischen Akad. der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse. Neue Folge. Hf. 30.)

Cardascia G. Les archives des Murasu, une famille d'hommes d'affaires Babyloniens a l'epoque Perse (455—403 av. J. C.). Paris 1951.

Kohler J. und *Peiser F.* Aus dem babylonischen Rechtsleben. Bd. 1-4. Leipzig 1890— 1898.

Koldewey R. Das wiederentstehende Babylon. Leipzig 1925.

Langdon S. Neubabylonische Konigsin-schriften. Leipzig 1912. (Vorderasiatische Bibl. Bd 4.)

Smith S. Babylonian historical texts relating to the fall of Babylon. London 1924.

Unger E. Babylon. Die heilige Stadt nach der Beschreibung der Babyloner. Berlin 1931.

К главе XI

Древнейшая Ассирия и Митанни

К главе XXI

Ассирийская держава

Литература по истории

Дьяконов И. М. Развитие земельных от-ношений в Ассирии. Л. 1949.

Andrae W. Das wiederentstehende Assur. Leipzig 1938.

Contenau G. La civilisation des Hittites et des Hurrites du Mitanni. Nouv. ed. rev. et augm. Paris 1948. (Bibl. historique.) Bibliogr., p. 7—8.

Landsberger B. Assyrische Handelskolonien in Kleinasion aus dem dritten Jahrtausend. Leipzig 1925. (Der Alte Orient. Jg. 24.)

Olmstead A. History of Assyria. New York 1923.

Smith S. Early history of Assyria to 1000 B. C. New York 1928.

Источники

Голенищев В. С. Описание ассирийских памятников Гос. Эрмитажа. СПб. 1897.

Дьяконов И. М. Вавилонское политическое сочинение VIII—VII вв. до н. э.— «Вестник древней истории». 1946. № 4, с. 41—53.

Дьяконов И. М. /ред./ Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. Пер. и коммент. под ред. И. М. Дьяконова. Ч. 2. § VI—VII. /Ассирийские законы./ — «Вестник древней истории». 1952. .№ 4, с. 205—253.

Botta E. P. et *Flandin E.* Monument de Ninive. T. 1—5. Paris 1847—1850.

Gadd C. J. The fail of Nineveh. Oxford 1923.

Gelb I. J. Two Assyrian king lists.—«Journ. of Near Eastern studies». 1954. Vol. 13. № 4 p. 209—230.

Johns C. H. W. Assyrian deeds and documents... Vol. 3—4. Cambridge, Mass. 1901—1923.

Klauber E Assyrisches Beamtentum nach Briefen aus der Sargonidenzeit. Leipzig 1910. (Leipziger Semitislische Studien. Bd 5. Hf. 3.)

Klauber E. Keilschriftbriefe. Staat und Gesellschaft in der babylonisch-assyrischen Briefliteratur. Leipzig 1911. (Der AIte Orient. Jg. 12. Hf. 12.)

Layard A. H. The monuments of Nineveh. Ser. 1—2. Chicago 1938.

Loud G. and *Altman Ch. B.* Khorsabad. Vol. 1—2. Cambridge, Mass. 1937—1939. (Univ. of Chicago. Orient, inst. publ. Vol. 38, 40.)

Luckenbill D. D. Ancient records of Assyria and Babylonia. Vol. 1—2. Chicago 1927. (Ancient records ser. Vol. 1.)

Paterson A. Assyrian sculptures. Palace of Senacherib. Hague. S. a.

Pfeiffer R. H. and *Speiser E. A.* One hundred new selected Nuzi texte. New Haven 1936.

Place V. Ninive et Assyrie. T. 1—2. Paris 1867—1870.

Poebel A. The Assyrian king list from Khorsabad.—«Journ. of Near Eastern studies». 1942. Vol. 1. № 3, p. 247—306; № 4, p. 460— 493.

Starr R. F. S. Nuzi. Report on the excavations at Yorgan Tepe near Kirkuk. Vol. 1— 2. Cambridge, Mass. 1937—1939.

Waterman L. Royal correspondence of the Assyrian empire. Vol. 1—4. Michigan 1930— 1936.

К главе VII, разд. 3; к главе X, разд. 5; к главе XXI, разд. 4; к главе XXII

Двуречье, Вавилония и Ассирия

Литература по истории культуры и религии

Гильгамеш. Вавилонский эпос. Введ. В. Шилейко. СПб. 1919.

Струве В. В. Диалог господина и раба «о смысле жизни». (По новому вавилонскому памятнику.) В кн.: Религия и общество. Сборник статей по изучению социальных основ религиозных явлений древнего мира. Л. 1926 с. 41—59.

Тюменев А. И. О предназначении людей по мифам древнего Двуречья.— «Вестник древней истории». 1948. № 4, с. 14—23.

Шилейко В. К. Из книги Edinna Usagga. Обрядовые песни. Пер. двух отрывков.— «Восток». 1924. № 4, с. 21—23.

Шилейко В. К. Из поэзии Вавилона. — «Восток». 1922. № 1, с. 7—14.

Шилейко В. К. Орёл и змея. (Из древневавилонской поэмы об Этане. Пер. отрывка.) — «Восток». 1924. № 4, с. 24—27.

Dhorme E. Les religions de Babylonie et d'Assyrie. Paris 1945. (Les anciennes religions orientales. T. 2. Pt 1.)

Jastrow M. Die Religion Babyloniens und Assyriens. Bd. 1—2. Giessen 1902—1907.

Kramer S. N. The epic of Gilgamesh and its Sumerian sources.— «Journ. of American Oriental society». 1944. Vol. 64. Pt 1, p. 7— 23.

Kramer S. N. Sumerian mythology. A study of spiritual and literary achievement in the third millenium B. C. Philadelphia 1944.

Meissner B. Die babylonisch-assyrische Literatur. Potsdam 1928.

Meissner B. Grundzuge dcr altbabylonischen Plastik. Grundzuge der mittel-und neubabylonischen und der assyrischen Plastik. Leipzig 1914—1915. (Der Alte Orient. Jg. 15. Hf. 1—2, 3—4.)

Thureau-Dangin F. Textes mathematiques babyloniens, transcrits et traduits. Leiden 1938.

К главе XIII

Малая Азия в период господства Хеттской державы

К главе XIX, разд. 6

Малая Азия после крушения Хеттской державы

Литература по истории, истории культуры и религии

Грозный Б. Хеттские народы и языки.— «Вестник древней истории». 1938. № 2 с 18— 33.

Дунаевская И. М. О характере и связях языков древней Малой Азии.—«Вопросы языкознания». 1954. № 6, с. 62—79.

Никольский Н. М. Реформа хеттского царя Телепина.—«Изв. АН Белорус. ССР». 1948. № 2, с. 51—57.

Струве В. В. О «гуманности» хеттских законов.— «Вестник древней истории». 1947. № 4, с. 10—20.

Струве В. В. Хеттское общество как тип военного рабовладельческого общества.—«Изв. Гос. Акад. истории материальной культуры». 1934. Вып. 97, с. 45—66.

Струве В. В. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота.— «Вестник древней истории». 1952. № 2, с. 60—78.

Delaporte L. Les Hittites. Paris 1936.

Dussaud R. Prelydiens, Hittites et Acheens. Paris 1953.

Dussaud R [1]. Les religions des Hittites et Hourrites, des Pheniciens et des Syriens. Paris 1945. (Les anciennes religions orientales. T. 2. Pt 2.)

Goetze A. Kleinasien zur Hethiterzeit. Heidelberg 1924.

Источники

Дьяконов И. М. /ред./ Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. Пер. и коммент. под ред. И. М. Дьяконова. Ч. 2. VIII—XI. /Хеттские законы. Пер. И. М. Дунаевской./ —«Вестник древней истории». 1952. № 4, с. 254—308.

[1] Также к главам XIV. XIX.

Меликишвили Г. А. Клинообразная надпись урартского царя Русы II из Адыльджеваза.— «Сообщения АН Груз. ССР». 1950. № 10, с. 683—690.

Boghazkoi Texte in Umschrift. Bd. 1— 2. Leipzig 1922—1926. (Wiss. Veroff. der Deutschen Orient-Gesellschaft. 41—42.)

Friedrich J. Aus dem hethitischen Schrifttum. Hf. 1—2. Leipzig 1925. (Der Alte Orient. Jg. 24.)

Hrozny B. Code hittite provenant de 1'Asie Mineuro (vers 1350 av. J. C.). Pt. 1. Paris 1922. (Hethitica. T. 1.)

Neufeld E. The Hittite laws. Transl. with comment. London 1951.

Weidner E. F. Politische Dokumente aus Kleinasien. Die Staatsvertrage in akkadischer Sprache aus dem Archiv von Boghazkoi. Vol. 1—2. Leipzig 1923.

Sardis. Publications of the American society for excavation of Sardis. /9 vols./ Leyden 1922—1932.

Библиографии

Masson 0. Epigraphie asianique. Bibliographic relative aux inscriptions lyciennes, cariennes, lydiennes et phrygiennes.—«Orientalia». 1954. Vol. 23. Fasc. 4, p. 439—442.

Schwartz B. The Hittites. A list of references in the New York Public library. New York 1939.

К главе XIV
Финикия, Палестина и Сирия во II тысячелетии до н. э.

К главе XIX
Средиземноморские страны Передней Азии и Аравия в первой половине I тысячелетия до н. э.

Литература и источники общего характера

Bossert H. Th. Altsyrien. Kunst und Handwerk in Cypern, Syrien, Palastina, Transjordanien und Arabien von den Anfangen bis zum volligen Aufgehen in der griechisch-romischen Kultur. Tubingen 1951.

Corpus inscriptionum semiticarum ab Aca-demia inscriptionum et litterarum humaniorum conditum atque digestum. Pars 1—4. Paris 1881—1952.

Knudtzon J. A. Die El-Amarna Tafeln. Bd. 1—2. Leipzig 1915.

Mercer S. The Tell el-Amarna tablets. Vol. 1—2. Toronto 1939.

К главе XIV, разд. 1, к главе XIX, разд. 4
Финикия

Литература по истории, истории культуры и религии

Гельцер М. Л. Классовая и политическая борьба в Библе Амарнского времени.— «Вестник древней истории». 1954. № 1, с. 33—39.

Гельцер М. Л. Материалы к изучению социальной структуры Угарита.—«Вестник древней истории». 1952. № 4, с. 28—37.

Гельцер М. Л. Новые данные о социальной структуре Угарита.—«Вестник древней истории». 1954. № 4, с. 72—74.

Никольский Н. М. Значение открытий в Рас-Шамре для истории Древнего Востока.— «Исторический журнал». 1944. № 7—8, с. 63— 75.

Никольский Н. М. Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов. Т. 1. Минск 1948. (АН БССР. Ин-т истории.) Рец.: В. В. Струве и А. И. Тюменев. —«Вестник древней истории». 1949. № 2, с. 131—151.

Тураев Б. А. Остатки финикийской литературы. СПб. 1913. (Сообщения Рос. Палестин. о-ва. Т. 13.)

Contenau G. La civilisation phenicienne. Nouv. ed. refondue. Paris 1949. (Bibl. historique.) Bibliogr., p. 297—310.

Weil R. La Phenicie et 1'Asie Occidentale (des origines a la conquete macedonienne). Paris 1939. (Coll. A. Colin. Sect. d'histoire et sciences economiques. № 221.)

Источники

Ванников И. Н. Эпитафия Ахирама Библ-ского в новом освещении.—«Вестник древней истории». 1952. № 4, с. 141—152.

Gelb I. J. Hittite hieroglyphic monuments. Chicago 1939. (Univ. of Chicago. Oriental inst. publ. Vol. 45.)

Gordon C. H. Ugaritic literature. A comprehensive translation of the poetic and prose texts. Roma 1949.

Dunand M. Fouilles de Byblos. T. 1. 1926— 1932. Texte. Paris 1939. (Bibl. archeologique et historique. T. 24.)

Schaffer C. F. A. The cuneiform texts of Ras-Shamra—Ugarit. T. 1. London 1939.

Библиографии

Schaffer C. F. A. Ugaritica. Etudes relatives aux decouvertes de Ras-Shamra. T. 1-2. Paris 1939—1949. (Mission de Ras-Shamra. T. 3, 5.)

К главе XIV , разд. 2, к главе XIX, разд. 2

Палестина

Литература по истории, истории культуры и религии

Амусин И. Д. Народ земли. (К вопросу о свободных земледельцах древней Передней Азии.)— «Вестник древней истории». 1955 № 2, с. 14—36.

Никольский Н. М. Древний Израиль. Популярные очерки истории евреев в научном освещении. Изд. 2, пересм. и доп. М. 1922.

Никольский Н. М. Кризис «критической» библеистики и задачи марксистской исторической науки.— «Учёные записки Белорус. гос. ун-та». 1939. Вып. 1, с. 3—66.

Ранович А. Б. Очерки истории древнеев-рейской религии. М. 1937.

Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. Пер. Д. Вольпина. М.—Л. 1931.

Lods A. Histoire de la litterature hebraique et juive depuis les origines jusqu'a la ruine de 1'etat juif (135 apres J.-C.). Paris 1950.

Noth M. Geschichte Israels. Gottingen 1950.

Источники

Albright W. F. The archaeology of Palestine. 3 ed. London—Baltimore /1954/.

Glueck N. The river Jordan. 3 ed. New Haven 1955.

Watzinger C. Denkmaler Palastinas. Bd. 1—2. Leipzig 1933—1935.

К главе XIV, разд. 3, к главе XIX, разд. 5

Сирия

Литература по истории

Бациева С. М. Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию.— «Вестник древней истории». 1953. № 2, с. 17—36.

Landsberger B. Sam'al. Ankara 1948.

Smith S. Alalah and chronology. London 1940.

Woolley Ch. L. A forgotten kingdom. Being a record of the results obtained from the excavation of two mounds Atchana and Al Mina. Melbourne 1953. (Pelican books. A. 261.)

Источники

Винников И. Н. Новые финикийские надписи из Киликии.— «Вестник древней истории». 1950. № 3, с. 86—97.

Ausgrabungen in Sendschirli. T. 1—4. Berlin 1893—1943. (Mitteilungen aus den Orientalischen Sammlungen der Museen zu Berlin. Hf. 11—15.)

Hogarth D. G. and *Woolley Ch. L.* Carchemish. T. 1—3. London 1914—1952.

К главе XIX, разд. 1

Аравия

Литература по истории и источники

Крачковская В. А. Историческое значение памятников южноарабской архитектуры.— «Советское востоковедение». 1947. № 4, с. 105—128.

Крачковский И. Ю. Новые материалы из Йемена.—«Библиография Востока». 1934. Т. 2—4, с. 8—9.

Нильсен Д. О древнеарабской культуре и религии.—«Вестник древней истории». 1938. № 3, с. 36—48.

Hitti Ph. K. History of the Arabs. London 1943.

Nielsen D., Hommel F. and *Rhodokanakis N.* Die altarabische Kultur. Kopenhagen 1927. (Handbuch der altarabischen Altertumskunde. Bd. 1.)

Ryckmans J. L'institution monarchiquo en Arabie Meridionale avant 1'Islam. (Ma'in et Saba.) Louvain 1951.

К главе XX, разд. 1, 2

Урарту. Племена Закавказья в период гегемонии Урарту

Литература по истории и истории культуры

Дьяконов И. М. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту.— «Вестник древней истории». 1952. № 1, с. 90—100.

Дьяконов И. М. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам.— «Вестник древней истории». 1951. № 2, с. 29—39.

Капанцян Г. А. Хайаса — колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван 1947 /1948/. (АН Арм. ССР. Ин-т истории.)

Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наири—Урарту. Тбилиси 1954. (АН Груз. ССР. Ин-т истории.)

Меликишвили Г. А. К вопросу о царских хозяйствах и рабах-пленниках в Урарту.— «Вестник древней истории». 1953. № 1, с. 22— 29.

Меликишвили Г. А. О происхождении грузинского народа. Тбилиси 1952.

Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван 1944.

Пиотровский Б. Б. О происхождении армянского народа. Ереван 1946. (АН Арм. ССР.)

И с т о ч н и к и

Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту.—«Вестник древней истории». 1951. № 2 с. 257—356; № 3, с. 207—252.

Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. /С транскрипцией, пер. и коммент./—«Вестник древней истории». 1953. № 1, с. 241—324; 1954. № 1, с. 179—256.

Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья с древнейших времён до I тысячелетия до н. э. Л. 1949. (АН СССР. Ин-т истории.)

Пиотровский Б. В. Кармир-блур. Т. 1—2. Результаты работ археологической экспедиции Ин-та истории Акад. наук СССР и Гос. Эрмитажа 1939—1950 годов. Ереван 1950—1952. (Археол. раскопки в Армении № 1, 2.)

Barnett R. The excavations of the British museum at Toprak Kale, near Van.—«Iraq». 1954. Vol. 26. Pt 1, p. 3—22.

Thureau-Dangin F. Une relation de la huitieme campagne de Sargon (714 avant J. C.). Texte assyrien inedit, publ. et trad. Paris 1912.

К главе XX, разд. 3

Киммерийцы и скифы

Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР. 1952 г.). М. 1954.

Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л. 1947.

Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. Вып. 1—3. Т. 2. Вып. 1—2. СПб. 1893—1900. Тексты и переводы. Рус. пер. текстов см. также в прил. к журн.: «Вестник древней истории» за 1947—1952 гг.

Пиотровский Б. Б. Скифы и Древний Восток. (Доклад на конференции по скифо-сарматской археологии.)—«Советская археология». 1954. Т. 19, с. 141—158.

К главе XXIV

Древнейший Иран и Средняя Азия

Л и т е р а т у р а п о и с т о р и и

Алиев И. О некоторых вопросах древнейшей истории мидийских племён.— «Труды Ин-та истории и философии /АН Азербайдж. ССР/». 1954. Т. 5, с. 156-183. Резюме на азербайдж. яз.

Дьяконов И. М. Первобытно-общинный строй на территории Мидии.— «Труды Ин-та истории и философии /АН Азербайдж. ССР/». 1954. Т. 5, с. 5—52. Резюме на азербайдж. яз.

Дьяконов М. М. История древнего Ирана. Автореферат,- «Вопросы истории». 1946. № 1, с. 130-139.

Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии. — «Советская археология». 1954. Т. 19, с. 121—140.

Тереножкин А. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда.—«Вестник древней истории». 1947. № 4, с. 127—135.

Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт ист.-археол. исследования. М. 1948. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Толстов С. П. По следам древнехорез-мийской цивилизации. М.—Л. 1948.

Ghirshman R. L'lran des erigines a 1'Islam. Paris 1951. (Bibl. historique.)

Herzfeld E. E. Archaeological history of Iran. London 1935.

Herzfeld E. E. Iran in the ancient East. Archaeological studies presented in the Lowell lectures at Boston. London 1941.

И с т о ч н и к и

Ackerman Ph. The Luristan bronzes. New York 1940. (Persian exhibition.)

Klauber E. Politisch-religiose Texte aus der Sargonidenzeit. Leipzig 1915.

Knudtzon J. A. Assyrische Gebete an den Sonnengott fur Staat und konigliches Haus aus der Zeit Assarhaddons und Assurbanipals. Leipzig 1893.

MacCown D. F. The comparative stratigraphy of early Iran. Chicago 1942. (Univ. of Chicago. Oriental inst. Studies in ancient Oriental civilization. № 23.)

3. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

К части III, главе XVI

Древнейшая Индия

К части IV, главе XXV

Древняя Индия в XV—VI вв. до н. э.

Л и т е р а т у р а п о и с т о р и и

Ильин Г.Ф. Вопрос об общественной формации в древней Индии в советской литературе.— «Вестник древней истории». 1950. №2, с. 174—178.

Осипов А. Краткий очерк истории Индии .-до X века. М. 1948.

Сулейкин Д. А. Основные вопросы периодизации истории древней Индии.— «Учёные записки Тихоокеанского ин-та». 1949. Т. 2. Индийский сборник, с. 177—192.

Данге С. А. Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя. Пер. с англ. А. М. Осипова. Предисл. А. М. Дьякова и А. М. Осипова. М. 1950.

Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. Пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой. Под ред. и с предисл. В. В. Струве. М. 1951. Библиогр., с. 138—142.

Неру Дж. Открытие Индии. Пур. с англ. под ред. В. Н. Мачавариани. М. 1955. Гл. 4.

Синха Н. К. и *Банерджи А. Ч.* История Индии. Пер. с англ. А. В. Степановой и др. Ред. и предисл. К. А. Антоновой. М. 1954.

The Cambridge history of India. Vol. 1. Rapson E. J. Ancient India. Cambridge 1922. Bibliogr., p. 653—696.

Dikshitar R. V. R. Pre-historic South India. Madras 1951.

The history and culture of the Indian people. Gen. ed. R. C. Majumdar. London 1951.

Piggot S. Prehistoric India to 1000 B. C. Harmondsworth 1950.

Sastri K. A. N. History of India. Pt 1. Ancient India. Madras 1950.

Sidhanta N. The heroic age of India. London — New York 1929.

Wheeler R. E. M. The Indus civilization. Cambridge, Mass. 1953. (The Cambridge history of India. Suppl. vol.)

Литература по истории культуры и религии

Ларин Б. Из области ведийской поэзии. Пер. отрывков из Риг-Веды.—«Восток». 1924. № 4, с. 46—57.

Овсянико-Куликовский Д. Н. Религия индусов в эпоху вед.—«Вестник Европы». 1892. Т. 2, с. 662—696; Т. 3, с. 217—242.

Струве В. В. Дешифровка протоиндийских письмен.— «Вестник АН СССР». 1947. № 8, с. 51—58.

Грозный Б. Протоиндийские письмена и их расшифровка.—«Вестник древней истории». 1940. № 2, с. 3—14.

Winternitz M. Geschichte der indischen Literatur. Bd. 1—2. Leipzig 1908—1920.

Renou L. Religions of ancient India. London 1953.

Источники

Махабхарата. Адипарва. Пер. с санскрита и коммент. В. И. Кальянова. Под ред. А. Н. Баранникова. М.—Л. 1950.

Mackay E. J. H. Chanhu-Daro excavations 1935—1936... New Haven 1943. (American Oriental series. Vol. 20.) Bibliogr., p. 265— 268.

Marshall J. Mohenjo-Daro and the Indus civilization. Being an official account of archaeological excavations. 1922—1927. Vol. 1—3. London 1931.

Muir G. Original Sanscrit texts on the origin and history of the people of India. Vol. 1—5. London 1858—1870.

Vats M. S. Excavations at Harappa. New Delhi 1940.

Библиографии

Annual bibliography of Indian archaeology. Leiden 1928.

Dandekar R. N. Vedic bibliography. Bombay 1946.

4. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

К части III, главе XVII

Древнейший Китай (до XII в. до н. э.)

К части IV, главе XXVI

Рабовладельческое общество Китая в XII—VI вв. до н. э.

Литература по истории и истории культуры

Бунаков Ю. Гадательные кости из Хэнани (Китай). Очерк истории и проблематики в связи с коллекцией ИКДП. М.—Л. 1935. (АН СССР. Труды Ин-та языка и мышления. Вып. 3.) Библиогр., с. 57—103.

Васильев В. П. Очерки по истории китайской литературы. СПб. 1880.

Георгиевский С. М. Мифические воззрения и мифы китайцев. СПб. 1892.

Георгиевский С. М. Первый период китайской истории (до императора Цинь-ши-Хуан-ди). СПб. б/г.

Думан Л. И. Очерки по древней истории Китая. Л. 1938. Литогр. изд.

Китай. История, экономика, культура. Героическая борьба за национальную независимость. Сборник статей под ред. В. М. Алексеева и др. М.—Л. 1940. (Ин-т востоковедения АН СССР.) Библиогр., с. 433—454.

Симоновская Л. Возникновение и развитие государства в древнем Китае (до III в. до н. э.). — «Исторический журнал». 1940. № 7,с. 71—83.

Симоновская Л. В. Вопросы периодизации древней истории.— «Вестник древней истории». 1950. № 1, с. 37—48.

Степугина Т. В. К вопросу о социально-экономических отношениях в Китае в XIV— XII вв. до н. э.—«Вестник древней истории». 1950. № 2, с. 56—76.

Мао Цзэ-дун. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая. В кн.: Избранные произведения. Т. 3. Пер. с кит. М. 1953, с.135—151.

Го Мо-жо. Бронзовый век. Пекин 1954. На кит. яз.

Го Мо-жо. Десять критических статей. Пекин 1954. На кит. яз.

Го Мо-жо. Изучение древнего общества Китая. Изд. 4. Шанхай 1951. На кит. яз.

Го Мо-жо. Эпоха рабства. Шанхай 1954. На кит. яз.

Люй Чжэнь-юй. История первобытного общества в Китае. Харбин 1949. На кит. яз.

Фань Вэнъ-лань. Общая история Китая. Т. 1. Пекин 1953. На кит. яз.

Хоу Вай-лу. История древнекитайского общества. Шанхай 1949. На кит. яз.

Шан Юэ. Общий курс истории Китая. Основные положения. Пекин 1954. На кит. яз.

Cordier H. Histoire generale de la Chine et de ses relations avec les pays etrangers, depuis les temps les plus anciens. T. 1. Paris 1920.

Creel H. G. The birth of China. A study of the formative period of Chinese civilization. London 1936.

Creel H. G. Studies in early Chinese culture. Wakefield, Mass. 1948.

Franke O. Geschichte des Chinesischen Reiches. T. 1, 3. Berlin 1930, 1937.

Karlgren B. Legends and cults in ancient China.— «Bull. of the Museum of Far Eastern antiquities». 1946. № 18, p. 199—365.

Lou Kan-jou. Histoire sociale de 1'epoque Tcheou. Paris 1935.

Maspero H. La Chine antique. Paris 1927. (Histoire du monde. T. 4.)

Maspero H. Melanges posthumes sur les religions et 1'histoire de la Chine. Vol. 3. Etudes historiques. Paris 1950.

Источники

Конфуциева летопись Чунь-цю. Пер. Н. Монастырёва (с литогр. прим.). СПб. 1876.

Новейшие археологические работы в Китайской Народной Республике. См. обзоры и рецензии в журн. «Вестник древней истории». 1949. № 4, с. 211—224; 1952. № 3, с. 156—164; 1954. № 1, с. 135—149; № 4, с. 133—143.

Го Бао-цзюнь. Раскопки Иньской столицы в Аньяне.—«Чжунго каогусюэбао». 1951. №5. На кит. яз.

Го Мо-жо. Изучение гадательных надписей. Пекин 1952. На кит. яз.

Го Мо-жо. Изучение надписей на металлических сосудах. Т. 1—3. Пекин 1954. На кит. яз.

Сыма. Цянь. Ши цзи. Исторические записки. Пекин 1934. (Двадцать пять династийных историй. Т. 1.) На кит. яз. Гл. 3, 4.

Ши цзин. Книга песен. Шанхай 1936. На кит. яз.

Шу цзин. Книга исторических преданий (или Книга документов). Шанхай 1936. На кит. яз.

Чунь цю Цзо чжуань. Летопись царства Лу и комментарий к ней. Шанхай 1936. На кит. яз.

Andersson J. G. Topographical and archaeological studies in the Far East. Stockholm. 1939. (Museum of Far Eastern antiquities. Bull. 11.)

Couvreur S. Tch'ouen Ts'iou et Tso Tchouan. La chronique de la principaute de L'ou. Transl. avec comment, par S. Couvreur. T. 1—3. Paris 1951.

Karlgren B. Yin and Chou in Chinese bronzes.— «Bull. of the Museum of Far Eastern antiquities». 1936. № 8, p. 9—156.

Karlgren B. Shi King researches.—«Bull. of the Museum of Far Eastern antiquities». 1932. № 4, p. 117—186.

Legge J. The Chinese classics, with a transl., critical and exegetical notes, prolegomena and copious indexes. Vol. 1—5. Oxford 1860— 1895.

Wieger L. Rudiments. Textes historiques. Vol. 1—3. Paris. S. a.

5. ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ И ИТАЛИИ ДО VI В. ДО Н. Э.

К части III, главе XV; к части IV, главам XXVII (разд. 2), XXVIII и XXIX

Литература общего характера

История древнего мира. М. 1937. Гл. 2—4, с. 50—145.

Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества. Л. 1951.

Сергеев В. С. История древней Греции. Изд. 2. М. 1948. Гл. 3—5, с. 62—125.

К главе XV

Ранние рабовладельческие государства в Эгейском бассейне

Литература по истории и истории культуры

Виппер Р. Ю. Древний Восток и эгейская культура. Изд. 2. М. 1916.

Тюменев А. И. К вопросу об этногенезе греческого народа.— «Вестник древней истории». 1953. № 4, с. 19—46; 1954. № 4, с. 41—51.

Георгиев В. Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей. София 1954.

Пендлбери Дж. Археология Крита. Пер. с англ. Я. М. Боровского. Общ. ред. и предисл. В. В. Струве. М. 1950.

Evans A. The palace of Minos. T. 1—4. London 1921—1935.

Glotz G. La civilisation egeenne. 3 ed. Paris 1952.

Kantor H. J. The Aegean and the Orient in the second millenium B. C. New York 1947. (Оттиск из: «American journal of archaeology». 1947. Vol. 51. № 1.)

Pernier L. e Banti L. Il palazzo minoico di Festos. Scavi e studi della missione archeologica italiana a Creta dal 1900 al 1950. Vol. 1—2. Roma 1935—1951.

Источники

Лурье С. Я. Опыт чтения пилосских надписей.— «Вестник древней истории». 1955. № 3, с. 8—36.

Furumark A. Agaische Texte in griechischer Sprache.—«Eranos». 1953. № 3—4, S. 103—120; 1954. № 1—2, S. 18—60.

Ventris M. and *Chadwick J.* Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives.— «Journ. of Hellenic studies». 1953. Vol. 73, p. 84—103.

К главе XXVII, разд. 2

Италия в первой половине I тысячелетия до н. э.

Литература ло истории и истории культуры

Залесский Н. Н. Процесс образования классов в этрусском обществе. Л. 1935.

Мюлленштейн Г. Историческое значение вопроса об этрусках.—«Вестник древней истории». 1938. № 4, с. 49—64.

Георгиев В. О происхождении этрусков.— «Вестник древней истории». 1952. № 4, с. 133—141.

Луццато Дж. Экономическая история Италии. Античность и средние века. Пер. с итал. М. Л. Абрамсон. Под ред. и с пред. С. Д. Сказкина. М. 1954.

Altheim F. Der Ursprung der Etrusker. Baden-Baden 1950.

Ducati P. Etruria antica. 2 ed. Vol. 1—2. Torino 1927.

Ducati P. Voci di Etruria. Bologna 1939.

Renard M. Initiation a 1'etruscologie. Bruxelles 1941.

Riips P. J. An introduction to Etruscan art. Copenhagen 1953.

Schachermeyer F. Etruskische Fruhgeschichte. Berlin 1929.

К главе XXVIII

Греция в XI—IX вв. до н. э.

К главе XXIX

Греция в VIII—VI вв. до н. э.

Литература по истории

Казаманова Л. Н. Рабовладение на Крите в VI—IV вв. до н. э.— «Вестник древней истории». 1952. № 3, с. 26—45.

Ленцман Я. А. Об историческом месте гомеровского рабства. — «Вестник древней истории». 1952. № 2, с. 38—59.

Ленцман Я. А. Послегомеровский эпос как источник для социально-экономической истории ранней Греции.— «Вестник древней истории». 1954. № 4, с. 52—71.

Лурье С. Я. История Греции. Ч. 1. С древнейших времён до образования Афинского морского союза. Л. 1940.

Тюменев А. И. Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Т. 1. Пг. 1920.

Олива П. К вопросу о возникновении и развитии эллинской народности в древней Греции.— «Вестник древней истории». 1954. № 1, с. 40—51.

Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd 1. Teil 1-2. Berlin—Leipzig 1924—1926.

Bengtson H. Griechische Geschichte. Munchen 1950.

Burn A. R. The world of Hesiod. London 1936.

Glotz. G. et *Cohen R.* Histoire grecque. T. 1. Paris 1948.

Hasebrock J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tubingen 1931.

Oliva P. Rana recka tyrannis. Praha 1954.

Seymour T. D. Life in the Homeric age. New York 1914.

Литература по истории культуры

Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М. 1953.

История греческой литературы. Под ред. С. И. Соболевского и др. Т. 1. М.—Л. 1946.

Маковельский А. Досократовская философия. Ч. 1. Казань 1918.

Гомперц Т. Греческие мыслители. Т. 1—2. Пер. с нем. Герцык Е. и Жуковского Д. СПб. 1911—1913.

Diels H. Die Fragmente der Vorsokratikyr. 6. verb. Aufl. Bd. 1—2. Berlin 1951—1952.

Источники

Гомер. Илиада. Пер. Н. И. Гнедича. М.—Л. 1935. То же, пер. В. Вересаева. М. 1949.

Гомер. Одиссея. Пер. В. А. Жуковского. М.—Л. 1935. То же, пер. П. А. Шуйского. Свердловск 1948.

Гомеровы гимны. Пер. В. Вересаева. М. 1926.

Гесиод. Работы и дни. Пер. В. Вересаева. М. 1927.

Эллинские поэты. Пер. с древнегреческого В. В. Вересаева. В кн.: *Вересаев В. В.* Сочинения. Т. 3. М. 1948, с. 259—404.

Геродот. История в девяти книгах. Пер., предисл. и указатель Ф. Г. Мищенко. Изд. 2, испр. и доп. Т. 1. М. 1888.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания (Тесей, Ликург, Солон). Пер. В. Алексеева. СПб. 1891.

Lorimer H. Homer and the monuments. London l950.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ [1]

[1] В существующей научной литературе имеется разнобой в написаниях древних имён и названий. В настоящем издании редакция пыталась проводить по возможности единообразную и последовательную систему транскрипции, стремясь приблизить её к подлинному произношению в пределах свойственных русскому языку звуков. В египетских именах, поскольку в них пока трудно в каждом отдельном случае установить действительное древнее произношение гласных, между согласными вставляется условный гласный «е» а слоги с так называемыми «слабыми» согласными «'» («гортанный взрыв») и «‘» («сдавленный голос»), «у», «и» заменяются условными гласными «а», «у», «и» (или «а»). Греческие и хеттские имена передаются, как правило в форме основы имени (кроме греческих имён на «-ис»). Древнекитайские имена даются в современном пекинском произношении.

Исключение делалось для некоторых названий и имён, прочно вошедших в русскую научную или художественную литературу в какой-либо иной форме. В таких случаях действительное произношение (а для египетских имён—условное произношение) приводится в скобках в самом тексте или в указателе.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

СПИСОК КАРТ [1]

[1] Названия областей и населённых пунктов даются на картах в форме, употребительной в тот период ив той стране, к которым относится парта, за исключением названий, вошедших в употребление в какой-либо иной (обычно греческой) форме. Нозднишие или современные названии даются в скобиах. Если местоположение населенного пункта установлено лишь преднология, оно обозначается квадратиком □) или после названия ставится анал вопроса. Развалины существовавших ранее городов обозначаются тремя точками (·.).

СПИСОК ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СПИСОК РИСУНКОВ НА ШМУЦТИТУЛАХ, В НАЧАЛЕ И В КОНЦЕ ГЛАВ [1]

[1] Орнаментальные заставки перед главами (кроме 1-й) сделаны на основании орнаментов той стоа-ны и периода, о которых говорится в соответствующей главе.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть II

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ
И ДРЕВНЕЙШИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА
В ДОЛИНЕ НИЛА И В ДВУРЕЧЬЕ (IV—III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.)